

Ирвинг Стоун. Муки и радости

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. МАСТЕРСКАЯ

1

Он сидел в спальне на втором этаже, смотрел в зеркало и рисовал свои худые, с резко проступавшими скулами щеки, плоский широкий лоб, сильно отодвинутые к затылку уши, спадающие к надбровью завитки черных волос, широко расставленные янтарного цвета глаза с тяжелыми веками.

"Как скверно у меня построена голова, - сосредоточенно размышлял тринадцатилетний мальчик. - Все не по правилам. Линия лба выступает вперед гораздо дальше рта и подбородка. Видно, кто-то забыл воспользоваться отвесом".

Он слегка подвинулся к краю кровати и, стараясь не разбудить четырех братьев, спавших тут же, за его спиной, наострил уши: с Виа делла Ангуиллара вот-вот должен был свистнуть ему приятель Граначчи. Быстрыми взмахами карандаша он принялся исправлять свой портрет - увеличил овалы глаз, придал округлую симметричность лбу, чуть раздвинул щеки, губы сделал полнее, а подбородок крупней и шире. "Вот теперь я выгляжу гораздо красивей, - решил мальчик. - Очень плохо, что лицо, если оно тебе уже дано, нельзя перерисовать, как перерисовывают планы фасада нашего собора - Дуомо".

Из высокого, в четыре аршина, окна, которое мальчик отворил, чтобы впустить свежий утренний воздух, послышались звуки птичьей песенки. Он спрятал рисунок под валиком кровати в изголовье и, бесшумно спустившись по каменной винтовой лестнице, вышел на мостовую.

Франческо Граначчи исполнилось уже девятнадцать лет; это был русоволосый юноша с бойкими голубыми глазами, ростом выше своего младшего друга на целую голову. Граначчи уже с год как снабжал мальчика карандашами и бумагой, не раз давал ему приют у себя дома, на Виа деи Бентаккорди, дарил ему гравюры, стянув их потихоньку в мастерской Гирландайо. Хотя Граначчи был из богатой семьи, его с девяти лет отдали в ученики к Филиппино Липпи, в тринадцать лет он позировал для центральной фигуры воскрешаемого юноши в фреске о "Чуде святого Петра" в церкви дель Кармине, - эту фреску Мазаччо оставил незаконченной, - теперь же Граначчи пребывал учеником у Гирландайо. К своим замыслам живописью Граначчи относился не слишком серьезно, но у него был острый глаз на чужие таланты.

- Ты в самом деле не струсил, пойдешь со мной? - нетерпеливо спросил Граначчи у вышедшего к нему приятеля.

- Да, это будет подарок, который я сделаю себе к дню рождения.

- Чудесно!

Граначчи взял мальчика под руку и повел его по Виа деи Бентаккорди, огибающей огромный выступ древнего Колизея; позади высились стены тюрьмы Стинке.

- Помни, что я говорил тебе насчет Доменико Гирландайо. Я состою у него в учениках уже пять лет и хорошо его знаю. Держись с ним как можно смиренней. Он любит, когда ученики оказывают ему почтение.

Они повернули уже на Виа Гибеллина, чуть выше Гибеллинских ворот, обозначавших черту второй городской стены. По левую сторону оставалась могучая каменная громада замка Барджелло с многоцветным каменным двором

правителя - подесты, затем, когда друзья, взяв правее, вышли на Виа дель Проконсоло, перед ними возник дворец Пацци. Мальчик провел ладонью по шершавым, грубо обтесанным камням стены.

- Не задерживайся! - подгонял его Граначчи. - Теперь самое удобное время, чтобы поговорить с Гирландайо, пока он не углубился в работу.

Торопливо отмеряя широкие шаги, друзья продвигались по узким переулкам, примыкавшим к улице Старых Кандалов; тут подряд шли дворцы с резными каменными лестницами, ведущими к дверям с глубоким навесом. Скоро друзья были уже на Виа дель Корсо; по правую руку от себя, сквозь узкий проход на улицу Тедалдини, они разглядели часть здания Дуомо, крытого красной черепицей, а пройдя еще квартал, увидели, уже с левой стороны, дворец Синьории - арки, окна и красновато-коричневую каменную башню, пронзающую нежную утреннюю голубизну флорентинского неба. Чтобы выйти к мастерской Гирландайо, надо было пересечь площадь Старого рынка, где перед прилавками мясников висели на крючьях свежие бычьи туши с широко раскрытыми, развороченными вплоть до позвоночника боками. Теперь друзьям оставалось миновать улицу Живописцев и выйти на угол Виа деи Таволини - отсюда они уже видели распахнутую дверь мастерской Гирландайо.

Микеланджело задержался на минуту, разглядывая Донателлову статую Святого Марка, стоящую в высокой нише на Орсанмикеле.

- Скульптура - самое великое из искусств! - воскликнул он, и голос его зазвенел от волнения.

Граначчи удивился: ведь они знакомы уже два года, и все это время друг скрывал от него свое пристрастие к скульптуре.

- Я с тобой не согласен, - спокойно заметил Граначчи. - И хватит тебе глазеть - дело не ждет!

Мальчик с трудом перевел дух, и вместе они переступили порог мастерской Гирландайо.

2

Мастерская представляла собой обширное, с высоким потолком, помещение. В нем остро пахло красками и толченым углем. Посредине стоял грубый дощатый стол, укрепленный на козлах, вокруг него сидело на скамейках с полдюжину молодых учеников с сонными лицами. В углу, около входа, какой-то подмастерье растирал краски в ступе, а вдоль стен были свалены картонки, оставшиеся от написанных фресок: "Тайной Вечери" в церкви Онисанти и "Призвания Первых Апостолов" в Сикстинской капелле в Риме.

В дальнем, самом уютном, углу сидел на деревянном возвышении мужчина лет сорока; в отличие от всей мастерской его широкий стол был в идеальном порядке - карандаши, кисти, альбомы лежали на нем один к одному, ножницы и другие инструменты висели на крючках, а позади, на полках вдоль стены, виднелись аккуратно расставленные тома украшенных рисунками рукописных книг.

Граначчи подошел к возвышению и встал перед учителем.

- Синьор Гирландайо, это Микеланджело, о котором я вам рассказывал.

Микеланджело почувствовал, что на него устремлен взгляд тех самых глаз, о которых говорили, что они видели и запоминали в одно мгновение гораздо больше, чем глаза любого другого художника в Италии. Мальчик тоже поднял свой взгляд: его глаза вонзились в Гирландайо, это были не глаза, а пара карандашей с серебряными остриями: они уже рисовали на воображаемом листе и лозу сидящего на помосте художника, и его васильковый кафтан, и красный плащ, наброшенный на плечи для защиты от мартовской стужи, и красный берет, и нервное, капризное лицо с полными пурпурными губами, и глубокие впадины на щеках, и сильные выступы скул под глазами, и пышные, разделенные прямым пробором черные волосы, спадающие до плеч, и длинные гибкие пальцы его правой руки, прижатой к горлу. Микеланджело припомнил слова Гирландайо, которые, как передавал Граначчи, он произнес несколько

дней назад:

"Прискорбно, что теперь, когда я начал постигать суть своего искусства, мне не дадут покрыть фресками весь пояс городских стен Флоренция!"

- Кто твой отец? - спросил Гирландайо.

- Лодовико ди Лионардо Буонарроти Симони.

- Слышал такого. Сколько тебе лет?

- Тринадцать.

- Мои ученики начинают в десять. Что ты делал последние три года?

- Тратил понапрасну время в школе у Франческо да Урбино, зубря латынь и греческий.

Углы темно-красных, как вино, губ Гирландайо дернулись - это означало, что ответ мальчика ему понравился.

- Умеешь ты рисовать?

- Я умею учиться.

Граначчи, горя желанием прийти на помощь другу, но несемая признаться, что он таскал потихоньку у Гирландайо гравюры и давал их перерисовывать Микеланджело, сказал:

- У него прекрасная рука. Он изрисовал все стены отцовского дома в Сеттиньяно. Там есть такой сатир...

- А, мастер по стенным росписям, - усмехнулся Гирландайо. - Соперник для меня на склоне лет.

Все чувства Микеланджело были в таком напряжении, что он принял слова Гирландайо всерьез.

- Я никогда не пробовал писать красками. Это не мое призвание.

Гирландайо что-то хотел сказать в ответ, но тут же поперхнулся.

- Я тебя мало знаю, но если говорить о скромности, то ты наделен ею в должной мере. Значит, ты не хочешь быть моим соперником не потому, что у тебя нет таланта, а потому, что равнодушен к краскам?

Микеланджело скорее почувствовал, чем услышал, как укоризненно вздохнул за его спиной Граначчи.

- Вы не так меня поняли.

- Ты говоришь, что тебе тринадцать лет, а посмотреть - так ты очень мал. Для тяжелой работы в мастерской ты выглядишь слишком хрупким.

- Чтобы рисовать, больших мускулов не требуется.

И тут Микеланджело понял, что его поддразнивают, а он отвечает совсем невпопад и к тому же повысил голос. Все ученики, повернув головы, уже прислушивались к разговору. Через минуту Гирландайо смягчился: у него, по сути, было отзывчивое сердце.

- Ну, прекрасно. Предположим, ты для меня делаешь рисунок. Что бы ты нарисовал?

Микеланджело оглядел мастерскую, пожирая ее взглядом, как деревенские парни на осеннем празднике вина пожирают виноград, засовывая его в рот целыми гроздьями.

- Могу нарисовать вот хоть вашу мастерскую!

Гирландайо пренебрежительно рассмеялся, словно бы найдя выход из неловкого положения.

- Граначчи, подай Буонарроти бумагу и угольный карандаш. А теперь, если вы ничего не имеете против, я снова примусь за свою работу.

Микеланджело сел на скамейку около двери, откуда мастерская была видна лучше всего, и приготовился рисовать. Граначчи не отходил от него ни на шаг.

- Зачем ты выбрал такую трудную тему? Не спеши, рисуй как можно медленней. Может, он и забудет о тебе...

Глаза и рука, трудясь, помогали друг другу, они выхватывали из просторного помещения мастерской и заносили на бумагу самое существенное: длинный дощатый стол посередине с сидящими по обе его стороны учениками, помост, на помосте возле окна Гирландайо, склоненного за работой. Только теперь, впервые с той минуты, как Микеланджело переступил порог мастерской, он начал дышать ровно и спокойно. Вдруг он почувствовал, что кто-то подошел и встал у него за спиной.

- Я еще не кончил, - сказал он.

- Хватит, больше не надо. - Гирландайо взял листок и минуту разглядывал его. - Не иначе как ты уже у кого-то учился. Не у Росселли?

Микеланджело знал, что Гирландайо давно питает неприязнь к Росселли,

своему единственному во Флоренции сопернику: у того тоже была художественная мастерская. Семь лет назад Гирландайо, Боттичелли и Росселли по приглашению папы Сикста Четвертого ездили в Рим расписывать стены только что отстроенной Сикстинской капеллы. Росселли добился расположения паны, угодив ему тем, что применял самую кричащую красную, самый яркий ультрамарин, золотил каждое облачко, каждую драпировку и дерево, - и таким путем завоевал столь желанную им денежную награду.

Мальчик отрицательно покачал головой:

- Я рисовал в школе Урбино, когда учитель отлучался с уроков, рисовал и с фресок Джотто в церкви Санта Кроче, и с фресок Мазаччо в церкви дель Кармине.

Потеплев, Гирландайо сказал:

- Граначчи говорит правду. Рука у тебя крепкая.

Микеланджело протянул свою ладонь прямо к лицу Гирландайо.

- Это рука каменотеса, - с гордостью сказал он.

- Каменотесы нам не нужны, у нас в мастерской пишут фрески. Я возьму тебя в ученики, но при условии, как если бы тебе было всего десять лет. Ты должен уплатить мне шесть флоринов за первый год...

- Я не могу вам уплатить ничего.

Гирландайо бросил на него пронзительный взгляд.

- Буонарроти - это не какие-нибудь бедные крестьяне. Если твой отец хочет, чтобы ты поступил в ученики...

- Мой отец порол меня всякий раз, как я заговаривал о живописи...

- Но я не могу тебя взять до тех пор, пока он не подпишет соглашения цеха докторов и аптекарей. И разве он не выпрет тебя снова, если ты заведешь разговор об ученичестве?

- Не выпрет. Ваше согласие взять меня послужит мне защитой. И к тому же вы будете платить ему шесть флоринов в первый год моего ученичества, восемь во второй и десять в третий.

Гирландайо широко раскрыл глаза:

- Это неслыханно! Платить деньги за то, чтобы ты соизволил учиться у меня!

- Тогда я не буду на вас работать. Иного выхода нет.

Услышав такой разговор, подмастерье, растиравший краски, оставил свое занятие и, помахивая пестиком, изумленно глядел через плечо на Гирландайо и Микеланджело. Ученики, сидевшие у стола, даже не притворялись, что работают. Хозяин мастерской и желающий поступить в ученики мальчишка словно бы поменялись ролями: дело теперь выглядело так, будто именно Гирландайо, нуждаясь в услугах Микеланджело, захотел поговорить с ним и позвал его к себе через посыльного. Микеланджело уже видел, как складывались губы Гирландайо, чтобы произнести решительное "нет". Он стоял не шелохнувшись, всем своим видом показывая и почтительность к старшему, и уважение к себе. Его устремленный в лицо Гирландайо взгляд словно бы говорил: "Вы должны взять меня в ученики. Вы не прогадаете на этом". Прояви он малейшую слабость и неуверенность, Гирландайо тут же повернулся бы к нему спиной. Но, наткнувшись на столь твердый отпор, художник почувствовал невольное восхищение. Он всегда старался поддержать свою репутацию обходительного, достойного любви человека и поэтому сказал:

- Совершенно очевидно, что без твоей бесценной помощи нам никогда не закончить росписей на хорах Торнабуони. Приведи ко мне своего отца.

На Виа деи Таволини, где с самого раннего часа суетились и толкались разносчики товаров и шел оживленный торг, Граначчи ласково обнял мальчика за плечи:

- Ты нарушил все правила приличия. Но ты добился своего!

Микеланджело улыбнулся другу так тепло, как редко улыбался, его янтарные глаза с желтыми и голубыми крапинками радостно блеснули. И эта улыбка сделала то, что так неуверенно нащупывал карандаш, когда мальчик рисовал себя перед зеркалом в спальне: раскрывшись в белозубой счастливой улыбке, его губы словно бы налились и пополнели, а подавшийся вперед подбородок оказался на одной линии со лбом и уже отвечал всем требованиям скульптурной симметрии.

Идти мимо родового дома поэта Данте Алигьери и каменной церкви Бадиа для Микеланджело было все равно что идти по музейной галерее, ибо тосканцы смотрят на камень с такой же нежностью, с какой любовник смотрит на свою возлюбленную. Со времен своих предков этрусков жители Фьезоле, Сеттиньяно и Флоренции ломали камень на склонах гор, перевозили его на волах вниз, в долины, тесали, гранили, создавая из него дома и дворцы, храмы и лоджии, башни и крепостные стены. Камень был одним из богатейших плодов тосканской земли. С детских лет каждый тосканец знал, каков камень на ощупь, как он пахнет с поверхности и как пахнет его внутренняя толща, как он ведет себя на солнцепеке, как под дождем, как при свете луны, как под ледяным ветром трамонтана. В течение полутора тысяч лет жители Тосканы трудились, добывая местный светлый камень - *pietra serena*, и возвели из него город такой удивительной, захватывающей дух красоты, что Микеланджело, как и многие поколения флорентинцев до него, восклицал: "Как бы я мог жить, не видя Дуомо!"

Друзья дошли до столярной мастерской, занимавшей нижний этаж дома на Виа делла Ангуиллара, в котором жило семейство Буонарроти.

- До скорого свидания, как сказала лисичка меховщику! - усмехнулся Граначчи.

- О, с меня наверняка спустят шкуру, но, не в пример лисичке, я останусь живым, - мрачно ответил Микеланджело.

Он завернул за угол Виа деи Бентаккорди, помахал рукой двум лошадям, высунувшим головы из дверей конюшни на другой стороне улицы, и по черной лестнице пробрался домой, на кухню.

Мачеха стряпала здесь свое любимое блюдо *torta* - кулебяку. С раннего утра цыплята, зажаренные в масле, были изрублены в фарш, куда добавлялись лук, петрушка, яйца и шафран. Затем из ветчины с сыром, крупчаткой, имбирем и гвоздикой готовились равиоли - пирожки наподобие пельменей, - которые укладывались в цыплячий фарш вместе со слоями фиников и миндаля и аккуратно завертывались в тесто. Всему изделию придавалась форма пирога - его надо было лишь испечь, поместив на горячие угли.

- Доброе утро, *madre mia*.

- А, Микеланджело! У меня для тебя сегодня приготовлено что-то особенное - такой салат, что слюнки потекут.

Полное имя Лукреции ди Антонио ди Сандро Убальдини да Гальяно занимало на бумаге куда больше места, чем список ее приданого, иначе зачем бы такой молодой женщиной выходить замуж за сорокатрехлетнего сидящего вдовца с пятью сыновьями и стряпать на девятерых человек, составлявших семейство Буонарроти?

Каждое утро она вставала в четыре часа и шла на рынок, стараясь поспеть к тому времени, когда на мощенных булыжником улицах начинали громыхать крестьянские повозки, наполненные свежими овощами и фруктами, яйцами и сырами, мясом и птицей. Если она и не помогала крестьянам разгрузиться, то облегчала кладь, выбирая себе товар прежде, чем он попадет на прилавок, - тут были самые нежные, сладкие бобы и *piselli* - горошек в стручках, превосходные, без малейшего изъяна, фиги и персики.

И Микеланджело, и его четыре брата звали свою мачеху *la Migliore*, Несравненной, ибо все, что поступало к ней на кухонный стол, должно было быть только самым лучшим, несравненным. К рассвету она уже возвращалась домой, ее корзинки были полны добычи. Она не заботилась о том, как она одета, и не обращала никакого внимания на свое простое, смуглое лицо с еле заметным пушком на щеках и верхней губе и тусклыми, гладко зачесанными к затылку волосами. Но когда она ставила на уголья свою кулебяку и, вся раздумываясь, с волнением в глазах, важно и в то же время грациозно ступала, идя от очага к глиняным кувшинам с пряностями, чтобы взять гореть корицы или мускатных орехов и присыпать ими корочку пирога, когда любое ее движение говорило, что для нее драгоценна каждая минута этого утра и что все у нее рассчитано до тонкости, тогда Микеланджело казалось, что она излучает сияние.

Микеланджело прекрасно знал, что мачеха была послушнейшим существом в семействе до тех пор, пока дело не касалось кухни: тут она превращалась в драчливую львицу, словно олицетворяя собой воинственного Мардзокко, геральдического льва республики. В богатую Флоренцию со всего света текли разнообразнейшие заморские редкие товары и пряности – алоэ, желтый имбирь, кардамон, тимьян, майоран, грибы, трюфели, молотый орех, калган. Увы, все это требовало денег! Микеланджело, спавший вместе с четверьмя своими братьями в комнате рядом со спальней родителей, не раз слышал, как еще до рассвета отец и мачеха, одевавшаяся к выходу на рынок, бранились друг с другом.

- Послушать тебя, так каждый день тебе нужен бочонок сельдей и не меньше тысячи апельсинов!

- Брось же скаредничать и выгадывать на корках от сыра, Лодовико. Тебе бы только складывать деньги в кошелек, а семья ходи с пустым брюхом.

- С пустым брюхом! Да ни один Буонарроти еще ни разу не оставался без обеда вот уже триста лет. Разве я не привожу тебе каждую неделю но телянку из Сеттиньяно?

- А почему мы должны каждый божий день есть одну телятину, когда на рынке полно молочных поросят и голубей?

В те дни, когда Лодовико приходилось сдаваться, он хмуро листал свои приходо-расходные книги, проникаясь уверенностью, что никогда уже не позволит себе съесть хотя бы кусок браманджере: ведь птица, миндаль, свиное сало, сахар, гвоздика и дявольски дорогой рис, закупаемые для этого блюда его легкомысленной супругой, разорили семейство вконец. Но как только соблазнительные запахи из-под кухонной двери начинали прокрадываться через гостиную в его кабинет, он забывал свои страхи и дурные предчувствия, забывал свой недавний гнев, и к одиннадцати часам утра у него пробуждался зверский аппетит.

Лодовико поглощал сытнейший обед, отодвигал стул от стола, растопыренными пальцами хлопал себя по вздувшемуся животу и произносил ту сакраментальную фразу, без которой прожитый день казался тосканцу тусклым и бесцельным:

- Ну и хорошо же я поел!

Выслушав столь лестное для себя признание, Лукреция прятала остатки обеда, чтобы сохранить их для сравнительно легкого ужина, приказывала служанке вымыть тарелки и горшки, затем шла к себе и спала до самого вечера: ее день был закончен, все его радости исчерпаны.

Иное дело Лодовико: весь крут его утренних размышлений и последующего грехопадения повторялся в обратном порядке. По мере того как время шло, а пища переваривалась и соблазнительные запахи выветривались из памяти, его опять начинали грызть тягостные мысли о дороговизне изысканного обеда, и он снова впадал в мрачную ярость.

Микеланджело прошел через пустую общую комнату с тяжелой дубовой скамьей перед камином, около которого у стены стояли воздуходувные мехи и несколько кресел с кожаными спинками и сиденьями: все эти чудесные вещи некогда смастерил своими руками родоначальник семейства Буонарроти. Рядом с этой комнатой, выходя окнами тоже на Виа деи Бентаккорди и на конюшни, был расположен кабинет отца: заполняя острый, в сорок пять градусов, угол кабинета, – ибо именно под таким углом тут, у каменного изгиба Колизея, пересекались улицы, – стоял треугольный стол, сделанный на заказ в столярной мастерской этажом ниже. Лодовико сидел за этим столом и терзался над своими пожелтевшими от старости пергаментными счетными книгами. Сколько Микеланджело помнил, единственным делом отца было раздумывать о том, как избежать лишних затрат и убытков и как сберечь жалкие клочки родового имения, основанного в 1250 году; от него оставалось теперь лишь четыре десятины земли в Сеттиньяно да городской дом. Дом этот находился неподалеку отсюда, права Лодовико на него юристы оспаривали, и семья жила в наемной квартире.

Услышав шаги сына, Лодовико поднял глаза. Природа щедро одарила Лодовико лишь одним даром – пышными волосами: их обилие позволило ему отпустить великолепные усы, сливавшиеся с широкой, падавшей на грудь бородой. Седина уже заметно тронула голову Лодовико, лоб его прорезали четыре глубокие морщины – следы долгих и тяжких дум над счетными книгами и фамильными документами. В маленьких карих глазах проглядывала тоска по

утраченному богатству рода Буонарроти. Микеланджело знал, что отец его принадлежит к тем осторожнейшим людям, которые запирают дверь сразу на три ключа.

- Доброе утро, messer padre.

Лодовико тяжело вздохнул:

- Я родился слишком поздно. Сотню лет назад Буонарроти перевязывали свои виноградники колбасами.

Микеланджело ждал, что он еще скажет, но отец вновь погрузился в мечтательные раздумья, перебирая фамильные финансовые бумаги, этот Ветхий завет всей своей жизни. Лодовико подсчитывал до последнего флорина, сколько именно извлекало дохода каждое поколение Буонарроти из принадлежавших земель, домов, различных предприятий и денежных капиталов. История рода стала поистине специальностью Лодовико, все семейные легенды и предания он хотел вбить в головы и своим сыновьям.

- Мы - знатные горожане, - говорил им Лодовико. - Наш род столь же древен, как Медичи, Строцци или Торнабуони. Фамилию Буонарроти мы носим уже три сотни лет. - Голос его наполнялся горделивой энергией. - Триста лет мы платим налоги Флоренции.

Микеланджело запрещалось сидеть в присутствии отца без особого на то разрешения; выслушав какое-либо приказание, он должен был всякий раз кланяться. Скорей по обязанности, чем из интереса, он постепенно узнал, что в середине тринадцатого века, когда гвельфы захватили власть во Флоренции, род Буонарроти быстро возвысился: в 1260 году один из Буонарроти был советником при армии гвельфов; другой Буонарроти в 1392 году был даже предводителем гвельфов; с 1343 по 1469 год род Буонарроти десять раз давал членов флорентийской коллегии приоров или городского совета - это были самые почетные посты в городе; между 1326 и 1475 годами восемь Буонарроти служили гонфалоньерами или старшинами квартала Санта Кроче; между 1375 и 1473 годами еще двенадцать Буонарроти числились среди *bionimini*, советников этого квартала, включая самого Лодовико и его брата Франческо, назначенных в совет в 1473 году. Последнее официальное назначение, которым был отмечен увядающий род Буонарроти, состоялось тринадцать лет назад, в 1474 году, когда Лодовико получил пост подесты, или управляющего, двух городков - Капрезе и Кьюзи ди Верна, расположенных в суровых Апеннинских горах. Там, в городской ратуше, где шесть месяцев жила семья Лодовико, и родился Микеланджело.

Отец внушал Микеланджело, что труд - низкое занятие для благородного горожанина, и сам мальчик видел, что все старания Лодовико были направлены к тому, чтобы не тратить денег, а не к тому, чтобы их заработать. В руках Лодовико еще были кое-какие средства, дававшие ему возможность жить как благородному человеку, но лишь при условии - не тратить лишнего. И однако, несмотря на всю изворотливость Лодовико и его решимость придерживаться этого правила, родовой капитал, иссякая капля по капле, был на исходе.

Стоя в углублении стены подле высокого окна и чувствуя, как нежные лучи мартовского солнца греют его худые плечи, мальчик мысленно перенесся в старый дом в Сеттиньяно, стоявший над долиной Арно, к тем временам, когда была жива его мать. Все тогда дышало у них любовью и весельем, но мать умерла, когда Микеланджело было шесть лет, и мрачный, погруженный в горькие думы отец с отчаяния укрылся в своем кабинете. Домом в течение четырех лет управляла тетка Кассандра, и одинокий мальчик был никому не нужен, кроме бабушки монны Алессандры да семейства знакомого каменотеса: тот жил поблизости, за холмом, его жена в свое время кормила Микеланджело грудью, когда мать заболела и лишилась молока.

Все эти четыре года, пока отец не женился во второй раз и Лукреция не настояла на переезде во Флоренцию, мальчик при первом удобном случае убегал в семейство Тополино. Он шагал по полю пшеницы, потом среди серебристо-зеленых олив, перебирался через ручей, служивший границей участка, и, поднявшись на холм, виноградниками спускался вниз, во двор каменотеса. Здесь он молча садился на место и принимался тесать светлый камень, добываемый в соседней каменоломне; обтесанные глыбы этого камня шли на постройку нового дворца во Флоренции. Словно бы заглушая тоскливое чувство одиночества, ребенок бил по камню точными, размеренными ударами, к которым был приучен здесь с самого раннего возраста, когда каменотес дал ему в руки, как давал своим собственным сыновьям, маленький молоток и

острое стальное зубило.

Усилием воли Микеланджело заставил себя подавить воспоминание: покинув двор каменотеса в Сеттиньяно, мальчик вернулся к действительности, в каменный дом на Виа делль Ангуиллара.

- Отец, я только что был в мастерской Доменико Гирландайо. Он согласен взять меня в ученики.

4

Наступила тревожная, бьющая по нервам тишина, и Микеланджело услышал, как на той стороне улицы, в конюшне, заржала лошадь, как ворошит угли в очаге на кухне Лукреция. Опершись обеими руками, Лодовико поднялся с кресла и грозно шагнул к мальчику. Это необъяснимое желание сына сделаться ремесленником может стать последним толчком, который ввергнет пошатнувшийся род Буонарроти в бездну!

- Микеланджело, я сожалею, что вынужден отдать тебя учиться в цех шерстяников, где ты станешь скорей купцом, чем человеком благородного образа жизни. Но ведь я послал тебя в хорошую школу, из последних средств платил за твое учение большие деньги, и все лишь для того, чтобы ты получил образование и завоевал себе видное место в цехе. Потом у тебя будут свои собственные мастерские и лавки. Ведь именно так начинали первейшие богачи Флоренции, даже сами Медичи.

Голос Лодовико зазвенел еще тверже:

- Неужели ты думаешь, что я позволю тебе погубить свою жизнь и стать художником? Опозорить наш род? Ведь за триста лет еще ни один Буонарроти не докатился до того, чтобы зарабатывать на хлеб собственными руками.

- Это верно, - сердито ответил мальчик. - Мы ведь ростовщики.

- Мы принадлежим к цеху денежных менял, одному из самых уважаемых цехов во Флоренции. Давать деньги в рост - это почетное занятие.

Микеланджело почувствовал, что самое лучшее для него сейчас сказать что-нибудь смешное.

- Видали ли вы, как дядя Франческо свертывает свою лавочку возле Орсанмикеле, когда начинается дождь? Такой ловкой работы руками больше нигде не увидишь.

Едва Микеланджело помянул дядю Франческо, как тот сам вошел в кабинет. Ростом Франческо был крупнее Лодовико, в выражении лица у него сквозила куда большая бодрость, чем у брата, - он как бы являл собою деятельную, рабочую половину семейства Буонарроти. Два года назад он отделился от Лодовико, сколотил немалое состояние, купил несколько домов и зажил на широкую ногу; потом его втянули в разорительные денежные операции с иностранцами, он потерял все и должен был возвратиться в дом брата. А ныне, как только в городе начинался дождь, он снимал со своего складного столика бархатную скатерть и, подхватив мешок: с монетами, стоявший у него на земле между ног, бежал по мокрым улицам к приятелю, закройщику Аматоре, который разрешал ему разместиться с меняльным столиком у себя под навесом.

Голос у дяди Франческо звучал хрипло.

- Микеланджело, ты еще столь зелен, что не видишь вороны в чашке молока, - сказал он племяннику. - Неужели тебе доставляет удовольствие унижать род Буонарроти?

Мальчик пришел в ярость.

- Я горжусь своим родом не меньше, чем вы оба. Но почему я не имею права учиться и исполнять прекрасную работу, которой гордилась бы вся Флоренция, как она гордится дверями Гиберти, статуями Донателло и фресками Гирландайо? Флоренция - хороший город для художника.

Лодовико положил руку на плечо мальчика, назвав его ласкательным именем - Микеланьоло. Из всех пяти сыновей это был его любимый сын, на него он возлагал самые светлые свои надежды: именно поэтому Лодовико нашел в себе мужество целых три года платить за учение мальчика в школе Урбино. Учитель

был слишком горд, чтобы сообщить отцу, что его сын, с виду столь смысленный, больше рисует в своей тетрадке, чем заучивает тексты из греческих и латинских манускриптов. Что же касается логики, то у мальчика были собственные правила, опровергнуть которые Урбино не мог при всем своем красноречии.

- Микеланджело, все, что ты говоришь насчет художников, сплошная глупость. Мне бы надо просто побить тебя, чтобы ты набрался разума. Но тебе уже тринадцать лет; я платил деньги за то, чтобы тебя учили логике, и я хочу теперь убедиться, как ты с нею ладишь. Гиберти и Донателло начали свою жизнь ремесленниками, ремесленниками они ее и кончили. Тем же кончит и Гирландайо. Такая работа не возвысит человека в обществе ни на один локоть, а твой Донателло под старость столь обнищал, что Козимо де Медичи пришлось из милости назначить ему пенсию.

Услышав это, мальчик вспыхнул.

- Донателло разорился потому, что держал свои деньги в проволочной корзинке, подвешенной к потолку, и из нее брали все его друзья и помощники, когда им было надо. А Гирландайо уже и теперь почти что богатый человек.

- Заниматься искусством - все равно что мыть ослу голову щелоком, - сказал Франческо, вставляя поговорку, ибо сея тосканская мудрость была целиком вплетена в поговорки. - Пропадут попусту и труд и щелок. Каждый надеется, что в его руках и булыжник обернется чистым золотом. Напрасная мечта!

- А у меня нет другой мечты! - воскликнул Микеланджело. Он повернулся к отцу: - Лиши меня искусства, и во мне ничего не останется, я буду пуст, как гнилой орех.

- А я-то всем говорил, что мой Микеланджело сделает род Буонарроти вновь богатым! - кричал Лодовико. - Уж лучше бы мне об этом и не заикаться. Но я из тебя этот плебейский дух вышибу!

И, оттопырив локоть, он начал правой рукой, как палкой, колотить мальчика по голове. Желая помочь воспитанию племянника, который мог свихнуться в эти опасные годы, Франческо тоже отвесил ему несколько тяжелых затрещин.

Микеланджело пригибался и покорно втягивал голову в плечи, как животное, застигнутое бурей. Вырваться и бежать прочь не было смысла, ведь разговаривать с отцом пришлось бы снова не сегодня, так завтра. Все время он твердил про себя слова, которые любила повторять ему бабушка: "Терпи! Когда рождается человек, с ним рождается и его работа".

Краешком глаза он увидел, что в дверь кабинета вломилась тетя Кассандра - тучная, раздувшаяся, как тесто на опаре, женщина. Широкая кость, пышные бедра, груди и ягодицы, басистый, вполне под стать ее дородности, голос не делали, однако, тетю Кассандру счастливой. Заботиться о счастье других она тоже не считала нужным. "Счастье, - твердила она, - бывает только на том свете".

Густой, утробный голос Кассандры, требовавшей объяснить ей, что происходит, отдавался в ушах Микеланджело гораздо сильнее, чем оплеухи ее мужа. Но вдруг все крики и удары оборвались, и мальчик понял, что в комнату вошла бабушка. По-старушечьи одетая во все черное, с чудесно изваянной головой, хотя, пожалуй, и некрасивая, бабушка применяла свою родительскую власть только в минуты острых семейных раздоров. Лодовико не любил ее обижать. Он сразу отошел в сторону и тяжело опустил в свое кресло.

- Ну, спор, можно сказать, копчен, - сказал он. - Я воспитал тебя, Микеланджело, не затем, чтобы ты заносился и мечтал о чем-то великом, - тебе надо лишь наживать деньги и поддерживать честь рода Буонарроти. Не вздумай еще раз заговорить о каком-то там ученичестве у художников!

Микеланджело был рад тому, что мачеха усердно хлопотала над своей кулебякой и не могла отлучиться из кухни: в комнату отца и без того набилось слишком много зрителей.

Монна Алессандра сказала, обращаясь к Лодовико, сидевшему у стола:

- Пойдет ли мальчик в цех шерстяников и будет сучить там пряжу или вступит в цех аптекарей и будет смешивать краски - какая разница? Ведь на те деньги, которые останутся от тебя, не прокормить даже пятерых гусей, не то что пятерых сыновей. - Старуха говорила это без всякого упрека: она

хорошо знала, что причиной разорения семьи послужили опрометчивость и неудачи ее покойного мужа, Лионардо Буонарроти. – Всем пятерым твоим сыновьям, Лодовико, надо где-то пристраиваться: пусть Лионардо идет в монастырь, если он хочет, а Микеланджело в мастерскую к художнику. Раз мы не можем им помочь, то зачем же мешать?

– Я пойду в ученики к Гирландайо, отец. Вам надо подписать соглашение. Это будет на благо всей семьи.

Лодовико недоуменно посмотрел на сына. Неужели в него вселился злой дух? Уж не отвезти ли мальчишку в Арецио, чтобы изгнать этого духа?

– Микеланджело, ты несешь такую чушь, что внутри у меня все переворачивается от злости. – И тут Лодовико привел последний, решающий довод: – Ведь у нас нет ни единого скудо, а за ученичество у Гирландайо надо платить.

Это была минута, которой Микеланджело давно ждал. Он сказал тихо и мягко:

– Никаких денег не потребуется, padre. Гирландайо согласен, если я буду у него учиться, платить деньги вам.

– Платить мне! – подался вперед Лодовико. – Почему он должен платить лишь за то, что ты соизволишь у него учиться?

– Потому что он считает, что у меня крепкая рука.

Откинувшись на спинку кресла, Лодовико долго хранил молчание.

– Если господь не поддержит нас, – сказал он наконец, – мы будем нищими. Право, не могу понять, в кого ты такой вышел? Уж конечно, не в Буонарроти. Видно, порча идет от твоей матери. Тут кровь Ручеллаи!

Он произнес эту фамилию с такой гримасой, будто выплюнул кусок червивого яблока. Микеланджело еще не слышал, чтобы в доме Буонарроти когда-нибудь называли вслух род его матери. А Лодовико сразу же перекрестился, видимо, больше от растерянности, чем из благочестия.

– Воистину я одержал столько побед над собою, сколько не одерживал ни один святой!

5

Боттега Доменико Гирландайо была самой многолюдной и самой процветающей во всей Италии. Помимо двадцати пяти фресок, которые надо было написать на хорах Торнабуони в церкви Санта Мария Новелла в оставшиеся два года из условленных пяти, Гирландайо заключил контракт еще на фреску "Поклонение волхвов" для Воспитательного дома и на мозаику для портала кафедрального собора. Несколько раз в неделю художник отправлялся верхом в соседний город, где его просили написать небольшой запрестольный образ для герцогского дворца. Никогда не искавший заказов, Гирландайо не умел от них и отказываться. В первый же день, как Микеланджело приступил к учению в мастерской, Гирландайо сказал ему:

– Если тебе принесет крестьянка простую корзину и попросит раскрасить ее, приложи к работе все старание: как эта работа ни скромна, но по-своему столь же серьезна, сколь и роспись стены во дворце.

Мастерская показалась Микеланджело очень шумной, но, несмотря на суету, все работавшие в ней относились друг к другу доброжелательно. Надзирал за учениками Себастьяно Майнарди, мужчина двадцати восьми лет. У него были длинные черные волосы, постриженные в точности так, как постригался Гирландайо, бледное длинное лицо, острый хрящеватый нос, торчащие зубы; он приходился Гирландайо зятем, хотя, как уверял Якопо делль Индако, озорной малый, сын пекаря, женился Себастьяно без малейшего на то желания.

– Гирландайо женил его на своей сестре, чтобы он работал на их семейство, – рассказывал Якопо. – Остерегайся, Микеланджело, и ты! Будь начеку!

Как почти во всех шутках Якопо, доля правды была и в этой: семья Гирландайо составляла, можно сказать, целую фирму художников; все они

учились в мастерской отца, золотых дел мастера, придумавшего модный веночек-гирлянда - флорентийские женщины украшали такой гирляндой волосы. Два младших брата Доменико - Давид и Бенедетто были, как и он, живописцами. Бенедетто, миниатюрист, любил с кропотливостью изображать лишь ювелирные дамские украшения и цветы; Давид, самый младший из братьев, вместе с Доменико заключил контракт на роспись в Санта Мария Новелла и помогал ему.

Доменико Гирландайо в свое время ушел из мастерской отца, поступив к Бальдовинетти, мозаичисту, и работал у него до двадцати одного года, после чего без особой охоты покинул учителя и открыл собственную мастерскую. "Живопись - это рисование, а живопись, рассчитанная на века, - это мозаика", - говорил Гирландайо, но, поскольку спроса на мозаику почти не было, ему пришлось заняться фресками: на этом-то поприще он и добился успеха, обратив на себя внимание всей Италии. Он впитал в себя и изучил буквально все, чему только могли научить старые мастера фрески, начиная с Чимабуэ. Мало того, он с блеском привнес в это искусство нечто свое, присущее только его натуре.

Гирландайо в самом деле женил Майнарди на своей сестре после того, как юноша-ученик помог ему написать чудесные фрески в церкви соседнего городка Сан-Джиминьяно, в котором числилось семьдесят шесть башен. Майнарди, принявший теперь под свое крыло Микеланджело, многим удивительно напоминал своего патрона Гирландайо - такой же добросердечный, одаренный, прошедший прекрасную выучку в мастерской Верроккио, он любил живопись больше всего на свете и, как Гирландайо, считал, что в фреске важны прежде всего красота и очарование. В картинах приходится изображать что-нибудь из Библии, из священной истории или греческой мифологии, но живописец не должен заглядывать в смысл сюжета, раскрывать его значение или судить о его истинности.

- Цель живописи, - объяснял Майнарди своему новому ученику, - быть украшением, воплощать сюжет зримо, наглядно, приносить людям счастье, - да, да, счастье, если даже они видят перед собой печальные образы святых, отданных на мучения. Никогда не забывай об этом, Микеланджело, и ты станешь признанным живописцем.

Если Майнарди был поставлен над учениками в качестве управителя, то, как скоро понял Микеланджело, вожаком у них был Якопо, тот самый шестнадцатилетний подросток с обезьяньим лицом, который постоянно отпускал шутки. У него был особый дар прикидываться занятым по горло даже тогда, когда он бил баклуши. Едва тринадцатилетний новичок появился в мастерской, как Якопо разъяснил ему с важным видом:

- Отдаваться одной лишь тяжелой работе и не видеть ничего, кроме работы, - это недостойно христианина. - Повернувшись к столу, за которым сидели ученики, он весело добавил: - Во Флоренции бывает в среднем девять праздников в месяц. Если учесть, что есть еще воскресенье, то выходит, что мы должны трудиться только через день.

- Не понимаю, какая тебе разница, Якопо, - ядовито отозвался Граначчи, - ведь все равно ты бездельничаешь и в будни.

Незаметно прошло две недели, и наступил тот дивный день, когда Микеланджело должен был подписать контракт и получить первое жалованье. И тут мальчик вдруг понял, как мало он сделал, чтобы заслужить два золотых флорина - свой первый аванс у Гирландайо. Ведь до сих пор он лишь бегал за красками к аптекарю да просеивал песок и промывал его через чулок в бочке.

Проснувшись еще затемно, он перелез через маленького брата Буонаррото, прыгнул с кровати и нащупал на скамейке свои длинные чулки и длинную, до колеи, рубашку. Проходя замок Барджелло, он увидел, что вверху, на крюке, укрепленном в карнизе, висит мертвое тело: должно быть, это был тот человек, который, когда его повесили две недели назад, остался жив, но наговорил властям таких дерзких слов, что восемь приоров решили повесить его вторично.

Заметив мальчика на пороге мастерской в столь ранний час, Гирландайо удивился, и его "buon giorno" прозвучало сухо и отрывисто. Уже несколько дней он сосредоточенно работал над этюдом, рисуя Святого Иоанна, совершающего обряд крещения над Иисусом, и был в дурном настроении, так как все не мог ясно представить себе образ Христа. Скоро он омрачился еще больше; его побеспокоил брат Давид, принеся пачку счетов, по которым надо

было платить. Резким движением левой руки Доменико оттолкнул счета, продолжая энергично рисовать правой.

- Неужели ты не можешь, Давид, распорядиться сам и оставить меня в покое, когда я работаю?

Микеланджело следил за этим разговором с угрюмым опасением: вдруг они не вспомнят, какое дело на сегодня назначено? Граначчи по лицу Микеланджело видел, какой тревожился. Поднявшись со своей скамьи, Граначчи подошел к Давиду и что-то шепнул ему на ухо. Давид развязал кожаный мешочек, висевший у него на широком поясе, прошел через всю мастерскую и протянул Микеланджело два флорина и книгу договоров. Микеланджело быстро начертал в ней свое имя, подтверждая, что во исполнение Соглашения докторов и аптекарей он получил все положенное, затем вывел дату: "6 апреля 1488 года".

Микеланджело трепетал от радости, мысленно уже видя ту минуту, когда он отдаст эти два флорина отцу. Два флорина - это, конечно, не богатство Медичи, но и они, может быть, немного рассеют мрачную атмосферу в доме Буонарроти. И тут только до сознания мальчика дошло, что все вокруг него о чем-то шумно и горячо спорят. Перекрывая голоса товарищей, Якопо говорил:

- Ну, значит, условились! Рисуем по памяти фигуру карлика, ту, что на стене за мастерской. У кого карлик выйдет самым похожим, тот будет и победитель. Он же платит за обед. Чьеко, Бальдинелли, Граначчи, Буджардини, Тедеско - вы готовы?

Микеланджело почувствовал глухую боль в сердце. Рисовать вместе с другими его не пригласили. До того как Микеланджело познакомился с Граначчи, признавшим в своем соседе по кварталу хорошего рисовальщика, все детство его прошло в одиночестве, без близких друзей. Затеявая свои игры, дети часто его даже не замечали. Почему? Потому что он был малорослым и болезненным? Потому что в нем чувствовалось нечто угрюмое, безрадостное? Потому что он с трудом вступал в разговор? Ему так страстно хотелось сойтись и подружиться с компанией подростков, работавших в мастерской, но оказалось, что это далеко не просто. В конце первой недели Граначчи стал ему внушать, как надо вести себя с учениками Гирландайо.

Джулиано Буджардини, крепкий, весьма простодушный мальчуган лет тринадцати, дружественно встретивший Микеланджело, когда тот появился в мастерской, однажды начал делать рисунок, набрасывая фигуры женщин. Мальчик не умел рисовать обнаженную человеческую фигуру и не очень-то хотел научиться.

- Ради чего ее рисовать? - спрашивал он. - Ведь мы всегда пишем открытыми только лицо и руки.

Видя, какие бесформенные, мешковатые фигурки выходят у Джулиано, Микеланджело, не раздумывая, схватил отрывок пера и провел им несколько линий, прорисовав под одеждой тела женщин и придав им ощущение движения. Тяжелые веки Буджардини дрогнули, он, прищурясь, долго глядел на исправленный рисунок, дивясь тому, как ожили его фигуры. Он был независтлив и не думал протестовать против вмешательства Микеланджело. Однако острый на язык Чьеко, учившийся в мастерской, как это полагалось, с десяти лет, - а сейчас ему было тоже тринадцать, - не удержался и крикнул:

- Ты, наверное, уже рисовал голых женщин!

- Где это я мог бы рисовать голых женщин во Флоренции? - возразил Микеланджело. - У нас это не принято.

Тедеско, костлявый рыжеволосый парень, потомок давних германских завоевателей, вторгавшихся на землю Тосканы, спросил с оттенком враждебности:

- Тогда откуда же ты знаешь, как придать движение грудям и бедрам женщин, где ты научился, как показывать тело под одеждой?

- Разве я не видел женщин, когда они собирают бобы в поле или идут по дороге с корзинами на головах? Что видят глаза, может нарисовать и рука.

- Гирландайо это не понравится! - паясничая и кривляясь, возвестил Якопо.

В тот же вечер Граначчи предупредил друга:

- Держись осторожней, Микеланджело, не вызывай к себе зависти. Чьеко и Тедеско учатся здесь давно. Разве они могут примириться с тем, что ты,

полагаясь только на чутье, рисуешь куда лучше их, хотя они обучаются уже не один год? Расхваливай их рисунки при каждом удобном случае. А что у тебя на душе, держи про себя.

И вот теперь, сидя за столом вместе с остальными учениками, Якопо уточнял правила затеянной игры:

- Времени на рисунок отпускается десять минут, не больше. Выигравший состязание объявляется победителем и угощает всех остальных обедом.

- Якопо, а почему не играю я? - громко сказал Микеланджело.

Якопо нахмурился.

- Ты зеленый новичок, тебе не победить в таком состязании. И, значит, угощения с тебя не получишь. Принимать тебя в игру будет несправедливо: каждый из нас теряет шанс пообедать за счет победителя.

подавив обиду, Микеланджело просил:

- Прими меня, Якопо. Я вас не подведу, вот увидишь.

- Ну, хорошо, - небрежно ответил Якопо. - Но дополнительного времени мы тебе не дадим ни минуты. Ребята, вы готовы?

Волнуясь, Микеланджело схватил уголь и бумагу и стал проворно набрасывать причудливые очертания не то юноши, не то сатира, которого он много раз видел на каменной стене позади мастерской. Он мог припомнить линии и формы любого нужного в эту минуту предмета, подобно тому как ученики в школе Урбино удивительным образом припоминали, когда этого требовал учитель, стихи из "Илиады" Гомера или из "Энеиды" Вергилия.

- Время истекло! - объявил Якопо. - Кладите рисунки на середину стола один к одному.

Микеланджело подбежал к столу, положил свой рисунок и отглядел чужие рисунки. Он был поражен: все они показались ему недорисованными и жалкими. А Якопо, взглянув на рисунок Микеланджело, изумленно открыл рот.

- Не верю своим глазам! - вскричал он. - Кто хочет, подходи и смотри: победил Микеланджело.

Посыпались горячие поздравления. Чьего и Тедеско одарили его улыбкой, впервые с тех пор, как поспорили с Микеланджело о женских фигурах. Микеланджело сиял, преисполненный гордости. Ведь едва он поступил в мастерскую - и вот, смотрите, уже завоевал себе право угощать всех обедом...

Угощать обедом! У него похолодело под ложечкой, словно он проглотил те два флорина, которые сегодня были получены. Он сосчитал своих товарищей - их было семь человек. Да они выпьют два штофа красного вина, будут есть суп, жареную телятину, фрукты... отщепив порядочный кусок от одной из тех золотых монет, которые он так мечтал преподнести отцу.

Когда вся ватага, шумя и озорничая, с веселым смехом направилась в оsterию, у Микеланджело, шагавшего позади, зародилось тревожное подозрение. Он еще раз хорошенько продумал все от начала до конца и, поравнявшись с Граначчи, спросил:

- Ведь меня одурачили, правда?

- Правда.

- Почему же ты не предупредил меня?

- Так у нас заведено. Это твое посвящение.

- А что я скажу отцу?

- Ну, а если бы ты и догадывался, что тебя дурачат, разве ты мог бы заставить себя рисовать хуже?

Микеланджело застенчиво улыбнулся:

- Да, они били без промаха!

6

Какой-либо определенной методы обучения в мастерской Гирландайо не придерживались. Вся учительская мудрость была выражена на дощечке, которую Гирландайо прибил на стене позади своего стола.

Самый лучший наставник - это природа. Рисуйте непременно каждый день!

Микеланджело должен был учиться, приглядываясь к любой работе, какая делалась в мастерской. Никаких секретов от него не скрывали. Гирландайо задумывал план фрески, разрабатывал композицию каждой части и добивался стройности в их общем звучании. Он же писал и большинство центральных фигур, остальные фигуры писались кем-либо из подмастерьев; но случалось и так, что над одной и той же фигурой, спеша покрыть подготовленную штукатурку, работало несколько человек сразу. Если фреска помещалась в церкви на хорошем месте, была на виду, то Гирландайо писал ее собственноручно. Обычно же основную работу выполняли Майнарди, Бенедетто, Граначчи и Буджардини. Плохо просматривающиеся боковые люнеты мастер позволял расписывать для практики Чьего и Вальдинелли, - этому Вальдинелли было тоже всего тринадцать лет.

Микеланджело ходил от стола к столу, выполняя случайные поручения. Ни у кого не было времени, чтобы оторваться от своего дела и что-то показать ему. Он смотрел, как Гирландайо заканчивал портрет Джованни Торнабуони, писавшийся по частному заказу; этот же портрет Гирландайо перерисовывал на картон для фрески "Встреча деви Марии с Елизаветой".

- Женские портреты лучше писать маслом, - насмешливо говорил Гирландайо, - но эта фигура вполне подойдет и для фрески. В человеческих фигурах ничего не надо выдумывать, Микеланджело; переноси на фреску лишь то, что ты рисовал с натуры.

Давид и Бенедетто работали вместе с Майнарди за одним длинным столом, стоявшим в углу мастерской. Бенедетто никогда не позволял себе рисовать свободно, импровизировать. Как замечал Микеланджело, он заботился больше о том, чтобы математически точно разбить лежавший перед ним лист на квадраты, и почти не думал о характере и особенностях изображаемых лиц. Но во всем, что касалось квадратов и измерительных инструментов, он был истинным знатоком.

- Запомни, - поучал он Микеланджело, - что лицо делится на три части: сначала волосы и лоб, затем нос, потом подбородок и рот. И заучи пропорции мужской фигуры. Я не беру в расчет женскую, потому что нет ни одной женщины, сложенной вполне пропорционально. Рука вместе с кистью, если опустить ее вниз, доходит до середины бедра... вот видишь? Длина мужской фигуры равна длине лица, взятого восемь раз; если человек встанет с раскинутыми в стороны руками, то длина этой линии тоже будет равна длине лица, взятого восемь раз. Никогда не упускай из виду, что в левом боку у мужчины на одно ребро меньше, чем у женщины.

Микеланджело пытался рисовать по геометрической схеме Бенедетто, придерживаясь неукоснительно прямых линий и точных, выведенных циркулем кругов и полукругов, но скоро увидел, что все эти жесткие предписания - своего рода гроб, куда можно втискивать только мертвые тела.

А у Майнарди была твердая, очень уверенная рука, придававшая его работе дух подлинной жизни. Он расписывал важнейшие участки всех люнетов и стен, самостоятельно искал колористическое решение для фрески "Поклонение волхвов". Он показал Микеланджело, как работать темперой, прописывая обнаженные части тела дважды.

- Первый слой темперы, накладываемой на фреску, в особенности когда пишешь людей молодых, со свежей кожей, надо готовить на яичном желтке, взятом от городской курицы; желток у деревенской курицы яркий, он годится только для тела людей пожилых или смуглых.

Майнарди научил Микеланджело оставлять под телесной краской просветы зеленого, показал, как класть светлые блики на брони и кончики носов, как обводить веки и ресницы черной линией.

Что касается Якопо, то никаких технических наставлений Микеланджело от него не получал, зато слышал множество городских сплетен. Все, в чем крылось гадкое и подлое, вызывало у Якопо самый жгучий интерес. Если бы он сталкивался в жизни только с проявлениями добра и доблести, он наверняка не замечал бы их, но темные стороны человеческой природы он унюхивал инстинктивно и налетал на них, как ворона на навоз. Всяческие слухи и новости были нужны Якопо точно воздух; каждый день обходил он гостиницы, винные лавки, цирюльни, кварталы проституток, заговаривал со стариками, отдыхавшими у своих домов на каменных скамьях, ибо старики были первыми поставщиками сплетен и пересудов об очередных скандалах. Утром он шел в

мастерскую обычно кружным путем: это давало ему возможность что-то зачерпнуть из своих источников на ходу; являясь к Гирландайо, он уже располагал ворохом самых свежих новостей: кому наставила рога жена, кому из художников предстоит получить новый заказ, кого собираются посадить в колодки у стен Синьории.

В мастерской Гирландайо хранился рукописный список трактата Ченнини о живописи. Хотя Якопо не умел прочесть ни слова, порой он, усевшись за ученический стол и скрестив ноги, делал вид, что читает манускрипт: в действительности он знал из него несколько отрывков наизусть.

"Если вы занимаетесь искусством, то ваш образ жизни должен подчиняться такому же порядку, как если бы вы изучали богословие, философию или какую другую науку; иначе говоря, вы должны есть и пить умеренно, по крайней мере дважды в день... вы должны всячески оберегать ваши руки, избегая поднимать камни или железо. Существует и другая причина, способная вызвать в вашей руке такую немощь, что она будет дрожать и трепетать сильнее, чем листья дерева, колеблемые ветром, - это чересчур частое общение с женщинами".

Якопо откинул голову и захохотал, брызгая слюной в потолок, затем повернулся к ошарашенному Микеланджело, который знал насчет общения с женщинами не больше, чем насчет астрономии Птолемея.

- Ну, теперь тебе понятно, Микеланджело, почему я больше не расписываю стен: я не хочу, чтобы фрески Гирландайо дрожали и трепетали, как листья на ветру!

Добродушный и веселый Давид, младший брат Гирландайо, прекрасно умел увеличивать до нужного масштаба отдельные части рисунков и переносить их на картон, который изготовлялся уже в размере будущей фрески. Это была не столь уж творческая работа, но она требовала мастерства. Он показывал, как надо разбивать на квадраты небольшой рисунок, затем - на соответствующее количество крупных квадратов - картон, как потом скопировать, перенести изображение с малого квадрата на большой. При этом, говорил Давид, ошибки, еле заметные в маленьком рисунке, при увеличении на картоне будут бросаться в глаза.

Буджардини, казавшийся таким неловким и неуклюжим, что вряд ли мог бы побелить у себя дома какой-нибудь амбар, умудрялся тем не менее вкладывать тонкую одухотворенность в фигуры, которые он рисовал для фрески "Встреча девы Марии с Елизаветой", хотя в них и были анатомические погрешности. Однажды он заставил Микеланджело просидеть перед собой в качестве натурщика все обеденное время. Через два часа, когда рисунок был закончен, Буджардини сказал:

- Взгляни на портрет. Я уловил-таки выражение твоего лица.

Микеланджело расхохотался.

- Буджардини, ты нарисовал меня так, что один глаз оказался где-то на виске. Погляди сам!

Буджардини еще раз всмотрелся в лицо Микеланджело, затем перевел взгляд на рисунок.

- Мне кажется, что я нарисовал твой глаз верно, - тут все так, как в натуре.

- В таком случае отнесем это за счет несовершенства природы, - улыбнулся Микеланджело.

Идя домой кружной дорогой, Микеланджело и Граначчи вышли на площадь Синьории, где толпилось множество народа, и поднялись по ступеням Лоджии делла Синьориа. Отсюда был хорошо виден внутренний двор Синьории - турецкий посол в тюрбане, похожем на яйцо, в ниспадающих зеленых одеяниях дарил сейчас Синьории привезенного им жирафа. Микеланджело хотелось зарисовать эту сцену, но он чувствовал, что ему не охватить всей шпарты зрелища, и он сказал Граначчи, что сейчас его разум можно уподобить шахматной доске, на которой перемежаются черные и белые квадраты невежества и знания.

На следующий день, в обед, он наскоро поел приготовленной Лукрецием жареной телятины и возвратился и мастерскую, в тот час совершенно пустую, так как и Гирландайо, и все его ученики предавались послеобеденному отдыху. Микеланджело пришла в голову мысль рассмотреть получше, как рисует учитель. Под столом у Гирландайо он разыскал связку рисунков - эскизы к фреске "Избиение младенцев", перенес их на ученический стол и разложил по

порядку, составив целую фреску. Микеланджело показалось, что Гирландайо плохо передает движение, – воины с поднятыми мечами, женщины и дети, бегущие в страхе, оставляли в его душе смутное ощущение беспорядка. По в этих эскизах, однако, была и простота, и большая твердость. Мальчик принялся перерисовывать их и быстро, один за другим, сделал пять-шесть рисунков, как вдруг почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной. Микеланджело повернулся и увидел нахмуренное лицо Гирландайо.

– Зачем ты роешься в этой связке? Кто тебе разрешил?

Микеланджело робко положил карандаш на стол.

– Я не думал, что тут какие-то секреты. Я хотел поучиться. – Он собрался с духом. – Чем раньше я научусь, тем скорее буду помогать вам. Я получаю у вас золотые флорины, мне их надо отработать.

Горячий, умоляющий взгляд мальчика действовал на Гирландайо сильнее его доводов: он подавил свой гнев.

– Очень хорошо, – сказал Гирландайо уже спокойным тоном. – Сейчас я немного займусь с тобой.

– Научите меня, как рисовать пером.

Гирландайо провел новичка к своему столу, расчистил там место и положил перед собой два одинаковых листа бумаги. Затем он подал Микеланджело перо с затупленным копчиком, сам взял другое и нанес на бумагу несколько четких перекрестных линий.

– Вот моя каллиграфия, – пояснил он. – Кружочками я рисую глаза, вот такой уголок – это нос, маленькая поперечная черта – рот, это отметина – подбородок, а вот, зарубкой, и нижняя губа.

Микеланджело смотрел, как учитель быстрыми движениями набрасывал фигуру, не заботясь о том, чтобы закончить ее, дорисовать ноги – суживаясь книзу, их контур вдруг обрывался. Двумя-тремя штрихами Гирландайо мог прекрасно показать, как облегают тело складки одежды, как, с отменной грацией, придерживает женщина подол своего платья; все линии, обрисовывающие тело, были у Гирландайо полны лиризма и в то же время придавали фигурам индивидуальность и характер.

На лице Микеланджело светился восторг. Никогда он не был так счастлив, как теперь. С пером в руках он чувствовал себя художником и жаждал что-то высказать, напрягал ум и все свои чувства, чутко прислушиваясь, что же они подскажут руке, готовой воплотить увиденное. Ему хотелось рисовать и рисовать, не отрываясь от этого стола часами, воспроизводя взятый предмет или фигуру в сотне новых поворотов.

От Гирландайо не укрылось, как горит лицо мальчика и как трепещут его руки.

– Микеланджело, ты не должен рисовать ради самого рисования. Вот эту твою фигуру – разве мыслимо перенести ее на фреску?

Видя интерес ученика к делу, Гирландайо вынул из стола еще два своих рисунка: на одном из них с грубоватой силен была вылеплена почти в натуральную величину голова мужчины лет тридцати, с гладкими полными щеками, с задумчивым взглядом широко открытых глаз и эффектно разметающимися волосами; второй рисунок изображал обряд крещения в римской базилике и был превосходно выполнен по композиции.

– Великолепно! – проговорил Микеланджело, потянувшись к листу. – Вы овладели буквально всем, чему только мог научить Мазаччо.

Смутное лицо Гирландайо побледнело – должен ли он обидеться на то, что его расценивают как некоего подражателя и копииста? Но в голосе мальчика звучала такая гордость! И при мысли, что желторотый ученик отваживается на похвалы учителю, Гирландайо стало смешно.

– Сами по себе рисунки ничего не значат, – сказал он, забирая их у Микеланджело. – Важна лишь написанная фреска. А эти листы я уничтожу.

За дверью мастерской послышались голоса Чьего я Бальдинелли. Ученики еще не успели войти, как Гирландайо поднялся из-за стола, а Микеланджело спрятал перо и наброски, живо убрал со стола серию рисунков "Избиение младенцев", связал их в пачку и отнес на место.

В большом запертом ящике своего стола Гирландайо хранил папку с рисунками, которые он изучал и перерисовывал, задумывая очередную фреску. Граначчи говорил Микеланджело, что Гирландайо многие годы собирал эти рисунки и что они принадлежали тем мастерам, которых Гирландайо высоко ценил: Таддео Гадди, Лоренцо Монако, фра Анжелико, Паоло Учелло,

Поллайоло, фра Филиппе Липпи и многим другим. Микеланджело часами как замороженный разглядывал алтари и фрески, созданные этими мастерами, – ведь их работы так щедро украшали город. Но ему ни разу не приходилось видеть ни одного чернового этюда, ни одного рисунка этих прославленных художников.

– Разумеется, нельзя, – решительно отрезал Гирландайо в ответ на просьбу Микеланджело посмотреть его папку.

– Но почему же? – взмолился Микеланджело в отчаянии: у него исчезала поистине золотая возможность хоть немного проникнуть в секреты техники лучших рисовальщиков Флоренции.

– Каждый художник обзаводится собственными коллекциями образцов по своему суждению и вкусу, – сказал Гирландайо. – Я собирал эту коллекцию двадцать пять лет. Ну, а ты в свое время соберешь свою.

Несколько дней спустя, когда Гирландайо долго сидел, разглядывая рисунок Беноццо Гоццолли – "Обнаженный юноша с копьем", в мастерскую зашли трое мужчин и позвали Гирландайо поехать в соседний город. Он ушел с ними, забыв убрать рисунок со стола и запереть его в ящик.

Дождавшись, когда все ушли обедать, Микеланджело поднялся на помост и взял рисунок Гоццолли. После многих попыток он скопировал рисунок так, что считал свою работу достаточно близкой к подлиннику. И вдруг у него в голове мелькнула мысль: не подшутить ли над Гирландайо, подсунув ему свой рисунок? Работа Гоццолли была тридцатилетней давности, от времени она загрязнилась и пожелтела. Прихватив несколько свежих листков, Микеланджело вышел во двор, намазал землей палец и, осторожно потирая бумагу вдоль волокон, постарался придать ей такой вид, какой был у бумаги с рисунком Гоццолли. Затем он вынес свою копию этого рисунка и тоже обработал ее измазанным в земле пальцем.

Ветхая рисовальная бумага по краям была словно бы обкурена дымом. Микеланджело, вернувшись в мастерскую, для опыта подержал над горящим очагом натертые землей листки, а потом закоптил и свою подделку. После этого он положил ее на стол Гирландайо, а оригинал спрятал.

Не одну неделю следил он за каждым движением Гирландайо; всякий раз, когда учитель забывал положить какой-нибудь рисунок в папку, будь это набросок Кастаньо, Синьорелли или Верроккио, мальчик был тут как тут и не упускал случая скопировать его. Если он заканчивал свою копию к исходу дня, то уносил ее домой, а дома, когда все спали, разжигал в нижнем этаже очаг и обкуривал изрисованный лист, чтобы он выглядел старым и обветшалым. Через месяц у Микеланджело скопилось дюжина чудесных чужих рисунков. Если бы дело шло таким образом и дальше, лапка у него скоро стала бы не менее объемистой, чем у Гирландайо.

По старой привычке Гирландайо иногда приходил в мастерскую, не дожидаясь, пока истечет обеденное время, и учил Микеланджело, как пользоваться черным мелом или как работать серебряным карандашом, применяя для подцветки белый мел. Микеланджело спрашивал учителя, будут ли они когда-нибудь рисовать с обнаженных натурщиков.

– Зачем же тебе учиться рисовать обнаженные фигуры, если мы всегда рисуем людей одетыми? – удивлялся Гирландайо. – В Библии не так уж много обнаженных, и на них не зарабатываешь.

– Но ведь помимо Библии есть еще и святые, – возражал мальчик. – Святых надо изображать почти что голыми – когда их пронзают стрелами или жгут на решетке.

– Это правда, но кто требует верной анатомии у святых? Главное, что в них надо показать, – это дух, характер.

– Но разве верная анатомия не поможет выразить характер?

– Нет. Все характерное, если это так необходимо, вполне можно показать в лице... и еще в руках. Обнаженное тело не рисовал ни один художник со времен язычников-греков. А ведь нам приходится писать для Христиан. Кроме того, наше тело безобразно, оно лишено пропорций, полно недугов, слизи и всякой мерзости. Сад с пальмами и кипарисами, апельсиновые деревья в цвету, построенная архитектором каменная стена, ступени, спускающиеся к морю... вот настоящая, бесспорная красота. Живопись должна чаровать, освежать и ласкать душу. Кто мне докажет, что тут годится голое тело? Я люблю рисовать человека, когда он в изящном одеянии...

– ...а я хотел бы рисовать его в том виде, в каком господь бог сотворил

Адама.

7

Наступил июнь, и летний зной тяжким гнетом лег на Флоренцию. Микеланджело спрятал свои чулки и рейтузы и носил теперь сандалии на босу ногу и легкую бумажную рубашку. Выходившие во двор двери мастерской Гирландайо были распахнуты настежь, а столы вынесены наружу, под сень зеленых деревьев.

В день праздника Святого Иоанна мастерскую заперли на замок. Микеланджело встал рано и вместе с братьями пошел на реку Арно, пересекающую весь город, - там он хорошенько выкупался, резвясь в коричневатой илистой воде, и пошел к Собору, на условленную встречу с товарищами по мастерской.

Над всей площадью у Собора был сооружен широкий голубой навес, разрисованный золотыми лилиями, - он изображал небесный свод. Каждый цех города украсил навес своим облаком, поверх облака, на устланной шерстью деревянной решетке, в окружении херувимов сидел святой - покровитель цеха, вокруг него были рассыпаны огни и звезды из фольги. Внизу, на железном настиле, стояли мальчики и девочки, одетые в виде ангелов, с цветными яркими поясами на талиях.

Впереди торжественного шествия несли запрестольный крест Собора, затем, распевая, шли стригали, сапожники, одетые в белое дети, потом показались великаны на ходулях высотой в шесть локтей, с чудовищными масками на головах, вслед за гигантами выехали две повозки с башнями - на башнях были актеры, разыгрывающие живые картины из Священного писания: на одной архангел Михаил с ангелами бился против Люцифера, свергая его с небес; на другой показывали, как бог сотворил Адама и Еву и как появился между ними змий; на третьей - как Моисей получал скрижали завета.

Микеланджело эти живые картины из Библии казались бесконечными. Он не любил таких представлений и собрался уже уходить. Но Граначчи, зачарованный красочными декорациями, уговорил друга дожждаться конца уличных торжеств. В Соборе, как только началась обедня, поймали некоего вора - болонца; тот срезал кошельки и золотые пряжки с поясов у прихожан, струдившихся перед кафедрой. Толпа людей и в церкви и на площади сразу озверела. "Повесить его! Повесить!" - этот крик звучал всюду, и толпа увлекла Микеланджело и Граначчи к дому начальника городской стражи: там, в проеме окна, преступник был тотчас же повешен.

А скоро в этот день поднялся страшный ветер - ураган пролетел над всем городом, разрушил пестрые навесы, залил потоками воды усыпанные песком дорожки. Буджардини, Чьеко, Бальдинелли и Микеланджело стояли среди прохожих, укравшихся в дверях Баптистерия.

- Эта буря разразилась потому, что проклятый болонец дерзнул грабить людей в Дуомо в святой день, - негодовал Чьеко.

- Нет, дело тут совсем не в этом, - возразил Буджардини. - Господь послал бурю в наказание за то, что мы повесили человека в святой праздник.

Друзья спросили, что думает об этом Микеланджело, - тот был весь погружен в созерцание золотых рельефов Гиберти, которыми были отделаны двери Баптистерия, - десять знаменитых панелей, украшенных, поле за полем, изображениями упоминавшихся в Ветхом завете людей, животных, городов, гор и дворцов.

- Что я думаю? - переспросил Микеланджело. - Я думаю, что вот эти двери - воистину Врата Рая.

Картон "Рождение Святого Иоанна", над которым трудились в мастерской Гирландайо, был закончен, теперь можно было расписывать по нему стену в церкви Санта Мария Новелла. В назначенный для этого день Микеланджело

пришел в мастерскую очень рано, но, как оказалось, там собрались уже все до последнего ученика. Он только широко раскрывал глаза, видя, какая царит в мастерской суматоха, как все спешат и мечутся, хватая картон, связки рисунков, кисти, горшки и бутылки с краской, ведра, мешки с песком и известью, костяные шильца. Все это было уложено на маленькую тележку, в тележку впрягли ослика, и художники двинулись прочь от мастерской. Гирландайо, словно полководец, шел во главе процессии, а Микеланджело, самый младший из учеников, правил осликом, сидя на тележке; скоро это шествие, продвигаясь по Виа дель Соле, было у Знака Солнца – это означало, что художники уже вступили на землю прихода церкви Санта Мария Новелла. Микеланджело повернул ослика направо – перед ним открылась площадь Санта Мария Новелла, одна из старейших и самых красивых площадей города.

Вот ослик уже остановлен: прямо впереди вздымалось здание церкви. Церковь строили долго, ее кирпичные стены оставались ничем не украшенными с 1348 года, пока Джованни Ручеллаи, дяде Микеланджело, не пришла в голову счастливая мысль пригласить в качестве архитектора Леона Баттиста Альберти, – он-то и создал из великолепного черного и белого мрамора этот дивный фасад. При мысли о семействе Ручеллаи Микеланджело всегда испытывал какое-то странное волнение – ведь в доме Буонарроти эту фамилию было запрещено произносить. Хотя мальчик никогда не бывал в родовом дворце Ручеллаи на Виа делла Винья Нуова, но, проходя мимо него, он неизменно замедлял шаг и старался заглянуть в обширные сады, где скрывались античные греческие и римские статуи, и как следует вглядеться в архитектуру величественного здания, построенного по проекту Альберти.

Долговязый Тедеско был назначен распорядителем по разгрузке; получив такую власть, он с упоением командовал тринадцатилетними мальчишками. С рулоном рисунков в руках Микеланджело вошел в бронзовые двери и сразу почувствовал прохладу воздуха, пропитанного ладаном. Спланированная в форме египетского креста длиной более сорока саженей, церковь открылась ему вся сразу; под тремя стрельчатыми арками шли ряды величественных колонн, словно бы уменьшавшихся по направлению к главному престолу, позади которого боттега Гирландайо трудилась уже три года. Боковые стены храма были покрыты яркими фресками, прямо над головой Микеланджело стояло деревянное распятие работы Джотто.

Он медленно ступал по главному нефу, и каждый шаг доставлял ему новое наслаждение – перед ним страница за страницей раскрывалось все итальянское искусство. Вот Джотто, живописец, скульптор, архитектор – легенда гласит, что Чимабуэ встретил его, когда Джотто был пастушонком и рисовал на скале. Чимабуэ ввел его в свою мастерскую, и этот пастух стал освободителем живописи от византийского мрака, византийской мертвенности. В течение девяноста лет после Джотто художники лишь подражали ему, но вот наконец – по левую сторону от себя Микеланджело видел живое сверкающее чудо его "Троицы" – явился Мазаччо. Поднявшись из глубин, ведомых только господу, он явился и начал писать, и флорентийское искусство как бы родилось вновь.

В левой стороне нефа Микеланджело осмотрел распятие Брунеллески; фамильную часовню рода Строцци с фресками и изваяниями работы братьев Орканья; переднюю часть главного алтаря с бронзовыми украшениями Гиберти; и еще, как венец всей этой красоты, – часовню Ручеллаи, возведенную родом матери Микеланджело в середине тринадцатого века, когда Ручеллаи разбогатели и прославились, разведав на Востоке, как вырабатывать чудесную красную краску.

В прежнее время Микеланджело не находил в себе силы взойти на ступени, ведущие к часовне Ручеллаи, хотя эта часовня была украшена самыми драгоценными сокровищами искусства во всей церкви Санта Мария Новелла. Мальчика сковывало чувство страха перед родными. Теперь, когда он вышел из повиновения отцу и собрался работать здесь, в этой церкви, разве он не обрел право посмотреть часовню? Подняться в нее, даже не думая о том, что нарушит зарок и вторгнется во владения семьи, которая со смертью матери потеряла всякие отношения с Буонарроти и совсем не интересуется, как живут пятеро сыновей Франчески Ручеллаи дель Сера, приходившейся дочерью Марии Бонда Ручеллаи?

Он положил рулон на пол и, медленно ступая, поднялся по лестнице. В часовне, увидя "Пресвятую деву" Чимабуэ и мраморную "Богородицу с Младенцем", изваянную Нино Пизано, он встал на колени: ведь здесь молилась

в юности мать его матери, и здесь же, в те светлые дни семейного мира и счастья, молилась сама мать.

Слезы жгли ему глаза и стекали на щеки. С младенчества он учил молитвы, но, читая их, произносил лишь пустые слова, без мысли и чувства. Теперь горячая молитва сама срывалась с его уст. Кому он молился – этой прекрасной Богородице или своей матери? И было ли различие между ними? Разве образ его матери не сливался воедино с ликом Пресвятой, сиявшим на стене? Все, что мальчик смутно помнил о своей матери, как бы воплотилось в чертах Пречистой.

Мальчик встал, подошел к изваянию Пизано и своими длинными худыми пальцами провел по мраморным одеждам Святой девы. Потом он повернулся и вышел из часовни. Спускаясь вниз по ступеням, он думал о том, как не похожи друг на друга семья его матери и семья отца. Ручеллаи построили эту часовню около 1265 года, в те самые времена, когда разбогатели Буонарроти. У семейства Ручеллаи хватило чутья оценить и призвать к себе замечательных мастеров, почти основоположников искусства: в конце тринадцатого века живописца Чимабуэ и в 1365 году скульптора Нино Пизано. Даже теперь, в 1488 году, Ручеллаи как бы дружески состязались с Медичи, скупая древние мраморные статуи, выкапываемые в земле Греции, Сицилии и Рима.

Буонарроти не построили ни одной часовни, хотя часовню обычно строило любое семейство подобного достатка. Почему же проявляли такое равнодушие Буонарроти?

Мальчик смотрел, как в глубине хоров его товарищи тащат на подмости ведра и кисти.

Может быть, Буонарроти не строили часовен потому, что были холодны к религии? Лодовико каждый раз вставляет в разговоре изречения из Библии, хотя монна Алессандра и говорила про своего сына: "Лодовико чтит все законы церкви даже тогда, когда нарушает их".

Буонарроти постоянно тряслись над каждым флорином, у них была природная скарденность и жадность к деньгам, свирепое упорство скупцов. Может быть, желание вкладывать свои средства только в дома и земли – единственный источник богатства, с точки зрения тосканца, – удерживало Буонарроти от того, чтобы затратить хоть скудо на искусство? Насколько помнил Микеланджело, никогда в доме Буонарроти не бывало ни одной, самой простенькой, картины или статуи. Разве это мало значит, если речь идет о богатом семействе, в течение трех веков проживавшем в городе, в котором искусство процветало, как нигде в мире, и в котором даже у скромных, бедных людей предметы религиозного культа, созданные художниками, переходили от поколения к поколению?

Мальчик вернулся и вновь оглядел покрытые фресками стены часовни Ручеллаи, с тоской осозная, что Буонарроти не только скупцы и скряги, но и враги искусства – они презируют людей, которые создают искусство.

Буджардини, уже взобравшись на подмости, громко окликнул Микеланджело, зовя его к себе. Оказалось, что все уже дружно работают, без толчеи и спешки. Буджардини еще вчера расчистил и оштукатурил ту часть стены, которую надо было расписать, теперь он накладывал свежий слой раствора. Вместе с Чьеко, Бальдинелли и Тедеско он стал помогать Гирландайо, поддерживая прислоненный к стене картон. Гирландайо переносил очертания фигур на стену, прокалывая картон длинным шильцем из слоновой кости и припудривая отверстия тампоном с угольной пылью, – затем он дал знак, чтобы картон убрали. Ученики сошли с лесов, а Микеланджело остался наверху, следя, как Гирландайо размешивал минеральные краски в маленьких горшочках с водой и как потом, отжав пальцами кисть, начал роспись.

Он должен был работать уверенно и быстро, ибо фреску следовало закончить сегодня же: ведь штукатурка, оставленная на ночь, засохнет. Если роспись отложить, не доведя до конца, то нетронутый грунт покроется жесткой корочкой, а впоследствии на этих местах фрески проступят пятна и появится плесень. Если же художник не сумеет рассчитать время и не исполнит за день того, что предполагал, то высохшую штукатурку на завтра надо будет со стены сбить и заменить свежей, причем по стыку свежей и старой штукатурки на фреске останется заметный шов. Переписывать и исправлять живопись нельзя: в красках, наложенных позднее, неизбежно проступают соли, от которых фреска обесцвечивается или темнеет.

Микеланджело стоял на помосте, держа в руках ведро с водой, и прямо

перед летающей кистью Гирландайо обрызгивал штукатурку, чтобы она оставалась влажной, впервые он осознал истинный смысл поговорки, что еще ни один трус не отваживался писать фреску. Он смотрел, как кипит и спорится работа у Гирландайо, – сейчас художник писал девушку с корзиной плодов на голове, в модном в ту пору раздувающимся платье, которое делало флорентийских девушек похожими на беременных матрон. Рядом с Микеланджело стоял Майнарди, он писал двух пожилых, степенных тетушек из семейства Торнабуони, пришедших к постели Елизаветы.

Бенедетто, взгромоздясь на помосте выше всех, писал чудесный, с проступавшими дугами нервюр, сводчатый потолок. Граначчи трудился над изображением служанки, – она в середине картины, на втором плане, протягивала Елизавете поднос. Фигуру самой Елизаветы, откинувшейся на пышную резную спинку деревянной кровати, писал Давид. Буджардини, которому было поручено написать окно и дверь, окликнул Микеланджело и показал ему движением руки, чтобы тот spraysнул водой штукатурку, затем отступил назад и замер в восхищении, любуясь только что написанным маленьким окошком над головой Елизаветы.

– Ты видел когда-нибудь столь прекрасное окно? – спросил он.

– Окно великолепное, – отвечал Микеланджело. – В особенности это пустое место за рамой.

Буджардини, несколько озадаченный, еще раз взгляделся в свое произведение.

– Тебе нравится и это место за рамой? Странно? Ведь я еще и не притрагивался к нему кистью.

Работа над фреской достигла разгара, когда Гирландайо, которому помогал Майнарди, начал писать юную и прелестную Джованну Торнабуони. На ней были самые лучшие, самые изысканные флорентинские шелка и драгоценности, смотрела она прямо в лицо зрителю, не проявляя внимания ни к Елизавете, сидевшей на своей кровати с высокой спинкой, ни к Иоанну, который сосал грудь другой красавицы Торнабуони, поместившейся на низкой скамеечке.

Вся композиция потребовала пяти дней напряженного труда. Писать красками не позволяли одному только Микеланджело. Его терзало двойственное чувство: хотя он пробыл в мастерской всего три месяца, он знал, что мог бы работать красками не хуже остальных тринадцатилетних юнцов. В то же время какой-то внутренний голос говорил ему, что эта суматошная работа на лесах чужда его сердцу. Даже в минуты, когда его особенно мучила обида на то, что ему не давали писать, его не покидало желание оставить и эту церковь, и мастерскую, уйти куда-то в себя, в свой собственный мир.

К концу недели штукатурка начала просыхать. Углекислота воздуха, проникавшая в известь, закрепляла краски. Сначала Микеланджело опасался, что краски на влажной штукатурке уйдут вглубь, но теперь увидел, что он ошибался, – краски остались на поверхности, они подернулись кристаллической пленкой углекислой соли, которая покрывала изображение столь же плотно и надежно, как покрывает кожа мышцы и вены у атлета. Этот плотный, с металлическим блеском, покров защищал красочный слой фрески от влияния жары, холода и сырости. Еще одно обстоятельство поразило Микеланджело: любая часть фрески, просыхая, приобретала именно те цветовые оттенки, какие замыслил для нее в своей мастерской Гирландайо.

И все-таки, когда в первое же воскресенье Микеланджело направился в церковь Санта Мария Новелла к обедне и, пробившись сквозь толпу прихожан, разодетых в короткие бархатные колеты, пышные камлотовые плащи, отороченные мехом горностаея, взглянул на фреску, он был разочарован: в ней не доставало той свежести и силы, которая ощущалась в подготовительных рисунках. Восемь женских фигур композиции выглядели как бы застывшими, их словно выложили из кусочков цветного стекла. И, конечно же, это было не рождение Иоанна в скромном семействе Елизаветы и Захарии, – вся сцена напоминала скорее свидание дам в доме итальянского купца-богача и была совершенно лишена религиозного духа.

Разглядывая сверкающую красками фреску, мальчик понял, что Гирландайо любил Флоренцию преданной любовью. Флоренция была его религией. Всю жизнь, с ранней юности, он писал ее граждан, ее дворцы, ее изысканно отделанные палаты и горницы, ее храмы и чертоги, кипящие жизнью улицы, религиозные и политические шествия и празднества. А какой у Гирландайо был глаз! Ничто не ускользало от его внимания. Коль скоро ему не заказывали писать

Флоренцию, он изображал ее под видом Иерусалима; палестинская пустыня была Тосканой, а все библейские персонажи – его земляками флорентинцами. И так как Флоренция по своему характеру была скорее языческим городом, чем христианским, то эти искусно подделанные кистью Гирландайо портреты и сцены нравились всем без исключения.

Микеланджело вышел из церкви в тяжелом раздумье. Формы были великолепны, но где сущность? Когда он пытался найти слова, чтобы выразить теснившиеся в голове смутные мысли, глаза у него заволокло туманом.

Ему тоже хотелось научиться достоверно и искусно передавать то, что он видел. Но для него всегда будет гораздо важнее показать не сам предмет, а вызываемые этим предметом чувства.

8

Он медленно шел к Собору, где на прохладных мраморных ступенях собиралась молодежь – повеселиться и поглазеть на красочно разодетую праздничную толпу. Без ярмарки не обходился во Флоренции ни один день, а в воскресенье этот богатейший в Италии город, вытеснявший из торговли с Востоком даже Венецию, весь выходил на улицу, словно бы желая показать, что тридцать три действующих в нем банкирских дома изливают свои щедроты на каждого жителя. Флорентийские девушки – белокурые, стройные, голову держат высоко, волосы у них всегда покрыты чем-нибудь ярким, платья с длинными рукавами, с глубоким вырезом у шеи, широкие юбки в мелких складках спускаются колоколом, под тонкой цветной материей рельефно проступает грудь. Пожилые люди в темных плащах, но юноши из знатных семей расцветили собой все пространство между ступенями Собора и Баптистерием: рейтузы на них разноцветные – одна нога одного цвета, другая – другого, по цветному полю узор, на котором вышиты фамильные гербы. Каждого молодого человека сопровождала свита, одетая точно так же, как и их патрон.

Якопо сидел на крышке древнеримского саркофага – несколько таких саркофагов белело подле темного кирпичного фасада Собора. Якопо то и дело отпускал замечания по адресу проходивших девушек, время от времени его алчные глаза останавливались на одной из них, и он награждал ее одобрителем отзывом!

– Ах, как годилась бы эта крошка для постели!

Микеланджело подошел к Якопо и нежно провел ладонью по саркофагу, ощупывая очертания рельефа, на котором была представлена сцена воинских похорон, с мечами и лошадьми.

– Ты только тронь, – эти мраморные фигуры еще живут и дышат!

В голосе его звучало такое волнение, что друзья, как один, взглянули на Микеланджело. А он словно бы исповедовался, открывал свою тайну этим прохладным флорентийским сумеркам, этому низкому солнцу, заливавшему своим огнем купола Баптистерия и Собора. Тайная страсть, владевшая им, прорвалась наружу, обнажив все лучшее, что только было в его душе.

– Господь был первым скульптором; он изваял первую фигуру человека. И когда он захотел дать человеку свои законы, какой он применил для этого материал? Камень. Десять заповедей, открытых Моисею, начертал он на каменной скрижали. Из чего были сделаны первые орудия человека? Из камня. Ты только взгляни, сколько тут художников точит лясы на ступенях Собора. А много ли среди них скульпторов?

Товарищи Микеланджело были ошеломлены. Даже Якопо перестал разглядывать девушек. Никогда еще не говорил Микеланджело с такой убежденностью – глаза его горели в гаснущем свете сумерек, как янтарные угли. Он сказал своим приятелям, почему, по его мнению, перевелись на свете скульпторы: напряжение, которого требует работа с молотком и резцом, истощает у человека мозг и мышцы, действовать же кистью, пером и карандашами живописцу не в пример легче.

Якопо только присвистнул. Граначчи возразил:

- Если тяжесть работы - это мерило в искусстве, то, выходит, рабочий, добывающий мрамор в горах с помощью клиньев и рычагов, куда более благородная фигура, чем скульптор, а кузнец важнее ювелира, и каменщик значительнее архитектора.

Микеланджело покраснел от смущения. Он допустил промах в споре и теперь видел, как ухмыляются Якопо, Тедеско и другие его собеседники.

- Но вы все же признаете, что труд художника тем выше, чем яснее художник выражает истину. А скульптура подходит к истине ближе других: ведь изваянная фигура высвобождается из мрамора со всех четырех сторон сразу.

Обычно скупой на слова, Микеланджело говорил теперь не смолкая. Живописец накладывает краски на плоскую поверхность и с помощью перспективы старается убедить людей, что они видят изображенное во всей его полноте. Но попробуй обойти вокруг человека, написанного живописцем, или же вокруг дерева! Разве не очевидно, что это лишь иллюзия, колдовство! А возьми скульптора - ах, он высекает подлинную действительность, всю как она есть! Скульптура и живопись - это как истина и обман... Если живописец ошибается, что он обычно делает? Латает свою работу, покрывая ее новым слоем краски. Скульптор же должен заранее увидеть в глыбе мрамора именно ту форму, которую он заключает. Скульптор не в силах склеить сломанные части. В этом-то и лежит причина того, что нынче не стало скульпторов. Работа требует от скульптора в тысячу раз больше, чем от живописца, и точности глаза, и рассудка, и прозорливости.

Он внезапно оборвал свою речь, тяжело дыша.

Якопо прыгнул с саркофага и поднял обе руки вверх в знак того, что он не может слушать такую чепуху. Он весь горел от возбуждения - он любил живопись и понимал ее, хотя и был слишком ленив, чтобы всерьез заниматься ею.

- Скульптура - это скучища. Что может создать скульптор? Мужчину, женщину, льва, лошадь. Потом снова то же самое. Разве это не нудно? А живописец способен изобразить всю вселенную: небо, солнце, луну и звезды, облака и дожди, горные выси и деревья, реки и моря. Нет, скульпторы повывелись оттого, что у них скучное дело!

К спорщикам подошел и стал прислушиваться Себастьяно Майнарди. Он вывел было на воскресную прогулку и жену, но скоро отправил ее домой, сам вернувшись к ступеням Собора, к компании молодых друзей, обществом которых, подобно всем флорентинцам, он дорожил куда больше, чем обществом женщин. На его обычно бледных щеках алели пятна румянца.

- Так оно и есть! - подхватил Майнарди слова Якопо. - Скульптору достаточно сильных рук, а голова у него может быть пустая. Да, пустая; ведь после того, как скульптор набросал свой рисунок и сотни часов колотит молотком и рубит камень, - о чем ему надо думать? Ровным счетом ни о чем! А живописец должен обдумывать тысячу вещей каждую секунду, согласовывать все элементы и части картины. И создать иллюзию третьего измерения - неужто это не высокое мастерство? Вот почему жизнь художника интересна и богата, а жизнь скульптора - скучна.

От досады у Микеланджело навернулись слезы. Он проклинал себя за неумение выразить в словах те мысли; которые мог бы выразить ваятель в самом камне.

- Живопись подвержена гибели: пожар в часовне или слишком сильная стужа - и фреска начинает темнеть, обсыпаться. Но камень вечен! Ничто не может его уничтожить. Когда флорентинцы разрушили Колизей, что они сделали с его камнем? Построили из него новые стены. Лишь подумайте о греческих статуях, извлекаемых из земли, - ведь им по две, по три тысячи лет. А кто мне покажет живопись, которой было бы две тысячи лет? И поглядите на этот римский мраморный саркофаг: он так же чист и крепок, как в тот день, когда его изваяли.

- И так же холоден! - вставил Тедеско.

Майнарди поднял руку, прося внимания.

- Микеланджело, - мягко начал он, - не приходило ли тебе на ум, что скульпторы перевелись сейчас совсем по другой причине: слишком дорог у них материал. Скульптор нуждается в богатом покровителе или в каких-то людях, которые снабжали бы его мрамором или бронзой. Цех шерстяников во Флоренции сорок лет давал деньги Гиберти, пока тот работал над порталом Баптистерия.

Козимо де Медичи снабжал Донателло всем, в чем только он нуждался. Кто доставит тебе камень, кто будет поддерживать тебя, когда ты трудишься над этим камнем? Краска дешева, заказов на живопись вдоволь – поэтому-то мы и нанимаем учеников и содержим их. Ну, а что касается опасности роковых ошибок в работе скульптора, то разве лучше обстоит дело у живописца, когда он пишет фреску? Если скульптор должен видеть форму, заключенную в камне, то разве не должен живописец заранее знать, каким именно будет цвет на его фреске после того, как штукатурка высохнет и тона красок подвергнутся изменению?

Микеланджело ничего не оставалось, как покорно согласиться с этим доводом.

– Существует еще одно обстоятельство, – продолжал Майнарди. – Все, чего можно было достичь в скульптуре, все уже сделано трудами Лизано, Гиберти, Орканьи, Донателло. Возьми Дезидерио да Сеттиньяно или Мино да Фьезоле: они создавали лишь милые, очаровательные копии с творений Донателло. А Бертольдо, который помогал Донателло отливать статуи и мог бы проникнуть в секреты великого мастера, усвоенные тем у Гиберти, – что создал этот Бертольдо, кроме нескольких мелочей, представляющих собой слабый отзвук идей Донателло? А сейчас Бертольдо болен и стар, творчество его замерло. Да, скульптор способен создавать лишь копии, ибо сфера скульптуры весьма ограничена.

Микеланджело понуро опустил голову. Если бы ему было дано побольше знаний! Он сумел бы убедить этих людей, какое это великолепия – статуя, образ человека, воплощенный в камне.

Граначчи успокаивающе тронул мальчика за плечо.

– Ты забываешь, Микеланджело, что говорил Пракситель. У живописи и скульптуры одни родители: эти искусства – сестры.

Но Микеланджело отверг эту компромиссную формулу. Не говоря больше ни слова, он спустился с прохладных мраморных ступеней Собора и по вымощенным булыжником улицам побрел домой.

9

Ночью он не мог заснуть, все ворочался с боку на бок. В комнате было душно: Лодовико постоянно твердил, что воздух, проникающий в окно, не менее опасен, чем выстрел из арбалета. Буонаррото, спавший с Микеланджело в одной постели, дышал ровно и спокойно: он был спокоен всегда и во всем. Несмотря на то что Буонаррото был на два года младше Микеланджело, он опекал всех четырех своих братьев.

На кровати, которая стояла ближе к двери, за занавеской, спали два других брата – добро и зло потомства Буонарроти, Лионардо и Джовансимоне. Первый, полуголодными годами старше Микеланджело, всеми своими помыслами стремился к одному – стать святым; второй, на четыре гола младше Микеланджело, был ленив и вечно дерзил родителям; однажды он устроил пожар на кухне у Лукреции только потому, что та за что-то его наказала. Младший из братьев, Сиджизмондо, спал на низенькой кровати, стоявшей в ногах у кровати Микеланджело, под которую ее на день и задвигали. Микеланджело опасался, что из Сиджизмондо никогда ничего не выйдет – столь он был простоват и не способен к какому-либо учению.

Осторожно соскользнув с кровати, Микеланджело надел короткие штаны и рубаху, сунул ноги в сандалии и вышел из дому. Он шел по Виа делль Ангуиллара, по только что вымытым переулкам с блистающими чистотой верандами, по площади Санта Кроче, где в предрассветном сумраке высились недостроенные кирпичные стены францисканской церкви. В полуоткрытой галерее он различил очертания саркофага Нино Пизано, поддерживаемого четырьмя аллегорическими фигурами. Микеланджело повернул налево, на Виа дель Фоссо, которая шла по второй черте городских стен, миновал тюрьму, затем дом, принадлежавший племяннику Святой Екатерины Сиенской, и в конце

улицы, на Углу Ласточек, прославленную на весь город аптекарскую лавку. Отсюда он вышел на Виа Пьетрапьяна, или улицу Плоских Камней, которая вела на площадь Святого Амброджио, - в церкви на этой площади были похоронены скульпторы Верроккио и Мино да Фьезоле.

От площади мальчик направился на Борго ла Кроче, пока не вышел на сельскую дорогу под названием Виа Понтассиеве; дорога эта встречалась с притоком Арно, речкой Аффрико, по берегам которой росли пышные деревья и кусты. На перекрестке у Виа Пьяджентина перед Микеланджело встал крошечный поселок Варлунго - ко времена древних римлян тут был удобный брод, - потом мальчик снова свернул налево и стал подниматься по бугру к Сеттиньяно.

Он шел уже не меньше часа. На небе разлилась яркая, светлая заря. Взобравшись на вершину бугра, Микеланджело остановился, глядя, как похожие на женские груди холмы Тосканы, просыпаясь, вставали из мрака. На те красоты природы, которые так трогают живописцев, он почти не обращал внимания - его не волновали ни красные маки в густой зеленой пшенице, им почти черные силуэты стройных кипарисов.

И все-таки он любил долину Арно, словно бы изваянную мудрым скульптором. Господь бог был бесподобным ваятелем: холмы, гряда за грядой, уходили вдаль, к горизонту, радуя глаз нежной пластичностью очертаний. И чудесные их гребни, и округло вылепленные склоны, и виллы, и рощи, вплоть до отдельных деревьев, видимых за много верст, выступали в необычайно прозрачном воздухе четко, осязаемо, - казалось, их можно было тронуть рукой. Естественная перспектива здесь была будто перевернута: чем дальше отстоял предмет, тем ближе и доступнее он казался.

Всякий тосканец - прирожденный скульптор. Завладевая местностью, он возводил каменные террасы, разбивал виноградники и оливковые сады, умело вписывая их в холмистый ландшафт. Ни один стог сена у тосканца не был похож на другой: он придает ему то круглую форму, то овальную, то очертания зонтика, то шатра - форма стога служила здесь как бы личным знаком владельца.

Шагая по холмам, Микеланджело выбрался на проезжую дорогу, огороженную крепкими стенами - этой опорой всей жизни тосканца, дающей ему чувство уединения и безопасности, защитой его земли и его власти. Стены, сдерживая оползни со скатов холмов, достигали пяти с половиной аршин в высоту и были построены на века. Камень господствовал в здешней жизни: тосканец строил из камня дома и виллы, огораживал им свои поля, укреплял возделанную на крутых склонах почву, чтобы она не осыпалась. Местность изобиловала камнем; каждый холм представлял собой еще не открытую каменоломню. Стоило тосканцу поцарапать почву ногтем, как он находил столько строительного материала, что можно было громоздить целый город. А когда тосканец возводил стену, складывая ее из сухого дикого камня, она стояла так прочно, будто ее глыбы скреплялись самым надежным раствором.

"По умению людей обращаться с камнем можно судить, насколько они цивилизованны".

Микеланджело свернул с дороги в том месте, где она поворачивала к каменоломням Майано. В течение четырех лет, после того как у него умерла мать, Микеланджело бродил по этим местам, хотя по возрасту в ту пору ему надо было уже учиться в школе. Но в Сеттиньяно не оказалось учителя, а отец был слишком занят собой, чтобы думать об этом. И вот мальчик снова шел по старым тропинкам, где он прекрасно помнил каждый камень, каждое дерево, каждую борозду.

Он поднялся еще на один гребень и увидел поселок Сеттиньяно, полтора десятка домиков, обступавших по кругу серую каменную церковь. Это было сердце земли, выращившей не одно поколение скальпеллини - лучших в мире каменотесов, тех самых мастеров, которые построили Флоренцию. Они издавна жили здесь, в трех верстах от нее, на первой возвышающейся над долиной горной гряде, откуда так легко было доставлять камень в город.

Про вереницу холмов, которые окружали Сеттиньяно, говорили, что у них бархатная грудь и каменное сердце.

Пробираясь по маленькому поселку к имени Буонарроти, Микеланджело шел мимо десятка дворов, где обрабатывался камень, - эти дворы-мастерские примыкали к домам и всем хозяйственным постройкам каменотесов. Скоро он был у просторного двора, на котором вырос и возмужал Дезидерио да Сеттиньяно. Смерть вырвала из его рук молоток и резец, когда ему

исполнилось только тридцать шесть лет, но уже тогда он был знаменитым скульптором. Микеланджело хорошо знал изваянные им мраморные, с прелестными ангелами, надгробья в Санта Кроче и в Санта Мария Новелла и "Богоматерь", высеченную с таким искусством, что она казалась только что заснувшей, живой. Дезидерио принял в ученики Мино да Фьезоле, который был тогда молодым камнерезом, и научил его высекать из мрамора статуи. Когда учитель скончался, Мино с горя переехал в Рим.

Теперь во Флоренции не осталось ни одного скульптора. Гиберти, воспитавший Донателло и братьев Поллайоло, умер тридцать три года назад. Донателло, руководившего скульптурной мастерской почти в течение полустолетия, тоже не было в живых уже двадцать два года, и скончались все его последователи: Антонио Росселлино - девять лет назад, Лука делла Роббиа - шесть, Верроккио - совсем недавно. Братья Поллайоло вот уже четыре года как переселились в Рим, а Вертольдо, любимец Донателло и преемник его мастерства, человек широких познаний, был безнадежно болен. Андреа и Джованни делла Роббиа, выучившиеся у Луки, забросили скульптуру из камня, отдавшись глазурованным рельефам на терракоте.

Да, скульптура совсем умерла. В отличие от своего отца, который хотел бы родиться на сотню лет раньше, Микеланджело было бы достаточно сорока - тогда он мог бы учиться под руководством Гиберти - или тридцати, чтобы попасть в ученики к Донателло; родился он на двенадцать, десять или пять лет раньше, его обучали бы работе по мрамору братья Поллайоло, Верроккио или Лука делла Роббиа.

Он родился слишком поздно, а на его родине, во Флоренции, и во всей долине Арно за два с половиной столетия, с тех пор как Николо Пизано нашел в земле несколько греческих и римских мраморов и начал ваять сам, были созданы такие величайшие богатства скульптуры, каких мир после Фидия и его Парфенона еще не видел. Тайнственная чума, напавшая на тосканских скульпторов, вымела их всех до последнего; род ваятелей, некогда процветавший так пышно, исчез.

Чувствуя, как тоска сжимает его сердце, мальчик двинулся дальше.

10

Вниз по извилистой дороге, за несколько сот саженей от поселка, на участке земли в десятину с четвертью, стояла вилла Буонарроти, - теперь она была сдана на долгий срок в аренду чужим людям. Микеланджело не бывал здесь уже много месяцев. Но, как и прежде, его поразила сейчас красота обширного дома, построенного двести лет назад из лучших сортов майанского светлого камня. Линии виллы были изящны и строги, широкие портики ее смотрели на долину, где, подобно серебряной кайме, нанесенной рукой ювелира, поблескивала река.

Мальчик помнил, как когда-то ходила по этому дому его мать, как она спускалась по витым лестницам, как целовала и прощалась с ним на ночь в большой угловой комнате: из окон ее открывались владения Буонарроти, речушка, бегущая в низине, и усадьба каменотесов Тополино на ближнем холме.

Он прошел по заднему дворику виллы, ступая по чудесному камню выложенной дорожки, мимо каменного водоема, на котором был высечен изысканный решетчатый узор, - с этого узора Микеланджело делал первые в своей жизни рисунки. Затем он стремглав кинулся бежать вниз по скату - по одну сторону от него было поле пшеницы, а по другую почти вызревший виноградник - и оказался в ложине у речки, скрытой буйной листвой кустов. Он скинул с себя рубашку, штаны и сандалии и нырнул и перевертывался в воде с боку на бок, радуясь прохладе всем своим усталым телом. Потом он вылез, полежал на солнышке, чтобы обсохнуть, оделся и начал взбираться на противоположный склон холма.

Завидя двор Тополино, он остановился. Перед ним была картина, которую

он любил и которая всегда давала ему ощущение прочного домашнего покоя: отец семейства обтачивал стальными резцами круглую, с продольными желобками, колонну, младший сын тесал лестничные ступени, один из старших сыновей вырезывал изящный наличник, а другой обрабатывал плиту для пола; подсыпая мелкий речной песок, дед на пемзовом круге полировал колонну. Сзади, в стене, виднелись три пиши, подле них разгуливали куры, утки и поросята.

В глазах мальчика разницы между каменотесом и скульптором не существовало, ибо каменотесы были великолепными мастерами и от них зависело, как раскроется и заиграет фактура и цвет светлого камня. Разница могла быть в степени мастерства, но не в существе работы: каждый камень, пошедший на дворцы Пацци, Питти или Медичи, вырубался, обтесывался и обтачивался так, будто это было произведение скульптуры. Как на произведение скульптуры и смотрел на него каменотес-сеттиньянец. Мастера послабее изготавливали строительный камень для обычных домов и для мощения улиц. Флорентинцы кичились своими каменными мостовыми – весь город с гордостью говорил, что однажды, когда ко дворцу Синьории везли осужденного человека, чтобы там его повесить, и телега начала подпрыгивать и трястись на камнях, этот человек с возмущением крикнул:

- Ну что за болваны тесали эти плиты?
- Тополино-отец услышал шаги Микеланджело.
- Buon di, Микеланджело. Добрый день.
- Buon di, Тополино.
- Come va? Как дела?
- Non c'e male. E tu? Неплохо. А у тебя?
- Non c'e male. Как поживает почтенный Лодовико?
- Спасибо, хорошо.

В действительности Тополино не очень уж интересовался жизнью Лодовико: ведь не кто иной, как именно Лодовико запрещал Микеланджело посещать дом каменотесов. Семейство по-прежнему сидело на своих местах и не прерывало работы: каменотес не любит нарушать уже налаженный ритм. Двое старших сыновей и один младший, ровесник Микеланджело, ласково сказали ему:

- Benvenuto, Микеланджело. Привет.
- Salve, Бруно. Salve, Джильберто. Salve, Энрико.

Слово каменотеса всегда скупое и краткое, оно произносится в лад с ударом молотка, за ту же секунду. Работая над камнем, мастер избегает разговаривать: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь – летят секунды, и ни одного звука не срывается с губ, лишь в едином ритме качаются плечи и движется рука, сжимающая резец. Затем, в течение короткой паузы между двумя очередями ударов, каменотес может заговорить: раз, два, три, четыре. Все, что он скажет, должно уложиться в этот счет – раз, два, три, четыре, иначе фраза останется недоговоренной. Если высказываемая мысль сложна, ее приходится делить, прибегая к паузам, и подчиняться тому же четырехтактному ритму, в два или три приема. Однако каменотес умеет выразить свою мысль, ограничившись теми необходимыми словами, которые точно входят в один четырехтактный промежуток.

В детстве каменотес не знает никаких школ. Заклячая договоры, Тополино буквально все подсчитывал на пальцах. Когда кому-либо из его сыновей исполнялось шесть лет, он вручал мальчику, как вручил однажды и Микеланджело, молоток и резец; в десять лет мальчишки трудились уже полный рабочий день, как взрослые. Браки у каменотесов заключались только в своем кругу. Контракты с подрядчиками и архитекторами передавались по наследству, из поколения в поколение, – тот же порядок царил и в каменоломнях Майано; ни один сторонний человек не мог получить там работы.

Около ниши стояла большая овальная плита, на ней были насечены образцы обработки светлого камня: в елочку, ямкой, рустом, перекрестным штрихом, в линию, скосом, прямым углом, возвратной ступенькой. Это была первая азбука, с которой познакомился Микеланджело, – он до сих пор ладил с нею куда лучше, чем с той, буквенной, по которой его учили читать Библию и Данте.

- Тополино заговорил вновь:
- Ты пошел в ученики к Гирландайо?
- Пошел.

- Тебе нравится там?
- Не очень.
- Рессато. Жаль.
- Братся не за свое дело - все равно что варить суп в корзине, - отозвался дедушка.
- Почему же ты не уходишь оттуда? - спросил средний брат.
- А куда мне уходить?
- Мы могли бы взять резчика. - Это произнес Бруно, старший сын. Микеланджело перевел взгляд с сына на отца.
- Davvero?
- Davvero. Правда.
- Вы возьмете меня учеником?
- По камню ты давно уже не ученик. Ты войдешь в долю.
У него екнуло сердце. Все молча работали, пока Микеланджело в остолбенении смотрел на Тополино-отца: ведь тот предлагал ему хлеб, часть рациона своей семьи.
- Мой отец...
- Ессо! Э, нет!
- Можно мне поработать?
Дед, вращая круг, ответил:

- "Даже самая малая помощь и та на пользу", - так говорил один человек, ступая в воду Арно, когда у его сына в Пизе села лодка на мель.

Микеланджело пристроился у шероховатой, неотделанной колонны, взяв в одну руку молоток, а в другую резец. Он любил ощущать тяжесть инструмента, любил камень - это весомая, конкретная вещь, а не какая-то абстракция. Никто не мог спорить и рассуждать о камне вкривь и вкось, с разных точек зрения, как рассуждают о любви или о боге. Ни один теоретик никогда еще не выломал ни одной каменной глыбы из ее земного ложа.

У Микеланджело была природная сноровка в работе, она не исчезла и теперь, хотя он не держал в руках молотка уже несколько месяцев. Под его ударами светлый камень откалывался и отлетал, словно сухое печенье. Был естественный ритм между движением его груди, вдохом и выдохом, и движением молотка вверх и вниз, когда он вел свой резец поперек ложбины. Прикосновение к камню, молчаливая работа над ним наполняла его чувством уверенности, что все на свете опять хорошо; удар, нанесенный по резцу, приятно отдавался в руках и волной шел к плечам и груди, потом эта волна скатывалась вдоль живота вниз, порождая радостную тяжесть в ногах.

Светлый камень, над которым трудились Тополино, был тяжел на вес, живого голубовато-серого цвета, он лучился и мерцал на свету, на нем отдыхал глаз. При всей своей прочности он был упруг и хорошо поддавался резцу, нрав у него был такой же веселый, как и цвет: камень одарял ясностью итальянского голубого неба всех, кто к нему приобщался.

Тополино научили Микеланджело работать, испытывая к камню дружеское чувство, раскрывая его естественные формы, его горы и долины, даже если с первого взгляда он мог показаться сплошным монолитом. Тополино говорили мальчику, что никогда не надо серчать на камень, раздражаться на него.

"Камень работает вместе с тобой. Он раскрывает себя. По ты должен бить и резать его правильно. Камень не противится резцу. Резец его не насилует. Перемена, изменение формы лежит в природе камня. Каждый камень обладает своим, особым характером. Его надо постигнуть. Обращайся с камнем осторожно, иначе он расколется. Никогда не доводи камень до того, чтобы он погибал от твоих рук".

"Камень отзывается на любовь и уменье".

Первый урок, который усвоил Микеланджело, сводился к тому, что сила и крепость заключены в самом камне, а не в руках каменотеса или в его инструменте. Господином был камень, а не мастер, обрабатывающий его. Если даже резчик и вообразит, что он господин, то камень сразу же начнет противиться и перечить ему. А если каменотес будет бить камень, как невежда мужик бьет свою скотину, то наполненный светом, дышащий материал делается тусклым, бесцветным, уродливым - он умрет под рукой каменотеса. Сталкиваясь с грубым ударом и руганью, с нетерпением и ненавистью, он закутывает свою мягкую внутреннюю сущность жестким каменным покрывалом. Камень можно разбить вдребезги, по подчинить его себе насилуем нельзя. Он уступает только любви и участию - тогда он сияет и искрится особенно

празднично, делается гибким и текучим, являет глазу свои соразмерности.

С самого начала Микеланджело научили, что у камня есть одна тайна – его надо закрывать на ночь, ибо он непременно даст трещину, если на него упадут лучи полной луны. Внутри любой каменной глыбы есть рыхлые места и свищи. Чтобы они не давали себя знать, камень необходимо держать в тепле, укрывая его мешковиной – при этом мешковина должна быть влажной. Зной придает поверхности камня такую же грубую шершавость, какая у него была в горах, до того, как его выломали. Лед является врагом камня.

"Камень может разговаривать с тобой. Послушай, как он отзывается, когда ты ударяешь по нему молотком".

Камень называли тем словом, которое обозначает самую лучшую, самую дорогую пищу: *carne*, мясо.

Сеттиньянцы чтили камень. Для них это был самый прочный, самый долговечный материал в мире; из камня они строили свои дома, дворы и амбары, церкви, города, камень давал им в течение тысячелетия занятие, мастерство, независимость, пропитание. Камень был не царем, камень был богом. Они поклонялись камню, как поклонялись ему их предки-язычники этруски. Они прикасались к нему с благоговением.

Микеланджело знал, что каменотесы народ гордый: ухаживать за коровами, свиньями, виноградниками, оливами, пшеницей – это была работа как работа, и они делали ее хорошо для того, чтобы хорошо питаться. Но работа над камнем – о! это уже совсем другое: человек вкладывал в нее свою душу. Разве не жители Сеттиньяно добыли камень в горах, обработали его, построив из него самый очаровательный город в Европе, жемчужину камнерезного искусства – Флоренцию? Красоту этого города создавали не только зодчие и скульпторы, ее творил и скальпеллино – не будь каменотеса, город никогда не обрел бы своего удивительного разнообразия в формах и в убранстве.

Монна Маргерита, расплывшаяся, толстая женщина, заботам которой были отданы в хозяйстве, не считая печки и корыта, скот и посевы, вышла во двор и, задержавшись у ниши, стала прислушиваться к разговору. Именно о ней с такой горечью говорил недавно Лодовико, когда Микеланджело признался, что хочет работать руками:

– Ребенок, которого отдают кормилице, с молоком впитывает и ее представления о жизни.

Два года Маргерита кормила грудью Микеланджело вместе со своим мальчиком, а с того дня, как у нее пропало молоко, она поила детей вином. Водой мальчиков она только обмывала, собираясь вести их к мессе. Микеланджело любил монну Маргериту почти так же, как и монну Алессандру, свою бабушку, он верил в неизменную ее доброжелательность и готовность помочь.

Он поцеловал ее в обе щеки.

– Добрый день, сын мой!

– Добрый день, милая бабушка.

– Будь терпелив, – сказала монна Маргерита. – Гирландайо – хороший мастер. Кто владеет искусством, тот не будет без хлеба.

Тополино-отец поднялся с места.

– Мне надо ехать за камнем в Майано. Ты мне не поможешь, Микеланджело?

– С удовольствием. До свидания, дедушка. До свидания, Бруно. Джильберто, Энрико, до свидания.

– Addio, Микеланджело.

Тополино-отец и Микеланджело сидели бок о бок на телеге, которую тянули два белых вола с великолепными мордами. В полях было видно, как сборщики олив взбирались на легкие деревянные лесенки с тонкими поперечинами. У каждого сборщика к животу веревкой была подвязана корзина. Сборщики притягивали к себе ветви левой рукой, а правой обдирали с них маленькие черные плоды, делая движение сверху вниз, как при дойке коров. Сборщики олив – народ разговорчивый: сидя по двое на дереве, они постоянно переговаривались друг с другом, ибо молчание для них было почти равнозначно смерти. Тополино сказал сквозь зубы:

– Голубю только бы слушать, как воркует другой голубь.

Извилистая дорога, огибая гряды холмов, спускалась в долину, затем исподволь шла вверх к горе Чечери, к каменоломне. Когда повозка объезжала Майано, Микеланджело увидел ущелье, где уже поблескивал серо-голубой светлый камень с темными железистыми прожилками. Светлый камень лежал

горизонтальными пластами. Именно в этой каменоломне Брунеллески выбирал себе материал, возводя прекрасные церкви Сан Лоренцо и Санта Спирито. Высоко на скале несколько человек вгоняли в камень металлические буры, обозначая глыбу, которую следовало выломать. Микеланджело видел знаки, оставленные орудиями камнеломов на горе, – слои камня сдирали здесь с поверхности так, как отделяют лист за листом от пачки пергамента.

Наверху, где шла работа, в жарком воздухе мерцала пыль, – там камень рубили, кололи, обтачивали: мокрые от пота люди, низкорослые, худые, жилистые, неустанно трудились тут от зари до зари; с помощью молотка и резца они могли отсечь кусок глыбы с такой же точностью, с какой рисовальщик проводит пером линию на бумаге, приложив линейку; их упорство, сила и выдержка были столь же тверды, как и скала, которую они разрабатывали. Микеланджело знал этих людей с шестилетнего возраста, когда он начал ездить сюда на белых полах с Тополино. Они здоровались с ним, справляясь, как у него дела: древний народ, всю свою жизнь имеющий дело с самой простой, самой элементарной силой на земле – с камнем гор, созданных в третий день творения.

Тополино осмотрел свежевыломанные глыбы, бросая на ходу те ворчливые замечания, к которым давно привык Микеланджело.

– У этого камня явный свищ. А в этом чересчур много железа. А тут сланец: он будет выпадать кристаллами, как сахар на булочке. А в этом непременно есть пустоты.

И, перелезая через глыбы и оказавшись уже где-то на краю утеса, громко крикнул оттуда:

– А! Вот чудесный кусок мяса!

Существует способ шевельнуть, стронуть камень с места, надавливая на него сверху в разных местах. Микеланджело умел делать это, не прибегая к помощи рук. Взобравшись на камень, он раскачивался, перемещая свою тяжесть с одной ноги на другую, – камень чуть шелохнулся, а Тополино сразу же подsunул в образовавшийся под ним зазор железный ломик. Подталкивая глыбу, они выкатили ее на открытую площадку, затем, с помощью рабочих, каменный блок был погружен в повозку.

Подлом рубашки Микеланджело вытер с лица пот. Дождевые облака плыли с гор над долиной Арно к северу. Он стал прощаться с Тополино.

– До завтра, – сказал Тополино, хлестнув волов и трогаясь в путь.

"До завтра, – подумал Микеланджело. – Завтра – это тот день, когда я займу свое место в семействе Тополино, хотя и не знаю, когда он настанет – через неделю или через год".

Он стоял на холме, ниже Фьезоле, каменоломни были теперь позади. Теплый дождь кропил ему лицо. Силуэты ветвистых олив отливали серебристо-зеленым. Крестьянки в цветных платках на голове жали пшеницу. Там, внизу, виднелась Флоренция – кто-то словно бы обсыпал ее мелкой сероватой пылью, обесцвечив красный ковер черепичных кровель. Но четко рисовался похожий на женскую грудь купол Собора и горделиво взлетала к небу башня Синьории – оба эти здания, под сенью которых расцветала и разрасталась Флоренция, как бы олицетворяли собою город.

Микеланджело стал спускаться с холмов на дорогу, сердце его ликовало.

11

Пропустив без разрешения целый рабочий день, Микеланджело пришел в мастерскую спозаранок. Гирландайо на этот раз не уходил домой и трудился при свечах всю ночь. Он был небрит, синеватая щетина на подбородке и впалых щеках придавала ему вид отшельника.

Микеланджело подошел к помосту, на котором величественно, словно бы господствуя над всей мастерской, возвышался стол Гирландайо, и стал ждать, когда учитель заговорит с ним. Не дождавшись этого, он спросил:

– Что-нибудь не ладится?

Гирландайо встал, поднял руки и вяло помахал ими, как бы отгоняя от себя заботы. Микеланджело подошел к столу и бросил взгляд на десяток незаконченных набросков Христа, которого крестил Иоанн. И Христос и Иоанн выглядели на рисунках хрупкими, почти изнеженными.

- Прямо-таки ролею перед этим сюжетом, - тихо, словно разговаривая с самим собой, сказал Гирландайо. - Боюсь, что Иисус чересчур смахивает у меня на какого-то флорентинца.

Он схватил перо и стал поспешно набрасывать новый рисунок. На листе бумаги появилась неуверенная фигура, казавшаяся еще бесцветней и слабей оттого, что рядом был уже твердо и смело очерчен Иоанн, стоявший с чашей воды в руке. Гирландайо с отвращением бросил перо и пробормотал, что идет домой отсыпаться. Вслед за ним вышел и Микеланджело. Он прошел на задний двор и при ясном свете занимавшегося летнего утра принялся рисовать, делая набросок за наброском.

Он упорно работал всю неделю, стараясь найти то, что хотел. А потом взял свежий лист бумаги и запечатлел на нем фигуру с могучими плечами, мускулистой грудью, широкой поясицей, упругим овальным животом; ее сильные, большие ноги упирались в землю прочно, будто вросшие: это был человек, который мог одним ударом молота расколоть глыбу светлого камня.

Когда Микеланджело показал своего Христа Гирландайо, тот возмутился:

- У тебя был натурщик?

- Каменотес из Сеттиньяно, который помогал меня вырастить.

- Вот тебе на - Христос и каменотесы!

- Но Христос был плотником!

- Флоренция не примет Христа-мастерового, Микеланджело. Она привыкла видеть его благородным, изящным.

Микеланджело едва заметно улыбнулся.

- Когда я только начинал у вас учиться, вы мне сказали: "Живопись, рассчитанная на века, - это мозаика". И велели посмотреть в церкви Сан Миниато мозаику десятого столетия - "Христа" Бальдовинетти. Он показался мне совсем не похожим на торговцев шерстью из Прато.

- Надо отличать грубость от силы, - возразил Гирландайо. - Юноша всегда это может спутать. Я тебе расскажу один случай. Однажды, совсем еще молодым. Донателло потратил уйму времени, вырезывая деревянное распятие для церкви Санта Кроче. Кончив распятие, он понес показать его своему другу Брунеллески. "Сдается мне, - сказал ему Брунеллески, - что ты поместил на кресте какого-то пахаря, а не Иисуса Христа, которым был весьма нежен во всех своих членах". Донателло, огорченный замечанием старшего друга, воскликнул: "Сделать распятие не так легко, как судить и рассуждать о нем... Попробуй-ка сделать сам!" В тот же день Брунеллески принялся за работу. Потом он пригласил Донателло к себе пообедать, а по дороге друзья купили яиц и свежего сыра. И вот когда Донателло увидел в доме Брунеллески распятие, он так восхитился им, что всплеснул руками и выпустил фартук с покупками, уронив на пол и сыр и яйца. Брунеллески, смеясь, спросил его: "Что же теперь будет с обедом, Донато, - ведь ты разбил все яйца?" Донателло был не в силах оторвать свой взгляд от великолепного распятия и сказал Брунеллески так: "Да, ты можешь извять Христа, а мне надо ваять лишь пахарей".

Микеланджело знал оба распятия, о которых говорил Гирландайо: распятие Брунеллески находилось в церкви Санта Мария Новелла. Запинаясь, он стал объяснять учителю, что предпочитает Донателлова пахаря неземному, возвышенному Христу Брунеллески: тот такой хрупкий и слабый, словно его для того и создали, чтобы распять. Для Донателлова же Христа распятие явилось ужасающей неожиданностью - такой же бедой, как и для Марии и всех других, кто был у подножия креста. Микеланджело склонялся к мысли, что возвышенную одухотворенность Христа надо связывать не с телесной его хрупкостью, а с непреложностью и вечностью его учения.

Богословские премудрости ничуть не интересовали Гирландайо. Нетерпеливо отмахнувшись от ученика, он погрузился в работу. Микеланджело вышел во двор и сел на горячем солнце, опустив голову. Он надоел самому себе.

Через несколько дней вся мастерская гудела от возбуждения. Гирландайо закончил своего Христа и теперь переносил рисунок на картон, в полную величину, в красках. Когда Микеланджело допустили взглянуть на готовую работу, он был поражен до глубины души: перед ним оказался его Христос!

Ноги, жилистые, с узловатыми коленями, чуть вывернуты, в неловком положении; грудь, плечи и руки работника, таскавшего бревна и рубившего дома; округлый, выпуклый живот человека, не чуждавшегося земной пищи, – по своей жизненной силе этот образ Христа далеко превосходил все те скованные и застывшие фигуры, которые Гирландайо создал для хоров Торнабуони.

Если Микеланджело ждал, что Гирландайо признает, кто именно повлиял на его работу, то он глубоко заблуждался. Гирландайо явно забыл и свой недавний спор с учеником, и его набросок.

На следующей неделе вся боттега, как один, двинулась в церковь Санта Мария Новелла, чтобы начать работу над "Успением Богородицы", – эту фреску надо было вписать в полукруглый люнет над левым крылом хоров. Особенно радовался работе Граначчи: Гирландайо поручил ему фигуры апостолов. Он карабкался на подмости, напевая себе под нос песенку о любви к Флоренции – героине всех любовных флорентинских баллад. Поднялся на леса и Майнарди – ему предстояло работать над фигурой женщины, склонившейся на коленях слева от распростертой Марии; с правого края пристроился Давид: он писал свой излюбленный мотив – тосканскую дорогу, лентой вьющуюся между гор по направлению к белой вилле.

Церковь в этот ранний час была пуста, лишь несколько старушек в черных платках молились перед статуей божьей матери. Холщовые полотнища, занавешивающие хоры, были сейчас раздвинуты, чтобы впустить свежий воздух. Микеланджело стоял в нерешительности под лесами, никто не обращал на него внимания. Потом он побрел по длинному центральному нефу на снявший впереди яркий солнечный свет. Он повернулся и еще раз взглянул на поднимающиеся к потолку леса, на тусклые в этот ранний час витражи на западной стене, на мерцавшие краски нескольких уже законченных фресок, на учеников и помощников Гирландайо, струдившихся вверху у люнета, на подмости, где лежали холсты, мешки с известью и песком, на дощатый стол, заваленный инструментами и материалами, – все, что различал в храме глаз, было окутано мягким сиянием.

Посредине церкви стояло несколько деревянных скамеек. Он поставил одну из этих скамеек на удобное место, вытащил из-под рубахи бумагу и угольный карандаш и принялся зарисовывать все, что видел перед собой.

Он очень удивился, заметив, как по лесам поползли тени.

– Время обедать! – крикнул; наверху Граначчи. – Это странно, но, когда пишешь духовный сюжет, у тебя разыгрывается зверский аппетит.

– Сегодня пятница, – отозвался Микеланджело, – и вместо говядины ты получишь рыбу. Иди один, я есть не хочу.

Когда церковь опустела совсем, он мог без помех зарисовывать устройство хоров. Но художники вернулись и вновь полезли на леса гораздо раньше, чем он предполагал. Солнце зашло теперь с запада, глянуло в окна и залило храм густыми красноватыми лучами. Микеланджело вдруг почувствовал, что кто-то сверлит его сзади взглядом, он обернулся и увидел Гирландайо. Мальчик не произнес ни слова.

– Я не могу поверить, чтобы у такого юнца, как ты, и вдруг открылся подобный дар, – хрипло прошептал Гирландайо. – В твоём рисунке есть вещи, которые недоступны даже мне, а ведь я работаю больше тридцати лет! Приходи завтра в мастерскую пораньше. Быть может, теперь мы придумаем для тебя что-нибудь более интересное.

Когда Микеланджело шагал домой, лицо его пылало от восторга. Граначчи подтрунивал над ним:

– Ты сейчас похож на прекрасного святителя с картины фра Анжелико. Ты словно паришь над мостовой.

Микеланджело лукаво взглянул на приятеля.

– Парю как – на крыльях?

– Никто не посмеет назвать тебя святым хотя бы из-за твоего сварливого характера. Но всякое честное усилие пересоздать то, что уже создано господом...

– ...есть своеобразный способ поклонения господу?

– ...есть любовь к божьему творению. В противном случае зачем бы трудиться художнику?

– Я всегда любил господу, – просто ответил Микеланджело.

Утром он еле дождался, когда над Виа деи Бентаккорди начала светлеть узкая полоса неба. По мостовой Виа Ларга стучали копыта осликов и волов, а

их деревенские хозяева подремывали в своих тележках, везя всякую снедь к Старому рынку. В лучах зари мраморная колокольня Джотто сняла белым и розовым. Как ни спешил Микеланджело, шагая по улицам, он все же посмотрел и подивился на купол, возведенный гением Брунеллески после того, как недостроенное здание Собора стояло открытым небу и стихиям больше сотни лет, ибо никто не знал, как завершить его, не прибегая к горизонтальным затяжкам.

Когда Микеланджело явился в мастерскую, Гирландайо уже сидел за своим столом.

- Скучнее сна занятий не придумаешь, - сказал он, поздоровавшись. - Возьми-ка вот этот стул и садись.

Мальчик уселся перед Гирландайо, а тот, стараясь лучше осветить мастерскую, отдернул на северной стене занавес.

- Поверни голову. Еще, еще, чуть больше. Мне надо нащупать образ юного Иоанна, покидающего город и уходящего в пустыню. Я все не находил подходящую натуру, но вот вчера увидел, как ты работаешь в церкви.

Микеланджело едва проглотил пилюлю. И это после стольких бессонных ночей, после всех его дум и мечтаний рисовать целые картоны для фресок, которых еще ждет церковь Санта Мария Новелла!

12

Но Гирландайо и не думал обманывать своего ученика. Однажды он кликнул Микеланджело, показал ему весь план фрески "Успение Богородицы" и небрежно добавил:

- Мне хочется, чтобы ты вместе с Граначчи поработал над этой сценой с апостолами. Испытай свою руку на фигурах слева, заодно нарисуй и ангелочка, который будет сзади.

Граначчи не ведал чувства зависти и работал с Микеланджело охотно. Скоро у них были готовы фигуры двух апостолов: один из них поддерживал рыдающего Иоанна, другой, выше ростом, стоял, понуро склонив лысую голову.

- Приходи завтра после заутрени в мастерскую, - сказал Граначчи. - Я дам тебе урок, как работать на стене.

Граначчи в самом деле вывел Микеланджело во двор мастерской и не один час учил его готовить стену под роспись.

- Заметь, что стена у тебя должна быть прочной, ибо, если она начнет крошиться, погибнет и твоя фреска. Следи, чтобы нигде не было и грана селитры: малейшее селитряное пятнышко съест всю роспись. Избегай применять песок, добытый близко от моря. А известь чем старше, тем лучше. Теперь я покажу тебе, как надо пользоваться мастерком, штукатуря стену. Помни, что известь надо замешивать как можно гуще, она должна быть не жиже сливочного масла.

Микеланджело покорно выполнял все, что приказывал друг, но потом взмолился:

- Граначчи, я хочу рисовать, мне надо в руки перо, а не мастерок!

- Художник обязан знать свое ремесло во всех его низменных подробностях, - резко заметил Граначчи. - Как ты можешь требовать, чтобы подмастерье затер и выровнял для тебя стену, если сам не умеешь приготовить штукатурку?

- Ты прав. И раз это так, я буду мешать известь еще и еще.

Когда раствор был готов, Граначчи сунул в одну руку Микеланджело деревянный сокол, а в другую - упругий, длиной дюймов в пять, мастерок, которым надо было набрасывать раствор на стену. Скоро Микеланджело приноровился к мастерку и работал не без удовольствия. Когда штукатурка достаточно просохла, Граначчи приложил к стене старый картон с рисунком, а Микеланджело длинным шильцем из слоновой кости стал протыкать по очертаниям фигур отверстия, затем припудрил эти отверстия толченым углем. Потом картон убрали, и Микеланджело соединил угольные отметки, проведя по

ним линию красной охрой. Теперь оставалось только дожидаться, когда высохнет охра, и птичьим крылышком счистить толченый уголь.

В мастерской появился Майнарди и, увидя, что происходит, тоже начал поучать Микеланджело.

- Ты должен помнить, что густота свежей штукатурки изменяется. Если ты работаешь утром, следи, чтобы твои краски были пожиже и не закрывали наглухо поры грунта. Под вечер краски тоже должны быть жидкими: штукатурка к тому времени плохо впитывает их. Лучшее время для письма - середина дня. Но прежде чем писать красками, необходимо научиться их растирать. Ты знаешь, что существует всего-навсего семь естественных красок. Давай начнем с черной.

Краски покупались в аптеке кусками величиной с грецкий орех. Растирались они на порфировой плите пестиком из того же порфира. Хотя считалось, что на растирание их достаточно получаса, Гирландайо для своих фресок брал только такую краску, которую растирали не менее двух часов самым тщательным образом.

- Мой отец прав, - сказал Микеланджело, посмотрев на свои запачканные черной краской пальцы. - Быть художником - это прежде всего работать руками!

Дверь мастерской отворилась, и вошел Гирландайо.

- Стой, стой! - воскликнул он. - Микеланджело, если тебе нужен просто черный цвет, пользуйся сажей; если же ты хочешь, чтоб и в черном играли какие-то отливы - добавь к черной краске малость зеленой, - вот так, прямо с ножа! - И, словно разогревшись от этих речей, он сбросил с головы берет. - Для того чтобы получить телесные тона, ты должен взять две части красного железняка и одну часть извести. Давай-ка я покажу тебе пропорции.

Теперь на пороге появился Давид, держа в одной руке пачку счетов, а другой прижимая к боку большую бухгалтерскую книгу.

- Ну какой толк рассказывать ему о красках, - заявил он, - если парень не знает, как изготовить кисть? Ведь хорошую кисть где попало не купишь. Вот эти кисти, Микеланджело, сделаны из щетины белой свиньи, но свинья должна быть непременно домашняя. На одну кисть берется фунт щетины. Щетину надо плотно перевязать, вот так - видишь?..

Микеланджело поднял свои запачканные руки вверх и воскликнул с насмешливым отчаянием:

- Караул! Видно, вы решили за одно воскресное утро обучить меня всему тому, на что уходит три года!

Наконец стена для фрески Граначчи была готова, и Микеланджело поднялся к нему на леса, чтобы занять место подручного. Гирландайо еще не разрешал Микеланджело брать за кисть, но мальчик уже неделю работал, накладывая штукатурку и смешивая краски.

К тому времени, когда Микеланджело закончил собственный рисунок для "Успения Богородицы" и мог приступить к первой своей настенной росписи, настала осень. Стояли светлые, ясные дни начала октября. Урожай был уже всюду собран, вино выжато, оливковое масло слито в огромные кувшины; сельский люд рубил в лесу дрова и свозил сучья, заготавливая топливо на зиму, поля лежали под паром, а древесная листва сплошь стала рыжевато-коричневой, напоминая теплые краски каменных зубцов башни Синьории.

Друзья поднялись на подмости, где уже были расставлены ведра с известью и водой, заготовлены кисти, плоски, картоны и цветные эскизы. Микеланджело покрыл штукатуркой небольшой участок стены, потом прижал к ней картон, на котором был изображен седовласый святой с большой бородой и огромными глазами. Затем было пущено в ход костяное шильце, толченый уголь, красная охра для соединительных линий, птичье крылышко, чтобы счистить следы угля. И вот уже Микеланджело смешал краски, добываясь зеленого тона, и мягкой кистью наложил на стену первый красочный слой. Потом взял заостренную, с тонким кончиком кисть и, обмакнув ее в более темную краску, очертил лицо святого: крупный римский нос, глубокие глазницы, белые волосы, волной спускавшиеся до плеч, усы и пышную, окладистую бороду. Легко и свободно, едва взглянув на рисунок, он прописал шею старика, плечи и руки.

Теперь, намереваясь продолжить работу, он вопрошающе посмотрел на Граначчи.

- Нет, милый Микеланджело, я тебе уж ничем не могу помочь, - ответил на его немой вопрос Граначчи. - Все теперь зависит от тебя самого и от бога. Buona fortuna! Желая успеха!

И с этими словами он спустился с лесов.

Микеланджело стоял на высоких хорах один, - под его дощатым наместом, далеко внизу, была и церковь, и весь мир. На какое-то мгновение у него закружилась голова. Как странно выглядела церковь сверху - она была такая огромная, глубокая, пустая. Запах свежей, волглой штукатурки и едких красок щекотал ноздри. Он крепко ухватил кисть. Пальцами левой руки он тщательно выжал ее, помня, что утром краски должны быть пожиже, потом взял на кисть немного темно-зеленой и начал прописывать затененные места на лице, под подбородком, у крыльев носа, в уголках рта, в надбровье.

За все время, пока Микеланджело работал над фреской, он лишь однажды обратился к учителю, попросив совета:

- Как мне смешивать краски, чтобы они были точно такой же яркости, что и вчера?

- А ты каждый раз взвешивай на кончике ножа кусок краски, который отковыриваешь. Рука в этом деле куда чувствительней, чем глаз.

Целую неделю он работал один. Вся боттега могла прийти на помощь, если бы он захотел, но без зова никто к нему не приближался. Это было его крещение.

Однако уже на третий день все хорошо видели, что Микеланджело нарушает правила. Пользуясь зарисовками, которые он сделал на Старом рынке, наблюдая там двух мужчин, Микеланджело писал обнаженные фигуры и лишь потом набрасывал на них одеяния, тогда как все художники обычно писали человеческую фигуру сразу в одежде, показывая тело только движением складок.

Гирландайо и не пытался остановить ученика, он даже не делал ему замечаний, а лишь бормотал потихоньку:

- ...я рисую их в том виде, в каком господь бог сотворил Адама!

Микеланджело ни разу в жизни не видел ангелов, поэтому он не знал, как их рисовать. Еще затруднительнее было решить, как изображать крылья: никто не мог ему сказать, были ли они из плоти и крови или из какого-то прозрачного, просвечивающего материала, вроде тех тканей, что изготавливают шерстяной или шелковый цехи. И никто не мог ему разъяснить, из чего состояли светящиеся нимбы, - было там что-то твердое, наподобие металла, или воздушное, как радуга?

Сотоварищи безжалостно издевались над Микеланджело.

- Ты мошенник, - нападал на него Чьеко. - Ведь это у тебя не крылья...

- И обманщик, - добавлял Бальдинелли. - Ты затемнил крылья так, что никто их и не разглядит.

- А что касается нимба, то даже не поймешь - нимб это или случайное пятнышко на стене, - изощрялся Тедеско. - В чем же дело? Или ты не христианин, Микеланджело?

- А может, ты ни во что и не веруешь?

Микеланджело страдальчески улыбался:

- Мой ангел - это сын столяра, он живет внизу под нами. Я уговорил столяра, и он вырезал парню крылья...

Две фигуры, над которыми трудился Микеланджело, составляли как бы отдельную картину. Помещались они в нижнем углу люнета, под остроконечной горой, увенчанной рыцарским замком. Остальное пространство люнета было заполнено двадцатью фигурами, окружавшими смертное ложе богородицы с высоким изголовьем, лики святых и апостолов были изображены почти с одним и тем же горестным выражением. Самое Марию было трудно разглядеть.

Когда Микеланджело, закончив работу, спустился с лесов, Якопо взял в руки маленькую черную шляпу Давида и обошел с нею мастерскую по кругу: все бросали в шляпу по несколько скуди, чтобы купить в складчину вина.

Якопо провозгласил первый тост:

- За нашего нового товарища, который скоро будет учиться у Росселли!

Микеланджело был горько обижен.

- Зачем ты так говоришь?

- Затем, что ты погубил люнет.

Вино Микеланджело не правилось никогда, но этот стакан кьянти показался ему особенно кислым.

- Замолчи, Якопо, я не хочу тебя слушать. И не хочу никаких ссор.

Когда день был уже на исходе, Гирландайо подозвал Микеланджело к своему столу. Он не сказал ему ни слова по поводу фрески, не похвалил, не побранил - будто мальчик никогда и не поднимался на леса и не писал этих святых.

- Вот все говорят, что я завистлив, и, пожалуй, не ошибаются, - начал он, уставясь своими темными глазами на Микеланджело. - Но только я завидую не тем двум твоим фигурам - они незрелы и грубы. Может, они по-своему и примечательны, но отнюдь не тем, что исполнены лучше, чем пишут в нашей мастерской, - нет, они сделаны совсем в другом духе. Мой шестилетний Ридольфо - и тот выдерживает стиль боттеги точнее, чем ты. Но я хочу сказать без обиняков: понимая, какие у тебя способности к рисованию, я завидую твоему будущему.

Микеланджело слушал его с чувством смирения, которое испытывал редко.

- Что я собираюсь с тобой сделать? Отослать тебя к Росселли? Нет и еще раз нет! Нам предстоит уйма работы над новыми фресками. Ты будешь готовить картон с фигурами для правой стороны. Только, будь добр, ничего не выдумывай, не лезь на рожон.

Поздно вечером в тот же день Микеланджело вернулся в опустевшую мастерскую, вынул из стола Гирландайо свои копии старых рисунков и положил туда подлинники. А наутро, проходя мимо Микеланджело, Гирландайо тихонько сказал:

- Спасибо, что ты вернул мне рисунки. Надеюсь, они были тебе полезны.

13

Зима в долине Арно выпала в тот год едва ли не худшая на всю Италию. Небо было свинцового цвета, стужа, проникая сквозь камень и шерстяную ткань, больно кусала тело. Вслед за холодами пришли дожди, вода текла по замощенным булыжником улицам целыми реками. А все, что было не замощено, покрылось грязью, превратилось в болото. Единственным памятным зрелищем для флорентинцев был в эту зиму приезд Изабеллы Арагонской: она остановилась в городе, направляясь в Милан, чтобы обвенчаться там с герцогом; ее сопровождала обширная свита дам и кавалеров, разодетых на деньги отца Изабеллы, герцога Калабрийского.

В мастерской Гирландайо был всего-навсего один камин. Художники усаживались подле него, лицом к огню, за полукруглый стол и сидели, прижимаясь друг к другу, - спины их были на холоде, но руки все же согревались, и можно было работать. Церковь Санта Мария Новелла вымерзла и того сильнее. На хорах держался морозный сумрак, будто в подземелье. По церкви гулял ветер, раскачивая доски и кожаные ремни лесов. Писать там было немисливо: жгучий, словно ледяная вода, воздух затруднял дыхание.

Но как ни сурова была зима, стояла она недолго. В марте северный ветер стих, солнце стало горячее, а небе проглянула голубизна. На второй день после того, как установилась теплая погода, Граначчи влетел в мастерскую, обычно задумчивые его глаза горели. Микеланджело редко видел своего друга в таком волнении.

- Идем со мной. Я тебе что-то покажу.

Граначчи попросил у Давида разрешения отлучиться, и через минуту друзья были на улице. Граначчи повел Микеланджело через весь город, к площади Сан Марко. Однажды им пришлось остановиться: преграждая путь, по улице двигалась процессия с мощами Святого Джироламо, взятыми из алтаря Санта Мария дель Фиоре, - челюстью и костью руки, богато оправленными в серебро и золото. Друзья вышли на Виа Ларга - тут, напротив церкви, были ворота.

- Вот сюда я тебя и веду, - сказал Граначчи.

Он распахнул ворота. Микеланджело сделал несколько шагов вперед и в

смущении остановился.

Перед ним был обширный, продолговатый в плане сад с небольшим - типа павильона - зданием посередине; прямая дорожка вела к пруду - там был виден фонтан и мраморная статуя на пьедестале: мальчик вытаскивал из ноги занозу. На просторной террасе павильона, за столами, работало несколько молодых людей.

Вдоль всех четырех стен сада тянулись открытые лоджии, где стояли античные мраморные бюсты! - императора Адриана, Сципиона, императора Августа, матери Нерона Агриппины, там же стояло множество изваяний спящих купидонов. Прямая, как стрела, дорожка, ведущая к павильону, была обсажена кипарисами. К зданию павильона шли тропинки ото всех четырех углов сада - они были тоже обсажены деревьями, а меж тропинок зеленели широкие, как поле, лужайки.

Микеланджело был не в силах оторвать свой взгляд от террасы, где двое юношей трудились над каменной глыбой, обмеривая и размечая ее, в то время как несколько других молодых людей орудовали крупными резцами-троянками.

Заикаясь, Микеланджело спросил у Граначчи:

- Кто... что... что же это такое?

- Сады скульптуры.

- Но... для какой цели?

- Это просто школа.

- ...школа?

- Для обучения скульпторов.

Мальчик так и присел.

- Каких скульпторов?..

- Сад этот - владение Клариссы Медичи. Его купил для Клариссы Лоренцо, чтобы в случае его смерти Кларисса здесь жила. В июле прошлого года Кларисса скончалась, и Лоренцо открыл тут школу скульпторов. Главным наставником в школе он назначил Бертольдо.

- Да Бертольдо же умер!

- Нет, он не умер, хотя и был при смерти. По приказу Лоренцо его перенесли сюда из больницы Санто Спирито на носилках. Лоренцо показал ему сады и сказал, что Бертольдо должен добиться того, чтобы скульптура во Флоренции снова достигла великого расцвета. Бертольдо поднялся с носилок и обещал Лоренцо, что эпоха Гиберти и Донателло наступит вновь.

Микеланджело жадно оглядывал сад, обошел все лоджии, любясь статуями, греческими урнами, вазами, стоявшим подле ворот бюстом Платона.

- Бертольдо сейчас на веранде, - сказал Граначчи. - Я знакомился с ним однажды. Хочешь, мы подойдем к нему?

Микеланджело в знак согласия энергично мотнул головой.

Они прошли по усыпанной гравием дорожке, обогнули пруд и фонтан. Несколько человек разного возраста - от пятнадцати до тридцати лет - работали на широких столах. Бертольдо выглядел таким слабым, что неизвестно, в чем держалась его душа; его длинные седые волосы были закутаны тюрбаном. Румянец пламенел у него на щеках, когда он объяснял двум подросткам, как первоначально обрабатывать мрамор.

- Маэстро Бертольдо, разрешите вам представить моего друга Микеланджело.

Бертольдо поднял взор. У него были бледно-голубые глаза и мягкий голос, который странным образом не могли заглушить постоянно звучащие удары молотка. Он пристально посмотрел на Микеланджело.

- Кто твой отец?

- Лодовико ди Лионардо Буонарроти Симони.

- Я слышал это имя. Ты работаешь по камню?

Микеланджело стоял молча, мозг его сразу будто оцепенел. В эту минуту кто-то позвал Бертольдо. Он извинился и отошел в другой угол лоджии. Граначчи взял Микеланджело за руку и повел его по комнатам павильона - там были выставлены собранные Лоренцо коллекции камей, монет и медалей, а также произведения всех художников, работавших на семейство Медичи: Гиберти, который некогда победил в конкурсе на двери Баптистерия, объявленном прадедом Лоренцо; Донателло, который был любимцем Козимо Медичи; Веноццо Гоццоли, который поместил на своей фреске "Волхвы на пути в Вифлеем" в часовне Медичи всех членов этого семейства. Тут же была модель собора работы Брунеллески, рисунки святых, сделанные фра Анжелико

для церкви Сан Марко, рисунки Мазаччо для церкви дель Кармине - всем этим мальчик был ошеломлен.

Граначчи снова взял его за руку и повел по тропинке к воротам; скоро они оказались на Виа Ларга. На площади Сан Марко Микеланджело сел на скамейку, у ног его расхаживали голуби. Судорожно прижимая ко лбу ладонь, он опустил голову, потом взглянул на Граначчи, глаза его лихорадочно блестели.

- Ну, а кто там в учениках? Как туда поступают?

- Их выбирают Лоренцо и Вертольдо.

- А мне надо еще больше двух лет томиться у Гирландайо! - стонал Микеланджело. - Боже мой, я сам себя погубил!

- Терпение, - утешал его Граначчи, - ты еще не старик. Когда пройдут годы твоего ученичества...

- Терпение, терпение! - вспыхнул Микеланджело. - Мне надо поступить туда, Граначчи. Сейчас же! Я не хочу быть живописцем, я хочу быть ваятелем, хочу работать по мрамору. Да, да, сейчас же! Как мне туда попасть?

- Надо ждать, когда тебя пригласят.

- А что надо сделать, чтобы меня пригласили?

- Не знаю.

- А кто же знает? Ведь кто-то же должен знать!

- Не толкай меня, пожалуйста. Скоро ты совсем спихнешь меня со скамейки.

Микеланджело утих. На глазах его выступили слезы досады.

- Ох, Граначчи, бывало у тебя, чтобы ты хотел чего-нибудь так сильно, что уже нельзя вынести?

- Нет. Мне всегда все давалось легко.

- Какой ты счастливый.

Граначчи посмотрел в лицо приятеля и прочел на нем лишь тоску и безудержное желание.

- Может быть, - сказал он задумчиво.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. В САДАХ МЕДИЧИ

1

Его тянуло к Садам на площади Сан Марко так неотступно, словно там в древних каменных статуях были запрятаны магниты. Иногда он даже не отдавал себе отчета, каким образом он вдруг оказывался у Садов. Он проникал за ворота и втихомолку заглядывал в сумрак лоджии. Он ни с кем не заговаривал и никогда не осмеливался пройти по дорожке через зеленое поле к павильону, где работал Вертольдо с учениками. Он лишь недвижно, будто не дыша, стоял и смотрел, в глазах его был голодный блеск.

Глубокой ночью, ворочаясь с боку на бок и стараясь не потревожить спавших рядом братьев, он думал: "Должен же быть какой-то выход. Сестра Лоренцо Медичи Наннина замужем за Бернардо Ручеллаи. А если я пойду к Бернардо, скажу ему, что я сын Франчески, и попрошу его поговорить обо мне с Великолепным?..."

Но ни один Буонарроти не мог пойти к Ручеллаи с протянутой рукой.

Гирландайо был терпелив. Он говорил Микеланджело:

- Мы должны закончить фреску с "Крещением" за несколько ближайших

недель, а затем перенести леса ниже, к фреске "Захария пишет имя своего сына". Времени остается уже в обрез. Может быть, тебе пора начать рисовать, а не шляться по улицам?

- Можно мне в фигуре неопита изобразить одного натурщика? Я видел подходящего человека, он разгружал на Старом рынке тележку.

- Что ж, изобрази.

И Микеланджело нарисовал этого крестьянского парня - только что с поля, обнаженный по пояс, в коротких штанах, он опустился на колени; тело у него было загорелое, янтарного тона, фигура коренастая, с грубыми, узловатыми мускулами, но лицо юноши, глядевшего на Иоанна, вдохновенно светилось. Позади него Микеланджело поместил двух седобородых старцев, помогавших Иоанну, - у них были красивые, благородные лица, и крепкие тела.

Граначчи смущенно вертелся около приятеля, наблюдая, как у того из-под карандаша возникал образ за образом.

- Такие фигуры Гирландайо не нарисовать!

- Скажешь, лезу на рожон, да?

Гирландайо был настолько занят разработкой остальных шести фресок, что не обращал на ученика внимания. Когда Микеланджело, поднявшись на леса, встал перед влажной штукатуркой, он уже не чувствовал никакого страха. Он смело смешивал краски в горшках, подбирая нужный оттенок для обнаженного тела, с наслаждением водил кистью, вызывая к жизни людей, набрасывая на них лимонно-желтые и розовые, теплого тона одежды. Но где-то в глубине сознания он все время говорил себе: "Еще два долгих года! Ну разве можно это вынести?"

Гирландайо впрягал его в работу, не давая отдыха.

- Теперь мы поставим тебя на левые хоры, к "Поклонению волхвов". Приготовь картон вот для этих двух фигур, которые будут справа.

Композиция "Поклонения" и без того была загромождена фигурами - рисовать две новых у Микеланджело не поднималась рука.

Как-то после обеда Граначчи сказал, обращаясь к столу учеников:

- Сегодня исполняется ровно год с того дня, как к нам поступил Микеланджело. Я запасся бутылкой вина, мы устроим на дворе пиршество.

Никто не произнес ни слова в ответ Граначчи, мастерская замерла. Склонив головы, ученики уткнулись в работу. Гирландайо сидел на помосте прямой и неподвижный, будто сойдя с мозаики своего учителя: взор его потемнел, небритые щеки ввалились.

- Меня вызвал к себе Великолепный и спросил, не отдам ли я в его школу двух своих лучших учеников, - сказал Гирландайо.

Микеланджело стоял не шелохнувшись, словно прирос к полу.

- Разумеется, я не хотел бы отпускать двух лучших учеников! - воскликнул Гирландайо. - Ведь это значит опустошить всю боттегу! Да еще сейчас, когда Бенедетто зовут работать в Париж, на французского короля. А мне надо спешно закончить полдюжины фресок! - Он метнул взгляд вниз, на учеников и помощников. - Но кто осмелится отказать Великолепному? Буонарроти, ответь мне - ты хотел бы пойти?

- Я бродил около Садов Медичи и глядел на них, как голодная собака на мясную лавку.

- Васта! - Гирландайо был вне себя, таким его Микеланджело еще никогда не видел. - Граначчи, ты и Буонарроти отныне свободны от всяких обязательств, вы уже не мои ученики. Сегодня вечером я подпишу у старшин цеха нужные документы. А теперь все за работу! Может быть, вы считаете, что я Гирландайо Великолепный и способен содержать на свои миллионы академию?

Радость пробирала Микеланджело до самых костей, словно холодный дождь, когда дует трамонтана. Граначчи стоял пасмурный.

- Граначчи, caro mio, что с тобой?

- Я люблю живопись. Я не могу работать с камнем. Это слишком тяжело.

- Пег, нет, дружище, из тебя выйдет замечательный скульптор. Я буду помогать тебе. Все будет прекрасно, вот увидишь.

Граначчи печально улыбнулся.

- О, я пойду с тобой, Микеланджело. Но что мне делать с молотком и резцом? Ведь камень вымотает у меня все силы.

Микеланджело уже не мог сосредоточиться и продолжать работу. Он встал из-за ученического стола и поднялся на помост к Гирландайо. Ему хотелось

поблагодарить человека, который лишь год назад взял его в ученики, но он стоял перед Гирландайо с горящим взглядом и немymi устами: как выразить благодарность тому, кто позволяет беспрепятственно уйти от себя?

По лицу мальчика Гирландайо видел, какие чувства в нем борются. Он заговорил с Микеланджело мягко, негромко, явно не желая, чтобы его слышали другие.

- Ты прав, Буонарроти: фреска - не твое ремесло. Тот неопит, которого ты нарисовал для меня, выглядит так, будто он высечен из скалы. У тебя дарование рисовальщика; с годами, набираясь опыта, ты, возможно, применишь этот талант к камню. Но никогда не забывай, что Доменико Гирландайо был твоим первым учителем.

Дойдя этим вечером до отцовского дома, Микеланджело сказал Граначчи:

- Лучше бы тебе зайти к нам. Когда в одном мешке двое, его трудней сбросить с моста.

Они поднялись по парадной лестнице и, минуя кухню, чтобы не тревожить Лукрецию, тихо прошли к отцу: тот сидел, нахохлившись, в углу за своим треугольным столиком; высокий, почти в пять аршин, потолок делал его фигуру до смешного маленькой. В комнате было холодно: чтобы прогреть каменные стены, даже флорентинскому солнцу надо трудиться большую часть весны.

- Отец, у меня есть новости. Я ухожу от Гирландайо.

- А, великолепно! Я так и знал, что ты рано или поздно образумишься. Ты теперь вступишь в цех шерстяников...

- Я ухожу от Гирландайо, но поступаю учеником по скульптуре в Сады Медичи.

Чувство радости у Лодовико тотчас сменилось недоумением.

- Сады Медичи?... Какие сады?

- Я тоже туда поступаю, мессер Буонарроти, - сказал Граначчи. - Мы будем учениками Бертольдо и попадем под надзор Великолепного.

- Каменотес, несчастный каменотес! - судорожно вскинул руки Лодовико.

- Я буду скульптором, отец. Бертольдо последний наш мастер скульптуры, который еще жив.

- Когда не повезет, то уж не знаешь, где этому конец, - так все, петля та петлей, и раскручивается, и жалит, как змея. Если бы твоя мать не упала с лошади, тебя не послали бы ради кормилицы к Тополино, а не попадай ты к Тополино, ты и не вздумал бы сделаться каменотесом.

Микеланджело не посмел ответить на это. Заговорил Граначчи:

- Мессер Буонарроти, многие дети тоже могли бы попасть к Тополино и никогда не заразились бы страстью к камню. У вашего сына влечение к скульптуре.

- Ну, а что такое скульптор? Еще хуже, чем художник. Даже не принадлежит ни к какому цеху. Мастерской, вроде дровосека. Или сборщика оливок.

- С одной только существенной разницей, - вежливо, но твердо возразил Граначчи, - что из оливок выжимают масло, а дрова жгут, чтобы сварить суп. И масло и суп поедают - и тут им конец. А у искусства есть волшебная особенность: чем больше умы впитывают его, тем оно долговечнее.

- Это пустая поэзия! - взвизгнул Лодовико. - Я толкую о благоразумии, о том, как прокормить семейство, а ты мне читаешь какие-то басни.

В комнату вошла монна Алессандра, бабушка.

- Скажи своему отцу, Микеланджело, что тебе сулит Лоренцо Великолепный. Ведь он богатейший человек в Италии и славится щедростью. Долго ли ты будешь в учениках? И сколько тебе положат жалованья?

- Не знаю. Я не спрашивал.

- Он не спрашивал! - усмехнулся Лодовико. - Ты думаешь, что мы такие же богатые люди, как Граначчи, и можем потакать всем твоим глупостям?

На бледных щеках Граначчи проступили пятна.

- А я спрашивал, - с вызовом сказал он Лодовико. - Нам не сулят ничего. Договор с нами не заключают и не дают никакого жалованья. Лишь бесплатно учат.

Микеланджело крепче уперся ногами в пол и наклонил голову, чтобы встретить самый бурный взрыв ярости Лодовико. Но тот, звучно шлепнувшись о жесткую кожаную обивку, лежал, не двигаясь, в кресле, на глазах у него выступили слезы.

И с чувством какой-то отрешенности Микеланджело подумал:

"Странные люди мы, флорентинцы: сентиментальность нам чужда, ею не заражена ни одна капля нашей крови, и, однако, мы легко плачем, глаза у нас на мокром месте". Он подошел к отцу, положил ему на плечо руку.

- Отец, позвольте мне воспользоваться выпавшим случаем. Лоренцо Медичи решил создать во Флоренции новое поколение скульпторов. Я хочу стать одним из них.

Лодовико поднял взор на своего самого многообещающего сына.

- Лоренцо попросил в школу именно тебя? Он полагает, что у тебя есть талант?

"Как легко стало бы всем, если бы я решился немножко солгать", - подумал мальчик.

- Лоренцо попросил у Гирландайо двух лучших учеников. Были выбраны Граначчи и я.

Стоя у двери, мачеха молча слушала разговор. Теперь она вошла в комнату. Лицо у нее было бледно, черные, расчесанные на пробор волосы четко обрисовывали голову.

- Микеланджело, я не хочу сказать про тебя ничего худого, - начала она. - Ты добрый мальчик. Ты хорошо кушаешь. Но я должна, - тут она повернулась к мужу, - подумать и о своей родне. Мой отец говорил, что войти в семью Буонарроти, - это большая для нас честь. А что останется на мою долю, если ты позволишь мальчонке разорить весь дом?

Лодовико вцепился в подлокотники кресла. Вид у него был очень усталый.

- Я тебе не даю своего согласия, Микеланджело, и никогда не дам.

И он вышел из комнаты. Вслед за ним вышли Лукреция и монна Алессандра. Наступило мучительное молчание. Первым заговорил Граначчи:

- Отец хочет лишь исполнить свой долг по отношению к тебе, Микеланджело. Разве старый человек способен признать, что он не прав, а прав четырнадцатилетний подросток? Нельзя требовать от него слишком многого.

- Выходит, я должен упустить такую возможность? - вскипел Микеланджело.

- Нет, не должен. Но ты пойми, что отец хочет действовать из лучших побуждений, а его упрямый сын подсовывает ему такую задачу, разобраться в которой - извини меня - у него не хватает разума.

Микеланджело моргал глазами, не отвечая ни слова.

- Ты любишь своего отца, Граначчи?

- Люблю.

- Я завидую тебе.

- Значит, ты должен быть добрее и по отношению к своему отцу.

- Добрее?

- Да, если ты хочешь, чтобы он не делал тебе зла.

2

В Садах Медичи в отличие от боттеги Гирландайо никто не гнался за заработком. Доменико Гирландайо вечно спешил: ему надо было не только кормить большую семью, но и выполнять множество заказов с твердо установленными сроками.

Как далека была от этой спешки и суеты атмосфера, в которую попал в один прекрасный день Микеланджело, начав работу у Лоренцо Великолепного и Бертольдо. Здесь царил совсем пион дух, все было пронизано одной заботой:

"Не торопитесь, работайте тщательно. У нас здесь одна-единственная цель - учиться. Мы постоянно говорим вам: упражняйтесь! Мы стремимся довести до совершенства лишь ваше искусство, ваше мастерство. Вам надо добиться одного: зрелости. Наберитесь терпения. Готовьте себя к тому, чтобы стать пожитенно скульпторами".

Первым в Садах заговорил с Микеланджело Пьетро Торридгани, зеленоглазый блондин, силач и красавец. Сверкая белозубой улыбкой, он сказал вкрадливо:

- Так вот кто, оказывается, подглядывал за пап. Мы прозвали тебя Привидением. Ведь ты все время бродил у ворот.

- Я и не догадывался, что на меня смотрят.

- По догадывался. Да ты пожирал нас глазами! - рассмеялся Торриджани.

Помимо скульптуры Вертольдо обожал две вещи: веселую шутку и кулинарию. Однако в юморе его было гораздо больше остроты, чем в колбасах, приготовленных им по охотничьему способу. Вертольдо даже написал свою поваренную книгу и сейчас, поселившись во дворце Медичи, сетовал лишь на то, что у него нет возможности прославить свои кулинарные рецепты.

Но скульптуру он прославлял с редкостной настойчивостью: этот изможденный, слабый человек с белоснежными волосами, воспаленными, в красных пятнах. щеками и бледно-голубыми глазами был истинным наследником знаний золотого века тосканской скульптуры.

Положив свою худую тонкую руку на плечи кому-нибудь из новичков, он говорил:

- Конечно, не все тайны мастерства можно передать. Донателло сделал меня своим наследником, но он не смог сделать меня равным себе. Он влил в меня свой опыт и свое мастерство, как вливают расплавленную бронзу в форму. Ни один человек не может сделать большего. Не будь Донато, я был бы простым ювелиром; проработав с ним бок о бок свыше полувека, я стал всего лишь скульптором-миниатюристом. Как бы он ни старался, он не мог отдать мне свои пальцы, вселить в меня пылавшую в нем страсть. Все мы таковы, какими нас создал бог. Я вам покажу все, чему Гиберти научил Донателло и чему Донателло научил меня; ну а что вы извлечете из моих уроков - это зависит от ваших способностей. Учитель - все равно что повар: когда у него жилистый цыпленок или жесткая телятина, то никакой самый расчудесный соус не сделает их мягче.

Микеланджело громко расхохотался. Довольный своей шуткой, Вертольдо повернул всю ватагу учеников к павильону.

- А сейчас за работу. Если у вас есть какой-то талант, он проявится.

Микеланджело подумал: "Только дайте мне в руки молоток и скапель! Увидите, как от камня полетят осколки и пыль".

Но Вертольдо и не собирался давать новичку молоток и скапель. Он посадил Микеланджело за рисовальный стол на террасе между семнадцатилетним Торриджани и двадцатидевятилетним Андреа Сансовино; раньше Андреа учился у Антонио Поллайоло, в церкви Санто Спирито можно было видеть исполненные им работы.

Принеся из внутренних комнат рисовальные принадлежности, Вертольдо сказал Микеланджело:

- Рисование для скульптора - совсем особое дело. И человек и камень - трехмерны, у них гораздо больше общего, чем у человека и стены или деревянной доски, на которых приходится писать живописцу.

Микеланджело скоро понял, что ученики здесь во многом похожи на учеников у Гирландайо. Сансовино как бы играл роль Майнарди: он уже давно был профессиональным художником, зарабатывая на жизнь изделиями из терракоты, и так же, как Майнарди, с большой теплотой и благородством относился к начинающим, отдавая им свое время. Самым неумелым в Садах, как Чьеко у Гирландайо, был Соджи: ему тоже исполнилось всего лишь четырнадцать лет; здесь, среди скульпторов, он казался случайным человеком и, на строгий взгляд Микеланджело, был лишен всякого таланта.

Не обошлось в Садах и без своего Якопо: это был двадцатилетний Баччио да Монтелупо - легкомысленный, как птичка, распутный тосканец. Подобно Якопо, он любил собирать всяческие слухи о грязных ночных скандалах и подробно пересказывал их утром. В первый же день, когда Микеланджело приступил к работе, Баччио с жаром поведал товарищам самую свежую и потрясающую новость: в Венеции родился урод, глаза у него не на том месте, где им полагается быть, а за ушами; а в соседней с Флоренцией Падуе родился другой уродец: у него две головы и на каждой руке по две ладошки. На следующее утро он рассказывал об одном флорентинце, который якшался с дурными женщинами ради того только, чтобы "сохранить целомудрие своей супруги".

Особенно комичными были побасенки Баччио из быта контадини, крестьян: как-то раз, уверял он, одна флорентинская дама из патрицианской семьи, вся в шелках и жемчугах, спросила у крестьянина, выходявшего из церкви Санто

Спирито:

- Скажи, обедня для сиволапых уже кончилась?

- Да, синьора, - отвечал крестьянин. - А обедня для шлюх только начинается, советую не опаздывать.

Бертольдо заливался тонким старческим смехом и аплодировал.

Был в Садах и ученик, чем-то похожий на Граначчи, - пятнадцатилетний паренек Рустичи, сын знатного и богатого тосканца. Он занимался скульптурой из одного только удовольствия и почтения к искусству. Лоренцо высказывал желание, чтобы ученик жил во дворце Медичи, но Рустичи предпочитал свой дом на Виа де Мартелли. Микеланджело пробыл в Садах всего неделю, как Рустичи пригласил его к себе на обед.

- Подобно Бертольдо, я очень люблю всякую стряпню на кухне. С утра я буду жарить для тебя гуся.

Как убедился Микеланджело, образ жизни Рустичи оправдывал деревенское звучание его фамилии: в доме у него было полно животных. Там жили три собаки, прикованный к жердочке орел, скворец, которого крестьяне в сельском имении научили выкрикивать фразу: "Провалитесь вы все в тартарары!" Но еще больше смутил Микеланджело живший в комнате Рустичи дикобраз: зверек постоянно залезал под стол, сопел и возился там, укалывая своими иглами ноги гостя.

После обеда хозяин провел Микеланджело в тихую комнату, где висели портреты его предков. На фоне этой роскоши Рустичи словно бы преобразился: в нем проглянуло уже нечто аристократическое.

- Ты хорошо рисуешь, Микеланджело. Может быть, именно это позволит тебе стать скульптором. В таком случае разреши тебя предупредить: никогда не соглашайся жить в пышных дворцах.

Микеланджело недоуменно фыркнул:

- По-моему, это мне не грозит.

- Послушай, мой друг: роскошь, нега и уют так приятны, к ним так легко привыкнуть. А когда к этому пристрастишься, то уже совсем легко и просто стать лизоблюдом, угодником, всегда и во всем поддакивать, чтобы только не лишиться привычных благ. Потом ты начинаешь подлаживаться под вкусы власть имущих, а это для скульптора означает смерть.

- Я ведь простак, Рустичи. Едва ли все это меня касается.

Гораздо ближе, чем с другими учениками, Микеланджело сошелся с Торриджани: этот молодой человек выглядел в его глазах скорее бравым воином, чем скульптором. Микеланджело был очарован Торриджани; в то же время он страшился его, стоило тому лишь нахмурить брови и заговорить своим раскатистым, зычным голосом. Торриджани происходил из старинной семьи виноторговцев, давно уже выбившейся в знать, с Бертольдо он держался так смело, как никто из учеников. Рассердившись на кого-либо из товарищей по мастерской, он учинял шумные ссоры. Он быстро отличил Микеланджело своей горячей дружбой и постоянно разговаривал с ним - их рабочие столы были рядом. Микеланджело еще не доводилось встречать столь красивого человека, как Торриджани; эта физическая красота, стоявшая на грани человеческого совершенства, обескураживала его: он всегда сознавал, насколько некрасив и невзрачен он сам.

Граначчи видел, как крепнет дружба Микеланджело с этим юношей. Когда Микеланджело спросил Граначчи, считает ли он Торриджани выдающимся человеком, тот осторожно ответил:

- Я его знаю с детства. Наши семьи связаны друг с другом.

- Но ты уклоняешься от ответа, Граначчи.

- Прежде чем называть человека другом, Микеланджело съешь с ним пуд соли.

Микеланджело работал в Садах уже больше недели, когда туда в сопровождении юной девушки явился Лоренцо Медичи. Впервые в жизни Микеланджело увидел вблизи человека, который, не занимая никакого поста и не нося никакого титула, правил Флоренцией и сделал ее могущественной республикой, где процветали не только ремесло и торговля, но и искусство, литература, наука. Лоренцо де Медичи было сорок лет, его грубое лицо казалось высоченным из темного гранита; все черты его были неправильны, лишены какой-либо привлекательности - нечистая кожа, выступающая нижняя челюсть, выпяченная нижняя губа, длинный массивный нос, вздернутый кончик которого был гораздо мясистее и толще, чем спинка, большие темные глаза,

щеки с темными провалами около углов рта, кошт темных волос, разделенных прямым пробором и крыльями ниспадающих к бровям. Одет он был в длинную охристого цвета мантию с пурпурными рукавами, на шее виднелся краешек белого воротника. Роста он был чуть выше среднего, крепкого сложения; верховая езда и охота с соколами, которой он отдавался порой целыми днями, поддерживала его телесные силы.

Он был также знатоком классических языков, жадным читателем греческих и латинских манускриптов, поэтом, которого Платоновская академия сравнивала с Петраркой и Данте, создателем первой в Европе публичной библиотеки, для которой он собрал десять тысяч рукописных и печатных книг, - подобной библиотеки не было нигде со времен Александрии. Лоренцо был признан "величайшим покровителем литературы и искусства из всех владетельных принцев, которые когда-либо существовали"; его коллекция скульптуры, живописи, рисунков, резных гемм была открыта для всех художников, для каждого, кто хотел изучить ее и почерпнуть в ней вдохновение. Для ученых, стекавшихся во Флоренцию, чтобы сделать ее научным центром Европы, он предоставил виллы на склонах Фьезоле: там Пико делла Мирандола, Анджело Полициано, Марсилио Фичино и Кристофоро Ландино переводили недавно найденные греческие и древнееврейские рукописи, писали стихи, философские и богословские сочинения, способствуя тому, что Лоренцо называл "революцией гуманизма".

Микеланджело слышал немало рассказов о Лоренцо, в городе это была излюбленная тема разговоров: ему было известно, что у Лоренцо слабое зрение, что он родился лишенным обоняния. Теперь, слушая, как Лоренцо разговаривал с Вертольдо, он убедился, что голос у него хриплый и неприятный.

Но казалось, что этот голос - единственная неприятная особенность Лоренцо, так же как слабость его глаз - единственная его слабость, а отсутствие обоняния - единственный прирожденный недостаток. Ибо у Лоренцо, богатейшего во всем мире человека, перед которым заискивали правители итальянских городов-государств и такие могущественные монархи, как турецкий и китайский, - у Лоренцо был открытый, мягкий характер и полное отсутствие высокомерия. Правитель республики - в том же смысле, в каком гонфалоньер справедливости и Синьория были хранителями законов и порядка в городе, - он не располагал ни армией, ни стражей, расхаживал по улицам Флоренции без всякой свиты, разговаривал со всеми гражданами, как равный, вел простую семейную жизнь, играя со своими детьми на полу и держа свой дом открытым для художников, писателей и ученых всего мира.

Таков был этот человек. Он пользовался абсолютной властью в делах политики, но правил Флоренцией, проявляя такой здравый смысл и такую прирожденную учтивость и достоинство, что те люди, которые могли быть врагами, жили и трудились при нем в полном согласии. Столь счастливого результата не достигали ни его одаренный отец, Пьеро, ни гениальный дед, Козимо, прозванный всей Тосканой отцом отечества за то, что после кровопролитной гражданской войны между партиями гвельфов и гибеллинов, бушевавшей во Флоренции не одно столетие, он создал республику. Флорентинцы могли напасть на Лоренцо Великолепного и, не дав ни часа на размышление, разграбить его дворец, изгнать владыку из города. Он знал это, знал это и народ, и благодаря тому, что такую возможность чувствовали все, Лоренцо сохранял свою неофициальную, не освященную законом власть. Ибо так же, как в нем не было ни тени высокомерия, в нем не было и малодушия: отчаянным военным натиском в семнадцать лет он спас жизнь своему отцу и, чтобы оградить город от вторжения неприятеля, рискнул собственной жизнью, напав на военный лагерь Ферранте в Неаполе с таким же ничтожным числом людей, с каким он разгуливал по улицам Флоренции.

Этот-то человек стоял теперь близ Микеланджело и оживленно беседовал с Вертольдо о каких-то античных скульптурах, только что привезенных из Малой Азии, ибо скульптура в глазах Лоренцо была столь же важным предметом, как и его флотилии, плававшие по всем морям мира, как его банки, опутавшие своей сетью всю Европу и Средиземноморье, как те оценивающиеся в миллионы золотых флоринов товары Флоренции - шерсть, оливковое масло и вино, - которые обменивались на экзотические благовония, пряности и шелка Востока. Одни уважали Лоренцо за богатство, другие за то, что он обладал властью, а ученые и художники уважали и любили его за страсть к знаниям, за то, что

он дал свободу мысли, уже более тысячи лет замураванной в душной темнице.

Вот Лоренцо остановился поговорить с учениками. Микеланджело перевел взгляд на девушку, шедшую рядом с правителем. Она казалась моложе Микеланджело, хрупкая, в платье из розовой шерстяной материи, с длинными рукавами: это была гамурра с широкой юбкой, ниспадавшей мягкими, свободными складками, и плотно зашнурованным корсажем, под которым проглядывала бледно-желтая кофточка с низким, оставляющим открытой шею воротом. Туфельки на девушке были из желтой парчи, а на густых черных ее волосах алела атласная шапочка, украшенная жемчугами. Девушка была такой бледной, что даже алая шапочка и цветное платье не могли придать живости ее впалым щекам.

Когда Лоренцо, чуть заметно кивнув, проходил мимо стола учеников, Микеланджело внезапно встретился взглядом с глазами девушки.

Он замер, прервав работу. Она замедлила шаг, потом остановилась. Он не мог отвести взгляда от этой тоненькой девушки с милым, нежным личиком. А она напугалась: такое свирепое исступление было написано на лице Микеланджело, когда он водил карандашом по бумаге. На ее щеках цвета слоновой кости пятнами вспыхнул румянец.

Микеланджело почувствовал, с каким острым любопытством она посмотрела на него, дышать ему стало трудно. На секунду он подумал, что она хочет заговорить с ним. Но она лишь облизала свои бледные губы, затем с трепетной дрожью ресниц отвела от него взгляд и шагнула, догоняя отца.

Лоренцо обнял девушку за талию. Они медленно двинулись к фонтану, обогнули его и потом исчезли в воротах.

- Кто это был? - спросил Микеланджело у Торриджани.

- Ты что, болван, не знаешь? Лоренцо Великолепный!

- Да нет же, я говорю - кто эта девушка?

- Девушка? О, Контессина. Его дочь. Единственная дочь, которая у него осталась.

- Контессина? "Маленькая графиня"?

- Да, именно. Всех своих других дочерей Лоренцо называл "контессиной" в шутку. А когда родилась эта худышка, он ее и в самом деле окрестил Контессиной. Что тебя, собственно, интересует?

- Ничего, ровным счетом ничего.

3

Разрешения на то, чтобы Микеланджело поступил в Сады Медичи, Лодовико так никогда и не дал. Хотя все слышали, что Микеланджело оставил Гирландайо и начал заниматься скульптурой, дома открыто признать этот факт не желали и делали вид, будто ничего не случилось. К тому же мальчика в семье видели редко - он уходил из дому на рассвете, пока все еще спали, а мачеха была на рынке, и возвращался ровно в двенадцать, когда Лукреция ставила на стол жареную говядину или утку. После обеда он работал в Садах дотемна и брел домой, стараясь задержаться где только можно, чтобы дома к его приходу все уже легли спать: обычно лишь брат Буонаррото, лежа в кровати, дожидался его и расспрашивал о всяких новостях да в кухне сидела бабушка - она кормила его скудным ужином.

- Ты совсем вырос из своих рубашек, Микеланджело, - говорила монна Алессандра. - И чулки у тебя изорвались. Твой отец говорит, что, раз ты не зарабатываешь... ну да бог с ним. Вот я отложила немного денег. Купи, что тебе надо.

Он шутливо целовал ее в морщинистую щеку; они любили друг друга, по оба не очень-то умели выразить эту любовь.

Нетребовательный по натуре, Микеланджело был совершенно равнодушен к одежде.

- Скоро я начну рубить камень и буду весь в пыли, с головы до ног. Никто и не разглядит, что на мне надето.

Бабушка оценила гордость внука и вновь упрятала монеты в кошелек.

- Ну, как хочешь. Эти деньги всегда будут твои.

Граначчи не считал нужным вставать рано утром и возвращаться с работы поздно вечером; получалось так, что он теперь гулял по улицам с Микеланджело только в полдень. Настроение у Граначчи было самое скверное; он шагал, сильно сутулясь, и казался выше своего младшего друга всего на дюйм или на два.

- Ох, какая холодная и липкая эта глина! - жаловался он. - Я ненавижу ее. Я стараюсь лепить как можно хуже; надеюсь, Бертольдо не допустит меня до работы по камню. Десять раз приступал я к граниту, и всегда молоток словно бил прямо по мне, а не по камню.

- Граначчи, милый, а ты берись за мрамор, мрамор прекрасно поддается удару, - утешал его Микеланджело. - Мрамор очень чуток. А гранит - это вроде черствого хлеба. Подожди, придет время, и ты будешь работать по мрамору: пальцы в него погружаются, словно в тесто.

Граначчи с удивлением посмотрел на приятеля:

- Ты всегда тверд и сух, как кремь, но стоит тебе заговорить о мраморе - и ты поэт!

Теперь Микеланджело с головой ушел в рисование, Одно из первых поучений, с которым обратился к нему Бертольдо, звучало так:

- Если ты у нас не будешь работать над рисунком - знай, ты погибнешь. Прошу тебя, каждый день, как приходишь сюда, рисуй свою левую руку, потом снимай башмаки и рисуй ноги; это очень помогает брать нужный ракурс.

- А что вы скажете, если я нарисую и правую руку?

- Еще один остряк в нашей компании, - весело отозвался Бертольдо, приняв слова Микеланджело за шутку.

Микеланджело с равной легкостью и уверенностью работал, держа молоток то в правой, то в левой руке, уже в те времена, когда тесал светлый камень у Тополино. Теперь, нарисовав в разных положениях левую руку, он стал рисовать левой правую - сначала ладонь, потом тыльную сторону кисти, с вытянутыми пальцами.

Однажды, проходя мимо стола, Бертольдо взял у Микеланджело лист, который тот заполнил множеством набегавших друг на друга рисунков.

- Что ж, какое вино в бочку нальешь, такое из нее и вытечет. Ведь это я тебя подзадорил, - мягко заметил он.

- А я не в обиде. Гляньте, где я рисовал правой, где левой - не отличишь.

Пользуясь влиянием Лоренцо, натурщиков для работы учеников брали в любом квартале Флоренции: тут были ученые в черном бархате; солдаты с бычьими шеями, широкими лбами и густыми дугообразными бровями; головорезы и бандиты; жители деревень, приехавшие в город; плешивые старцы с крючковатыми носами и костлявыми подбородками; монахи в черных капюшонах, из-под которых выбивались седые волосы; флорентинские юноши, красавцы и модники, - у них были греческие, идущие прямо от надбровья носы, кудрявые, по плечи, волосы, круглые пустые глаза; красильщики шерсти с запачканными руками; грязные, с мозолями на огрубелых ладонях, торговцы скобяным товаром; силачи носильщики; дородные кухарки; знатные господа в красных и белых шелках, униженных жемчугом; гибкие подростки в фиолетовом; полнощекие младенцы, с которых лепили и рисовали путти.

Однажды, когда Бертольдо свирепо раскритиковал нарисованный Микеланджело торс, тот хмуро заметил:

- Разве можно рисовать, глядя на человека только снаружи? Что выпирает из-под кожи, лишь то мы и видим. Если бы мы могли изучить человеческое тело внутри: кости, мускулы... Пока не знаешь внутренностей, кишок и крови, не знаешь человека. А я внутрь тела ни разу не заглядывал.

- Вот дьявол! - тихо выругался Бертольдо. - Вскрывать покойников разрешается только врачам и то в один-единственный день в году, перед лицом городского совета. Иначе это расценивается во Флоренции как тягчайшее преступление. Лучше выкинь такие мысли из головы.

- Выкинуть не могу, хотя молчать буду. Никогда мне не изваять человеческое тело точно и верно, если я не посмотрю, как оно устроено внутри.

- Даже греки не вскрывали покойников, хотя у них не было церкви, которая это запрещает. И Донателло не нуждался в рассечении тел, но знал

человека великолепно. Неужто ты хочешь стать лучшим скульптором, чем Фидий и Донателло?

- Лучшим - не хочу. А непохожим на них - хочу.

Микеланджело еще не видал, чтобы Бертольдо так волновался. Мальчик притронулся к высохшей руке старика, моля его успокоиться.

Несмотря на подобные споры, они стали большими друзьями. Пока остальные ученики лепили из глины или рубили камень, Бертольдо уводил Микеланджело в павильон и часами наблюдал за его работой: тот в это время копировал египетские амулеты, греческие медальоны, древнеримские монеты. Бертольдо брал в руки то одну драгоценную вещь, то другую и объяснял Микеланджело, чего хотели добиться старинные мастера.

К своему удивлению, Микеланджело завоевал и горячую привязанность Торриджани: тот уже придвинул свой рабочий стол вплотную к столу Микеланджело. Торриджани покорял своим обаянием - Микеланджело был ошеломлен, очарован, потрясен знаками его внимания, его веселыми шутками. Щеголь по натуре, Торриджани носил шелковые рубашки и широкий ремень с золотыми пряжками; каждое утро перед работой он заходил на Соломенный рынок к цирюльнику, брился там и намазывал свои волосы благовонными маслами. А Микеланджело во время работы ужасно пачкался: руки у него вечно были в угле, который он, забывшись, размазывал по лицу, рубашка закапана красками, чулки и чернильных пятнах.

Торриджани, проведя целый день на работе, умудрялся сохранить в безупречной чистоте свою ярко-желтую полотняную камичу - доходившую до поясницы рубашку с пышными рукавами, зеленую туннику с буквой Т, вышитой на плече желтым шелком, темно-голубые вязаные рейтузы. Рубя камень, он выбирал такую позу, что каменная пыль и крошка совсем не летела на него и не забивала одежды и волос, - этой хитрости не знал ни один из его товарищей: к концу рабочего дня они обычно были белы, как мукомолы. Микеланджело постоянно восхищался Торриджани и таял от удовольствия, когда тот, обнимая, клал свою мускулистую руку ему на плечи и наклонял великолепную голову, заглядывая мальчику в глаза. Осматривая его новый рисунок, он восклицал:

- Микеланджело mio, ты делаешь чистую работу, а пачкаешься так, что грязней тебя я никого не видел.

Торриджани был всегда в движении, - он хохотал, паясничал, отпускал остроты, нес чепуху, не смолкая ни на минуту, размахивал руками, на которых сверкали перстни с жемчугами и изумрудами, - ему всегда было надо занимать своей особой всех окружающих и первенствовать среди них. Его сильный, певучий голос разносился по пышным весенним лужайкам, где пестрели цветы, и каменотесы, возводившие в дальнем углу сада здание библиотеки для книг и манускриптов Лоренцо, приостанавливали работу, чтобы послушать, как хохочет Торриджани.

Нередко ученики Бертольдо отправлялись в церковь Санта Кроче, чтобы полюбоваться фресками Джотто в лучах утреннего солнца, или в церковь Санто Спирито - посмотреть при свете полудня на "Юного Иоанна и Двух Святых" Филиппино Липпи; порой они выходили взглянуть, как закат освещает изваяния на Кампаниле, - эти изваяния замыслил тот же Джотто, а исполнил его ученик Андреа Пизано. И хотя в таких случаях все тихо стояли, словно зачарованные, Торриджани не унимался и тут: он ни на шаг не отпускал от себя Микеланджело и, подхватив его под руку, громко говорил:

- Ах, если бы я был воином, Микеланджело! Сражаться в смертельных битвах, повергать врага мечом и пикой, завоевывать новые страны и всех женщин, какие там есть. Вот это жизнь! Искусство? Ба! Это занятие для евнухов в султанском гареме. Нет, amico mio, мы должны с тобой объехать весь свет, мы грудью встретим и опасности и битвы и найдем несметные сокровища!

Микеланджело испытывал к Торриджани глубокую привязанность, почти любовь. Он считал себя простоватым, скучным: завоевать дружбу и восхищение такого красивого, блистательного юноши, как Торриджани... это было слишком хмельное вино для того, кто его никогда не пробовал.

Теперь ему пришлось многому учиться заново, отказываясь от тех навыков, которые он приобрел у Гирландайо: столь разнился рисунок для фрески от рисунка для скульптуры.

- Нельзя рисовать ради самого рисунка, - поучал мальчика Бертольдо, в точности так, как поучал его в свое время Гирландайо. - Такое рисование годится лишь для тренировки руки и глаза.

Бертольдо упорно вдалбливал Микеланджело, в чем разница между рисунком художника и скульптора. Скульптор должен показать трехмерность фигуры, ему нужна не только высота и ширина, но и глубина. Художник рисует, чтобы заполнить пространство, а скульптор - чтобы его воспроизвести. Художник заключает в раму нечто остановившееся, скульптор же, рисуя, схватывает движение, вскрывает каждое усилие, каждый изгиб напрягшегося человеческого тела.

- Художник рисует, чтобы показать особенное, а скульптор ищет всеобщее, универсальное. Понятно? - спрашивал учитель.

Микеланджело отмалчивался.

- А самое важное то, что художник рисует, как видит, фиксирует на бумаге внешнее впечатление. Скульптор же подходит к форме изнутри и, взяв ее, как она есть, пропускает всю ее плоть и материальность через свое существо.

Кое-что из этих наставлений Микеланджело постигал разумом, но гораздо больше заставлял его оценить советы учителя тяжкий рабочий опыт.

- У меня теперь в голове какое-то месиво, - извинялся Бертольдо. - Там застряла тьма разных мыслей, до каких додумались тосканские скульпторы за двести лет. Ты прости меня, если я вспоминаю всякую всячину.

Задавшись целью воспитать новое поколение скульпторов, Бертольдо в отличие от Гирландайо, у которого на учеников попросту не хватало времени, стал самоотверженным учителем. Переговариваясь между собой, скульпторы ограничиваются в лучшем случае односложной фразой; стук молотка и удар резца - их истинная речь, заменяющая всякие объяснения; лишним словам тут не было места. Однако на Бертольдо это правило не распространялось.

- Микеланджело, рисуешь ты хорошо. Но важно также знать, зачем надо хорошо рисовать. Рисунок - это свеча, которую зажигают для того, чтобы скульптор не спотыкался в темноте; это схема, с помощью которой легче разобраться в видимом. Попытка понять другое человеческое существо, постигнуть его сокровенные глубины - это одно из самых опаснейших человеческих дерзаний. У художника, который отваживается на это, есть одно-единственное оружие - перо или карандаш. Этот фантазер Торриджани рассуждает о военных походах. - Бертольдо пожал плечами. - Детская забава! Трепет перед лицом смертельной опасности, - разве он может сравниться с трепетом одинокого человека, который дерзает создать нечто такое, чего еще не было на земле!

Микеланджело держал в руках сделанные за день наброски и разглядывал их, словно это помогало ему лучше понять, что говорил Бертольдо, или отыскать в своей работе хоть часть тех достоинств, каких Бертольдо требовал.

- Рисование - это превосходный путь к тому, чтобы познать предмет и рассеять мрак невежества, утвердить на своем законном месте мудрость, как утверждал ее Данте, когда он писал терцины "Чистилища". Да, да, - продолжал старик, - рисовать - это все равно что читать Гомера и таким образом увидеть Приама и Елену, читать Светонния и по его книгам понять цезарей.

Микеланджело опустил голову.

- А вот я невежда. Не читаю ни по-гречески, ни по-латыни. Урбино три года мучился со мной, но я был упрям и не хотел учиться. Я хотел только рисовать.

- Глупая голова! Ты не понимаешь, что я тебе говорю. Не удивительно, что Урбино мучился с тобой. Рисование есть познание. Это искус и дисциплина, это точная мера, которой ты будешь измерен, чтобы сказать,

насколько ты честен. Рисование словно исповедь: оно разоблачит тебя до конца, хотя тебе будет казаться, будто разоблачаешь кого-то ты. Рисунок – это строчка поэта, нанесенная на бумагу с тем, чтобы воочию убедиться, достоин ли вдохновения взятый предмет и есть ли у автора та правда, которая достойна строки.

Голос старика звучал теперь мягко и задушевно.

– Запомни это, сын мои. Рисовать – что быть богом, вкладывающим душу в Адама; только душа художника и сокровенная, тайная душа изображаемого, сливаясь вместе, и создают новую, третью жизнь на листе бумаги. Акт любви, Микеланджело, акт любви – вот что порождает все сущее на земле.

Да, рисование есть слияние души, дыхание жизни, он это знал, но для него рисование было не конечной целью, а только средством.

Таясь ото всех, он стал теперь оставаться в Садах на вечер, – хватал скульптурные инструменты и работал, подобрав валявшийся где-нибудь обломок камня. Здесь был изжелта-белый травертин из римских каменоломен, диорит из Ломбреллино, шероховатый импрунетский известняк, темно-зеленый мрамор из Прато, пятнистый красно-желтый мрамор из Сиены, розовый мрамор из Гаворрано, прозрачный мрамор чиполино, с синими и белыми разводами, похожими на цветы, гипсовый камень. Но радости Микеланджело не было границ, когда кто-нибудь по забывчивости оставлял без присмотра кусок снежно-белого каррарского мрамора. В детстве ему не раз приходилось стоять перед мастерами, рубившими этот драгоценный камень. Как он изнывал тогда от желанья прикоснуться к нему, получить его в собственные руки! Но это казалось невысказанным: белый мрамор был редок и дорог, его привозили из Каррары и Серавеццы так мало, что он шел лишь на выполнение важных заказов.

Теперь же он втайне начал орудовать шпунтом, троянкой и скапелью, обрабатывая поверхность мрамора теми приемами, какими он работал над светлым камнем у Тополино. Обычно к вечеру наступал для него самый чудесный час – он оставался один-одинешенек во всех Садах, на него смотрели лишь белые статуи. Скоро, скоро он получит эти инструменты в свои руки навсегда; каждое утро первым делом он будет браться за молоток и резец – ведь он ощущал их, как руки и ноги, органом своего тела. Когда в Садах становилось темно, он скалывал обработанное им место на камне так, чтобы никто не догадался, что он тут делал, и подметал пыль и крошку, ссыпая их на свалку.

Как и следовало предполагать, его застигли на месте преступления, и соглядатай был самый неожиданный из всех возможных. Контессина де Медичи появлялась теперь в Садах почти ежедневно, ее сопровождал то отец, то кто-нибудь из ученых Платоновской академии – или Полициано, или Фичино, или Пико делла Мирандола. Девушка разговаривала с Граначчи, с Сансовино и с Рустичи, которых, по-видимому, знала уже давно, но никто не представил ей Микеланджело. С ним она не заговорила ни разу.

Он безошибочно улавливал миг, когда Контессина показывалась в воротах, хотя еще и не видел ни ее подвижной фигурки, ни огромных глаз, сиявших на бледном лице. Все окружающее он воспринимал в эти минуты с необычайной остротой – и все, даже воздух и свет, казалось, куда-то летело в стремительном вихре.

Именно Контессина избавила Граначчи от опостылевших ему занятий скульптурой. Он поделился с ней своими печалью: она передала разговор отцу. Однажды, придя в Сады, Лоренцо сказал:

– Граначчи, я мечтаю о большой картине – "Триумф Павла-Эмилия". Ты не согласишься бы ее написать?

– Как не согласиться! И чем сильнее нужда, тем быстрее услуга.

Когда Лоренцо отвернулся в сторону, Граначчи прижал пальцы левой руки к губам и послал в знак благодарности воздушный поцелуй Контессине.

Никогда она не останавливалась, чтобы посмотреть на работу Микеланджело. Обычно она задерживалась около Торридждани, став сбоку от его стола, напротив Микеланджело, так, что он мог следить за каждым ее движением, мог слушать, как она смеется, тронутая шутками забавлявшего ее красавца. И хотя Микеланджело словно зачарованный не спускал с нее глаз, взгляды их ни разу не встретились.

Когда, наконец, она исчезала, он чувствовал тоску и опустошение. Он не мог понять, почему это происходит. О девушках он не помышлял. Не помышлял

даже после того, как Якопо, просвещавший Микеланджело в течение года, научил его распознавать тех, которые "годятся для постели". У него не было девушек ни дома, в семье, ни в том узком кругу друзей, который был ему знаком. Он не помнил, разговаривал ли он хотя бы раз с кем-нибудь из девушек. У него никогда не появлялось желания даже рисовать их! Они были чужды ему. Тогда почему же он так страдал, когда Контессина, всего в нескольких шагах от него, весело смеялась и разговаривала с Торриджани, держась с этим юношей как равная. Почему он так злился и на Торриджани, и на Контессину, что она могла значить для него, эта принцесса благородной медичейской крови?

Все это походило на какую-то таинственную болезнь. Ему хотелось, чтобы девушка больше не появлялась в Садах, оставила его в покое. Рустичи говорил, что раньше она редко приходила в Сады. Почему же теперь она проводит здесь каждый день по часу, а то и больше? Чем упорнее он отдавался работе, прикидал к своим листам, заполняя их рисунками, тем острее чувствовал присутствие Контессины: остановившись у стола Торриджани, она любезничала с этим красавцем и атлетом, исподтишка подглядывая за Микеланджело и воспринимая каждый взмах его карандаша как личную обиду.

Время шло, наступил разгар лета, цветы в Садах увяли от зноя, лужайки выгорели и побурели - и только тогда Микеланджело понял, что он ревнует. Ревнует к Торриджани. Ревнует к Контессине. Ревнует к ним обоим сразу. Ревнует каждого из них в отдельности.

И тут ему стало страшно.

А теперь она застала его совсем одного, когда в Садах было пусто. Она пришла со своим братом Джованни, толстым, слегка косоглазым подростком, - он был, как догадывался Микеланджело, его же возраста, лет четырнадцати, и уже предназначен в кардиналы; кроме Джованни, вместе с Контессинной явился и ее кузен, побочный сын Джулиано, любимого брата Лоренцо, который был заколот в Соборе заговорщиками из семейства Пацци. Когда произошло это убийство, Микеланджело было всего три года, но флорентинцы до сих пор рассказывали, как висели казненные заговорщики в проемах окон Синьории.

Первые слова прозвучали неожиданно:

- Buona sera. Добрый вечер.

- Buona sera.

- Микеланджело.

- Контессина.

- Come va? - спросила Контессина.

- Non c'e male. - Ответ звучал кратко, как у сеттиньянского каменотеса.

Микеланджело рубил кусок светлого камня, отделявая его в елочку. Он и не думал прерывать работу.

- Этот камень пахнет.

- Только что сорванными винными ягодами.

- А этот? - Она указала на глыбу мрамора, лежавшую на скамье рядом с ним. - Этот пахнет свежими сливами?

- Нет, едва ли сливами. - Он отколол от глыбы кусочек. - Понюхай сама...

Она наморщила нос и засмеялась. Он сел перед мраморной глыбой и начал рубить ее с таким рвением, что осколки брызнули, как дождь.

- Почему ты бьешь так... так яростно? Разве ты не устаешь? Я давно бы выдохлась.

Он знал, что она очень болезненна, знал, что чахотка унесла ее мать и сестру за один прошлый год. Поэтому-то, говорил Рустичи, Лоренцо так нежен с нею: ей суждена недолгая жизнь.

- Нет, нет, что ты! Когда рубишь камень, то силы не убывает, а только прибавляется. Вот попробуй-ка поруби этот белый мрамор. Увидишь, как он оживет в твоих руках.

- Не в моих, а в твоих руках, Микеланджело. Может, ты закончишь для меня этот узор на светлом камне?

- Да это же всего-навсего простая елочка. Мы насекаем ее, когда строим ограду или обкладываем колодцы.

- Она мне нравится.

- Тогда я закончу ее.

Она стояла не двигаясь прямо над ним, а он, согнувшись, продолжал

работать. Когда он натыкался на особо твердое место, то искал глазами ведро с водой и, не найдя, сплевывал на камень, чтобы сделать его более мягким, и вновь с молниеносной быстротой врубал и врубал свой резец.

Она засмеялась:

- А что ты будешь делать, когда во рту совсем пересохнет?

Он поднял голову, лицо его залилось румянцем.

- У хорошего скальпеллино слюны на плевок всегда найдется.

5

С наступлением духоты и зноя Сады понесли первую утрату: это был Соджи. Его бодрость и воодушевление увядали подобно тому, как увядала в то лето на лужайках трава. Соджи не получал в Садах ни премий, ни заказов, и, хотя Бертольдо выплачивал ему время от времени кое-какие ничтожные суммы, заработок его почти равнялся заработку Микеланджело, а тот не зарабатывал ничего. По этой-то причине Соджи считал, что Микеланджело присоединится к нему.

Однажды вечером, в августе, когда от духоты нечем было дышать, он дождался в Садах тишины и безлюдья, отшвырнул свой инструмент и подошел к Микеланджело.

- Микеланджело, давай-ка уйдем отсюда совсем - и ты и я. Вся эта возня с камнем... это так глупо. Давай спасаться, пока не поздно.

- Спасаться? Что же нам грозит, Соджи?

- Не будь слепцом, Микеланджело. Нам тут никогда не дожидаться ни заказов, ни заработков. Ну, кому нужна скульптура? Все прекрасно живут и без скульптуры.

- А я не могу.

На лице Соджи были написаны отвращение и страх - такой силы чувства он не достигал ни в одном из своих восковых или глиняных изваяний.

- Где же мы потом найдем себе работу? Если Лоренцо умрет...

- Но он еще молод, ему всего сорок лет.

- ...тогда у нас не будет ни покровителя, ни этих Садов. Неужто нам бродить по Италии, как нищим, и протягивать шляпу, прося милостыню? Не надо ли вам мастера по мрамору? Не нужна ли вам "Богоматерь"? Не пригодится ли "Оплакивание Христа"? Я могу вам изготовить и то и другое, только дайте мне кров и пищу.

Соджи яростно засовывал свои пожитки в мешок.

- К черту! Я хочу заниматься таким ремеслом, чтобы ко мне люди приходили сами. Каждый день! За кулебякой или окороком, за вином или рейтузами. Люди не могут обойтись без этих вещей, они должны покупать их каждый божий день. Значит, каждый день я буду что-то сбывать. А на то, что я сбуду, я буду кормиться. У меня деловая натура, мне надо знать в точности, что сегодня или завтра я заработаю столько-то сольди. Скульптура - это уже роскошь, о ней вспоминают в самом крайнем случае. А я хочу торговать чем-то таким, что спрашивают в первую очередь. Что ты скажешь на это, Микеланджело? Ведь здесь тебе не платят ни единого скудо. Посмотри на себя, какую рвань ты носишь. Ты что, хочешь жить как побирушка до конца своих дней? Пойдем со мной. Вместе-то мы найдем работу.

Было ясно, что за вспышкой Соджи крылись твердые убеждения, что Соджи размышлял обо всем этом не одну неделю. И все же в глубине души Микеланджело воспринимал его бурную горячность чуть насмешливо.

- Скульптура для меня - самое важное дело, Соджи. Меня даже не интересует, нужна она кому-то в первую очередь или в последнюю. Я говорю "скульптура" - и ставлю на этом точку.

- Ты верно говоришь - надо поставить на этом точку! - подхватил Соджи.

- На Старом мосту у отца есть знакомый мясник, он ищет подручного. Резец - ведь это все равно что нож...

Когда на следующее утро Бертольдо узнал об уходе Соджи, он пожал

плечами:

- Что ж, обычная в нашем деле потеря. Все люди рождаются с задатками таланта, но у большинства так быстро тухнет этот огонь!

С покорным видом он провел рукой по своим жидким седым волосам.

- В мастерских это бывает сплошь и рядом. Учитель, конечно, знает, что в какой-то мере его усилия пропадут, но он не может бросить свое дело, иначе пострадали бы все ученики до одного. У таких людей, как Соджи, молодой порыв еще не означает любовь или привязанность к скульптуре, это лишь избыток юных сил. Как только этот буйный напор начинает спадать, юноши говорят себе: "Довольно мечтаний. Поищем-ка надежных путей в жизни". Когда ты сам будешь владельцем боттеги, ты увидишь, что я говорю правду. Скульптура - это тягчайший, зверский труд. Человек должен быть художником не потому, что он может им быть, но лишь потому, что он не может не быть им. Искусство - это удел тех, кто без него всю жизнь испытывал бы страдания.

На другой день в Сады в качестве нового ученика явился круглолицый, как луна, Буджардини: он стал еще толще, хотя вверх не вытянулся. Микеланджело и Граначчи обнялись с ним, как со старым другом.

Граначчи, закончив свою картину для Лоренцо, выказывал такую распорядительность и умение ладить с людьми, что Лоренцо поставил его в Садах управляющим. Граначчи с удовольствием исполнял свои обязанности: хлопотал целыми днями о том, чтобы в Сады был вовремя завезен камень, чугун или бронза, устраивал состязания учеников, доставал им скромные заказы в цехах.

- Оставь-ка ты эти дела, Граначчи, - уговаривал его Микеланджело. - У тебя такой же талант художника, как у любого из нас в этих Садах.

- Но мне нравятся всякие хлопоты, - мягко возражал Граначчи.

- Пусть тебе это и нравится. Если нам нужны будут карандаши или натурщики, мы найдем их сами. Почему ты должен бросать свою работу только затем, чтобы помогать нам?

Граначчи заметил эту косвенную похвалу своему таланту, хотя Микеланджело и высказал ее со злостью.

- Времени хватит на все, caro mio, - успокаивал он друга. - Я уже занимался живописью. Придет час, я займусь ею снова.

Но когда Граначчи действительно вновь взялся за кисть, Микеланджело стал злиться еще больше, так как Лоренцо заставил своего управляющего малевать декорации для пьесок-моралите и расписывать знамена и арки для праздничных процессий.

- Граначчи, глупец, как ты можешь петь и веселиться, расписывая карнавальные декорации, которые выбросят на свалку сразу же после праздников?

- А я люблю делать подобные пустячки - так ведь ты из называешь? Не все же на свете должно быть глубоко и вечно. Праздничные шествия или вечеринки тоже очень важны, так как они доставляют людям удовольствие, а удовольствие - одна из самых важных вещей в жизни, столь же важная, как еда, питье или искусство.

- Ты... ты - истинный флорентинец!

6

Осенние дни становились все прохладнее, а дружба Микеланджело с товарищами по работе - горячее. В праздники и церковные дни, когда Сады наглухо запирались, Рустичи приглашал его на обед, а затем вывозил за город, где он всюду выискивал лошадей; за право порисовать их в ноле или в конюшне он платил деньги крестьянам, конюхам, грумам.

- Лошадь - это самое красивое из всех божьих творений, - говорил Рустичи. - Ты должен рисовать ее снова и снова, всякий раз, как только увидишь.

- Рустичи, я никогда не думал ваять лошадей. Меня интересуют только люди.

- Если ты знаешь лошадь, ты знаешь целый мир.

Сансовино, который происходил из крестьян Ареццо и был вдвое старше Микеланджело, высказывал еще один взгляд на жизнь:

- Художнику надо время от времени возвращаться к земле; он должен пахать, должен сеять, полоть, убирать урожай. Прикосновение к земле обновляет нас. Быть только художником - это значит сосать собственную лапу и докатиться до бесплодия. Вот почему я, что ни неделя, сажусь верхом на мула и еду домой в Ареццо. Тебе надо поехать со мной, Микеланджело, и ощутить вспаханное поле своими ногами.

- Я с радостью поеду с тобой в Ареццо, Сансовино. Если там найдется мрамор, я действительно могу пропахать в нем борозду.

И только дома Микеланджело чувствовал себя несчастным. Лодовико ухитрился, пусть не совсем точно, разведать, сколько денег получают ученики в Садах в виде премий, наград и платы от заказчиков; он понял, что Сансовино, Торриджани и Граначчи зарабатывают приличные суммы.

- Ну, а ты? - допрашивал он сына. - Ты не получил ни скудо?

- Пока нет.

- За все восемь месяцев? Почему? Почему все остальные получают деньги, а ты нет?

- Я не знаю.

- Я могу заключить из этого только одно: по сравнению с другими ты никуда не годишься.

- Это неправда.

- А считает ли Лоренцо, что у тебя есть какие-то способности к скульптуре?

- Несомненно.

- Но он никогда не заговаривал с тобой?

- Никогда.

- Allora! Я даю тебе срок еще четыре месяца, чтобы вышел целый год. А потом, если Лоренцо по-прежнему будет считать тебя бесплодной смоковницей, ты пойдешь работать.

Однако терпения Лодовико хватило всего на четыре недели. Однажды в воскресное утро, зайдя в спальню к Микеланджело, он учинил новый допрос, буквально прижав его к стенке:

- Хвалит ли Бертольдо твою работу?

- Нет.

- Говорит он, что у тебя есть талант?

- Нет.

- А дает ли он тебе хоть какие-нибудь заверения на будущее?

- Он дает мне советы.

- Это не одно и то же.

- Ammesso. Согласен.

- Хвалит ли он других?

- Иногда.

- Что ж, значит, ты самый безнадежный?

- Этого не может быть.

- Почему же?

- Я рисую лучше, чем остальные.

- Рисую! Какое это имеет значение? Если там тебя учат, чтобы ты стал скульптором, почему же ты не занимаешься скульптурой?

- Бертольдо не разрешает мне.

- Почему?

- Говорит, что еще рано.

- Ну, а другие что-нибудь лепят, высекают?

- Да.

- Так неужели тебе не ясно, что все это значит?

- Нет.

- Это значит, что у них больше способностей, чем у тебя.

- Все будет ясно, когда я приложу руки к камню.

- Когда это будет?

- Не знаю.

- А пока ты не станешь работать с камнем, у тебя не будет никакого

заработка?

- Не будет.

- А говорят тебе, когда ты начнешь работать с камнем?

- Нет, не говорят.

- Ты не думаешь, что все это выглядит безнадежно?

- Нет.

- Что же ты думаешь?

- Я в недоумении.

- И долго ты будешь пребывать в недоумении?

- Пока Вертольдо не скажет своего слова.

- Куда же делась твоя гордость? Что с тобой случилось?

- Ничего.

- Это все, чего ты добился в Садах, - "ничего".

- Учиться - это не значит утратить свою гордость.

- Тебе уже почти пятнадцать лет. Ты что, так никогда и не будешь зарабатывать?

- Я буду зарабатывать.

- Когда же и каким способом?

- Не знаю.

- Двадцать раз ты сказал мне "нет" или "не знаю". Когда же ты будешь знать?

- Я не знаю.

Выбившись из сил, Лодовико вскричал:

- Да мне надо отдубасить тебя палкой! Когда в твоей башке будет хоть капля разума?

- Я делаю то, что должен делать. Разве это не разумно?

Лодовико повалился в кресло.

- Лионардо хочет идти в монахи. Кто и когда слышал, чтобы Буонарроти стал монахом? Ты хочешь сделаться художником. Кто и когда слышал, чтобы Буонарроти были художниками? Джовансимоне, видно, будет уличным шалопаем, бродягой, завсегдаем мостовых. Проходимец из семьи Буонарроти - это невысказано! Урбино выгнал из школы Сиджизмондо и говорит, что я бросаю деньги на ветер - парень не научился даже читать. Слыхано ли, чтобы Буонарроти был неграмотен? Уж и не знаю, зачем господь бог дает человеку сыновей?

Микеланджело подошел к Лодовико и легонько притронулся к его плечу:

- Не сомневайтесь во мне, отец. Стричь шерсть на осле я не собираюсь.

Дела Микеланджело в Садах не улучшились, они шли теперь даже хуже, чем прежде. Вертольдо жестоко тормозил его и все же никогда не был доволен тем, что делал ученик. Нервно переступая с одной ноги на другую, он кричал: "Нет, нет, ты способен сделать это гораздо лучше. Рисуи снова! Рисуи!" Он заставлял Микеланджело набрасывать эскизы, глядя на модель сначала сверху, с лестницы, потом распластаваясь на полу, велел ему приходить в Сады и работать там по воскресным дням, рисуя композицию, в которой были бы слиты воедино все этюды, сделанные за неделю.

Идя вечером домой вместе с Граначчи, Микеланджело тоскливо воскликнул:

- Ну почему меня так обижают в Садах?

- Тебя не обижают, - ответил Граначчи.

- Обижают, это видно всем и каждому. Мне не разрешают участвовать ни в одной конкурсной работе на премию Лоренцо, не дают выполнять никаких заказов. Мне не позволяют ходить во дворец и смотреть там произведения искусства. Ты теперь управляющий в Садах. Поговори с Вертольдо. Помоги мне!

- Когда Вертольдо сочтет тебя подготовленным для участия в конкурсах, он скажет об этом сам. А до тех пор...

- О боже! - простонал Микеланджело, стискивая зубы. - Да к тому времени мне придется ночевать в Лоджии делла Синьориа - отец выгонит меня из дома палкой.

Было еще одно горестное обстоятельство, о котором Микеланджело не мог сказать Граначчи: с наступлением сырой погоды Лоренцо запретил Контессине выходить из дворца. А Микеланджело она не казалась ни сильной, ни хрупкой. Он чувствовал в ней страсть, чувствовал такое пламя, перед которым отступает и смерть. Теперь, когда девушка не появлялась в Садах, они стали для него странно пустыми, а без трепетного ожидания встречи дни тянулись

уныло и однообразно.

В своем одиночестве Микеланджело еще больше тянулся к Торриджани. Они стали неразлучны. Микеланджело прямо-таки бредил Торриджани: он был без ума от его остроумия, его пронизательности, красоты.

Граначчи в недоумении только поднимал брови.

- Микеланджело, я перед тобой в трудном положении: что бы я ни сказал, ты можешь подумать, что я говорю это из зависти или обиды. Но я должен предостеречь тебя. С Торриджани бывало это и раньше.

- Что бывало?

- Расточал свою любовь, пленял кого-нибудь без остатка, а потом впадал в ярость и резко рвал все отношения, если на горизонте появлялся кто-то другой, кого можно было увлечь и очаровать. Торриджани нуждается в поклонниках, в поклонниках ты у него и ходишь. Пожалуйста, не думай, что он тебя любит.

Бертольдо оказался не столь мягким. Когда он увидел рисунок, в котором Микеланджело подражал только что закопченному этюду Торриджани, он изорвал его на сотню мелких клочков.

- Стоит только походить с калекой хотя бы год, как сам начинаешь прихрамывать. Передвинь свой стол на то место, где он стоял прежде!

7

Бертольдо понимал, что терпение Микеланджело вот-вот лопнет. Он положил свою хрупкую, как осенним лист, руку мальчику на плечо и сказал:

- Итак, приступим к скульптуре.

Микеланджело закрыл лицо ладонями, его янтарного цвета глаза горели, на лбу проступили капли пота. Внезапная радость, боль и горечь слились в едином ощущении, от которого колотилось сердце и дрожали руки.

- А теперь зададим себе вопрос: что такое скульптура? - назидательным тоном произнес Бертольдо. - Это искусство отсечь, убрать все лишнее с взятого материала а свести его к той форме, которая возникла в воображении художника.

- Убрать с помощью молотка и резца! - воскликнул Микеланджело, стряхивая с себя оцепенение.

- Или добавить какую-то долю материала еще, как это мы делаем при лепке из глины или воска, накладывая их часть за частью.

Микеланджело энергично замотал головой:

- Это не для меня. Я хочу работать прямо на мраморе. Я хочу работать, как работали греки, высекая сразу из камня.

Бертольдо криво улыбнулся.

- Благородное стремление. Но чтобы итальянец достиг того, что делали древние греки, потребуется еще много времени. Первым делом ты должен научиться лепить из глины и воска. До тех пор, пока ты не овладеешь методом добавления, нельзя прибегать к методу усекновения.

- И никакого камня?

- Никакого камня. Восковые модели должны быть у тебя не больше двенадцати дюймов высоты. Я уже велел Граначчи закупить для тебя воска - вот он, посмотри. Чтобы сделать его более податливым, мы добавляем в него немного животного жира. Вот так. С другой стороны, для прочности и вязкости надо добавить еще и скипидара. Тебе ясно?

Пока воск растапливался, Бертольдо показал мальчику, как делать из проволоки и деревянных планок каркас, потом, когда воск остыл, он научил его раскатывать воск в шарики. Вот уже готов и каркас. Микеланджело начал накладывать на него воск, желая убедиться, насколько точно можно воспроизвести плоский рисунок в трехмерной фигуре.

Ведь именно в этом и заключалось то чудо, о котором он когда-то кричал на ступенях Собора. Именно это он имел в виду, когда утверждал в споре с друзьями превосходство скульптуры над живописью. Истинные цели скульптора

- глубина, округлость, размер; обо всем этом живописец может только намекнуть, прибегая к иллюзорной перспективе. В распоряжении скульптора твердый, осязаемый мир реальности; никто не может шагнуть в глубь его рисунка, но любому и каждому доступно обойти вокруг его изваяния и оценить его со всех сторон.

- Это значит, что-изваяние должно быть совершенно не только спереди, но с любой точки обзора, - говорил Бертольдо. - А отсюда вытекает, что любое произведение скульптуры создается как бы не один раз, а триста шестьдесят раз, потому что при изменении точки обзора хотя бы на один градус оно уже становится словно бы другим, новым изваянием.

Микеланджело был заморожен; проникая в его сознание, слова Бертольдо жгли, будто пламя.

- Понимаю.

Он взял в ладони воск и почувствовал его теплоту; для рук, которые жаждали камня, катышек воска не мог быть приятным. Но наставления Бертольдо побудили Микеланджело задуматься, может ли он вылепить голову, торс или всю фигуру так, чтобы она в какой-то мере передавала рисунок. Задача была не из легких.

- Но чем скорее я начну, - сказал он себе, - тем скорее кончу.

Плотно облепив каркас воском, Микеланджело, как приказал ему Бертольдо, стал действовать металлическими и костяными инструментами. Добившись грубого приближения к замыслу, он начал отделять модель своими крепкими пальцами. Статуэтка обрела какую-то, правдоподобность и печать неуклюжей силы.

- Но в ней нет и тени изящества! - возмутился Бертольдо. - Помимо того, здесь полностью отсутствует портретное сходство.

- Я не делаю портрета, - ворчливо говорил Микеланджело: указания Бертольдо он впитывал, как сухая губка, брошенная в Арно, но все, что пахло критикой, возбуждало в нем строптивость.

- Тебе придется Делать портреты.

- Могу я сказать откровенно?

- А к чему бы тебе кривить душой?

- Черт с ними, с портретами. Я их, видно, не полюблю никогда.

- "Никогда" в твоём возрасте гораздо дольше, чем в моём. Если ты подышаешь с голода, а герцог Миланский просит тебя отлить свой портрет в виде бронзового медальона...

Микеланджело вспыхнул:

- Я еще не дошел до такой нищеты.

Бертольдо настаивал на своем. Он толковал ученику о выразительности и изяществе, о силе и равновесии. О взаимосвязанности тола и головы: если у фигуры голова старика, то и руки, корпус, бедра и ноги должны быть тоже как у старика. Пели же у изваяния голова молодого человека, то надо стараться придать фигуре округлость, мягкость и привлекательность, а складки одежды расположить таким образом, чтобы под ними чувствовалось юное, крепкое тело. Волосы и бороду следует отделять всегда с особенной тщательностью.

Баччио был коноводом во всяких проказах. Нападала ли скука и уныние на Торриджани, рвался ли вдруг, изнывая от тоски, в свое Ареццо уставший Сансовино, требовал ли в раздражении дать ему в руки уже не воск, а глину Микеланджело, или Бертольдо отчитывал Рустичи за то, что тот рисует лошадей, когда следует рисовать специально приглашенного натурщика, или у Граначчи раскалывалась голова от боли, когда кругом беспрестанно стучали молотками, или Бертольдо заходил в кашле и жалобно говорил, что он был бы избавлен от многих страданий, если бы умер до своего прихода в Сады, - всегда в такие минуты Баччио спешил на выручку и спасал положение своими неистощимыми шутками, почерпнутыми в винных лавках и непотребных притонах.

- Маэстро, слышали ли вы историю, как купец жаловался на дороговизну платьев, которые он покупал жене? "Каждый раз, когда я ложусь с тобой спать, это обходится мне в одно скудо золота". А молодая жена ему отвечает: "Если ты будешь спать со мной чаще, это будет обходиться тебе каждую ночь гораздо дешевле".

- Нет, я держу его в Садах не в качестве клоуна, - оправдывался перед учениками Бертольдо. - У него есть проблески таланта, и он очень понятливый. Он, как и все остальные в Садах, твердо решил посвятить себя

искусству. Он только не любит учиться, думает об одних удовольствиях. Но он еще излечится от этого. Брат его, монах-доминиканец, ведет исключительно строгий образ жизни; может быть, потому-то Баччио такой распушенный.

Время шло неделя за неделей. Бертольдо по-прежнему требовал, чтобы Микеланджело лепил лишь восковые фигурки, стараясь в них как можно точнее передать карандашный рисунок. Когда Микеланджело не мог уже больше выдерживать, он бросал костяные инструменты; уходил в дальний угол Садов, подхватывал там молоток и резец и укрощал свой гнев, обтесывая строительный камень для библиотеки Лоренцо. Десятник, будучи не вполне уверен, что должен попустительствовать такому бунту, спросил Микеланджело на первый раз:

- Зачем ты к нам явился?
- Мне надо как-то очистить пальцы от воска.
- А где ты научился тесать камень?
- В Сеттиньяно!
- А, в Сеттиньяно!

Так каждый день в течение часа или двух он стал работать вместе со скальпеллини. Ощущая под руками твердую глыбу камня, зажатую между колен, он и сам становился словно тверже, прочнее.

Бертольдо капитулировал.

- "Alla guerra di amor vince chi fugge", - сказал он. - "В любовном сражении побеждает тот, кто пускается в бегство". Ныне мы принимаемся за глину... Запомни, что фигура, слепленная из мокрой глины, усыхает. Поэтому накладывай глину понемногу, не спеши. Подмешивай в нее мяткие стружки и конский волос с тем, чтобы в работах крупного размера потом не появлялось трещин. Покрывай свое изваяние мокрой тканью примерно такой влажности, какая бывает у густой грязи; заботься, чтобы ткань аккуратно окутывала всю фигуру. Позднее ты узнаешь, как увеличивать модель до того размера, в каком ты хочешь вырубать ее из камня.

- Вот это уже настоящее дело, - усмехнулся Микеланджело. - По мне, чем ближе к камню, тем лучше.

Наступил февраль, с холмов поползли туманы, дождь сплошной сеткой заволакивал раскинувшийся в долине город, улицы превратились в реки. Сумрачный серый свет позволял работать лишь несколько часов в сутки, в церквах и дворцах была такая сырость, что срисовывать там работы старых мастеров стало невозможно. В Садах все были прикованы к комнатам павильона, ученики работали, сидя на высоких стульях, под которыми стояли жаровни с горячими углями. Нередко случалось так, что Бертольдо был вынужден лежать целый день в постели, Мокрая глина казалась еще более липкой и холодной, чем обычно. Микеланджело работал, зажигая масляный светильник, иногда, по вечерам, он оставался в вымерзшем павильоне совершенно один - на душе у него было нерадостно, тем не менее он чувствовал, что лучшего места, чем Сады, ему теперь нигде не найти.

Пройдет еще два месяца, и наступит апрель. У Лодовико было решено, что в апреле он возьмет Микеланджело из Садов, если тот по-прежнему не будет зарабатывать ни скудо. Когда, поднявшись с постели, закутанный в шерстяные платки, Бертольдо вновь пришел в Сады, он еле держался на ногах и был похож на привидение. Но Микеланджело знал, что поговорить с учителем ему необходимо. Он показал Бертольдо почти законченные глиняные модели и попросил разрешения перевести их в камень.

- Нет, сын мой, - сильным голосом отозвался Бертольдо, - тебе еще рано.
- Все работают по камню, а мне рано?
- Тебе еще надо многому учиться.
- Да, от этого не уйдешь.

- Терпение! - ободрял его Граначчи. - Господь слепил нам спину как раз для того, чтобы тащить ношу.

Его язвило и жгло несколько заноз сразу. Самую острую из них вонзал Бертольдо: он постоянно обрушивал на Микеланджело поток придирчивых замечаний, и как тот ни старался, он не мог заслужить от учителя ни одной похвалы. Ныла и другая незаживающая рана – его до сих пор не пускали во дворец.

- Нет, нет, – ворчал Бертольдо. – Эта фигурка у тебя чересчур заглажена. Когда ты увидишь статуи во дворце ты поймешь, что мрамор любит выражать только самые заветные, самые глубокие чувства.

Микеланджело думал: "Ну что ж, позови меня во дворец, и я увижу!"

Когда Бертольдо приглашал во дворец Буджардини, Микеланджело злился. На кого? На Бертольдо или на Лоренцо? Или на самого себя? Если бы его спросили об этом, он не мог бы ответить. Было похоже, что его отвергают навсегда. Он чувствовал, что попал в положение осла, который везет на себе золото, а ест колючий чертополох.

Однажды в конце марта, в холодный, но ослепительно, яркий день Бертольдо оглядывал только что законченную глиняную модель Микеланджело – древнего полубога, наполовину человека, наполовину животного.

- Во дворец доставили недавно найденного "Фавна", – сказал Бертольдо. – Вчера вечером мы его распаковали. Грек и язычник, вне всяких сомнений. Фичино и Ландино считают, что это пятый век до рождества Христова. Тебе надо посмотреть находку.

У Микеланджело перехватило дыхание.

- Сейчас самое время идти. Бросай-ка свою работу.

Они перешли площадь Сан Марко и повернули на Виа Ларга. Защищаясь от пронизывающей стужи, Бертольдо прикрыл рот и нос концом тяжелого шерстяного шарфа, которым была закутана его шея. Под фундамент дворца Медичи со стороны Виа де Гори пошла часть второй стены, некогда окружавшей город. Здание это построил архитектор Микелоццо тридцать лет назад для Козимо. Оно было достаточно просторным, чтобы в нем разместилось большое, разветвлявшееся на три поколения, семейство, правительство республики, банкирская контора, отделения которой были раскиданы по всему свету, убежище для художников и ученых, съезжавшихся во Флоренцию; это был одновременно жилой дом и государственное учреждение, лавка и университет, художественная мастерская и музей, театр и библиотека; и все тут носило печать строгой, величавой простоты, свойственной вкусам Медичи.

- В этом дворце нет плохих произведений искусства, – сказал Бертольдо.

Мастерство, с которым был отделан камень, восхищало Микеланджело; любуясь дворцом, он даже задержался на минуту на Виа Ларга. Хотя мальчик видел дворец сотни раз, ему всегда казалось, что он оглядывает его впервые. Ах, какие же чародеи были эти скальпеллини! Каждый камень рустованных у основания стен был отделан так, как отделывают драгоценное изваяние; выпуклая поверхность блоков была хитроумно прострочена насечкой, а по их скошенным краям вырезаны тонкие и изящные завитки – большущие каменные глыбы словно бы пели. И не было среди них двух таких" которые бы походили друг на друга в большей степени, чем две разные статуи, изваянные Донателло.

В тяжелые блоки был ввинчен ряд железных колец, к которым посетители дворца привязывали своих лошадей, по углам были укреплены массивные бронзовые петли – на ночь в них вставлялись факелы. Вокруг цоколя, по обеим прилегающим улицам, тянулась высокая каменная скамья, на которой общительные флорентинцы могли вволю поболтать и погреться на солнышке.

- Любой камень этой рустики так прекрасен, что его можно перенести в лоджии и поставить там на пьедестал, – сказал Микеланджело, нарушая молчание.

- Может быть, – согласился Бертольдо. – Но, на мой взгляд, они слишком громоздки. От этого здание стало похоже на крепость. Мне больше нравятся вон те плоские каменные панели на втором этаже, а еще красивее мелкие камни третьего этажа – в их резьбе есть изящество гемм. По какой-то причине дворец кажется столь легким вверху, а внизу он тяжеловесен.

- До сих пор я не знал, что архитектура почти такое же великое искусство, как и скульптура, – заметил Микеланджело.

Бертольдо снисходительно улыбнулся.

- Джулиано да Сангалло, лучший архитектор Тосканы, сказал бы тебе, что архитектура есть не что иное, как скульптура: искусство создать форму, занимающую пространство. Если архитектор не является одновременно и скульптором, то все, что он создаст, будет не больше чем покрытые крышей стены. Если ты останешься без работы, ты можешь предложить вместо "Оплакивания" еще и проект дворца или храма.

Перекресток Виа Ларга и Виа де Гори занимала открытая лоджия - в ней семейство Медичи собиралось в дни торжеств и праздников. Флорентинцы считали, что они имеют право смотреть, как веселятся Медичи, - это служило для них развлечением, от которого они не собирались отказываться. Сюда, под величественную, в четыре с лишним сажени высотой, аркаду из серого камня приходили горожане, купцы и политики доверительно побеседовать с Лоренцо, а художники и ученые обсудить свои проекты. Для всех тут был припасен стакан сладкого белого греческого вина - "великолепное питье благородных людей" - и для всех гостеприимно ставилось печенье.

Микеланджело и его учитель прошли в большие ворота и оказались в квадратном дворе: здесь с трех сторон тянулись аркады, их поддерживали двенадцать великолепных колонн, увенчанных резными капителями. Бертольдо с гордостью указал на восемь круглых барельефов, которые были расположены над аркадой, ниже окон.

- Это мои изваяния. Я сделал их по античным геммам. Геммы ты увидишь в кабинете Лоренцо. Сколько людей принимало эти барельефы за произведения Донателло!

Микеланджело нахмурился: как только может Бертольдо идти на столь рабское подражание своему учителю? Тут он увидел две великие статуи Флоренции - "Давида" Донателло и "Давида" Верроккио. Он с радостным криком бросился к ним, ему хотелось потрогать их руками.

Бертольдо стоял рядом с Микеланджело и гладил своей искусенной рукой великолепное бронзовое литье.

- Я помогал отливать эту вещь для Козимо. Так и было тогда задумано - поставить статую здесь на дворе, чтобы ее было видно со всех сторон. Как мы волновались в ту пору! Веками в Италии были только барельефы или скульптура, прикрепленная к какой-то плоскости. "Давид" явился первой круглой статуей из бронзы - их уже не отливали тысячу лет. До того как пришел Донателло, скульптура служила лишь украшением архитектуры - она ютилась в нишах, на дверях, на хорах, на кафедрах. Донателло стал ваять круглые скульптуры первым после древних римлян.

Раскрыв рот, Микеланджело смотрел на Донателлова Давида: он был юный и нежный, с длинными кудрями волос, с четко обозначенными сосками на обнаженной груди; тонкая рука сжимала огромный меч; левой, изящно согнутой ногой в легкой сандалиии он попирает отсеченную голову Голиафа. Тут, думал Микеланджело, воистину двойное чудо - и удивительно гладкая, атласная фактура литья, чему, как он знал, немало способствовал Бертольдо, и почти девическое, как у Контессины, изящество и хрупкость Давида, который тем не менее сумел убить Голиафа!

Едва он успел бегло оглядеть три римских саркофага под арками и две реставрированные фигуры Марсия, как Бертольдо уже повел его вверх по большой лестнице в часовню, где перед ним засияли своими красками такие фрески Гоццолли, что мальчик ахнул от удивления.

А потом Бертольдо стал водить его из комнаты в комнату, и у Микеланджело буквально закружилась голова: это был настоящий лес изваяний, необъятная кладовая картин. Ему теперь словно бы не хватало ни глаз, ни силы в ногах, чтобы осмотреть и обойти все, что тут было, он изнемогал от волнения. Здесь были представлены все достойные художники Италии, начиная с Джотто и Николо Пизано. Мраморы Донателло и Дезидерио да Сеттиньяно, Луки делла Роббиа и Верроккио, бронза Бертольдо. Во всех коридорах, залах, жилых комнатах, кабинетах и спальнях дивные картины - "Святой Павел" и "Площадь Синьории" Мазаччо; "Сражение при Сан Романо", "Битва Драконов и Львов" Паоло Учелло; "Распятие" Джотто на деревянном столе; "Мадонна" и "Поклонение Волхвов" фра Анжелико; "Рождение Венеры", "Весна", "Мадонна Магнатикат" Боттичелли. Помимо того, тут находились произведения Кастаньо, Филиппо Липпи, Поллайоло и сотни венецианских и брютгских мастеров.

Вот уже они вступили в *studiolo* - кабинет Лоренцо: это была последняя комната в веренице прекрасных покоев, носивших название "благородного

этажа". Кабинет был совсем не парадный и не деловой – скорее небольшая горница для работы с пером и бумагой; свод в ней был изваян Лукой делла Роббиа; письменный стол Лоренцо стоял у задней стены, а над ним были полки, где хранились сокровища хозяина; изделия из драгоценного камня, камеи, небольшие мраморные барельефы, древние рукописи с миниатюрами. Уютное, заставленное множеством вещей помещение, пожалуй, больше располагало к удовольствиям, нежели к работе, – здесь лучились красками маленькие столики, расписанные Джотто и Ван Эйком, на каминной доске стояла античная бронза и фигура обнаженного Геракла, над дверями темнели бронзовые головы, тут и там поблескивали стеклянные вазы, отлитые по рисункам Гирландайо.

- Ну, что ты думаешь? – спросил Вертольдо.

- Ничего. И в то же время много. Голова у меня уже не работает.

- Не удивляюсь. А вот тот самый "Фавн", которого привезли вчера из Малой Азии. Глазки у него такие, что сразу ясно, что он не отказывал себе в плотских радостях. Это, наверное, древний флорентинец! А теперь я оставлю тебя на несколько минут, мне надо пойти и взять кое-что в своей комнате.

Микеланджело подошел к "Фавну". Он поймал себя на том, что смотрит в его мерцающие, злорадные глаза. Длинная борода Фавна была в пятнах, словно залита на пирушке вином. Он казался совсем живым, Микеланджело даже почудилось, что Фавн вот-вот заговорит, хотя сейчас он только улыбался порочной своей улыбкой, вдруг словно бы спрятав зубы. Микеланджело притронулся копчиками пальцев к зиявшему его рту, желая нащупать там зубы, – но зубов действительно не было. Микеланджело откинул голову и захохотал, смех его эхом прокатился по комнатам. Кровь снова заструилась у него по жилам.

- Ты что, старик, стер начисто зубы? И хвалишься своими похождениями?

Мальчик вытащил из-под рубашки бумагу и красный карандаш, отошел подальше в угол, сел там и принялся рисовать Фавна. Он нарисовал у него и губы, и зубы, и дерзко высунутый язык: ему казалось, что именно таким создал Фавна греческий скульптор две тысячи лет тому назад.

Вдруг он почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной, ноздри его уловили легкий запах духов. Он резко обернулся.

Много недель прошло с тех пор, как он видел ее в последний раз. Она была такая тоненькая, хрупкая, что, казалось, не занимала собой никакого пространства. Сияли ее огромные всепоглощающие глаза, – в теплой коричневой влаге их зрачков будто растворялись и исчезали все остальные черты ее бледного личика. Она была одета в голубую гамурру, отороченную коричневым мехом. Белые звезды были нашиты у пей на сорочке и рукавах. Она держала в руках греческий пергамент с речами Исократы.

Он сидел, не шевелясь, и смотрел ей в глаза как заворуженный.

- Микеланджело.

Как много радости может быть в простом звуке твоего имени, хотя целыми днями ты внимаешь ему равнодушно.

- Контессина.

- Я занималась в своей комнате. Потом услышала, что кто-то здесь ходит.

- Я не смел и подумать, что увижу тебя. Меня привел сюда Вертольдо, мы смотрим статуи.

- Отец не хочет брать меня с собой в Сады, пока не наступит весна. Ты не думаешь, что я умру?

- Ты будешь жить и родишь много сыновей.

Яркий румянец залил ей щеки.

- Я тебя не обидел? – спросил он извиняющимся тоном.

Она покачала головой.

- Все говорят, что ты очень груб. – Она шагнула, приближаясь к его стулу. – Когда я стою рядом с тобой, я чувствую себя крепкой. Это почему?

- А когда я рядом с тобой, я смущаюсь. Это почему?

Она засмеялась, весело и непринужденно.

- Я скучаю по Садам.

- Сады скучают по тебе.

- Я и не думала, что там замечают мое отсутствие.

- Замечают.

Он сказал это столь горячо, что она нашла нужным переменить тему.

- Как идет у тебя работа - хорошо?
- Non c'è male.
- Ты не очень-то разговорчив.
- Не стремлюсь быть говоруном.
- Тогда почему ты даешь говорить за себя глазам?
- А что они говорят?
- Они говорят такое, что мне очень приятно.
- Хорошо, если бы ты мне пересказала. У меня нет с собой зеркала.
- То, что мы думаем о других, - наша личная тайна.

Он догадывался, что его видят насквозь, что он выказал ей чувства, которые не сумел бы назвать и сам, - в этом было что-то унижительное. Он опустил голову и взял в руки свой лист с рисунком.

- Мне надо работать.

Ома топнула ногой.

- С Медичи так не разговаривают. - В глазах ее вспыхнул гнев, они вдруг потемнели, утратив свою прозрачность, затем по лицу ее скользнула слабая улыбка. - Больше таких глупых слов ты от меня не услышишь.

- Non importa. Я и сам не скуплюсь на них.

Она протянула ему руку. Рука была маленькая, с хрупкими пальцами, будто птичья лапка. Он понимал, что стискивать такую руку в своей грубой ручище нельзя. Но через секунду он уже чувствовал, как горячо, порывисто и сильно сжимает ее и как она отвечает ему столь же крепким пожатием.

- Addio, Микеланджело.

- Addio, Контессина.

- Удачи тебе в работе.

- Grazie mille. Спасибо.

И она вышла из отцовского кабинета, а он все еще чувствовал легкий запах ее духов, чувствовал, как рука его упруго наливается кровью, будто он долго работал превосходно пригнанным увесистым шпунтом из шведского железа.

Его красный карандаш вновь упрямо чертил по бумаге.

9

Всю эту ночь он метался в постели, не в силах заснуть. Истек уже почти год с тех пор, как он начал работать в Садах. Что будет, если Лодовико пойдет к Лоренцо, как он грозился, и потребует, чтобы отпустили его сына? Захочет ли Лоренцо затевать ссору с уважаемым флорентинским семейством? Из-за какого-то ученика, которого он даже не замечает?

Но уйти из Садов, не получив ни разу в свои руки кусок камня, он был попросту не в силах.

Руки его изнывали от жажды камня. Он вскочил с кровати, кое-как оделся при свете луны и решил тотчас же идти в Сеттиньяно, чтобы быть там к рассвету и весь день рубить светлый камень, обтесывая блоки и колонны. Но, бесшумно спустившись по винтовой лестнице и выйдя уже на Виа деи Бентаккорди, он вдруг замер на месте. В мозгу его вспыхнуло воспоминание о том, как он иногда тайком работал со скальпеллини на задворках Садов, где хранились все запасы камня. Он видел там один камешек, не такой уж большой кусок чудесного белого мрамора, - камень валялся в траве неподалеку от строительных блоков, предназначенных для библиотеки. Сейчас ему пришло на ум, что этот обломок по своим размерам прекрасно подходит к тому изваянию, которое ему грезилось: "Фавн", подобный древнему "Фавну", что был в кабинете Лоренцо, - и, однако, совсем особый, его собственный "Фавн"!

Вместо того чтобы повернуть налево и идти вдоль рва за город, он взял направо, прошел по Виа деи Бенчи с ее красивыми, погруженными в сон дворцами Барди, добрался до деревянных ворот городской стены, попросил разрешения у стражи и пересек мост Всех Милостынь, а затем поднялся на развалины форта Бельведер и сел там на парапет, глядя на мерцавшую внизу

Арно.

Вся Флоренция светилась в лучах полной луны, город, казалось, лежал так близко, что можно было пальцами тронуть и Собор и Синьорию, – несказанная красота этой картины сжала ему сердце. Стоит ли удивляться, что флорентийские юноши распевают песни, полные любви к этому городу, с которым не может сравниться ни одна девушка. Ведь все истинные флорентинцы говорят: "Как бы я мог жить, не видя Дуомо!" Флоренция казалась теперь необъятной глыбой светлого камня; словно резцом каменотеса были вырублены в пей и темные, как реки, улицы, и сверкающие под луной белые площади. Дворцы стояли, как часовые, возвышаясь над скромными строениями, которые теснились вокруг них; рассекая золотисто-пальевое небо, мерцали острые верхушки церкви Санта Кроче и Санта Мария Новелла, легко распознавалось громадное, в сорок три сажени высотой, здание Синьории. Друг подле друга поблескивали колоссальный красный купол кафедрального собора и небольшой белый купол Баптистерия, благородным красно-розовым телесным светом отливала Кампанила. И гигантским кругом опоясывала широко раскинувшиеся кварталы городская стена, усеянная множеством башен и башенок.

Сидя здесь и оглядывая свой любимый город, Микеланджело уже знал, что ему надо делать.

Луна плыла теперь совсем низко, опускаясь за холмами, остатки тумана, похожие на светящуюся серую пыль, таяли на кровлях домов. Свет на востоке все разгорался и усиливался, затем хлынул мощным потоком, словно бы солнце, ревниво прячась за горизонтом, ждало только сигнала, чтобы ворваться в долину Арно и стереть без следа, истребить этот таинственный, мистический свет луны и тем явить свою способность освещать, согреть и делать все ясным и доступным разуму. Где-то вверх по реке, близ болот и озера, на крестьянских усадьбах запели петухи; сторожа у городских ворот, переключаясь друг с другом, вынимали из скоб тяжелые засовы.

Микеланджело стал спускаться с холма, прошел берегом до Старого моста, где сонные мальчишки-подручные только что начали открывать мясные лавки, и скоро был уже на площади Сан Марко, в Садах. Он прошел прямо к тому куску мрамора, лежавшему в траве близ будущей библиотеки, поднял его на руки и, задыхаясь от тяжести, потащил в самое глухое, отдаленное место. Здесь он разыскал валявшийся без присмотра комель толстого дерева и положил на его срез свой камень.

Он знал, что он не вправе касаться этого мрамора, что подобное своеволие означает мятеж, бунт против власти и отвергает ту железную дисциплину, которую утверждал в Садах Бертольдо. Что ж, иного пути нет – он все равно не отступит, если даже отец и исполнит свою угрозу; если же Бертольдо прогонит его из Садов, пусть это будет после того, как он закончит "Фавна", – ведь именно ради работы с камнем его и взяли сюда в свое время.

Руки его нежно оглаживали камень, выискивая в нем каждый затаенный выступ, каждую грань. За весь год он еще ни разу не прикасался к белому, пригодному к делу мрамору.

"Почему, – спрашивал он себя, весь дрожа, – почему я так волнуюсь?"

Белый, как молоко, мрамор был для него живым, одухотворенным существом, которое ощущает, чувствует, судит. Он не мог себе позволить, чтобы его застали врасплох и видели, как он томится и жаждет. Это был не страх, а благоговение. Где-то в глубине своего сознания он слышал: "Это любовь".

Он не испугался, он не был даже удивлен. Он просто принял это как факт. Самое важное для него, чтобы любовь не осталась без ответа. Мрамор был героем его жизни, его судьбой. До этой минуты, пока его руки ласково и любовно не легли на мрамор, он влачил свои дни словно бы в смутном сие.

Только к одному он стремился все эти годы: ваять из белого мрамора, быть скульптором. Ничего большего он не хотел, По он не согласился бы и на меньшее.

Он принес инструмент Торриджани и начал работать – без предварительных рисунков, без восковой или глиняной модели, даже без каких-либо пометок углем на жесткой поверхности камня. Им двигал голый инстинкт, в его воображении стоял лишь один образ – прочно врезавшийся в память "Фавн" из дворца, лукавый, пресыщенный, порочный, злой и в то же время бесконечно обаятельный.

Он прижал резец к камню и нанес по нему первый удар молотком. Вот где

его настоящее дело. Разве не срослись, не слились воедино и он сам, и мрамор, и молоток, и резец?

10

"Фавн" был закончен. Три ночи работал Микеланджело, скрываясь на задах, подалее от павильона, три дня он прятал свое изваяние под шерстяным покрывалом. Теперь он перенес его на свой верстак, в мастерскую. Теперь он хотел услышать, что скажет Бертольдо, - смотрите, вот его "Фавн", с полными, чувственными губами, с вызывающей улыбкой, зубы у него сияют белизной, а кончик языка нахально высунут. Микеланджело усердно полировал макушку "Фавна", смачивая ее водой и натирая песчаником, чтобы уничтожить следы от ударов инструмента, как вдруг в мастерскую вошли ученики, а следом за ними Лоренцо.

- Ах, это "Фавн" из моего кабинета! - воскликнул Лоренцо.

- Да.

- Ты лишил его бороды.

- Мне казалось, что без бороды будет лучше.

- А разве не должен копиист копировать?

- Скульптор - не копиист.

- А ученик? Разве он не копиист?

- Нет. Ученик должен создавать нечто новое, исходя из старого.

- А откуда берется новое?

- Оттуда же, откуда берется все искусство. Из души художника.

Мальчику показалось, что в глазах Лоренцо что-то дрогнуло. Но прошла секунда, и взгляд их принял обычное выражение.

- Твой Фавн очень стар.

- Он и должен быть старым.

- В этом я не сомневаюсь. Но почему ты оставил у него в целости зубы - все до единого?

Микеланджело посмотрел на свою статую.

- Да, рот я ему сделал совсем по-иному. У вашего Фавна он не в порядке.

- Но ты, разумеется, знаешь, что у людей в таком возрасте что-нибудь всегда не в порядке?

- У людей - да. Но у фавнов? - И, не в силах сдержать себя, Микеланджело мальчишески улыбнулся. - Все считают, что фавны наполовину козлы. А у козлов выпадают зубы?

Лоренцо добродушно рассмеялся:

- Я этого не видал.

Когда Лоренцо ушел, Микеланджело принялся переделывать у Фавна рот. Наутро Лоренцо появился в Садах снова. Погода была в тот день теплая, и вместе с Лоренцо пришел в мастерскую и Бертольдо. Лоренцо направился прямо к верстаку Микеланджело.

- Твой Фавн, по-моему, постарел за одни сутки лет на двадцать.

- Скульптор - властитель над временем: в его силах прибавить лет своему герою или же убавить.

По-видимому, Лоренцо был доволен.

- Видишь, ты срезал ему верхний зуб. И еще два зуба на нижней челюсти с другой стороны.

- Для симметрии.

- Ты даже сделал гладкими десны в тех местах, где были зубы.

Глаза у Микеланджело прыгали.

- Ты проявил большую чуткость, переработав у Фавна весь рот. Другой бы выбил у него несколько зубов и на том кончил дело.

- Нет, тут все вытекало одно из другого.

Лоренцо молча посмотрел на Микеланджело, взгляд его глубоких карих глаз был мрачен.

- Я рад убедиться, что ты не варишь суп в корзине.

С этими словами Лоренцо повернулся и вышел. Микеланджело взглянул на Бертольдо: тот был бледен и даже чуть вздрагивал. Он не произнес ни слова и в ту же минуту тоже вышел из мастерской.

На следующее утро в Садах появился паж из дворца - на нем были разноцветные чулки и алый кафтан. Бертольдо крикнул:

- Микеланджело, тебя зовут во дворец. Сейчас же иди вместе с пажом.

- Вот и достукался! - заметил Баччио. - Попадет тебе, в другой раз мрамор красть не будешь.

Микеланджело посмотрел сначала на Бертольдо, потом на Граначчи. Выражение их лиц ничего ему не сказало. Он двинулся вслед за пажом; под старой стеной с зубцами они прошли в прилегающий ко дворцу сад, где Микеланджело поразили диковинно подстриженные самшитовые деревья - им была придана форма слонов, оленей, кораблей с поднятыми парусами. Он стоял как застывший перед фонтаном с бассейном из гранита, над которым возвышалась бронзовая Донателлова "Юдифь".

- Пожалуйста, синьор, - торопил Микеланджело паж. - Нельзя заставлять ждать Великолепного.

С огромным усилием мальчик оторвал взгляд от могучей поверженной фигуры Олоферна и от меча, занесенного над его шеей Юдифью. Паж провел Микеланджело по деревянному настилу около каретника, и скоро они уже поднимались по узенькой задней лестнице.

Лоренцо сидел за своим письменным столом в библиотеке - большой, загроможденной множеством полок комнате, где хранились книги, собирать которые начал еще его дед пятьдесят лет назад. Здесь было только два скульптурных изваяния: мраморные бюсты отца и дяди Лоренцо работы Мино да Фьезоле.

Микеланджело живо подбежал к бюсту Пьеро, отца Лоренцо; щеки у мальчика пылали.

- Как это чудесно отполировано - внутри камня будто горит тысяча свеч!

Лоренцо поднялся из-за стола и встал перед скульптурой рядом с Микеланджело.

- У Мино на это был особый талант: он умел придать мрамору трепет живого теплого тела.

- Волосы он обрабатывал полукруглой скарпелю. Но посмотрите, как бережно резец входил в мрамор!

Микеланджело пропел пальцами по волнистым волосам изваяния.

- И, однако, линии обозначены четко, - сказал Лоренцо. - Это называют "след железа": инструмент сам собой делает круговое движение, воспроизводя рисунок волос.

- Камнерезы называют это "длинный ход", - заметил мальчик.

- У Мино была тонкая душа, - продолжал Лоренцо. - Техника у него отнюдь не подменяла чувство. Но этот бюст отца - первый мраморный портрет, который был изваян за всю историю Флоренции.

- Первый! Ну и смельчак же этот Мино!

Затем последовала секунда молчания, и вдруг лицо Микеланджело залилось пунцовой краской. Стибаясь в пояснице, он неуклюже поклонился.

- Я забыл приветствовать вас, мессере. Меня взволновала скульптура, и я тут же начал трещать, как сорока.

Лоренцо приподнял руку.

- Я прощаю тебя. Сколько тебе лет, Микеланджело?

- Пятнадцать.

- Кто твой отец?

- Лодовико ди Лионардо Буонарроти Симони.

- Слышал это имя.

Лоренцо открыл стол, достал из него пергаментную папку и вынул из нее, раскладывая на столе, десятка три рисунков. Микеланджело не верил своим глазам.

- Да ведь эти рисунки... мои.

- Именно так.

- Бертольдо мне сказал, что он уничтожил их.

Лоренцо слегка наклонился над столом, чтобы взглянуть в глаза мальчику.

- Мы ставили на твоём пути немало препятствий, Микеланджело. Бертольдо - тяжелый по натуре человек, он постоянно придирается и редко хвалит, еще реже что-либо обещает. Мы просто хотели убедиться... крепок ли ты в кости.

Нам было ясно, что ты с талантом, но мы не знали, есть ли у тебя упорство. Бели бы ты покинул нас из-за того, что тебя обходили похвалой и не платили никаких денег...

В чудесной комнате, пропитанной запахом пергаментных свитков, кожаных переплетов и свежотпечатанных страниц, наступила тишина. Микеланджело блуждал взглядом по стенам и полкам, видел надписи на дощине языков, ничего не разбирая в них. С чувством отчаяния Он стиснул зубы, язык у него словно прирос к небу.

Лоренцо поднялся из-за стола и стал сбоку от мальчика.

- Микеланджело, у тебя есть задатки ваятеля. Мы с Бертольдо убеждены, что ты способен стать наследником Орканьи, Гиберти и Донателло.

Мальчик молчал.

- Я хотел бы, чтобы ты переехал к нам и жил в моем дворце. Как член семейства. Отныне тебе надо сосредоточиться только на скульптуре.

- Больше всего я люблю работать с мрамором.

Лоренцо усмехнулся:

- Никаких благодарностей, никакой радости по поводу переезда во дворец Медичи. Только и речи, что о твоей любви к мрамору.

- Разве не поэтому вы и пригласили меня?

- Разумеется. Можешь ли ты привести ко мне отца?

- Хоть завтра. Как я вас должен называть?

- Как тебе хочется.

- Только не Великолепный.

- Почему же?

- Какой смысл в комплименте, который можно слышать днем и ночью...

- ...из уст льстецов?

- Я не говорю этого.

- Как ты меня называешь мысленно?

- Лоренцо.

- Ты произносишь это с любовью.

- Так я чувствую.

- Не спрашивай меня в будущем, чем именно ты должен заниматься. Я склонен ожидать от тебя неожиданного.

Граначчи снова вызвался замолвить за друга слово перед Лодовико. Тот никак не мог уразуметь, о чем Граначчи хлопочет.

- Граначчи, ты толкаешь моего сына в пропасть.

- Дворец Медичи - отнюдь не пропасть, мессер Буонарроти; говорят, это самый прекрасный дворец в Европе.

- Ну, а что это значит - каменотес в прекрасном дворце? Он там будет все равно что грум.

- Микеланджело не каменотес. Он скульптор.

- Ничего не значит. На каких условиях поступает он во дворец?

- Вы не совсем понимаете, мессере; жалованья платить ему не будут.

- Не будут платить жалованья! Значит, еще год пропадает.

- Великолепный пригласил Микеланджело жить у него во дворце. Микеланджело будет там на положении члена семейства. Он будет есть за одним столом с великими мира сего...

- Кто ест за одним столом с великими, тому рано или поздно выбьют глаз вишневым косточкой!

- Он будет набираться знаний в Платоновской академии, у самых мудрых ученых Италии, - невозмутимо продолжал Граначчи. - И он получит для работы мрамор.

- Мрамор, - простонал Лодовико, как будто это слово означало проклятие.

- Вы не можете отказаться и не пойти разговаривать с Великолепным.

- Я, конечно, пойду, - согласился Лодовико. - Что мне остается делать? Но не нравится мне это, ох, как не нравится.

Во дворце, когда отец стоял перед Лоренцо бок о бок с сыном, он показался Микеланджело смиренным, почти жалким. И Микеланджело было больно за него.

- Буонарроти Симони, нам хотелось бы, чтобы Микеланджело жил с нами здесь и стал скульптором. Он будет обеспечен у нас буквально всем. Согласны ли вы отдать мальчика?

- Мессере Великолепный, я не мыслю возможности отказать вам, - ответил Лодовико и низко поклонился. - Не только Микеланджело, но все мы душой и телом в вашей воле, ваше великолепие.

- Хорошо. Чем вы занимаетесь?

- Я никогда не занимался ни ремеслом, ни торговлей. Я жил на свои скудные доходы с небольших имений, которые мне оставили предки.

- Тогда воспользуйтесь моей помощью. Подумайте, нет ли чего-нибудь такого, что я могу для вас сделать. Я буду отстаивать ваши интересы во Флоренции всеми своими силами.

Лодовико посмотрел сначала на сына, потом куда-то в сторону.

- Я ничего не умею, я умею лишь читать и писать. В таможе только что скончался один из компаньонов Марко Пуччи, и я был бы рад занять его место.

- В таможе! Да ведь там платят всего восемь скуди в месяц.

- Насколько я понимаю, такой пост мне будет вполне по силам.

Лоренцо вскинул руки и замахал ими, словно стряхивал с пальцев воду.

- Я ожидал, что вы запросите значительно больше. Но если вы хотите сделаться компаньоном Марко Пуччи - что ж, вы будете им.

И он повернулся к Микеланджело, который стоял, закусив губы. Теплая улыбка озарила его грубоватое смуглое лицо.

- Сегодня исполнилось шестьдесят лет с того дня, как мой дед Козимо пригласил в свой дом Донателло, чтобы изваять большую бронзовую статую Давида.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДВОРЕЦ

1

Паж провел его по парадной лестнице в коридор, а потом в покои, выходящие окнами на главный двор. Паж постучал в дверь. Ее отворил Бертольдо.

- Рад тебя видеть, Микеланджело, в своем убежище. Великолепный полагает, что дни мои сочтены и поэтому мае надлежит заниматься с тобой даже в те часы, когда я сплю.

Комната, в которой оказался теперь Микеланджело, имела форму буквы Г и как бы распадалась на две половины. Здесь были две деревянные кровати с белыми нарядными одеялами, поверх которых стлались красные, в ногах у каждой кровати стоял сундук. Кровать Бертольдо помещалась в длинной части буквы Г; над изголовьем ее, покрывая стены, пестрели шпалеры с изображениями дворца Синьории. На стиге буквы Г, с внутренней стороны, возвышался большой поставец: он был наполнен книгами Бертольдо, включая его собственные сочинения по кулинарии, переплетенные в свиную кожу, тут же хранились бронзовые подсвечники, работать над которыми он помогал Донателло, и восковые и глиняные модели большинства его скульптур.

Кровать Микеланджело стояла в короткой части буквы Г: отсюда он мог видеть скульптуры на поставце, но постель Бертольдо была от него скрыта выступом стены. На стене, напротив кровати, висела доска с изображением сцены Крещения, ближе к окну, выходящему на Виа де Гори, помещались вешалка и стол, на котором поблескивали ваза и кувшин с водой.

- Тут все устроено так, что мы можем не мешать друг другу, - сказал Бертольдо. - Спрячь свои вещи в сундук у кровати. Если у тебя есть

что-нибудь ценное, я могу запереть в этот античный ларец.

Микеланджело глянул на свой узелок с платьем и заштопанными чулками.

- Все, что есть у меня ценного, - это пара рук; прятать их под замок мне бы не хотелось.

- Руки у тебя такие, что прятать их было бы грех.

В постель они легли в тот вечер рано. Бертольдо зажег свечи в бронзовых подсвечниках; лучи от них, словно пальцы, дрожа, тянулись через всю комнату. Микеланджело и Бертольдо не видели друг друга, но кровати их стояли так близко, что они могли спокойно разговаривать. И обоим хорошо был виден четырехугольный поставец с моделями работ Бертольдо.

- Ваши скульптуры при свете свечей выглядят очень красиво.

Бертольдо минуту молчал, потом тихо ответил:

- Полициано говорит так: Бертольдо - не скульптор миниатюры, он просто миниатюрный скульптор.

Микеланджело шумно, будто обжигаясь, втянул губами воздух. Услышав этот протестующий звук, Бертольдо продолжал мягким тоном:

- В жестокой остроте поэта есть доля правды, Микеланджело. Разве не горько думать, что ты со своей подушки одним взглядом можешь обнять весь труд моей жизни?

- Ну, кто же измеряет достоинства скульптуры на вес, Бертольдо!

- Как ни измеряй, а мой вклад в искусство очень скромно. Талант достается недорого, дорого обходится служение искусству. Оно будет тебе стоить всей жизни.

- А на что же иное нужна наша жизнь?

- Увы, - вздохнул Бертольдо, - порой мне казалось, что она нужна на многое: на охоту с соколами, на удовольствие отведать новое блюдо, поволочиться за красивыми девушками. Разве ты не знаешь флорентийскую поговорку: "Жизнь дана для наслаждений". А скульптор должен создать целое полчище статуй. Он должен трудиться и обогащать искусство лет сорок, а то и шестьдесят, как Гиберти и Донателло. Ему надо сделать столько, чтобы его произведения знал весь мир.

Усталость одолевала Бертольдо. Прислушиваясь к его глубокому, размеренному дыханию, Микеланджело скоро понял, что старик засыпает. Сам он, закинув руки под голову, лежал, не смыкая глаз, и думал над словами учителя. Ему все казалось, что в этих поговорках - "Жизнь дана для наслаждений" и "Жизнь есть труд" - нет никакой разницы, что в них один смысл. Вот я живу здесь, во дворце Медичи, думал Микеланджело, и наслаждаюсь созерцанием бесконечного множества шедевров искусства, изучаю их, а там, в Садах, целый угол завален прекрасным мрамором, над которым можно работать. Когда Микеланджело все-таки уснул, на губах его блуждала улыбка.

Он встал с первыми лучами рассвета, оделся потихоньку и пошел бродить по залам дворца. Он гладил руками античную статую Марсия, изваяния Фаустины и Африкана, разглядывал яркую венецианскую живопись в комнате, которая оказалась прихожей; сравнивал портреты, написанные Поллайоло, с мраморными портретами Мино да Фьезоле; долго стоял в часовне, восхищаясь фресками Беноццо Гоццолли, на которых были изображены три евангельских волхва, спускавшиеся по холмам вниз от Фьезоле; потом, предварительно постучавшись в дверь, он прошел к Донателлову "Вознесению", "Святому Павлу" Мазаччо, "Сражению при Сан Романо" Учелло - он стоял и с благоговением смотрел на них, широко открыв глаза, забыв все на свете, пока у него не закружилась голова: на миг ему показалось, что он бредит, что все это видится ему во сне.

Часам к одиннадцати он вернулся в свою комнату; дворцовый портной уже позаботился о его новой одежде, она лежала на кровати. В радостном волнении он накинул на себя шелковую рубашку и замер, разглядывая себя в зеркале. Удивительно, как он похорошел, одевшись в богатое платье: альый берет словно нарумянил его щеки, откинутый на плечи капюшон фиолетового плаща придал более изящные очертания даже его голове, а золотистого цвета сорочка и чулки будто излучали веселое сияние. Микеланджело вспомнил тот день, когда он, два года назад, сидя в спальне на кровати, набрасывал карандашом свой портрет и, мучительно исправляя его, все ждал условленного свиста Граначчи.

Зеркало говорило ему, что он сильно изменился к лучшему. Он не только

подросток дюйма на два, почти догнав невысоких взрослых мужчин, но и прибавил в весе. Скулы уже не выпирали, как у скелета, рот и подбородок стали крупнее, и от этого было не так заметно, что уши у него отодвинуты слишком далеко к затылку. Чтобы немного прикрыть чересчур широкий лоб, он начесал на него сбоку прядь своих волнистых волос. Даже его небольшие, с тяжелыми веками глаза словно бы открылись шире, и смотрели они уверенно, как у человека, который нашел свое место в жизни. Теперь уж никто не подумает, что голова у него построена в нарушение всяких правил, без линейки и отвеса.

Он боготворил красоту, встречая ее в других людях, но сам был наделен ею до обиды скупой. Уже в тринадцать лет он осознал, насколько он мал ростом и невзрачен. Горячо восхищаясь мощью и стройностью мужского тела, он с грустью смотрел на свои худые руки и ноги. Сейчас, в этом платье, он, конечно, не так уж дурен...

Погруженный в свои мысли, он не заметил, как вошел Бертольдо.

- О, Бертольдо... Я лишь на минутку...

- Как вижу, ты не можешь налюбоваться на себя, обрядившись в эту роскошь.

- Я и не думал, что могу быть таким...

- А ты и не можешь. Такое платье положено носить только по праздникам.

- Разве воскресный обед - не праздник?

- Надевай-ка вот эту блузу и тунику. Скоро день Непорочной Девы, тогда и пофрантишь.

Микеланджело вздохнул, снял с себя фиолетовый плащ, расшнуровал чудесную желтую рубашку, потом с озорством взглянул на учителя.

- Я понимаю: когда запрягают лошадь в плуг, надевать на нее расшитую сбрую не годится!

Они поднялись по широкой лестнице наверх, миновали антресоли и обширный зал, потом, круто повернув направо, вошли в столовую. Микеланджело был удивлен, увидя строгую комнату, лишённую картин и статуй. Края панелей, наличники окон и дверные косяки в ней были обиты листовым золотом, стены выкрашены в кремовый цвет, сдержанный и спокойный. Стол, вернее, три отдельных стола, был поставлен буквой П; перекладина этой буквы представляла собой стол самого Лоренцо; подле него было двенадцать легких золоченых стульев, а у боковых столов, с внешней и внутренней стороны, стояло по двадцать четыре стула, - таким образом, все обедавшие, общим числом шестьдесят, оказывались неподалеку от хозяина.

Микеланджело и Бертольдо явились к обеду почти первыми. Задержавшись на секунду у двери, Микеланджело увидел Лоренцо, по правую руку от него Контессину, а по-левую - какого-то флорентинского купца.

- А, Микеланджело! - сказал, заметив его, Лоренцо. - Проходи и садись подле нас. Места тут заранее не распределяются; кто первым придет, тот ближе и садится, - было б свободное место.

Контессина тронула рукой соседний стул, приглашая Микеланджело сесть рядом с ней. Он сел, взгляд его сразу же был привлечен великолепными столовыми приборами: здесь были граненые хрустальные бокалы с золотой каемкой, серебряные блюда с флорентийскими золотыми лилиями, серебряные ножи, серебряные ложки с родовым гербом Медичи - шесть шаров, расположенных друг под другом: три, два и один. Едва Микеланджело успел учтиво поздороваться с Лоренцо, как дворцовые пажи начали отодвигать вазы и горшки с цветами, за которыми в нише, напоминая раковину, был скрыт оркестр: клавикорды с двойной клавиатурой, арфа, три большие виолы и лютня.

- Рада тебя видеть во дворце, Микеланджело, - сказала Контессина. - Отец говорит, что ты будешь членом нашего семейства. Могу я называть тебя братом?

Он чувствовал, что его поддразнивают, и досадовал: "Ну почему я родился таким неловким на язык?" Минуту размыслив, он ответил:

- Наверно, лучше звать меня не братом, а кузеном?

Контессина рассмеялась.

- Как хорошо, что ты обедаешь здесь в первый раз в воскресенье. Ведь в другие дни женщин за этот стол не допускают. Мы обедаем в верхней лоджии.

- Значит, я не увижу тебя целую неделю? - вырвалось у Микеланджело. Глаза у нее сделались такими же круглыми, как вошедшие в поговорку круги Джотто.

- Разве дворец так уж велик?

Микеланджело смотрел, как длинной чередой, будто в тронный зал короля, все в ярких цветных одеждах, входили приглашенные на обед. Встречая гостей, музыканты играли "Испанского Кавалера". На обед явились дочь Лоренцо Лукреция со своим мужем Якопо Сальвиати; двоюродные братья Лоренцо - Джованни и Лоренцо де Медичи, которых Великолепный воспитывал с тех пор, как они остались сиротами; настоятель Бикьеллини, остроумнейший человек, в очках, глава капитула августинцев при церкви Санто Спирито, в которой хранились личные библиотеки Петрарки и Боккаччо; Джулиано да Сангалло, создавший проект замечательной виллы в Поджо а Кайано; ехавший в Рим герцог Миланский со своими приближенными; посланник турецкого султана; два кардинала из Испании; члены высоких семейств, правящих в Болонье, Ферраре и Аретцо; ученые, привезшие древние рукописи, трактаты и произведения искусства из Парижа и Берлина; члены флорентийской Синьории; некрасивый, но обходительный Пьеро Содерини, которого Лоренцо готовил на пост главного магистрата Флоренции; эмиссар венецианского дожа; профессора из Болонского университета; богатые флорентинские купцы и их жены: заезжие коммерсанты из Афин, Пекина, Александрии, Лондона. Все они явились сюда, чтобы выразить почтение хозяину.

Контессина рассказывала Микеланджело о людях, рассаживающихся за столом. Тут был Деметрис Халкондилес, глава греческой академии, основанной Лоренцо, и редактор первого печатного издания Гомера; Веспасиано да Бистиччи, крупный библиофил, доставлявший редкие манускрипты в библиотеки папы Николая Пятого, Алессандро Сфорца, графа Ворчестера и самих Медичи; английские ученые Томас Линакр и Вильям Грокин, занимавшиеся под руководством Полициано и Халкондилеса; Иоганн Рейхлин, немецкий гуманист, ученик Пико делла Мирандола; монах фра Мариано, для которого Лоренцо по проекту Джулиано да Сангалло выстроил монастырь за пределами ворот Сан Галло; дипломат, привезший весть о внезапной кончине Матиаша Венгерского, восхищавшегося "князем-философом Лоренцо".

Пьеро де Медичи, старший сын Лоренцо, и его элегантно одетая жена Альфонсина Орсини немного запоздали, и им пришлось сесть на последние места за одним из длинных столов. Микеланджело заметил, что они были обижены.

- Пьеро и Альфонсина не одобряют эти республиканские нравы, - сказала Контессина шепотом. - Они считают, что у нас должен быть такой порядок, при котором на главных местах сидят только Медичи, а уж ниже их пусть рассаживаются плебеи.

В столовую вошел второй сын Лоренцо Великолепного, Джованни, со своим двоюродным братом Джулио. На макушке Джованни поблескивала свежесбрита тонзура, один глаз у него постоянно дергался и мигал. Он был высок ростом, дороден, с тяжелыми чертами лица и пухлым подбородком; от матери он унаследовал светло-каштановые волосы и приятный цвет лица. В Джулио, побочном сыне погибшего брата Лоренцо, было что-то зловещее. Красивый, черноволосый, он зорко оглядывал собравшуюся компанию, не пропуская никого и стараясь понять, в каких отношениях между собой находятся гости. Он примечал всякое обстоятельство, которым мог бы воспользоваться для себя.

Последней явилась Наннина де Медичи; ее вел под руку изящный, изысканно одетый мужчина.

- Моя тетка Наннина, - шепнула Контессина. - А это ее муж Бернардо Ручеллаи. По словам отца, он хороший поэт, пишет пьесы. Иногда в его саду устраивает свои собрания Платоновская академия.

Микеланджело во все глаза разглядывал двоюродного брата своей матери. О том, что Ручеллаи приходится ему родственниками, Контессине он не сказал.

Музыканты заиграли "Коринто" - эта музыка была написана по одной из идиллий Лоренцо. Два лакея, стоявшие у подъяльников, стали принимать блюда с угощением. Слуги разнесли на тяжелых серебряных подносах речную рыбу. Микеланджело был потрясен, увидев, как один из гостей, молодой мужчина в многоцветной яркой рубашке, схватил с подноса маленькую рыбку, поднес ее к уху, потом ко рту, сделал вид, что разговаривает с нею, а затем вдруг разрыдался. Все, кто сидел за столом, не спускали с него глаз.

Микеланджело обратил недоумевающий взгляд к Контессине.

- Это Жако, дворцовый шут. Он здесь напоминает: "Смейся. Будь флорентинцем!"

- О чем это ты плачешь, Жако? - спросил Лоренцо шута.

- Несколько лет назад мой папаша утонул в Арно. Я и спрашиваю у этой маленькой рыбки, не видала ли она его где-нибудь. А рыбка говорит, что она слишком молода и не встречала моего папашу; советует мне спросить об этом рыбу постарше, может быть, она что-нибудь скажет.

Лоренцо, казалось, был доволен. Он сказал:

- Дайте Жако большую рыбину, пусть он ее спросит.

Все рассмеялись, испытывая некое облегчение; иностранцы, сидевшие за одним столом с Лоренцо, - а эти люди впервые встречались друг с другом и, вероятно, привыкли к совсем иным правилам, - начали беседовать с теми из гостей, кто находился ближе. Микеланджело, не понимавший такого рода веселья и весьма удивленный присутствием шута за столом Лоренцо, тоже почувствовал, что его хмурая недоброжелательность утихает.

- Ты что, не любишь посмеяться? - спросила не спускавшая с него глаз Контессина.

- Я не привык. Дома у нас никогда не смеются.

- Таких людей, как ты, мой учитель-француз называет un homme serieux. Но мой папа тоже серьезный человек; он только считает, что посмеяться очень полезно. Ты сам увидишь, когда поживешь с нами побольше.

Речная рыба сменилась жарким. Микеланджело даже не ощущал вкуса пищи, взгляд его был теперь прикован к Лоренцо, который разговаривал то с одним из своих гостей, то с другим.

- Неужели Великолепный ведет деловые переговоры все время, пока тянется обед?

- Нет, ему просто нравятся эти люди, нравится шум, болтовня и шутки. Но в то же время в голове у него тысяча замыслов, тысяча дел, и, когда он кончает обед и выходит из-за стола, все эти дела оказываются уже решенными.

Слуги у подъемников приняли молочных поросят, зажаренных на вертеле, - в пасть каждому поросенку был вставлен цветок розмарина. Появился певец-импровизатор с лирой; перебирая струны, он мастерски пел песню за песней, в которых в язвительном тоне говорилось о самых свежих новостях и событиях, о слухах и сплетнях.

После десерта гости вышли прогуляться в просторный зал. Контессина взяла Микеланджело под руку.

- Понимаешь ли ты, что это значит - быть другом? - спросила она.

- Мне старался растолковать это Граначчи.

- У Медичи все друзья, все, кто угодно, - и вместе с тем нет ни одного друга, - тихо сказала она.

2

На следующее утро Микеланджело вышел из дворца вместе с Бертольдо. Воздух был чудесен, небо нежно голубело, камни мостовых напоминали расплавленное золото, словно впитали в себя все флорентинское солнце. Вдали, на холмах Фьезоле, каждый кипарис, каждая вилла и монастырь четко рисовались на серовато-зеленом фоне сливовых рощ и виноградников. Учитель и ученик прошли в дальний угол Садов, где хранились запасные глыбы мрамора. Этот глухой угол был похож на старинное кладбище, мраморные блоки казались здесь поверженными, побелевшими от солнца надгробьями.

Когда Бертольдо заговорил, в его бледно-голубых глазах проглянула робость.

- Что верно, то верно: я не великий ваятель по мрамору. Но, может быть, обучая тебя, я стану великим учителем.

- Ах, какой чудесный кусок мяса! - пылко воскликнул Микеланджело.

Услышав это излюбленное среди рабочих каменоломен выражение, Бертольдо улыбнулся.

- Фигура, которую ты хочешь высечь, зависит от выбранного блока. Ты должен прежде убедиться, подходящее ли в нем зерно; для этого надо сделать несколько ударов резцом и посмотреть осколки. А чтобы узнать, как идут в блоке жилы, плесни на него воды и взглядишь, как она растечется. Крошечные темные пятна на мраморе, пусть даже на самом хорошем, - это вкрапления железа. Если ты ударишь по железной жиле, ты сразу же почувствуешь, потому что она гораздо тверже, чем вся остальная глыба; железо инструмента тут натывается на железо, которым прошит камень.

- Прямо зубы ломит, когда подумаешь об этом.

- Каждый раз, когда ты врезаешься шпунтом в мрамор, ты давишь в нем кристаллы. Помятый кристалл - это мертвый кристалл. А мертвые кристаллы губят статую. Ты должен научиться рубить мрамор так, чтобы не разрушать кристаллы.

- Когда я буду учиться? Сейчас?

- Да нет же, потом. Еще успеешь.

Бертольдо рассказывал Микеланджело и о воздушных пузырьках, которые бывают в глыбе мрамора и в результате выветривания становятся пустотами. Снаружи их не распознаешь - нужен известный навык, чтобы угадать, есть они в камне или нет. Это все равно что выбрать яблоко: знаток сразу скажет, что яблоко цельное, без пустот, если оно ровно круглится и поверхность у него гладкая, ничем не попорченная, а гнилое яблоко всегда будет с ямками, безупречной круглоты у него нет.

- С мрамором надо обращаться как с человеком: прежде чем начать дело, следует постигнуть его существо, как бы влезть к нему внутрь. Если ты весь изъеден, полон таких воздушных пузырьков, я зря на тебя трачу время.

Микеланджело скорчил озорную мальчишескую гримасу, но Бертольдо не обратил на это внимания, а направился в сарай и принес оттуда набор инструментов.

- Вот это закольник. Им устраняют в блоке все лишнее. А вот троянка и скарпель - ими уже высекается форма.

Бертольдо тут же объяснил, что, даже освобождая блок от лишнего материала, работать надо ровными, ритмичными ударами и ссекать камень сразу со всех сторон, по окружности. Сам он никогда не работал над какой-нибудь одной деталью, а одновременно над всем изваянием, добиваясь впечатления целостности. Понятно ли это Микеланджело?

- Будет понятно, как только вы оставите меня наедине с этим мрамором. Меня больше учат руки, чем уши.

- Ну, тогда бросай свои восковые модели. Твой Фавн недурен, но ты высек его вслепую, благодаря одной интуиции. Чтобы достигнуть серьезных результатов, надо знать, что и как ты делаешь.

Скульптурная мастерская в Садах была в то же время кузницей и столярной. Здесь, громоздясь по всем углам, хранились брусья, балки, клинья, деревянные коалы, рамы, пилы, молотки, стамески. Пол, для прочности упора, был зацементирован. Рядом с горном стояли бруски недавно привезенного шведского железа: Граначчи закупил их только вчера с тем, чтобы Микеланджело мог изготовить себе полный набор резцов.

Бертольдо велел ему разжечь в горне огонь: на дрова здесь шел каштан - из каштана получался лучший уголь, дающий ровный и сильный жар.

- А я знаю, как закалять инструменты для работы со светлым камнем, - сказал Микеланджело. - Меня научили Тополино.

Когда огонь разгорелся, Микеланджело, чтобы усилить тягу, тронул крышку вентилятора, в котором вращалось металлическое колесико.

- Достаточно, - командовал Бертольдо. - Постучи-ка этими шведскими брусками друг о друга, и ты убедишься, что они звенят, как колокол.

Бруски оказались великолепными, за исключением одного, который тут же отбросили. Огонь в горне запылал вовсю, и Микеланджело начал делать свой первый набор инструментов. Он хорошо помнил: "Тот, кто не сам готовит себе инструмент, тот не сам высекает и статую". Время летело незаметно. Ни Бертольдо, ни Микеланджело не прерывали работу даже на обед. Только когда наступили сумерки, Бертольдо почувствовал, что он очень утомлен; лицо его сделалось пепельно-серым. Он пошатнулся, чуть было не упал, но Микеланджело подхватил его на руки и отнес в павильон. Бертольдо показался

ему удивительно легким, легче брусочка шведского железа, который они ковали. Доташив учителя до павильона, Микеланджело бережно усадил его в кресло.

- Ну зачем я позволил вам столько работать? - упрекал он себя.

На худых щеках Вертольдо появился слабый румянец.

- Мало уметь обращаться с мрамором; надо, чтобы в твою кровь и плоть вошло и железо.

Утром Микеланджело поднялся затемно и, стараясь не разбудить Вертольдо, потихоньку вышел на улицу: ему хотелось прийти в Сады на рассвете. Он знал, что только первые утренние лучи солнца заставляют мрамор рассказать о себе всю правду. Пронизывая мрамор, они делают его почти прозрачным: безжалостно раскрываются и проступают все его жилы, все полости, все пороки. Чего не выявит в камне испытующее раннее солнце, того не разгадать уже ни днем, ни вечером.

Он переходил от глыбы к глыбе, постукивал по ним молотком. Хорошие, без пороков, блоки звенели, как колокол, блоки с изъяном издавали глухой звук. У одного камня, давно валявшегося под открытым небом, поверхность была шероховатая, грубая. С помощью резца и молотка Микеланджело стесал эту тусклую пелену, под которой сиял чистотой молочно-белый мрамор. Желая проследить, куда ведет в нем одна жила, Микеланджело крепче зажал в руке молоток и ловко отколол углы камня.

Теперь ему камень очень нравился: взяв уголь, он нарисовал на нем голову - бородатого старца. Затем подтащил скамью, сел на нее, сжимая камень коленями, и вновь взялся за молоток и шпунт. Всем своим телом он прилагивался к ритму ударов. С каждым осколком, отлетающим от блока, движения Микеланджело обретали все большую свободу. Камень отдавался ему, шел навстречу; Микеланджело и инструмент были теперь как бы единым целым. Руки его делались все проворнее и сильнее. Железо резца, которое он стискивал ладонями, будто облекало их в прочный панцирь. Он ощущал себя несокрушимо крепким.

"Торриджани любит чувствовать в своих руках оружие, - думал он, - Сансовино - плуг, Рустичи - шерстистую шкуру собаки, Баччио - женское тело, а я испытываю наивысшее счастье, когда между моих колен зажата глыба мрамора, а в руках у меня - молоток и резец".

Белый мрамор - это душа мироздания, чистейшая сущность, сотворенная господом; это не просто символ бога, а отблеск его лика, средство, которым господь являет себя. Только господня рука способна создать эту благородную красоту. Микеланджело ощутил себя частью той белоснежной чистой плоти, которая сияла перед ним, он безраздельно сливался с нею.

Он вспомнил, как Вертольдо цитировал слова Донателло: "Скульптура - это искусство убрать с обрабатываемого материала все лишнее, сводя его к той форме, которую замыслил художник".

Но разве не столь же мерно и то, что скульптор не может навязать свой замысел мрамору, если этот замысел ему не под стать? Микеланджело чувствовал, что даже при самых честных намерениях скульптор не добьется решительно ничего, если пойдет наперекор природе камня. Никогда скульптор не будет таким властителем своей судьбы, каким "является" живописец. Живопись - искусство гибкое, там всегда можно уклониться от препятствия, обойти его. Мрамор - эта сама прочность. Скульптор, имеющий дело с мрамором, обязан подчиниться непререкаемой дисциплине сотрудничества. Камень и человек здесь сливаются воедино. Они должны разговаривать друг с другом. Что касается Микеланджело, то для него нет ничего выше, как чувствовать мрамор, осязать его. Вкус, зрение, слух, обоняние - ничто не может доставить ему такую радость, как именно это всепоглощающее чувство.

Он уже срезал всю внешнюю оболочку блока. Теперь он врубался в сердцевину камня, открыл наготу его, как выражается Библия. Это был акт творения, и он требовал напора, пронизательности, требовал того пыла и трепета, который, нарастая, завершается неотвратимым бешеным взлетом, полным обладанием. Это был акт любви, безраздельное слияние: обручение брезживших в его сознании образов с природными формами мрамора; творец как бы изливал семя, из которого выросло живое произведение искусства.

Вертольдо вошел в мастерскую и, увидя Микеланджело за работой, воскликнул:

- Нет, нет, ты делаешь все не так. Оставь это, брось сейчас же... Так

работают одни любители.

Сквозь стук молотка Микеланджело еле слышал голос Бертольдо и не сразу сообразил, кто и зачем его тревожит: он по-прежнему методично и мерно действовал своей троянкой.

- Микеланджело! Ты пренебрегаешь всеми правилами.

Микеланджело, словно оглохнув, не обращал на учителя внимания, когда Бертольдо в последний раз взглянул на своего ученика, тот прокладывал борозду в камне с такой отвагой, будто перед ним был не мрамор, а фруктовое желе. Учитель удивленно покачал головой:

- Это как извержение Везувия - его не остановишь.

3

Вечером он вымылся в ушате горячей воды, которая была приготовлена для него в маленькой комнате в конце коридора, надел темно-синюю рубашку и рейтузы и вместе с Бертольдо пошел на ужин в кабинет Лоренцо. Он волновался. О чем он там будет говорить? Ведь Платоновская академия слыла интеллектуальным центром Европы, университетом и печатней, источником всей литературы, исследовательницей мира - она поставила своей целью превратить Флоренцию во вторые Афины. Если бы он только слушал своего учителя Урбино, когда тот читал ему древнегреческие манускрипты!

В камине потрескивал огонь, бронзовые лампы на письменном столе Лоренцо струили теплый свет, во всем чувствовалась приятная атмосфера содружества. К невысокому столу было придвинуто семь стульев. Полки с книгами, греческие рельефы, ларцы с камнями и амулетами придавали комнате уют и интимность. Ученые встретили его просто, без всяких церемоний и снова заговорили о сравнительных достоинствах медицины и астрологии как науки, тем самым дав Микеланджело возможность хорошенько взглядеться во всех четырех собеседников, считавшихся выдающимися умами Италии.

Марсилио Фичино, которому было теперь пятьдесят семь лет, основал Платоновскую академию для Козимо, деда Лоренцо. Это был щедушный, невысокий человек, страдающий ипохондрией; несмотря на недуги, он перевел всего Платона и стал живым справочником по древней философии; изучив и многое переведя из мудрости египтян, он проштудировал затем всех древних мыслителей от Аристотеля и александрийцев до последователей Конфуция и Зороастры. Отец готовил его к врачебному поприщу, поэтому Фичино был хорошо осведомлен в естественных науках. Он способствовал появлению книгопечатания во Флоренции. Его собственные труды славились по всей Европе, ученые многих стран ехали к нему послушать лекции. В своей прекрасной вилле в Кареджи, которую для него по приказу Козимо построил Микелоццо и которой распоряжались теперь его племянницы, он зажег негасимую лампаду перед бюстом Платона. Он пытался канонизировать Платона как "самого лучшего из учеников Христа" - это было одновременно и ересью, и извращением истории, за что Рим едва не отлучил его от церкви. Племянницы Фичино ядовито говорили про него: "Он может прочитать наизусть целый диалог из Платона, но вечно забывает, где оставил свои домашние туфли".

Затем Микеланджело обратил свое внимание на Кристофоро Ландино. Ландино исполнилось шестьдесят шесть лет, когда-то он был еще наставником отца Лоренцо. Пьеро Подагрика. Впоследствии учитель самого Лоренцо, блестящий писатель и лектор, он способствовал освобождению умов флорентинцев от оков догмы и ратовал за применение научных знаний в жизни. Когда-то он играл роль доверенного секретаря Синьории, был опытным политиком и главой кружка ближайших сторонников Медичи при всех трех правителях. Выдающийся знаток творчества Данте, он снабдил своим комментарием первое издание "Божественной комедии", напечатанное во Флоренции. Вся жизнь он занимался преимущественно изучением разговорного итальянского языка. Почти единоличными своими стараниями он превратил его из презираемого наречия в

уважаемый, полноправный язык, переведа на него сочинения Плиния, Горация, Вергилия.

Во Флоренции был широко известен выдвинутый им революционный девиз: "Самым законным основанием для действия является высокая идея и знание". В лице Лоренцо он видел героя Платоновой республики: "Идеальный правитель города - это ученый".

На краешке жесткого кожаного кресла сидел, нахохлившись, Анджело Полициано. Ему было всего тридцать шесть лет: недруги Лоренцо говорили, что правитель держит его при себе с той целью, чтобы казаться рядом с ним непригляднее. Однако все считали Полициано самым удивительным из ученых: десяти лет он опубликовал свои сочинения на латинском языке, а двенадцати был приглашен во флорентинскую общину ученых, где с ним занимались Фичино, Ландино и те греческие ученые, которых призвали Медичи во Флоренцию. В шестнадцать лет он перевел несколько песен Гомеровой "Илиады"; Лоренцо взял его во дворец и назначил учителем своих сыновей. Один из самых безобразных по внешности мужчин, он владел таким прозрачным и ясным стилем, какого не было ни у одного поэта со времен Петрарки; его "Стансы для турнира" - пространная поэма, прославлявшая турнирные успехи младшего брата Лоренцо Джулиано Медичи, павшего жертвой заговора Пацци, - стали образцовым произведением итальянской поэзии.

Взгляд Микеланджело остановился теперь на самом молодом и самом красивом из присутствующих - на двадцатисемилетнем Пико делла Мирандола. Этот человек читал и писал на двадцати двух языках. Собратья-ученые поддразнивали его, говоря: "Пико не выучил двадцать третий язык только потому, что не мог отыскать такого". Пико делла Мирандола прозвали "великим мужем Италии"; добродушную и искреннюю натуру ученого не извратила даже его редкая красота - мягкие золотистые волосы, глубокие синие глаза, безупречно белая кожа, стройная фигура. "Прекрасный и милый" - так отзывались о нем флорентинцы. Пико делла Мирандола считал, что все человеческое знание представляет собой нечто целостное и единое; он стремился примирить и слить все религии и все философские системы, какие только существовали с начала времен. Подобно Фичино, он хотел овладеть всеми знаниями, доступными человеку. С этой целью китайских мыслителей он читал по-китайски, арабских - по-арабски, еврейских - по-еврейски: различные языки, по его мнению, были только закономерными ответвлениями единого универсального языка. Самый одаренный из всех итальянцев, он, однако, не нажил себе врагов, так же как безобразный Полициано не мог приобрести себе друзей.

Дверь вдруг отворилась. Прихрамывая от подагрических болей, в комнату вошел Лоренцо. Он кивнул ученым и сразу обратился к Микеланджело.

- Вот ты и в святая святых: почти все знания, какие только есть у флорентинцев, зародились в этом кабинете. Когда ты находишься во дворце и ничем не занят, не забывай заходить к нам.

Лоренцо отодвинул резной щит и постучал в дверцу подъемника, из чего Микеланджело заключил, что кабинет находится прямо под столовой. Затем он услышал скрип движущегося механизма, и через несколько секунд ученые уже принимали блюда с сыром, фруктами, хлебом, орехами, медом и расставляли их на низком столе, который стоял посередине комнаты. Никаких слуг не было, не было и напитков, кроме молока. Хотя беседа текла весело и непринужденно, Микеланджело понял, что люди здесь собирались для работы, а вино после ужина чересчур пьянит головы.

Вот уже стол очищен, тарелки и блюда, кожура от фруктов и скорлупа от орехов удалены в подъемник. Разговор сразу принял серьезный характер. Сидя на низком стуле рядом с Бертольдо, Микеланджело услышал резкие слова в адрес церкви, которую ученые отнюдь не смешивали с религией. Недовольство церковью во Флоренции было особенно сильным, потому что сам Лоренцо и большинство горожан считали, что заговором Пацци, в результате которого погиб Джулиано и едва не был заколот Лоренцо, тайно руководил папа Сикст. Папа отлучил от церкви Флоренцию, запретив флорентийскому духовенству отправлять какие-либо службы. Флоренция в свою очередь тоже отлучила папу, заявив, что папские притязания на светскую власть основаны на такой фальшивке восьмого века, как Дар Константина. Пытаясь сокрушить власть Лоренцо, папа направил в Тоскану войска - они жгли и грабили тосканские селенья, дойдя до соседнего с Флоренцией города Поджибонси...

В 1484 году, когда папой стал Иннокентий Восьмой, между Флоренцией и Римом был восстановлен мир; но, как мог заключить Микеланджело из беседы за столом, большинство тосканского духовенства вело себя все разнузданней и исполняло свои обязанности весьма небрежно. Блестящим исключением являлся лишь орден августинцев с его монастырем Санто-Спирито: настоятель монастыря Бикьеллини поддерживал там безукоризненный порядок.

Пико делла Мирандола поставил локти на стол и, сцепив пальцы, уперся в них подбородком.

- Мне сдается, что я нашел ответ на все наши недоумения относительно церкви: его подсказал мне один доминиканский монах из Феррары. Я слушал его проповедь. Он прямо-таки потрясал стопы Собора.

Ландино, длинные седые волосы которого прядями падали на лоб, склонился над столом так низко, что Микеланджело разглядел все морщинки вокруг его добрых глаз.

- Этот монах такой же невежда, как и остальные?

- Напротив, Ландино, - отвечал Пико. - Он великолепно знает и Библию, и Святого Августина. И нападает на разложение духовенства еще решительнее, чем мы.

Анджело Полициано, жесткие волосы которого, прикрывая грубую кожу щек, тесемками нависали на уши, облизал сплюснутую чрезмерно красную, оттопыренную нижнюю губу.

- Дело не только в разложении. Невежество - вот что меня ужасает прежде всего.

Фичино, бледнолицый, с веселыми всепонимающими глазами, с крошечным ртом и носом, громко воскликнул:

- Давно уже не бывало на церковной кафедре во Флоренции истинного ученого! У нас есть только фра Мариано и настоятель Бикьеллини.

- Джироламо Савонарола посвятил наукам долгие годы, - твердо сказал Пико. - Он знает Платона и Аристотеля, знает и учение церкви.

- Чего же он хочет?

- Очистить церковь.

- И не меньше того? А посредством какой силы?

- Только посредством той, которая внутри него.

- Если бы этот монах стал действовать заодно с нами... - тихо молвил Лоренцо.

- Если только ваша светлость попросит ломбардских братьев отпустить его к нам.

- Я подумаю об этом.

Дело было решено; теперь старейший из присутствующих, Ландино, и самый молодой, Пико, обратили свое внимание на Микеланджело. Ландино спросил, читал ли он, что говорит Плиний о прославленной греческой статуе "Лаокоон".

- Я ничего не знаю о Плинии.

- Тогда я прочитаю тебе это место.

Ландино взял с полки книгу, быстро ее перелистал и начал читать описание знаменитой статуи во дворце императора Тита. "Эту скульптуру можно считать лучшей из всех произведений искусства, идет ли речь о живописи или ваянии. Вся она высечена из одного куска, - и главная, большая фигура, и фигуры детей, так же как и змей с его удивительными кольцами и изгибами".

Подхватив разговор, Полициано начал пересказывать описание "Венеры Книдской", оставленное Лукианом: по мнению этого писателя, Венера была изображена стоящей перед Парисом, в то время как он награждал ее за ее красоту. Затем в беседу вступил Пико: он заговорил об изваянии на могиле Ксенофонта, выполненном из пентеликопского мрамора.

- Микеланджело, ты должен почитать Павсания в оригинале, - сказал Пико. - Я тебе принесу собственную рукопись.

- Я не умею читать по-гречески, - с чувством неловкости ответил Микеланджело.

- Я научу тебя.

- У меня нет ни малейших способностей к языкам.

- А это не имеет значения, - вмешался Полициано. - Через год ты будешь писать сонеты по-латыни и по-гречески.

"Позвольте мне усомниться", - подумал Микеланджело, но вслух ничего не

сказал. Ведь было бы слишком неучтиво, если бы он стал охлаждать пыл своих новых друзей, которые уже спорили, по каким именно книгам лучше его обучать.

- ...Гомер. У него чистейший греческий.

- Аристофан занимательней. И учишься, и смеешься.

Скоро Микеланджело почувствовал облегчение: ученые заговорили совсем о другом и оставили его в покое. Насколько он мог уловить из торопливых и порой чересчур мудреных фраз, ученые толковали о том, что вера и знание могут существовать рядом друг с другом и даже обогащать друг друга. Греция и Рим до появления христианства создали великолепное искусство, литературу, науку, философию. Затем на целую тысячу лет вся эта красота и мудрость была сокрушена, предана проклятию и ниспровергнута в могильный мрак. А теперь эти одинокие и слабые люди - чувственный, краснотубый Полициано, престарелый, весь в морщинах, Ландино, худой, маленький Фичино, златоволосый Пико делла Мирандола, - этот узкий, замкнутый кружок, опираясь на помощь своего вождя Лоренцо де Медичи, стремился вызвать к жизни и утвердить новый дух, новый разум и начертал на своем знамени слово, которое Микеланджело никогда не слышал:

ГУМАНИЗМ.

Что же это слово значило?

Шел час за часом, и он уже с интересом вслушивался в разговор ученых. И когда Бертольдо подал знак, что он собирается уходить, а потом потихоньку вышел, Микеланджело все сидел и слушал. Платоники, делясь мыслями друг с другом, рассуждали все горячее, и постепенно Микеланджело стал осознавать, за что они выступают.

Мы отдаем мир снова во владенье человека, а человека отдаем самому себе. Человек не будет больше ни низким, ни подлым, он должен быть благородным. Мы не будем попираť и теснить его разум, чтобы взамен дать ему бессмертную душу. Не владея свободным, могучим и созидательным разумом, человек будет не более как животным и будет умирать, как животное, лишённое души. Мы возвращаем человеку его искусство, его литературу и науку, возвращаем его право мыслить и ощущать себя как личность, а не быть опутанным оковами догмы, подобно рабу, который заживо гниет в цепях.

Поздно вечером, когда Микеланджело вернулся в свою комнату, Бертольдо еще не спал.

- Слушая их, я чувствую себя таким глупым! - жаловался Микеланджело.

- Это самые блестящие умы во всей Европе. Они заставят тебя думать, подскажут тебе великие темы для работы. - Затем, чтобы утешить приунывшего юношу, Бертольдо добавил: - Но они не умеют ваять из мрамора, а ведь это столь же выразительный язык, как и любой другой.

Наутро Микеланджело явился в Сады спозаранок. Торриджани разыскал его в сарае, около статуи бородатого старца.

- Ну, я стораю от любопытства! - говорил он. - Сделай милость, расскажи, как живут во дворце.

Микеланджело рассказал своему другу про комнату, которую он занимал вместе с Бертольдо, про то, как он блуждал по залам к мог прикоснуться руками ко многим сокровищам искусства, о гостях, присутствовавших на воскресном обеде, о вчерашнем ужине с платониками в кабинете Лоренцо. Торриджани интересовался только людьми, посещавшими дворец.

- А как выглядят Полициано и Пико делла Мирандола?

- Как выглядят? Полициано безобразен до тех пор, пока не заговорит, в разговоре он прекрасен. Пико делла Мирандола такой красавец, что я не видал подобных, и вообще человек блестящий.

- Ты очень впечатлителен, - ядовито заметил Торриджани. - Стоит тебе завидеть новую пару голубых глаз, волнистые золотые, волосы, и ты уже совсем очумел.

- По ты только подумай, Торриджани, - человек читает и пишет на двадцати двух языках! А мы едва можем выразить свои мысли на одном.

- Ко мне это не относится, - огрызнулся Торриджани, - я получил благородное воспитание и могу поспорить с любым из этих ученых. Я не виноват, если ты такой невежда.

Микеланджело почувствовал, сколь раздражителен стал его друг.

- Я не хотел тебя обидеть, Торриджани.

- Переночевал одну ночь во дворце Медичи, и уже вся Флоренция тебе кажется невежественной и дикой.

- Я просто...

- ...ты просто хвастаешь своими новыми друзьями, - сказал Торриджани. - Они такие чудесные и умные, а мы, твои старые друзья, мы уже замухрышки, хотя столько времени страдали здесь вместе с тобой.

- У меня и в мыслях этого не было. Зачем ты так говоришь?

Но Торриджани его не слушал, он отвернулся и пошел прочь.

Вздыхнув, Микеланджело вновь принялся обтачивать свой мрамор.

4

В вербное воскресенье, теплым весенним утром, Микеланджело обнаружил у себя на умывальнике три золотых флорина: Бертольдо сказал, что эти деньги каждую неделю будет выдавать ему секретарь Лоренцо мессер Пьеро да Биббиена. Показаться дома во всем блеске - устоять против такого искушения. Микеланджело не мог. Он разложил на кровати еще одно свое праздничное платье - белую тунику с вышитыми на ней листьями и гроздьями винограда, короткий колет с пышными рукавами, перехваченными серебряными пряжками, винного цвета чулки. Он улыбался про себя, воображая, какую мину скорчит Граначчи, когда они встретятся на площади Сан Марко, откуда, как было решено, вместе пойдут домой.

Едва завидев Микеланджело на улице, Рустичи выпучил глаза, а подойдя поближе, начал паясничать и передразнивать приятеля.

- Простак, настоящий простак, - усмехнулся он, намекая на давний разговор, и прибавил еще более язвительно: - А ну-ка распусти свой хвост пошире!

- Хвост?

- Ведь всякий павлин хвастает своим пестрым хвостом.

- О, Рустичи, - оправдывался Микеланджело. - Ну, разве нельзя так нарядиться хотя бы раз?

- Разве нельзя нацепить на себя это ожерелье хотя бы раз? Разве нельзя выпить этого дорогого вина хотя бы раз? Помыкать и распорядиться этими слугами хотя бы раз? Швырнуть, не считая, эта золотые монеты, хотя бы раз? Поспать с этой красивой девушкой хотя бы раз?

- Все земные искушения в одном страстном куплете. Сказать по правде, Рустичи, я и сам чувствую, будто я вырядился для карнавала. Но мне хочется поразить свое семейство.

- Vai via, - проворчал Рустичи. - Иди своей дорогой.

На улице показался Торриджани. Он шел покачиваясь, одетый в огненно-красный плащ, на его черном бархатном берете развевались оранжевые перья. Подойдя к Микеланджело, он резко остановился и схватил его за руку.

- Мне надо поговорить с тобой с глазу на глаз.

- Почему же с глазу на глаз? - отступая, спросил Микеланджело. - Разве у нас есть какие-то секреты?

- Раньше у нас всегда было чем поделиться с глазу на глаз. До тех пор, пока ты не перебрался во дворец и не заважничал.

Сомневаться не приходилось: Торриджани был чем-то разозлен. Стараясь его успокоить, Микеланджело говорил тихо и миролюбиво:

- Торриджани, ты ведь тоже живешь во дворце, только в своем собственном.

- Да, но я не пускаюсь на дешевые трюки вроде того, чтобы выбить у фавна зубы и тем войти в милость к Медичи.

- Неужели ты ревнуешь?

- Ревную? Это к какому-то самодовольному юнцу?

- Самодовольному? Что ты хочешь сказать этим?

- А то, что ты понятия не имеешь ни о настоящем счастье, ни о настоящей дружбе.

- Я сейчас чувствую себя гораздо счастливее, чем раньше.
- Уж не потому ли, что каждый день держишь в своих грязных руках уголь и мажешь им какие-то рисунки?

- Но ведь рисунки-то у меня - хорошие! - возразил Микеланджело, все еще не принимая всерьез нападок Торриджани.

Торриджани побагровел:

- Значит, по-твоему, у меня плохие?

- Почему ты всякий разговор сворачиваешь на себя? Ты что, центр вселенной?

- Для самого себя - центр. И для тебя был центр, до тех пор пока тебе, лизоблуду, не вскружили голову.

Микеланджело изумленно взглянул на Торриджани.

- Я никогда не считал, что ты для меня центр вселенной.

- Выходит, ты обманывал меня. Ты просто подлаживался из выгоды, ты хитрил со мною уже давным-давно!

Лицо у Микеланджело сделалось холодным, словно бы весеннее солнце вдруг потухло. Он отвернулся и почти бегом побежал прочь; скоро он уже был на улице Кольчужников.

Столяр и бакалейщик, сидевшие у своих домов на солнышке, почтительно сняли перед ним шляпы; только у них и вызвал восторг Микеланджело, ибо на домашних праздничное его платье подействовало не более благоприятно, чем на Рустичи. Лодовико был уязвлен, будто в этом пышном наряде сына он чувствовал некий упрек себе.

Микеланджело вынул из кошелька три золотых флорина и положил их на стол перед отцом. Лодовико смотрел на деньги, не произнося ни слова, но Лукреция горячо расцеловала своего пасынка в обе щеки, глаза у нее сияли от счастья.

- А теперь скажи мне, Микеланджело, какой там готовят соус к макаронам? Микеланджело напряг свою память, желая потрафить Лукреции.

- Я не припомню.

- Тогда скажи, что они там делают с мясом? Любят ли дворцовые повара желтый имбирь? И как там жарят морской язык - с кожурой от бананов или с кедровыми орешками - об этой рыбе идет такая слава!

- Прости меня, padre mia, но я не знаю.

- Ты не можешь припомнить, какую еду ты ешь? Тогда войди в дружбу с поварами. И спиши у них для меня рецепты!

В комнате Лодовико, представлявшей собой контору и гостиную вместе, сейчас собралась вся семья. Бабушка была счастлива за Микеланджело, потому что он встречается с великими людьми Флоренции. Братец Джовансимоне любопытствовал по поводу званых обедов. На тетку и дядю особенно подействовал тот факт, что, получив золотые монеты, Микеланджело принес их домой. Буонаррото все хотел дознаться, на каких условиях поставлено там дело: будет ли Микеланджело получать три золотые монеты каждую неделю и в дальнейшем? Вычитается ли из его жалованья стоимость затраченного на работе мрамора?

Отец шикнул на всех, требуя тишины.

- Ну, а как с тобой обращаются Медичи? К примеру, Великолепный?

- Хорошо.

- Пьеро?

- Он надменен; таков у него характер.

- Джованни, будущий кардинал?

- Он со всеми одинаков. На любого человека смотрит так, будто впервые его видит.

- Джулиано?

Микеланджело улыбнулся:

- О, Джулиано любят во дворне все без исключения.

Лодовико подумал минуту, затем объявил:

- В будущем с тобой все будут обходиться не лучше, чем обходится Пьеро. Тебя держат во дворце как простого мастерового. - Он покосился на три золотые монеты, поблескивавшие на столе. - Скажи, что это за деньги? Подарок? Или плата за работу?

- Мне положено три флорина каждую неделю.

- А что они сказали, когда ты получал эти деньги?

- Деньги лежали на умывальнике. Когда я спросил Вертольдо, он сказал,

что это мое недельное содержание.

Дядя Франческо не мог скрыть своего восторга.

- Чудесно! Если у нас постоянно будут в руках эти деньги, мы можем держать меняльный столик. Мы примем тебя в компанию, Микеланджело, ты получишь свою долю доходов.

- А может, благодаря нашему Микеланджело мы опять выйдем в настоящие коммерсанты! - почтительно вставила тетя Кассандра.

- Нет! - отрезал Лодовико, лицо его густо покраснело. - Мы не жалкие попрошайки, но бедняки.

- Но Медичи дают эти деньги Микеланджело как члену их семейства, - возразила мужу Лукреция.

- Хм! - фыркнул Лодовико. - Почему это он член семейства Медичи? Из-за этих-то трех золотых монет?

- Так вы полагаете, что это милостыня! - возмущенно сказал Микеланджело. - Знайте же: я тружусь с утра до вечера.

- Но ведь с точки зрения закона ты там даже не ученик. Разве я подписывал цеховой договор? - Лодовико повернулся к брату Франческо. - Подарок - это только прихоть, не больше. А вдруг на следующей неделе парню вместо денег покажут кукиш?

Микеланджело на миг показалось, что сейчас отец швырнет ему деньги прямо в лицо. А ведь он принес отцу эти флорины, этот свой заработок, как послушный сын, который осознает свой долг... ну, и, быть может, ему хотелось чуть-чуть похвастаться. Однако три флорина - это сумма, далеко превышающая все то, что мог бы заработать Лодовико на своей таможене за целый месяц. Микеланджело понял теперь, как неudelикатно он поступил, принеся эти деньги. Опустив голову на грудь, Лодовико произнес:

- Только подумать, какая прорва золота у Медичи, если они могут давать пятнадцатилетнему ученику каждую неделю три флорина!

Затем, сделав быстрое движение рукой, он смахнул со стола деньги в выдвинутый ящик.

Уловив этот момент, Лукреция тотчас объявила, что пора обедать. После обеда семейство снова собралось в комнате Лодовико. До сих пор молчавший Лионардо сел напротив Микеланджело и непререкаемым, как у римского папы, тоном сказал:

- Искусство есть грех.

- Искусство... грех? - удивленно поглядел на брата Микеланджело. - Но почему же?

- Потому, что это чистейшее баловство, удовлетворение греховной страсти творить что-то собственное, в то время как следует лишь созерцать те чудеса, которые создал господь бог.

- Лионардо, да ведь наши церкви сплошь заполнены искусством.

- Это дьявол нас попутал. Храм - не ярмарка; люди должны стоять на коленях и молиться, а не глядеть на размалеванные суетными картинами стены.

- По-твоему, во всем мире уже нет места для скульптора?

Лионардо, заломив руки, набожно поглядел куда-то сквозь потолок.

- Мой мир - иной мир, тот, где мы воссядем по правую руку от господя.

Лодовико поднялся со своего кресла и мрачно буркнул:

- Ну, я вижу, на меня свалились сразу два фанатика.

И он вышел из комнаты, чтобы вздремнуть после обеда; вслед за ним удалилось и все семейство. Осталась одна только монна Алессандра, тихо сидевшая в углу. Микеланджело тоже хотел было идти: он чувствовал себя очень усталым. Весь этот день, с самого утра, был сплошным разочарованием.

Но Лионардо не хотел отпускать своего грешника-брата. Он начал гневно изобличать Лоренцо и Платоновскую академию в безбожии, называя ее ученых язычниками, врагами церкви, антихристами.

- Уверю тебя, Лионардо, - миролюбиво отвечал ему Микеланджело, - что я не слышал во дворце Лоренцо никаких кощунственных слов, никакого богоульства; религию там не трогают. Там осуждают только извращения. Лоренцо реформатор, он желает лишь очищения церкви.

- Очищения! Так всегда говорят неверные, когда хотят погубить церковь. Любое нападение на нее есть нападение на христианство.

Придя в ярость, Лионардо уже обвинял Лоренцо де Медичи в грязном разврате: правитель, говорил он, выезжает по ночам из дворца со своими

друзьями и предается беспутству, бражничает и соблазняет молодых женщин.

- Ничего подобного я не слышал, - спокойно ответил Микеланджело. - Но он вдовец. Неужто любовь для него запретна?

- Он волочил за каждой юбкой еще при жизни жены. Это всем известно. От похоти он и обессилел и расстроил здоровье.

Микеланджело удивлялся, как мог его брат возводить такие обвинения на Лоренцо. Он не считал Лоренцо святым; он помнил, как тот со страхом сказал однажды Ландино: "Я грешу не потому, что порочен, а скорей потому, что какой-то частью своей натуры люблю удовольствия"; он помнил и другую фразу Великолепного, брошенную им Фичино: "Я не могу сожалеть, что люблю чувственные удовольствия: ведь любовь к живописи, скульптуре, литературе по природе своей тоже чувственная любовь". Но все это казалось Микеланджело чисто личным делом полнокровного, крепкого человека.

- Только такие лизоблюды, как ты, не хотят замечать, что Лоренцо - настоящий тиран, - продолжал Лионардо.

"Вот уже второй раз за день меня назвали лизоблюдом"; - подумал Микеланджело. И ему вдруг стало очень горько, его праздничное платье показалось ему теперь жалким и нелепым.

- Он уничтожил свободу Флоренции! - визжал Лионардо. - Он смягчил тяготы жизни, сделал народу все доступным! Он дал ему хлеба и зрелищ... Он не надел на себя корону и не стал королем только потому, что чересчур бесчестен; ему нравится управлять всеми делами в городе исподтишка. Тосканцы теперь низведены на положение простых кукол...

Микеланджело не успел еще ответить брату, как послышался голос монны Алессандры:

- Да, Лионардо, это правда: он смягчил нас. Он отвратил нас от гражданской войны! Годы мы избивали друг друга, род воевал с родом, сосед сражался против соседа, и кровь потоком текла по улицам. А теперь мы единый народ. Только Медичи способны удержать нас от того, чтобы мы не схватили друг друга за горло.

Лионардо молчал, не отвечая бабушке.

- Микеланджело, я хочу тебе сказать на прощанье еще одно слово.

Микеланджело пристально посмотрел через стол в лицо брата. Никогда он не мог подолгу беседовать с этим странным парнем, никогда не чувствовал удовольствия от общения с ним.

- Я прощаюсь с тобой. Сегодня вечером я уйду из дому к Джироламо Савонарола в монастырь Сан Марко.

- Значит, Савонарола уже приехал? Это Лоренцо его вызвал. При мне в его кабинете Пико делла Мирандола предложил вызвать Савонаролу, и Лоренцо согласился написать в Ломбардию.

- Ложь! Выдумки Медичи! Зачем бы Лоренцо вызывать его, если Савонарола намерен низвергнуть Медичи? Я покидаю этот дом точно так, как фра Савонарола покинул свое семейство в Ферраре: в одной холщовой рубашке. Я уйду навсегда. Я буду молиться за тебя, стоя в моей келье на коленях до тех пор, пока на них будет держаться кожа и пока из них будет сочиться кровь. Может быть, этой кровью я искуплю твои грехи.

Глядя в горящие глаза Лионардо, Микеланджело понял, что отвечать ему нет никакого смысла. С насмешливым отчаянием он покачал головой и подумал: "Отец прав. И как это благоразумное, здравомыслящее семейство менял Буонарроти, в котором целых двести лет вырастали только смиренные, покорные обычаям люди, - как такое семейство могло породить двух фанатиков сразу?"

Обращаясь к Лионардо, он пробормотал:

- Мы будем неподалеку друг от друга. От меня до тебя через площадь Сан Марко рукой подать. Если ты выглянешь из окна своей монастырской кельи, то наверняка услышишь, как я в Садах обтесываю камень.

В конце следующей недели, когда Микеланджело вновь обнаружил на умывальнике три золотые монеты, он не понес их домой. Он стал искать Контессину и нашел ее в библиотеке.

- Мне надо купить какой-нибудь подарок.
- Для дамы?
- Для женщины.
- Может быть, драгоценный камень?
- Нет, не годится. - И добавил угрюмо: - Это мать моих друзей, каменотесов.
- Ну, а что ты скажешь насчет льняной скатерти, вышитой ажурной гладью?
- Скатерть у них есть.
- А много у этой женщины платьев?
- Одно, в котором она венчалась.
- Тогда, может быть, купим ей черное платье, - ходить в церковь?
- Прекрасно.
- Какого она роста?

Микеланджело был поставлен в тупик.

- Ну, нарисуй мне ее портрет.
- Он улыбнулся:
- Пером я нарисую что угодно, даже покажу, какого роста женщина.
  - Я попрошу свою няню отвести меня в лавку, и мы купим кусок черной шерстяной материи. А моя портниха сошьет потом платье по твоему рисунку.
  - Ты очень любезна, Контессина.

Она досадливо отмахнулась: ей не надо никаких благодарностей.

Микеланджело отправился на рынок на площадь Санто Спирито и закупил подарков для всех остальных Тополино, затем договорился с грумом, служившим во дворце, выпросив у него лошадь и седло. В воскресенье утром, отстояв обедню в дворцовой часовне, он сложил купленные вещи в отдельную сумку и выехал в Сеттиньяно. Яркое солнце пригревало его открытую голову. Сначала у него была мысль надеть свое старое, домашнее платье, чтобы Тополино не подумали, что он важничает, но потом он быстро понял, что такой маскарад был бы для них обидным обманом. Помимо того, эта темно-синяя рубашка и рейтузы так ему нравились...

Тополино сидели на террасе, с которой открывался вид на долину и на дом Буонарроти, стоявший на гребне противоположного холма. Только что придя с мессы в маленькой деревенской церквушке, они отдыхали, пользуясь единственным во всю неделю часом, когда не было никаких дел. Завидев на дороге Микеланджело, скакавшего на серебристо-сером жеребце, в отделанном серебром седле, они так растерялись, что даже забыли поздороваться с ним. Микеланджело тоже молчал, не находя слов. Он слез с коня, привязал его к дереву, снял седельную сумку и вынул из нее покупки, положив их на грубый широкий стол. После минутной паузы отец семейства спросил, что это значит и к чему такие вещи.

- Это подарки, - ответил Микеланджело.
  - Подарки? - Отец с недоумением посмотрел на трех своих сыновей по очереди: тосканцы никогда не преподносили никаких подарков; что-либо дарить было принято только детям. - День феи Бефаны уже прошел. Это ты даришь на минувший или на будущий?
  - На тот и другой сразу. Я ел ваш хлеб и пил ваше вино не один год.
  - Ты ел у нас не даром, ты тесал камень, - сурово возразил ему отец.
  - Первые свои деньги я отнес домой, к Буонарроти. Потом я получил деньги во второй раз и вот сегодня принес их к Тополино.
  - Ты получил заказ! - воскликнул дедушка.
  - Нет. Лоренцо выдает мне каждую неделю кучу денег.
- Тополино внимательно посмотрели друг другу в лицо.
- Кучу денег? - переспросил отец. - Это твой заработок?
  - Нет, мне не платят за работу.
  - О, значит, платят на содержание: на жилье, на еду.
  - Жилье и еда у меня бесплатные.
  - Тогда это деньги на покупки? На штаны, на мрамор для работы?
  - Нет, я работаю на всем готовом.
  - Так на что же это дается?
  - На что пожелаешь.

- Если у тебя есть еда, жилье, мрамор, что же можно еще желать?
- Удовольствий.
- Удовольствий? - Тополино покатали это слово на языке, словно бы это был какой-то новый для них плод. - К примеру, какие же это удовольствия?

Микеланджело на секунду задумался.

- Ну, поиграть в карты, например.

- Ты играешь в карты?

- Нет.

- Так, может, назовешь другие удовольствия?

Еще секунда размышления:

- Ну, побриться у цирюльника на Соломенном рынке.

- У тебя растет борода?

- Пока не растет. Но я могу мазать маслом волосы, как Торриджани.

- А ты хочешь, чтобы у тебя волосы пахли маслом?.

- Нет.

- Тогда это не удовольствие. А что еще?

Микеланджело был в отчаянии:

- Ну, женщины, которые гуляют в субботу по вечерам в капюшонах с прицепленным колокольчиком...

- Тебе нужны эти женщины?

- Я говорю это только к примеру. Я могу купить свечей и поставить их перед Богородицей.

- Это тоже не удовольствие, это твой долг.

- Выпить стаканчик вина в воскресный вечер?

- Это обычай.

Микеланджело подошел к столу:

- Удовольствие - это преподнести какую-нибудь вещь своим друзьям.

Медленно, среди воцарившейся вдруг тишины, он начал раздавать свои подарки.

- Это тебе, *mia madre*, - ходить в церковь. Бруно, это тебе, - кожаный пояс с серебряной пряжкой. Это желтая рубашка и чулки для тебя, Джильберто. А тебе, дедушка, тебе шерстяной шарф, чтобы было что надеть на шею в зимние холода. Отцу Тополино - высокие сапоги; пригодятся, когда будешь работать в каменоломнях Майано. Энрико, ты говорил, что, когда вырастешь, заведешь себе золотое колечко. Держи его!

Тополино долго глядели на Микеланджело, не произнося ни слова. Затем мать ушла в дом, чтобы примерить платье; отец натянул на ноги высокие сапоги; Бруно надел пояс и застегнул пряжку; Джильберто нарядился в свою золотистую рубаху; дед, не присаживаясь на место, наматывал на шею и разматывал тяжелый шерстяной шарф. Энрико влез от радости на козлы и, отвернувшись в сторону, любовался своим перстнем.

Первым заговорил отец:

- Все эти... подарки... ты купил их на деньги, которые тебе там дали?

- Да, на эти деньги.

- Выходит, что же? Значит, Лоренцо дает тебе деньги на подарки для нас?

- Да.

- Тогда он воистину Великолепный.

Микеланджело только сейчас заметил, что на столе от всех его вещей остался еще один сверток. Недоумевая, он развернул его и вынул скатерть из прекрасной льняной ткани. Он сразу припомнил, как его спрашивала Контессина: "Ну, а что ты скажешь насчет льняной скатерти?" Контессина тайком от него положила свой подарок в седельную сумку, эта скатерть - личное ее приношение. Румянец залил его щеки. *Dio mio!* Как это объяснить Тополино? Он кинул скатерть на руки матери.

- Вот подарок от Контессины де Медичи. Для тебя.

Тополино обомлели.

- Контессина де Медичи! Да как только ей пришло на ум подарить нам скатерть? Неужели она знает, что мы живем на свете?

- Да, знает. Я рассказывал ей про вас. Твое платье, *mia madre*, кроила и шила портниха Контессины.

- Это настоящее чудо! - перекрестился дедушка.

"Аминь. Воистину так", - подумал Микеланджело.

Все четверо ученых из Платоновской академии располагали собственными виллами в сельской местности близ Флоренции. Несколько раз в неделю они приезжали в город - прочитать лекцию, поговорить и поработать с Лоренцо в его кабинете. Лоренцо настаивал, чтобы Микеланджело не упускал возможности поучиться у этих людей, и тот ревностно посещал их собрания.

Платоники старались приохотить Микеланджело к латинскому и греческому; они даже чертили схемы, убеждая ученика в том, что выводить греческие или латинские буквы - это все равно что рисовать человеческие фигурки. Микеланджело уносил в свою комнату манускрипты и письменные задания, часами сидел над ними... и почти ничего не усваивал.

- Все тут же вылетает из памяти, - жаловался он Бертольдо.

Оставив классические языки, ученые заставляли Микеланджело читать вслух стихи на итальянском: Данте, Петрарку, Горация, Вергилия. Это нравилось Микеланджело; особенно занимали его те философские споры о Данте, которые разгорались после чтения "Божественной комедии". Платоники хвалили Микеланджело за его все более отчетливую дикцию, а затем познакомили своего подопечного с Джироламо Бенивиени; по их словам, это был "самый горячий поклонник поэзии на итальянском языке", и он должен был научить Микеланджело писать стихи. Когда Микеланджело пытался возражать, заявив, что он хочет быть скульптором, а не поэтом, Пико сказал:

- Композиция сонета требует такой же неукоснительно строгой дисциплины, как и композиция мраморного рельефа. Обучая тебя искусству сонета, Бенивиени развивает твой разум, логику, хочет придать твоим мыслям последовательность. Ну как не воспользоваться его талантом!

Ландино уверял: "Мы отнюдь не хотим, чтобы рука ваятеля ослабела, держа вместо молота и резца перо и лист бумаги, - нет!"

Полициано твердил; "Ты не должен оставлять изучение поэзии. Тебе надо, как и прежде, все время читать вслух. Для настоящего художника мало быть живописцем, скульптором или архитектором. Чтобы полностью выразить все, что он хочет, художник должен быть поэтом".

- У меня выходит такая дрянь, - пожаловался однажды вечером Микеланджело своему наставнику в поэзии Бенивиени, битый час просидев над несколькими рифмованными строчками. - И как вы только можете читать мои неуклюжие вирши?

Глядя на огорченную физиономию Микеланджело, Бенивиени улыбался и напевал им же сочиненную веселую песенку - он был также и одаренным композитором.

- Первые опусы у меня выходили не лучше, - отвечал он. - Пожалуй, они звучали гораздо хуже. Ты будешь считать себя плохим поэтом до тех пор, пока у тебя не возникнет потребность что-то выразить. И вот эти самые орудия поэзии - метр и рифма - окажутся тут как тут, под рукой, подобно тому как у тебя всегда под рукой молоток и резец.

В праздники, когда Лоренцо приказывал закрывать Сады, Микеланджело, сев на лошадь, уезжал на виллу Ландино - вилла была расположена в Казентино; ее подарила ученому Флорентийская республика за комментарии к "Божественной комедии". Ездил Микеланджело и на виллу Фичино в Кареджи - это был настоящий замок с зубчатыми стенами и крытыми галереями; бывал он и на вилле Пико под названием "Дуб", и на вилле Полициано Диана - они были построены на склонах Фьезоле. На вилле "Диана" гости и хозяин обычно сидели в садовом павильоне, напоминавшем те, в которых герои "Декамерона" Боккаччо рассказывали свои бесконечные истории. Полициано читал новое стихотворение:

Листвой весны одетый,
Блаженством лишит край,
Красавица, обеты
Любви не отвергай, -

Ведь всех, в ком сердце бьется,
Любовью дарит май.

Умрут цветы дубровы.
Воспрянут вновь они.
Но не заблещут снова
Твои молодые дни.
Оставь же, дева, строгость,
Влюбленных не гони!

У Микеланджело постепенно начала складываться одна мысль: когда-нибудь он тоже будет владеть таким домом, как вилла "Диана"; он устроит там скульптурную мастерскую, а на пенсию, ежегодно выплачиваемую ему Лоренцо, будет закупать каррарский мрамор и ваять из него огромные статуи. Ведь, кажется, все идет к тому, что так оно и будет. Пока же ему спешить нечего, но если Лоренцо действительно даст ему поместье, то хотелось бы, чтобы оно было в Сеттиньяно, среди селенья каменотесов.

Шло дни и недели, заполненные рисованием с живой натуры, лепкой глиняных моделей с рисунков. Взяв какой-нибудь обломок мрамора, Микеланджело ради опыта высекал из него согнутое колено, напряженное в сильном движении бедро, резко повернутую голову; он учился не оставлять на камне рубца, когда надламывался при работе кончик инструмента, пристально разглядывал греческие статуи во дворце, постигая технику древних.

Не забывал о воспитании Микеланджело и Лоренцо. Однажды воскресным утром он пригласил Микеланджело посетить вместе со всем семейством Медичи церковь Сан Галло и послушать там фра Мариано: Лоренцо ехал к монаху всякий раз, когда ему хотелось побеседовать на богословские темы.

- Фра Мариано - мой идеал, - говорил Лоренцо. - У него какая-то утонченная суровость, изысканный аскетизм и религиозное свободомыслие просвещенного, рассудительного человека. Вот ты увидишь сам.

Голос у фра Мариано был приятный и сочный, фразы текли ритмично, слова подбирал он легко. Он восхвалял христианство за то, что оно напоминает собой платонизм, цитировал греческих писателей, с тонким мастерством читал отрывки из латинских поэтов. Все это пленило Микеланджело; слушать подобные проповеди у священников ему еще не доводилось. Когда фра Мариано декламировал классиков, он был очарователен; когда Мариано разворачивал весь арсенал своих доказательств, он был неотразим; когда Мариано иллюстрировал свою мысль анекдотом, он мило улыбался; когда речь заходила о глубоких истинах, его лицо принимало покорно-почтительное выражение.

- Теперь мне гораздо яснее, - говорил Микеланджело, обращаясь к Лоренцо, - что именно вкладывает академия в понятие новой религии.

Один из грумов Пьеро постучал в дверь и тотчас вошел в комнату.
- Его светлость Пьеро де Медичи приказывает Микеланджело Буонарроти быть в приемной его светлости вечером перед заходом солнца.

"Какая, однако, разница в обращении, - подумал Микеланджело. - Ведь вот Лоренцо вежливейшим образом спрашивает меня, не доставит ли мне удовольствия побыть в его обществе". Однако Микеланджело ответил груму с надлежащей учтивостью:

- Передайте его светлости, что я непременно приду.

Оставалось еще достаточно времени, чтобы поплескаться в деревянном круглом ушате, который стоял в отведенной для мытья комнате в конце коридора. Согнувшись в ушате так, что колени почти касались подбородка, Микеланджело раздумывал, гадая, что от пего надо наследному принцу медичейской династии, который при встречах обычно удостаивал его лишь церемонным, сдержанным кивком. Какой-то инстинкт говорил Микеланджело, что его павлиний наряд - вышитая рубашка и фиолетовый плащ - придется Пьеро как раз по вкусу.

Апартаменты Пьеро располагались на первом этаже, над открытой лоджией, которая выходила на Виа де Гори и на Виа Ларга. Микеланджело никогда не бывал в этом крыле дворца, ему даже не доводилось видеть хранившихся здесь произведений искусства, хотя о них немало говорили: причиной всему была холодность и надменность Пьеро. Пробираясь к покоям Пьеро, Микеланджело медленно шагал по коридору: на стене здесь висела чудесная картина фра Анжелико и топкий, мастерский рельеф Дезидерио да Сеттиньяно.

У дверей приемной его ждал грум. Без секунды промедления он провел Микеланджело в комнату. В пурпурном тройном кресле с высокой спинкой недвижно сидела мадонна Альфонсина, супруга Пьеро. Она была в сером платье из дамасского шелка, расшитого драгоценными камнями. Степа позади ее кресла была покрыта цветными шпалерами, а по левую руку на той же стене висел портрет Альфонсины, писанный масляными красками: щеки ее на портрете были белы, как алебастр. Пьеро сделал вид, что он не слышал шагов Микеланджело. Стоя на ярком, многоцветном персидском ковре, спиной к двери, он разглядывал костяную дарохранильницу со стеклянными окошечками, внутри которой были изображены сцены из жизни Христа.

Альфонсина смотрела на Микеланджело недвижным, высокомерным взглядом, ничем не давая знать, что замечает его присутствие; по своему обыкновению, она только слегка засопела, словно от каждого флорентинца дурно пахло. С самого своего приезда Альфонсина не пыталась скрыть презрения к жителям Флоренции. Тосканцев, веками ненавидевших Рим и все римское, это приводило в ярость. Пьеро де Медичи по крови был наполовину Орсини, и новая представительница этой семьи, Альфонсина, подавила в его характере все, что шло от Медичи, сделав своего мужа уже как бы чистейшим Орсини.

Пьеро вдруг обернулся; густые длинные его волосы волнами ниспадали на плечи, лицо было красиво, его даже не портила криво посаженная ямочка на подбородке.

- Мы поручаем тебе, Микеланджело Буонарроти, высечь из мрамора портрет мадонны Альфонсины.

- Очень благодарен, ваша светлость, - ответил Микеланджело, - но я не умею высекать портреты.

- Почему же?

Микеланджело попытался объяснить, что он не ставит себе цели создать изображение какого-то определенного человека.

- Мне не удастся передать сходство, какого добился вот этот живописец, вы будете недовольны.

- Чепуха! Я приказываю тебе изваять из мрамора портрет моей жены.

Микеланджело смотрел в презрительно-хмурое лицо Пьеро и словно бы слышал голос своего отца: "Разве это дело - быть каменотесом во дворце Медичи! Это все равно что служить грумом".

Тут, в первый раз, заговорила Альфонсина.

- Будьте любезны, перенесите этот спор в свою комнату, - сказала она.

Пьеро с сердитым видом шагнул в какую-то дверь. Микеланджело решил, что самое благоразумное для него - идти вслед за Пьеро. Он оказался в комнате, где среди серебряных шлемов и кубков Пьеро, полученных им за победы на турнирах, увидел не один шедевр искусства - "Палладу" Боттичелли, "Беллерофонта" Вертольдо; в вызолоченных нишах он заметил старинные раскрашенные статуи из дерева.

- У вашей светлости превосходный вкус! - невольно воскликнул Микеланджело.

Это замечание ничуть не смягчило Пьеро.

- Когда я заинтересуюсь твоим мнением, я тебя спрошу. А пока объясни мне, почему ты считаешь себя выше, чем любой другой наемный работник в нашем доме?

подавляя злость, Микеланджело стиснул зубы: надо было ответить как можно вежливее.

- Я скульптор. Я нахожусь в этом дворце по просьбе вашего отца.

- У нас во дворце живут сотни мастеровых. Если им говорят: "Сделай", - они не упрямятся. Ты приступишь к работе завтра же утром. И смотри, чтобы статуя ее светлости была красивой.

- Этого не добился бы даже сам Мино да Фьезоле.

Глаза Пьеро вспыхнули.

- Ты... ты... деревенщина! Собирай свои пожитки и убирайся вон!

Придя к себе в комнату, Микеланджело живо вытащил всю свою одежду из сундука и раскидал ее на кровати. В дверь постучали. Вошла Контессина с няней.

- Я слышала, что ты рассорился с моим братом.

Микеланджело, низко склоняясь, шарил рукой на самом дне сундука.

- Встань как следует и будь добр поговорить со мной! - Она сказала это с гневным, величественным видом.

Микеланджело выпрямился и подошел к Контессине близко-близко.

- Мне нечего сказать.

- Это правда, что ты отказался делать портрет Альфонсины?

- Отказался.

- А отказался бы ты, если бы тебя попросил о том же мой отец?

Микеланджело молчал. В самом деле, отказал бы он Лоренцо, к которому питал столь глубокую привязанность?

- А если б я попросила сделать мой портрет? Ты бы отказался?

Сейчас ему придется ответить.

- Пьеро меня не просил, - тихо произнес он. - Пьеро мне приказывал.

В коридоре послышался звук торопливых шагов. В комнату вошел Лоренцо; лицо его потемнело, взгляд был колочий. Няня, заикаясь, сказала ему:

- Ваша светлость... Я не хотела пускать ее сюда.

Лоренцо нетерпеливо отмахнулся.

- Мне жаль, что это случилось в моем доме, - сказал он, глядя Микеланджело в лицо.

Глаза Микеланджело сверкали.

- Разве я не просил твоего отца отдать тебя мне?

- Просили.

- Значит, я отвечаю за тебя.

- Мне не в чем извиняться.

- Я и не желаю никаких извинений. Ты вошел в наш дом как член семейства. И никто не может обращаться с тобой, как... как с шутком... никто не может выгнать тебя из твоего дома.

У Микеланджело подогнулись колени. Он сел на кровать. Лоренцо говорил теперь гораздо спокойнее.

- Но и тебе, Микеланджело, следует многому поучиться...

- Конечно. Например, манерам...

- ...и тому, чтобы не бежать к себе в комнату всякий раз, когда тебя обидят, и не собирать вещи. Ведь это отнюдь не показывает твою верность по отношению ко мне. Ты меня понимаешь?

Микеланджело поднялся, слезы текли у него по щекам.

- Я должен попросить прощения у Пьеро. Я не очень-то вежливо выразился о его жене.

- Но и он должен извиниться перед тобой. А что ты пожелаешь сказать ему в ответ - это уж твое дело.

Задержавшись на мгновение, Контессина обернулась через плечо и прошептала:

- Помиришь с Пьеро. Он может причинить тебе уйму неприятностей.

7

Пришла пора выбрать для работы тему. Но какую именно тему? Что его интересовало, что влекло?

Платоники настаивали на том, чтобы Микеланджело взял древнегреческий мотив.

- Разве мало чудесных мифов, - сказал Полициано, не вытерев со своих темно-красных губ сок дыни-канталупы. - Геракл и Антей, битва с амазонками, троянская война.

- Уж очень мало я знаю об этом, - посетовал Микеланджело.

Ландино, с важной миной на лице, заметил:

- Дорогой Микеланджело, вот уж несколько месяцев мы в качестве официальных наставников только и делаем, что стараемся пополнить твои знания о Древней Греции и ее культуре.

Пико делла Мирандола засмеялся: голос его звенел, будто звуки виолы и клавикордов.

- Мне кажется, что мои друзья хотят прямо-таки перенести тебя в золотой век язычества.

Ученые принялись рассказывать Микеланджело о двенадцати подвигах Геракла, о страдающей по своим погибшим детям Ниобе, об афинской Минерве, об Умирающем Гладиаторе. Но тут Лоренцо умерил пыл платонистов, сказав несколько жестким тоном:

- Не надо предписывать нашему юному другу тему для работы. Пусть он изберет ее по своей доброй воле.

Усевшись поглубже, Микеланджело откинул голову на спинку кресла; при свете свечей его янтарные глаза поблескивали, в темно-каштановых волосах вспыхивали красные блики. Он прислушивался, что говорит ему его внутренний голос. Одно он ощутил теперь со всей определенностью: тема его первой работы не может быть заимствована из Афин или Каира, Рима или даже Флоренции. Она должна родиться в нем самом, из того, что он знал, чувствовал, понимал. Иначе всякая попытка будет напрасной. Произведение искусства - не школьное упражнение, в него надо вложить что-то сугубо личное, присущее только тебе. Его должно подсказать твое сердце.

Лоренцо спрашивал его: "Что бы ты хотел выразить в своей скульптуре?" И сейчас Микеланджело мысленно отвечал ему: "Что-то очень простое, глубоко затрагивающее мои чувства. Но что я постиг, что я знаю на свете? Только то, что я хочу быть скульптором и что я люблю мрамор? Чтобы создать изваяние, этого очень мало".

И вот под гул оживленного разговора ученых он увидел себя на ступеньках часовни Ручеллаи в тот день, когда он вместе с учениками Гирландайо впервые вошел в церковь Санта Мария Новелла. Часовня была сейчас словно перед глазами: он видел богородиц Чимабуэ и Нино Пизано и вновь почувствовал, как он любил свою мать и как тосковал, когда она умерла, почувствовал свое одиночество, свою жажду любви.

Было уже поздно. Ученые разошлись, но Лоренцо все еще сидел в своем кресле. Хотя и считалось, что Лоренцо временами был груб и резок на язык, сейчас он говорил очень сердечно и просто.

- Ты должен простить нашим платонистам эту восторженную любовь ко всему греческому. Фичино возжигает светильник перед бюстом Платона. Ландино в память Платона ежегодно дает великолепный литературный вечер. Платон и греки вообще служат для нас как бы ключом, которым мы пользуемся, чтобы вырваться из темницы религиозных предрассудков. Мы стараемся здесь, во Флоренции, установить новый век Перикла. Ты должен учитывать это и понять нас, когда мы превозносим все греческое.

- Если вы не очень устали, Лоренцо, - сказал Микеланджело, - то хорошо бы пройтись немного по дворцу и посмотреть на изображения божьей матери с младенцем.

Лоренцо взял в руки чудесно отполированную бронзовую лампу. Они прошли по коридору и оказались близ приемной Лоренцо: там находился мраморный рельеф Донателло, такой безликий и невыразительный, что можно было усомниться, действительно ли это работа великого мастера. Лоренцо повел Микеланджело в спальню Джулиано. Самый младший из семейства Медичи спал, укрывшись с головой, и даже не проснулся, когда Микеланджело и Лоренцо начали обсуждать написанную на деревянной доске картину Пезеллино - "Богоматерь с Младенцем и двумя ангелочками". Потом Великолепный вновь вывел Микеланджело в коридор, и у алтаря капеллы они смотрели Богородицу с Младенцем работы фра Филиппо Липпи; Лоренцо сказал, что моделями художнику послужили монахиня Лукреция Бути, которую любил Филиппе Липпи, и их ребенок, Филиппино Липпи, теперь тоже художник, прошедший выучку у Боттичелли, подобно тому как в свое время Боттичелли учился у фра Филиппе. Затем они остановились перед "Богородицей" Нери ди Биччи и "Божьей матерью с Младенцем", созданной Лукой делла Роббиа, - обе эти картины отличались яркостью красок; наконец, Микеланджело переступил порог спальни Лоренцо: здесь висела "Мадонна Магнификат", написанная Боттичелли для отца и матери Великолепного лет двадцать назад.

- Эти два ангела, стоящие на коленях перед богородицей и младенцем, - это мой брат Джулиано и я. Когда Пацци убили Джулиано, из моей жизни ушло все самое светлое... Мой портрет, как ты видишь, слишком идеализирован. Я некрасив и не стыжусь этого, а все художники думают, что мне нравится, когда они мне льстят. В нашей часовне писал Беноццо Гоццоли и тоже польстил мне - сделал мою смуглую кожу светлой, курносый нос прямым, а мои жидкие волосы такими же прекрасными, как у Пико.

Лоренцо испытующе взглянул на Микеланджело, губы его были сжаты, брови нахмурены.

- Мне кажется, тебе ясно, что я не нуждаюсь в лестях.

- Граначчи говорит, что я строптив и тверд, как камень, - смущенно сказал Микеланджело.

- Ты словно закован в алмазные латы, - отозвался Лоренцо, - таким ты и оставайся.

Лоренцо рассказал легенду о Симонетте Веспуччи, служившей Боттичелли моделью для "Мадонны Магнификат", - "самой целомудренной красавице во всей Европе".

Это неправда, что Симонетта будто бы была любовницей моего брата Джулиано, - говорил Лоренцо. - Он любил ее, как ее любили все во Флоренции, но чисто платонически. Он посвящал ей длинные чувствительные поэмы... но моего племянника Джулио он прижил с настоящей своей любовницей Антонией Горини. А вот Сандро Боттичелли воистину боготворил Симонетту, хотя, как мне кажется, лично с ней никогда не разговаривал. Симонетта присутствует на всех картинах Боттичелли - она и Весна, и Венера, и Паллада. Ни один художник не писал еще такой удивительно красивой, ослепительной женщины.

Микеланджело молчал. Когда он думал о своей матери, он видел ее тоже красивой молодой женщиной, но красота ее была совсем иная, она шла откуда-то изнутри. Нет, его мать - это не та женщина, которой жаждали все мужчины и которую любил Боттичелли; в его глазах это была женщина, которая любила бы сына и была бы любима им. Он посмотрел в лицо Лоренцо и с полным доверием сказал ему:

- Я ощущаю в богородице что-то очень близкое. Только в ее образе я и вижу свою мать. Поскольку мне еще надо вырабатывать мастерство, может быть, самое лучшее для меня - сказать свое слово именно о Пречистой?

- Вполне возможно, что это самое лучшее, - ответил Лоренцо, задумчиво глядя на Микеланджело.

- Может быть, то, что я чувствую по отношению к матери, чувствовала по отношению ко мне и она сама.

Он бродил по дворцу и делал рисунки с работ художников; порой его сопровождали Контессина или Джулиано. Но скоро копирование чужих картин надоело ему, и он стал уходить в город, в самые бедные его кварталы. Здесь на улице перед домами обычно сидело множество женщин; держа младенца у груди или на коленях, они плели из тростника сиденья для стульев и корзины для бутылок, этих женщин можно было рисовать сколько душе угодно. Он шел и за город, к крестьянам, жившим близ Сеттиньяно: те знали его с младенческих лет и не думали ничего дурного, если он рисовал женщин, когда они купали детей или кормили их грудью.

Он не старался создать какой-то портрет, он хотел запечатлеть дух материнства. Он зарисовывал мать и дитя во всех позах, в каких только их заставал, стремясь к тому, чтобы карандаш и бумага верно передавали те чувства, которые он улавливал в модели; затем, предложив несколько скуди, он уговаривал женщину изменить положение, передвинуться, посадить ребенка по-иному: он искал все новый угол зрения, искал что-то такое, что не высказал бы словами и сам.

Вместе с Граначчи, Торриджани, Сансовино и Рустичи он ходил по церквям Флоренции и усердно зарисовывал всех мадонн с младенцем, слушал объяснения Бертольдо, часами беседовавшего с ним перед произведениями старых мастеров, вникал в тайны их творчества.

В своей приходской церкви Санта Кроче Микеланджело видел "Богоматерь с Младенцем" работы Бернардо Росселлино - эта богоматерь казалась ему слишком тучной и невыразительной; в той же церкви была "Святая дева" Дезидерио да Сеттиньяно, похожая на крестьянку: младенец ее был изображен завернутым в тосканские пеленки, а сама она выглядела обычной деревенской женщиной, принарядившейся ради праздника. В Орсанмикеле находилась "Богородица Рождества" Орканьи - в ней была и нежность и сила, но Микеланджело считал ее примитивной и очень скованной. Статуя Нино Пизано в Санта Мария Новелла явно выделилась по мастерству, но ей недоставало одухотворенности, пропорции были нарушены: богоматерь была похожа на раскормленную супругу какого-нибудь пизанского коммерсанта, а разнаряженный младенец выглядел чересчур земным. Терракотовая богородица

Верроккио - женщина средних лет - недоуменно смотрела на своего сына, а тот уже стоял на ногах и благословлял рукою мир. У "Богородицы и Младенца" работы Агостино ди Дуччио были изысканные одеяния и пустые, растерянные лица.

Однажды утром Микеланджело пошел вдоль Арно по направлению к Понтассиеве. Солнце сильно припекало. Подставляя живительному теплу голую грудь, он скинул рубашку. Голубые тосканские холмы были в дымке, они шли грядой за грядой, сливаясь вдаль с небом. Он любил эти горы.

Взбираясь на холм и чувствуя, как круто поднимается под ногами тропа, он понял теперь, что еще не знает, какую именно мысль он выразит в своей Марии с Младенцем. Ему хотелось одного - достигнуть в изваянии свежести и жизненной силы, и дальше этого его стремления не простирались. Он начал размышлять о характере и судьбе Марии. Излюбленной темой флорентинских живописцев было Благовещение: архангел Гавриил спускается с небес и возвещает Марии, что она понесет сына божьего. На всех изображениях, какие Микеланджело помнил, весть, полученная Марией, изумляла ее полной своей неожиданностью - Марии оставалось лишь смириться с предназначенным.

Но могло ли это произойти так, как обычно изображают? Можно ли было столь важный урок, самый важный из всех, какие только выпадали на долю человеческого существа со времен Моисея, возложить на Марию, если она ничего не знала заранее и не давала на то согласия? Чтобы избрать ее для столь дивного дела, господь должен был возлюбить Марию превыше всех женщин на земле. В таком случае разве он не поведал бы ей свой замысел, не извещил о каждом будущем ее шаге, начиная с Вифлеема и кончая подножием креста? И, в мудрости и милосердии своем, разве он не дал бы Марии возможность отказаться от тяжелой миссии?

А если у Марии была возможность согласия или отказа, то в какой момент она могла высказать свою волю? В Благовещение? В час, когда она рождала дитя? Или в дни младенчества Иисуса, когда она вскармливала его грудью? А если она согласилась, то разве она не должна была нести свое тяжелое бремя вплоть до того часа, когда ее сына распяли? Но, зная будущее, как она могла решиться и предать свое дитя на такие муки? Как она не сказала: "Нет, пусть это будет не мой сын. Я не согласна, я не хочу этого"? Но могла ли она пойти против воли бога? Если он воззвал к ней, прося о помощи? Была ли когда-нибудь смертная женщина поставлена перед столь мучительным выбором?

И ой понял теперь, что он изваяет Марию, взяв то мгновение, когда она, держа у своей груди дитя и зная все наперед, должна была предрешить будущее - будущее для себя, для младенца, для мира.

Ныне, уже твердо зная, каким путем ему идти, он мог рисовать, ставя перед собой определенную цель. Мария будет доминирующей фигурой изваяния, центром композиции. У нее должно быть сильное тело героини - ведь этой женщине дано не только решиться на мучительный подвиг, но и проявить при этом отвагу и глубокий разум. Дитя займет второстепенное место; его надо представить живо, полнокровно, по так, чтобы он не отвлекал внимания от главного, существенного.

Он посадит младенца на колени Марии - лицом дитя прикинется к материнской груди, а спина его будет обращена к зрителю. Для ребенка это самая естественная поза, и дело, каким он занят, для него самое важное; помимо того, младенец, прижавшийся к груди матери, создаст впечатление, что наступила такая минута, когда Мария с особой остротой чувствует: пора сделать выбор, решиться.

Насколько знал Микеланджело, никто из скульпторов или живописцев не изображал Иисуса спиной к зрителю. Но ведь драма Иисуса начнется гораздо позднее, лет через тридцать. А пока речь шла о его матери, о ее страданиях.

Микеланджело просматривал Сотни зарисовок матери к ребенка, которые он делал в течение последних месяцев; ему надо было отобрать и выделить все, что так или иначе соответствовало его новому замыслу. Теперь, склонившись над столом с разложенными рисунками, Микеланджело пытался выработать основу будущей композиции. Где именно должна сидеть Мария? Вот рисунок - мать с ребенком сидит на скамье, у подножия лестницы, Кто же был тогда,

помимо ее ребенка, с нею у этой лестницы? Микеланджело наблюдал множество маленьких детей, множество матерей. Фигуру Марии можно было изваять, вдоволь наглядевшись на крепкие тела тосканских женщин. Но как быть с головой богородицы, с кого высекать черты ее лица? Отчетливо представить себе, как выглядела его собственная мать, Микеланджело не мог: почти через десять лет, прошедших с ее кончили, в памяти остался лишь туманный, расплывчатый облик.

Он отложил рисунки в сторону. Разве мыслимо разработать композицию скульптуры, не зная того мрамора, который составит ее плоть?

Микеланджело пошел к Граначчи – тот занимался живописью в одной из самых больших комнат павильона – и спросил, нельзя ли вместе побродить по лавкам, где продавался мрамор.

– У меня быстрее бы двинулась работа, если бы мрамор, из которого придется высекать изваяние, был под рукой. Я применился бы к нему, изучил его нутро, его структуру.

– Бертольдо велел закупать мрамор лишь тогда, когда рисунки и модели уже готовы, – так проще выбирать соответствующий блок.

– Тут возможен и другой взгляд на вещи, – задумчиво сказал Микеланджело. – Ведь это же, по-моему, вроде венчания...

– Ну, раз так, я совру что-нибудь Бертольдо, и завтра мы сходим в лавку.

Во Флоренции, в районе Проконсула, было множество складов, где хранились камни всяких размеров и всякого назначения: гранит, травертин, цветные мраморы, готовые строительные блоки, дверные косяки и притолоки, подоконники, колонны. Но разыскать такой кусок каррарского мрамора, о каком мечтал Микеланджело, не удавалось.

– Давай-ка съездим к каменотесам в Сеттиньяно, – предложил Граначчи. – Там-то уж найдем, что нам надо.

На старом дворе, где Дезидерио некогда обучал Мино да Фьезоле, Микеланджело увидел глыбу мрамора, которая его пленила в первую же минуту. Глыба была средних размеров, но каждый ее кристалл словно сиял и лучился. Микеланджело лил на нее воду, чтобы обнаружить малейшие трещины, колотил по краям молотком и слушал, как она звучит, выскивал любой порок, любое пятнышко или полость.

– Вот это камень! – радостно сказал он Граначчи. – Из него выйдет Богородица с Младенцем. Но надо посмотреть на него утром, при первых лучах солнца. Тогда уж я твердо скажу, что это не камень, а совершенство.

– Не сидеть же мне здесь до утренней зари и любоваться на твой камень...

– Нет, что ты! Тебе надо лишь условиться о цене. А я выпрошу у Тополино лошадь, и ты доберешься до дому и будешь спать в своей кровати.

– Знаешь, дружище, не очень-то я верю в это колдовство с первыми лучами солнца. По-моему, это одни пустые слова, глупость. Ну что ты можешь разглядеть на утренней заре, если все видно и сейчас, при дневном свете? Я думаю, это какой-то языческий обряд: с восходом солнца умилоствивляют и благодарят духов гор.

Разостлав одеяло на дворе у Тополино, Микеланджело проспал там ночь и поднялся до рассвета; когда первые лучи солнца тронули гребни холмов, он уже сидел перед своим камнем. Тот весь был пронизан светом. Его можно было видеть насквозь, во всех направлениях, проникая взглядом в самую толщу. В нем не было никаких изъянов: ни трещин, ни полостей, ни затемнений; вся поверхность глыбы сияла, как бриллиант.

– Ты – благородный камень, – сказал Микеланджело негромко.

Он расплатился за мрамор золотыми монетами, взятыми им у Граначчи, погрузил камень на повозку и тронулся в путь: в повозку были запряжены те самые волы, на которых он ездил в каменоломни Майано еще шестилетним мальчиком. Он перевалил через холмы, повернул вправо у Варлунго, затем поехал по берегу Аффрико, миновал древние ворота При Кресте, обозначавшие четвертую границу города, и, пробираясь по Борга ла Кроче, оказался у больницы Сантя Мария Нуова; близ дворца Медичи повернул вправо, на Виа Ларга, и через площадь Сан Марко подкатил к воротам Садов – гордый и счастливый, будто привез не камень, а невесту.

Двое каменотесов помогли ему снять мрамор и уложить его под навесом. Затем он перетащил сюда из павильона столик для рисования и весь нужный

инструмент. Обнаружив Микеланджело в столь глухом уголке Садов, Вертольдо был крайне удивлен:

- Неужели ты хочешь сразу же браться за резец?

- Нет, до этого еще далеко.

- Тогда зачем ты вынес свои вещи из павильона?

- Потому что я хочу работать в тишине.

- В тишине? Да ведь здесь целый день слышны звуки молотков: скальпеллины работают совсем рядом.

- Я люблю эти звуки. Я слышал их почти с пеленок.

- Но я должен проводить большую часть времени в павильоне. А если бы я был подле тебя, я бы мог что-то подсказать тебе, при нужде что-то исправить.

Микеланджело подумал минуту, потом сказал:

- Вертольдо, мне надо побыть наедине с самим собой, поработать без всякого присмотра - даже без вашего. Если мне нужно будет что-то спросить, я сам к вам приду.

Губы Вертольдо дрожали.

- Так ты наделаешь гораздо больше ошибок, саго, и тебе нелегко будет исправить их.

- Разве это не лучший способ обучения? Довести свою ошибку до ее логического конца?

- Но добрый совет помог бы тебе сберечь время.

- Времени у меня достаточно.

В усталых бледно-голубых глазах Вертольдо мелькнуло что-то отчужденное.

- Ну, конечно - улыбнулся он. - У тебя достаточно времени. Если понадобится помощь, приходи ко мне.

Вечером, когда почти все уже покинули Сады, Микеланджело обернулся, почувствовав на себе пылающий взгляд Торриджани.

- Значит, ты так загордился, что уже не хочешь рисовать рядом со мной?

- Ах, это ты, Торриджани! Я хотел немного уединиться...

- Уединиться! От меня? От своего лучшего друга? Тебе не надо было никакого уединения, пока ты был новичком и нуждался в помощи товарищей. А теперь, когда тебя отличил Великолепный...

- Торриджани, поверь мне, все остается по-старому. Ведь отсюда до павильона не больше двадцати саженей...

- Это все равно что двадцать верст. Я говорил тебе, что, когда ты начнешь ваять, я поставлю твой рабочий верстак рядом со своим.

- Я хочу сам делать свои ошибки и сам отвечать за них.

- Не означает ли это, что ты боишься, как бы мы не воспользовались твоими секретами?

- Секретами? - Микеланджело уже не на шутку сердился. - Какие могут быть секреты у скульптора, который только еще начинает работать? Ведь это первое мое изваяние. А у тебя их, наверно, с полдюжины.

- И все-таки не я тебя отвергаю, а ты меня, - упорствовал Торриджани.

Микеланджело замолк. Нет ли какой-то доли истины в этом обвинении? Да, он восхищался Торриджани, восхищался его красотой, его анекдотами и рассказами, его песенками... но сейчас ему не хотелось уже ни разговоров, ни анекдотов, его мысли были заняты одним - камнем, который с вызовом стоял прямо перед его глазами.

- Ты предатель! - сказал Торриджани. - Когда-то я сам был под покровительством старшего. Но тот, кто предает старшего, обыкновенно плохо кончает.

Через несколько минут явился Граначчи, вид у него был сурово-озабоченный. Он осмотрел все, что было под навесом: наковальню, грубый широкий стол на козлах, скамьи и доску для рисования на подъемной платформе.

- Что стряслось, Граначчи?

- Торриджани скандалит. Он вернулся в павильон туча тучей. Сказал несколько злых слов про тебя.

- Я слышал их и сам.

- Имей в виду, Микеланджело, я сейчас смотрю на это дело совсем ионному. Год назад я предупреждал тебя, чтобы ты не очень-то льнул к Торриджани. А теперь я говорю, что ты несправедлив. Не отталкивай его так резко... Твои мысли и чувства поглощены теперь мрамором, я знаю, но

Торриджани не способен это понять. Ничего волшебного в мраморе он не видит. Он объяснит твоё охлаждение – и это будет с его стороны вполне естественно – только тем, что ты попал ныне во дворец. Если мы будем отвергать друзей лишь потому, что они нам надоели, с кем же в конце концов мы будем дружить?

Ногтем большого пальца Микеланджело чертил на камне какой-то силуэт.

– Я попробую помириться с ним.

8

Мрамор – это греческое слово, оно означает "сияющий камень". В самом деле, как он сиял в лучах утреннего солнца, когда Микеланджело ставил свою глыбу на деревянную скамью и с упоением вглядывался в мерцающую поверхность камня: пронзая внешние слои, свет, дробясь, отражался и играл где-то в сердцевине, в самых глубоких кристаллах. Микеланджело не расставался со своим камнем уже несколько месяцев, разглядывая его то при одном освещении, то при другом, поворачивая под разными углами, выставляя то на жару, то на холод. Мало-помалу он постиг его природу, постиг лишь силой своего разума, еще не вторгаясь резцом внутрь блока; он был уже уверен, что знает каждый слой, каждый кристалл этого мрамора и сумеет подчинить его своей воле, придать ему те формы, какие замыслил. Бертольдо говорил, что эти формы надо сперва высвободить из блока, а уж потом восхищаться ими. По мрамору скрывал и себе множество форм: не будь этого, все скульпторы высекали бы из взятого камня одно и то же изваяние.

Теперь с молотком и зубилом в руках, Микеланджело легко и быстро начал рубить мрамор; он постоянно прибегал к *colpo vivo* – проворным, живым ударам, укладывавшимся в один такт "Пошел!"; вслед за зубилом, без минуты перерыва, пускался в ход шпунт – он, словно пален, осторожно вдавливался в мрамор, выколупывая из него пыль и осколки; затем Микеланджело брал зубчатую троянку – она, как ладонь, сглаживала все шероховатости, оставленные шпунтом; затем наступала очередь плоской скаргели; подобно кулаку, она сшибала все заусеницы и бороздки, сделанные зубчатой троянкой.

Он не обманулся насчет этого блока. Врезаясь в него и раскрывая слой за слоем, чтобы обозначить будущие формы фигур, Микеланджело чувствовал, что камень покорен ему, что он отвечает на каждое его усилие.

Мрамор как бы осветил самые темные, самые неведомые уголки его сознания, заронил в нем семена новых замыслов. Он уже не работал сейчас по рисункам или глиняным моделям – все это было отодвинуто в сторону. Он ваял, стремясь вызвать из блока лишь те образы, которые рисовались в его воображении. Его глаза и руки уже знали, где возникнет та или иная линия, выступ, изгиб, на какой глубине появится в камне Мария с младенцем: изваяние должно было представлять собою рельеф, фигуры выступят наружу только на четверть своего объема.

Микеланджело трудился под своим навесом, когда к нему пришел Джованни. Этот пятнадцатилетний подросток, которому вот-вот предстояло сделаться кардиналом, не появлялся в Садах уже год, с тех самых пор, как его привела сюда однажды Контессина. Несмотря на то, что судьба жестоко обделила Джованни красотой, лицо его казалось Микеланджело и умным и живым. Флорентинцы говорили, что мягкий в обращении и любящий удовольствия второй сын Лоренцо способный юноша, но что все способности его остаются втуне, так как главное, чего он хочет в жизни, – это избежать всяческих хлопот. Джованни явился, сопровождаемый своей мрачной тенью – кузеном Джулио. Природа словно старалась создать из двоюродного брата и ровесника Джованни полную его противоположность: он был рослый, худощавый, с суховатым лицом, прямым носом и костистым раздвоенным подбородком. Этот красавец с круто выгнутыми черными бровями отличался большой энергией и на всякие дела и хлопоты смотрел как на свое естественное призвание, но был холоден и тверд, словно труп. Хотя Лоренцо считал Джулио членом семейства Медичи,

Пьеро и Альфонсина презирали его, как незаконнорожденного, и молодой человек мог завоевать себе место под солнцем, лишь добившись расположения одного из своих кузенов. Он прилепился к пухлому добродушному Джованни и интриговал так искусно, что скоро принял на себя все его заботы и начал делать за него буквально все – он оберегал кузена от неприятностей, думал о его удовольствиях и забавах; любой вопрос он решал за него так, как его решил бы в случае необходимости сам Джованни. Считалось, что, когда Джованни станет настоящим кардиналом и переедет в Рим, Джулио тоже последует за кузеном.

- Я благодарен тебе за визит, Джованни. Это такая любезность, – сказал Микеланджело.

- А я к тебе не с визитом, – ответил Джованни; голос у него был густой, низкий. – Я пришел позвать тебя на охоту, которую я устраиваю. Во дворце это самый веселый день во всем году.

Микеланджело уже слышал об этой охоте: он знал, что лучшие ловчие Лоренцо, его грумы и вершники заранее посылаются в горы, в те места, где в изобилии водятся зайцы, дикобразы, олени и кабаны; там огораживается парусиной большое пространство, а жители близлежащих деревень следят, чтобы олени не перепрыгивала через изгородь, а кабаны не делали в ней дыр и тем не нарушали бы всего замысла охотников. Микеланджело никогда еще не видал, чтобы флегматичный Джованни был так возбужден и радостен.

- Прости меня, но, как ты видишь, я весь ушел в мрамор и не могу от него оторваться.

Джованни сразу приуныл.

- Но ведь ты не какой-нибудь мастеровой. Ты можешь работать, когда хочешь. Тебя никто не неволит.

Микеланджело сжал и разжал пальцы, охватывающие стержень резца, который он отковал восьмигранником с тем, чтобы инструмент не выскальзывал из руки.

- Ну, об этом еще можно поспорить, Джованни.

- Кто же тебя удерживает?

- Я сам.

- И ты действительно предпочитаешь свою работу нашей охоте?

- Если хочешь знать, действительно предпочитаю.

- Странно! Прямо не веришь своим ушам. Ты что, хочешь только работать и работать? И уж не признаешь никакого развлечения?

Слово "развлечение" было столь же чуждым Микеланджело, как слово "удовольствие" семейству Тополино. Он стер ладонью мраморную пыль с мокрой от пота верхней губы.

- А не считаешь ли ты, что каждый смотрит на развлечение по-своему? Меня, например, мрамор волнует несколько не меньше, чем охота.

- Оставь в покое этого фанатика, – вполголоса сказал Джулио своему кузену.

- Почему это я фанатик? – спросил Микеланджело, впервые за все время обращаясь к Джулио.

- Потому что ты интересуешься лишь одним своим делом, – ответил за кузена Джованни.

Джулио что-то вновь тихонько сказал Джованни.

- Ты совершенно прав, – согласился тот, и оба молодых человека удалились, не произнеся больше ни слова.

Микеланджело опять погрузился в работу, позабыв весь разговор с братьями Медичи. Но скоро ему пришлось вспомнить его. Вечером, когда уже смеркалось и стало прохладно, в Сады явилась Контессина. Отглядев мрамор, она мягко сказала Микеланджело:

- Мой брат Джованни говорит, что ты напугал его.

- Напугал? Чем я мог его напугать?

- Джованни говорит, что в тебе есть что-то... жестокое.

- Скажи своему брату, чтобы он не смотрел на меня безнадежно. Может быть, я еще слишком зелен, чтобы предаваться удовольствиям.

Контессина бросила на него пыливый, ищущий взгляд.

- Этот выезд на охоту – любимая затея Джованни. Важнее этого у него ничего нет. Готовясь к охоте, он на какое-то время становится главой дома Медичи, и его приказы выслушивает даже отец. Если ты откажешься участвовать в охоте, ты как бы отвергнешь Джованни, поставишь себя выше

его. А он добрый, он не хочет никого обидеть. Почему же ты его обижаешь?

- Я не собирался его обижать, Контессина. Мне просто не хочется портить себе настроение и прерывать работу. Я хочу рубить мрамор целыми днями, все время, пока не копчу.

- Ты уже сделал своим врагом Пьеро! Неужели тебе надо ожесточать и Джованни? - воскликнула Контессина.

Он ничего не мог сказать ей в ответ. Затем, почувствовав, что работа уже не пойдет, положил на место троянку и, намочив большое белое покрывало в воде у фонтана, закутал им мрамор. Наступит день, когда он не позволит отрывать себя от работы никому!

- Все в порядке, Контессина. Считаю, что я еду.

Чтобы придать своим движениям нужный ритм, ему пришлось научиться наставлять резец и заносить над ним молоток одновременно, в один и тот же миг; резец при этом надо было держать свободно, без напряжения, так, чтобы он не скрадывал и не уменьшал силу удара молотка, большой палец должен был плотно обхватывать инструмент и помогать остальным четырем пальцам руки, глаза надо было закрывать при каждом ударе, когда от камня отлетают осколки. При работе над низким рельефом камня отсекается не так уж много, и Микеланджело даже умерял свою силу. Он врубался в мрамор, держа резец почти под прямым углом, но, когда облачивал наиболее высокие детали рельефа - голову богоматери, спину младенца, угол следовало сразу же изменять.

Приходилось думать о множестве вещей в одну и ту же минуту. Надо было направлять силу ударов в главную массу блока, в его сердцевину, с тем чтобы камень выдержал их и не раскололся. И фигуру богоматери, и лестницу Микеланджело решил высекать по вертикали блока, заботясь о том, чтобы он не треснул, но скоро убедился, что камень не так-то легко поддается напору внешней силы - на то он и камень. Пределы прочности камня Микеланджело так до конца и не выяснил. С каждым новым ударом он проникался все большим уважением к мрамору.

На то, чтобы вызвать к жизни изваяние, Микеланджело должен был затратить долгие часы и дно: камень приходилось облачивать медленно, снимая слой за слоем. Нельзя было торопить и рождение замшелых образов: нанеся серию ударов, Микеланджело отступал на несколько шагов от мрамора и смотрел, оценивая достигнутый результат.

Всю левую часть барельефа занимали тяжелые лестничные ступени. Мария сидела в профиль на скамье, направо от лестницы; широкая каменная балюстрада словно бы обрывалась где-то за правым бедром Марии, у ног ее ребенка. Оглядывая свою работу, Микеланджело почувствовал, что, если левую руку Марии, крепко приживавшую ноги младенца Иисуса, чуть подвинуть вперед и повернуть ладонью кверху, Мария будит держать на руке не только своего сына, но и боковую доску балюстрады, которая превратилась бы в вертикальный брус. Тогда Мария держала бы на своих коленях не только Иисуса: решившись послужить господе, как он о том ее просил, она приняла бы на свои колени и тяжесть креста, на котором ее сыну суждено было быть распятым.

Микеланджело не хотел навязывать зрителю этой мысли, но при известном чутье ее мог уловить каждый.

Вертикальные линии были определены, теперь, в противовес им, надо было найти горизонтальные. Микеланджело еще раз просмотрел свои рисунки - чем бы дополнить композицию? Он взгляделся в мальчика Иоанна, играющего на верхних ступенях лестницы. А что, если положить его пухлую руку на балюстраду?

Он зафиксировал свою мысль, набросав углем рисунок, и начал глубже врезаться в плоть камня. Медленно, по мере того как Микеланджело ссекал глубинные слои, фигура мальчика с его правой рукой, обхватившей балюстраду, все явственнее напоминала собой как бы живую крестовину. Собственно, так оно и должно быть: ведь Иоанну предстояло крестить Иисуса и занять свое бесспорное место в страстях господних.

Когда Микеланджело высек силуэты двух мальчиков, Играющих на верху лестницы, изваяние было закончено. Под придиричивым взглядом Бертольдо он приступил к следующему делу, в котором у него не было никакого опыта:

полировке. Бертольдо заклинал его не усердствовать и не "зализывать" мрамор - это придало бы всей работе сентиментальную сладость. Поскольку Микеланджело трудился над рельефом у южной стены навеса, он попросил теперь Буджардини помочь перенести изваяние и установить его у западной стены: полировать надо было при свете, падавшем с севера.

Прежде всего Микеланджело срезал рашпилем все лишние шероховатости, затем промыл изваяние, очистив его даже от самой мелкой мраморной пыли. При этом он обнаружил на рельефе неожиданные углубления, которые, как объяснил ему Бертольдо, образовались на первой стадии работы, когда резец проникал в камень слишком глубоко, сменяя лежавшие ниже слои кристаллов.

- Протри свой рельеф мелкозернистым наждаком с водой, но только легонько, - велел ему Бертольдо.

Микеланджело исполнил наказ учителя и потом снова промыл изваяние. Теперь поверхность мрамора напоминала на ощупь матовую неотделанную бумагу. Кристаллы засветились и засверкали лишь после того, как Микеланджело протер весь рельеф кусочком пемзы, - мрамор стал, наконец, совсем гладким и лоснился под пальцами словно шелк. Микеланджело захотелось рассмотреть свою работу во всех подробностях, и он сбил несколько досок навеса с северной и восточной стороны. Теперь, под сильным светом, рельеф выглядел совсем по-иному. Микеланджело понял, что изваяние надо мыть еще и еще, протирать губкой, сушить... а потом снова пускать в ход наждак и пемзу.

Вот постепенно появились уже и блики: солнце заиграло на лице богородицы, на полосах, левой щеке и плечах младенца. На складках одеянья, облежавших ногу богоматери, на спине Иоанна, обхватившего рукой брус балюстрады, на самом этом брусе - значение его в композиции рельефа свет только подчеркивал. Все остальное - фон за плечами Марии, ступени, стены - оставалось в спокойной тени. Теперь, думал Микеланджело, зритель, взглянув на задумчивое и напряженное лицо богоматери, не может не почувствовать, какие решающие минуты она переживает, держа у своей груди Иисуса и словно бы взвешивая на ладони всю тяжесть креста.

Лоренцо созвал четверку платоников. Войдя в комнату, Микеланджело и Бертольдо увидели, что барельеф поставлен на высоком постаменте, затянутом черным бархатом.

Платоники были в самом лучшем расположении духа.

- Что ни говори, а скульптура твоя - чисто греческая! - с ликованием воскликнул Полициано.

Пико, с несвойственной ему серьезностью, заявил:

- Когда я смотрю на твое изваяние, Микеланджело, то мне кажется, что веков христианства будто не бывало. В твоей богоматери и героизм, и непостижимая возвышенность творении древних греков.

- Верно, - отозвался седовласый Ландино. - В рельефе есть то спокойствие, красота и высокая отрешенность, которые можно назвать только аттическими.

- Но почему же аттическими? - растерянно спросил Микеланджело.

- Почему? Да потому, что ты ощутил Акрополь во Флоренции, - ответил Фичино.

- В душе ты такой же язычник, как и мы. Великолепный, нельзя ли принести из твоей приемной ту античную стелу - надгробный рельеф с сидящей женщиной?

Дворцовый грум без замедленья притащил в кабинет не только эту античную стелу, но еще и несколько небольших изваяний Богородицы с Младенцем: глядя на них, платоники старались доказать Микеланджело, что его работа не имеет ничего общего с христианской скульптурой.

- Я и не думал кому-либо подражать, - уже немного сердясь, говорил им Микеланджело. - Я хотел сделать нечто оригинальное.

Лоренцо следил за этим спором с большим удовольствием.

- Друзья, Микеланджело добился синтеза: в его работе слилось греческое и христианское начало. Он чудесно сочетал ту и другую философию в едином сплаве. Вы должны это видеть совершенно ясно: ведь вы всю жизнь только и стараетесь примирить Платона с Христом.

"А что Мария изображена в момент, когда она решает свою судьбу и судьбу

сына, об этом никто и не обмолвился, - думал Микеланджело. - Может быть, эта мысль запрятана в рельефе слишком глубоко? Или они считают, что и это от греков? Поскольку дитя еще не принесено в жертву?"

- Allora, давайте поговорим о самой скульптуре, - ворчливо заметил молчавший до сих пор Вертольдо. - Хорошо это сделано? Или плохо?

Кто не опасался задеть самолюбие Микеланджело как будто его и не было в комнате. Он понял, что его Первая большая работа нравится платоникам потому, что они рассматривают ее как плод гуманизма. Они восхищены смелостью Микеланджело, повернувшего младенца Христа спиной к зрителю, восхищены благородной мудростью образа Марии. Их радовали достижения Микеланджело в области перспективы: ведь скульптура в топору перспективы почти не знала. Ее пытался применить, высекая своих богородиц, Донателло, но и у него дело сводилось к тому, что за спиной главных фигур едва проступали изображения ангелов и херувимов. Всех подкупало, с каким напряжением и силой высек Микеланджело образы Марии, Христа и Иоанна; ученые согласились, что этот полный жизни рельеф - один из самых лучших, какие им приходилось видеть.

Однако ученым нравилось в этой работе далеко не все. Они напрямик говорили Микеланджело, что лицо богородицы слишком стилизовано, а обилие складок на ее платье отвлекает внимание зрителя. Фигура младенца выглядит чересчур мускулистой, рука его подогнута некрасиво и неловко; Иоанн изображен слишком крупным, в нем чувствуется что-то грубоватое...

- Стойте, стойте, - воскликнул Лоренцо, - ведь наш юный друг трудился над своим проектом не меньше полугода...

- ...и разработал его вполне самостоятельно, - перебил Великолепного Вертольдо. - Советы, которые я ему давал, касались только техники.

Микеланджело встал, ему хотелось, чтобы его слушали все.

- Во-первых, я ненавижу и одеяния и складки. Мне хочется ваять только обнаженные фигуры. И здесь я просто запутался со складками. Что касается лица богоматери то я его не нашел. Я хочу сказать, не нашел в своем воображении и потому не мог ни нарисовать его ни изваять с большей... реальностью. Но теперь когда работа закончена, я должен объяснить, чего я хотел добиться.

- Мы полны внимания, - улыбнулся Полициано.

- Я хотел сделать фигуры такими подлинными, такими живыми, чтобы вы чувствовали, что они вот-вот вдохнут в себя воздух и двинутся с места.

Затем, робея и смущаясь, он объяснил, какую минуту переживает его богоматерь, как тяжело ей решиться на жертву. Лоренцо и четверо платоников, смолкнув, смотрели на изваяние. Он чувствовал, что они размышляют. И вот медленно, один за другим, они отводили свой взгляд от мрамора и смотрели уже на него: в глазах их светилась гордость.

Возвратясь к себе в комнату, он обнаружил на умывальнике кожаный кошелек. Кошелек был набит новенькими флоринами - их было так много, что Микеланджело сбился со счета.

- Что это такое? - спросил он Вертольдо.

- Кошелек от Лоренцо.

Микеланджело взял кошелек из комнаты и зашагал по коридору к лестнице, поднялся на следующий этаж и потом, миновав еще коридор, был уже в спальне Лоренцо. Лоренцо сидел за маленьким столиком, перед масляной светильней, и писал письма. Как только слуга назвал Микеланджело, Лоренцо поднял голову и повернулся.

- Лоренцо, я не могу понять, зачем...

- Спокойнее, спокойнее. Садись. Ну, а теперь начинай сначала.

Микеланджело глотнул воздуха, стараясь привести свои мысли в порядок.

- Я по поводу этого кошелька с деньгами. Вам не надо покупать мой мрамор. Он принадлежит вам и так. Пока я работал над ним, я жил у вас во дворце на всем готовом...

- Я и не собираюсь покупать твой рельеф, Микеланджело. Это твоя собственность. А кошелек с деньгами я даю тебе как бы в качестве премии, вроде той, которая была выдана Джованни, когда он закончил курс богословия в Пизе. Я считал, что тебе, может быть, захочется поехать по разным городам, посмотреть там произведения искусства. К примеру, отправиться на север, через Болонью, Феррару и Падую - в Венецию? Или на юг - через Сиену в Рим и Неаполь? Я дам тебе рекомендательные письма.

Несмотря на поздний час, Микеланджело бросился бежать домой, на Виа деи Бентаккорди. Там все уже спали, тем не менее, встав с постелей, быстро собрались в гостиной: каждый шел, держа в руках свечу, со съехавшим набок ночным колпаком на голове. Размашистым движением Микеланджело высыпал на стол отца кучу золотых монет.

- Что... что это? - задыхаясь, спросил Лодовико.
- Моя премия. За окончание "Богородицы в Младенцем".
- Целое богатство! - изумился дядя. - Сколько же тут денег?
- Да я и сосчитать не мог, - горделиво ответил Микеланджело.
- ...тридцать, сорок, пятьдесят, - пересчитывал флорины отец. - Вполне достаточно, чтобы безбедно прожить всему семейству целых полгода.

Микеланджело решил не портить игры и, сохраняя тот же горделивый тон, сказал:

- А почему я не могу кормить семейство полгода, если я работал над камнем столько же времени. Это было бы лишь справедливо.

Лодовико торжествовал.

- Давно мои руки не прикасались с таким деньгам: пятьдесят золотых флоринов! Микеланджело, раз тебе так щедро платят, ты должен приниматься за новую скульптуру сейчас же, завтра же утром.

Микеланджело усмехнулся. Только подумать: ни одного слова благодарности! Лишь нескрываемая радость оттого, что можно погрузить свои руки в эти россыпи золотых монет, поблескивавших при свете свечи. И тут он, иронизируя над собой, припомнил, с какой страстью он тянулся к мрамору, как жаждал его, когда впервые ступил во дворец Лоренцо.

- Теперь мы поищем себе еще один участок, - говорил Лодовико. - Земля - это единственное надежное место для помещения капиталов. А в итоге, когда доходы возрастут...

- Я не уверен, что у вас будет такая возможность, отец. Великолепный сказал, что эти деньги я должен потратить на путешествие - побывать в Венеции или Неаполе, посмотреть там скульптуру...

- Путешествовать! Посмотреть там скульптуру! - поразился Лодовико. Новые десятины земли, о которых он мечтал, поплыли у него перед глазами. - Да зачем глядеть на эту скульптуру? Ты поглядишь, поедешь дальше, а деньги уже и растаяли. А вот если у тебя новый участок...

- Ты в самом деле хочешь путешествовать, Микеланджело? - спросил его брат Буонаррото.

- Нет, - рассмеялся Микеланджело. - Я хочу только работать. - И, обратись к Лодовико, он добавил: - Эти деньги ваши, отец.

9

Подчиняясь настояниям Бертольдо, ученики несколько раз в неделю ходили то в одну церковь, то в другую копировать старых мастеров. В церкви освещение меняется быстро: приспособившись к нему, надо было часто пересаживаться - для этого ученики захватывали с собой деревянные стулья. Сегодня они работали в церкви дель Кармине, в капелле Бранкаччи. Торриджани поставил свой стул рядом со стулом Микеланджело, поставил так близко, что задевал своим плечом его локоть. Микеланджело встал и отодвинул свой стул чуть в сторону, Торриджани обиделся.

- Я не могу рисовать, если рука у меня стеснена, - сказал Микеланджело.
- Не слишком ли ты привередлив? Пока мы тут корпим, я хочу вам доставить маленькое удовольствие. Вчера я слышал сногшибательную песенку...

- Позволь мне, пожалуйста, сосредоточиться.
- Фу, какая скука! Мы уже рисовали эти фрески пятьдесят раз. Чему тут еще можно научиться?
- Тому, чтобы рисовать, как Мазаччо.
- А я хочу рисовать, как Торриджани. Меня это вполне устраивает.

- Но это не устраивает меня, - резко сказал Микеланджело, отрывая глаза от своего рисунка.

- Ты, видно, забываешь, с кем говоришь! В прошлом году я получил за рисование три премии. Сколько получил ты?

- Ни одной. Вот почему тебе лучше бы не мешать мне и дать возможность поучиться.

Торриджани почувствовал, что ему нечем крыть. Криво улыбаясь, он промолвил:

- Не могу взять в толк, почему это любимый ученик до сих пор должен, как раб, делать школьные упражнения.

- Копирование Мазаццо - не школьное упражнение, если только человеку даны не куриные мозги.

- Значит, теперь и мозги у тебя лучше, чем у меня. - И, кипя от гнева, добавил: - Раньше я думал, что у тебя лучше лишь руки.

- Если тебе понятна суть рисования, ты должен знать, что это одно и то же.

- А если, кроме рисования, тебе понятно еще что-то, ты должен знать, какое ты ничтожество. Недаром говорят: ничтожный человек - ничтожная жизнь, большой человек - большая жизнь.

- Чем больше человек, тем больше от него вони.

Торриджани был взбешен. Микеланджело отвернулся от него, оборотясь всем телом к стене с фреской Филиппино Липпи: "Святой Петр воскрешает из мертвых царского сына", - именно для этой фрески позировал художнику Граначчи, когда ему было тринадцать лет. Торриджани передвинул свой стул по кругу, так, чтобы заглянуть Микеланджело в глаза.

- Ты хотел оскорбить меня!

Затем он вскочил со стула, схватил правой ручищей Микеланджело за плечо и рывком пригнул его к своим коленям. Микеланджело успел заметить, как исказилось от ярости лицо Торриджани, и мгновенно почувствовал, что тот ударит его со всей своей силою, - уклониться или избежать удара у него не было возможности. Кулак Торриджани взломал ему кость носа: удар раздался в ушах Микеланджело, будто взрыв в каменоломнях Манайо, когда там порохом подрывают светлый камень. Он ощутил вкус крови во рту, в крови катались кусочки раздробленной кости. Потом, откуда-то издалека, донесся страдальческий голос Бертольдо:

- Что ты наделал?

В черном небе вспыхнули звезды; но Микеланджело расслышал ответ Торриджани:

- Кость и хрящ носа хрустнули у меня под кулаком, как трубочка со взбитыми сливками...

Микеланджело, как подкошенный, рухнул на колени, Голубые звезды, кружась,плыли по стенам капеллы. Он почувствовал под щекой холодный и шершавый цемент, увидел перед собой на фреске зеленое, мертвое лицо Граначчи и потерял сознание.

Он очнулся в своей постели во дворце. Лицо и нос у него были закутаны мокрыми повязками. Голова раскалывалась от боли. Как только он пошевелился, кто-то сдвинул у него на лице повязку. Он попытался открыть глаза, но понял, что это ему не удастся: свет еле проникал сквозь узкие щелки между веками. У кровати его сидели Пьер Леони, врач Лоренцо, сам Великолепный и Бертольдо. Послышался стук в дверь. Кто-то вошел в комнату и сказал:

- Ваша светлость, Торриджани бежал из города. Через Римские ворота.

- Послать за ним самых быстрых всадников. Я забью его в колодки и выставлю у стен Синьории.

Микеланджело почувствовал, что веки его вновь плотно закрылись. Доктор оправил его подушку, вытер рот, потом кончиками пальцев осторожно ощупал лицо.

- Кость носа раздроблена. Приблизительно через год она совсем срастется. Дыхательные пути сейчас закрыты полностью. Позже, если ему повезет, он будет снова дышать носом.

Доктор просунул руку под плечи Микеланджело, слегка приподнял его и прижал к губам чашку со снадобьем.

- Выпей. Это поможет тебе заснуть. Когда проснешься, боль немного утихнет.

Раздвинуть губы и выпить горячий травяной отвар было истинной пыткой, но он все же осушил всю чашку. Голоса у его кровати постепенно смолкли. Снова он погрузился в сон и снова слышал язвительные слова Торриджани, видел кружащиеся голубые звезды, чувствовал холодный и шершавый пол под щекой.

Проснувшись, он понял, что в комнате никого нет. Голова уже не болела, только где-то глубоко в глазах и в носу сильно жгло при каждом ударе пульса. В окне он увидел дневной свет.

Он скинул с себя одеяло, встал с кровати и, шатаясь, пошел к умывальному столику. Затем собрав все свое мужество взглянул в стоявшее на столе зеркало. Чтобы не упасть от мгновенно подступившей тошноты, он вновь ухватился за кран стола: в зеркале на него смотрел почти незнакомый человек. Распухшие глаза напоминали собой два голубых гусиных яйца. С усилием он раскрыл веки как можно шире и стал рассматривать дикую мешанину красок на лице: пурпур, лаванду, желтый кадмий, жженую сиену.

Предугадать полностью последствия удара Торриджани он не мог до тех пор, пока держалась опухоль. Пройдет, вероятно, много недель и месяцев, прежде чем появится возможность судить, насколько удалось его бывшему другу по-своему исполнить то, о чем мечтал Микеланджело: перерисовать лицо заново. Один-единственный удар могучего кулака Торриджани, и оно сдвинулось и преобразилось так, будто было слеplено из мягкого воска!

Весь дрожа, он еле дошел до постели и с трудом закутал себя одеялом, спрятав под ним и голову: ему хотелось забыть и людей, и белый свет. Ужасная тоска сжимала сердце. До какого унижения и позора довела сто гордость!

Он услышал, как отворилась дверь. Он не хотел никого видеть, не хотел ни с кем разговаривать и по-прежнему лежал без единого движения. Чья-то рука тронула постель, откинула одеяло с его головы. Он встретился глазами с Контессиной.

- Микеланджело, дорогой...

- Контессина.

- Я так сожалею обо всем, что случилось.

- Я сожалею еще больше.

- Торриджани скрылся. Но отец клянется, что поймает его.

В знак отрицания Микеланджело слегка двинул головой и сразу же почувствовал боль.

- Это бесполезно. Я виню только себя. Я насмеялся над ним... и вывел его из терпения.

- Но начал-то он. Мы слышали всю историю.

Микеланджело чувствовал, как по его глазам, обжигая, текут горячие слезы, и, весь напрягшись, произнес самые жестокие слова, какие только могли сорваться с его уст:

- Я теперь безобразен.

Лицо Контессины было совсем близко от его лица: говорить приходилось почти шепотом, чтобы их не услышала няня, стоявшая у открытой двери. Не меняя позы, Контессина прижала свои губы к его распухшей, искалеченной переносице; он ощутил что-то влажное, теплое, и это было для него как целительный бальзам. Потом она вышла из комнаты.

Дни тянулись один за другим. Он все еще не мог отлучаться из дворца, хотя опухоль и боль шли ни убывль. Прослышав о случившейся беде, Лодовико явился требовать возмещения. Тот факт, что у его сына испорчено лицо, Лодовико не очень печалил; старик испытывал скорей чувство злорадства: ведь его предубеждение против художников и скульпторов, оказывается, было на напрасным. Отец был весьма озабочен тем, что сейчас, когда Микеланджело прикован к постели, обычные три золотых флорина ему не будут выданы.

- Не задержит Лоренцо тебе плату?

Микеланджело покраснел от гнева.

- Мне не выдают никакой платы. И потому ее нельзя задержать, если я и не работаю. Может быть, просто никому не приходит в голову, что мне нужны деньги, пока я сижу в этой комнате.

- Я рассчитывал на эту сумму, - проворчал Лодовико и с тем оставил сына.

- Он не вправе упрекать меня, - вздыхая, говорил Микеланджело брату Буонаррото, когда тот пришел навестить больного, доставив миску куриного

бульона а жареным миндалем от Лукреции. Буонаррото был теперь отдан к Строцци, учился торговать сукнами. На лице у него была написана сама серьезность.

- Мужчинам, Микеланджело, всегда надо располагать хоть небольшими, но своими собственными средствами. Теперь у тебя самое удобное время отложить несколько флоринов для себя. Позволь, я буду порой заходить к тебе и позабочусь о твоих деньгах.

Микеланджело был тронут чтим вниманием брата и подивился его неожиданной прозорливости в финансовых делах.

Каждый день на несколько минут заходил к Микеланджело Лоренцо: он приносил с собой драгоценную камю или древнюю монету, и они с Микеланджело за разговором вместе рассматривали ее. Заглядывал к больному и певец-импровизатор; бряцая на своей лире, он пел соленые куплеты о последних происшествиях во Флоренции, включая и несчастным случаем с Микеланджело. Ландино приходил почитать Данте, Пико показать новонайденные египетские рельефы, которые свидетельствовали о том, что греки переняли основные принципы скульптуры у египтян. По вечерам, когда надвигались сумерки, заходила в сопровождении няни Контессина - поболтать, почитать книгу. С коротким визитом были даже Джованни и Джулио. Ньеро прислал свои соболезнования.

Из мастерской Гирландайо пришли чертенки Якопо и рыжий Тедеско; они заверили Микеланджело, что, попадись им Торриджани на улице, они будут гнать его, швыряя в него камнями, до самых ворот Прато. Граначчи сиживал у Микеланджело часами - он приносил в комнату друга свои папки и карандаши и рисовал. Доктор иглами зондировал нос Микеланджело и в конце концов заявил, что хотя бы через одну ноздрю, но дышать носом он будет. Вертольдо, покой которого нарушало столько посетителей, был всегда отменно любезен; он старался сделать все, чтобы развлечь и утешить Микеланджело.

- Торриджани своим кулаком хотел приплюснуть твой талант, чтобы низвести его до уровня собственного.

Микеланджело качал головой:

- Граначчи предупреждал меня.

- И, однако, я говорю истину: тот, кто завидует таланту другого, всегда хочет его уничтожить. А ты должен приниматься за работу. В Садах нам тебя не хватает.

Микеланджело разглядывал свое лицо в зеркале на умывальном столике. Эта вмятина под переносьем останется навсегда. Что за ужасный бугор на самой середине спинки носа, и как он весь покривился! Он шел теперь Вкось от уголка правого глаза к левому углу рта: бывшая симметрия, при всем ее несовершенстве, исчезла бесследно. Микеланджело съезжился, плечи его опустились.

"Какой скверный, сплошь залепленный латками обломок скульптуры! Видно, камень был мягкий, в свищах и проточинах. При первом же ударе молота он развалился, дал трещины. Теперь он загублен, в нем не осталось ни ладу, ни смысла, он исчерчен рубцами и шрамами, словно покинутая каменоломня в горах. Никогда я не был приятен на вид, но с каким отвращением я смотрю сейчас на эту разможенную, искалеченную рожу".

Микеланджело был полон отчаяния. Теперь он действительно станет уродливым ваятелем, который хочет создавать прекрасные мраморы.

Опухоль на лице спадала, синяки и кровоподтеки исчезали, но показаться на люди таким изменившимся и искалеченным Микеланджело все еще не решался. Однако, не отваживаясь выдержать встречу с Флоренцией днем, он покинул дворец ночью и вволю бродил по стихнувшим улицам, давая выход своей накопившейся энергии. Как необычно и странно выглядел темный город с масляными фонарями на дворцах, какими громадными казались каменные здания,

задремавшие под звездами ночного неба!

Однажды в комнату Микеланджело явился Полициано и, не обращая внимания на Бертольдо, осведомился у больного:

- Могу я присесть? Микеланджело, я только что закончил перевод Овидиевых метаморфоз на итальянский. Когда я переводил рассказ Нестора о тучеродных кентаврах, мне пришло на ум, какое чудесное изваяние ты мог бы сделать, показав битву кентавров с лапифами.

Микеланджело сидел в кровати и разглядывал Полициано, мысленно сравнивая свое уродливое лицо с его лицом. Ученый покачивался в кресле, склонив голову и поблескивая крохотными, как бусины, глазками; маслянисто-черные космы волос Полициано производили впечатление таких же влажных, как и его темно-красные, омерзительно чувственные губы. Но как ни безобразен был Полициано, теперь, когда он говорил об Овидии и Овидиевых переложениях древнегреческих мифов, его лицо будто озарял какой-то внутренний жар.

- Сцена открывается такими строками:

С Гипподамией свой брак справлял Пирифой Иксионов.
Вот тучеродных зверей - как столы порасставлены были -
Он приглашает возлечь в затененной дубравой пещере.
Были знатнейшие там гемонийцы; мы тоже там были...

И своим мягким, гибким голосом Полициано стал читать описание буйного праздника:

Пестрой толпою полна, пированья шумела палата,
Вот Гименея поют, огни задымились у входа,
И молодая идет, в окружении женщин замужних,
Дивно прекрасна лицом. С такую супругой - счастливец
Мы Пирифоя зовем, но о предвестье едва не ошиблись,
Ибо твоя, о кентавр, из свирепых свирепейший, Эврит,
Грудь испитым вином зажжена и увиденной девой, -
В нем опьяненье царит, сладострастьем удвоено плотским!
Вдруг замешался весь пир, столы опрокинуты. Силой
Схвачена за волосы молодая супружница, Эврит -
Гипподамию влачит, другие - которых желали
Или могли захватить; казалось, то - город плененный!
Криками женскими дом оглашен...

Живыми красками набрасывал Полициано ужасную схватку: Тезей швыряет древний кратер, полный вина, в лицо Эврита, так что из треснувшего черепа кентавра брызнули мозг и сгустки крови; огромный алтарь вместе с пылавшим на нем костром, кинутый свирепым кентавром Гринеем, свергается на головы двух лапифов; другой кентавр, Рет, всаживает горящую головню в горло противника...

Микеланджело перевел свой взгляд на поставец, где виднелась модель изваяния Бертольдо - "Битва римлян с варварами". Полициано заметил этот взгляд.

- Нет, нет, - сказал он. - Работа Бертольдо - это копия саркофага, находящегося в Пизе. Просто воспроизведение, не более. А у тебя должна выйти своя, оригинальная вещь.

Гневу Бертольдо не было границ.

- Вы лжете! - вскричал он. - Микеланджело, я повезу тебя в Пизу и покажу тот саркофаг. Завтра же! Ты увидишь, что середина саркофага совсем пустая, без всяких изображений. Мне пришлось ее заполнить самому. Я самостоятельно высек целую сцену, ввел, например, этого воина на коне...

Полициано протянул свою рукопись Микеланджело.

- Почитай на досуге. Когда я работал над переводом, я все время думал, как у тебя получится эта битва кентавров. Темы прекрасней прямо-таки не сыщешь.

Бертольдо еще с вечера заказал лошадей. С рассветом тронулись в путь - ехали вдоль Арно, через Эмполи, к морю. Вот уже перед ними на фоне пыльно-голубого неба высился купол собора и пизанская падающая башня. Бертольдо повел Микеланджело на кладбище Кампосанто - оно было обнесено

четырёхугольной стеной, которую начали строить в 1278 году; вдоль дорожек кладбища стояло сотен шесть надгробий и древних саркофагов. Бертольдо разыскал саркофаг с изображением битвы римлян и, желая убедить ученика в своей правоте, стал подробно развяснять, чем этот рельеф отличается от его рельефа. Чем больше он настаивал на оригинальности своей работы, тем яснее Микеланджело видел сходство между двумя изваяниями. И, стараясь не огорчить учителя, он мягко заметил:

- Вы часто говорили, что даже в искусстве у каждого из нас есть свои прямые родители. Вот здесь, в Пизе, Николо Пизано открыл путь к новой скульптуре только потому, что изучил эти римские саркофаги, преданные забвению на тысячу лет.

Довольный и успокоенный, Бертольдо предложил Микеланджело отправиться в остерию: там они поели тунца с бобами, после чего Бертольдо часа на два улегся отдохнуть, а Микеланджело пошел осматривать собор и баптистерий, воздвигнутые при участии Николо и Джованни Пизано; там же находился и шедевр Николо - мраморная кафедра с пятью горельефами.

Выйдя на улицу, Микеланджело снова взгляделся в падающую башню, с ошеломляющей смелостью прочертившую лазурь пизанского неба. "Бертольдо прав только отчасти, - подумал Микеланджело, - мало быть архитектором и скульптором одновременно, надо быть еще и инженером!"

Вечером они поскакали домой: в прохладном сумраке, медленно уходя назад, плыли мягко вылепленные округлые холмы, копыта лошадей ритмично стучали по затвердевшей грязи дороги. В воображении Микеланджело встала картина битвы кентавром, смятение напуганных женщин, крики раненых, муки и стоны сраженных. Добравшись до дворца, Бертольдо тотчас же лег в постель и крепко заснул, а Микеланджело, сев подле зажженной лампы, принялся читать перевод Полициано.

Прочтя несколько страниц, он задумался. Разве мыслимо изваять эту грандиозную сказочную битву? Ведь тут потребуется глыба мрамора величиной не меньше фрески Гирландайо! И как может скульптор изобразить такое множество орудий, пущенных в ход лапифами и кентаврами: алтари, охваченные пламенем, дубинки, дротики, олени рога, копья, вырванные с корнем дерева? Это будет не скульптура, а хаос и столпотворение.

Тут он вспомнил недавно прочитанную строчку и снова отыскал ее:

Мститель приспел Афарей и, скалу от горы оторвав,
Кинуть в Эгида готов...

Образ кентавра возник перед ним как живой. Микеланджело дрожал от волнения. Он нашел, наконец, то звено, ту ноту, которая объединит изваяние. Он нашел тему! Если он не может показать все виды оружия, он изваяет одно, самое древнее и универсальное: камень.

Он снял с себя рубашку и штаны, нырнул под шерстяное красное одеяло и вытянулся, закинув руки за голову. Только сейчас он осознал, что провел весь день на людях, среди толпы, и ни разу не вспомнил о своем носе. В голове его теснились картины, навеянные чтением Овидия: все, что он видел в Кампосанто и пизанском баптистерии, поблекло и рассеялось, сейчас его занимала лишь битва кентавров.

- Слава тебе, господи, - прошептал он. - Теперь я излечился.

Рустичи радовался, как дитя.

- Помнишь, я тебе все время говорил: рисуй лошадей! Произведение искусства, в котором нет лошади, - пустышка.

Микеланджело улыбался.

- Вот ты показал бы мне, где зарисовать двух-трех кентавров!

Обстановка в Садах стала гораздо спокойней. Никто не произносил имени Торриджани и не заводил разговора о ссоре. Торриджани пока не нашли и не арестовали, возможно, его никогда и не найдут. Увлеченный своим новым замыслом, Микеланджело весь ушел в работу. Сияя от удовольствия, Полициано рассказывал ему о кентаврах и об их месте в греческой мифологии; Микеланджело в эти минуты быстро набрасывал рисунок за рисунком, стараясь представить себе облик сказочных чудовищ: корпус и ноги у них были конские, а плечи, шея и голова - как у человека.

Сами по себе легенды и мифы мало трогали Микеланджело, они были чужды ему по натуре. Реальная жизнь - вот к чему он стремился и что хотел,

насколько позволяло ему умение, выразить. Самой истинной, самой значительной реальностью в его глазах была мужская фигура - она заключала в себе все мыслимые очертания, все формы.

Он начал раздумывать, как ему скомпоновать и разместить те двадцать фигур, которые возникли в его воображении. На сколько отдельных сцен расчленив все действие? Должен ли быть там некий единый фокус, чтобы, отталкиваясь от него, зритель осматривал изваяние в той последовательности, какую подсказывал ему скульптор?

На пизанском саркофаге с битвою римлян, как и на рельефе Бертольдо, воины и женщины были изображены одетыми. Сейчас, взяв сюжет из древнегреческой легенды, Микеланджело считал себя вправе изваять фигуры обнаженными, без шлемов, мантии или набедренных повязок, которые, по его мнению, так отяжеляли и портили работу Бертольдо. Стремясь к простоте и строгости стиля, он решил отказаться от всяких одежд, не хотел высекать ни коней, ни оружия, ни громоздких тел кентавров.

Но, утвердившись в таком решении, он оказался в тупике. Ему не в силах был помочь даже Граначчи.

- Обнаженных натурщиков нигде не достать.

- А нельзя ли снять маленькую мастерскую и работать там в полном уединении?

Граначчи сердито нахмурил брови.

- Тебе покровительствует Лоренцо. Все, что ты делаешь, так или иначе отражается на его репутации.

- Выходит, остается только одно - работать в каменоломнях Майано.

Когда наступила вечерняя прохлада, он был уже в Сеттиньяно. Миновав темное поле и переходя ручей на дне оврага, он вдруг с тоской подумал, как встретят его сейчас Тополино. Они уже знают о его стычке с Торридгани, но, конечно, у них не случится той сцены, какая произошла в доме Буонарроти, когда он появился там впервые после выздоровления: мачеха и тетка навзрыд плакали, дядя чертыхался, бабушка качала головой, не говоря ни слова, но страдала не меньше, чем он сам.

Тополино приняли его, как всегда, ничем не выказывая своих чувств. Им было приятно, что он останется у них на ночь. Заметили ли они, как искалечен у него нос, и старались ли они разглядеть его лицо в вечерних сумерках - этого Микеланджело не мог бы сказать.

Утром, когда поднялось солнце, он умылся в ручье, затем по дороге, протоптанной волами по склону холмов, направился к каменоломням: работать там начинали через час после рассвета. С горы, где была каменоломня, Микеланджело хорошо видел замок, опоясанный цепочками олив и зелеными пятнами виноградников. Глыбы светлого камня, добытые за вчерашний день, были голубовато-бирюзового цвета, а более старые блоки приобрели бежевый оттенок. С дюжину колонн лежало уже отделанными, вокруг них было множество осколков и мелкого щебня. Каменотесы точили и закаляли свой инструмент: каждый готовил себе на день не меньше двадцати пяти зубил - так быстро они тупились во время работы.

Каменотесы были в хорошем настроении и встретили Микеланджело шутками:

- Что, опять потянуло в каменоломню? Хочешь немного поработать? Каменотес всегда останется каменотесом.

- В такую-то погоду - да работать! - смеясь, ответил им Микеланджело. - Я вот сяду в холодок под дерево и буду чертить углем по бумаге: зубило, сами знаете, вещь тяжелая.

Каменотесы больше ни о чем не спрашивали.

От камня шел сильный жар. Рабочие разделись, оставив на себе лишь рваные короткие штаны, соломенные шляпы и кожаные сандалии. Микеланджело сидел и смотрел. Позировать каменотесы ему не могли, им надо было работать. Все небольшого роста, худощавые, жилистые, гибкие, они мало чем напоминали собой тот идеал греческой красоты, который Микеланджело видел в древних статуях. Их нотные тела блестели на ярком солнце, подобно полированному мрамору. Когда они рубили или поднимали камень, у них напрягался каждый мускул; тут двигалось и работало все сразу - спина, плечи, ноги. На Микеланджело они не обращали ни малейшего внимания, а он рисовал и рисовал этих упорных и ловких людей, стараясь выразить в своих набросках всю силу их крепких и твердых, как железо, чел.

Когда солнце поднялось уже довольно высоко, каменотесы оставили работу

и перешли в свой "зал" - это была пещера в склоне горы, образовавшаяся в результате выработки камня: здесь круглый год держалась ровная температура. Каменотесы завтракали: ели они хлеб с сельдями и луком, запивая красным вином кьянти. Микеланджело рассказал им о своем замысле высечь "Битву кентавров".

- Похоже на то, что подле нашей горы Чечери объявится еще один скульптор, - сказал молодой худощавый рабочий. - Тут всегда были свои скульпторы - Мино да Фьезоле, Дезидерио да Сеттиньяно, Бенедетто да Майано.

Скоро каменотесы снова принялись за работу; Микеланджело зарисовывал теперь уже только детали: рука, с силой стиснувшая молоток и зубило, напружиненные, скрюченные пальцы, морщины на их стribaх. Как много можно подсмотреть и познать в теле человека! Сотни новых положений и поворотов, сотни сочленений, и все каждый раз по-своему, со своими увлекательными особенностями. Художник может рисовать человеческую фигуру до конца своих дней, и все же он запечатлеет лишь малую часть ее удивительно изменчивых, разнообразных форм.

Солнце било уже над головой, когда из деревни явилось несколько мальчиков-подростков: каждый из них ташил на плече по длинной палке, утыканной крючками, на крючках висели корзинки с обедом. Каменотесы опять собрались в своем прохладном "зале". Микеланджело поел вместе с ними овощного супа, вареного мяса, хлеба с сыром; еду, как и за завтраком, запивали красным вином. После обеда рабочие легли на часок поспать.

Каменотесы спали, а Микеланджело рисовал их. Они спали, раскинувшись на землю, прикрыв лица шляпами; спокойные, плавные линии распростертых тел, недвижные, как пласт, руки и ноги. К тому времени, когда рабочие проснулись, мальчики сходили за водой; вода была нужна для питья и для точки инструмента. Ребята крутили точильные круги, осматривали вырубленные глыбы и даже сами брались за молоток и зубило. Микеланджело во все глаза смотрел на их быстрые движения, и тонкие мальчишеские фигурки одна за другой возникали на листе бумаги.

В первое же утро, как он, вернувшись в город, вышел из дворца, его остановил какой-то монах, переспросил имя, вытащил из-под своей черной сутаны письмо, сунул ему в руки и тотчас исчез, столь же неожиданно, как и появился. Микеланджело развернул бумагу и, увидев подпись брата, начал читать. Брат умолял Микеланджело оставить мысль о языческом, богохульном изваянии, которое навлекло бы на его душу страшную опасность; а если он уж так упорствует и хочет по-прежнему высекать каменных кумиров, то ему следует думать лишь о сюжетах, освященных церковью.

"Битва кентавров, - заканчивал свое письмо Лионардо, - это дьявольское сказание, и мысль о нем нашептал тебе злой, порочный человек. Откажись от этого замысла и вернись в лоно Христовой церкви".

Микеланджело еще раз перечитал письмо, не веря своим глазам. Откуда может знать Лионардо, укрывшийся за монастырскими стенами, над какой темой работает его старший брат? И как он пронюхал, что эта тема подсказана ему Полициано? Ведь он, Микеланджело, пока всего-навсего ученик. Кому какое дело, над чем работает подмастерье, и разве это может стать предметом пересудов и уличных толков? Микеланджело на минуту даже утратился: как хорошо осведомлены монахи Сан Марко обо всем, что творится в городе!

Он понес письмо брата в кабинет Лоренцо.

- Если я причиняю вам какой-то ущерб, выбрав эту тему, - тихо сказал он Великолепному, - то, может быть, мне лучше взять другую?

Лоренцо выглядел очень усталым. Вызов Савонаролы во Флоренцию оказался ошибкой, монах доставлял одни огорчения.

- Да, именно этого хочет добиться фра Савонарола - всех запутать, навязать нам свою цензуру. Дай ему волю - и он превратит наш великолепный Собор в душную тюрьму. Но мы не будем ему потакать. Уступить ему в одном, даже в самом малом, значит помочь ему вырвать у нас и следующую уступку. Продолжай свою работу, как задумал.

Микеланджело разорвал письмо Лионардо и бросил его в бронзовый этрусский горшок, стоявший под столиком Лоренцо.

Он взял корчагу чистого пчелиного воска и поставил ее на огонь, в горящие уголья. Затем, остудив расплавленный воск, он размял его и раскатал на тонкие полоски. Утром, начиная работу, он смачивал пальцы скипидаром: воск тогда делался более податливым. Поскольку он задумал высечь горельеф, фигуры на переднем плане должны были сильно выдаваться.

Круглолицый Буджардини, питавший к резьбе по мрамору такое же глубокое отвращение, как и Граначчи, теперь проводил под навесом почти целые дни: на нем лежала вся подсобная работа, и он стал у Микеланджело как бы правой рукой. Тот попросил его вырубить деревянный блок точно такого же размера, как предполагаемый мраморный, и натянуть на дерево проволочный каркас. Потом, пользуясь своими подготовительными рисунками, Микеланджело начал лепить восковые фигуры, крени их на проволоке: предстояло найти положение каждой руки, каждого торса и головы, каждого камня, которые будут высечены в мраморе.

Мраморную глыбу, вполне пригодную для работы, он обнаружил близ дворца Лоренцо, не выходя за ворота. Буджардини помог перетащить глыбу в Сады, под навес; там, чтобы не обламывались и не крошились углы, камень огородили деревянными брусьями. Микеланджело ощущал особую бодрость и силу только от того, что он стоял подле мрамора и смотрел на него. Когда он приступил к первоначальной, самой грубой обработке глыбы, он наваливался на инструмент всем своим телом; широко расставя ноги для упора, он крепко бил молотком, заботясь лишь о золотом правиле скульптора: сила удара должна быть равной силе сопротивления того камня, который надо отсечь. Он вспомнил, как визжит кастрюля, когда по ней скребут металлическим предметом, или как болезненно отзываются зубы, столкнувшись с железом, – с такой же остротой он всеми своими нервами чувствовал теперь, что испытывает под резцом мрамор.

Он стремился выразить себя, свою сущность в объемных формах, в пространстве. И поскольку он жаждал этого, он твердо знал, что должен быть скульптором: ему хотелось заполнить пустоту величественными статуями – они будут высечены из благородного мрамора и явят перед миром самые заветные, самые высокие чувства.

Слои кристаллов шли в глыбе витыми кругами, как в срезе дерева, и расширялись по направлению к топ стороне камня, которая была обращена у него когда-то к востоку; Микеланджело установил, откуда всходит солнце, и повернул блок так, чтобы он занял то самое положение, в каком лежал в горах, в дикой породе. Он будет рубить эту глыбу поперек зерна, направляя удар с севера на юг или с юга на север, иначе слои начнут шелушиться или обламываться.

Он сделал глубокий вдох, набирая в легкие воздуха, и, готовый к атаке, поднял молоток и резец. Скоро его руки и лицо покрыла мраморная пыль, она стала проникать и в одежду. Как хорошо прикоснуться к своему лицу и ощутить на нем эту пыль – пальцы тронули словно не лицо, а самый мрамор. В эту минуту у Микеланджело было такое чувство, будто он и его камень – это одно существо, одно неразрывное целое.

В субботу по вечерам дворец пустел. Пьеро и Альфонсина уезжали с визитами в знатные дома Флоренции; Джованни и Джулио тоже бывали где-то в гостях; Лоренцо, если верить слухам, предавался разврату и пьянству в компании молодых новее. Микеланджело так и не знал, насколько правдивы были эти слухи, но наутро Лоренцо обычно казался вялым и изнуренным. Подагра, унаследованная Лоренцо от отца, нередко заставляла его лежать в постели, а когда он поднимался и, прихрамывая, ходил по дворцу, то был вынужден опираться на тяжелую палку.

В такие вечера Микеланджело ужинал с Контессиной и Джулиано наверху, в открытой лоджии. В мягком вечернем сумраке горели на столе свечи, Контессина и Микеланджело ели холодный арбуз и дружески болтали. Она

рассказывала ему, что ей удалось вычитать у Боккаччо о кентаврах.

- А знаешь, от традиционного изображения битвы кентавров в моем рельефе почти ничего не осталось, - со смехом признался Микеланджело.

Он вынул из-за пазухи бумагу, вытащил из кошелька коротенький угольный карандаш и, живо сделав набросок, объяснил Контессине, как он видит свою будущую работу. Камень был основой жизни человека, он же приносил ему и гибель. Надо выразить в изваянии, что человек и камень слиты воедино: пусть куски камня, которыми швыряются лапифы и кентавры, и их головы будут показаны как бы на равных правах. Все двадцать мужчин, женщин и кентавров сомкнутся в единую массу; каждая фигура отразит лишь какую-то грань многоликой природы человека, ведь в любом мужчине есть что-то от зверя, от животного, в любой женщине - что-то от мужчины, - эти противоположные начала насмерть борются друг с другом. Энергичными линиями Микеланджело показал на бумаге, какие чисто скульптурные задачи он перед собой ставит: один за другим высечь три яруса фигур, все глубже отступающих внутрь рельефа; все персонажи должны быть живыми и полнокровными, рельеф ничуть не скует и не поглотит форм, каждая фигура будет изваяна свободно и внушит зрителю ощущение силы.

- Однажды ты сказал, что для того, чтобы высечь изваяние, надо чему-то поклоняться. Чему же поклоняешься ты сейчас, высекая свою битву лапифов и кентавров?

- Самому высокому и совершенному, что только есть в искусстве: человеческому телу. Его красота а выразительность неисчерпаемы.

Контессина машинально посмотрела на свои тонкие ноги, на едва развившуюся грудь и с усмешкой встретила взгляд Микеланджело.

- А ведь я могу немало повредить тебе, если стану всюду рассказывать, что ты боготворишь человеческое тело. Платон, может быть, и согласился бы с тобой, но Савонарола сжег бы тебя на костре как еретика.

- Нет, Контессина. Я восхищаюсь человеком, но я благоговею перед господом за то, что он создал человека.

Они весело рассмеялись, заглядывая друг другу в глаза. Заметив, как Контессина неожиданно посмотрела на дверь и сделала резкое движение, отстраняясь от него, а ее щеки покрылись красными пятнами, Микеланджело обернулся и по позе Лоренцо понял, что тот стоял и наблюдал за ними не одну минуту. Для стороннего человека все здесь было проникнуто духом особой, интимном доверительности, хотя Микеланджело не отдавал себе в этом отчета. Сейчас, когда уединение было нарушено, атмосфера сразу стала инок: эту перемену ощутили все - и Микеланджело, и Контессина, и Лоренцо. Лоренцо стоял молча, слов губы.

- ...мы... мы тут обсуждали... я сделал несколько набросков...

Суровая складка, лежавшая меж бровей Лоренцо, разгладилась. Он прошел к столу и посмотрел рисунки.

- Джулио мне докладывает о ваших встречах. То, что вы дружите, - это хорошо. Это не повредит вам, ни тому, ни другому. Очень важно, чтобы у художника были друзья. В равной мере важно, чтобы они были и у Медичи.

Несколько дней спустя, вечером, когда в небе сияла полная луна и воздух был насыщен запахами полей, они сидели у окна в библиотеке, глядя на Виа Ларга и далекие окружные холмы.

- Флоренция при лунном свете прямо-таки волшебна, - вздохнула Контессина. - Мне хочется забраться куда-то высоко-высоко и увидеть ее всю сразу.

- Я знаю такое место, - отозвался Микеланджело. - Это за рекой, на том берегу. Когда смотришь оттуда вниз, возникает ощущение, что стоит протянуть руки, и ты обнимешь весь город.

- А можно туда пойти? Вот сейчас же? На улицу мы проберемся через задний сад. Сначала выйдешь ты, а потом я. Чтобы меня не узнали, я надену глухой капор.

Микеланджело новел ее своей обычной дорогой; они повернули к мосту Всех Благодатей, вышли на противоположную сторону Арно и поднялись к старой крепости. Сидя на парапете, они опустили ноги вниз и болтали ими, будто окуная их в серые каменные воды города. Микеланджело показал Контессине виллу Лоренцо в Фьезоле, а чуть пониже виллы - Бадию; показал стену и восемь башен, охраняющих город у подножия холмов Фьезоле; поблескивавшие под луной здания Баптистерия, Собора и Кампанилы; золотистую громаду

Синьории; плотный овал всего города, стянутого поясом стен и рекою. Здесь, на этой стороне Арно, мерцал в лунных лучах дворец Питти, построенный из камня, добытого совсем близко, в садах Боболи, которые темнели позади парапета.

Микеланджело и Контессина сидели рядом, почти касаясь друг друга; они были заворожены и лунной, и красотой города: холмы гряды за грядой обступали их, замыкая со всех сторон, как стены замыкали Флоренцию. Блуждая по шершавому камню парапета, руки Микеланджело и Контессины тянулись все ближе друг к другу; наконец пальцы их, встретясь, переплелись.

Последствия не заставили себя долго ждать. Лоренцо, возвратясь из Виньоне, где он в течение некоторого времени принимал лечебные ванны, вызвал Микеланджело среди дня, оторвав его от работы. Лоренцо сидел за большим столом в своей приемной; на стенах висели карта Италии, карта мира, изображение замка Сфорца в Милане; в шкафах виднелось множество драгоценных ваз, изделия из слоновой кости, книги Данте и Петрарки в багряных кожаных переплетах, Библия в багряном же переплете из бархата, с серебряными украшениями. Рядом с Лоренцо стоял его секретарь, мессер Пьеро да Биббиена. Говорить Микеланджело, зачем он вызван, оказалось излишним.

- Она была в безопасности, ваша светлость. Я не отходил от нее ни на минуту.

- Я так и полагаю. Но неужто вы считали, что за вами никто не следит? Когда Контессина выходила из сада через задние ворота, ее видел Джулио.

Чувствуя, как к горлу подкатывает горький ком, Микеланджело ответил:

- Я поступил неблагоприятно. - Потом, отведав взгляд от пышного персидского ковра, он воскликнул: - Там было так красиво! Флоренция лежала под лунной, как мраморный открытый карьер, все ее церкви и башни были словно изваяны из единого каменного пласта.

- Я не сомневаюсь в твоих добрых намерениях, Микеланджело. Но у мессера Пьеро есть серьезные сомнения, мудро ли ты поступил. Ты ведь знаешь, сколько во Флоренции злых языков.

- Кому придет в голову сказать дурное о маленькой девочке?

Лоренцо на секунду задержал свой взгляд на лице Микеланджело.

- На Контессину уже нельзя больше смотреть как на маленькую девочку. Она выросла. До сих пор я сам не признавал этого. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать тебе, Микеланджело. Теперь можешь возвращаться в Сады и работать - я знаю, что ты только об этом и думаешь.

Несмотря на такое разрешение, Микеланджело не двинулся с места.

- Чтобы исправить дело, может быть, от меня требуется что-то еще?

- Я уже принял все нужные меры. - Лоренцо вышел из-за стола и положил обе руки на дрожащие плечи Микеланджело. - Не огорчайся. Ты не хотел поступить дурно. Приоденсья к обеду, там будет один человек, о нем тебе надо познакомиться.

В том угнетенном состоянии духа, в котором пребывал Микеланджело, ему меньше всего хотелось обедать в обществе шестидесяти гостей, но послушаться Лоренцо сейчас было невозможно. Он хорошенько вымылся, надел красно-коричневую шелковую тунику и направился в обеденный зал; грум усадил его на специально отведенное место рядом с гостем, Джанфранческо Альдовранди. Гость этот принадлежал к одному из самых знатных семейств Болоньи; Лоренцо назначил его подестой Флоренции на 1488 год. Микеланджело никак не мог сосредоточиться на разговоре, его голова и желудок мутились. Но Альдовранди не спускал с него глаз.

- Его светлость весьма любезно показал мне твои рисунки и мраморную "Богоматерь с Младенцем". Я был взволнован.

- Благодарю вас.

- Я говорю это не ради пустых комплиментов. Дело в том, что я страстно люблю скульптуру и вырос подле великих творений Якопо делла Кверча.

- Ах, - воскликнул Альдовранди, - именно поэтому я просил Великолепного дать мне возможность побеседовать с тобой! Якопо делла Кверча не знает во Флоренции, хотя это один из величайших ваятелей, какие только жили в Италии. Он был драматургом в скульптуре, как Донателло был поэтом. Я надеюсь, что ты приедешь в Болонью и у меня будет случай познакомить тебя с его работами. Они могут оказать огромное влияние на тебя.

Микеланджело чуть было не сказал в ответ, что именно чьего-либо

влияния, да еще огромного, он хочет избежать в первую очередь, но, как оказалось впоследствии, слова Альдовранди были пророческими.

В течение нескольких дней после этого обеда Микеланджело не раз слышал, что Пьеро и Альфонсина упорно возражают против того, чтобы "плебею нахлебнику позволяли общаться на короткой ноге с дочерью Медичи", а мессер Пьеро да Баббиена послал уехавшему на воды Лоренцо записку, в которой содержалось глухое предупреждение: "Если относительно Контессины не будет предпринят известный шаг, то, возможно, вы пожалеете об этом".

Прошло еще два-три дня, и Микеланджело понял, что имел в виду Лоренцо, когда говорил, что он принял все нужные меры. Контессина была услана в деревню, на виллу Ридольфи.

12

Микеланджело получил известие от отца. Дома беспокоились о Лионардо, - был слух, что он лежит больной в монастыре Сан Марко.

- Не можешь ли ты воспользоваться своими связями с Медичи и проникнуть к Лионардо? - спросил Лодовико, когда Микеланджело явился домой.

- В монастырские покои не допускается ни один посторонний.

- Монастырь и церковь Сан Марко семейству Медичи не чужие, - заметила бабушка. - Ведь их выстроил Козимо, а Лоренцо поддерживает монастырь деньгами до сих пор.

Прошла неделя, и Микеланджело убедился, что все его просьбы насчет того, чтобы проникнуть в монастырь, не возымели никакого действия. Затем он узнал, что в ближайшее воскресенье в церкви Сан Марко будет читать проповедь Савонарола.

- На проповедь придут все монахи, - говорил Бертольдо приунывшему Микеланджело. - Там ты можешь увидеть и своего брата. Вы даже сумеете перемолвиться с ним. А ты нам потом расскажешь, что за человек этот Савонарола.

В церкви Сан Марко тем ранним утром была восхитительная прохлада. Микеланджело рассчитывал встать у боковой двери, ближе к монастырю, чтобы Лионардо, идя на проповедь, оказался с ним рядом, однако этот план сразу же рухнул. Еще до рассвета в церковь набилось немало монахов; все в черном, они стояли плотной толпой, молясь и напевая псалмы. Капюшоны у них были низко опущены и закрывали лица. Был ли среди молящихся его брат, Микеланджело не мог решить.

Несмотря на многолюдна, свободные места в церкви еще оставались. Когда всеобщий гул возвестил о появлении Савонарола, Микеланджело пробрался поближе к кафедре и сел на краешек деревянной скамьи.

Савонарола медленно ступал по лестнице, поднимаясь на кафедру; внешне он почти ничем не выделялся среди тех пятидесяти с лишним монахов, которые теснились в церкви. Капюшон доминиканца закутывал его голову и лицо, тонкую фигуру облегал сутана. Микеланджело успел разглядеть лишь кончик носа и темные, полузавешенные капюшоном глаза. Когда он начал проповедь, Микеланджело ясно почувствовал у него грубоватый северный выговор; в первые минуты голос его был спокоен, потом в нем зазвучали властные нотки; Савонарола излагал свой тезис о коррупции духовенства. Во дворце, когда там рьяно нападали на священников, Микеланджело не слышал и малой доли тех обвинений, которые предъявлял им теперь Савонарола: священники преследуют скорее политические, чем религиозные цели; родители отдают своих сыновей церкви по чисто корыстным соображениям; все священники карьеристы и соглашатели, они ищут лишь богатства и власти; на их совести и симония, и nepотизм, и лихоимство, и торговля мощами, и жадная погоня за бенефициями - "Грехи церкви переполнили мир!"

Все больше распаляясь, Савонарола откинул капюшон, и Микеланджело впервые увидел его лицо. Оно показалось ему таким же напряженным и резким, как и те слова, что с нарастающим жаром и стремительностью слетали со

странных, не похожих одна на другую губ Савонаролы: верхняя губа была у него тонкая, аскетическая, заставлявшая вспомнить о власянице, а нижняя – мясистая и чувственная, еще более чувственная, чем у Полициано. Его горящие черные глаза, обшаривая церковь вплоть до самых дальних углов, словно сыпали искры; худые, провалившиеся щеки с четко обозначенными выступами скул свидетельствовали о длительном посте; широкие, крупные ноздри большого горбатого носа трепетали и раздувались. Такое трагическое лицо не мог бы замыслить ни один художник, если бы он не был самым Савонаролой. Микеланджело любовался энергичной пластикой лица Савонаролы и невольно думал о том, что вот этот твердый, будто высеченный из темного мрамора подбородок монаха слепок из той же плоти, что и его чувственная, жирная нижняя губа, – его только отполировали корундом и пемзой.

Микеланджело оторвал взгляд от лица Савонаролы, чтобы внимательней вслушаться в речь, которая лилась, как поток расплавленной бронзы: голос проповедника наполнял церковь, отдавался в пустых капеллах и летел оттуда назад; заставив напрячься и покраснеть правое ухо, он уже стучался в левое.

– Я вижу, как гордыня и суета захлестывают Рим и оскверняют на своем пути все, что ни встретят, – Рим теперь стал размалеванной, тщеславной шлюхой! О Италия, о Рим, о Флоренция! Ваши мерзостные деяния, нечестивые помыслы, ваш блуд и жадное лихоимство несет нам несчастье и горе! Оставьте же роскошь и пустые забавы! Оставьте ваших любовниц и мальчиков! Истинно говорю вам: земля залита кровью, а духовенство коснеет в бездействии. Что им до господа, этим священникам, если ночи они проводят с распутными женщинами, а днем лишь сплетничают в своих ризницах! Сам алтарь уже обращен ныне в подобие торговой конторы. Вами правит корысть – даже святые таинства стали разменной монетой! Похоть сделала вас меднолобой блудницей. Если бы вы устыдились своих грехов, если бы священники обрели право назвать своих духовных чад братьями! Времени остается мало. Господь говорит: "Я обрушусь на ваше бесчестье и злобу, на ваших блудниц и на ваши чертоги".

Савонарола стыдил и бичевал жителей Флоренции, он говорил им, что именно Флоренция послужила прообразом города Дата, который описан у Данте:

И казнь второго круга тех терзает,
Кто лицемерит, льстит, берет таясь.
Волшбу, подлог, торг должностью церковной,
Мздоимцев, сведен и другую грязь.

Усилием воли Микеланджело стряхнул с себя оцепенение, вызванное речью Савонаролы, и огляделся вокруг: слушатели сидели, затаив дыхание, словно один человек.

– Гнев божий испытает на себе вся Италия. Ее города станут добычей неприятеля. Кровь рекой разольется по улицам. Убийство будет обычным делом. Заклинаю вас: раскайтесь, раскайтесь, раскайтесь!

Этот яростный возглас летел и эхом отдавался по всей церкви, а Савонарола тем временем вновь опустил капюшон, закрывая лицо, и несколько минут молча молился; потом он сошел с кафедры и покинул церковь. Микеланджело сидел глубоко потрясенный: он чувствовал одновременно восторг и болезненную усталость. Выбравшись на жаркое, сияющее солнце площади, он едено моргал глазами. Идти домой или во дворец ему не хотелось: какими словами рассказать там обо всем происшедшем сегодня? В конце концов он попросил кого-то из знакомых передать отцу, что увидеться с Лионардо ему не удалось.

Микеланджело уже почти успокоился после проповеди, как вдруг ему принесли письмо от Лионардо: брат просил его прийти в Сан Марко к вечерне. Монастырь был прекрасен и в сумерки: всюду заново подстриженная зеленая трава, изгороди из цветущих кустов, жасмин и крупные подсолнухи в тени арок, тишина и полная отрешенность от всего мира.

Лионардо показался брату таким же изнуренным и ужасающе бледным, как и Савонарола.

– Семейство беспокоится за твоё здоровье.

Лионардо еще глубже втянул голову в капюшон.

– Мое семейство – это семейство господа бога.

- Не будь ханжой, Лионардо.

Когда брат заговорил снова, Микеланджело почувствовал в его тоне какую-то теплоту.

- Я позвал тебя потому, что ты не заражен злом. Дворец не развратил тебя. Даже находясь среди Содома и Гоморры, ты не пустился в распутство, а жил как отшельник.

- Откуда ты это знаешь? - удивился Микеланджело.

- Мы знаем все, что происходит во Флоренции. - Лионардо сделал шаг вперед и поднял свои костлявые руки. - Фра Савонароле было видение. Все Медичи, весь их дворец, все бесстыдные, безбожные произведения искусства, какие только есть в этом дворце, - все должно быть уничтожено. Никому из семейства Медичи не избежать смерти, но ты можешь спастись, ибо душа твоя еще не погибла. Раскайся и покинь их, пока не поздно.

- Я слушал проповедь Савонаролы - он напал на духовенство, но Лоренцо он не трогал.

- Будет прочитано еще девятнадцать проповедей, начиная с праздника Всех Святых и кончая днем Епифания. И тогда Флоренция и дворец Медичи запылают в пламени.

Они стояли рядом друг с другом в душном проходе бокового придела. Микеланджело был так поражен словами брата, что не мог ничего ответить.

- Так ты хочешь спастись? - допрашивал его Лионардо.

- У нас с тобой совсем разные взгляды. Люди не могут быть одинаковы.

- Могут. Мир должен быть, как этот монастырь: здесь спасутся все души.

- Если моя душа спасется, то только благодаря скульптуре. Это моя вера, мое призвание. Ты говоришь, что я живу отшельником. А знаешь ли ты, что я живу отшельником из-за моей работы? Так разве может моя работа быть каким-то злом или грехом? И разве не сам господь бог определил мою участь, с тем чтобы мы оба - и ты и я - служили ему с равным рвением?

Лионардо впился своими горящими глазами в глаза Микеланджело. Затем он шагнул в сторону, отворил боковую дверь и стал подниматься вверх по лестнице.

"Пошел, наверное, в келью, расписанную кистью фра Анжелико", - с горечью сказал себе Микеланджело.

Он считал, что долг перед Лоренцо обязывает его пойти на проповедь в день Всех Святых. Церковь на этот раз была переполнена. Савонарола начал свою речь опять в спокойном, поучающем тоне, объясняя верующим таинства мессы и непреложность господнего слова. Те, кто слушал монаха впервые, были разочарованы. Но пока он лишь взбадривал себя, готовясь к наступлению; скоро он пустил в ход все свое искусство и стал говорить с неистовым жаром; звуки его могучего голоса словно хлестали толпу.

Он атаковал духовенство: "Нередко слышишь речение: "Благословен дом, где есть богатая паства". Но Придет время, когда скажут: "Горе этому дому!" Острие меча будет занесено над вашими головами. Печаль и невзгоды поразят вас в сердце. Этот город уже не назовут больше Флоренцией, его назовут логовом, где царят грабежи, разбой и позорное кровопролитие".

Он бичевал ростовщиков: "Вы повинны в жадности, вы подкупаете всех выборных лиц, вы расстраиваете управление. Никто не в силах убедить вас в том, что давать деньги в рост - тяжкий грех; напротив, вы смеетесь над теми людьми, которые не делают этого, и называете их глупцами".

Он глумился над нравами флорентинцев: "Глядя на вас, сознаешь, что сбьлись слова Исаяи: "О грехе своем они рассказывают открыто, как содомляне, не скрывают: горе душе их!" И вы оправдали слова Иеремии: "У тебя лоб блудницы, - ты отбросила стыд". Воистину вас устыдить невозможно!"

Он заявил: "Я было поклялся воздержаться от пророчеств, но голос в ночи сказал мне однажды: "Безумец, разве ты не видишь, что твои пророчества - воля всевышнего?" Вот почему я не могу, не имею права замолкнуть. И я говорю вам: знайте же, неслыханные времена близки, страшные беды вот-вот грянут!"

В церкви все усиливался шум и ропот. Многие женщины рыдали.

Микеланджело поднялся с места и через боковой неф стал пробиваться к выходу: гневный голос проповедника настигал его даже в дверях. Он пересек

площадь Сан Марко, вошел в Сады и укрылся под своим навесом: его всего трясло, будто в лихорадке. Он твердо решил: в церковь он больше не пойдет - какое ему дело до всех этих исступленных обличений разврата, лихоимства и жадности?

13

Контессина нашла его в библиотеке, где он, листая старинный манускрипт, срисовывал иллюстрации. Она только что вернулась из деревни, прожив там несколько недель. Лицо ее было пепельно-серым. Микеланджело вскочил со стула.

- Контессина, ты больна? Садись же, пожалуйста.

- Я должна тебе сказать... - Она опустилась на стул и протянула руки к холодному камину, будто стараясь согреться. - Контракт уже подписан.

- Контракт?

- Контракт о моем браке... с Пьеро Ридольфи. Я не хотела, чтобы ты узнал это, слушая дворцовые сплетни.

Помолчав мгновение, он жестоко сказал:

- Ты думаешь, это может меня поразить? Ведь всем известно, что Медичи выдают своих дочерей замуж лишь по политическому расчету: Мадалену за папского сына Франческетто Чибо, Лукрецию за Якопо Сальвиати...

- Я и не думала, что это поразит тебя, Микеланджело, в большей мере, чем поразило меня.

Он твердо и прямо взглянул ей в глаза, впервые за весь разговор.

- А тебя поразило?

- Нет, почему же? Ведь всем известно, что Медичи выдают своих дочерей замуж лишь по политическому расчету.

- Извини меня, Контессина. Мне было очень больно.

- Не беспокойся, Микеланджело, теперь все хорошо. - Она задумчиво улыбнулась. - Теперь я знаю тебя.

- Ну, а когда... свадьба?

- Не скоро. Я еще слишком молода. Я попросила год отсрочки.

- И все-таки теперь все меняется.

- Не для нас. Во дворце мы по-прежнему друзья.

После недолгой паузы Микеланджело спросил:

- А Пьеро Ридольфи - он не сделает тебя несчастной? Он любит тебя?

Взглянув на него, она потупилась.

- Мы не входили в такие подробности. Я сделаю то, что должна сделать. Но мои чувства останутся моими.

Она встала и подалась к нему всем телом. Он стоял, опустив голову, как зверь, застигнутый бурей. Когда он, наконец, поднял взгляд, он заметил, что на глазах ее блестели слезы. Он протянул руку и медленно, неловко стал сплетать свои пальцы с ее пальцами, пока они не переплелись совсем крепко. Потом она вышла, оставив за собой еле слышный запах мимозы; в горле у него была горячая сухость.

Невольно вспоминал теперь Микеланджело грозный, звенящий голос Савонаролы и его заклинания: все, о чем предупреждал брат Лионардо, сбывалось. Читая вторую свою проповедь о прегрешениях флорентинцев, Савонарола, в самой середине речи, вдруг обрушился на Лоренцо, объявив его величайшим злом Флоренции; он предсказывал скорый крах власти Медичи и более того - свержение римского папы.

Платоновская академия спешно собралась в кабинете Лоренцо. Микеланджело рассказал о тех двух проповедях Савонаролы, которые он слушал, потом о предостережениях Лионардо. Хотя Лоренцо вел в свое время не одну памятную битву против Ватикана, ссориться с папой Иннокентием Восьмым ему не хотелось: через несколько месяцев Джованни будет утвержден кардиналом и,

переехав в Рим, станет защищать там интересы дома. А сейчас папа вполне мог вообразить, что поскольку Савонарола вызван во Флоренцию по воле Лоренцо и проповедует в церкви, которой покровительствуют Медичи, то и на папскую власть он нападает с ведома и согласия Лоренцо.

- Это не плохо, что он выступил не только против папы, но и против меня, - говорил Лоренцо печально-равнодушным тоном.

- Надо заточить его в тюрьму - отозвался Полициано.

- Нет, по мы должны положить конец его пророчествам, - продолжал Лоренцо. - Пророчества чужды пашен религии и отнюдь не входят в его обязанности. Пико, тебе надо принять соответствующие меры.

Ущерб понесли в первую очередь Сады. Граначчи докладывал, что шаловливый Баччио вдруг впал в задумчивость, почти не разговаривал, потом начал исчезать, пропадая иногда на день или на два. С некоторых пор он дурно отзывался о Медичи, затем стал превозносить достоинства Савонаролы и расхваливать уединенную жизнь в монастыре. Наступил день, когда он сбежал к доминиканцам.

Проповеди Савонаролы в церкви Сан Марко привлекали теперь такие толпы людей, что в конце марта, на второе воскресенье великого поста, он выступил уже в Соборе. Там сошлось десять тысяч флорентинцев, но Собор был столь высок и огромен, что и такое множество прихожан будто терялось под его сводами. С тех пор как Микеланджело слушал Савонаролу и церкви Сан Марко, монах сильно изменился. От строгого поста и долгих молитв на коленях в монастырской келье он ослабел; чтобы подняться по лестнице на кафедру, он должен был напрячь все свои силы. Савонарола полностью принял теперь на себя роль Иисуса Христа.

- Неужели вы не видите воочию, что всевышний глаголет моими устами? Я семь глас господен на земле!

Молящихся охватывала холодная дрожь. Сам Савонарола впадал в такой же трепет, как и его поклонники.

Микеланджело явился в Собор незадолго до конца службы: ему хотелось увидеться с отцом и родственниками, встретить товарищей, сбежавших с работы в церкви Санта Кроче, чтобы послушать нового пророка. Он стоял в дверях и смотрел вверх, на хоры: там, по обе стороны алтаря, тянулись резные перила, украшенные Донателло и Лукой делла Роббиа: там резвились, пели, танцевали, смеялись, играли на музыкальных инструментах мраморные мальчики, истинные эллины в своей радости и любви к жизни, в своей телесной красоте и грации. Эти мраморные мальчики говорили Микеланджело: "Люди добры!" А внизу, с кафедры, гремел Савонарола: "Человечность есть зло!"

Кто же прав? Донателло и делла Роббиа? Или Савонарола?

Мрак, навеянный церковной проповедью, витал и над обеденным столом Буонарроти. Лукреция чуть не плакала.

- Ну прямо не человек, а чистый дьявол! Из-за него подгорела такая чудесная белая телятина. Лодовико, если ты опять захочешь идти слушать Савонаролу, то пусть это будет после обеда, а не до обеда.

Хотя религиозная смута встревожила всю Флоренцию, Микеланджело продолжал спокойно работать. В отличие от Савонаролы Микеланджело не мог убедить себя в том, что господь говорит его устами, но он чувствовал, что если бы бог увидел его работу, то он бы одобрил ее.

Он испытывал к Савонароле чувство ревнивого восхищения. Разве это не идеалист? И он, Микеланджело, разве он тоже не идеалист, если Рустичи говорит ему: "Ты как Савонарола: все время постишься, потому что не можешь заставить себя прервать работу, когда наступает полдень!"

Вспомнив это ядовитое замечание, Микеланджело скорчил гримасу. Разве он не чувствует в себе решимости безраздельно отдаться своему делу и преобразовать скульптуру, как некогда преобразовал ее Фидий, который в искусство древних египтян, боготворивших смерть, вдохнул эллинскую человечность? И разве он не готов, если это необходимо, к посту и молитве, к любому искусству, лишь бы у него достало сил хоть ползком приползти в эти Сады, в эту мастерскую?

И неужто не может господь возвестить слово своим чадам? Разве у него нет такого права? Нет такого могущества? Микеланджело верил в бога. Если бог сотворил землю и человека, почему же он не может создать пророка... или скульптора?

Синьория предложила Савонароле выступить перед нею в Большом зале своего дворца. Лоренцо, четверо платоников, все зависящие от Медичи важные должностные лица заявили о своем желании послушать монаха. Микеланджело сел на длинную скамью, заняв место между Контессиной и Джованни, и пристально посмотрел на Савонаролу. Тот стоял на возвышении, перед деревянным аналоем; позади него сидели члены городской управы.

Когда Савонарола в первый раз назвал Лоренцо де Медичи тираном, Микеланджело заметил, что на губах правителя мелькнула слабая улыбка. Сам Микеланджело в речь Савонаролы почти не вслушивался; глядя на огромные стены зала, покрытые белоснежной штукатуркой, он думал, какими великолепными фресками можно было бы их расписать.

Скоро Лоренцо уже перестал улыбаться: Савонарола шел в открытое наступление. Все дурное и хорошее, что только есть в этом городе, говорил он, зависит от правителя. Отсюда понятно, как велика ответственность этого человека. Если глава города стоит на верном пути, благословен и весь город. Но тираны неисправимы, ибо они объаты гордыней. Они передают все дела в руки дурных сановников. Они не внимают просьбе бедного, они не обличат и богатого. Они подкупают выборщиков и взваливают все более тяжкое бремя на плечи народа.

Теперь Микеланджело уже слушал гораздо внимательней: Савонарола обвинял Лоренцо в том, что он захватил Кассу Приданого – деньги, вносимые бедными жителями Флоренции в городскую казну с тем, чтобы их дочери всегда располагали приданым, без которого ни одна тосканская девушка не могла и мечтать о замужестве; Лоренцо, утверждал Савонарола, потратил эти деньги, скупая кошутственные манускрипты и произведения искусства; на эти же средства он устраивал омерзительные вакханалии, превращая тем самым народ Флоренции в добычу дьявола.

Темное лицо Лоренцо позеленело.

Но Савонарола высказал еще не все: он потребовал, чтобы Лоренцо, этот развратный тиран, был свергнут. Бесчестная Синьория, члены которой сидели позади Савонаролы, должна быть распущена. Судьи и все официальные лица должны подать в отставку. Должно быть создано совершенно новое правительство, действующее по совершенно новым и строгим законам, – оно сделает Флоренцию Божьим Городом.

Кто будет править Флоренцией? Кто будет устанавливать новые законы и следить за их исполнением?

Савонарола.

Так повелел господь.

14

Явившись в кабинет Лоренцо, Микеланджело застал там настоятеля монастыря Сан Галло фра Мариано. Этот проповедник-гуманист быстро терял теперь паству, переходившую к Савонароле. Микеланджело пододвинул свой стул к низенькому столику, положил на тарелку яблоко и молча стал вникать в беседу.

– Мы не будем опровергать клевету, которую Савонарола возводит лично на нас, – говорил Лоренцо. – Такие факты, как дело с Кассой Приданого, ясны каждому флорентинцу. Но пророчества Савонаролы о грядущих бедах вызывают в городе истерию, и она все усиливается. Фра Мариано, я полагаю, что именно вы дадите ответ Савонароле. Могу ли я предложить вам выступить с проповедью на тему седьмого стиха главы первой Деяний святых апостолов: "Он же сказал им: не ваше дело знать времена и сроки, которые Отец положил в Своей власти"?

Лицо фра Мариано просияло.

– Я коснусь в этой проповеди всей истории пророчеств и объясню, каким образом господь возвещал свое слово людям. Я докажу, что Савонароле не хватает лишь котла, над которым колдуют ведьмы...

- Не горячитесь, - сказал Лоренцо. - Ваша проповедь должна быть спокойной и неопровержимой. Вы должны привести такие факты и изложить их с такой убедительностью, чтобы разницу между откровением и колдовством увидели все.

Разговор далее пошел о том, какие материалы из Библии и других источников надо будет взять фра Мариано для проповеди. Микеланджело доел свое яблоко и потихоньку удалился.

Весь последующий месяц он работал в полном покое. Он почти отгородился от мира, мало спал, мало ел, упорно высекая из своего блока двадцать струдившихся в схватке фигур.

Дворцовая челядь оповестила верующих, что они должны явиться в день Вознесения в церковь Сан Галло, - фра Мариано произнесет там речь против Савонаролы. Придя к самому началу проповеди, Микеланджело увидел, что в церкви присутствуют почти все знатнейшие семьи Тосканы: тут были дворяне, богатые землевладельцы, купцы, ученые, путешественники из Европы и Англии, члены Синьории, судьи и юристы со всех четырех концов Флоренции.

Фра Мариано поднялся на кафедру; говорил он изысканно, как ученый, и начал свою проповедь, процитировав Козимо де Медичи: "Черные сутаны управлять государством не могут"; слова эти вызвали среди слушателей одобрительный смешок. Потом фра Мариано стал основательнейшим образом доказывать необходимость разделения церкви и государства, отметив, что в противном случае свобода человека окажется под угрозой.

Начало было вполне удачным. Лоренцо, сидя на своей скамье, блаженствовал. Прихожане внимательно слушали проповедника и были особенно довольны, когда он, переходя от одного логического довода к другому и постоянно ссылаясь на Писание, старался показать истинную роль церкви и ее место в духовной жизни народа.

Затем произошло что-то нелепое. Густо покраснев, фра Мариано вдруг вскинул руки вверх с тем же неистовством, с каким это делал Савонарола. Когда он впервые упомянул имя Джироламо Савонаролы, выплюнув это слово из уст, как что-то нечистое, голос его резко изменился. Все тщательно продуманные и взвешенные аргументы были отброшены прочь: награждая Савонаролу самыми бранными эпитетами, фра Мариано назвал его "коноводем всех смут и бесчинств".

Раздумывая над тем, что случилось, Микеланджело решил одно: фра Мариано проявил слабость и позволил возобладать своему чувству зависти к Савонароле, пожертвовав доводами благоразумия. Фра Мариано еще не закончил проповеди, как Лоренцо, прихрамывая, двинулся к выходу: вслед за ним шло все его семейство.

Впервые на памяти Микеланджело во дворце воцарился такой гнетущий мрак. Превозмогая острый приступ подагры, Лоренцо еле ковылял по залам. Потрясенный происшедшим, Полициано льнул к Лоренцо, будто ребенок, забыв все свои остроты и ученые рассуждения. Фичино и Ландино с горечью видели, что дело их жизни находится под ударом: Савонарола грозился сжечь во Флоренции все книги, кроме книг признанных церковных комментаторов. Хуже всех было положение Пико: он не только посоветовал в свое время пригласить Савонаролу во Флоренцию, но до сих пор разделял многие пункты его программы и по своей честности не мог скрыть этого от Лоренцо.

Лоренцо решил снова перейти в наступление и с этой целью пригласил в свой кабинет настоятеля монастыря Санто Спирито Бикьеллини. Микеланджело давно знал этого человека, познакомившись с ним во дворце на воскресных обедах; иногда он провожал настоятеля в церковь и срисовывал там прославленные фрески, в том числе изображение Иоанна Крестителя. Настоятель, энергичный мужчина лет пятидесяти, славился во Флоренции тем, что в отличие от всех остальных жителей города ходил по улицам в очках.

- Лица прохожих, когда все спешат, - сказал он однажды Микеланджело, - напоминают мне мелькающие страницы книги, которую листает ветер. Пользуясь этими могущественными линзами, я вижу и выражение лиц, и их характерные особенности.

Настоятель сидел теперь перед низеньким столиком, а Лоренцо спрашивал его, не может ли он выписать из Рима "самого блестящего проповедника-августинца) с тем, чтобы вправить мозги жителям Флоренции".

- Мне кажется, я знаю такого человека. Я сегодня же напишу в Рим.

Скоро Флоренции пришлось слушать августинского монаха, который, не

выходя из чисто богословских рамок, нападал на крайности учения Савонаролы и указывал на его опасность: люди шли в церковь Санто Спирито, вежливо ждали конца проповеди и уходили, на испытанье никаких чувств.

Микеланджело вновь укрылся в своей мастерской под навесом, стараясь не отрываться от работы, но дурные вести проникали и сюда. Так, например, Пико тщетно убеждал Лоренцо не подсылать шпионов к Савонароле и не надеяться подловить его на каком-нибудь "плотском грехе" - монах, по словам Пико, был слишком фанатичен и предан своему делу, чтобы поддаваться соблазнам. В результате шпионы Савонаролы выследили шпионов Лоренцо и разоблачили их. Фра Мариано изменил Лоренцо и на коленях ползал перед Савонаролой, вымаливая прощение. В Платоновскую академию на лекции явилась лишь горстка студентов. Флорентинские печатники отказывались что-либо печатать без одобрения Савонаролы. Сандро Боттичелли тоже перешел к Савонароле и публично объявил, что все его изображения обнаженных женщин непристойны, бесстыдны и безнравственны.

Микеланджело все еще в душе одобрял поход Савонаролы за реформу, ему только не нравилось, что монах нападает на Медичи и на искусство. Когда он пытался высказать свои взгляды и сомнения, Бертольдо гневался, а когда Микеланджело показал ему свой новый рельеф, он заявил, что Микеланджело совсем не проник в сущность темы.

- Твой рельеф чересчур беден и прост. Как будто ты и не изучал мою "Битву римлян" в Пизе. У тебя утрачена вся роскошь и богатство. Это, по-моему, явное влияние Савонаролы. Где тут кони, где развевающиеся одежды, мечи и копья? Что же ты, в конце концов, хочешь изображать?

- Людей, - пробормотал Микеланджело.

- Твоя вещь убога, ужасно убога. Если ты спрашиваешь мое мнение, я тебе скажу: этот мрамор надо выкинуть, как неудавшийся, и попросить Граначчи найти новую глыбу.

После этого разговора Бертольдо не заглядывал в убежище Микеланджело несколько дней. Зато пришел другой посетитель: брат Лионардо. Он был в плаще с капюшоном, щеки у него совсем провалились.

- Рад тебя видеть у себя в мастерской, Лионардо.

Стиснув зубы, Лионардо смотрел на "Битву кентавров".

- Я пришел по поводу твоей скульптуры. Мы хотим, чтобы ты подарил ее господу богу.

- Как я могу это сделать?

- Уничтожив ее. Вместе с картинами Боттичелли и другими непристойными произведениями искусства, которые добровольно сданы нашему духовному братству. Это будет первый костер, который зажжет Савонарола во имя очищения Флоренции.

Так Микеланджело выслушал уже второе предложение уничтожить свою работу.

- Ты считаешь, что этот рельеф непристойен?

- Он кощунствен. Перенеси его к нам в Сан Марко и брось в костер своими руками.

В голосе Лионардо звучало такое лихорадочное исступление, что Микеланджело еле сдерживал себя. Наконец он взял Лионардо за локоть, поразившись при этом, несмотря на весь свой гнев, как костлява и безжизненна рука брата, и задами вывел его по тропинке на улицу.

Микеланджело предполагал, что, затратив еще несколько недель, он хорошенько отполирует свое изваяние, добившись на фигурах игры света. Но теперь он решил по-иному: он попросил Граначчи помочь ему переправить мрамор во дворец сегодня же вечером. Граначчи раздобыл тачку, и Буджардини покатыл ее через площадь Сан Марко на Виа Ларга.

С помощью Буджардини и Граначчи Микеланджело перенес мрамор в гостиную Лоренцо. Лоренцо не видел рельефа уже целый месяц, с тех пор как фра Мариано выступал со своей проповедью. Морщась от боли и прихрамывая, с тяжелой тростью в руке, он вошел в гостиную: лицо у него было желтое, глаза потускнели. Увидев рельеф, он изумился. Опустившись в кресло, Лоренцо долго смотрел на скульптуру и не произносил ни слова: он разглядывал мрамор часть за частью, фигуру за фигурой, на щеках у него проступил румянец. Его большое, расслабленное тело, казалось, заново оживает. Микеланджело стоял рядом с Лоренцо и тоже вглядывался в изваяние. Наконец Лоренцо повернул голову и посмотрел Микеланджело в лицо, глаза у

него блестяли.

- Ты правильно сделал, что не стал полировать мрамор. Такая фактура, когда заметны следы резца, лучше передает анатомию.

- Ваша светлость, выходит, рельеф вам нравится?

- Что значит нравится? Я чувствую тут каждый мускул, каждый камень, каждую кость, - посмотри, как прижал ко лбу руку тот раненый юноша, что высечен внизу справа, - в другой руке у него камень, но кинуть его он уже явно не в силах. Нет, ничего подобного я еще не видал.

- Насчет этого мрамора уже было одно предложение.

- Что, нашелся покровитель? Кто-то хочет купить твою работу?

- Не совсем так. Мне предлагали ее пожертвовать. Брат Лионардо передал мне, что Савонарола хочет, чтобы я подарил этот мрамор господу, кинув его в их костер.

Наступила короткая, почти неуловимая пауза, после которой Лоренцо сказал:

- И что ты ответил?

- Я ответил, что распоряжаться этим мрамором я не вправе. Он принадлежит Лоренцо де Медичи.

- Но мрамор твой.

- Мой? И я могу даже отдать его Савонароле на костер?

- Если ты пожелаешь.

- Но предположим, ваша светлость, что я уже посвятил этот мрамор господу богу? Тому богу, который создал человека по своему образу и подобию, наделив его своей добротой, и силой, и величием? Савонарола твердит, что человек подл и низок. Но разве бог сотворил нас в гневе и ненависти?

Лоренцо вдруг поднялся с места и начал ходить по комнате, на этот раз почти не прихрамывая. Вошедший слуга накрыл маленький столик на две персоны.

- Садись и ешь и послушай, что я тебе скажу. Пожалуй, мне надо тоже закусить, хотя до сих пор у меня не было никакого аппетита. - Лоренцо потянулся к слегка поджаренной, хрустящей корочке хлеба. - Знай же, Микеланджело, что разрушительные силы всегда идут по пятам созидания. Каждая эпоха дает свой чудеснейший цветок - искусство, но наступает новое время, и, глядишь, этот цветок уже вырван из почвы, сломан, сожжен. Порой, как ты можешь убедиться на примере нашей Флоренции, его ломают и жгут твои бывшие друзья, соседи, которые еще вчера делили с тобой все заботы. Савонарола выступает не только против светского искусства и не только против "непристойности", он хочет уничтожить всякую живопись и скульптуру, если она чужда его воззрениям: он уничтожит фрески Мазаччо, Филиппе Липпи и Беноччо Гоццолли, которые находятся в нашей дворцовой часовне, уничтожит произведения Гирландайо, все греческие и римские статуи, большую часть флорентийских мраморов.

Уцелеет очень немного - может быть, одни лишь ангелы фра Анжелико, украшающие кельи в Сан Марко. Если Савонарола возьмет власть в свои руки и укрепитя, Флоренция будет обесчещена и опустошена, как были обесчещены и опустошены Афины, когда их захватила Спарта. Флорентинцы - народ, легко поддающийся настроению; если они пойдут за Савонаролой до конца, то все, что накопила Флоренция с тех пор, как мой дед объявил конкурс на двери Баптистерия, - все это будет превращено в пепел. Флоренцию снова окутает глубокий мрак.

Потрясенный словами Лоренцо, Микеланджело воскликнул:

- Как я ошибался, когда думал, что Савонарола хочет изгнать из жизни Флоренции одно лишь злое. Нет, он уничтожит и все доброе. Я как скульптор буду превращен в раба, мне отрубят обе руки.

- Когда кто-то теряет свободу, других это не беспокоит, - печально сказал в ответ Лоренцо. Он отодвинул от себя тарелку. - Я хочу пригласить тебя пройтись со мной. Надо тебе кое-что показать.

С тыльной стороны дворца, миновав небольшую, замкнутую с четырех сторон площадь, они подошли к родовой церкви Медичи - Сан Лоренцо. Здесь подле бронзовой кафедры, отлитой Бертольдо по проекту Донателло, был погребен Козимо, дед Лоренцо; в Старой сакристии, построенной Брунеллески, стоял саркофаг с останками родителей Козимо, Джованни ди Биччи и его жены; тут же помещался порфиновый саркофаг Пьеро Подагрика, отца Лоренцо, - саркофаг

был работы Верроккио. Но главный фасад церкви оставался пустым и неотделанным, - неровный, землистого цвета кирпич стены будто ждал руки мастера.

- Микеланджело, это последний труд, который я намерен предпринять ради моего семейства, - покрыть фасад мрамором и поставить в нишах двадцать скульптурных фигур.

- Двадцать фигур! Ровно столько же, сколько украшают фасад Собора.

- Для тебя это не слишком много. Сделаешь фигуры в полный рост, в духе твоей "Битвы кентавров". Мы должны создать нечто такое, чему радовалась бы вся Италия.

Микеланджело не знал, от чего у него что-то дрогнуло под сердцем - от счастья или от страха.

- Лоренцо, я обещаю вам, я сделаю это! - порывисто ответил он. - Но мне потребуется время. Еще так многому надо учиться... Ведь я пока не высек ни одной круглой скульптуры.

Придя к себе в комнату, Микеланджело увидел, что Бертольдо закутался в одеяло и сидит, скорчившись, над горящим жаровней, - глаза у него были красные, лицо мучнисто-белое.

- Вам не по себе, Бертольдо?

- Да, не по себе. Потому что я глупый, нелепый и слепой старик, которому давно пора убираться со света.

- Что же вас так огорчает, маэстро? - полушутливо спросил Микеланджело, стараясь развеселить Бертольдо.

- Твои мрамор в гостиной у Лоренцо. Когда я увидел его там, я с ужасом вспомнил, какую чушь я говорил о нем раньше. Я был неправ, глубоко неправ. Я подходил к нему как к вещи, отлитой из бронзы, а ведь твой рельеф - это именно мрамор, и перевести его в бронзу - только испортить. Ты должен простить меня, Микеланджело!

- Дайте-ка я уложу вас и постель.

Он укрыл старика пуховым одеялом и побежал вниз на кухню, чтобы согреть на углях кувшин вина. Прижимая к губам Бертольдо серебряный кубок, он говорил ему в утешение:

- Бертольдо, если "Битва кентавров" хороша, то это только потому, что вы научили меня хорошо работать по мрамору. Ну а если она мало чем напоминает бронзу, то ведь вы сами внушали мне, что твердый камень и текучий металл - совсем не одно и то же. Так что не волнуйтесь и будьте довольны. Завтра мы начнем новую вещь, и вы станете учить меня дальше.

- Да, завтра, - вздохнул Бертольдо. Глаза его закрылись, потом он быстро открыл их и сказал: - А ты уверен, что будет еще и завтра?

Он снова закрыл глаза и стал засыпать.

Через минуту дыхание его резко изменилось. Бертольдо дышал теперь тяжело, с огромным усилием. Микеланджело пошел будить мессера Пьеро, тот сейчас же послал слугу за личным врачом Лоренцо.

Всю ночь Микеланджело держал Бертольдо на руках, стараясь облегчить ему дыхание. Доктор признался, что предложить какие-либо меры для спасения больного он не в силах. С первыми лучами рассвета Бертольдо открыл глаза, посмотрел на Микеланджело, на доктора, на мессера Пьеро и, поняв, в каком он состоянии, прошептал:

- ...отвезите меня в Поджо... там так красиво...

Когда явился грум и объявил, что карета готова, Микеланджело поднял закутанного в одеяло Бертольдо на руки и держал его на коленях всю дорогу. Карета катилась в направлении Пистойи, на самую изысканную из вилл Медичи, в прошлом принадлежавшую родственникам Микеланджело Ручеллаи; позднее Джулиане да Сангалло еще пышнее украсил виллу, возведя великолепные галереи. В пути непрерывно хлестал дождь, но когда Бертольдо перенесли в его любимую комнату и уложили на высокую кровать, в окнах засияло солнце, осветив расстилавшуюся внизу реку Омбронне и буйную зелень тосканского пейзажа. Желая утешить своего старого друга, прискакал Лоренцо; вместе с ним приехал маэстро Стефано да Прато и привез для больного новые лекарства.

Бертольдо скончался поздним вечером на второй день. После того как священник соборовал его, он, чуть улыбаясь, произнес свои последние слова, будто желая покинуть этот мир не как ваятель, а как остроумец.

- Микеланджело... ты мой наследник... как я был наследником Донателло.

- Да. Вертольдо. Я горжусь этим.
- Я хочу передать тебе все свое состояние...
- Если такова ваша воля, Вертольдо.
- Оно сделает тебя... богатым... знаменитым. Это моя поваренная книга.
- Я буду хранить ее как сокровище.

Вертольдо вновь слегка улыбнулся, словно бы он по секрету шепнул Микеланджело что-то шутливое, и закрыл глаза уже навсегда. Микеланджело молча простился с ним и вышел. Он потерял своего учителя. Другого учителя у него уже не будет.

15

Беспорядок в Садах был теперь ужасный. Всякая работа прекратилась. Граначчи оставил свои почти уже законченные декорации для карнавала и целыми днями хлопотал и метался, нанимая натурщиков, изыскивая мраморные блоки, добываясь мелких заказов на какой-нибудь саркофаг или изваяние богородицы.

Заглянув как-то в конце дня к нему в мастерскую, Микеланджело сказал:

- И к чему ты стараешься, Граначчи? Все равно нам здесь больше не учиться.

- Перестань болтать. Нам надо лишь найти нового учителя. Лоренцо сказал вчера, что я должен ехать в Сиену и поискать там такого человека.

Со скучающим видом зашли в мастерскую Сансовино и Рустичи.

- Микеланджело прав, - сказал Сансовино. - Я хочу воспользоваться приглашением португальского короля и уехать в Португалию.

- Мы уже выучились здесь всему, чему могли, - поддержал его Рустичи.

- А я никогда и не собирался рубить этот камень, - говорил Буджардини.

- Для такой работы у меня чересчур мягкая натура: я люблю кисть и краски. Пойду к Гирландайо и попрошусь, чтобы он взял меня к себе снова.

Граначчи в упор посмотрел на Микеланджело:

- Ну, а ты? Может быть, ты тоже уходишь?

- Куда же мне уходить?

Граначчи запер мастерскую, юноши разбрелись по своим делам. Провожая Граначчи, Микеланджело зашел к себе домой: надо было сообщить родным о смерти учителя. Поваренная книга растрогала Лукрецию почти до слез; некоторые рецепты она даже зачитывала вслух. Лодовико отнесся к кончине Вертольдо равнодушно.

- Микеланджело, эта твоя новая скульптура - она окончена?

- Вроде бы окончена.

- А Великолепный, он ее видел?

- Да. Я перевез скульптуру к нему.

- И она ему понравилась?

- Да.

- Что ты долбишь, как дятел: "Да! Да!" Может быть, он изъявил свое удовольствие, одобрение?

- Да, отец, изъявил.

- Тогда где же деньги?

- Какие деньги?

- А пятьдесят флоринов.

- Отец, вы просто...

- Не увиливай, Микеланджело! Когда ты кончил "Богородицу с Младенцем", разве Великолепный не дал тебе пятьдесят флоринов? Выкладывай свои деньги.

- Да никаких денег у меня нет.

- Нет денег? Это за целый-то год работы? Ведь у тебя на эти деньги все права.

- У меня нет никаких прав, отец; что мне раньше давали, то просто давали.

- Великолепный заплатил тебе за одну скульптуру и не заплатил за

другую. - Лодовико повысил голос: - Это значит, что она ему не понравилась.

- Это может значить и то, что он болен, обеспокоен множеством дел...

- Выходит, еще есть надежда, что он тебе заплатит?

- Не имею представления.

- Ты должен напомнить ему.

Микеланджело горестно покачал головой; когда он в задумчивости шагнул во дворец, на улицах было холодно и сыро.

Художник без творческих замыслов в голове - все равно что нищий: бесплодно слоняется он, чего-то ожидая и вымаливая у каждого часа. Впервые за семь лет, с тех пор как Микеланджело начал учиться в школе Урбино, у него исчезло желание рисовать. О том, что на свете существует мрамор, он старался вообще не думать. Сломанный нос, совсем не беспокоивший его последние месяцы, вдруг начал болеть: одна ноздря плотно закрылась, дышать было трудно. Снова Микеланджело с горечью сознавал, как он безобразен.

В Садах теперь стало необыкновенно тихо. Строительство библиотеки Лоренцо велел приостановить. Каменотесы ушли; замер размеренный стук их молотков, долго служивший Микеланджело таким естественным аккомпанементом, когда он трудился у себя под навесом. Назревали перемены, они будто носились в воздухе. Ученые-платоники бывали теперь в городе и читали лекции очень редко. По вечерам в кабинете Лоренцо они больше уже не собирались. Лоренцо решил уехать на виллу и основательно полечиться, оставив на полгода и дворец, и все свои обязанности. В деревне он рассчитывал не только покончить со своей подагрой, но и обдумать план неминуемой схватки с Савонаролой. Это будет борьба не на жизнь, а на смерть, говорил Лоренцо, и ему надо отдохнуть и набраться сил, чтобы действовать потом со всей энергией. Для предстоявшей битвы в руках Лоренцо было могущественное оружие: богатство, мощь, власть над местной администрацией, договоры с городами-государствами Италии и чужеземными державами, надежные друзья из царствующих династий соседних стран. А все земное достояние Савонаролы сводилось к потрепанному плащу, который был у него на плечах. Но Савонарола вел жизнь святого; одержимый своей идеей, он был непоколебим и неподкупен; блестящий проповедник, он уже добился серьезных реформ в быте тосканского духовенства и сильно повлиял на психологию тех богатых флорентинцев, которые, встав на его сторону, ратовали за строгую жизнь и осуждали потворство изнеженной плоти. Казалось, все это давало Савонароле шансы взять верх.

Стремясь навести порядок в делах, Лоренцо не забыл принять меры к тому, чтобы наконец возвести Джованни в сан кардинала; Лоренцо опасался, что папа Иннокентий Восьмой, глубокий старец, может умереть, не выполнив своего обещания, а его преемник на троне, как эта уже было с его предшественниками, может занять по отношению к Медичи враждебную позицию и не дать согласия на то, чтобы шестнадцатилетний юнец был допущен в круг высших лиц, правящих церковью. Лоренцо понимал также, что успешный исход дела с кардинальством Джованни будет стратегической победой и в борьбе с флорентинцами.

Зная, что Лоренцо собирается уехать в Кареджи, Микеланджело был весьма озабочен: он видел, что Лоренцо мало-помалу уже передает все важнейшие дела управления в руки Пьеро. Как-то сложится его жизнь, если Пьеро станет полным хозяином во дворце? Ведь Пьеро без церемоний может и выставить его отсюда. Ибо теперь, когда работа в Садах фактически прекратилась, положение Микеланджело во дворце стало еще более неопределенным.

Относительно каких-либо денег в связи с окончанием "Битвы кентавров" никто не говорил ни слова, поэтому Микеланджело даже не навещал пока своих домашних. Те три флорина на карманные расходы, которые Микеланджело обычно находил у себя на умывальном столике, тоже больше не появлялись. Микеланджело не нуждался в деньгах, но такая перемена встревожила его. Кто распорядился не выдавать ему денег? Лоренцо? Или, может быть, мессер Пьеро да Библиена, полагая, что нет никакой необходимости платить ученику, поскольку Сады бездействуют? Или это приказал Пьеро?

Томась такими мыслями, Микеланджело все чаще искал общества Контессины и часами беседовал с нею; среди разговора он нередко доставал с полки "Божественную комедию" и вслух зачитывал из нее особо нравившиеся ему места - читал он и отрывок из одиннадцатой песни Ада:

Искусство смертных следует природе,
Как ученик ее, за пядью пядь:
Оно есть божий внук, в известном роде.

Им и природой, как ты должен знать
Из книги Бытия, господне слово
Велело людям жить и процветать.

Когда-то платоники уговаривали Микеланджело писать сонеты и, приобщая его к поэзии, читали ему много своих стихов; чтобы выразить мысль в литературной форме, твердили они, нет ничего выше сонета. Но, весь отдавшись рисованию, лепке и ваянию, Микеланджело до сих пор не искал никаких новых средств выражения чувств. И только теперь, глубоко одинокий и растерянный, он начал набрасывать свои первые спотыкающиеся строки, обращенные... к Контессине...

Меня влечет прекрасное лицо -
И больше в мире нет мне наслаждений...

И еще:

Столь тонкую, столь редкостную душу
Лишь я постиг, лишь мой увидел дух...

Он рвал наброски, считая их напыщенными и незрелыми. Он бродил по тропинкам опустевших Садов, заглядывал в павильон - Пьеро распорядился убрать оттуда и перенести во дворец все камеи, все изделия из слоновой кости и папки с рисунками. Микеланджело тосковал по работе, но чувствовал себя опустошенным и не знал, за что взяться. Он сидел за рисовальным столиком у себя под навесом и слушал, как жужжат среди разросшихся диких цветов осы: его охватывала грусть, ощущение полного одиночества.

Наконец его вызвал к себе Лоренцо.

- Не можешь ли ты поехать с нами во Фьезоле? Мы будем ночевать на вилле. Завтра утром в Бадии Фьезолане Джованни примет сан кардинала. Тебе будет бесполезно присутствовать на этой церемонии. Потом, а Риме, Джованни, может быть, вспомнит об этом.

Микеланджело поехал во Фьезоле в одной карете с Контессиной, Джулиано и няней. В Бадии, на полпути к горам, Контессина велела остановить карету: ей хотелось осмотреть церковь Сан Доменико, в которой завтра она, как женщина, присутствовать на церемонии посвящения брата уже не могла.

Маленькую церковь Сан Доменико Микеланджело знал очень хорошо: он не раз бывал в ней, заходя по пути во Фьезоле и каменоломни Майано. Фасад церкви, построенный в 1050 году, носил чисто романский характер, но внутри ее все было переделано в стиле Брунеллески; стены, колонны, окна, алтари - вся работа по камню была мастерски исполнена чудесными фьезоланскими и сетиньянскими резчиками, включая друзей Микеланджело - Тополино. Когда Микеланджело восторженно заговорил об этом, Контессина, смеясь, заметила:

- Ты просто еретик, Микеланджело. Ведь, по-твоему, ценность церкви сводится только к тем произведениям искусства, которые ее украшают.

- А разве это не так?

Его разбудили за два часа до рассвета. Одевшись, он присоединился к процессии, шествовавшей вниз к Бадии, где Джованни провел всю ночь за молитвой. У Микеланджело упало сердце: он увидел, что Лоренцо несут на носилках.

В церкви мерцали сотни горящих свеч. Стены были украшены эмблемами всех предков Джованни Медичи. Микеланджело стоял в дверях, глядя, как над долиной Муньоне занимается заря. С первыми лучами рассвета, важно кивнув Микеланджело, в церковь вошел Пико делла Мирандола, вслед за ним шагал старшин нотариус Флоренции. Джованни опустился перед алтарем на колени и принял причастие. Отслужили литургию, священник благословил знаки нового сана Джованни: мантию и широкополую шляпу с длинной кисточкой. Было зачитано панское послание, утверждающее посвящение, после чего каноник Боссо надел на палец Джованни сапфировое кольцо - эмблему небесного

происхождения церкви.

Из Бадии во Флоренцию Микеланджело пошел пешком. С высоты холмов в лучах весеннего утра красные кровли города, сливаясь друг с другом, напоминали собой яркий цветной ковер. На Муньонском мосту ему встретилась целая процессия жителей Флоренции; впереди шли наиболее знатные горожане, часть которых Микеланджело знал по воскресным обедам во дворце, за ними двигался простой народ, а за простым народом – духовенство. Микеланджело подумал было, что трудные дни Лоренцо уже миновали: среди шедших священников было немало таких, которые клялись в верности Савонароле. Празднично одетая толпа с песнями и веселыми возгласами направлялась в Бадию, чтобы принять благословение нового кардинала – Джованни де Медичи.

Во дворце в тот вечер снова звучали музыка и песни, были танцы и представления. Веселились флорентинцы: Медичи выставили им множество угощения и немало вина, щедрые суммы были отпущены на всякие развлечения и зрелища.

С отъездом кардинала во дворец вновь стало тихо и мрачно. Лоренцо объявил, что он отправляется в Кареджи. В его отсутствие всеми делами будет ведать Пьеро.

16

Прошло уже две недели с того дня, как уехал Лоренцо. Сидя у себя в комнате, Микеланджело услышал однажды тревожные голоса за дверями. Оказалось, что в купол Собора ударила молния и сбила фонарь, упавшим в сторону дворца Медичи. Сотни флорентинцев выбегали на улицы и смотрели на разбитый фонарь, затем они отворачивались и с похоронным видом шли ко дворцу. Савонарола не упустил случая и на следующее же утро выступил с проповедью, предвещая городу всякие беды: нашествие врагов, землетрясение, пожары и наводнения. Судорожно сжимая руку Граначчи, Микеланджело стоял в плотной толпе слушателей.

В тот день, уже вечером, Микеланджело узнал и другое: прискакал глум, посланец секретаря Лоренцо, и сказал, что состояние здоровья правителя отнюдь не улучшилось, более того, ему стало совсем плохо. В Кареджи направили еще одного врача – Лаццаро из Павии, тот прописал Лоренцо порошок из толченого алмаза и жемчуга. Это, как считали, всемогущее средство оказалось на сей раз бесполезным. Лоренцо вызвал к себе Пико и Полициано, чтобы они помогли ему одолеть боль, читая вслух его любимые книги.

Охваченный мрачными предчувствиями, Микеланджело весь остаток ночи ходил взад и вперед по коридорам дворца. Пьеро уехал в Кареджи, взяв с собой Контессину и Джулиано. На рассвете Микеланджело бросился на конюшню, оседлал лошадь и поскакал на виллу Лоренцо: вилла находилась за шесть верст от города, в предгорье, – великолепным дом с высокой башней, голубятней и обширными садами и огородами, которые тянулись по склону холма к долине.

Микеланджело подъехал к стенам усадьбы с самой глухой стороны и, проникнув в ворота, оказался на дворе. Из кухни доносился плач. Микеланджело тихо поднялся по широкой лестнице, не желая, чтобы его заметили. Вверху, на лестничной площадке, он шагнул налево, постоял минуту, все еще не решаясь войти в спальню Лоренцо, потом медленно повернул шарообразную ручку двери.

Спальня представляла собой просторную комнату с высоким потолком, по обе стороны двери спускались тяжелые занавеси – они задерживали жар камина, в котором горели поленья. Микеланджело увидел Лоренцо: тот лежал на кровати, под головой у него было множество подушек. Доктор Пьер Леони пускал из руки больного кровь. В ногах Лоренцо сидел Полициано, слезы текли по его лицу. Пико тихим голосом читал свое сочинение "Бытие и личность". Микеланджело укрывшись у двери за портьерой и смотрел, как

духовник, стоявший у изголовья, сделал знак врачу и всем остальным отойти от кровати. Он исповедовал Лоренцо и дал ему отпущение грехов.

Микеланджело стоял за портьерой, не шевелясь. Пико и Полициано вновь подошли к Лоренцо. Тот слабым голосом попросил, чтобы позвали из библиотеки Пьеро. Вошел слуга и стал с ложки поить Лоренцо горячим бульоном.

Полициано спросил:

- Радует ли тебя земная пища, Лоренцо Великолепный?

На измученном лице Лоренцо Микеланджело уловил тень улыбки.

- Как любого умирающего, - ответил он беззаботно. - Мне надо набраться сил, чтобы прочитать лекцию сыну.

Смирненно склонив перед лицом смерти голову, в спальню вошел Пьеро. Все слуги тотчас вышли. Лоренцо начал говорить:

- Пьеро, сын мой, ты будешь располагать в государстве такой же властью, какой располагал я. Но ты должен помнить, что Флоренция - республика и что в ней множество умов. У тебя не будет возможности вести себя так, чтобы угодить всем одновременно. Строго придержишься того пути, который диктует честность. Учитывай в первую очередь интересы всех людей, а не выгоды и довольство какой-то части. Если ты будешь поступать таким образом, ты защитишь и Флоренцию и Медичи.

Пьеро поцеловал Лоренцо в лоб. Лоренцо перевел взгляд на Пико и Полициано, те сразу же приблизились к нему.

- Пико, я сожалею лишь о том, что был не в состоянии достроить нашу библиотеку в Садах: ведь я хотел поставить во главе ее тебя.

В прихожей послышались чьи-то торопливые шаги. В дверях появился Савонарола - он прошмыгнул мимо изумленного Микеланджело так близко, что его можно было схватить за руку. Секунда - и Савонарола был уже у кровати Лоренцо. Чтобы умирающий увидел его лицо, монах резко откинул свой капюшон. Все, кто стоял подле кровати, отошли в сторону.

- Ты звал меня, Лоренцо де Медичи?

- Звал, фра Савонарола.

- Чем могу служить тебе?

- Я хочу умереть в мире со всеми.

- Тогда я заклинаю тебя быть твердым в вере.

- Я всегда был тверд в вере.

- Если ты будешь жив, я заклинаю тебя исправить все свои прегрешения.

- Обещаю тебе это, отец.

- И наконец, призываю тебя, если это будет надо, мужественно встретить смерть.

- Ничто не доставит мне большего удовольствия, - слабым голосом ответил Лоренцо.

Савонарола сделал поклон, повернулся и пошел к двери. Приподнявшись на подушках, Лоренцо хрипло сказал:

- Благослови меня, отец, пока ты не ушел.

Савонарола вернулся, склонился и начал читать отходную. Лицо Лоренцо приняло набожное выражение, он повторял вслед за монахом слова молитвы, от стиха к стиху. Убитые горем Полициано и Пико стояли словно в оцепенении. Савонарола опустил свой капюшон, благословил Лоренцо и вышел.

Лоренцо лежал неподвижно, собираясь с силами, затем велел позвать слуг. Когда они встали вокруг кровати, он попрощался с ними, прося извинить, если он в прошлом кого-то обидел.

Микеланджело дрожал, едва сдерживая себя, чтобы не откинуть тяжелый занавес и не броситься к Лоренцо. Ему хотелось стать перед ним на колени и крикнуть: "Я тоже любил вас! Проститесь и со мною!" Но Микеланджело явился сюда самочинно. Он был здесь незваным, о его присутствии никто здесь не знал. Он зарылся лицом в жесткую изнанку бархатного занавеса; дыхание Лоренцо тем временем уже пресекалось.

Доктор Леони склонился над Лоренцо, закрыл ему глаза и накиннул на лицо простыню.

Микеланджело вышел через полуоткрытую дверь, сбежал вниз по лестнице и скрылся на огороде. Он чувствовал, что сердце его вот-вот разорвется. Странно, что люди думают, будто легко заплакать. Слезы жгли ему глаза откуда-то изнутри, и он, как слепой, спотыкался, шагая через грядки и борозды.

Лоренцо умер! В это нельзя было поверить. Нет, недаром его имя было Великолепный! Как мог погибнуть, уйти навсегда этот великий дух, великий разум и талант, столь живой и сильный всего несколько месяцев назад? Зачем он позвал Савонаролу, своего смертельного врага? Чтобы тот увидел и возрадовался тому, что все его угрозы и пророчества сбываются! Вся Флоренция скажет теперь, что Савонарола победил Лоренцо и что сам бог захотел, чтобы это произошло столь просто и быстро.

Он сидел где-то в углу на огородах; мира для него не существовало. Лоренцо лежал в своей комнате мертвый: исчез великий друг Микеланджело, тот человек, который по своей преданности и сердечному вниманию заменял ему в сущности родного отца, Лодовико Буонарроти.

Он встал и, шатаясь, побрел к дому. В горле у него давило и жгло. Вот уже и широкий двор виллы. Дойдя до колодца, Микеланджело спустил на веревке ведро и заглянул вниз, желая убедиться, наполнилось ли ведро водой.

В колодце, лицом вверх, плавал утопленник. Цепенея от ужаса, Микеланджело взгляделся во влажную темень. Через минуту он уже знал, кто был этот утопленник. Доктор Пьер Леони. Он покончил с собой.

С глухим воплем Микеланджело отпрянул от колодца и бросился бежать; он бежал до тех пор, пока не выбился из сил и не упал. И только теперь из глаз хлынули слезы; жгучие, мучительные, они текли на тосканскую землю и смешивались с нею.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ПОБЕГ

1

Снова он спал теперь на одной кровати с Буонаррото. Завернутые в мягкую шерстяную ткань, под кроватью хранились два мраморных рельефа. Рельефы принадлежали ему - ведь так сказал Лоренцо. Уж конечно, думал Микеланджело, криво улыбаясь, взять их во дворец Пьеро не захочет. После двух лет жизни в просторной, комфортабельной комнате, откуда в любое время можно было выйти и спокойно разгуливать по всему дворцу, приспособиться к этой тесной каморке, где, кроме него, жили еще три брата, оказалось не просто.

- Почему ты не идешь во дворец, чтобы работать на Пьеро де Медичи? - спрашивал отец.

- Меня не хотят там видеть.

- Но ведь Пьеро ни разу не сказал напрямик, что ты ему не нужен.

- Напрямик Пьеро никогда не говорит.

Лодовико провел обеими руками по своей пышной шевелюре.

- Забудь свою гордость, Микеланджело, - это для тебя непосильная роскошь. В кошельке-то у тебя пусто.

- Кроме гордости, у меня сейчас ничего не осталось, - тихо отвечал Микеланджело.

Истошив свое терпение, Лодовико отступился.

Микеланджело не рисовал уже целых три месяца - такого перерыва в работе он еще не помнил. Безделье сделало его раздражительным. Лодовико тоже был не в духе, хотя и по другой причине: Джовансимоне, которому исполнилось тринадцать лет, где-то сильно набедокурил, и у пария были неприятности с Синьорией. Когда наступили знойные июльские дни, а Микеланджело

по-прежнему хандрил и бездельничал, Лодовико возмутился:

- Никогда я не думал, Микеланджело, что ты просто лентяй. Я не позволю тебе больше слоняться по дому как неприкаянному. Я уже говорил с дядей Франческо: он устроит тебя в цех менял. С твоей образованностью, после двух лет учения у тех профессоров...

Вспомнив, как ученые-платоники, усевшись вокруг низкого стола в кабинете Лоренцо, вели споры об иудейских корнях христианства, Микеланджело печально улыбнулся.

- Извлекать прибыли они меня не учили.

- ...и когда-нибудь ты вступишь в компанию с Буонаррото. Из него, надо думать, выйдет хитрый делец. У вас будет капитал!

Он шел вверх по Арно, на поросший ивами берег. Искушавшись в мутной реке и освежив накаленную зноем голову, он мучительно думал: "Что же мне теперь делать? На что решиться?" Он мог жить и работать у Тополино. Он уже и ходил к ним несколько раз, молчаливо усаживался во дворе и принимался за работу, обтесывая строительный камень, но то было временное облегчение, к не выход. Неужели же ему бродить по тосканской земле, от дворца к дворцу, от церкви к церкви, от селения к селению, и кричать, подобно точильщику ножей: "Высекаю мраморные статуи! Эй, кому мраморные статуи!"?

В отличие от платоников он не получил в свое распоряжение ни виллы, ни каких-либо средств для продолжения работы. Лоренцо просил Лодовико уступить ему сына, но он не сделал Микеланджело членом своего семейства. Лоренцо, по сути, приказал Микеланджело украсить фасад незавершенной церкви Медичи двадцатью мраморными изваяниями, но он даже не заготовил для этого материалов.

Микеланджело натянул на влажное тело рубашку; подолгу валяясь на ручном берегу, он загорел сейчас не хуже каменотесов Майано. Дома его ожидал Граначчи. Вскоре после похорон Лоренцо Граначчи и Буджардини вновь перешли в боттегу Гирландайо.

- Salve, Граначчи. Как идут дела у Гирландайо?

- Salve, Микеланджело. Дела в мастерской идут чудесно. Заказ на две фрески для монастыря Сан Джусто в Вольтерре, заказ на "Поклонение" для церкви в Каstellо. Гирландайо желает тебя видеть.

В мастерской были точно те же запахи, какие ему помнились по прежним временам: запах только что истолченного угля, запах красок и извести. Буджардини радостно прижал Микеланджело к груди. Тедеско хлопал его по плечу. Чьеко и Бальдинелли, вскочив со своих мест, справлялись о его здоровье. Майнард горячо расцеловал его в обе щеки. Давид и Бенедетто жали ему руки. Доменико Гирландайо сидел за своим тщательно прибранным столом на возвышении и с теплой улыбкой смотрел на всю суматоху. Глядя на своего старого учителя, Микеланджело думал, как много изменилось в жизни за четыре года, прошедшие с того дня, когда он впервые вошел в мастерскую.

- Может, ты все-таки снова поступишь к нам и завершишь свое ученичество? - спросил Гирландайо. - Я буду платить тебе двойную плату по договору. А если тебе покажется мало, мы потом поговорим об этом, как друзья.

Микеланджело стоял будто онемелый.

- У нас теперь, как ты видишь, полно заказов. И не надо мне говорить, что фреска - не твое дело. Если ты даже и не сумеешь писать по мокрой стене, то все равно в разработке фигур и картонов ты нам окажешь очень ценную помощь.

Он вышел из мастерской и, оказавшись на площади Синьории, слепо уставился на статуи в Лоджии: блеск и сияние солнца кололо глаза. Да, Гирландайо предложил ему место вовремя: теперь не надо будет сидеть целыми днями дома, а двойная плата как нельзя лучше умилюстит Лодовико. С тех пор как закрылись Сады, Микеланджело чувствовал себя одиноким. В мастерской у него снова будут товарищи. Вновь он станет на твердую профессиональную стезю, как это и положено семнадцатилетнему юноше. Сейчас он вял и бездеятелен, а Гирландайо окунет его в самую гущу хлопот и неотложной работы. Быть может, это выведет его из оцепенения.

Невзирая на палящий зной, он отправился в Сеттиньяно. Миновав поле вызревшей пшеницы, он сошел в овраг и хорошенько вымылся в ручье: ручей теперь сильно обмелел и стал не таким быстрым. Во дворе у Тополино он уселся под нишей и начал тесать камень.

Он жил у каменотесов несколько дней, прилежно работал, спал вместе с подростками тут же на дворе, на тюфяках из соломы. Тополино видели, что он чем-то озабочен. Но они ни о чем не спрашивали его и ничего ему не советовали. Пусть он вволю потрудится над камнем и все решит сам, без посторонней помощи. Крепко стискивая молоток и зубило, его пальцы сжимались и разжимались; рука ощущала привычную тяжесть инструмента, все ее мышцы и сухожилия, от кисти до плеча, были напряжены; мерно, в устойчивом ритме, наносил он удар за ударом – летели и падали осколки, камень обретал все более правильную форму. Микеланджело дивился: как пусто бывает у него на душе, если только не заняты руки.

В Сеттиньяно говорили: "Тот, кто работает с камнем, сам похож на камень: снаружи груб и темен, а внутри светел".

Обтесывая и граня камень, он в то же время гранил и свои мысли. Взлетает молоток, начиная серию ударов, – раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь: все ушло в работу, мысль не блеснула даже на мгновение. Раз, два, три, четыре – вот уже, пока наносишь остальные удары, в мыслях сделан какой-то шаг, что-то обдумано. Дух Микеланджело становился здесь спокойным и ясным, его внутренние силы крепили. И по мере того как трудились руки, придавая нужные очертания камню, зрела и чеканилась мысль: он уже знал, что к Гирландайо он не пойдет. Вновь заняться ремеслом, к которому у него не лежит душа, стать подмастерьем у живописца только потому, что во Флоренции нет скульптурной мастерской, – это было бы отступлением. Работа над фреской потребует изменить манеру рисования, сам подход к рисунку – все, чем он овладел за три года скульптурной работы, будет утрачено. Спор между двумя искусствами в его душе все равно не утихнет: скрывать это от Гирландайо было бы нечестно. Да и вообще из всего этого ничего хорошего не получится.

Он попрощался с Тополино и стал спускаться с холмов, шагая к городу.

На Виа де Барди он встретил очкастого отца Николо Бикьеллини – приора ордена Пустынников Святого Духа. Этот высокий, кряжистый человек вырос в тех же кварталах, где жил и Микеланджело; когда-то он мастерски гонял мяч на широком пустыре напротив церкви Санта Кроче. Теперь, когда ему перевалило за пятьдесят, в его черных, коротко подрезанных волосах блестела седина, но телесные силы у него были поразительны. Облаченный в черный шерстяной подрясник с кожаным ремнем, он буквально с рассвета и до поздней ночи бодро хлопотал, доглядывая за своим обширным монастырем-вотчиной, где было все, что требовалось для обиталища: церковь, больница, постоялый двор, пекарня, библиотека, школа и четыре сотни молчаливых монахов.

Увидев Микеланджело, он очень обрадовался; его искрящиеся голубые глаза казались под очками огромными.

– Микеланджело Буонарроти! Какой счастливый случай! Я не видел тебя с самых похорон Лоренцо.

– С тех нор, отец, по сути, я не видел никого и сам.

– А ведь я помню, как ты рисовал в Санто Спирито еще до того, как стал работать в Садах Медичи. Ты убежал от учителя Урбино прямо из класса и копировал у нас фрески Фиорентини. Знаешь ли ты, что Урбино жаловался мне на тебя?

В душе Микеланджело шевельнулось теплое чувство.

– Как это трогательно, отец, что вы все помните.

И тут же в его воображении встали библиотека и кабинет Лоренцо, груды книг и манускриптов в великолепных переплетах – теперь этих чудес ему уже не увидеть.

– А можно мне читать в вашей библиотеке, отец?. Ведь доступа к книгам у меня сейчас нет.

– Ну разумеется, можно. Наша библиотека открыта для всех. Если ты простишь мне мое хвастовство, то я скажу, что наша библиотека – старейшая во Флоренции. Нам завещал свои рукописи и книги Боккаччо. То же сделал и Петрарка. Приходи ко мне прямо в кабинет.

Впервые за много месяцев Микеланджело почувствовал себя счастливым.

– Благодарю вас, отец. Я захвачу с собой карандаш и бумагу – порисовать.

На следующем день, рано утром, Микеланджело пересек мост Святой Троицы, направляясь к церкви Санто Спирито. Он зарисовал здесь фреску Филиппино Липпи и саркофаг Бернардо Росселлино. Это был первый рисунок, который он сделал после смерти Лоренцо. Он чувствовал, что в нем пробуждаются прежние силы; исчезло постоянное ощущение беды, сжимавшее горло; дыхание обрело теперь глубину и спокойный ритм.

Потом он, наискось перейдя площадь Санто Спирито, вышел к монастырю; монастырское подворье открывалось сразу же за площадью, строение, в котором помещался кабинет настоятеля, было с краю. Настоятелю приходилось часто разговаривать с мирянами, встретиться с ним мог кто угодно. Но входить в самый монастырь посторонним было воспрещено; монахи жили в своей обители совсем обособленно, блюдя строгий порядок.

Посмотрев на рисунки Микеланджело, отец Бикьеллини воскликнул:

- Прекрасно! Прекрасно! Только знай, Микеланджело, что внутри монастыря у нас есть фрески куда лучше и древнее. В покое Мастеров, например, фрески работы семейства Гадди. А зал Капитула великолепно расписал Симоне Мартини.

Янтарные глаза Микеланджело загорелись - казалось, в них проник ласковый взгляд настоятеля, блеснувший сквозь его огромные очки.

- Но ведь попасть внутрь монастыря нельзя...

- Мы можем тут помочь. Я тебе составлю расписание и укажу часы, когда в покоях и зале Капитула никого не бывает. Я давно думал, что эти произведения следует показать художникам. Но пока тебя интересуют книги. Пойдем же.

Настоятель провел Микеланджело в библиотеку. Углубившись в старинные тома, здесь сидело несколько мирян, а в уютных нишах скрипели перьями переписчики-монахи: они изготовляли копии рукописей и книг, которые заимообразно шли в монастырь Санто Спирита из всех стран Европы. Настоятель показал Микеланджело полки, заполненные сочинениями Платона, Аристотеля, древнегреческих поэтов и трагиков, римских историков.

- Ведь у нас тут на стоящая школа, - говорил Бикьеллини, сохраняя суховато-наставнический тон. - Цензоров в Санто Спирито не существует. Никаких книг мы не запрещаем. Мы даже настаиваем, чтобы все, кто у нас учится, мыслили, сомневались, допытывались. У нас нет боязни, что от такой свободы католицизм пострадает: чем зрелее умы наших ученых, тем крепче наша вера.

- Поневоле тут вспомнишь Савонаролу! - усмехнувшись, сказал Микеланджело.

Как только он произнес это имя, добродушное, румяное лицо настоятеля омрачилось.

- Ты хотел посмотреть рукописи Боккаччо. В них много любопытного. Большинство людей думает, что Боккаччо был врагом церкви. Это неправда. Он даже любил церковь. Он не любил извращений. Тут он был подобен Святому Августину. Мы скромно питаемся, на владеем никаким имуществом, кроме одежды на теле; строгость и чистота нам столь же дороги, как и наша любовь к богу.

- Я это знаю, отец. Ваш орден - самый уважаемый орден во Флоренции.

- А разве стали бы нас уважать, если бы мы боялись науки? Мы считаем, что человеческий мозг - одно из самых дивных творений господина. И искусство, на наш взгляд, неотделимо от веры, потому что человек в нем выражает высшие свои стремления. Поганого, языческого искусства не существует, есть только хорошее и плохое искусство. - Настоятель помолчал минуту, с гордостью оглядывая свою библиотеку. - Приходи ко мне в кабинет, когда кончишь читать. Мой секретарь начертит тебе план монастыря и даст расписание, когда в каком покое можно работать.

Микеланджело трудился в монастыре уже не одну неделю, и никто ему не мешал. В те часы, когда он был в покое Усопших или во Втором покое, где находились фрески трех поколений художников Гадди, в зале Капитула, где сиенский художник Мартини написал "Страсти господни", - в эти часы здесь никто не появлялся. Если случайно проходил какой-нибудь монах или послушник, он делал вид, что не замечает Микеланджело. Тишина тут была поразительная; у Микеланджело было такое чувство, словно он оставался один на один со всей вселенной - он да его карандаш и бумага, да гробница, которую он рисовал, или фреска Чимабуэ под сводами. Если Микеланджело не

рисовал, он сидел в библиотеке, читая Овидия, Гомера, Горация, Вергилия.

Настоятелю нравилось, что Микеланджело не упускает для работы ни одного часа, который был выделен ему по расписанию. Он не раз беседовал с Микеланджело о последних событиях во Флоренции. Раньше Микеланджело политикой интересовался мало. При жизни Лоренцо правительственные дела шли во Флоренции так гладко, а связи с другими государствами были так прочны, что ни во дворце, ни на улицах, ни в мастерской Гирландайо, ни на ступеньках подле Собора политических разговоров Микеланджело почти не слышал. А теперь он испытывал жгучую потребность в собеседнике, и настоятель, чувствуя это, охотно с ним разговаривал.

Со смертью Лоренцо все изменилось во Флоренции. Если Лоренцо постоянно встречался с членами Синьории и убеждал их одобрить свои распоряжения и действия, то Пьеро не хотел знать избранный Совет и принимал решения самовластно. Если Лоренцо запросто разгуливал по улицам в сопровождении одного-двух своих друзей, здороваясь и разговаривая с кем угодно, Пьеро появлялся на улицах лишь верхом, окруженный наемной стражей, - не видя и не признавая никого, расталкивая пешеходов, тесня кареты, груженные повозки и осликов, горделиво проезжал он по городу, держа путь на виллу или, наоборот, из виллы во дворец.

- Даже это можно было бы простить ему, - тихо говорил Бикьеллини, - если бы он с толком делал свое дело. Но такого неумелого правителя Флоренция не видела со времен несчастной войны гвельфов и гибеллинов. Когда, желая восстановить старые связи, во Флоренцию приезжают государи из других итальянских городов, они убеждаются, что Пьеро совершенно бездарен. Он им не нравится. Все, что он умеет, это отдавать приказы. Если бы у него хватило ума начать открытые переговоры о Синьорией...

- Это не в его характере, отец.

- Пора ему задуматься и что-то предпринять. Оппозиция смыкает свои ряды: Савонарола и его последователи; кузены Медичи, Лоренцо и Джованни, и их сторонники; старинные флорентийские роды, которых он не хочет признавать; раздраженные члены городского Совета; горожане, обвиняющие его в том, что он, пренебрегая самыми неотложными государственными делами, устраивает состязания атлетов, находит время для турниров, где все подстроено так, чтобы только он и выходил победителем. Да, настало тревожное время...

2

- Буонаррото, сколько у тебя хранится моих денег? - спросил Микеланджело брата тем же вечером.

Заглянув в свою счетную книгу, Буонаррото тотчас ответил, сколько флоринов он отложил из сбережений Микеланджело, когда тот жил во дворце.

- Чудесно. Этого хватит на глыбу мрамора. И еще останется, чтобы снять комнату для работы.

- Значит, у тебя есть какой-то замысел?

- Нет, у меня есть пока только желание. Ты должен помочь мне обмануть отца. Я ему скажу, что получил небольшой заказ и что заказчики сами купили мрамор и платят мне по несколько скуди каждый месяц, пока я работаю. Мы будем давать эти деньги Лодовико из наших сбережений.

Буонаррото уныло покачал головой.

- Я скажу, - продолжал Микеланджело, - что заказчики имеют право принять или не принять работу, когда она будет кончена. Это на тот случай, если продать старую мне не удастся.

При таком положении дел Лодовико, казалось, будет доволен.

Но перед Микеланджело стояла еще одна задача. Что ему высекать? Он чувствовал, что пришло время высечь первое свое объемное изваяние. Но какое именно? На какую тему? Один вопрос влек за собой другой, ибо все то, что творит художник, рождается из первоначальной идеи. Нет идеи, нет и

произведения искусства - эта взаимосвязь в глазах художника столь же проста, сколь и мучительна.

Любовь и скорбь, жившие теперь в сердце Микеланджело, толкали его к одному: сказать свое слово о Лоренцо, раскрыть в этой работе всю сущность человеческого таланта и отваги, ревностного стремления к знанию; очертить фигуру мужа, осмелившегося звать мир к духовному и художественному перевороту.

Ответ, как всегда, вызревал медленно. Только упорные, постоянные думы о Лоренцо привели Микеланджело к замыслу, который открыл выход его творческим силам. Не раз вспоминались ему беседы с Лоренцо э Геракле. Великолепный считал, что греческая легенда не дает права понимать подвиги Геракла буквально. Поимка Эриманфского вепря, победа над Немейским львом, чистка Авгиевых конюшен водами повернутой в своем течении реки - все эти деяния, возможно, были лишь символом разнообразных и немислимо трудных задач, с которыми сталкивается каждое новое поколение людей.

Не был ли и сам Лоренцо воплощением Геракла? Разве он не совершил двенадцать подвигов, борясь с невежеством, предрассудками, фанатизмом, ограниченностью и нетерпимостью? Когда он основывал университеты и академии, собирал коллекции предметов искусства и манускриптов, заводил печатни, когда он воодушевлял художников, ученых, знатоков древних языков, поэтов, философов заново объяснить мир, рассказав о нем свежими, мужественными словами и тем расширив доступ к интеллектуальным и духовным богатствам, накопленным человечеством, - разве во всем этом не чувствовалась у Лоренцо поистине Гераклова мощь!

Лоренцо говорил: "Геракл был наполовину человеком, наполовину богом; он был рожден от Зевса и смертной женщины Алкмены. Геракл - это вечный символ, напоминающий нам, что все мы наполовину люди и наполовину боги. Если бы мы воспользовались тем, что в нас есть от богов, мы могли бы совершать двенадцать Геракловых подвигов ежедневно".

Да, необходимо изобразить Геракла так, чтобы он был в то же время и Лоренцо; пусть это будет не просто сказочный силач древнегреческих сказаний, каким он показан на Кампаниле Джотто или на четырехаршинной картине Поллайоло, - нет, надо представить Геракла поэтом, государственным мужем, купцом, покровителем искусств, преобразователем.

А пока Микеланджело надо было оставить дом отца и найти собственную мастерскую.

Сейчас он смотрел не только на свои старые барельефы, но и на миниатюрные изваяния Бертольдо как на прошлое. Он уже мыслил высекать Геракла или Лоренцо не иначе как в натуральную величину. Его надо было изваять даже выше обычного человеческого роста - полубоги могли родиться только из величественного, крупного камня. Но где такой камень взять? Сколько надо будет заплатить за него? На это потребуется денег вдесятеро больше, чем он сумел скопить.

Он вспомнил мастерские при Соборе - обширный двор, где шла работа и хранились материалы еще с тех пор, как Собор строили: теперь там всегда находился десятник со своими подручными. В ворота постоянно въезжали и выезжали подводы с лесом и камнем, и, глядя на них, Микеланджело сообразил, что те глыбы мрамора, которые он когда-то видел на дворе, вероятно, и сейчас еще лежат на прежнем месте. Он вошел внутрь двора, прошелся по нему. Десятник с лысым, будто выточенным из розового мрамора, черепом и вздернутым, как торчащий палец, носом подошел к Микеланджело и осведомился, чем он может быть полезен. Микеланджело назвал себя.

- Я был учеником в Садах Медичи. Теперь мне приходится работать в одиночку. Мне нужна большая глыба мрамора, а денег у меня мало. Я и думаю: вдруг власти города согласятся уступить мне какой-нибудь камень, который им не нужен.

Десятник, каменотес по профессии, плотно прищурил глаза, будто оберегая их от летящих из-под зубила крошек.

- Зови меня, пожалуйста, Бэппе. Так какой тебе нужен камень?

У Микеланджело перехватило дыхание.

- Да вот хотя бы та большая колонна. Над нею уже кто-то работал.

- Мы зовем ее колонной Дуччио. Привезена из Каррары. В ней будет семь-восемь аршин длины. Строительная контора закупила ее для Дуччио: тот хотел высесть из нее Геракла. Чтобы сэкономить труд, Дуччио приказал

обрубить ее еще в каменоломне. Там ее, видно, и испортили. Мне тогда было двенадцать лет, я был еще учеником. - Бэппе энергично почесал себе зад резцом о шести зубьях. - Дуччио трудился над камнем не меньше недели. И, как видишь, у него не вышло ни большой фигуры, ни маленькой.

Микеланджело обошел огромный камень, испытующе ощупал его пальцами.

- Бэппе, а это правда, что блок повредили в каменоломне? Слов нет, он обезображен, но, может быть, Дуччио искалечил его сам, вот этими ударами зубила, как тут, на середине. Согласится ли контора продать мне камень?

- Едва ли согласится. Был слух, что его когда-нибудь пустят в дело.

- В таком случае не продадут ли вон тот камень, поменьше? Он тоже поврежден, хотя не так сильно.

Бэппе оглядел блок, на который указывал Микеланджело, - в нем было почти четыре аршина длины.

- Я разузнаю про этот камень. Приходи завтра.

- Постарайся, пожалуйста, Бэппе, чтобы было подешевле.

Десятник улыбнулся, широко открыв беззубый рот.

- Чтобы скульптор был при деньгах - я такого еще не видывал.

Дело решилось лишь через несколько дней, но Бэппе исполнил просьбу Микеланджело на совесть.

- Считаю, что камень твой. Я сказал им, что это никудышная глыба, и они рады избавиться от нее, освободить место. Мне же поручили и назначить справедливую цену. Что ты скажешь насчет пяти флоринов?

- Бэппе! Да тебя надо прямо-таки расцеловать! Сегодня же вечером я принесу тебе деньги. Пусть пока камень лежит как есть, не двигай его с места.

Кончиком троянки Бэппе в раздумье почесал свою лысую голову.

Теперь, когда у Микеланджело был мрамор, ему оставалось только найти мастерскую. Тоска по прошлым дням завела его в Сады Медичи. Они пустовали со дня кончины Лоренцо, всюду разрослась пожелтевшая от зноя, не тронутая косой трава, разоренный павильон зиял пустыми окнами, лишь на задах, в том месте, где хотели возводить библиотеку Лоренцо, по-прежнему белели груды камня. "А не начать ли мне работать в старом сарае? - думал Микеланджело. - Я там никому не помешаю, не нанесу никакого ущерба. Может быть, Пьеро и даст мне на это разрешение, если узнает, что я высекаю".

Но он не мог заставить себя пойти на поклон к Пьеро.

Уже выходя из Садов через задние ворота, уголком глаза он заметил две фигуры, появившиеся в Садах у главного входа, примыкавшего к площади Сан Марко. Это были Контессина и Джулиано. После смерти Лоренцо Микеланджело не видел их ни разу. Теперь он подошел к ним в тот момент, когда они были близ павильона. Контессина, казалось, ссохлась и стала меньше; даже на ярком июльском солнце ее лицо поражало своей желтизной. Лишь под шляпой с широкими полями по-прежнему сняли огромные карие глаза.

Первым заговорил Джулиано:

- Почему ты не заходишь к нам? Мы уже соскучились по тебе.

- Да, мог бы, конечно, и заглянуть, - в голосе Контессины звучал упрек.

- ...но Пьеро...

- При чем тут Пьеро? Ведь я тоже - Медичи. И Джулиано - Медичи. - Она говорила теперь с раздражением. - Дворец - это наш дом. И мы рады видеть там своих друзей.

- Я постоянно спрашиваю Контессину, почему ты не приходишь к нам, - сказал Джулиано.

- Меня никто не приглашал.

- Я тебя приглашаю! - порывисто сказала она. - Джованни завтра снова уезжает в Рим, и мы будем опять совсем одни. А Пьеро и Альфонсину мы почти и не видим.

На секунду смолкнув, Контессина продолжала:

- Пана Иннокентий умирает. Джованни придется ехать в Рим - там надо оградить наши интересы и помешать тому, чтобы папа был избран из семейства Борджиа.

Она обвела взглядом Сады.

- Мы с Джулиано гуляем здесь почти каждый день. Нам казалось, что ты работаешь, а где ты можешь работать, если не в Садах?

- Нет, Контессина, я не работаю. Но сегодня я купил кусок мрамора.

- Значит, нам можно приходить сюда и смотреть на твою работу? - с

живостью отозвался Джулиано.

Микеланджело, моргая, смотрел в глаза Контессины:

- У меня нет разрешения здесь работать...

- А если я получу тебе такое разрешение?

Микеланджело встрепнулся.

- Это колонна в четыре аршина высоты, Контессина. Очень старая, сильно попорченная. Но внутри вполне хорошая. Я хочу высечь Геракла. Это ведь любимый герой твоего отца.

Он дотронулся до ее руки. В столь жаркую погоду ее пальцы были удивительно холодны.

Он с нетерпением ждал ее день, второй, третий и четвертый, приходя в Сады на закате. Но она не являлась. И вот на пятый день, сидя на крылечке павильона и покусывая бурую травинку, он увидел, что в главные ворота входит Контессина. У пего замерло сердце. Вместе с Контессиной была ее старая няня. Микеланджело вскочил и бросился бежать по дорожке навстречу Контессине.

Глаза у нее были красные.

- Пьеро отказал! - воскликнул он.

- Он не сказал ни да, ни нет. Я его спрашивала сто раз. Молчит, не отзывается. Это его обычная манера. Чтобы потом никто не упрекнул, что он отказывает.

Планы Микеланджело снова работать в Садах рухнули.

- Я опасался, что так оно и будет, Контессина. Вот почему я ушел из дворца, и не возвращался туда, хотя мне очень хотелось увидеться с тобой.

Она шагнула, приблизившись к нему вплотную. Их губы теперь были лишь на дюйм друг от друга. Няня отошла в сторону и отвернулась.

- Пьеро говорит, что семейство Ридольфи рассердится, если мы будем снова встречаться... По крайней мере до тех пор, пока не сыграна моя свадьба.

Они стояли, не двигаясь, их губы не сближались, их тонкие юные тела не касались друг друга, и все же ощущение у Микеланджело было такое, словно бы он слился с Контессиной в любовном объятии.

Контессина медленно пошла по тропинке к середине сада, миновала умолкший теперь фонтан с фигурой бронзового мальчика, вытаскивающего занозу из ноги. Потом исчезла, выйдя вместе с няней на площадь Сан Марко.

3

Снова его выручил краснощекий, с синими прожилками, безобразный, как безобразны все потомки этрусков, старик Бэппе.

- Я сказал в конторе, что мне нужен на время подручный и что ты согласен работать бесплатно. Ну, а если что-нибудь предлагают бесплатно, то настоящий тосканец от этого никогда не откажется. Устраивай свою мастерскую вон там, у задней стены.

Флорентинцы, дающие своим детям по полдюжине имен и верящие в то, что простое короткое имя знаменует короткую жизнь и скудное счастье, назвали этот двор Опера ди Санта Мария дель Фиоре дель Дуомо. И двор оправдывал такое громоздкое название - он занимал целую площадь, отесняя дома, мастерские и конторы, полукругом выстроившиеся позади Собора. Именно здесь, в этом месте, Донателло, делла Роббиа и Орканья высекали свои мраморы, здесь раздували горн, отливая бронзовые статуи.

У полукружья деревянной стены, ограждавшей двор, был навес, под которым укрывались рабочие, когда их загонял туда палящий летний зной или зимний дождь, приносимый в долину Арно тучами с предгорий. Тут-то Микеланджело установил горн, притащил сюда несколько мешков хорошего каштанового угля, отковал из шведских брусков полный набор - двенадцать штук - резцов, два молотка и сколотил стол для рисования, использовав для этого горбыли и доски, валявшиеся на дворе, казалось, с тех самых пор, как Брунеллески

возводил купол Собора.

Теперь у Микеланджело было место, где он мог без помех трудиться с утра до вечера. Снова он мог работать под привычный стук молотков скальпелли. Усевшись за стол и вооружившись угольными карандашами, перьями, цветными чернилами и бумагой, он был готов приступить к делу.

И вновь его терзали недоумения, ибо результат всего труда зависел от множества вопросов, на которые надо было ответить, – круг этих вопросов становился все шире, а сами они – все сложнее и сложнее. Каким должен быть изваянный им Геракл – юным или старым? Совершил уже герой свои двенадцать подвигов или находится на середине жизненного поприща? Носит ли он на плечах шкуру Йеменского льва – знак своей победы, своего триумфа – или предстает перед зрителем нагим? Воплощает ли он собой дух величия, свойственный полубогу, или, напротив, в нем надо яснее показать обреченность земного существа, которому предстоит умереть от ядовитой крови кентавра Несса?

За последние месяцы Микеланджело все больше убеждался, что обвинения против Лоренцо, будто бы развратившего флорентинцев и уничтожившего их свободу, – несправедливы, что после Перикла, который более двух тысяч лет назад утвердил золотой век в Греции, Лоренцо был, вероятно, величайшим в мире человеком. Каким же образом внушить зрителю, что деяния Лоренцо были столь же героическими, как и подвиги Геракла?

Прежде всего, Лоренцо был настоящим мужчиной. Именно мужчину, истинного богатыря, надо было вызвать к свету дня из этого обветренного, старого блока, который стоял перед ним на деревянных подпорах. Надо было замислить человека такой мощи, какую только знала земля. Здесь, в Тоскане, в стране мелких, невзрачных, отнюдь не героических людей, где здесь можно было найти модель для подобного изваяния?

Он бродил по Флоренции, оглядывая бочаров с их тяжелыми деревянными молотками, красильщиков шерсти, руки которых были испачканы синей и зеленой краской, кузнецов, торговцев скобяным товаром, каменотесов, строивших дворец Строрци, носильщиков, что, согнувшись, таскали свои грузы по улицам, юношей-борцов, показывающих свое искусство в парках, полуголых возчиков песка, лопатами черпавших его со своих плоских лодок на Арно. Неделями он околачивался в деревне, наблюдая, как крестьяне собирают хлеб и виноград, грузя мешки и корзины на телеги, как молотят цепами пшеницу, крутят каменные колеса давилни, выжимая оливковое масло, подрезают фруктовые деревья, возводят каменные ограды. Потом он возвращался в свой угол во дворе-Собора и тщательно вырисовывал на листе бумаги мускулы рук и йог, напряженные крепкие плечи, вздувшиеся при подъеме тяжести бицепсы, выкинутый в ударе, стиснутый кулак, напрягшееся в усилии бедро – скоро папка Микеланджело была полна разнообразных набросков. Он мастерил каркас, покупал запас чистого пчелиного воска, начинал лепить... и отступался, разочарованный.

"Как я могу создать даже грубый эскиз фигуры, если я не знаю, чего именно я добиваюсь? Что в таком случае я могу показать, кроме внешнего облика, вздутий и изгибов тела, очертаний костей, нескольких приведенных в действие мускулов? Все это лишь следствия. А что я знаю о причинах? О внутреннем устройстве человека, которое скрыто под внешним покровом и которого не видит мой глаз? Откуда мне знать, как то, что находится внутри, придает форму наружному, которое я только и вижу?"

Когда-то ответ на эти вопросы он пытался получить у Бертольдо. Теперь он знал его сам. В глубине души он знал его давным-давно. Сейчас пришло время внять ему. Это неотвратимо, иного выхода нет. Никогда он не станет таким скульптором, каким хотел стать, пока не решится на вскрытие трупов, не постигнет назначение каждого органа внутри человеческого тела, не поймет, какова его роль и действие, пока не разберется, как переплетены и взаимосвязаны а теле все части – кости и кровь, мозг и мышцы, кожа и сухожилия, кишки и почки. Круглая скульптура должна быть завершенной, должны смотреться под любым углом. Скульптор не может выразить движение, не зная, чем это движение вызывается: он не может показать мощь, напряженность, конфликт, драму, если не видит в мельчайших подробностях, как действует и работает тело, олицетворяющее силу и порыв, если не знает, какое мускульное движение скрывается за тем или иным внешним жестом, – короче говоря, если он не может охватить своим взором весь организм сразу.

Да, ему необходимо изучить анатомию! Но как? Стать хирургом? На это потребовались бы годы. И к чему столь долгий искус, если тебе будет позволено вскрыть всего-навсего два мужских трупа за год в компании других студентов на площади Синьории? Нет, чтобы видеть вскрытие трупов, надо искать другую возможность.

Микеланджело вспомнил, что Марсилио Фичино был сыном личного врача Козимо де Медичи. Марсилио учился у своего отца медицине, но впоследствии Козимо сказал, что юноша "родился врачевать людские умы, а не тело".

Скоро Микеланджело был уже в Кареджи, на вилле Фичино. Шестидесятилетний ученый день и ночь сидел в заваленной рукописями библиотеке, спеша закончить свое сочинение о Дионисии Ареопагите. Две хорошенькие племянницы Фичино встретили Микеланджело и провели его в библиотеку. Тщедушный основатель Платоновской академии сидел под бюстом Платона; в запачканных чернилами пальцах он держал перо, его худое, плотно обтянутое кожей лицо было изборождено морщинами.

Микеланджело без лишних слов изложил суть дела, по которому он явился.

- Вы сын врача и сами учились медицине; вы, должно быть, знаете, как выглядит тело человека внутри.

- Я не закончил своего медицинского образования.

- А как вы полагаете, сейчас где-нибудь производится вскрытие трупов?

- Разумеется, нет! Разве ты не знаешь, что за надругательство над мертвым телом грозит тяжкая кара?

- Пожизненная ссылка?

- Казнь.

Наступило молчание. Затем Микеланджело спросил:

- А если бы кто-нибудь рискнул и решился на это? Куда бы ему надо было пойти? На кладбище для бездомных?

Фичино воскликнул в ужасе:

- Мой юный друг, неужто ты можешь помыслить о хищении мертвецов на кладбище? Да ведь это верная и скорая смерть! Тебя поймут с изрезанным трупом и без разговоров повесят в проеме окна на третьем этаже Синьории! Давай-ка побеседуем о более приятных вещах. Как обстоят дела с твоей скульптурой?

- О ней-то мы только что и говорили, Фичино.

Он неотступно размышлял, что ему делать. Где можно найти трупы? Богачей хоронили в семейных склепах; могилы всех состоятельных покойников оберегались с чувством религиозного почитания. За какими могилами во Флоренции не присматривали, кто из покойников был брошен в небрежении? Только бедняки, одинокие люди, нищие, бродяги, во множестве скитающиеся по дорогам Италии. Когда подобный люд болел и валился с ног, его подбирали и помещали в больницы. В какие именно больницы? В те, что находились при церквях: больных там лечили бесплатно. А та церковь, что содержит большую больницу, содержит и самый большой приют, пристанище для бездомных...

Санто Спирито!

Он замер от этой мысли, чувствуя, как у него шевелятся на голове волосы. Санто Спирито - он знал там не только настоятеля, но каждый коридор, он бывал там в библиотеке, и в ночлежном доме, и в садах, и в больнице, и в монастырских покоех.

Нельзя ли будет попросить у настоятеля Бикьеллини те трупы, до которых никому нет дела? Да, но если настоятеля уличат в таком преступлении, его постигнет наказание худшее, чем смертная казнь: он будет изгнан из ордена, отлучен от церкви. И тем не менее настоятель - отважный человек, он не побоится ничего на свете, если только будет уверен, что он не оскорбил господ бога. Как он гордился тем, что его предшественник, прежний настоятель, дружил с Боккаччо и, невзирая на то что никого в ту пору не преследовали и не поносили ожесточенней, чем Боккаччо, принял его в свою обитель, покровительствовал ему и воспользовался его библиотекой с тем, чтобы она служила развитию человеческих знаний. Когда эти августинцы уверены в своей правоте, они не ведают страха.

И кто совершил что-нибудь выдающееся без риска? Разве вот теперь, в этот самый год, в поисках нового пути в Индию не пустился на трех суденышках в Атлантический океан итальянец из Генуи, хотя ему и говорили,

что поверхность океана совершенно плоская и в некоем месте он сорвется со своими углыми кораблями и упадет вниз, в тартарары.

А если настоятель и решится на этот ужасающе смелый шаг, то имеет ли право он, Микеланджело, быть настолько эгоистичным, чтобы подвергать его такой опасности? Оправдывает ли цель этот риск?

Он мучился целыми днями и не спал по ночам, ища решения. Он пойдет к настоятелю Бикьеллини и изложит ему свою просьбу в прямых, достойных выражениях, ничего не скрывая и не допуская никаких уловок. Он не будет обижать настоятеля, прибегнув к какому-либо лукавству или взывая к его чувствительности: ведь тот мог поплатиться за все это отлучением от церкви или даже головою.

По прежде чем идти к настоятелю, Микеланджело решил обдумать, как ему исполнить свой план в целом. Он разрабатывал его тщательно, шаг за шагом. Дрожа от волнения, он колотил молотком по зубилу и, как свойственно каменотесам, машинально отбивал семь тактов, чтобы отграничить в своем сознании несколько слов за те четыре, которые приходились на краткую паузу перед следующей серией ударов. Он бродил по монастырю, его покоем, садам и огородам, по проулочкам и аллеям, осматривал все ворота, все места, откуда видно было входящих, приближался к часовне, где отпевали покойников, проникал внутрь подворья, к самой покойницкой, где клали на ночь умерших, прежде чем утром отнести их на погост.

Он чертил планы, тщательно, в точных масштабах покалывая на них, как соединено пристанище для бедных с больницей и где расположены келья монахов. Он вычертил путь, которым он мог пройти, не будучи замеченным, через задние ворота в Виа Маффия на территорию монастыря, а потом, минуя огороды, пробраться в коридоры и в самую покойницкую. Там надо было быть ночью, когда совсем стемнеет, и уходить оттуда до рассвета.

Микеланджело раздумывал, когда и где лучше обратиться со своей просьбой к настоятелю, чтобы увеличить шансы на успех и изложить дело как можно яснее. В конце концов он заговорил с Бикьеллини в его кабинете, среди книг и манускриптов.

Едва взглянув на чертежи, которые Микеланджело разложил на столе, и выслушав лишь несколько его слов, настоятель холодно оборвал беседу:

- Довольно! Я все понял. Никогда больше не заговаривай со мной об этом. Я ничего от тебя не слышал. Твои слова исчезли без следа, как дым.

Пораженный этим решительным и быстрым отказом, Микеланджело собрал свои чертежи и вышел, опомнившись только на площади Санто Спирито. Его вдруг пробрал озноб. Он не видел теперь ни хмурого осеннего неба, ни суеты расположенного рядом рынка; сознание его давила одна только мысль о том, что он поставил Бикьеллини в ужасное положение. Настоятель не захочет больше его видеть. В церковь он еще может ходить, церковь открыта для всех, но в монастырских покоях ему уже не бывать. Все свои привилегии он утратил.

Он прошел по шумным улицам, сел в оцепенении перед Геракловым мрамором. Ну какое у него право ваять Геракла, толковать по собственному разумению образ героя, к которому питал такую любовь Лоренцо? Он приложил пальцы к своему сломанному носу, словно бы у него впервые заныли поврежденные кости.

Теперь он был покинут всеми.

4

Он сидел на скамье напротив большой фрески. Заутреня уже кончилась, в церкви Санто Спирито было тихо. Случайно зашедшая женщина, в черном платке, опустилась на колени перед алтарем. Затем появился мужчина, тоже преклонил колена и быстро вышел. Пахучий ладан клубами висел в лучах солнца.

Настоятель Бикьеллини вышел из ризницы и, заметив Микеланджело, подошел

к нему. Он остановился, посмотрел секунду на начатый рисунок, где было всего две-три неуверенных липни, и спросил:

- Где же ты пропадал все это время, Микеланджело?

- Я... я...

- Как подвигается твоя скульптура?

Настоятель разговаривал с ним прежним тоном, в нем слышался тот же интерес к жизни Микеланджело и та же симпатия, что и раньше.

- Скульптура?... Она застряла на месте.

- Я вспомнил тебя, когда мы получили новую рукопись с миниатюрами. Там есть несколько человеческих фигур - рисунки, кажется, четвертого столетия. Для тебя они были бы любопытны. Не хочешь ли посмотреть?.

Микеланджело робко поднялся и пошел за настоятелем через ризницу и монастырские покои в его кабинет. Там на столе лежал прекрасный пергаментный манускрипт, украшенный миниатюрами в синих и золотых тонах. Настоятель порылся в столе и, вынув оттуда длинный ключ, положил его поперек раскрытого манускрипта - придерживать листы. Несколько минут он спокойно разговаривал с Микеланджело. Потом сказал:

- Allora, нам обоим надо работать, и мне и тебе. Приходи же сюда на этих днях снова.

Микеланджело возвратился в церковь сияющий. Он сохранил дружбу настоятеля. Его простили, неприятный случай забыт. Если он пока и не достиг ничего в своем стремлении к анатомическим знаниям, то, по крайней мере, не понес непоправимого ущерба.

Но он отнюдь не собирался отступить от намеченной цели. Сидя на жесткой деревянной скамье, он долго не в силах был приступить к работе и мучительно думал, не разумнее ли будет решиться на вскрытие могилы, если только он сумеет это сделать один, без чьей-либо помощи. Но как ему одному вырыть труп и привести могилу в такой порядок, чтобы случайный прохожий не мог ничего заподозрить, как перетащить мертвеца в какой-нибудь дом поблизости и отнести его вновь на кладбище, когда работа будет кончена? Сделать все это казалось физически невозможным.

Занимаясь в библиотеке монастыря, Микеланджело просматривал книги античных писателей - ему хотелось узнать, не подскажут ли древние какой-то новый взгляд на образ Геракла. Тогда же он наткнулся на иллюстрированную медицинскую рукопись: рисунки в ней изображали, как, готовя к операции, больных привязывали к веревочному матрацу, но что потом обнаруживалось под ножом хирурга - это показано не было.

Настоятель опять пришел к нему на помощь. Откуда-то, с самой верхней полки, он достал тяжелый фолиант в кожаном переплете и, перелистывая его, воскликнул: "Вот тут материал, который тебе, наверное, пригодится!" и вновь он положил на страницы раскрытой книги тяжелый бронзовый ключ.

Лишь на четвертый или пятый день Микеланджело обратил внимание и на ключ, и на то, что настоятель с ним проделывает. А Бикьеллини не только прижимал ключом раскрытые страницы; кладя его поперек книги, и пользовался им как закладкой, если книгу надо было закрыть, но даже проводил бородкой ключа по тем строкам, которые казались ему особо примечательными.

Всегда и всюду этот ключ. Все один и тот же ключ. И ни разу настоятель не вынимал его из стола, если в кабинете, кроме Микеланджело, был еще кто-нибудь, монах или знакомый мирянин.

Почему?

Наступило время, когда Микеланджело начал ходить в церковь Санто Спирито почти ежедневно. Если он усаживался перед фреской и рисовал час или два, то настоятель, проходя мимо, весело с ним здоровался и приглашал к себе в кабинет. И большой бронзовый ключ неизменно оказывался на столе.

Однажды ночью Микеланджело лежал в постели не смыкая глаз и вдруг словно увидел перед собой этот ключ. На рассвете, под осенним дождем, он пошел к каменоломням Майано, рассуждая вслух сам с собой.

"Это все-таки что-то да значит. Но что? Для чего служат ключи вообще? Ясно, для того, чтобы отпирать двери. А сколько существует дверей, отпереть которые я бы стремился? Всего-навсего одна. Дверь покойницей".

Ему придется принять условия игры. Если настоятель желает, чтобы Микеланджело завладел этим ключом, что ж, великое ему спасибо; если же он не желает этого, то Микеланджело унесет с собой ключ как бы случайно, по забывчивости, и на следующий день возвратит его. А ночью он, проникнув

через задние ворота и огороды в монастырь, прокрадется к покойницкой. Если ключ подойдет к двери, значит, догадка правильна. Если же нет...

Была уже полночь, когда он попал в монастырь. Осторожно, чтобы никого не разбудить, он выскользнул из дому и кружным путем стал пробираться к монастырской больнице: он шел мимо церкви Санта Кроче, через Старый мост, крался вдоль дворца Питти, нырял в лабиринт переулков. Так он избежал встречи с ночной стражей, которая с фонарями в руках расхаживала по назначенной ей дороге и уже мелькнула огнями где-то за площадью.

Прижимаясь к стенам больницы на Виа Сант-Агостино, он повернул к Виа Маффия и оказался у маленьких ворот: над ними мерцала лампада, освещающая фреску "Богородицы с Младенцем" работы Аньоло Гадди. Эти ворота отпирались любым монастырским ключом: Микеланджело вошел в них и, оставляя с левой руки конюшни, предусмотрительно свернул с центральной дорожки, ибо впереди уже были покои послушников, потом шмыгнул вдоль темных стен кухни. С бьющимся сердцем, затаив дыхание, он сделал крутой поворот и метнулся к зданию больницы.

Главный вход в нее оказался открытым, и он прошел в коридор, ведущий к кельям для больных - двери у них были плотно заперты, - и стал пробираться в покойницкую. В каменной нише горела масляная лампа. Микеланджело вытащил из парусиновой зеленой сумки, которую он прихватил с собой, свечу, зажег ее от лампы и прикрыл полон плаща.

Опасность грозила в первую очередь от зрителя больницы, хотя этот монах хлопотал целыми днями, дозируя хозяйство больницы, ночлежного дома и монастыря, и едва ли был в силах встать еще и ночью. После ужина, подававшегося в пять часов, все, кто находился в больнице, готовились ко сну, и двери их келий запирались. Дежурного врача не было: о том, что ночью больному могло стать дурно и ему потребовалась бы помощь, никто не думал. Больные же беспрекословно подчинялись раз заведенному порядку.

Микеланджело на секунду замер на месте - перед ним была дверь покойницкой. Он вставил ключ в скважину, медленно повернул его направо, потом налево, почувствовал, что запор открылся. Он отворил дверь, мгновенно проскользнул в покойницкую и запер ее изнутри на ключ. Хватит ли у него отваги и решимости сделать то, что он задумал? Этого сейчас он не знал.

Покойницкой служила небольшая, три с половиной аршина на четыре, келья, совсем без окон. Ее каменные стены были побелены известкой, пол сложен из грубых каменных плит. Посредине кельи, на узких досках топчана, завернутый с ног до головы в погребальный саван, лежал мертвец.

Микеланджело прижался спиной к двери; ему было трудно дышать, свеча в его руках дрожала, словно веточка на ветру трамонта. Впервые в жизни он был наедине с трупом, в запертой келье, замшляя кошунственное дело. Мороз пробирал его до костей, он трепетал от страха, как еще не трепетал никогда в жизни.

Кто лежит под этим саваном? Что он увидит, когда развернет мертвеца и скинет саван на пол? Что сделал этот несчастный человек, за какие преступления его будут сейчас терзать и калечить, даже не спросив у бедняги согласия?

"Чепуха! Право же, чепуха все эти мысли, - успокаивал себя Микеланджело. - Какая разница человеку, что с ним будет, когда он уже мертв. Ведь на небеса возносится одна душа, а не тело. Души его я не трону, даже если мой нож наткнется на нее".

Несколько ободренный таким умозаключением, он положил свою сумку на пол и огляделся, соображая, куда бы поставить свечу: свеча нужна была ему не только для освещения, но и для того, чтобы следить по пей за временем. Он мог считать себя в безопасности лишь до трех часов утра, когда присыпались монахи, работавшие в обширной пекарне на углу Виа Сант'Агостино и площади Санто Спирито, и шли печь хлеб, которым кормилось, кроме монахов, немало их родственников и пришлых бедных. Микеланджело потратил много сил, устанавливая, сколько времени горит свеча того или иного сорта. Та свеча, которую он принес, должна была гореть в течение трех часов: когда она начнет трещать и брызгать воском, ему надо будет бросать работу и уходить. И надо было помимо прочего позаботиться и о том, чтобы не оставить после

себя никаких следов.

Он вынул из сумки ножницы и нож, разостлал ее на полу, накапал на сумку воска от свечи, повернув ее горящим концом вниз, и укрепил свечу на сумке. Снял о себя плащ, - несмотря на холод в келье, он был уже весь в поту. Положив плащ в угол, он торопливо и сбивчиво прочитал молитву: "Прости меня, господи, ибо я не ведаю, что творю", - и подошел к мертвецу.

Прежде всего с него надо было снять саван, в который он был плотно завернут. Доски топчана оказались очень узкими. Неловкость, с которой действовал Микеланджело, удивляла его самого. Медленно он поднимал и поворачивал закоченевшее мертвое тело. Сначала надо было высвободить ноги, размотать и вытащить из-под них полотно, затем, приподняв мертвеца за поясницу и придерживая его левой рукой, раскутать грудь и голову. Покойник был обмотан пятью витками длинного полотна, и, чтобы обнажить его полностью, Микеланджело с мучительными усилиями пришлось приподнимать и поворачивать тело пять раз.

Взяв свечу в левую руку, Микеланджело осмотрел труп. Первое, что он ощутил, было чувство жалости к мертвецу. Потом на него нахлынул страх:

"_Ведь именно так кончу свою жизнь и я!_"

Весь разительный контраст между жизнью и смертью открылся перед ним в одну минуту.

Лицо у покойника было лишено какого-либо выражения; рот полуоткрыт, кожа зеленая от гангрены. Коренастый, плотный, он был в среднем возрасте и погиб, вероятно, от удара кинжалом в грудь. Мертвец, по-видимому, лежал здесь довольно долго, тело его было таким же холодным, каким был воздух в покойницкой.

Микеланджело почувствовал запах, напоминающий запах очень несвежих, увядших в воде цветов. Запах был несильным, и, когда Микеланджело отворачивался к стене, он не слышал его, но стоило ему подойти к трупу, как запах уже ощущался постоянно.

С чего же начать? Он взял мертвеца за руку и приподнял ее, вдруг почувствовав, как она несказанно холодна. Это был даже не ледяной, а совсем особый, внушающий ужас холод: он словно бы проникал в самое сердце. И холодна была не кожа мертвеца, а то, что было под кожей, мышцы. Кожа казалась на ощупь мягкой, как бархат. Микеланджело испытывал тяжкое, противное чувство, будто железные пальцы скручивали у него желудок. Он подумал о том, какими теплыми бывают руки и плечи у человека, и опустил руку мертвеца.

Прошло немало времени, пока он смог взять с пола нож и припомнить все, что читал об устройстве человеческого тела, а также те немногие анатомические рисунки, которые ему довелось видеть. Он помедлил минуту, стоя над трупом, весь промерзший, с трудом глотая слюну. Затем он поднес к трупу нож и сделал первый разрез: от грудины к паху. Но он нажимал на нож с недостаточной силой. Кожа оказалась неожиданно прочной.

Он провел лезвием ножа вновь по тому же месту. Теперь, крепко нажимая на нож, он чувствовал, что мышцы, лежащие под кожей, совсем мягкие. Он сделал разрез дюйма на два. И он спрашивал себя: "Где же кровь?" - так как кровь под ножом не появлялась, впечатление холода и смерти делалось от этого еще разительнее. Затем он увидел под взрезанной кожей что-то жирное, мягкое, темно-желтого цвета. Он понял, что это такое, ибо видел, как на рынке вычищали жир у зарезанных животных. Он еще раз нажал на нож, чтобы добраться до мускулов, у которых был совсем другой цвет, чем у кожи и жира, и резать которые было гораздо труднее. Он внимательно всмотрелся в темно-красные валики мышечной ткани. Он сделал еще один разрез и увидел кишечник.

Противный запах усиливался. Микеланджело почувствовал тошноту. Чтобы провести ножом по телу в первый раз, ему пришлось напрячь свои силы до крайности. Но и сейчас его угнетало и отталкивало буквально все: холод и страх, мерзкий запах, ощущение смерти. Ему были отвратительны скользкие волокна мышц, отвратителен жир, обволакивающий пальцы, подобно маслу. Ему хотелось тотчас же опустить руки в горячую воду и вымыть их.

- Что же я делаю?

Он вздрогнул, услышав, как отдался его голос в каменных стенах. Но обнаружить его по голосу, пожалуй, никто не мог: стена позади, очень толстая, выходила на огороды, одна боковая стена примыкала к пустой

часовне, где отпевали покойников, другая - к больнице; но она тоже была настолько толста и прочна, что проникнуть через нее не мог ни один звук.

Во вскрытой полости живота было темно. Микеланджело положил свою парусиновую сумку в ногах мертвеца и укрепил на ней свечу на высоте тела.

Все его чувства были обострены до крайности. Кишки, к которым он сейчас приглядывался, были холодные, скользкие, подвижные. Трогая их, он чувствовал боль и в своих кишках. Он взял в обе руки по витку кишечника и, поднеся их друг к другу, с минуту внимательно разглядывал. Перед ним была бледно-серая длинная змея, свернувшаяся во множество колец. Вся влажная, прозрачная, она поблескивала, словно перламутр, и была наполнена чем-то неуловимым, ускользающим при первом прикосновении.

Теперь Микеланджело уже не испытывал чувства отвращения; он был лишь сильно взволнован. Снова взявшись за нож, он провел им по телу от нижнего ребра вверх. Однако нож был недостаточно крепким. Он скользил по ребрам и отклонялся в сторону. Кости ребер были тверды; перерезать их было так же трудно, как перерезать проволоку.

Вдруг свеча начала шипеть и брызгать. Три часа пролетело! Микеланджело не мог этому поверить. Но пренебречь таким предупредительным знаком он не осмелился. Он снова положил свою зеленую сумку на пол, поставил на нее свечу и взял в руки саван. Закутать труп в полотнище оказалось в тысячу раз сложнее, чем обнажить; поворачивать мертвеца на бок было уже нельзя, так как все его внутренности вывалились бы на пол.

Микеланджело чувствовал, что в глаза ему течет пот; сердце стучало с такой силой, что, казалось, могло разбудить весь монастырь. Собрав последние силы, он приподнял мертвеца, просовывая под спину полотнище и обертывая его, как было нужно, пятью витками. Едва он успел удостовериться, что труп лежит на топчане в том же положении, в каком лежал прежде, осмотреть пол, выискивая на нем упавшие капли воска, как свеча замигала, зашипела, вспыхнула в последний раз и погасла.

У него хватило выдержки пойти домой той же окольной дорогой, какой он шел в монастырь. Много раз он останавливался у выступов и углов зданий, в темных местах: его тошнило и рвало. Трупный запах стоял у него в ноздрях и проникал в гортань с каждым вдохом. Придя домой, он хотел нагреть воды на горячих углях, которые оставляла в кухне Лукреция, но не осмелился: шум мог разбудить все семейство. Однако мерзкое ощущение жира на руках было невыносимо, его хотелось смыть сейчас же. Он нащупал в темноте кусок жесткого мыла и вымыл руки холодной водой.

Когда он лег в постель, все его тело было как ледяное. Он прижался к брату, но даже тепло Буонаррото не согревало его. Несколько раз он должен был вставать с постели и идти к ведру - его снова тошнило и рвало. Он слышал, как поднялась, оделась и прошла через кухню Лукреция, как по винтовой лестнице она спустилась на улицу, едва первые, еще слабые, жемчужно-серые отблески рассвета тронули окно, выходящее на конюшни Виа деи Бентаккорди.

Весь день его то бросало в жар, то знобило. Лукреция сварила для него куриный бульон, но он не мог проглотить ни ложки. Все в доме один за другим входили в спальню взглянуть, что с ним случилось. Он лежал в постели, чувствуя себя холодным и липким, как труп. Трупный запах в носу не улетучивался, он давал себя знать каждую минуту. Микеланджело заверил Лукрецию, что он занемог не от еды, которой она кормила его за ужином; успокоенная, она пошла на кухню и приготовила ему лечебное снадобье - настои из трав. Монна Александра осмотрела внука, желая знать, нет ли у него прыщей. К вечеру Микеланджело был уже в силах выпить немного целебного отвара и от души поблагодарил за него Лукрецию.

Когда время приближалось к одиннадцати, он встал, надел башмаки, рейтузы, теплую рубашку, плащ и, еле держась на ослабевших ногах, направился в Санто Спирито.

Мертвеца в покойничкой не было. Его не оказалось и на следующий день. За это время Микеланджело уже успел вполне оправиться. На третью ночь он обнаружил, что на узком дощатом топчане снова лежит завернутый в саван труп.

Покойник на этот раз был старше возрастом, с кустиками седой бороды на

широком красном лице; на очень плотной коже у пего проступали, как на мраморе, влажные крапины и разводы. Теперь Микеланджело действовал ножом гораздо увереннее и вскрыл брюшную полость с первой попытки. Пустив в ход левую руку, он начал взламывать ребра; ребра трещали, как сухое дерево. Но отделить грудную клетку от ключиц ему не удалось.

Он поднял свечу, чтобы хорошенько осветить открывшиеся в полости груди внутренности: он видел их впервые. Перед ним была некая бледно-красная, ячеистая, прочная ткань - Микеланджело догадался, что это легкие. Они были покрыты черным налетом: Микеланджело знал по рассказам, что так бывает у рабочих-шерстяников.

Он попробовал нажать на легкое: изо рта мертвеца вырвался свистящий звук. Микеланджело в ужасе выронил из рук свечу. К счастью, она не погасла. Когда он немного пришел в себя и вновь поднял свечу, он понял, что, прикоснувшись к легкому, он выдавил находившийся в нем воздух; впервые он ясно представил себе, что такое дыхание, - он мог видеть, и чувствовать, и слышать, как ходит воздух между легкими и ртом, он увидел, как воздействует дыхание на форму всего торса.

Сдвинув легкое в сторону, он заметил темно-красную массу: он подумал, что это, должно быть, сердце. Оно было окутано блестящей пленкой. Ощупывая и оглядывая его, он убедился, что по очертаниям оно напоминает яблоко и подвешено в грудной клетке почти свободно.

"А можно его вынуть?"

Он колебался одну секунду, затем взял ножницы и надрезал защитную оболочку. Он снял ее, не применяя ножа, будто счистил кожуру с банана. В его руках теперь было обнаженное сердце. И тут, совсем неожиданно, его так ударило по нервам, словно бы на него обрушилась дубинка Геракла. Если сердце и душа - это одно и то же, то что произойдет с душой этого несчастного человека, если он вырезал у пего сердце из груди?

Но страх исчез так же быстро, как и появился. Сейчас Микеланджело испытывал лишь чувство торжества. Ведь он держал в своих руках человеческое сердце! Он был счастлив от сознания того, что прикоснулся к самому важному органу тела человека, увидел его, ощутил его плоть. Он взрезал ножом сердце и был потрясен, обнаружив, что внутри его пусто. Потом он вложил сердце снова в грудь и поставил на свое место ребра, рисунок которых художники без особых хлопот постигали на первом встречном художавом тосканце. Но теперь Микеланджело в точности знал, в каком именно месте под ребрами бьется сердце.

О том, как обращаться со змеевидной кишкой, у Микеланджело не было ни малейшего представления. Он ухватил ее пальцами и осторожно потянул. Аршина на два она вышла наружу легко, ибо кишечник отделялся от задней стенки довольно свободно. Но скоро кишка стала вытягиваться уже с трудом. В верхней части она утолщалась и была соединена с каким-то мешком: Микеланджело заключил, что это желудок. Он взял нож и отрезал кишку от желудка.

Он вытянул кишечник наружу аршин на десять, перебрал и ощупал его. Кишки были то толще, то тоньше и наполнены то чем-то твердым, то совершенно жидким. Микеланджело стало ясно, что кишечник - это длинный канал, наглухо закрытый: внутрь него проникнуть было нельзя. Чтобы взглянуть, что же в нем есть, Микеланджело разрезал его ножом в нескольких местах. В нижней части обнаружился кал - запах его был ужасен.

Микеланджело запасся на этот раз четырехчасовой свечой, но и она уже оплывала и брызгала воском. Он сложил внутренности в брюшную полость и с огромными усилиями запеленал труп.

На площади Санто Спирито он кинулся к фонтану и хорошенько вымыл руки, но ощущение липкой грязи на пальцах так и не исчезало. Он опустил голову в ледяную воду, словно бы желая смыть, снять с себя чувства вины. Минуту он стоял неподвижно; вода струйками текла у него по волосам и лицу. Потом он побежал домой, весь дрожа, как в лихорадке.

Он был измучен душой до предела.

Когда он проснулся и открыл глаза, перед ним стоял отец и смотрел на него с недовольным видом.

- Микеланджело, вставай. Лукреция накрывает стол к обеду. Видно, опять у тебя новые причуды. Почему ты целый день спишь? Что же ты делал ночью?

Микеланджело, не поднимаясь, смотрел на Лодовико.

- Извини меня, отец. Я себя плохо чувствую.

Он тщательно умылся, причесал волосы, надел свежее платье и пошел к столу. Он уже думал, что совершенно здоров. Однако, когда Лукреция внесла миску супа с говядиной, он выскочил в спальню и стал блевать в ночной горшок, пока у него не запыхали все внутренности.

Но на следующую ночь Микеланджело был опять в покойницкой.

Не успел он запереть дверь кельи, как на него хлынул запах тления. Размотав саван, он увидел, что левая нога мертвеца вздулась, увеличившись раза в полтора, и стала коричневой; на пей появились, выступив из-под кожи, зеленые пятна. Все остальное тело было пепельно-серого цвета; глаза и щеки глубоко запали.

Микеланджело начал работу с того, на чем кончил во вчерашнюю ночь; быстро проник к кишечнику и распутал, разобрал его, петлю за петлей. Он сложил кишки на полу и поднес свечу прямо к брюшной полости. Там было несколько органов, увидеть которые он доискивался, - селезенка с левого бока и печень с правого. Печень он узнал, припоминая, как разрубали на рынке быков и овец; близ позвоночного столба, по обеим его сторонам, были почки.

Микеланджело осторожно оттянул их и убедился, что они соединены с мочевым пузырем тонкими, как проволока, трубками. Затем он рассмотрел, как прикреплена к задней стенке печень; ножницами он перерезал соединительные волокна и вынул печень наружу. Держа печень на ладони, он осмотрел ее со всех сторон и лезвием ножа тронул маленький пузырь, прикрепленный к печени снизу. Из пузыря вытекла темно-зеленая жидкость.

Теперь он поднес свечу ближе и увидел то, что прежде ускользало от его глаз: брюшная полость была отделена от грудной куполообразной мышцей. В центре этой мускульной преграды были два отверстия, через которые проходили трубы, соединяющие желудок со ртом. Одна труба - крупный канал, идя вдоль позвоночника, исчезала в грудной клетке. Микеланджело стало понятно, что грудь и брюшная полость связаны между собой посредством двух проходов. Один из них служил для принятия нищи и жидкостей. Назначение второго Микеланджело не мог разгадать. Он приподнял грудную клетку, по так и не выяснил, для чего служит этот канал. Свеча замигала, грозя погаснуть.

Бесшумно пробираясь по лестнице в дом, он увидел, что отец не спит и ждет его в дверях.

- Где ты был? Чем это от тебя так ужасно воняет? Прямо-таки мертвечиной!

Опустив глаза, Микеланджело извинился и быстро шмыгнул мимо Лодовико, чтобы укрыться в спальне.

Заснуть он был не в силах.

"Неужели я так никогда не привыкну к трупам?" - с горечью думал он.

На следующую ночь мертвеца в покойницкой не оказалось. Микеланджело почувствовал, что над ним нависает опасность: то место на полу, где он клал кишки, было выскоблено и вымыто и светлым пятном выделялось среди остальных плит. И там же на полу, подле ножек топчана, остались скатившиеся со свечи капли воска. Но если следы работы Микеланджело и были замечены, нерушимая, как и прежде, тишина в покойницкой помогла ему успокоиться.

Когда вновь наступила ночь, Микеланджело обнаружил на топчане мальчика лет пятнадцати. Никаких признаков болезни на его теле не было видно. Бледная, почти совершенно белая кожа покойника на ощупь была очень мягкой. Микеланджело открыл у него веки: глаза мальчика оказались голубыми, глубокого оттенка; рядом с пергаментно-белыми веками они производили впечатление темных. Мальчик был мил и привлекателен даже мертвым.

- Ну конечно, он сейчас проснется, - тихо сказал Микеланджело.

Грудь у мальчика была совсем гладкая, без единого волоска, - это почему-то особенно тронуло Микеланджело, и теперь он испытывал к мальчику такую же щемящую жалость, какую чувствовал к мертвецу в первую ночь.

Микеланджело отступил от топчана: нет, он не будет вскрывать тело мальчика, он делает это завтра. Затем, глядя на выбеленные стены покойницкой, Микеланджело тяжело задумался. Ведь завтра утром этот мальчик уже будет укрыт под землей на кладбище Санто Спирито. Микеланджело повернулся, шагнул к мальчику и потрогал его: тот был холоден, как лед. Он был прекрасен, но мертв, как были мертвы все другие мертвецы.

Он взрезал теперь кожные покровы куда искусней, чем прежде: просунув руку под грудину, он легко отделил ее. Продвигаясь к шее, он нащупал какую-то трубку, с дюйм в диаметре; вся она состояла словно бы из очень твердых колец. Между кольцами прощупывалась мягкая перепончатая трубка, выходящая из самой шеи. Микеланджело не мог установить, где кончалась эта трубка и начинались уже легкие; но когда он потянул трубку, шея и рот мальчика пришли в движение. Микеланджело судорожно отдернул руку и отошел от трупа.

Минуту спустя он вслепую перерезал трубку - увидеть ее было невозможно - и одно за другим вынул из груди легкие. Они были почти невесомы, а когда Микеланджело сжал их, ощущение было такое, точно он сжимал комок снега. Он попытался вскрыть легкое ножом, положил его на топчан и взрезал - под плотной поверхностью легкого обнаружили сухие губчатые ткани. На одном легком Микеланджело заметил бледную желтовато-белую слизь, от которой оно делалось влажным; на другом легком слизь казалась розовато-красной. Микеланджело хотел было открыть у мальчика рот и обследовать горло и шею, но, прикоснувшись к зубам и языку, почувствовал отвращение и замер на месте.

Ему вдруг показалось, что в покойнице кто-то есть, хотя он прекрасно знал, что это невозможно, что он запер дверь изнутри. Все в эту ночь было для него слишком тягостным.

Микеланджело завернул мальчика в саван: труп был легок, и это давалось ему без труда. Уложив покойника так, как он лежал прежде, Микеланджело вышел из кельи.

5

Он не мог больше рисковать тем, чтобы отец вновь почувствовал запах мертвечины, и брел наугад по улицам, пока не наткнулся в рабочем квартале на винную лавочку, которая была уже открыта. Там он выпил немного кьянти. Улучив момент, когда торговец на секунду отвернулся, он вылил остатки вина себе на рубашку.

Почувяв крепкий винный запах, Лодовико был взбешен:

- Мало того, что ты шляешься все ночи по улицам и бог знает что там творишь, мало того, что снюхался с падшими женщинами, - теперь ты явился домой в таком виде, что от тебя несет, как от винной бочки! Я на в силах тебя понять. Какой дьявол толкает тебя на эту, дурную дорожку?

Микеланджело мог сохранить мир в семье, лишь держа ее в полном неведении о своих занятиях. Пусть отец думает, что Микеланджело гуляет и бражничает: ведь он уже притерпелся к мысли о разгуле, поскольку Джовансимоне нередко возвращается домой с окровавленной физиономией и в изорванном платье. Но время шло, и, видя, что Микеланджело по-прежнему где-то бродит целые ночи и является спать только перед рассветом, семейство вознегодовало. Каждый нападал на Микеланджело, исходя из своих соображений. Лукреция на том основании, что он совсем не ест, дядя Франческо потому, что боялся, как бы Микеланджело не наделал долгов, тетя Кассандра - опасаясь за его моральные устои. Один только брат Буонаррото заставил Микеланджело рассмеяться.

- Я знаю, что ты не кутишь и не гуляешь, - сказал он.

- Откуда же ты знаешь?

- Да это ясней ясного. Ведь с тех пор, как ты купил свечи, ты не спрашивал у меня ни скудо. А без денег женщину во Флоренции не достанешь.

Микеланджело понял теперь, что ему необходимо найти место, где он мог бы отдыхать и отсыпаться днем. Тополино никогда ни о чем не спрашивают его, но до Сеттиньяно далеко: чтобы ходить туда и обратно, пришлось бы попусту тратить очень нужные ему драгоценные часы.

Придя утром в свою мастерскую на дворе Собора, Микеланджело уселся перед столиком для рисования. Когда Бэппе здоровался с ним, на лице у

старика была недоуменная мина.

- Ты так исхудал, дружище, поглядеть - ну, чисто труп. Чем это ты себя мучишь?

Микеланджело бросил на каменотеса быстрый взгляд:

- Я... я работал, Бэппе.

Показав свои беззубые десны, Бэппе захихикал.

- Ох, если бы я еще годился для этой работы! Но послушай меня, дружок: не позволяй подниматься палице Геракла каждую ночь. Помни: то, что ты отдашь ночью женщине, уже не отдашь утром мрамору.

В ту ночь Микеланджело впервые столкнулся с покойником, столь обезображенным смертью, что, весь дрожа, смотрел на него и думал: господи, во что только может превратиться твое творение! Мертвец был лет сорока, с крупным темно-красным лицом, с опухолью на шее. Рот у него был открыт, губы синие, белки глаз в красных пятнах. За желтыми зубами виднелся багровый язык, он распух и заполнял собой всю полость рта.

Микеланджело приложил руку к лицу покойника. Щеки его напоминали на ощупь сырое тесто. Микеланджело хотелось на этот раз разобраться в строении лица и головы. Он взял в руки небольшой нож - меньших у него не было - и разрезал кожу на лице покойника от линии волос до горбинки носа. Он попытался снять кожу со лба, но это оказалось невозможно: кожа обтягивала черен чересчур плотно. Тогда он сделал надрезы над обеими бровями и, проведя лезвием ножа до внешних уголков глаз, а потом в сторону уха, откинул кожу на висках и скулах.

Теперь голова трупа была так безобразна, что Микеланджело не мог продолжать работу. Он поднял с полу саван и прикрыл им ужасную голову, сосредоточив свое внимание на костях таза и волокнистых мышцах бедра.

Спустя несколько ночей, когда в покойницкой был уже новый труп, Микеланджело умело снял кожу с лица, действуя ножницами. Под тонким слоем желтого жира он обнаружил мышечную красную ткань - мышцы кругом облегли рот и шли от одного уха до другого. Впервые в жизни Микеланджело осознал, каким образом движение мускулов вызывает на лице улыбку, слезное горе, печаль.

Чуть глубже этих тканей располагалась несколько более толстая мышца, идущая от угла челюсти к основанию черепа. Просунув туда палец, Микеланджело нажал на мышцу и заметил, как челюсть шевельнулась. Он, вновь и вновь нажимал на мышцу, заставляя челюсть делать жевательное движение, а затем разыскал мускул,двигающий веки. Чтобы узнать, вследствие чего двигается глаз, ему надо было проникнуть в глазницу. Засовывая в нее палец, он надавил слишком сильно. Глазное яблоко лопнуло. Пальцы Микеланджело запачкала белая слизь, глазница сразу стала пустой.

Пораженный ужасом, он отошел в угол кельи и прижался лбом к выбеленной, холодной стене: его опять невыносимо тошнило. Подавив наконец этот приступ, он вернулся к трупу и перерезал мышечные ткани, вокруг второго глаза - глаз держался теперь лишь на чем-то, скрытом в глубине глазницы. Микеланджело погрузил в нее палец и медленно подвигал глаз направо и налево, а затем вытащил его наружу. Он долго перекачивал его на ладони, стараясь разгадать, как он движется. Он поднес свечу прямо к опустошенной глазнице и заглянул в нее. На дне впадины было заметно отверстие: тонкое, как проволочка, волоконце шло из глазницы в череп. До тех пор пока он не снимет верхушку черепа и не рассмотрит мозг, понять, как видит глаз, ему не удастся.

Его свеча уже догорала. Он срезал все мягкие ткани носа, обнажив кость, и ясно представил себе, что произошло с его собственным носом от удара кулака Торриджани.

Свеча оплыла совсем и зашипела.

Куда же теперь идти? Едва волоча ноги, он плелся через площадь Санто Спирито. От усталости у него ныло все тело, глаза жгло, желудок крутило и выворачивало. Возвращаться домой Микеланджело не хотел: ведь Лодовико встретит его на лестнице и будет кричать, что он, его сын, опускается все ниже и идет прямой дорогой к тюрьме.

Микеланджело решил укрыться в своей мастерской при Соборе. Он перекинул через ограду сумку, а затем легко перелез и сам. В лучах луны глыбы белого мрамора светились, словно были совсем прозрачные, щебень вокруг полузавершенных колонн сиял, как свежий, только что выпавший снег.

Прохладный воздух успокаивал боль в желудке. Микеланджело добрался до своего верстака, расчистил под ним место и лег спать, укутавшись с головой плотной холстиной.

Спустя час или два он проснулся; солнце уже поднялось. С площади доносились голоса: приехавшие на рынок крестьяне выставляли свои товары. Микеланджело прошел к фонтану, умылся, купил кусок пармезана и два поджаристых хлебца и снова вернулся на двор Собора.

Полагая, что ощущение железных инструментов в руках даст ему радость, он начал было обрубать углы Гераклова блока. Но скоро он сложил молоток и закольник наземь, сел за стол и начал рисовать – руку, сухожилие, мышцу, челюсть, сердце, голову.

Когда к нему подошел поздороваться Бэппе, Микеланджело растопырил пальцы и прикрыл ими рисунки. Бэппе не стал особо любопытствовать, но все же успел разглядеть изображение пустой глазницы и вынутых наружу кишок. Он мрачно покачал головой, отвернулся и зашагал прочь.

Чтобы успокоить отца, к обеду Микеланджело явился домой.

Прошло несколько дней, прежде чем Микеланджело собрался с духом и решил идти в покойницкую, вскрывать черен. Он вскрывал его, нанося удары молотком и зубилом в переносье. Это была не работа, а сплошная пытка – при каждом ударе голова мертвеца содрогалась и дергалась. Микеланджело совсем не знал, с какой силой надо ударять инструментом, чтобы разрубить кость. Вскрыть череп ему так и не удалось. Он закутал голову мертвеца в саван, перевернул труп на живот и весь остаток ночи потратил на изучение позвоночника.

На следующую ночь, когда в покойницкой был уже новый мертвец, Микеланджело не повторил своей ошибки и не стал взламывать переносье; он начал пробивать череп у верхнего кончика левого уха, на линии волос; нанеся три или четыре сильных удара по одному месту, он прорубил кость насквозь. Теперь, удлиняя открывшуюся щель, можно было отделять череп по окружности головы. Выступало влажное желтое вещество; щель делалась все шире. Когда щель охватила половину окружности головы, Микеланджело просунул зубило поглубже и нажал на него сверху, как на рычаг. Черепная коробка отвалилась и лежала теперь у него в руках.

Она была словно бы сделана из сухого дерева. Потрясенный, Микеланджело едва не уронил ее на пол. Он перевел взгляд с черепа на труп и ужаснулся: лишенное лба, лицо казалось чудовищно нелепым и страшным.

Сейчас его опять переполняло чувство тяжелой вины, но, сняв череп, он мог уже рассмотреть, как выглядит человеческий мозг. Где же зарождаются эмоции, какая часть мозга дает возможность лицу выразить чувства и настроения? Как художник, Микеланджело интересовался прежде всего этим. Придвинув свечу к мозгу, он увидел, что его изжелта-белая поверхность изрезана красно-голубыми жилками: артерии и вены шли повсюду, в любом направлении. Вся масса мозга делилась посередине на две части; в соответственном месте вдоль черепа шла разделительная линия. Никакого запаха у мозга не было. Микеланджело осторожно притронулся к нему пальцами: он был влажный, очень мягкий и чуть скользкий; ощущение было такое, словно прикасаешься к нежной и мягкой рыбе.

Он приладил череп, надев его снова на голову, и плотно обмотал голову саваном так, чтобы череп держался на месте. Когда наступило утро, Микеланджело уже не чувствовал себя ни больным, ни несчастным и с нетерпением ждал часа, когда он вновь попадет в покойницкую и взрежет уже самый мозг.

Сняв черепную коробку у нового трупа, Микеланджело был поражен: люди так непохожи друг на друга, а мозг у них почти одинаков! После минуты раздумий он пришел к выводу, что внутри мозга должна существовать какая-то физическая субстанция, от которой зависит своеобразие каждого человека. Запустив указательный палец в основание черепа, он ощупал мозг со всех сторон и убедился, что его масса не соединена плотно с костью и легко от нее отделяется. Тогда он, просунув руки под мозг справа и слева, попробовал приподнять и вынуть его. Однако мозг не вынимался.

Пальцы его рук, шаря под мозгом, уже сошлись друг с другом: Микеланджело ощутил, что вся масса мозга удерживается на месте посредством множества волокон, похожих на проволоку. Он перерезал эти волокна и вытащил мозг наружу. Мозг оказался таким мягким и в то же время таким

скользким, что, боясь помять и разрушить его, Микеланджело должен был действовать с величайшей осторожностью. Глядя на вынутый мозг, он и дивился и восхищался: ведь эта, в общем столь небольшая желтовато-белая масса, весившая от силы два фунта, породила все величие человеческого рода - его искусство, науку, философию, государственность; она сделала человека таким, каков он есть - добрым и злым одновременно.

Когда Микеланджело разрезал мозг вдоль борозды, делившей его на две половины, нож прошел сквозь белую массу с такой легкостью, словно бы это был очень мягкий сыр, прошел бесшумно, ничуть не сминая краев. Как и прежде, Микеланджело не ощущал никакого запаха. Куда бы ни проникал нож, всюду открывалось одно и то же вещество серого, чуть отдающего в желтизну, цвета. Микеланджело сдвинул труп немного в сторону, освободив место на топчане для мозга, и был удивлен, когда заметил, что мозг стал медленно оседать и расплываться.

Отверстия в черепе, как обнаружил Микеланджело, были заполнены теми же, похожими на проволоку, волокнами, которые ему пришлось оборвать, вынимая мозг. Он проследил, куда идут эти волокит, и понял, что лишь они-то и связывают мозг с телом. Передние отверстия соединяли с мозгом глаза, два отверстия с боков соответствовали ушам. Микеланджело увидел еще отверстие, дюйма в полтора, находящееся в основании затылочной части черепа: оно вело прямо к позвоночнику, - это была связь между мозгом и спиной.

Он уже изнемогал от усталости, ибо работал пять часов кряду, и был рад, когда свеча догорела.

Сидя на краешке фонтана на площади Санто Спирито и обмывая лицо холодной водой, он мучительно раздумывал:

"Уж не сошел ли я с ума, занявшись таким делом? Имею ли я право вскрывать трупы только потому, что это нужно для скульптуры? Какой ценой придется мне заплатить за эти сокровенные знания?"

Наступила весна, воздух стал теплее. Однажды Бэппе сказал Микеланджело, что в Санто Спирито собираются перестраивать приемную палату и ищут людей для скульптурной работы: надо будет делать резные капители и украшать свод и двери. Микеланджело не приходило и в голову, что можно обратиться по этому поводу к настоятелю Бикьеллини. Он разыскал десятника, руководившего перестройкой каменного свода, и предложил ему свои услуги. Десятник заявил, что ученик для такой работы не подходит. Микеланджело сказал в ответ, что он покажет десятнику свою "Богородицу с Младенцем" и "Битву кентавров", чтобы тот судил, можно ли ему поручить работу. Десятник нехотя согласился взглянуть на мраморы Микеланджело. Буджардини взял в мастерской Гирландайо повозку, подъехал к дому Буонарроти, помог Микеланджело закутать мраморы в мешковину и снести их вниз по лестнице. Они погрузили их в телегу, обложив со всех сторон соломой, и через пост Святой Троицы двинулись к Санто Спирито.

На десятника мраморы не произвели впечатления. Это, по его словам, было совсем не то, что требовалось сделать в монастырской приемной.

- Помимо всего, я уже нанял двух человек.
- Скульпторов? - изумился Микеланджело.
- Ну хоть бы и скульпторов.
- Как же их зовут?
- Джованни ди Бетто и Симоне дель Каприна.
- Никогда не слышал о таких скульпторах. Где они учились?
- У серебряных дел мастера.
- Разве вы думаете отделять камень серебром?!
- Они уже работали в Прато. Люди с опытом.
- А разве я без опыта? Я три года работал в Садах Лоренцо, моим учителем был Бертольдо!

- Не горячись, сыпок. Те люди пожилые, им надо кормить семьи. Ты же знаешь, работы по мрамору почти нигде нет. Но, конечно, если ты добьешься приказа Пьеро де Медичи, поскольку Медичи тебе покровительствуют, и если Пьеро оплатит твою работу...

Микеланджело и Буджардини свезли рельефы обратно и уложили их снова под кровать.

Лодовико молчаливо ждал, когда сын изменит свое поведение. Микеланджело по-прежнему возвращался домой на заре, целые ночи орудуя ножом над коленом или лодыжкой, локтем или кистью руки, бедрами, тазом, половыми органами.

Снова и снова вглядывался он в мускулатуру, изучая строение плеч, рук, голеней, икр. Наконец, Лодовико прижал его к стене.

- Я приказываю тебе бросить этот распутный образ жизни. Днем надо заниматься делом, а ночью, сразу же после ужина, - спать!

- Обождите немного, отец, и все будет по-вашему.

Видя, что Микеланджело тоже пристрастился к разгульной жизни, Джовансимоне был в восторге. Флоренция волновалась, обсуждая последнюю новость: Пьеро уступил требованиям отцов доминиканцев и выслал Савонаролу, как "чересчур рьяного приверженца народа", в Болонью. На привычное времяпрепровождение Джовансимоне это не повлияло.

- Может быть, мы пойдем сегодня вечером вместе? Я знаю, где будет крупная игра и девки.

- Спасибо, не пойду.

- Отчего же? Разве ты уж так безгрешен, что гнушаешься много?

- Каждому свои собственный грех, Джовансимоне.

6

Конец занятиям Микеланджело с трупами положила одна неожиданная смерть. Всегда деятельный и крепкий здоровьем, Доменико Гирландайо заразился чумой и в два дня скончался. Микеланджело пришел в мастерскую своего бывшего учителя и вместе с Граначчи, Буджардини, Чьеко, Бальдинелли, Тедеско и Якопо встал подле его гроба. По другую сторону гроба стояли сын, братья, зять и друзья покойного. Похоронная процессия двигалась по тем самым улицам, где Микеланджело когда-то ехал в запряженной осликом тележке, впервые направляясь писать фрески в церкви Санта Мария Новелла.

После заупокойной службы и погребения Микеланджело пошел к настоятелю Бикьеллини, спокойно положил длинный бронзовый ключ на раскрытую книгу, которую тот читал, и тихо сказал:

- Я с радостью высек бы какое-нибудь изваяние для церкви.

Настоятель отнюдь не удивился словам Микеланджело, его лицо выразило лишь удовольствие.

- Мне давно нужно распятие для центрального алтаря. Пожалуй, его надо сделать из дерева.

- Из дерева? Не знаю, сумею ли я вырезать распятие из дерева.

"Резьба по дереву - не мое дело" - эти слова были у Микеланджело уже на языке, но он благоразумно сдержался и не произнес их. Если настоятель хочет, чтобы распятие было из дерева, пусть оно будет из дерева, хотя Микеланджело никогда не работал по дереву. Бертольдо заставлял его осваивать любой материал для скульптуры - воск, глину, различные сорта камня. Но о дереве Бертольдо не заводил и речи; может быть, он не думал о нем по той причине, что учитель его, Донателло, создав свое "Распятие" для Брунеллески, за последние тридцать пять лет жизни совсем не брался за дерево.

Проведя Микеланджело через ризницу, настоятель указал на арку за главным алтарем, ведущую в один из алтарных приделов.

- Можно ли тут поставить фигуру в натуральную величину?

- Сначала, чтобы быть уверенным, надо бы зарисовать и арки и алтарь. Но, мне кажется, фигура почти в натуральную величину здесь поместится. Только я хотел бы работать в монастырской столярной - это можно?

- Братья будут тебе рады.

Солнечный свет из высоких окон потоком врвался в монастырскую мастерскую, заливая плечи и спины столяров. С Микеланджело они обращались совсем просто, как с равным своим товарищем, который делает какую-то нужную для обители - одну из тысяч нужных - вещь. Хотя особого запрета шуметь и громко разговаривать в столярной не существовало, здесь всегда было тихо: люди, склонные к крику и болтовне, в августинских монастырях не уживались.

Микеланджело тут нравилось; от тишины, которая нарушалась лишь приятным шумом пилы, фуганка и молотка, он испытывал физическое наслаждение. Запах опилок был целителен, как лекарство. Чтобы примениться к работе над материалом, столь непохожим на мрамор, Микеланджело перепробовал все породы дерева, какие только нашлись в мастерской. Казалось, дерево совсем не отвечает на удар, не сопротивляется ему.

Микеланджело принялся читать Новый завет, историю жизни Христа в изложении Матфея и Марка. По мере того как он читал страницу за страницей, в памяти, его блекли и отступали в тень все стародавние распятия флорентийских часовен, где крестные муки Спасителя внушали страх и ужас. Теперь перед его взором стоял лишь образ настоятеля Бикьеллини – веселого, сердечного, самоотверженного человека, во имя божие отдающего людям все свои силы и помыслы: его огромный ум и благородство как бы утверждали жизнь.

Натура Микеланджело требовала сказать нечто свое, самостоятельное. Но что скажешь нового и оригинального о распятом на кресте Иисусе, если его ваяли и писали красками уже столько веков? И хотя замысел распятия все никак не прояснялся, Микеланджело хотелось создать особенно прекрасную вещь и тем оправдать доверие настоятеля. Распятие должно быть поистине одухотворенным, возвышенным, – иначе настоятель придет к мысли, что, позволив Микеланджело вскрывать трупы, он сделал ошибку.

Микеланджело начал зарисовывать деревянные распятия тринадцатого века. Голова и колени Христа на этих распятиях были повернуты в одну сторону: такая поза, вероятно, легче давалась скульпторам и вернее действовала на чувства зрителей, не вызывая лишних вопросов. В четырнадцатом столетии скульпторы уже ваяли Христа с лицом, обращенным к зрителю, симметрично располагая все части тела по обе стороны центральной вертикали.

Он подолгу стоял перед "Распятием" Донателло в церкви Санта Кроче, дивясь величию замысла этой работы. Какие бы чувства ни хотел пробудить в зрителе Донателло, он великолепно передал ощущение силы, соединенной с идиллической мягкостью, способность простить и в то же время побороть, сломить сопротивление, готовность исчезнуть, рассыпаться в прах и, если надо, воскреснуть. Все это было чуждо Микеланджело, хотя, по-видимому, Донателло выразил тут свою душу. Микеланджело никогда не понимал, почему господь бог сам не мог совершить всего того, ради чего он послал на землю сына. Зачем был нужен господу сын? Изысканно красивый, тихий Христос Донателло говорил ему: "Все совершилось так, как хотел господь бог, все было predetermined. И легко смириться и благословить свою судьбу, когда она уже предрешена. Я был заранее готов к этим мукам".

Но такой взгляд на события Микеланджело не мог принять по своему характеру.

Как примирить, согласовать насильственную смерть с божьей заповедью о любви? Зачем господь дал совершиться насилию, если оно вызовет вслед за собой ненависть, страх, жажду мщения и снова насилие? И если бог всемогущ, почему он не нашел другого, более легкого и мирного пути, чтобы возвестить свое слово людям? Его бессилие преградить путь варварству ужасало Микеланджело... и, быть может, самого Христа.

Он постоял на ярком солнце у ступенек Санта Кроче, глядя, как мальчики гоняли мяч по твердой, утоптанной площади, затем медленно двинулся по Виа де Барди, любовно трогая ладонью резной камень дворцов.

Что пронеслось в голова Христа, думал Микеланджело, между часом заката, когда римский воин вогнал первый гвоздь в его тело, и часом, когда он умер? Ибо эти мысли определяли не только его отношение к своей участи, но и его позу на кресте. Донателлов Христос принял свою смерть безмятежно, в нем нет и следа тревожных мыслей. А Христос Брунеллески был столь хрупким, столь эфемерным, что скончался при первом прикосновении гвоздя, ему не оставалось времени даже подумать.

Микеланджело возвратился к своему верстаку и стал размышлять с карандашом и пером в руках. На листе бумаги появилось лицо Христа, оно говорило: "Я умираю в муках, но страдаю я не от железных гвоздей, а от грызущих меня сомнений". Микеланджело не мог пойти на то, чтобы обозначить божественность распятого таким атрибутом, как нимб. Божественность надо было выразить, показав внутреннюю силу Христа, ту силу, которая позволила ему преодолеть горестные чувства и мысли в самый тяжкий для него час.

Христос Микеланджело неизбежно должен был быть ближе к человеку, чем к божеству. Он словно бы и не знал, что ему предназначено умереть на кресте. Он отнюдь, не жаждал смерти и не помышлял о иен. Не потому ли сомнения и боль, терзавшие Христа, как они терзали бы всякого человека, судорожно выгнули, скрутили все его тело?

Приступая к резьбе, Микеланджело мысленно уже видел перед собой этот новый образ Христа: он повернет его голову и колени в противоположные стороны, раскрывая такой контрастной пластикой мучительное борение двух разных начал, острый конфликт, потрясший тело и душу казнимого.

Он вырезал фигуру Иисуса из самого твердого дерева, какое только было в Тоскане, - из ореха и, закончив обработку скульптуры стамеской, протер ее наждачной бумагой, а затем чистейшим растительным маслом и воском. Монахи в мастерской молча смотрели, как продвигается у него работа, не решаясь высказать ни одного замечания. Заглянувший в столярную настоятель тоже не нашел нужным обсуждать изваяние. Он сказал просто и коротко:

- Распятие - это всякий раз автопортрет художника. Именно такую вещь я желал для алтаря. Большое тебе спасибо.

Воскресным утром Микеланджело привел в церковь Санто Спирито своих родных. Он усадил их на скамью поблизости от алтаря. Сверху на них смотрел его Христос. Бабушка сказала негромко:

- Ты заставил меня почувствовать к нему жалость. А раньше мне всегда казалось, что он жалеет меня.

Лодовико был не склонен кого-либо жалеть.

- На какую сумму был заказ? - спросил он.

- Это не заказ. Я вырезал распятие добровольно.

- Ты хочешь сказать, что тебе не заплатят?

- Настоятель сделал мне столько добра. Я хотел отблагодарить его.

- Настоятель делал тебе добро - это в каком же смысле?

- Как вам сказать... он позволял мне копировать картины и фрески.

- Церковь открыта для всех желающих.

- Я работал в монастыре. И он разрешил мне ходить в библиотеку.

- Тут публичная библиотека. Чтобы парень без гроша за душой бесплатно работал на такой богатый монастырь - для этого надо сойти с ума!

Густой снег, падавший в течение двух суток, сплошь выбелил Флоренцию. Утро в воскресенье выдалось холодное, но ясное и бодрое. Микеланджело сидел один в огороженной мастерской на дворе Собора и, примостясь у жаровни, пытался набросать углем облик своего будущего Геракла. Вдруг его окликнули - перед ним стоял грум из дворцовой свиты.

- Его светлость Пьеро де Медичи спрашивает, не можете ли вы к нему пожаловать.

Прежде всего Микеланджело поспешил к цирюльнику на Соломенный рынок, постриг там волосы, выбрил пробивавшуюся на щеках и подбородке бороду, а придя домой, согрел ушат воды, вымылся, надел синюю шерстяную тунику и - впервые почти за полтора года - направился прямо во дворец Медичи. Во дворе дворца снег шапками лежал на головах статуй. Все молодое поколение семейства Медичи собралось в кабинете Лоренцо, в камине горел яркий огонь.

Праздновали день рождения Джулиано. Кардинал Джованни - после избрания папой враждебного ему Борджиа он поселился в небольшом, но прекрасном дворце в приходе Сант Антонио - выглядел еще более одутловатым и расплывшимся; он сидел теперь в кресле Лоренцо, за спиной у него стоял кузен Джулио. Сестра их Магдалена, жена Франческетто Чибо, сына покойного папы Иннокентия Восьмого, приехала с двумя своими детьми; с детьми же была Лукреция, супруга флорентинского банкира Якопо Сальвиати, владевшего домом Дантовой Беатриче: с ними тихо переговаривались их тетя Наннина и ее муж, Бернардо Ручеллаи. Пьеро и Альфонсина были со своим старшим сыном. На них сияла великолепная парча, украшенная драгоценными камнями атлас и бархат.

Была там и Контессина - ее шелковое, с серебряной нитью, платье поражало изяществом. Микеланджело с удивлением заметил, что она стала выше ростом и что ее руки и плечи стали чуть полнее, а грудь, подпираемая вышитым корсетом, налилась, как у взрослой девушки. Когда они встретились взглядом, глаза Контессины заблестели подобно тому серебру, в которое она была разнаряжена.

Слуга подал Микеланджело стакан горячего вина, сдобренного пряностями. Вино и тот теплый прием, который ему оказали, острая тоска, нахлынувшая при виде кабинета Лоренцо, смутная, быстрая улыбка Контессины – все это ударило в голову и ошеломило Микеланджело.

Пьеро стоял спиной к горящему камину. Он улыбался и, казалось, забыл старую ссору.

- Микеланджело, мы весьма рады вновь видеть тебя во дворце. Сегодня мы должны делать буквально все, что только будет приятно Джулиано.

- Я рад сделать что угодно, если Джулиано будет счастлив.

- Прекрасно. Знаешь, что сегодня утром сказал Джулиано? "Я хочу, – сказал он, – чтобы мне слепили большую, самую большую на свете снежную бабу". А поскольку ты был любимым скульптором нашего отца, естественно, что мы сразу вспомнили о тебе.

В груди Микеланджело что-то оборвалось и упало, как камень. Когда дети, обернувшись, пристально посмотрели на него, он вспомнил мертвеца в келье и те две трубки, которые шли у него ото рта через шею: одна для того, чтобы вдыхать воздух, а другая – чтобы пропускать в желудок пищу. Почему бы не быть еще и третьей – чтобы глотать разбитые надежды?

- Будь добр. Микеланджело, слепи мне бабу! – взмолился Джулиано. – Пусть это будет самая чудесная снежная бабу из всех, какие когда-либо лепили на свете.

Стоило Микеланджело услышать это, как острая горечь, поднявшаяся при мысли, что его позвали лишь затем, чтобы он кого-то развлекал, вдруг утихла. А что, если он ответит: "Нет, снег – это не мой материал?"

- Помоги же нам, Микеланджело! – сказала Контессина, подойдя к нему совсем близко. – А мы все будем у тебя подмастерьями.

И он сразу почувствовал, что сдается.

Когда наступил вечер, толпы флорентинцев все еще заполняли двор Медичи и, покатываясь со смеху, глазели на гигантскую снежную бабу, а Пьеро, сидя в отцовской приемной за письменным столом, над которым висела карта Италии, говорил:

- Почему бы тебе не вернуться во дворец, Микеланджело? Мы были бы рады вновь собрать вокруг себя весь кружок отца.

- Могу я спросить, на каких условиях я должен вернуться?

- Ты будешь пользоваться теми же привилегиями, какими пользовался при отце.

У Микеланджело сдавило горло. Когда он в свое время поселился во дворце, ему было пятнадцать лет. Теперь ему почти восемнадцать. Едва ли это тот возраст, чтобы брать деньги на карманные расходы с умывальника. Но таким образом открывалась возможность уйти из постылого дома Буонарроти, избавиться от тяжелой опеки Лодовико, заработать немного денег и, может быть, изваять для семейства Медичи что-нибудь истинно достойное.

7

Грум провел его в старую, столь памятную комнату; статуэтки Вертольдо, как и прежде, хранились на полках поставца. Явился дворцовый портной, принесся выкройка и тесьму для обмера; в первое же воскресенье мессер Бернардо да Биббиена, секретарь Пьеро, положил на умывальник три золотых флорина.

Все было по-прежнему, и, однако, все было по-иному. Итальянские и иностранные ученые уже не приходили во дворец. Платоновская академия собиралась теперь в садах Ручеллаи. В воскресные дни за обеденным столом сидели лишь самые знатные семьи да легкомысленные богатые юноши, помышлявшие об одних удовольствиях. Тут уже не появлялись правители других итальянских городов-государств, приезжавшие прежде во Флоренцию, чтобы сделать приятное дело – заключить дружественный договор; не было богачей купцов, процветавших при Медичи; не было гонфалоньеров и буонуомини, или

людей из флорентийских советов, которых Лоренцо считал нужным держать поближе к себе. Теперь всех их заменили шуты и молодые гуляки, приятели Пьеро.

Тополино приехали в город на своих белых волах в воскресенье после заутрени и погрузили Гераклов блок на телегу. Дедушка правил волами, а Тополино-отец, три его сына и Микеланджело, придерживая оплетавшие глыбу веревки, шагали позади телеги. Еще с рассвета вымытые и подметенные улицы были тихи и пустынно. Через задние ворота повозка въехала в Сады, там мраморную глыбу сняли и установили в сарае, где Микеланджело работал в прежнюю пору.

Удобно устроившись, Микеланджело вновь принялся за рисунки: он набросал красным мелом юношу, раздирающего руками челюсти Немейского льва, мужчину, душившего могучего Антея, старика, сражающегося со стоголовой гидрой, но все это показалось ему слишком живописным. В конце концов, отвергнув флорентийские образцы Геракла, где герой был представлен с широко расставленными ногами, с руками на бедрах, Микеланджело замыслил совершенно компактную фигуру, ближе к греческим изваяниям: огромная мощь и крепость Геракла чувствовалась в ней по той атлетической тяжеловесной силе, которая сливалась округлый его торс с остальными членами в одно целое.

Какие же уступки он должен сделать общепринятым представлениям? Во-первых, показать дубинку: он задумал изобразить ее в виде древесного ствола, на который опирается Геракл. Затем, неизбежную львиную шкуру, обычно окутывавшую корпус Геракла: Микеланджело накинул ее на Гераклово плечо и слегка приспустил на грудь, оставляя могучий торс обнаженным. Одну руку Геракла он отвел чуть в сторону: эта рука словно бы ограждала яблоки Гесперид, круглые, как шары. Палица, длинная львиная шкура, легендарные яблоки служили прежним скульпторам для того, чтобы показать доблесть и мужество героя; Геракл Микеланджело обнаженный и прямой, самим своим телом, каждым своим мускулом явит ту доблесть и мужество, в которых нуждается мир.

Пусть его Геракл будет самым большим из всех, какие были только изваяны во Флоренции, - это Микеланджело не смущало. Он разметил на глыбе размеры - три аршина и семь дюймов высота фигуры, пол-аршина с лишним основание, пять дюймов запаса над головой: отсюда, спускаясь все ниже, он и начнет работу. И тут же он подумал, что Геракл был национальным героем Греции, как Лоренцо был национальным героем Флоренции. Зачем же изображать его в миниатюрных и изысканных бронзовых статуэтках? Да, и Геракл и Лоренцо потерпели крах, но как много они сделали, как много достигли, идя по своему пути! Они в полной мере заслужили изваяния в крупном масштабе, больше натуральной величины.

Он вылепил из глины грубый эскиз фигуры, прикидывая, как распределится при задуманной позе вес, в каком движении окажутся мышцы спины, если рука будет отведена в сторону, как вообще расположатся мускулы при опоре всего тела на древесный обрубок, как напрягутся сухожилия, какой наклон примут поясница и плечо: все это Микеланджело хорошо теперь знал и мог лепить вполне уверенно. Какой-то инстинкт удерживал его от того, чтобы измерять размеры модели шнурком или отмечать их для перенесения на крупный масштаб железными шпешками. Поскольку это было его первое круглое изваяние большого размера и первая работа, предпринятая им совершенно самостоятельно, он хотел с убедиться, точно ли и послушно его рука следует глазу.

Приступая к первоначальной обработке глыбы, он он раскалил на огне свой инструмент, немного вытянул резцы в длину и, чтобы было удобнее бить крупным молотом, расплющил у них верхние концы. И вновь, как только он взял в руки эти железные инструменты, он ощутил себя сильным и крепким. Он сел прямо наземь перед мрамором. Глядя на него, он испытывал чувство могущества. Крупным шпунтом и увесистым молотом он срубил у камня углы и с радостью подумал, что уже одним этим придал глыбе какую-то красоту. У него не было желаний покорить, подчинить себе этот огромный камень, надо было лишь заставить его выразить пока не совсем ясную творческую мысль.

Это был мрамор, добытый в Серавецце, высоко в Ануанских Альпах. После того как Микеланджело стесал с него верхний выветрившийся слон, он стал раскалываться под острием шпунта, словно сахар; чистые, молочно-белые пластины крошились под пальцами. Взяв тонкую рейку, Микеланджело измерил,

насколько глубоко ему предстояло врубаться в глыбу, чтобы высечь шею, впадины подмышек, грудную клетку, согнутое колено. Затем он вновь отправился в кузницу, изготовил там троянку и яростно набросился на камень, взрезая его по поверхности, как взрезает пахарь плугом землю. Теперь серавецкий мрамор вдруг сделался твердым, будто железо; добиваясь нужных форм, Микеланджело пришлось вкладывать в работу всю силу своих мускулов.

Вопреки наставлениям Бертольдо, он не стал обрабатывать блок сразу по всему объему, а высек сначала голову, потом плечи, руки, бедра; вторгаясь в камень все глубже, он время от времени измерял наиболее высокие места изваяния - тут ему служили и топкая рейка, и просто глазомер. Однажды он едва не загубил свою глыбу. Обрабатывая шею и голову Геракла, он вошел в камень слишком глубоко; от сильных ударов резца по выступающим мускулам плеч голова изваяния начала вздрагивать. На миг Микеланджело показалось, что мрамор вот-вот треснет и Геракл окажется без головы, тогда пришлось бы высекать изваяние заново, уже в меньших размерах. Но все обошлось благополучно, через минуту дрожь прекратилась.

Микеланджело сел на ящик и вытер с лица пот.

Потом он отковал новый набор тонких резцов, стараясь заострить их как можно аккуратнее. Теперь каждый удар молотка передавался режущей грани инструмента точно, без отклонения, словно бы камень резало не железо, а пальцы и ногти ваятеля. Время от времени Микеланджело отходил от блока и оглядывал его со всех сторон - мраморная пыль и крошка, заполнявшая углубления, будто это ямка под коленом или впадина между ребер, мешали в точности оценить результаты работы. Щеткой он аккуратно вычищал пыль.

И вновь он сделал ошибку: не сумел соразмерить глубину заднего плана и несколькими резкими ударами нарушил соотношение плоскостей. Однако с тыльной стороны камня оставался еще достаточный запас, и Микеланджело втиснул фигуру в блок гораздо глубже, чем первоначально рассчитывал.

По мере того как он врубался в мрамор, работа его шла все быстрее: яростно взрезая глубинные слои блока, он стоял, словно окутанный вихрями снежной вьюги, вдыхал белую пыль и жмурил глаза при каждом ударе молота.

Теперь фигура уже стала похожей на ту, что он вылепил в глине, - у Геракла была могучая грудь, сильные, округлые предплечья, сверкающие белизной бедра, похожие на свежее, только что очищенное от коры огромное дерево, крепкая, будто вобравшая в себя необъятную силу героя, голова. С молотком и резцом в руках, он стоял перед этим, еще лишенным лица, титаном; грубо отесанная поверхность подножия как бы свидетельствовала, из чего возникло изваяние: мрамор с самого начала должен был подчиниться и уступить любви - он должен был родить статую. Трудясь над мрамором, Микеланджело ощущал себя поистине мужчиной: за ним, мужчиной, был выбор, его же, мужчину, ждала и победа. Войдя в соприкосновение с объектом любви, он становился воплощением страсти. Мрамор был девственным, но не холодным: пламень, которым горел ваятель, охватывал и его. Мрамор рождает статуи, но рождает их только тогда, когда резец глубоко вторгнется в него и оплодотворит его женственные формы. Только любовь порождает жизнь.

Он старательно протер изваяние пемзой, но не стал полировать его, боясь, что это нарушит впечатление мужественности. Волосы и бороду он почти не отделявал, лишь наметил кое-где завитки и кольца; при этом он действовал своим маленьким трехзубым резцом так, чтобы к камню притрагивался и резал его только крайний зуб.

Однажды к вечеру монна Алессандра почувствовала себя очень усталой, легла спать и больше уже не проснулась. Лодовико воспринял утрату нелегко; подобно большинству тосканцев, он был глубоко привязан к матери и выказывал по отношению к ней такую нежность, какой не проявлял ни к кому из семейства. Для Микеланджело кончина бабушки была особенно горькой: вот уже тринадцать лет, с тех пор как он потерял мать, монна Алессандра оставалась единственной женщиной в семье, у кого он мог найти любовь и понимание. Теперь, без бабушки, дом Буонарроти казался ему еще мрачнее, чем прежде.

А дворец Медичи сиял и был полон шума - там готовились к свадьбе Контессины, которая была назначена на май. Выдавая замуж Контессину,

последнюю из дочерей Медичи, Пьеро попирает законы против роскоши: он собирался потратить на свадьбу пятьдесят тысяч флоринов и устроить такое пышное празднество, какого город еще не видел. У Контессины была уйма хлопот: ей приходилось принимать портних и примеривать платья, давать заказы на роспись сундуков для приданого, разговаривать с купцами, наехавшими со всех стран света, и выбирать лучшие ткани, парчу, серебряные и золотые украшения, посуду и одеяла, белье и мебель – ведь приданое невесты из дома Медичи должно было соответствовать ее положению.

Они встретились случайно, вечером, в кабинете Великолепного. Все было как прежде, кругом стояли книги, статуи и вазы Лоренцо, и, забыв на минуту о близкой свадьбе, они горячо пожали друг другу руки.

– Я так редко вижу тебя теперь, Микеланджело. Тебе не надо горевать из-за моей свадьбы.

– Меня пригласят на нее?

– Свадьба будет здесь, во дворце. Ты неизбежно окажешься среди гостей.

– Пусть меня все-таки пригласит Пьеро.

– Не будь же таким упрямым! – Глаза Контессины сердито загорелись, как они загорались всякий раз, когда Микеланджело в чем-то упорствовал. – Ты проведешь на свадьбе все три дня, так я хочу.

– Ладно, если ты только этого и хочешь, – ответил он, и оба они покраснели.

Граначчи по приказанию Пьеро готовил декорации для брачных торжеств, балов, пиршеств, театральных представлений. Во дворце постоянно пели, танцевали, пили, веселились. Но Микеланджело чувствовал себя одиноким и, стараясь укрыться, большую часть времени проводил в Садах.

Пьеро был с ним вежлив, но весьма холоден: он вел себя так, словно бы то обстоятельство, что он дает кров скульптору своего отца, уже исчерпывает меру его доброты. Ощущение сиротливости у Микеланджело особенно обострилось, когда он подслушал, как хвастался Пьеро тем, что в его дворце есть два необыкновенных человека: Микеланджело, слепивший огромную снежную бабу, и удивительно резвый скороход-испанец, которого Пьеро не может обогнать, даже пустив галопом свою лучшую лошадь.

– Ваша светлость, нельзя ли нам серьезно поговорить о моих занятиях скульптурой? Я хотел бы оплачивать свой хлеб работой.

На лице Пьеро проглянуло недоверие.

– Два года назад ты обиделся на то, что я обращался с тобой как с мастеровым. Теперь ты недоволен тем, что я смотрю на тебя по-иному. Что же надо сделать, чтобы вы, художники, были довольны?

– Мне нужна какая-то цель, наподобие той, которую ставил передо мной ваш отец.

– Какая же это была цель?

– Построить фасад церкви Сан Лоренцо. Украсить его нишами, где будут стоять двадцать мраморных фигур в натуральную величину.

– Я не слыхал от отца ни слова об этом.

– Он говорил это перед тем, как уехать в последний раз в Кареджи.

– Минутные мечты смертельно больного человека. Не очень-то реальные, как видишь. Занимайся своим делом прилежнее. Буонарроти, и не помышляй о постороннем. Когданибудь я подумаю, какую работу тебе поручить.

Микеланджело видел, как со всей Италии, Европы и Ближнего Востока шли к Медичи свадебные дары – друзья Лоренцо, люди, связанные с ним делами, слали теперь редчайшие драгоценные камни, слоновую кость, благовония, дорогие азиатские атласы, восточные кубки и чаши, резную мебель. Он тоже хотел преподнести Контессине подарок. Но какой?

Геракл! В самом деле, что мешает ему подарить свое изваяние Геракла? Он покупал мрамор на собственные деньги. Он скульптор, и он преподнесет ей к свадьбе именно скульптуру. Геракл в саду дворца Ридольфи! Он ничего не скажет ей заранее, он просто попросит Тополино помочь ему перевезти статую в этот сад.

Теперь он впервые по-настоящему задумался, как изваять лицо Геракла. Да, это должен быть образ, портрет Великолепного – и не вздернутый нос, нечистая кожа и жидкие волосы Лоренцо де Медичи, а его внутренняя сущность, его дух. В нем должна быть гордость и в то же время смирение. Будут ощущаться не только сознание власти, но и готовность вести беседу, жажда общения. Устрашающая телесная мощь фигуры должна быть чем-то

смягчена; ведь перед зрителями встанет борец, решившийся сразиться за человечество и обновить, перестроить мир, полный вражды к человеку.

Когда были готовы рисунки, он с волнением начал отделять голову статуи; ручным сверлом он обрабатывал ноздри и уши, падавшие на лоб буйные волосы топором заостренной скальпелем обтачивал округлые скулы Геракла; буравчиком бережно прикасался к его глазам, добиваясь того, чтобы взгляд их был ясным, проникающим в душу зрителя. Микеланджело работал от зари до зари, забывая об обеде, и валился по вечерам в постель, как мертвый.

Граначчи горячо поздравил приятеля с окончанием столь сложной работы, а потом тихо добавил:

- *Amico mio*, ты не можешь подарить это Контессине. С твоей стороны это было бы ложным шагом.

- Почему?

- Это... это слишком крупная вещь.

- "Геракл" слишком крупный?

- Слишком крупный подарок. Ридольфи могут истолковать это превратно.

- Значит, я не могу преподнести Контессине подарок?

- Можешь. Но этот подарок слишком крупный.

- Ты имеешь в виду размеры? Или стоимость?

- То и другое. Ведь ты не какой-нибудь Медичи, не вельможа из богатейших тосканских фамилии. Это может быть дурно воспринято.

- Но статуя ничего не стоит. Я не могу ее даже продать.

- Стоит. И ты можешь ее продать.

- Кому же?

- Семейству Строцци. Они поставят ее во дворике своего нового дворца. Я приводил их сюда в прошлое воскресенье. Они велели мне предложить тебе сотню золотых флоринов. Они поставят "Геракла" на самом почетном месте. И это будет первой работой, которую ты продашь!

Слезы бессилия навертывались и мучительно жгли веки Микеланджело, но он был теперь уже не мальчик и сумел сдержать их.

- Прав Пьеро, и прав мой отец: как бы ни бился художник, конец ему уготован один: быть наемным мастеровым, идти со своим товаром на рынок.

На свадьбу съехалось три тысячи гостей, до отказа заполнив все дворцы Флоренции, и укрыться от шума и толчеи было уже невыносимо. Утром 24 мая Микеланджело надел свою зеленую шелковую тунику с бархатными рукавами и фиолетовый плащ. Фонтан напротив дворца был увит гирляндами веток с плодами, посередине его высились изготовленные Граначчи две дельфины фигуры - из зева этих фигур обильной струей хлестало красное и белое вино, выливаясь на мостовую Виа де Горн.

Свадебная процессия вышла на украшенные флагами улицы, впереди Контессины и Ридольфи шагали трубачи, Микеланджело с Граначчи замыкали шествие. На площади Собора была построена копия римской триумфальной арки, украшенная гирляндами. Стоя на ступенях Собора, нотариус громко читал брачный договор; площадь была запружена тысячами толпами народа. Услышав обширный перечень приданого Контессины, Микеланджело побледнел.

В родовой церкви Сан Лоренцо, совершая обряд, Пьеро торжественно подвел Контессину к Ридольфи, тот надел на ее палец обручальное кольцо. Микеланджело стоял позади всех и, не дожидаясь конца свадебной мессы, выскользнул из церкви в боковую дверь и затерялся в толпе. Часть площади занимал деревянный помост, построенный для удобства зрителей, а в центре ее на столбе высотой в две сажени был сооружен выкрашенный белой краской павильон, в котором играли музыканты. В окнах и на балконах домов пестрели ковры.

Свадебная процессия вышла из церкви, долговязый Ридольфи был в белом атласном плаще, черные как смоль волосы обрамляли его худое, бледное лицо. Поднявшись на ступени помоста, Микеланджело смотрел, как шла Контессина, - на ней было парчовое малиновое платье с длинным шлейфом и воротником из белых горностаев, изысканная малиновая шляпа, вся в блестках золотых бусин. Как только невеста села в изукрашенное кресло, начались представления: разыгрывали похожую на обычный турнир пьесу под названием "Битва между Целомудрием и Браком", в которой принял участие Пьеро; под конец было показано состязание "Рыцарей Кошки" - действие в нем развивалось так, что обнаженный до пояса человек с бритой головой входил в деревянную клетку и загрызал там кошку, не прикасаясь к ней руками.

В зале, где был устроен свадебный пир, получил место и Микеланджело. К торжественному дню во дворец свезли со всей Тосканы самые лучшие припасы: восемьсот бочек вина, тысячи фунтов муки, мяса, разной дичи, тертого с сахаром миндаля. На глазах у Микеланджело Контессина исполнила старинный обряд - в залог плодородия и богатства держала на руках младенца, а затем прятала в своей туфле золотой флорин. Когда застольное пиршество кончилось и гости перешли в зал для танцев, стараниями Граначчи превращенный в подобие сказочного Багдада, Микеланджело тихо вышел из дворца и побрел по улицам от площади к площади: по приказу Пьеро тут были расставлены столы с щедрым угощением и вином, чтобы веселилась вся Флоренция. Однако народ казался мрачным и подавленным.

Микеланджело так и не возвратился во дворец, хотя свадебные торжества должны были длиться еще двое суток, до переезда Контессины в дом Ридольфи. Глухой ночью он неторопливо шагал в Сеттиньяно. Придя туда, он расстелил на дворе у Тополино старое одеяло и, закинув руки за голову, долго смотрел, как над холмами вставало солнце, заливая своим светом кровлю дома Буонарроти, видневшуюся по ту сторону лощины.

8

Свадьба Контессины обозначила собой резкий поворот в судьбе Микеланджело, в судьбе всей Флоренции. Микеланджело уже видел, как негодовали толпы народа в первый вечер свадебных торжеств, слышал всеобщий ропот против Пьеро. И дело было даже не в яростных проповедях Савонаролы, который возвратился во Флоренцию и, обретя еще большую власть в ордене доминиканцев, требовал, чтобы Синьория судила Пьеро за нарушение законов против расточительства.

Озадаченный всеобщей смутой, Микеланджело пошел к настоятелю Бикьеллини.

- Разве свадьбы других дочерей Медичи обходились дешевле? - спрашивал он.

- Да нет, не дешевле. Но при Лоренцо народ считал, что он входит с правителем в долю, а сейчас флорентинцы думают, что они оплачивают прихоти Пьеро. Вот почему свадебное вино кажется им кислым.

Едва кончились свадебные празднества, как в политическую борьбу против Пьеро вступили кузены Медичи. Через несколько дней после венчания вся Флоренция была взволнована громким скандалом: на вечернем пиру, во дворце, Пьеро подрался со своим кузеном Лоренцо из-за женщины. Пьеро ударил Лоренцо по уху: впервые Медичи били друг друга. Соперники уже вытащили свои кинжалы, и, если бы в потасовку не вмешались друзья, дело кончилось бы смертоубийством. Когда Микеланджело вышел в полдень к обедню, он увидел, что кое-кого из постоянных сотрапезников во дворце нет, а смех и шутки Пьеро и его приятелей звучали несколько натянуто.

Как-то раз, в сумерки, Граначчи пришел в Сады и сказал, что некий человек видел во дворике Строщи "Геракла" и будет ждать Микеланджело, чтобы поговорить с ним о заказе. Увидев, что его ожидали там кузены Медичи - Лоренцо и Джованни, Микеланджело страшно удивился. Он часто встречался с ними во дворце еще при жизни Великолепного, которого они любили и почитали, как отца; Великолепный назначил их на самые высокие дипломатические посты, даже послал их - одиннадцать лет назад - в Версаль поздравить Карла Восьмого с восшествием на французский престол. Пьеро же всегда помышал ими, как отпрысками младшей ветви семейства. Братья Медичи стояли у статуи Геракла по обе ее стороны. Могучего сложения, на двенадцать лет старше Микеланджело, Лоренцо был красив, хотя его выразительное лицо и попортила оспа. Шея, плечи и грудь этого человека говорили об огромной силе. Жил он по-княжески, в родовом дворце на площади Сан Марко; среди холмов, чуть ниже Фьезоле и в Каstellо, у него были еще две виллы. За счет его заказа, иллюстрируя "Божественную комедию" Данте,

ныне кормился Боттичелли. Сам он был признанным поэтом и драматургом. Джованни, младшего его брата, которому уже исполнилось двадцать семь лет, Флоренция прозвала Красавцем.

Они встретили Микеланджело самым сердечным образом, с похвалой отозвались о "Геракле", затем перешли к существу дела. Первым заговорил об этом Лоренцо:

- Мы прекрасно помним те два мрамора, Микеланджело, которые ты изваял для нашего дяди Лоренцо. А мы с братом всегда говорили, что когда-нибудь закажем тебе статую и для нас.

Микеланджело потупился, ничего не сказав в ответ. Тогда в разговор вступил Джованни:

- Мы давно мечтаем о статуе Святого Иоанна из белого мрамора. Иоанн - это наш святой покровитель. Такая тема тебя не интересует?

Микеланджело неуклюже переминался с ноги на ногу, разглядывая яркое солнечное пятно на мостовой Виа Торнабуони, за воротами дворца Строрци. Да, ему нужна работа, и не столько ради денег, сколько для того, чтобы подавить в себе постоянно растущее чувство неудовлетворенности и беспокойства. Только подумать: опять в руках у него будет мрамор!

- Мы готовы заплатить тебе большие деньги, - сказал Лоренцо.

- А мастерскую ты себе устроишь у нас в саду, - добавил Джованни. - Что ты на это ответишь?

- Когда ценят твою работу - это всегда приятно. Вы разрешите мне немного подумать?

- Ну разумеется, - охотно согласился Лоренцо. - Мы совсем не намерены торопить тебя. Приходи к нам в воскресенье обедать, доставь удовольствие.

Микеланджело шел домой молча, опустив голову. Граначчи тоже молчал, пока они не дошли до угла Виа деи Бентаккорди и Виа делль Ангуиллара, где им нужно было расставаться.

- Меня просили привести тебя, я и привел. Но это отнюдь не значит, что я настаиваю, чтобы ты соглашался.

- Спасибо тебе, Граначчи. Я понимаю.

Однако домашние были настроены не так миролюбиво.

- Что за сомнения, ты должен брать этот заказ! - гудел Лодовико, откидывая со лба пышные космы сидящих волос. - Сейчас ты можешь диктовать свои условия, выговаривать любую плату - ведь они сами к тебе обратились.

- А почему они обратились ко мне? - спрашивал Микеланджело.

- Потому что им нужна статуя Святого Иоанна, - сказала тетюшка Кассандра.

- По почему именно теперь, когда они собирают себе сторонников против Пьеро? Почему они молчали раньше, все эти два года?

- Да тебе-то какое дело до этого? - встрепенулся дядя Франческо. - Неужели ты такой глупец, что упустишь заказ, который сам плывет тебе в руки?

- Тут все гораздо сложнее, дядя Франческо. Настоятель Бикьеллини говорит, что кузены Медичи поставили себе целью изгнать Пьеро из Флоренции. Мне кажется, они хотят тут нанести ему еще один удар.

- Это с твоей-то помощью - да и удар? - Лицо Лукреции недоуменно вытянулось.

- Пусть скромный, но все-таки удар, *madre mia*. - Задорная улыбка Микеланджело сделала его безобразно сплюснутый нос как бы незаметным.

- Хватит политики, давайте говорить о деле! - приказал Лодовико. - Неужели семейство Буонарроти так уж процветает, что мы можем позволить себе отвергать столь выгодные заказы?

- Отец, я не могу нарушить верности Лоренцо.

- Мертвые не нуждаются в верности.

- Нет, нуждаются. В такой же мере, как живые. И ведь я лишь недавно дал вам сто флоринов после продажи "Геракла".

В воскресенье братья Медичи посадили Микеланджело за своим празднично убраным столом на почетное место. Они говорили обо всем на свете, не коснувшись, однако, ни словом ни Пьеро, ни Святого Иоанна. Когда, уже раскланиваясь, Микеланджело пробормотал, что он высоко ценит их предложение, но в данное время не может принять заказ, Лоренцо небрежно заметил:

- А мы и не торопимся. Заказ все равно остается в силе.

Во дворце теперь Микеланджело чувствовал себя очень скверно. У него не было никакого определенного дела, и в нем никто не нуждался, кроме одного лишь Джулиано, питавшего к нему привязанность. Чтобы не слоняться праздно и не быть лишним, Микеланджело выискивал себе всякую работу: разбирал коллекцию рисунков, оставшуюся от Лоренцо, раскладывал по местам случайно приобретенные Пьеро античные медальоны и резные геммы. Когда-то Лодовико говорил ему, что гордость – непосильная для него роскошь, но порой натура человека диктует свое, не давая возможности взвесить, посылно или непосильно следовать ей.

Пьеро тоже чувствовал себя скверно; сидя за столом, бледный, угрюмый, он спрашивал своих немногих друзей, еще хранивших ему верность:

– Почему я не могу заставить Синьорию повиноваться и делать то, что мне надо? Почему у меня постоянные беды и неприятности, а у отца все шло хорошо и гладко?

Микеланджело задал этот вопрос настоятелю Бикьеллини. Оправив свою сутану, под которой виднелся жесткий снежно-белый воротничок рубашки, настоятель вдруг вспыхнул, глаза его сверкнули гневом.

– Все четверо Медичи, предшественники Пьеро, считали, что править государством – это искусство. Они любили прежде всего Флоренцию, потом уж себя. А Пьеро...

Он произнес это имя столь ожесточенно-враждебным тоном, что Микеланджело был поражен.

– Раньше вы никогда не судили о нем так строго, отец.

– ...Пьеро и не думает прислушиваться к каким-либо советам. У руля государства стоит слабый человек, а жаждущий власти монах с бешеной энергией старается захватить его место... Печальные дни наступили во Флоренции, сын мой.

– Я слышал, о чем говорит Савонарола в своих проповедях. Он предвещает новый потоп. Половина людей в городе верит, что Страшный суд начнется чуть ли не с первым же дождем. Ради чего он так запугивает Флоренцию?

Настоятель снял и положил на стол очки.

– Он хочет стать папой. Но его честолюбивые замыслы не ограничиваются этим – он мечтает покорить и подчинить себе все страны Востока.

– А вы не хотели бы обратить в христианство неверных? – полушутливо спросил Микеланджело.

Настоятель на минуту смолк.

– Хотел ли бы я, чтобы весь мир был христианским? Только в том случае, если мир этого пожелает. И конечно, я не хочу, чтобы некий тиран, попирая всякую гуманность, огнем и мечом обрушился на мир и во имя спасения души истребил человеческий разум. Ни один истинный христианин не пожелал бы этого.

Во дворце Микеланджело передали, что его срочно зовет к себе отец. Лодовико провел Микеланджело в комнату, где спали его братья, смахнул с сундучка Джовансимоне ворох какого-то платья и вытащил оттуда груды драгоценных камней, золотых и серебряных пряжек и медальонов.

– Что это значит? – спросил он Микеланджело. – Неужто Джовансимоне грабит по ночам дома?

– Нет, все гораздо проще, отец. Джовансимоне – капитан Юношеской армии у Савонаролы. Эти юнцы прямо на улицах снимают драгоценности с женщин, нарушающих указ их пророка. Ведь Савонарола запретил носить украшения в общественных местах. Отряды этого монаха, числом в двадцать-тридцать человек, дознавшись, что в каких-то семьях не признают законов против роскоши, врываются в дома и обирают хозяев до нитки. Если кто-нибудь сопротивляется, юнцы Савонаролы забивают его до полусмерти камнями.

– Какое же право у Джовансимоне держать эти вещи дома? Ведь тут добра не на одну сотню флоринов.

– Наверное, он должен отнести все это в монастырь Сан Марко. Так они обычно делают. Но Джовансимоне образовал из этой шайки шалопаев отряд, который Савонарола называет "ангелами в белых рубашках". Совет города бессилен с ними бороться.

Именно в эти дни Лионардо позвал Микеланджело в монастырь Сан Марко и провел его в школу живописцев, скульпторов и иллюстраторов – школа эта находилась в монастырских садах и была основана Савонаролой.

– Видишь, Микеланджело, Савонарола совсем не против искусства, он

только против искусства греховного. У тебя теперь есть возможность поступить к нам, стать скульптором нашего ордена. Ты не будешь больше нуждаться ни в мраморе, ни в заказах.

- А что я должен буду ваять?

- Зачем беспокоиться о том, что тебе ваять, - была бы лишь постоянная работа.

- Кто мне станет указывать, над чем работать?

- Фра Савонарола.

- А вдруг я не захочу ваять то, что он прикажет?

- Монах не может ни возражать, ни спрашивать. Собственных желаний у тебя не должно и быть.

Микеланджело снова сидел теперь за своим рабочим столом в пустующем павильоне. Здесь-то он мог на свободе рисовать, делать по памяти анатомические наброски - ведь он столькому научился, когда вскрывал в монастыре трупы. Эти дочерна изрисованные, с набегавшими друг на друга этюдами листы он сжигал, хотя такая предосторожность едва ли была нужна, - в Сады больше никто не заглядывал. Лишь изредка сюда приходил, с книгами под мышкой, пятнадцатилетний Джулиано, садился за старый стол Торриджани и, храня дружелюбное молчание, углублялся в занятия. По вечерам они вместе шагали ко дворцу: летние сумерки словно бы сыпали на город серую пыль и гасили сиренево-голубые и болотисто-коричневые тона каменных зданий.

9

Осенью Флоренция оказалась втянутой в международные распри, грозившие ей полной утратой самостоятельного существования. Как понимал Микеланджело, все началось с того, что Карл Восьмой, король Франции, сколотил первую со времени легионов Цезаря постоянную армию - в нее входило двадцать тысяч хорошо обученных и хорошо вооруженных солдат. Теперь он шел с этой армией через Альпы на Италию, требуя себе, в силу наследственных прав, Неаполитанское королевство. Пока был жив Лоренцо, Карл Восьмой питал к дому Медичи слишком дружественные чувства, чтобы помышлять о походе своей армии через тосканские земли: решился он тогда на это, союзники Лоренцо, города государства Милан, Венеция, Генуя, Падуя, Феррара сразу сплотились бы, чтобы дать ему решительный отпор. Но Пьеро растерял своих союзников. Миланский герцог направил к Карлу эмиссаров, зазывая его в Италию. Кузены Медичи, когда-то присутствовавшие в Версале на коронации Карла, теперь уверяли его, что Флоренция нетерпеливо ждет, когда он с триумфом займет ее.

Как союзник семейства Орсини, из рода которых были его мать и жена. Пьеро стоял за Неаполь и отказался пропустить армию Карла через свои владения. Но за все время с весны до осени он не предпринял ровным счетом ничего, чтобы собрать войско и загородить путь французскому королю, если бы тот вторгся силой. Граждане Флоренции прежде с охотой стали бы сражаться за Лоренцо, но теперь они были готовы впустить французов, чтобы воспользоваться их помощью и изгнать Пьеро. Савонарола тоже склонял Карла занять Флоренцию.

В середине сентября Карл Восьмой повел свою армию через Альпы, был радостно встречен герцогом Милана и разграбил город Рапалло. Эти вести взбудоражили всю Флоренцию. Деловая жизнь в городе замерла, но, когда Карл вновь прислал эмиссаров, прося разрешения провести через Тоскану свое войско. Пьеро отпустил их без определенного ответа. Король Франции поклялся с оружием пройти Тоскану и захватить Флоренцию.

У Микеланджело был теперь под крышей дворца новый сосед. Пьеро вызвал во Флоренцию Паоло Орсини - брата Альфонсины - и поставил его во главе тысячи наемных воинов... чтобы остановить двадцатитысячную армию Карла. Микеланджело много раз говорил себе, что он покинет дворец и уедет в Венецию, как ему предлагал когда-то Лоренцо. Он чувствовал себя обязанным

по отношению к Лоренцо, Контессине, Джулиано, даже по отношению к кардиналу Джованни, но он не испытывал ни малейшей привязанности к Пьеро, хотя тот предоставил ему кров, место для работы и платил жалование. И все же стать перебежчиком, беглецом Микеланджело не решался, это ему претило.

Три года, проведенные им при Лоренцо в Садах и во дворце, были годами радостных волнений, роста, совершенствования мастерства, овладения ремеслом, - каждый день был словно драгоценный камень, которым любуются и который лелеют; каждый день обогащал его опытом, будто год. А теперь, вот уже два с половиной года, с тех пор как умер Лоренцо, он не может сделать ни шага вперед. Правда, благодаря помощи настоятеля - Бикьеллини и работе с трупами он бесспорно вырос как рисовальщик, но он знал, что прежней живости у него нет, что он меньше постигает, меньше создает, чем создавал в те дни, когда учился у Бертольдо, у Великолепного, у Пико, Полициано, Фичино, Бенивиени. Долгое время он был в тесном общении с большинством членов кружка Лоренцо и немало черпал у них. Как ему снова наполнить свою жизнь жаром и воодушевлением? Как возвыситься над суетой, страхами и жуткой растерянностью Флоренции, как вновь стать скульптором, заставить свой ум и руки работать? В самом деле - как? Если даже Полициано просит Савонаролу отпустить ему грехи и в своем последнем слове умоляет принять его в орден доминиканцев, чтобы лечь в могилу чернецом в стенах монастыря Сан Марко?

Граначчи не мог ничего посоветовать. Буджардини говорил просто: "Если ты уедешь из Флоренции, я уеду вместе с тобой". Узнав, что Микеланджело думает об отъезде, Якопо при встрече воскликнул:

- Мне давно хотелось посмотреть Венецию. В особенности на чужие деньги. Возьми меня с собой. Я буду охранять тебя по дороге от разбойников...

- Развлекая их шутками?

- Каждая шутка - это своего рода копье, - ухмыльнулся Якопо. - Ты не согласен?

- Согласен, Якопо. Непременно тебя прихвачу, как только соберусь в дорогу.

Двадцать первого сентября, фра Савонарола, в последнем усилии изгнать Пьеро, произнес решающую речь в Соборе. Флорентинцы заполнили храм до отказа. Никогда еще этот монах не обретал такой власти, никогда его голос не звучал с такой громовой, разящей силой: у прихожан вставали дыбом волосы. Слушая, как Савонарола расписывал предстоящую гибель Флоренции и всего сущего в ней, люди стонали и плакали навзрыд.

..."Земля растлилась перед лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями. И воззрел бог на землю, и вот она растленна; ибо всякая плоть извратила путь свой на земле".

"И вот я наведу на землю потоп водный, чтобы истребить всякую плоть под небесами, в которой лишь есть дух жизни; все, что суще на земле, лишится жизни".

Самый тихий шепот монаха достигал отдаленнейших углов обширного Собора. Он эхом отдавался от каждого камня стены. Микеланджело, стоя в дверях, чувствовал, как толпа - целое море людей - теснит его со всех сторон, приподнимает, будто набегавшие волны. Он вышел на улицу и увидел множество народа, - лишившись дара речи, с остекленевшими глазами, люди были полумертвы от страха.

Один настоятель Бикьеллини сохранял спокойствие.

- Право же, милый Микеланджело, все это можно назвать только колдовством. Наследство темной поры, древнейших времен существования человека. Сам господь дал надежду Нюю и его сынам, обещав им, что никогда не будет второго потопы. В главе девятой Бытия, в стихе девятом - одиннадцатом, сказано: "Вот я поставлю завет мой с вами и с потомством вашим после вас... что не будет более истреблена всякая плоть водами потопы и не будет уже потопы на опустошение земли". А теперь ты ответь мне, пожалуйста, какое имеет право Савонарола заново писать Библию? Когда-нибудь Флоренция поймет, что ее попросту дурачили...

Мягкий голос настоятеля разгонял прочь бередящие сердце чары Савонаролы.

- А когда Флоренция это поймет, - сказал Микеланджело, - вы откроете Савонароле двери монастыря Санто Спирите, чтобы спрятать его там от гневной толпы.

Настоятель устало улыбнулся:

- Невозможно себе представить, чтобы Савонарола дал обет молчания. Скорее он согласится взойти на костер.

С каждым днем события разворачивались все быстрее: Венеция заявила, что она будет соблюдать нейтралитет. Рим отказался выставить свои военные силы. Карл осадил пограничные крепости Тосканы, некоторые из них сдались; каменотесы Пьетрасанты дали неприятелю хороший бой, но, несмотря на это, через несколько дней французская армия вступила во Флоренцию.

Прилежно обдумать все происходящее у Микеланджело почти не было возможности. Исступленный страх вдруг сменился у флорентинцев чувством облегчения, весь город высыпал на улицы, большой колокол на башне сзывал люден на площадь Синьории, все жаждали узнать новости. Будет ли отдан город на разграбление? Будет ли свергнута республика? Уцелеют ли в городе богатства, искусства и ремесла, безопасность и благополучие, или французский король со своей могущественной армией разграбит и растопчет все без пощады? Ведь Флоренция жила в мире со своими соседями так долго, что уже утратила и войско, и оружие, и желание сражаться. Действительно ли уже начался второй потоп?

Однажды утром, проснувшись, Микеланджело увидел, что дворец будто вымер. Пьеро, Орсини и их ближайшие помощники поехали договариваться с Карлом. Альфонсина с детьми и Джулиано нашли убежище на вилле в горах. Микеланджело казалось, что он остался среди пышных залов и комнат один, хотя там еще было несколько старинных слуг. Величественный дворец оцепенел в испуге, опустел и затих. Лоренцо умер в Кареджи, а теперь здесь, в этих дворцовых покоях, с великолепной библиотекой и чудесными произведениями искусства, словно бы умирал и самый дух этого человека. Микеланджело ходил по гулким коридорам, заглядывал в пустующие просторные комнаты: в них чувствовался страшный запах смерти. Он, Микеланджело, хорошо его чуял - ведь недаром он прошел такой искус в покойницкой монастыря Санто Спирито.

Всеобщее смятение не унималось. Пьеро пал ниц перед Карлом, предлагая завоевателю береговые крепости, Пизу и Лехгорн, и двести тысяч флоринов, если французская армия "пройдет дальше по побережью, не тронув Флоренции". Взбешенный такой постыдной капитуляцией, городской Совет ударил в колокол на башне дворца Синьории, созвал народ и объявил Пьеро изгнанным за "его трусость, скудоумие, бессилие и покорность перед лицом врага".

К Карлу была направлена делегация, в которую входил и Савонарола. Пьеро эта делегация не хотела и знать. Тот кинулся назад во Флоренцию, чтобы восстановить в пей свои прежние нрава. Город с гневом отверг эти притязания. Пьеро требовал, чтобы его выслушали. Толпа кричала: "Уходи прочь! Не мешай Синьории!" Пьеро презрительно отвернулся. Толпа на площади с возмущением размахивала шляпами и колпаками, мальчишки свистели и швырялись камнями. Пьеро вытащил из ножен шпагу. Толпа потнала его по улицам. Он скрылся во дворце и отвлек на время народ тем, что приказала оставшимся слугам выставить на площади столы с вином и угощением.

По улицам ходили глашатаи. Они кричали: "Синьория изгоняет Медичи! Пожизненно! Четыре тысячи флоринов за голову Пьеро! Долой Пьеро!"

Возвратившись во дворец, Микеланджело убедился, что Пьеро ускользнул через задний сад, пробрался к шайке наемников Орсини у ворот Сан Галло и бежал. Кардинала Джованни благополучно вывели из дворца и тоже через калитку заднего сада - он тащил тяжелую связку манускриптов, вслед за ним поспешали двое слуг, также нагруженных рукописями. При виде Микеланджело глаза Джованни, полные тревоги и страха, радостно блеснули.

- Буонарроти! Я спас несколько редких манускриптов отца, самые его любимые!

Возмущенная Флоренция должна была нагрянуть сюда с минуты на минуту.

Ко дворцу уже приступала толпа. Она врывалась во двор, громко крича: "Медичи изгнаны!", "Все, что есть во дворце, - наше!" Мятажники захватывали винные погреба, сшибали обручи с бочек и, не утруждая себя раскупориванием бутылок, разбивали их об стену. Сотни фляг и склянок, булькая, пошли по рукам, от рта ко рту, люди торопливо пили из горлышка, не ощущая вкуса вина, разбрызгивая его и сплошь заливая пол. Потом буйное скопище людей, теснясь, с гиком стало подниматься по лестницам дворца, хватая все, что попадалось под руку.

Микеланджело стоял в тени аркады, прикрывая спиной Донателлова

"Давида". Новые скопища повстанцев вламывались в главные ворота, заполняли двор; Микеланджело замечал среди них знакомые лица; с детских своих лет он видел их на улицах и площадях такими спокойными и добродушными, а теперь эти люди вдруг загорелись жадной разрушения и шли напролом, сбившись в безликую, потерявшую ответственность толпу. Нем была вызвана такая перемена? Уж не тем ли, что они впервые почувствовали себя в стенах дворца Медичи не сторонними людьми, а полновластными хозяевами?

Микеланджело с силой шмякнули о статую "Давида", и на голове у него сразу же вскочила большая шишка. Донателлово изваяние "Юдифь и Олоферн", стоявшее поблизости, было снесено с подножия; толпа с радостным ревом и гиком утащила его на задний двор. Слишком тяжелые вещи, мраморные римские бюсты, например, повстанцы разбивали пиками и дрекольем.

Микеланджело метнулся вдоль стены, взбежал вверх по парадной лестнице, единым духом пронесся по коридору, распахнул дверь кабинета Лоренцо и стал искать внутренний засов. Засова не оказалось. Микеланджело окинул взглядом дивные манускрипты, ларцы с редкими камнями, амулетами, резными драгоценными камнями, старинными монетами, посмотрел на висевшие над дверями греческие барельефы, на мраморные и бронзовые изваяния Донателло, на "Снятие с креста" Джотто и "Святого Иеронима" Ван-Эйка, написанные на деревянных досках. Что сделать, чтобы спасти эти бесценные вещи?

Тут его взгляд упал на подъемник для подачи кушаний. Он открыл люк, дернул за веревку и, когда ящик был подтянут, начал сваливать в него небольшие картины, мозаики, чаши из яшмы, сардоникса, аметиста, миниатюрный бюст Платона, хрустальные часы на позолоченной серебряной подставке, стеклянные вазы по рисункам Гирландайо, рукописи, кольца и броши. Старого беззубого Фавна - статуэтку, сделанную по первой своей скульптуре, он спрятал у себя под рубашкой. Потом он потянул за другую веревку, опустил ящик вниз и захлопнул люк. В эту минуту повстанцы ворвались в кабинет и, как саранча, принялись обшаривать и грабить его. Микеланджело пробился сквозь толпу, ушел в свою комнату и спрятал статуэтки Вертольдо и несколько бронзовых изваяний под кроватью.

Больше сделать он ничего не мог. Сотни распаленных от вина людей метались по дворцу, забегали в каждую комнату, хватали фамильную посуду в столовой, разбивая блюда и бокалы, визжали от радости и колотили друг друга, не поделив золотые и серебряные медали из коллекции Лоренцо, вытаскивали из покоев Пьеро его кубки и оружие, швыряли наполовину выпитые бутылки вина в статую "Геракла и Льва" работы Поллайоло. Микеланджело беспомощно смотрел, как они вынесли из комнаты Лоренцо четыре яшмовые вазы, на которых было начертано имя Великолепного, живописные работы Мазаччо, Венециано, как они вырывали полотна из рам, отламывали от статуй подножия, разбивали слишком громоздкие и тяжелые кресла и столы, раскалывали шкатулки и ларцы. В библиотеке редчайшие книги и манускрипты были сброшены на пол, их безжалостно топтали ногами.

Может быть, флорентинцы мстили опостылевшему им Пьеро? Но ведь эти великолепные коллекции собраны отнюдь не Пьеро. Глядя, как люди варварски срывают бархатные и шелковые портьеры, Микеланджело в отчаянии качал головой: "Кто может проникнуть в душу толпы?"

Только одного верного семейству Медичи человека заметил он во дворце - это был его родственник, Бернардо Ручеллаи, муж Наннины де Медичи. В комнате, расположенной рядом с гостиной, Бернардо стоял подле картины Боттичелли "Паллада, укрощающая кентавра", и громко кричал, обращаясь к толпе:

- Вы же граждане Флоренции! Зачем вы расхищаете свои собственные сокровища? Остановитесь, заклинаю вас!

В ту минуту он казался Микеланджело героем, глаза у него сверкали, руки были раскинуты, прикрывая картину. Но вот Ручеллаи уже сбит с ног, толпа его топчет. Микеланджело протиснулся к нему, поднял на руки и понес его, истекающего кровью, в маленькую кладовую рядом, а сам с горькой иронией думал: "Никогда еще не приходилось мне соприкоснуться с родней по линии матери ближе, чем сегодня".

Во дворце воцарился полнейший хаос. Скоро в приемной Лоренцо, после того как там были сорваны со стен карты и шпалеры, несколько дюжих грузчиков сумели разбить сейф. Из него дождем посыпались деньги - двадцать тысяч флоринов. При виде золотых монет толпа возликовала; люди стали

неистово рваться к деньгам, началась всеобщая драка.

Микеланджело с трудом пробрался к черной лестнице, спустился по ней в сад и боковыми аллеями вышел ко дворцу Ридольфи. Там он попросил у грума перо и чернила и написал Контессине короткую записку: "Если тебе удастся... пошли кого-нибудь в кабинет отца: я нагрузил подъемник для подачи пищи разными предметами искусства, сколько вместилось". И подписался: М.Б.

Идя домой, он заглянул к Буджардини и Якопо, сказав им, чтобы они были в полночь у ворот Сан Галло. Когда город, наконец, успокоился и заснул, он тихонько пробрался в конюшни дворца Медичи. Двое из грумов оставались еще при лошадях, охраняя их во время нашествия толпы. Эти грумы знали, что Микеланджело имеет право брать лошадей на конюшие в любое время, когда он захочет. Они помогли оседлать трех скакунов. На одного он сел, а двух других новел в поводу.

Стражи у ворот не оказалось. Буджардини уже ждал Микеланджело, раздумчиво орудуя ножом над своими длинными ногтями. Скоро появился и Якопо. Они сразу же тронулись в путь, направляясь в Венецию.

10

К полудню они пересекли Апеннины и по перевалу Фута спустились к Болонье, окруженной стенами из оранжевого кирпича с белыми мальми башенками и почти с двумя сотнями больших башен; некоторые из этих башен, четко рисующихся на фоне голубого неба Эмилии, были наклонены не менее удивительно, чем прославленная падающая башня в Пизе. Они съехали в город со стороны реки, через опустевший рынок, который подметали длинными метлами одетые в черное старухи. Путники спросили у одной из них дорогу и поскакали к площади Коммунале.

Кривые узкие улочки, над которыми нависали вторые этажи домов, были очень душными. Каждая болонская семья в целях защиты от соседей строила себе башню - во Флоренции этот обычай был запрещен еще Козимо: он приказал снести все домовые башни. На более широких улицах и площадях Болоньи были возведены аркады из оранжевого кирпича, укрывающие люден от снега, дождя и летнего зноя: все было рассчитано так, чтобы болонцы могли ходить по городу, не подвергаясь воздействию погоды.

Путники добрались до главной площади города с ее величественной церковью Сан Петронио с одной стороны и дворцом Коммунале, замыкавшим площадь с другой стороны; они слезли с лошадей, и тут их окружила болонская стража.

- Вы приезжие?
- Флорентинцы, - ответил Микеланджело.
- Покажите большой палец, пожалуйста.
- Большой палец? Зачем вам большие пальцы?
- Посмотрим, есть ли на них восковая красная печать.
- У нас нет никаких печатей.
- Тогда вам надо пройти с нами. Вы под арестом.

Их провели в таможню - это была целая анфилада комнат, расположенных в глубине за колоннами портика; там офицер объяснил им, что каждый, кто приезжает в Болонью, должен быть зарегистрирован: приезжему, как только он появится у одних из шестнадцати городских ворот, ставят на большой палец печать.

- Да откуда нам было знать это? - недоумевал Микеланджело. - Мы в вашем городе впервые.

- Незнание закона - не оправдание. Вы оштрафованы на пятьдесят болонских ливров.

- Пятьдесят болонских ливров... У нас нет таких денег.
- Очень печально. Вам придется провести пятьдесят дней в заключении.

С открытым ртом, не говоря ни слова, Микеланджело смотрел на Буджардини

и Якопо. Пока они обрели дар речи, перед ними появился какой-то человек.

- Господин офицер, могу я поговорить с молодыми людьми?

- Конечно, ваша светлость.

- Ведь вы Буонарроти? - спросил мужчина, обращаясь к Микеланджело.

- Да.

- Ваш отец служит во флорентинской таможне, не правда ли?

- Служит.

Незнакомец повернулся к таможенникам:

- Этот молодой человек из хорошей флорентинской семьи; его отец занимает, как и вы, высокий пост в таможне Флоренции. Как по-вашему, разве не могут знатные семейства наших братских городов оказывать другу другу гостеприимство?

Польщенный такими словами офицер ответил, что, разумеется, могут.

- За поведение этих юношей я ручаюсь, - сказал, заканчивая разговор, незнакомец.

На площади, при свете ясного зимнего солнца, Микеланджело взгляделся в незнакомца. У него было широкое приятное лицо, без малейшего признака аристократизма. Хотя легкая седина свидетельствовала, что ему, вероятно, далеко за сорок, гладкое, с ярким румянцем, безбородое лицо казалось совсем молодым; маленький рот, в котором поблескивали очень белые зубы, был как бы зажат между крупным энергическим носом и острым подбородком. Брови у него от переносицы шли по горизонтали только до половины глаз, а потом насмешливо вздымались вверх. Одет он был в мягкую черную шерстяную мантию с белым гофрированным воротником.

- Вы чрезвычайно любезны, а я просто глупец; вы запомнили мою скромную персону, а вот я, хотя мы и встречались...

- Мы сидели рядом за обедом у Лоренцо Медичи, - сказал незнакомец.

- Ну конечно! Вы синьор Альдовранди. Вы занимали пост подесты во Флоренции. И вы рассказывали мне о великом скульпторе Болоньи.

- О Якопо делла Кверча. Теперь я могу показать вам его работы. Если бы вы и ваши друзья поужинали со мной, вы доставили бы мне удовольствие.

- О, это удовольствие гораздо приятнее нам! - рассмеялся Якопо. - У нас не было во рту ни маковой росинки с той самой минуты, как скрылся из виду Собор.

- Значит, вы не прогадали, приехав в наш город. Ведь Болонью прозвали La Grassa, Жирная. Еда у нас лучше, чем где-либо во всей Европе.

Шагая от площади к северной части города и оставив справа церковь Сан Пьетро, а слева семинарию, они повернули к Виа Галлиера. Дворец Альдовранди был неподалеку от угла на левой стороне улицы - кирпичное здание в три этажа, превосходных пропорции. Стрельчатая парадная дверь была украшена терракотовым цветным фризом с фамильным гербом; полукруглые сверху окна разделены мраморными колоннами.

Буджардини и Якопо ставили на конюшню лошадей, а тем временем Альдовранди провел Микеланджело и свою обшитую деревянными панелями библиотеку, которой он чрезвычайно гордился.

- Эти книги мне помогали собирать Лоренцо де Медичи, - сказал он.

Заметив поэму Полициано "Стансы для турнира" с личной надписью автора, Микеланджело взял в руки переплетенный в кожу манускрипт.

- Вы, конечно, знаете, мессер Альдовранди, что Полициано несколько недель назад скончался.

- Я был потрясен. Не стало такого великого ума! Да и Пико уже на краю могилы: долго он не протянет. Мир без них страшно опустеет.

- Пико? - Микеланджело почувствовал, что на глаза у него навертываются слезы. - Я и не слышал. Ведь он еще так молод...

- Да, ему всего тридцать один год. Со смертью Лоренцо окончилась целая эра. От прежнего теперь уже ничего не останется.

Микеланджело раскрыл манускрипт и начал нетромо читать поэму, а сам словно бы вслушивался в голоса своих друзей-платоников: они будто снова наставляли его в тихой беседе. Альдовранди чуть удивленно сказал:

- Вы хорошо читаете, мой юный друг. У вас ясная дикция, и вы прекрасно выделяете строку...

- Меня учили хорошие учителя.

- Вы любите читать вслух? У меня есть все великие поэты: Данте, Петрарка, Лукреций, Овидий.

- Нет, я редко читаю вслух.

- Скажите, Микеланджело, что привело вас в Болонью?

О том, что случилось во Флоренции с Пьеро, Альдовранди уже знал, так как только вчера через Болонью проехали все приближенные Медичи. Микеланджело объяснил, что он предполагает добраться до Венеции.

- Как же получилось, что у вас троих мет даже пятидесяти болонских ливров, хотя вы собрались ехать в такую даль?

- У Буджардини и Якопо нет ни сольдо. Все расходы лежат на мне.

Альдовранди улыбнулся.

- Я тоже с удовольствием ездил бы по свету, если бы расходы лежали на ком-то другом.

- Мы надеемся найти в Венеции работу.

- В таком случае почему бы вам не остаться в Болонье? Здесь можно изучать Якопо делла Кверча; кроме того, мы подыщем вам заказ и на скульптуру.

В глазах у Микеланджело появился блеск.

- После ужина я поговорю со своими товарищами.

Стычка с болонской таможней сильно охладила любопытство Якопо и Буджардини к городу. Изваяниями делла Кверча они тоже не очень интересовались. Они решили как можно скорее возвратиться во Флоренцию. Микеланджело дал им денег на дорогу и попросил доставить лошадей во дворец Медичи. Он сказал Альдовранди, что остается в Болонье и хотел бы найти себе жилье где-нибудь в гостинице.

- Это немислимо! - возразил Альдовранди. - Ни один друг Лоренцо де Медичи или близкий к нему человек не может жить в болонских гостиницах! Ведь побеседовать с флорентинцем, выучеником платоновской четверки, - это для нас редчайшее удовольствие. Вы будете моим гостем.

Оранжевое болонское солнце разбудило его, заливая своими лучами всю комнату - и цветные шпалеры на стенах и ярко раскрашенный сводчатый потолок. Найдя на расписном сундуке подле кровати льняное полотенце, он хорошенько вымыл лицо и руки в серебряном тазу, стоявшем у самого окна; подошвы голых ног приятно согревал разостланный на полу персидский ковер. Да, он оказался гостем в доме, который можно было назвать поистине радостным. В том крыле дворца, где помешалась комната Микеланджело и жили шесть сыновей Альдовранди, сейчас звенели громкие голоса и слышался смех. Синьора Альдовранди, уже вторая супруга хозяина дома, подарившая ему свою часть сыновей, была приятной женщиной и любила в равной степени всех шестерых мальчиков; Микеланджело она приняла так, словно он был седьмым сыном Альдовранди. Сам Джанфранческо Альдовранди принадлежал к ветви старинного рода, отпрыски которой, изменив традиционному образу жизни, занялись торговлей и банковским делом. Родители Джанфранческо были уже так богаты, что он, выйдя из университета и еще в молодости проявив себя способным финансистом - он занимал тогда должность нотариуса, - имел теперь возможность целиком отдаться искусству. Горячий поклонник поэзии, он писал довольно хорошие стихи на народном языке. И он быстро возвысился в политической сфере: стал сенатором, гонфалоньером справедливости, членом совета Шестнадцати Реформаторов Свободного Государства, который вершил дела в Болонье, и близким человеком правящего семейства Бентивольо.

- Об одном я сожалею в жизни, - говорил он Микеланджело, жуя сдобную булочку и запивая ее горячей водой, заправленной пряностями, когда они сидели за огромным - на сорок персон - обеденным столом орехового дерева, посредине которого был инкрустирован родовой герб Альдовранди. - Об одном я сожалею, что не могу писать по-гречески и по-латыни. Разумеется, я читаю на этих языках, но в молодости я слишком много времени потратил на банковские дела, в ущерб стихосложению.

Он был страстным коллекционером. Он водил Микеланджело по всему дворцу, показывая ему двустворчатые складни, резные деревянные доски, серебряные и золотые кубки, монеты, терракотовые бюсты, изделия из слоновой кости и бронзы, миниатюрные мраморные изваяния.

- И ни одного, как видите, значительного произведения местной работы, - печально признавался он. - Для меня это загадка: почему Флоренция, а не Болонья? Наш город столь же богат, как и ваш, народ у нас такой же сильный и смелый. Мы много сделали в области музыки, науки, но никогда не были способны создать что-либо великое в живописи или скульптуре. Почему?

- Простите меня, но почему ваш город называют Жирной Болоньей?
- Да потому что мы гурманы и еще со времен Петрарки прославились как поклонники плотских утех. Чувственность мы сделали предметом обожания.

- Не тут ли и кроется ответ на ваш вопрос?

- Но если плоть утолена, разве не остается места для искусства? Ведь и Флоренция богата, там тоже живут прекрасно...

- Только Медичи, Строцци и еще несколько семейств. А вообще тосканцы - люди по натуре скромные. И бережливые. Мы не находим удовольствия в трате денег. Я, например, не припомню случая, чтобы у нас в семье обедали какие-то гости, чужие люди или чтобы мои домашние обедали у друзей. Не помню, чтобы Буонарроти преподнесли кому-либо подарок или сами получили его. Мы любим зарабатывать деньги, но тратить их не любим.

- А мы, болонцы, считаем, что деньги для того и существуют, чтобы их тратить. На поиски утонченных удовольствий ушел весь наш талант. Знаете ли вы, что мы изобрели особую болонскую любовь? Что наши женщины одеваются не по итальянской моде, а только по французской? Что им надо несколько кусков различной материи, чтобы сшить одно платье? Что наши колбасы совершенно особого вкуса и мы скрываем рецепт их приготовления, как государственную тайну?

Во время обеда за столом оказались занятыми все сорок мест: братья и племянники Альдовранди, профессора Болонского университета, приезжие гости из правящих семейств Феррары и Равенны, князя церкви, члены Болонского совета Шестнадцати. Альдовранди был любезнейшим хозяином, но в отличие от Лоренцо отнюдь не старался сблизить своих гостей, уладить какие-то дела или вообще достичь какой-то цели, он хотел одного: чтобы гости вволю насладились чудесной рыбой, жарким, колбасами и винами и чтобы за столом царил дух товарищества и не смолкал интересный разговор.

Отдохнув после обеда, Альдовранди пригласил Микеланджело прогуляться по городу.

Они прошли под аркады, где в лавках была выставлена самая лучшая во всей Италии пища: изысканные сыры, белейший хлеб, редчайшие вина; в мясных рядах в Борго Галлиера Микеланджело увидел сразу столько мяса, сколько не видел во Флоренции за целый год; на Старом рыбном рынке торговали великолепными дарами речных вод, текущих вблизи Феррары: здесь были раки, осетры, лобаны. В тени навесов продавалась различная дичь, добытая лишь вчерашним днем: косули, перепела, зайцы, фазаны, и всюду, на каждом шагу, красовались знаменитые колбасы салями. Микеланджело то и дело встречал университетских студентов: они сидели в маленьких кофейнях под портиками оранжевого цвета я порой, оторвавшись от своих бесед и занятий, играли партию в кости или в карты.

- У вас в городе, мессер Альдовранди, не хватает одного - скульптуры из камня.

- Это потому, что у нас нет каменоломен. Причина простая, не правда ли? Но мы воспитали лучших мастеров по камню из чужаков: Николо Пизано, вашего земляка Андреа из Фьезоле, делла Кверча из Сиены, делл'Арка из Бари. Наша собственная отрасль в скульптуре - терракота.

Микеланджело взирал на все довольно спокойно до тех пор, пока Альдовранди не привел его в церковь Санта Мария делла Вита: там находилась статуя делл'Арка "Оплакивание Христа". Большое терракотовое изваяние было исполнено с подчеркнутой экзальтацией, скульптор придал фигурам выражение душераздирающей муки.

Несколько минут спустя Альдовранди и его гость встретили юношу, работавшего над терракотовыми бюстами: они были предназначены для капителей дворца Аморини на Виа Санто Стефано. Юноша выглядел очень крепким, с могучими плечами и бицепсами, с яйцевидной головой, сильно суживающейся к макушке; кожа у него так загорела, что почти не отличалась по цвету от болонского оранжевого кирпича. Альдовранди называл юношу Винченцо.

- Это мой друг Буонарроти, - представил он юноше Микеланджело, - лучший из молодых скульпторов Флоренции.

- Какая удача, что мы познакомились, - сказал Винченцо. - Я лучший молодой скульптор Болоньи. Наследник делл'Арка. Завершаю надгробие, начатое великим Пизано в Сан Доменико.

- Вы уже получили заказ? - сухо спросил его Альдовранди.

- Еще не получил, ваша светлость, но получу. В конце концов, я же болонец. И скульптор! Что же мне мешает получить заказ? - Тут он повернулся к Микеланджело. - Если вам нужна помощь в Болонье, хотите тут что-либо посмотреть - я к вашим услугам.

Когда они отошли от Винченцо, Альдовранди сказал сквозь зубы:

- Подумать только, наследник делл'Арка, лучший скульптор! Он наследник своего деда и отца, и те действительно лучшие кирпичники в Болонье. Вот и вел бы отцовское дело!

Они направились к церкви Сан Доминико, построенной доминиканскими монахами в 1218 году. Церковь делилась на три нефа, украшена она была гораздо богаче, чем большинство церквей во Флоренции. Альдовранди подвел Микеланджело к саркофагу Святого Доминика работы Николо Пизано - ого мраморные фигуры были высечены в 1267 году, затем над ними работал Пикколо делл'Арка.

- Делл'Арка скончался восемь месяцев назад. Он не успел изваять еще три фигуры: ангела справа, Святого Петрония с моделью города Болоньи в руках и Святого Прокла. Вот эти-то фигуры и собирается высечь Винченцо.

Микеланджело пристально посмотрел в лицо Альдовранди. Но тот, не прибавив больше ни слова, вывел его из церкви на площадь Маджоре, чтобы осмотреть работы Якопо делла Кверча над главным порталом церкви Сан Петронии. Шагая по площади, он немного отстал, пропуская гостя вперед.

Микеланджело замер на месте, пораженный, задыхаясь от восхищения. Альдовранди был уже рядом.

- Знаете ли вы, что делла Кверча участвовал в конкурсе по созданию бронзовых дверей флорентийского Баптистерия? Это было в тысяча четырехсотом году. Гиберти победил его. Эти пять рельефов по бокам портала и пять сверху - ответ делла Кверча на его поражение во Флоренции. Мы, болонцы, считаем, что эти работы так же прекрасны, как и работы Гиберти.

Микеланджело стоял перед каменными рельефами и, не веря своим глазам, качал головой. Ведь это, пожалуй, образец самого высокого мастерства, какое ему только доводилось видеть у скульптора.

- Может, эти работы столь же прекрасны, может, еще и лучше, но во всяком случае они совсем не похожи на изваяния Гиберти, - отозвался он на слова Альдовранди. - Делла Кверча - такой же новатор, как и Гиберти. Посмотрите, какой живости он достигает в фигурах, как они трепещут и пульсируют, какая в них внутренняя сила!

Размахивая руками, он указывал то на один, то на другой рельеф.

- Вот изображение господина бога. Вот Адам и Ева, вот Каин и Авель. А здесь опьяневший Ной. Здесь изгнание из рая. Посмотрите, какая мощь, какая глубина замысла! Я буквально ошеломлен!

Он взглянул Альдовранди в глаза и произнес охрипшим голосом:

- Синьор Альдовранди, вот такие фигуры, такие лица я и мечтал высекать!

11

Его ждала в Болонье и еще одна волнующая встреча - из тех встреч, о каких он совсем и не помышлял.

Он бывал с Альдовранди всюду: ездил во дворцы его братьев на семейные торжественные обеды, на интимные ужины к его друзьям. Болонцы оказались людьми поистине хлебосольными, и они очень любили развлечения. С Клариссой Саффи Микеланджело познакомился на ужине, который устроил племянник синьора Джанфранческо Марко Альдовранди. Это было на вилле, среди холмов, и Кларисса играла там роль хозяйки. Других женщин в даме не было, приглашены были только мужчины, друзья Марко.

Ома была тоненькая, с золотистыми волосами, зачесанными назад от самого лба, по последней моде. Гибкое, словно ива, тело; пластичные, пронизанные чувственностью, легкие движения; в малейшем повороте руки, плеч, бедер что-то радующее и певучее, как музыка. Кларисса была одной из тех редких

женщин, самое дыхание которых, кажется, создано для любви. Мысленно зарисовывая ее фигуру, Микеланджело видел в девушке и самобытность натуры, и необыкновенную мягкость ее манер, голоса, походки.

Он любовался ее красивой шеей, плечами, грудью и думал о страсти Боттичелли к совершенному женскому телу: тот жаждал не владеть нагим телом, а писать его. У Клариссы было много от золотой прелести Симонетты, но в ней не было и намека на скорбное целомудрие, которое придавал своей излюбленной модели Боттичелли.

Подобной женщины ему еще не приходилось видеть: Кларисса была не похожа ни на кого. Он не только с жадностью вглядывался в нее, он словно бы ощущал ее каждой частью своего тела, всеми его порами. Сидя в ее присутствии в гостиной у Марко, он, прежде чем Кларисса делала движение или произносила слово, чувствовал, как кровь толчками била по его венам, сами собой, помимо его воли, распрямлялись плечи, к бедрам и пояснице полной приливалась сила. Завидя Клариссу на ступенях собора, Якопо, наверное, воскликнул бы, что она вполне "годится для постели", но Микеланджело чутьем угадывал, что прелесть ее измерялась далеко не только этим. В его глазах она была самой любовью, олицетворенной в прекрасном женском существе.

Кларисса приветливо улыбалась ему: ей всегда нравились мужчины, к ним у нее было природное влечение. Ее обворожительную грацию, сквозившую в каждом жесте, он воспринимал как благодать. Светло-золотистые длинные ее косы словно бы впитали в себя лучи итальянского солнца, обдавая его жаром с головы до ног, хотя в комнате, где они сидели, было прохладно. Шум пульсирующей в ушах крови мешал ему слушать, но он был поглощен мягкой музыкой ее голоса - эта музыка потрясала его до глубины души.

Кларисса была любовницей Марко уже три года, начиная с того дня, когда он случайно увидел ее, подметавшую пол в мастерской своего отца-сапожника. Первый разглядев в Клариссе красавицу, он поселил ее в уединенной вилле, одел в роскошные платья, осыпал драгоценностями, приставил к ней педагога, чтобы она училась читать и писать.

После ужина гости завели горячий спор о политике, а Микеланджело остался наедине с Клариссой в музыкальной комнате, убранной во французском стиле. Хотя Микеланджело не раз говорил, что его не привлекают женские формы и что он не считает их достойными резца скульптора, сейчас он был не в силах оторвать взгляд от корсажа Клариссы: оплетенный тонкой золотой сеткой корсаж, дразня и распаяя воображение, в одно и то же время и обнажал груди, и держал их прикрытыми. Чем упорнее он смотрел на них, тем меньше видел: перед ним был шедевр портновского искусства, рассчитанный на то, чтобы возбуждать и заинтриговывать, не показывая ничего определенного, а лишь заставляя угадывать очертания двух гнездившихся в корсаже белоснежных голубей.

Неуклюжая настойчивость Микеланджело забавляла Клариссу.

- Вы ведь художник, Буонарроти?

Микеланджело с усилием выдержал ее взгляд: глаза у нее были тоже словно бы мягкие, круглые; порой они искусно скрывали таившуюся в них мысль, а порой выражали ее очень красноречиво.

- Я скульптор.

- Можете вы изваять меня из мрамора?

- Вас уже изваяли, - выпалил он. - И изваяли безупречно.

Слабый румянец залил ее скулы, не тронув кремово-белой кожи нежных щек.

Оба они рассмеялись, чуть наклонясь друг к другу. Марко хорошо ее вышколил, и говорила она совершенно свободно, с милой интонацией. А Микеланджело чутьем постигал ее мысли на лету, в одно мгновение.

- Могу я увидеть вас снова? - спросил он.

- Если синьор Альдовранди привезет вас к нам.

- И не иначе?

Ее губы раскрылись в улыбке.

- Вы хотите, чтобы я позировала вам? Или я ошибаюсь?

- Нет. То есть да. Я не знаю. Я даже не знаю, что я сказал вам. Как же мне знать, ошибаетесь вы или нет?

Она расхохоталась. Золотая сетка корсажа, обтягивавшая грудь, слегка затрепетала, и Микеланджело вновь поймал себя на том, что разглядывает проступавшие под густыми нитями чудесные формы.

"Это сумасшествие! - сказал он себе. - И что только со мной творится?"
Откровенную, жадную страсть в глазах Микеланджело увидел лишь Альдовранди. Хлопнув друга по плечу, он воскликнул:

- Ну, Микеланджело, вы, видно, слишком рассудительны, чтобы вникать в нашу беседу на местные политические темы. Сейчас мы лучше послушаем музыку. Вам известно, что наш город - один из самых музыкальных городов Европы?

По дороге домой, когда они, пустив своих коней рядом, ехали затихшими оранжевыми улицами, Альдовранди спросил:

- Вы влюбились в Клариссу?

Микеланджело чувствовал, что Альдовранди можно довериться.

- Когда я гляжу на нее, меня лихорадит. Прямо мурашки бегут по всему телу. И где-то внутри, глубоко-глубоко.

- Да, наши болонские красавицы способны вызвать мурашки. Чтобы чуточку охладить ваш пыл, могу я спросить, во сколько, по-вашему, обходится эта красавица?

- Конечно, ее платья и драгоценности... Я догадываюсь.

- Нет, вы догадываетесь еще далеко не обо всем. Вы не знаете, что она занимает целое крыло в роскошном дворце, со слугами, с конюшней и выездом...

- Довольно, - остановил его Микеланджело, криво усмехнувшись. - Тем не менее никогда я не видел подобной женщины. Если бы я захотел извратить Венеру...

- И не вздумайте! У моего племянника самый горячий нрав и самая быстрая рапира во всей Болонье.

Всю эту ночь он мучился и метался, словно в горячке. Он судорожно погружал свое лицо в мягкие, теплые подушки, и ему чудилось, будто он зарывается в ложбинку между грудей Клариссы. Наконец, Микеланджело понял, что произошло с ним, но успокоиться и сдержать себя он был уже не в силах, как не в силах был вчера в музыкальной комнате оторвать свой взгляд от золотой сетки корсажа.

На следующий день он встретил ее вновь. В сопровождении пожилой женщины она появилась на Виа Драппри, где торговали одеждой и материями. С гирляндой цветов в волосах, в шелковом платье с золотым поясом, изукрашенным драгоценными камнями, с шерстяным капором на плечах, она шла по улице все той же грациозной и легкой поступью. Увидев Микеланджело, она поклонилась, чуть улыбнувшись, и прошла дальше, оставив его приросшим к кирпичной мостовой.

Когда настала ночь и он вновь был не в силах заснуть, он спустился в библиотеку Альдовранди, зажег лампу, взял лежавшее на столе перо и, после многих бесплодных попыток, набросал такие строки:

ВЕНОК И ПОЯС

Нет радостней веселого занятия:
По злату кос цветам наперебой
Соприкасаться с милой головой!..
И лгнуть лобзаньем всюду без изъятья!

И сколько наслаждения для платья
Сжимать ей стан и ниспадать волной;
И как отраднo сетке золотой
Ее ланиты заключать в объятья!

Еще нежней нарядной ленты вязь,
Блестя узорной вышивкой своею,
Смыкается вкруг персей молодых.

А тесный пояс, ласково вяясь,
Как будто шепчет: "Не расстанусь с нею..."
О, сколько дела здесь для рук моих!

Микеланджело догадывался, что сонет вышел совсем не таким, какие учил его писать, тратя на это долгие часы, Бенивиени. Однако сонет этот, по

выражению Альдовранди, сильно "охладил его пыл". Он перешел из библиотеки в свою комнату и быстро заснул.

Через несколько недель Альдовранди снова пригласил его провести вечер на вилле Клариссы – на этот раз здесь собрались самые близкие друзья Марко, чтобы заняться излюбленной игрой болонцев _тароккино_, в которой применялись шестьдесят необыкновенно крупных по размеру карт. Микеланджело не знал этой игры, да и не мог, принять в пей участие: у него не было денег. Проследив за тем, чтобы приятели Марко закусили и выпили, Кларисса села рядом с Микеланджело перед горящим камином, – дело было в гостиной, украшенной чудесным терракотовым фризом. При свете камина Микеланджело разглядывал лицо Клариссы, такое нежное и в то же время такое страстное.

- Приятно поговорить с человеком одного с тобой возраста, – сказала Кларисса. – Ведь все друзья Марко гораздо старше меня.

- У вас нет друзей помоложе?

- Теперь уже нет. Но я все-таки счастлива. Разве не странно, Буонарроти, что девушка, выросшая в крайней нищете, смогла так легко и просто приспособиться к этой вот роскоши?

- Не знаю, мадонна. Все это так далеко от моих интересов.

- Что же у вас за интересы? Помимо скульптуры, конечно.

- Поэзия. – Он страдальчески улыбнулся. – Я потратил две бессонных ночи, чтобы написать вам сонет.

- Вы написали мне сонет? – изумилась она. – Мне никогда еще не писали сонетов. Можно его послушать?

Микеланджело густо покраснел.

- Не думаю. Но я перепишу его и принесу вам. Вы прочитаете его наедине.

- Ну, зачем же вы так смущаетесь? Всегда приятно знать, что кто-то к тебе неравнодушен. Я принимаю ваше стихотворение как комплимент.

Микеланджело опустил глаза. Как признаться ей, что подобная игра для него столь же нова, сколь и тароккино? Как дать ей понять, что все его существо охвачено жарким огнем страсти?

Он поднял взор и увидел, что она пристально смотрит на него. Она ясно читала все его чувства. Она вложила спую руку в его руки и впилась взглядом в его оробевшее, сконфуженное лицо. Эти короткие минуты решили дело.

- Что это свалилось на твой нос, Микеланджело?

- Окорок.

- С прилавка мясника? И как же ты не успел уклониться?

- Тот, кто живет близ Везувия, не успевает бежать от лавы: лава заливает его прежде, чем он поймет, что она подступила.

- Была у тебя любовь?

- В некотором роде.

- Любовь всегда бывает в некотором роде.

- А бывает любовь просто, без всяких условностей?

- Право, не знаю. Люди порой вступают в брак по политическим соображениям, – вот, например, Виоланта Бентивольо вышла замуж за Пандольфо Малатеста в Римини; на свадьбе у них всем распоряжался твой друг Альдовранди. Бывает, женятся лишь для того, чтобы обзавестись детьми и жить позкономней, – тогда берут в жены крестьянок; бывает, что сходятся ради удовольствий, из стремления к роскоши, к нарядам... вот как я...

- Ну, а какие чувства друг к другу у нас с тобой?

Она выпрямила спину, шелк ее платья, всколыхнувшись, резко зашуршал. Кованым носком своего модного башмака она тронула ногу Микеланджело ниже колена. Все у него внутри как бы перевернулось.

- Мы ведь оба молодые. Отчего бы нам просто не хотеть друг друга?

И вновь он, бессонный, всю ночь метался в постели; его горящее лицо уже не хотело зарыться в ложбинку между ее грудей – нет, он хотел теперь прижаться к ее телу всем своим телом. Невыносимое томление жгло и мучило его. Лежа в темной комнате, он снова и снова слышал ее слова, весь дрожа, как в лихорадке.

- Отчего бы нам просто не хотеть друг друга?

Он поднялся с постели, прошел в библиотеку Альдовранди и начал набрасывать на бумаге фразы и строчки, беспорядочно теснившиеся в его голове.

Червь обречен над коконом корпеть
И вить шелка, усердья не жалея.
Одев тебя, как нежную лилею,
Твой дух он тронет, прежде чем истлеть,
О шелкопряд, и мне б такую смерть!
И мне бы сбросить кожу, будто змею.
Отдать всю плоть - и гибелью своею
Тебя в одежды дивные одеть.
Лелеять кокон днями и ночами,
Чтоб соткан был искусными ткачами
На грудь твою прекрасную покров,
Иль в туфельки цветные превратиться
И ножки греть, когда рычит и злится
Седой Борей, примчавшийся с холмов.

Лишь в день Рождества, когда в гостинной горел камин традиционным "поленом добрых пожеланий", когда дети бедняков пели под окнами, выпрашивая подарки, а синьора Альдовранди велела собраться всем слугам и исполнить старинный обряд - вытащить из мешка "счастье", - лишь а день Рождества Микеланджело был избавлен от своего наваждения.

Выпив по стакану вина, слуги разошлись, все члены семейства Альдовранди, человек тридцать, разобрали свои подарки, и хозяин дома сказал Микеланджело:

- А теперь попытайте счастье вы!

Микеланджело засунул руку в мешок. Там оставался лишь один-единственный подарок. По улыбкам всех, кто стоял с ним рядом, Микеланджело понял, что в семье уже знали о приготовленном ему сюрпризе. Вынутая из мешка вещь оказалась терракотовой моделью надгробья работы делл'Арка в церкви Сан Доменико. На трех пустых местах, где недоставало ангела, Святого Петрония и Святого Прокла, Микеланджело увидел несоразмерно крупные карикатурные изображения самого себя; у всех трех статуэток носы были сломаны.

- Мне... мне поручается заказ?

Альдовранди, глядя на него, счастливо улыбался:

- Совет принял такое решение на прошлой неделе.

Когда гости разъехались, Альдовранди и Микеланджело прошли в библиотеку. Альдовранди сразу же заговорил о том, что, как только будут сделаны подготовительные рисунки и выяснятся размеры изваяний, он позаботится о доставке мрамора из Каррары. Микеланджело понял, что Альдовранди не только выхлопотал ему заказ, обещавший не менее тридцати золотых дукатов заработка, но и заплатит за этот каррарский мрамор и за перевозку его на волах с Апеннин. Сердце его было полно благодарности, он не знал, как ее выразить. В каком-то безотчетном порыве он схватил книгу с поэмой Данте и быстро-быстро начал перелистывать ее. Потом он взял перо и на полях страницы - сверху, снизу, с боков - молниеносно набросал виды Флоренции: Собор и Баптистерий, дворец Синьории и Старый мост через Арно, всю панораму города, лежащего в материнских объятиях каменных стен.

- Если вы разрешите, я буду разрисовывать по одной странице Данте ежедневно.

Слегка наклонившись, Альдовранди следил за быстрыми и уверенными движениями пера Микеланджело, и глаза его радостно светились.

Вдвоем с Альдовранди он отправился в мастерскую делл'Арка - она ютилась позади церкви Сан-Петронियो, на огороженном дворе, примыкая к ризнице; тут же, за невысоким портиком, находились помещения для работы художников и скульпторов, похожие на те, что теснились подле Собора во Флоренции, хотя сарай, в котором Микеланджело высек своего "Геракла", был гораздо просторнее, чем эти болонские конуры. В мастерской делл'Арка все оставалось так, как было до смерти скульптора, внезапно скончавшегося около десяти месяцев назад. На верстаке были размещены его резцы и молотки, засохшие черновые эскизы из воска и глины, цветные миниатюры, папки рисунков для задуманных, но не исполненных фигур надгробья, обломки угольных карандашей - все эти вещи словно бы воссоздавали облик человека, жизнь и труд которого смерть оборвала в самом разгаре.

Было довольно холодно, как это бывает в Эмилии в январе, и большие жаровни еле согревали воздух в мастерской. Проведя два месяца за рисованием в болонских церквах и сделав немало набросков с произведений делла Кверча, Микеланджело рвался теперь к настоящей работе: ему хотелось лепить модели в глине, разжигать горн и оттачивать инструмент, укреплять мрамор на деревянных подпорах и осторожными, точными ударами срезать углы глыбы, нащупывая очертания фигур со всех сторон, по всему кругу. Минуло уже полгода, как он закончил своего "Геракла".

Укрыв голову и уши плотной валяной шляпой, он усердно, не разгибая спины, работал за рисовальным столом уже почти неделю, но однажды его уединение было нарушено: перед ним выросла чья-то громоздкая фигура. Он оторвал взор от рисунка и увидел Винченцо, скульптора по терракоте. Лицо у него от холода было цвета темной умбры, глаза горели.

- Буонарроти, ты забрал работу, которую хотел получить я.

Помолчав минуту, Микеланджело пробормотал:

- Я очень сожалею.

- Нет, ты вряд ли сожалеешь. Ты ведь здесь чужой человек. А я болонец. Ты отнимаешь у нас, скульпторов Болоньи, кусок хлеба, вырываешь прямо изо рта.

- Понимаю, - миролюбиво ответил Микеланджело. - В прошлом году ювелиры-серебряники тоже перехватили у меня несколько скульптур в Санто Спирито.

- Это хорошо, что ты понимаешь. Иди в Совет и скажи, что ты отказываешься от заказа. Тогда он перейдет ко мне.

- Но подумай, Винченцо: тебе отказывали в этой работе начиная с того самого дня, как умер делл'Арка.

Решительным жестом своей могучей руки Винченцо отверг этот довод.

- Ты заполучил заказ лишь благодаря влиянию Альдовранди. Тебя как скульптора никто другой даже не знает.

Микеланджело от души сочувствовал этому верзиле, так обескураженному неудачей.

- Я поговорю с мессером Альдовранди.

- Поговори ради своего же блага. Иначе пожалеешь, что приехал в Болонью. Я заставлю тебя пожалеть.

Когда Микеланджело рассказал Альдовранди об этой встрече, тот ответил:

- Да, он болонец, это бесспорно. Он знает, как работал делл'Арка. Он даже знает, что любят в искусстве болонцы, но у него есть один недостаток: он не умеет работать по мрамору. Если он хочет обессмертить свое имя, пусть изготавливает наш великолепный кирпич.

- Может быть, мне взять его в помощники?

- А вам нужен помощник?

- Я хочу быть дипломатом.

- Оставайтесь лучше просто скульптором. И забудьте этого парня.

- Ты меня еще попомнишь! - пригрозил на следующий день Винченцо, когда Микеланджело сказал, что он ничем не может ему помочь.

Микеланджело смотрел на огромные костистые руки Винченцо - они были вдвое крупнее его собственных. Винченцо казался ровесником Микеланджело, лет девятнадцати, но весил, должно быть, вдвое больше него и был гораздо выше ростом. Микеланджело думал о Торриджани, видел, как взметнулся в воздухе его большущий кулак, нанося удар, - и вот уже во рту возник солонватый вкус крови, и было слышно, как хрустнула кость носа. Микеланджело чувствовал, что ему делается дурно.

- Что с тобой, Буонарроти? Ты вдруг побледнел. Боишься, что я испорчу тебе жизнь, да?

- Ты уже испортил ее.

Однако жизнь его была бы испорчена куда безжалостней, если бы ему пришлось отказаться от надежды высечь изваяния из трех чудесных глыб белого каррарского мрамора. Но разве за это не надо чем-то расплачиваться?..

Он ни разу не написал домой и не получил оттуда ни одного письма, но люди, связанные с Альдовранди делами, каждую неделю пересекали перевал Фута, направляясь во Флоренцию. Они извещали семейство Буонарроти о том, как живет Микеланджело, и передавали ему все домашние новости.

Карл Восьмой вступил в город через неделю после бегства Микеланджело, горделиво держа в руке копьё завоевателя, хотя нигде за время похода не прозвучал ни один выстрел. На улицах в честь французов были развешаны копы, горели факелы. Старый мост был по-праздничному украшен; Синьория любезно сопровождала короля к молебствию в Соборе. Дворец Медичи был предоставлен ему в качестве штаб-квартиры. Но когда дело дошло до заключения мирного договора, Карл оказался весьма надменным и, грозясь призвать во Флоренцию Пьеро, потребовал с города колоссальный выкуп. На улицах началось смятение, французские солдаты и горожане учиняли стычки, потом флорентинцы накрепко заперли все городские ворота, готовясь изгнать французов. Карл сразу же стал благоразумнее, сойдясь на ста двадцати тысячах флоринов контрибуции и праве удерживать за собой две крепости во владениях Флоренции, пока не закончится война с Неаполем. Армию из города он вывел. Флорентинцы гордились тем, что, когда предводитель двадцатитысячного войска пригрозил: "Сейчас мы затрубим в наши трубы!" - город ему ответил: "А мы ударим в свои колокола!"

Однако расшатанные колеса городского управления действовали с большим скрипом. Привыкнув за долгие годы к подчинению Медичи, административные органы с трудом обходились без своего главы. Все прежние члены Совета были из числа сторонников Медичи и умели ладить между собой. Теперь же город раздирали междоусобные страсти. Одна группа ратовала за венецианский образ правления; другая группа хотела учредить Народный совет, с правом устанавливать законы и назначать магистратуру и второй Малый совет, руководящий внутренней и внешней политикой. Гвидантонио Веспуччи, представитель знати и богачей, считал все эти проекты слишком демократическими и опасными; он боролся за сосредоточение власти в руках немногих.

В середине декабря в Болонью пришла весть о том, что в политические дела Флоренции решительным образом вмешался Савонарола - в своих проповедях он одобрил проекты по демократизации управления в городе. Гости в доме Альдовранди, осведомленные в политических делах, передавали предложения Савонаролы так: выборные советы, налогом облагается только недвижимое имущество, каждый флорентинец пользуется избирательным нравом, каждый, кто достиг двадцати девяти лет и уплатил налоги, может быть избран в Большой совет. Выступив со своими проповедями, Савонарола добился того, что его план был принят; партия Веспуччи и его знатных сторонников потерпела поражение. Даже здесь, в Болонье, стало ясно, что Савонарола занял положение политического и религиозного руководителя Флоренции. Его борьба с Великолепным закончилась полной победой.

В первые же дни нового года в Болонье опять появился Пьеро де Медичи: он решил на время обосноваться тут вместе со своими людьми. Возвращаясь из мастерской, Микеланджело увидел, что перед дворцом Альдовранди толпится отряд наемных солдат Пьеро. Сам Пьеро вместе с Джулиано сидел в гостиной у Альдовранди. Хотя Карл, заключая мирное соглашение с флорентинцами, заставил отменить указ о награде за головы Пьеро и Джулиано, не имения Медичи были конфискованы, и, считаясь изгнанным, Пьеро не имел нрава жить ближе трехсот верст от границ Тосканы.

Столкнувшись с Пьеро на пороге столовой, Микеланджело сказал:

- Рад с вами встретиться, ваша светлость! Но было бы куда приятнее снова увидеть вас во дворне Медичи.

- Мы там будем очень и очень скоро, - ворчливо ответил Пьеро. - Синьория изгнала меня из города силой. Я собираю армию, которая силой изгонит Синьорию.

Джулиано заметно подрос и был теперь не ниже Микеланджело. Поклонился он ему довольно холодно, но, когда Пьеро с синьорой Альдовранди отошли к

столу, юноши дружески разговорились.

За сколом у Альдовранди, где всегда было весело, на этот раз чувствовалось напряжение: Пьеро сразу же начал излагать свой план завоевания Флоренции. Ему требовались для этого лишь деньги, наемные воины, оружие и кони. Он рассчитывал, что Альдовранди даст ему на эту операцию две тысячи флоринов.

- Вы уверены, наша светлость, что это лучший способ действий? - вежливо спрашивал его Альдовранди. - Когда был изгнан ваш прадед Козимо, он ждал, пока город не почувствовал в нем нужды и не обратился к нему с приглашением. Дождитесь и вы своего часа.

- У меня не такое всепрощающее сердце, как у моего предка. И сама Флоренция уже хочет, чтобы я возвратился. Только Савонарола да мои кузены строят против меня козни.

Тут Пьеро взглянул на Микеланджело.

- Ты должен вступить в мою армию в качестве инженера и помочь укрепить городские стены, как только мы завоем Флоренцию.

Склонив голову, Микеланджело спросил после минутного молчания:

- Неужто вы будете вести войну с Флоренцией, ваша светлость?

- Буду. Это необходимо. Я начну наступление сразу же, как только наберу достаточные силы, чтобы не страшиться городских укреплений и стен.

- По если город подвергнется бомбардировке, его можно и разрушить...

- Что ж тут особенного? Флоренция - это груда камней. Сели мы развалим их, мы же снова их и сложим.

- Но искусство...

- Искусство? Мы можем вновь наполнить город картинами и статуями в течение одного года. И это будет новая Флоренция - город, где я стану владыкой.

Все сидели, не прикасаясь к пище. Альдовранди сказал, глядя в лицо Пьеро:

- Из уважения к памяти Великолепного, моего друга, я должен отклонить вашу просьбу. Деньги, о которых вы говорили, считайте вашими, но только пусть они будут предназначены не для военных целей. Будь жив Лоренцо, он первым остановил бы вас на этом пути.

Пьеро снова посмотрел на Микеланджело.

- А что скажешь ты, Буонарроти?

- Я, ваша светлость, тоже должен отказаться. Я готов служить вам как угодно и где угодно, но только не на войне против Флоренции.

Оттолкнув кресло, Пьеро поднялся.

- Что за людей оставил мне в наследство отец! Полициано и Пико предпочли смерть, только бы не сражаться. И вы, Альдовранди, вы, человек, которого мой отец назначил подестой Флоренции! И ты, Микеланджело, проживший под нашей крышей целых четыре года. Как вас теперь назвать, если вы и не помышляете о борьбе за утраченное нами!

Он стремительно вышел из комнаты. Со слезами на глазах Микеланджело сказал, обращаясь к Джулиано:

- Прости меня, ради бога.

Джулиано тоже встал, собираясь уходить.

- Так же, как и вы, я против войны с Флоренцией. Это только вызвало бы в городе еще большую ненависть к нам. Прощай, Микеланджело. Я напишу Контессине, что видел тебя.

Микеланджело по-прежнему смущали мысли об ангелах. Он вспоминал, как ему пришлось когда-то работать над образом ангела, расписывая фреску Гирландайо: в качестве натурщика ему служил в ту пору сынишка столяра, жившего внизу, под квартирой Буонарроти. Товарищи по мастерской подтрунивали над Микеланджело, называя его мошенником, так как он сделал нимб вокруг головы ангела весьма туманным, почти незаметным. И кто такие эти ангелы - мужчины они или женщины, люди или боги? Настоятель Бикьеллини назвал их однажды "духовными созданиями, сопровождающими господина".

Сомнения еще больше стали одолевать его с той поры, как, нарисовав уже сотню ангелов, он попал в покойницкую и вскрывал трупы. Разобравшись в строении человеческого тела и работе органов, он уже на все смотрел новыми глазами. А есть ли у ангелов эти длинные, словно свернувшиеся змеи, кишки? Помимо того, он должен был теперь извлекать своего ангела одетым, ибо ангел, стоявший на другой стороне надгробья, был в одежде. Работая над таким

ангелом и двумя святыми, Микеланджело ныне вполне оправдал бы слова Гирландайо, который говорил ему, что он всю жизнь будет изображать обнаженными у человека лишь руки, ноги да, может быть, часть шеи. Все же остальное, что есть у человека и что Микеланджело изучил с таким тяжелым трудом, все будет упрятано под просторными складками одежды.

Чтобы изваять "духовное создание, сопровождающее господа", Микеланджело выбрал натурщиком деревенского паренька, приехавшего со своими родственниками в церковь. Парень этот слегка напоминал собой Буджардини, лицо у него было полное и широкое, но все черты правильные, как у древнего грека, а сильные, хорошо развитые бицепсы и плечи свидетельствовали о том, что юноша немало походил, наваливаясь на ручки плуга, влекомого волами. Этот коренастый парень держал канделябр, поднять который мог бы только гигант. Вместо того чтобы смягчить, как это было положено, увесистость изваяния нежными, просвечивающими крыльями, Микеланджело, будто поддавшись какому-то соблазну, приделал юноше два по-орлиному поднятых крыла, росших от лопаток, почти вдоль всей его спины. Крылья он вырезал из дерева, насадив их на глиняную модель, - они оказались так тяжелы, что тоненький ангел делл'Арка, стоявший с противоположной стороны саркофага, свалился бы под их тяжестью наземь.

Он пригласил в мастерскую Альдовранди. При виде столь массивной модели тот отнюдь не удивился.

- Мы, Солонцы, не похожи на духовные создания. Вот таким здоровенным и высекайте своего ангела.

Микеланджело внял совету и принялся за дело, воспользовавшись самым крупным из трех каррарских блоков Альдовранди. С молотком и резцом в руках он ощущал себя вновь полнокровным и крепким: в ноздрях у него скапливались комки засохшей мраморной пыли, белая крошка покрывала волосы и платье. Работая над камнем, он был могущественным. Он уже не нуждался теперь в жаровнях, ему было тепло от самой работы; он даже выносил свой верстак во двор, едва лишь зимнее солнце начинало пригревать: ему хотелось чувствовать вокруг себя открытое пространство.

Вечерами, почитав вслух перед Альдовранди и сделав рисунок на очередной странице Данте, он набрасывал этюды к статуе Святого Петрония - римлянина из знатной семьи, перешедшего в христианство, покровителя Болоньи и основателя церкви Сан Петронио. В качестве моделей Микеланджело брал гостей в доме Альдовранди, из тех, что были постарше, - членов совета Шестнадцати, университетских профессоров, судей; сидя с ними за-столом, он мысленно зарисовывал их лица и фигуры, а потом удалялся в свою комнату и заносил на бумагу те черты, формы и особенности мимики, которые делают людей непохожими друг на друга.

Внести в образ Святого Петрония что-то оригинальное у Микеланджело почти не было возможности. Весь клир церкви Сан Доменико и болонские власти настаивали на том, чтобы Святой Петроний был изображен старцем не моложе шестидесяти лет, в пышных одеждах, с венцом архиепископа на голове. В руках он должен был держать модель города Болоньи - башни и дворцы города возвышались над защищающими его стенами.

В каморке, что находилась напротив мастерской Микеланджело, скоро появился сосед. Это был Винченцо: его отец получил заказ на выделку кирпича и черепицы для ремонта собора. Всюду на церковном дворе, во всех помещениях теперь было полно рабочих и мастеровых, воздух звенел от стругаемых с подвод строительных материалов. Винченцо целыми днями потешался над Микеланджело, изводя его насмешками и тем увеселяя рабочих.

- Наш кирпич сохраняет крепость тысячу лет. Он прочнее вашего флорентинского камня.

- Это правда, Винченцо, кирпич вы делаете прочный.

- А мы в твоих похвалах не нуждаемся, - отвечал Винченцо. - Ведь если послушать вас, флорентийцев, то выходит, что художников нигде нет, кроме вашего города: мы, мол, единственные!

Микеланджело смутился и не нашел, что возразить. Обращаясь к рабочим, Винченцо крикнул:

- Поглядите, как он покраснел. Вот я поддел его!

Через час, подъехав с новой телегой черепицы, Винченцо опять прицепился к Микеланджело:

- За вчерашний день я обжег сотню крепчайших черепиц. А что сделал ты?

Нацарапал десяток загогулин углем на бумаге? – И, радуясь тому, что его шутка рассмешила окружающих, он продолжал: – Если ты рисуешь, так, по-твоему, сразу станешь и скульптором? Зачем ты толчешься у нас в Болонье и не уезжаешь восвояси?

– Собираюсь уехать, как только закончу эти три статуи.

– Смотри, с моими-то кирпичами ничего не станется. А ты подумай, как просто подойти к твоей статуе и случайно задеть ее чем-нибудь тяжелым – глядишь, она уже и расколослась.

Все замерли, прекратив работу. На дворе сразу стало тихо. Топыря, как всегда, пальцы, будто он захватывал ими только что отформованный кирпич, Винченцо сказал с хитрой улыбкой:

– Представь себе, кто-нибудь вдруг наткнется на саркофаг и ударится об него. Бац – и твой ангел разлетелся на мелкие кусочки!

Микеланджело почувствовал, как злость сдавила ему горло.

– Ты не посмеешь!

– Да разве обо мне речь, Буонарроти? Я двигаюсь ловко и осторожно. А вот какой-нибудь чурбан возьмет да и сослепу треснется прямо лбищем!

Хохот рабочих, уже вновь принявшихся за работу, больно резнул Микеланджело: силы разрушения всегда идут по пятам созидания! Этот случай не забывался и мучил его не одну неделю.

Святой Петроний выходил из-под резца с печальным, изборожденным глубокими морщинами лицом, но в фигуре его проглядывала немалая сила. В посадке головы, в крепком упоре ног, обутых в сандалии на гонкой подошве, в очертаниях колеи, бедер, плеч, покрытых пышной мантией, в пальцах рук, сжимавших модель Болоньи, – во всем этом Микеланджело показал нечто прочное, крижистое. Он знал, что как мастеровой он исполнил работу хорошо. Но подлинно творческого, артистичного – Микеланджело чувствовал это – в статуе было мало.

– Красиво, очень красиво, – сказал Альдовранди, глядя на отполированное изваяние. – Такого святого не высек бы и сам делл'Арка.

– Но я намерен сделать для вас нечто большее, – отозвался Микеланджело.

– Я не уеду из Болоньи, не изваяв что-нибудь прекрасное и совершенно свое.

– Чудесно. Вы нашли в себе силы подчиниться и дать нам такого Святого Петрония, какого мы хотели. Я заставляю подчиниться Болонью и принять у вас такого Прокла, какого замыслили вы.

Болонья Жирная стала для него теперь Болоньей Тошей. Обедать домой он уже не ходил. Если кто-нибудь из слуг Альдовранди приносил ему горячей еды в мастерскую, Микеланджело порой долго не притрагивался к ней, не в силах оторваться от работы, и пища остывала. Приближалась весна, светлые рабочие часы становились все длиннее. Микеланджело нередко возвращался в особняк Альдовранди лишь затемно – грязный, потный, измазанный углем и мраморной пылью. От усталости он уже не помышлял ни о чем, кроме постели, но слуги тащили ему большой ушат горячей воды и клали на видном месте чистое платье. И, помимо того, он прекрасно знал, что хозяин дома ждет его в библиотеке, чтобы провести час-другой за дружеской беседой.

Клариссу он видел редко, поскольку на званных вечерах почти не бывал. По после каждой встречи с нею он по-прежнему не спал ночи и страшно мучился; днем она тоже стояла у него перед глазами, и, вместо того чтобы рисовать Святого Прокла, он нередко набрасывал фигуру Клариссы, едва прикрытую прозрачным платьем.

Он даже уклонялся от встреч с нею. Они действовали на него слишком тягостно.

Первого мая Альдовранди предупредил Микеланджело, что в этот день работать не надо. Для болонцев это был самый радостный день в году: город переходил как бы в подданство Королевы Любви, люди шли в поля и собирали для родных и друзей цветы, юноши сажали перед окнами своих возлюбленных украшенные лентами деревья, а их приятели пели для девушек песни.

Микеланджело вместе с Альдовранди вышел за главные городские ворота: здесь было построено особое возвышение, покрытое пестрыми шелками и увитое гирляндами цветов. Здесь Королеву Любви короновали – огромная толпа горожан присягала ей, воздавая традиционные почести.

Микеланджело тоже хотел присягнуть любви, у него тоже горела и бродила хмелем кровь; в вольном весеннем воздухе плыли запахи тысяч букетов, запахи праздничных духов, которыми благоухали болонские дамы, все красивые

в этот торжественный день, все разодетые в шелка с драгоценными камнями.

Однако Клариссу он здесь не нашел. А Марко оказался в толпе: он был вместе с родственниками и двумя девицами, явно из тех, на которых его семейство благосклонно смотрело как на возможных невест, – они льнули к Марко, цепляясь за его руки справа и слева. Микеланджело заметил и ту пожилую женщину, которая сопровождала Клариссу на улицах, а также горничную Клариссы и еще несколько ее слуг: они пили и закусывали, расположившись на траве позади коронационного помоста Королевы Любви. Но и тут Клариссы нигде не было, как он ни старался ее найти.

А потом он, очнувшись, понял, что помост Королевы Любви и шум разряженной толпы уже где-то далеко-далеко позади. Он быстро шагал по дороге, ведущей к вилле Клариссы, ноги несли его туда будто сами. Что он там будет делать, он не знал. Не знал, что будет говорить, как объяснит свои приход, когда ему отворят ворота. Весь трепеща, он не то шел, не то бежал по ложине между холмами.

Ворота во двор оказались незапертыми. Он пошел к парадной двери, потянул за молоток, постучал снова и снова. Он уже решил про себя, что вилла пуста и что он поступил глупо, как вдруг дверь приоткрылась. За нею стояла Кларисса, ее золотистые волосы были рассыпаны по спине, ниспадая почти до колени, лицо было чистое, без следов румян, и чуть пахло мылом, из шее и в ушах никаких украшений; она показалась Микеланджело еще более красивой, чем раньше, и тело ее, полуголое, близкое, еще желанней.

Он сделал шаг вперед. В доме не слышалось ни единого звука. Кларисса задвинула засов у двери. И вдруг они приникли друг к другу, прижимаясь коленями, бедрами, грудью, в жадном поцелуе сливая воедино свои сладкие, влажные губы, стискивая друг друга так, что в их объятии билась и трепетала сама сила жизни, и уже не сознавая, не помня, где они и что с ними происходит.

Она провела его в спальню. Легкая ткань пеньюара не скрывала ее фигуры. Гибкая, тонкая талия, с пунцовыми кончиками сосков упругие груди, златоволосый венерин холмик – все до подробности уже заранее видели его глаза рисовальщика: перед ним была женская красота, созданная для любви.

Это было так, словно он живыми, пружинящими ударами резца проникал в глубь белоснежного мрамора, исподволь направляя эти удары, пробивающие телесно-теплую плоть глыбы, снизу вверх, словно он, занося молоток, говорил себе коротко-решительное "Пошел!", бросал вслед за молотом тяжесть всего своего тела и врывался иго глубже и глубже в борозды и складки податливой, мягкой живой ткани, пока не наступало головокружительное, как взрыв, последнее мгновение и вся его текучая, стремительная сила, вся его нежность, желание, страсть не изливались в творимую форму и пока мраморный блок, созданный для того, чтобы его ласкала рука истинного скульптора, не отвечал, не отзывался на это, отдавая свой затаенный внутренний жар, и всю плоть свою, и свою текучую силу, пока, наконец, скульптор и мрамор взаимно не проникали друг в друга, не становились единым целым – мрамор и человек в органическом слиянии, дополнив и завершив друг друга в том величайшем проявлении творчества и любви, какое только знают люди.

После памятного майского праздника Микеланджело закончил рисунки к статуе Прокла, который был убит у ворот Болоньи в 303 году, в расцвете молодости и сил. Он изваял его подпоясанным, в тунике, стараясь не закутывать могучую грудь святого и крепкие, мускулистые ноги. Все было тут анатомически верно и убедительно. Лепя модель из глины, он чувствовал, как обогатил его опыт работы над "Гераклом": он сумел теперь передать ощущение силы и в бедрах, и в бугристых, толстых икрах Прокла – глядя на статую, зритель чувствовал, что такая грудь и такие ноги могли быть лишь у отважного воителя, у стойкого, нестигаемого бойца.

Затем, отбросив всякое стесненно, он при помощи зеркала, в спальне, стал лепить для лица святого свой собственный портрет: вмятина на носу, широкие плоские скулы, широко расставленные глаза, спадающие на лоб пряди густых волос, пристальный, твердый взгляд, выражающий готовность к схватке – с кем? С недругами Болоньи? С врагами искусства? Или с врагами самой жизни? А разве это, по сути, не один и тот же враг?

Трудясь над мрамором и думая лишь о том, как точнее направлять и нести

удары своего резца, Микеланджело забывал Винченцо, забывал его землисто-оранжевое лицо и руки, его хриплый, тягучий голос. Он щурил глаза, защищаясь от летящей крошки, неотступно вглядывался в рождающиеся формы изваяния и снова ощущал себя высоким и крепким. Облик Винченцо в его сознании стал как бы бледнеть и уменьшаться, а потом исчез совсем, к тому же и сам кирпичник больше не появлялся близ церкви.

Когда полуденное солнце нагревало воздух слишком сильно и работать на закрытом душном дворе было тяжело, он обычно брал карандаш и бумагу и выходил на площадь перед церковью. Присев на прохладный камень подле рельефов делла Кверча, он освежал душу тем, что зарисовывал ту или другую фигуру - господа бога, Адама, Еву или Ноя; он пытался хотя бы отчасти понять, как удавалось делла Кверча вдохнуть в свои образы, едва проступавшие на плоской поверхности истринского камня, столь глубокие эмоции, такую драматичность и отблеск живой жизни?

Жаркое лето проходило в работе: с рассветом Микеланджело был уже на ногах и трудился до вечерних сумерек; прежде чем приняться за трапезу, открыв свою корзинку, где лежали колбаса салями и хлеб, он не выпускал инструмента из рук в течение шести часов. По вечерам, когда подступавшая темнота искажала и скрадывала объемы и плоскости высекаемой фигуры, он набрасывал на нее мокрое полотнище, переносил в мастерскую и надежно запирали дверь, потом шел к мелководной широкой реке Рено и не спеша купался. Возвратясь в особняк Альдовранди, он смотрел, как в ниспадавшем, будто полог, на равнины Эмилии темно-синем небе, сияя, загорались звезды.

Винченцо исчез, но исчезла и Кларисса. Из беглого замечания Альдовранди Микеланджело понял, что Марко увез ее на жаркий сезон в свой охотничий домик в Апеннинах. Семейство Альдовранди тоже уехало на летнюю виллу в горы. На большую часть июля и весь август Болонья замерла, словно пораженная чумой, окна у лавок были закрыты железными ставнями. Микеланджело остался во дворце лишь с двумя дряхлыми слугами, которые боялись покинуть дом по старости. Альдовранди он видел только в те редкие дни, когда тот, густо загоревший на горном солнце, приезжал присмотреть за своими делами. Однажды он привез поразительное известие из Флоренции. Как только он заговорил об этом, его короткие вздернутые брови в недоумении поползли вверх:

- Ваш фра Савонарола начал вести игру в открытую. Он объявил войну папе!

- Речь идет, видимо, о таких же ответных мерах, какие принял Лоренцо после того, как папа отлучил Флоренцию от церкви?

- Ах, тут совсем другое. Савонарола действует по чисто личным мотивам и хочет сразить папу насмерть.

И Альдовранди прочитал выдержку из последней проповеди Савонаролы в Соборе: "Когда вы видите, что голова здорова, вы вправе сказать, что здорово и тело; но когда голова больна, надо проявить заботу о теле. Точно так же, если глава правительства полон честолюбия, похотлив и наделен всеми другими пороками, то знайте, что наказание ему не заставит себя долго ждать... Когда вы видите, что господь позволяет главе церкви погрязнуть в грехах и преступлениях, то верьте же, что тяжкая кара скоро обрушится на весь парод!"

Микеланджело воспринял это гораздо спокойнее, чем ожидал Альдовранди, так как настоятель Бикьеллини давно говорил ему, что конечная цель Савонаролы - свергнуть папу.

- И чем же на такие речи ответил папа?

- Он вызвал Савонаролу в Рим, чтобы тот объяснил свои пророческие откровения. Но Савонарола отказался ехать, сказав при этом так: "Все благонамеренные и благоразумные жители города видят, что мой отъезд отсюда нанесет великий ущерб народу и будет мало полезен вам в Риме... Я уверен, что в интересах той миссии, которую я исполняю, все, что препятствует моему отъезду, возникло по воле божьей и, следовательно, не в воле божьей, чтобы я сейчас покинул это место". Железная логика, не правда ли? - с усмешкой спросил Альдовранди.

Альдовранди уговаривал Микеланджело пожить у него в горах и отдохнуть от городской жары, но Микеланджело тоже отказался уехать из "этого места".

- Большое спасибо, - сказал он, - но я спешу закончить "Святого Прокла". Если дело пойдет так, как идет сейчас, то к осени он будет готов.

Лето кончилось, Болонья подняла свои ставни и вновь стала обитаемым городом. К осени изваяние Святого Прокла в самом деле было готово. Микеланджело привел Альдовранди взглянуть на него. Любовно оглаживая полированную поверхность мрамора, Микеланджело чувствовал себя очень усталым, но был счастлив. Счастлив был и Альдовранди.

- Я попрошу отцов церкви назначить день освящения статуи. Пожалуй, это надо приурочить к рождественскому празднику.

Микеланджело молчал: дело скульптора - изваять статую, а дело священников - освятить ее.

- Мы можем чествовать вас в церкви Сан Доменико, - предложил Альдовранди.

- Моя работа кончена, и я тоскую по Флоренции, - тихо ответил Микеланджело. - А вы были для меня хорошим другом.

Альдовранди улыбнулся:

- Мы в расчете. О хлебе и приюте в моем доме, где вы прожили год, не стоит говорить. Но сколько прекрасных часов провел я с вами, читая стихи! И вы проиллюстрировали для меня "Божественную комедию". Разве Альдовранди совершали когда-нибудь более выгодную сделку?

Он не мог уехать, не попрощавшись с Клариссой. Но встречи с нею надо было еще выждать. Однажды Альдовранди пригласил его на глухую загородную виллу, куда болонские богачи без опаски привозили своих любовниц потанцевать и повеселиться. Микеланджело увидел, что побыть наедине с Клариссой хотя бы десять минут нет никакой надежды. Что ж, им придется попрощаться здесь, в присутствии многих мужчин и женщин; они будут смотреть друг на друга с добродушно-шутливой болонской улыбкой и обмениваться пустыми любезностями.

- Я все собирался сказать вам, Кларисса, до свидания. Я возвращаюсь во Флоренцию.

Ее брови на мгновение дрогнули, сдвинувшись к переносью, но светская зауценная улыбка не сходила с губ.

- Очень жаль. Мне было приятно сознавать, что вы живете в нашем городе.

- Приятно? Разве пытка приятна?

- В каком-то роде. Когда вы приедете в Болонью снова?

- Не знаю. Возможно, никогда.

- Все возвращаются в Болонью. Она по дороге, куда бы ни ехать.

- В таком случае вернусь и я.

13

Домашние искренне обрадовались, когда он приехал в свой город, и, удивленно восклицая при виде отросшей бородки, расцеловали его в обе щеки. Получив от сына привезенные им двадцать пять дукатов, Лодовико был в восхищенье. Буонаррото за год сильно подрос, Сиджизмондо, заметно возмужавший, пристроился в цехе виноделов, а Джовансимоне окончательно покинул отчим дом и по-царски зажил где-то в собственной квартире на той стороне Арно - он был теперь одним из вожаков Юношеской армии Савонаролы.

- К нам он уже больше и не заходит, - вздыхал Лодовико. - Мы задаем ему слишком много неприятных вопросов.

Граначчи с утра до ночи усердно трудился в мастерской Гирландайо, стараясь поддержать ее репутацию. Зайдя в мастерскую, Микеланджело застал там Давида и Бенедетто Гирландайо, Майнарди, Буджардини и Тедеско - они рисовали картоны для новых фресок в часовне Святого Зиновия. Картоны показались Микеланджело хорошими.

- Конечно, - соглашался Давид. - Но нам постоянно твердят одно и то же: со смертью Доменико мастерской больше не существует.

- Мы работаем теперь вдвое усерднее, чем прежде, - жаловался Майнарди,

- но разве у кого-нибудь из нас есть такой талант, какой был у Доменико? Может, только у его сына Ридольфо. Но ведь ему двенадцать лет, сколько же надо ждать, пока он заменит отца?

По дороге домой Граначчи докладывал:

- Семейство Пополано хочет, чтобы ты изваял что-нибудь для них.

- Пополано? Я не знаю никаких Пополано.

- Нет, знаешь. - В мягком голосе Граначчи почувствовалось напряжение. - Это кузены Медичи, Лоренцо и Джованни. Они изменили свою фамилию, чтобы она звучала сходно с названием Народной партии, и ныне участвуют в управлении Флоренцией. Они просили привести тебя к ним, как только ты приедешь.

Братья Лоренцо и Джованни приняли Микеланджело в гостиной, наполненной бесценными предметами искусства из дворца Великолепного. Микеланджело растерянно переводил взгляд с одной вещи на другую: тут были произведения и Боттичелли, и Гоццолли, и Донателло.

- Не думай, что мы похитили эти сокровища, - с улыбкой говорил Джованни. - Их продавали открыто, с аукциона. Это наше законное приобретение.

Микеланджело сел на стул, не дожидаясь приглашения. Граначчи почел нужным заступиться за братьев Пополано:

- По крайней мере, здесь эти картины и статуи в безопасности. Часть прекрасных вещей продана приезжим и увезена из Флоренции.

Микеланджело встал и прошелся по комнате.

- Все это так для меня неожиданно... столько нахлынуло воспоминаний.

Джованни Пополано распорядился подать лучшего вина и закуски. Лоренцо тем временем говорил Микеланджело, что они все еще хотят получить статую Юного Иоанна. Если Микеланджело желает ради удобства работать во дворце, ему всегда будут здесь рады.

В тот же вечер, когда колокола Флоренции звенели достаточно громко, чтобы напомнить тосканскую поговорку: "Колокола сзывают в церковь других, но сами туда не ходят", - Микеланджело шагнул по узеньким улицам ко дворцу Ридольфи. Он хорошенько выбрился, вымылся, надел для визита свою лучшую голубую рубашку и лучшие чулки, волосы ему постриг на Соломенном рынке тот цирюльник, что когда-то стриг Торриджани.

Семейство Ридольфи прежде принадлежало к партии Биги, или партии Серых, и шло целиком за Медичи, каковую вину городской совет ему простил; теперь же оно подчеркнуто поддерживало партию Фратески, или Республиканцев. Контессина встретила его в гостиной, ее по-прежнему сопровождала та же старая няня. Микеланджело увидел, что Контессина беременна.

- Микеланджело.

- Контессина. Come va?

- Ты говорил, что я нарожу много сыновей.

Он смотрел на ее бледные щеки, лихорадочно горящие глаза, вздернутый, как у Лоренцо, нос. И он вспоминал Клариссу, чувствуя, что она словно стоит в этой комнате рядом с Контессиной. "Любовь всегда бывает в некотором роде".

- Я пришел сказать тебе, что твои кузены предлагают мне заказ. Я не мог вступить в армию Пьеро, но послушаться семьи Великолепного второй раз мне не позволяет совесть.

- Я знаю, что кузены интересуются тобой. Ты уже проявил свою верность нам, Микеланджело, когда отверг их первое предложение. Не надо больше упрямяться и что-то доказывать этим. Если заказ тебе подходит, прими его.

- Я так и сделаю.

- Что касается Пьеро... Сейчас и я и сестра, мы обе живем под защитой мужниных семей. А если Пьеро нападет на Флоренцию с большим войском и город будет в опасности, кто знает, что случится с нами?

Сам город теперь сильно изменился. Бродя по знакомым улицам, Микеланджело всюду чувствовал дух вражды и подозрительности. Флорентинцы, жившие в мире и согласии с тех пор, как Козимо де Медичи приказал снести на домах оборонительные башни, ныне разделились на три враждебных, осыпающих друг друга проклятиями партии. Микеланджело уже научился различать их. К Арраббиасти, или Бешеным, принадлежали богатейшие семейства с большим политическим опытом; они ненавидели теперь и Пьеро и

Савонаролу, называя приверженцев последнего сопляками и нытиками. Затем существовала партия Белых, или Фратески, куда входили Пополано, - эта партия любила Савонаролу не больше Бешеных, но была вынуждена поддерживать его, поскольку тот выступал за народоправство. И наконец, была партия Пьеро де Медичи, Серые, - она всячески интриговала, борясь за возвращение в город Пьеро.

Оказавшись вместе с Граначчи на площади Синьории, Микеланджело нескананно удивился: бронзовая Донателлова "Юдифь", находившаяся некогда во дворце у Медичи, стояла теперь перед правительственным дворцом, а похищенный у Медичи же "Давид" был установлен на дворе Синьории.

- Что тут делает "Юдифь"? - спросил Микеланджело.

- Она теперь царствующая богиня Флоренции.

- Богиня, которую выкрали. И бедный "Давид"...

- Зачем такие резкие слова? Их не выкрали, их конфисковали.

- А что значит эта надпись?

- Горожане поставили эту статую здесь как предупреждение всем, кто помышляет о тирании во Флоренции. Юдифь с мечом в руке - это мы, доблестные граждане Флоренции, Олоферн, чья голова вот-вот будет отсечена, - это наши недруги, враждебные партии.

- Значит, на этой площади покатытся множество срубленных голов? Выходит, мы в войне друг с другом?

Граначчи не ответил на этот вопрос, но настоятель Бикьеллини признался:

- Боюсь, что ты прав, Микеланджело.

Микеланджело сидел в его кабинете, кругом были полки с манускриптами в кожаных переплетах, на столе груды лежали исписанные листы: настоятель заканчивал какое-то сочинение. Грея руки, он совал их в рукава черной августинской сутаны.

- Мы провели кое-какие реформы в области налогов и нравов. Управление у нас стало демократичнее, в нем участвует больше граждан. Но администрация скована по рукам и ногам, она ничего не может сделать, пока тот или иной ее акт не одобрит Савонарола.

Если не считать кружка самоотверженных живописцев в мастерской Гирландайо, художники и искусство совсем захирели во Флоренции. Росселли болел, его мастерская была закрыта. Двое родственников делла Роббиа, унаследовавшие профессиональные навыки Луки, стали священниками, Боттичелли писал только на сюжеты, навеянные ему проповедями Савонаролы. Лоренцо ди Креди, ученик Верроккио, занялся лишь реставрацией работ фра Анжелико и Учелло и ушел в монастырь.

- Я не раз думал о тебе, - говорил настоятель. - В особенности когда Савонарола выступил с проповедью для художников. У меня сохранились кое-какие записи этой проповеди, поверь, совершенно точные. "В чем заключается красота? В красках? Нет. В формах? Нет! Господь - вот сама красота. Молодые художники пишут то какую-то женщину или какого-то мужчину, то Магдалину, то Богородицу, то Святого Иоанна, и вот уже их образы появляются на стенах церквей. Это величайшее извращение, надругательство над святыми истинами. Вы, художники, творите зло, вы наполняете храмы суетными изображениями..."

- Я уже слышал обо всем этом от моего брата. Но если у Савонаролы такая власть...

- Да, у него такая власть.

- ...тогда, пожалуй, мне не надо было возвращаться во Флоренцию. Что мне здесь делать?

- А куда бы ты мог деться, сын мой?

Микеланджело не ответил. В самом деле, куда?

В день нового, 1490, года большая толпа парода вышла на площадь Сан Марко и окружила монастырь, вздымая горящие факелы и крича:

- Сожжем его логово! Сожжем Сан Марко! Выкурим отсюда этого грязного монаха!

Микеланджело стоял и смотрел, прячась в тени дворца Пополано. Монахи Сан Марко в своих черных одеяниях и капюшонах вышли из ворот, сомкнулись плечом к плечу, взялись за руки и, защищая церковь и монастырские покои, образовали плотную цепь. Толпа горожан все кричала, угрожая Савонароле и браня его, но монахи не дрогнули и не отступили; спустя какое-то время люди с факелами стали исчезать, убегая с площади, огни мелькали уже на

окрестных улицах.

Прижимаясь к холодным камням стены, Микеланджело чувствовал, как его бьет лихорадка. В мозгу его маячила Донателлова "Юдифь", стоящая с поднятым мечом, готовая срубить голову... чью же? Савонаролы? Настоятеля Бикьеллини? Пьеро? Самой Флоренции?

Или его собственную голову?

14

Желая повидаться с Бэппе, он пошел и мастерские на дворе Собора и узнал там, что где-то на соседнем подворье можно купить по сходной цене небольшую, но вполне хорошую глыбу мрамора. Уплатив за мрамор, Микеланджело весь остаток денег, полученных авансом за работу над "Святым Иоанном", отдал Лодовико.

Заставить себя жить во дворце, называемом теперь "дворцом Пополано", Микеланджело не мог, но рабочее место пришлось ему оборудовать все же у заказчиков, в их саду. Кузены обращались с ним как с другом, часто зазывали его, прямо в рабочей одежде, в комнаты, предлагая посмотреть новую картину или украшенный миниатюрами манускрипт. Несмотря на студеную погоду, он не ел и не пил вплоть до полудня и возвращался домой с отменным аппетитом, чем восхищал Лукрецию. Им был доволен теперь даже Лодовико.

Сад у Пополано был разбит и подстрижен по всем правилам, обнесен высокой стеной, была там и крытая галерея, в которой Микеланджело спасался от холода. Работать в ней было удобно, но Микеланджело не испытывал ни радости, ни творческого воодушевления. И он все время спрашивал себя: "Почему?"

Сюжет был интересный: юный Иоанн идет с проповедью в пустыню. "Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих; а нищю его были акриды и дикий мед". Во Флоренции скопилось много изображений Святого Иоанна: "Иоанн, совершающий обряд крещения" Андреа Пизано на дверях Баптистерия, бронзовая статуя Гиберти в Орсанмикеле, мраморное изваяние Донателло на Кампаниле, фреска Гирландайо в церкви Санта Мария Новелла, "Крещение Христа" Верроккио, написанное для церкви Сан Сальви с участием Леонардо да Винчи.

Читая Библию, Микеланджело решил, что Иоанну было всего лет пятнадцать, когда он направился с проповедью к самаритянам в палестинскую пустыню. Большинство изображений показывало его совсем мальчиком, с тоненькой фигуркой, с детским лицом. Но это было едва ли необходимо. Ведь в пятнадцать лет многие итальянские молодые люди были уже мужчинами. Почему же Святому Иоанну не быть крепким, здоровым юношей, вполне готовым к тем суровым испытаниям, навстречу которым он шел? Почему Микеланджело не изваять одну из тех излюбленных им фигур, над какими он работал с особым жаром?

Тревога и смута в городе - не она ли убивала в нем воодушевление, не сна ли заставляла его раздумывать о своем месте в отцовской семье? Кругом носились самые разные, порой дикие слухи, повсюду царил страх, говорили, что Савонарола взял управление городом полностью и своя руки. Отказавшись вступить в лигу итальянских городов-государств. Флоренция опасалась, что лига навяжет ей в правители Пьеро, что город вновь подвергнется нашествию неприятеля. Венеция, герцог Сфорца в Милане, папа Борджиа в Риме считали Пьеро подходящим союзником в борьбе с Савонаролой и помогли ему собрать десять тысяч дукатов для оплаты наемных войск.

Но в опасности было прежде всего искусство. Художники жили и работали в тревожном мире. И поистине, суждено ли им было когда-то жить в другом, более спокойном мире?

Или трудности Микеланджело заключались в том, что, как и раньше, он не мог уяснить себе значение Святого Иоанна, его роль. Зачем господь бог должен был посылать кого-то, чтобы подготовить пришествие Иисуса Христа?

Если в господней воле нарушить все законы природы и творить чудеса, чтобы убедить сомневающихся, зачем же было заранее прокладывать путь для сына божьего?

У Микеланджело был пытливый ум. Он чувствовал необходимость добраться до сути вещей, до подоплеки философских положений. Он читал историю Иоанна у Матфея:

"В те дни приходит Иоанн Креститель, и проповедует в пустыне Иудейской, и говорит: покайтесь; ибо приблизилось царствие небесное. Ибо он тот, о котором сказал пророк Исайя: глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь господину, прямыми сделайте стези ему".

Но пятнадцатилетний мальчик, впервые идущий проповедовать, не мог быть старше того человека, который позднее крестил Иисуса. Каким же он все-таки был, этот Креститель, как выглядел? Каково его значение в христианстве? Был ли его подвиг необходим или он только служил исполнением пророчества в Ветхом завете, - ведь первые христиане считали, что чем прочнее они утвердят свою веру на Ветхом завете, тем больше будет у нее возможностей выжить и сохраниться.

Если Микеланджело и не был искушенным богословом, он был добросовестным мастером. Он затратил не одну неделю, бродя по городу и зарисовывая каждого юношу, который соглашался задержаться на месте несколько минут. И хотя он не собирался высекать Иоанна необыкновенно сильным человеком, он не хотел его представить и тем хрупким, изнеженным подростком, какие украшали церкви Флоренции. Так он замыслил своего Иоанна; так его изваял - пятнадцатилетним юношей, с гибким, прикрытым лишь повязкой на бедрах, телом. Нимб вокруг головы он отверг, отверг и традиционный длинный крест, который нес в руках Иоанн у Донателло, ибо Микеланджело не думал, что юный Иоанн носил с собой крест за много лет до того, как крест вошел в жизнь Иисуса. Получился живой, полнокровный портрет юноши; закончив полировать изваяние, Микеланджело все еще не знал, какой смысл он вложил в него.

Кузены Медичи и не требовали смысла. Они были весьма довольны работой Микеланджело и поставили статую в нишу тыльной стены сада - из задних окон дворца ее хорошо было видно. Они заплатили Микеланджело все, что оставалось заплатить, и сказали, что с удовольствием предоставят Микеланджело свой сад под мастерскую и на будущее.

Но они и не заикнулись о новом заказе.

- Я не вправе обижаться, - говорил совсем захандривший Микеланджело, встретясь с Граначчи. - "Иоанн" у меня вышел самый обыкновенный, в нем нет искры божьей. Я научился высекать круглые статуи, но разве мне удалось создать хоть одно действительно выдающееся изваяние в круглой скульптуре? Теперь, когда мне скоро будет двадцать один год, я знаю и умею, пожалуй, меньше, чем тогда, когда мне было семнадцать. Как это может быть?

- Это не так.

- Бертольдо мне говорил: "Скульптор должен создать целое полчище статуй". Я изваял за эти четыре года шесть скульптур: "Теракла", деревянное "Распятие", "Ангела", "Святого Петрония" и "Святого Прокла" в Болонье, а теперь вот "Святого Иоанна". Но только в "Прокле" есть нечто действительно самобытное.

В свой день рождения он уныло побрел в мастерскую в саду Пополано. Там на рабочем верстаке он неожиданно увидел глыбу белого мрамора. По всей глыбе, рукою Граначчи, угольным карандашом было написано:

"Руби снова!".

И он тут же начал рубить. Не сделав ни одного рисунка, не слепив модели в воске или в глине, он стал высекать маленького мальчика - мысль о нем зародилась еще в ту пору, когда он трудился над "Иоанном": ему хотелось изваять в древнеримском духе пухлого, полного языческих сил, крепкого малыша. Он и не думал, что создаст нечто серьезное, он смотрел на это как на забаву, простое упражнение, желая рассеяться после смутных раздумий об Иоанне. И вот уже мраморная крошка и пыль летела из-под резца, и из глыбы возникал прелестный спящий ребенок лет шести; правую руку он подложил под голову, а ноги привольно раскинул в стороны.

Эта работа заняла у Микеланджело всего несколько недель: он не рассчитывал достичь какого-то совершенства и не собирался продавать "Мальчика". Он изваял его ради удовольствия, словно бы играя, и теперь, когда мрамор был уже отполирован, он хотел вернуть его Граначчи,

сопроводив такой надписью:

"Вот твоя глыба, только чуть попорченная".

Но Лоренцо Пополано заставил его изменить свои намерения. Увидав готовую статую, он расплылся в радостной улыбке:

- Если бы ты сумел придать мрамору такой вид, будто он долгое время пролежал в земле, то я сбыл бы его в Риме за античного Купидона. Ты можешь это сделать?

- Кажется, могу. Однажды я подделал под старину целую папку рисунков.

- В таком случае ты продашь своего "Мальчика", получив гораздо большую сумму. У меня там есть ловкий торговец, Бальдассаре дель Миланезе. Он все нам и промыслит.

Микеланджело выдел достаточно греческих и римских статуй, чтобы знать, как должен выглядеть теперь его мрамор. Для пробы он начал дело с тех кусков и обломков, которые остались от работы над "Мальчиком". Он втирал, прямо пальцами, в кристаллы мрамора влажную землю, потом, пройдясь по поверхности наждачной бумагой, еще раз вымазал камень грязью, придав всем его выступам коричневато-ржавый цвет; кистью из жесткой щетины он втирал эту землистую окраску как можно прочнее и глубже.

Уверившись, что все идет хорошо, он принялся за самого "Мальчика" и работал очень старательно, даже с увлечением; мысль об искусной подделке под древность занимала его сейчас не меньше, чем сам процесс ваяния, когда он только создавал статую.

Лоренцо был вполне удовлетворен достигнутым результатом.

- Это убедит кого угодно. Бальдассаре обеспечит тебе хорошую цену. Через несколько дней я отправляю в Рим кое-какие грузы, пошлю туда и твое изваяние.

Лоренцо все предугадал без ошибки: "Мальчика" купил первый же клиент, к которому Бальдассаре обратился, - кардинал Риарио ди Сан Джордже, внучатый племянник папы Сикста Четвертого. Лоренцо высыпал в руки Микеланджело кучу золотых монет - тридцать флоринов. Однако Микеланджело полагал, что античный Купидон, проданный в Риме, даст ему по крайней мере сотню флоринов. Но даже и полученная сумма вдвое превышала то, на что можно было рассчитывать в самой Флоренции, где, пожалуй, и не нашлось бы ни одного покупателя: отряды Юношеской армии Савонаролы, врываясь в дома, силой отнимали у горожан все языческие изображения.

Незадолго до великого поста Микеланджело встретил брата Джовансимоне: тот быстро шагал по Виа Ларга во главе шеренги юнцов в белых одеяниях - в руках у них были зеркала, шелковые и бархатные женские платья, картины, статуэтки и ларцы, инкрустированные драгоценными камнями. Микеланджело схватил брата за плечи, у того едва не выпала из рук ноша.

- Джовансимоне! Я живу дома вот уже четыре месяца, а тебя не видал ни разу.

Джовансимоне сжал свободной рукой руку брата и широко улыбнулся.

- Знаешь, сейчас нет ни минутки поговорить с тобой. Приходи завтра вечером на Площадь Синьории. Приходи непременно.

То грандиозное зрелище, которое было устроено на следующий вечер, не мог пропустить ни Микеланджело, ни любой другой флорентинец. Сразу с четырех концов города, шагая поенным строем, в белых балахонах, на площадь Синьории выходила Юношеская армия - впереди шли барабанщики, трубачи и юноши с жезлами, у всех в руках были ветви оливы, и все, скандируя, кричали: "Да здравствует Христос, царь Флоренции! Да здравствует дева Мария, царица!" Здесь, прямо перед дворцом, было установлено громадное дерево. Вокруг этого дерева возвышался в виде пирамиды деревянный эшафот. Флорентинцы и жители близлежащих селений потоком шли и шли на площадь. Место вокруг эшафота было ограждено веревками, и его охраняли монахи Сан Марко, выстроившиеся цепью, рука в руке; тут же с видом повелителя стоял и Савонарола.

Юноши в белых балахонах стали складывать вещи для костра. Сначала они кидали в кучу связки фальшивых волос, коробочки с румянами, духи, зеркала, рулоны французских шелков, шкатулки с бисером, серьгами, браслетами, модными пуговицами. Затем туда полетели принадлежности всяких забав и развлечений, дождем посыпались, взмывая и подпрыгивая в воздухе, колоды карт, стаканчики для игры в кости, шахматные доски вместе со всеми пешками и фигурами.

Поверх этой огромной груды укладывали книги, переплетенные в кожу манускрипты, сотни рисунков, картин, все произведения античной скульптуры, какими только завладели удалцы из Юношеской армии. Потом туда стали шнырять виолы, лютни и шарманки – их прекрасные формы и мерцающая лаком древесина придавали этой невообразимой сцене оттенок вакханалии, – затем пошли в ход маски, карнавальные наряды, резная слоновая кость и предметы восточного ремесла: перстни, броши и ожерелья, – летя на костер, они заманчиво поблескивали. Микеланджело увидел, как к костру пробился Боттичелли и кинул в него свои наброски с Симонетты. Затем подошел Фра Бартоломео со своими этюдами и монахи делла Роббиа: неистово размахивая руками, они бросали в общую кучу плод долгой своей работы – многоцветные терракотовые изваяния. Толпа отзывалась на это громкими криками, и было трудно понять, одобряет она жертвоприношение со страху или в порыве восторга.

Следя за зрелищем, на башенном балконе стояли члены Синьории. Юношеская армия давно уже ходила из дома в дом, выискивая "произведения искусства, противоречащие вере", всяческие украшения и предметы роскоши, запрещенные законами. Если найденная добыча не удовлетворяла молодых людей, они выгоняли хозяев из дома, предавая его разграблению. Синьория не предприняла ничего, чтобы защитить город от этих "ангелов и белых рубашках".

Савонарола вскинул вверх руки, требуя тишины. Монахи, ограждавшие эшафот, разомкнули живую цепь и тоже воздели руки к небу. На пустом пространстве появился некий монах с горящим факелом и тут же передал этот факел Савонароле. Тот поднял его высоко над собой и оглядел площадь. Затем он пошел вокруг приготовленной для огня пирамиды и, поднося факел то к одному месту, то к другому, поджег ее со всех сторон. И эшафот, и дерево, и вся груда сваленных вещей занялись плотным высоким пламенем.

Юноши в белых балахонах строем двинулись вокруг костра и снова не то кричали, не то пели: "Да здравствует Христос! Да здравствует дева Мария!" Теснившаяся на площади толпа громко отвечала: "Да здравствует Христос! Да здравствует дева Мария!"

У Микеланджело наворачивались на глаза слезы. Он вытирал их, как ребенок, тыльной стороной ладони. Слезы текли, и, когда пламя костра взметнулось прямо к небу, а дикие крики и пение зазвучали еще громче, Микеланджело почувствовал, что слезы катятся у него по токам и солью оседают на губах.

Всею душой ему хотелось уехать куда-то далеко, как можно дальше от этого города!

15

В июне к Микеланджело явился от Джованни Пополано грум и сказал, что тот просит его прийти во дворец и поговорить с одним знатным человеком из Рима, интересующимся скульптурой. Лео Бальони, гость Пополано, оказался очень общительным и говорливым блондином лет тридцати. Он сразу же предложил Микеланджело пройти в сад, в мастерскую.

- Мои хозяева говорят, что вы превосходный скульптор. Можно посмотреть что-нибудь из ваших работ?

- Здесь у меня ничего нет, кроме "Святого Иоанна". Он установлен прямо в саду.

- А рисунки? Меня интересуют прежде всего рисунки.

- В таком случае вы почти исключение среди знатоков искусства, синьор. Я буду тронут, если вы заглянете в мои папки.

Лео Бальони перерыл сотни набросков.

- Вы не оказали бы мне любезность нарисовать что-нибудь на этом листе, пусть очень простое? Руку младенца, например?

Микеланджело мгновенно набросал несколько младенческих фигур в разных

позах.

Помолчав минуту, Бальони сказал:

- Тут не может быть никаких сомнений. Вы - тот самый скульптор.

- Какой тот самый?

- Да тот, что изваял Купидона.

- Ах, вот как!

- Извините меня за ухищрения, но я послан во Флоренцию моим патроном, кардиналом Риарио ди Сан Джордже. Моя задача - разыскать скульптора, изваявшего Купидона.

- Это я. Бальдассаре дель Миланезе передал мне за эту вещь тридцать флоринов.

- Тридцать? Ведь кардинал заплатил ему двести...

- Двести флоринов! Так почему... почему же этот вор...

- Именно такое слово употребил кардинал, - встрепенулся Лео Бальони, и глаза его хитро блеснули. - Кардинал заподозрил с самого начала, что это обманщик. Что касается вас лично, то почему бы вам не поехать со мной в Рим? Вы можете там свести счеты с Бальдассаре. Я уверен, что кардинал с радостью окажет вам гостеприимство. Он говорил, что тот, кто способен на такую великолепную имитацию, в силах создать еще лучший оригинал.

Микеланджело качал головой, ошеломленный подобным стечением обстоятельств, но уже твердо решил, что делать.

- Я захвачу дома кое-что из платья, синьор, и мы тотчас можем ехать.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. РИМ

1

Он стоял на возвышении к северу от города. Рим лежал внизу среди холмов, весь в развалинах, будто после нашествия вандалов. Лео Бальони размахисто повел рукой в воздухе, очерчивая стену папы Льва Четвертого и замок Святого Ангела.

Снова сев на коней, они стали спускаться к Народным воротам, миновали могилу матери Нерона и въехали на небольшую площадь. Там валялись кучи отбросов, несло зловонием. По левую руку тянулся холм Пинчио, заросший виноградником. Улицы, по которым они проезжали, были узкие, со скверными мостовыми. Шум встречных карет, дребезжавших на неровных камнях, был так силен, что Микеланджело едва улавливал слова Бальони: тот показал ему разрушенную гробницу императора Августа, подле которой теперь пасся скот, плоское Марсово поле близ Тибра, где жили самые бедные ремесленники - их мастерские ютились между античными дворцами, столь обветшалыми, что они, казалось, могли рухнуть в любую минуту.

Большая часть зданий, которые проезжал Микеланджело, была разрушена. Среди обвалившихся камней бродили козы. Бальони объяснил, что в минувшем декабре разлился Тибр, жители укрылись на окрестных холмах, проведя там трое суток; наводнение причинило Риму немалый ущерб; в грязном, промозглом от сырости городе появилась чума, и каждое утро на острове посреди реки хоронили полторы сотни покойников.

Микеланджело чувствовал, что ему становится дурно: Рим, праматерь христианства, оказался грудой развалин, запачканных пометом. Лошади то и дело спотыкались о валявшиеся трупы животных. Тут и там можно было видеть, как кто-то воровски разбирает стены, похищая камень и пережигая в кострах

мраморные плиты и колонны на известь. Заметив перед собой в дорожной грязи какую-то античную статую, Микеланджело осторожно объехал ее; вокруг тянулись кварталы заброшенных жилищ, в трещинах стен зеленели ползучие растения. Огибая греческий храм, он увидел, что внутри его колоннады был устроен загон для свиней. Из подземного склепа, рядом с которым виднелись полузасыпанные землей колонны древнего форума, шел ужасающий запах: уже сотни лет многие поколения людей пользовались этим склепом как отхожим местом.

Бальони и Микеланджело ехали теперь по лабиринту темных, извилистых улиц, столь узких, что по ним едва проходили две лошади бок о бок; затем перед путниками открылся театр Помпея - в его зияющих ямах и расщелинах гнездились обездоленные семьи римлян; но вот уже кони ступили на ровную землю Кампо деи Фиори, где Микеланджело ощутил первые признаки нормальной городской жизни: тут был рынок. Торговые ряды показались ему очень опрятными и привлекательными, женщины покупали здесь овощи и цветы, сыр, мясо и рыбу. Впервые с тех пор, как Микеланджело спустился с холмов в город, он взглянул на Бальони и слегка улыбнулся.

- Что, страшно? - спросил Бальони. - Или интересно?

- И то и другое вместе. Несколько раз я чуть было не повернул лошадь назад, чтобы скакать во Флоренцию.

- Рим - в жалком состоянии. Посмотреть бы вам еще на паломников, которые идут сюда со всех концов Европы. Их всюду грабят, на улицах бьют и давят кавалькады принцев и богачей, в гостиницах кусают блохи, а в церквах у них отнимают последний динар. Лет шестьдесят назад Браччиолини писал: "Общественные и частные здания Рима запустели, они голы и искалечены, как члены поверженного гиганта. Рим - это разлагающийся труп". Папа Сикст Четвертый прилагал усилия, чтобы расширить улицы и отремонтировать кое-какие здания, но под властью Борджиа город запаршивел еще больше, чем во времена Браччиолини. А вот и мой дом...

Дом Бальони стоял на углу квартала, окнами к рынку. Это был хорошо распланированный трехэтажный особняк. Комнаты в нем были невелики и скудно меблированы столами и стульями из орехового дерева, однако ковров всякого рода тут было множество; бросались в глаза резные буфеты, с позолоченными рамами зеркала, красный сафьян.

Парусиновую сумку Микеланджело слуги унесли на третий этаж. Там же ему отвели и комнату: комната оказалась боковой и выходила окнами на рыночную площадь и огромный каменный дворец - его, по словам Бальони, только что отстроил кардинал Риарио, купивший Микеланджело "Мальчика".

В столовую, куда совсем не доносился шум с улицы, был подан превосходный обед. После обеда гость и хозяин пошли к кардиналу, в его старый дворец. Они вы - шли на площадь Навона, где когда-то высилась пена стадиона Домициана: там Микеланджело залюбовался великолепным мраморным торсом. Торс стоял, наполовину зарытый в землю, перед домом одного из Орсини, родственника Альфонсины, жены Пьеро. По мнению Бальони, торс был обломком статуи "Менелай, несущий тело Патрокла".

Затем они оказались на площади Фьяметты, названной по имени любовницы Цезаря Борджиа, сына папы, и достигли дворца Риарио: дворец выходил на Виа Систина, рядом с самой опрятной римской гостиницей - *Hostaria dell'Orso* - гостиницей "Медведя". Бальони стал рассказывать Микеланджело о Рафаэле Риарио ди Сан Джордже. Внучатый племянник папы Сикста Четвертого, он был посвящен в кардиналы восемнадцати лет, еще студентом Пизанского университета. Юный кардинал ездил с визитом к Медичи во Флоренцию и находился в Соборе, близ алтаря, во время того молебствия, когда убийцы закололи Джулиано де Медичи и ранили Лоренцо. Хотя и сам Лоренцо, и все флорентинцы были убеждены, что папа Сикст и его племянник подстрекали Пацци убить обоих Медичи, Лоренцо сделал тогда вид, что он отнюдь не подозревает, будто кардинал участвовал в заговоре.

Кардинал Риарио принял Микеланджело, окруженный множеством сундуков и ящиков со скульптурой; слуги перетаскивали эти ящики один за другим в соседнюю комнату. Риарио прочитал рекомендательное письмо Лоренцо Пополано и сказал несколько ласковых слов, поздравляя Микеланджело с приездом в Рим.

- Ваш "Мальчик" - чудесное изваяние, Буонарроти, хотя это и не антик. Я полагаю, что вы можете высечь нам что-нибудь совершенно исключительное.

- Благодарю вас, ваше преосвященство.

- Я бы советовал вам пройтись сегодня после обеда и посмотреть наши лучшие мраморные изваяния. Начните с арки Домициана на Корсо, потом сходите к колонне Траяна, затем осмотрите коллекцию бронзы на Капитолии, начало которой положил мой дед Сикст Четвертый...

Кардинал перечислил не менее двадцати скульптур в разных коллекциях и в разных частях города. Лео Бальони повел Микеланджело прежде всего к статуе речного божества Марфорио - это чудовищно громадное изваяние стояло на улице между Римским форумом и форумом Августа и в древности будто бы входило в убранство храма Марса. Отсюда они направились к колонне Траяна: особое восхищение вызвал у Микеланджело "Лев, пожирающий коня". Поднявшись на Квиринальский холм, Микеланджело был поражен размерами и грубой силой мраморных "Укротителей коней", высотой в семь с половиной аршин, а также божествами Нила и Тибра: Нил опирался на сфинкса, а Тибр лежал, прижимаясь к тигру. Лео Бальони утверждал, что эти скульптуры попали сюда из терм Константина. Тут же поблизости стояла изумительной красоты богиня, "возможно, Венера", как заметил Лео.

Потом они направились к саду кардинала Ровере близ церкви Сан Пьеро ин Винколи. Лео рассказывал, что этот племянник Сикста Четвертого основал первую в Риме публичную библиотеку и музей бронзовых изваяний, собрал самую лучшую в Италии коллекцию античных мраморов и уговорил Сикста утвердить проект росписи стен в Сикстинской капелле фресками.

Когда Микеланджело, сопровождаемый Лео, прошел через маленькие чугунные ворота в сад кардинала Ровере, у него перехватило дыхание: здесь стоял "Аполлон". Искалеченный, сохранивший только часть своего торса, он все же являл собой удивительнейшее изображение человека из всех, какие Микеланджело доводилось видеть. Пораженный не меньше, чем в тот день, когда Бертольдо впервые ввел его во дворец Медичи, Микеланджело бродил среди леса статуй, переводя взгляд от "Венеры" к "Антею", от "Антея" к "Меркурию". Он был так заворожен всем этим, что едва слышал Лео, объяснявшего ему, какая из скульптур была похищена в Греции, а какая куплена императором Андрианом и перевезена в Рим по морю. Если Флоренция - величайший город в мире по богатству создаваемого в нем искусства, то разве этот грязный, запущенный, пришедшим в крайний упадок город не богатейшая из сокровищниц искусства древнего мира? И как он, Микеланджело, был прав тогда, на ступенях флорентийского Собора, разговаривая с товарищами по мастерской Гирландайо: именно здесь, в Риме, мраморные изваяния были столь же живыми и столь же прекрасными, как и в те времена, когда они были созданы, две тысячи лет назад.

- А теперь мы сходим к бронзовому "Марку Аврелию", у Латерана, - предложил Лео. - Затем, может быть...

- Кончим на этом, прошу вас. Я и так весь дрожу. Мне надо укрыться в комнате и немного подумать, переварить все то, что я видел.

Ужинать в этот вечер он не мог. Утром, в воскресенье, Лео повел его к службе в маленькую церковь Сан Лоренцо ин Дамазо, рядом с новым дворцом кардинала Риарио: на церковный двор с территории дворца можно было попасть через пробитый лаз в стене. Микеланджело вновь поразился, увидев вокруг себя множество колонн из мрамора и гранита. Он понял с первого взгляда, с каким мастерством они высечены. Ни одна колонна не повторяла другую, и у всех у них были различные капители.

- Собраны без разбора со всего Рима, - сказал Лео. - Но большинство взято из разрушенного портика театра Помпея...

Кардинал выразил желание, чтобы Микеланджело посетил его в новом дворце. Громадное каменное здание, вдвое больше дворца Медичи, было уже почти достроено, если не считать внутреннего дворика. Поднявшись по широкой лестнице, Микеланджело прошел через приемную, украшенную пышными занавесями и зеркалами в яшмовой оправе, через устланную восточными коврами, с резными ореховыми креслами, гостиную, через музыкальный зал с прекрасными клавикордами и, наконец, оказался в специальной комнате, где была собрана античная скульптура. В красной шапке и красном облачении здесь сидел кардинал; подле него стояли открытые ящики с мраморами, уложенными в опилки.

- Ну, что ты думаешь, Буонарроти, о тех статуях, которые повидал? Можешь ты изваять что-нибудь столь же прекрасное?

- Скорее всего, не могу. Но посмотрим, что у меня выйдет.
- Мне нравится такой ответ, Буонарроти. Он говорит о твоём смирении.

Микеланджело не испытывал чувства смирения, он хотел только сказать, что его скульптура будет отнюдь не похожа на все то, что он видел.

- Что ж, не начать ли нам дело сейчас же? - продолжал Риарио. - Моя карета ждет нас. Поедем на камнебитный двор.

Пока грум вез их по мосту Систо, через Сеттимианские ворота, направляясь к Трастеверским каменным складам, Микеланджело вглядывался в лицо своего нового покровителя. Про Риарио говорили, что он так был поражен убийством Джулиано Медичи, что навсегда остался с багровой физиономией. Микеланджело видел, что лицо у кардинала действительно было багрово. Но еще более багровым был его длинный крючковатый нос, нависший над тонкими, плотно сжатыми губами.

На складах кардинал Риарио торопился и проявлял нетерпение. Микеланджело оглядывал лежащие там блоки и мучительно думал, какого же размера осмелиться попросить себе камень. Наконец он остановился перед белой каррарской колонной аршина три в длину и сорока восьми дюймов в поперечнике. Глаза его возбужденно блеснули. Он уверял кардинала, что в этом обручке колонны заключена чудесная статуя. Кардинал Риарио быстро вынул деньги из кошелька, висевшего у него на поясе, и отсчитал тридцать семь дукатов.

На следующее утро Микеланджело, проснувшись с рассветом, пересек по Флорентинскому мосту Тибр и вышел в Трастевере - район, где жилища лепились друг к другу в страшной тесноте. Это были заповедные места гончаров, красильщиков, мукомолов, канатчиков, слесарей, рыбаков, лодочников, огородников - шумного и строптивного люда, ведущего свой род еще от древних римлян и гордого своими высокими стенами и своим Тибром, густо населенными кварталами, существовавшими без особых перемен уже сотни лет. Он шагал по узким кривым улочкам, глядя, как ремесленники работают в своих мастерских, почти лишенных света из-за нависающих верхних этажей, как жмутся друг к другу дома с крутыми крышами, на которых высились четырехугольные мрачные башни. Тут расхваливали свой товар бродячие торговцы, кричали и ссорились дети, на открытых лотках щедрые на брань женщины покупали свежую рыбу, сыры и мясо, всюду стоял несмолкаемый говор, всюду струился крепкий запах - сторонний человек чувствовал себя здесь совсем оглушенным.

По Виа делла Лунгара Микеланджело вышел около больницы Санто Спирито за Ватиканскую стену и был теперь уже на складах. Здесь не видно было ни одной живой души. Слушая, как поют на разные голоса петухи, Микеланджело ждал, пока появится хозяин.

- Что тебе надо? - угрюмо спросил тот, спросонья моргая красными глазами. - Мы ведь сказали, что привезем камень сегодня. А раз сказали, значит, сделаем.

- Я понимаю, что привезете. Меня беспокоит другое - я думал помочь вам его погрузить.

- Значит, по-твоему, мы не знаем, как грузить камень? - Хозяин был оскорблен до глубины души. - Мы возим камень по Риму не помню уже с каких времен - возили и деды и прадеды до пятого колена. Неужели же нам учиться своему ремеслу у какого-то флорентинца, мастера по статуям!

- Я с детства работал в каменоломнях Майано. И прекрасно знаю, как орудовать ломом и вагой.

- Выходит, каменотес, да? - сразу смягчился хозяин. - Ну, тогда другое дело. А мы, значит, добываем травертин. Гуффатти наша фамилия.

Микеланджело проследил, достаточно ли насыпано под мрамор опилок и надежно ли он привязан к телеге: колеи на улицах были столь глубоки, что колесо входило в них по самую ступицу. Когда лошади тронули, он шагал сзади, бережно придерживая мрамор и каждую минуту молясь, чтобы дряхлая деревенская телега, служившая, вероятно, еще дедам и прадедам до пятого колена, вдруг не рассыпалась, уронив кладь посреди дороги.

Подъехав ко дворцу, Гуффатти спросил:

- А где сгружать?

Микеланджело мгновенно вспомнил, что ему не сказали, где же он будет работать. Крикнув вознице, чтобы тот обождал минутку, он кинулся через двор на мраморную лестницу и вбежал в приемную. Тут он сразу столкнулся с

одним из секретарей кардинала, подозрительно наблюдавшим, как некий мужлан в грязном рабочем платье врывается в торжественные покои самого нового в Риме дворца.

- Мне надо сейчас же увидеть кардинала. Срочное дело.

- Срочное для кардинала или для вас?

Холодный тон секретаря немного отрезвил Микеланджело.

- Я насчет мраморного блока... Мы вчера купили его... привезли, а места у меня нет...

Он замолк, видя, что секретарь листает свои записи.

- Его преосвященство не может заняться этим делом до следующей недели.

Микеланджело раскрыл рот.

- Но я... я не могу ждать.

- Я переговорю с его преосвященством. Если угодно, справьтесь завтра.

Микеланджело бегом сбежал вниз по ступеням, метнулся на улицу и, завернув за угол, был уже в доме Лео Бальони. Лео в это время брил цирюльник, и он сидел с белым полотенцем на плечах. Когда он понял, о чем говорит разгоряченный Микеланджело, глаза у него заиграли. Он велел цирюльнику обождать, скинул с плеч полотенце и поднялся с единственного в доме мягкого кресла.

- Идем, я подыщу тебе место.

Лео повел его в переулок за церковью Сан Лоренцо, к сараю, в котором рабочие, строившие дворец, оставляли на ночь свои инструменты. Микеланджело снял в сарае двери с петель. Лео пошел домой, где его ждал цирюльник, а подъехавший к сараю Гуффатти стал стгужать колонну.

Микеланджело сидел на земляном полу сарая, обхватив колени руками, и смотрел на мрамор. "Хороший кусок, ничего не скажешь", - рассуждал он вслух, стараясь угадать, какую же тему предложит ему князь церкви для будущей статуи. Наверное, это будет религиозный сюжет. Но ведь кардинал любит и античную греческую и римскую скульптуру. Что же он все-таки придумает?

Тем же вечером кардинал вызвал Микеланджело к себе. Он принял его в покое, лишенном всяких украшений и выглядевшем почти сурово. В углу, рядом с дверью, стоял небольшой аналой. Риарио был в строгой красной сутане и шапочке.

- Ты теперь примешься за длительную работу, поэтому тебе лучше поселиться у меня во дворце. Комната для гостей в доме синьора Бальони нужна, вероятно, уже целой веренице его прекрасных дам.

- На каких условиях я буду жить во дворце, ваше преосвященство?

- Пусть тебе будет известно, что твой адрес - дворец кардинала Риарио. А теперь мы должны прекратить беседу.

И ни единого слова о том, какую тему кардинал считал бы нужным взять для скульптуры. Или о том, сколько он заплатит за работу. Может быть, он будет выдавать ему в течение года определенное жалованье? Да, его адрес теперь - дворец кардинала, но не слишком ли мало ему сообщили?

Скоро он узнал больше. Ему предстоит жить во дворце кардинала не на положении сына, как он жил во дворце Медичи, и не на правах друга, как он жил в доме Альдовранди в Болонье. Дворецкий указал ему узенькую комнатку в глубине первого этажа, где было с десятков подобных же комнат, - там-то Микеланджело и разместил свои пожитки. Когда подошло время ужинать, он увидел, что его направляют в столовую "третьего разряда", где питались кардинальские писцы, счетоводы, торговые агенты, смотрители кардинальских угодий, лесных участков и корабельных верфей, раскинутых по всей Италии.

Кардинал Риарио дал понять совершенно ясно: Микеланджело Буонарроти должен жить в его дворце на положении одного из умелых мастеровых, слуг и наемников. Только так - ни на йоту больше и ни на йоту меньше.

На следующий день спозаранок он пошел к Бальдассаре, торговцу скульптурой, который должен был вернуть ему двести дукатов, полученных от кардинала Риарио за изваяние "Мальчика". Бальдассаре оказался смуглым толстым мужчиной с тремя подбородками и огромным животом, который он выпятил вперед, выйдя откуда-то из глубины уставленного статуями двора, расположенного поблизости от форума Юлия Цезаря. Микеланджело не сразу увидел его, засмотревшись на мраморы, стоявшие на подмостках.

- Я Микеланджело Буонарроти, скульптор из Флоренции.

Бальдассаре произвел неприличный звук губами.

- Я хочу, чтобы вы отдали мне моего "Мальчика". А я верну вам те тридцать флоринов, что вы мне прислали.

- И не подумаю, - отрезал торговец.

- Вы обманули меня. Ведь вы взялись выступить только посредником. А вы продали мрамор за двести дукатов и забрали себе сто семьдесят.

- Наоборот, это вы обманули меня. Вы и ваш друг Пополано. Вы прислали мне фальшивый антик. Я мог лишиться покровительства кардинала.

Кипя от злости, Микеланджело выскочил со двора и зашагал по Виа Санта. Он пересек улицу и задержался подле колонны Траяна: надо было чуть-чуть остынуть и успокоиться.

- Бальдассаре, в конце концов, прав, - сказал себе Микеланджело и расхохотался. - Ведь смошенничал-то я! Я подделал "Мальчика" под античность!

И тут он услышал, как кто-то спросил его из-за спины:

- Микеланджело Буонарроти! Ты всегда разговариваешь вслух сам с собой?

Обернувшись, Микеланджело увидел знакомого по Флоренции, юношу своих же лет: когда-то он был учеником при цехе менял и даже недолго работал на дядю Франческо в давние времена дядюшкиного процветания. Там, во Флоренции, они могли бы знать друг друга всю жизнь и никогда не сделаться друзьями, но здесь, в чужом городе, они радостно обнялись.

- Бальдуччи! Что ты делаешь в Риме?

- Служу в банке Якопо Галли старшим счетоводом. Самый тупой флорентинец проворнее самого ловкого римлянина. Вот почему я тут так быстро продвигаюсь. Ну, не пообедать ли нам вместе? Я сводил бы тебя в Тосканскую трактирию, в квартале флорентинцев. Не могу терпеть этой римской пищи. Давай поедим кулебяки и телятины, ты сразу почувствуешь себя как дома, словно перед твоими глазами наш Собор.

- До обеда остается еще уйма времени. Сходим пока в Сикстинскую капеллу. Я хочу посмотреть, что за фрески написали там флорентинские мастера.

Сикстинская капелла, строившаяся с 1473 по 1481 год, представляла собой громадное, с цилиндрическим сводом, здание: высокие окна были расположены в ней близко от потолка, под окнами вдоль стен тянулся огражденный решеткой узкий балкончик. Прямоугольник сводчатого плафона был расписан золотыми звездами, рассыпанными по голубому полю. К противоположной от входа стене примыкал алтарь; он отделялся от зала мраморной резной преградой работы Мино да Фьезоле. Отсутствие гармоничных пропорций в архитектуре капеллы искупалось величественным фризом: его напели шли по обеим стенам, подступая к алтарю, и были покрыты фресками.

Микеланджело с волнением увидел фрески Гирландайо; он помнил, как в мастерской рисовали картоны к этим фрескам - "Воскресению" и "Призванию Петра и Андрея". Вновь он не мог не восхититься живописным мастерством своего давнего наставника. Потом Микеланджело прошел к "Тайной Вечере" Росселли - она показалась ему не столь уж аляповатой и кричащей, как утверждал Гирландайо, - и с жадностью вгляделся в "Моисея перед неопалимой купиной" Боттичелли. Затем он осмотрел фрески умбрийских мастеров - Перуджино, Пинтуриккио и Синьорелли. Расхаживая по капелле, Микеланджело чувствовал, что здесь, под этими тяжелыми, мрачноватыми сводами, создано величайшее собрание шедевров - истинная сокровищница, равной которой не было во всей Италии. Он понял, что фреска Перуджино "Христос передает ключи святому Петру" выдержит сравнение с любой из работ флорентинских художников, а большей похвалы Микеланджело не мог бы придумать. Как странно, сказал он, обращаясь к Бальдуччи, что вот эта, напоминающая пещеру, капелла, с ее тяжелым потолком, со скучной, пресной архитектурой, хуже которой он ничего не видел, - как странно, что такая капелла могла

воодушевить художников на настоящий творческий подвиг!

Но Бальдуччи не обращал внимания на фрески.

- Идем же поскорей в trattoria, - твердил он. - Я голоден, как волк.

За обедом Микеланджело узнал, что Торриджани находится в Риме.

- Но ты, пожалуй, и не увидишь его, - говорил Бальдуччи. - Торриджани примазался к Борджиа, и поэтому флорентинцы его не принимают. Он исполняет лепные работы в башне дворца Борджиа и высекает бюст папы. Ему дают любые заказы, какие он захочет. Говорит, что собирается идти в армию Цезаря Борджиа и завоевывать Италию.

В тот же вечер Бальдуччи пригласил Микеланджело в дом Паоло Ручеллаи, двоюродного брата флорентинского Ручеллаи и, следовательно, дальнего родственника самого Микеланджело. Ручеллаи жил в кварталах Понте, которые называли Малой Флоренцией. Здесь, сбившись вокруг дворца флорентийского консула и тосканских банков, замкнутой тесной общиной обитали оказавшиеся в Риме флорентинцы - тут у них были свои собственные рынки, где торговали тосканскими пирогами и кулебьяками, тосканскими овощами и фруктами, мясом и сладостями. Завладев землей, флорентинцы построили здесь свою флорентинскую церковь и скупили все без остатка дома на Виа Канале, так что там уже не было ни одной крыши, под которой жил бы римлянин. Флорентинцы и римляне взаимно ненавидели друг друга. Римляне говорили: "Лучше покойник и доме, чем флорентинец на пороге". А флорентинцы, в свою очередь, нарочито расшифровывали римскую надпись S.P.Q.R. - "Римский сенат и народ" так: Sono Porci, Questi Romani. "Свиньи они - эти римляне".

Кварталы флорентинцев в Поите охватывала широкая излучина реки, которую в самой середине пересекал Флорентийский мост - от него дорога шла прямо к Трастевере. У флорентинцев были великолепные дворцы и дома, тянувшиеся вдоль двух улиц, тут и там пестрели цветники и огороды. Блики флорентинцев стояли на Виа Канале, примыкая к Апостолическому дворцу - официальному банку Ватикана. На окраине флорентинской колонии, близ моста Святого Ангела, стояли дворцы Пацци и Альтовити. Вдоль берега реки тянулся открытый луг - тут тоже были разбросаны цветники и огороды. Когда разливался Тибр, как это случилось год назад, прибрежные луга превращались в озера.

Вопреки всеобщей римской грязи и запустению, преуспевающие флорентинцы каждый день мыли по утрам свои улицы, заботливо чинили мостовые, заменяя булыжник ровными, гладкими плитами; они следили за тем, чтобы дома были в исправности и продавались или сдавались внаем только флорентинцам. В колонии непременно штрафовали всех, кто сваливал нечистоты на улице или сушил свое белье перед домом, а не с задней его стороны. По ночам порядок на улицах охраняла вооруженная стража: это был единственный район в городе, где жители могли выйти утром на крыльцо, не опасаясь споткнуться о мертвое тело.

В гостиниой Ручеллаи Микеланджело был представлен знатнейшим семьям общины - Торнабуони, Строцци, Пацци, Альтовити, Браччи, Оливиери Ранфредини и Кавальканти. Ко всем им у Микеланджело имелись рекомендательные письма. В Риме жили флорентийцы банкиры, купцы, ведущие торговлю шелком и шерстью, ювелиры, поставщики пшеницы, мастера серебряных и золотых дел, корабельщики и кораблестроители, владевшие оживленными причалами в Рипа Гранде и Рипетте, откуда суда с моря поднимались по Тибру, перевозя ткани и благовония с Ближнего Востока, вина и оливковое масло из Тосканы, мрамор из Каррары, лес с Адриатики.

Многие спрашивали у Микеланджело: "Кто ваш отец?" И когда он отвечал: "Лодовико Буонарроти Симони", они удовлетворенно кивали: "Знаем такого" - и уже беседовали с Микеланджело как с равным.

Ручеллаи сделал из своего римского дома чисто флорентинское жилище: выложенный светлым камнем камин в углублении стены, в столовой пол из керамических плиток, введенных в моду Лукой делла Роббиа, любимая флорентинцами инкрустированная мебель. Приветливому и обходительному красавцу Паоло Микеланджело даже не намекнул, что он тоже имеет касательство к роду Ручеллаи. Ведь Ручеллаи давно порвали всякие отношения с Буонарроти. А затронуть в разговоре столь щекотливой обстоятельство первым Микеланджело не позволяла гордость.

Он установил свой трехаршинный блок на брусья, оставив проход у стены, чтобы камень был доступен со всех сторон. С горечью раздумывая о том, что кардинал так и не определил темы изваяния, Микеланджело вдруг понял; Он сам в первую очередь должен решить, какое именно изваяние надо высечь из кардинальской глыбы. Тогда уже не пришлось бы со смиренным видом спрашивать у Риарио: "Что я, по-вашему, должен изваять из этого мрамора, ваше преосвященство?"

- Будь осторожен, - наставлял его Лео. - Пусть твой резец не притронется к глыбе, пока ты не получишь разрешения кардинала. Во всем, что касается его имущества, Риарио неумолим.

- Разве я испорчу камень, если чуть-чуть обтешу у него углы и попытаю, на что он годится?

Слушать предупреждения о том, чтобы, упаси боже, не испортить вещь, принадлежащую покровителю, было унижительно: ведь он не поденщик, нанятый на черную работу! И все же Микеланджело обещал, что он не отколет от блока ни единого кристалла.

- Ты можешь воспользоваться свободным временем с пользой для себя, - говорил ему Лео в утешение. - В Риме столько чудес - только смотри и учись!

- Конечно, - вздыхал Микеланджело. К чему объяснять Лео, что его мучит желание взрезать этот мрамор сейчас же. И он переводил разговор на другое. - А можно нанять в Риме обнаженных натурщиков? У нас во Флоренции это не разрешается.

- Мы, римляне, смотрим на все по-иному, - усмехнулся Лео. - Потому что мы чистые, высоконравственные люди. А вот вы, флорентинцы... - И он хохотал, вгоняя Микеланджело в краску. - А почему мы такие нравственные? Я думаю, потому, что никогда не болели греческой болезнью, которой прославлены или скорей обесславлены флорентинцы. У нас в Риме мужчины ведут свои дела, заключают политические союзы, женятся, и все это не мешает им развлекаться и отдыхать, даже раздеваясь донага.

- Можешь ты достать мне натурщиков?

- Скажи только, каких?

- Всяких. Малорослых и долговязых, костлявых и жирных, молодых и старых, смуглых и белокожих, работяг и бездельников...

Микеланджело поставил в сарае невысокую ширму, чтобы создать некое укрытие. На следующее утро к нему явился первый посланец Лео - плотный, плечистый бондарь средних лет. Он скинул свою пропахшую потом рубашку, снял сандалии и свободно расхаживал за ширмой, пока Микеланджело придумывал для него наиболее удобную позу. Теперь каждый день с восходом солнца Микеланджело направлялся в свою мастерскую, раскладывал на столе бумагу, мел, чернила, уголь, цветные карандаши, совсем не зная, какой сюрприз ему приготовлен: придет ли на этот раз корсиканец из личной охраны папы или немец-печатник, француз, изготовляющий духи и перчатки, булочник, родом с Рейна или Одера, испанец, промышленявшим продажен книг, плотник-ломбардец, работающий на Марсовом поле, далматинский корабельщик, грек, копиист живописных произведений, португалец - сундучный мастер с Виа деи Бауллари, или ювелир из лавки близ Сан Джордже. Иногда это были люди с великолепным телосложением, и Микеланджело рисовал их фигуры то спереди, то со спины в спокойном состоянии, потом он заставлял натурщика напрячь мышцы, в повороте, двинуть плечом, поднять руку или ногу, согнуться, имитировать толчок, размашистый удар зубилом, палкой или камнем. Но чаще фигура натурщика оказывалась неинтересной, тогда Микеланджело брал отдельно мускулы плеч, очертания черепа, оплетенную жилами, твердую, как железо, икру ноги, емкую, круглую грудь; привлекающую его внимание деталь он рисовал целый день, делая набросок за наброском, все время под новым углом, в новых поворотах.

Годы усердного учения давали себя знать теперь с особой силой. Ночи, проведенные за вскрытием трупов, сделали его руку уверенной, рисунок Микеланджело обрел внутреннюю достоверность, изменился самый подход его к натуре. Даже выдавший виды Лео не мог скрыть своего изумления перед напряженной динамичностью Микеланджеловых фигур.

- Каждое утро ты начинаешь рисовать новую модель так, будто идешь навстречу какому-то удивительному приключению. Неужто тебе не надоедает рисовать снова и снова одно и то же - голову, руки, грудь, ноги?..

- Помилуй, Лео, да ведь они всегда разные! Каждая рука, нога, шея, бедро - все они неповторимы, особенные, единственные на свете. Запомни, дружите, что в мужской фигуре можно найти все формы, какими только господь одарил вселенную. Тело и лицо человека способны сказать о нем все. Так разве же мне надоест вглядываться в человека и рисовать его? Нет, никогда!

Жар, с которым говорил Микеланджело, забавлял Бальони. Он взглянул на ворох рисунков, разбросанных по столу, и с недоверием покачал головой.

- Ну, а как показать тайные свойства человека? Мы, римляне, склонны скорее скрывать свое истинное нутро, а не обнаруживать его.

- Это уж зависит от скульптора: насколько глубоко он способен проникнуть сквозь внешнюю оболочку. Всякий раз, когда я берусь за работу, я говорю мысленно: "А ну-ка, покажи без утайки, кто ты есть, предстань перед миром наг, словно новорожденный".

Задумавшись на минуту, Лео сказал:

- Выходит, скульптура для тебя - прежде всего проникновение.

Микеланджело застенчиво улыбнулся.

- Разве это не относится ко всем художникам? Каждый человек видит истину через печную трубу в своем жилище. Когда я наблюдаю нового человека, вижу его тело, я чувствую то же самое, что чувствует астроном, открывая новую звезду: в общее здание вселенной входит еще одна ее частица, еще один кирпич. Если бы я мог нарисовать каждого мужчину, какие есть на свете, тогда, возможно, я познал бы всю правду о человеке.

- Ну, что ж, - отозвался Лео. - Могу предложить тебе сходить со мной в бани. Там ты нарисуешь целую сотню мужчин за один сеанс.

Он повел Микеланджело к руинам грандиозных античных терм Каракаллы, Траяна, Константина, Диоклетиана, объясняя ему, что римляне древних времен смотрели на бани как на клуб, место постоянных встреч, и проводили в них послеобеденное время с юных лет до старости.

- Ты, наверное, слышал изречение, приписываемое Цезарю: "Дайте народу хлеба и зрелищ!" Кое-кто из императоров полагал, что столь же важно дать народу и воду. Эти императоры считали, что их популярность в народе зависит от того, насколько хорошо оборудованы публичные бани.

Теперь, когда бани в Риме содержались только для барыша, в них не было уже ни той пышности, ни красоты, какие бывали в банях в древности, но все же там имелись бассейны для плавания, парные, комнаты для массажа и дворики, где клиенты могли развлечься, обмениваясь новостями, и куда заглядывали музыканты, фокусники и бродячие торговцы съестным; там же молодые люди могли поиграть в мяч.

В бане на площади Скоссакавалли к Лео давно привыкли: эта баня принадлежала кардиналу Риарио. Приняв горячую ванну и потом выкупавшись в прохладном бассейне, Лео и Микеланджело присаживались в зале на задней скамье; зал был полон народа; люди группами сидели, стояли, прогуливались, споря между собой, со смехом рассказывая анекдоты; Микеланджело лихорадочно набрасывал на бумаге сцену за сценой, они превосходно компоновались как бы сами собой - так хорошо был виден с этой скамьи весь зал, так четко рисовались формы самых разных по телосложению людей.

- Я никогда не видел ничего подобного. Во Флоренции публичные бани существуют только для бедняков.

- Я воем, буду говорить, что ты приехал в Рим по приглашению кардинала. Тогда тебе позволят рисовать в банях сколько захочется.

Лео водил Микеланджело и еще во многие бани - в бани при гостиницах, монастырях, старинных дворцах, в баню на Виа деи Пастини, и баню Сант Анжело в Пескериа. Там Лео знакомил Микеланджело со всеми, кто потом принял бы его здесь уже одного, без провожатого. И вот Микеланджело снова и снова с жадным любопытством следил, как играет свет на голых телах, как окрашивают их своим отблеском цветные стены, как лучится на коже вода и солнце. Глядя на все это, он каждый раз находил для себя нечто новое, какую-то доселе неведомую ему истину, и тут же старался выразить ее в простой и смелой линии, начертанной карандашом.

Но никогда Микеланджело не мог привыкнуть рисовать, будучи сам раздетым. "Эх ты, флорентинец!" - сетовал он на себя, бормоча сквозь зубы.

Как-то вечером Лео спросил у Микеланджело, не желает ли он рисовать женщин.

- У нас в городе есть несколько бань, куда ходят мужчины и женщины.

Содержат эти бани проститутки, но посетители там вполне порядочные.

- Женские формы меня не интересуют.

- Значит, ты вычеркиваешь из существующих в мире фигур почти половину.

- Да, пожалуй. - И они оба рассмеялись. - Но я считаю, что вся красота, вся телесная мощь заключена в мужчине. Погляди на него, когда он в движении, когда он прыгает, борется, кидает копье, пашет, вздымает ношу: вся мускулатура, все сочленения, принимающие на себя натугу и тяжесть, распределены у него с необыкновенной соразмерностью. А что касается женщины, то, на мой взгляд, она может быть прекрасной и волнующей только в состоянии абсолютного покоя.

- Ты просто не видел ее в нужном положении...

Микеланджело улыбнулся:

- Нет, видел. Я считаю ее прекрасной для любви, но не для скульптуры.

3

Он не любил Рим как город, но, по существу, Рим не был единым городом, а множеством городов - был Рим немецкий, французский, португальский, греческий, корсиканский, сицилийский, арабский, левантинский, еврейский, - каждый из них располагался на своей территории и терпел вторжение чужаков в свою общину не больше, чем римские флорентинцы. Бальдуччи говорил ему: "Эти римляне - гадкое племя. Или, вернее сказать, сотня гадких племен". Микеланджело убедился, что его окружает разношерстное сборище людей, которые по-разному одеваются, говорят на разных языках, едят разную пищу и поклоняются разным кумирам. Любой встречный в городе, казалось, вел свое происхождение откуда-то извне и призывал на Рим чуму, сифилис и прочие напасти, кляня его за развалины, наводнения, эпидемии, бесчинства, грязь и всеобщую продажность. Поскольку в Риме не было настоящей власти, не было законов, судов и советов, защищающих права жителей, каждая община налаживала самоуправление, как могла. Тибр являлся своеобразным кладбищем, где хоронили следы преступлений: утром на рассвете в его волнах то и дело всплывали, колыхаясь, трупы. Ни о справедливом распределении богатств, ни о равном для всех правосудии, ни о содействии искусству здесь не могло быть и речи.

Часами разгуливая по Риму, Микеланджело ощутил всю меру его запустения: под защитой просторных стен города во времена империи тут жило миллионное население, а теперь оно не насчитывало и семидесяти тысяч. Всюду в городе виднелись руины и заброшенные, мертвые жилища. Даже в самых населенных районах не было квартала, где между домами не зияли бы темные провалы, напоминавшие щербины во рту дряхлой старухи. Строения тут были возведены из совершенно разного, до безобразия пестрого материала - в ход шел и грубый, похожий по цвету на навоз, кирпич, и черный туф, и красно-коричневый травертин, и блоки серого гранита, и похищенный из древних зданий розовый и зеленый мрамор. Манеры у римлян были отвратительны: люди ели прямо на улицах; даже состоятельные по виду женщины, выходя из булочной, жевали на ходу свежие, посыпанные сахарной пудрой слойки, с охотой ели у крестьянских возов и уличных жаровен горячий рубец и другую неприхотливую пищу; пообедать среди толпы, под открытым небом, никто не считал зазорным.

Жители не гордились своим городом, не желали украсить его или позаботиться об элементарных удобствах. Беседуя с Микеланджело, они говорили: "Рим - не город, Рим - это церковь. Мы не властны навести тут порядок или что-либо изменить". Когда Микеланджело спрашивал, зачем они живут в таком городе, ответ был один: "Потому что здесь можно заработать денег". Во всей Европе Рим считался самым неопрятным, отталкивающим городом.

Микеланджело видел этот разительный контраст между Римом и безупречно чистой Флоренцией, охваченном кольцом своих прочных стен. При мысли об

однородном, быстро растущем и не знающем нищеты населении Флоренции, о ее республиканских порядках, процветающих архитектуре и искусстве, о ревностной гордости своими традициями, о том почтении со стороны всей Европы, которое вызывали успехи флорентинцев в просвещении и правосудии, картины римской разрухи и упадка вызывали у Микеланджело мучительное чувство. Еще мучительней для его сердца было видеть эту ужасающую по грубости каменную кладку зданий, мимо которых он ежедневно проходил. Идя по улицам Флоренции, он не мог удержаться от искушения провести ладонью по прекрасно высеченным и пригнанным блокам флорентийского светлого камня. А здесь, в Риме, он буквально содрогался, когда его искушенный глаз замечал шершавые, неловкие следы резца, израненную постыдными щербинами плоскость, перекошенные грани. Таким камнем флорентинцы не стали бы покрывать даже мостовые!

Микеланджело стоял на площади Пантеона, около лесов возводимого здания; строительные подмости из деревянных стоек и железных труб рабочие связывали здесь кожаными ремнями. Кладили стену; грани и плоскости огромных блоков травертина били неровные, с изъянами, так как строители явно не умели раскалывать камень. Микеланджело подхватил кувалду, повернулся к десятнику и сказал:

- Разрешаешь?

- А что разрешать?

Микеланджело постучал по краю глыбы, нащупывая линию, где камень расслаивался в продольном направлении, и властным быстрым ударом расколол его надвое. Взяв молоток и зубило у одного из рабочих, он обтесал и выровнял два полученных блока и мерными, с оттяжкой, ударами стал отделять плоскости, пока камень не изменил и цвет и форму и не засиял под его руками.

Он поднял голову и увидел настороженные, враждебные взгляды. Пожилой каменщик проворчал:

- Это адская работа, человеку она не по силам. Ты думаешь, мы тесали бы здесь камень, будь у нас пион кусок хлеба?

Извинившись за непрошеное вмешательство, Микеланджело зашагал по Виа Пелличчариа: он чувствовал, что свалял дурака. Но разве флорентийский каменщик не считает, что обработать блок - это значит как-то выразить себя, свою индивидуальность? Даже друзья ценили каменщика в зависимости от того, насколько искусен я изобретателен он, придавая блоку печать своего характера. Работа с камнем всегда считалась самым уважаемым, самым почетным ремеслом - тут сказывалось древнее, первобытное убеждение, что человек и камень родственны друг другу по природе.

Возвратясь во дворец, Микеланджело получил записку: Паоло Ручеллаи приглашал его на прием в честь Пьеро де Медичи и кардинала Джованни де Медичи - Пьеро приехал в Рим, чтобы набрать себе войско, а кардинал жил здесь постоянно, занимая небольшой особняк близ Виа Флорида. Микеланджело был тронут тем, что о нем вспомнили; приятно было хоть на время покинуть постылую каморку и столовую в кардинальском дворце и вновь встретиться с Медичи.

В субботу, в одиннадцать часов утра, побрившись и причесав спадавшие крутыми завитками на лоб волосы, Микеланджело услышал звуки труб и выбежал на улицу: тут он наконец увидел папу - того самого Борджиа, которого боялись Медичи и на которого с таким ожесточением напал Савонарола. Впереди процессии, с поднятым крестом, ехали, все в красном, кардинал и сам папа Александр Шестой, он же Испанец Родриго Борджиа, в белых одеяниях и в белой, сверкающей жемчугами епитрахили, сидел на белом коне, покрытом белым чепраком; кавалькада двигалась по Кампо деи Фиори, направляясь а францисканский монастырь в Трастевере; ее замыкали несколько князей церкви в пурпурных мантиях.

Александр Шестому исполнилось шестьдесят четыре года; это был смуглый мужчина могучего сложения, тучный, широкой кости, с изогнутым широким носом и мясистыми щеками. Хотя его называли в Риме чаще всего актером, у него было много и других прозвищ - прилипший к нему эпитет "необыкновенный наглец" знали все горожане. В бытность свою кардиналом Родриго Борджиа прославился тем, что завладел таким количеством красивых женщин я такими богатствами, каких еще не было ни у одного кардинала. В 1460 году Родриго Борджиа получил нагоняй от папы Пия Второго за "неподобающую галантность":

такими словами папа намекал на его шестерых, только известных, детей, родившихся от разных женщин. Трое из этих детей были любимцами Борджиа: Хуан, завзятый повеса и мот, соривший деньгами, выжатыми отцом из римского духовенства и баронов; Цезарь, сластолюбивый красавец, садист и воин, про которого говорили, что он усеял Тибр трупами, и прекрасная Лукреция, вызывающая в городе ропот своими любовными связями в промежутках между браками, число которых все возрастало.

Высокие стены Ватикана охраняла трехтысячная вооруженная стража, однако в Риме сложилась такая система передачи новостей, что все случившееся за стенами быстро становилось известным на семи городских холмах. Но если в папских покоях происходило что-то хорошее, город об этом молчал, будто ничего не зная.

Дождавшись, когда папская процессия скрылась из виду, Микеланджело пошел по Виа Флорида в Понте. Он явился к Паоло Ручеллаи слишком рано, и тот принял его у себя в кабинете, отделанном темными деревянными панелями. Здесь было немало прекрасно переплетенных манускриптов, мраморные барельефы, картины, писанные масляными красками на деревянных досках, резной флорентинский письменный стол и кожаные кресла. Паоло был удивительно похож на флорентинского Бернардо Ручеллаи: те же крупные, правильные черты лица, выразительные большие глаза, белая кожа – Микеланджело с грустью подумал, что сам он от материнского рода ничего такого не унаследовал.

– Мы, флорентинцы, живем здесь дружной общиной, совсем особняком, – говорил Паоло. – Как ты убедился, в нашей колонии свое управление, своя казна, свои законы... и свои средства принуждения, чтобы эти законы исполнялись. Иначе мы погибли бы в здешнем болоте. Если тебе будет нужна помощь, обращай к нам. Никогда не проси ее у римлян. Римляне в любом деле ищут для себя наживы: это у них считается честностью.

За обедом Микеланджело снова встретил почти всю флорентийскую колонию. Он поклонился Пьеро; тот, не забыв ссоры в Болонье, держался с ним холодно. Кардинал Джованни – папа его преследовал и отстранил почти от всех церковных дел – явно обрадовался, увидя Микеланджело, но Джулио был крайне сух. Микеланджело узнал, что Контессина родила мальчика, Луиджи, и вновь была беременна. Когда Микеланджело стал расспрашивать, не в Риме ли Джулиано, Джованни ответил:

– Джулиано теперь при дворе Елизаветы Гонзага и Гвидобальдо Монтефельтро в Урбино. Он хочет завершить там свое образование.

Двор в герцогстве Урбино, расположенном в Апеннинских горах, был один из самых просвещенных дворов в Италии. Микеланджело подумал, что Джулиано будет там хорошо.

Тридцать флорентинцев уселись за обеденный стол и начали трапезу с каннелони, толстых макарон, начиненных мелко изрубленной говядиной и грибами; потом была подана телятина, спаренная в молоке, и зеленая нежная фасоль. Гости пили вино брoglio и оживленно беседовали. Своего общего врага они в разговорах ни разу не называли ни папой, ни Александром Шестым; для пего здесь существовало единственное имя – Борджиа. Флорентинцы как бы подчеркивали этим свою почтительность к папскому престолу и выражали крайнее презрение к авантюристу-испанцу, который вследствие стечения прискорбных обстоятельств захватил власть в Ватикане и правил там, как говорил Кавальканти, руководствуясь девизом: "Все богатства христианского мира принадлежат папству. И мы должны получить их в свои руки!".

Папа, в свою очередь, тоже не привечал флорентинцев. Он прекрасно знал, что флорентинцы ненавидят его, по зависел от их банков, от их торговли, охватывавшей весь мир, от тех огромных налогов, которые они платили, ввозя в Рим товары, – словом, от их неиссякаемых и надежных денежных средств. В отличие от римских баронов флорентинцы не боролись открыто, не воевали с папой, а только молились в страстной надежде на его падение. По этой причине они поддерживали Савонаролу, обличающего папу, и считали теперь, что приезд Пьеро в Рим путает им карты.

Попивая портвейн, гости затосковали о Флоренции и стали говорить о ней таким тоном, словно бы сидели в нескольких минутах ходьбы от площади Синьории. Микеланджело только и ждал этой минуты.

– А скажите мне, как в Риме обстоит дело с заказами? – спросил он. – Ведь папы всегда приглашали к себе художников и скульпторов.

- Борджиа вызвал из Перуджии Пинтуриккио и заставил его украшать свои апартаменты в Ватикане, - сказал Кавальканти, - Пинтуриккио украсил еще несколько помещений в замке Святого Ангела. В прошлом году он закончил работу и уехал из Рима. Перуджино расписал фресками гостиную у Борджиа и башню в панском дворце и тоже теперь уехал.

- А как насчет работы по мрамору?

- Самый уважаемый скульптор в Риме - мой друг Андреа Бреньо. У него здесь, пожалуй, монополия на надгробные изваяния. Он содержит большую мастерскую, у него много учеников.

- Мне хотелось бы с ним познакомиться.

- Ты увидишь, что это одаренный человек и большой труженик. Он украсил множество церквей. Я предупрежу Андреа, что ты к нему наведешься.

Бальдуччи разделял отвращение своих земляков к Риму, но была в здешней жизни сторона, которая его восхищала: наличие семи тысяч публичных женщин, собранных со всего света. В первое же воскресенье после памятного обеда в Тосканской траттории Бальдуччи увлек Микеланджело бродить по городу. Римские площади, фонтаны, форумы, триумфальные арки и храмы Бальдуччи знал не по их историческому прошлому, а по национальной принадлежности гуляющих женщин, которые там обосновались. Шагая по площадям и переулкам, друзья заглядывали в лица встречаемых женщин и старались оценить скрытые под длинными платьями фигуры: дотошно разбитая достоинства и недостатки каждой, Бальдуччи так и сыпал словами. Надушенные, украшенные драгоценностями римлянки, появляясь на улицах с попутаем или обезьянкой на плече, в сопровождении сверкавших черной кожей слуг, надменно смотрели на блудных иностранок - на испанских девушек, с черными как смоль косами и большими ясными глазами, на гречанок в белых, перехваченных в талии платьях, на смуглых египтянок в капюшонах, спадающих с плеч, на синеглазых белокурых северянок с цветами, вплетенными в косы, на черноволосых турчанок, робко выглядывавших из-под вуали, на закутанных в цветистые шелка девушек Востока, глаза которых напоминали ягоды терма...

- Никогда не беру второй раз одну и ту же девушку, - объяснял Бальдуччи. - Я люблю разнообразие, контрасты, - чтобы был другой цвет кожи, другие формы, все другое. Это меня и увлекает: я будто пускаюсь в путешествие по всему миру.

- Ну, а разве ты можешь поручиться, Бальдуччи, что первая девушка, которая пройдет мимо тебя, не есть самая интересная из всех, что встретятся за день?

- Мой невинный друг, я тебе отвечу, что весь интерес - в самом преследовании, в охоте. Поэтому-то я и не тороплюсь, порой брожу до позднего вечера. Разнообразна только внешность - рост, очертания тела, манеры. А соитие? Да оно всегда одинаково, почти что одинаково. Эта рутина. Только поиски, только охота и притекает.

Микеланджело все-это лишь забавляло. Его опыт с Клариссой не породил в нем ни малейшего желания симулировать любовь с какой-то наемной, взятой на улице женщиной; его влекло только к Клариссе.

- Я обожду, пока не встречу нечто другое... что уведет меня от рутины.

- Любовь?

- В каком-то роде.

- Боже, да ты праведник! Вот уж не думал: художник - и такое почтение к безгрешности.

- Я берегу свою греховность для скульптуры.

Он мог жить без работы по камню только потому, что все время думал о ней и рисовал для нее. Но дни шли неделя за неделей, а от кардинала Риарио не было никаких повелений. Несколько раз Микеланджело ходил к секретарям, прося свидания с кардиналом, но секретари выпроваживали его без лишних слов. Он понимал, что кардинал занят: ведь это был, как говорили, самый богатый после папы человек в Европе, он правил такой обширной банковской и торговой империей, какая была разве только у Лоренцо де Медичи. Микеланджело не удавалось увидеть кардинала даже на церковных службах, но тут ему вызвался помочь Лео, уверив, что кардинал ранним утром часто бывает в дворцовой капелле.

В конце концов Лео добился того, что был назначен день свидания.

Микеланджело притащил с собой целую папку рисунков. Кардинал Риарио, по всем признакам, был рад видеть Микеланджело, хотя слегка удивился, что тот все еще в Риме. Он сидел в своем кабинете, окруженный бухгалтерскими книгами, счетоводами и писцами, с которыми Микеланджело несколько раз в неделю обедал, но отнюдь не дружил. Писцы и счетоводы стояли за высокими конторками и ни на минуту не отрывались от своей работы. Когда Микеланджело спросил кардинала, решил ли он, что следует высечь из трехаршинного мраморного блока, Риарио ответил:

- Мы подумаем об этом. Всему свое время. А пока не забывай, Буонарроти, что Рим - превосходное место для молодого человека. На свете нет таких удовольствий, какие нельзя было бы найти в Риме. А теперь ты должен извинить нас; прощай.

Опустив голову, Микеланджело медленно шагал по лестнице вышел на недостроенный дворик. Было ясно, что он оказался в Риме точно в таком же положении, в каком был при Пьеро Медичи: приютив человека под своей крышей, эти господа довольны собой и считают, что мера их благодеяний исчерпана до конца.

Придя к себе в комнату, Микеланджело столкнулся с мрачной фигурой в черной сутане, из-под которой выглядывал белый подрясник; впалые, исстрадавшиеся глаза прищельца говорили о долгом голоде.

- Лионардо! Что ты делаешь в Риме? Как там у нас дома?

- Никого из домашних я не видел, - холодно сказал Лионардо. - Савонарола послал меня с поручением в Ареццо и Перуджию. Теперь я еду в Витербо - усмирять тамошних монахов.

- Когда ты ел в последний раз?

- Дай мне флорин, мне надо добраться до Витербо.

Микеланджело порылся в кошельке и протянул Лионардо золотую монету. Тот взял ее с тем же холодным видом.

- Может, ты скажешь спасибо? - спросил Микеланджело, чувствуя себя уязвленным.

- За деньги, которые ты дал господу богу? Ты помог ему в его трудах. А за это ты обрешь возможность спасения.

Еще не изгладился неприятный осадок от встречи с Лионардо, как Микеланджело получил письмо от отца - его привез почтовый курьер, каждую неделю ездивший во Флоренцию. В полной растерянности отец писал, что он сильно задолжал поставщику шелка и бархата и тот грозит передать дело в суд. Микеланджело вертел в руках письмо, стараясь отыскать между строками о здоровье мачехи, братьев, тети и дяди хотя бы намек на то, сколько же отец должен выплатить торговцу и каким образом накопился этот долг за шелка и бархат. Но такого намека в письме не было. В нем звучала только мольба: "Пришли мне денег".

До сих пор Микеланджело стремился получить твердый заказ от кардинала потому, что его снедало желание работать. Теперь его подталкивала к этому и забота о деньгах. А ведь он совершенно не знал, сколько же заплатит ему Риарио за будущую скульптуру.

- Ну как его преосвященство может назначить тебе какую-то сумму, - с раздражением отвечал на расспросы Микеланджело Лео, - если он не представляет себе, что ты намерен изваять и что у тебя получится?

Микеланджело был обеспечен материалами для рисования, бесплатно питался и жил во дворце, но та горсть флоринов, которую он сберег от полученных у Пополано денег за "Святого Иоанна", уже разошлась. Он несколько раз в неделю обедал с Бальдуччи в Тосканской трапезной, купил рубашки и пару чулок, чтобы приличнее выглядеть в домах флорентийцев, и в предвидении зимы обзавелся теплым платьем. Пришлось тронуть и тридцать флоринов, отложенных на выкуп в Риме статуи "Мальчика". Кошелек Микеланджело тощал, а деньги от кардинала могли быть получены, очевидно, лишь после завершения скульптуры, на что ушло бы много месяцев.

Он пересчитал свою наличность. Всего у него оставалось теперь двадцать шесть флоринов. Тринадцать флоринов он тотчас же отнес в банк Якопо Галли, попросив Бальдуччи послать чек агенту этого банка по Флоренции. Затем, вернувшись в мастерскую, он сел и крепко задумался: надо было наметить такую тему изваяния, которая побудила бы Риарио без задержки утвердить ее. Не в силах угадать, предпочтет ли кардинал религиозный сюжет или античный, Микеланджело надумал разработать сразу и тот и другой.

Через месяц у него уже была готова восковая фигура Аполлона - его образ возник под влиянием могучего торса, который стоял в саду кардинала Ровере, и "Оплакивание Христа" - вариант старой работы "Богородица с Младенцем": только Христос здесь был изображен уже не в начале, а в конце своего земного пути.

Он написал кардиналу письмо, извещая его, но приготовил две модели, - пусть его преосвященство сделает выбор. Ответа не последовало. Микеланджело написал снова, прося на этот раз свидания. Опять никакого ответа. Он пошел к Лео, застал своего друга за ужином с какой-то красавицей и был решительно выпровожен из дома.

Наутро Лео явился к Микеланджело в мастерскую, как всегда, изысканно вежливый и обещал поговорить с Риарио.

Шли дни и недели, Микеланджело сидел в мастерской и смотрел на мрамор, горя от нетерпения приняться за дело.

- Почему кардинал меня не принимает? - накидывался он на Лео. - Ведь, чтобы выбрать из двух предложенных моделей одну, ему достаточно минуты!

- У кардинала нет привычки объяснять, почему он кого-то принимает или не принимает, - отвечал Лео. - Терпение!

- Моя жизнь уходит, с каждым днем она все короче, - жаловался Микеланджело. - Неужто она дана мне лишь для того, чтобы я сам окаменел и превратился в статую. Тогда ты вправе будешь назвать ее - "Терпение"!

4

Он так и не добился свидания с кардиналом, Лео рассказывал, что Риарио одолевают заботы и связи с тем, что его корабли, плывущие с Востока, запаздывали, и поэтому он "потерял всякий аппетит к искусству". По словам Лео, Микеланджело оставалось только молиться, чтобы корабли кардинала поскорее появились на Тибре...

Снедаемый страстью к скульптуре, Микеланджело пошел к Андреа Бреньо. Бреньо, еще крепкий семидесятипятилетний старик, был выходцем из Северной Италии, с берегов Комо. Мастерская его помещалась при древнем дворце, в бывшей конюшне: убрав оттуда перегородки и расставив скамьи и верстаки, он оборудовал удобное для работы место - здесь возникала самая оживленная скульптурная мастерская во всем Риме, а самого мастера окружили ученики, набранные из северных областей страны.

Прежде чем отправиться в мастерскую, Микеланджело решил осмотреть работы Бреньо - алтари и саркофаги в церкви Санта Мария дель Пополо и Санта Мария sopra Минерва. Бреньо оказался плодовитым скульптором, у него был хороший вкус, тонкое проникновение в классическое искусство, и он создавал прекрасные декоративные рельефы. Однако воображения у него было не больше, чем у кошки; он не мог привнести в работу никакой творческой выдумки, не умел вдохнуть в изваяние жизнь, найдя свежий подход к объемам, глубине, перспективе. Молотком и резцом он владел превосходно, но был неспособен высечь что-либо такое, чего бы не видел раньше в чужих изваяниях. Когда ему надо было разработать новую тему, он обращался к древнеримским надгробьям, искал в них для себя образцы.

Бреньо принял Микеланджело радушно и был особенно тронут, когда узнал, что Микеланджело вырос в Сеттиньяно. Двигался и говорил старик очень порывисто, лишь густая сеть морщин на лице и похожая на пергамент кожа выдавала его возраст.

- Я высекал гробницу по заказу Риарио вместе с Мино да Фьезоле. Это был чудесный ваятель, прекрасно делал херувимов. Поскольку вы из тех же мест, вы, наверное, скульптор не хуже Мино?

- Может быть.

- У меня постоянно работают помощники. Я только что кончил раку для церкви Санта Мария делла Кверча в Витербо. На очереди у нас вот этот памятник Савелли для церкви Санта Мария в Арачели. В юности я был учеником

у серебряных дел мастера, поэтому мы работаем не спеша и все же не запаздываем: я в точности, минута в минуту, знаю, сколько времени потребуется, чтобы высечь тот или иной листик или гроздь винограда. Я правлю своей боттегой так же, как правил бы ювелирной мастерской.

- Но, предположим, мессер Бреньо, что вам надо изваять нечто совершенно новое, еще невиданное в скульптуре?

Бреньо вдруг осекся и, будто что-то отстраняя от себя, замахал левой рукой.

- Скульптура требует не выдумки, а воспроизведения. Если бы я стал фантазировать, в мастерской воцарился бы хаос. Мы высекаем здесь то, что люди высекали до нас.

- И делаете это превосходно, - сказал Микеланджело, оглядывая многие начатые работы.

- Делаем великолепно! Вот уже полсотни лет никто у меня не забраковал ни одного заказа. Еще в молодые годы я усвоил правило: "Что делалось раньше, то и продолжай делать". Эта мудрость, Буонарроти, принесла мне богатство. Если ты хочешь достичь успеха в Риме, то давай людям то, на чем они воспитаны с детства.

- А что будет со скульптором, который скажет себе: "То, что делалось раньше, надо изменить!"?

- Изменить? Ради того только, чтобы изменить?

- Нет, не ради этого. А просто потому, что скульптор чувствует, что каждая новая вещь, которую он высекает, должна как бы вырваться из привычных представлений, явить собой нечто свежее, невиданное.

У Бреньо заходили челюсти: он словно хотел разжевать эту мысль. Потом он сплкнул себе под ноги и, отечески обняв Микеланджело, сказал:

- В тебе говорит твоя юность, мальчик. Побудь несколько месяцев в моей мастерской, под моим присмотром - и ты забудешь эти глупые суждения. Пожалуй, я взял бы себя в ученики на два года: пять дукатов в первый год, десять - во второй...

- Мессер Бреньо, я уже был учеником три года, Садах Медичи у Бертольдо.

- У Бертольдо? У того, что работал с Донателло?

- У того самого.

- Очень плохо. Донателло погубил скульптуру на глазах у всех вас, флорентинцев. И тем не менее... Нам надо изваять столько ангелов для надгробий...

Когда подули ноябрьские ветры и полились дожди, Пьеро де Медичи вместе со своим войском покинул Рим, отправившись завоевывать свои былые земли; тогда же приехал к Микеланджело Буонарроти. Надвигались пепельно-серые сумерки; загнанный дождями в свою каморку, Микеланджело сидел, рисуя при свете лампы; брат явился до нитки промокший, но веселый, со счастливой улыбкой на смуглом лице. Он радостно кинулся к Микеланджело.

- Я закончил свое ученичество и не могу жить без тебя во Флоренции. Хочу поискать здесь работу в цехе шерстяников.

Привязанность брата тронула сердце Микеланджело.

- Скорей переоденься, возьми мое сухое платье. Когда дождь кончится, я отведу тебя в гостиницу "Медведь".

- А разве нельзя остаться здесь? - огорченно спросил Буонаррото.

Микеланджело обвел взглядом узенькую, монашеского вида комнатку с единственным стулом.

- Я здесь всего-навсего гость. А в гостинице "Медведь" очень удобно. Расскажи-ка мне, как там дела у отца с торговцем шелками. Суд не состоялся?

- Благодаря твоим тринадцати флоринам все на время затихло. Но Консильо заявляет, что отец должен ему гораздо больше. Отец брал у него шелка, это совершенно ясно, но что он хотел делать с ними - никто не знает, даже Лукреция.

И, натягивая сухую рубашку, рейтузы и чулки Микеланджело, Буонаррото пересказал брату все, что случилось дома за последние пять месяцев. Дядя Франческо был болен, Лукреция тоже долго не вставала с постели - у нее, скорее всего, был выкидыш. Лодовико содержал семейство лишь на доходы с земли в Сеттиньяно и никак не мог свести концы с концами. Забота о деньгах

не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Ко всем его просьбам помочь семье брат Джовансимоне остается совершенно глух.

Буонаррото устроился жить в гостинице "Медведь"; ужинали братья в трактире. Через неделю стало очевидно, что работы в Риме Буонаррото не найти: цеха шерстяников во флорентийской колонии не было, а брат на службу приехавшего флорентинца римляне, конечно, не хотели.

- Думаю, что тебе надо возвращаться домой, - с горечью говорил Микеланджело. - Если все четверо старших сыновей разлетятся кто куда и не будут помогать отцу, разве он справится с делами?

Буонаррото уехал в самый ливень; Пьеро де Медичи возвратился в Рим, тоже насквозь промокнув от дождя. Последние остатки войска Пьеро были рассеяны, деньги у него иссякли, его покинул даже Орсини. Пьеро возил с собой описок флорентинских семей, которые он хотел разгромить, как только вновь захватит власть. Альфонсина с детьми уехала в одно из своих наследственных имений; здесь, в Риме, Пьеро нашумел крупными проигрышами в карты и публичными скандалами и ссорами с братом Джованни. С утра он сидел во дворце Сан Северино, потом ехал к своей очередной куртизанке. Вечером выходил на улицу, ввязываясь то в одну, то в другую грязную историю, на рассвете же вновь укрывался во дворце Альфонсины. Не менее пагубны в глазах здешних флорентинцев были надменность и тиранические замашки Пьеро. Он открыто говорил, что, захватив Флоренцию, будет править ею единолично, не прибегая к помощи Совета. "Лучше я буду править плохо, но самостоятельно, чем хорошо, но с помощью других", - добавлял он для ясности.

Микеланджело очень удивился, получив написанное рукою Пьеро приглашение на рождественский обед у кардинала Джованни. Обед был обставлен весьма пышно. Дом украшали многие произведения искусства, которые Джованни перевез сюда из Флоренции: фамильные картины Медичи, бронза, ковры, серебряные сосуды... и все это было заложено из двадцати процентов банкирам-флорентинцам за долги Пьеро: банкиры говорили теперь, что "на каждом затраченном флорине Медичи теряют восемь лир". Микеланджело поразился тому, как потрепала Пьеро жизнь: веко левого глаза у него почти не поднималось, а на голове, в тех местах, где волосы выпадали целыми прядями, просвечивала бледная кожа. Когда-то красивое его лицо обрюзгло и покрылось красными жилками.

- Буонарроти, - сурово заговорил Пьеро, - я подумал было в Болонье, что ты изменил нам. Но сестра Контессина говорит, что ты спас во дворце немало драгоценностей и предметов искусства.

- Ваша светлость, мне представился для этого счастливый случай.

Пьеро властным движением поднял правую руку и громко, с таким расчетом, чтобы его слышали все, кто находился в гостиной, сказал:

- В знак признательности за твою верность, Буонарроти, я заказываю тебе изваять мраморную статую.

- Я буду рад изваять ее, ваша светлость, - спокойно ответил Микеланджело.

- Я хочу сказать - большую статую, - добавил Пьеро горделивым тоном.

- Лучше изваять маленькую, - вмешался Джованни, и на его жирном лице появилась растерянная улыбка. - Моему брату предстоят многие переезды, и возить с собой "Геракла", изваянного в натуральную величину, ему будет трудно.

Пьеро с досадой отмахнулся от слов кардинала.

- Я скоро пришлю за тобой, Буонарроти. И тогда ты получишь точные распоряжения.

- Буду ждать вашего вызова.

Возвращаясь с этого тяжелого для него обеда, Микеланджело впервые увидел Торридзани. В модном камлотовом костюме с золотой тесьмой он шел по улице в компании молодых людей: его красивое лицо расплылось в улыбке, раскинутые руки лежали на плечах товарищей; все были пьяны и веселы и громко хохотали над остротами своего жоака.

Микеланджело почувствовал, как боль стиснула ему горло. Неужели это от страха? - думал он в недоумении. И тут же понял, что дело не в страхе, а в чем-то гораздо более глубоком: перед ним встала на миг и картина разгрома дворца Медичи, и синеватые проплешины на голове стареющего Пьеро - разве само пространство и время не таили в себе силы бессмысленного разрушения,

всегда готовые ринуться вперед и сокрушить на своем пути все и вся.

Корабли кардинала Риарио добрались, наконец, до пристани в Рипетте. Пустив в ход всю свою изворотливость, Лео добился того, чтобы Микеланджело пригласили на новогодний прием к кардиналу.

- Я закажу два изящных ящичка, обитых черным бархатом, вроде тех футляров, в которых ювелиры хранят тиары и короны, - объяснял Лео свой план Микеланджело. - Мы поместим в эти ящики твои глиняные модели. Кардинал будет доволен, если мы блеснем перед его гостями такой роскошью. Я дам тебе знак, когда подойти к Риарио.

Именно так все было и сделано. Риарио сидел вместе с князьями церкви, папой, сыновьями папы Хуаном и Цезарем, Лукрецией и ее мужем, кардиналами, епископами, вельможами и дамами в шелковых и бархатных платьях, усыпанных драгоценными камнями.

Лео подошел к Риарио и сказал:

- Ваше преосвященство, Буонарроти изготовил для вас две скульптурные модели. Сблаговолите сказать, какая вам нравится.

Микеланджело поставил ящики на стол, нажал пружины, и стенки ящиков отвалились, открыв модели. Он брал эти модели, то одну, то другую, и ставил на ладонь, давая кардиналу возможность взглядеться. Гости оживились: мужчины вполголоса обменивались одобрительными замечаниями, а женщины, не снимая перчаток, наградили Микеланджело сдержанными рукоплесканиями.

- Превосходно, превосходно! - отозвался кардинал, глядя на модели. - Продолжай работать, мой дорогой, и скоро мы получим то, чего нам хочется.

- Ваше преосвященство, значит, ни одну из этих моделей высекать из мрамора мне нельзя? - спросил Микеланджело; голос его прозвучал хрипло.

Кардинал Риарио повернулся к Лео:

- Когда у вашего друга будут готовы новые модели, приведите его ко мне снова. Я уверен, что они получатся у него наилучшим образом.

Как только друзья вышли из кардинальской приемной, гнев Микеланджело прорвался в бурном потоке слов:

- Господи боже, что за человек! Ведь сам, сам просил меня что-нибудь изваять, сам купил для этого мрамор, дал мне жилье и пропитание... Я могу жить здесь месяцы, годы - но этот злополучный мрамор мне нельзя даже тронуть!

Лео был обескуражен.

- Я думал, что он захочет польстить своим гостям, позволив им выбрать лучшую модель.

- Чудесный способ выбора! Гости решают, что мне высекать из трехаршинной глыбы каррарского мрамора!

- Но ведь это лучше, чем не услышать никакого решения. Ты бы знал только, как я огорчен!

Микеланджело стало стыдно за свою горячность.

- Прости меня, Лео. Я испортил тебе настроение. Оставь меня, пожалуйста, и возвращайся в зал к кардиналу.

Микеланджело в одиночестве вышел на улицу, запруженную праздничными толпами людей. С холма Пинчио летели в небо огни фейерверка и сыпало искрами огненное колесо. Да, Соджи был прав! Скульптура - она действительно поставлена в самом конце списка. Видно, ему остается одно: ходить, как уличные торговцы, по мостовым и кричать: "Не нужен ли вам "Аполлон"?", "Кому "Оплакивание"?"

"Время! Время! - бормотал он, шагая. - Каждый только и хочет от меня, чтобы я терпел и не думал о времени. Но время, как и пространство, - сущая пустота, если я не заполню его мраморными статуями!"

Он впал в черную тоску и уже был не в состоянии с кем-нибудь спокойно разговаривать. Стараясь вывести приятеля из меланхолии, Бальдуччи подыскал ему золотоволосую флорентийскую девушку. Узнав об этом, Микеланджело улыбнулся - в первый раз после приема у кардинала.

- Ах, Бальдуччи, если бы в жизни все было так просто, как ты думаешь.

В Тосканской траттории они встретили Джулиано да Сангалло, флорентийского архитектора, друга Лоренцо, - от него Микеланджело когда-то получил первые познания в архитектуре. Длинные пышные усы золотистого цвета, как и прежде, украшали лицо Сангалло, но выглядел архитектор довольно уныло. Оставив во Флоренции жену и сына, он жил в Риме, снимая комнатку, и постоянно ожидал лучшего заказа, чем тот, которым был теперь

занят: он сооружал деревянный плафон в церкви Санта Мария Маджоре, облицовывая его золотом – первым американским золотом, которое привез Колумб. Сангалло звал Микеланджело и Бальдуччи работать вместе с ним и выпытывал у Микеланджело, как складываются у того дела в Риме. Микеланджело жаловался ему на крушение всех своих надежд.

– Кардинал, которому ты служишь, – пустой человек, – заявил Сангалло. – Другое дело – кардинал Ровере. Ведь именно он поехал в тысяча четыреста восемьдесят первом году во Флоренцию и пригласил Гирландайо, Боттичелли и Росселли расписывать стены в капелле своего дяди Сикста Четвертого. Он же убедил Сикста открыть первую публичную библиотеку в Риме и основать музей бронзовой скульптуры на Капитолии. Когда кардинал Ровере вернется в Рим, я тебя представлю ему.

– Когда же он вернется? – спросил Микеланджело, обрадовавшись.

– Сейчас он в Париже. Он обозлен на Борджиа и живет в чужих краях вот уже несколько лет. Но теперь положение складывается так, что у него есть все шансы стать папой. Я зайду к тебе завтра, и мы погуляем по городу. Я покажу тебе не нынешние вонючие конюшни, а прежний Рим, полный величия, город изумительной архитектуры. Как только кардинал Ровере сделается папой, я восстановлю этот Рим, воздвигая камень за камнем. К завтрашнему вечеру ты и не вспомнишь, что хотел стать скульптором, душа твоя будет принадлежать архитектуре.

Это была прогулка, полезная во всех отношениях.

Сангалло начал ее с Пантеона, шедевра римлян в области сводчатых конструкций. Тут был даже не один, а два купола, органически вплетенных друг в друга, – забытые секреты римских зодчих Брунеллески сумел разгадать лишь спустя полторы тысячи лет. Вникнув в это чудо римского гения, явленное миру за двадцать семь лет до Рождества Христова, Брунеллески возвратился со Флоренцию и достроил купол Собора, ждавший своего завершения более века.

Сангалло подал Микеланджело пачку плотной бумаги и сказал:

– Давай-ка мы попробуем воссоздать Пантеон таким, каким его видели римляне во времена Августа.

Сначала они рисовали внутри храма, изобразив облицованные мрамором стены и отверстие в середине купола, в котором виднелось небо. Затем, выйдя наружу, нанесли на бумагу шестнадцать красных и серых гранитных колонн, образующих портик, гигантские бронзовые двери, купол, крытый бронзовыми пластинами, и огромный кирпичный цилиндр всего здания, как его описывали древние историки.

Держа папки под мышкой, они направились к Виа делле Боттеге Оскуре и потом поднялись на Капитолийский холм. Теперь, когда перед ними открылся Римский форум, они были в сердце древней столицы. Среди развороченного булыжника и бугров взрытой земли паслись козы и свиньи, – когда-то, до Рождества Христова, тут стояли на двух холмах храм Юпитера и храм Юноны Монеты!

Сангалло толковал о кровле храма Юпитера – она была, по словам Дионисия Галикарнасского, бронзовая, с частыми прокладками из золота; по фасаду здания шли колонны в три ряда, а по остальным трем стенам – в один ряд; внутри храма друг подле друга стояли три священных алтаря – Юпитера, Юноны и Минервы. Это строение во всех своих подробностях быстро возникало под руками Сангалло и Микеланджело на бумаге. Плутарх некогда описывал четвертый храм Домициана: стройные столбы из пентеликонского мрамора, сложенные из гигантских каменных глыб стены, царившие над портиком статуи, перед которыми императоры и высокие сановные лица приносили жертвы богам, – вся эта картина тут же встала в молниеносно набросанных рисунках.

Архитектор вел с собой Микеланджело дальше. Они спустились с холма и вышли на Римский форум, где сидели до наступления темноты, рисуя здания в том виде, какой у них был в дни величия Рима: храмы Сатурна и Веспасиана, сенат Юлия Цезаря, построенный из простого желтого кирпича, огромный храм Кастора с колоннами, увенчанными пышными коринфскими капителями, за ними уже виднелась триумфальная арка Тита и Колизей... Руки Микеланджело так и летали по бумаге; стараясь угнаться за Сангалло, у которого наброски карандашом и словесные пояснения лились одним стремительным потоком, он рисовал с небывалой для него быстротой.

Наступила ночь. Микеланджело чувствовал себя вконец измученным,

Сангалло торжествовал.

- Теперь ты приоткрыл завесу над великолепием Рима. Продолжай эту работу, не оставляя ее ни на один день. Иди на Палагин и восстанови в своем воображении древние термы Севера и дворец Флавия. Не забудь и цирк Максима, базилику Константина, золотой дворец Нерона у подножия Эсквилинского холма. Римляне были величайшими архитекторами, каких только знал мир.

Микеланджело глянул на подвижное милое лицо Сангалло с горящими от волнения глазами.

"Чтобы сделать свою жизнь осмысленной, - думал он, - у Сангалло есть древнеримская архитектура, у Бальдуччи - девушки. Что касается меня - то меня может спасти лишь заказ на скульптуру".

5

В глубине души Микеланджело все больше сомневался, что он когда-либо получит разрешение кардинала Риарио на обработку трехаршинного мраморного блока. Совсем отчаявшись, он бросился во дворец Орсини, к Пьеро. Он попросит Пьеро, чтобы тот заказал ему какое-нибудь скромное изваяние: так будет больше шансов не получить отказа. Пьеро в ту минуту бушевал, браня слуг за плохо приготовленный обед. Альфонсина сидела за громадным дубовым столом, напротив мужа. В ее усталых глазах при появлении Микеланджело что-то блеснуло: по-видимому, она узнала его.

- Ваша светлость, у меня есть теперь время взяться за работу и высечь вам прекрасную статую. От вас зависит распорядиться, чтобы я приступил к делу.

Пьеро, словно только что проснувшись, недоуменно взглянул на него.

- Разве вы не помните? На приеме в Рождество вы говорили...

- Ну и что же?

- Я задумал изваять Купидона, если это вам подойдет.

- Купидона? Что ж, можно и Купидона.

- Я хотел попросить лишь вашего согласия.

В эту минуту Пьеро вновь начал браниться и распекать слуг. Микеланджело чувствовал, что на него уже не обращают внимания, хотя Пьеро и успел сказать, чтобы он продолжал работу. Шагая вдоль берега Тибра, Микеланджело направился, к камнебитным складам подле верфи, выбрал там небольшую глыбу, заплатил за нее пять флоринов, чем нанес серьезный ущерб своему уже отощавшему кошельку, и поплелся позади тачки, которую покатыл к его дому мальчишка-подручный.

Не прошло и двух суток, как Микеланджело убедился, что мрамор он приобрел плохой. Глупо же он сделал, кинувшись сразу на склады и купив там первый попавшийся ему камень! Во Флоренции он действовал бы куда осмотрительнее. А здесь, в Риме, он допускал оплошность за оплошностью, словно новичок. Пять флоринов были выброшены на ветер.

На следующее утро, с рассветом, он был уже на складе Гуффатти - того самого каменотеса, у которого кардинал Риарио купил трехаршинный блок. Теперь Микеланджело осматривал камни самым придирчивым образом и наконец остановился на одной белоснежной глыбе мрамора - под лучами утреннего солнца она хорошо просвечивала, а когда ее полили водой, не обнаружила ни трещин, ни каверн. На этот раз Микеланджело затратил пять флоринов с пользой, но в кошельке у него осталось лишь три последних монеты.

Все время до обеда он провел в рабочем квартале в Трастевере, рисуя детей, - они или играли посреди улицы, или сидели у порога мастерских, где работали их отцы и откуда слышался лязг и звон металла. Пройдет несколько дней - и, взяв в руки молоток и резец, Микеланджело занесет их над мрамором, чтобы сделать первый удар. Бальдуччи его спрашивал:

- Не лучше ли тебе сначала получить от Пьеро письменный контракт? Ведь каждый флорин, какой попадает ему в руки, он тратит на сбор войска против

Флоренции.

Пьеро не хотел и слышать о контракте:

- Дорогой Буонарроти, я уеду из Рима раньше, чем ты закончишь этого Купидона. И, по всей вероятности, сюда не вернусь...

- Вы хотите сказать, ваша светлость, что вы отказываетесь от своего слова? - Микеланджело сказал это очень резко, но что ему оставалось делать?

- Медици никогда не отказываются от своих слов, - холодно возразил Пьеро. - Просто я теперь слишком занят. Отложим это дело на год...

Выйдя на овеванную стужей площадь Сант-Аполлинаре, Микеланджело сказал: "Так тебе и надо!" Он сказал это громко, срывающимся голосом; лицо его горело от гнева. Только неодолимое желание высечь скульптуру, кто бы ее ни заказал, заставило Микеланджело принять почти случайно оброненные слова Пьеро за твердый его приказ.

И тем не менее он высек Купидона - высек в жажде той радости, которую доставляла ему работа над белым мрамором, густая мраморная пыль, взлетающая из-под резца.

Прошло два мучительных месяца, пока его снова принял кардинал Риарио.

- Чем же ты порадуешь меня сегодня? - заговорил кардинал, пребывая в благодушном настроении. - Не задумал ли ты здорового язычника, под стать тем великолепным антикам, которые собраны в саду кардинала Ровере?

- Да, ваша милость, именно такого я и задумал, - поспешно солгал Микеланджело.

Теперь он сидел на кровати в своей узенькой комнате, весь мокрый от пота, будто в лихорадке, и судорожно думал, какого же веселого греческого бога ему высечь. Недавно в флорентийском квартале Альтовити спросил его:

- А ты никогда не думал изваять Вакха?

- Нет, я редко пью вино.

- Вакх, он же Дионис, - бог природы, символизирующий плодородие. Он принес людям странные и чудесные дары, которые помогают им забыть несчастья, томительно скучную работу, жестокую трагедию жизни. Если только для человека целительно предаваться удовольствиям, смеяться, петь, ощущать себя счастливым, тогда мы многим обязаны Вакху.

Микеланджело вспомнил юношу, увиденного им в бане, - у него было стройное, ладное тело атлета: сильные ноги, тонкая поясница, мускулистая, могучая грудь и руки. Чем-то он походил на барса.

Микеланджело теперь работал, но он не мог и думать о вознаграждении: на страстную пятницу в Риме начался бунт, мостовые окрасились кровью. Бунт вспыхнул в первую очередь против испанских солдат, наемников папы: римляне люто их ненавидели и бросились на вооруженных чужеземцев с палками и камнями в руках. В те же дни бежал из Рима Сфорца, муж Лукреции Борджиа, - ему стало известно, что папа собирается убить его, чтобы выдать свою дочь за испанца. Вслед за Сфорца город покинул и Пьеро де Медичи, вторично выступив против Флоренции во главе тринадцати сотен набранных им наемников. Когда папа отлучил от церкви Савонаролу, смута захватила и римскую общину флорентинцев. Дело кончилось страшным убийством Хуана Борджиа. Рыбаки выловили в Тибре его труп и положили на берег - Хуан был в бархатном кафтане, в плаще и сапогах со шпорами; на теле его насчитали девять ножевых ран, руки у него были связаны. Узнав об этой смерти, римляне почти не скрывали своей радости.

В городе царил страх. Ватикан казался парализованным. Папские стражники врывались в каждое жилище, где когда-либо бывал Хуан, пытали прислугу, доискиваясь нитей заговора, с той же целью они шныряли по домам флорентинцев. Сначала в убийстве Хуана обвиняли отвергнутого мужа Лукреции, потом каждую знатную семью, когда-либо выступавшую против папы... пока в городе всем до одного - в том числе самому папе - не стало известно, что Хуана убил его младший брат Цезарь, желавший этим расчистить путь к своему возвышению.

Кардинал Риарио теперь постоянно находился при папе, оплакивавшем убитого. В кардинальском дворце занимались лишь самыми неотложными делами. Скульптура в число таких дел, конечно, не входила. Но Микеланджело не мог примириться с тем, чтобы всякий раз, как в городе что-то случалось, забывали и о скульптуре, и о его работе.

- Кардинал не захочет говорить о твоих делах еще очень долго, -

предупреждал Микеланджело Лео Бальони. - Советовал бы тебе приискать другого покровителя.

- В Риме? Да разве влияние кардинала Риарио не распространяется здесь буквально на всех?

- К несчастью, да. Но ведь и во Флоренции под властью Савонаролы ничем не лучше.

- Верно. Но там моя родина. Можешь ты договориться о встрече с кардиналом - в последний раз? Я намерен получить вознаграждение.

- Вознаграждение? Но ты же не высек скульптуры!

- Все равно я работал. Я рисовал, лепил модели. А ваять мне не позволил ты. Кардинал - богатый человек, а у меня вот-вот не останется ни гроша.

Он ворочался в постели, не смыкая глаз всю ночь напролет, и совсем было заболел, но тут Бальдуччи позвал его на охоту - стрелять уток на болотах.

- Свежий воздух принесет тебе пользу. Сделает из тебя мужчину. Посмотри на меня: я не упускаю ни одного свободного часа, когда можно побродить по болотам и поохотиться. Это возрождает силы мужчины.

Микеланджело прекрасно понимал, что значит в устах Бальдуччи слова: силы мужчины.

- Ты, конечно, заботишься о своих силах, чтобы затратить их на женщин? - насмешливо заметил он.

- А как же иначе! - ответил Бальдуччи. - Каждый мужчина копит свои силы, чтобы на что-то их тратить.

Горести и заботы зрели и множились у Микеланджело дружно, будто на грядке помидоры. Вновь явился в Рим Лионардо, плащ у него был рваный, лицо в крови. Из его отрывочных слов Микеланджело понял, что монахи в Витербо набросились на него, избili и выгнали из монастыря, не желая, чтобы он восхвалял отлученного от церкви Савонаролу.

- Я хочу домой, в Сан Марко, - говорил Лионардо хриплым голосом, облизывая потрескавшиеся губы. - Дай мне денег на дорогу.

Микеланджело встряхнул кожаный кошелек и вынул из него последние монеты.

- Знаешь, меня тоже будто побили, и притом очень крепко. Я тоже хочу домой. А ты лучше пожил бы здесь немного, пока не оправившись.

- Нет, Микеланджело, я поеду. Спасибо тебе за деньги.

Впервые за много лет Микеланджело почувствовал в тоне брата какое-то доверие и задушевность.

Едва уехал Лионардо, как на Микеланджело обрушился новый удар: весть о смерти мачехи. Отец сообщал об этом в письме, состоявшем из нескольких малосвязанных фраз. "Il Migliore" - с теплотой в душе вспоминал Микеланджело излюбленное выражение Лукреции: "Самое лучшее". Она приносила с рынка только самую лучшую провизию и старалась дать вообще все самое лучшее девяти Буонарроти, которых взялась кормить. Любил ли ее Лодовико? На этот вопрос трудно было ответить. Любила ли Лукреция дом, в который она вошла? Пятерых своих пасынков? Да, любила. И не ее вина, если весь ее пыл, все способности были устремлены к кухне. Она беззаветно отдавала все, что у нее было, и теперь ее пасынок оплакивал ее кончину.

Спустя несколько дней слуга принес Микеланджело записку из гостиницы "Медведь": Буонаррото вновь приехал в Рим. Микеланджело торопливо вышел на улицу и зашагал к площади Навона, к мастерским и лавкам между разрушенным театром Помпея и стадионом Домициана; обогнув широко раскинувшиеся огороды, он скоро был на площади Сант'Аполлинаре.

- Что с отцом? - спрашивал он брата. - Как он перенес смерть Лукреции?

- Тяжело. Заперся в своей спальне и не выходит.

- Нам надо подыскать ему новую жену.

- Он говорит, что лучше ему доживать век одиноким, чем еще раз перенести такую утрату. - Помолчав, Буонаррото добавил: - Поставщик шелков хлопочет, чтобы отца за тот долг арестовали. Этот торговец, Консильо, докажет, что отец действительно брал товары, а поскольку у нас наличных денег почти нет, его наверняка посадят в тюрьму.

- В тюрьму! Dio mio! Пусть он продаст и землю и дом в Сеттиньяно.

- Это невозможно. Земля отдана в долгосрочную аренду. И отец говорит, что лучше он будет сидеть в тюрьме, чем лишит нас последнего наследства.

- Что за вздор! - рассердился Микеланджело. - Наше наследство - это не дом, не земля, а честь рода Буонарроти! Ее-то мы и должны сохранить.

- Но что нам делать? Я зарабатываю всего несколько скуди в месяц...
- А я и того не зарабатываю. Но скоро я получу деньги! Я добьюсь, чтобы кардинал Риарио понял наконец, что мне надо платить.

Кардинал слушал, задумчиво играя длинной золотой цепью, висевшей у него на груди.

- Я отнюдь не думал, что ты потратишь это время попусту.
- Благодарю вас, ваше преосвященство. Я знал, что вы проявите щедрость.
- Что ж, и проявлю. Я отказываюсь от всех своих прав на мраморный блок, который обошелся мне в тридцать семь дукатов. Отныне мрамор твой, я отдаю его тебе за твое терпеливое ожидание.

Микеланджело мог теперь добыть денег только у флорентийских банкиров - Ручеллаи и Кавальканти. Придется взять какую-то сумму в долг. Он сел за стол и написал письмо отцу: "Я пришлю столько денег, сколько вам потребуется, если даже мне придется запродать себя в рабство". Потом он направился к Паоло Ручеллаи поговорить о своем деле.

- Заем в банке? Нет, нет, это будет для тебя разорительно - ведь банк берет двадцать процентов на каждом дукате. Возьми денег у меня лично, без всяких процентов. Двадцать пять флоринов тебя устраивает?

- Я верну их вам, поверьте моему слову!

- Забудь о них совсем, пока не наполнишь свой кошелек как следует.

Микеланджело опрометью бросился бежать по лабиринту немощенных улиц, запруженных повозками и усеянных грудями речного песка, отдал Буонаррото кредитный чек с подписью Ручеллаи и тут же написал письмо торговцу Консильо, заверяя его, что в течение года он выплатит и остальную сумму долга.

- Это, конечно, страшно обрадует отца, - раздумчиво говорил Буонаррото, сжимая в пальцах чек и письмо. - Едва ли ему заработать теперь какие-то деньги, от дяди Франческо тоже ждать нечего. Ты да я - вот кто сейчас Буонарроти. А на помощь Лионардо и Джовансимоне нам рассчитывать вообще не стоит. Что касается нашего меньшего, Сиджизмондо... то из цеха виноделов его выставили. И как только отец увидит этот чек, считай, что обязанность кормить семейство Буонарроти легла на тебя.

Удачи и успехи зрели и множились у Микеланджело дружно, словно персики на дереве. Он довел до конца полировку своего "Купидона" - прелестный ребенок, только что проснувшись, тянул пухлые ручонки, желая, чтобы мать взяла его на руки. Беспечная радость, которой была овеена статуя, ее сияющая бархатистая поверхность восхитили Бальдуччи. Тут же он вспомнил своего хозяина. Нельзя ли перенести "Купидона" в дом Якопо Галли и показать его банкиру?

Рим - не Флоренция, и здесь не было Буджардини, чтобы везти мрамор по улицам на тачке. Бальдуччи нанял мула. Микеланджело завернул "Купидона" в одеяло, приторочил его к большому седлу и, ведя мула под уздцы, зашагал мимо церкви Сан Лоренцо ин Дамазо к переулку Лентари. Дом Галли был построен одним из предков банкира. Банкир испытывал чувство благодарности к этому предку, потому что тот, вместе с постройкой дома, положил начало собранию древних скульптур, которое теперь уступало лишь коллекции кардинала Ровере.

Пока Бальдуччи привязывал мула, Микеланджело раскутал своего "Купидона". Поднявшись по широкой лестнице, Микеланджело оказался в атриуме, замкнутом с трех сторон стенами дома, - с четвертой стороны шли вниз ступени, и здесь открывался вид на сад. Когда Микеланджело бегло посмотрел туда, перед ним возник целый лес статуй, чудесных фриз и каменных зверей, хищно припавших к земле.

Якопо Галли получил образование в Римском университете и с той поры ни на один день не расставался с книгами. Теперь он отложил в сторону "Лягушек" Аристофана и стал медленно подниматься с низкого кресла. Казалось, он никогда не поднимется - так долго распрямлялось его огромное тело: сколько в этом человеке росту - два аршина с половиной или три с лишним? Такого дородного, такого высокого мужчины Микеланджело еще не видал: под грузом лет Якопо Галли ссутулился, и тем не менее почти любой римлянин - они чаще всего низкорослы - пришелся бы ему по плечо. Микеланджело чувствовал себя перед ним ребенком.

- О, вы явились ко мне с готовым мрамором. Статуи - это лучшее украшение моего сада.

Микеланджело поставил своего "Купидона" на стол, рядом с лежавшей там книгой, и глядел в голубые глаза Якопо Галли.

- Боюсь, - сказал он, - что мы привезли изваяние рановато, ему тут не приготовлено место.

- Нет, не думаю, - ответил Галли рокочущим голосом, который ему приходилось сильно умерять, чтобы не оглушить собеседника. - Бальдуччи, проведи же своего друга Буонарроти в дом и угости его ломтем холодного арбуза.

Когда через несколько минут приятели вышли в сад, они увидели, что Галли снял с пьедестала на низкой стене рядом с лестницей какой-то торс и установил на нем "Купидона". Сам же он вновь сидел, удобно устроившись в кресле. Став за спиной хозяина, Микеланджело мог внимательно рассмотреть три греческих торса, римский саркофаг, храмовый фриз и большую настенную плиту с изображением огромного сидящего грифона - египетского льва с почти человеческой головой.

Галли добродушно моргал глазами.

- У меня такое чувство, будто ваш "Купидон" занимает это место давным-давно, с тех пор, как я себя помню. Он так прекрасно вписывается в эти ряды античных статуй. Вы продадите мне его? Какую цену вы назначаете?

- Какую назначите вы, - покорно ответил Микеланджело.

- Тогда скажите мне, как у вас обстоит дело с деньгами.

Микеланджело рассказал ему, в каком положении он прожил год у кардинала Риарио.

- Значит, дело кончилось тем, что вы не получили ни скудо, хотя у вас остался на руках трехаршинный блок мрамора? Можно вам предложить за "Купидона" пятьдесят дукатов? Но, поскольку вы сильно нуждаетесь в средствах, я позволю своей жадности снизить эту цену до двадцати пяти дукатов. А потом, презирая хитрость с делами с художниками, я вновь добавлю к первоначальной сумме удержанные двадцать пять дукатов и приложу к ним еще двадцать пять. Вас устраивает такой расчет?

Янтарные глаза Микеланджело сияли.

- Синьор Галли, весь этот год я был очень дурного мнения о римлянах. Но вы оправдали сейчас в моих глазах целый город.

Не поднимаясь с кресла, Галли склонил голову.

- А теперь поговорим о том трехаршинном мраморном блоке. Что, по-вашему, можно из него высечь?

Микеланджело стал рассказывать о своих рисунках для "Аполлона", для "Оплакивания Христа" и для "Вакха". Галли проявил ко всему этому живейший интерес.

- Мне не приходилось слышать, чтобы в наших местах где-то отрыли Вакха, хотя есть два-три изваяния, привезенные из Греции, - бородатые старцы, все довольно скучные.

- Нет, нет, мой Вакх будет юным, как и полагается быть богу веселья и плодородия.

- Принесите мне свои рисунки завтра в девять часов вечера.

Галли прошел во внутренние комнаты и вернулся с кошельком. Он вручил Микеланджело семьдесят пять дукатов. Уже смеркалось, когда Микеланджело поставил мула на конюшне, расплатившись с его хозяином, и побывал у Ручеллаи, чтобы вернуть ему двадцать пять флоринов, которые он у него занял.

На следующий день к назначенному часу он был в саду Галли. Там царил полная тишина, никто не вышел к нему навстречу. Время тянулось страшно медленно. Размышляя в одиночестве, Микеланджело уже видел, как он бросает в этом городе свой мрамор или за полцены отдает его обратно Гуффатти, как он с первым же караваном уезжает во Флоренцию. Но вот в саду появился Галли, поздоровался с Микеланджело, предложил ему вина и уселся рассматривать рисунки. Затем вышла синьора Галли, высокая стройная женщина, уже сильно увядшая, но хранившая патрицианскую осанку. При свете свечей все трое сели за ужин. Прохладный ветерок освежал накаленный за день воздух. Когда с ужином было покончено, Галли сказал:

- А вы не согласились бы перевезти ваш блок сюда и здесь вырубить для меня Вакха? Помещение для работы у нас найдется. Я уплачу вам за готовую

вещь триста дукатов.

Чтобы не выдать своих чувств, Микеланджело потупил взор и отодвинулся от свечи. Теперь ему уже не надо будет с позором возвращаться во Флоренцию, теперь он спасен.

Но наутро, когда он шагнул рядом со взятой у Гуффатти телегой, перевозя мрамор из дворца Риарио к Галли, и сжимал под мышкой тощий узел с платьем, он чувствовал себя каким-то попрошайкой, нищим. Неужто он обречен на то, чтобы долгие годы переезжать с места на место, менять одну комнатку на другую? Он знал, что немало художников странствуют от двора ко двору, от покровителя к покровителю, обретая себе приличный кров, пропитание и даже приятное общество, но он знал также, что такая жизнь не принесет ему удовлетворения. И он повторял себе, что он должен быть и скоро действительно будет независимым человеком, который живет под своей собственной крышей.

6

Его провели в спальню, расположенную в том крыле подковообразного особняка, которое смотрело окнами на комнаты Якопо Галли: в спальне было приятно, тепло, солнечно. Вторая дверь из нее вела в сад, где росли смоквицы. В конце сада стоял сарай с твердым земляным полом. Микеланджело разобрал у сарая дощатую крышу; густые деревья, росшие рядом, давали ему прохладу и тень. Сразу за сараем шел глухой переулочек – им могли пройти к Микеланджело приятели, и этим же переулочком удобно было доставлять необходимые для работы материалы. Дом Галли от сарая был не виден – его заслоняли деревья, – а стук и шум, производимый Микеланджело, в жилые комнаты не долетал. У входа в сарай Микеланджело поставил бочку, налил в нее воды, взятой из колодца, и, прежде чем идти к ужину, мылся и надевал чистое платье – семейство Галли всегда уже ждало, его, сидя в саду. Якопо Галли безотлучно проводил в конторе целые дни: домашний обед готовили лишь в воскресенье и в праздники. Каждый полдень слуга тащил Микеланджело поднос с легким завтраком, и тот съедал его за своим рисовальным столом. Микеланджело был рад, что ему не надо переодеваться к обеду, не надо ни с кем разговаривать.

Пришло письмо от отца: он благодарил за полученные двадцать пять флоринов. Торговец шелками принял чек Микеланджело, но выразил желание, чтобы ему сейчас же выплатили еще двадцать пять флоринов из тех пятидесяти, которые отец оставался ему должным. Не может ли Микеланджело прислать двадцать пять флоринов с первой же субботней почтой?

Микеланджело со вздохом надел чистую блузу и понес двадцать пять флоринов в контору Якопо Галли – сна находилась на площади Сан Чельсо, рядом с банком семейства Киджи. Бальдуччи на месте не оказалось, и Микеланджело подошел к столу самого Галли. Тот поднял голову, но сделал вид, что не узнает Микеланджело. Микеланджело тоже почти не узнал Галли – такое у него было суровое, холодное, неприступное лицо, Банкир безразличным тоном спросил, что Микеланджело угодно.

– Кредитный чек... на двадцать пять флоринов. Переслать его во Флоренцию, – вымолвил Микеланджело и положил на стол деньги.

Галли что-то сказал писцу, сидевшему рядом. Тот зашелестел бумагами и мигмом выписал чек. Галли сурово поджал губы и опустил непроницаемые глаза, уткнувшись в бумаги.

Микеланджело был поражен. "Чем я его обидел, чем вызвал такой гнев?" – с тревогой думал он.

Он принудил себя вернуться в дом только поздним вечером. Из окон своей комнаты он увидел, что в саду горят свечи. Он осторожно вышел в сад.

– А, это вы! – весело крикнул Галли. – Идите же сюда, выпьем по стакану – у нас превосходная мадера!

Якопо Галли сидел, развалившись, в своем кресле. Он ласково спрашивал, как

Микеланджело устроился в сарае, чего ему там недостает. Такая разительная перемена в поведении Галли объяснялась очень просто. Он никак не мог или не хотел сомкнуть воедино две разных стороны своей жизни. В банке он был сух и резок. Его сотрудники восхищались его деловитостью и умением выколачивать прибыли, но не любили его. Его считали чересчур жестким. Приходя домой, Галли сбрасывал с себя эту оболочку, как ящерица сбрасывает кожу, и становился веселым, беспечным и шутливым. Дома от него нельзя было услышать ни одного слова о делах, о банке. Сидя в саду, он толковал лишь об искусствах, литературе, истории, философии. Те его друзья, что заходили к нему каждый вечер, от души любили его, считая большим хлебосолом и добрым семьянином.

Впервые за свое пребывание в Риме Микеланджело стал теперь видеть интересных ему людей: Петера Савинуса, университетского профессора красноречия, который почти не обращал внимания на скульптурные сокровища Галли, но который, по словам того же Галли, наизусть помнил "невероятное количество раннехристианских текстов"; коллекционера Джованни Капocchi - он одним из первых в Риме пытался ввести какой-то порядок при раскопках катакомб; Помпония Лета, бывшего наставника Галли по университету; этот незаконный отпрыск могущественного семейства Сансеверино напускал на себя вид изысканного бездельника, он жил только для науки, одеваясь во что попало и уютясь в жалких каморках.

- Чтобы захватить место в зале, где он читал лекции, - рассказывал Галли, - я приходил туда с ночи. Мы ждали его до утра, а утром он спускался к нам с холма, держа в одной руке фонарь, в другой - старинный манускрипт. Его пыталась инквизиция, потому что нашу академию, подобно вашей Платоновской академии во Флоренции, подозревали в ереси, язычестве и республиканских устремлениях. - Галли самодовольно рассмеялся. - Такие обвинения вполне оправданны. Помпоний так погряз в язычестве, что при виде античной статуи он может разрыдаться. - Микеланджело догадывался, что Галли тоже "погряз в язычестве", - ведь в доме банкира ни разу не появлялось ни одно духовное лицо, кроме слепых монахов, братьев Аврелия и Рафаэля Липпус: эти августинцы из флорентийского монастыря Санто Спирито пели здесь под звуки лиры латинские песни и гимны; бывал у Галли и француз Жан-Вилье де ла Гроле, кардинал Сен Дени, маленький человечек с аккуратно подстриженной белой бородой, в багряной сутане, - духовную карьеру он начал бенедиктинцем, позднее Карл Восьмой, возлюбил монаха за преданность и ученые познания, своей королевской волей сделал его кардиналом. Жан-Вилье был далек от грязных махинаций Борджиа и жил в Риме той же уединенной жизнью, какую вел в свое время в бенедиктинских монастырях, продолжая изучать сочинения отцов церкви - область, в которой его считали крупным авторитетом.

Но не все ученые здесь были стариками. Микеланджело подружился с двадцатилетним Якопо Садолето, уроженцем Феррары, чудесным поэтом и латинистом; познакомился с Серафино, тоже поэтом, обласканным при дворе Лукреции Борджиа: в доме Галли он никогда не заговаривал о Борджиа или о Ватикане, а читал свои исторические поэмы, аккомпанируя себе на лютне; бывал у Галли и Санназаро - несмотря на свои сорок лет, он казался очень молодым; языческие образы в его стихах причудливо смешивались с чисто христианскими мотивами.

Семейство Галли старалось по возможности держать себя в рамках общепринятого, посещало церковную службу почти каждое воскресенье и каждый значительный праздник. Якопо Галли говаривал, что его выпады против клерикализма - единственная форма борьбы с развращенным двором Борджиа и его приспешниками, какую он мог себе позволить.

- Читая книги, Микеланджело, я хорошо вижу зарождение, расцвет, упадок и исчезновение многих религий. Такой же процесс переживает сейчас и наша религия. Христианство существовало пятнадцать веков, чтобы в конце концов вылиться... во что же? В вакханалию борджинских убийств, лихоимства, кровосмесительства, в извращение всех догматов нашей веры. Рим сегодня заражен грехами гораздо сильнее, чем Содом и Гоморра в тот день, когда они погибли в пламени.

- Вы говорите в точности так, как говорит Савонарола!

- Да, точно так, как говорит Савонарола. Сто лет царства Борджиа - и мир превратится в груды загаженных развалин.

- Разве Борджиа могут процарствовать сто лет?

На крупном, открытом лице Галли обозначились резкие морщины.

- Цезарь Борджиа только что короновал Федерико, сделав его королем Неаполя, и с триумфом возвратился в Рим. А папа отдал Цезарю имения его брата Хуана! Архиепископа обвиняют в подделке церковных документов! Епископа уличают в том, что он за тысячу дукатов продает должности в курии! И так вот повсюду.

Рисунки, которые заготовил Микеланджело для статуи древнегреческого бога веселья, казались ему теперь надуманными, даже бесчестными. Он пытался проникнуть воображением в века седой древности, но чувствовал, что играет мифами, как ребенок играет куклами. Рим - пот что было теперь для него реальностью, - Ватикан и папа, кардиналы и епископы, весь город, оплетенный коррупцией, насквозь прогнивший, с разжиревшими иерархами. Такой Рим вызывал у него лишь отвращение и ненависть. Но разве мог он, живя одной ненавистью, быть скульптором? Разве мог он воспользоваться своим любимым белым мрамором, чтобы показать зло и передать тот запах смерти, которым был овеян Рим, бывшая столица мира? Ведь эта ненависть неизбежно проникнет и в самый мрамор! А он, Микеланджело, не может заставить себя забыть идеал древних греков: белый мрамор должен порождать лишь красоту.

По ночам он часто просыпался. Шел в библиотеку Галли, зажигал лампу и брался за перо, как это было в доме Альдовранди после встречи с Клариссой. В ту пору его лихорадила любовь, и он выливал чувства на бумагу, чтобы "охладить свой пыл". Теперь уже не любовь, а другое, столь же жгучее чувство - ненависть - заставляло его набрасывать строчку за строчкой, списывая целые листы, пока, уже на рассвете, из этих исчерканных строчек и слов не возникало стихотворение.

Здесь делают из чаши меч и шлем,
Здесь кровь Христову продают ковшами,
Здесь крест обвит терновыми шипами,
Здесь бог на грани гнева, хоть и нем.
Исус, не приходи сюда совсем,
Иль к небу брызнет кровь твоя струями!
Здесь даже кожу жадными руками
С тебя сдерут, чтоб в торг пустить затем.
Я от труда невольно здесь отвык:
Как взор Медузы, сковывает руки
Одетый в пурпур мантии старик.
Но если есть на небе высший суд,
То чем нам, чадам горя, воздадут
За эту нищету, за эти муки!

Микеланджело стал ходить ко всем коллекционерам в Риме, изучая древние изваяния. Однажды он увидел действительно юного Вакха - перед ним был подросток лет пятнадцати, абсолютно трезвый. По тому, как он небрежно держал в руках гроздь винограда, могло показаться, будто бог скучает при мысли, что он принес на землю этот чудесный плод, самый странный из всех плодов.

Он, Микеланджело, должен вдохнуть в свой мрамор радость, постараться выразить суть животворной силы Диониса, природу божества, могущество хмельного напитка, который дарит человеку способность смеяться и петь и хоть на короткий час забыть всю горечь земных бед и печалей. И, может быть, ему в то же время удастся передать едва уловимый дух распада и увядания - этот дух проникал в жизнь вместе с излишней забывчивостью и, как видел Микеланджело, побуждал людей поступать своими моральными и духовными достоинствами ради удовольствий плоти. Вакх предстанет центральной фигурой, воплощающей эту тему, в нем будет гораздо больше от человека, чем от полубога; рядом с ним возникнет ребенок - ласковое, лет семи, дитя с милovidным личиком: он откусывает ягоды от виноградной грозди. В изваяние войдет и мотив смерти: тигр. Тигр любит вино, и тигра любит Вакх - у тигра совершенно безжизненная, мертвая шкура и голова.

В поисках натуры Микеланджело ходил по баням: ему казалось, что он создаст фигуру Вакха тем же методом, каким он работал над статуей Геракла,

когда он придирчиво осматривал сотни тосканцев, – от одного человека возьмет шею, от другого плечи, от третьего очертания живота. Но через несколько недель, применив твердый серебряный карандаш, он свел с таким трудом накопленные этюды в единый рисунок и обнаружил, что образ у него получается неубедительным. И тогда он обратился к Лео Бальони.

– Мне нужен натурщик. Молодой. От двадцати до тридцати лет. Из знатного рода.

– И чтобы был красивым?

– Когда-то красивым, но уже увядающим. Его фигура должна быть уже чуть испорченной.

– Чем же испорченной?

– Вином. Излишней чувственностью. Распущенностью.

Лео подумал мгновение, перебирая в уме знакомых молодых людей, их фигуры и лица.

– Может быть, я и укажу тебе подходящего человека. Это граф Гинаццо. Но он богат, из знатной семьи. Чем же ты можешь подкупить его?

– Лестью. Тем, что я увековечу его в виде великого греческого бога Вакха. Или Диониса, если ему так больше поправится.

– Этот довод, пожалуй, подействует. Граф ведет праздный образ жизни и может отдавать тебе все время, какое у него остается после ночных попок и утреннего сна.

От предложенной ему новой роли граф был в восторге. Когда Микеланджело привел его к себе в сарай, граф разделся донага и принял требуемую позу.

– А знаете, вы сделали мне очень удачное предложение, – сказал он. – Я всегда считал, что во мне есть что-то от настоящего бога.

Посапывая от удовольствия, Микеланджело приник к рисовальному столу. Можно было объехать всю Италию и не найти лучшей модели, чем выбрал для него Лео: чуть-чуть мелкая по отношению к фигуре голова, мягкий мясистый живот, крупные при таком торсе ягодицы, несколько вялые бицепсы, стройные, будто литые, бедра греческого борца. Было в этом облике что-то бесполое; рассеянный, усталый взгляд от обилия выпитого вина и съеденной пищи, полуоткрытый, словно в изумлении, рот; однако рука, что держала поднятую чашу с вином, казалась гибкой и мускулистой, а безупречно белое бархатистое тело сияло под прямыми солнечными лучами так, будто было освещено изнутри.

– Вы прекрасны, – восхищенно сказал Микеланджело. – Живой Вакх да и только!

– Весьма тронут вашим мнением, – отозвался граф Гинаццо, не поворачивая головы. – Когда Лео предложил позировать для вас, я сказал ему: не докучай мне такими глупостями. Но сейчас мне, пожалуй, даже интересно.

– В котором часу вас ждать завтра? И, пожалуйста, приносите с собой вино, не стесняйтесь.

– О, значит, все великолепно! Я могу потратить на вас завтра всю вторую половину дня. Но без вина это было бы скучно.

– Мессер, вы никогда не покажетесь мне скучным. Каждый раз я вижу вас как бы в новом свете.

Микеланджело ставил своего натурщика в сотни различных поз: вот его правая нога резко согнута в колене и приподнята, едва касаясь пальцами грубого деревянного помоста; тяжесть тела перенесена на левое бедро, корпус для равновесия откинут назад; маленькая голова чуть выдвинута и с выражением глубокого самодовольства медленно поворачивается то в одну сторону, то в другую. По вечерам, когда Гинаццо уже сильно напивался, Микеланджело вплетал ему в волосы виноградные гроздья и рисовал его так, словно бы гроздья сами по себе росли на его голове... Это забавляло графа несказанно. Но однажды поздним вечером граф выпил чересчур много. Он качался, еле держась на ногах, потом споткнулся о деревянный блок и упал, ударившись подбородком о твердую землю. Он лежал на земляном полу, словно мертвый. Микеланджело привел графа в чувство, вылив на него ведро воды. Весь дрожа, Гинаццо оделся, вышел из сарая, скрылся меж деревьями сада и исчез из жизни Микеланджело навсегда...

Якопо Галли подыскал ему чудесного семилетнего мальчика с кудрявыми золотистыми волосами и большими мягкими глазами, – рисуя его, Микеланджело успел с ним подружиться. Но работать с таким натурщиком было не просто: мальчугану приходилось стоять в трудной позе, с поднятой рукой, в которой

он держал прижатую ко рту кисть винограда. Закончив эту работу, Микеланджело целыми днями бродил по окраинам города и рисовал пасущихся на холмах коз, с особым вниманием приглядываясь к их ногам, копытцам, длинным завиткам шерсти.

Будущая скульптура приобрела под его карандашом такие очертания: в центре слабый, смущенный, высокомерный, обреченный на скорую гибель юноша, поднимающий чашу: позади него идилическое дитя, ясноглазый, жующий виноград мальчуган, символ радости: между юношей и мальчиком – шкура тигра. Вакх – внутренне опустошенный, вялый, расшатанный, уже постаревший; Сатир – свежий, юный, веселый, символ детства и шаловливой невинности.

В воскресное утро Микеланджело пригласил Галли в сарай и показал ему рисунок: чаша, высоко поднятая рукой Вакха, виноградные гроздья и листья, покрывавшие его голову: длинные, изогнутые ветви винограда, связывающие Вакха и Сатира; древесный пень, на который опирается Вакх и на который присядет Сатир; наконец, шкура тигра, идущая от опущенной руки Вакха к руке Сатира, и голова тигра, повиснувшая между раздвоенными копытцами Сатира, – полая голова тигра как напоминание и символ того, что произойдет с головой Вакха в будущем.

Галли задавал бесчисленные вопросы. Микеланджело объяснял, что он вылепит несколько восковых или глиняных моделей, высечет из обломков мрамора отдельные детали, чтобы хорошо представить себе, как, например, будет выглядеть голова Сатира у левого локтя Вакха.

- И как бедро мальчика перейдет в мохнатую ногу Сатира.

- Совершенно верно.

Галли был заморожен.

- Право, я не знаю, как и отблагодарить вас.

Чуть смущаясь, Микеланджело рассмеялся.

- Отблагодарить меня очень просто. Нельзя ли послать какое-то количество флоринов во Флоренцию?

Наклонясь к Микеланджело, Галли словно бы прикрыл его своими мощными плечами.

- А не лучше ли будет, если я прикажу своему агенту во Флоренции выдавать вашему отцу несколько флоринов каждый месяц, регулярно? Тогда вы перестанете волноваться при каждой почте из Флоренции. И ведь денег на это пойдет не больше, чем раньше; а каждую выдачу мы будем записывать, внося ее в счет заказа.

- Право же, отец ни в чем не виноват, – оправдывался Микеланджело, уязвленный в своей гордости. – Дядя заболел, и образовались кое-какие долги...

7

Он положил свою мраморную колонну горизонтально наземь, плотно закрепил ее клиньями и брусьями, затем, взяв в руки шпунт, нанес несколько ударов в том месте, где должна была возникнуть чаша с вином. Сначала он обтесывал лишь переднюю сторону глыбы, а потом, чтобы охватывать взглядом всю работу сразу, перешел к боковым. Наметив самую высокую точку – пальцы руки, держащей чашу, и выступающее вперед правое колено, он стал врубаться вглубь, нащупывая живот и устанавливая отношения между крайними выступами и впадинами. Промежуточные плоскости явятся в свое время сами, они уже предопределены, как бывают предопределены боковые стороны и тыл, когда ясна фронтальная сторона изваяния. Скоро Микеланджело принялся за обработку контуров торса, стараясь показать в них шаткость и неустойчивость фигуры, затем стал поворачивать блок по часовой стрелке и обтесывать его со всех сторон, все больше отделявая руку с чашей – ключевую деталь статуи.

Он вызвал одного из сыновей Гуффатти, чтобы тот помог ему снова поставить колонну вертикально. Теперь у мрамора был уже свой лик, своя

индивидуальность - у него определился размер, пропорции, вес. Микеланджело сидел напротив камня и сосредоточенно думал, заставляя его говорить, предъявлять свои требования. Он испытывал чувство боязни, будто встретился с неким незнакомцем. Ваять - это значит отсекал мрамор, но это значит также исследовать его, проникать в его глубины, обливаться потом, размышлять, чувствовать мрамор и жить с ним, пока он не закончен. Половина первоначального веса этого блока останется в готовой статуе; остальное будет лежать в саду в виде щебня и пыли. И сожалеть Микеланджело будет лишь об одном: время от времени ему придется есть и спать, с мучительным усилием отрываясь для этого от работы.

Недели и месяцы постоянного, настойчивого труда текли как речная стремнина. Зима выдалась мягкая, покрывать сарай крышей не было никакой нужды; когда холод давал себя знать всерьез, Микеланджело натягивал на голову валянную из шерсти шляпу с наушниками и надевал теплую тунику. По мере того как Вакх и Сатир выступали из камня, у Микеланджело появлялись новые чувства, рождались новые мысли, но, чтобы воплотить их в мраморе, требовалось время. Он должен был внутренне расти и зреть сам, пока росла и зрела его работа. Незавершенный мрамор преследовал его, занимая все помыслы в любой час дня и ночи. Освободить от лишнего камня чашу и согнутое правое колено сразу, оставив их в пустом пространстве, было небезопасно; Микеланджело пришлось сохранить мраморную препопу между воздетой вверх чашей и предплечьем, между коленом и локтем, между подножием и коленом: пока он врезался в блок глубже и глубже, изваянным деталям нужна была прочная подпора. Теперь он то обтачивал статую сбоку, то работал над головой и лицом, шеей, виноградным венком в волосах, то над левым плечом, захватывая и лопатку, потом переходил к бедру, к икре ноги. Сзади он уже обозначил Сатира, пенек, на котором он сидел, кисть винограда, которую он ел, и шкуру тигра, соединявшую обе фигуры. Это была самая сложная по композиции вещь, какую когда-либо начинал Микеланджело. Хотя голову Сатира и его руки, ухватившие виноградную кисть, он искусно прикрыл левым локтем Вакха, они все же достаточно сильно выступали наружу.

Настоящая битва началась в тот день, когда он принялся обтачивать мускулы, давая окончательное воплощение всему замыслу. Грубая обработка глыбы была позади, и теперь, сдирая остатки внешней коры камня, Микеланджело с нетерпеливо бьющимся сердцем ждал, как засияют на свету высвободившиеся формы человеческого тела. Мрамор был упорен; столь же упорен был и Микеланджело, стремясь показать еле заметную игру мышц округлого мягкого живота, гладкую, будто глиняную, поверхность древесного пня, спиралеобразный поворот тела Сатира, виноградные гроздья на голове Вакха, сливающиеся с его похожими на лозы волосами. Каждая законченная деталь приносила Микеланджело огромное удовлетворение, вселяла в него чувство мира и покоя: в тот миг отдыхали не только его глаза, мозг и душа, но и плечи, спина, поясница.

А когда он был не в силах найти форму какой-то детали, он складывал инструмент, выходил из сарая и смотрел сквозь ветви деревьев на небо. Возвратившись в сарай, он оглядывал мрамор издали, оценивая его контуры и массы, и уже знал, как надо продолжить работу. Деталь становилась теперь частью целого. Микеланджело снова брался за инструмент и работал с яростью: один-два-три-четыре-пять-шесть-семь - наносил он удары молотом; один-два-три-четыре - это отдых, передышка время от времени он отступал на несколько шагов, чтобы взглянуть, что у него получилось. Мысль его всегда опережала его физические возможности. Если бы он только мог работать над блоком с четырех сторон сразу!

Высекая круглое колено, лохматую ногу и копыто Сатира или шкуру тигра, он стремился за одну серию ударов выхватить, высвободить из камня как можно больше. Каждый день должен был приносить свои плоды, каждый натиск резца и молота, прежде чем Микеланджело отложит их вечером в сторону, должен был вызвать к жизни новые формы. Просыпаясь по утрам, Микеланджело был заряжен нервной энергией, будто сжатая пружина, и работал, не замечая, как летят часы. Он не мог оторваться от резца, если даже один палец статуи был отточен у него в меньшей степени, чем другой, ибо он продвигал работу всю сразу, как единое целое. Любой день труда лишь усиливал это впечатление цельности. Она проглядывала в каждом узле изваяния, на всех ступенях работы и была как бы знаком его творческого могущества.

Перед тем как уйти вечером из сарая, он еще раз оценивал сделанное и размечал те места, которые следовало обработать завтра. У себя в комнате он писал письма домой, горделиво ставя в конце:

"Микеланджело, скульптор в Риме".

У него не было теперь времени ни на встречи с приятелями, ни на отдых и развлечения, и Бальдуччи с упреком говорил, что, застряв с головой в мраморе, он совсем покинул мир. Микеланджело признавался другу, что в его словах есть большая доля правды: скульптор переносит в мрамор видение мира более яркого, чем тот, который его окружает. Но художник не укрывается, не бежит от мира, он преследует его. Напрягая все свои силы, он старается ухватить видение. И отдыхал ли господь бог на седьмой день своей созидательной работы? В прохладе того долгого вечера, когда он дал себе спокойно сосредоточиться, не спрашивал ли он себя: "А кто будет говорить на земле от моего имени? Надо сотворить там еще какое-то существо, совершенно особое. Я назову его "художник". Пусть его заботой будет вдохнуть смысл и красоту во всю поднебесную".

Бальдуччи все же не отступал и каждое воскресенье вечером являлся к Микеланджело, надеясь соблазнить его и вытащить из затвора. Он подыскал ему девушку, которая была так похожа на Клариссу, что Микеланджело заколебался. Но мрамор поглощал все его силы, и выбора, в сущности, не оставалось.

- Я пойду с тобой, как только закончу "Вакха", - обещал он Бальдуччи.

Тот с отчаянием покачал головой:

- Так долго отказываться от лучших благ жизни! Это значит - бросать свою молодость псу под хвост.

Радуюсь в душе тому, как он твердо противился уговорам приятеля, Микеланджело вскинул голову и захохотал, вслед за ним расхохотался и Бальдуччи.

Микеланджело испытывал минуты особого волнения, когда, удаляя каменную препоны между выступами фигуры, видел на гранях среза яркое свечение мрамора. Он чувствовал, как воздух врывается в открывшееся пространство и мгновенно окутывает формы, как эти формы начинают словно бы двигаться и дышать, едва от них оторвешь резец.

Самым тонким делом оказалось выбрать камень между предплечьем правой руки, держащей чудесную чашу с вином, и чуть склоненной набок головой. Он работал с величайшей осторожностью, пока не вышел на покатуемую линию плеча. И все не мог решиться выбить толстую преграду, крепившую руку с поднятой чашей и отставленное правое бедро.

Бальдуччи поддразнивал его, не зная жалости.

- Ты допускаешь явный промах. Тебе надо высечь какой-то столб, чтобы он подпирал у бедного парня его мужские сокровища. А вдруг они отвалятся? Тогда дело будет куда хуже, чем если упадет эта чаша, о которой ты так печешься.

Микеланджело схватил горсть мраморной пыли и швырнул ее в Бальдуччи.

- Если рассудить, все твои мысли, все до единой, упираются в эти самые сокровища.

- А у кого они не упираются?

В конце концов Микеланджело не устоял перед зазываниями Бальдуччи и пошел с ним полюбоваться на праздничные развлечения римлян: то был карнавал накануне великого поста. Приятели поднялись на гору Тестаччио. Здесь они увидели четырех увитых лентами, расчесанных специальными циркульниками поросят; животные были запряжены в четыре разукрашенных флагами тележки. Когда трубачи протрубили сигнал, тележки покатались вниз в направлении Авентинского холма; вооруженная ножами толпа бешено ринулась вслед за тележками; все кричали: "Хватай свиней!" - "Al porco! Al porco!" Скотившись с горы, тележки разбивались вдребезги; люди с ножами бросались к поросьятам и, тесня и толкая друг друга, старались вырезать себе кусок мяса получше.

Когда Микеланджело вернулся домой, он увидел, что его ждет француз, кардинал Сен Дени. Нарушив свои обычные правила, Галли спросил, нельзя ли провести кардинала в мастерскую и показать ему "Вакха". Микеланджело был вынужден согласиться.

Засветив в сарае лампу, Микеланджело объяснил, что он обрабатывает статую со всех сторон сразу, стараясь достичь того, чтобы все ее формы

выявились одновременно. Он рассказал, как, вырубая камень между ног и между левой рукой и торсом Вакха, он обтачивал блок спереди и сзади, все утончая и утончая преграду. И тут же, на глазах кардинала, чтобы показать, как просто проломить каменную перепонку, он слегка постучал по ней шпунтом, а затем, взяв закругленную скарапель, начисто ее срезал и тем высвободил форму полностью.

- Как вы добиваетесь такого впечатления, что у вас будто живет и дышит даже полуобработанная фигура? Под этой мраморной поверхностью я прямо-таки ощущаю кровь и мышцы. Приятно сознавать, что растут новые мастера, работающие по мрамору.

Через несколько дней слуга принес в сарай записку от Галли: "Не поужинаете ли вы сегодня вместе с Гроле и со мною?"

Микеланджело спокойно работал до вечера, потом пошел в баню и помылся, выпарив мраморную пыль из всех своих пор, надел свежую рубашку и рейтузы и причесался, спустив волосы на лоб. Синьора Галли подала легкий ужин, ибо, исполняя обет, принятый им еще с юности, кардинал не ел мяса; к предложенным блюдам он едва прикасался. Когда он заговорил с Микеланджело, его выцветшие глаза, отражая пламя свечи, блеснули.

- Я знаю, сын мой, что жить мне недолго. Я должен оставить после себя что-то такое, что было бы достойно красоты Рима, явилось бы приношением этому городу от Франции, от Карла Восьмого и моей скромной персоны. Я получил согласие папы поставить изваяние в храме святого Петра, в капелле Королей Франции. Там есть ниша, которая вместит статую в натуральную величину.

Микеланджело даже не пригубил чудесного треббиано, стоявшего на столе, но чувствовал себя так, будто выиграл больше, чем граф Гинаццо в жаркий послеобеденный час. Изваяние для самого древнего, самого почитаемого храма в христианском мире - для надгробья Святого Петра! Мыслимо ли, чтобы этот французский кардинал выбрал его, Микеланджело? И за какие заслуги? За маленького "Купидона"? Или за "Вакха", что стоит, еще не оконченный, в сарае?

Пока он в смятении думал об этом, разговор за столом перешел на другие темы. Кардинал стал рассказывать Якопо Галли о сочинениях двух еретиков-священников, осужденных на Никейском соборе. Вскоре за кардиналом подъехала карета. Он распрощался, пожелав Микеланджело доброй ночи.

В воскресенье, в час обедни, Микеланджело направился в храм Святого Петра - посмотреть часовню Королей Франции и нишу, о которой говорил кардинал Сен Дени. Он поднялся по тридцати пяти мраморным и порфировым ступеням, ведущим к базилике, пересек атриум, миновал центральный фонтан, обнесенный колоннадой из порфира, и остановился у подножия каролингской колокольни: плачевная ветхость храма, резко накренившегося в левую сторону, повергла его в ужас. Войдя внутрь, он убедился, что часовня Королей Франции очень скромна по размерам и достаточно сумрачна - свет падал сюда из небольших окон под кровлей; единственным украшением капеллы было несколько саркофагов, перенесенных с языческих и раннехристианских могил, да деревянное распятие в боковой нише. Он отглядел, разочарованно измеряя взглядом, пустую нишу на противоположной стене: ниша оказалась настолько глубокой, что статуя в ней была бы видна только спереди.

Галли вернулся к прежнему разговору лишь через неделю.

- Микеланджело, этот заказ кардинала Сен Дени может стать самым крупным заказом начиная с того дня, как Поллайоло взялся изваять надгробие Сикста Четвертого.

У Микеланджело заколотилось сердце.

- А много ли у меня шансов получить этот заказ?

Загибая свои длинные тонкие пальцы, Галли стал считать, словно эти шансы поддавались какому-то подсчету.

- Во-первых, я должен убедить кардинала в том, что вы - лучший скульптор в Риме. Во-вторых, вы должны придумать тему, которая воодушевит его. И, в-третьих, нам надо добиться подписания формального договора.

- Он одобрит лишь духовную тему?

- Не потому, что он церковник, а потому, что он человек глубоко духовный. Он живет в Риме вот уже три года, находясь в таком блаженном состоянии души, что буквально не видит, как разложился и прогнил Рим.

- Что это - наивность? Или слепота?

- Могу ли я ответить вам, что это вера? Когда у человека такое чистое сердце, как у кардинала Сен Дени, он идет по земле, чувствуя на своем плече господню руку, Не замечая земного зла, он видит лишь Вечную Церковь.

- Не знаю, хватит ли у меня сил изваять статую, в которой бы чувствовалась рука господня.

Галли покачал своей львиной головой:

- Об этом придется думать уже вам самому.

Работать целыми днями над образом, олицетворяющим духовный упадок, и одновременно замышлять статую на возвышенную тему казалось невозможным. Но скоро Микеланджело уже знал, что предметом его будущей работы будет "Пиета" - Оплакивание, Печаль. Ему хотелось изваять Оплакивание с тех самых пор, как он высек свою "Богоматерь с Младенцем": ведь если "Богоматерь с Младенцем" была началом, то "Оплакивание" - это конец, предначертанное завершение всего того, на что решилась Мария в роковой час, когда воззвал к ней господь. Теперь, через тридцать три года, после долгого своего странствования, ее сын был снова на ее коленях.

Заинтересованный этим замыслом Микеланджело, Галли повел его во дворец кардинала Сен Дени: здесь им пришлось ждать, пока кардинал исполнит свои моления и обряды, занимавшие у каждого бенедиктинца пять часов в сутки. Но вот он явился, и все трое уселись в открытой лоджии, выходящей на Виа Ректа, - позади них, на стене, была картина "Благовещение", писанная масляными красками. После долгих молитв кардинал был мертвенно-бледен. Опытным взглядом скульптора Микеланджело видел, что под складками одежды кардинала почти не чувствуются очертания тела. Но когда речь зашла об "Оплакивании", глаза кардинала засветились.

- А как насчет мрамора, Микеланджело? Можно ли найти здесь, в Риме, такой прекрасный камень, какой вам требуется?

- Полагаю, что не найти, ваше преосвящество. Колонна найдется, но продолговатый, с хорошей глубиной, блок, ширина которого превосходила бы высоту, - такого блока я нигде здесь не видел.

- Значит, будем искать его в Карраре. Я напишу братьям монахам в Лукку, попрошу их помочь. Если они не найдут того, что нужно, вам придется поехать в каменоломни самому и выбрать подходящую глыбу.

Микеланджело подпрыгнул в кресле.

- Знаете ли вы, отец, что чем выше в горах берется мрамор, тем он чище? Там нет такого давления тяжестей, и мрамор образуется без всяких полостей и изъянов. Если бы нам удалось добыть глыбу на вершине горы Сагро - это был бы замечательный мрамор!

По дороге домой Галли сказал:

- Вам надо ехать в Каррару немедленно. Я оплачу все расходы.

- Нет, я не могу.

- Почему же?

- Я должен закончить "Вакха".

- "Вакх" может подождать. А кардинал не может. Скоро наступит день, когда господь опустит руку на его плечо чуть тяжелее, и Гроле вознесется на небо. А с неба он уже не закажет вам изваять "Оплакивание".

- Это верно. Но я не могу прерывать работу, - упрямо твердил Микеланджело.

- Я освобождаю вас от своего заказа. Когда вы закончите "Оплакивание", вы вновь возьметесь за "Вакха".

- Это для меня невыносимо. Статуя уже созрела в моем воображении. Чтобы она вышла совершенной, я должен закончить ее без задержки.

- Всякий раз, когда мечтательные порывы вторгаются в практические дела, я изумляюсь, - вздохнул Галли. - Докучать кардиналу рассказом о вашем упрямом фанатизме я уже не буду.

- Пока не кончен "Вакх", работать над "Оплакиванием" невозможно. И поступиться своим фанатизмом я не в силах.

Низкую подставку между плоскостью основания и пяткой Вакха он уничтожил, а правую стопу, которая как бы висела, поставил на пальцы. Затем, взявшись за дрель, он стал сверлить камень, оставшийся между локтем правой руки и чашей, сделав несколько отверстий ближе к плечу и осторожно расширяя их. В конце концов он добился того, что кисть руки, полностью выточенная, уже вздымала в воздухе чашу. Сатир в нижнем левом углу и чаша в верхнем правом теперь дополняли друг друга. Вся фигура при круговом обзоре казалась скомпонованной великолепно. С горделиво-удовлетворенным чувством он обходил и оглядывал ее, прослеживая линию от крайнего выступа правого колена до противоположного плеча; он убеждался, что сумел слить воедино все части изваяния, начиная от стенок чаши и кончая копытцами Сатира.

Особую выразительность фигуре придавало распределение весовых масс. Голова Вакха наклонена, сильный торс чуть откинут, затем масса мрамора словно бы стекала к животу и тянула все тело вниз, к тазу. Тяжелые ягодицы служили как бы противовесом сзади, прекрасно изваянные бедра держали фигуру в устойчивости, хотя и не столь уж прочной, ибо опьяненный Вакх покачивался; левая его ступня была уверенно впечатана в землю, а правая, опирающаяся на пальцы, еще раз напоминала о том, что Вакх испытывает головокружение.

- Вы как инженер, - отозвался Галли, с восхищением осмотрев Вакха и разобравшись в замысле Микеланджело.

- Я говорил Бертольдо, что скульптор и должен быть инженером.

- Во времена императоров вы проектировали бы коллизеи, термы и бассейны. Вместо всего этого теперь вы творите душу.

Желтоватые глаза Микеланджело вспыхнули.

- Нет души, нет и скульптуры.

- Многие из моих античных статуй были найдены разбитыми на куски. Но когда мы собрали и восстановили их, дух изваяний открылся снова.

- Вот почему скульптор навсегда остается жить в мраморе.

В воскресенье Микеланджело пошел обедать к Ручеллаи, желая послушать новости о Флоренции. Почти во всех событиях было замешано имя Савонаролы. Римская община флорентинцев восхищалась тем, что Савонарола обличал папу, что он заявил Борджиа, будто несправедливое отлучение от церкви не имеет силы; община торжествовала и радовалась, зная, что Савонарола вопреки запрещению отслужил три мессы в соборе Сан Марко на Рождество. Савонарола будто бы писал королям, государственным мужам и князьям церкви всей Европы, требуя созыва собора, который должен изгнать Борджиа и провести самые решительные реформы, уничтожив симонию в церкви и существовавшую торговлю не только местами кардиналов, но и престолом самого папы. 11 февраля 1498 года он снова выступил в Соборе с проповедью и напал на папу, а две недели спустя сошел с кафедры с гостией в руках и заявил тысячам флорентинцев, толпившихся на площади, что, если он заслуживает отлучения, пусть его немедленно поразит господь. Убедившись, что господь его не поражает, Савонарола ознаменовал свое торжество новым костром, в котором пылали предметы роскоши и искусства; его Юношеская армия вновь рыскала по городу, грабя дома.

Письма Савонаролы, призывающие к реформе, тайно распространялись флорентинцами в Риме, он стал их кумиром. Когда Микеланджело рассказывал о виденном им костре, в котором погибли сотни бесценных манускриптов, книг, картин и скульптур, римских флорентинцев это мало трогало.

- Если кругом голод, за пищу платят любую цену, - возражал ему Кавальканти. - Мы должны уничтожить Борджиа, во что бы это нам ни обошлось.

Микеланджело находил новые доводы:

- А как вы посмотрите на эту цену через несколько лет, когда ни папы, ни Боттичелли уже не будет в живых? Придет другой папа, но другого Боттичелли нам уже никогда не видеть. Работы, которые он бросил в огонь, исчезли навеки. На мой взгляд, вы оправдываете беззакония во Флоренции, чтобы избавиться от них здесь, в Риме.

Микеланджело не мог убедить римских флорентинцев своими рассуждениями, но папа тронул у них самое уязвимое место: он пригрозил конфисковать все

имущества общины и выдворить ее из города без всяких средств, если Синьория Флоренции не доставит Савонаролу на суд в Рим. Насколько понимал Микеланджело, община пошла на полную капитуляцию: Савонарола должен умолкнуть; он должен признать себя отлученным и молить папу о прощении. Римские флорентинцы обратились к Синьории, прося ее действовать от их имени и привезти Савонаролу под стражей в Рим. Ведь папа только требует, объяснили они, чтобы Савонарола явился в Рим и получил отпущение грехов. А потом он будет волен возвратиться во Флоренцию и спасать души.

В конце мая по Риму распространился слух, заставивший Микеланджело поспешить в Поите: первый помощник Савонаролы, фра Доменико, решил обречь себя на испытание огнем. Флорентийская община собралась у своего патриарха, Кавальканти. Войдя в его дом, Микеланджело был оглушен: гости шумели и кричали не только в гостиной, но и на лестнице.

- Это испытание огнем - что оно означает? - спрашивал Микеланджело. - Перед масленой Савонарола накликнул на себя смерть и говорил, что если его проповедь не внушена самим богом, то пусть бог поразит его. Может, у фра Доменико та же игра?

- Почти. Разница только в том, что огонь сжигает.

Виновниками всего происшедшего были то ли враги доминиканцев - францисканцы, возглавляемые Франческо ди Пулья, то ли сам фра Доменико. Произнося горячую речь в защиту своего патрона, фра Доменико заявил: он так уверен в божественном внушении всего того, чему учит Савонарола, что готов в доказательство своей веры войти в огонь и вызывает на то же самое любого францисканца. На следующий день фра Франческо ди Пулья принял вызов, но настаивал, чтобы на костер шел не фра Доменико, а сам Савонарола: если Савонарола выйдет из огня живым, то Флоренция признает его за истинного пророка. Собравшись на ужин во дворце Питти, группа молодых арраббиасти заверила фра Франческо и его орден, что на подобное испытание Савонарола никогда не решится. Его отказ, говорили они, покажет Флоренции, что подлинной веры в то, будто господь бог спасет его, у Савонаролы нет.

И вот в этот момент флорентинцы выступили против Савонаролы по соображениям чисто политическим. Семь лет терпели они постоянные распри и раздоры, живя под угрозой папского проклятия и отлучения города от церкви, что сразу привело бы к прекращению торговли и самой ужасной смуте. Город нуждался в трехпроцентном налоге на церковное имущество, и папа был согласен разрешить этот налог при условии, если Савонарола смирится и смолкнет. Флорентийские избиратели лишили доверия Синьорию, поддерживавшую Савонаролу, и выбрали новый Совет, враждебный ему. Во Флоренции, как во времена гвельфов и гибеллинов, назревала гражданская война.

Седьмого апреля на площади Синьории был возведен помост, бревна его вымазали смолой. Собралась огромная толпа зрителей. Францисканцы не желали выйти на площадь, требуя, чтобы фра Доменико входил в огонь без гостии. Часы ожидания шли и шли, пока не разразилась буря и не пошел дождь, заливший помост и разогнавший толпу; ни торжество костра, ни сожжение теперь было уже невозможно.

На следующую ночь арраббиасти напали на монастырь Сан Марко и перебили немало последователей Савонаролы. Синьория начала действовать и арестовала Савонаролу, фра Доменико и фра Сильвестро, второго помощника Савонаролы, заключив их в колокольную башню своего дворца. Папа направил во Флоренцию своего агента, требуя, чтобы Савонаролу доставили в Рим. Синьория отказалась выполнить это требование, но назначила комиссию Семнадцати, которая должна была допросить Савонаролу и добиться у него признания в том, что его проповеди не были внушены богом.

Савонарола твердо стоял на своем. Комиссия пытала его, сначала истязая на дыбе, а потом вздергивая на веревках и внезапно швыряя на пол. Савонарола впал в беспамятство, начал бредить, а затем согласился написать признание. Прекратив пытки, его отвели в темницу. То, что он написал, Синьорию не удовлетворило. Его стали пытать снова. Истощенный постами и ночными молитвами, Савонарола не выдержал мучений и подписал признание, составленное нотариусом, хотя сделал это не сразу, а уже после третьих пыток.

Комиссия признала Савонаролу виновным в ереси. Специальный совет присяжных, созданный Синьорией, приговорил его к смерти. В тот же день

папа разрешил Флоренции взимать трехпроцентный налог со всего церковного имущества Тосканы.

На площади Синьории, близ ступеней дворца, возвели три помоста. Публика стала заполнять площадь еще с ночи, окружая тесным кольцом виселицу. К рассвету на площади и на прилегающих к ней улицах уже стояла сплошная толпа.

Савонаролу, фра Доменико и фра Сильвестро вывели на ступени дворца: одежда на них была изодрана, тонзуры расцарапаны. Они взошли на эшафот и молча помолились. Затем взобрались по лесенке под самую виселицу. Им надели на шею веревочные петли и железные цепи. Через минуту они уже раскачивались в воздухе со сломанными шейными позвонками.

Костер под виселицей подожгли. Пламя взвилось вверх. Три трупа все еще висели, держась на цепях, так как веревки уже сторели. Арраббиати кидали в полуобгоревших мертвецов камнями. Затем собрали пепел и повезли его на телегах к Старому мосту, где сбросили в Арно.

Мученическая смерть Савонаролы потрясла Микеланджело. Он хорошо помнил, как Пико делла Мирандола, сидя рядом с ним, тогда еще совсем мальчиком, советовал Лоренцо пригласить монаха во Флоренцию. Савонарола способствовал смерти Лоренцо, Пико, Полициано, а теперь вот умер сам. Микеланджело лишь смутно сознавал, какие чувства шевелились в его душе: все заглушала жалость.

Он погрузился в работу. В мире бушует хаос, но мрамор – надежная вещь. У мрамора есть своя воля, свой разум, у пего есть постоянство. Когда в твоих руках мрамор, мир хорош.

Ему хотелось поскорей закончить "Вакха". До сих пор он только намечал плоскость лба, нос, рот, полагая, что высеченная фигура подскажет и выражение лица. Теперь он отработал все детали, придав лицу Вакха, уставившегося на чашу с вином, изумленное выражение: глаза чуть выпучены, рот алчно открыт. Чтобы изваять виноград, пришлось пустить в ход дрель, – каждая ягода получилась круглой, как бы наполненной соком. Обозначая курчавую шерсть на козьих ногах Сатира, он срезал жесткую поверхность камня закругленной скарипелю, придававшей завиткам определенный ритм, – пучки шерсти ложились рядами, один за другим.

Предстояло затратить еще два месяца на отделку и полировку изваяния, чтобы оно засветилось тем телесным блеском, которого хотел добиться Микеланджело. Эта работа, требовавшая необычайной осторожности и точности, была все же технической и поглощала у Микеланджело лишь часть сил: в нем действовал сейчас только ремесленник. Теперь, теплыми весенними днями, он мог вволю размыслить, в чем же заключается внутренний смысл Оплакивания. По вечерам, пользуясь прохладой, он пытался изобразить на бумаге Мать и Сына в те последние минуты, когда они были вместе.

Он спросил Якопо Галли, можно ли сейчас же, не откладывая дела, подписать договор с кардиналом Сеч Дени. Галли ответил, что кардинальский монастырь в Лукке уже давно заказал мраморную глыбу тех размеров, какие желал Микеланджело. Глыба была уже выломана, но каррарская каменоломня отказалась доставить ее в Рим, так как за нее не было уплачено. А монастырь в Лукке в свою очередь, не хотел платить за глыбу, пока ее не одобрил кардинал. Каменотесам надоело держать у себя глыбу без пользы, и они сбывли ее какому-то перекупщику.

В тот же вечер Микеланджело набросал условия договора, который он считал справедливым как в отношении себя, так и в отношении кардинала Сен Дени. Галли монотонным голосом прочитал эти пункты вслух и сказал, что унесет документ к себе в банк и спрячет его в надежном месте.

К осени "Вакх" был закончен, Галли в своем восхищении не знал границ.

– Мне кажется, что Вакх совсем живой и может в любую минуту уронить чашу. А Сатир у вас и шаловлив, и невинен. Вы создали для меня самую прекрасную статую во всей Италии. Надо поставить ее в саду и устроить праздник.

Слепцы-августинцы, Аврелий и Рафаэль, своими чувствительными пальцами ощупали Вакха с ног до головы, заявив, что они "еще не видели" мужской статуи, о которой была бы так выражена внутренняя сила жизни. Профессор Помпоний Лет, подвергшийся пыткам инквизиции за язычество, был тронут до

слез и заверял, что композиция статуи, так же как и отделка ее атласистой поверхности, носит чисто греческий характер. Серафино, придворный поэт Лукреции Борджиа, с первого взгляда проникся к "Вакху" ненавистью, назвав его "безобразным, бессмысленным, лишенным всякого намека на красоту". Санназаро, соединявший в своих стихах образы христианства и язычества, объявил "Вакха" "олицетворением синтеза". У статуи, говорил он, стиль исполнения - греческий, чувство, вложенное в нее, - христианское, и в общем она "взяла все лучшее из обоих миров"; такая оценка напомнила Микеланджело рассуждения четверки платонистов о его "Богоматери с Младенцем". Петер Санинус, профессор красноречия в университете, собиратель раннехристианских текстов, и его друг Джованни Капоччи, занимавшийся раскопками в катакомбах, трижды приходили смотреть статую, и хорошенько обсудив ее, заявили, что, хотя они и не принадлежат к поклонникам изваяний на античные темы, "Вакх", по их мнению, - нечто новое в искусстве скульптуры.

С наибольшим вниманием отнесся Микеланджело к оценке Джулиано да Сангалло. Весело улыбаясь, Сангалло разобрал весь сложный замысел статуи.

- Ты построил этого "Вакха" так, как мы строим храм или дворец. Такой эксперимент в конструкции очень опасен, очень смел. У тебя все могло рухнуть. Но этот малый будет стоять до тех пор, пока не рухнет небо.

На следующий день Галли принес из банка договор Микеланджело с кардиналом Сен Дени: его составил сам Галли, а кардинал под ним уже только расписался. В договоре впервые Микеланджело был назван маэстро; но тут же применялось слово статуарио, изготовитель статуй, что, конечно, звучало далеко не так уважительно. За сумму в четыреста пятьдесят дукатов в папском золоте он обязывался изваять из мрамора Оплакивание; сто пятьдесят дукатов выплачивались ему в начале работы, и сто дукатов вручались по прошествии каждого четырех месяцев. К концу года статую надо было закончить. Прочитав перечень гарантий, которые давались кардиналом Микеланджело, Галли приписал снизу:

"Я, Якопо Галли, заверяю, что работа будет самой прекрасной из всех, работ по мрамору, какие только есть сегодня в Риме; она будет такого качества, что ни один мастер нашего времени не сумеет создать лучше".

Микеланджело с любовью посмотрел на Галли.

- Мне сдается, что этот договор вы составляли не в банке, а, скорее, дома.

- Это почему же?

- Да потому что вы ставите себя под явный удар. Представьте себе, я закончу работу, а кардинал скажет: "Я видел в Риме мраморные изваяния гораздо лучше". Что вы тогда будете делать?

- Верну его преосвященству папские дукаты.

- И останетесь со статуей на своей шее!

- Такую тяжесть я в силах вынести, - лукаво подморгнув, ответил Галли.

Микеланджело бродил по каменным складам Трастевере и по пристаням, разыскивая подходящую глыбу, но блок в три аршина ширины и в аршин с четвертью толщины найти было трудно: из опасения, что такие глыбы никто не купит, в горах их не добывали. Через два дня поисков Микеланджело убедился: нужного ему по размерам камня - или даже близкого к нему - в городе нет. Однажды, уже собравшись ехать на свои собственные деньги в Каррару, он увидел, что по переулку к его сараю, задыхаясь, бежит Гуффатти.

- Только что струзили с баржи... - говорил Гуффатти. - Того самого размера, какой ты ищешь. Вырублен по заказу каких-то монахов из Лукки. Каменотесам не уплатили, и они продали глыбу.

Микеланджело со всех ног кинулся на пристань в Рипетту. Вот она, глыба, белоснежная, чистая, мастерски вырубленная высоко в горах Каррары, стоит, сияя в горячих лучах солнца. Как чудесно отзывается она на стук молотка, как хорошо выдерживает испытание водой, мягкие ее кристаллы плотно легли друг к другу, зерно превосходно. Ночью, перед рассветом, он снова сидел подле камня, следя, как его заливают лучи восходящего солнца; вот уже глыба стала прозрачной, светясь, будто розовый алебастр, и ни одной трещины, ни одной ямки или полости, ни одного желвака невозможно было

отыскать в ее тяжелом, широком теле.

Глыба для "Оплакивания" обрела свой дом.

9

Он начисто убрал все, что оставалось от работы над "Вакхом", и принялся за "Оплакивание". Но "Вакх" по-прежнему вызывал различные толки. Много людей приходило смотреть на него. Галли приводил посетителей в мастерскую или посылал туда слугу спросить, не выйдет ли Микеланджело в сад. Микеланджело должен был объясняться и защищать свою точку зрения, в особенности перед поклонниками Бреньо, утверждавшими, что Микеланджело в своей статуе "извратил легенду о Дионисе". Беседуя же с теми посетителями, которые выражали перед его "Вакхом" восторг, он невольно рассказывал им о своем замысле статуи и технических сторонах ее исполнения. Галли приглашал его теперь на ужин каждый вечер, звал побеседовать и в воскресенье, так что Микеланджело мог приобрести множество друзей и ждать новых заказов на будущее.

Ручеллаи, Кавальканти, Альтовити ныне гордились им. Они давали в его честь званые вечера, после которых наутро он чувствовал себя усталым и разбитым. Ему хотелось теперь забыть, избавиться от "Вакха", выбросить из головы мысль об этом языческом изваянии и настроиться на возвышенный, духовный лад, как этого требовал сюжет Оплакивания. Когда прошел месяц, насыщенный зваными вечерами и праздностваниями, ему стало ясно, что ни обдумать, ни изваять Оплакивание в такой обстановке невозможно и что теперь, когда он утвердил себя как профессиональный скульптор, настало время завести собственное жилище и мастерскую, где бы он спокойно работал в полном уединении, работал днем и, если хотел, ночью, устранившись от всякой суеты. Он уже возмужал для этого. Он уже чувствовал твердую почву под ногами и иного пути для себя впереди не видел.

Чуткий Якопо Галли однажды спросил его:

- Вас что-то беспокоит, Микеланджело?

- Да, беспокоит.

- Что-нибудь серьезное?

- Моя неблагодарность.

- Вы мне не обязаны ничем.

- Все, кому я был обязан больше других, все мне говорили то же самое - Лоренцо де Медичи, Бертольдо, Альдовранди и теперь вот вы.

- Скажите мне, что вы намереваетесь делать?

- Уехать от вас! - выпалил он. - Жизнь с семейством Галли слишком спокойна и приятна... - Он замолк на секунду. - Я чувствую, что мне надо работать под своей собственной крышей. Быть мужчиной, а не юнцом, не вечным гостем и нахлебником. Вам не кажется, что я поступаю опрометчиво?

Галли задумчиво посмотрел на него.

- Я хочу только, чтобы вы были счастливы и чтобы вы создавали изваяния, самые прекрасные в Италии.

- Для меня это одно и то же.

Он начал ходить по городу и искать дома со свободным нижним этажом - побывал по совету Альтовити в флорентинском квартале, осмотрел один дом близ Квиринальской площади с прекрасным видом на Рим. Все эти жилища казались ему чересчур роскошными и дорогими. На третий день, бродя по Виа Систина и оказавшись напротив гостиницы "Медведь", у края Марсова поля и чуть ниже набережной Тибра, он нашел просторную угловую комнату с двумя окнами: одно выходило на север, пропуская ровный, постоянный свет, а другое на восток, откуда врывались резкие лучи утреннего солнца, - такой свет Микеланджело иногда тоже был нужен. Позади этой комнаты была другая, поменьше, с исправным очагом. Микеланджело уплатил за два месяца вперед несколько скуди, снял навощенные холсты с оконных рам и хорошенько осмотрел помещение: деревянный пол обветшал и кое-где подгнил, цемент

между камнями стен крошился, штукатурка на потолке осыпалась целыми кусками, обнажая унылые разноцветные разводы в тех местах, где протекали струи дождя. Микеланджело сунул в карман полученный ключ и побегал к Галли.

Там его ожидал Буонаррото. Вид у брата был прямо-таки ликующий. Буонаррото добрался до Рима с караваном, нанявшись погонщиком мулов, и путешествие не стоило ему ни гроша. Возвращаться домой он хотел таким же способом. Микеланджело с радостью смотрел на загорелое, крепко вылепленное лицо Буонаррото, на его волосы, тоже опущенные, в подражание старшему брату, на брови. Прошел уже целый год, как они не виделись.

- Ты приехал в такое время, что лучше и не придумать, - говорил Микеланджело. - Мне нужен помощник, чтобы перебраться в мой новый дом.

- Ты обзавелся квартирой? Ну, тогда я останусь с тобой!

- Сначала ты осмотри мои роскошные хоромы, а потом уже решай, что делать, - улыбнулся Микеланджело. - Пойдем со мной в Трастевере, мне надо раздобыть штукатурки, извести и щелока. Но сперва я покажу тебе своего "Вакха".

Буонаррото оглядывал статую очень долго. Потом он спросил:

- Правится она людям?

- Большинству нравится.

- Это хорошо.

И Буонаррото не прибавил больше ни слова. "Он не имеет ни малейшего понятия, что такое скульптура, - размышлял Микеланджело. - Он заинтересован только в том, чтобы люди одобряли мою работу и чтобы я был счастлив этим и мог получать еще больше заказов на статуи... которых ему никогда не понять. Как истый Буонарроти, в искусстве он совершенно слеп. Но он любит меня".

Закупив известь и прочий материал, братья пообедали в Тосканской траттории, затем Микеланджело повел брата на Виа Систина. Ступив в комнату, Буонаррото присвистнул:

- Микеланджело, неужели ты и вправду собираешься жить в этой... в этой дыре? Тут все рушится и рассыпается в труху.

- А мы с тобой затем и пришли, чтобы не рассыпалось, - непреклонно ответил Микеланджело. - Для работы комната вполне годится.

- Отец будет весьма огорчен.

- А ты не говори ему, - рассмеялся Микеланджело. И, поставив посреди комнаты высокую лестницу, приказал: - Давай-ка соскребать с потолка эту пакость!

Содрав старую штукатурку и промазав потолок свежей, братья перешли к стенам, затем стали чинить пол, заменяя прогнившие половицы новыми. Следующей задачей было навести порядок во внутреннем дворике. Единственная дверь в этот дворик выходила из комнаты Микеланджело, но другие жильцы пользовались вместо дверей окнами, в результате чего дворик был завален чудовищными кучами мусора и отбросов. Вонь там стояла такая же непробиваемая, как окружающие стены. Два дня братья лопатами укладывали весь этот хлам в мешки и, пронеся их через свою комнату, опорожняли на пустыре около Тибра.

Питавший отвращение ко всякой физической работе, Бальдуччи объявился лишь после того, как Микеланджело и Буонаррото закончили ремонт. Он знал в Трастевере одного торговца подержанными вещами и очень недорого купил у него кровать, матрац из пеньки, кухонный стол, два плетеных стула, комод, несколько горшков, тарелок и ножей. Когда на ослике, запряженном в тележку, весь этот скарб был перевезен, братья поставили кровать возле восточного окна, с тем чтобы Микеланджело просыпался при первых лучах солнца. Комод нашел себе место у задней стены, ближе к кухне. Напротив окна, выходящего на север, Микеланджело поставил стол, сколоченный из четырех досок, на козлах, - на нем он будет рисовать и лепить восковые и глиняные модели. Середина комнаты оставалась свободной для работы над мрамором. Заднюю каморку отвели под кухню - там поместились кухонный стол, стулья, горшки и тарелки.

Тщательно разведав, какие будут у Микеланджело соседи, Бальдуччи говорил ему:

- Тут за стеной живет одна аппетитная куропаточка - блондинка, всего лет пятнадцати, очень стройная. Француженка, на мой взгляд. Могу уговорить

ее - пойдет к тебе в служанки. Представь себе, как приятно: поработаешь до обеда, а она тут как тут на кухне, ждет тебя с горшком горячего супа. - Бальдуччи, приплясывая, прошелся по комнате. - А ночью, глядишь, она у тебя и в постели. Это тоже входит в ее обязанности. Ведь в этой пещере тебе надо как-то согреться: немного естественного тепла не помешает.

Микеланджело и Буонаррото хохотали, Бальдуччи же так загорелся, что готов был бежать за девушкой тотчас, не откладывая дела ни на минуту.

- Нет, Бальдуччи, - урезонивал его Микеланджело, - я не хочу ничего такого, что осложнило бы мне жизнь, да и денег у меня на служанку не хватит. Если мне кто и нужен, так это, по старому обычаю художников, юный подмастерье: я бы его учил, а он бы на меня работал.

- Я поищу тебе во Флоренции расторопного мальчишку, - отозвался Буонаррото.

Буонаррото помог Микеланджело устроиться на новом месте, покупал и готовил пищу, убирал в комнатах. Но весь этот порядок рухнул, как только он уехал. Погруженный в работу, Микеланджело не удосуживался ни сварить себе обед, ни закусить в таверне или у лотка уличного торговца. Он исхудал и выглядел таким же неряшливым, какой стала его квартира. Забыв обо всем на свете, он не отрывался от рабочего стола и думал лишь об огромном беломраморном блоке, установленном на распорах посреди комнаты. Он даже не заботился о том, чтобы прибрать постель или вымыть посуду, оставшуюся на кухонном столе. В комнатах оседала залетевшая с улицы пыль, сеялась сажа от очага в кухне, где Микеланджело время от времени кипятил себе питьевую воду. К концу месяца он понял, что так жить не годится, и уже начал поглядывать на маленькую француженку, о которой говорил Бальдуччи; к тому же девушка шмыгала у его двери гораздо чаще, чем, по его мнению, было необходимо.

Выход из положения нашелся благодаря вмешательству Буонаррото. Однажды под вечер Микеланджело услышал стук в дверь и, выглянув на улицу, увидел забрызганного дорожной грязью мальчугана лет тринадцати с простодушным лицом оливкового цвета. Мальчик подал письмо, и Микеланджело сразу узнал почерк брата. Буонаррото рекомендовал в своем письме Пьеро Арджиенто, приехавшего во Флоренцию в надежде найти скульптора, к которому он мог бы поступить в ученики. Кто-то направил мальчика в дом Буонарроти, и теперь он, пройдя весь долгий путь пешком, добрался до Рима.

Микеланджело провел Пьеро в комнату и пристально разглядывал его, пока тот говорил о своих родных, живших в деревне близ Феррары. Голос у мальчика был чистый и ясный, держался он спокойно.

- Умеешь ты читать и писать, Арджиенто?

- Монахи в Ферраре обучили меня письму. Теперь мне надо обучиться ремеслу.

- Ты считаешь скульптуру хорошим ремеслом?

- Я хочу поступить в ученики сроком на три года. По договору с цехом.

Такая строгая деловитость и прямота поразили Микеланджело. Он взглянул в запавшие карие глаза мальчугана, оглядел его худую шею, грязную рубашку, разорванные старые сандалии.

- Есть у тебя знакомые в Риме? Дом, куда ты мог бы пойти?

- Я шел к вам. - Это было сказано настойчивым, твердым тоном.

- Я живу очень просто, Арджиенто. Ты не можешь рассчитывать здесь на роскошь.

- Я деревенский. Мы едим любую еду, лишь бы ее было вдоволь.

- Ну, раз тебе нужна крыша, а мне нужен помощник, давай попробуем пожить вместе хотя бы несколько дней. Если у нас ничего не выйдет, расстанемся как друзья. На обратный путь во Флоренцию денег я тебе дам.

- Согласен. Спасибо.

- Возьми-ка вот эту монетку и сходи помойся в банях около церкви Санта Мария делль Анима. А когда будешь возвращаться, купи что-нибудь на рынке - надо сварить обед.

- Я сварю вам прекрасный деревенский суп. Научился у покойницы матери.

Феррарские монахи научили Арджиенто не только счету, но и безупречной честности. Уходя на рынок еще до рассвета, мальчик брал с собой для записей огрызок карандаша и бумагу. А возвратись с покупками, трогал сердце Микеланджело тем, что самым пунктуальным образом отчитывался в расходах: все у него старательно и точно было записано - столько-то

динаров он уплатил за овощи, столько за мясо, фрукты, хлеб и макароны. Весь этот небогатый запас Микеланджело складывал в печной горшок, надеясь, что еды хватит на неделю. Закупая продукты, Арджиенто яростно торговался. Ему потребовалась всего неделя, чтобы прекрасно освоиться в городе и знать, что и где продают. На рынок он выходил ни свет ни заря: это совпадало с интересами Микеланджело, который мог подумать и поработать с утра в одиночестве.

У них установился простой и твердый распорядок дня. В середине дня после обеда, состоявшего всего из одного блюда, Арджиенто прибирал в комнатах, а Микеланджело уходил на час прогуляться; он шел берегом Тибра вплоть до пристаней и слушал там песни сицилианцев, разгружавших лодки и баржи. Когда он возвращался домой, Арджиенто уже спал на своей низенькой кровати, стоявшей в кухне рядом с лоханью. Часа два Микеланджело спокойно работал, потом Арджиенто вставал, умывался, громко фыркая и плескаясь в тазу, и подсаживался к Микеланджело, чтобы исподволь привыкать к работе. Этими немногими послеобеденными часами и исчерпывалось время, которое Арджиенто тратил на учебу; большего он, кажется, и не хотел. Когда опускались сумерки, он снова был на кухне и кипятил воду. Вечерняя темнота заставляла его уже в постели: он засыпал, надежно укрыв голову одеялом. Микеланджело зажигал масляные светильники и вновь садился за работу. В душе он был благодарен Буонаррото за то, что тот прислал ему Арджиенто: совместная жизнь с ним как будто налаживалась, хотя мальчик не проявлял и тени таланта к рисованию. Позднее, когда надо будет работать над мрамором, он постарается научить юнца держать в руках резец и молоток.

В Евангелии от Иоанна Микеланджело читал:

"После этого Иосиф из Аримафеи, ученик Иисуса... просил Пилата, чтобы снять тело Иисуса... Он пошел и снял тело Иисуса. Пришел также и Никодим... и принес состав из смирны и алая, литр около ста. Итак они взяли тело Иисуса и обвинили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают иудеи".

И тут же указывалось, кто был при снятии с креста: Мария, сестра Марии, Мария Магдалина, Иоанн, Иосиф из Аримафеи, Никодим. Как ни старался Микеланджело, он не мог найти в Евангелии таких строк, где бы говорилось о минутах, когда Мария оставалась одна с Иисусом. Там постоянно толпились люди; все было точно так, как изобразил в своем болонском "Оплакивании" делла Арка: убитые горем, рыдающие зрители лишали Марию возможности оплакать своего сына уединенно.

По мысли же Микеланджело, в композиции никого, кроме Христа и Марии, не должно было быть.

С самого начала он хотел сотворить из камня только мать и сына - только их, наедине со вселенной. Но когда же могла Мария держать свое мертвое дитя на коленях? Может быть, сразу после того, как солдаты положили его наземь, а Иосиф из Аримафеи выпрашивал тело Христа у Понтия Пилата? Никодим в ту минуту, возможно, готовил настой смирны и алая, а все остальные с плачем пошли по домам. Пусть же займут место евангельских спутников Марии те, кто будет смотреть на уже изваянное Оплакивание. Они почувствуют, что происходит с Марией. И пусть в этом изваянии не будет никаких нимбов, никаких ангелов. Будет только два человеческих существа, избранные богом на страдание.

Он словно бы ощущал Марию рядом: так много он когда-то думал о начале ее рокового пути. Теперь она вся в нервном напряжении, в муках - ее сын простерт перед нею мертвый. Если он впоследствии и воскреснет, сейчас он мертв, воистину мертв, и следы томления на его лице говорят о том, что он испытал на кресте. И значит, в изваянии нельзя показать какие-либо чувства Иисуса по отношению к матери, можно лишь выразить чувства Марии к сыну. Тело Иисуса будет безжизненным, инертным, глаза его закрыты. Всю тяжесть горя примет на себя перед зрителем Мария. Это, казалось Микеланджело, будет верным решением темы.

Устав от таких дум, Микеланджело обращался к технической стороне дела. Если Христос будет изваян в натуральный рост, то как добиться того, чтобы, лежа на коленях Марии, он не нарушал простоты и естественных пропорций статуи? Ведь, по мысли Микеланджело, Мария - нежная, хрупкая женщина, а взрослый мужчина должен был лечь на ее руки с такой же убедительностью для зрителя, как если бы это было малое дитя.

Этого можно было достичь только одним путем - набрасывать рисунок за рисунком, схему за схемой и ждать, пока в какую-то минуту в голове не блеснет верная мысль.

Он начал небрежно водить углем по бумаге, стараясь дать волю воображению. Образы, жившие где-то внутри его сознания, стали постепенно обретать видимые черты. Все чаще выходил он теперь на улицу, вглядываясь в прохожих, смешиваясь с толпой на рынках: он старался хорошенько запомнить и лица, и фигуры людей, и их движения. В особенности он следил за нежными тонколицыми монахинями с прикрытыми вуалью лбами - придя домой, он тут же, не откладывая, чтобы ничего не забыть, зарисовывал их облик.

Осознав, что драпировки могут сыграть в изваянии конструктивную роль, он принялся изучать их самым тщательным образом. Слепив из глины эскиз статуи в натуральную величину, Микеланджело купил дешевой тонкой ткани и, чтобы сделать ее более тяжелой, намочил в тазу и промазал жидкой глиной, которую Арджиенто принес с берега Тибра. Ни одна складка ткани не должна ложиться случайно, каждая ее впадина, каждый изгиб должен органически служить общему замыслу и так прикрывать нежные ноги Пресвятой, чтобы выглядеть естественной опорой для тела Христа и подчеркивать душевные муки Богородицы. Когда ткань высохла и затвердела, Микеланджело увидел, каких исправлений требует его работа.

- Не очень-то чистое это дело - скульптура, - с досадой сказал Арджиенто, замывая на полу грязь недельной давности. - Все равно что лепить пироги из глины.

- Разве ты не видишь, Арджиенто, - весело ответил ему Микеланджело, - что стоит собрать складки в узел, как вот здесь, или плавно опустить их вниз - и фигура от этого сразу же выиграет. В складках таится такая же выразительность, как и в самом теле.

Чтобы яснее представить себе облик Христа, надо было рисовать иудейские лица, и Микеланджело пошел в - еврейский квартал. Он был расположен в Трастевере, близ Тибра, у церкви Сан Франческо а Рипа. До 1492 года, когда испанская инквизиция начала гонения на евреев, в Риме их было очень мало. Отношение к евреям здесь было в общем хорошее; в них видели напоминание о том "наследии Ветхого завета", которое восприняло христианство; много одаренных евреев играли видную роль при Ватикане в качестве врачей, музыкантов, банкиров.

Как и всюду, люди здесь не возражали, если Микеланджело рисовал их за работой, но уговорить кого-либо позировать в мастерской было невозможно. Микеланджело надоумили сходить в субботу вечером в синагогу и посоветоваться с рабби Мельци. Рабби Мельци, тихий белобородый старик со светящимися серыми глазами, в черном длиннополом одеянии и в ермолке, сидел за столом в притворе учения и вместе с несколькими членами своей общины читал талмуд. Когда Микеланджело объяснил, зачем он явился, рабби Мельци сурово заметил:

- Библия запрещает нам поклоняться идолам и изображать их. Поэтому у нас все, кто способен к творчеству; отдают свое время литературе, а не живописи или скульптуре.

- Но, рабби Мельци, разве вы против того, чтобы люди другой веры занимались изобразительным искусством?

- Отнюдь не против. Каждая вера держится своих правил.

- Я высекаю из белого каррарского мрамора Оплакивание. Мне хочется изваять Христа с обликом истинного еврея. Я не смогу это сделать, если вы мне не поможете.

Задумавшись на минуту, рабби тихо сказал:

- Я совсем не желаю, чтобы у наших людей возникали трения с церковью.

- У меня заказ от кардинала Сен Дени. Я уверен, что он одобрит это.

- Какие именно натурщики вам требуются?

- Из мастеровых. Лет тридцати - тридцати пяти. Но не грузные парни, не силачи, а просто жилистые люди. И с рассудком. С какими-то чувствами.

В бесконечно старых, но веселых глазах рабби Мельци заиграла улыбка.

- Напишите мне, как вас разыскать. Я пришлю вам самого лучшего натурщика, какой только у нас найдется.

Взяв с собой рисунки, Микеланджело поспешил на холостяцкую квартиру Сангалло с просьбой: не поможет ли архитектор смастерить такую скамью, которая воспроизводила бы сиденье Богородицы, как оно выглядело на

рисунках. Сангалло немного подумал, глядя на наброски Микеланджело, и сделал небольшой чертеж. Микеланджело купил тесу. Вдвоем с Арджиенто они сколотили скамью Марии и задрапировали ее одеялами.

Первый натурщик пришел вечером, в сумерки. Когда Микеланджело предложил ему раздеться, тот был так смущен, что пришлось увести его в кухню, где он, сняв с себя одежду, повязал бедра полотенцем. Затем Микеланджело уложил парня на скамью и стал объяснять, что незадолго до того натурщик умер и что сейчас мать держит его, мертвого, на коленях. Было очевидно, что юноша принимает Микеланджело за сумасшедшего и готов тотчас бежать: его удерживал только приказ рабби. Под конец сеанса, когда Микеланджело показал ему свои быстрые, свободные наброски, где была изображена мать, державшая на коленях сына, парень понял, чего добивался Микеланджело, и обещал поговорить со своими друзьями... Рабби присылал теперь одного человека за другим: Микеланджело работал с ними по два часа ежедневно.

Образ Марии влек за собой совсем другие заботы. Хотя статуя должна была показать мать Христа через тридцать три года после ее рокового решения, Микеланджело не мыслил Богородицу как женщину пятидесяти с лишним лет, увядшую, морщинистую, изможденную трудом и тревогами. Пресвятая дева виделась ему такой же юной, какою он помнил свою собственную мать.

Якопо Галли познакомил Микеланджело с несколькими римскими семьями. Он ходил в их дома и рисовая там молодых, не старше двадцати лет, девушек или недивно вышедших замуж женщин. Поскольку в больнице при монастыре Санто Спирито были только мужчины, Микеланджело не удалось с ножом в руках заниматься анатомией женщины, но в свое время в Тоскане он немало рисовал их в полях и за домашней работой. И сейчас, глядя на римлянок в их шелковых и полотняных платьях, он умел за ниспадающими широкими складками угадать очертания живого тела.

Он напряженно трудился неделю за неделей. Теперь надо было согласовать, слить две фигуры изваяния воедино: Марию, еще молодую и нежную, по достаточна сильную, чтобы держать сына на коленях, и Иисуса, который, несмотря на худобу, был силен и крепок даже в смерти... именно такое впечатление осталось в памяти Микеланджело от работы в покойницкой Санто Спирито. Он добивался воплощения своего замысла на бумаге и компоновал фигуры, даже не заглядывая в подготовительные наброски, сделанные с натуры: все подсказывала ему цепкая, точная память.

Скоро уже можно было перейти от плоского бумажного листа к трехмерной модели из глины. Лепил Микеланджело свободно, не стремясь к абсолютной точности, потому что при переводе в другой материал формы все равно должны измениться. Желая что-либо подчеркнуть и усилить, он то добавлял глины, то отщипывал и срезал ее. Затем он взялся за воск: у воска есть нечто общее с мрамором - они схожи на ощупь и оба просвечивают. Он питал уважение ко всякому материалу и применялся к его особенностям: в рисунках пером штрих у него как бы передавал ткань кожи; глину он заставлял выражать мягкое движение телесных форм - живота, откинутого назад торса; гладкий воск хорошо показывал поверхность тела, ее эластичность. Но ни глиняная, ни восковая модель никогда не были для него эталоном; они служили лишь некоей отправной точкой, грубым эскизом. С резцом в руках он обретал новый заряд энергии: тщательная разработка модели только связывала бы его, как путы, принуждая воспроизводить в мраморе то, что было вылеплено раньше в глине и воске.

Истинный порыв таился лишь в самом мраморе. Рисование и лепка моделей были только мышлением Микеланджело. Рубка мрамора - действием.

10

Совместная жизнь с Арджиенто текла ровно, хотя порой Микеланджело не мог понять, кто из них хозяин, а кто подмастерье. Иезуиты воспитали Арджиенто в такой строгости, что Микеланджело был не в силах изменить его

привычки: рано утром мыть пол, невзирая на то, грязен он или чист, каждый день кипятить на очаге воду и стирать белье, после каждой трапезы чистить речным песком горшки.

- Какой в этом смысл, Арджиенто? - жаловался Микеланджело, не любя работать на влажном полу, особенно в холодную погоду. - Ты чересчур много думаешь о чистоте. Мой полы в мастерской раз в неделю. Этого вполне достаточно.

- Нет, - тупо твердил Арджиенто. - Надо каждый день. На рассвете. Так меня учили.

- Помоги, господи, всякому, кто захочет тебя переучить! - ворчал Микеланджело, хотя и понимал, что ворчать не следует, ибо Арджиенто доставлял ему не так уж много хлопот. Мальчик свел теперь знакомство с крестьянами, привозившими свой сельский товар на римские рынки. В воскресенье он обычно уходил пешком за город, в деревню, погостить у новых друзей-крестьян и полюбоваться на лошадей. Покинув свой родной дом в долине По, Арджиенто ни о чем так не тосковал, как о животных. Прощаясь по субботам с Микеланджело, он нередко говорил так:

- Сегодня я иду к лошадям!

Надо было страстись беде, чтобы Микеланджело увидел, насколько мальчик, предан ему. Однажды, стоя у наковальни, во дворе, Микеланджело обтачивал свои резцы, и кусочек стали, отскочив, попал ему в глаз и застрял в самом зрачке. Еле-еле Микеланджело добрался до мастерской, глаз горел как в огне. Арджиенто уложил его в постель, приготовил кастрюлю горячей воды, смочил в ней чистую белую тряпицу и с ее помощью пытался извлечь осколок из глаза. Хотя глаз сильно болел, Микеланджело не очень беспокоился. Ему казалось, что он проморгается и что осколок скоро выпадет сам. Однако время шло, а все оставалось по-прежнему. Арджиенто всю ночь не отходил от Микеланджело, он то и дело подогревал воду и ставил ему горячие компрессы.

На следующий день Микеланджело не на шутку встревожился, а ночью был в полной панике: поврежденный глаз уже ничего не видел. С рассветом Арджиенто кинулся к Якопо Галли. Тот пришел со своим домашним врачом, маэстро Липпи. В руках у врача была клетка с живыми голубями. Он велел Арджиенто вынуть из клетки голубя, надрезал ему большую вену под крылом и промыл голубиной кровью раненый глаз Микеланджело.

Вечером врач явился снова, надрезал вену у другого голубя и вновь промыл глаз. Наутро Микеланджело почувствовал, что осколок в его глазу двигается. К вечеру он выпал.

Арджиенто не ложился спать в течение семидесяти часов.

- Ты очень устал, - сказал ему Микеланджело. - Почему бы тебе не отдохнуть и не погулять несколько дней?

Обычное выражение упрямства на рожице Арджиенто сменилось радостной улыбкой:

- Тогда я пойду к лошадям!

На первых порах Микеланджело раздражали люди, постоянно входившие и выходившие из гостиницы "Медведь", что была напротив его квартиры, беспокоил доносившийся топот лошадей и стук карет по булыжной мостовой, сердили крики возниц и шумный говор на десятке языков и наречий. Теперь же он смотрел на улицу со все большим любопытством: так интересны были среди толпы паломники, стекавшие в Рим со всей Европы, - один шел в длинном плаще, другой в короткой, сверкавшей всеми переливами зеленого и пурпурного цвета тупике, а третий выделялся своей широкой жесткой шляпой. Прохожие служили ему неисчерпаемым источником природы: сидя за столом у открытого окна, он без усталости рисовал и рисовал их. Скоро многих завсегдааев улицы Микеланджело знал уже в лицо - как только подобный знакомец появлялся перед окном, он хватал незаконченный рисунок и дорисовывал его, спешно поправляя, что было нужно: так возникали на бумаге люди в самых разнообразных движениях - вот кто-то разгружает телегу, тащит дорожную суму или сундучок, кто-то сбрасывает с плеч поклажу, взбирается на мула или слезает с него.

Уличный шум, говор и возгласы, кучки и толпы прохожих - все это как бы заменяло ему собеседников, ничуть не нарушая его уединения. Он жил в таком одиночестве, что мелькавшие за окном люди порождали в нем ощущение, будто

он постоянно общается с ними. Большого ему и не надо было, ибо, если у пего в руках мрамор, он никогда не будет чувствовать себя на отшибе и смотреть на люден откуда-то со стороны, - нет, он будет находиться как бы среди них, в самой их гуще.

Набрасывая композицию "Оплакивания" на бумаге, Микеланджело резкими линиями заштриховывал те места, которые надо было выбрать, изъять из глыбы, - чернильные штрихи словно обозначали направление будущих ударов инструмента. Теперь же, взявшись за молоток и резец и обрубая лишний камень, он не испытывал удовольствия и нетерпеливо ждал того дня, когда скрытые в мраморе образы проступят въявь, когда его блок оживет и заговорит с ним. Начав обрабатывать лицевую сторону глыбы, Микеланджело скоро перешел к фигурам. Еще несколько недель труда - и эти фигуры обретут свою трепетную плоть, выступят из плоскости камня, приблизятся к зрителю. Но сейчас, начиная работу, Микеланджело, наоборот, должен был идти в глубь блока и, вслед за резцом, устремлять свое внимание и взгляд к потаенным, скрытым под поверхностью пластам. Он домогался столь крупной глыбы, так как ему хотелось ваять, видя перед собой изобилие мрамора. У него нет теперь ни нужды, ни желания утеснять хотя бы единый выступ или форму, как он утеснял их когда-то, прижимая друг к другу фигуры Вакха и Сатира.

Он вломился в глыбу, начав срубить камень по левую сторону от головы Богородицы, и шел влево все дальше; свет из северного окна падал из-за спины, сзади, поворачивая с помощью Арджиенто блок на подпорах, он мог поставить его так, чтобы тени ложились в тех местах, где надо было высечь углубления, - игра света и тени показывала ему, какие куски камня надо изъять: отсеченный мрамор тоже был скульптурой, создавал собственные эффекты.

Теперь Микеланджело оставалось смело врезаться в толщу и нащупать основные, решающие формы. Тяжесть капюшона Богородицы, заставляющая ее склонить голову вниз, к руке Христа, лежавшей близ ее сердца, останавливала внимание зрителя на мертвом теле, распростертом на коленях матери. Плотная лента, бежавшая между грудей Девы, напоминала руку, крепко стиснувшую трепетное, пульсирующее сердце. Линии складок на платье шли к руке Богородицы, которой она держала тына, надежно подхватив его за плечи, потом уводили взгляд к Христову телу, к его лицу, к глазам, мирно закрытым в глубоком сне, к прямому, не столь уж тонкому носу, к чистой и гладкой коже на щеках, к мягким усам, к вьющейся нежной бородке, к искаженному мукой рту.

Склонив голову, Богородица смотрела на своего сына, а зрителю надо было заглянуть в ее лицо - в нем читалась такая печаль, сострадание ко всем сынам человеческим, полный кроткого отчаяния вопрос: "Что я могла сделать, чтобы спасти его?" И другой, идущий из глубины ее любящей души: "В чем смысл происшедшего, к чему оно, если человек не может быть спасен?"

Все, кто увидит изваяние, почувствуют, что мертвое тело сына лежит на ее коленях невыносимой тяжестью и что гораздо большая тяжесть легла на ее сердце.

Соединить две фигуры, взятые в натуральную величину, в одном изваянии, положить вполне взрослого мужчину на колени женщине - это было дерзостно новым, необычайным шагом в скульптуре. Приняв такую композицию, Микеланджело тем самым отринул все прежние представления об Оплакивании. Как когда-то Фичино считал, что Платон мог бы быть любимейшим учеником Христа, так и Микеланджело стремился теперь сочетать эллинские представления о красоте человеческого тела о христианским идеалом бессмертия человеческой души. Микеланджело отвергал мрачный, траурный дух прежних "Оплакиваний", погружая свои фигуры в атмосферу покоя и умиротворенности. Человеческая красота могла возвестить святую чистоту духа с такой же ясностью, как и боль. И с такую же силой его возвысить.

Все это - и многое другое - надо было заставить мрамор высказать. Когда последний час овеян такой трагичностью, пусть ему сопутствует красота. Он, Микеланджело, щедро насытит его мрамор и выразит свою любовь и поклонение с тою же чистотой, какая была в этом безусловно белом блоке. Возможно, он в чем-то и ошибается, но ошибки эти будут сделаны любящими руками.

Зима обрушилась неожиданно, как удар грома. И с нею хлынули стужа, сырость и ветер. Как и предсказывал Буонаррото, потолок начал протекать. Чтобы вытереть на полу воду, Микеланджело и Арджиенто передвинули рабочий

стол и кровать в другой угол, потом перенесли со двора в комнату горн. Микеланджело надел свою болонскую шапку, прикрывающую уши. Ноздри у него распухли, причиняя постоянную боль, - дышать было трудно.

Скоро пришлось приобрести чугунную жаровню и ставить ее во время работы под стул, чтобы обогреться снизу, но стоило Микеланджело отойти на минуту в сторону, как у него начинали стучать от холода зубы. Он послал Арджиенто купить еще две жаровни и корзину угля: это сильно опустошило его кошелек. Пальцы у него так замерзли, что он был вынужден работать, надев шерстяные рукавицы. Вскоре, однако, это привело к беде: от глыбы неожиданно отвалился кусок, и, когда он со стуком упал на пол, у Микеланджело было такое чувство, словно это упало его сердце.

Как-то в воскресный день Арджиенто вернулся домой сам не свой, у него был жар и головокружение. К полуночи ему стало очень плохо. Микеланджело поднял мальчика и перенес его на собственную кровать. Утром Арджиенто был весь в поту и начал бредить - звал родичей, рассказывал о каких-то давних происшествиях, о порках и несчастьях. Микеланджело отирал у него пот с лица и держал за руки: мальчик несколько раз порывался вскочить с постели.

Когда рассвело, Микеланджело окликнул первого прохожего и попросил сходить за доктором. Доктор явился и, не переступая порога, закричал:

- Это чума! Сожгите сейчас же все вещи, к каким прикасался больной.

Микеланджело дал знать обо всем Галли. Маэстро Липпи, бегло осмотрев Арджиенто, сказал презрительно:

- Глупости, это совсем не чума. Перемежающаяся лихорадка. Он не бывал в последнее время подле Ватикана?

- Был, в воскресенье.

- И, наверное,пил тухлую воду из канавы возле стены. Сходите к французским монахам на Эсквилин - они делают пилюли из шалфея, соли и колоквинта.

Микеланджело умолил соседа посидеть с Арджиенто; Почти целый час, под проливным дождем, шел он через весь город - сначала ему надо было пройти по длинной улице за форумом Траяна, потом, обогнув форум Августа и базилику Константина, добраться до Колизея и, наконец, до монастыря на Эсквилинском холме. Пилюли словно бы и помогли Арджиенто, боль в голове прошла, и в течение двух спокойных дней Микеланджело уже думал, что опасность миновала, но затем Арджиенто снова впал в забытие и стал бредить.

К концу недели Микеланджело совсем выбился из сил. Чтобы не оставлять больного без присмотра, Микеланджело поставил его кровать в мастерской: заснуть ему удавалось только в те редкие минуты, когда засыпал Арджиенто. Микеланджело мучился, борясь с дремотой, но еще тяжелее было бороться с голодом: выйти из дому и купить еды Микеланджело не мог, не желая бросать мальчика одного.

Тогда-то в дверь постучался Бальдуччи.

- Я говорил тебе, что надо было взять в служанки ту француженку. Заболей она, и за ней ухаживал бы не ты, а ее семейство.

- Что говорить о прошлом, - устало отмахнулся Микеланджело. - Еще столько тяжелого впереди.

- Держать мальчишку здесь больше невыносимо. Посмотри, на кого ты стал похож. Отправь его в больницу Санто Спирито.

- Чтобы он там умер?

- Почему же он там умрет?

- Потому что в больницах совсем не лечат.

- А чем именно лечишь его ты, доктор Буонарроти?

- Я слежу, чтобы все было чисто, не отхожу от него ни на минуту... Он ухаживал за мной, когда я повредил себе глаз. Как я его брошу, оставлю на чужое попечение? Это не по-христиански.

- Если ты твердо решил погубить себя, я буду каждое утро, перед тем как идти в банк, приносить тебе какой-нибудь еды.

От нахлынувшего чувства благодарности Микеланджело чуть не заплакал.

- Бальдуччи, ты только разыгрываешь из себя циника. Вот возьми, пожалуйста, деньги и купи мне полотенец да одну-две простыни.

И тут Микеланджело заметил, что на него пристально смотрит Арджиенто.

- Я скоро умру, Микеланджело.

- Нет, нет, ты не умрешь, Арджиенто. Крестьянин не может умереть так

просто - разве что на него свалится скала!

Прошло три недели, прежде чем болезнь отступила. Самое худшее было в том, что пропал почти целый месяц для работы; Микеланджело волновался, опасаясь, что не сможет закончить статую в обусловленный годовой срок.

Зима в Риме была, по счастью, коротка. В марте повеял из Кампании мягкий ветер, все было залито ярким и резким солнечным светом. Промерзшие каменные стены мастерской начали оттаивать. И когда стало еще теплей, в мастерскую явился кардинал Сен Дени: он хотел знать, как подвигается "Оплакивание". Каждый раз при встрече с кардиналом Микеланджело думал, что одежда на нем обвисает все тяжелее, а тело становится все суше и незаметнее. Кардинал спросил, получает ли Микеланджело в должный срок положенные ему деньги. Микеланджело заверил его, что получает. Они стояли перед огромной белой глыбой, белевшей посредине мастерской. Фигуры были еще не отделаны, с толстым слоем излишнего камня, сохраненного для поддержки, но лица выглядели почти завершенными, а они-то и интересовали кардинала прежде всего.

- Скажите, сын мой, - тихо заговорил кардинал, - каким образом лицо Богородицы осталось столь юным - оно у нее моложе, чем у сына?

- Ваше преосвященство, мне кажется, что дева Мария не может состариться. Она чиста и непорочна - и потому сохраняет всю свежесть юности.

Такой ответ удовлетворил кардинала.

- Надеюсь, вы кончите работу в августе. Мое заветнейшее желание - отслужить молебен в храме Святого Петра при освящении этой статуи.

11

Он яростно работал с рассвета до позднего вечера, затем падал поперек кровати, не поужинав, не раздеваясь, и засыпал словно убитый. В полночь он просыпался, освеженный, в голове его кипели мысли о мраморе, руки жаждали работы. Он вставал, съедал ломоть хлеба, зажигал медную лампу, в которой еще оставалось немного оливкового масла, и брался за дело, поставив лампу так, чтобы она бросала свет на обрабатываемое место. Но свет оказывался слишком бледным, рассеянным. Орудовать резцом при таком освещении было небезопасно.

Он купил плотной бумаги, смастерил из нее картуз и, обвязав его проволокой, сделал на козырьке спереди петлю, в которую можно было вставлять свечку. Теперь, если он прикинул к мрамору на расстоянии нескольких дюймов, свет от этой свечи был ярок и ровен. Опасаться того, что стук молотка разбудит Арджиенто, не приходилось: тот спал на кухне, плотно закутав голову одеялом. Свечи сгорали быстро, расплавленный воск стекал по козырьку бумажного картуза на лоб, но от своего изобретения Микеланджело был в восторге.

Однажды поздно вечером в дверь резко постучали. Микеланджело отпер: перед ним стоял Лео Бальони в бархатном плаще цвета индиго; вместе с Лео явилась компания его молодых друзей - в руках у них были фонари из рога и восковые факелы на длинных шестах.

- Я увидел свет в окнах и решил узнать, чем ты занимаешься в такой глухой час. А, ты работаешь! Что это за штука у тебя на лбу?

Микеланджело с гордостью показал ему свой картуз и свечу. Лео и его друзья покатывались со смеху.

- А почему ты не берешь свечи из козьего жира? Ведь они крепче, их хватит на целую ночь, - отдышавшись от смеха, сказал Лео.

На следующий день после ужина Арджиенто исчез из дому и явился во втором часу ночи, увешанный тяжелыми свертками, которые он швырнул на кровать.

- Я был у синьора Бальони. Вот от него подарок.

Микеланджело вытащил из свертка твердую желтую свечу.

- Мне не нужны его подарки! - крикнул он. - Отнеси эти вещи ему обратно.

- Я еле дотащил их с Кампо деи Фиори, даже руки занемели. И обратно я эти свечки не понесу. Прилеплю их к двери с улицы и зажгу все сразу.

- Ну, хорошо, дай мне взглянуть, лучше ли они восковых. А сначала мне нужно расширить проволочную петлю у картуза.

Лео оказался прав: свечи из козьего жира горели гораздо медленнее и почти не оплывали.

Микеланджело разделил ночи на две половины - одну отвел для сна, другую для работы и сильно ее продвинул, отделявая широко раскинутый подол платья Марии, грудь Христа, его бедра и колени, одно из которых, левое, было чуть приподнято и еще не отделено от руки Марии, горестно отведенной в сторону.

Он отклонял любые приглашения, почти не виделся с друзьями, но Бальдуччи постоянно рассказывал ему о последних новостях: кардинал Джованни, которого не хотел замечать Борджиа, уехал путешествовать по Европе; Пьеро, собиравший войска, чтобы в третий раз идти на Флоренцию, был решительно отвергнут римской общиной флорентинцев; замершая была война Флоренции с Пизой вспыхнула вновь; Торриджани стал офицером в армии Цезаря Борджиа, подчинявшей Романью Ватикану. Борджиа отлучал от церкви дворян и священников, присваивая их земли, и ни один флорентинец не знал, когда его постигнет та же участь.

Чудесным летним утром, когда воздух был настолько прозрачен, что Альбанские горы казались не дальше какой-нибудь городской площади, к Микеланджело явился слуга Паоло Ручеллаи с приглашением. Микеланджело поспешил к родственнику, недоумевая, зачем он ему понадобился столь срочно.

- Микеланджело, ты так похудел!

- Когда полнеет скульптура, я худею. Это естественно.

Ручеллаи удивленно поглядел на него.

- Я хочу сказать тебе, что со вчерашней почтой я получил письмо от моего двоюродного брата Бернардо. Во Флоренции устраивается конкурс на скульптуру.

У Микеланджело задрожала правая рука; чтобы сдержать эту дрожь, он положил на правую руку левую.

- Конкурс... на что именно?

- В письме Бернардо говорится: "Довести до совершенства мраморную колонну, уже отесанную Агостино ди Дуччио и ныне находящуюся в мастерской при Соборе".

- Блок Дуччио?

- Ты знаешь его?

- Я хотел купить его у Синьории, когда собирался высекать Геракла.

- Так это к твоей же выгоде, если ты хорошо помнишь мрамор.

- Я вижу этот блок так, словно он лежит сейчас у наших ног в этой комнате.

- А можешь ты высечь из него что-нибудь толковое?.

Глаза Микеланджело засверкали:

- Dio mio!

- В письме сказано, что, как думает Совет, мрамор "плохо обтесан".

- Нет, нет, это чудесный блок. Правда, в каменоломне его вырубили дурно, и Дуччио слишком глубоко врезался в него в середине...

- Значит, ты хотел бы принять участие в конкурсе?

- Нет ничего на свете, к чему бы я так стремился! Скажите, пожалуйста, какая там может быть тема - политическая, религиозная? И кого допускают к конкурсу - только флорентинцев? Могу я участвовать? Захотят они?..

- Стой, стой! - воскликнул Ручеллаи. - Больше того, что я сказал, я ничего не знаю. Я попрошу Бернардо написать мне еще, со всеми подробностями.

- В воскресенье я приду к вам за новостями...

Ручеллаи засмеялся:

- Ответа от Бернардо к тому времени еще не будет. Но ты приходи ко мне обедать: перед конкурсом тебе надо поправиться.

- А можно прийти к вам обедать лишь после того, как вы получите ответ? Ручеллаи позвал его вновь только через три недели.

Микеланджело одним духом взбежал по лестнице в библиотеку.

- Новости есть, но их немного. Время конкурса до сих пор не установлено. Вероятно, его назначат на начало будущего года. Тему изваяния могут предлагать только скульпторы, живущие во Флоренции.

- Значит, я еду туда.

- И характер работы еще не определен. Заниматься этим будут старшины цеха шерстяников и попечители Собора.

- Собора? Тогда тема статуи будет, конечно, религиозной. А мне после "Оплакивания" хотелось изваять что-нибудь совсем другое.

- За все платит цех шерстяников, поэтому он же, мне кажется, определит и характер статуи. Насколько я знаю его старшин, они закажут что-нибудь символизирующее Флоренцию.

- Символизирующее Флоренцию? Вроде "Льва" Мардзокко?

Видя, как встревожен Микеланджело, Ручеллаи улыбнулся.

- Нет, зачем же второго льва! Вероятно, им нужен некий символ их новой республики...

Сложив пальцы наподобие зубчатого резца, Микеланджело в раздумье почесал голову.

- Какая же именно статуя может служить символом республики?

- Не исключено, что такой вопрос станет частью конкурса. Чтобы художники ответили на него...

Паоло передавал Микеланджело все новые сведения из Флоренции, как только они, перевалив Сабатинские горы, достигали Рима: конкурс состоится в 1500 году, в память столетия конкурса на двери Баптистерия. Цех шерстяников рассчитывает, что, подобно тому как ста лет назад состоялись Гиберти, Брунеллески и делла Кверча, так и на этот раз, привлеченные мраморным блоком Дуччио, в конкурсе примут участие скульпторы всей Италии.

- Уже на исходе лето девяносто девятого года! А у меня осталось еще столько работы над "Оплакиванием", - говорил Микеланджело, страдальчески морща лицо. - Я не могу спешить, подгонять себя, - эта работа для меня так важна, так дорога. И вдруг я не успею закончить ее к сроку...

Паоло обнял Микеланджело, чувствуя, как у него дрожат плечи.

- Я непременно извещу тебя обо всем, что только узнаю о конкурсе. И цех шерстяников еще не один месяц будет спорить и думать, пока установит условия.

Кто проиграл, пытаясь упредить бег времени, так это кардинал Сен Дени. Ему так и не удалось посмотреть на законченное "Оплакивание", хотя он и перевел последнюю сотню дукатов в банк Галли в начале августа, когда скульптура должна была бы уже стоять в храме. Кардинал тихо скончался, до последнего дня не оставляя службы. На погребение кардинала Якопо Галли и Микеланджело пошли вместе, став в храме подле длинного, в две сажени, катафалка, возвышавшегося между колоннами. В глубине алтаря пели певчие. Возвратясь с похорон, Микеланджело спросил Галли, в доме которого они сидели:

- Кто теперь будет решать, является ли мое "Оплакивание" "самой лучшей из работ по мрамору, какие только есть сегодня в Риме"?

- Кардинал уже решил это. После того, как он побывал у вас в мае месяце. Он говорил, что вы выполняете условия договора. Этого для меня достаточно. Когда вы думаете закончить работу?

- Потребуется еще месяцев шесть, а то и восемь.

- Значит, вы кончите ее как раз в завершающий год столетия. Такой случай обеспечит вам зрителей со всей Европы.

Микеланджело смущенно заерзал в своем кресле.

- Вы не могли бы послать последнюю сотню дукатов моим родичам? У них там опять какие-то неприятности.

Галли пристально посмотрел на него.

- Это последняя ваша получка. Вы говорите, что вам надо еще работать шесть или восемь месяцев, а почти все деньги, полученные от кардинала, и так ушли во Флоренцию. Что же там, бездонный колодезь?

- Я хочу отдать эту сотню дукатов на покупку лавки для моих братьев Буонаррото и Джовансимоне. Вы понимаете, Буонаррото никак не может найти себе места в жизни. После смерти Савонаролы Джовансимоне подыскал было работу, а потом пропал, даже домой не приходит. Если бы в руках у братьев была лавка, и я стал бы получать свою долю доходов...

- Микеланджело, если ваши братья - люди совсем не деловые, откуда же

возьмутся доходы? – Кажется, Галли вышел из терпения, но, когда он заговорил вновь, в голосе его звучала лишь тревожная заботливость. – Я не могу допустить, чтобы вы швыряли свои последние деньги в это болото. Вам надо серьезно заняться своими делами и подумать о будущем. Восемьдесят процентов денег, полученных за "Вакха" и "Оплакивание", ушли в ваше семейство. Я-то это прекрасно знаю – ведь я ваш банкир.

Опустив голову, Микеланджело тихо сказал:

– Буонаррото не хочет браться ни за какую работу, мне надо пристроить его к делу. А если я теперь не наставлю Джовансимоне на верный путь, он собьется окончательно. И тогда уже ему ничем не поможешь.

Деньги были переведены во Флоренцию, себе Микеланджело оставил лишь несколько дукатов. И тотчас его стала одолевая нужда: не хватало всяких вещей для скульптурной работы и домашнего обихода, надо было купить многое из одежды и себе и Арджиенто. Он экономил каждый грош, Арджиенто выискивал на рынке лишь самую дешевую и необходимую пищу. Платье у них обоих обветшало и валилось с плеч. И только письмо Лодовико, полученное в эти недели, враз образумило Микеланджело.

"Дорогой сын,

Буонаррото сказал мне, что ты живешь в большой нужде. Нужда – это зло, это даже грех, не угодный ни богу, ни людям: нужда наносит вред душе и телу... Живи умеренно и не страшись невзгод, воздерживайся от неприятных волнений.

...А помимо того, оберегай свою голову, держи ее в умеренном тепле и никогда не мойся. Нельзя ни в коем случае мыться, а надо только крепко растереться".

Микеланджело пошел к Паоло Ручеллаи, снова взял у него в долг двадцать пять флоринов и вместе с Арджиенто направился в Тосканскую тратторию – поесть телятины, приготовленной по-флорентински. На обратном пути они купили себе по рубашке, по паре длинных рейтуз и сандалий.

На следующее утро в мастерскую заявился Сангалло: он был сильно возбужден, его золотистые усы гневно топорщились.

– Твою любимую церковь Сан Лоренцо ин Дамазо разрушают! Сто резных колонн уже убрали.

Микеланджело даже не сразу уловил, о чем он говорит.

– Да сядь же ты, пожалуйста. Теперь рассказывай сначала. Что случилось с церковью?

– Все из-за Браманте, нового архитектора из Урбино. Он втерся в доверие к кардиналу Риарио... навязал ему идею – перенести колонны из церкви во дворик кардинальского дворца и тем завершить его убранство. – Сангалло ломал руки, словно бы сдерживая вопль отчаяния. – Как по-твоему, можешь ты воспрепятствовать Браманте?

– Я? Каким же образом? Я отнюдь не пользуюсь каким-то влиянием на кардинала и даже не видел его вот уже почти два года.

– Действуй через Лео Бальони. Кардинал его слушает.

– Сейчас же иду к Лео.

Шагая к Кампо деи Фиори, Микеланджело вспоминал все, что слышал о Браманте: пятидесяти пяти лет, уроженец Урбино, он состоял архитектором при герцоге Милана и приехал в Рим в начале этого года, намереваясь жить здесь на свои ломбардские сбережения, чтобы досконально проникнуть в тайны римского архитектурного гения, то есть сделал в точности то же, прибавлял от себя Микеланджело, что и Сангалло.

Бальони пришлось ждать не один час. Лео выслушал Микеланджело совершенно спокойно, как всегда выслушивал горячившихся собеседников, потом сказал негромко:

– Что ж, нам надо пойти к Браманте. Это его первый заказ в Риме. Он честолобив, поэтому очень сомнительно, чтобы ты один заставил его отступить.

Пока они шли к дворцу кардинала, Лео описывал Браманте.

– Это любезный человек, очень общительный, всегда весел и бодр, чудесно рассказывает всякие анекдоты и басни. Я ни разу не видел его не в духе. Он уже обзавелся в Риме множеством друзей. – И, искоса взглянув на Микеланджело, Бальони прибавил: – Чего я не сказал бы о тебе.

Дворец был уже перед ними.

- Он сейчас там, - уверенно сказал Бальони. - Смотрит колонны, обмеряет их.

Ступив во дворик, Микеланджело увидел Браманте. Этот человек не понравился ему с первого взгляда: большой лысый череп со скудными остатками волос на затылке, большой костистый лоб и сильные надбровные дуги, бледно-зеленые глаза, вздернутый нос и маленький, ярко-красный рот, так не вязавшийся с крупной головой. Низко наклонясь, Браманте передвигал какие-то камни, и его бычья шея и мускулистые плечи напомнили Микеланджело профессионального атлета.

Лео представил Микеланджело Браманте. Тот весело поздоровался с ним и тут же рассказал смешной анекдот. Лео хохотал от души. Микеланджело анекдот не тронул.

- Вы не любите смеяться, Буонарроти? - спросил Браманте.

- Варварское разрушение церкви Сан Лоренцо меня не очень-то смешит.

Браманте втянул голову в плечи, весь напряженившись, как кулачный боец, готовый отразить нападение. И он и Микеланджело посмотрели на Лео. Лео стоял, не вступаясь ни за того, ни за другого.

- А какое вам, собственно, дело до этих колонн? - спросил Браманте, еще не выходя за пределы вежливости. - Разве вы архитектор кардинала Риарио?

- Нет, я даже не его скульптор. Но, представьте себе, я считаю эту церковь одной из самых прекрасных в Италии. Чтобы разрушить ее, надо быть истинным вандалом.

- А я скажу вам, что эти колонны - вроде разменной монеты. Вы знаете, что они были перенесены в церковь из театра Помпея в триста восемьдесят четвертом году? Весь Рим - это каменоломня, особенно для тех людей, которые знают, как употребить добытое. Я не постою ни перед чем и все переверну вверх ногами, если только у меня будет возможность построить на месте старого что-то более прекрасное.

- Камень - это принадлежность тех мест, для которых он замышлен и высечен.

- Старомодная мысль, Буонарроти. Камень применяется там, где считает нужным применить его зодчий. А что устарело, то умирает.

- Но множество нового и рождается мертвым!

Браманте уже еле сдерживал раздражение:

- А мы с вами не были знакомы. Вы не могли явиться ко мне без причины. Вас кто-то научил. Скажите мне, кто мой противник?

- Вас порицает тончайший архитектор во всей Италии, строитель виллы Лоренцо де Медичи в Поджо а Кайано, автор проекта дворца герцога Миланского - Джулиано да Сангалло.

Браманте презрительно рассмеялся:

- Джулиано да Сангалло! А что он такого создал и Риме? Восстановил потолок в какой-то церкви? Это ископаемое ни на что другое и не способно. В течение года я его выставлю из Рима, и он больше никогда не сунет сюда носа. А теперь, если вы сообразоволяете убраться с моего пути, я буду работать, как работал, и создам красивейший в мире дворик. Приходите когда-нибудь снова - и вы увидите, как строит Браманте.

Возвращаясь домой, Лео сказал:

- Насколько я знаю Рим, этот человек взберется на самый верх. И не дай бог никому заполучить в нем врага.

- Чувствую, что я его уже заполучил, - угрюмо отозвался Микеланджело.

12

Он должен был придать мрамору возвышенную духовность, однако и теперь, разрабатывая религиозную тему, он хотел изобразить человека истинно живым - живым в каждом нерве и мускуле, в каждой жилке и косточке, в волосах и пальцах, глазах и губах. Буквально все должно быть живым, если ты намерен

воспеть мощь и величие, показав это в образе человека. Он рубил, направляя резец вверх, зная и помня уже выявленные внизу формы и действуя по интуиции столь же древней, сколь был древен этот, добытый в горах, мрамор; он стремился высечь лицо Марии так, чтобы в нем были переданы не только ее чувства, но и воплощен характер всей статуи. Микеланджело смотрел в это лицо, прикинув к нему снизу, приподнимая руки с молотом и резцом вверх, на уровень своей головы: вся драма Оплакивания была теперь прямо перед его глазами. Мрамор тоже смотрел на него пристально, в упор, и оба они, ваятель и камень, были теперь объяты как бы единым чувством нежной, сдержанной печали. Где-то далеко позади себя Микеланджело ощущал множество других "Оплакиваний", мрачных, отвергающих всякое чувство прощения: их послание любви было смочено кровью. Нет, он не станет ваять смертные муки. Даже следы гвоздей на руках и ногах Христа он обозначит лишь слабыми пятнышками. Не будет никаких свидетельств насилия. Иисус мирно спит на руках своей матери. Над обеими фигурами как бы некий отблеск, некое свечение. У тех, кто смотрит на мрамор и думает над ним, Христос возбуждает не испуг и отвращение, а глубокое сочувствие и любовь.

Свою веру в бога он передал в возвышенном духе фигур; их слитность и внутреннее созвучие означали, по его мысли, слитность и гармонический строй вселенной господя. Он не пытался сделать Христа божественным, да и не знал, как это сделать. Христос вышел у него земным и утонченно-человечным. Лицо у Марии - нежное, девическое, с флорентийскими чертами; в его молчаливой бледности разлито спокойствие. Придав лицу Богородицы такое выражение, Микеланджело как бы хотел сказать, что божественное не равнозначно возвышенному: возвышенным для него было просто чистейшее и совершенное. "Смысл фигур, - размышлял он, - заключен в человеческих достоинствах; красота их лиц и телесных форм отражает величие их духа".

Он увидел теперь, что достигает той осязаемой достоверности и живости, в которой отозвалась любовь, горевшая в нем все дни работы.

Бальдуччи известил его, что Сансовино, соученик Микеланджело по Садам Медичи, после нескольких лет работы в Португалии возвратился во Флоренцию и получил заказ - высечь мраморную группу для Баптистерия: "Святой Иоанн совершает обряд крещения над Христом". Сансовино будто бы считал эту работу первым шагом к тому, чтобы победить в конкурсе на блок Дуччио.

- Сансовино - хороший скульптор, - доброжелательно сказал Микеланджело.
- Лучше, чем ты?

С усилием преодолев внезапную сухость в горле, Микеланджело ответил:

- Он с успехом доводит до конца все, что начинает.

- Как ты думаешь, он может победить тебя?

И снова Микеланджело с трудом выдавил ответ:

- Мы оба приложим все свои силы.

- Вот не знал, что ты такой скромница.

Микеланджело покраснел. Он решил во что бы то ни стало превзойти Сансовино и победить его, но он не желал говорить о нем ни одного дурного слова.

- Лео Бальони сказал мне, что у меня мало друзей. Сансовино - мой друг. Я не хочу его потерять.

- Торриджани тоже участвует в конкурсе и говорит каждому встречному, что блок Дуччио передадут ему, так как он был против Медичи. Тебя же, говорит он, не допустят к конкурсу, поскольку ты поддерживал Пьеро. Паоло Ручеллаи считает, что тебе надо вовремя приехать во Флоренцию и помириться с Синьорией.

Этот разговор стоил Микеланджело нескольких бессонных ночей. И опять он мог только благодарить Бальони за его щедрый подарок - свечи из козьего жира.

В середине января вновь пошел густой снег, он не прекращался двое суток. С севера потянуло холодом. На несколько недель установилась сильная стужа. Внутренний дворик в доме Микеланджело завалили сугробы. В комнатах гулял ледяной ветер. Сквозь ставни из дерева и холстины он легко прорывался внутрь. Три жаровни отнюдь не нагревали воздух. Микеланджело работал в шапке и наушниках, обвязав грудь и плечи одеялом. В феврале снег и стужа подступили вновь. Город замер, рынки опустели, лавки не открывались: слякоть и обледеневшая грязь на улицах держали людей по

домам.

Микеланджело и Арджиенто мучались несказанно. Микеланджело укладывал мальчика на ночь в свою кровать, чтобы обоим было теплее. По белой известке стен сочилась влага. В тех углах, над которыми на крыше лежал затвердевший снег, струйки воды текли медленнее, но зато держались дольше. Купить угля было трудно, цены на него подскочили так, что Микеланджело приходилось беречь каждую пригоршню. Арджиенто часами бродил по пустырям и рылся в снегу, выискивая древесное топливо для очага.

Микеланджело простудился и слег в горячке. Арджиенто стащил на какой-то стройке два кирпича, нагревал их в очаге и, обернув полотенцем, подкладывал к ногам Микеланджело, когда у того был озноб. Кормил он его горячим говяжьим бульоном. Всякая работа стала; сколько дней это продолжалось – Микеланджело потерял счет. К счастью, статую надо было лишь отполировать. На такую тяжкую физическую работу, как рубка мрамора, у Микеланджело теперь не хватило бы сил.

Ему хотелось отполировать "Оплакивание", добившись того совершенства, какое только способен дать мрамор: бархатистая поверхность статуи должна была быть безупречной. В первый же теплый день он пошел в Трастевере и купил несколько больших комков пемзы, дома он молотом раздробил эти комки, стараясь придать каждому осколку равные грани. Теперь, положив кусок пемзы на ладонь и прижимая его шелковистые продольные волокна к камню, он начал полировать широкие плоскости платья Богоматери, грудь и ноги Христа: работа была медленная, требовавшая бесконечного терпения, – она заняла не один день и не одну неделю.

Затем он резцом нарезал пемзу так, чтобы у кусков образовались острые края, – надо было проникнуть во все впадины и бороздки волос, одежды, пальцев рук и ног, чтобы отполировать морщины вокруг ноздрей Христа, пришлось изготовить заостренные, вроде примитивных стрел, палочки. Он не стал до конца обрабатывать спину Марии, поскольку статуя предназначалась для ниши; задняя сторона камня, как и скамья Богородицы, была лишь грубо обтесана. Отполированный белый мрамор, мерцая, освещал грязную комнату, превратив ее в подобие какой-то сияющей капеллы с цветными витражами. Уродливый художник действительно сотворил красоту.

Первым увидел законченную скульптуру Сангалло. Он ни слова не сказал о религиозном характере работы, но как архитектор расхвалил Микеланджело за треугольную композицию, за найденное равновесие линий и масс.

Якопо Галли, появившись в мастерской, долго молча стоял у "Оплакивания". Потом он сказал тихо:

- Я выполнил свой договор с кардиналом Сен Дени: это самая прекрасная работа по мрамору, какая только есть ныне в Риме.

- Даже не знаю, как быть с установкой статуи, – заговорил Микеланджело. - В договоре не сказано, что мы имеем право поставить "Оплакивание" в храме Святого Петра. Если бы кардинал был жив...

- А мы не будем никого и спрашивать. Установим статую без всякого шума. Если никто ничего не знает – никто ничего и не оспаривает.

Микеланджело стоял ошеломленный.

- Вы хотите сказать, что мы втащим туда статую тайком?

- Нет, не тайком. Но без всякого шума. Как только "Оплакивание" окажется в нише, никто не потребует убрать его оттуда.

- Но ведь папа так любил кардинала. Он приказал устроить ему трехдневные похороны. Он разрешил ему поставить статую в капелле Королей. Неужели кто-то будет теперь возражать против этого?

- Уверен, что не будет, – успокоил его Галли. – Вам надо нанять своих приятелей с камнебитных складов – они-то и перевезут статую в церковь. Завтра же, после обеда, когда весь город отдыхает.

У статуи было столько уязвимых частей – руки, ноги, складки платья Богоматери, – что Микеланджело сомневался, возможно ли без риска поднимать и нести ее на брусках и вагах, хотя, конечно, статуя будет надежно закутана. Он позвал Гуффатти осмотреть статую в мастерской и спросил его, как в данном случае поступить. Гуффатти молчал, расхаживая вокруг изваяния, затем сказал:

- Придется кликнуть все семейство.

Семейство Гуффатти состояло не только из трех его рослых сыновей, но и из множества племянников. Они на позволили Микеланджело даже прикоснуться

к статуе, окутали ее десятком ветхих одеял и с гомоном, спорами и криком подняли ее с пола. Они понесли ее – восемь крепких мужчин – к старой телеге, поставили на соломенную подстилку и привязали веревками. Телега осторожно двинулась по булыжной Виа Постерула, проехала мост Святого Ангела, потом свернула на новую, очень ровную и гладкую Виа Алессандрина: она была отремонтирована и обновлена по приказанию папы в честь юбилейного года. Шагая вслед за телегой, Микеланджело впервые за все свое пребывание в Риме благословлял заботливость папы.

У подножия лестницы в тридцать пять ступеней телега остановилась. Гуффатти сняли статую и с натугой понесли ее вверх, по первому из трех маршей, заключавшему семь ступеней: тащить статую было так тяжело, что лишь сознание святости ноши удерживало этих людей от бранных слов. Одолев первый марш, Гуффатти с мокрыми от пота лбами сели отдохнуть, затем вновь подняли статую и понесли ее через атриум, мимо плещущего фонтана, к самому portalу.

Оглядевшись здесь, пока Гуффатти снова отдыхали, Микеланджело заметил, что здание базилики накренилось еще больше, чем в ту пору, когда он начинал работу над "Оплакиванием". Оно было теперь в столь бедственном состоянии, что, казалось, его уже нельзя и отремонтировать. И тут тревога сдавила Микеланджело горло: ведь его "Оплакивание" попадет в храм, который вот-вот рухнет! А вдруг его опрокинет хотя бы первый же ураган, налетевший с Альбанских гор? Микеланджело вообразил на минуту, как он, сидя на корточках среди развалившихся камней храма, собирает осколки своей статуи, – однако скоро он успокоился, вспомнив, что Сангалло показывал ему на чертежах, каким образом можно укрепить базилику Святого Петра.

Гуффатти снова взялись за свою ношу. Микеланджело показывал им путь внутрь храма, под своды пяти нефов, подпираемых сотнями колонн, когда-то свезенных со всего Рима, потом, оставив за собой с левой стороны массивную фигуру Христа на троне, вошел в капеллу Королей Франции. Гуффатти опустили статую перед пустой нишей, сняли с нее одеяла, чисто вытерли от пота руки и с благоговением установили "Оплакивание" на предназначенное место. Микеланджело бдительно следил, чтобы статуя заняла там наивыгоднейшее положение. Кончив работу, Гуффатти купили у старушки в черном одеянии свечи и зажгли их перед статуей.

Взять деньги за свой тягчайший труд они решительно отказались.

– Мы получим свою плату на небесах, – сказал отец семейства.

Это была самая высокая награда, на какую только мог рассчитывать Микеланджело. И, как оказалось, это была единственная награда, которую он получил.

Якопо Галли явился в капеллу в сопровождении Бальдуччи. Банкир радостно кивал головой. Старый Гуффатти, недоуменно взглядывая на своих сыновей и племянников, спрашивал:

– И это все? И никакой службы? И никакого священнического благословения?

– Статуя благословлена еще в самом начале, когда она рождалась, – ответил Галли.

Гуффатти и Арджиенто преклонили перед Святой Девой колена, перекрестились, шепча молитву. Микеланджело смотрел на "Оплакивание", испытывая грусть и пустоту в душе. Когда он, уходя из капеллы, повернулся и взглянул на статую в последний раз, он почувствовал, как печальна и одинока Святая Дева – самое одинокое человеческое существо из всех, каких господь только создавал на земле.

Он заходил в храм Святого Петра ежедневно. Из паломников, стекавшихся в Рим, редко кто давал себе труд заглянуть в капеллу Королей Франции. А те, кто заглядывал, торопливо преклоняли колена перед "Оплакиванием", крестились и шагали прочь.

Поскольку Галли советовал избегать шума, почти никто в Риме не знал, что в базилике Святого Петра появилась новая статуя. Микеланджело и не ведал, как воспринимают его работу: на этот раз не было даже тех противоречивых суждений, какие высказывали в свое время поэты и профессора в саду Галли. Паоло Ручеллаи, Сангалло и Кавальканти побывали в храме, остальные же римские флорентинцы, опечаленные и возмущенные казнью

Савонаролы, отказывались заходить внутрь стен Ватикана.

Отдав почти два года всепоглощающей работе, Микеланджело празднично сидел теперь в своей унылой комнате - сидел опустошенный, подавленный. Никто не заходил к нему поговорить о скульптуре. Он был так утомлен, что не мог даже думать о блоке Дуччио. Понимая, что время для этого еще не наступило, не предлагал ему никакой новой работы и Галли.

Однажды вечером Микеланджело бродил по храму и увидел, как некое семейство - отец, мать и их взрослые дети, судя по одежде,говору и жестам, коренные ломбардцы, - стоит перед его "Оплакиванием". Желая послушать, что они говорят, Микеланджело подошел к ним поближе.

- Я тебе говорю, что узнаю его работу, - утверждала мать семейства. - Это высек тот парень из Остено, который делает все надгробные памятники.

Отец замахал руками, словно стряхивая с них высказанную супругой мысль, как собака стряхивает с себя воду.

- Нет, нет, что ты! Это наш земляк, миланец Кристофоро Солари, по прозвищу Горбач. Он высек много таких статуй.

Той же ночью Микеланджело тихо шел по улицам, держа в руках зеленую парусиновую сумку. Он вошел в храм Святого Петра, вынул из сумки и зажег свечу, вставил ее в проволочную петлю на своем картузе, потом вытащил из сумки инструменты. Дотянувшись через тело Христа к Богородице, он убедился, что пламя свечи ровно освещает ее, и поднял резец и молоток. На ленте, бежавшей между грудей Марии, он быстрыми и изысканно красивыми буквами высек:

"МИКЕЛАНДЖЕЛО БУОНАРРОТИ ФЛОРЕНТИНЕЦ СОЗДАЛ".

Он вернулся домой и стал собирать свои вещи. Сотни рисунков, сделанных во время работы над "Вакхом" и "Оплакиванием", он бросил в огонь очага. Арджиенто тем временем сбегал за Бальдуччи. Тот явился, наспех одевшись и не причесав волос; по просьбе Микеланджело он обещал сбыть всю обстановку комнаты перекупщику в Трастевере.

На небе еще только начинала брезжить заря, как Микеланджело и Арджиенто, с парусиновыми сумками в руках, подошли к Народным воротам. Микеланджело нанял двух мулов и, присоединившись к каравану, с первыми лучами солнца тронулся в путь во Флоренцию.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ГИГАНТ

1

Горячее июньское солнце Флоренции ударило ему прямо в глаза, едва он выглянул в окно и бросил взгляд на темно-красную каменную башню дома старейшины флорентийских цехов. Приехав из Рима без всякого заказа на руках и совсем без средств, он вынужден был отослать Арджиенто к его родным, в деревню подле Феррары, а сам кормился в семействе у отца. Он занял самую лучшую, самую светлую комнату просторной квартиры, в которой теперь жили Буонарроти, ибо часть денег, полученных им из Рима, Лодовико сумел вложить довольно выгодно. Приобретя небольшой домик в Сан Пьетро Маджоре, Лодовико употребил весь доход от него на то, чтобы выкупить права на спорную землю Буонарроти близ Санта Кроче, а затем, возвысив престиж своего семейства, снял под квартиру целый этаж на фешенебельной улице Святого Прокла, всего за квартал от роскошной каменной громады дворца Пацци.

Кончина Лукреции состарила Лодовико - лицо у него стало суше и сжалось, щеки ввалились, но, как бы компенсируя этот ущерб, он дал пышно разрастись своим волосам, спадавшим густой гривой на плечи. Якопо Галла в своих предсказаниях не ошибся: из проекта Микеланджело пристроить Буонаррото и Джовансимоне к какому-нибудь делу ничего не вышло. Буонаррото в конце концов осел в шерстяной лавке Строщи у Красных ворот; бродяга Джовансимоне не проявлял рвения ни к какой работе и, получив место, через несколько недель исчезал неведомо куда. Сиджизмондо, еле-еле умевший читать а писать, зарабатывал несколько скуди, участвуя в качестве наемного солдата в военных действиях Флоренции против Пизы. Лионардо скрылся, и никто не знал, в каком из монастырей он находится. Насколько это было возможно при их болезнях, тетя Кассандра и дядя Франческо чувствовали себя вполне хорошо.

Микеланджело встретился с Граначчи, и они радостно обнялись, счастливые вновь видеть друг друга. За последние годы Граначчи вступил в начальную полосу процветания и, как со смехом говорил в боттеге Гирландайо сплетник Якопо, содержал любовницу, жившую на вилле, среди холмов Беллосгуардо, выше Римских ворот. Граначчи все еще околачивался в мастерской Гирландайо и после того, как умер Бенедетто, во многом помогал Давиду, за что пользовался у него помещением бесплатно. Он работал там над своими рисунками, занимая тот самый стол, за которым когда-то сидел Микеланджело.

- Ты, я вижу, готов исполнить любой заказ?

- Недаром же я сижу в лучшей мастерской Флоренции.

- А заказчики?

- Нет ни одного. Собираюсь перейти к Соджи. - Граначчи ухмыльнулся. - Вот тот раздувает кадило! Только что купил участок под мясную лавку на Новом рынке.

- Вертольдо научил его высекать хоть телячьи ножи!

Они направились в знакомую остерию, под древесную сень: свернули налево на Виа дель Проконсоло, прошли мимо изящной церкви Бадиа, углубились в Греческий городок, где был дворец Серристоры, построенный по проекту Баччио д'Аньоло, и оказались на Виа деи Бенчи. Тут находился старинный дворец гибеллина Барделли и первый из особняков, построенных Альберти, - колонны дворика и их капители были работы Джулиано да Сангалло.

Сама Флоренция разговаривала с ним. С ним разговаривали камни. Он чувствовал их характер, структуру их плоти, прочность их спрессованных слоев. Как чудесно снова жить здесь, где архитекторы так возлюбили светлый камень. В глазах некоторых людей камень мертв, они говорят: "твердый, как камень", "холодный, как камень". Для Микеланджело, когда он снова ненюва прикасался кончиками пальцев к плоскостям и граням стен, камень был самым живым созданием на свете - ритмичным, отзывчивым, послушным; в нем были теплота, упругость, цвет, трепет. Микеланджело был влюблен в камень.

Трактир стоял на Лунгарио; в саду, весь укрытый смоковницами. Трактирщик, он же повар, спустился к реке, вытащил из воды привязанную на веревке корзину, обтер фартуком бутылку треббиано и, откупорив ее, поставил на стол. Друзья распили ее в честь возвращения Микеланджело в родной город.

Ему хотелось повидать Тополино - и скоро он уже был среди сеттиньянских холмов. Там он узнал, что Бруно и Энрико стали женатыми людьми. Тот и другой сложили себе из камня по комнате, пристроенной к задней стене отцовского дома. У старика Тополино насчитывалось уже пятеро внуков, и обе невестки снова были беременны. Микеланджело сказал:

- Если дело пойдет с такой быстротой, Тополино захватят в свои руки всю обработку светлого камня во Флоренции.

- Будь уверен, так оно и будет, - отозвался Бруно.

- У твоей подружки Контессины де Медичи тоже родился второй сын, после того как померла дочка, - вставила мать.

Микеланджело уже знал, что Контессина, изгнанная из Флоренции, жила со своим мужем и сыном в простом крестьянском доме на северном склоне Фьезоле, - их собственный дом и все имущество было конфисковано в те дни, когда повесили ее свекра Никколо Ридольфи: тот участвовал в заговоре, ставившем целью свергнуть республику и вновь призвать во Флоренцию Пьеро, сделав его королем. Его теплое чувство к Контессине не угасло, хотя с их последней встречи прошли уже годы. Он давно догадывался, что во дворце

Ридольфи его не желают видеть, и никогда не ходил туда. Разве же мыслимо пойти к Контессине теперь, по возвращении из Рима, когда она живет в нищете и немилости? Вдруг эти отверженные, убитые несчастьем люди истолкуют его визит как проявление жалости?

В самом городе за те четыре с лишним года, что он не был в нем, произошли очень заметные перемены. Проходя по площади Синьории, мимо того места, где был сожжен Савонарола, флорентинцы от стыда опускали головы; словно бы успокаивая свою совесть, они с неистовой энергией старались воскресить все то, что уничтожил Савонарола, - тратили огромные суммы, заказывая художникам, ювелирам и иным мастерам золотые и серебряные вещи, драгоценные геммы, изысканную одежду, кружева, мозаики из терракоты и дерева, музыкальные инструменты, рисунки к рукописным книгам. Тот самый Пьеро Содерини, которого воспитывал, считая самым умным из молодых политиков, Лоренцо де Медичи и которого в свое время Микеланджело часто видел во дворце, стал теперь главой флорентийской республики - гонфалоньером, старшим среди правящих лиц Флоренции и всего города-государства. Он сумел в какой-то мере установить мир и согласие между враждующими партиями - этого не бывало во Флоренции уже давно, с того дня, как началась смертельная схватка между Лоренцо и Савонаролой.

Флорентийские художники, покинувшие город, теперь ощутили явное оживление в делах и возвращались один за другим. Из Милана, Венеции, Португалии, Парижа приехали Пьеро ди Козимо, Филиппино Липпи, Андреа Сансовино, Бенедетто да Роведзано, Леонардо да Винчи, Бенедетто Бульони. Те, чья работа приостановилась под гнетом власти Савонаролы, теперь снова с успехом трудились - тут были и Боттичелли, и архитектор Паллойоло, известный под именем КронАка, что значит Рассказчик, и Росселли, и Лоренцо ди Креди, и Баччио да Монтелуйо - шутник и разносчик всяких слухов в Садах Медичи. Они, эти художники, учредили Общество под названием Горшок. Пока оно состояло лишь из двенадцати членов, но каждому из них разрешалось приводить с собой на торжественный обед, устраиваемый раз в месяц в огромной мастерской скульптора Рустичи, по четыре гостя. Граначчи был членом Общества. Он сразу же пригласил на обед Микеланджело. Микеланджело отказался, предпочитая выждать, пока он не получит заказ.

За те месяцы, что прошли после его возвращения, он знал мало истинных радостей. Он уехал в Рим юношей, а вернулся во Флоренцию взрослым мужчиной и был готов изрубить горы мрамора; однако теперь, окидывая невидящим взглядом свою "Богоматерь с Младенцем" и "Кентавров", висящих на боковой стене в спальне-мастерской, он с грустью думал, что флорентинцы, наверное, и не представляют себе, что он, Микеланджело, изваял "Вакха" и "Оплакивание".

Якопо Галли в Риме по-прежнему действовал в пользу Микеланджело и дал знать, что купцы из Брюгге братья Мускрены, торговавшие английским сукном, видели в Риме "Оплакивание" и очень хотят приобрести чью-либо статую "Богоматери с Младенцем". Галли полагал, что Микеланджело мог бы получить прекрасный заказ, как только братья Мускрены снова окажутся в Риме. Сумев возбудить интерес кардинала Пикколомини, банкир предложил ему привлечь Микеланджело к работе над статуями для семейного алтаря, в честь дяди кардинала, папы Пия Второго, - алтарь находился в кафедральном соборе в Сиене.

- Не будь Галли, - бормотал Микеланджело, - я остался бы вовсе без работы. Пока вырастет трава, кони сдохнут с голоду.

Сразу же после приезда он пошел в мастерскую при Соборе и осмотрел огромную - в семь аршин с пятью вершками - колонну Дуччио, которую многие называли либо "тощей", либо "жидкой"; он тщательно обследовал ее, прикидывая, годится ли камень для задуманной работы, потом оставил глыбу в покое и сказал, обращаясь к Бэппе:

- Il marmo e sano. Мрамор исправный.

Ночью он читал при свечах Данте и Ветхий завет, выискивая героический мотив и постигая колорит великой книги.

Затем ему стало известно, что члены цеха шерстяников и строительная управа при Соборе так и не смогли решить, что же следует высечь из их гигантского мраморного блока. Это хорошо, очень хорошо, думал

Микеланджело, ибо он слышал также, что многие желали бы передать заказ Леонардо да Винчи, недавно вернувшемуся во Флоренцию и завоевавшему громкую славу благодаря изваянной им огромной конной статуе графа Сфорца и фреске "Тайная Вечеря", написанной в трапезной монастыря Санта Мария делле Грацие в Милане.

Микеланджело никогда не видел Леонардо - тот уехал из Флоренции лет восемнадцать назад, после того как с него было снято обвинение в пренебрежении к морали, по флорентийские художники говорили, что он - величайший рисовальщик в Италии. Уязвленный, охваченный любопытством, Микеланджело пошел в церковь Сантиссима Аннунциата, где был выставлен картон Леонардо - "Богородица с Младенцем" и "Святая Анна". Он стоял перед картоном, и сердце его стучало, как молот. Никогда еще не приходилось ему видеть такого достоверного рисунка, такой могучей правды в изображении фигур, за исключением, разумеется, его собственных работ. В папке, лежавшей на скамье, он нашел набросок обнаженного мужчины со спины, с раскинутыми руками и ногами. Никто не мог показать человеческую фигуру подобным образом, с такой поразительной живостью и убедительностью. Конечно же, подумал Микеланджело, Леонардо вскрывал трупы! Он подтащил скамью к картону и погрузился в работу, срисовывая три Леонардовых фигуры; из церкви он вышел совершенно убитый. Если управа поручит заказ Леонардо, то кто посмеет оспорить такое решение? И как может он, Микеланджело, даже намекнуть, что и у него тоже есть свои права художника, если смутные слухи из Рима о его "Вакхе" и "Оплакивании" едва только начали сюда доходить?

Но прошло время, и Леонардо отверг заказ. Отверг на том основании, что презирал ваяние по мрамору как искусство низшего сорта, удел простых ремесленников. Микеланджело слушал эти новости, испытывая чувство замешательства. Он был доволен тем, что камень Дуччио все еще никому не передан и что Леонардо да Винчи вышел из игры. Но он возмущался человеком, который позволял себе так уничижительно отзываться о скульптуре, тем более что слова его уже подхватила вся Флоренция и без конца их повторяла.

Ночью, еще до рассвета, он торопливо оделся и пошел по безлюдной Виа дель Проконсоло к Собору, в мастерскую. Там он остановился около колонны Дуччио. Первые лучи восходящего солнца искоса упали на мрамор - тень его откинулась во всю семиаршинную длину, приняв величественные, фантастические очертания, словно бы на земле распластался некий гигант. У Микеланджело перехватило дыхание, его пронзила мысль о Давиде, о Давидовом подвиге, описанном в Библии. "Вот так, - думал Микеланджело, - должен был выглядеть Давид в то утро, когда он вышел на битву с Голиафом". И этот Давид, этот гигант - разве же он не символ Флоренции!

Вернувшись к себе, он как можно вдумчивей еще раз перечитал рассказ о Давиде. Несколько дней он набрасывал на бумаге могучие мужские фигуры, нащупывая образ Давида, достойный библейской легенды. Один за другим он представлял свои проекты бывшему знакомцу по дворцу Медичи - гонфалоньеру Содерини, обращался к цеху шерстяников, в строительную управу при Соборе. Все оказалось напрасным, он был загнан в тупик, но весь, как в лихорадке, горел жаждой тесать и рубить мрамор.

2

Отец ждал его, сидя в черном кожаном кресле, в самой дальней комнате квартиры. На коленях у него лежал конверт, только что доставленный с почтой из Рима. Микеланджело вскрыл его ножом. Из конверта выпали мелко исписанные рукою Якопо Галли листки, в которых он сообщал, что кардинал Пикколомини вот-вот должен подписать договор с Микеланджело. "Однако я обязан предупредить, - писал Галли, - что заказ этот совсем не относится к числу таких, какого вы хотели бы и какого заслуживаете".

- Читай дальше, - приказал Лодовико, и его темно-янтарные глаза радостно заблестели.

Микеланджело читал и мрачнел все больше: из письма вытекало, что он должен создать пятнадцать небольших фигур, все в полном одеянии, и что фигуры эти поставят в узкие ниши обыкновенного алтаря работы Андреа Бреньо. Подготовительные рисунки подлежат утверждению кардинала, а мраморные фигуры, если они на удовлетворят его преосвященство, высекаются заново. Оплата составит пятьсот дукатов; Микеланджело обязан не брать никакого другого заказа в течение трех лет; предполагается, что в конце этого срока будет закончена и утверждена кардиналом последняя из заказанных статуй.

Лодовико вытянул перед собой растопыренные пальцы, словно грея их над жаровней.

- Пять сотен золотых дукатов за три года работы. Это не такой хороший заработок, какой у тебя был в Риме, но, учитывая наши доходы и скромный образ жизни...

- Вы заблуждаетесь, отец. Я буду должен платить за мрамор. И если кардинал не одобрит работу, мне придется ее переделывать, даже высекать новые фигуры.

- Это если кардинал не одобрит... Но когда Галли, хитрый банкир, готов ручаться, что ты изобразишь лучшие статуи в Италии, разве мы такие глупцы, чтобы беспокоиться? Сколько тебе заплатят в качестве аванса? "Тот, кто дает быстро, дает вдвое".

- Аванса не положено.

- На какие же деньги, они считают, ты будешь закупать материалы? Неужели они думают, что у меня монетный двор?

- Нет, отец, я уверен, что они не столь наивны.

- Слава те господи! Галли должен настоять на том, чтобы они выплатили тебе по договору аванс в сто дукатов еще до начала работы. Тогда мы не будем в проигрыше.

Микеланджело устало опустился в кресло.

- Три года высекать драпировки. И ни одной фигуры по моему замыслу.

Он вскочил с кресла, пробежал из угла в угол по комнате и метнулся в дверь. Он шагал, всячески сокращая путь, по направлению к Барджелло и площади Сан Фиренце и через узкий проулок вышел на сияющий свет площади Синьории. Здесь ему пришлось обойти аккуратно выложенную груды серого пепла - ее глубокой ночью насыпал кто-то из почитателей Савонаролы, чтобы отметить место его сожжения; затем Микеланджело оказался на широких ступенях, ведущих во двор Синьории. Вот с левой стороны открылась каменная лестница, и, перешагивая через три ступеньки сразу, Микеланджело поднялся в высокий пышный зал Совета, где могла вместиться тысяча человек одновременно. Зал был пуст, в нем на помосте в дальнем углу стоял лишь стол и дюжина стульев.

Оглядевшись, Микеланджело отворил левую дверь, ведущую в покои, обычно занимаемые подестой, каким был, например, его друг Джанфранческо Альдовранди, хотя теперь в них находился Пьеро Содерини, шестнадцатый гонфалоньер Флоренции.

Микеланджело был допущен к Содерини тотчас же. Из окон его палаты - она была угловой - открывался вид на всю площадь и на огромное пространство городских крыш; стены палаты были обшиты великолепным темным деревом, обширный потолок расписан лилиями Флоренции. За тяжелым дубовым столом сидел главный правитель республики. Когда Содерини ездил в последний раз в Рим, там в колонии флорентинцев ему говорили о Микеланджеловом "Вакхе", и он ходил в храм Святого Петра смотреть "Оплакивание".

- Ven venuto, - тихо сказал Содерини. - Что привело тебя в правительственное учреждение в столь жаркий полдень?

- Заботы и тревоги, гонфалоньер, - ответил Микеланджело. - Разве кто-нибудь приходит сюда, чтобы делиться с вами радостью?

- Именно поэтому я и сижу за таким широким столом: на нем хватит места для всех забот Флоренции.

- У вас широки и плечи.

В знак протеста Содерини по-утиному качнул головой, которую трудно было назвать красивой. Ему минуло уже пятьдесят один год - и белокурые его волосы, прикрытые шапочкой странного покроя, поблескивали сединой; у него был длинный, заостренный подбородок, крючковатый нос, желтоватая кожа, неровные, неправильной формы брови вздымались над кроткими карими глазами,

в которых не чувствовалось ни смелости, ни коварства. Во Флоренции говорили, что Содерини воплощал в себе три достоинства, не встречаемые вместе ни у одного из жителей Тосканы: он был честен, он был прост и он умел заставить дружно работать враждующие партии.

Микеланджело рассказал Пьеро Содерини о предполагаемом заказе Пикколомини.

- Я не хочу принимать этот заказ, гонфалоньер. Я горю желанием изваять Гиганта! Вы не можете добиться того, чтобы управа при Соборе и цех шерстяников объявили конкурс? Если я проиграю его, я буду хотя бы знать, что у меня не хватило способностей. И тогда приму предложение Пикколомини как нечто неизбежное.

Микеланджело тяжело дышал, ноздри у него трепетали. Содерини мягко смотрел на него из-за своего широкого стола.

- Сейчас не то время, чтобы торопить события. Наши силы истощены в войне с Пизой. Цезарь Борджиа грозит захватить Флоренцию. Вчера Синьория решила откупиться от него. Мы будем ему выплачивать тридцать шесть тысяч золотых флоринов в год жалованья как главнокомандующему военных сил Флоренции. И платить будем в течение трех лет.

- Это вымогательство! - сказал Микеланджело.

Лицо Содерини покрылось краской.

- Многие целуют руку, которую хотели бы видеть отрубленной. Очень боюсь, не придется ли платить Цезарю Борджиа и сверх этой суммы. А деньги должны собрать цехи и представить их Синьории. Теперь ты уяснил себе, что цеху шерстяников не до того, чтобы думать о конкурсе на скульптуру?

На минуту собеседники смолкли, понимаяще глядя друг на друга.

- Не лучше ли будет для тебя, - промолвил Содерини, - если ты отнесешься к предложению Пикколомини более благосклонно?

Микеланджело шумно вздохнул:

- Кардинал Пикколомини хочет, чтобы все пятнадцать статуй делались по его вкусу. Я ведь не могу взяться за резец, пока он не одобрит мои проекты. И какая за это плата? Чуть больше тридцати трех дукатов за фигуру - таких средств едва хватит лишь на то, чтобы снять помещение да купить материалы...

- Давно уже ты не работал по мрамору?

- Больше года.

- А когда в последний раз получал деньги?

- Больше двух лет назад.

У Микеланджело дрожали губы.

- Поймите же, прошу вас. Ведь этот алтарь строил Бреньо. Все фигуры кардинал потребует закутать с головы до ног; они будут стоять в темных нишах; их там не отличишь от печного горшка! Зачем мне на три года связывать свою жизнь с этим алтарем и украшать его, когда он и без того достаточно украшен?

Голос его, в котором звучала мука, раздавался теперь по всей палате.

- Исполни сегодня то, что надлежит исполнить сегодня, - твердо заключил Содерини. - А завтра ты будешь волен делать то, что следует делать завтра. Вот мы даем взятку Цезарю Борджиа. Разве для тебя, художника, этот заказ не то же самое, что подкуп Борджиа для нас, правителей государства? Вся сила в единственном законе, который гласит: надо выжить.

Настоятель монастыря Санто Спирито Бикьеллини, сидя за столом в своем заполненном манускриптами кабинете, гневно отодвинул бумаги в сторону, глаза его из-под очков так и сверкали.

- Это в каком же смысле - выжить? Быть живым и жить, как живут звери? Позор! Я уверен, что шесть лет назад Микеланджело не допустил бы подобной мысли. Он не сказал бы себе: "Лучше посредственная работа, чем никакой". Это самое настоящее соглашательство, на которое идет только посредственность.

- Бесспорно, отец.

- Тогда не бери этого заказа. Делай как можно лучше то, на что ты способен, или не прикладывай рук вовсе.

- В конечном счете вы, разумеется, правы, но что касается ближайших целей, то я думаю, истина тут на стороне Содерини и моего родителя.

- Конечный счет и ближайшая цель - да таких понятий нет, их не

существует! - воскликнул настоятель, краснея от возмущения. - Есть только богом данные и богом же отсчитанные годы, и пока ты жив, трудись и осуществляй то, для чего ты рожден. Не расточай времени напрасно.

Микеланджело устыженно опустил голову.

- Пусть я говорю сейчас как моралист, - продолжал настоятель уже спокойно, - но ты, пожалуйста, помни: заботиться о тебе, воспитывать у тебя характер - это мой долг.

Микеланджело вышел на яркий солнечный свет, присел на край фонтана на площади Санто Спирито и стал плескать себе в лицо холодную воду - в точности так, как он делал это в те ночи, когда пробирался домой из монастырской покойницкой.

- Целых три года! Dio mio, - бормотал он.

Он пошел к Граначчи и стал жаловаться ему, но тот не хотел и слушать.

- Без работы, Микеланджело, ты будешь самым несчастным человеком на свете. И что за беда, если тебе придется высекать скучные фигуры? Даже худшая твоя работа окажется лучше, чем самая удачная у любого другого мастера.

- Да ты просто спятил. Ты и оскорбляешь меня, и льстишь в одно и то же время.

Граначчи ухмыльнулся:

- Я тебе советую: изготовь по договору столько статуй, сколько успеешь. Любой флорентинец поможет тебе, лишь бы утереть нос Сиене.

- Утереть нос кардиналу?

Граначчи заговорил теперь куда серьезнее:

- Микеланджело, посмотри на дело трезво. Ты хочешь работать - значит, бери заказ у Пикколомини и выполняй его на совесть. Когда тебе подвернется заказ интересней, ты будешь высекать вещи, которые тебе по душе, и пойдём-ка со мной на обед в общество Горшка!

Микеланджело покачал головой.

- Нет, я не пойду.

3

Он снова надолго приткнулся к рисовальному столу, набрасывая эскизы к "Богородице" для братьев Мускросов и пытаясь хотя бы смутно представить себе фигуры святых для Пикколомини. Но мысли его были только о колонне Дуччио и о Гиганте-Давиде. Сам того не замечая, он раскрыл Библию и в Книге Царств, главе 16, прочитал:

"А от Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух от Господа... И отвечал Саул слугам своим: найдите мне человека, хорошо играющего, и представьте его ко мне. Тогда один из слуг его сказал: вот я усидел у Иессея, Вифлеемлянина, сына, умеющего" играть, человека храброго и воинственного, и разумного в речах и видного собою, и Господь с ним".

Чуть дальше, в той главе, где Саул спрашивает, мудро ли поступил Давид, выйдя на бой с Голиафом, Давид говорит:

"Раб твой пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь, и уносил овцу из стада, то я гнался за ним, и нападал на него, и отнимал из пасти его; и если он бросался на меня, то я брал его за космы и поражал его и умерщвлял его. И льва и медведя убивал раб твой".

Микеланджело сидел, глядя на строки: "Приходил лев или медведь... то я брал его за космы и поражал его и умерщвлял его". Разве есть еще в Библии подвиг силы и отваги величавее этого? Юноша, без оружия и брони, преследует самых могучих зверей, хватает их и душит голыми руками.

А есть ли во Флоренции из всех изображений Давида, которые он видел, хоть одно, где Давид казался бы способным на такую дерзкую мысль, не говоря уже о ее осуществлении? Утром Микеланджело стоял перед картиной Кастаньо, оглядывая юного Давида: тонкие бедра и голени, изящные, маленькие руки и ступни ног, копна курчавых волос, венчающая нежно

выточенное милое лицо, - нечто среднее между мужчиной и женщиной. Микеланджело пошел взглянуть и на более раннюю картину - на "Давида-Победителя" Антонио Поллайоло; у того Давид крепко упирался ногами в землю, но его хрупкие, словно у дамы, пальчики были изогнуты так, будто он собирался взять в руки чашечку сливок. У юноши был хорошо развитый торс и чувствовалась некая решимость в позе, но отороченный кружевами кафтан с кружевной же рубашкой флорентинского аристократа придавал ему вид, как убеждался Микеланджело, самого изысканного, самого модного пастушка на свете.

Скоро Микеланджело был во дворце Синьории и, поднявшись по лестнице, направился в зал Лилий. Снаружи, возле дверей, стоял бронзовый "Давид" Верроккио - задумчиво-нежный юноша. В самом зале находился первый "Давид" Донателло, высеченный из мрамора. Микеланджело никогда не видел его раньше и изумился тонкости отделки, чутью ваятеля в передаче телесной плоти. Руки у Давида были сильные, та его нога, которую не скрывала длинная, роскошная мантия, выглядела гораздо массивней и тяжелей, чем на картинах Кастаньо и Поллайоло, шея толще. Но глаза были пустоватые, подбородок безвольный, рот вялый, а лишенное экспрессии лицо украшал веночек из листьев и ягод.

Микеланджело сошел по каменным ступеням во дворик и остановился перед Донателловым "Давидом" из бронзы: эту статую когда-то он видел ежедневно в течение двух лет, живя во дворце Медичи; ныне, после того как дворец был разграблен, городские власти перенесли ее сюда. Это изваяние он любил всей душой: бедра, голени, ступни бронзового юноши были достаточно сильны, чтобы нести тело, руки и шея крепкие и округлые. Однако теперь, когда он смотрел на статую критически, он видел, что, как и у любой флорентийской статуи Давида, у Донателлова изваяния слишком приятные, почти женские черты лица, затененные богато декорированной шляпой, и чересчур длинные кудри, рассыпавшиеся по плечам. Несмотря на мальчишеский детородный орган, у него чувствовались слегка налившиеся груди юной девушки.

Микеланджело вернулся домой, в голове у него была полная сумятица. Все эти Давиды, и в особенности два Давида любимого Донателло, - просто хрупкие, слабые мальчики. Они не смогли бы задушить льва и медведя, а тем более убить Голиафа, чья мертвая голова лежала у их ног. Почему же лучшие художники Флоренции изображали Давида или нежным юношей, или выхоленным и разнаряженным модником? Разве они знали лишь одно описание Давида: "Он был белокур, с красивыми глазами и приятным лицом" - и не читали про него ничего больше? Почему ни один художник не подумал как следует об этих словах: "И если он бросался на меня, то я брал его за космы и поражал его и умерщвлял его. И льва и медведя убивал раб твой".

Давид был мужчиной! Он совершал эти подвиги еще до того, как его избрал господь. Все, чего он достиг, он достиг один, обязанный только своему великому сердцу и могучим рукам. Такой человек мог без колебаний пойти на Голиафа, будь Голиаф и великаном, носившим на себе чешуйчатую броню в пять тысяч сиклей меди. Что этому юноше Голиаф, если он смотрел в глаза львам и медведям и побеждал их в честном поединке?

Рано утром, прихватив с собой все, что нужно для замеров, Микеланджело шел по мокрым после уборки улицам к мастерской при Соборе. Там он долго прикидывал, как вписываются его рисунки в камень Дуччио, тщательно, стараясь не ошибиться ни на волос, вычислял расстояние между самой глубокой точкой впадины на глыбе и противоположной ее стороной, с тем чтобы твердо убедиться, возможно ли высечь из этого блока Давида, самая узкая часть фигуры которого - бедра - должна была войти в перешеек камня у выемки.

- Толку не будет, - приговаривал Бэппе. - Вот уже пятьдесят лет я гляжу, как скульпторы меряют этот камень то тут, то там. И всегда говорят одно: "Плохо. Никакая фигура не получится".

- Все зависит от изобретательности, Бэппе. Гляди, я нарисую тебе контуры этого камня и скажу, что выходит. Вот эта точка показывает крайнюю глубину впадины и делит колонну по длине на две почти равные части. А теперь давай предположим, что, уходя от впадины, мы сдвинем поясицу и бедра в бок и для устойчивости позы высечем с противоположной стороны резко выдвинувшееся запястье руки...

Бэппе задумчиво почесал себе зад.

- Эге, - воскликнул Микеланджело, - видно, ты понял, что толк будет. Я

ведь знаю, где ты чешешь свои телеса, когда бываешь чем-то доволен.

Шла неделя за неделей. Микеланджело стало известно, что Рустичи заявил, будто работа над колонной Дуччио для него слишком сложна. Сансовино для того, чтобы из камня получилось хоть что-то путное, потребовал дополнительный блок мрамора. Многие скульпторы Флоренции, в том числе Баччио, Бульони и Бенедетто да Роведзано, осматривали колонну и разочарованно шли прочь, говоря, что поскольку поперек ее, почти на самой середине, проходит глубокая выемка, то; колонна в этом месте разломится надвое.

Посыльный доставил пакет из Рима, в котором лежал договор с Пикколомини.

"Преосвященный кардинал Сиены поручает Микеланджело, сыну Лодовико Буонарроти Симони, скульптору из Флоренции, изготовить пятнадцать статуй из каррарского мрамора, который должен быть новым, чистым, белым, без пятен и прожилок, словом, таким совершенным, какой идет на первоклассные по качеству статуи, каждая из которых должна быть в два локтя высоты и которые должны быть все закончены в течение трех лет за сумму в пятьсот больших золотых дукатов..."

Якопо Галли все же добивался аванса в сто дукатов, обязавшись возвратить эти деньги кардиналу Пикколомини в том случае, если Микеланджело умрет, не закончив трех последних статуй. Кардинал Пикколомини уже одобрил первые Микеланджеловы наброски, но была в договоре статья, прямо-таки взбесившая Микеланджело. "Поскольку Святого Франциска уже ваял Пьетро Торриджани, но оставил незавершенными одеяние и голову, Микеланджело должен из уважения и любезности закончить статую в Сиене, с тем, чтобы эта статуя могла быть помещена среди других, изготовленных им, и все, кто увидит ее, говорили бы, что это работа рук Микеланджело".

- Я и ведать не ведал, что Торриджани когда-то уже начинал эту работу, - возмущался Микеланджело, разговаривая с Граначчи. - Какое бесчестие, если я начну подчищать его пачкотню!

- Резко же ты выражаешься, - заметил Граначчи. - Лучше взглянуть на дело по-иному: Торриджани не сумел изваять, как положено, даже одной фигуры, и кардинал Пикколомини вынужден обратиться к тебе, чтобы работа была выполнена достойно.

Галли торопил Микеланджело подписать договор и браться за дело немедленно. "На будущую весну, когда братья Мускроны приедут из Брюгге, я уговорю их заказать вам статую по вашему вкусу - "Богоматерь с Младенцем". Таким образом, есть еще добрые надежды и на будущее".

Микеланджело собрал кипу новых рисунков к "Давиду" и снова отправился уговаривать и убеждать Пьеро Содерини. Ведь заказ на статую попадет в его руки только в том случае, если гонфалоньер будет решителен и заставит, наконец, действовать цех шерстяников.

- Да, я могу его принудить к этому, - соглашался Содерини. - Но это значит, что и цех шерстяников, и управа при Соборе пойдут против собственной воли. И конечно, будут отвергать тебя. А нам требуется, чтоб они, во-первых, заказали эту статую и, во-вторых, чтобы они сами избрали тебя в качестве скульптора. Ты чувствуешь, что это разные вещи?

- Да, - с горечью ответил Микеланджело, - это, пожалуй, верно. Но ждать я больше не могу.

Неподалеку от Виа дель Проконсоло, почти рядом с церковью Бадиа, под одной из арок существовал проход - выглядел он так, словно вел во дворик какого-то дворца. Микеланджело нырял под эту арку бесконечное число раз, идя из дома в Сады Медичи, и знал, что за нею открывается площадь, где жили мастеровые, - особый мир, наглухо отгороженный, окруженный задними стенами дворцов, низкими башнями и приземистыми двухэтажными строениями. Тут, на этой площади, ютилось десятка два разных мастерских - дубильных, медных, столярных, красильных, канатных, изготавливающих ножи и ножицы. Товар свой эти ремесленники сбывали на больших рынках и людных улицах Корсо и Пелличчерии. Здесь Микеланджело снял пустовавшую мастерскую, в которой когда-то работал сапожник, - мастерская выходила окнами на южную сторону овальной по форма площади, и в ней почти весь день стояло солнце. Оплатив помещение за три месяца вперед, Микеланджело послал письмо

Арджиенто в Феррару, зовя его на работу, и приобрел для него обычную у подмастерьев низенькую кровать на колесиках, задвигающуюся на день под кровать хозяина.

В знойные дни июня мастерские работали, расположившись на скамьях у открытых дверей, - руки красильщиков отливали голубым, зеленым, красным, металлисты трудились в кожаных фартуках, обнажив свои плотные тела до пояса, столяры пилили и строгали дерево, отшвыривая в сторону пахнущие свежестью стружки; всякий инструмент производил особый, свойственный только ему шум, сливающийся с шумом другого инструмента, и в тесном пространстве площади они звучали согласно, как музыка, родная и близкая слуху Микеланджело. Здесь, в мастерской, где буквально рядом жил простой трудовой люд, у него было такое же чувство спокойного уединения, которое он знал у своего рабочего стола в Риме, когда за окнами, подле гостиницы "Медведь", сновала и суетилась пестрая людская толпа.

Арджиенто приехал покрытый пылью, в разбитых башмаках и, выскребая в комнате последние следы пребывания сапожника, без умолку болтал все утро; он не мог сдержать своей радости по поводу того, что избавился от брата и его хозяйства.

- Не понимаю тебя, Арджиенто. Когда мы жили в Риме, ты каждое воскресенье спешил за город, чтобы посмотреть на лошадей.

Оторвавшись от ведра с мыльной пеной, Арджиенто поднял свое потное лицо:

- Я люблю побывать в деревне, посмотреть, а работать там мне не нравится.

Столяр, живший напротив, помог Микеланджело сколотить рисовальный стол, и они поставили его у самых дверей. Арджиенто обегал всю Скобяную улицу, разыскивая подержанный горн. Микеланджело купил железные бруски и корзину каштановых углей - надо было изготовлять резцы. Он нашел во Флоренции два блока мрамора величиной в аршин и двадцать дюймов, наказав доставить еще три блока из Каррары. Затем, не прибегая ни к восковым, ни к глиняным моделям и не заглядывая в рисунки, одобренные кардиналом Пикколомини, он начал обрабатывать белоснежные блоки - теперь он чувствовал только одно: жажду приложить свои руки к мрамору. Он изваял сначала Святого Павла, с бородой, с красивыми чертами лица, - в этом первом проповеднике христианства был и римский колорит, и налет греческой культуры; тело его, несмотря на обширную мантию, Микеланджело сделал мускулистым и напряженным. Не дав себе передышки, он тотчас приступил к статуе Святого Петра - ближайшего из учеников Христа, свидетеля его воскресения, того Петра-камня, на котором была воздвигнута новая церковь. Эта статуя была гораздо сдержанней, спокойней, в ней ощущалась одухотворенная задумчивость; продольные складки мантии святого выразительно оттенял тяжелый шарф, брошенный поперек груди и плеч.

Трудовой люд на площади принял Микеланджело как еще одного искусного мастерского, который в рабочей одежде приходит в свою каморку чуть не на заре, сразу после того, как подмастерья вымоют мостовую, и кончает работу затемно - его волосы, щеки, нос, рубашка, голые до колен ноги бывают к тому времени усыпаны белой мраморной пылью, в точности так, как они могли быть усыпаны стружкой, обрезками кожи или хлопьями пакли. Порой какой-нибудь столяр или красильщик, напрягая голос, чтобы перекрыть визг пилы, стук молотков, острые скрипы ножей и песню резцов Микеланджело, взрезающих белый мрамор подобно тому, как взрезает весеннюю почву лемех плуга, кричал:

- Это прямо-таки чудо! Вся Флоренция задыхается от зноя, а на нашей площади белая метель.

Он держал местонахождение своей мастерской в тайне ото всех, за исключением Граначчи; тот, идя домой обедать, заглядывал сюда по пути и приносил свежие городские новости.

- Я не верю своим глазам! Девятнадцатого июня ты подписал договор, сейчас только середина июля, а у тебя уже готовы две статуи. И они вполне хороши, хотя ты и плачешься, что не можешь больше изваять ничего достойного. Если дело так пойдет и дальше, ты закончишь пятнадцать статуй в семь месяцев.

- Эти две первые статуи неплохие, в них вложена моя жажда работы. Но когда их втиснут в узенькие ниши, они тут же умрут, исчезнут. Следующие

две фигуры у меня - папа Пий Второй и Григорий Великий, в тиарах, как полагается, и в длинных жестких мантиях...

- Но почему ты не поедешь в Сиену и не разделаешься с Торриджани? - прервал его Граначчи. - Поверь, тебе сразу станет легче.

В тот же день Микеланджело уехал в Сиену.

4

Тоскана - благословенный край. Земля ее вылеплена так любовно, что взор обнимает горы и долины, не спотыкаясь ни об один камень. Скаты и верхи мягко расступающихся холмов, отвесные линии кипарисов, террасы, высеченные многими поколениями людей, вложивших в эти утесы и скалы всю свою нежность и мастерство, геометрически расчерченные поля, по которым словно бы прошла, в двойной заботе о красоте и урожае, рука художника; зубчатые стены замков по гребням холмов и высокие башни, отливающие среди лесной зелени серо-голубым и золотистым, воздух такой чистоты, что каждая пядь земли во всех мелочах виднеется с ослепительной ясностью. Под ногами Микеланджело расстилались нивы, где под июльским солнцем уже вызрели ячмень и овес, бобы и свекла; по обеим сторонам дороги тянулись шпалеры виноградника, вплетенного в горизонтальные ветви серебристо-зеленых олив, - этот сквозной, будто перепончатый сад навевал мысли о вине, об оливковом масле, о прелести кружевной листвы.

Поднимаясь по отлогому кряжу все выше и выше, к чистейшему итальянскому небу, вдыхая этот дивный воздух, Микеланджело испытывал восторг: все его существо теперь словно бы облагородилось, суэта и убожество обыденщины спадали с плеч - такое наслаждение он чувствовал лишь в те минуты, когда резал и рубил белый мрамор. Тоскана как бы размыкала все узлы человеческих страстей и печалей, выметая зло из земного мира. Бог и человек соединили свои силы, чтобы создать это величайшее творение искусства. По живописности и красоте, думал Микеланджело, здесь мог бы быть Эдем, райский сад. Адам и Ева покинули его, но для глаз скульптора, озирающего волнистые отроги гор, распахнутых в огромном пространстве, нежную нить зеленой реки, вьющейся внизу, среди долины, пятна каменных домиков с солнечно-яркими черепичными кровлями и далекие лиловые стога, - для его глаз Тоскана была раем. И он припомнил вдруг строки, которые напевал в детстве:

Италия - это сад Европы,
Тоскана - это сад Италии,
Флоренция - цветок Тосканы.

Еще до заката солнца он достиг высоты, господствующей над Поджибонси: Апеннины здесь были уже покрыты девственным лесом, реки и озера под косыми вечерними лучами сверкали, словно расплавленное серебро. Обширным скатом холма он спустился к Поджибонси, городку виноделов, кинул свою кладь в чистенькой, с выскобленным полом гостинице и поднялся на окрестные горы. Ему хотелось оглядеть творение Джулиано да Сангалло - Поджо Имперiale. Этот дворец-крепость был возведен по приказу Лоренцо, чтобы препятствовать вражеским армиям проникать отсюда в долину, ведущую прямо к Флоренции, но когда Лоренцо умер, Имперский Холм был оставлен без присмотра.

Он с трудом сошел в город по скалистой тропе. Во дворе гостиницы ему подали ужин, он хорошенько выпался, встал с петухами и затем пустился во вторую половину пути.

Сиена оказалась городом красно-коричневого цвета - кирпич здесь делался из местной красноватой земли, точно так, как кирпич в Болонье - из жжено-оранжевой болонской земли. Микеланджело миновал городские ворота и въехал на площадь дель Кампо, напоминающую по очертаниям огромную раковину, - тут по холму, огибающему площадь, сплошной стеной тянулись

частные особняки, а на противоположной стороне высился дворец Общины, над ним пронзала небо прекрасная и дерзкая в своем полете башня Манджиа: от совершенства ее скульптурной пластики захватывало дух.

Спешившись, он прошел на середину площади – здесь каждое лето сиенцы устраивали бешеные конные скачки. Обозрев чудесный фонтан работы делла Кверча, Микеланджело поднялся по пологому маршу каменной лестницы к баптистерию: в нем была купель, созданная делла Кверча, Донателло и Гибerti.

Обойдя вокруг купели и полюбовавшись работой лучших скульпторов Италии, он вышел из баптистерия и стал взбираться на крутой, как гора, холм, к кафедральному собору. С чувством благоговения смотрел он на черно-белый мраморный фасад собора с его великолепно изваянными фигурами работы Джованни Пизано, на круглые ажурные окна, на черно-белую мраморную кампанилу. Войдя внутрь, он ступил на мощные мраморные плиты с черно-белой мозаикой, изображающей сцены из Ветхого и Нового завета.

И тут его сердце словно оборвалось и упало. Перед ним был алтарь Бреньо, – ниши алтаря оказались гораздо мельче, чем он воображал, и над каждой из них надстроен похожий на раковину купол с густой насечкой: под такую кровлей лица предполагаемых фигур должны были утратить всякое выражение. Некоторые ниши помещались столь высоко, что о том, какие в них стоят изваяния, зритель не мог и догадаться.

Микеланджело принялся было измерять эти ниши, прикидывая в уме, на какой высоте следует поставить фигуры святых, и вдруг заметил, что к нему приближается смотритель – довольно приятный на вид румяный мужчина средних лет.

– Ах, это вы тот самый Микеланджело Буонарроти, которого мы ожидали, – сыпал словами смотритель, едва успев поздороваться. – Святого Франциска привезли из Рима уже несколько недель назад. Я поставил его в прохладном помещении неподалеку от баптистерия. Кардинал Пикколомини велел мне хорошенько позаботиться о вас. Вам приготовлена комната в нашем доме, как раз напротив площади. Моя жена отлично готовит, у нас бывает прекрасная сиенская лапша с заячьим соусом.

Микеланджело решил прервать этот поток слов.

– Вы не проведете меня к Святому Франциску? Мне надо поглядеть, сколько там осталось работы.

– Ну разумеется! И, сделайте милость, не забывайте, что вы здесь гость кардинала Пикколомини, а кардинал у нас – великий человек...

При виде скульптуры Торриджани у Микеланджело перехватило дыхание. Это был топорный, безжизненный болван, наглухо закутанный в ниспадающие одежды, под которыми нельзя было почувствовать ничего человеческого; руки без признаков вен, кожи или костей; жесткое, стилизованное, тупое лицо... все это мгновенно отметил про себя Микеланджело, пока его глаза безжалостно обшаривали незавершенный мрамор.

Он поклялся отдать бедному изувеченному Франциску, которого сейчас не узнали бы и птицы, всю свою любовь и все свое мастерство. Надо будет заново вторгнуться в толщу блока, содрать пошлые украшения, обрубив, где следует, опозоренный камень, переосмыслить всю фигуру, весь облик Франциска, с тем чтобы он явился таким, каким его видел Микеланджело, – нежнейшим из всех святых. Потом, хорошенько выспавшись, Микеланджело принесет сюда принадлежности для рисования и засядет в этой прохладной, высеченной в громаде собора, комнате, с рассеянным светом верхнего окна, чтобы думать и искать, искать до тех пор, пока Святой Франциск не предстанет взору во всей своей любви к сирым, бедным и покинутым.

На следующий день он уже сделал рисунки. А вечером оттачивал чьи-то старые резцы, для уверенности приучал к ним свои руки, применялся к весу молотка. С рассветом он начал рубить камень, и работа закипела, теперь из уже сильно стесанного блока возникло изможденное от странствий тело, худые, костлявые, прикрытые ветхой мантией плечи, трогательно выразительные руки, тонкие, с узловатыми коленями, усталые ноги, некогда долго шагавшие по дорогам, – всем встречным святой оказывал помощь и, боготворя все сущее в природе, принимал его как благо.

Он чувствовал сейчас полное свое слияние со Святым Франциском и с этим изувеченным камнем, из которого вырастал святой. Перейдя к голове Франциска, он изваял у него свои собственные волосы, начесанные на лоб и

ровно подстриженные над бровями, свое собственное вогнутое лицо, каким он видел его в зеркале во дворце Медичи наутро после удара Торриджани: расплющенный в переносице нос, в профиль напоминающий букву S, шишка над глазом, распухшая скула; Святой Франциск с печалью глядел на то, что открывалось ему в божьем мире, но в грустно-болезненных чертах его лица, ясно читалось всепрощение, светлая ласка и покорность.

Печаль не оставляла Микеланджело и в тот час, когда он уже подъезжал к Флоренции, пробираясь меж холмов Кьанти. Устало слез он с лошади и, с седельной сумой на плече, зашагал к своей мастерской. Арджиенто нетерпеливо переминался с ноги на ногу, выжидая, когда Микеланджело обратит на него внимание.

- Ну, Арджиенто, что тебя так мучит?

- Гонфалоньер Содерини. Он хочет видеть вас. То и дело присылал к нам пажа!

Вся площадь Синьории пылала в оранжевом свете - горящие плоски с маслом были подвешены у каждого окна и гирляндами обрамляли верх зубчатой башни. Содерини оставил своих коллег по Совету, сидящих в верхней лоджии, и встретил Микеланджело у постамента Донателловой "Юдифи". Он был в простой шелковой рубашке - вечер томил душным жаром, - но лицо гонфалоньера выражало сдержанную гордость и удовлетворение.

- Зачем эти огненные плоски? В честь чего такое празднество?

- В честь тебя.

- Меня?

- Да, отчасти. - Глаза Содерини, в бликах оранжевого света, загадочно щурились. - Сегодня в полдень Совет принял новую конституцию. Это официальное объяснение торжеств. А неофициальное объяснение заключается в том, что старшины цеха шерстяников и Собор передали тебе "Гиганта"...

Микеланджело замер. Это было невероятно. Колонна Дуччио стала его!

- Когда мы увидели, что наш лучший ваятель попал в сети к сиенскому кардиналу, мы задали себе вопрос: "Неужто Сиена считает, что Флоренция не ценит своих художников? Или думает, что у нас нет возможности дать им работу?" Ведь что ни говори, а мы целые годы воевали с сиенцами...

- По у меня договор с Пикколомини...

- В силу патриотического долга ты обязан отложить договор с Пикколомини и уже в сентябре заняться блоком Дуччио.

Микеланджело почувствовал, что у него жжет под веками и вот-вот навернутся слезы.

- Как мне благодарить вас?

Содерини медленно покачал своей узкой головой с желтовато-седыми жидкими волосами и негромко сказал:

- Мы оба - дети Великолепного; мы должны уважать эти узы.

5

Ноги сами несли его через Борго Пинти на Виа дельи Артисти, затем к городским воротам и, вдоль реки Аффрико, к холмам Сеттиньяно.

- Эй, у меня новость! - вскричал Микеланджело. - Самая свежая, с пылу, с жару. Колонна Дуччио теперь моя!

- Значит, мы можем уже доверить тебе отделять оконные наличники, - не без иронии отозвался отец семейства.

Микеланджело раскинул перед ним ладони:

- Спасибо за честь, padre mio, но настоящий скальпеллино любит рубить камень - и тут хоть лопни!

Он остался у Тополино ночевать, спал на старом соломенном тюфяке, под аркой, между дедом и самым младшим из внуков. Встал на рассвете и пошел вместе с мужчинами тесать светлый камень. Проработал он недолго, пока над долиной не поднялось солнце, потом вернулся в дом. Мать семейства подала ему кувшин холодной воды.

- Madre mia, что с Контессиной?

- Она очень слаба... Но это не самое худшее. Синьория запретила, чтобы кто-нибудь помогал им. - И красноречивым тосканским жестом безнадежности старуха развела руки в стороны. - Яд ненависти, оставленный Пьеро, еще действует.

Микеланджело выпил почти весь кувшин, снова вышел на рабочий двор и спросил Бруно:

- У тебя есть в запасе несколько железных брусков?

- Как же не быть? Всегда есть.

Микеланджело подложил в горн дров, разжег его и отковал набор маленьких резцов и молотков - такой "детский" инструмент изготавливал для него, когда ему было шесть лет, старый Тополино. Затем он обтесал продолговатую плиту светлого камня и вырезал на ней азбуку скальпеллино - от узора в елочку до тех борозд, что процарапывает крайний зуб троянки.

- Addio, - попрощался он с Тополино.

По какому-то таинственному наитию Тополино твердо знали, что, услышав о своей большой удаче, Микеланджело пришел поделиться этой вестью прежде всего к ним. Его приход, ночлег в доме, работа за компанию с мужчинами - все говорило о том, что любовь Микеланджело к семейству каменотесов жива.

Конь, которого он взял у Тополино, был стар и ненадежен. Не одолев и половины подъема по крутой тропе, Микеланджело слез с седла и повел коня в поводу. На перевале он повернул к западу, и перед ним открылась долина Муньоне - небо над ней было залито розовым и пурпурным светом. Здесь лежал кратчайший путь к Фьезоле, северному якорю этрусской лиги городов, первым опорным пунктом которой был город Вейи, поблизости от Рима. Легионы Цезаря не без труда покорили здешние места. Цезарь думал, что он смел Фьезоле с лица земли, но, спускаясь по северному склону и видя в отдалении виллу Полициано "Диана", Микеланджело проехал мимо прочных, не тронутых временем этрусских стен и новых домов, сложенных из камня древнего города.

Жилище Контессины было расположено в ложине, подле круто сбегавшей вниз узкой дороги, на полпути от гребня горы до реки Муньоне. Когда-то это был крестьянский домик, принадлежавший стоявшему на горе замку. Микеланджело привязал лошадь к оливе, прошел через грядки огорода и на маленькой каменной террасе перед домиком увидел семейство Ридольфи. Контессина сидела на стуле с тростниковой спинкой, кормя грудью младенца, шестилетний мальчик играл у ее ног. Микеланджело сверху, с бугра, сказал негромко и мягко:

- Это я, Микеланджело Буонарроти, приехал навестить вас.

Контессина быстро подняла голову, прикрыла грудь.

- Микеланджело! Вот неожиданность. Спускайся же скорее. Тропинка там поворачивает вправо.

Наступила напряженная тишина, Ридольфи гордо вскинул голову, лицо у него было надменно-обиженное. Микеланджело вынул из седельной сумы каменную плиту и набор детских инструментов и прошел по дорожке к дому. Ридольфи по-прежнему холодно смотрел поверх его головы, недвижный, надменный.

- Власти отдали мне вчера колонну Дуччио. Я должен был приехать к вам и сказать это. Так пожелал бы Великолепный. А потом я вспомнил, что вашему старшему сыну ныне исполнилось шесть лет. В таком возрасте пора начинать учение. Я буду учить его, как меня учил Тополино, когда мне было тоже шесть лет.

Контессина рассмеялась, и громкий ее смех покотился через террасу к оливам. Суровый рот Ридольфи дрогнул в усмешке. Чуть хриплым голосом он сказал:

- С вашей стороны большая любезность приехать к нам вот так. Вы ведь знаете, что мы отверженные.

Ридольфи заговорил с Микеланджело впервые в жизни, и впервые после свадьбы Контессины Микеланджело увидел его вблизи. Ридольфи не было еще и тридцати, но гонения и невзгоды уже опустошающе прошли по его лицу. Хотя он и не входил в число заговорщиков, стремившихся призвать Пьеро де Медичи, его ненависть к республике и готовность содействовать восстановлению олигархического режима во Флоренции были известны. Наследственное состояние Ридольфи, нажитое на торговле шерстью, служило теперь для финансовых нужд государства.

- Едва ли мне на пользу опьяняться подобными мыслями, - сказал Ридольфи, - но придет день, и мы вновь окажемся у власти. Тогда мы посмотрим!

Микеланджело чувствовал, как глаза Контессины жгут ему затылок. Он вполоборота посмотрел на нее. Спокойная покорность судьбе сквозила в ее лице, хотя ужин, который они только что кончили, был скуден, одежда потерта и обтрепана, а крестьянское жилище не могло не будить мыслей об их старом дворце, одном из самых роскошных во Флоренции.

- Расскажи, что нового у тебя. Как ты жил в Риме? Что изваял? Я слышала только про "Вакха".

Микеланджело вынул из-под рубашки лист рисовальной бумаги, из-за пояса угольный карандаш и набросал "Оплакивание", объяснив, что он старался выразить. Как хорошо было снова беседовать с Контессиной, смотреть в ее темные глаза. Разве они не любили друг друга, пусть это была и детская любовь? Если ты когда-то любил, разве эта любовь может умереть? Любовь так редкостна и находит тебя с таким трудом...

Контессина угадала его мысли, она всегда их угадывала. Она наклонилась к сыну:

- Луиджи, ты хочешь изучать азбуку Микеланджело?

- Нет, я хочу делать с Микеланджело новую статую!

- А я буду ходить к тебе и учить, как меня учил Бертольдо в Садах твоего дедушки. Возьми-ка вот этот молоток в одну руку и резец - в другую. На тыльной стороне этой плиты я тебе покажу, как писать по камню. С молотком и резцом в руках мы можем создавать изваяния не менее прекрасные, чем терцины Данте. Верно я говорю, Контессина?

- Да, - ответила она. - У каждого из нас есть свой алфавит, чтобы творить поэзию.

Выла уже полночь, когда он отвел лошадь к Тополино и добрался по холмам до города. Отец не спал, ожидал его в своем черном кожаном кресле. Очевидно, это была уже вторая ночь, как он не смыкал глаз, раздражение его дошло до предела.

- Нет, только подумать! Тебе потребовалось двое суток, чтобы найти свой дом и сообщить отцу новости. Где ты был все это время? И где твой договор? Какую сумму тебе назначили?

- Шесть флоринов в месяц.

- Сколько надо времени, чтобы кончить работу?

- Два года.

Лодовико быстро прикинул, какой получается итог, и обескураженно взглянул на Микеланджело.

- Выходит, всего-навсего сто сорок четыре флорина!

- Если по окончании работы будет решено, что я заслуживаю большего, управа согласна заплатить дополнительно.

- От кого это будет зависеть?

- От их совести.

- Ах, от совести! Разве ты не знаешь, что, когда тосканец должен развязать свой кошелек, совесть у него замолкнет?

- Мой "Давид" будет столь прекрасен, что они заплатят больше.

- Даже договор с Пикколомини выгодней, там ты получаешь триста тридцать два флорина за те же два года работы - плата в два с лишним раза выше!

Микеланджело горестно опустил голову, но Лодовико не обратил на это внимания. Решительным тоном, означающим конец разговора, он сказал:

- Буонарроти не столь богаты, чтобы заниматься благотворительностью и жертвовать цеху шерстяников и Собору сумму в сто восемьдесят восемь флоринов. Скажи им, что ты не примешься за Давида, пока не заработаешь свои пятьсот дукатов в Сиене...

Микеланджело почел разумным сдержаться. Он спокойно произнес:

- Отец, я буду высекать "Давида". И зачем вы вечно затеваете эти пустые споры?

Несколько часов спустя брат Буонаррото говорил Микеланджело:

- Споры не такие уж пустые. Скажи, сколько флоринов ты собирался давать отцу до этого разговора?

- Три. Половина заработка ему, половина мне.

- А сейчас ты согласился давать ему пять.

- Мне надо было как-то успокоить его.

- Выходит, всего за час спора он обеспечил себе два лишних флорина в месяц - и это на целый год!

Микеланджело устало вздохнул:

- Что я могу сделать? Он такой старый, такой седой. Если управа будет оплачивать расходы на работу, к чему мне эти два лишних флорина?

- Да ты был в лучшем положении, когда служил подмастерьем во дворце Медичи, - с горечью упрекнул его Буонаррото. - По крайней мере, я мог тогда откладывать тебе хоть какие-то деньги.

Микеланджело посмотрел в окно, по улице Святого Прокла двигались смутные тени ночной стражи.

- Насчет отца ты, конечно, прав - я для него действительно вроде каменоломни.

6

В очередной день, когда собралось Общество Горшка, Граначчи устроил там торжественный обед. Чтобы поздравить Микеланджело с чудесной удачей, пришло одиннадцать членов Общества, причем Воттичелли, морщась и охая, приковылял на костылях, а Росселли - главу соперничавшей с Гирландайо мастерской - принесли на носилках. Рустичи обнимал Микеланджело ото всей души, Сансовино хлопал его по спине, и все поздравляли - Давид Гирландайо, Буджардини, Альбертинелли, Филиппино Липпи, Кронака, Баччио д'Аньоло, Леонардо да Винчи. Двенадцатый член Общества, Джулиано да Сангалло, оказался в отъезде.

Всю вторую половину дня Граначчи таскал в мастерскую Рустичи гирлянды колбас, холодную телятину, молочных поросят, горы пирожных, оплетенные бутылки кьянти. Когда Граначчи рассказал Соджи, что происходит, тот прислал на торжество огромный таз свиных ножек в рассоле.

Еды и напитков требовалось в самом деле немало, ибо Граначчи пригласил на обед почти весь город - всю мастерскую Гирландайо, включая одаренного сына Доменико, Ридольфо, которому исполнилось восемнадцать лет; всех учеников из Садов Медичи; десяток наиболее известных скульпторов и живописцев, таких, как Донато Бенти, Бенедетто да Роведзано, Пьеро ди Козимо, Лоренцо ди Креди, Франчабиджо, юный Андреа дель Сарто, Андреа делла Роббиа, специалист по терракоте с глазурью; лучших флорентийских мастеров - ювелиров, часовщиков, резчиков гемм, литейщиков бронзы, резчиков по дереву; мозаичиста Монте ди Джованни ди Миниато, миниатюриста Аттаванти, архитектора Франческо Филарете, являвшегося старшим герольдом Флоренции.

Умудренный в обычаях и нравах республики, Граначчи послал также приглашение гонфалоньеру Содерини, членам Синьории, старшинам цеха шерстяников, членам управы при Соборе, семейству Строцци, которое в свое время купило у Микеланджело "Геракла". Большинство приглашенных явилось, и все были готовы повеселиться: огромное сборище людей, не вместились в шумной мастерской, вышло на площадь, где их развлекали акробаты и атлеты, нанятые Граначчи; музыканты и певцы исполняли для танцующих юношей и девушек песни. Все крепко жали Микеланджело руку, хлопали его по спине и упрашивали распить стаканчик - тут мог оказаться и его друг, и случайный знакомец, и совершенно неизвестный ему человек.

Содерини положил свою ладонь на руку Микеланджело и сказал:

- С того времени как во Флоренции появился Савонарола, это первое значительное решение, принятое властями единодушно. Может быть, у нас начинается новая эра и мы сумеем покончить с глубоко засевшим в наши сердца чувством вины.

- Какую вину вы имеете в виду, гонфалоньер?

- Вину всех и вину каждого. Со смертью Великолепного мы пережили дурные времена; мы уничтожили многое из того, что делало Флоренцию первым городом мира. Взятка Цезарю Борджиа - это лишь новое бесчестье и унижение, каких

за последние девять лет мы знали множество. А сегодня, в этот вечер, мы довольны собой. Позже, когда твой мрамор будет закончен, мы, возможно, будем гордиться Микеланджело. Но сейчас мы горды за себя, за таких, какие мы есть. Мы уверены, что еще будем раздавать заказы – и большие заказы – на фрески, мозаики, бронзу и мрамор всем нашим художникам. Теперь все рождается заново. – Содерини обнял Микеланджело за плечи. – А тебе посчастливилось стать повивальной бабкой. Ухаживай же за ребенком, не спускай с него глаз!

Празднество длилось до рассвета, и два события, происшедшие за эту ночь, сыграли свою роль в жизни Микеланджело.

Первое из них наполнило его сердце радостью. Больной, престарелый Росселли собрал вокруг себя с десятков членов Общества и сказал:

– Отнюдь не мясо и вино – да простится мне такой оборот речи – заставило меня, члена Общества Горшка, добираться сюда на носилках. И вот, хотя я решительный противник того, чтобы содействовать кому-то из мастерской Гирландайо, все-таки объявляю сегодня, что уйду из Общества и назначаю своим преемником Микеланджело Буонарроти.

Таким образом Микеланджело был принят в Общество. Давно уже, начиная с той поры, когда он перестал ходить в Сады Медичи, Микеланджело не знал никаких кружков, никаких компаний. Он вспоминал теперь, как одинок он был в детстве, как трудно ему было приобретать друзей, отдаваться веселью. Вечно он был худым, некрасивым, замкнутым, никому не желанным. А теперь все художники Флоренции, даже те, что годами дожидались, когда их пригласят на обед в Общество, аплодировали его избранию.

Второй случай вызвал у Микеланджело глубокую боль. Виновником всего, хотя и невольно, оказался Леонардо да Винчи.

Этот человек раздражал Микеланджело с того самого дня, когда он впервые увидел его. Леонардо да Винчи переходил тогда площадь Синьорий, сопровождаемый своим безотлучным, любимым учеником Салаи – юношей с лицом греческой статуи, с пышными вьющимися волосами, маленьким круглым ртом и мягким круглым подбородком; одет он был своим покровителем в дорогую льняную рубашку и богато отделанный серебристой парчой плащ. Внешность Салаи была, однако, бледна и неинтересна рядом с Леонардо, ибо со времен золотой красоты Пико делла Мирандола Флоренция еще не знала столь совершенного лица, как у этого художника. Он шел, аристократически откинув свою скульптурную голову: широкий, величавый лоб окутан дымкой волнистых рыжеватых волос, спадающих до плеч, великолепный подбородок, словно изваянный из дивного каррарского мрамора, который он презирал, безупречно вылепленный широкий нос, округлые полные красные губы, освещающие все лицо, холодные голубые глаза, в которых читались поразительная проницательность и ум, нежный, будто у сельской девушки, цвет кожи.

Микеланджело не раз следил за Леонардо, когда тот шагал через площадь со своей обычной свитой слуг и приспешников, и всегда убеждался, что фигура этого человека не менее совершенна, чем его лицо: он был высок, изящен, широкоплеч, с узкими бедрами атлета, проворство и ловкость в нем сочетались с силой. Одевался он с царственным блеском, презирая в то же время условности: небрежно накинутый на плечи розовый плащ до колен, рубашка и рейтузы, обтягивающие тело до удивления плотно.

Глядя на Леонардо, Микеланджело чувствовал себя уродливым, неуклюжим; он теперь видел, насколько дурна, плохо сшита и заносена его одежда. Тщательно убранные золотистые волосы, аромат духов, кружева во круг шеи и запястий, драгоценные украшения, несказанная изысканность этого человека заставили его ощутить себя оборванцем, чумазым простолюдином.

Когда он признался в этом Рустичи, другу Леонардо, тот начал резко корить его:

– Не будь глупцом и посмотри, что скрывается под этой элегантной внешностью. У Леонардо великолепный мозг! Его изыскания в геометрии углубили труды Эвклида. Много лет он рассекает тела животных, и его тетради полны точнейших анатомических рисунков. Занимаясь геологией, он открыл на вершинах гор в верховьях Арно ископаемые существа, покрытые раковинами, и доказал, что эти ископаемые жили когда-то в воде. Он является также инженером и изобретателем невероятных механизмов – многоствольных пушек, кранов для поднятия тяжелых грузов, насосов, водяных и ветряных измерительных приборов. Вот сейчас он завершает опыты, создавая

машину, которая летает по воздуху, подобно птицам. Одеваясь с ослепительной роскошью и подражая богачам и вельможам, он стремится к тому, чтобы мир забыл, кто он есть – внебрачный сын дочери содержателя постоянного двора в Винчи. А на деле он единственный человек во Флоренции, который трудится столь же усердно и много, как и ты: двадцать часов в сутки. Разве можно не видеть истинного Леонардо под его защитной броней эlegantности?

Выслушав эту блестящую отповедь, Микеланджело был уже не в силах сказать, как рассердил его презрительной отзыв Леонардо о скульптуре. А сегодня, на этом вечере Общества Горшка, Леонардо обошелся с Микеланджело так тепло и сердечно, что его враждебная настороженность и совсем смягчилась. Но вдруг он услышал позади себя высокий дискантовый голос:

- Я отказался работать над блоком Дуччио, потому что скульптура есть механическое искусство.

- Но к Донателло ваши слова, конечно, не относятся? – отозвался более глухой и низкий голос.

- В известном смысле относятся и к нему, – отвечал Леонардо. – Скульптура менее интеллектуальна, чем живопись; ей недостает, по сравнению с живописью, столь многих естественных качеств. Я потратил на скульптуру годы и говорю вам по своему опыту: живопись куда более трудное дело, и в ней можно достигнуть большего совершенства.

- Однако если речь идет о заказе такой важности, как этот...

- Нет, нет, я никогда не буду ваять из мрамора. Эта работа вгоняет человека в пот и изнуряет все его тело. Ваятель по мрамору заканчивает свой рабочий день, весь запачканный, будто штукатур или булочник, ноздри его забиты пылью, волосы, лицо и ноги усыпаны крошкой и щебнем, одежда насквозь провоняла. Занимаясь живописью, я надеваю свои красивейшие одежды. По вечерам я заканчиваю работу таким же безупречно чистым и свежим, каким ее начал. Пока я пишу и рисую, ко мне приходят друзья и читают мне стихи или играют на музыкальных инструментах. Я утонченный человек. Скульптура же существует для мастеровых.

Микеланджело почувствовал, как вся его спина заледенела, будто от холода. Он глянул через плечо. Леонардо сидел, отвернувшись в сторону. Микеланджело затрясся от ярости. Его мучило желание подойти сейчас сбоку к Леонардо и ударить в прекрасное лицо крепким кулаком скульптора, чье ремесло этот человек так презирает. Но Микеланджело сдержал себя и быстро отошел в другой угол мастерской, смертельно обиженный не только за самого себя, но и за всех ваятелей по мрамору. Придет время, и он заставит Леонардо глубоко раскаяться в своих словах.

На следующий день он проснулся поздно. Вышел на Арно, но река обмелела, купаться было нельзя. Он прошел несколько верст вверх по течению и отыскал глубокую заводь. Вдоволь поплавав и вымывшись, он зашагал обратно, к монастырю Санто Спирито. Настоятель Бикьеллини сидел в библиотеке. Он выслушал новости, внешне храня безразличие.

- А как твой договор с Пикколомини?

- Когда цех шерстяников и Собор подпишут этот заказ, я буду свободен от остальных.

- По какому же праву? То, что ты начал, надо кончать!

- "Гигант" – это моя великая возможность. Я могу создать нечто совершенно замечательное...

- После того как ты выполнишь прежние обязательства, – прервал его настоятель. – Ты поступаешь теперь еще хуже, чем тогда, когда подписывал ненавистный тебе договор. Это самый презренный вид соглашательства. Я понимаю, – тут настоятель заговорил уже дружелюбнее, – что ты не хочешь тратить свою энергию на статуи, которые тебе не нравятся. Но ты знал, за что берешься, о самого начала. Ты поступаешься своей честью, а взамен, может быть, ничего и не выиграешь. Вдруг кардинал Пикколомини станет нашим новым папой, и тогда Синьория прикажет тебе опять работать над сиенскими фигурами – ведь подчинилась же она Александру Шестому и отправила Савонаролу на дыбу.

- У каждого свой будущий папа! – язвительно заметил Микеланджело. – Джулиано да Сангалло говорит, что новым папой будет кардинал Ровере. Лео Бальони говорит, что им будет кардинал Риарио. А вот по-вашему, это будет кардинал Пикколомини.

Настоятель поднялся из-за стола и, не глядя на Микеланджело, вышел из кабинета. Он остановился на подворье под аркой, откуда открывалась вся площадь. Микеланджело поспешил вслед за ним.

- Простите меня, отец, но я должен извять Давида.

Срезая угол площади, настоятель торопливо уходил от ворот; Микеланджело, твердо расставив ноги, стоял, не двигаясь, залитый безжалостно резким светом августовского солнца.

7

Бэппе встретил его, как приятеля, грубоватыми шутками.

- Значит, блок Дуччио переходит в твои руки без всякой платы. - Он ухмылялся и скреб свой лысый череп.

- Хочешь ты этого или не хочешь, Бэппе, но тебе придется держать меня под своим крылом целых два года.

Бэппе тяжело вздохнул:

- Можно подумать, что у меня мало хлопот и без тебя: ведь все время доглядывай, чтобы Собор был в целости, не рухнул. В управе мне говорят: подавай ему все, что ни потребует, - мрамор, резцы, красоток...

Микеланджело громко рассмеялся; заслышав его, подошли несколько мастеровых. С ними он и зашагал внутрь двора.

Рабочий двор Собора раскинулся во всю ширину квартала позади зданий управы, от Виа деи Серви с севера до улицы Башенных Часов с юга, и был обнесен кирпичной стеной высотой в сажень с лишним. В передней части двора, там, где лежала колонна Дуччио, работали мастеровые, обслуживающие Собор, задняя часть была отведена для хранения бревен, кирпича, булыжника. Микеланджело хотел обосноваться здесь так, чтобы быть поближе к рабочим, слышать их голоса и шум инструментов, и в то же время чувствовать себя в уединении. Посередине заднего двора стоял дуб, а за дубом, в стене, выходявшей на безымянный проулок, виднелись железные ворота, наглухо запертые и проржавевшие. От этих ворот до дома Микеланджело было всего два квартала пути. Здесь он мог бы работать в любой час, даже по ночам и по праздникам, когда передний, главный двор будет закрыт.

- Бэппе, ходить через эти ворота не запрещено?

- Никто не запрещал. Я запер их сам, лет десять - двенадцать назад, когда стали пропадать инструменты и материалы.

- А для меня ты их откроешь?

- Чем тебе не нравятся главные ворота?

- Плохого ничего не вижу. Но если мою мастерскую построить у этих ворот, я буду ходить сюда, никого не беспокоя.

Бэппе пожевал своими беззубыми челюстями, соображая, нет ли в словах Микеланджело какой обиды ему или его рабочим. Затем он сказал:

- Ладно, я тебе построю мастерскую. Только объясни, чего ты хочешь.

Прежде всего надобно было замостить булыжником голую землю подле стены на пространстве четырех с лишним сажен; здесь можно будет поставить горн, хранить инструменты и сухие дрова; потом требовалось надстроить на сажень с третью и самое стену: тогда уж никто не увидит ни его колонны, ни того, как он работает, взобравшись на подмости. Он хотел обнести свое рабочее место - площадку в девять квадратных сажен - справа и слева невысокой дощатой загородкой, а верх мастерской и переднюю ее сторону, с юга, оставить открытыми. Во все часы, пока сверкающее флорентийское солнце, совершая свой урочный путь, поднимается по южному небосклону, "Гигант" будет щедро залит лучами.

Микеланджело решил сохранить за собой и мастерскую на площади ремесленников - это будет место, где он сможет укрыться и отдохнуть, если его утомит огромный Давидов мрамор. Арджиенто будет там ночевать, а днем работать с Микеланджело здесь, во дворе Собора.

Блок Дуччио - в семь аршин с пятью верхками длины - был так серьезно

поврежден выемкой посередине, что любая попытка сдвинуть его с места могла оказаться роковой, резкое сотрясение, наклон или толчок разломит колонну надвое.

Он купил несколько листов бумаги самого большого размера, какие только нашлись, наклеил их на поверхность лежащей колонны и вырезал сагому - силуэт блока; глубина выемки теперь была измерена со скрупулезной точностью. Потом он перенес эти листы в мастерскую на площадь ремесленников, и Арджиенто пришил их к стене. Передвинув свой рабочий стол, Микеланджело сел перед ними и стал накладывать на них другие листы, со своим рисунком фигуры Давида, уясняя, какие части блока Дуччио надо отсечь за ненадобностью, а какие останутся. Затем, отправившись во двор Собора, он обрубил углы обеих оконечностей блока с тем, чтобы уменьшить и разумнее распределить его тяжесть, устраняя угрозу перелома.

Рабочие под присмотром Бэппе проложили к новой мастерской Микеланджело гладкую дорожку. Полиспастом они приподняли колонну, весившую две тысячи фунтов, и подложили под нее катки, Двигали колонну медленно; как только каток с заднего конца колонны освобождался, рабочий забегал вперед и подсовывал его под передний конец. К вечеру колонна, хотя по-прежнему и в горизонтальном положении, была уже за изгородью Микеланджело. Он оказался теперь с блоком Гиганта-Давида наедине.

И тут он впервые понял, что его прежние рисунки к статуе, принятые цехом шерстяников и управой при Соборе, теперь ему совершенно не нужны. Это была начальная ступень его художественной мысли, и он ее ныне уже перешагнул. Он не сомневался теперь лишь в одном: он изваяет именно того Давида, которого он открыл для себя заново, показав при этом красоту и поэзию, всю таинственность и драматизм мужского тела; выразит первооснову и сущность форм, нерасторжимо связанных между собою.

Он сжег свои старые наброски, утвердившись в чем-то самом простом и изначальном и чутко прислушиваясь к себе.

Греки высекали из своего белого мрамора тела таких совершенных пропорций и такой силы, что их невозможно превзойти, но в греческих статуях все же не было внутреннего разума, внутреннего духа. Его Давид будет воплощением всего того, за что боролся Лоренцо де Медичи и что Платоновская академия считала законным наследием человечества, - это будет не ничтожное грешное существо, живущее лишь для того, чтобы обрести себе спасение в будущей жизни, а чудесное создание, обладающее красотой, могуществом, отвагой, мудростью, верой в себя, - с разумом, волей и внутренней силой строить мир, наполненный плодами человеческого созидательного интеллекта. Его Давид будет Аполлоном, но гораздо значительней; Гераклом, но гораздо значительней; Адамом, но гораздо значительней. Это будет наиболее полно выразивший свою сущность человек, какого только знала земля, человек, действующий в разумном и гуманном мире.

Как выразить эти устремления, эти задачи на бумаге?

Первые недели осени дали только фрагментарные, черновые наброски. Чем больше он бился, тем сложнее и запутаннее выходили у него рисунки. Мрамор лежал молчаливый, неподвижный.

- А может, и нет человека, который бы с ним сладил? - усомнился однажды Бэппе, когда Микеланджело выглядел совсем подавленным.

- Нашел время об этом говорить! Все равно что спрашивать девицу, хочет ли она быть мамашей, если она уже забеременела. Бэппе, я надумал сделать эскиз, но не в глине, а в мраморе. Ты можешь достать мне мраморную глыбу в треть величины этого блока?

- Не могу. Ведь мне говорили: давай ему рабочих, давай материалы. А блок в два аршина с лишним - это стоит денег.

Но, как всегда, он раздобыл где-то достаточно хорошую глыбу. Микеланджело вгрызлся в мрамор, пытаясь с молотком и резцом в руках нащупать решение. Из глыбы выросла крепко скроенный, простоватый юноша, лицо у него было идеализированное и неопределенное. Граначчи, взглянув на мрамор, сказал с удивлением:

- Не понимаю. Он стоит, попирая ногой голову Голиафа, но в одной руке у него камень, а другая тянется к праще. У тебя какая-то двойная цель: верхняя половина Давида только хочет метнуть камень из пращи, а нижняя с торжеством топчет уже сраженную жертву.

- Ты мне льстишь. Ничего такого я и не думал.
- Тогда почему бы тебе не провести день-другой со мною на вилле?

Микеланджело вскинул на него острый взгляд: Граначчи впервые признавался, что у него есть вилла.

- Ты там развлечешься и хоть два дня не будешь думать о своем Давиде.
- Идет. А то я уже давно забыл, что такое простая улыбка.
- На моей вилле есть нечто такое, чему ты непременно улыбнешься.

И правда, ей нельзя было не улыбнуться - девушке то имени Вермилья. Блондинка во флорентийском вкусе, она выщипывала надо лбом волосы, чтобы, как диктовала мода, лоб казался более высоким, грудь ее четко обрисовывалась под платьем из зеленой тафты. Она была очаровательной хозяйкой, когда угощала на веранде, при свечах, гостей поздним ужином, а внизу, за аркадой веранды, поблескивала извилистая лента Арно. Однажды, когда девушка удалилась с веранды в комнату, Граначчи сказал:

- У Вермильи уйма разных кузин. Ты не хочешь, чтобы она облюбовала какую-нибудь для тебя? Я думаю, ей здесь одиноко. Вы могли бы жить в этих комнатах и спокойно озирать город сверху. Это была бы приятная жизнь.

- Благодарю тебя, саго. Я живу, как умею. А насчет случайных встреч я отвечу тебе словами Бэппе: "То, что ты отдашь ночью женщинам, уже не отдашь утром мрамору".

Он сидел подле окна и смотрел, даже не помышляя о сне, на башни и купола Флоренции, освещенные выгнутым, словно турецкая сабля, полумесяцем, вставал и бродил по трем комнатам виллы, затем снова садился и смотрел в окно. Зачем ему было втискивать в эту глыбу высотой в два аршина сразу двух Давидов: одного - торжествующего победу над Голиафом, и другого - лишь изготовившегося метнуть камень? Ведь любое изваяние, как над ним ни работай, не может показать двух разных мгновений, двух отрезков времени, как не может и занять двух разных мест в пространстве. Ему надо сделать выбор, надо сейчас решиться, какого же из двух мыслимых воителей высечь?

К рассвету он уже все, шаг за шагом, обдумал. Теперь в его мыслях была совершенная ясность. Голиафа следует устранить совсем. Его мертвая, забрызганная кровью, черная безобразная голова не имеет отношения к искусству. Изображать ее на первом плане нельзя ни в коем случае. Все, что несет в себе Давид, все будет искажено и скрыто, если только положить к его ногам эту ужасающую голову. Все будет сведено к простому физическому акту умерщвления противника. Но в глазах Микеланджело это умерщвление было лишь малой частью подвига, который совершил герой; Давид олицетворял для него человеческую отвагу в любой сфере жизни: это был мыслитель, ученый, поэт, художник, исследователь, государственный муж - гигант, чей разум и дух был равен его телесной силе. Без этой головы Голиафа Давид может предстать перед зрителем как символ мужества, как символ победы над врагами куда более могучими, чем Голиаф!

Давид должен стоять перед взором зрителя один. Стоять, как стоял он на поле битвы, в долине Дуба.

Поняв все это, Микеланджело был крайне возбужден... и измучен. Он закутался в тонкие полотняные простыни Граначчи и заснул глубоким сном.

Он сидел у себя за загородкой перед мраморной колонной и, взяв лист бумаги, набрасывал карандашом голову Давида, его лицо, глаза.

Он спрашивал себя:

"Какие чувства владели Давидом в минуту победы? Волновала ли его слава? Думал ли он о почестях, о награде? Ощущал ли себя самым великим и самым сильным человеком на свете? Испытывал ли он хоть малейшее презрение к Голиафу, пьянила ли его гордость, когда он увидел, как бегут филистимляне, и потом повернулся лицом к израильтянам, чтобы услышать рукоплескания?"

Пустые, никчемные чувства, - Микеланджело даже не мог заставить свой карандаш передать их. Что достойно резца в торжествующем свою победу Давиде? Традиция диктовала изображать Давида закончившим схватку. Но ведь, сразив противника, Давид уже не чувствовал напряжения, его высокий миг был позади.

В какой же момент он был поистине великим? Когда он стал гигантом? После того, как убил голиафа? Или в те минуты, когда он решился выступить против него? Тот Давид, который с изумительной, смертоносной точностью

метнул из пращи камень? Или Давид перед битвой, твердо решивший, что израильтяне должны быть свободны и не покоряться филистимлянам? Разве эта решимость сама по себе не была важнее, чем акт убийства, разве характер не важнее поступка, не важнее деяния? Именно решение Давида схватиться с Голиафом делало его, думал теперь Микеланджело, настоящим гигантом, а отнюдь не тот факт, что он одолел Голиафа. Он, Микеланджело, до сих пор напрасно терзался и тратил время приковав свои мысли не к тому Давиду и не к той минуте, к какой было надо.

Почему же он, ваятель, оказался таким неумным, таким слепым? Давид, изображаемый после убийства Голиафа, – это всего лишь библейский Давид, сугубо определенный персонаж. Но он, Микеланджело, не хотел высекать из мрамора портрет какого-то одного, определенного человека, он стремился показать человека, в котором бы совместились множество людей, все те, кто от начала времен отваживался сражаться за свободу.

Вот такого Давида ему надо было изваять – Давида в решительную минуту, когда он изготовился ринуться в битву, еще храня на лице следы противоречивейших чувств – страха, неуверенности, отвращения, сомнений: надо было показать человека, который замыслил проложить среди холмов Иерусалима свой собственный путь, человека, не заботившегося ни о победном блеске оружия, ни о богатых наградах за подвиг. Тот, кто сразил Голиафа, должен был посвятить всю свою жизнь войне и, значит, обрести власть. Черты лица Давида должны были еще свидетельствовать, что он неохотно расстаётся со счастливой для него пастушеской жизнью, меняя ее на жизнь придворных вельмож и царей, где господствуют зависть и козни, на могущество и право предрешать великое множество чужих судеб. Извечная раздвоенность человека – противоборство жизни созерцательной и жизни активной, деятельной. Давид сознавал, что, отдаваясь действию, человек продает себя неумолимому властелину, который будет распоряжаться им, каждым его часом, до самой кончины; он интуитивно чувствовал, что никакая награда за действие – ни царская порфира, ни власть и богатство – не возместит человеку утрату независимости и уединения.

Действовать – значит вставать на чью-то сторону, с кем-то объединяться. Давид не был уверен, что он хочет с кем-то объединяться. До сих пор он жил сам по себе. Но раз он уж вызвался биться с Голиафом, отступить было невозможно, и куда разумней выйти из схватки победителем, нежели побежденным. Однако он чувствовал, на что он идет, в каком положении окажется, поэтому-то он и колебался, не желая в душе изменять свою привычную жизнь. Право же, ему было нелегко решиться.

Такое понимание образа распаховало перед Микеланджело неоглядные дали. Он ликовал, рука его чертила на бумаге мощно и уверенно; он уже лепил модель будущей статуи, высотой в восемнадцать дюймов, в глине; быстрые пальцы не успевали догонять мысль и чувство; с удивительной легкостью постиг он теперь, как вызвать из камня своего Давида. Даже изъяны блока казались сейчас благом: они заставляли его остановиться на самом простом замысле, какой мог бы и не прийти ему в голову, будь глыба не повреждена чужим резцом. Мрамор оживал у него под руками.

Порой чувствуя себя утомленным от рисования и лепки, он вечерами ходил к своим коллегам по Обществу Горшка – поговорить, рассеяться. Во дворе Собора появился Сансовино; он высекал тут мраморного "Святого Иоанна, крестьящего Иисуса Христа" для ниши над восточным порталом Баптистерия; мастерскую себе он устроил между загородкой Микеланджело и рабочим местом каменотесов Вэппе. Рустичи скучал, трудясь в одиночестве над рисунками к мраморному бюсту Боккаччо и статуе "Благовещения", поэтому он тоже частенько наведывался сюда и рисовал, сидя возле Микеланджело или возле Сансовино. Потом тут оказался и Баччио, работавший над распятием, – заказ на него от церкви Сан Лоренцо он рассчитывал получить через несколько недель. Буджардини приносил во двор из ближайшей остерии горшки с горячим обедом, и бывшие ученики Гирландайо по-братски садились за струганый рабочий стол Микеланджело у задней стены загородки – Арджиенто подавал еду. Гордый своими прежними товарищами, заглядывал на двор и Соджи, катя к общему обеду тележку колбас собственного изготовления.

Иногда Микеланджело поднимался на холмы Фьезоле, чтобы учить работе по светлому камню Луиджи: шестилетний малыш, казалось, принимал его уроки с радостью. Это был веселый, красивый мальчик, похожий на своего дядю

Джулиано, ум у него бил живой и цепкий, как у Контессины.

- Ты чудесно ладишь с Луиджи, Микеланджело, - хвалила его Контессина. - И Джулиано очень любил тебя. Когда-нибудь у тебя должен быть собственный сын.

Микеланджело покачал головой.

- Как и большинство художников, я вроде бродячего нищего. Когда я кончаю один заказ, я должен искать новый и работать в любом городе, куда меня забросит судьба, - в Риме, в Неаполе, в Милане, даже в Португалии, как Сансовино. Для семейной жизни это не годится.

- Суть дела тут гораздо глубже, - тихо, но убеждений сказала Контессина. - Ты повенчался с мрамором. И "Вакх", и "Оплакивание", и "Давид" - это твои дети, - Контессина и Микеланджело стояли, почти касаясь друг друга, как это бывало когда-то во дворце Медичи. - Пока ты во Флоренции, Луиджи будет тебе все равно что сын. Медичи нуждаются в друзьях. В них нуждаются и художники.

По поручению кардинала Пикколомини во Флоренцию приехал человек, потребовавший, чтобы ему показали статуи для алтаря Бреньо. Микеланджело провел его к готовым фигурам Святого Петра и Святого Павла и к едва начатым папским статуям, обещая закончить их как можно скорее. А на следующий день в рабочий сарай влетел Баччио, - выражение лица у него было, как в давние годы, самое озорное, улыбка не сходила с губ. Наконец-то он получил заказ на распятие! Поскольку церковь Сан Лоренцо не давала ему места для работы, Баччио спросил, не может ли Микеланджело пустить его в мастерскую на площади ремесленников.

- Вместо того чтобы платить тебе за это деньгами, я могу завершить по твоим рисункам фигуры двух пап, - возбужденно говорил он. - Что ты на это скажешь?

Баччио закончил фигуры, отнесясь к делу вполне добросовестно. Теперь, когда у Микеланджело было четыре статуи да к тому же переделанный им Святой Франциск, он надеялся, что кардинал Пикколомини даст ему отсрочку. А глядя, как Баччио принялся резать свое распятие, Микеланджело был очень доволен тем, что пустил его в мастерскую, - работа друга была по-настоящему интересна и полна чувства.

Приходя со двора Собора, Арджиенто всякий раз старательно подметал мастерскую. Он был в восторге от жизни во Флоренции. Проработав весь день в сарае, вечером он встречался с компанией других молодых подмастерьев, живших на площади. Все они ночевали тоже в своих мастерских и ужинали ватагой, из одного котла, внося каждый свой пай.

В жизнь Микеланджело вторглась еще одна приятная перемена: объявился Джулиано да Сангалло, вернувшийся из Савоны, где он строил дворец для кардинала Ровере в родовом его имени. По дороге из Савоны Сангалло схватили пизанцы и шесть месяцев держали как пленника, отпустив только за выкуп в триста флоринов. Микеланджело побывал у Сангалло на дому, в квартале Солнца, близ церкви Санто Мария Новелла. Сангалло все еще придерживался того мнения, что кардинал Ровере будет следующим папой.

- Расскажи-ка мне, - любопытствовал Сангалло, - каков у тебя замысел "Давида"? И что слышно во Флоренции относительно интересных работ для архитектора?

- Есть несколько работ, весьма срочных, - ответил Микеланджело. - Требуется смастерить поворотный круг, достаточно прочный, чтобы вращать мраморную колонну весом в две тысячи фунтов, - мне надо будет регулировать силу света и солнца. И затем необходимо возвести подмости почти в шесть с половиной аршин высоты, да такие, чтобы я мог на них подниматься и опускаться и работать над блоком с любой стороны по окружности.

Сангалло взглянул на него с веселым изумлением:

- Лучшего клиента я и не желал. Подай мне, пожалуйста, перо и лист бумаги. Что нам надо построить прежде всего? Четыре слойки по углам подмостков, с открытыми пазами, в которые можно вставлять доски со всех сторон... Смотри сюда - вот так. А что касается поворотного круга, то это чисто инженерная задача...

Темные тучи на небе грозили дождем. Бэппе велел своим рабочим возвести над загородкой деревянную кровлю – она шла от задней стены под острым углом вверх, чтобы вместить семиаршинную колонну; потом крышу для защиты от сильных дождей выстлали черепицей.

Мрамор все еще лежал на земле. Сколотив деревянный кожух, Микеланджело надел его на колонну и гвоздями по кожуху разметил, на какой высоте ему надо будет идти резцом к затылку Давида, к поднятой руке, готовой ухватить пращу, к сдвинутому в сторону от выемки бедрам, к зажатому в массивной кисти правой руки камню, к подпирающему правую ногу древесному пню. Он прочертил угольным карандашом глубину этих мест, а затем, с помощью пятнадцати рабочих из команды Бэппе, обвязал колонну веревками, пустил в ход полиспаг и, медленно приподняв колонну, поставил ее в вертикальном положении на поворотный круг Сангалло. Вдвоем с Арджиенто он построил для помоста стойки с пазами, в которые вставлялись широкие доски на любой высоте, нужной для работы.

Теперь колонна взывала к нему, отдаваясь в полную его власть. Орудия Микеланджело врезались в ее плоть с ужасающей яростью, выскивая и локти, и бедра, и грудь, и пахи, и коленную чашечку. Белые кристаллы, косневшие в дремоте полстолетия, любовно покорялись каждому прикосновению – и самому легкому, скользкому, и резкому, решительному "Пошел!", когда молоток и резец взлетали вверх и вверх, безостановочно устремляясь от лодыжки к колену, от колена к бедру – по привычному счету на семь, с паузой на четвертом ударе; ощущение силы у Микеланджело было такое, что ее хватило бы на сотню человек.

Это был его самый великолепный опыт в работе над мрамором: никогда прежде не высекал он фигуры такого размаха и такой простоты замысла; никогда еще не бывало у него такого ощущения точности, мощи, проникновения и глубины страсти. Он не думал больше ни о чем, кроме своего мрамора, не мог заставить себя прервать работу и поесть или переодеться. Его томил лишь один голод – голод по работе, и он утолял его двадцать часов в сутки. Едкая пыль набивалась ему в ноздри, усеивала волосы, делая их снежно-белыми, как у старого Фичино; дрожь, постоянно передававшаяся от резца и молотка, ощущалась сначала в плечах, потом проникала в грудь, в живот, охватывала бедра и колени – она колотила все его тело и отдавалась в мозгу еще долго после того, как он в ликующем изнеможении слепо валился на кровать. Когда молоток изматывал его правую руку, он брал его в левую, а резец в правую, и тот действовал у него с той же уверенной твердостью и чуткой опаской, как и в левой. Он трудился по ночам, при свете свечей, в абсолютной тишине – Арджиенто с закатом солнца уходил в старую мастерскую. Время от времени прогуливаясь после ужина, заглядывал сюда Сангалло, ему хотелось проверить, в порядке ли его поворотный круг и подмости. Микеланджело сказал ему однажды:

– Я готов рубить этот мрамор днем и ночью без передышки хоть целый год!

– Ведь уже полночь, Микеланджело, и в этом сарае страшно холодно. Ты не замерз?

Микеланджело посмотрел на друга и задорно улыбнулся, его янтарные глаза блестели в темноте, как у кошки.

– Замерз? Я горю точно в лихорадке. Видишь, в торсе Давида уже проступает напряжение. Еще несколько дней – и он будет полон жизни.

Чтобы обойти глубоко врезавшуюся в камень впадину, Микеланджело наклонил фигуру на двадцать градусов внутрь блока, к его середине; Давид был как бы вписан в колонну по диагонали, левый бок его касался самого края выемки. Словно истинный инженер, Микеланджело создал прочную опору статуи по вертикали: она начиналась с правой ступни, шла через правую голень, укрепленную невысоким пнем, затем через бедро и торс – к широкой шее и голове Гиганта. Возник крепчайший мраморный стержень: его Давид будет стоять надежно и никогда не рухнет от внутренней тяжести.

Кисть правой руки Давида, захватывающая камень, была ключевой деталью всей композиции, ее красоты и равновесия. Это была форма, породившая все

строение тела, его тип и характер, - так когда-то ключом к композиции "Вакха" служила рука, поднимающая чашу вина, и ключом к "Оплакиванию" - лицо Пресвятой Девы. Эта кисть руки с ее набухшими венами создавала ощущение широты и объемности, скрадывая сухость, с которой надо было для равновесия ваять противоположное левое бедро, а правая рука и ее локоть должны были обрести самые изящные очертания во всей фигуре.

Микеланджело отдавался теперь работе все с большим рвением, и Граначчи уже ни разу не удалось уговорить его поехать на виллу поужинать; все реже он ходил на сборища в мастерской Рустичи, разве что в те вечера, когда слишком острая сырость и стужа мешали оставаться в сарае и продолжать работу. Он с трудом воспринимал то, что ему говорили, и совсем забросил друзей. Леонардо да Винчи оказался единственным человеком, который жаловался на Микеланджело, говоря, что, он не имеет права ходить на собрания художников в грязной одежде и с засыпанными пылью волосами. По тому, как болезненно менялось у Леонардо выражение лица, как трепетали его патрицианские ноздри, Микеланджело видел, что Леонардо убежден, будто от него, Микеланджело, дурно пахнет. И он готов был признать, что так оно и есть, ибо не снимал своего платья неделями, ложась даже спать одетым. Но теперь было не до того, чтобы заботиться об одежде. Проще было совсем не посещать Общество Горшка.

Наступило Рождество, он пошел со всем семейством слушать торжественную мессу в церковь Санта Кроче. Встречей Нового года он пренебрег совершенно, не побывав даже на праздничном вечере у Рустичи, где художники пировали, отмечая приход 1502 года. Темные дни января принесли Микеланджело много мучений. Чтобы согреть воздух и дать возможность Микеланджело работать, Арджиенто досыта кормил углем четыре жаровни; он то и дело поворачивал круг, стараясь, чтобы на мрамор падало больше света, перемещал в подмостках доски, вставляя их в пазы то ниже, то выше, двигая то вправо, то влево, поскольку Микеланджело обрабатывал статую с четырех сторон сразу, сохраняя пока толстую прослойку камня между ног Давида, между его руками и туловищем. Шея у Давида была столь широка и крепка, что Микеланджело мог обтачивать ее, не боясь перелома. Вокруг горделиво поднятой головы Давида он оставил довольно значительную толщу мрамора с тем, чтобы позднее можно было высечь большую копну коротких волнистых волос.

Содерини явился на двор Собора удостовериться, хорошо ли идет работа; Он знал, что до тех пор, пока плата за изваянного Давида не будет окончательно установлена, покоя в родительском доме Микеланджело не увидит. И теперь, в середине февраля, пять месяцев спустя после начала работы, он спрашивал его:

- Как по-твоему, ты достаточно продвинулся, чтобы показать статую старшинам цеха шерстяников и попечителям Собора? Я могу пригласить их сюда, и тут они утвердили бы окончательные условия заказа.

Микеланджело поднял голову и оглядел Давида. Занятия анатомией сильно повлияли на его искусство; сейчас, когда работа над статуей была лишь в начальной стадии, его резец грубо наметил движение мускулов в икрах, бедрах, груди, показав их скрытый механизм на поверхности кожи. Он объяснял Содерини, что мускулы состоят из параллельно сотканых волокон, что любое движение в теле Давида осуществляется именно этими пучками мышечных тканей. Затем, с большой неохотой, Микеланджело вернулся к тому, о чем говорил гонфалоньер.

- Ни одному художнику не хочется, чтобы его труд смотрели в таком незавершенном виде.

- Старшины заплатят тебе потом гораздо больше, если ты согласишься ждать до конца работы...

- Нет, не могу, - вздохнул Микеланджело. - Сколько бы добавочных денег мне ни сулили, это не окупит еще двух лет отцовского нищенства.

- Еще двух лет? Даже при такой быстроте?

- Поначалу работа дается быстрее.

- Как только выпадет первый солнечный день, я приведу сюда старшин.

Дожди кончились. Засияло солнце, чистое и теплое, и высушило камни города. Микеланджело и Арджиенто сняли с кровли черепицу и сложили ее в сторонке до будущей зимы, затем содрали тес, открыв сарай хлынувшему в него яркому свету. Давид жил, трепетал всеми фибрами своего тела,

прекрасные голубовато-серые вены оплетали, как у живого, его ноги, значительная часть веса фигуры уже покоилась на правом бедре.

Содерини дал знать, что он приведет старшин завтра в полдень.

- Арджиенто, начинай-ка уборку! - встрепенулся Микеланджело. - Ведь этот щепень, по которому я ступаю, должно быть, лежит тут месяца два.

- Что же мне делать, - оправдывался Арджиенто, - если вы не уходите отсюда ни на минуту? Когда я могу подмести и убрать всякий мусор? По-моему, вам даже нравится ходить по щепню по самую щиколотку.

- Нравится, верно. Но это будет отвлекать внимание старшин.

Что ему надо говорить людям, которые явятся, чтобы вынести приговор? Если этот замысел, это понимание Давида стоило ему долгих месяцев мучительных раздумий и напряжения духа, мыслимо ли ждать, чтобы тебя поняли в один час, одобрив твой отказ от старых флорентинских традиций? Может быть, люди придадут значение лишь тому, что выразит твой язык, и не подумают как следует над тем, что уже сказали твои руки?

Арджиенто выскреб и вычистил все углы в сарае. Содерини - и с ним шестнадцать человек - пришел точно минута в минуту, как только на кампаниле Джотто зазвонили колокола. Микеланджело любезно поздоровался со всеми, припомнив имена актуария цеха шерстяников Микелоццо, консулов того же цеха Пандольфини и Джованни ди Паньо дельи Альбици, представителя управы при Соборе Паоло де Карнесекки, нотариуса этой же управы Бамбелли и некоторых других персон. Те, кто был постарше, еще оберегались от холода и были закутаны в темные глухие плащи, ниспадающие на тупые носки башмаков с кожаными завязками, более молодые и смелые, праздную приход весны, явились в рубашках с прорезными рукавами, в многоцветных чулках, на которых пестрели родовые гербы.

Все шестнадцать человек толпились у полурожденного Давида и, задирая головы, изумленно оглядывали его. Актуарий Микелоццо попросил Микеланджело показать, каким образом он работает по мрамору. Микеланджело взял инструмент в руки и продемонстрировал, как входит в тыльный конец резца молоток, подобно тому как сам резец входит в мрамор, не взламывая его, а скорей отделяя слой за слоем с мягкой, вкрадчивой силой. Он объяснил, что при резком обрыве движения резца мрамор слегка крошится, и поэтому чем продолжительнее будет напор резца по счету "Пошел!", тем меньше образуется крошки.

Микеланджело провел посетителей вокруг "Давида", рассказывая, как он создал в статуе силовую вертикаль, несущую основную тяжесть, как будет уничтожена защитная мраморная препона, соединяющая руки и торс, указал на уже изваянный обрубок древесного ствола, который будет единственным предметом, поддерживающим громадное обнаженное тело. В блоке оно было пока наклонено на двадцать градусов в сторону, но Микеланджело разъяснил, что когда он обрубит весь лишний мрамор, Давид выпрямится и встанет совершенно устойчиво.

На следующий день, в тот же час, Содерини снова был на рабочем дворе Собора, держа в руках свернутый в трубку пергамент.

- Старшины остались очень довольны, - сказал он, потрепав Микеланджело по плечу. - Хочешь, прочитаю грамоту вслух? "Досточтимые господа консулы цеха шерстяников решили, что управа строительных работ при Соборе может выдать скульптору Микеланджело Буонарроти четыре сотни золотых флоринов в оплату за "Гиганта", называемого "Давидом", каковой находится в работе, и что Микеланджело должен завершить работе, доведя ее до совершенства, в течение двух лет, начиная с сего дня".

- Теперь я могу не думать о деньгах, пока не кончу "Давида". Для художника это же земной рай.

Он дождался, когда о плате за статую заговорил Лодовико.

- Сумма установлена, отец: четыре сотни больших золотых флоринов.

Бросая отблеск на впалые щеки, глаза Лодовико загорелись.

- Четыре сотни флоринов! Превосходно! Да плюс к тому шесть флоринов в месяц, пока ты занимаешься этой работой.

- Нет, это не так.

- Разве они сейчас отказываются выдавать тебе эту помесечную плату? Неужели они такие скряги?

- Я буду по-прежнему получать шесть флоринов; в месяц в течение двух лет, начиная с этого дня...

- Вот и прекрасно! - Лодовико схватил перо и бумагу. - Смотри, двадцать четыре умножаем на шесть - получается сто сорок четыре. Плюс к этому четыреста флоринов - выходит пятьсот сорок четыре. Это совсем не малые деньги!

- Нет, - хмуро сказал Микеланджело. - Четыреста флоринов ровно. По полному счету. Деньги, которые я получаю ежемесячно, - это аванс. В конце их удержат, вычтя из общей суммы.

Лодовико сразу помрачнел, как только увидел, что теряет сто сорок четыре флорина.

- Это несправедливо, - ворчал он. - Получается так: сначала они дают тебе деньги, а потом отнимают.

Микеланджело прекрасно знал, что произойдет дальше. Лодовико будет бродить по комнатам с таким обиженным видом, словно бы кто-то надул его, обвел вокруг пальца. Покоя в родительском доме Микеланджело так и не увидел. А может, покоя на свете не существует вообще?

9

Чтобы отметить выступающие места статуи - левую ступню Давида, левое колено, запястье правой руки, левую руку с ее отведенным в сторону локтем и пальцами, сжимающими пращу, Микеланджело укрепил на мраморе гвоздики с широкой шляпкой. Проверяя себя по этим отметкам, он мог вести фронтальную линию от левого колена вверх к бедру и груди, показав в ней огромную физическую мощь Давида, мог ваять мягкую плоть живота, в которой таилась дрожь беспокойства, левую руку, ухватившую пращу, могучую кисть правой руки - настороженную, чуткую, с камнем наготове. Ради страховки он опять оставил на тыльной стороне глыбы вдвое больше нетронутого мрамора, чем ему было нужно в конце работы, хорошо помня, что у статуи, когда ее осматривают со всех сторон, бывает сорок разных аспектов.

Он задумал показать Давида независимым человеком: статуя должна быть водружена среди открытого широкого пространства. Она немислима ни в тесной нише, ни у стены, ни как украшение фасада или деталь, смягчающая суровые углы здания. Давид должен быть всегда на свободе. Мир - это поле сражения, и человек в мире - всегда начеку, неизменно готов встретить опасность. Давид - борец, он не жестокий, ослепленный безумием губитель, а человек, который способен завоевать свободу.

Теперь фигура обрела наступательную энергию, стала вырываться из толщи мрамора, стремясь утвердить себя в пространстве, и бешеный натиск Микеланджело был равен по силе этой атаке камня. Сангалло и Сансовино, зайдя к нему под вечер в воскресный день, были потрясены его рвением.

- Я не видал ничего подобного! - воскликнул Сангалло. - Какую уйму щебенки он сбил с этого мрамора всего за пятнадцать минут! Его друзьям-каменотесам ни за что не насыпать бы такой груды за целый час.

- Меня поражает не обилие щебенки, а его пыл, - сказал Сансовино. - Я вот смотрел, как взлетают почти на два аршина вверх эти осколки, и думал, что весь мрамор вот-вот рассыплется в прах.

- Микеланджело, - с тревогой заметил Сангалло, - ты обтачиваешь форму так смело, что врубись в камень на волос глубже - и все полетит к черту.

Микеланджело оборвал работу, повернулся и пристально посмотрел на друзей.

- Мрамор, вынутый из каменоломни, больше не гора, а река. Он может течь, может менять направление. Мое дело - помочь мраморной реке изменить свое русло.

Когда Сангалло и Сансовино ушли, Микеланджело сел у ног Давида и оглядел его снизу вверх. Сколько же надо времени, чтобы вынянчить колонну - это все равно, что вырастить фруктовое дерево, - думал он. И все же любая форма в статуе рано или поздно отразит в себе, будто в зеркале, и затраченное на нее время и любовь, которую в нее вложишь. Предостерегающие

слова Сансовино о том, что мрамор вот-вот рассыплется в прах, отнюдь не пугали Микеланджело – распределение веса в колонне он умел чувствовать до тонкости, и так проникал чутьем в самую сердцевину блока, что тяжесть рук, ног, торса, головы Давида ощущал как тяжесть собственного тела. Снимая слой за слоем с Давидовых бедер или колен, он знал совершенно точно, какой запас камня там еще остается.

Уничжительный отзыв Леонардо да Винчи об искусстве скульптора вонзался, как ядовитый шип, сразу и в самого Микеланджело, и в его детище – "Давида". Микеланджело видел тут серьезную угрозу. Влияние Леонардо распространялось во Флоренции все шире: если взгляд на скульптуру как на второстепенное ремесло восторгается среди многих людей, его "Давида", когда он кончит работу, наверняка примут с холодным безразличием. Ему все больше хотелось дать Леонардо встречный бой.

В ближайшее воскресенье, когда художники вновь собрались в Обществе Горшка у Рустичи и Леонардо затронул вопрос о скульптуре, Микеланджело сказал:

– Это верно, что скульптура не имеет ничего общего с живописью. У нее свои особые законы. Но древний человек высекал из камня в течение многих тысяч лет и лишь потом стал писать красками на стенах пещер. Скульптура – самое первое и самобытное из искусств.

– Именно это обстоятельство и обесценивает ее! – отвечал Леонардо тонким своим голосом. – Скульптура удовлетворяла людей только до той поры, пока они не изобрели живопись. Ныне скульптура уже угасает.

Разъяренный Микеланджело, желая дать отпор, перешел на чисто личную почву.

– Скажите, Леонардо, правда ли это, – спросил он, – будто ваша конная статуя в Милане так громадна, что ее невозможно отлить? Значит, мы уже никогда не увидим ее в бронзе? И, говорят, ваша колоссальная глиняная модель разрушается столь быстро, что стала посмешищем всего Милана? Стоит ли удивляться вашим нападкам на скульптуру, если вы не можете закончить статую?

Все, кто был в мастерской, услышав эти слова, смущенно замолчали.

Спустя несколько дней Флоренция узнала, что, несмотря на взятку, Цезарь Борджиа двинулся с войском на Урбино и намерен поднять восстание против флорентийского правления в Ареццо. Леонардо да Винчи вступил в войско Цезаря Борджиа в качестве инженера, оказавшись в одном стане с Торриджани и Пьеро де Медичи. Микеланджело был вне себя от гнева.

– Ведь это предательство! – кричал он Рустичи, присматривающему за имуществом Леонардо, пока тот отсутствовал. – Цезарь Борджиа дает ему, видите ли, большое жалование – и он уже готов помогать завоеванию Флоренции. И это после того, как мы приняли его с распростертыми объятиями, поручали ему лучшие заказы на картины...

– Он не такой уж плохой на самом деле, – умиротворяюще говорил Рустичи. – Он теперь на мели, никак не может, видимо, закончить портрет Монны Лизы дель Джокондо. Для него важнее сейчас его новые военные машины, чем искусство. Пользуясь приглашением Цезаря Борджиа, он хочет испытать множество своих изобретений. А в политике он, представь себе, не разбирается.

– Объясни это флорентинцам, когда машины Леонардо будут сокрушать городские стены, – холодно ответил Микеланджело.

– Твои чувства можно понять, Микеланджело, но не забудь, что Леонардо совершенно чужд морали. Его не волнует, что люди считают правильным и что ложным. Истина и заблуждение в науке, в познании – вот единственное, о чем он думает.

– Я был бы рад, если бы его вышвырнули отсюда. Он уже пропадавал однажды целых восемнадцать лет. Столько же, надеюсь, мы не увидим его и на этот раз.

Рустичи задумчиво покачал головой.

– Вы с Леонардо возвышаетесь над всеми нами, как Апеннины, и вы так ненавидите друг друга. Это бессмысленно. Или же и тут есть какой-то смысл?

Скоро наступили дни великолепного всевластия зноя. Редкие ливни не причиняли "Давиду" никакого вреда, разве что смывали с него пыль и крошку.

Микеланджело работал в одних легких штанах и сандалиях, подставляя свое тело под жаркое солнце и впитывая в себя его силу. Он, словно кошка, ловко сбегал вниз и снова взбирался по приставной лестнице, ваяя на подмостках плотную, могучую шею Давида, величавую его голову, завитки коротких волос, - с особой заботой трудился он над спиной: надо было показать, что именно спина держит все тело Давида и служит главной движущей пружиной, давая направление всей мускулатуре. В статуе не могло быть ни одной невыразительной, несовершенной детали. Микеланджело никогда не понимал, почему столь непривлекательно изображают у человека половые органы. Если господь сотворил человека, как, согласно Библии, он сотворил Адама, то разве создал бы он воспроизводящие органы такими, чтобы их требовалось прятать, считая чем-то нечистым? Может быть, люди сами извратили тут всякий смысл, как они умудрились извратить многое на земле, - но что до того Микеланджело, когда он трудится над статуей. Презренное он сделает богоподобным.

Он не терял времени. Он работал, не выходя из сарая целые дни, хотя душными поздними вечерами он мог бы сидеть на прохладных ступенях Собора, где все еще собирались флорентийские молодые художники, и слушать пение под гитару, рассуждать о новых заказах, раздаваемых по всей Тоскане, спорить с Якопо по поводу того, какие из девиц на улице годятся для постели и какие не годятся... точно так, как это было четырнадцать лет назад. В июне Пьеро Содерини был избран гонфалоньером на новый двухмесячный срок. Народ спрашивал: если в Тоскане нет лучшего человека для этого поста, то почему ему не дадут возможности править дольше?

Когда Микеланджело узнал, что Контессина вновь ждет ребенка, он пошел хлопотать за нее к Содерини. Сидя перед гонфалоньером все в той же палате с окнами, выходящими на площадь Синьории, он говорил:

- Разве она не имеет права возвратиться в свой дом и там родить? Она не нанесла никакого ущерба республике. Прежде чем стать женой Ридольфи, она была дочерью Великолепного. В этом сельском домике, где нет ни малейших удобств, ее жизнь под угрозой...

- Деревенские женщины рожали и выкармливали детей в таких домиках тысячелетиями.

- Контессина - не деревенская женщина. Она слаба, хрупка. Она по-иному воспитана. Вы не попытались бы ради справедливости вступить за нее в Совете Семидесяти?

- Это невозможно. - Голос Содерини был бесцветен и ровен. - И самое лучшее для тебя - никогда не упоминать больше фамилию Ридольфи.

Двухмесячный срок правления Содерини истек лишь наполовину, когда снова восстали Ареццо и Пиза, когда Пьеро де Медичи оказался в Ареццо, где ему обещали помощь в завоевании Флоренции, когда Цезаря Борджиа удерживал от нападения только страх перед ответными мерами Франции, когда городские ворота держали на запоре круглые сутки и было запрещено "всем, кто жил вдоль берега реки, спускать лестницы, чтобы никто не мог проникнуть в город", - именно в эти дни Микеланджело подучил приглашение отужинать с гонфалоньером во дворце Синьории. Он задержался у своей статуи до семи часов вечера, пока было светло, и лишь потом зашел домой - надеть свежую полотняную рубашку.

Содерини сидел за низким столом, его длинные желто-седые волосы были мокры - гонфалоньер только что помылся. Он спросил Микеланджело, как идет работа над "Давидом", потом сказал, что Совет Семидесяти решил изменить конституцию. Пост гонфалоньера, когда на него кого-то изберут, будет пожизненным. Затем Содерини, склонившись к столу, произнес небрежно-доверительным тоном.

- Микеланджело, ты слышал о Пьере де Рогане, маршале де Жие? Он был во Флоренции с армией Карла Восьмого как один из его ближайших советников. Ты, может быть, помнишь также, что бронзовый "Давид" Донателло стоял на почетном месте во дворце Медичи.

- Когда дворец грабили, я ударился об этого "Давида" так, что у меня вскочила болящая шишка на затылке.

- Значит, ты его хорошо помнишь. Так вот, наш посол при французском дворе пишет нам, что маршал, останавливаясь во дворце Медичи, влюбился в "Давида" и хотел бы иметь нечто подобное. Много лет мы покупали покровительство Франции за деньги. Разве не лестно, что хоть однажды мы

можем купить его за произведение искусства?

Микеланджело пристально посмотрела на человека, который вдруг стал проявлять к нему такое дружеское расположение. Отказать ему было невозможно. И он спросил:

- Я буду должен сделать копию Донателло?

- Скажем так: создать какой-нибудь скромный вариант, но не настолько плохой, чтобы омрачить воспоминания маршала.

Микеланджело положил ломтик сыра на разрезанную грушу.

- Никогда еще не представлялся мне случай оказать услугу Флоренции. И ваше предложение очень радует меня. Но, увы, я был когда-то настолько глуп, что отказался учиться литью у Вертольдо.

- У нас есть прекрасные литейщики: Бонаккорсо Гиберти, пушкарь, и Лодовико Лотти, мастер по колоколам.

Радость при мысли сделать что-то доброе для Флоренции сразу померкла, когда Микеланджело заново осмотрел Донателлово "Давида" во дворце Синьории. Ведь в своей новой статуе он так далеко ушел от Донателло! Как ему быть теперь, если он не может заставить себя изготовить копию и в то же время у него нет права что-либо изменить!

В следующий раз, идя во дворик Синьории, он прихватил с собой ящик для сидения и листы рисовальной бумаги. Давид, нарисованный им, получился старше, чем у Донателло, в нем было больше мужественности и мышечной силы, чувствовалось внутреннее напряжение, которое можно было бы передать в мраморе, но которое отсутствовало в гладком бронзовом юноше, стоявшем перед глазами. В заднем углу своей загородки Микеланджело укрепил на столе каркас и в редкие часы своего отдыха начал переводить карандашный набросок фигуры в грубую глиняную модель, медленно лепя гибкое обнаженное тело и громоздкий тюрбан. Микеланджело забавляла мысль о том, что в интересах Флоренции ему все-таки пришлось теперь ваять голову Голиафа, на которую торжествующе наступил ногою Давид. Без этой головы маршал, конечно, не будет счастлив.

Чудесная погода держалась вплоть до первого ноября, когда город пышно отмечал пожизненное избрание Содерини на пост гонфалоньера. Площадь Синьории была густо заполнена празднично одетой толпой, Микеланджело стоял на ступенях дворца, испытывая чувство гордой и спокойной уверенности. Через неделю полились пронзительные холодные дожди, надвинулась зима. Микеланджело и Арджиенто настлали крышу, выложили ее черепицей. Четыре жаровни не могли одолеть стужу в сарае. Микеланджело надевал шапку с наушниками. Бэппе завесил открытую часть загородки мешковиной, преграждая путь слабому свету, лившемуся с хмурых небес. Теперь Микеланджело страдал от мрака и холода в равной мере. Он работал при свечах и лампе. Не принесла большого облегчения и весна - с первых чисел марта начались проливные дожди, не прекращаясь до лета.

В конце апреля он получил приглашение пожаловать на обед в новые апартаменты дворца Синьории. Хозяйкою за столом была монна Арджентина Содерини, первая женщина, которой позволили жить во дворце. Комнаты тут были отделаны Джулиано да Сангалло и юным Баччио д'Аньоло; расположенные на втором и третьем этаже гостиная, столовая и спальня были в прошлом приемными комнатами нотариуса и актуария. Стены столовой были расписаны фресками, плафон позолочен, шкафы и буфет богато инкрустированы. Обеденный стол стоял напротив горящего камина, от которого шло тепло и дух доброго уюта. Микеланджело скинул с плеч зеленый плащ и втайне порадовался своей праздничной, украшенной сборками шерстяной рубашке. Содерини показал ему горшки с цветами, выставленные на окнах монной Арджентиной.

- Я знаю, что многие считают, будто цветы на окнах - слишком дорогое удовольствие. Но этим, мне кажется, хотят лишь намекнуть, что женщине не место во дворце Синьории.

После обеда Содерини позвал Микеланджело пойти с ним в Собор.

- Уже много лет флорентинцы говорят, что надо поставить в Соборе мраморные статуи двенадцати апостолов. Большие, больше натуральной величины. Из лучшего серавеццкого мрамора. Они как-то заполнят это темное, точно пещера, пространство и будут хорошо смотреться.

- При свете тысячи свечей.

В глубине главного алтаря Содерини приостановился, разглядывая мраморные хоры работы Донателло и делла Роббиа.

- Я уже говорил с цеховыми старшинами и попечителями Собора. Они считают, что мысль об апостолах великолепна.

- Это же работа на всю жизнь, - неуверенно отозвался Микеланджело.

- Да, как портал Гиберти.

- Именно этого и желал мне Бертольдо - создать целое полчище статуй.

Содерини взял Микеланджело под руку и медленно шел с ним вдоль длинного нефа к открытому выходу.

- Я назначу тебя официальным скульптором Флоренции. В договоре, о котором я говорил со старшинами, будет пункт: мы строим для тебя дом и мастерскую по твоим чертежам.

- Свой собственный дом! И мастерская...

- Я был уверен, что тебе это понравится. Ты можешь высекать по апостолу в год. С каждой новой статуей двенадцатая часть стоимости дома и мастерской будет переходить в твоё владение.

Микеланджело стоял затаив дыхание в проеме двери. Он обернулся и оглядел огромное пустое пространство Собора. Конечно же, "Двенадцать Апостолов" тут будут к месту.

- Завтра состоится ежемесячное собрание старшин цеха и попечителей. Они просили тебя прийти.

На лице Микеланджело застыла болезненная улыбка. Чувствуя во всем теле дрожь и озноб, он шел по перекресткам и улицам все дальше к холмам и радовался тому, что не забыл надеть теплый плащ. Взбираясь на высоты Сеттиньяно, он весь вспотел, словно его мучила лихорадка. Ему надо было сосредоточиться и обдумать все, что предложил Содерини, но он никак не мог собрать свои мысли. Когда он подошел уже к жилищу Тополино, душу его переполняла гордость: ведь ему только двадцать восемь лет, а у него скоро будет свой собственный дом и своя мастерская, светлая, просторная мастерская, в которой так хорошо высекать величественные статуи. Он поднялся на террасу и стоял теперь рядом с пятью Тополино - те расщепляли блоки светлого камня на плоские плиты.

- Лучше уж скажи нам, в чем дело, не таись и не мучайся, - заговорил отец.

- Теперь я состоятельный человек.

- Это в чем же твое состояние? - спросил Бруно.

- У меня будет дом.

И он рассказал каменотесам о "Двенадцати Апостолах". Отец вынес бутылку вина, запрятанную на случай свадьбы или рождения мальчика. Они выпили по стакану за добрый его успех.

Горделивое чувство быстро схлынуло, сейчас Микеланджело охватывало беспокойство и тоска. Он спустился с холма, пересек, прыгая с камня на камень, ручей и, взбравшись на противоположный берег, остановился на минуту: неподалеку виднелся дом, в котором он когда-то жил и в котором помнил свою мать. Как сейчас она гордилась бы им, как была счастлива за него.

Но почему же не чувствует себя счастливым он сам? Может быть, потому, что ему не хочется высекать этих Двенадцать Апостолов? Потому, что он не хочет обрекать себя на эту работу, жертвуя ей двенадцатью годами своей жизни? Или по той причине, что ему вновь придется корпеть над закутанными в плотные мантии фигурами? Неизвестно, выдержит ли он такой искус после той чудесной свободы, с какою он ваял "Давида". Даже Донателло высек из мрамора всего одного или двух апостолов. А способен ли он, Микеланджело, создать нечто истинно глубокое и сказать свое особое слово о каждом из двенадцати?

Сам не сознавая, куда он идет, он оказался у Джулиано да Сангалло и застал его за рисовальным столом. Сангалло уже знал о сделанном предложении - Содерини пригласил его вместе с Кронакой явиться завтра в полдень на собрание старшин и попечителей с тем, чтобы выступить свидетелем при подписании договора. Предполагалось, кроме того, что Кронака будет разрабатывать проект дома для Микеланджело.

- Этот заказ отнюдь не совпадает с моими замыслами, Сангалло. Должен ли скульптор предпринимать двенадцатилетний труд, если он не рвется к нему всеми силами души?

- У тебя впереди еще много времени, - уклончиво ответил Сангалло.

- Пока скульптор мечется от одного заказа к другому, он лишь слуга

того, кто его нанимает.

- Живопись и скульптура всегда связаны с заказами. Как, по-твоему, этого избежать?

- Создавать произведения искусства независимо от заказчика и продавать их тому, кто купит.

- Я что-то не слыхал об этом.

- Но ведь это возможно?

- ...скорей всего нет. И как ты решишься отказать гонфалоньеру и старшинам? Они предлагают тебе крупнейший заказ со времен работы Гиберти над дверями Баптистерия. Старшины будут обижены. Это поставит тебя в трудное положение.

Микеланджело угрюмо молчал, уперев лоб в ладони.

- Я понимаю. Я не могу ни принять заказ, ни отвергнуть его.

Сангалло быстрым движением положил руку на его плечо.

- Подписывай договор. Строй дом и мастерскую и высекай столько апостолов, сколько можешь, не портя работы. Что будет сделано, то сделано; остаток долга за дом погасишь деньгами.

- Мне довольно и одного договора с Пикколомини, - печально сказал Микеланджело.

Он подписал договор. Эта новость облетела город с такой быстротой, будто речь шла о каком-то скандале. Когда он возвращался домой, на Виа де Гори ему кланялись совсем незнакомые люди. Он кивал им в ответ, спрашивая себя, что подумали бы эти люди, знай они, как он несчастен. Дома все Буонарроти были в сборе и, бледные от волнения, обсуждали, как именно надо строить их новый дом. Дядя Франческо и тетя Кассандра предпочитали занять для себя третий этаж.

- Надо сейчас же начинать строить, - говорил отец. - Чем раньше мы переедем, тем скорей перестанем платить деньги за квартиру.

Микеланджело отошел к окну и невидящим взглядом смотрел на улицу. Заговорил он тихо, без всякого чувства.

- Это будет мой дом. И моя мастерская. Семейство не будет иметь к этому никакого отношения.

На минуту все онемели. Потом отец, дядя, тетя - все закричали одновременно, так что Микеланджело даже не мог отличать один голос от другого.

- Как ты смеешь говорить такие вещи? Твой дом - это наш дом. Мы ведь сэкономим тогда на квартирной плате. И кто тебе будет варить обед, стирать, убирать?..

Он мог бы сказать: "Мне уже двадцать восемь лет, и я хочу жить в своем собственном доме. Я заслужил его". Но он счел за благо ответить иначе:

- Земельный участок мне уже отведен, но на строительство дали всего-навсего шестьсот флоринов. Чтобы работать над этими статуями, мне нужна огромная мастерская, в четыре сажени высоты, нужен просторный мощеный двор. И места там останется только на маленький домик, с одной, в лучшем случае с двумя спальными комнатами.

Буря не утихала до вечера, пока все не дошли до изнеможения. Микеланджело остался тверд, как адамант; самое меньшее, что он мог извлечь из этого договора, - это обеспечить себе свое собственное рабочее место, уединенный остров, где никто бы ему не мешал. Но ему пришлось согласиться платить из своих месячных авансов за нынешнюю квартиру отца.

Когда глиняная модель маршальского "Давида" была готова, Микеланджело послал Арджиенто за Лодовико Лотти, колокольным мастером, и Бонаккорсо Гиберти, литейщиком по пушкам. Мастера пришли к нему прямо из своих литейных сараев, перепачканные сажей. Гонфалоньер настоятельно просил их помочь Микеланджело отлить фигуру из бронзы. Увидев его модель, они переглянулись; Лотти смущенно провел тыльной стороной закопченной ладони по переносью.

- Такую модель не отлить, - сказал он.

- Это почему же?

- Потому, что сначала надо изготовить модель из гипса, - объяснил Гиберти.

- Никогда я не занимался этим проклятым делом!

- А мы можем работать только по готовой модели, - отвечал Лотти.

Микеланджело бросился за помощью к Рустичи, Сансовино, Буджардини -

может, они слушали поучения Бертольдо насчет бронзы более внимательно. Те разъяснили ему, что прежде всего необходимо вылепить глиняную модель в полную величину, с максимальной точностью, затем перевести ее по частям в гипс, ставя на каждой части цифровую метку, чтобы потом их не перепутать, смазать все части на местах стыка маслом, убрать гипсовую опoку...

- Довольно! - взмолился Микеланджело. - Недаром я всегда обходил эту работу за версту.

Литейщики прислали ему наконец готового "Давида". Уныло смотрел он на безобразную, красного цвета, бронзовую фигуру - в царапинах, шишках, рубцах, с металлическими опухолями и напльвами, портившими самые неожиданные места. Чтобы придать Давиду человеческий вид, Микеланджело впервые потребовались инструменты по чеканке, напильники и штемпели; затем надо было раздобыть орудия шлифовки и полировки, резцы по металлу. Прежде чем "Давид" стал в какой-то мере презентабельным, пришлось еще немало потрудиться, натирая статуэтку маслом и пемзой. Но и сейчас, после всей этой работы, можно ли думать, уповая на ослабевшую память маршала, что он вообразит, будто этот "Давид" чем-то напоминает "Давида" Донателло? Микеланджело сомневался в этом.

10

Первым следствием договора на "Двенадцать Апостолов" был визит Аньоло Дони - соседа и товарища детских игр. Отец его нажил состояние, торгуя шерстью, купил заброшенный дворец близ особняка Альбертини в приходе Санта Кроче и поселился там. Аньоло Дони, унаследовав отцовское дело и дворец, пользовался репутацией самого изворотливого и хитрого торговца во всей Тоскане. Он разбогател и заново перестроил свой особняк. В финансовом и социальном отношении он вознесся так высоко, что теперь был помолвлен с Магдаленой Стрoцци.

Его провел в сарай, виновато улыбаясь, Бэппе. Микеланджело был вверху, на подмостках, и обтачивал пращу на левом плече Давида. Он сложил инструмент и спустился по лестнице вниз. Дони стоял перед ним в дорогом модном камзоле, на плечах его вздымались пышные буфы кружевной рубашки, схваченной на груди и талии золотыми пряжками.

- Я скажу тебе без обиняков, Буонарроти, зачем я пришел, - начал Дони, едва Микеланджело ступил на землю. - Я хочу, чтобы ты сделал для меня "Святое Семейство": это будет свадебный подарок для моей невесты, Магдалены Стрoцци.

Микеланджело покраснел от удовольствия; Магдалена выросла в доме, где стоял его "Геракл".

- Стрoцци любят искусство, у них хороший вкус, - смущенно сказал он. - "Святое Семейство" из белого мрамора...

Крошечный рот Дони, обрамленный по углам резкими продольными складками, недовольно дернулся вниз.

- Нет, нет, хороший вкус - это у меня! Мне, а не Магдалене пришла в голову мысль обратиться к тебе с заказом. И кто тебе сказал хоть слово о мраморе? Мрамор будет стоить уйму денег. Я хочу заказать картину, которую можно вставить в круглый столик.

Микеланджело схватил свой молоток и резец.

- Зачем же ты пришел ко мне, если хочешь картину? Я не окунал кисти в краску вот уже пятнадцать лет.

- Я пришел к тебе из чисто товарищеской привязанности. Из верности. Ведь мы с тобой выросли по соседству. Помнишь, как мы гоняли мяч на площади Санта Кроче?

Микеланджело насмешливо улыбнулся.

- Так что ты скажешь? - настаивал Дони. - "Святое Семейство", а? Тридцать флоринов. По десяти за каждую фигуру. Щедрая плата - не правда ли? Ну как, по рукам?

- Ты представляешь себе, сколько художников будут бранить тебя, Дони? У тебя ведь богатейший выбор - в городе живет полдюжины лучших мастеров Италии: Граначчи, Филиппино Липпи. Возьми хотя бы сына Гирландайо, Ридольфо. Он обещает стать великолепным живописцем, и он напишет тебе картину за скромную плату.

- Послушай, Буонарроти. Я хочу, чтобы "Святое Семейство" написал ты. Я уже получил на это разрешение у гонфалоньера Содерини. Не желаю и слышать ни о Липпи, ни о молодом Гирландайо.

- Но это же глупо, Дони. Если ты хочешь получить сукно, ты ведь не отдаешь свою шерсть вместо сукновала мастеру, который делает ножницы.

- Всем известно, что высечь статую - это такой пустяк, на который способен любой художник.

- Ну, хватит! - зарычал Микеланджело, весь вспыхнув, ибо в этих словах Дони он почувствовал прямой отзвук речей Леонардо. - Я напишу тебе "Святое Семейство". Это будет стоить сто золотых флоринов.

- Сто флоринов! - завопил Дони; его пронзительный голос раздавался по всему двору, из конца в конец. - Тебе не стыдно надувать своего старого друга? Товарища детских игр? Это все равно что срезать с пояса кошелек у родного брата!

Лишь после того, как Микеланджело почувствовал, что у него вот-вот лопнут барабанные перепонки, они сошлись на семидесяти флоринах. Видя, как в глазах Дони играют лукавые огоньки, он угадывал, что тот все-таки перехитрил или по крайней мере перекричал его - конечно, он заплатил бы, поломавшись, и сто флоринов.

Уходя, Дони сказал уже с порога:

- Из всех мальчишек по соседству никто не гонял мяч хуже тебя. Я прямо-таки поражаюсь: такая тупость в игре - и такие успехи в скульптуре. Ведь ты теперь самый модный художник.

- Так вот почему ты явился сюда - я, по-твоему, модный?

- Иной причины и не было. Скажи, когда я могу посмотреть наброски?

- Наброски - это моя забота. А ты получишь готовую вещь.

- Кардиналу Пикколомини ты подавал на одобрение наброски.

- Пусть тебя сначала сделают кардиналом!

Когда Дони ушел, Микеланджело понял, что он явно стлупил, позволив этому человеку навязать себе на шею еще один заказ. И разве он, Микеланджело, так уж знает живопись? Стремится к ней, очень ее любит? Да, он разработает композицию "Святого Семейства", он с удовольствием будет рисовать. Но кисть и краски? Юный Гирландайо владеет ими гораздо лучше.

Тем не менее интерес к работе у него был разбужен. В папках Микеланджело хранились десятки рисунков к изваянию "Богоматери с Младенцем" на тот случай, если братья Мускрони, купцы из Брюгге, все же подпишут договор, замысленный Якопо Галли. Рисунки были очень одухотворенные, возвышенные, мирского в них чувствовалось мало. А "Святое Семейство" надо писать по-другому: это будет совершенно земная вещь, простые, обыкновенные люди.

Как всегда в жаркие летние дни, когда он позволял себе отдохнуть, Микеланджело бродил по дорогам Тосканы, рисуя крестьян то за работой, в поле, то за ужином подле жилища, в вечерней прохладе; у дверей молодые матери кормили грудью своих младенцев перед тем, как уложить их в колыбель. Скоро у него уже скопились наброски для картины Дони: у одного дома он зарисовал юную девушку с сильными руками и плечами, у другого - пухленького розовощекого мальчика с кудрявой головкой, у третьего - старика с бородой и лысиной. Соединив эти фигуры в одном эскизе, Микеланджело скомпоновал эффектную группу, расположившуюся на зеленой траве. Он написал красками руки, лица, ноги, голого мальчика - здесь колорит не вызывал у него сомнений, но тона платья Марии и Иосифа и цвет одеяльца, которым был прикрыт младенец, ему никак не давались.

Зайдя к нему, Граначчи увидел, в каком он затруднении.

- Позволь, я распишу тебе эти места картины. Ведь у тебя получается ужасная мешанина.

- Почему же это Дони не обратился со своим заказом к тебе с самого начала? Ты ему тоже сосед по приходу Санта Кроче. И тоже гонял с ним мяч!

Скоро Микеланджело закончил картину - колорит ее был приглушен, монотонен, похож на цветной мрамор. Платье Марии Микеланджело написал

светло-розовым и голубым, одеяло младенца - оранжевым, от бледного тона до густого, насыщенного, плечо и рукав Иосифа - тускло-синим. На переднем плане картины виднелись редкие пучки простеньких цветов, на заднем, справа, был изображен лишь один Иоанн; его проказливое личико казалось устремленным куда-то вверх. Чтобы доставить себе удовольствие, с левой стороны от Марии и Иосифа Микеланджело написал море, с правой - горы. А на фоне моря и гор - пятерых обнаженных юношей, сидящих на невысокой стене из камня, - залитые солнцем, чудесные бронзовые фигуры, создающие впечатление, будто перед глазами зрителя был греческий фриз.

Когда Дони по зову Микеланджело явился и взглянул на готовую картину, лицо у него вмиг сделалось таким же красным, как и его нарядная туника.

- Укажи мне в этой мужицкой мазне хоть одно место, где была бы святость! Хоть какой-то признак религиозного чувства! Ты просто издеваешься надо мной.

- Я не такой глупец, чтобы тратить на это время. А тут чудесные, красивые люди, полные нежной любви к своему ребенку.

- В мой дворец мне надо "Святое Семейство"!

- Святость - это не внешние приметы, не обличив. Святость - это внутреннее, духовное качество.

- Я не могу подарить этих крестьян на траве своей взыскательной невесте. Я потеряю всякое уважение в семействе Строцци. Ты выставишь меня в самом дурном, самом черном свете.

- Разреши тебе напомнить, что ты не оговорил себе права на отказ от картины.

Глаза Дони сузились в щелки, затем он выкатил их и закричал:

- А что делают в "Святом Семействе" эти пятеро голых парней?

- Ну как же, - они только что искупались в море и обсыхают теперь на солнце, - спокойно ответил Микеланджело.

- Ей-богу, ты тронулся! - взвизгнул Дони. - Где это слыхано, чтобы в христианской картине рисовали пятерых голых парней?

- Рассматривай их как фигуры фриза. У тебя будет одновременно и христианская живопись, и греческая скульптура - и все за одни и те же деньги. Вспомни, что ты сначала предлагал мне за картину тридцать флоринов, по десяти за каждую фигуру. Будь я жадным, я взял бы с тебя за этих пятерых парней пятьдесят флоринов дополнительно. Но я не возьму, потому что мы соседи по приходу.

- Я снесу картину Леонардо за Винчи, - хныкал Дони, - и он замажет этих пятерых бесстыдников краской.

До сих пор Микеланджело лишь забавлялся препирательством. Но теперь он крикнул в гнев:

- Я подам на тебя в суд за порчу произведения искусства!

- Я оплачиваю это произведение и вправе портить его, как хочу.

- Вспомни-ка Савонаролу. Я заставлю тебя отвечать перед Советом!

Скрежеща зубами, Дони выскочил вон. На следующий день слуга Дони принес кошелек с тридцатью пятью флоринами - половиной условленной суммы - и расписку, которую Микеланджело должен был подписать. Микеланджело отослал эти деньги с Арджиенто обратно. На клочке бумаги он нацарапал:

"Святое Семейство" будет стоить отныне сто сорок флоринов".

Флоренция потешалась над этим поединком; многие заключали пари, споря, кто выйдет победителем - Дони или Микеланджело. Шансы Микеланджело казались гораздо меньшими, ибо никому еще не удавалось провести Дони в денежных делах. Однако день его венчания приближался, а он давно уже из хвастовства разболтал по всему городу, что официальный художник Флоренции исполняет его заказ - пишет свадебный подарок невесте.

Скоро Дони вновь явился в сарай Микеланджело на дворе Собора, в руках у него был кожаный кошелек о семьдесятю флоринами.

- Вот твои деньги, давай мне картину, - кричал он Микеланджело.

- Это нечестно, Дони. Картина тебе не понравилась, и я освободил тебя от всех обязательств по договору.

- Ты меня не проведешь, даже не пытайся! Я пойду к гонфалоньеру, и он заставит тебя выполнить договор.

- Вот уж не подозревал, что тебе так полюбилась моя картина. Ты, видно, стал заправским коллекционером. В таком случае выкладывай сто сорок флоринов - и конец разговору.

- Мошенник! Ты соглашался писать картину за семьдесят...
- Этот договор ты нарушил, прислав мне тридцать пять флоринов. Сейчас я изменяю условия. Моя новая цена - сто сорок флоринов.
- Я не буду платить такие деньги за посредственную крестьянскую картину, ты этого не дождешься, - бушевал Дони. - Скорей тебя повесят в проемах окон Барджелло!
Микеланджело уже думал, что он достаточно подумался, и был почти готов отослать картину заказчику, когда босоногий деревенский мальчик принес ему записку. В ней говорилось:

"До меня дошел слух, что Магдалена желает получить твою картину. Она говорит, что ни один другой свадебный подарок не будет ей столь по душе, как эта картина. К."

Микеланджело вмиг узнал, чей это почерк. Ему было хорошо известно, что Магдалена Строцци - приятельница Контессины. Значит, радовался Микеланджело, кто-то из старых друзей Контессины еще поддерживает с ней отношения! Довольно улыбаясь, он присел к столу и написал письмо Дони.

"Я вполне сознаю, что плата, назначенная мной за мою картину, кажется тебе чрезмерно высокой. Как старый и близкий друг, я освобождаю тебя от всех финансовых обязательств по договору, уступив "Святое Семейство" другому своему другу".

Едва Ардженто, переправив письмо, присел на свое место в сарае, как туда ворвался Дони, - кошелек, который он швырнул на стол, зазвенел так громко, что на мгновение заглушил стуки молотков, несущиеся со двора.

- Я требую отдать мне картину. Она теперь моя по всем правилам.
Схватив кошелек, он развязал его и высыпал на стол груды золотых монет.
- Считай! Сто сорок флоринов золотом. За несчастное семейство крестьян, рассеявшихся на травке у дороги. Почему я поддался тебе и позволил так себя обругать - это выше моего понимания!

Микеланджело передал картину Дони из рук в руки.
- Прошу поздравить от меня твою будущую супругу.
Шагая к выходу, Дони негодовал:
- Художники! И кто сказал, что это непрактичные люди? Ха! Да ты разорил хитрейшего купца во всей Тоскане!

Микеланджело сложил в стопку монеты. Вся эта история ему очень понравилась. Она освежила его не хуже любого отдыха.

11

В августе произошло событие, вызвавшее повсюду радостное оживление, - умер Александр Шестой, папа из семейства Борджиа. Когда новым папой избрали сиенского кардинала Пикколомини, Джулиано да Сангалло ходил убитым, а Микеланджело ждал для себя самого дурного. Работу над статуями Пикколомини он ничуть не продвинул, даже не сделал к ним карандашных набросков. Одно слово нового папы - и гонфалоньер Содерини прикажет отложить работу над "Давидом", пока сиенские статуи, числом одиннадцать, не будут исполнены и утверждены.

Он заперся в своей загородке, отказываясь в течение месяца от всяких встреч, работал как бешеный и все время ждал, когда падет на него секира Ватикана. Почти вся фигура Давида была закончена, незавершенными оставались лицо и голова. Впервые в эти дни Микеланджело осознал истинную тяжесть договора на Двенадцать Апостолов, которая будет давить его много лет в дальнейшем. Он готов был броситься в Арно.

Кардинал Пикколомини пробыл папой Пием Третьим один месяц и внезапно скончался в Риме. Предсказание Джулиано да Сангалло на этот раз сбылось:

кардинал Ровере стал папой Юлием Вторым. Сангалло шумно отпраздновал этот день, уверяя своих гостей, что он заберет Микеланджело с собой в Рим, где тот будет работать над великими изваяниями.

Леонардо да Винчи возвратился из армии Цезаря Борджиа и получил ключи от Большого зала Синьории: ожидали, что ему вот-вот дадут заказ написать огромную фреску на стене за возвышением, где заседали гонфалоньер Содерини и Синьория. Вознаграждение было назначено в десять тысяч флоринов.

Микеланджело бледнел от злости. Это был самый крупный, самый значительный во Флоренции заказ на живопись за многие и многие годы. Десять тысяч флоринов Леонардо за фреску, которую он закончит через два года. Четыре сотни флоринов ему, Микеланджело, за "Гиганта-Давида"! И за то же время работы! Какое благоволение к человеку, который был готов помогать Цезарю Борджиа в завоевании Флоренции! Флоренция будет платить Леонардо в двадцать пять раз больше, чем платит Микеланджело. Уже один этот факт сам по себе - новый смертельный удар, наносимый со стороны Леонардо скульптуре.

В ярости он кинулся к Содерини. Содерини охотно выслушал его: одной из граней таланта гонфалоньера было меньше слушать людей, меньше дать им высказаться. На этот раз Содерини позволил Микеланджело в течение нескольких секунд послушать, как отдается его сердитый голос в стенах палаты, и лишь потом заговорил сам, наиспокойнейшим тоном.

- Леонардо да Винчи - великий живописец. Я видел его "Тайную Вечерю" в Милане. Это потрясающе. Никто в Италии не может сравниться с Леонардо. Я не скрываю своей зависти к Милану и хочу, чтобы Леонардо создал фреску и для Флоренции. Если она окажется столь же прекрасной, это невероятно обогатит нас.

Микеланджело был одновременно отчитан и выставлен вон, всего за несколько минут.

Наступили последние месяцы работы, доставлявшие ему огромную радость, ибо теперь как бы сходились в едином фокусе все его усилия двух лет. Вкладывая в изваяние всю свою нежность, всю любовь, он отделявал лицо Давида - сильное, благородное лицо юноши, который - еще минута - и станет зрелым мужем, но в этот миг еще полон печали и неуверенности, еще колеблется, как ему поступить: брови его нахмурены, глаза вопрошают, на крепких губах - печать ожидания. Черты лица Давида должны быть в единстве с его телом. Лицо Давида должно выражать, что зло уязвимо, что зло можно победить, если оно даже одето в чешуйчатую броню весом в пять тысяч сиклей. Всегда можно отыскать в нем незащищенное место; и если в человеке преобладает добро, оно неминуемо определит это уязвимое место, и отыщет к нему путь, и войдет в него. Чувства, выраженные на лице Давида, должны говорить, что его схватка с Голиафом как бы символизирует борьбу добра со злом.

Обтачивая голову, надо было добиться впечатления, что свет, озаряющий ее, исходит не только изнутри, но как бы сияет вокруг. Ни на минуту не забывая об этом, Микеланджело оставил пока нетронутым камень около губ Давида, его скулы, носа. При обработке ноздрей он пользовался буравом, переходя к бровям, брал малую скальпель. Чтобы проделать углубления в ушах и между зубов, он пустил в ход тонкое сверло, сменяя его более толстым по мере того, как отверстие расширялось. Между завитками волос он высек множество борозд и ямок, по строгому расчету; тут он осторожно работал тонкой длинной иглой, вращая ее между ладонями и стараясь надавливать на камень по возможности легче. С особой зоркостью и тщанием проводил он складки на лбу, обтачивал чуть вытянутые крылья носа, едва раскрытые губы.

Постепенно удаляя следы запасного камня, он приступил к полировке. Ему не требовалось достичь на этот раз такого же блеска, каким лучилось его "Оплакивание". Он хотел лишь как можно выразительнее явить в этом мраморном теле кровь, мышцы, мозг, вены, кости, вдохнуть в это изваяние с прекрасными пропорциями самую жизнь во всей ее убедительности и истине - создать Давида в теплоте трепещущей человеческой плоти, так, чтобы в блеске камня сиял его разум, его дух, его сердце, Давида в напряжении всех его чувств, с туго натянутыми сухожилиями шеи, с резко повернутой головой, обращенной к Голиафу, Давида, уже знающего, что жить - это действовать.

В начале января 1504 года во Флоренции стало известно, что Пьеро де Медичи нет в живых. Надеясь обеспечить себе помощь Людовика Двенадцатого

против Флоренции, он воевал на стороне французской армии и утонул в реке Гарильяно: лодка, в которой он спасал от испанцев четыре пушки, перевернулась. Когда член Синьории заявил перед собравшейся толпой: "Услышав эту весть, мы, флорентинцы, бесконечно рады", – Микеланджело испытывал чувство печали и в то же время жалел Альфонсину и ее детей; он вспоминал умиравшего Лоренцо, вспоминал, как он перед своей кончиной учил Пьеро править Флоренцией. Но скоро Микеланджело понял, что гибель Пьеро означает близость возвращения Контессины из ссылки.

В последних числах того же января Содерини пригласил к себе художников и именитых мастеров Флоренции, чтобы решить, где ставить Микеланджело "Гиганта-Давида". Микеланджело побывал у Содерини заранее, и тот показал ему список приглашенных. Из художников там числились Боттичелли, Росселли, Давид Гирландайо, Леонардо да Винчи, Филиппино Липпи, Пьеро ди Козимо, Граначчи, Перуджино, Лоренцо ди Креди. Скульпторы были представлены именами Рустичи, Сансовино и Бетто Бульони, архитекторы – братьями Сангалло – Джулиано и Антонио, Кронакой и Баччио д'Аньоло. Помимо того, приглашались четверо золотых дел мастеров, два ювелира, мастер по вышивке, мастер по терракоте, книжный иллюстратор, два опытных плотника, которые вот-вот должны были стать архитекторами, пушечный мастер Гиберти, часовщик Лоренцо делла Гольпайя.

– Может, мы кого-нибудь забыли вписать? – спросил Содерини, когда Микеланджело кончил читать список.

– Забыли только меня.

– Я думаю, тебя и не следует приглашать. Твое присутствие может помешать людям говорить свободно.

– Но мне хотелось бы высказать свое мнение.

– Ты уже высказал его, – сухо закончил разговор Содерини.

Приглашенные собрались на следующий день в библиотеке, в верхнем этаже управы при Соборе, стоявшей на том же дворе. Дело было в полдень. Микеланджело и не думал подглядывать или подслушивать, но окна библиотеки были обращены к его сараю, и сюда докатывался гул голосов. Перейдя двор, Микеланджело поднялся по черной лестнице здания и ступил в переднюю библиотеки. Среди всеобщего шума кто-то настойчиво призывал к порядку, наконец в зале наступила тишина. Микеланджело узнал голос Франческо Филарете, герольда Синьории.

– Я очень долго прикидывал и обмозговывал, где же нам поставить фигуру. У нас есть для этого два подходящих места: первое – там, где стоит "Юдифь" Донателло, а второе – посередине двора, где находится бронзовый "Давид". Первое место подходит потому, что "Юдифь" стоит не к добру и ей не следовало бы здесь находиться – женщине вообще не подобает убивать мужчину, а сверх того, эта статуя была водружена при дурных предзнаменованиях, ибо с той поры дела у нас идут все хуже и хуже. Бронзовый "Давид" неисправен на правую ногу, и потому я склоняюсь к мысли поставить "Гиганта" в одном из этих двух мест и лично предпочитаю заменить им "Юдифь".

Мнение герольда устраивало Микеланджело как нельзя лучше. Сразу после Филарете слово взял кто-то другой: Микеланджело не мог узнать этого человека по голосу. Он заглянул украдкой в библиотеку и увидел, что говорит Мончиатто, резчик по дереву.

– Мне кажется, что "Гигант" задуман так, чтобы его поставили на пьедестале подле Собора, у главного Портала. Отчего бы нам так не сделать? Это было бы чудесным украшением церкви Санта Мариа дель Фиоре.

Микеланджело видел, как, напрягая свои старческие силы, поднялся с кресла Росселли.

– И мессер Франческо Филарете и мессер Франческо Мончиатто говорили очень резонно. Но я с самого начала полагал, что "Гиганта" следует установить на лестнице Собора, с правой стороны. Я и теперь держусь того мнения, что это будет лучшее для него место.

Предложения сыпались одно за другим. Галлиено, мастер по вышивке, считал, что "Гигант" должен стоять на площади, заняв место "Льва" Мардзокко, с чем соглашался Давид Гирландайо; кое-кто, в том числе Леонардо да Винчи, предпочитали Лоджию, ибо там мрамор будет сохраннее. Кронака предложил установить "Гиганта" в Большом зале, где Леонардо собирался писать свою фреску.

"Найдется ли здесь хоть один человек, который скажет, что право выбора места для статуи принадлежит мне?" - бормотал Микеланджело.

И тогда заговорил Филиппино Липпи:

- Все здесь высказывают очень мудрые соображения, но я уверен, что лучшее место для "Гиганта" предложил бы сам скульптор, так как он, без сомнения, думал об этом давно и взвесил все обстоятельства дела.

В зале послышался одобрителный ропот. С заключительной речью выступил Анджело Манфиди:

- Прежде чем могущественные господа решат, где ставить изваяние, я предложил бы им спросить совета у членов Синьории, среди которых есть самые высокие умы.

Микеланджело тихонько затворил за собой дверь и по той же черной лестнице спустился во двор. Значит, у гонфалоньера Содерини теперь есть возможность выбрать для "Давида" то место, которое хотел Микеланджело: перед дворцом Синьории, там, где стоит "Юдифь".

Заботы по перевозке "Давида" ложились прежде всего на архитектора, наблюдавшего за Собором, то есть на придиричивого и шумного Поллайоло-Кронаку; тот, видимо, с искренней благодарностью выслушивал советы, которые давали ему братья Антонио и Джулиано да Сангалло. Предложили свои услуги и еще три добровольца: архитектор Баччио д'Аньоло и два молодых плотника-архитектора - Кименте дель Тассо и Бернардо делла Чекка. Их заинтересовала трудная задача - перевезти по улицам Флоренции небывало огромное мраморное изваяние. Статую при перевозке требовалось закрепить надежно, чтобы она не опрокинулась, и в то же время не очень жестко, иначе она могла пострадать от неожиданного толчка или удара.

- "Давида" надо везти стоя, - говорил Джулиано. - И клетку для него следует придумать такую, чтобы статуя не чувствовала тряски.

- А как этого добиться? - размышлял вслух Антонио. - Тут дело не только в клетке. Мы не будем зажимать статую наглухо, мы ее подвесим внутри клетки - пусть она слегка раскачивается взад и вперед при движении.

Два плотника - Тассо и Чекка - сколотили по чертежам братьев Сангалло деревянную клетку почти в три сажени высоты с открытым верхом. Антонио придумал систему скользящих узлов на канатах - узлы эти под давлением веса крепко затягивались, а когда напор уменьшался, ослабевали. Оплетенный сетью прочных канатов, "Давид" был поднят на полиспасте и в подвешенном состоянии вставлен в клетку. Каменную стену за сараем разобрали, клетку установили на круглые катки, дорогу тщательно выровняли. "Давид" был готов пуститься в свое путешествие по улицам Флоренции.

Чтобы катить огромную клетку на катках, применяя ворот, вращаемый вагой, Кронака нанял сорок рабочих. Как только клетка продвигалась вперед и задний каток освобождался, рабочий подхватывал его и, забегая вперед, снова подсовывал его под клетку. Обвязанный канатами от промежности до самой груди - то есть вдоль той опорной вертикали, о которой так заботился Микеланджело, - "Давид" слегка покачивался: размах его движений ограничивали скользящие узлы канатов.

Несмотря на то что статую продвигали сорок человек, она шла медленно, одолевая всего несколько аршин за час. К вечеру первого дня клетку вывели за стену, дотащили по улице Башенных Часов до перекрестка и развернули под острым углом, направляя на Виа дель Проконсоло. Вокруг, наблюдая за работой, толпились сотни людей; когда наступила темнота, клетка продвинулась по Виа дель Проконсоло только на полквартала.

Из толпы кричали: "Доброй ночи! До завтра!" Микеланджело отправился домой. Он расхаживал по комнате, стараясь убить время и дожидаться рассвета. В полночь он не выдержал и, одолеваемый смутной тревогой, вышел из дому, направляясь к "Давиду". Тот стоял, сияя белизной в лучах луны, свободный и уверенный, словно бы на нем и не было никаких пут, устремив свой взгляд на Голиафа, сжимая пальцами пращу: его отточенный, отполированный профиль был безупречно прекрасен.

Микеланджело кинул одеяло в клетку, в тот угол за спиной Давида, где икра его правой ноги соприкасалась с древесным пнем. Здесь он улегся на дощатом полу, стараясь заснуть. Он уже почти забылся, погружаясь в сон все глубже, как вдруг услышал топот ног, шум голосов, а затем стук камней, швыряемых в боковую стенку клетки. Микеланджело вскочил на ноги.

- Стража! - завопил он.

Он слышал топот удаляющихся людей - кто-то убегал, скрываясь на Виа дель Проконсоло. Микеланджело бросился вслед за беглецами и, собрав всю силу своих легких, крикнул:

- Стой! Стража, стража - держи их!

В темноте мелькали какие-то фигуры, скорей всего мальчишеские. С дико бьющимся сердцем он вернулся к "Давиду" - там уже стояли двое стражников, в руках у них были фонари.

- Что за шум?

- В статую швыряли камнями.

- Камнями? Кто же швырял?

- Не знаю.

- И попали они в статую?

- Думаю, что не попали. Я только слышал, как камня стучали по доскам.

- Ты уверен, что это тебе не приснилось?

- Я же видел их. И слышал... Не окажись я тут...

Он обошел статую, вглядываясь в нее в темноте и мучительно гадая, кому было выгодно повредить "Давида".

- Вандалы, - сказал Содерини, придя рано утром на Виа дель Проконсоло посмотреть, как будут двигать статую дальше. - На эту ночь я назначу к "Гиганту" специальную охрану.

Вандалы явились снова, на этот раз их было не меньше десятка. Все произошло вскоре после полуночи. Микеланджело услышал, как по улице Святого Прокла приближаются какие-то люди, и громко закричал, вынудив их побросать припасенные камни тут же наземь. Наутро вся Флоренция знала, что некие злоумышленники хотят повредить "Давида". Содерини вызвал Микеланджело на заседание Синьории и спросил, кто, по его мнению, мог напасть на статую.

- Есть у тебя враги?

- Нет, никаких врагов я не знаю.

- Лучше спросите его, гонфалоньер, так: "Есть ли враги у Флоренции?" - вмешался герольд Филарете. - Надо выждать: пусть они попытаются тронуть статую и сегодня.

Они действительно попытались. Нападение произошло на краю площади Синьории, там, где к ней примыкала площадь Сан Фиренце. Содерини укрыл вооруженных стражников в подъездах и дворах домов, расположенных близ клетки с "Давидом". Восемь человек из шайки были схвачены и доставлены в Барджелло. Еле живой от недосыпания, Микеланджело напряженно вчитывался в список арестованных. В нем не оказалось ни одного знакомого имени.

Утром верхний зал Барджелло был битком набит флорентинцами. Микеланджело внимательно оглядел преступников. Пятеро из них были совсем юнцы, может быть, лет пятнадцати. По их словам, они смотрели на все как на приключение и швыряли камнями в статую по воле своих старших друзей; они будто бы даже не знали, была ли это статуя или что-то другое. Семьи этих мальчишек оштрафовали, а самих их отпустили на свободу.

Трое остальных арестованных были по возрасту старше. Держались они вызывающе враждебно. По признанию одного, они кидали камнями в "Давида" потому, что тот голый, бесстыдно изваян и что Савонарола несомненно потребовал бы его уничтожить. Второй заявил, что "Давид" - плохая статуя, а ему хотелось показать, что во Флоренции есть люди, понимающие искусство гораздо глубже. Третий сказал, что он действовал по наущению приятеля, горевшего жаждой разбить "Давида", - назвать этого приятеля арестованный отказался.

Все трое были приговорены к заключению в тюрьме Стинке; судья, выносивший приговор, процитировал тосканскую поговорку: "у искусства есть враг, и имя ему - невежество".

В этот же вечер, на четвертые сутки своего путешествия по городу, "Давид" попал на предназначенное ему место. Д'Аньоло и плотники-архитекторы Тассо и Чекко разобрали клетку. Братья Сангалло развязали узлы на канатах, сняв с изваяния его веревочную мантию. Статую Юдифи убрали, "Давид" был установлен на ее месте у подножия лестницы дворца, лицом к открытой площади.

Едва Микеланджело ступил на площадь, как спазмы сдавили ему горло. Видеть "Давида" на таком расстоянии ему еще не приходилось. Вот он стоит перед ним во всей своей величавой грации, отбрасывая на дворец Синьории

чистейшее белое сияние. Микеланджело приблизился к статуе, ощущая себя маленьким, сырым, невзрачным; теперь когда статуя уже вышла из его рук, он был как бы совершенно бессильным и только спрашивал себя: "Много ли из того, что я хотел сказать, мне посчастливилось выразить?"

Он охранял статую целых четыре ночи и сейчас едва держался на ногах от усталости. Надо ли ему сторожить "Давида" и в эту ночь? Теперь, когда "Давид" водружен здесь окончательно и уже не зависит от чьей-либо милости или благоволения? Но ведь несколько увесистых, метко кинутых камней могут отбить у него руки, даже голову... Граначчи твердо сказал:

- Несчастьям, которые сваливаются на тебя в дороге, обычно приходит конец, как только ты попадаешь на свое постоянное место.

Он довел Микеланджело до дома, разул его, помог лечь в постель и укрыл одеялом. Подглядывавшего из-за двери Лодовико он предупредил:

- Пусть Микеланджело спит. Пусть спит, если даже солнце дважды взойдет и дважды закатится.

Микеланджело проснулся, чувствуя себя свежим и дьявольски голодным. Хотя время обеда еще не наступило, он опустошил горшок с супом, съел лапшу и вареную рыбу, невзирая на то, что пища была приготовлена на все семейство.

Он так набил себе живот, что еле стибался, когда решил помыться и полез в деревянный ушат. С наслаждением надел он на себя свежую полотняную рубашку, чулки и сандалии - впервые за много недель, уже и не упомнить, за сколько.

Он прошел через площадь Сан Фиренце и уже ступил на площадь Синьории. Вокруг "Давида" стояла в молчании густая толпа народа. На статуе трепетали прилепленные за ночь листки бумаги. Микеланджело помнил такие листки по Риму: там люди приклеивали к дверям библиотеки в Ватикане стихи, унижающие честь Борджиа, или прикрепляли свои обличения и жалобы к мраморному торсу Пасквино поблизости от площади Навона.

Он прошел сквозь толпу, чувствуя, как она расступалась, давая ему дорогу. Он старался разгадать выражение лиц, понять, что тут происходит. Глаза, глядевшие на него, показались ему у всех необыкновенно большими.

Он подошел к "Давиду", взобрался на пьедестал и начал срывать бумажки, читая их одну за другой. Когда он читал уже третью, глаза его увлажнились, ибо все это были послания любви и признательности:

"Мы вновь стали уважать себя".

"Мы горды оттого, что мы флорентинцы".

"Как величествен человек!"

"Пусть никто не говорит мне, что человек подл и низок; человек - самое гордое создание на земле".

"Ты создал то, что можно назвать самой красотой".

"Браво!"

Вот он увидел знакомый сорт бумаги, тот, что когда-то не раз держал в руках. Он дотянулся до записки, прочел ее:

"Все, что надеялся сделать для Флоренции мой отец, выражено в твоём Давиде.

Контессина Ридольфи де Медичи".

Она проникла в город ночью, избежав встречи со стражей. Она пошла на риск, чтобы увидеть его Давида, присоединить свой голос к голосу Флоренции.

Он повернулся и стоял над толпой, а толпа глядела на него. На площади царил тишина, все молчали. И все же никогда он не чувствовал такого человеческого взаимопонимания и единства, какие были в эту минуту. Словно бы люди читали друг у друга мысли, словно бы составляли нечто целое; все эти флорентинцы, что стояли внизу, обратив на него свои взоры, были частью его, а он был частью их.

В письме, пришедшем от Якопо Галли, был вложен договор, подписанный братьями Мускронами: они соглашались заплатить Микеланджело четыре тысячи гульденов. "Вы вправе высекать "Богородицу с Младенцем" так, как задумаете, - писал Якопо Галли. - А теперь, после вкусной поджарки, будет некая доза кислого соуса. Наследники Пикколомини требуют, чтобы вы завершили работу над обещанными статуями. Мне удалось убедить их продлить срок договора еще на два года - и это все, что было в моих силах..."

Два года отсрочки! Микеланджело так обрадовался этому, что тут же забыл о злополучных статуях.

В ту пору, когда об изваянии "Давида" говорил весь город, семейство Буонарроти посетил Бартоломео Питти, отпрыск боковой линии богатейшего рода. Это был застенчивый, тихий человек: в первом этаже его скромного дома на площади Санто Спирита помещалась мануфактурная лавка.

- Я только что начал собирать коллекцию произведений искусства. Пока у меня лишь три небольшие картины на дереве, очень милые, хотя и не прославленных мастеров. Мы с женой пошли бы на что угодно, только бы способствовать рождению произведений искусства.

Микеланджело был тронут учтивостью посетителя, мягким взглядом его карих глаз, короной седых волос вокруг лысеющего лба.

- Каким образом вы хотели бы способствовать этому, мессере?

- Нам хотелось узнать, нет ли какого-нибудь небольшого мрамора, о котором вы бы думали или даже мечтали и который мог бы подойти нам...

Микеланджело шагнул к стене и снял с нее свою первую работу, выполненную под руководством Бертольдо, - "Богоматерь с Младенцем".

- За долгие годы, мессер Питти, я осознал, насколько плохо я высек этот барельеф: я даже понимаю, почему я высек его плохо. Теперь я принялся бы за него вновь, только на этот раз вещь будет округлой, в форме тондо. И мне кажется, я сумею вывести эти фигуры из плоскости рельефа, создать впечатление полнообъемной скульптуры. Хотите, я попробую это сделать для вас?

Питти облизал свои тонкие, пересохшие губы.

- Я не могу выразить, как мы были бы счастливы.

Микеланджело проводил Бартоломео Питти, сойдя с ним вниз по лестнице.

- Я уверен, что высеку для вас нечто достойное. Я чувствую это всем своим существом.

Синьория приняла постановление, чтобы Кронака обеспечил постройку дома и мастерской для Микеланджело. А тот соизволил затерять чертежи под грудями безделушек и разного хлама, сваленного на его столе, где, между прочим, всегда лежали две дюжины крутых яиц, ибо другой пищи архитектор не признавал.

- Представь себе, я уже обдумал и расположение комнат, и их размеры, - говорил он Микеланджело. - Ты, наверное, захочешь, чтобы дом был сложен из каменных блоков?

- Да, хотел бы. Могу я высказать несколько пожеланий?

- Как всякий заказчик, - улыбнулся Кронака.

- Я хочу, чтобы кухня была наверху, между гостиной и моей спальней. Камин с дымоходом, идущим в стене. Лоджия с колоннами должна примыкать к спальне и выходить в двор. Кирпичные полы, светлые окна, отхожее место на втором этаже. Парадная дверь с каменным карнизом, самой тонкой работы. Стены внутри надо отштукатурить. Я окрашу их сам.

- Право, не знаю, для чего я тебе и нужен, - ворчливо заметил Кронака. - Сходи на участок и посмотри, как расположить мастерскую, чтобы ты был доволен освещением.

Микеланджело спросил, можно ли отдать все работы по камню семейству Тополино.

- Если ты ручаешься, что они справятся с делом.

- Ты получишь самые лучшие блоки, какие только высекались в Сеттиньяно.

Участок, отведенный под дом, находился на перекрестке Борго Пинти и Виа делла Колонна; в семи саженях от угла по Борго был монастырь Честелло, со

стороны Виа делла Колонна участок простирался гораздо дальше, кончаясь у кузницы. Микеланджело купил у кузнеца кольев, измерил шагами предназначенную ему землю и забил колья по углам участка, как межевые знаки.

Недели через две Кронака приготовил план дома и мастерской - все получалось неукоснительно строго снаружи и очень уютно внутри. Лоджия была спроектирована во втором этаже рядом со спальней комнатой Микеланджело, так, чтобы он мог есть и отдыхать в теплую погоду, на открытом воздухе.

Скоро Тополино по указаниям Микеланджело уже рубили светлый камень; голубовато-серые блоки сияли под солнцем, зерно у них было чудесное. Пользуясь мерками, которые дал им Микеланджело, Тополино вытесали блоки для камина, потом высекли изящные пластины на карниз. Когда был готов строительный камень; Тополино всем семейством сложили и дом. Нанятые Кронакой мастера отштукатурили комнаты, покрыли черепицей крышу, но Микеланджело не мог удержаться от того, чтобы не приходиться по вечерам на стройку - гасил известь, доставая воду из колодца, вырытого во дворе, красил по штукатурке стены в те тона, которые он нашел для одежд в "Святом Семействе" Дони: голубой, розовый и оранжевый. Вся южная стена мастерской выходила во дворик.

Обставляя дом внутри, Микеланджело должен был рассчитывать на собственный кошелек. Он купил лишь самые скромные вещи: широкую кровать, сундук, стул для спальни, стол и стулья для лоджии - их при сырой или холодной погоде предполагалось уносить во внутренние комнаты; кожаное кресло и скамью для гостиной; горшки, бокалы, сковороды; кухонные ящики под соль, сахар и муку. Арджиенто перетащил свою кровать из мастерской на площади ремесленников и поставил в маленькой спальне под лестницей, около парадного входа.

- Ты повесь в своем доме священные картины, - говорила Микеланджело тетя Кассандра. - Смотреть на них большое благо для души.

Микеланджело повесил напротив кровати свою юношескую "Богоматерь с Младенцем", а в гостиной - "Битву кентавров".

- Какая самовлюбленность, - усмехнулся Граначчи. - Тетя говорит тебе, чтобы ты смотрел на священные картины, а ты взял да развесил собственные работы.

- Они для меня священны, Граначчи.

Вселившись в свою мастерскую, залитую солнцем позднего лета, Микеланджело радостно трудился - мысли, обгоняя друг друга, теснились в его голове и понуждали к действию руки: надо было закончить восковую модель "Брюгтской Богородицы", рисунки для тондо, предназначенного Питти, пробные эскизы фигуры апостола Матфея для Собора, отделку бронзового "Давида" для французского маршала. Когда из Каррары привезли блок мрамора в два аршина и четыре дюйма, Арджиенто помог Микеланджело установить его посредине мастерской на поворотный круг. Микеланджело с час ходил вокруг камня, вглядываясь в его грани и очертания, словно бы ощущая, как шевелится в толще камня тело Богородицы, - и вот уже на кирпичный пол мастерской впервые брызнула белоснежная струя мраморной пыли и крошки.

Радостное состояние духа Микеланджело отнюдь не отразилось на образе Богоматери; напротив, возникавшая под его резцом женщина была печальна и уже мысленно видела крестные муки сына. Никогда теперь не уловить Микеланджело того сосредоточенного спокойствия, которое он придал Марии в своем раннем барельефе: там она еще не знала своей судьбы, ей надо было только решиться. А эта молодая мать была избрана и обречена: она уже знала, чем кончится жизнь ее сына. Вот почему она противилась, не хотела отпустить от себя этого прекрасного, сильного и проворного мальчика, ухватившегося своей ручонкой за ее ограждающую руку. И вот почему она прикрывала сына краем своего плаща.

У мальчика, чувствующего настроение матери, тоже таилась в глазах печаль. Он был полон сил и отваги, скоро он соскочит с материнских колен и покинет это надежное убежище, но вот теперь, в эту минуту, он вцепился в руку матери одной своей рукой, а другую прижал к ее бедру. Быть может, он думает сейчас о ней, о своей матери, опечаленной неизбежной разлукой: ее сын, так доверчиво прильнувший к коленям, скоро будет странствовать в мире один.

Микеланджело работал так, будто работа была его торжеством и

празднеством. Осколки мрамора взвивались и летели на пол: после огромной Давидовой фигуры небольшое и компактное изваяние Святой Девы возникало почти без усилия. Молоток и резец были легче пера, и Микеланджело, почти не отрываясь, высекал скромные одежды Богоматери, ее длинные пальцы, густые косы, венчавшие лицо с длинным носом, с тяжелыми веками глаз, кудрявую голову мальчика, его сильное детское тело, пухлые щеки и подбородок - что-то чисто личное, идущее от сердца ваятеля пронизывало весь мрамор. Он не идеализировал теперь лицо Марии, как делал прежде; он полагал, что то чувство, которое он вдохнет в нее, придаст ей благородство.

Граначчи оценил статую так: "Это наиболее живая "Богородица с Младенцем", какую только может допустить церковь".

Настоятель Бикьеллини, ни словом не откликнувшись на появление "Давида", пришел в новый дом Микеланджело и освятил его по всем правилам. Он опустился на колени перед "Богоматерью", читая молитву. Затем встал и положил обе руки на плечи Микеланджело:

- Эта "Богородица с Младенцем" не несла бы на себе печать такой нежной чистоты, если бы ты не был столь же нежен и чист в своем сердце. Да благословит господь бог и тебя, и эту мастерскую.

Микеланджело отпраздновал окончание "Брюггской Богоматери" тем, что установил посредине мастерской четырехугольный мрамор, обрубил его углы, чтобы приблизить камень к форме тондо, и начал работать над заказом Питти. Восковая модель, укрепленная на каркасе, обрела свою форму очень быстро: работая теперь в собственной мастерской, Микеланджело испытывал небывалый подъем духа - он вступил в безоблачную, светлую полосу жизни. Впервые он пробовал высечь изваяние на плоскости круга; сделав эту плоскость чуть вогнутой, как у блюда, он мог разместить фигуры в пространстве так, что сидящая на камне Мария, наиболее важный персонаж, была изваяна с максимальной объемностью; младенец, прикинувшийся к раскрытой книге, что лежала на коленях Богоматери, все же оказался на втором плане, а Иоанн, выглядывавший из-за плеча Марии, был уже совсем в глубине блюда.

Перейдя к окончательной отделке тондо, он применил с десяток различных способов резьбы и почти исчерпал все возможные варианты; лишь лицо Марии было отполировано до той телесной иллюзорности, какой он достиг в "Оплакивании", - образ ее эмоционально обогатился. Микеланджело чувствовал, что никогда еще Мария не выходила из-под его резца такой зрелой и сильной женщиной; сын ее олицетворял всю прелесть счастливого младенчества; фигуры двигались в круге свободно и непринужденно.

Арджиенто аккуратно закутал тондо в одеяла и, взяв у соседа-кузнеца ручную тележку, покатил в ней мрамор по улицам к дому Питти. Микеланджело шел рядом с тележкой. Совместными усилиями они подняли изваяние по лестнице, внесли в квартиру над мануфактурной лавкой и поставили на узкий, высокий буфет. Все Питти - и родители и дети - обмерли, лихась дара речи, потом сразу заговорили, заохали и принялись разглядывать тондо с разных сторон и расстояний.

Наступили счастливые месяцы жизни Микеланджело - лучшего времени он не помнил. "Давида", которого флорентинцы все еще называли "Гигантом", город принял как свой новый символ, как своего покровителя и наставника. В делах республики наметился резкий поворот к лучшему: тяжело заболел и перестал быть угрозой Цезарь Борджиа; Ареццо и Пиза, казалось, были усмирены и теперь проявляли покорность; папа Юлий Второй, державшийся дружбы с Флоренцией, сделал кардинала Джованни де Медичи важной персоной в Ватикане. Кругом царил дух доверия, энергия и предприимчивость били ключом. Торговля процветала; всем хватало работы, любое изделие труда находило себе сбыт. Правительство с постоянным своим главой Содерини обрело устойчивость и уверенность, внутренние распри и раздоры флорентинцев были забыты.

Горожане считали, что чуть ли не всем этим они обязаны "Гиганту-Давиду". День, когда была установлена статуя Давида, открыл, на взгляд флорентинцев, новую эру. Под разными соглашениями и контрактами они помечали: "В первый месяц после водружения Давида". В разговорах, чтобы определить какой-то отрезок времени, говорили: "Это было до "Гиганта" или: "Я хорошо помню: это произошло на вторую неделю после открытия "Гиганта".

Микеланджело добился у Содерини обещания не препятствовать отъезду

Контессины вместе с мужем и детьми в Рим под покровительство кардинала Джованни, как только Совет Семидесяти даст на это свое согласие. Теперь Микеланджело гораздо дружелюбнее и терпимее держался на обедах Общества Горшка, оставив нападки как Леонардо, и был готов помочь любому скульптору получить тот или иной заказ. Он требовал от Арджиенто, чтобы тот уделял больше времени своему учению и не пренебрегал его уроками. В эти дни он вновь пошел в Сеттиньяно и увидел, что грома тонких каменных плит для карниза растет и растет, и что каждая из них высечена с такой любовью и искусством, будто это была драгоценная гемма. Из дома Тополино он направился к Контессине - дал урок Луиджи и поиграл с подраставшим Никколо. Он проявлял необыкновенное терпение к своему семейству и спокойно слушал, как разглагольствовал Лодовико, мечтая закупить домов и земли для своих сыновей.

Питти прислал к Микеланджело некоего Таддео Таддеи, образованного флорентинца, любителя искусств. Таддеи спрашивал, не согласится ли маэстро Буонарроти высечь ему тондо. У Микеланджело был уже в голове замысел, появившийся в то время, когда он работал над заказом Питти. Он набросал карандашный эскиз будущей скульптуры, - Таддеи был в восторге. Таким образом, Микеланджело получил еще один приятный заказ от тонкого и умного человека, заранее восхищавшегося задуманным для него изваянием.

К своему тридцатилетию, до которого оставалось несколько месяцев, Микеланджело, казалось, осуществил все, к чему стремился: во весь голос сказал свое слово в искусстве и получил признание,

13

Благодатные времена Микеланджело кончились, едва наступив.

Уехав по вызову Юлия Второго в Рим, Сангалло каждую неделю сообщал Микеланджело приятные новости: то он расхваливал в беседе с папой "Давида", то уговорил его святейшество посмотреть в храме Святого Петра Микеланджело "Оплакивание", то убеждал папу, что равного Микеланджело мастера нет во всей Европе. Юлий Второй стал подумывать о мраморных изваяниях; скоро он решит, что именно он хотел бы заказать, а потом и пригласит Микеланджело в Рим...

Микеланджело читал эти письма на встречах Общества Горшка, и, когда папа, чтобы возвести в церкви Санта Мария дель Пополо два надгробия - кардиналу Реканати и кардиналу Сфорца, - вызвал в Рим не его, а Сансовино, он был поражен как громом. Общество устроило Сансовино шумный прощальный вечер - Микеланджело пошел на него, радуясь удаче своего старого товарища и на время забыв собственное унижение. Он чувствовал, что его престижу нанесен жестокий удар.

Многие в городе спрашивали:

- Если Микеланджело в самом деле первый скульптор Флоренции, то почему вместо него папа вызвал Сансовино?

Все начало 1504 года Леонардо да Винчи посвятил механике, изобретая насосы и турбины, разрабатывая проект отвода вод Арно от Пизы, раздумывая над устройством обсерватории под крышей своей мастерской, чтобы с помощью увеличительного стекла наблюдать и изучать Луну. Получив выговор от Синьории за то, что он не занимается фреской, Леонардо принялся за нее в мае с большой энергией. Картон Леонардо стал предметом разговоров во всей Флоренции: художники толпились в его рабочей комнате при церкви Санта Мария Новелла и с восхищением рассматривали и изучали рисунки; применяясь к манере Леонардо, они усердно срисовывали их. Город был полон слухов о том, что Леонардо создает нечто необыкновенное, поразительное.

С каждой неделей Леонардо и его картоном восхищались все больше, теперь уже всюду кричали, что это настоящее чудо. Картон стал чуть ли не главной темой бесед и пересудов в городе. На "Давида" уже смотрели как на нечто разумеющееся само собою, ощущение того, что он принес городу добрые

времена, поблекло и стерлось. Мало-помалу Микеланджело убеждался, что он превзойден, отодвинут на задний план. Горячие почитатели и незнакомые люди, останавливавшие его, бывало, на улице, чтобы выразить свое уважение, теперь при встрече лишь небрежно кивали головой. Время успеха и славы Микеланджело отошло теперь в прошлое. Героем дня стал Леонардо да Винчи. Флоренция с гордостью называла его "первым художником Тосканы".

Проглотить столь горькую пилюлю Микеланджело было нелегко. Как суетны и переменчивы, однако, эти флорентинцы! Развенчать его, лишить первенства так быстро! Прекрасно зная входы и выходы в церкви Санта Мария Новелла с той поры, когда он работал так с Гирландайо, Микеланджело сумел осмотреть картон Леонардо так, что его присутствия никто не заметил. Картон был изумительный! Леонардо любил лошадей не менее горячо, чем Рустичи. Рисуя битву при Ангиари, он создал настоящий гимн боевым коням – в пылу жестокого сражения они несли на себе облаченных в древнеримские доспехи всадников, которые разили друг друга мечами, бились, кусались, сцеплялись подобно фуриям; люди и кони на равных правах были брошены в кипение кровавой схватки; многочисленные группы великолепно входили в общую композицию.

Да, Леонардо – великий живописец, этого Микеланджело не отрицал; быть может, даже самый великий из всех, живших на свете. Но эта мысль не приносила Микеланджело успокоения, а, наоборот, только разжигала его. Вечером, перед закатом солнца, проходя мимо церкви Санта Тринита, он увидел группу людей, оживленно толкующих между собой на скамейке близ банкирского дома Спины. Они спорили насчет отрывка из Данте: Микеланджело понял, что речь шла об одиннадцатой песне "Ада":

...Для тех, кто дорожит уроком,
Не раз философ повторил слова,
Что естеству являются истоком
Премудрость и искусство божества.
И в физике прочтешь, и не в исходе,
А только лишь перелистав едва:
Искусство смертных следует природе,
Как ученик ее, за пядью пядь...

Человек, сидевший среди юношей, вскинул взгляд – это был Леонардо да Винчи.

– А вот Микеланджело, – сказал он. – Микеланджело растолкует нам эти стихи.

Микеланджело выглядел в этот вечер так, что его вполне можно было принять за возвращающегося с работы мастерового, и молодые друзья Леонардо в ответ на его слова громко рассмеялись.

– Растолковывай сам! – вскричал Микеланджело, считая, что молодые люди смеются по вине Леонардо. – Тебе только стихи и толковать. Вот ты слепил конную статую и хотел отлить ее в бронзе, да так и бросил, к стыду своему, не окончив!

У Леонардо вспыхнули лоб и щеки.

– Я не хотел тебе сказать ничего обидного, я всерьез спрашивал твоего мнения. Если кто-то смеется, я за других не отвечаю.

Но уши Микеланджело словно бы наглухо заложила горячая сера ярости. Он отвернулся, не слушая, и зашагал прочь, к холмам. Он шагал всю ночь, стараясь умерить свой гнев, подавить чувство униженности, стыда и катастрофы. Пока он не вышел за город, его все время бередило ощущение, что люди бесцеремонно глядят на него, что всюду он натывается на колющие взгляды.

Блуждая в ночи, он оказался в глухих местах близ Понтассиеве. На рассвете он уже стоял у слияния рек Сиеве и Арно – отсюда дорога шла в Ареццо и Рим. Он ясно понял теперь: превзойти Леонардо ни в манерах, ни в красоте и изяществе ему никогда не удастся. Но он, Микеланджело, – лучший рисовальщик во всей Италии. Однако если он просто скажет об этом, ему никто не поверит. Необходимо это доказать. А какое же доказательство будет убедительнее, если не фреска – столь же обширная, внушительная фреска, какую пишет Леонардо?

Фреска Леонардо должна была занять правую половину длинной восточной

стены Большого зала. Он, Микеланджело, попросит себе у Содерини левую половину. Его работа предстанет перед зрителем рядом с работой Леонардо как доказательство того, что он способен превзойти Леонардову живопись, победить его в каждой своей фигуре. Любой человек сможет увидеть фрески и судить сам. Тогда-то Флоренция осознает, кто ныне первый ее художник.

Граначчи пытался охладить его пыл.

- Это у тебя болезнь, вроде горячки. Придется нам всерьез подлечить тебя.

- Перестань смеяться.

- Dio mio, я и не думаю смеяться. Но чего ты не выносишь, так это близости Леонардо.

- Ты хочешь сказать: запаха его духов.

- Чепуха. Леонардо не пользуется духами, у него просто такой запах.

Граначчи оглядел руки и ноги друга с запекшимися на них струями пота, его рубашку, почерневшую от кузнечной копоти и сажи.

- Я считаю, что, если бы ты хоть изредка мылся, ты бы не умер от этого.

Схватив тяжелый брус, Микеланджело стал размахивать им над головой, крича:

- Вон из моей мастерской! Сию же минуту вон... ты... предатель.

- Микеланджело, это же не я заговорил о запахе, а ты! И зачем тебе выходить из себя по поводу Леонардовой живописи, когда ты столько лет отдал скульптуре?. Забудь его совсем, плюнь!

- Это как шип, вонзившийся мне в ногу.

- Ну, а что, если ты, предположим, не победишь его и окажешься не первым, а вторым? Вот уж насыплешь соли на свою рану!

Микеланджело рассмеялся:

- Поверь, Граначчи, я не буду вторым. Я должен быть первым.

К вечеру он уже сидел в приемной у гонфалоньера Содерини, тщательно вымывшийся, постриженный, в чистой голубой рубашке.

- Фу, - сказал Содерини, отклоняясь от него в своем кресле как можно дальше. - Чем это цирюльник намазал тебе волосы?

Микеланджело покраснел:

- Пахучее масло...

Содерини послал слугу за полотенцем. Протянув его Микеланджело, он сказал:

- Вытри голову хорошенько. Пусть у тебя останется лишь твой запах. Он, по крайней мере, естественный.

Микеланджело объяснил Содерини, зачем он явился. Содерини был изумлен: впервые Микеланджело увидел, как он вышел из себя.

- Это совсем глупо! - кричал он, вышагивая вокруг своего обширного стола и пронзая глазами Микеланджело. - Сколько раз ты говорил мне, что не любишь фреску и что работа у Гирландайо была тебе в тягость!

- Я заблуждался. - Микеланджело опустил голову, в голосе его звучало упрямство. - Право, я могу писать фрески. И лучше, чем Леонардо да Винчи.

- Ты уверен?

- Готов положить руку на огонь.

- Но если ты даже и можешь, то ведь фреска волей-неволей отвлечет тебя на долгие годы от работы по мрамору. Твоя "Богоматерь" для брюттских купцов поистине божественна. Прекрасно и тондо Питти. У тебя настоящий дар божий. Зачем же пренебрегать этим даром и браться за работу, к которой у тебя нет склонности?

- Гонфалоньер, вы так радовались и торжествовали, когда Леонардо согласился расписать половину вашей стены. Вы говорили, что на нее будет смотреть весь мир. А вы знаете, что зрителей соберется вдвое больше, если одну фреску напишет Леонардо, а другую я? Это будет колоссальное palio, великое состязание - оно взволнует множество людей.

- И ты надеешься превзойти Леонардо?

- Готов положить руку на огонь.

Содерини вернулся к своему украшенному золотыми лилиями креслу, устало сел в него и с сомнением покачал головой.

- Синьория никогда не пойдет на это. Ведь у тебя уже подписан договор с цехом шерстяников и управой при Соборе на Двенадцать Апостолов.

- Я высеку их. А вторая половина стены должна остаться за мною. Мне не надо на нее, как Леонардо, два года, я распишу ее за год, за девять

месяцев, даже за восемь...

- Нет, caro. Ты ошибаешься. Я не позволю тебе попасть в передрагу. Я не хочу этого.

- И все потому, что вы не верите в мои силы. Вы вправе не верить, потому что я пришел к вам с пустыми руками. В следующий раз я принесу вам рисунки, и тогда мы посмотрим, способен я или не способен написать фреску.

- Пожалуйста, принеси мне вместо рисунков готового мраморного апостола, - устало ответил Содерини. - Ты должен нам изваять апостолов - для этого мы построили тебе и дом, и мастерскую.

Содерини поднял взор и стал рассматривать лилии на плафоне.

- И почему только я не был доволен двухмесячным сроком на посту гонфалоньера? Почему я должен тянуть эту ляжку всю свою жизнь?

- Потому что вы мудрый и красноречивый гонфалоньер, и вы несомненно добьетесь того, чтобы городские власти отпустили еще десять тысяч флоринов на роспись второй половины стены в Большом зале.

Чтобы воодушевить Синьорию на трату дополнительных сумм, чтобы увлечь своим проектом и уговорить старшин цеха шерстяников и попечителей Собора отсрочить договор с ним на целый год, Микеланджело должен был написать нечто такое, что славил бы имя флорентинцев и возбуждало их гордость. Однако ему вовсе не хотелось изображать коней в ратной броне, воинов в латах и шлемах, с мечами и копьями в руках - словом, ту обычную батальную сцену, где в сумятице боя перемешаны вздыбленные лошади, раненые и умирающие люди. Все это было ему не по душе.

По что же ему написать?

Он пошел в библиотеку Санто Спирито и попросил у дежурного там монаха-августинца какую-нибудь историю Флоренции. Тот дал ему хронику Филиппе Виллани. Микеланджело прочитал в ней о сражениях гвельфов и гибеллинов, о войнах с Пизой и другими городами-государствами. В фреске можно обойтись и без битвы, но в ней необходимо показать какой-то триумф, торжество, льстящее чести земляков. На каких страницах отыщешь такой эпизод, который к тому же был бы хорош для карандаша и кисти и явился бы драматическим контрастом Леопардовой баталии? Эпизод, дающий возможность одержать верх над Леонардо?

Микеланджело читал ужа несколько дней и не находил ничего подходящего, пока не наткнулся на рассказ, от которого у него заколотилось сердце. Речь шла о местечке Кашине, близ Пизы, где в жаркий летний день флорентинское войско разбило лагерь на берегу Арно. Чувствуя себя в безопасности, многие солдаты полезли в реку купаться, другие сидели поблизости и обсыхали, третьи, сложив тяжелые доспехи, нежились на траве. Вдруг на берег выбежали часовые. "Мы погибли! - кричали они. - На нас напали пизанцы!" Солдаты повыскакивали из реки, те, кто сидел на берегу, поспешно надевали одежду и доспехи, хватали в руки оружие... как раз вовремя, чтобы отразить три атаки пизанцев и разбить неприятеля наголову.

Это был повод написать большую группу мужчин, молодых и старых, под ярким солнцем, со следами воды на теле, - мужчин в минуту опасности, в напряженном действии, в тревоге, которая читалась не только на их лицах, но и в каждом мускуле; воины будут в самых разнообразных позах - то наклонившиеся, чтобы поднять с земли оружие, то уже готовые грудью встретить врага и защитить свою жизнь. Словом, тут крылась возможность создать нечто захватывающее. Этим людям надо написать так, чтобы каждый из них был подобен Давиду: общий портрет человечества, изгнанного из своего, дарованного ему на мгновение Райского Сада.

Он пошел на улицу Книготорговцев, закупил там бумаги, выбирая самые большие листы, разноцветных чернил и мелков, черных, белых, красных и коричневых карандашей и все это разложил на своем рабочем столе. Углубясь в работу, он быстро скомпоновал сцену на Арно: в центре ее был Донати, кричавший капитану Малатесте: "Мы погибли!" Кое-кто из воинов был еще в воде, другие взбирались на крутой берег, третьи накидывали на себя одежду и брались за оружие.

Через три дня Микеланджело уже стоял в кабинете Содерини. Они пристально посмотрели друг на друга настороженным взглядом. Микеланджело расстелил на полу, подгоняя край к краю, свои огромные листы с двумя десятками мужских фигур: одни были заштрихованы пером, другие набросаны угольными карандашами и подцвечены размашистыми, смелыми линиями белого

свинца, третьи покрыты краской телесного цвета.

Потом он с чувством усталости сел в кожаное кресло – кресла стояли рядом, одно к другому, у боковой стены – и замер в тупом ожидании. Содерини молча разглядывал рисунки. Когда он оторвал от них взгляд и посмотрел на Микеланджело, тот прочел в его глазах горячее участие.

– Я был неправ, когда сдерживал тебя и предостерегал от неудачи. Истинный художник должен с равным умением и ваять, и писать картины, и возводить архитектурные сооружения. Твоя фреска будет, как "Давид", совершенно новой по своему характеру и доставит нам такую же радость. Я решил добиваться, чтобы тебе дали заказ. Ради этого я готов бороться с каждым членом Совета".

Действительно, он не пожалел сил на борьбу и добился того, что Микеланджело отпустили три тысячи флоринов – меньше трети той суммы, которая была назначена Леонардо да Винчи. Однако и таких денег Микеланджело еще никогда не получал, хотя его весьма удручала оценка Синьории, ставящей его работу так низко по сравнению с работой Леонардо. Что же, когда Синьория увидит законченную фреску, ей придется изменить свое мнение.

Теперь при встрече с ним на улице люди останавливались и спрашивали, правда ли, что он собирается написать множество – прямо-таки полчище – Давидов.

– Значит, флорентинцы признали тебя вновь, – насмешливо замечал по этому поводу Граначчи. – Ты опять наш первый художник, если, конечно, твоя фреска получится блестящей. Надеюсь только, что тебе не придется заплатить за это слишком многим.

– Каждый платит ровно столько, сколько должен.

14

Ему предоставили длинную узкую палату в благотворительной больнице, которая была построена цехом красильщиков еще в 1359 году. Больница выходила фасадом на улицу Красильщиков; через два квартала от нее, близ церкви Санта Кроче, находился старый дом, в котором Микеланджело вырос, – мальчишкой он не раз забирался здесь в сточные канавы, где текла вода голубого, зеленого, красного и пурпурного цвета. Окна нынешней его мастерской при больнице выходили на Арно, к югу, так что солнце в ней стояло целый день; задняя стена палаты была обширнее, чем предназначенная для его фрески половина стены в зале Большого Совета. Здесь вполне можно было прикрепить к стене весь картон, лист за листом, и хорошенько оглядеть его как целое, прежде чем приступить к исполнению фрески. Он приказал Арджиенто держать дверь на запоре и никого не пускать.

Он трудился с отчаянной яростью, решив доказать городу, что он зрелый мастер, постигший тайну быстрой работы, и что Синьории не придется упрекать его в растрате времени на чертежи водяных насосов и иных технических выдумок. Когда наступили холода, он послал Арджиенто в лавку за воском и скипидаром: на зиму надо было пропитать в скипидаре бумагу, как это делали красильщики, и затянуть ею окна. Общую композицию фрески он разработал на длинном листе, вырезанном по масштабу, потом разбил его на квадраты, с тем чтобы, соединив эти квадраты, покрыть ими площадь стены размером в девять с половиной аршин на двадцать три с половиной. В отличие от своей юношеской "Битвы кентавров" главные фигуры этой композиции Микеланджело сделал крупными, высотой в четыре аршина, и, однако, все изображенные люди должны были производить то же впечатление единой массы – сбившиеся на тесном пространстве обнаженные воины, перепутанные, переплетенные руки, торсы, головы, словно часть чего-то единого, органического целого: в минуту опасности, пока противник не подступил к ним вплотную, ратники одним порывом выскакивают из воды, хватая одежду, латы, оружие, и встают против врага.

Он нарисовал молодого воина, обращенного спиной к зрителю, - на нем кираса, в руке щит, меч у него под ногами; вот обнаженные юноши схватили свои копья и мечи, не обращая внимания на одежду; вот бывалые, закаленные солдаты, у них мускулистые, крепкие ноги и плечи - они готовы броситься на приближающегося неприятеля о голыми руками: вот три молодых солдата карабкаются на берег из реки; вот центральная группа вокруг Донати - она еще на грани между оцепенением и готовностью к действию; воин, рука которого с судорожной силой высовывается из сброшенной на плечи рубахи; старый солдат с ивовым венком на голове натягивает рейтузы на свои мокрые ноги так остервенело, что, как Микеланджело объяснял Граначчи, "его проступившие под кожей мускулы и сухожилия видны все до единого, и рот его перекошен ненавистью, и все тело мучительно напряглось вплоть до пальцев ног".

Тщательная работа над картоном о Кашине, который Микеланджело называл теперь "Купальщиками", потребовала бы целого года; при молодости и наивысшем расцвете таланта можно было надеяться на завершение труда в шесть месяцев. К 1505 году, через три месяца после начала работы, подчиняясь силе, которую он не в состоянии был сдержать, Микеланджело закончил картон. Сальвадоре, переплетчик, трудился накануне Нового года двое суток, склеивая листы воедино; теперь Арджиенто, Граначчи, Антонио да Сангалло и Микеланджело прикрепили картон к легкой раме и поставили его у задней стены. Мастерская была словно бы забита полусотней отчаявшихся, застигнутых бедой полуголых солдат. Тут был и цепенящий ужас, и страх неминуемой гибели, а рядом с этим прорывалось и брало верх мужество: внезапности катастрофы противостояло успешное и точное действие.

Граначчи стоял, завороженный бешеной силой этих людей, оказавшихся на грани жизни и смерти, и следил, как каждый из них выказывает в трагическую минуту свой характер и волю. Могущество графики Микеланджело-его поразило.

- Странно, очень, странно, - бормотал он. - Такой простей сюжет - а рождается великое искусство! - Микеланджело ничего не ответил приятелю; а Граначчи продолжал: - Тебе надо открыть двери мастерской для всех, пусть люди увидят, что ты создал.

- Кое-кто уже ворчит по поводу того, что ты затворился, - добавил Антонио. - Даже в Обществе Горшка меня спрашивают, почему ты прячешься буквально ото всех. Теперь они могут посмотреть на это чудо, которое ты сотворил всего за три месяца, и тогда им станет все ясно.

- Я хотел бы подождать еще три месяца, пока не напишу фрески в Большом зале, - хмуро сказал Микеланджело. - Но если вы оба считаете, что пора показать работу, я спорить не буду.

Первым явился Рустичи. Поскольку это был близкий друг Леонардо, слова его имели особое значение. И он взвешивал их самым тщательным образом.

- Главное в Леонардовом картоне - кони, у тебя же главное - люди. Такого великолепия, которое создал Леонардо, еще никогда не бывало во всей батальной живописи. И мир еще не видел такой разительной силы, с какой ты написал человека. Синьория получит чертовски прекрасную стену.

Ридольфо Гирландайо - ему теперь было двадцать два года, и он обучался в мастерской Росселли - попросил разрешения срисовать картон. С бумагой и карандашами явился и девятнадцатилетний Андреа дель Сарто, недавно бросивший учение у ювелира и перешедший в живописную мастерскую Пьеро ди Козимо. Двадцатичетырехлетнего племянника, обучавшегося у Перуджино, привел Антонио Сангалло. Вместе с Таддео Таддеи, тем самым, который заказал Микеланджело второе тондо, пришел Рафаэль Санцио, юноша двадцати одного года, тоже бывший ученик Перуджино.

Рафаэль Санцио понравился Микеланджело с первого взгляда. У молодого человека было выразительное патрицианское лицо с большими нежными и внимательными глазами, полные, твердого очерка, губы, длинные, пышные красиво расчесанные волосы - та же изысканность, что и у Леонардо, проступала в этом лице, и вместе с тем, несмотря на молочную белизну кожи, оно было мужественно. Держался юноша с видом неподдельной сердечности. В сильных и красивых чертах его лица чувствовалась уверенность, но не было и тени высокомерия. Одет он был с таким же изяществом, как и Леонардо - белая рубашка с кружевным воротником, яркий цветной плащ, со вкусом выбранный берет, но никаких драгоценных украшений или запаха духов. Красота юноши, спокойная его манера говорить, его богатое платье не

вызывали у Микеланджело ощущения собственной уродливости и ничтожества, какое он всегда испытывал при встречах с Леонардо.

Рафаэль принялся сосредоточенно рассматривать картон и умолкнул почти на весь вечер. Лишь когда уже стало темно, он подошел к Микеланджело и без малейшего оттенка лести произнес:

- Ваша работа заставляет взглянуть на живопись совсем по-иному. Мне придется начать все-все заново. Даже того, что я усвоил у Леонардо, сейчас будет мне мало.

В глазах его, обращенных к Микеланджело, был не столько восторг, сколько недоумение, словно бы он хотел сказать, что все, увиденное им, создано не руками Микеланджело, а какой-то сторонней, внешней силой.

Рафаэль спросил, может ли он принести сюда свои инструменты из мастерской Перуджино и поработать у картона. Совсем покинул Перуджино и юный Себастьяно да Сангалло - он погрузился в изучение Микеланджеловых воинов, штудировав их движения, формы, мускулатуру, одновременно он, с большими для себя муками, набрасывал трактат, в котором разбирался вопрос о том, почему Микеланджело избрал для своих фигур столь трудные ракурсы и положения. Отнюдь не желая того, а может, и желая, Микеланджело увидел, что он возглавляет целую школу молодых одаренных художников.

Неожиданно навестил мастерскую Аньоло Дони - теперь он усиленно распространял слух, что именно под его влиянием Микеланджело встал на путь художника-живописца. Разве Микеланджело не твердил постоянно, что он непричастен к живописи? И разве не он, Дони, в свое время понял, что только его вера в талант Микеланджело побудит скульптора встать на путь живописца, суля ослепительные успехи? Басня выглядела правдоподобно. И поскольку кое-кто принял ее за чистую монету, Дони становился одним из признанных знатоков искусства во Флоренции.

Теперь, явившись в палату при больнице Красильщиков, он предложил Микеланджело, чтобы тот написал его портрет, а также портрет его жены.

- Этот заказ, - горделиво добавил он, - сделает тебя портретистом.

Самоуверенность Дони забавляла Микеланджело. Но по существу купец был прав. Действительно, он втянул Микеланджело в работу над "Святым Семейством". И если бы Микеланджело не почувствовал тогда вкуса к кистям и краскам, он до сих пор считал бы живопись чуждой для себя, отвергая всякую возможность к ней приобщиться. Но к портретам он пока не имеет отношения!

Как раз в эту минуту в мастерской появился Рафаэль. И Микеланджело сказал Дони:

- Портреты напишет тебе Рафаэль - в них будет и очарование и сходство. И так как он художник начинающий, ты сможешь заполучить его по дешевке.

- А ты уверен, что его работа будет соответствовать высокому художественному уровню моей коллекции?

- Я ручаюсь за это.

В конце января в мастерскую Микеланджело при больнице Красильщиков пришел Перуджино - его привели сюда восхищенные отзывы Рафаэля. Далеко уже не молодой - старше Микеланджело на двадцать пять лет, - он ступал по-медвежьи, переваливаясь с боку на бок, как истый житель деревни, на лице его темнели глубокие морщины - след многолетних лишений, голода и нужды. Когда-то он учился в мастерской Верроккио, а впоследствии развил труднейшую технику перспективы, продолжив дело Паоло Учелло.

Микеланджело встретил его очень приветливо.

Перуджино стал спиной к окнам и на несколько минут замер в молчании. Потом краем глаза Микеланджело увидел, как он медленно подходит к картону. Лицо у него, будто обуглившись, потемнело еще больше, взор горел, губы дрожали; казалось, он силится и не может произнести какое-то слово. Микеланджело поспешно подставил ему стул.

- Присядьте, пожалуйста... Сейчас я вам дам воды.

Перуджино резким движением оттолкнул от себя стул:

- ...черт поberi!..

Микеланджело смотрел на него в изумлении. Прижимая жесткие, негнувшиеся пальцы левой руки к сердцу, Перуджино обвел взглядом картон.

- Только дай дикому зверю кисть, и он намалует то же самое. Ты разрушаешь все, все, на что мы потратили жизнь!

У Микеланджело стеснило грудь, он пробормотал:

- Почему вы говорите такие вещи, Перуджино? Мне очень нравятся ваши работы...

- Мои работы! Как ты смеешь говорить о моих работах, когда вот тут... такая непристойность! В моих работах есть мера, вкус, приличие! Если мои работы - живопись, то у тебя - разврат, разврат в каждом дюйме!

Похолодев как лед, Микеланджело спросил:

- Что по-вашему, плохо - техника, рисунок, композиция?

- Да есть ли у тебя хоть какое-то представление о технике в рисунке? - воскликнул Перуджино. - Тебя надо засадить в тюрьму Стинке - там тебе не дадут портить искусство, созданное порядочными людьми!

- Почему вы не считаете меня порядочным? Только потому, что я изображаю обнаженное тело? Потому, что это... ново?

- Брось рассуждать о новизне! Я сам внес в искусство не меньше нового, чем любой художник Италии.

- Вы сделали много. Но развитие живописи не остановится вместе с вами. Каждый настоящий художник творит искусство заново.

- Ты тянешь искусство к тем временам, когда не было ни цивилизации, ни господ бога.

- Нечто подобное говорил Савонарола.

- Тебе не удастся поместить свою бесстыдную мазню на стенах Синьории, не надейся. Я подниму против этого всех художников Флоренции.

И, хлопнув дверью, он вышел из мастерской, - ступал он жестко, тяжело, голова его на недвижимой шее плыла высоко и гордо. Микеланджело поднял с пола стул и сел на него, весь дрожа. Арджиенто, скрывшийся в дальнем углу, подошел к нему с чашкой воды. Обмакнув в нее пальцы, Микеланджело провел ими по своему воспаленному лицу.

Он не в силах был понять, что же произошло. Что Перуджино мог не понравиться его картон, это было понятно. Но наброситься с такой яростью, угрожать ему тюрьмой... требовать уничтожения картона... Конечно же, он не такой безумец, чтобы пойти с жалобой в Синьорию?..

Микеланджело встал, отвернулся от картона, затворил двери палаты и тихонько побрел, опустив глаза, по булыжным улицам Флоренции к своему дому. Сам не замечая того, он оказался у себя в мастерской. Мало-помалу ему стало лучше, отвратительная тошнота проходила. Он взял в руки молоток и резец и начал рубить сияющий мрамор тондо Таддеи. Ему хотелось теперь уйти от изваяния, сделанного для Питти, и создать в этом мраморе нечто противоположное - пусть это будет полная грации, жизнерадостная мать и жизнерадостное, игривое дитя. Он изваял Марию в глубине, на втором плане, с тем чтобы младенец занял центральное место, раскинувшись на материнских коленях по диагонали тондо; озорной Иоанн протягивал ему в своей пухлой ручонке щегла, а младенец увертывался.

Микеланджело выбрал емкий, удобный для работы блок. Действуя тяжелым, грубым шпунтом, он вырубал фон, стараясь передать ощущение иерусалимской пустыни, - белые осколки камня летели, едва не задевая ему голову, клык троянки счастливо входил в глубину, срезая слой за слоем и придавая блоку форму чуть вогнутого блюда, фигуры Марии и Иоанна обрамляли это блюдо по краям, а вытянувшийся вдоль овала Иисус и разделял и связывал Богоматерь и Иоанна - прямого соприкосновения с фоном у фигур не было, они как бы двигались в пространстве при малейшей перемене освещения. Ноздри Микеланджело втягивали дымный запах мраморной пыли, и запах этот казался сладким, будто сахар, положенный на язык.

Каким он был глупцом! Ему ни за что не надо было бросать скульптуру.

Дверь отворилась. Тихо вошел Рафаэль и стал рядом с Микеланджело. Это земляк Перуджино. Зачем он явился?

- Я пришел извиниться за своего друга и учителя. У него был сердечный приступ, сейчас ему очень плохо...

Микеланджело взглянул в красноречивые глаза Рафаэля.

- Почему он набросился на меня?

- Может быть, потому, что вот уже много лет он... он подражает самому себе. Разве он в состоянии думать о какой-то ломке, об изменении своей манеры, когда он знаменит во всей Италии и его так любят и здесь, во Флоренции, и на родине, в Перуджии, и даже в Риме?

- Я боготворил его работу в Сикстинской капелле.

- Так как же вы не понимаете? Глядя на "Купальщиков", он испытывал то же чувство, что и я: перед ним была совершенно новая живопись, новый мир, в который надо еще войти. Для меня это вызов. У меня открылись глаза, я понял, что искусство еще более прекрасно, чем мне казалось. Но я молод, мне нет и двадцати двух лет. Жизнь моя еще вся впереди. А Перуджино пятьдесят пять, он уже никогда не начнет заново. После вашей живописи его искусство становится старомодным. - Рафаэль смолк и тяжело вздохнул. - От этого кто угодно заболевает...

- Я очень тронут тем, что ты пришел сюда, Рафаэль.

- Так будьте же великодушны. Проявите доброту и не обращайтесь на его нападки. А это будет вам нелегко. Он уже сходил в Синьорию, черня там вашу работу, он созывает сегодня художников на вечер в Общество Горшка - и все за вашей спиной.

Микеланджело был в ужасе.

- Но если он начал против меня войну, я должен защищаться!

- А надо ли, по сути, вам защищаться? Ведь во Флоренции все молодые художники и так на вашей стороне. Пусть Перуджино шумит, сколько хочет, скоро он устанет, присмирится, и все рассеется само собою.

- Хорошо, Рафаэль, я буду отмалчиваться.

Но исполнять это обещание ему становилось все труднее. Перуджино предпринял против него настоящий крестовый поход. Шли дни, недели, и ярость его не утихала, а разгоралась все больше. Он уже жаловался на Микеланджело не только Синьории, но и попечителям Собора и цеху шерстяников.

К февралю Микеланджело убедился, что враждебные происки Перуджино не столь уж тщетны: вокруг него образовался небольшой кружок сообщников, самым горластым из которых был Баччио Бандинелли, семнадцатилетний скульптор, сын влиятельнейшего во Флоренции золотых дел мастера. Там же подвизался кое-кто из друзей Леонардо.

Микеланджело выпытывал, что думает по этому поводу Граначчи. Тот старался хранить свое обычное спокойствие.

- Эти люди поддерживают Перуджино по разным причинам. Одни были недовольны тем, что ты, скульптор, взял заказ на живопись. Других раздражает сам картон. Если бы он у тебя вышел обыкновенным, посредственным, тогда, я думаю, никто бы не волновался.

- Значит, это... ревность?

- Зависть, скорей. То же чувство, какое ты питаешь к Леонардо. Выходит, тебе нетрудно понять их.

Микеланджело вздрогнул. Никто, кроме Граначчи, не дерзнул бы сказать ему такую вещь, и никто, кроме Граначчи, не знал, насколько это справедливо.

- Я обещал Рафаэлю молчать и ничем не вредить Перуджино. Но теперь мне придется дать ему сдачи.

- Ты просто обязан. Он поносит тебя всюду - на улицах, в церкви...

Прежде чем перейти в наступление, Микеланджело осмотрел все, что создал Перуджино во Флоренции, - памятное ему с детства "Оплакивание" в церкви Санта Кроче, триптих в монастыре Дезуати, фреску в Сан Доменико во Фьезоле. Закончил он свой обход алтарем в церкви Сантиссима Аннунциата, для которого Перуджино написал "Успение Богородицы". Микеланджело увидел, что в ранних своих работах старый художник мастерски владел линией, с блеском применял ясные, светлые тона, очень привлекательны были его пейзажи. Но все последние картины Перуджино показались ему плоскими, слишком декоративными, лишенными силы и проникновенности.

В первое же воскресенье он пошел на обед в Общество Горшка. Как только он переступил порог мастерской Рустичи, смех и шутки среди художников сразу оборвались и наступила напряженная тишина.

- Что же вы все отводите глаза и молчите, - с горечью сказал Микеланджело. - Я не начинал этой ссоры. Я и не помышлял о ней.

- Верно, - отозвалось в ответ несколько голосов.

- Я не приглашал Перуджино к себе в палату Красильщиков. Он сам пришел, а потом набросился на меня и наговорил бог знает каких слов. Ни от кого ни разу я не слышал ничего подобного. И я долго не обращал внимания на его козни, - вы это прекрасно знаете.

- Мы не виним тебя, Микеланджело.

В этот момент в мастерскую вошел Перуджино. Микеланджело молча смотрел на него минуту, а затем сказал:

- Когда твое дело в опасности, приходится обороняться. Я только что осмотрел все работы Перуджино, какие есть во Флоренции. И я понял, почему он хочет меня уничтожить. Для того, чтобы защитить себя.

В комнате воцарилось тягостное молчание.

- Я могу доказать это, - продолжал Микеланджело, - взяв любую его картину, одну за другой, фигуру за фигурой...

- Только не в моем доме, - прервал его Рустичи. - Я объявляю перемирие. Сторона, которая его нарушит, будет изгнана отсюда силой.

Перемирие длилось до утра: назавтра Микеланджело узнал, что Перуджино, разозленный речами Микеланджело в Обществе Горшка, обратился к Синьории и потребовал публично рассмотреть вопрос о непристойности "Купальщиков". Если Синьория встанет на сторону Перуджино, это будет означать отмену заказа на фреску. Микеланджело оставалось пока лишь жестоко злословить. Перуджино, говорил он каждому встречному, истощил свой талант. Его нынешние работы старомодны, фигуры у него мертвы, анатомии он словно бы и не изучал, все, что он делает теперь, - только перелевы прежнего.

Посыльный вызвал Микеланджело в Синьорию: Перуджино обвинял его в клевете. Он предъявил Микеланджело иск за ущерб, нанесенный его репутации, за подрыв веры в его профессиональное мастерство. В назначенный час Микеланджело стоял в приемной Содерини. Перуджино явился туда еще раньше, выглядел он усталым и очень постаревшим.

Содерини, бледный, сдержанный, даже не взглянул на Микеланджело, когда тот вошел в палату. За широким столом по обе стороны от гонфалоньера сидели его коллеги. Начав опрос с Перуджино, он быстро установил, что именно тот первый стал бранить Микеланджело и что поводов для этого не было никаких, кроме неблагоприятного впечатления от картона. Потом Содерини спросил Микеланджело, не бранил ли и он за что-нибудь Перуджино. Микеланджело признался, что бранил, но вместе с тем настаивал, что делал это, лишь обороняясь от Перуджино. Задав несколько вопросов со своей стороны, сидевшие за столом члены Синьории кивнули гонфалоньеру, и тот сказал опечаленным тоном:

- Перуджино, ты действовал неправильно. Ты накинулся на Микеланджело без всякой причины. Ты без основания пытался нанести ему и его работе ущерб. Микеланджело, ты поступил неверно, публично унижая и черня талант Перуджино, даже если ты действовал так, защищая свои интересы. Вы оба оскорбили друг друга, но Синьория озабочена не столько этим обстоятельством, сколько тем, что вы нанесли ущерб Флоренции. Наш город славен на весь мир как столица искусств, и, пока я занимаю пост гонфалоньера, мы будем прилагать все старания, чтобы оправдать такую славу. Мы не можем позволить нашим художникам затевать ссоры, которые наносят нам вред. Поэтому Синьория приказывает, чтобы вы извинились друг перед другом я покончили со взаимными оскорблениями, чтобы вы тотчас принялись за работу, в которой Флоренция черпает свою славу. Дело по обвинению Микеланджело Буонарроти в клевете прекращается.

Микеланджело побрел к больнице Красильщиков один, совсем занемогший от потрясения. Его оправдали, но на сердце у него было горько и пусто.

15

Именно в эти дни пришел вызов от Джулиано да Сангалло: папа Юлий Второй желал, чтобы Микеланджело немедленно приехал в Рим, и даже отпустил ему сто флоринов на дорожные расходы.

Время для отъезда было самое неудобное: Микеланджело знал, что переводить картон на стену в Синьории надо как можно скорее, пока будущая фреска еще не померкла в его воображении и пока всему делу не угрожала извне какая-либо новая беда. Помимо того, Микеланджело должен был ваять

апостола Матфея, ибо он жил в своем новом доме уже немалый срок и пора было подумать о плате.

И все же ему страшно хотелось поехать, узнать, что на уме у Юлия Второго, получить один из тех грандиозных заказов, какие могут предложить только папы. Прежнее ощущение всеобщего благожелательства, с которым он работал последние пять лет, было разбито стычкой с Перуджино.

Он уведомил о своем вызове в Рим гонфалоньера Содерини. Содерини долго вглядывался Микеланджело в лицо - Микеланджело эти минуты показались бесконечными - и только потом сказал:

- Никто не может отказать папе. Если Юлий говорит: "Приезжай", - ты должен ехать. Дружба с папой - очень важное обстоятельство для Флоренции.

- А мой новый дом... и два договора?

- Мы будем считать эти договоры временно отложенными, пока тебе не будет ясно, чего хочет от тебя святой отец. Но, помни, договоры надо уважать!

- Понимаю, гонфалоньер.

Микеланджело пошел во Фьезоле повидать Контессину - у нее недавно умер при родах ребенок. Он спросил, можно ли поговорить в Риме с кардиналом Джованни от ее имени.

- Но я больше не Медичи, а Ридольфи.

- Все же он остается твоим братом...

Темные глаза, занимавшие, казалось, все ее лицо, с любовью остановились на нем.

- Ты очень мил, саго.

- Что передать Джованни?

Ее лицо чуть заметно дрогнуло.

- Скажи его преосвященству, что, надеюсь, он чувствует себя в Риме прекрасно.

Стоило Микеланджело миновать Народные ворота, как он заметил разительные перемены в городе. Улицы были чисто вымыты. Несколько зловонных в прошлом площадей замощены битым камнем. Не стало зияющих проломами стен и пустых домов, их снесли, сильно расширив проезжую часть улиц. Была обновлена мостовая на Виа Рипетта, свиной рынок на Римском форуме закрыт. Возводилось множество новых зданий.

Сангалло со всей семьей жил неподалеку от площади Скоссакавалли в одном из многих дворцов папы Юлия Второго - дворец этот был довольно сурового обличья, но с обширным двором, обнесенным восьмигранными колоннами. Когда слуга в ливрее пропустил Микеланджело внутрь, тот увидел на стенах множество фламандских ковров, дорогие сосуды из золота и серебра, картины и античные статуи.

Во дворце было полно людей. Большая музыкальная комната, выходящая окнами во двор, была превращена в чертежную. Здесь работало с десятков молодых архитекторов, учеников Сангалло, трудясь над планами по расширению площадей, по постройке мостов через Тибр, по возведению новых академий, больниц, церквей: все это первоначально было замыслено Сикстом Четвертым, построившим Сикстинскую капеллу, но оставлено в небрежении Александром Шестым, а теперь возобновлено даже с большим размахом Юлием, племянником Сикста.

Сангалло словно бы помолодел лет на двадцать - таким бодрым его Микеланджело даже и не помнил. Восточные его усы были укорочены до европейской меры, безусловно подстриженные волосы аккуратно причесаны, платье сшито из лучших тканей - всем своим видом он как бы говорил, что достиг всего, к чему стремился. Хозяин провел Микеланджело вверх по широкой мраморной лестнице в семейные покои, где приезжего обняли и расцеловали синьора Сангалло и юный Франческо.

- Сколько месяцев я жаждал увидеть тебя в Риме! Теперь, когда заказ уже подготовлен, святой отец горит нетерпением поговорить с тобой. Я сейчас же иду во дворец папы и буду просить аудиенции на завтрашнее утро.

Микеланджело присел на хрупкий античный стульчик, который заскрипел под ним.

- К чему такая спешка? - запротестовал он. - Ведь я еще и не знаю, какое изваяние требуется папе!

Сангалло подвинул второй хрупкий стульчик, сел напротив Микеланджело, касаясь своими коленями его колен и весь трепеща от волнения.

- ...надгробье. Великая гробница. Величайшая гробница, каких не бывало на свете.

- Гробница... - охнул Микеланджело. - Упаси господь!

- Постой, ты не понял. Эта гробница будет громаднее, чем надгробье Мавзола или Азиния Поллиона, величественнее могил Августа и Адриана...

- Августа... Адриана... Это гигантские сооружения!

- Гигантское будет и у тебя. Не по архитектурным масштабам, а по скульптуре. Святой отец хочет, чтобы ты высек столько грандиозных изваяний, сколько замыслишь, - десять, двадцать, тридцать! Ведь после Фидия с его фризом Парфенона ты будешь первым скульптором, который поставит столько статуй вместе. Ты только вдумайся, Микеланджело, - тридцать "Давидов" на одном надгробье! Подобной возможности не было ни у одного мастера. Благодаря такой работе ты будешь первым ваятелем в мире.

Еще не в силах осмыслить всего того, что говорил ему Сангалло, Микеланджело тупо бормотал:

- Тридцать "Давидов"! И что будет делать папа с тридцатью "Давидами"?

Сангалло расхохотался.

- Я вижу, ты ошеломлен. И ничего удивительного. Я тоже был ошеломлен, видя, как разросся весь план в воображении святого отца. Он хочет, чтобы статуи размером были не меньше, чем твой "Давид".

- Чья же это мысль - эта гробница?.

Сангалло на миг замялся.

- Чья мысль? Да она родилась у нас обоих. Однажды папа заговорил об античных саркофагах, а я воспользовался этим и сказал, что его гробница должна быть самой величественной на свете. Папские гробницы, возразил он, надо строить только после смерти пап, но я убедил его, что дело такой важности не следует отдавать в небрежные руки потомков и что лишь в том случае, если будет учтено собственное тончайшее суждение папы, можно надеяться на достойный его памяти монумент. Святой отец мгновенно схватился за мои слова... А теперь мне надо идти в Ватикан.

Микеланджело шел к Борго Веккио и дальше, к мосту Святого Ангела, пересек его и по знакомой Виа Канале направился к Виа Флорида. Каждый шаг переносил его в те давние дни, когда он впервые приехал в Рим, и навевал то приятные, то мучительные воспоминания. Он опомнился, оказавшись лишь у дома Якопо Галли. В доме чувствовалось странное затишье. Стучась в дверь, Микеланджело с горечью подумал, что уже несколько месяцев он не получал от Галли никаких вестей.

Ему пришлось долго ждать в гостиной, показавшейся почти нежилой: спертый воздух, пыль, ни признака книг и рукописей, которые обычно разбрасывал в беспорядке вокруг себя Галли. Когда вошла синьора Галли, Микеланджело был поражен ее болезненным видом, бледностью и желтизной лица, утратившего остатки прежней красоты.

- Что случилось, синьора?

- Якопо в безнадежном положении. Уже давно не встает с постели.

- Что же с ним такое?

- Прошлой зимой он простудился. И теперь у него плохо с легкими. Доктор Липпи не раз приводил к нам своих коллег, но они тоже ничем не могли помочь.

Микеланджело отвернулся, глотая слезы.

- Можно мне повидать его? У меня хорошие новости.

- Это, наверно, подбодрит его. Но предупреждаю: ни одного слова сочувствия, вообще ни слова о болезни. Говорите с ним только о скульптуре.

Якопо Галли лежал, закутанный теплыми одеялами, его исхудавшее тело казалось совсем плоским. Лицо высохло, глаза страшно ввалились. Сейчас в них затеплилась радость.

- Ах, Микеланджело! - воскликнул Галли. - Я слышал чудесные отзывы о вашем "Давиде"!

Микеланджело покраснел, смущенно опустив голову.

- Обилие благ порождает гордость, - сказал Галли. - Я счастлив убедиться, что вы остались таким же скромным, каким и были.

- Не надо запрягать осла в расшитую сбрую, - ответил Микеланджело тосканским присловьем, неловко улыбнувшись.

- Поскольку вы в Риме, это означает, что вы получили заказ. От папы?
- От папы! Заказ устроил мне Джулиано да Сангалло.
- Что же вы намерены изваять для его святейшества?
- Громадную гробницу, со множеством мраморов.
- Громадную гробницу? - в глазах Галли заиграла лукавая искорка. - И это после "Давида", которым вы открыли для скульпторов новый мир? Гробница! Ведь вы же самый ярый ненавистник гробниц во всей Италии...

- Но эта гробница - совсем другое дело: она будет как бы подножием для статуй, и я вправе высечь их сколько хочу.

- Значит, их будет совсем немного!

Нет ли оттенка насмешки в голосе Галли? Микеланджело не мог бы сказать определенно, так это или нет. Он спросил:

- Разве на его святейшество нельзя положиться? Ведь именно он хлопотал об украшении Систины...

- На него можно положиться, если только вы не будете излишне одухотворять свои статуи и не вызовете его гнева. В ярости он совершенно не владеет собой. Это воинственный папа, но честный и порядочный: он уже принял новый устав, уничтожающий симонию. Те скандальные истории, которые позорили Борджиа, с этим папой не случатся. Но войн будет гораздо больше. Юлий стремится создать армию, он хочет сам командовать ею и вновь захватить все земли в Италии, некогда принадлежавшие церкви.

- Ты должен беречь силы, саго, - вмешалась синьора Галли. - Микеланджело скоро узнает все это и сам.

Якопо Галли откинулся на подушку.

- Разумеется, узнает. Но вам, Микеланджело, надо помнить, что опекун и наставник ваш в Риме пока еще я. Позвольте мне составить вам договор с папой. Так будет лучше.

- Без вас я не сделаю ни шагу.

В этот вечер у Сангалло собрались гости: прелаты церкви, богатые банкиры и купцы - часть из них Микеланджело знал по дому Галли, со многими встречался в колонии флорентинцев. С криком радости бросился к Микеланджело Бальдуччи - и они тут же условились пообедать завтра в Тосканской траттории. Сотни свеч в высоких канделябрах ярко освещали дворец. Слуги, одетые в одинаковые ливреи, обносили гостей закусками, вином и сладостями. Все оказывали семейству Сангалло знаки почтения: это был успех, которого архитектор дождался целых пятнадцать лет. Среди гостей был даже Браманте. За пять лет с того дня, как Микеланджело видел его в последний раз, Браманте совсем не постарел: те же кудри на затылке лысого черепа, те же усмешливые бледно-зеленые глаза, бычья шея, плечи и грудь по-прежнему, будто у борца, бутрились мускулами. У Микеланджело было такое впечатление, что Браманте совсем не помнил их спора во дворике дворца кардинала Риарио. Если Браманте и был недоволен поворотом судьбы, который вознес Сангалло на пост архитектора Рима, то в его поведении и манерах это ничуть не проскальзывало.

Когда удалился последний гость, Сангалло объяснил:

- Это не званый ужин. Просто к нам заглянули наши друзья. Так бывает каждый вечер. Времена сильно изменились - не правда ли?

Хотя Юлий Второй гневался при любом упоминании имени Борджиа, ему пришлось занять палаты Александра Шестого, потому что его собственные апартаменты еще не были готовы. Пока Сангалло вел Микеланджело по первым залам этих палат, тот оглядывал золоченые плафоны, шелковые занавеси и восточные ковры, многоцветные настенные пейзажи Пинтуриккио, огромный трон с расставленными вокруг него креслами и бархатными кушетками. Затем шли два приемных зала, размером поменьше, с широкими окнами, за которыми виднелись зеленые сады, апельсиновые рощи и кроны сосен, раскинувшиеся вплоть до Монте Марियो.

На высоком, затянутом пурпуром троне сидел папа Юлий Второй, подле него находились его личный секретарь Сиджизмондо де Конти, два церемониймейстера, Пари де Грасси и Иоганнес Бурхард, несколько кардиналов и архиепископов в полном облачении, два-три господина, казавшихся иностранными посланниками, - все они ждали очереди молвить слово папе, в то время как тот, никем не прерываемый, говорил и говорил, изрекая свои определения, приговоры и точнейшие указы.

Микеланджело напряженно вглядывался: перед ним был

шестидесятидвухлетний старик, бывший кардинал Джулиано делла Ровере, - когда двенадцать лет назад Борджиа путем подкупа занял папский трон, победив таким образом Ровере, последний нашел в себе отвагу выпустить воззвание, требуя созыва собора, чтобы согнать с престола "этого поддельного первосвященника, предателя церкви". Такой шаг вынудил его удалиться на десять лет в изгнание во Францию, вследствие чего Сангалло пришлось брать подряды на ремонт церковных потолков и кровель.

Это был первый папа, носивший бороду: от воздержанного, строгого образа жизни он был худощав, даже тощ, когда-то красивое, с сильными и крупными чертами лицо его ныне изрезали глубокие морщины, в бороде виднелись белые полосы седины. Прежде всего и острее всего Микеланджело ощутил неумемную энергию папы, ту "огненную пылкость", о которой Сангалло толковал на пути во дворец и которая, как эхо, словно бы колотилась теперь о стены и потолок зала. "Вот человек, - думал Микеланджело, - так много лет готовившийся стать папой; он будет стараться исполнить за один день столько же дел, сколько его предшественникам хватало на месяц".

Папа Юлий Второй поднял взор и, заметив у двери Сангалло и Микеланджело, поманил их рукой. Сангалло опустился на колени, поцеловал перстень на руке папы, потом представил ему Микеланджело, который тоже встал на колени и поцеловал перстень папы.

- Кто твой отец?
- Лодовико Буонарроти Симони.
- Это старинная флорентийская фамилия, - пояснил Сангалло.
- Я видел твое "Оплакивание" в храме Святого Петра. Именно там я хотел бы воздвигнуть себе гробницу.
- Не могли бы вы, ваше святейшество, сказать, где именно в храме Святого Петра?
- Посредине, - холодно ответил Юлий.

Микеланджело почувствовал, что в своем вопросе он перешел какие-то границы, сказал что-то лишнее, а нрав у папы был явно прямой и горячий. И его манера обращения пришлась Микеланджело по душе.

- Я изучу храм самым тщательным образом. Не выразите ли вы, святой отец, каких-либо желаний насчет самой гробницы?

- Это уж твоя забота - сделать мне, что я хочу.
- Бесспорно. Но я должен положить в основу всего желания вашего святейшества.

Такой ответ понравился Юлию. Он начал говорить грубоватым и резким своим тоном - и о соображениях исторического порядка, и об интересах церкви в связи с будущей гробницей. Микеланджело слушал, напрягая все свое внимание. И тут Юлий сказал такое, от чего Микеланджело пришел в ужас.

- Я хочу, чтобы ты сделал бронзовый фриз, охватывающий надгробье со всех сторон. Бронза - это лучший материал для повествования. В бронзе ты можешь рассказать о наиважнейших событиях моей жизни.

Микеланджело стиснул зубы и, скрывая выражение своего лица, низко опустил голову. Мысленно он воскликнул: "Пусть повествуют те, кто поет баллады!"

16

Дождавшись, когда разойдутся все ученики, Микеланджело присел у чертежного стола в комнате Сангалло, бывшей музыкальной. В доме было тихо. Сангалло положил перед ним альбомы, которыми они пользовались для зарисовок Рима семь лет назад.

- Скажи мне, Сангалло, прав ли я, - спрашивал Микеланджело. - По-моему, папа хочет, во-первых, такую гробницу, к которой был бы доступ со всех сторон. Во-вторых, он хочет, чтобы гробница говорила, как он прославил и возвысил церковь.

- ...и заново насадил в Риме искусство, поэзию и ученость. Смотри, вот

мой архив с изображениями классических надгробий. Вот одно из главнейших – Мавзола, построенное в триста шестидесятом году до Рождества Христова. А здесь мои рисунки могил Августа и Адриана, сделанные по описаниям историков.

Микеланджело взгляделся в рисунки.

– Сангалло, во всех этих случаях скульптура была только украшением архитектуры, орнаментировала фасад. А в моем надгробии архитектура будет служить лишь подножием для скульптуры.

Сангалло расправил свои усы, видимо удивляясь, какими короткими она стали.

– Сначала подумай о прочности архитектуры, иначе твои мраморы свалятся.

Потом он извинился и вышел. Микеланджело остался один, погрузившись в разглядывание рисунков: все аллегорические фигуры, статуи богов и богинь были тут придавлены, стеснены архитектурными массами. Нет, он построит гробницу не столь уж грандиозную, но пусть эту гробницу теснят и подавляют его изваяния!

Брезжил уже рассвет, когда он сложил свои карандаши и угли. Хмурое мартовское утро красило чертежную серым цветом, будто в ней оседал редкий дым. В комнате, смежной со спальней юного Франческо, он отыскал свою кровать и лег, закутавшись в холодные, как лед, простыни.

Он спал всего два-три часа, но проснулся свежим и сразу пошел в храм Святого Петра. Оказалось, что все здание храма было укреплено подпорами, и это наполнило сердце Микеланджело радостью. Скоро он уже входил в капеллу Королей Франции, направляясь к своему "Оплакиванию". Сильный утренний свет, струившийся из высоких окон на противоположной стене, заливал лица Марии и Иисуса. Мрамор был мучительно живым. С поразительной ясностью пробежали в душе Микеланджело обрывки воспоминаний, когда он кончиками пальцев коснулся статуи – прекрасно отполированный мрамор казался теплым, пульсирующим. Как он работал тогда, чтобы добиться этого!

Вот Микеланджело уже в самом центре базилики, у алтаря, под которым находилась могила Святого Петра. Именно здесь хотел Юлий Второй поместить свою гробницу. Микеланджело медленно прошел вдоль стен древнего кирпичного здания. Сотни мраморных и гранитных его колонн образовывали пять нефов, один из которых, главный, с голыми балками высокого кровельного перекрытия, был втрое шире остальных. И, однако, глядя на девяносто две старые папские могилы, Микеланджело недоумевал, где тут могло найтись место гробнице Юлия.

Осмотрев базилику, Микеланджело заглянул к Лео Бальони, из разговора с которым узнал, что кардинал Риарио, хотя и не сделавшись папой, сохранил прежнее свое могущество и влияние, так как приходился Юлию двоюродным братом. Затем Микеланджело отправился во дворец кардинала Джованни да Медичи, стоявший близ Пантеона.

Кардинал Джованни располнел еще больше. Косоглазие его стало заметнее. Он близко сошелся с кардиналом Ровере, когда они оба находились в изгнании. Теперь Ровере был папой Юлием Вторым, и Джованни извлекал из этой дружбы все возможные выгоды. Увидев Микеланджело, он искренне обрадовался и начал расспрашивать его о "Давиде". В комнату вошел Джулио, ставший уже взрослым мужчиной, – у него было не только имя, но и изящная внешность отца, брата Лоренцо, портреты которого Микеланджело видел когда-то во дворце Медичи. Впервые на памяти Микеланджело Джулио поздоровался с ним без враждебности. Что-то в нем сильно изменилось: теперь, когда Пьеро не было в живых, а главой рода стал кардинал Джованни, он уже не опасался, что его лишат прав и объявят чужаком.

– Разрешит ли ваше преосвященство коснуться одной деликатной темы? – спросил Микеланджело.

Кардинал Джованни, как и раньше, не любил деликатных тем – обычно они приносили только огорчения. Тем не менее он разрешил Микеланджело высказать, что тот хотел.

– Речь идет о Контессине. Ей очень плохо жить в деревенском доме. И почти никто не решается ни навестить ее, ни помочь ей.

– Мы обеспечиваем ее деньгами.

– Если это возможно, ваше преосвященство, перевезите ее в Рим... в ее собственный дворец.

На щеках Джованни медленно проступила краска.

- Я тронут твоей преданностью нашему семейству. Ты можешь быть уверенным, что я думал об этом.

- Нам нельзя обижать Совет Флоренции, - вмешался в разговор Джулио. - Мы только сейчас устанавливаем с Флоренцией дружественные отношения. Вот если нам удастся вернуть себе и дворец, и все владения Медичи...

Кардинал Джованни остановил его легким взмахом руки.

- Все это будет сделано в свое время. Спасибо тебе за посещение, Микеланджело. Прошу заглядывать к нам при первой возможности.

Джулиано, который молча сидел в стороне, проводил его до двери. Убедившись, что его брат и кузен не смотрят на него, он горячо схватил Микеланджело за руку:

- Приятно повидать тебя, Микеланджело. И как хорошо, что ты заступился за мою сестру. Скоро, надеюсь, мы все будем вместе.

Микеланджело пошел в гостиницу "Медведь" и снял там комнату, напротив той, в которой когда-то жил; в этом уединенном пристанище, с окнами на Тибр и замок Святого Ангела, было тихо и спокойно, и никто здесь, в отличие от дворца Сангалло, ему не докучал.

Затем наступил черед встретиться с Бальдуччи в Тосканской траттории. Сам того не замечая, Микеланджело попал в старую, наезженную жизненную колею. Позади у него было великолепное торжество - "Давид", было народное признание. Он уже обзавелся своим собственным домом, своей мастерской. И, однако, когда он брел по грубым, еще не слежавшимся булыжникам улиц, у него было странное ощущение, будто все остается, как прежде. Будто ничего, ничего не изменилось.

Какой же можно измыслить монумент папе Юлию Второму? Глядя через окно на мутные воды Тибра, Микеланджело спрашивал себя: "А что хотел бы изваять я сам? Сколько бы высек на гробнице больших фигур, сколько фигур меньших? И как быть с аллегориями?" Само надгробье не слишком-то занимало его. Пусть оно будет пятнадцать с половиной аршин в длину, почти десять аршин в ширину и тринадцать аршин в высоту: первая, самая нижняя, ступень - пять с половиной аршин, вторая - она послужит подножием для гигантских фигур - около четырех аршин, третья, идущая на сужение, - три аршина.

Читая Библию, взятую у Сангалло, Микеланджело нашел в ней персонаж, ничем не похожий на Давида, но тоже высившийся как вершина человеческих подвигов, как образец для всех людей. Если Давид олицетворял собою юность, то Моисей был символом мужественной зрелости. Моисей, вождь своего народа, законодатель, учредитель порядка, попирающего хаос, творец дисциплины, подавившей анархию, но сам человек далеко не совершенный, подвластный и гневу и слабостям. Это был идеал Лоренцо - получеловек, полубог, поборник гуманности: утвердив на века идею единого бога, он способствовал победе цивилизации. Это был герой, вызывающий чувство любви, пусть у него и были пороки...

Моисей займет угол на первой ступени надгробья. Для противоположного угла Микеланджело замыслил фигуру апостола Павла - о нем он много думал, ваяя этого святого для алтаря Пикколомини. Павел - иудей по рождению, великолепно образованный, благовоспитанный римский гражданин и поклонник греческой культуры - тоже был на стороне закона. Он слышал голос, сказавший: "Я Иисус, которого ты гонишь", - и посвятил свою жизнь проповеди христианства в Греции и Малой Азии. Он заложил основание церкви на всем пространстве Римской империи. Два эти человека займут главенствующее место среди изваяний надгробья. Для остальных его углов он придумает столь же интересные фигуры - всего восемь статуй, массивных, больших, почти в три с половиной аршина высоты, если даже фигуры будут в сидячем положении.

Поскольку все они будут одеты, он даст себе волю изваять и обнаженные тела, предназначив их для главной, средней ступени надгробья: по четыре Пленника на каждом углу гробницы - их плечи и головы окажутся выше тех колени, на которые они будут опираться, - шестнадцать мужчин разного возраста, тяжелых и кряжистых, полных внутреннею духа, в корчах рабского плена, сокрушенных, умирающих. Волнение Микеланджело возрастало. Он тут же представил себе и фигуры Победителей - не знавших поражения, упорных, исполненных надежд, сражающихся, завоевывающих. Эта гробница будет по своим масштабам и размаху чем-то вроде "Купальщиков" - ее пронизает тот же дух героизма, выраженный в мраморных телах.

Юлий просил отлить бронзовый фриз, и Микеланджело отольет ему фриз, но это будет узкая лента, самая незначущая часть сооружения. Истинным фризом явится гигантская вереница величественных обнаженных фигур, обступающих надгробье с четырех сторон.

Он трудился как в лихорадке несколько недель, создавая один набросок за другим, - и с помощью китайской туши поток этих набросков рука закрепляла на бумаге. Папку с рисунками он понес показать Сангалло.

- Его святейшество не захочет гробницы, где будут одни обнаженные мужчины, - сказал Сангалло, с усилием выдавливая улыбку.

- Я раздумывал насчет четырех аллегорий. Это будут женские фигуры из Библии - Рахиль, Руфь, Лия...

Сангалло внимательно разглядывал архитектурный план гробницы.

- Знаешь, тебе придется сделать кое-где ниши.

- Ох, Сангалло, никаких ниш!

- Нет, придется. Святой отец все время спрашивает, что ты думаешь поставить в эти ниши. И вот если он увидит такой проект и не найдет в нем ни одной ниши на всю гробницу... Его святейшество - упорный человек: он добивается, чего хочет, или вы уходите от него ни с чем.

- Ну, хорошо. Я спроектирую и ниши... между группами связанных Пленников, но я сделаю их высокими, аршина в три-четыре, и поставлю фигуры не в нишах, а перед ними, на изрядном расстоянии - Победителей, например, или женские фигуры. Тогда мы можем поместить ангелов вот здесь, на третьей ступени.

- Чудесно. Теперь твоя мысль начинает работать в том же направлении, в каком она работает у папы.

Если быстро возрастающая куча набросков и эскизов все больше радовала Сангалло, то Якопо Галли относился к ней без всякого восторга.

- Сколько же фигур будет у вас в конце концов? Где вы думаете работать - в какой мастерской, с какими помощниками? Кто будет ваять этих херувимов у ног Победителей? Помню, вы говорили, что вам плохо удаются младенцы, однако, я вижу, их предстоит вам высечь очень много... - Горящим взглядом своих ввалившихся глаз он ощупал лицо Микеланджело. - Выходит, эти ангелы будут как бы поддерживать саркофаг? Помните, как вы сетовали по поводу того, что приходится ваять ангелочков?

- Но ведь это лишь грубые, черновые наброски, чтобы потрафить папе и получить его согласие.

Он принес Сангалло еще один, самый последний эскиз. Пленники и Победители нижнего яруса помещались на платформе из мраморных блоков. Блоки эти были богато декорированы. На второй ступени, между Моисеем и Павлом, был поставлен небольшой, пирамидальной формы, украшенный арками храм, скрывающий саркофаг, над храмом возвышались два ангела. Фронтальную сторону надгробья Микеланджело разработал во всех деталях, а три других, согласно воле папы, оставил для изображения земель, которые Юлий захватил, а также для того, чтобы показать его покровителем искусств.

Теперь Микеланджело считал, что он поместит на гробнице от тридцати до сорока больших скульптур, - места для чистой архитектуры, не мешающей изваяниям, оставалось сравнительно мало.

От такого величавого замысла Сангалло пришел в восхищение.

- Это колоссальный мавзолей. Именно об этом мечтал святой отец. Я сейчас же иду условиться с ним о встрече.

Якопо Галли был в ярости. Несмотря на протесты синьоры Галли, он кликнул слугу и велел поднять себя - укутанный теплыми одеялами, он прошел в библиотеку и начал рассматривать рисунки Микеланджело на том самом античном столике, на котором тот написал когда-то свой сонет Александру Шестому. Вопреки недугу, гнев его прорвался и придал ему сил, на минуту Галли словно бы воспрянул и стал прежним могучим человеком. Голос его, совсем охрипший за время болезни, вдруг зазвучал ясно и чисто.

- Даже Бреньо не пошел бы столь избитым путем.

- Почему избитым? - горячо возразил Микеланджело. - Такой проект даст мне возможность высечь великолепные обнаженные фигуры, подобных которым вы еще не видали.

- Я меньше всего сомневаюсь в этом! - воскликнул Галли. - Но чудесные статуи будут окружены таким морем посредственности, что они совсем потеряются. Бесконечные пояса декоративных колбасок, например...

- Это не колбаски, а гирлянды.
- Вы хотите высекать их сами?
- ...нет, скорее всего не сам... У меня будет и без того слишком много работы.

- А этих ангелов вы тоже намерены делать сами?
- Придется вылепить для них лишь глиняные модели.
- А эту фигуру папы на вершине гробницы? Неужели и это чудовище вы будете высекать собственноручно?

- Вы говорите со мной словно недруг! - вспыхнул Микеланджело.
- Старый друг - это лучшее зеркало. Ну зачем вам понадобился бронзовый фриз, если вся гробница из мрамора?

- Этого хочет папа.
- А если папа захочет, чтобы вы встали вверх ногами на площади Навона во время карнавала и к тому же выкрасили себе ягодицы, - вы тоже будете слушать его? - Но тут Галли смягчился и сказал примирительно: - Caro mio, вы изваяете чудесную гробницу, но только, разумеется, не такую. Сколько статуй вы намерены сделать?

- Около сорока.
- Значит, вам придется отныне посвятить этой гробнице всю свою жизнь?
- Это почему же?
- А сколько времени вы работали над "Вакхом"?
- Год.
- А над "Оплакиванием"?
- Два.
- Над "Давидом"?
- Три.
- Простая арифметика гласит, что эти сорок фигур гробницы отнимут у нас не менее сорока лет, а может, и все сто.

- Нет, нет, что вы! - возразил Микеланджело и добавил упрямо: - Я сейчас знаю свое ремесло. Я могу работать быстро. Как молния.

- Быстро или хорошо?
- И быстро и хорошо. Пожалуйста, не беспокойтесь, дорогой друг, у меня все будет в порядке.

Якопо Галли бросил на него испытующий взгляд.

- В порядке? Но об этом надо позаботиться.

Он открыл потайной ящик стола и вынул оттуда пачку бумаг, перетянутую тонким кожаным шнурком, - поверх этой связки было нацарапано пером имя Микеланджело Буонарроти.

- Вот здесь три договора, которые я составил: на "Оплакивание", на алтарь Пикколомини, на "Брюггскую Богоматерь". Берите перо, и мы выпишем самые важные статьи из этих договоров.

Синьора Галли подошла к мужу и встала у него за плечом.

- Доктор приказывал тебе не подниматься с постели. Ты должен беречь свои силы.

Якопо взглянул на жену с застенчивой улыбкой и сказал:

- А для чего их беречь? Это, может быть, последняя услуга, которую я могу оказать нашему юному другу. Совесть моя не будет спокойна, если я отпущу его, не сделав все, что можно. - И Галли опять углубился, в тексты договоров. - Так вот, насколько я знаю папу, он захочет, чтобы гробница была завершена немедленно. Выговаривайте себе срок в десять лет, а если можно, даже больше. Что касается оплаты, то он будет жестоко торговаться, потому что деньги ему нужны для финансирования войска. Не уступайте ему ни скудо, требуйте не меньше двадцати тысяч дукатов...

Микеланджело торопливо водил пером, записывая под диктовку Галли пункты из старых договоров. Вдруг Якопо страшно побледнел и начал кашлять, вытирая губы краем одеяла. Слуги подняли его и перенесли в кровать. Стараясь скрыть от Микеланджело пятна крови, запачкавшие полотенце, Галли тихо сказал ему: "Прощайте", - и повернулся лицом к стене.

Когда Микеланджело вновь вошел в апартаменты Борджиа, он был неприятно поражен, увидев, как Браманте оживленно разговаривает с папой. Это уязвило Микеланджело. Почему Браманте здесь, в этот час, назначенный для просмотра рисунков к гробнице? Неужто и ему дан голос в решении этого дела?

Микеланджело и Сангалло опустились на колени, папа встретил их очень милостиво. Камерарий поставил перед Юлием столик, папа взял из рук Микеланджело папку и с жадным интересом разложил рисунки перед собой.

- Святой отец, если мне будет позволено объяснить...

Папа внимательно слушал, затем с решительным видом пристукнул рукой по столу.

- Это вышло еще величественнее, чем я мечтал. Ты весьма верно почувствовал мой дух. Что ты скажешь, Браманте? Пожалуй, это будет прекраснейший мавзолей в Риме?

- Во всем христианском мире, святой отец, - ответил Браманте, уставя свои зеленые глаза на Микеланджело.

- Буонарроти, Сангалло говорит, что ты хочешь выбирать мрамор сам и ехать в Каррару?

- Да, святой отец. Мрамор лучше выбирать в таких каменоломнях, где можно быть уверенным, что получишь самые совершенные блоки.

- Тогда выезжай немедленно. Аламанно Сальвиати выдаст тебе на закупку камня тысячу дукатов.

Наступила минута тишины. Микеланджело спросил почтительно:

- Ваше святейшество, а деньги за работу?

Браманте поднял брови и так посмотрел на папу, что у Микеланджело было ощущение, будто он нашептывал: "Этот каменотес не считает для себя достаточной честью работать на папу Юлия Второго. Он хватается за работу из корысти". Папа подумал секунду, затем повелительно произнес:

- Когда гробница будет завершена и мы будем ею довольны, папский казначей получит указание заплатить тебе десять тысяч дукатов.

У Микеланджело пересохло в горле. Он так и слышал напряженный, резкий голос Галли: "Не уступайте ему ни скудо, требуйте не меньше двадцати тысяч дукатов, даже и это будет низкой ценой за работу, которая отнимет десять, а то и двадцать лет".

Но как он может торговаться со святым отцом? Требовать вдвое больше того, что предлагает папа? В особенности сейчас, когда рядом стоит Браманте с этой ухмылкой на губах. Тысячи дукатов, которую теперь отпускает папа, едва хватит на оплату больших мраморов и на перевозку их в Рим. И все же Микеланджело хотел получить эти мраморы! Первым и главным его побуждением была жажда ваять. Он бросил молниеносный взгляд на Браманте.

- Вы очень великодушны, святой отец. Но могу я спросить вас о сроках работы? Если бы вы дали мне, как минимум, десять лет...

- Немыслимо! - загремел Юлий. - Ведь самая заветная моя мечта - увидеть гробницу готовой. Я даю тебе пять лет.

Микеланджело почувствовал на сердце холод и свинцовую тяжесть - так бывало, когда под его резцом по несчастной случайности обламывался кусок мрамора. Сорок мраморных статуй за пять лет! Восемь статуй в год! Один только Моисей потребует не меньше года работы. А Пленники и Победители - на каждую статую, чтобы довести ее до конца, придется затратить месяцев шесть, а то и год, не говоря уже об апостоле Павле...

В нем заговорило то же упрямство, с каким он оспаривал Галли, и Микеланджело стиснул зубы. Если невозможно торговаться с папой насчет денег, то еще меньше смысла в препирательствах относительно сроков. Какой-нибудь выход найдется потом, позднее... Человек не в силах создать гробницу с сорока мраморными статуями за пять лет - тут Якопо Галли совершенно прав. Значит, надо будет ему, Микеланджело, проявить сверхчеловеческую силу. Ведь в нем заключена мощь десяти обыкновенных скульпторов, а если потребуется, то и сотни. Он построит гробницу в пять лет, построит, если это даже убьет его.

Он склонил свою голову в знак покорности.

- Все будет исполнено, святой отец, как вы сказали. А теперь, когда дело решено, могу я осмелиться попросить вас о письменном договоре?

И опять, едва только Микеланджело произнес эти слова, наступила особенная тишина. Браманте лишь втянул голову в свои бычьи плечи. Сангалло замер, лицо у него вдруг стало застывшим, как камень. В пристальных глазах папы вспыхнул свирепый огонек. После минутной паузы, показавшейся Микеланджело мучительно долгой, Юлий ответил:

- Теперь, когда дело решено, я хотел бы, чтобы ты и Сангалло побывали в

храме Святого Петра и определили место для гробницы.

И ни слова о договоре. Микеланджело приложил левую руку к груди, ощутив под рубашкой бумагу, исписанную под диктовку Якопо Галли.

Он поцеловал у папы перстень и направился к выходу. Папа окликнул его:

- Одну минуту.

Микеланджело остановился, и в душе его на миг шевельнулась надежда.

- Пусть вас сопровождает в храм Браманте, он даст вам добрые советы, которыми следует воспользоваться.

В базилике явно не оказалось места, где встала бы столь пышная гробница. Колонны храма сильно стеснили бы мраморы Микеланджело, лишив их пространства и всякой возможности дышать и двигаться. Маленькие окна пропускали скудный свет. Как ни прикинь, гробница страшно загроздит базилику - здесь нельзя будет свободно сделать и шаг.

Микеланджело вышел наружу и осмотрел заднюю стену храма, где, как он помнил, была какая-то старая, незавершенная постройка. Пока он стоял у кирпичной, высотой в два с половиной аршина, стены, к нему подошли Сангалло и Браманте.

- Объясни мне, что тут такое, Сангалло.

- По моим сведениям, здесь был древний храм Проба. Папа Николай Пятый разрушил его и начал возводить тут новый подиум для престола первосвященника. Папа умер, доведя стены до этой вот высоты, а потом и вся стройка была заброшена и осталась в таком состоянии.

Микеланджело перелез через стену и прошелся вдоль нее взад и вперед.

- Вот здесь - ключ к решению всей нашей задачи! - воскликнул он. - Здесь гробница обретет вокруг себя свободное пространство. Мы возведем над зданием кровлю на любой высоте, какая нам потребуется, оштукатурим внутри стены, чтобы они увязывались с белым мрамором, прорубим окна, пробьем в стене базилики невысокую арку для прохода.

- В этом есть свои резоны, - заметил Браманте.

- Нет, - твердо сказал Сангалло. - Это значило бы, что мы остановимся на полпути и не добьемся того, что нам нужно. При такой ширине здания крыша получится слишком высокой, а стены накрелятся внутрь, как в Систине.

- Но ведь базилика для гробницы все-таки не годится, Сангалло! - огорчился Микеланджело.

- Пройдем дальше и посмотрим.

Поблизости, вокруг базилики, было множество самых разношерстных зданий, построенных за многие века. С тех пор, как в 319 году Константин возвел базилику Святого Петра, тут появились и часовни и алтари, сложенные большей частью из случайного материала, какой только подвернулся под руку строителю: черного туфа, светлого, как молоко, травертина, тускло-красного кирпича, белого известняка пеперино, испещренного крупинками темной лавы.

- Для такой оригинальной гробницы, какую ты намерен создать, - сказал Сангалло, - нам потребуется совершенно новое здание. И сама гробница должна породить его архитектуру.

В груди Микеланджело ожила надежда.

- Я спроектирую такое здание, - продолжал Сангалло. - Я уговорю его святейшество. Вот, например, здесь, на этом возвышении, достаточно места для стройки, если только убрать эти деревянные халупы и два-три совсем обветшалых надгробья. Здесь, на холме, наше здание будет видно из города отовсюду...

Микеланджело чувствовал, как глаза Браманте прожигают ему спину. Он резко обернулся. Но, к его удивлению, в глазах Браманте светилось лишь довольство: он словно бы одобрял все, что говорил Сангалло.

- Значит, вам нравится эта мысль, Браманте? - спросил его Микеланджело.

- Сангалло полностью прав. Нужна великолепная новая капелла, а всю эту рухлядь вокруг следует вымести начисто.

Сангалло сиял от радости. Но когда Микеланджело вновь повернулся к Браманте, намереваясь сказать ему спасибо, он увидел, что глаза у него стали совершенно непроницаемы, а в углу рта шевелится кривая усмешка.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ПАПА

1

Живя в горах Каррары, Микеланджело еще не чувствовал, что самое благодатное его время было позади. Но когда он вернулся в Рим и побывал во дворце у Юлия, торжественно встречавшего новый, 1506 год, а потом стал принимать грузы с барок, подходивших одна за другой к Рипа Гранде, он увидел, что война между ним и папой началась. Браманте уговорил Юлия отказаться от мысли Сангалло об отдельной капелле для гробницы; вместо того чтобы строить на холме такую капеллу, было решено возвести новый храм Святого Петра - лучший архитектурный проект будущего здания предполагалось определить путем открытого конкурса. О гробнице никто не заботился, никаких разговоров о ней Микеланджело не слышал. Отпущенную папой тысячу дукатов он истратил всю на мраморы и их доставку в Рим, а выдать дополнительную сумму Юлий отказывался до тех пор, пока он не увидит хотя бы одну совершенно законченную статую. Когда по распоряжению Юлия Микеланджело отводили дом близ площади Святого Петра, папский секретарь сказал ему, что он должен будет платить за этот дом несколько дукатов в месяц.

- А нельзя ли сделать так, чтобы сначала я получил какую-то сумму от папы, а потом уже платил за свое жилье? - ядовито заметил Микеланджело.

Серым январским днем, когда тучи закрывали все небо, Микеланджело пошел на пристань. Его вел туда Пьеро Росселли, мастер из Ливорно, лучше которого, по общему мнению, никто не мог подготовить стену для фрески. Задорный, с веснушчатым лицом, еще мальчишкой ходивший в море, Росселли шагал по набережным, пружиня и раскачиваясь, будто под ним была не земля, а зыбкая палуба.

- Зимой мне приходится бороться с этими волнами постоянно, - говорил он, следя за бурным течением надувшегося Тибра. - Другой раз уходит не один день, пока барка пробьется вверх и причалит.

Вернувшись в дом Сангалло, Микеланджело сидел в библиотеке и грел руки у камина, а его друг показывал ему свои законченные чертежи нового храма Святого Петра: старая базилика, по проекту, входила в замышленное сооружение как часть, поглощалась им. Сангалло был уверен, что он таким образом избежит недовольства Священной коллегии и жителей города, не желавших замены старой церкви.

- Выходит, ты не думаешь, что у Браманте есть шансы победить на конкурсе?

- У Браманте есть талант, - отвечал Сангалло. - Его Темпиетто в монастыре Святого Петра в Монторио - истинная жемчужина. Но у него нет опыта в строительстве храмов.

В библиотеку вбежал Франческо Сангалло.

- Отец! На месте старого дворца императора Тита вырыли огромную мраморную статую. Его святейшество желает, чтобы ты сейчас же шел туда и проследил за тем, как ее откапывают.

На винограднике за церковью Санта Мария Маджоре уже собралась толпа. Из наполовину открытой ямы показались великолепная бородатая голова и торс поразительной мощи. Руку и плечо гиганта обвивала мраморная змея, а по обе его стороны скоро возникли две головы, плечи и руки двух юношей, обвитых той же змеей. В мозгу Микеланджело вспыхнула картина его первого вечера в кабинете Лоренцо.

- Это "Лаокоон"! - вскричал Сангалло.

- О нем рассказано у Плиния, - добавил Микеланджело.

Изваяние было более сажени в высоту и столько же в ширину, оно внушало благоговеющий ужас. Весть о находке быстро перекинулась с виноградника на улицы, к ступеням церкви Санта Мария Маджоре: там уже толпились высокие духовные лица, купцы, дворяне, и все они рассчитывали тотчас же приобрести открытую статую. Крестьянин, владеющий виноградником, объявил, что он уже продал находку некоему кардиналу за четыреста дукатов. Церемониймейстер Ватикана Пари де Грасси тут же предложил пятьсот дукатов. Крестьянин на эту сделку пошел. Пари де Грасси сказал Сангалло:

- Его святейшество просит вас доставить статую в папский дворец без промедления. - Потом, обратясь к Микеланджело, добавил: - Папа также просит, чтобы вы были у него сегодня вечером и хорошенько осмотрели находку.

Папа приказал поставить "Лаокоона" на закрытой террасе Бельведера, построенного на холме, выше дворца.

- Осмотри фигуры во всех подробностях, - сказал он Микеланджело. - Надо узнать, действительно ли они высечены из одного блока.

Зоркими своими глазами и чувствительными кончиками пальцев Микеланджело осмотрел и ощупал статую со всех сторон, обнаружив четыре вертикальных шва а тех местах, где родосские скульпторы соединяли отдельные куски мрамора.

Покинув Бельведер, Микеланджело пошел к банку Якопо Галли. Ныне, когда Галли не стало, Микеланджело ощущал Рим совсем по-иному. И как остро нуждался он теперь в совете друга! Банком управлял его новый хозяин, Бальдассаре Бальдуччи. Живя во Флоренции, семейство Бальдуччи направляло свои капиталы, как и вся флорентийская колония, в Рим, и Бальдуччи не упустил случая жениться на плосколицей девушке из богатого римского дома, завладев солидным приданым.

- Что же ты сейчас делаешь по воскресным дням, Бальдуччи?

Бальдуччи покраснел.

- Я провожу их в семействе своей жены.

- Но ты, наверное, страдаешь от недостатка движения?

- Я по-прежнему хожу на охоту... с ружьем. Владелец банка должен внушать уважение.

- Гляди-ка, какая нравственность! Никогда я не думал, что ты станешь таким добропорядочным.

Бальдуччи вздохнул.

- Невозможно наживать богатство и в то же время забавляться. Молодость надо тратить на женщин, зрелые годы - на прибыльные дела, а старость - на игру в шары.

- Я вижу, ты стал настоящим философом. Можешь ты одолжить мне сотню дукатов?

Он стоял на ветру, под дождем, наблюдая за баркой, пробивавшейся к пристани: в барке были его мраморы. Дважды на его глазах нос суденышка зарывался и исчезал под валами. Казалось, барка вот-вот уйдет на дно бунтующего Тибра, унося с собой и драгоценную кладь - тридцать четыре его лучших, отборных блока. Пока он, вымокший до нитки, стоял на берегу, моряки последним бешеным усилием сделали свое дело: с причала были сброшены канаты, судно взято на чалки. Разгружать его при таком ливне было почти невыносимо. Вместе с матросами Микеланджело сумел снять десять самых малых глыб, но барка подпрыгивала на волнах, несколько раз ее срывало с причала, и большие колонны - от двух с половиной до пяти аршин длины - Микеланджело стгрузить не удавалось, пока не пришел Сангалло и не приказал пустить в ход подъемный кран.

Разгрузку еще не успели закончить, как наступила темнота. Микеланджело лежал, не засыпая, в постели и слушал вой все свирепеющего ветра. Утром, придя на пристань, он увидел, что Тибр вышел из берегов. Набережная Рипа Гранде напоминала собой болото. Его прекрасные мраморы были занесены желтым илом. Он кинулся к ним и, стоя по колено в воде, начал счищать с них налившую грязь. Он вспомнил месяцы, проведенные в каменоломнях, вновь представил себе, как вырубали его блоки в горах, как спускали их вниз по обрывистым склонам на канатах и катках, грузили на телеги, везли к берегу моря, осторожно скатывали на песок, переносили во время отлива на лодки - все без малейшего для них урона, ни одна даже ничтожная трещина или пятно не испортили колонн. И увидеть их в таком состоянии теперь, когда они уже

доставлены в Рим!

Прошло три дня, прежде чем дождь унялся и Тибр вошел в берега, освободив набережные. Братья Гуффатти, приехав в своей родовой телеге, перевезли мраморы к заднему портику дома. Микеланджело заплатил им из занятых у Бальдуччи денег, потом купил огромное полотнище просмоленной парусины и укрыл ею блоки вместе с кой-какой подержанной утварью. Январь уже кончался, когда Микеланджело, сидя за дощатым столом подле своих мокрых и запачканных мраморов, стал писать письмо отцу и краткую записку Арджиенто - он просил Лодовико переслать эту записку в деревню под Феррару, где Арджиенто находился с тех пор, как Синьория объявила, что Микеланджело не может жить в своем новом флорентийском доме, пока не приступит к исполнению ее заказов.

Арджиенто надо было еще дожидаться, и потому Сангалло посоветовал Микеланджело взять на службу плотника Козимо - этот пожилой уже человек, с шапкой нависающих на лоб серебряных волос и со слезящимися глазами, нуждался в простом крове. Пища, которую Козимо готовил, отдавала смолой и стружками, но он самоотверженно работал, помогая Микеланджело строить деревянную модель первых двух ярусов надгробья. Юный Росселли дважды в неделю отправлялся к Портику Октавии, на рыбный рынок, и приносил свежих моллюсков, мидий, креветок, каракатиц и морских окуней; примостясь у очага Микеланджело, он жарил солянку - ливорнское каччукко. Микеланджело, Козимо и Росселли жадно водили по сковородке хлебными корками, собирая острый соус.

Чтобы купить горн, шведское железо и каштановый уголь, Микеланджело пришлось снова идти в банк к Бальдуччи и брать у него новую сотню дукатов.

- Я не возражаю против второго займа, - говорил Бальдуччи. - Но я возражаю против того, чтобы ты увязал в долгах все глубже и глубже. Когда, по-твоему, ты получишь за эту гробницу какие-то деньги?

- Как только я смогу показать Юлию готовую работу. А пока мне надо придумать украшения для нескольких нижних блоков и дать образец Арджиенто и одному каменотесу, которого я хочу вызвать из Флоренции, из мастерских при Соборе. И тогда у меня будет возможность сосредоточиться и взяться за "Моисея"...

- Но ведь на все это уйдет, может быть, не один и не два месяца! А на что ты думаешь жить все это время? Будь же разумным человеком, иди к папе и получи с него, что можешь. С паршивой овцы хоть шерсти клок.

Вернувшись домой, Микеланджело измерил заготовленную Козимо деревянную модель углового блока надгробья, затем принялся высекать из мрамора три маски; две профильных - они располагались сверху - и третью; под двумя первыми, смотревшую прямо на зрителя. Вокруг масок были нарезаны плавно округлившиеся декоративные узоры. Три подножных нижних блока гробницы - эта была пока все, что он по сути сделал. На посланное письмо Арджиенто до сих пор никак не отзывался. Каменотес из мастерских при Соборе ехать в Рим отказывался. Сангалло считал, что время тревожить Юлию по поводу денег пока еще не наступило.

- Святой отец рассматривает теперь планы перестройки храма Святого Петра. Имя победителя конкурса будет объявлено первого марта. Вот тогда я и поведу тебя к его святейшеству.

Но первого марта дворец Сангалло будто замер. Явившись туда, Микеланджело увидел, что в комнатах пусто, даже чертежники не сидели, как обычно, за своими столами. Сангалло с женой и сыном жались вверху, в спальне. Все в доме оцепенело, словно бы там был покойник.

- Как это могло случиться? - спрашивал Микеланджело. - Ты официальный архитектор папы. Ты один из старейших и самых преданных его друзей...

- До меня дошли только слухи: одни говорят, что римляне, окружающие папу, ненавидят флорентинцев, но благоволят к урбинцам, а значит, и к Браманте. Другие объясняют все дело тем, что Браманте постоянно ездит со святым отцом на охоту, потешает его шутками, развлекает.

- Клоун! Неужто же клоуны способны строить великие здания?

- Но клоуны способны пролезть куда надо, втереться...

- Я иду к Лео Бальони и дознаюсь у него истины.

Бальони посмотрел на него с неподдельным удивлением:

- Истина? Разве она не ясна такому человеку, как ты? Идем со мной к Браманте, увидишь истину.

Браманте купил в свое время на Борго, поближе к Ватикану, старый, обветшалый дворец и перестроил его с элегантною простотой. Сегодня во дворце толпились множество важных персон – папские придворные, князья церкви, дворяне, ученые, художники, купцы, банкиры. Браманте давал прием – он купался в лучах восхищенного внимания, его красное лицо сияло, в зеленых глазах горела радость и торжество.

Лео Бальони провел Микеланджело вверх по лестнице, в обширный рабочий кабинет Браманте. Здесь повсюду – и на стенах и на столах – были его эскизы и рисунки, изображающие новый собор Святого Петра. Микеланджело ахнул: это было здание столь грандиозное, что флорентийский кафедральный Собор выглядел бы рядом с ним карликом, и все же в проекте Браманте было и изящество, и лиризм, и настоящее благородство. Византийский по своему духу проект Сангалло – суровая крепость, увенчанная куполом, – по сравнению с замыслом урбинца казался скучным и тяжеловесным.

Теперь Микеланджело знал истину – и она не имела ничего общего с ненавистью римлян к флорентинцам или с угодническим шутовством Браманте. Все дело было в даровании. С любой точки зрения собор Святого Петра у Браманте был красивее и совершенней, чем у Сангалло.

– Мне очень жаль Сангалло, – сдержанным тоном сказал Бальони, – но ведь устраивался конкурс, и всем ясно, кто победил в этом конкурсе. Что бы ты сделал на месте папы? Облаготечествовал бы заказом своего друга, чтобы тот построил такую церковь, которая устарела бы раньше, чем ее начали возводить? Или поручил бы работу пришельцу, чужаку, но создал бы самый красивый храм во всем христианском мире?

Микеланджело не решился ответить на этот вопрос. Он торопливо сбежал вниз по лестнице, прошел по Борго и стал нервно вышагивать вдоль стены папы Льва Четвертого, пока не почувствовал, что страшно устал. Да, в самом деле, будь он, Микеланджело Буонарроти, папой Юлием Вторым, ему тоже пришлось бы отдать предпочтение плану Браманте. Такой храм, каком замыслил урбинец, мог бы куда вернее, чем все заботливо вымощенные улицы и расширенные площади, положить начало новому, славному Риму.

Именно в эту ночь, когда он лежал в своей кровати и не мог заснуть, дрожа от холода и слушая храп Козимо, усердствовавшего так, будто каждый его вздох был последним, Микеланджело понял, что еще с того дня, как папа послал Браманте вместе с Микеланджело и Сангалло выбирать место для своей гробницы, тот задался целью не допустить постройки специальной капеллы для нее. Он воспользовался идеей Сангалло об отдельном здании для гробницы и мыслями Микеланджело насчет гигантского мавзолея в своих собственных выгодах – убедить папу возвести совершенно новый собор по его, Браманте, проекту.

Разумеется, собор Святого Петра, построенный Браманте, был бы великолепным вместилищем и оправой гробницы. Но позволит ли Браманте установить гробницу в своем здании? Захочет ли он делить и честь и славу с Микеланджело Буонарроти?

2

В середине марта проглянуло солнце. Микеланджело велел братьям Гуффатти поднять с земли три огромных колонны и поставить их стоймя. Скоро надо быть готовым к тому, чтобы рубить мрамор, сдирая внешнюю кору, и нащупывать образы Моисея и Пленников. Первого апреля стало известно, что восемнадцатого апреля папа и Браманте будут торжественно закладывать камень в фундамент нового собора. Пари де Грасси заранее выработывал порядок церемонии. Когда землекопы начали рыть котлован, в который должен был спуститься папа, чтобы благословить закладку первого камня, Микеланджело окончательно убедился, что старая священная базилика не войдет в новое здание и что ее совершенно разрушат, освобождая место для будущего собора.

Микеланджело не скрывал своего недовольства этим. Он любил колонны и старинную резьбу базилики, разрушение самого древнего христианского храма в Риме он считал кощунством. Он рассуждал об этом с кем угодно, везде и всюду, пока однажды Лео Бальони не предупредил его: кое-кто из темных прихвостней Браманте поговаривает, что если Микеланджело не перестанет поносить их покровителя, то, пожалуй, его собственная гробница будет возведена раньше, чем гробница папы.

- Я не хотел бы, мой друг, чтобы ты был столь опрометчив и таким юным оказался в Тибре, - шутил Лео.

Владелец барок в Карраре прислал Микеланджело письмо, в котором уведомлял его, что новый груз мрамора придет в Рипа Гранде в начале мая. Когда груз окажется у причала, за перевозку его надо будет уплатить, и лишь после этого Микеланджело получит свои мраморы. Того количества дукатов, которое требовалось по счету, у Микеланджело не было. Он помылся и пошел в папский дворец. Со взъерошенной бородой, вылезавшей из высокого горностаевого воротника, папа Юлий сидел на малом троне, окруженный придворными. Сбоку стоял любимый его ювелир. Юлий повернулся к ювелиру и раздраженно сказал:

- Хотя ты и говоришь, что эти камни крупные, - все равно я не потрачу на них ни одной лишней полушки!

Микеланджело выжидал и, как только ювелир удалился, а папа принял более спокойный вид, шагнул вперед.

- Святой отец, новый груз мраморов на ваше надгробье уже в пути. Я обязан заплатить за его доставку сразу же, как только барки придут в Рипа Гранде. У меня нет на это денег. Не можете ли вы дать какую-то сумму, чтобы я был спокоен за блоки?

- Приходи в понедельник, - резко ответил папа и отвернулся.

В желтом, как масло, весеннем солнечном свете Рим был прекрасен, но Микеланджело брел по улицам, будто слепой, весь горя от обиды. Папа выставил его из дворца одним взмахом руки, как простого каменщика! И почему? Не потому ли, что ваятель - это действительно всего лишь мастеровой, искусный мастеровой? Но разве папа не называл его, Микеланджело, лучшим скульптором по мрамору во всей Италии?

Он рассказал обо всем Бальони, допытываясь, не знают ли его друзья, чем вызвана такая перемена в поведении папы. Лео стоило немалого труда, чтобы сохранить в этой беседе спокойствие.

- Браманте убедил святого отца, что строить самому себе гробницу при жизни - дурное предзнаменование. Будто бы это приближает день, когда гробница действительно понадобится.

Тяжело дыша, Микеланджело опустился на скамью.

- Что же мне сейчас делать?

- Идти к папе в понедельник и сделать вид, что ничего особенного не случилось.

Он пошел к папе в понедельник. Затем во вторник, потом в среду, в четверг. Каждый раз его пропускали во дворец, папа хмуро его принимал и говорил, чтобы он приходил завтра. В пятницу стража дворца преградила ему дорогу и отказалась впустить. Это был жаркий полуденный час, но Микеланджело почувствовал во всем теле холод. Считая, что могло произойти какое-нибудь недоразумение, он вновь попытался проникнуть во дворец. Ему снова преградили дорогу. В эту минуту ко дворцу подкатила карета двукродного брата папы, епископа Луккского Александра.

- Что тут творится? - спросил епископ у стражника. - Разве ты не знаешь маэстро Буонарроти?

- Я знаю его, ваше преосвященство.

- Тогда почему же задерживаешь?

- Извините, ваше преосвященство, но таков приказ.

Микеланджело поплелся домой, плечи его судорожно вздрагивали, голова пылала, словно в огне. Он прибавил шагу, потом побежал почти бегом, запер дверь дома, сел к столу и торопливо, каракулями, начал набрасывать письмо.

"Благословенный отец, сегодня по вашему приказу я был выставлен из дворца: значит, если я буду нужен, вам придется искать меня где угодно, кроме Рима".

Он направил это письмо дворецкому папы мессеру Агостино, потом послал соседского мальчика за Козимо. Старик примчался тотчас.

- Козимо, я должен уехать из Рима сегодня же ночью. Завтра ты позовешь старьевщика и продашь ему весь этот жалкий скарб.

Во втором часу ночи он нанял у Народных ворот лошадь и, присоединившись к почтовой карете, направился во Флоренцию. Отъехав немного на север, вверх по холму, с которого он когда-то бросил свой первый взгляд на Рим, Микеланджело обернулся в седле, чтобы взглянуть в спящий город. И ему вспомнилось любимое изречение тосканцев, родившееся во времена феодальных распрей:

Сидит немало дураков по городам своим.

Но тот четырежды дурак, кто уезжает в Рим!

Ранним утром он спешил у гостиницы в Поджибонси - здесь он в свое время останавливался на пути в Сиену, когда ехал переделывать испорченную Торриджани статую Святого Франциска. Микеланджело спокойно плескал из чашки воду, умываясь на дворе, как вдруг услышал стук копыт: кто-то во весь опор скакал по дороге. Через минуту к гостинице подъехал отряд из шести всадников во главе с Бальони. От быстрой скачки лошади взмокли, с удил падала пена. Микеланджело взглянул на тонкое, аристократическое лицо друга с засохшими струями пота, на его помятое, поблекшее от дорожной пыли платье.

- Лео! Что тебя заставило скакать в Поджибонси?

- Ты! Святой отец знает, что мы приятели. Он приказал мне взять этот отряд и ехать за тобой.

Микеланджело, моргая, смотрел на пятерых вооруженных всадников из папской стражи, - подбоченясь, они сидели в своих седлах, взгляд у них был свирепый.

- Отряд! При чем тут отряд?.. Я еду домой, во Флоренцию...

- Нет, ты не едешь! - Бальони слез с коня, откинул волосы с глаз. Он вынул из седельной сумки пергаментный свиток.

- Вот письмо от Юлия Второго. Под страхом папской немилости тебе приказано немедленно вернуться в Рим.

- Я не заслужил того, чтобы меня выгоняли из его покоев.

- Все будет улажено наилучшим образом.

- Позволь мне не поверить.

- Святой отец дает в том свое слово.

- У святого отца бывают провалы памяти.

Один из всадников, самый дородный, сказал:

- Мессер Бальони, может, его надо связать? Хотите, я приторочу упрянца к его же седлу?

- Применять силу мне не указано. Микеланджело, ты не первый, кому приходилось ожидать свидания с папой. Если Юлий говорит: "Жди", - надо ждать, пусть это будет неделя, месяц или даже год.

- Я уезжаю во Флоренцию навсегда.

- Едва ли! Никому не дано уехать от папы, если он того не хочет. Клянусь, святой отец сожалеет о том, что случилось. Возвращайся в Рим и работай - таково желание папы.

- Я не допущу, чтобы кто-то измывался надо мною.

- Святой отец - это тебе не кто-то. - Лео подошел к Микеланджело совсем близко и, уверясь, что стражники не слышат его, сказал: - Bravo! Тебя можно ставить во Флоренции вместо "Льва" Мардзокко. А теперь, когда независимость твоя утверждена, - едем обратно. Иначе и я окажусь из-за тебя в очень скверном положении.

Микеланджело молчал. Да, Бальони всегда был хорошим другом. Но как же защитить чувство собственного достоинства? Никто не вправе требовать от человека, чтобы он поступался своей гордостью. Микеланджело так и сказал Лео. Лицо у Бальони стало суровым.

- Бросить вызов первосвященнику - это немисливо. Ты сам в этом убедишься. Рано или поздно. И чем позже, тем будет хуже для тебя. Как друг, я настаиваю, чтобы ты и не думал идти наперекор воле папы. Тебе его не осилить!

Микеланджело опустил голову и, шурясь, разглядывал узоры на земле.

- Не знаю, что сказать тебе, Лео... Но если я вернусь в Рим, я потеряю буквально все. Нет, я поеду во Флоренцию - там я верну себе и дом, и заказ на работу. А если папа захочет, я изваяю ему надгробье... но буду жить под сенью башни дворца Синьории.

3

Отец был не очень обрадован его приездом: он воображал, что сын зарабатывает у папы в Риме колоссальные деньги. Микеланджело опять пришлось вселиться в переднюю комнату, окна которой глядели на башню дома старейшины цехов, - он поставил там на верстак "Богоматерь" Таддеи, сходил в мастерские при Соборе, где хранился его мрамор, предназначенный для "Апостола Матфея", перевез из литейной еще не законченного бронзового "Давида". Его картон с "Купальщиками" был вынесен из мастерской при больнице Красильщиков, вставлен в еловую раму и повешен в галерею за Большим залом дворца Синьории.

Потребовалось очень немного времени, чтобы слухи о происшествии на дворе гостиницы в Поджибонси переползли горный перевал. Придя вместе с Граначчи в мастерскую Рустичи на ужин Общества Горшка, Микеланджело понял, что на него смотрят, как на героя.

- Какой же низкий поклон отвесил тебе папа Юлий! - восхищался Боттичелли, писавший в свое время фрески в Сикстинской капелле для дяди Юлия, папы Сикста Четвертого. - Послать вслед за тобой целый отряд, прямо-таки спасательную команду! Да разве когда-нибудь бывало такое с художником?

- Никогда! - гудел Кронака. - И кто станет беспокоиться о художнике? Пропал один, на его место всегда найдется десяток таких же.

- Но вот папа признал наконец, что художник - это индивидуальность, - взволнованно заговорил Рустичи. - Индивидуальность со своим, неповторимым талантом и своими особенностями, которых именно в этой комбинации не найти нигде, хоть обшарь весь белый свет!

Микеланджело чувствовал, что его расхваливают сверх всякой меры.

- А что мне оставалось делать? - громко говорил он, в то время как Граначчи всовывал ему в руку стакан вина. - Понимаете, меня перестали пускать в Ватикан!

Наутро он убедился, что власти Флоренции отнюдь не разделяют мнения художников из Общества Горшка о чудодейственном эффекте его бунта против папы. Когда гонфалоньер Содерини принимал Микеланджело в своем кабинете, выражение его лица было весьма сурово.

- Мне рассказали обо всем, что ты натворил. В Риме, будучи скульптором папы, ты мог бы оказать Флоренции существенную помощь. Теперь ты бросил вызов папе и стал для нас источником возможной опасности. После Савонаролы ты первый флорентинец, который восстал против папы. Боюсь, что тебя ждет такая же судьба.

- Значит, меня повесят среди площади, а затем сожгут? - Микеланджело невольно поежился.

Впервые за весь разговор Содерини улыбнулся, кончик его носа пополз вниз.

- Ты ведь не еретик, ты просто отказываешься повиноваться. Но в конце концов папа все равно до тебя доберется.

- Все, чего я хочу, гонфалоньер, - это снова жить во Флоренции. Завтра же я начинаю ваять Святого Матфея, и пусть мне возвратят мой дом.

Лицо у Содерини вдруг стало таким же желто-белым, как его волосы.

- Флоренция не может возобновить свой договор с тобой на скульптурные работы. Его святейшество воспринял бы это как личную обиду. И никто - ни Доли, ни Питти, ни Таддеи - не может воспользоваться твоими услугами, не навлекая на себя гнев папы. Так будет до тех пор, пока ты не закончишь гробницы Юлия или пока святой отец не освободит тебя от этого долга.

- А если я буду завершать работу по существующим договорам, я поставлю вас в очень затруднительное положение?

- Пока заканчивай "Давида". Наш посол в Париже все еще пишет, что король сердится на нас за то, что мы не посылаем ему статую.

- А "Купальщики"? Могу я писать эту фреску?

Содерини вскинул на него быстрый взгляд.

- Ты не заходил в Большой зал?

- Нет, грум провел меня сюда через ваши апартаменты.

- Советую тебе заглянуть туда.

Микеланджело прошел к стене, примыкающей к помосту Совета с востока: там находилась фреска Леонардо да Винчи "Битва при Ангиари". Микеланджело судорожно дернулся, прижав руку ко рту.

- Dio mio, не может быть!

Весь низ фрески Леонардо погиб, разрушился, краски струями стекли к полу, будто притянутые могучими магнитами: лошади, люди, копья, деревья, скалы в неразличимом хаосе переплелись и смешались, сливаясь друг с другом.

Старую вражду, предубежденность, раздоры - все в душе Микеланджело будто смыл тот неведомый раствор, что загубил великолепное творение Леонардо. Он ощущал теперь только глубокую жалость к собрату-художнику: целый год жизни, полный могучих усилий, - и вот плоды этого труда начисто сметены, уничтожены! Отчего же приключилась беда? Ведь тосканцы были мастерами фрески уже в течение трех столетий...

Чья-то рука легла на плечо Микеланджело, - оглянувшись, он увидел Содерини.

- Гонфалоньер, как это случилось?

- Леонардо решил во что бы то ни стало возродить древний вид живописи - энкаустическую. Он заимствовал рецепт для штукатурки у Плиния, примешивал к извести воск и еще добавлял туда для прочности состава камедь. Закончив фреску, он стал ее прогревать, раскладывая костры на полу. Он говорил, что уже применял этот способ, работая над малыми фресками в Санта Мариа Новелла, и что все тогда обошлось благополучно. Но высота этой фрески - около девяти аршин; чтобы жар достиг ее верха, Леонардо был вынужден разжигать большие костры. Сильный жар, действуя на нижний ярус фрески, растопил воск - воск потек... и потянул за собой все краски.

Леонардо жил в приходе Сан Джованни. Микеланджело постучал в дверь молотком. Появился слуга. Микеланджело прошел с ним в просторную, со стругаными брусками потолка, комнату, наполненную произведениями искусства, музыкальными инструментами, восточными коврами. Леонардо, в красном китайском халате, сидел за высоким столом с толстой, как плита, столешницей и что-то писал в записной книге. Он поднял голову и, заметив Микеланджело, положил свою книгу в ящик стола и запер его на ключ. Потом он шагнул на середины комнаты, немного прихрамывая: не так давно он упал, испытывая на холмах близ Фьезоле свою летательную машину. В его сияющей красоте был замечен какой-то, еле уловимый, ущерб, глаза смотрели чуть печально.

- Леонардо, я только что из дворца Синьории. Мне хотелось сказать, что я огорчен тем, что случилось с фреской. Я ведь тоже понапрасну потратил этот год, и я понимаю, что это для вас значит...

- Вы очень любезны. - Голос Леонардо был холоден.

- Но это не главная цель моего прихода. Я хочу извиниться перед вами... за мою сварливость... за те гнусные слова, которые я говорил о вас, о вашей статуе в Милане...

- У вас был для этого повод. Я неуважительно отзывался о скульпторах по мрамору.

Леонардо начал оттаивать. На его алебастрово-белом лице проступили краски.

- Я смотрел ваших "Купальщиков", когда вас не было во Флоренции. Это в самом деле изумительный картон. Я делал рисунки с него, я рисовал и вашего "Давида". Ваша будущая фреска станет славой Флоренции.

- Не знаю. Теперь, когда ваша "Битва при Ангиари" не будет единоборствовать с моей фреской, мне уже не хочется и думать о ней.

Сделав шаг к тому, чтобы примириться со старым противником, Микеланджело в то же время подвергал опасному испытанию свою самую

полезную дружбу. Через двое суток гонфалоньер Содерини вновь вызвал его к себе и зачитал письмо папы, в котором тот требовал, чтобы Синьория немедленно, под страхом лишиться папского благоволения, возвратила Микеланджело Буонарроти в Рим.

- Я вижу, лучше бы мне было удрать куда-нибудь подальше на север, хотя бы во Францию, - мрачно сказал Микеланджело. - Тогда вам не пришлось бы за меня отвечать.

- Как ты можешь куда-то удрать от папы? Рука его тянется через всю Европу.

- Почему же я стал таким драгоценным и нужным ему, живя во Флоренции? В Риме он запирает передо мной двери.

- Потому что в Риме ты был его слугой, которым можно было помыкать. Отказываясь ему служить, ты стал самым желанным для него художником в мире. Не доводи его до крайности.

- Я никого ни до чего не довожу! - с тоской воскликнул Микеланджело. - Я только хочу, чтобы меня оставили в покое.

- Об этом говорить уже поздно. Надо было думать раньше, до того, как ты поступил на службу к Юлию.

С первой же после этого разговора почтой Микеланджело получил письмо от Пьеро Росселли: когда он читал его, ему казалось, будто волосы у него на голове вздымаются и шевелятся, подобно змеям. Как выяснилось, папа желал его возвращения в Рим не затем, чтобы продолжать работу над мраморами; Браманте решительно убедил святого отца в том, что гробница ускорит его кончину. Его святейшество хотел теперь, чтобы Микеланджело расписал свод Сикстинской капеллы - самого неуклюжего и безобразного, самого дурного по конструкции, самого забытого господом архитектурного сооружения во всей Италии. Микеланджело читал и перечитывал строчки Росселли:

"Вечером в прошлую субботу, во время ужина, папа позвал Браманте и сказал: "Завтра утром Сангалло едет во Флоренцию и привезет с собой в Рим Микеланджело". Браманте возразил: "Святой отец, Сангалло никак не сможет этого сделать. Я не раз говорил с Микеланджело, и он уверял меня, что он не возьмется за капеллу, которую вы хотите поручить ему; что он, вопреки вашему желанию, намерен работать только в скульптуре и не хочет даже думать о живописи. Святой отец, я думаю, он просто трусит взяться за эту работу, так как у него мало опыта в писании фигур, а фигуры в капелле будут расположены гораздо выше линии глаз зрителя. Это ведь совсем другое дело, чем живопись внизу на стенах". Папа ответил: "Если он не возьмется за работу, он причинит мне глубокую обиду, - посему я полагаю, что он образумится и снова приедет в Рим". И тут я в присутствии папы дал Браманте сильный отпор: я говорил так, как говорил бы ты сам, защищая меня; на какое-то время Браманте онемел, будто почувствовал, что он допустил промах, сунувшись со своими речами. Я начал слово так: "Святой отец, Браманте по этому делу никогда не разговаривал с Микеланджело, а если то, что он сейчас высказал, есть правда, я прошу вас отрубить мне голову..."

- Я разговаривал с Браманте? Это чудовищная ложь! - кричал Микеланджело наедине с собой. - И зачем ему нужны подобные небылицы?

Письмо Росселли только усилило в душе Микеланджело сумятицу и горечь. Работать он уже совсем не мог. Он перебрался в Сеттиньяно и молча сидел там, вырубая с братьями Тополино строительные блоки, затем пошел повидаться с Контессиной и Ридольфи. Их мальчик Никколо - теперь ему было уже пять лет - все упрашивал Микеланджело постучать молотком, чтобы "мрамор полетел вверх", и научить этому его самого. Урывками, по настроению, Микеланджело оттачивал и полировал бронзового "Давида", несколько раз ходил в Большой зал, тщетно пытаясь подстегнуть себя и приняться за работу над фреской. Еще прежде того, как гонфалоньер Содерини пригласил его в начале июля к себе, он знал, что бурные ветры вот-вот налетят с юга и принесут с собой новые тревоги.

Не тратя лишних слов, Содерини стал читать папское послание.

"Микеланджело, скульптор, покинувший нас без причин, из чистого каприза, боится, как нас извещают, возвратиться к нам, хотя мы с нашей

стороны, зная характер людей гения, не сердимся на него. Надеюсь, что он оставит в стороне все свои опасения, мы полагаемся на вашу лояльность, поручая вам убедить его от нашего имени, что если он возвратится к нам, то не потерпит никакой обиды и никакого ущемления и сохранит нашу апостолическую благосклонность в такой же мере, в какой он пользовался ею раньше".

Содерини положил послание на стол.

- Скоро я получу собственноручное письмо кардинала Павии, в котором он обещает тебе безопасность. Неужто тебя не удовлетворяет и это?

- Нет. Вчера вечером в доме Сальвиати я видел одного купца-флорентинца, Томмазо ди Тольфо. Он живет в Турции. Пожалуй, надо воспользоваться таким знакомством и уехать туда. Буду работать на султана.

Брат Лионардо попросил его о свидании, назначив встречу у ручья, на границе поля Буонарроти в Сеттиньяно. Лионардо сидел на своей родовой земле, Микеланджело на земле Тополино - ноги оба они опустили в ручей.

- Микеланджело, я хочу помочь тебе.

- Каким образом?

- Позволь мне сначала признаться, что в юности я наделал много ошибок. А ты поступал правильно, идя своим путем. Я видел твою "Брюггскую Богоматерь с Младенцем". Наши братья монахи в Риме с уважением говорят о твоём "Оплакивании". Ты, как и я, поклоняешься богу. Прости мне мои прегрешения против тебя.

- Я давно тебя простил, Лионардо.

- Я должен объяснить тебе, что папа есть наместник господа бога на земле. Когда ты выходишь из повиновения его святейшеству, ты выходишь из повиновения богу.

- И, по-твоему, именно так обстояло дело, когда Савонарола насмерть боролся с папой Александром Шестым?

Черный капюшон Лионардо опустил, затеняя глаза, и Лионардо не поднимал его.

- Да, Савонарола вышел из повиновения. Но независимо от того, что мы думаем о том или другом папе, папа есть преемник Святого Петра. Если каждый из нас будет по-своему судить и рядить о папе, в церкви наступит хаос.

- Папа - это человек, Лионардо, человек, избранный для высокого поста. А я буду делать то, что считаю справедливым.

- И ты не боишься, что господь накажет тебя?

Наклоняясь к ручью, Микеланджело взглянул на брата.

- Очень важно, чтобы в каждом из нас была отвага. Я верю, что господу богу независимость угодна больше, чем раболепство.

- Ты, должно быть, прав, - сказал Лионардо, вновь опуская голову. - Иначе он не помог бы тебе высекать такие божественные мраморы.

Лионардо поднялся и пошел вверх по холму, к дому Буонарроти. Микеланджело пошел по скату другого холма, к жилищу Тополино. С верхушки холмов они оглянулись, помахали друг другу рукою. Им уже не суждено было больше увидеться.

Среди друзей Микеланджело его бегство от папы не напугало только Контессину - она не питала почтительности к Юлию. Наследница одной из самых могущественных династий мира, она видела, как ее семью изгнали из города, которому эта семья помогла стать величайшим в Европе, видела, как отчий ее дом разграбили земляки-горожане, о которых ее семья любовно заботилась, творя им добро, видела, как в окнах дворца Синьории повесили ее деверя, и сама должна была в течение восьми лет жить в крестьянской хижине. Ее уважение к властям иссякло.

Однако муж Контессины смотрел на все по-иному. Ридольфи ставил себе целью уехать в Рим. По этой причине он никак не хотел прогневать папу.

- Против своего желания я должен просить вас, Буонарроти, не появляться здесь более. Ведь это станет известно папе. Святой отец - при посредничестве кардинала Джованни - наша последняя надежда. Мы не должны рисковать расположением Юлия.

Голос Контессины звучал чуть напряженно и сдавленно:

- Значит, Микеланджело мог приходить сюда раньше, рискуя своим положением во Флоренции, и он не может бывать у нас теперь, чтобы не

пошатнуть твое положение в Риме?

- Не мое положение, Контессина, а наше. Если папа будет настроен против нас... В конце концов, у Буонарроти есть ремесло; если его изгонят из Флоренции, он найдет применение своему таланту где угодно. Рим - это единственное место, куда мы можем уехать. От этого зависит наша будущее, будущее наших сыновей. Это слишком опасно.

- Родиться на свет - вот самая главная опасность, - раздумчиво произнесла Контессина, глядя куда-то поверх головы Микеланджело. - После этого уже идет игра, где все predetermined, карты розданы.

- Я больше не приду к вам, мессер Ридольфи, - тихо сказал Микеланджело. - Вы должны оградить свое семейство от опасности. Извините меня, я поступил необдуманно.

4

В конце августа с войском в пять сотен рыцарей и дворян Юлий покинул Рим. В Орзието к нему присоединился его племянник, герцог Урбинский, и Перуджия была занята без кровопролития. Кардинал Джованни де Медичи оставался в Риме, управляя городом. С примкнувшим к нему маркизом Мантуи Гонзага, у которого была обученная армия, папа пересек Апеннины, обойдя стороной Римини: этот город держала в своих руках враждебная Венеция. Предложив кардинальские шапки трем его племянникам, папа подкупил кардинала Руана, находившегося при восьми тысячах французских солдат, посланных на защиту Болоньи; тот публично отлучил от церкви правителя Болоньи Джованни Бентивольо. В результате Бентивольо был изгнан самими болонцами. В Болонью вступил со своей армией Юлий.

Однако среди всех этих дел и хлопот папа Юлий Второй не мог забыть своего беглого скульптора. Как только Микеланджело вошел во дворец Синьории, гонфалоньер Содерини, по обе стороны которого сидели восемь его коллег, закричал, не скрывая своего раздражения:

- Ты пытался дать папе такой бой, на какой не отважился бы и король Франции. Мы не хотим по твоей милости вступать в войну с папой! Святой отец желает, чтобы ты исполнил кое-какие работы в Болонье. Давай-ка собирайся и езжай!

Микеланджело знал, что он побежден. Он знал это, по сути, уже не одну неделю - как только папа продвинулся в глубь Умбрии, присоединяя ее к папскому государству, а потом захватил Эмилию, флорентинцы при встрече на улице уже отворачивались от него. Флоренция, у которой не было средств обороны, так сильно нуждалась в дружбе папы, что дала ему в качестве наемников своих солдат - среди них был и брат Микеланджело Сиджизмондо - и тем способствовала его завоевательским действиям. Любой город хотел бы избежать нападения гордых успехами, уверенных в своих силах папских войск, которые только что одолели переход через Апеннины. Синьория и все флорентинцы твердо держались одного взгляда: Микеланджело следует отослать обратно к папе, невзирая на то, как это отзовется на его судьбе.

Что ж, они были правы. Благо Флоренции прежде всего. Он поедет в Болонью, он пойдет на мировую со святым отцом, сделав для этого все возможное. Содерини опять проявил о нем заботу. Он вручил Микеланджело письмо, адресованное своему брату, кардиналу Вольтерры, который находился при папе.

"Податель сего письма Микеланджело, скульптор, направлен к вам по просьбе его святейшества. Мы заверяем ваше преосвященство в том, что это прекрасный, молодой человек, единственный в своем искусстве на всю Италию, а может быть, и на весь мир. Нрав его таков, что посредством доброго слова и любезного обращения от него можно добиться всего; с ним надо быть ласковым и любезным, и тогда он сделает такие вещи, что всякий увидевший их будет в изумлении. Названный Микеланджело приехал к вам под мое честное

слово".

К тому времени уже наступил ноябрь. Улицы Болоньи были запружены народом: тут толпились и придворные, и солдаты, и красочно одетые иностранцы - всем хотелось попасть ко двору папы. На площади Маджоре, в проволочной клетке, подвешенной у окон дворца нодесты, сидел какой-то монах: его поймали на улице борделей, когда он выходил из nepотребного дома.

Микеланджело разыскал гонца, поручив ему доставить рекомендательное письмо кардиналу Вольтерры, а сам поднялся по ступеням к церкви Святого Петрония, с благоговением оглядывая скульптуры делла Кверча, высеченные из истрийского камня, - "Сотворение Адама", "Изгнание из Рая", "Жертвоприношение Каина и Авеля". Как далеко ему, Микеланджело, до исполнения своей мечты - изобразить эти сцены в объемных фигурах! Он вошел в церковь, где служили в тот час мессу, - и тут кто-то из римских слуг папы сразу узнал его.

- Мессер Буонарроти, его святейшество ждет вас с нетерпением.

Окруженный двадцатью четырьмя кардиналами, командирами своей армии, знатными дворянами, рыцарями, принцами, папа обедал во дворце; всего за столом сидело человек сто; зал был увешан знаменами. Епископ, которого заболевший кардинал Вольтерры послал вместо себя, провел Микеланджело из глубины зала к столу. Папа Юлий взглянул, увидел Микеланджело, сразу умолк. Смолкли и все в зале. Микеланджело стоял сбоку большого кресла папы, у заглавного места стола. Они пронзительно смотрели друг на друга, взоры их метали огонь. Не желая опуститься на колени, Микеланджело выпрямился, откинул плечи. Заговорить первым был вынужден папа.

- Долгонько же ты задержался! Нам пришлось двинуться тебе навстречу.

Микеланджело тоскливо подумал, что это правда: папа со своим войском покрыл куда больше верст, чем проехал на этот раз он сам. Он сказал упрямо:

- Святой отец, я не заслужил, чтобы со мной обращались так, как это было в Риме на пасхальной неделе.

В огромном зале легла мертвая тишина. Желая вступить за Микеланджело, заговорил епископ:

- Ваше святейшество, имея дело с таким народом, как художники, надо быть снисходительным. Кроме своего ремесла, они ничего не понимают, и часто им недостает хороших манер.

Приподнявшись с кресла, Юлий загремел:

- Как ты смеешь говорить про этого человека такие вещи? Я и сам себе не позволил бы его так бесчестить. Это тебе недостает хороших манер - вот кому!

Епископ стоял оглушенный, не в силах двинуться с места. Папа подал знак. Несколько придворных схватили обмершего в страхе прелата и, награждая его тумаками, вытолкали прочь из зала. Видя, что папа таким образом приносит свое извинение и что на большее при свидетелях он пойти не может, Микеланджело встал на колени, целуя папский перстень; и пробормотал свои собственные сожаления. Папа благословил его, затем сказал:

- Будь завтра в моем лагере. Там мы и решим наши дела.

В сумерки он сидел перед горящим камином в библиотеке Альдовранди. Альдовранди знал Юлия: дважды он ездил к нему в качестве болонского посланника, а теперь папа назначил его членом правящего Совета Сорока. Разговаривая с Микеланджело, он все смеялся над тем, что произошло за обедом у папы. Казалось, что светлое лицо и добрые веселые глаза Альдовранди были такими же молодыми, как и десять лет назад, когда Микеланджело впервые его увидел.

- Вы так похожи друг на друга, - говорил Альдовранди, - вы и Юлий. У вас у обоих есть террибилита - свойство внушать благоговейный ужас. Я уверен, что во всем христианском мире вы единственный человек, который отважился перечить первосвященнику после того, как вы сами семь месяцев открыто отвергали его домогательства. Не удивительно, что он уважает вас.

Микеланджело прихлебывал из дымящейся кружки добренную коричневым сахаром горячую воду - синьора Альдовранди подала ее ввиду суровой ноябрьской стужи.

- Что, по-вашему, святой отец намеревается со-мною делать?
- Усадить за работу.
- Над чем?
- Что-нибудь он придумает. Вы, конечно, поживете у нас?

Микеланджело принял это предложение с удовольствием. За ужином он спросил:

- Как себя чувствует ваш племянник Марко?
  - Очень хорошо. У него новая девушка - он нашел ее в Римини, два года назад, в августе, в праздник феррагосто.
  - А Кларисса?
  - Ее удочерил... один из дядьев Бентивольо. А когда ему вместе с Джованни Бентивольо пришлось бежать, Кларисса за изрядную мзду передала свою виллу какому-то папскому придворному.
  - Вы не скажете, где мне ее искать?
  - Думаю, что на Виа ди Меццо ди Сан Мартино. У нее там квартира.
  - И вы не осудите меня за это?
- Вставая, Альдовранди тихо ответил:
- Любовь - это как кашель, ее все равно не скроешь.

Она стояла в проеме раскрытой двери, под козырьком навеса, глядевшего вниз, на площадь Сан Мартино. На оранжевом свете масляной лампы, горевшей у нее за спиной, проступал силуэт ее фигуры, обтянутой шерстяным платьем, лицо Клариссы было как бы вставлено в раму мехового воротника. Микеланджело пристально, не произнося ни слова, посмотрел ей в глаза, как смотрел он недавно, хотя и с иными, непохожими чувствами, в глаза Юлия. Она ответила ему тоже долгим взглядом. Память мгновенно перенесла его в то время, когда он увидел ее впервые - тоненькую, золотоволосую, девятнадцати лет, с волнующей мягкостью жестов; в каждом движении ее гибкого, как ива, тела сквозила тогда нежная чувственность, прекрасные линии шеи, плеч, груди напоминали Боттичеллеву Симонетту. Теперь ей минул уже тридцать один год, она была в зените зрелости и чуть отяжелела, чуть утратила свою искрометную живость. И все же он снова поддался власти ее великолепной плоти, чувствуя эту плоть каждой своей жилкой. У нее была прежняя манера говорить - ее будто свистящий голос проникал во все его существо, удары крови в ушах мешали различить смысл отдельного слова.

- Когда ты уезжал, я сказала тебе на прощанье: "Болонья - всем по дороге, куда бы ни ехать". Входи.

Она провела его в маленькую гостиную, где горели две жаровни, и лишь тут приникла к нему. Его руки скользнули под ее отороченное мехом платье, к горячему телу. Он поцеловал ее в податливые, сдающиеся губы. Она напомнила ему:

- Когда я тебе, давно-давно, сказала: "Это так естественно, что мы хотим друг друга", - ты покраснел, как мальчик.

- Художники в любви ничего не понимают. Мой друг Граначчи говорит, что это просто развлечение.

- А что сказал бы о любви ты?
- Я только йогу рассказать, что я чувствую, когда вижу тебя...
- Расскажи.
- Это как вихрь... как поток, который швыряет твоё тело по камням, по обрывам, потом выбрасывает, поднимает его как морским прибоем...
- Ну, а потом?
- ...хватит, я больше не могу...

Платье ее, шурша, тотчас же полетело в сторону. Закинув руки к голове, Кларисса вынула несколько заколок, и длинные золотистые косы упали, закрывая поясницу. В движениях ее проглядывало скорее не сладострастие, а памятная ему, милая ласка, словно бы любовь была обычным, естественным проявлением ее натуры.

Потом они, обнявшись, лежали под двойным, очень мягким шерстяным одеялом, отделанным небесно-голубой тканью.

- Так ты говоришь, - это похоже на прибой?.. - допытывалась она, наводя разговор на прежнее.

- ...прибой поднимает тебя, захлестывает и выносит прямо в море.
- Ты знал за это время любовь?

- Нет, после тебя не знал.
- В Риме столько доступных женщин!
- Семь тысяч. Мой друг Бальдуччи пересчитывал их каждое воскресенье.
- И тебя не тянуло к ним?
- Это не та любовь, которой бы мне хотелось.
- Ты никогда не читал мне свои сонеты.
- В одном из них я пишу о шелковичном черве.

Лелеять кокон днями и ночами,
 Чтоб соткан был искусными ткачами
 На грудь твою прекрасную покров,
 Иль в туфельки цветные превратиться
 И ножки греть, когда рычит и злится
 Седой Борей, примчавшийся с холмов.

Она словно бы взвесила прочитанные строки.

- Как ты узнал, что у меня прекрасная грудь. Ведь Ты не видел тогда меня раздетой.

- Ты забываешь мою профессию.

- Ну, а второй сонет?

Он прочитал несколько строк из своих выстраданных в мучительной лихорадке стансов:

Цветам в венке у девы благодать:
 Кропя росу на сладостные вежды,
 Любой бутон склоняется в надежде
 Чудесное чело поцеловать.

- Я слышала, что ты замечательный скульптор: приезжие говорили о твоём "Оплакивании" и "Давиде". А оказывается, ты еще и поэт.

- Жаль, что ты не скажешь этого моему учителю поэзии, мессеру Бенивиени, - он был бы доволен.

Они тут же оборвали разговор, вновь крепко прижались друг к другу. Уткнувшись лицом в плечо и шею Микеланджело, Кларисса поглаживала кончиками пальцев его могучую спину, мускулистые твердые руки, так похожие на руки тех каменотесов, рисовать которых он ходил в Майано.

- Любить ради любви... - шептала ему на ухо Кларисса. - Как чудесно. Я была очень привязана к Марко. А Бентивольо хочет только забавы, развлечения. Завтра же я пойду в церковь и покаюсь в своем грехе, но я не верю, что такая любовь - грех.

- Любовь изобрел бог. Она прекрасна.

- А вдруг нас искушает дьявол?

- Дьявол - это изобретение человека.

- Но разве нет на свете зла?

- Все, что безобразно, есть зло.

5

Увязая в глубоком снегу, с трудом добрался он до военного лагеря Юлий на берегу реки Рено. Юлий проводил смотр своих войск - он был закутан до подбородка в огромную меховую шубу, голову его обтягивал, закрывая уши, лоб и губы, серый шерстяной шлык. Юлий был явно недоволен условиями, в которых содержались солдаты, ибо с грубой бранью набрасывался на офицеров, обзывая их "жульем и скотами".

Как Микеланджело уже слышал от Альдовранди, угодливые друзья папы постарались разгласить, что Юлий "великолепно приспособлен для военной жизни", что, при самой дурной погоде, целыми днями находится он при войске, перенося солдатские невзгоды и испытания даже легче, чем их

переносят сами солдаты, что, объезжая линии войск и отдавая приказы, он похож на ветхозаветного пророка и что, слушая его, солдаты кричат: "Святой отец, ты наш настоящий боевой командир!" - в то время как завистники папы ворчат потихоньку: "Ну и святой отец! Кроме рясы да титула, ничего в нем нет от священника".

Юлий прошел в свой шатер, утепленный мехами. Вокруг трона струдились кардиналы и придворная челядь.

- Буонарроти, я все же надумал, что тебе надо сделать для меня. Большую бронзовую статую! Огромный мой портрет - в торжественных ризах, в тройном венце.

- Бронзовую! - это был крик, вырвавшийся у Микеланджело с мучительной болью. Будь у него хоть малейшее подозрение, что папа навяжет ему работу с бронзой, он ни за что бы не поехал в Болонью.

- Бронза - не моя специальность! - протестующе сказал он.

И воины и прелаты, находившиеся в шатре, замерли - возникла та особенная тишина, которая поразила Микеланджело вчера, в обеденном зале. Лицо папы вспыхнуло от гнева.

- Мы знаем, что ты создал бронзового "Давида" для французского маршала де Жие. Значит, если речь идет о маршале - это твоя специальность, а если о первосвященнике - уже не твоя?

- Святой отец, меня уговорили сделать бронзового "Давида", чтобы сослужить службу Флоренции.

- Довольно! Ты сделаешь эту статую, чтобы сослужить службу своему папе.

- Ваше святейшество, у меня вышла плохая скульптура, она не закончена. Я ничего не понимаю ни в литье, ни в отделке.

- Хватит! - яростно закричал папа, весь багровея. - Тебе мало того, что семь месяцев ты не хотел меня знать и не подумал вернуться на службу! Ты хочешь взять надо мною верх и теперь. Погибший человек!

- Но я еще не погиб как ваятель по мрамору, святой отец. Дайте мне возможность снова вернуться к мраморам, и вы увидите, что я самый послушный ваш слуга и работник.

- Я приказываю тебе не ставить мне никаких условий, Буонарроти. Ты сделаешь мою бронзовую статую для церкви Сан Петронио, чтобы болонцы поклонялись ей, когда я уеду в Рим. А теперь иди. Тебе надо сейчас же как следует изучить главный портал церкви. Мы построим там нишу - обширную, насколько хватит места между порталом и окном. Ты должен создать бронзовую фигуру, не стесняя себя размерами, как позволит ниша.

Микеланджело понял, что ему придется идти и работать над этой злополучной бронзой. Иного пути вернуться к мраморам нет. И может быть, это не более тяжкое испытание, чем те семь месяцев, которые он провел без работы, восстав против папы.

Еще до наступления вечерней темноты он снова был в лагере Юлия.

- Какого размера, по твоим расчетам, получится статуя? - спросил папа.

- Если делать фигуру сидящей, то аршинов пять-шесть.

- Дорого ли это обойдется?

- Думаю, что мне удастся отлить статую, израсходовав тысячу дукатов. Но это не мое ремесло, и я не желаю отвечать за результаты.

- Ты будешь отливать ее снова и снова, пока не добьешься успеха, а я отпущу достаточно денег, чтобы ты был счастлив.

- Святой отец, я буду счастлив только в том случае, если моя бронзовая статуя вам понравится и вы позволите мне вновь работать над мраморными колоннами. Обещайте мне это, и я буду вгрызаться в вашу бронзу прямо зубами.

- Первосвященник не вступает в сделки! - закричал Юлий. - Через неделю, начиная с этого часа, ты принесешь мне свои рисунки. Ступай!

Словно раздавленный, он поплелся обратно на Виа ди Меццо ди Сан Мартино и взобрал по лестнице, ведущей в квартиру Клариссы. Кларисса была в шелковом ярко-розовом платье с низким вырезом на груди, с раздутыми рукавами, - талия у нее была перетянута бархатным розовым поясом, волосы в легкой нитяной сетке, усыпанной самоцветами. Она лишь взглянула в его бледное, убитое лицо и поцеловала вмятину на горбинке носа. Микеланджело словно бы очнулся, стряхнув с себя тупое оцепенение.

- Ты сегодня что-нибудь ел? - спросила она.

- Одни унижения.

- Вода на очаге уже закипела. Может, ты вымоешься, - это тебя освежит.
- Спасибо.
- Ты можешь помыться на кухне, а тем временем я приготовлю еду. И потру тебе спину.
- Мне никогда не терли спину.
- Тебе многое никогда не делали.
- И наверное, опять не будут.
- Ты расстроен. Какие-нибудь огорчения с папой?

Он рассказал ей, как папа потребовал отлить свое бронзовое изваяние величиной почти с конную статую Леонардо в Милане и насколько это немислимое дело.

- А много времени тебе надо на рисунки для этой статуи?
- Чтобы лишь потрафить Юлию? Не больше часа...
- Так у тебя свободна целая неделя!

Она наполнила горячей водой длинный овальный ушат, дала Микеланджело кусок пахучего мыла. Он разделся, кинув одежду в кухне прямо на пол, осторожно ступил в горячую воду и со вздохом облегчения вытянул ноги.

- Почему бы нам не пожить эту неделю здесь, вдвоем? - сказала Кларисса.
- Никто не будет знать, где ты находишься, никто не будет тебя тревожить.
- И всю неделю - только любовь и любовь! Невероятно! Ни минуты не думать о глине и бронзе?

- Разве я глина или бронза?

Он схватил ее своими мокрыми, в мыльной пене, руками. Прижимаясь к нему, она опустила на колени.

- Сколько лет я говорил, что женские формы нельзя считать прекрасными для скульптуры. Я ошибался. У тебя самое прекрасное на свете тело.
- Однажды ты сказал, что я высечена без изъяна.
- Из розового крестольского мрамора. Я хороший скульптор, но тут бы мне не осилить.

- Нет, ты осилил меня.

Она засмеялась, и мягкий музыкальный ее смех как бы рассеял в его душе последние следы, дневных унижений.

- Вытрись вот здесь, перед огнем.

Крепко-крепко, до красноты, он растер себе полотенцем все тело. Потом Кларисса закутала его в другое огромное полотенце и усадила за стол, где в клубах пара стояло блюдо тонко нарезанной телятины с горохом.

- Мне надо послать записку Джанфранческо Альдовранди. Он приглашал меня жить в его доме.

На минуту Кларисса окаменела, словно увидев лицом к лицу свое уже забытое прошлое.

- Не надо думать ничего дурного, милая. Он Знает, что я рвался к тебе, - еще десять лет назад.

Она успокоилась, и тело ее, расслабнув, обрело кошачью грацию. Сидя напротив Микеланджело и поставив локти на стол, она обхватила щеки ладонями и в упор смотрела на него. Он ел с волчьим аппетитом. Насытись, он переставил свой стул к камину, на лицо и руки ему пахло живым огнем: Кларисса села на пол и прижалась спиной к его коленям. Он чувствовал ее тело сквозь платье, и это ощущение жгло его безжалостней, чем жар горящих поленьев.

- Ни одна женщина не возбуждала меня, только ты, - сказал он. - Чем это объяснить?

- Любовь не требует объяснения. - Она повернулась и, привстав, обвила его шею своими длинными гибкими руками. - Любовь требует, чтобы ею наслаждались.

- И дивились на нее, - тихо сказал он. И вдруг он расхохотался, словно его взорвало. - Я уверен, у папы и в мыслях не было доставить мне удовольствие, но вот он доставил же... в первый раз.

В последний день отпущенной ему недели, уже под самый вечер, когда его одолевала сладостная усталость и он уже утратил ощущение собственного тела, когда он совершенно забыл о всяких мирских заботах, в этот час он взял рисовальные принадлежности и с удивлением увидел, что у него еле хватает воли провести углем по бумаге. И он вспомнил строки Данте:

...Лежа под периной
Да сидя в мягком, славы не найти.
Кто без нее готов быть взят кончиной,
Такой же в мире оставляет след,
Как в ветре дым и пена над пучиной.

Он напряг свою память, чтобы мысленно увидеть, как папа сидит в своих белых одеяниях в палатах Борджиа. Пальцы Микеланджело начали работать. Несколько часов он рисовал Юлия, придавая ему разные положения, пока не запечатлел ту позу, какую папа принимал в торжественных случаях - левая нога вытянута, правая подогнута и опирается на подставку, одна рука воздета вверх в благословляющем жесте, другая держит какой-то твердый предмет. Ризы будут прикрывать даже ступни ног, так что придется выплавить пять с половиной аршин бронзовых драпировок. Для зрителя останутся только обнаженные кисти рук да часть лица Юлия под тройным венцом.

- А как же с портретом папы? - спрашивала Кларисса. - Святой отец будет огорчен, если не увидит сходства.

- После одежд и драпировок я больше всего не люблю ваять портреты. Но, как говорил мой друг Якопо Галли: "Вслед за вкусной поджаркой будет некая доза кислого соуса".

В назначенный час Микеланджело предстал перед Юлием с рисунками в руках. Папа был в восхищении.

- Ты видишь, Буонарроти, что я прав: ты можешь делать бронзовые статуи.

- Прошу прощения, святой отец, но это не бронза, а уголь. Но я постараюсь справиться и с бронзой, лишь бы мне потом взяться за мраморы в Риме. А теперь, если вы прикажете вашему казначею выдать мне какую-то сумму денег, я закуплю материалы и начну работать.

Юлий повернулся к мессеру Карлино, казначею, и сказал:

- Дайте Буонарроти все, в чем он нуждается.

Мессер Карлино, желтолицый, с тонкими губами мужчина, выдал ему из своего сундука сто дукатов. Микеланджело направил человека за Арджиенто, жившим недалеко от Феррары, и написал новому герольду Синьории Манфиди, запрашивая его, нельзя ли послать в Болонью двух литейщиков по бронзе, Лапо и Лотти, работавших при Соборе, чтобы они помогли отлить ему статую папы. Он предлагал этим литейщикам щедрую плату.

На Виа де Тоски - улице Тосканцев - он снял бывший каретник, каменное помещение с высоким потолком и выщербленным, оранжевого цвета, кирпичным полом. В каретнике был очаг, удобный для варки пищи, рядом раскинулся сад с воротами на задах. Стены каретника, по-видимому, не знали краски уже сотню лет, но в отличие ото всех стен, какие бывали в римских жилищах Микеланджело, оказались сухими и не запачканными подтеками от дождей, проникавших сквозь крышу. Первым делом Микеланджело пошел в лавку, где продавалась подержанная мебель, и купил изготовленную в Прато двуспальную кровать в четыре аршина шириной. По обеим ее сторонам, в ногах, были приделаны низенькие скамеечки, служившие и ящиками. Кроме кровати, Микеланджело привез из лавки небольшой диван с изголовьем, занавеси и полосатый матрац, старый и комковатый, но чистый. Он купил также кухонный стол и несколько некрашенных деревянных стульев.

Приехал из Феррары Арджиенто, объяснив, что весной, когда Микеланджело звал его к себе в Рим, он не мог бросить хозяйство брата. Арджиенто тотчас принялся за дело и наладил при очаге настоящую кухню.

- Что ж, я не прочь взяться и за бронзу, - говорил он, выскребая и промывая сначала стены, а потом и кирпичный пол каретника.

Двумя днями позже приехали Лапо и Лотти: их соблазнила более высокая плата по сравнению с той, к какой они привыкли во Флоренции. Лапо был сорок один год; лицо этого худого, невысокого - куда ниже Микеланджело - флорентинца казалось таким открытым и честным, что Микеланджело поручил ему делать все закупки материалов - воска, холста, глины и кирпича для плавильной печи. Лотти когда-то учился на златокузнеца в мастерской Антонио Поллайоло; худой, как и Лапо, с багровыми щеками, сорокавосемилетний этот человек отличался добросовестным отношением к делу; во Флоренции его числили литейным мастером при артиллерии.

Двуспальная супружеская кровать оказалась истинным благословением;

после того как Лапо заготовил материалы, а Арджиенто, обойдя множество лавок, запасся пищей и приобрел кое-какую утварь для кухни, сто папских дукатов иссякли и всякие закупки пришлось прекратить. Четверо мужчин спали на одной кровати - при ее ширине это было достаточно удобно. Лишь Арджиенто чувствовал себя несчастным и сокрушенно жаловался Микеланджело:

- Тут такая дороговизна! Все лавки забиты папскими придворными да священниками. Оборванца, вроде меня, здесь не хотят и слушать.

- Терпение, Арджиенто. Я скоро пойду к мессеру Карлино и опять получу денег. Тогда ты купишь себе новую рубашку и пострижешься.

- Не стоит, - возражал Арджиенто, лохматый, как брошенная без призора сада. - Цирюльники заламывают тут вдвое.

Мессер Карлино слушал Микеланджело, и глаза его становились все мрачнее.

- Как у большинства мирян, Буонарроти, у вас ошибочное представление о роли папского казначея. Моя цель состоит не в том, чтобы раздавать деньги, а в том, чтобы как можно увертливее отказывать в них.

- Я не напрашивался отливать эту статую, - упрямо твердил Микеланджело. - Вы слышали, как я сказал папе, что самое малое, во что она обойдется, - тысяча дукатов. Святой отец уверил, что даст мне денег. Я не могу оборудовать литейную мастерскую, если у меня не будет средств.

- На что вы потратили выданные вам сто дукатов?

- Это не ваше дело. Папа сказал, что даст мне достаточно денег, чтобы я был счастлив.

- Для этого не хватит никаких денег на свете, - холодно возразил Карлино.

Выйдя из себя, Микеланджело бросил казначею язвительный тосканский эпитет. Карлино вздрогнул и закусил нижнюю губу.

- Если вы не отпустите мне еще сотню дукатов, - настаивал Микеланджело, - я пойду к папе и заявлю ему, что из-за вас я вынужден прекратить работу.

- Дайте мне все расписки и общий счет расходов по первой сотне дукатов, а также примерные наметки того, как вы собираетесь потратить вторую сотню. Я обязан вести папские бухгалтерские книги со всей аккуратностью.

- Вы как собака на сене - и сами его не едите, а другим не даете.

Еле заметная улыбка скользнула от прищуренных глаз казначея к бескровным его губам.

- Мой долг - заставлять людей ненавидеть меня. Тогда они стараются приходиться ко мне как можно реже.

- Будьте уверены, я приду снова.

Лапо успокоил Микеланджело:

- Я хорошо помню, на что я тратил деньги. Я составлю подробный отчет.

Микеланджело прошел сначала на площадь Маджоре, затем вдоль стен храма Сан Петронии выбрался к открытой галерее, по обе стороны которой стояли банкирские дома и здание университета, пересек Борго Саламо и зашагал на юго-восток, к площади Сан Доменико. Войдя в церковь, где после заутрени густыми струями плыл ладан, он остановился у саркофага делль'Арка и с улыбкой оглядел свою старую работу - дородного, деревенского обличья парня с крыльями орла за плечами. Он любовно провел пальцами по изваянию Святого Петрония, старца с умным, отрешенным от мира лицом, державшего в руках модель города Болоньи. Микеланджело захотелось вдохнуть в себя запах чистых, белых кристаллов мрамора, прикинуть к статуе Святого Прокла - юноши в перехваченной поясом тунике, с могучими жилистыми ногами. Но, едва успев потянуться к мрамору, Микеланджело вдруг замер. Статуя была расколота на два куска и грубо, неумело соединена вновь.

Он почувствовал, что кто-то за ним наблюдает, кружится вокруг, - и тотчас увидел этого человека: череп у него, как яйцо, суживался к макушке, рубаха на груди была изорвана, сильные, с буграми мускулов, руки и плечи запачканы оранжевой болонской пылью и глиной.

- Винченцо!

- Рад видеть тебя в Болонье.

- Ты, негодяй, все-таки сдержал свое слово и расколол мой мрамор.

- Когда статуя рухнула, я был в деревне, делал кирпич. Могу доказать это.

- Я вижу, ты все рассчитал.

- Это может повториться. Тут есть злые люди, которые говорят, что они

расплавят твою статую папы, стоит только его солдатам уйти из Эмилии.

Микеланджело побледнел как мел.

- Если я расскажу святому отцу, что ты говоришь, он прикажет четвертовать тебя посреди площади.

- Меня? Да я в Болонье самый преданный ему человек! Я буду стоять перед его статуей на коленях и читать молитвы. Есть другие скульпторы, которые грозятся.

6

Он начал работу, доведенный до белого каления, и в ярости своей хотел было закончить статую, едва за нее взявшись. Лапо и Лотти великолепно знали тайны отливки, давали ему советы, как мастерить каркас для восковой модели и как удобнее одевать эту модель в толстый кожух из глины. Все четверо работали в холодном каретнике - очаг Арджиенто обогревал лишь пространство в радиусе нескольких пядей. Если бы погода была теплой, Микеланджело опять обосновался бы в открытом дворике позади церкви Сан Петронио, где когда-то высекал свои мраморные статуи. Этот дворик будет просто необходим ему, когда Лапо и Лотти начнут класть огромную, дышащую жаром печь для отливки шестиаршинного бронзового изваяния.

Альдовранди направлял к нему натурщиков, суля тем их них, кто окажется похжим на Юлия, особую плату. Микеланджело рисовал от зари до зари, Арджиенто варил пищу, мыл и чистил посуду, Лотти выкладывал небольшую кирпичную печь, чтобы испытать в ней, как плавятся местные металлы, Лапо закупал все необходимое и расплачивался с натурщиками.

Тосканцы говорят, что аппетит приходит во время еды; Микеланджело увидел, что умение приходит во время работы. Хотя лепку в глине - это искусство добавления - истинной скульптурой он не считал, тем не менее он убедился, что сам его характер не позволяет ему исполнять какую-либо работу небрежно и плохо. Сколь ни презирал он бронзу, все же он не мог не стараться, напрягая все свои духовные силы, создать такое изваяние папы, на какое он только был способен. Пусть папа несправедливо, нечестно обращался с ним и в Риме, и здесь, в Болонье, это не значит, что Микеланджело может быть нечестным сам. Он исполнит это гигантское бронзовое изваяние так, что оно возвысит имя и его, Микеланджело, и всего рода Буонарроти. А если оно и не принесет ему обещанного папой счастья или не даст того упоения, которое он испытывал, работая по мрамору, то, что ж, с этим придется примириться. Он был жертвой своей честной натуры, принуждавшей его делать всякую работу как можно лучше, даже в тех случаях, когда он предпочел бы бездействовать.

Единственной его радостью была Кларисса. Хотя Микеланджело часто засиживался в мастерской до темноты и рисовал и лепил при свечах, две-три ночи в неделю он ухитрялся провести с Клариссой. И когда бы он ни пришел к ней, на очаге его ждала еда, которую оставалось лишь разогреть, и была приготовлена корчага горячей воды, чтобы помыться.

- Я вижу, ты не так уж хорошо питаешься, - говорила она, заметив у Микеланджело проступавшие сквозь кожу ребра. - Арджиенто скверно готовит?

- Беда, скорее, в другом. Я трижды ходил за деньгами к папскому казначею, и он трижды гнал меня прочь. Он говорит, что цены, которые указаны у меня в счетах, фальшивые, хотя Лапо записывает каждый потраченный грош...

- А ты не мог бы приходиться ко мне ужинать каждый вечер? Тогда ты наедался бы хорошенько хотя бы раз в сутки.

И, едва сказав это, она расхохоталась.

- Я разговариваю с тобой так, будто я тебе законная жена. У нас, болонцев, есть пословица: "От такого зла, как жена да ветер, не избавишься".

Он крепко обнял ее, поцеловал в теплые, опьяняющие губы.

- Но ведь художники не любят жениться? - все не успокаивалась Кларисса.
- Художник живет там, где ему придется. Но ближе к женитьбе, чем сегодня, я еще не бывал.

Теперь она поцеловала его сама.

- Давай кончим серьезные разговоры. Я хочу, чтобы ты в моем доме чувствовал себя счастливым.

- Ты исполняешь свое обещание верней, чем папа.

- Я люблю тебя. Это облегчает дело.

- Когда папа увидит себя в шестиаршинной бронзе, это, надеюсь, так ему понравится, что он тоже полюбит меня. Только таким путем я смогу вернуться к моим колоннам.

- Неужели они так уж прекрасны, твои колонны?

- "О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими, шея твоя как столп Давидов; два сосца твои, как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями... Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!" Вот, как библейская Суламифь, столь же прекрасны и мои колонны.

Почта из Флоренции шла через перевал Фута с большими перерывами. Микеланджело хотелось узнать, что нового дома, но он читал в письмах почти одно и то же - просьбы прислать денег. Лодовико подыскал земельный участок в Поццолатико: это была доходная земля, но задаток за нее надо было внести немедленно. Если бы Микеланджело мог прислать пятьсот флоринов или хотя бы триста... От Буонаррото и Джовансимоне - оба они работали в шерстяной лавке Строщи близ Красных ворот - изредка тоже приходили письма, и в них всегда говорилось: "Ты обещал нам собственную лавку. Нам надоело трудиться на чужих. Нам хочется зарабатывать много денег..."

Микеланджело бормотал: "Мне тоже хочется", - и, закутавшись в одеяло, писал в своем вымерзшем каретнике, пока три его помощника спали на широченной кровати:

"Как только я вернусь во Флоренцию, я приставлю вас к самостоятельному делу, одних или в компании с кем-нибудь, как вы пожелаете. Я постараюсь достать денег на задаток за земельный участок. Я думаю, что у меня все будет готово к отливке статуи в середине великого поста; так что молитесь господу, чтобы со статуей все обошлось благополучно; ибо если все будет хорошо, то, я надеюсь, у меня сложатся хорошие отношения с папой..."

Часами Микеланджело наблюдал за Юлием, рисуя его в различных позах. Он рисовал папу, когда тот служил мессу, шествовал в процессии, разговаривал с прелатами, кричал в гневе, хохотал во все горло, откликаясь на шутку придворного, ерзал в своем кресле, принимая делегации со всей Европы, пока, наконец, рука Микеланджело сама не знала каждый мускул, каждую кость и сухожилие открытого ризами тела старика. Затем Микеланджело возвращался в свой каретник и закреплял в воске или в глине каждое характерное движение Юлия, каждый его поворот и жест.

- Буонарроти, когда ты покажешь мне свою работу? - спрашивал папа на Рождестве, только что отслужив мессу. - Я не знаю, долго ли я еще останусь здесь со своим двором, мне надо будет возвратиться в Рим. Скажи мне, когда ты изобразишь, и я приду к тебе в мастерскую.

Подхлестнутые таким обещанием, Микеланджело, Лапо, Лотти и Арджиенто трудились дни и ночи - они спешили соорудить деревянный каркас высотой в пять с половиной аршин, затем, медленно, ком за комом, шпатель за шпателем добавляя глину, надо было вылепить модель, по которой отливалась уже бронзовая статуя. Сначала они вылепили обнаженную фигуру папы, сидящего на большом троне, - одна рука воздета вверх, левая нога вытянута, в точности так, как рисовал его на первоначальных набросках Микеланджело. Глядя на возникшее изображение Юлия, он испытывал острое удовольствие: столь крупная глиняная фигура оказалась точной по композиции, по линиям, по массам, по движению. Когда была готова вторая модель статуи, - ее вылепили для него Лотти и Арджиенто, - Микеланджело закутал ее в огромные полотнища холстины. Вспомнив свой римский опыт, когда он возился с тиберским илом, Микеланджело теперь смазывал эти полотнища грязью, принесенной со двора: надо было скомпоновать одеяния папы так, чтобы они не скрадывали яростной энергии его тела.

Поглощенный своим замыслом, он работал как в чаду по двенадцать часов в сутки, после чего падал на кровать и засыпал, вытянувшись между Арджиенто и Лотти. На третьей неделе января он уже мог принять папу.

- Если, ваше святейшество, вы по-прежнему склонны посетить мою мастерскую, модель готова для обозрения.

- Великолепно! Я приду сегодня же после обеда.

- Благодарю вас. И не могли ли бы вы привести с собой вашего казначея? Кажется, он считает, будто я делаю статую из дорогих болонских колбас.

Юлий явился за полдень и действительно привез с собой Карлино. Микеланджело накинул стеганое одеяло на один из лучших своих стульев. Папа сел на него и, не произнося ни слова, сосредоточенно рассматривал свое изображение.

Юлий был явно доволен. Он поднялся, несколько раз обошел модель вокруг, сделав одобрительные замечания о ее точности и верности натуре. Затем он остановился и недоуменно посмотрел на правую руку изваяния, воздетую в высокомерном, почти неистовом движении.

- Буонарроти, эта рука - она хочет благословить или проклясть?

Микеланджело пришлось мгновенно придумать ответ, ибо это был излюбленный жест папы в те часы, когда он сидел на своем троне, правя христианским миром.

- Поднятая правая рука, святой отец, повелевает болонцам проявлять послушание, несмотря на то, что вы находитесь в Риме.

- А левая рука? Что она должна держать?

- Может быть, книгу? - спросил Микеланджело.

- Книгу? - крикнул папа презрительно. - Меч! Вот что она должна держать. Я не книжник. Меч!

Микеланджело усмехнулся.

- А возможно, святой отец будет держать в левой руке ключи от нового храма Святого Петра?

- Великолепно! Мы должны выжать на строительство собора как можно больше денег из каждой церкви, и такой символ - ключи - будет нам в помощь.

Бросив взгляд на Карлино, Микеланджело добавил:

- Мне надо купить семьсот или девятьсот фунтов воска на модель для отливки...

Папа распорядился выдать деньги и вышел из мастерской на улицу, где его ожидала свита. Микеланджело послал Лапо в лавку за воском. Тот возвратился очень быстро.

- Воск стоит девять флоринов и сорок сольди за сотню фунтов, дешевле я не нашел. Надо купить его весь сразу по этой цене - выгодней ничего не подвернется.

- Иди снова в эту лавку и скажи, что, если они уступят сорок сольди, я воск беру.

- Нет, болонцы не из тех, кто уступает. Если они что-то запросят, то уж не сбавят ни гроша.

Какая-то странная нота в голосе Лапо насторожила Микеланджело.

- В таком случае я обожду до завтра.

Улучив минуту, когда Лапо был чем-то занят, Микеланджело тихонько сказал Арджиенто:

- Сходи в эту лавку и узнай, какую цену там запросили.

Вернувшись, Арджиенто сказал Микеланджело на ухо:

- Они просят всего-навсего восемь с половиной флоринов, а если обойтись без посредника, будет еще дешевле.

- Так я и думал. Лапо дурачил меня, а я верил его честному лицу. Карлино был прав. Возьми-ка вот деньги, получи в лавке счет и сиди на месте, жди, когда привезут воск.

Уже затемно осел, впряженный в тележку, подвез к каретнику груз, и возчики перетащили тюки с воском в помещение. Когда возчики уехали, Микеланджело показал Лапо счет.

- Лапо, ты обманывал меня и наживался. Ты наживался буквально на всем, что закупал для меня.

- А почему мне не наживаться? - отвечал Лапо, ничуть не изменившись в лице. - Я получал у тебя слишком мало.

- Мало? За шесть недель я выплатил тебе двадцать семь флоринов - при

Соборе ты таких денег не зарабатывал.

- А ты погляди - какая тут у нас нищета! Даже досыта не наешься.

- Ты ел то же самое, что и мы! - с угрозой сказал Арджиенто, стискивая свои тяжелые кулаки. - Цены на пищу взвинчены вон как, папский двор и приезжие скупают все подряд. Если бы ты поменьше воровал, нам хватало бы денег вдоволь.

- Еды в тавернах здесь за глаза. И вино есть в винных лавках. И женщины на улице борделей. Жить так, как живете вы, я не согласен.

- Тогда езжай обратно во Флоренцию, - оборвал его Микеланджело. - Там ты будешь жить лучше.

- Ты хочешь прогнать меня? Это невозможно. Я всем говорил, что я художник, что я при деле и что мне тут покровительствует папа.

- Иди и скажи всем, что ты лжец и мелкий воришка.

- Я пожалуюсь на тебя в Синьории. Я расскажу во Флоренции, какой ты скряга...

- Будь любезен, возврати семь флоринов, которые я заплатил тебе в качестве задатка на будущее.

- И не подумаю. Я беру эти деньги на дорожные расходы.

И он начал укладывать и связывать свои пожитки. Тут к Микеланджело подошел Лотти и сказал извиняющимся тоном:

- Кажись, мне надо тоже ехать вместе с ним.

- Это почему же, Лотти? Ты в нечестных поступках не замешан. И мы были с тобой друзьями.

- Ты мне очень нравишься, мессер Буонарроти, и я надеюсь поработать с тобой когда-нибудь снова. Но я приехал с Лапо, и я должен с ним уехать.

Вечером в пустом каретнике гулко отдавалось эхо, а Микеланджело и Арджиенто с трудом глотали похлебку, сваренную на четверых. Дождавшись, когда Арджиенто лег в огромную кровать и заснул, Микеланджело пошел к Альдовранди. Там он написал обо всем происшедшем герольду Синьории и Лодовико. Потом он поплелся по пустынным улицам, направляясь к Клариссе. Кларисса спала. Закоченевший от холода, издерганный, еще не уняв внутренней дрожи от дневных разговоров, от гнева, от крушения своих надежд, он скользнул под одеяло и прижался к Клариссе, стараясь согреться. Ни на что иное он был уже не способен. Все еще думая о своих бедах, озабоченный, встревоженный, он лежал недвижно, с широко открытыми глазами. Когда на тебя навалилось столько тревог и несчастий, тут уж не до любви.

7

Он потерял не только Лапо и Лотти, но и Клариссу.

Папа объявил, что к великому посту он возвращается в Рим. Чтобы закончить отделку восковой модели и получить одобрение папы, у Микеланджело оставалось лишь несколько недель. Это означало, что без опытных помощников, без литейщика по бронзе, который отыскался бы в Эмилии, ему надо было работать дни и ночи, забывая о еде, о сне, об отдыхе. В те редкие часы, когда он отрывался от работы и бывал у Клариссы, он уже не мог беспечно болтать с нею, рассказывать о себе и о своих делах. Он ходил к ней только потому, что не мог сдержать свою чувственность, - страсть к ней, как голод, слепо гнала его по улицам к дому Клариссы: ему надо было схватить ее, владеть ею - и тотчас уйти, не тратя лишнего времени. Это были жалкие, случайные минуты, которые работа пока оставляла ему на любовь. Кларисса была грустна, с каждым новым его приходом она, замыкаясь в себе, становилась все скупее на ласки, пока не обнаружила полной холодности - от сладостного пыла их первых встреч теперь ничего не осталось.

Уходя от нее однажды ночью, Микеланджело посмотрел на свои пальцы, обесцвеченные воском.

- Кларисса, мне очень жаль, что все у нас складывается так нехорошо.

Она вскинула руки, потом безнадежно опустила их снова.

- Художники живут где придется... и нигде. А у тебя дом - твоя бронзовая статуя. Бентивольо прислал из Милана грума. С каретой, чтобы забрать меня отсюда...

Спустя несколько дней папа в последний раз посетил мастерскую и одобрил модель - рука изваяния сжимала теперь ключи храма Святого Петра, лицо было одновременно и яростное и милостивое. Юлию понравился такой его образ, он дал Микеланджело свое благословение и наказал, чтобы Антонмария да Линьяно, болонский банкир, по-прежнему оплачивал все расходы Микеланджело.

- Прощай, Буонарроти, мы увидимся в Риме.

В сердце Микеланджело вспыхнула надежда.

- Там мы продолжим работу над гробницей... я хочу сказать, над мраморами?

- Будущее может предсказать один господь бог, - высокомерно ответил на это первосвященник.

Отчаянно нуждаясь в литейщике, Микеланджело вновь написал герольду во Флоренцию, умоляя его послать в Болонью Бернардино, лучшего литейного мастера Тосканы. Герольд отвечал, что Бернардино приехать не может. Микеланджело обследовал всю округу, пока не отыскал пушкаря-француза, согласившегося взяться за работу, построить большую печь и отлить статую. Микеланджело вернулся в Болонью и стал ждать пушкаря. Француз так и не приехал. Микеланджело опять написал герольду. На этот раз мастер Бернардино дал согласие приехать, но требовалась не одна неделя, чтобы он мог завершить свои работы во Флоренции.

Неурочная, преждевременная жара наступила в начале марта, губя весенние всходы. Болонья Жирная превратилась в Болонью Тошую. Вслед за этим пришла чума, скосив сорок семейств за несколько дней. Тот, кто умирал на улице, так и оставался лежать неубранным, никто не осмеливался прикоснуться к трупам. Микеланджело и Арджиенто перенесли свою мастерскую из каретника на двор при церкви Сан Петронио, где хоть чуть-чуть дул ветерок.

Мастер Бернардино приехал в Болонью в разгар жары. Он похвалил восковую модель и быстро сложил посредине двора огромную кирпичную печь. Несколько недель ушло на опыты с огнем: Бернардино испытывал разные способы плавки, потом стал покрывать восковую модель слоями земли, смешанной с золой, конским навозом и даже волосом - толщина кожуха достигала полупяди. Микеланджело не терпелось тотчас же начать отливку и поскорей уехать из Болоньи.

- Нам нельзя спешить, - внушал ему Бернардино. - Один опрометчивый шаг, - и вся наша работа пойдет насмарку.

Да, ему нельзя спешить; но прошло уже более двух лет, как он поступил на службу к папе. Он потерял за это время свой дом, потерял время и не скопил никаких средств, не отложил про черный день ни скудо. Пожалуй, он единственный, кто не извлек из общения с папой никакой выгоды. Он снова перечитал отцовское письмо, доставленное утром: Лодовико представилась новая замечательная возможность вложить капиталы, и он требовал денег. О деталях дела Лодовико писать не осмеливался: детали надо было держать в секрете, чтобы никто не проведал о них и не перебежал дорогу, но ему. Лодовико, были необходимы сейчас же две сотни флоринов, иначе он лишится выгоднейшей сделки и никогда не простит Микеланджело его скупости.

Чувствуя на своих плечах двойное бремя - святого и земного отца, Микеланджело пошел в банк Антонмари да Линьяно. Он выложил перед банкиром все цифры и подробно рассказал ему о двух своих скудных годах, проведенных в услужении у Юлия, пожаловался на острую нужду. Банкир проявил полное понимание дела.

- Папа уполномочил меня давать вам деньги на закупку материалов. Но спокойствие духа тоже очень важно для художника. Считайте, что мы договорились: я выдаю вам сто флоринов в счет ваших будущих расходов, и вы можете послать эти деньги отцу хоть сегодня.

Альдовранди часто наведывался к Микеланджело, посмотреть, как продвигается работа.

- Ваша бронза делает меня богачом, - говорил он, вытирая лоб после осмотра печи, от которой во дворе была жара, как в преисподней.

- Это почему же?

- Болонцы бьются об заклад, что эта статуя чересчур велика и что вам ее не отлить. Ставят большие деньги. А я принимаю заклады.

- Мы отольем статую, - мрачно отвечал Микеланджело. - Я слежу за Бернардино и вижу каждый его шаг. Этот мастер сумеет отлить бронзу и без огня.

Но когда в июне Бернардино и Микеланджело начали наконец литье, произошла какая-то ошибка. До пояса статуя получилась хорошо, но почти половина всего металла осталась в горне. Он не расплавился. Чтобы освободить его, надо было разбирать горн.

Пораженный ужасом Микеланджело кричал на Бернардино:

- В чем дело? Отчего беда?

- Не знаю. Никогда у меня раньше так не бывало. - Бернардино страдал и мучился не меньше Микеланджело. - Был, видимо, какой-то изъян во второй порции меди и олова. Мне так стыдно!

Микеланджело ответил ему охрипшим голосом:

- Ты хороший мастер, и ты вложил в эту работу всю свою душу. Но тот, кто работает, порой ошибается.

- У меня прямо сердце изболелось от такой неудачи. Завтра же утром я начну все снова.

В Болонье, как и во Флоренции или в Риме, была своя система оповещения. В мгновение ока всему городу стало известно, что отлить статую-папы Микеланджело не удалось. Народ толпами собирался у двора, потом проник внутрь, желая увидеть все своими глазами. Среди этих людей был и Винченцо, - он хлопал ладонью по еще теплым кирпичам печи и, злорадствуя, говорил:

- Только болонцы знают, как применять болонский кирпич. Или делать болонские статуи. Убирайся во Флоренцию, ты, сморчок!

Микеланджело в бешенстве метался по двору, скоро в руках у него был железный засов от двери. Но в эту минуту во двор вошел Альдовранди, он коротко приказал Винченцо убираться, а затем выгнал и всю толпу.

- Что, отливка совсем не удалась, Микеланджело?

- Только наполовину. Когда мы заново сложим горн, металл опять потечет в форму. Лишь бы он стал плавиться!

- Вам повезет на этот раз, я уверен.

Когда Бернардино утром вошел во двор, лицо у него было совсем зеленое.

- Что за жестокий город, что за люди! Они считают, что одержали победу, если у нас случилась беда.

- Они не любят флорентинцев, и я вижу, что они не любят и папу. Если мы осрамимся, они убьют двух зайцев одной статуей.

- Я глаз не могу поднять от стыда, когда иду по улице.

- Давай будем жить здесь, во дворе, пока не подготовим новую отливку.

Бернардино работал героически, днями и ночами, - он переделал горн, опробовал канавки к кожуху и к форме, испытал нерасплавившиеся металлы. Наконец, в самый зной, при слепящем ярком июньском солнце он провел новую плавку. И вот на глазах нетерпеливо ждущих Микеланджело и Бернардино расплавленный металл медленно потек из горна к кожуху. Увидев это, Бернардино сказал:

- Вот и все, что от меня требовалось. На заре я выезжаю во Флоренцию.

- Неужто ты не хочешь посмотреть, как получится статуя? И хорошо ли соединятся две ее половины? Потом ты мог бы смеяться в лицо болонцам!

- Я не хочу им мстить, - устало отмахнулся Бернардино. - Мне бы только не смотреть на этот город. Уплати мне, что должен, и я сейчас же уеду.

Так Микеланджело остался в одиночестве и был вынужден сидеть на месте, дожидаясь результатов работы. Он сидел сложа руки почти три недели, хотя вокруг Болоньи свирепствовала засуха и Арджиенто с огромным трудом разыскивал на рынках фрукты и овощи. Наконец наступил день, когда опока остыла достаточно, чтобы можно было ее разбить.

Бернардино сделал свое дело. Две половины статуи соединились без заметного шва. Бронза была красной и шероховатой, но изъянов Микеланджело нигде не обнаружил. "Потрачу несколько недель на отделку и полировку, - думал он, - и тоже пушусь в дорогу".

Но он недооценивал предстоящих трудностей. Шел август, потом наступил сентябрь и октябрь, вода в городе вздорожала так, что стала почти недоступной, а Микеланджело и Арджиенто по-прежнему были прикованы к

проклятой ручной работе. Существа бронзы и ее тайн не знал ни тот, ни другой, опилки и бронзовая пыль забивала им ноздри, у обоих было такое ощущение, что они обречены корпеть над этой громадной статуей до конца своих дней.

В ноябре статуя была все же завершена и отполирована до блестящего темного тона. С тех пор как Микеланджело приехал в Болонью, минул уже целый год. Теперь он пошел к Антонмари да Линьяно – пусть банкир осмотрит работу и, если она ему понравится, освободит Микеланджело. Антонмария был очарован статуей.

- Вы превзошли самые смелые надежды святого отца.

- Я оставляю статую на ваше попечение.

- Это невозможно.

- Почему же?

- Я получил приказ папы – вы должны сами установить статую на фасаде церкви Сан Петронио.

- У нас была договоренность, что я уезжаю, как только закончу статую.

- Надо подчиняться последнему приказу святого отца.

- А приказал ли святой отец мне заплатить?

- Нет. Сказано только, что вы должны установить статую.

Отчего происходили всяческие задержки, в точности никто не знал. Сначала была не подготовлена ниша в стене; затем ее надо было красить; потом наступили рождественские праздники, а за ними Епифаньев день... Арджиенто решил вернуться в деревню к брату. Прощаясь с Микеланджело, он не мог скрыть своего замешательства.

- Художник – как бедняга землелепец; у него на ниве рождаются одни хлопоты.

Микеланджело не убивал время, время убивало его. Он вздыхал и переворачивался с боку на бок, катаясь по широченной своей кровати, его томила жажда работы с мрамором, руки изнывали, требуя молотка и резца, ему то и дело казалось, что он врубается в белый кристаллический камень и что сладкая ядовитая пыль уже запеклась в его ноздрях; чресла его, набухая и пульсируя, тосковали по Клариссе, по ее любви, – два эти жгучие желания непостижимо сливались в одном порыве, одном движении: "Пошел!"

Во второй половине февраля явились рабочие и перевезли укутанную покрывалом статую к церкви Сан Петронио. По всему городу звонили колокола. С помощью ворота статую подняли и установили в нише над порталом работы делла Кверча. На площади Маджоре собрались толпы болонцев, слушая звуки флейт, труб и барабанов. В три часа пополудни – это время астрологи считали благоприятным для Юлия – покрывало со статуи было снято. В толпе раздались веселые крики, потом люди опустились на колени и стали креститься. Вечером на площади был устроен фейерверк.

В своей поношенной, старой рубашке мастерового Микеланджело стоял в дальнем углу площади, и никто не обращал на него внимания. Статуя Юлия, освещенная огнем с треском вспыхивающих ракет, ничуть его не волновала. У него даже не было чувства облегчения. Он был ко всему безразличен и холоден. Долгое и бессмысленное ожидание, нелепая потеря времени опустошили его душу, и теперь, вялый и оцепеневший от усталости, он даже не думал о том, добился ли он, наконец, свободы.

Он бродил по улицам Болоньи всю ночь, едва ли сознавая, где находится. Моросил холодный мелкий дождь. В кошельке у него оставалось ровно четыре с половиной флорина. На рассвете он постучал в дверь дома Альдовранди, чтобы попрощаться с другом. Альдовранди дал ему лошадь, – все было в точности так, как одиннадцать лет назад.

Лишь только он выехал на холмы, дождь припустил во всю силу. Он лил без перерыва до самой Флоренции, копыта коня скользили по сырой земле и, шлепая, разбрызгивали лужи. Дорога казалась бесконечной. Ослабевшие руки Микеланджело уже не чувствовали поводьев, его одолевала страшная усталость, голова начала кружиться... и, потеряв сознание, он свалился с седла, ударившись головой о глинистые комья дороги.

- Мой дорогой Микеланджело, - сказал гонфалоньер Содерини, - мне кажется, что ты вымазан скорей грязью, чем бульоном из каплунов.

И он откинулся в кресле, подставляя лицо под хрупкие лучи раннего марта. Прожив во Флоренции всего несколько дней, Микеланджело уже знал, что у Содерини есть веские причины быть довольным собой: благодаря стараниям его странствующего посланника, блистательного Никколо Макиавелли, которого он в свое время учил государственным делам, как Лоренцо де Медичи учил его самого, - благодаря этому дипломату Флоренция заключила серию дружественных договоров, позволяющих рассчитывать на мир и благоденствие города.

- Все, кто пишет нам из Болоньи и Ватикана, единодушны: папа Юлий от твоей работы в восторге.

- Гонфалоньер, те пять лет, когда я ваял "Давида", "Брюггскую Богоматерь" и тондо, были счастливейшими годами моей жизни. Я жажду лишь одного: ваять по мрамору.

Содерини пригнулся к столу, глаза его поблескивали.

- Синьория знает, как тебя благодарить. Я уполномочен предложить тебе чудесный заказ: высечь гигантского "Геракла" - соперника "Давиду". Если ты поставишь свои фигуры по обе стороны главных ворот дворца Синьории, то такого знатного подъезда к правительственному зданию не будет нигде в мире.

У Микеланджело перехватило дыхание. "Гигант-Геракл"! Воплощение всего самого сильного и самого прекрасного в классической культуре Греции! Великолепный сделал Флоренцию Афинами Запада, - так разве же не кроется тут возможность установить связующее звено между Периклом и Лоренцо? Развить и углубить то, что он пытался наметить, создавая образ Геракла когда-то в юности? Микеланджело дрожал от возбуждения.

- Можно мне снова занять мой дом? Я буду работать в мастерской над "Гераклом".

- Твой дом сейчас сдан, но срок аренды скоро истекает. Я буду брать с тебя за дом плату - восемь флоринов в месяц. Когда ты начнешь ваять "Апостолов", дом снова будет твоим.

Микеланджело опустил на стул, ощутив внезапную слабость.

- Жить в этом доме и рубить мрамор до конца своих дней - это все, о чем я мечтаю. Да услышит мои слова всевышний!

- Как у тебя дела в Риме, что с мраморами для гробницы? - спросил Содерини, и в тоне его звучало беспокойство.

- Я много раз писал Сангалло. Он дал ясно понять папе, что я поеду в Рим только для того, чтобы пересмотреть договор и перевезти мраморы во Флоренцию. Я буду ваять их здесь всех сразу - Моисея, Геракла, Святого Матфея, Пленников...

Микеланджело вдруг почувствовал какую-то надежду и радость, голос его зазвенел. Скользя взглядом поверх горшков с красной геранью, расставленных его женой, Содерини оглядел крыши Флоренции.

- Вмешательство в семейные дела не входит в мои обязанности, но, по-моему, пришло время освободить тебя от власти отца. Пусть отец сходит с тобой к нотариусу и подпишет формальное твое освобождение. До сих пор деньги, которые ты зарабатывал, по закону принадлежали ему. После того как отец подпишет этот документ, никаких прав на твои деньги у него не будет, ими будешь распоряжаться только ты. Ты можешь, конечно, давать ему деньги, как прежде, но это уже будет не по формальному долгу, а как бы в подарок.

Несколько минут Микеланджело сидел молча. Он знал все пороки отца, но любил его; как и Лодовико, он гордился своим родом и тоже желал восстановить, возвысить фамильную честь Буонарроти среди тосканских семейств. Он медленно покачал головой.

- Это не принесет добра, гонфалоньер. Все равно я буду отдавать ему все деньги целиком, если они даже будут моими по закону.

- Я поговорю с нотариусом, - настаивал Содерини. - Ну, а что касается мрамора для "Геракла"...

- Могу я выбрать его в Карраре?

- Я напишу Куккарелло, владельцу каменоломен, что тебе требуется самый крупный и самый безупречный блок, какой когда-либо добывался в Апуанских Альпах.

Вынужденный предстать перед нотариусом мессером Джованни да Ромена, Лодовико впал в отчаяние: ведь по тосканским законам неженатый сын должен подчиняться власти отца, пока тот жив. Когда Микеланджело и Лодовико, повернув от старинной церкви Сан Фиренце к Вин дель Проконсоло, шли домой, в глазах у отца стояли слезы.

- Ты не захочешь оставить нас теперь, Микеланджело, не правда ли? - хныкал он. - Ты обещал купить Буонаррото и Джовансимоне собственную лавку. Нам надо приобрести еще несколько земельных участков, обеспечить доход...

Пять-шесть строк, написанных на бумаге, совершенно изменяли положение Микеланджело в доме отца. Он стал теперь полноправной личностью, его нельзя было ни оскорбить, ни изгнать. Но, глядя уголком глаза на отца, он видел, что в свои шестьдесят четыре года Лодовико за десять минут разговора у нотариуса состарился на целых десять лет - так сильно согнулась его спина, сторбились плечи.

- Я всегда сделаю для семьи все, что только в моих силах, отец. Что у меня было и есть на свете? Работа да семья.

Микеланджело возобновил свои дружеские отношения с Обществом Горшка. Росселли умер, Боттичелли был слишком болен, чтобы ходить на сборища, и потому Общество пополнилось новыми членами - в него были избраны Ридольфо Гирландайо, Себастьяно да Сангалло, Франчабиджо, Якопо Сансовино и весьма одаренный живописец Андреа дель Сарто. Микеланджело был в восторге от Граначчи, который закончил две работы, поглощавшие его целиком в течение нескольких лет, - "Богоматерь с младенцем Святым Иоанном" и "Евангелиста Святого Иоанна на Патмосе".

- Граначчи! Ты отпетый бездельник! Ведь это не картины, а прелесть! Какой чудесный колорит, и фигуры прекрасные. Я всегда говорил, что ты станешь великим художником, если будешь работать, а не лениться.

Граначчи краснел от удовольствия.

- Что ты скажешь, если я предложу тебе сегодня небольшую вечеринку на вилле? Позову все Общество Горшка.

- Как твоя Вермилья?

- Вермилья? Вышла замуж. За чиновника из Пистойи. Потянуло к семейной жизни. Я дал за ней приданое. У меня сейчас новая девушка: волосы рыжей, чем у немки, пухленькая, как куропатка...

Микеланджело узнал, что положение Контессины изменилось к лучшему: ввиду роста популярности и влияния кардинала Джованни в Риме Синьория разрешила семейству Ридольфи переехать из старого крестьянского домика на их виллу, расположенную выше в горах и, конечно, куда более благоустроенную. Снисходя к нужде Ридольфи, кардинал Джованни слал им и вещи и деньги. Контессине позволяли наезжать во Флоренцию, когда она пожелает, хотя мужу ее это было воспрещено. Контессине разрешили бы уехать и в Рим, к брату, но, поскольку Ридольфи все еще считался врагом республики, Синьория была не склонна выпускать его из-под своего надзора.

Она увидела его, когда он, широко и прочно расставив ноги, разглядывал своего "Давида".

- Он еще нравится тебе? Ты в нем не разочаровался?

Он живо обернулся на ее голос и встретил своим взглядом ее пронзающие карие глаза, всегда так легко читавшие его мысли. От прогулки на свежем мартовском воздухе щеки ее разругались; она заметно пополнила; в осанке ее уже было что-то напоминающее матрону.

- Контессина! Как хорошо ты выглядишь. Я рад тебя видеть.

- Как тебе жилось в Болонье?

- Как в Дантовом аду.

- И ни одного светлого впечатления?

Хотя она задала этот вопрос без всякого умысла, Микеланджело покраснел до корней своих курчавых волос, спускавшихся к широкому надбровью.

- Как ее звали?

- Кларисса.

- Почему ты оставил ее?

- Она меня оставила.

- Почему ты не погнался за ней?
- У меня не было кареты.
- Значит, ты познал любовь, хоть какую-то ее долю? - спросила она, напрягаясь.
- Познал в полной мере.
Из глаз ее покатились слезы.
- Прости меня, я завидую тебе, - прошептала она и пошла прочь; когда он, опомнясь, бросился вслед, ее уже не было на площади.

Гонфалоньер Содерини выдал ему в счет будущей работы две сотни флоринов. Микеланджело тут же направился к юному Лоренцо Строрци, которого он знал еще с той поры, когда его семейство приобрело статую Геракла. Лоренцо Стронци был женат на Лукреции Ручеллаи, дочери сестры Великолепного, Наннины, и родственника Микеланджело по матери, Бернардо Ручеллаи. Микеланджело спросил Строрци, может ли он от имени своих братьев Буонаррото и Джовансимоне вложить в дело скромную сумму с тем, чтобы братья наконец стали получать в лавке свою часть прибыли.

- Если это соглашение, мессер Строрци, оправдает себя, я буду копить от своих заработков деньги и внесу новый вклад, и тогда моим братьям будет причитаться еще больше.

- Для нашего семейства это вполне приемлемо, Буонарроти. И если вы захотите, чтобы ваши братья открыли свою собственную лавку, мы в любое время будем снабжать их шерстью с наших станков в Прато.

Микеланджело заглянул во двор при Соборе - там его сердечно встретили и Бэппе и каменотесы, один только Лапо отворачивался и не хотел разговаривать.

- Желаете, я тебе еще раз построю мастерскую? - спрашивал, осклабив свой беззубый рот, Бэппе.

- Пока не требуется, Бэппе. Вот когда я съезжу в Каррару и привезу блок для "Геракла", тогда посмотрим. А сейчас не мог бы ты помочь мне перевезти "Святого Матфея"? Если тебе только с руки...

Он облюбовал и стал ваять Святого Матфея, потому что Матфей написал первое из Евангелий Нового завета и потому что он мирно кончил свои дни, избежав насильственной смерти. Делая первые наброски "Матфея", Микеланджело представил его сосредоточенно-спокойным созерцателем, ученым - в одной руке он держал книгу, а другой подпирал подбородок. И хотя Микеланджело уже взломал, врубился во фронтальную стенку блока, неясность замысла удерживала его от дальнейшей работы. И только теперь он понял, в чем заключалась неясность: он не чувствовал подлинного, исторического Матфея. Евангелие Матфея, по сути, не было первым, ибо многое Матфей заимствовал у Марка, считалось, что Матфей был близок к Христу, но Евангелие его было написано лишь через пятьдесят - семьдесят лет после Христовой смерти...

Микеланджело пошел поделиться своими сомнениями к настоятелю Бикьеллини. Глубокие голубые глаза настоятеля за увеличительными линзами очков казались крупнее, чем прежде, но лицо его, подсушенное годами, уменьшилось.

- Все, что мы знаем о Святом Матфее, - все спорно, - говорил настоятель в тишине своей библиотеки. - Был ли он из рода левитов, служа мытарем, сборщиком податей, у Ирода Антипы? Может быть, да, а может, и нет. Единственную ссылку на Матфея, не считая Нового завета, мы находим в греческой рукописи, да и эта ссылка ошибочная. В ней говорится, будто Матфей составил Пророчества и при этом пользовался древнееврейским языком. Но Пророчества были написаны по-гречески и предназначались для евреев, говоривших на греческом языке, чтобы показать им, что Христос не однажды был предсказан в Ветхом завете.

- Что же мне делать, отец?

- Ты должен создать своего собственного "Матфея", как создал своего "Давида" и свое "Оплакивание". Решительно отходи от книг, мудрость заложена в тебе самом. Какой бы "Матфей" ни возник у тебя - он и окажется истинным.

Микеланджело, смеясь, качал головой:

- Отец, ваши слова звучат очень лестно, - никто еще так не верил в

меня, как вы.

И Микеланджело начал все снова, стараясь представить себе и воссоздать такого Матфея, который бы символизировал человека в его мучительных поисках бога. Нельзя ли изваять Матфея в спиралеобразном движении вверх, словно бы он пытался вырваться из мраморной глыбы, как вырывается человек из каменных недр многобожия, сковывавших его по рукам и ногам? И вот уже Микеланджело видит, как колено левой ноги Матфея с силой пропарывает камень, будто освобождая от тяжелой рясы весь торс, руки святого прижаты к бокам, голова судорожно, мучительно повернута в сторону – Матфей ищет пути к спасению.

Теперь Микеланджело снова рубил и резал мрамор, ощущая свою власть, свое мастерство, – со свирепой радостью устремлял он резец, пробивая камень, как молния пробивает плотный слой облаков. Он весь горел, будто охваченный жаром горна, в котором закалял свои орудия; белый мрамор и телесная плоть Матфея были для него уже неразличимы, усилием своей собственной волн Матфей выдирался, ломился из блока в жажде обрести душу и вознестись с нею к богу. Разве каждый человек, отрываясь от материнского чрева, не жаждет обрести бессмертие?

Желая настроиться на более лирический лад, Микеланджело вернулся к "Богородице" Таддеи и не спеша обтачивал круглую раму, безмятежно ясное лицо Марии, шероховато-пористую поверхность тела маленького Иисуса, раскинувшегося на материнских коленях.

В это время пришло известие от папы Юлия: чтобы собрать денег для строительства нового храма Святого Петра, Флоренция должна отметить торжественный юбилей – праздник Грехопадения и Искупления.

– Я назначен на празднество главным художником, буду украшать все, что потребуется, – радостно объявил Граначчи.

– Уже не хочешь ли ты, написав такие картины, снова заняться декорациями? Это было бы пустой тратой твоего таланта, Граначчи. Не делай этого.

– У моего таланта в запасе еще уйма времени, – отвечал Граначчи. – Мужчине не мешает немного позабавиться.

Всеобщее празднество, целью которого был сбор денег на предприятие Браманте, не могло забавлять Микеланджело. Торжества были отнесены на апрель. Он дал себе слово убежать из города и провести несколько дней у Тополино. Но папа вновь вмешался в его жизнь.

– Мы только что получили послание Юлия, – сказал ему Содерини. – Посмотри, вот печать с изображением Святого Петра в образе Рыбаря. Папа просит тебя ехать в Рим. У него для тебя хорошие новости.

– Это означает лишь одно – папа хочет дать мне возможность работать над мраморами.

– Ты поедешь?

– Завтра же. Сангалло пишет, что привезенные со вторым рейсом барок мраморы валяются на площади Святого Петра без присмотра. Я должен спасти их.

9

У Микеланджело чуть не вылезли из орбит глаза, когда он увидел, что его мраморы свалены в кучу, как дрова, и обесцвечены дождями и пылью. Джулиано да Сангалло схватил его за руку:

– Святой отец ожидает тебя.

Они прошли по малому тронному залу папского дворца, наполненному ждущими приема просителями. В большом тронном зале Микеланджело сделал шаг по направлению к трону, поклонился кардиналу Джованни де Медичи, сухо кивнул кардиналу Риарио. Увидев его, папа Юлий оборвал беседу со своим племянником Франческо, префектом Рима, и церемониймейстером Пари де Грасси. На Юлии была белая полотняная сутана и доходившая до колен, в

мелких сборках, туника с узкими, облегающими рукавами, плечи его покрывала, спускаясь до локтей, алая бархатная пелерина, отороченная горностаем, горностаевая оторочка украшала и его алую бархатную шапочку.

- А, Буонарроти, вот ты и снова у нас. Ты доволен статуей в Болонье, не правда ли?

- Она делает нам честь.

- Вот видишь! - торжествующе воскликнул Юлий, выбрасывая свои руки в широком энергическом жесте, словно бы заключая в них весь зал. - А ты не верил в себя. Когда я обратился к тебе с этим великолепным предложением, помнишь, как ты кричал: "Это не мое ремесло!" - Подражая Микеланджело, папа произнес эти слова чуть хрипло, и, оценив его расчет, придворные расхохотались. - Теперь тебе понятно, что бронза - это тоже твое ремесло, раз ты сделал такую прекрасную статую.

- Вы очень великодушны, святой отец, - пробормотал Микеланджело, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу: мысли его все еще были заняты грудой запачканных мраморов, которая лежала в нескольких сотнях саженей от этого трона.

- Я буду великодушен и впредь, - с той же горячностью продолжал папа. - Я хочу поставить тебя превыше всех живописцев Италии.

- ...живописцев?

- Да. Я нахожу, что ты - лучший мастер для того, чтобы закончить работу, начатую твоими земляками Боттичелли, Гирландайо, Росселли, - ведь я их сам нанимал расписывать фриз Сикстинской капеллы. Я поручаю тебе завершить их работу - расписать в капелле моего дяди Сикста плафон.

Среди придворных раздались негромкие аплодисменты. Микеланджело замер, пораженный. К горлу его подкатила тошнота. Разве он не просил Сангалло разъяснить папе, что он согласился приехать в Рим лишь для того, чтобы ваять скульптуры для гробницы? И он вскрикнул, не сдерживая возмущения:

- Я скульптор, а не живописец!

Юлий в отчаянии покачал головой.

- Сколько же надо хлопот, чтобы уломать тебя! Даже покорение Перуджии и Болоньи далось мне легче.

- Я - не папское государство, святой отец. Зачем вам тратить драгоценное время, покоряя меня?

В зале все смолкли. Вздернув бороду и в упор посмотрев на Микеланджело, папа ледяным тоном произнес:

- Скажи мне, где ты получил религиозное воспитание, если ты осмеливаешься ставить под вопрос суждение своего первосвященника?

- Ваше святейшество, как сказал вам один прелат в Болонье, я всего лишь невежественный художник, лишенный приличных манер.

- Тогда тебе лучше высекать свои шедевры в темнице замка Святого Ангела.

Стоило Юлию только взмахнуть рукой, и Микеланджело оказался бы в застенке и гнил там многие годы. Он скрипнул зубами.

- Это принесет вам мало чести, святой отец. Моя специальность - мрамор. Позвольте же мне ваять Моисея, Победителей, Пленников. Множество людей будут смотреть на эти статуи и благодарить ваше святейшество за то, что вы дали возможность создать их.

- Иными словами, - фыркнул папа, - я буду обязан твоим статуям тем, что войду в историю.

- Они будут способствовать этому, святой отец.

Теперь стало слышно даже дыхание тех, кто стоял вокруг трона.

- Вы только посмотрите, - повернулся папа к кардиналам. - Я, Юлий Второй, возвративший церкви давно утраченные папские земли, добившийся покоя и порядка в Италии, покончивший со всеми скандальными историями Борджиа, я, издавший указ, который уничтожает симонию, тем возвышая авторитет Священной коллегии, я, насадивший новую архитектуру в Риме... я нуждаюсь в Микеланджело Буонарроти, чтобы утвердить свое место в истории!

Лоб и щеки Сангалло стали бледными, как у мертвеца. Кардинал Джованни посматривал в окно, делая вид, будто все, что происходит в зале, его не касается. Желая чуть остынуть, папа расстегнул воротник пелерины, вдохнул побольше воздуха и заговорил снова:

- Буонарроти, мои флорентийские осведомители пишут, что твой картон для фрески в Синьории - это "образец для художников всего мира"...

- Ваше святейшество, - прервал его Микеланджело, кляня свою зависть к Леонардо, толкнувшую его взяться за живопись, - то была совершенно случайная работа, ее мне уже больше не повторить. Синьории требовалось украсить Большой зал еще одной фреской, на другой половине стены, которая пустовала... Я тогда просто хотел как бы отвлечься от своего обычного дела.

- Чудесно. Отвлекись же от него на этот раз ради Систиины. Или мы должны понять тебя так, что расписывать стену в зале флорентийской Синьории ты готов, а расписать плафон в папской капелле отнюдь не желаешь?

Тишина в тронном зале делалась жуткой. Стоявший подле папы вооруженный страж сказал:

- Ваше святейшество, произнесите только слово - и мы повесим этого самонадеянного флорентинца на Торре ди Нона.

Папа пронзительно смотрел на Микеланджело, который стоял перед ним, не скрывая вызова, но и не защищаясь. Глаза их встретились - взор был непоколебим у того и другого. И вдруг смутная, еле заметная тень улыбки пробежала по лицу первосвященника, янтарными искорками отозвалась в глазах Микеланджело и чуть дернув его губы.

- Этого самонадеянного, как ты его называешь, флорентинца, - сказал папа, - Якопо Галли еще десять лет назад считал лучшим мастером скульптуры в Италии. Таков он и теперь. Если бы я хотел, чтобы его расклевало воронье, я мог бы позаботиться об этом раньше.

Он снова повернулся к Микеланджело и сказал ему тоном рассерженного, но любящего отца:

- Буонарроти, ты напишешь на плафоне Сикстинской капеллы Двенадцать Апостолов и украсишь свод обычным орнаментом. Мы заплатим тебе за это три тысячи больших золотых дукатов. Мы будем рады также оплатить расходы и обеспечить заработком любых пятерых помощников, каких ты изберешь. Мы даем тебе слово первосвященника, что, когда свод Сикстинской капеллы будет расписан, ты вернешься к ваянию мраморов. Сын мой, ты свободен.

Что мог сказать в ответ на это Микеланджело? Он был объявлен лучшим художником Италии, ему обещали, что он возобновит работу над гробницей. Куда ему было бежать? Во Флоренцию? Чтобы гонфалоньер Содерини кричал ему там: "Мы не можем ввязываться в войну с Ватиканом по твоей милости!" В Испанию, в Португалию, в Германию, в Англию?.. Власть папы достигнет его всюду. Спору нет, Юлий требует многого, но более ограниченный первосвященник уже давно мог бы отлучить его от церкви. А что выиграл бы он, Микеланджело, если бы он отказался поехать сюда, в Рим? Он уже пытался сделать это однажды, просидев целых семь месяцев во Флоренции. Теперь ему не оставалось ничего иного, как покориться.

Он преклонил колена, поцеловал у папы перстень.

- Все будет так, как того желает святой отец.

Потом он стоял у главного входа Сикстинской капеллы - горькое смятение и укоры совести, как шипы, жгли его разум и душу. За спиной Микеланджело робко жался бледный, осунувшийся Сангалло: вид у него был такой несчастный, словно его выпороли.

- Все это случилось из-за меня. Я уговорил папу строить торжественную гробницу, я посоветовал ему вызвать тебя для работы над статуями. И все принесло тебе одно только горе...

- Ты желал мне добра.

- Я не мог направлять каждый шаг папы, упаси боже! Но догадаться, кто такой Браманте, и понять его получше я был обязан. Надо было бороться и против его чар, и против его... таланта. А мы смотрели на его происки сквозь пальцы, и вот я теперь уже не архитектор, а ты не скульптор.

И Сангалло заплакал. Микеланджело заботливо провел его в притвор капеллы, обняв за вздрагивающие плечи.

- Терпение, саго, терпение. Мы еще пробьем себе дорогу и своим трудом одолеем все препятствия.

- Ты молод, Микеланджело, у тебя есть в запасе время. А я стар. И тебе даже не понять, какая стена ненависти встает тут против меня. Я вызвался построить для тебя в капелле леса, так как я работал в капелле и хорошо ее знаю. Так даже в этом мне отказали. Юлий уже столкнулся с Браманте, чтобы леса строил он... Все, о чем я теперь мечтаю, - это вернуться домой во Флоренцию и пожить в покое, а потом уже можно и умереть.

- Давай-ка будем говорить не о том как умереть, а о том, как нам оборотить это архитектурное чудовище, - и жестом, в котором сквозило отчаяние, Микеланджело поднял вверх обе руки, как бы охватывая ими капеллу. - Расскажи мне поподробнее об этом... сооружении. Почему его построили таким образом?

Сангалло ответил, что в своем первоначальном виде здание напоминало скорее крепость, чем капеллу. Папа Сикст намеревался использовать его в случае войны для обороны Ватикана, и кровля здания была увенчана зубчатой стенкой, из-за которой солдаты могли бы стрелять из пушек и швырять камни в нападающих. Когда соседняя башня Святого Ангела была превращена в крепость и переходами по высоким стенам соединена с папским дворцом, Юлий приказал Сангалло приподнять кровлю Сисдины и закрыть зубчатую стенку. Предназначенная для солдат площадка над сводом, который обязал был расписать Микеланджело, теперь стала не нужна.

Яркий солнечный свет лился в капеллу из трех высоких окон, освещая на противоположной стене прославленные фрески Боттичелли и Росселли; пучки резких лучей падали на разноцветный мраморный пол. Боковые стены капеллы, длиной в девятнадцать сажен, были разделены на три яруса и поднимались на высоту почти десяти сажен, к коробовому своду: самый нижний ярус был затянут шпалерами, по второму, или среднему, ярусу шел фриз, составленный из фресок. Над фресками вдоль стены тянулся, выступая вершков на четырнадцать, кирпичный карниз. И в самом высоком, третьем ярусе были размещены окна; между окнами темнели портреты пап.

Глубоко вздохнув, Микеланджело вытянул, как журавль, шею и поглядел вверх, на потолок: это выкрашенное в светло-голубой цвет и усеянное золотыми звездами огромное поле, находившееся на высоте девяти сажен, надо было заполнить орнаментальными украшениями. От верха стены, сливаясь со сводом и переходя в него, поднимались широкие падуги, разделенные пилястрами, опирающимися на третий ярус стены. Эти широкие падуги - их было по пяти на обеих продольных стенах и еще по одной на торцовых - составляли то пространство, на котором Микеланджело должен был написать Двенадцать Апостолов; над каждым окном был полукруглый люнет, обведенный сепией; над люнетами шли треугольные распалубки, тоже выкрашенные сепией.

Мотивы, по которым действовал папа, навязывая Микеланджело этот заказ, стали до ужаса ясными. Дело было не в том, чтобы написать на плафоне великолепные картины, которые дополнили бы уже имеющиеся в капелле фрески, а скорее в том, чтобы замаскировать конструктивные опоры, так неуклюже и грубо соединявшие третий ярус стены с коробовым сводом. Папа приказал Микеланджело написать Апостолов, и эти изображения замышлялись лишь ради того, чтобы они притягивали взор находившихся в капелле людей и тем отвлекали внимание от несуразных архитектурных форм. Как художник Микеланджело делался теперь не просто декоратором, но и маляром, замазывающим чужие огрехи.

10

Он вернулся в дом Сангалло и потратил остаток дня на письма: написал Арджиенто, убеждая его поспешить в Рим, Граначчи, уговаривая и его приехать в Рим и устроить тут настоящую боттегу, семейству Тополино, запрашивая их, не знают ли они каменотеса, который захотел бы поехать в Рим и помог ему в первоначальной обработке мраморных колонн. Утром от папы явился грум и передал приказ, что тот дом, где два года назад Микеланджело оставил свои мраморы, вновь будет его жилищем. Микеланджело пошел к Гуффатти и условился с ними, чтобы они перевезли в этот дом и мраморы с площади Святого Петра. Оказалось, что несколько самых малых блоков были уже похищены.

Он искал и не мог найти Козимо, плотника; соседи считали, что он умер в больнице Санто Спирито; однако в тот же вечер к Микеланджело явился

веснушчатый Пьеро Росселли и, пошатываясь, вташил какие-то узлы и свертки; скоро он уже готовил свою ливорнскую солянку. Пока она жарилась в остром соусе, Микеланджело и Росселли осмотрели дом, пустовавший с тех самых пор, как Микеланджело в спешке покинул его два года назад. Кухня, сложенная из кирпича, была некрашеная, маленькая, но достаточно удобная, чтобы в ней готовить пищу и есть. Комната, когда-то предназначавшийся для гостиной, вполне могла служить мастерской. На крытой веранде при старании можно было поместить мраморы; в двух остальных комнатах, также сложенных из некрашеного кирпича, могла бы спать вся боттега.

В мае Микеланджело подписал договор на Сикстинскую капеллу и получил из папской казны пятьсот больших золотых дукатов. Прежде всего он заплатил давно просроченный долг Бальдуччи, потом опять пошел к торговцу старой мебелью в Трастевере и купил там разной утвари, поразительно напоминавшем ту, что Бальдуччи сбыв этому торговцу восемь лет назад. Затем он нанял римского мальчишку-подростка, для работы по дому. Мальчик обсчитал его, явившись с покупками с рынка, и Микеланджело пришлось тотчас же с ним расстаться. Появился второй мальчик, но, прежде чем Микеланджело успел накрыть его, тот ухитрился выкрасть несколько дукатов прямо из его кошелька.

В конце недели приехал Граначчи. Еще на улице к нему пристал цирюльник и подрезал его длинные белокурые волосы. На площади Нозона Граначчи разыскал лавку модного мужского платья и пришел к Микеланджело в новых рейтузах и рубашке, в коротком, до колен, обшитом золотыми галунами плаще - на голове у него красовалась надетая набекрень маленькая гофрированная шапочка.

- Как я счастлив, что ты приехал! - торжествовал Микеланджело. - За всю жизнь никого не ждал с таким нетерпением. Нам вместе надо решить, кого мы пригласим в помощники.

- К чему такая спешка! - отговаривался Граначчи, и его светло-голубые глаза прыгали от возбуждения. - Ведь я в первый раз в Риме! Мне надо тут оглядеться, кое-что повидать.

- Завтра я поведу тебя в Колизей, покажу термы Каракаллы, Капитолийский холм.

- Всему свой черед. А сегодня мне хочется побывать в шикарных тавернах, о которых я столько слышал.

- Я их почти не знаю. Ведь я бедный мастерской. Надо расспросить о них Бальдуччи, если ты подходишь к этому делу так серьезно.

- Я всегда серьезен, когда речь идет об удовольствиях.

Микеланджело пододвинул к кухонному столу два стула.

- Мне хочется собрать всех художников, которые работали у Гирландайо, - Буджардини, Тедеско, Чьеко, Бальдинелли, Якопо.

- Буджардини приедет, можешь не сомневаться. Тедеско тоже приедет, хотя я не уверен, что он хоть на шаг продвинулся в своих познаниях живописи с тех пор, как ушел от Гирландайо. Якопо поедет куда угодно, лишь бы ему платили деньги. А если говорить о Чьеко и Бальдинелли, так я даже не знаю, занимаются ли они теперь искусством.

- Кого же еще можно позвать?

- В первую очередь Себастьяно да Сангалло. Он считает себя твоим последователем, каждый день рисует с твоих "Купальщиков", разъясняя твою работу молодым художникам. А пятого человека я должен поискать. Это не просто - собрать вместе сразу пятерых художников, которые были бы свободны.

- Я тебе дам, если ты не возражаешь, список красок, которые надо заказать во Флоренции. В Риме краски никуда не годятся.

Граначчи хитро посмотрел на своего друга.

- Сдается мне, что ты не находишь в Риме ничего хорошего.

- Да разве может флорентинцу что-нибудь понравиться в Риме?

- Мне, наверное, что-то все-таки понравится. Я слышал об изысканных и красивых куртизанках, имеющих тут очаровательные виллы. Раз я должен жить в Риме и помогать тебе штукатурировать твой плафон, мне надо найти здесь хорошую любовницу.

Микеланджело получил письмо с известием, что скончался дядя Франческо. Тетя Кассандра, прожив в семье Буонарроти сорок лет, возвратилась в родительский свой дом и возбудила судебное дело против Буонарроти, чтобы

заставить их вернуть ей ее приданое и заплатить долги Франческо. Хотя настоящей дружбы между Микеланджело и дядей Франческо никогда не было, чувство кровного родства говорило в нем очень сильно. Его печалила мысль, что ушел из жизни второй по старшинству в семье Буонарроти. И помимо того на Микеланджело ложилась новая забота: отец явно хотел, чтобы Микеланджело занимался судебным делом с Кассандрой, нанимал нотариуса, следил за процессом...

На следующий день он собрал все свое мужество и опять пошел в Систину. Там уже действовал Браманте, распоряжаясь артелью плотников, которые подвешивали под потолком на веревках деревянную платформу. Они просверлили в бетонном своде сорок отверстий, вставили в них трубки и пропускали через них веревки, сходящиеся воедино вверху, на военной площадке.

- Вот подмости, на которых ты будешь толочься до конца жизни.

- Считаю так, Браманте, если тебе угодно, но пройдет несколько месяцев - и, увидишь, все будет кончено.

Браманте закашлялся, будто в горло ему попала муха. Ведь без его, Браманте, совета папа едва ли взвалил бы эту работу на флорентинца. Хмуря брови, Микеланджело осмотрел уже сколоченную платформу.

- А что ты намерен делать с дырами в потолке, когда вынешь оттуда трубки?

- Дыры замажем.

- И как же ты считаешь снова подобраться к потолку и залатать дыры, когда платформа будет внизу?.. Взлетишь, сидя верхом на орле?

- ...я не подумал об этом.

- Так же как и о том, что я буду делать с сорока отвратительными заплатками из бетона в середине плафона, когда мне придется заканчивать живопись. Позволь мне обсудить все это с первосвященником.

Папа в тот час диктовал своим секретарям несколько писем одновременно. В ясных и коротких выражениях Микеланджело объяснил, что его беспокоит.

- Понимаю, - сказал Юлий. И, с озадаченным выражением лица, он повернулся к Браманте. - Так как же ты рассчитывал поступить с этими дырами?

- Просто оставить их, как мы оставляем отверстия в стенах зданий, когда убираем подпорки, на которых держатся леса. Ничего другого тут не придумаешь.

- Это правда, Буонарроти?

- Конечно же нет, святой отец. Я придумаю такие леса, которые не будут даже прикасаться к потолку. Тогда роспись останется непопорченной.

- Я верю тебе. Разбери платформу, которую построил Браманте, и возводи свои леса. Камерарий, ты оплатишь все расходы по новым лесам Буонарроти.

Уже распрощавшись, Микеланджело обернулся и увидел, как Браманте, скривись, покусывал губы.

Он приказал плотникам разобрать готовую платформу. Когда все плахи и веревки лежали на полу, сутулый Моттино, старшина артели, спросил:

- Эти доски мы пустим на новые леса?

- Да, пустим. Но веревки мне не нужны. Ты можешь взять их себе.

- Веревки - вещь дорогая. Вы можете продать их за большие деньги.

- Веревки твои.

Моттино сильно взволновался.

- Ведь выходит, что у меня будут деньги на приданое дочери. Теперь она может выйти замуж. В Риме говорят, что с вами трудно иметь дело, мессер Буонарроти. Теперь я вижу, что это неправда. Да будет с вами благословение божье!

- Именно в этом я и нуждаюсь, Моттино. В божьем благословении. А ты завтра будь снова здесь.

Всю ночь он обдумывал, как строить леса, и убедился, что лучшая мастерская - это его собственная голова. Таких подмостков, какие он обещал папе построить, он нигде и никогда не видел, и их надо было изобрести. Резной преградой работы Мино да Фьезоле Сикстинская капелла делилась на две части. Одна из них - ее Микеланджело должен был расписывать первой - предназначалась для мирян, другая, большая, называемая пресбитериумом, отводилась кардиналам. За ней шел уже алтарь и трон папы. Примыкающая к трону стена была украшена фреской "Успение Богородицы" работы Перуджино, бывшего врага Микеланджело. На редкость прочные боковые стены капеллы

способны были выдержать какое угодно давление. Если он построит помост из досок, крепко упертых в стены, так, чтобы эти доски давали выгиб, то чем больший вес будет давить на них, тем больший распор примут на себя стены и тем надежнее окажется весь его помост. Задача состояла в том, чтобы упереть концы досок в стены как можно прочнее, поскольку выбивать углубления в стенах было невозможно. И тут Микеланджело вспомнил выступающий над стенами карниз: если он и не выдержит веса всех лесов и находящихся на них людей, то упор для досок он даст вполне достаточный.

- Что же, может, так именно оно и выйдет, - отозвался на этот проект Пьеро Росселли, которому не раз приходилось строить для себя леса. Он указывал Моттино, как крепить доски и настилать помост. Вместе с Микеланджело он испытывал его прочность, вызывая плотников одного за другим наверх. Чем больше был груз, тем крепче становились подмости. Микеланджело и Росселли торжествовали. Хотя это была и очень скромная победа, она все же придавала им сил, чтобы взяться за постылый, но неизбежный, тяжелый труд.

Арджиенто писал, что ему нельзя покинуть брата, тюка не будет убран урожай. Не смог созвать художников в Рим и Граначчи, сколько писем он ни рассылал.

- Придется мне ехать во Флоренцию самому и помочь кому надо завершить начатые работы. На это уйдет, может, месяца два, зато я обещаю тебе привезти сюда всех, кого ты желаешь.

- А я буду тем временем готовить рисунки. Когда ты возвратишься, можно будет приняться за картоны.

Надвигалось тяжкое лето. От болот ползли ядовитые испарения. Людям было трудно дышать. Половина жителей города болела - у одного ломило голову, у другого колело в груди. Росселли, единственный теперь товарищ Микеланджело, в эти душные дни удрал в горы. Лазая по подмосткам то вверх, то вниз, Микеланджело жестоко страдал: его руки жаждали молотка и резца, но, преодолевая гнетущую духоту, ему приходилось делать по масштабу рисунки к тем двенадцати падугам плафона, на которых было намечено писать Апостолов, вырезать из бумаги формы люнетов и распалубок, предназначенных к росписи обычным, как выражался папа, орнаментом. Уже с утра от свода Систины шел жар, будто от печи, и Микеланджело жадно хватал ртом воздух. В самые знойные послеобеденные часы он, словно опьяненный каким-то зельем, ложился спать, а ночью, забравшись в сад, работал: надо было обдумать, какой пристойной росписью покрыть почти сто двадцать три квадратных сажени потолка с золотыми звездами, штукатурку которого предстояло сбить и заменить свежей.

Была жара, было удушье и одиночество - какое-то разнообразие в жизнь внес только приезд сеттиньянского каменотеса Мики: Лодовико разыскал его во Флоренции и направил к Микеланджело, тем более что Мики давно мечтал побывать в Риме. Мики было под пятьдесят; рябой, неуклюжий и жилистый, весь в шишках, он был скуп на слова и говорил, как истый каменотес, отрывисто, укорачивая фразы. Мики умел готовить несколько самых простых сеттиньянских кушаний, а до его приезда Микеланджело неделями жил на одном хлебе и легком вине.

В сентябре приехал Граначчи и привез с собой всю боттегу. Глядя на бывших учеников Гирландайо, Микеланджело изумился: так сильно они постарели. Несмотря на то что Якопо по-прежнему был тонок и строен, от его темных, под цвет живых карих глаз, волос мало что осталось, а морщины вокруг рта при смехе обозначались глубоко и жестко; Тедеско, из щегольства запустивший густую бороду, еще более рыжую, чем его шевелюра, погрузнел и приобрел противные повадки, служившие постоянной мишенью для острот и шуток Якопо. Все еще круглолицый, как луна, с круглыми же глазами, Буджардини не мог скрыть на макушке небольшой лысины, напоминавшей тонзуру. Себастьяно да Сангалло, новый член артели, держался с еще большей глубокомысленностью и важностью, чем в ту пору, когда Микеланджело видел его в последний раз, за что художники звали его теперь Аристотелем. В честь своего дяди Джулиано он носил пышные восточные усы. Доннино, единственного из приехавших, с кем Микеланджело был незнаком, Граначчи рекомендовал как "хорошего рисовальщика, лучшего из всей компании". Ему было сорок два года, во внешности его проглядывало что-то ястребиное: тонкий, резко очерченный нос, узкое длинное лицо, узкие, точно щели, глаза

и такие же губы.

Как только Граначчи убедился, что его любовница, которую он содержал все лето, еще помнит и ждет его, боттега устроила вечеринку. В Тосканской трактирии Граначчи заказал белого вина фраскати – оно было в больших флягах – и дюжину лотков с закусками. Приложившись раза три к фляге с вином, Якопо стал рассказывать историю о том, как некий молодой флорентинец ходил каждый вечер в Баптистерий и громко взывал к Святому Иоанну, моля его поведать ему о поведении своей жены и будущей судьбе маленького сына.

- А я взял спрятался за алтарем и говорю: "Жена твоя обыкновенная шлюха, а сына твоего – повесят!" Знаете, что он ответил? "Ты мне противен, Святой Иоанн, и от тебя никогда нельзя было добиться правды. Поэтому-то тебе и отрубили голову!"

Когда хохот стих, Буджардини заявил, что ему очень хочется нарисовать портрет Микеланджело. Взглянув на его рисунок, Микеланджело воскликнул: "Буджардини, зачем же ты пересадил один мой глаз к самому виску!" Потом художники затеяли игру – все рисовали, состязаясь с Доннино, и дали ему победить себя, чтобы он завтра накормил всех за свой счет обедом.

Микеланджело купил в Трастевере вторую широкую кровать. Сам он с Буджардини и Сангалло спал в комнате подле мастерской, а Якопо, Тедеско и Доннино спали в комнате внизу, под прихожей. Достав досок и козлы, Буджардини и Сангалло сколотили рабочий стол и поставили его в середине комнаты, достаточно просторной для всех шестерых. В десять часов утра явился Граначчи.

- Эй, – закричал Якопо, обернувшись к товарищам. – Не давайте Граначчи брать в руки ничего тяжелого, разве что угольный карандаш: иначе у него подломятся ноги.

Эта ироническая сентенция Якопо как бы заменила молебен, и боттега сразу принялась за работу со всею серьезностью.

Микеланджело разостлал на столе сделанный в точных масштабах план плафона. Обширные падуго по торцовым сторонам капеллы он отводил для Святого Петра и Святого Павла; на пяти малых падугах по одной продольной стене должны были быть написаны Матфей, Иоанн, Андрей, Варфоломей и Иаков Старший, а по другой стороне – Иаков Младший, Иуда, нареченный Фаддеем, Филипп, Симон и Фома. Микеланджело сделал четкий набросок одного из Апостолов, сидящего на троне с высокой спинкой; по обеим сторонам трона были пилястры; на них, рядом с месяцеобразными волютами, были изображены крылатые кариатиды, выше них помещались четыре овальных медальона.

К началу октября в доме Микеланджело был полнейший беспорядок: никто и не думал прибирать постель, варить пищу или подметать полы. Приехавший из Феррары Арджиенто был прямо-таки очарован тем, что ему придется жить в обществе шести компаньонов и целыми днями мыть, скрести и вычищать загрязненные комнаты, готовить завтраки, обеды и ужины. Немного приглядевшись к делам и узнав, над каким заказом Микеланджело трудится, он горестно говорил:

- Я хочу работать по камню, быть скульптором.

- Я тоже хочу быть скульптором, Арджиенто. И мы будем скульпторами, уверяю тебя, – только ты наберись терпения и помоги мне зашлепать красками этот проклятый потолок.

Каждому из своих шести помощников Микеланджело отвел участок свода для разработки орнамента: розеток, рамок, кружков, деревьев и цветов с распутившимися листьями, волнообразных линий, спиралей. Мики, как заметил Микеланджело, очень полюбил растирать краски, Сам Микеланджело рассчитывал готовить картоны для большинства Апостолов, два-три картона мог написать и Граначчи, по одному картону, возможно, изготовили бы Доннино и Сангалло. Он уже потратил пять месяцев, чтобы дойти до сегодняшней стадии работы, а теперь когда у него под рукой все нужные помощники и дело сдвинулось с мертвой точки, Микеланджело был уверен, что он распишет весь плафон в семь месяцев. Таким образом, он отдаст этой капелле год своей жизни. А если начать счет с того дня, когда он в первый раз приехал в Рим, чтобы вступить в переговоры с папой Юлием, это составит четыре года. Он закончит всю работу к маю и после этого или возьмется за свои мраморы для гробницы, или уедет домой, к Гераклову блоку, который гонфалоньер Содерини уже доставил для него во Флоренцию.

Но не все складывалось именно так, как хотел бы Микеланджело. Хотя Доннино оказался действительно прекрасным рисовальщиком, как его и рекомендовал Граначчи, он очень робел переносить сделанные им наброски на красочные картоны. Якопо был великолепен в островах и шутках и развлекал всю артель, но работы он исполнял в свои тридцать пять лет не больше, чем когда-то в пятнадцать. Тедеско проявлял неуверенность и слабость в живописи. Сангалло отваживался на все, что Микеланджело только поручал ему, но у него не хватало опыта. На Буджардини можно было вполне положиться, но, как некогда в мастерской Гирландайо, он изображал лишь плоские стены и окна, троны и пилястры. Граначчи в самом деле написал картон с собственноручным Апостолом, и написал хорошо, но он мало работал, весь отдавшись римским развлечениям. К тому же он не хотел брать денег за работу, и по этой причине Микеланджело не мог навязывать ему более продолжительный рабочий день. Сам он трудился вдвое больше и тяжелее, чем предполагал, приступая к делу, и все же ему было ясно, что работа продвигается медленно, хотя уже близился ноябрь месяц.

Наконец, пришло время - это было в первую неделю декабря, - когда Микеланджело и его товарищи были готовы покрыть красками центральное поле плафона. Подле одной стены Микеланджело должен был писать Святого Иоанна, а место напротив было отведено для Святого Фомы, над которым трудился Граначчи. Задачей остальных, кто работал на лесах во главе с Буджардини, было заполнить орнаментами пространство свода между двумя этими Апостолами. Еще накануне назначенного дня Пьеро Росселли положил толстый слой штукатурки и зарешетил то место, где предстояла работа; теперь, прежде чем на нее лягут краски, ему оставалось лишь покрыть эту грубую поверхность свежим слоем раствора.

С рассветом все двинулись к Систине - Мики правил осликом, запряженным в тележку - тележка была нагружена ведрами, кистями, горшками с сухими красками, картонами, кипами рисунков, костяными шильцами, мисками и бутылками с разведенной краской; на куче песка и извести в тележке сидел еще и Росселли. Микеланджело и Граначчи шли впереди, Буджардини и Сангалло шагали сразу за ними, Тедеско, Якопо и Доннино замыкали шествие. Где-то глубоко внутри, под ложечкой, Микеланджело ощущал холод и пустоту, но у Граначчи настроение было самое веселое.

- Как вы себя чувствуете, маэстро Буонарроти?" Могли вы когда-нибудь вообразить, что будете шагать во главе собственной боттеги, направляясь исполнить заказ на фреску?

- Не представлял себе этого даже в самых диких ночных кошмарах.

- Хорошо, что мы с тобой возились в свое время так терпеливо. Помнишь, как братья Гирландайо учили тебя пользоваться инструментом при разбивке стены на квадраты? Как Майнарди заставлял тебя покрывать тела темперой, Давид делать кисти из щетины белых свиной?..

- А Чьеко и Бальдинелли называли меня мошенником, когда я отказывался раскрашивать крылышки у ангела? Ах, Граначчи, и зачем только я ввязался в эту историю с фресками! Что я в них понимаю!

11

Работа шла дружно; мешки с известью поднимали вверх, и тут Мики замешивал штукатурку, а Росселли искусно накладывал ее на тот участок плафона, который предстояло сегодня расписать; он бдительно следил, не слишком ли быстро высыхает штукатурка, и время от времени взбрызгивал ее. Изо всех сил старался даже Якопо, перенося краски картона на плафон, где острием шильца из слоновой кости Буджардини уже обозначил рисунок.

После того как краски просохли, Микеланджело остался на лесах один и стал смотреть, что получилось. Была расписана уже седьмая часть потолка, и можно было представить, какой вид примет весь свод, когда живопись покроет и остальную его площадь. Папа достигнет своей цели - зрителей не будут

больше раздражать выступы распалубок, неясно маячившие люнеты или неуклюже спланированный свод с однообразными кружками золотых звезд. Апостолы с их пышными тронами, яркие краски, сияющие на пространстве ста квадратных сажен, скроют дурную архитектуру и отвлекут от нее взоры прихожан.

Но высокая ли по своим достоинствам выходит у него работа? Творить самое лучшее, самое совершенное из возможного – это было в существе его природы, в крови; ему постоянно хотелось превзойти границы своего умения и способностей, ибо он тогда лишь был удовлетворен своей работой, когда создавал нечто свежее, непохожее на то, что было раньше и что осязаемо расширяло само понятие искусства. Если дело касалось достоинств работы, он никогда не шел ни на какие уступки – предельная добросовестность как человека и как художника была той скалой, на которой зиждилась его жизнь. Лишь пошатни он эту скалу, прояви безразличие, не заставь себя трудиться так, чтобы падать с ног от изнеможения, поступишь своим неистовым рвением – что тогда осталось бы от него самого?

Он мог отлить бронзовую статую папы Юлия вдвое быстрее, если бы его удовлетворяла просто приличная статуя; и никто не стал бы упрекать его, тем более что литье бронзы не было его ремеслом, а заказ навязали ему силой. Но он потратил отнявшие у него столько энергии месяцы, ибо хотел, чтобы эта работа возвысила его имя, весь его род и всех людей искусства. Если бы он мог тогда пойти на то, чтобы создать просто приемлемую статую Юлия, ему, вероятно, было бы легче смирить свой дух сейчас и расписать плафон тоже лишь приемлемыми фресками. Микеланджело со своей артелью сумел бы при желании заполнить оставшуюся часть потолка без особых хлопот. Но ему было ясно, что фрески получаются у него далеко не блестяще. И он сказал об этом Джулиано да Сангалло.

- При сложившихся обстоятельствах ты сделал все, что мог, – успокаивал его друг.

Микеланджело расхаживал по гостиной Сангалло, судорожно обхватив руками плечи, не в силах унять волнения.

- Нет, я не уверен, что сделал все.

- Никому и в голову не придет укорять тебя в чем-то. Пала поручил тебе работу, и ты исполнил ее, как тебе было сказано. Кто поступил бы иначе?

- Я. Если я сдамся и оставлю плафон таким, как он получается, я буду презирать себя.

- Зачем ты принимаешь это так близко к сердцу?

- Есть на свете вещи, от которых я не могу отступить. Когда у меня в руках молоток и резец и я говорю себе: "Пошел!" – я должен быть уверен, что делаю работу без изъяна. Мне абсолютно необходимо сохранить уважение к самому себе. Если я однажды почувствую, что могу мириться с плохой работой, – в голосе его звучала и мука, и мольба о том, чтобы Сангалло поддержал его и укрепил в этом мнении, – тогда я как художник кончился.

Готовя картоны для оставшейся части плафона, он заставлял свою боттегу работать не покладая рук. Мучительными своими сомнениями он ни с кем не делился, но рано или поздно надо было решать, что делать дальше. Нельзя же допускать, чтобы артель поднималась на леса и расписывала плафон, когда он уже знал, что все росписи придется счистить. А через десять суток предполагалось завершить еще одну партию картонов и перевести их на грунт. Микеланджело надо было действовать.

Какую-то передышку дал ему приход Рождества. Воспользовавшись празднествами, начавшимися в Риме задолго до торжественного дня, Микеланджело приостановил работы, не показывая и виду, какое смятение у него на душе. Помощники же его, обрадовавшись свободе, веселились, как дети.

Он получил письмо от кардинала Джованни. Не угодно ли Микеланджело отобедать с ним в день Рождества? Это был первый знак его внимания к Микеланджело с тех пор, как тот начал свое дерзкое сражение с папой. Микеланджело купил – впервые за несколько лет – изящную шерстяную рубашку коричневого цвета, пару соответствующих рейтузов и плащ из бежевого камлота, от которого его янтарные глаза делались еще светлее. В таком платье он и пошел слушать мессу в церковь Сан Лоренцо ин Дамазо, но его праздничное настроение было сильно омрачено запущенным видом храма, лишившегося своих прославленных каменных колонн.

Ко двору кардинала Джованни на Виа Рипетта Микеланджело сопровождал

грум, ливрея которого была вышита флорентийскими лилиями. Проходя по обширному переднему залу с величественной парадной лестницей, а затем по гостиной и музыкальной, Микеланджело заметил, как сильно обогатился кардинал в последнее время. На стенах висели новые картины, всюду стояли привезенные из Малой Азии античные изваяния, целый кабинет, был отведен для античных монет и гемм. Микеланджело шел медленно, с вниманием оглядывая новые для него произведения искусства и дивясь тому, что от огромного многогранного таланта своего отца Джованни унаследовал лишь одно: безупречное понимание искусства.

Войдя в боковую дверь, он оказался в небольшой гостиной. Тут, у горящего камина, протянув руки к огню, сидела Контессина - на алебастровых ее щеках рдел яркий румянец. Она подняла голову.

- Микеланджело.

- Контессина.

- Come va?

- Non se male...

- ...как говорят каменотесы в Сеттиньяно.

- Мне не надо спрашивать, как ты себя чувствуешь. У тебя прекрасный вид.

Румянец на ее щеках стал еще ярче.

- Раньше ты мне никогда не говорил ничего подобного.

- Но думал всегда так.

Она поднялась, подавшись к нему. От нее шел запах тех же духов, к которым он привык, когда она была еще девочкой, во дворце Медичи. Тоска по тем счастливым дням вдруг нахлынула на него.

- Ты уже давно вошла в мое сердце. Еще с тех пор, когда моя жизнь только начиналась. В Садах Медичи.

В глазах ее светились и боль и счастье в равной мере.

- Ты тоже всегда был в моем сердце.

Микеланджело вспомнил, что и у стен есть уши, и мягко изменил тон разговора.

- Здоровы ли Луиджи и Никколо?

- Они здесь, со мной.

- А Ридольфи?

- Его тут нет.

- Значит, ты здесь ненадолго?

- Джованни вызвал меня для свидания с папой. Святой отец обещал вступить за нас, защитить перед Синьорией. Но я не возлагаю на это никаких надежд. Мой муж по-прежнему живет лишь мыслью о свержении республики. Он говорит об этом при каждом удобном и неудобном случае.

- Я знаю.

И, глядя друг на друга, они задумчиво улыбнулись.

- Это неосторожна с его стороны, но уж так он решил. - Она неожиданно оборвала фразу и поглядела ему в глаза. - Видишь, я все говорю о себе. Теперь я хочу поговорить о тебе.

Он пожал плечами.

- Борюсь, но, как всегда, терплю поражения.

- Работа не удается?

- Пока нет.

- Еще удастся.

- Ты уверена в этом?

- Готова положить руку на огонь.

Она протянула руку и держала ее перед собой, словно бы терпя обжигающее пламя. Ему хотелось схватить эту руку и сжать в своих руках, хотя бы на одно мгновение. А она, откинув голову, засмеялась: ей показалось забавным, что она вспомнила сейчас эту тосканскую формулу клятвы. Вслед за ней засмеялся и он, и голос его, проникая в звуки ее голоса и сливаясь с ним, словно бы притрагивался с лаской к волшебной его плоти и сущности. И он знал, что это был тоже род обладания - необыкновенного, редкостного, прекрасного и святого.

Римская Кампанья - это совсем не Тоскана, и она не наполняла душу Микеланджело всепоглощающей лирической благодатью. Но она обладала своей

историей и своей силой, это плоская, распростершаяся на много верст, плодородная равнина, где то и дело встречались остатки древнеримских акведуков, когда-то доставлявших чистую воду с гор. Вот вилла императора Адриана, где он хотел воскресить славу Греции и Малой Азии и где Микеланджело не раз видел, как землекопы извлекали на свет божий мраморы, дошедшие от поколений людей, живших при Перикле; вот Тиволи с его величественными водопадами - излюбленное место загородных прогулок римлян времен Империи; романские замки, гнездившиеся на склонах Альбанских гор, среди лавы и туфа, каждый на своем отдельном утесе в ряду многих вершин, окружающих громаду кратера; от кратера расходились покрытые темно-зелеными лесами горные отроги, скатываясь вниз с той чисто скульптурной пластичностью, какую Микеланджело видел в горах вокруг Сеттиньяно. Через Фраскати и Тускулум он поднимался все выше и выше и уже бродил среди развалин виллы Цицерона, осматривал амфитеатр, форум, рухнувший храм; деревушки, сложенные из камня, были рассеяны меж холмов, возникнув в темной глубине веков, раньше римлян и этрусков; высился храм Фортуны среди стен Пренесте, окружавших десяток хижин, с Пещерой Судьбы и склепами - кто мог знать, в какие отдаленные времена их соорудили?

Бродя вокруг громадного кратера вулкана, он углублялся все дальше и дальше в прошлое - белый камень, тесанный неведомо кем и когда, был расплескан по нагорью как молоко, чуть ниже уже виднелись древние поселения человека. На ночь он останавливался в крошечной гостинице или, постучав, заходил в хижину крестьянина, где платил за ужин и кровать; к вечеру у него было такое ощущение, словно горы качались у него под ногами и туф выскальзывал из-под его башмаков, - чувство чудесной усталости толчками шло от ступней и лодыжек к икрам, коленям, бедрам, поднималось к мышцам живота и поясницы.

И чем глубже он проникал в древность, в отдаленные эры существования этих вулканических гор и складывавшейся на них цивилизации, тем яснее ему становилось, что он должен делать в ближайшие дни. Его помощникам придется уйти от него. Многие мастера-ваятели давали своим ученикам и подмастерьям обтесывать мраморный блок до некой безопасной грани, за которой начиналась заключенная в камне фигура, но ему, Микеланджело, надо обтесывать глыбу, обтачивать ее плоскости и углы, снимая кристаллы слой за слоем, только самому, своими руками. Ведь он не Гирландайо, который писал лишь главные фигуры и самые важные сцены, предоставляя боттеге завершать остальное. Он должен работать один, без помощников.

Он уже не обращал внимания на то, как движется время; здесь, среди изваянных вулканами скал, над канувшими в вечность веками, дни, что торопливо летели друг за другом, казались такими ничтожно малыми. Он почти не замечал бега времени, зато гораздо острее стал чувствовать пространство и все старался поместить себя в воображении в центр свода Систины, как он когда-то помещал себя усилием разума в сердцевину блока Дуччио, постигая и его вес, и массу и в точности угадывая, что этот блок способен выдержать и от чего он треснет, расколется, если нарушить равновесие сил. Он уже расчистил поле, вспахал и засеял его и с открытой головой стоял теперь под солнцем и дождем. Все как бы оставалось по-прежнему, и лишь тонкий ярко-зеленый чудо-росток возвещал начало новой жизни, укрытой пока под корою его мозга.

В новогоднее утро, когда его земляки-помощники праздновали приход 1509 года от Рождества Христова, Микеланджело покинул каменную хижину в горах и по овечьей тропе стал подниматься все выше и выше, пока не оказался на крутой вершине. Воздух тут был острый, ясный и холодный. Закутавшись шарфом, чтобы не заледенели рот и зубы, он стоял на утесе, а за самыми дальними отрогами, куда только достигал глаз, всходило солнце. Лучи его постепенно оживляли всю равнину Кампаньи, бросая на нее бледно-розовые и рыжевато-коричневые отсветы. Далеко-далеко был Рим, ясно видимый, весь в искрах и блесках. Еще дальше к югу открывалось Тирренское море - под голубым, по-зимнему прозрачным небом оно было пастельно-зеленым. Яркий свет заливал весь ландшафт: леса, покрывающие цепи гор, мягко изваянные лощины, холмы, маленькие города, плодородные поля, одинокие усадьбы, возведенные из камня селения, горные и морские дороги, ведущие к Риму, корабли в океане...

"Что за дивный художник, - думал в благоговении Микеланджело, - что за

дивный художник был бог, сотворивший вселенную! Это был и скульптор, и архитектор, и живописец. По его замыслу появилось само пространство, и он наполнил его своими чудесами". И Микеланджело вспомнил стихи, открывающие Книгу Бытия.

"В начале сотворил бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною... И сказал бог: да воздвигнется свод посреди воды... И создал бог свод; и отделил воду, которая под сводом, от воды, которая над сводом... И назвал бог свод небом".

...Свод... Господу богу тоже надо было творить внутри свода! И что же он создал? Не только солнце, и луну, и само небо, а неисчислимое изобилие вещей, целый мир под этим небом. Мысли, фразы, образы из Библии потоком хлынули в его сознание.

"...И сказал бог, да соберется вода, которая под сводом, в одно место, и да явится суша... И назвал бог сушу землею, а собрание вод назвал морями... И сказал бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя...

...И сказал бог: сотворим человека по образу нашему; и да владеют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил бог человека по образу своему, по образу божью сотворил его; мужчину и женщину сотворил их".

И Микеланджело знал, знал теперь так ясно, как ничего еще не знал в своей жизни, - лишь Книга Бытия, лишь новое сотворение вселенной достойно заполнить собою свод Систины. Что может быть благороднее в искусстве, чем показать, как господь бог создает солнце и луну, воду и сушу, вызывает к жизни мужчину и женщину? Он создаст целый мир на плафоне Систины словно бы это был новый, никогда и никем еще не сотворенный мир. Именно этим он победит, подчинит себе непокорный свод. Это единственная тема, перед лицом которой уродливость и неуклюжесть архитектуры капеллы исчезнет, будто ее не бывало, и вместо нее возникнет сияющая красота архитектуры господней.

12

Он спросил камерария Аккурсио, можно ли поговорить с папой наедине хотя бы несколько минут. Камерарий устроил встречу в тот же день, в вечернее время. Папа тихо сидел в малом тронном зале и диктовал секретарю письмо в Венецию, которая была самым сильным противником Ватикана в Италии. Микеланджело опустил на колени.

- Святой отец, я пришел поговорить с вами насчет плафона Систины.

- Да, мой сын?

- Когда я уже расписал часть потолка, я понял, что работа получится посредственная.

- Почему же?

- Потому что, если написать одних Апостолов, впечатление будет очень бледное. Они займут слишком мало места на потолке и потеряются.

- Но ведь там будут еще и орнаменты.

- Я начал писать эти орнаменты, как вы мне сказали. Апостолы от них выглядят еще более жалко. Лучше было бы обойтись без всяких орнаментов.

- Ты твердо уверен, что работа получится дурно?

- Я размышлял об этом очень много и скажу вам по совести, что дело обстоит именно так. Сколь бы искусно ни расписал я плафон, но если мы будем придерживаться прежнего замысла, это принесет мало чести и вам и мне.

- Когда ты беседуешь со мной в спокойном тоне, как сейчас, Буонарроти, я чувствую, что ты прав. И разумеется, я не допускаю мысли, что ты пришел

ко мне просить позволения бросить работу.

- Нет, святой отец. У меня задумана композиция, которая прославит свод Систины.

- Я верю в тебя и потому не хочу спрашивать, какой у тебя замысел. Но я буду часто навещать капеллу и смотреть, как продвигается дело. Начиная почти все заново, ты, наверно, увеличиваешь сроки работы и ее объем раза в три?

- ...в пять, а может, и в шесть раз.

Папа заерзал на своем троне, встал, немного походил по залу, потом остановился перед Микеланджело.

- Станный ты человек, Буонарроти. Ты вопил, что фреска не твое ремесло, и едва не ударил меня в своей ярости. А вот теперь, через восемь месяцев, приходишь ко мне и предлагаешь план, который потребует куда больше и труда и времени. И кто только может понять тебя?

- Не знаю, - уныло ответил Микеланджело. - Я сам себя едва понимаю. Я только знаю, что если мне придется расписывать этот свод, то я не могу исполнить работу плохо и создать для вас что-то заурядное, если даже вы просили бы меня об этом.

Чуть усмехнувшись, Юлий покачал в недоумении головой, теребя свою белую бороду. Затем возложил на темя Микеланджело руку и благословил его.

- Расписывай свой плафон, как хочешь. Мы не можем заплатить тебе в пять или в шесть раз больше того, что назначили раньше. Но прежнюю сумму - три тысячи дукатов - мы теперь удваиваем и заплатим тебе шесть тысяч.

Следующая задача, стоявшая перед Микеланджело, была куда деликатней и сложней. Ему надо было сказать Граначчи, что боттега распускается, что его помощники должны возвратиться домой, Микеланджело готовил Граначчи к предстоящему очень осторожно.

- Я оставляю Мики, чтобы он растирал мне краски, а Росселли будет накладывать штукатурку. Все остальное я собираюсь делать своими руками.

Граначчи был в ужасе.

- По правде говоря, я никогда не думал, что ты способен управлять мастерской, подобно Гирландайо. Ты хотел попробовать, и я тебе помогал... Но если ты будешь работать на этих лесах один и писать всю Книгу Бытия, это займет у тебя не меньше сорока лет!

- Нет, около четырех.

Граначчи обхватил своего друга за плечи и стал читать по памяти:

- "...И когда, бывало, приходил лев или медведь, и уносил овцу из стада, то я гнался за ним и нападал на него, и отнимал из пасти его; и если он бросался на меня, то я брал его за космы и поражал его и умерщвлял его". Ты воистину художник с отвагой Давида.

- Но в то же время я большой трус. Я не могу решиться сказать обо всем нашим товарищам. Может быть, ты сделаешь это за меня?

Он вернулся в Систину и оглядел свод свежим, обостренным взглядом. Вся архитектура капеллы не очень-то отвечала его новому видению и тому живописному убранству, какое он задумал. Ему нужен был другой свод, совершенно иной потолок, сооруженный с единственной целью - показать его фрески в наивыгоднейшем свете. Но он, конечно, и не подумал снова идти к папе и просить у него миллион дукатов на то, чтобы перестраивать эту капеллу, разобрав кирпичные стены, уничтожив штукатурку, военную площадку над потолком, крепкую крышу. Нет, он поступит хитрее: будучи сам себе архитектором, он преобразит этот громадный свод, применяя единственный материал, который был ему доступен: краски.

Проявив величайшую изобретательность, он должен изменить вид потолка и воспользоваться его изъянами, подобно тому как он воспользовался выемкой в блоке Дуччио, направить свое воображение на такой путь, о каком ему не пришлось бы и помышлять, не столкнувшись он с тяжелыми препятствиями. Или он найдет в себе силы и сумеет придать всему пространству свода новый облик, или свод, сопротивляясь, раздавит и сокрушит его.

Он утвердился в своей мысли написать на плафоне и множество людей, и всемогущего бога, который создал их; он хотел запечатлеть человечество в его захватывающей красоте, в его слабости и одновременно в его неиссякаемой силе: бог, в его могуществе, сделал возможным и то и другое.

Фрески его должны быть полны трепетной, глубокой значительности и жизненности, они заставят взглянуть на вселенную совершенно по-новому: реальным миром станет свод, а мир тех, кто будет смотреть на этот свод снизу, станет иллюзией.

Арджиенто и Мики сколотили для него верстак, поставив его посреди холодного, как лед, мраморного пола. Теперь Микеланджело знал, чего ему надо добиваться от свода и что в нем сказать: число фресок будет продиктовано прежде всего его желанием преобразить и исправить архитектуру свода. Ему предстояло создать убранство помещения и одновременно само это помещение. Стоя внизу, он оглядел плафон. Срединную плоскость, простирающуюся на всю длину свода, он использует для главных легенд: "Отделение Вод от Суши", "Бог, создающий Солнце и Луну", "Бог, создающий Адама и Еву", "Изгнание из Рая", "Легенда о Ное и Потопе". Теперь наконец-то он мог воздать долг благодарности делла Кверча за его великолепные библейские сцены, изваянные из истринского камня на портале церкви Сан Петронио.

С точки зрения архитектурной ему требовалось заключить эту важнейшую, срединную часть фресок в некую раму, а весь длинный и узкий потолок расписать так, чтобы он смотрелся как неразрывное целое. Практически он должен был создать не один плафон, а три плафона. Ему предстояло сделаться поистине волшебником: ведь необходимо было охватить каждую пядь стен и потолка сразу, связать, объединить их в едином композиционном замысле, согласовать и сочленить живопись и архитектуру таким образом, чтобы любая деталь логически вытекала из другой и поддерживала ее, чтобы ни одна фигура или сцена не казалась зрителю изолированной.

На все это требовались недели сосредоточенных дум, и каждое решение, к которому приходил Микеланджело, учитывало суровейшее обстоятельство, связанное с конструкцией плафона: восемь громоздких, далеких от изящества треугольных распалубок, по четыре на каждой стороне их вершины, идущие к середине свода, и четыре распалубки двойного размера, расположенные в углах, по торцовым стенам капеллы, с вершинами, обращенными вниз. Микеланджело потратил сотни часов, размышляя, как замаскировать, скрыть эти распалубки или, по крайней мере, лишить их господствующей роли в плафоне. И вдруг он понял, что ему надо подойти к делу с совершенно другой стороны. Он должен обратить эти распалубки в свою пользу, богато расписав их скульптурно выпуклыми фигурами, - тогда они составят сплошной фриз, внешнюю раму тех фресок, что будут написаны внутри ее, в глубине свода.

Эта мысль так его взволновала, что оттеснила в его сознании все остальное, а его проворные руки, нанося рисунки на бумаге, едва успевали угнаться за ней. Двенадцать падуг между вершинами распалубок он отведет для Пророков и Сивилл, которые будут сидеть на больших мраморных тронах. Всего получится двенадцать тронов, а огибающий все четыре стороны капеллы карниз, написанный так, будто его изваяли из мрамора, соединит, свяжет эти троны. Этот внушительный, очень заметный карниз послужит как бы внутренней рамой - плафона и замкнет собою все девять центральных сюжетов росписи. По обе стороны каждого трона будут помещены похожие на мраморные изваяния младенцы-путти, над ними, обрамляя центральные фрески по углам, возникнут великолепные юноши - двадцать обнаженных тел, повернутых спиной к середине плафона; взоры этих юношей будут обращены на малые фрески, заполняющие нижние крылья потолка.

Когда Росселли был уже на подмостках и молотком с двойным клювцом собрался сдирать записанную фресками штукатурку, а Мики внизу приготовился ловить в полотнище падающие куски, к Микеланджело вдруг подошел Арджиенто. По его запачканному лицу катились слезы, карие глаза потускнели.

- Арджиенто, что случилось?

- У меня умер брат.

Микеланджело положил на плечо юноши руку:

- Какая беда...

- Мне надо ехать домой. Участок сейчас переходит ко мне. Я должен работать на нем. У брата остались маленькие дети. Я буду теперь крестьянином. Я женюсь на вдове брата, буду кормить детей.

Микеланджело отложил в сторону перо и облокотился на верстак.

- Но ведь тебе не нравится жить в деревне.

- Вы будете работать на этих лесах очень долго. А я не люблю краски и

росписи.

Микеланджело устало подпер голову ладонями.

- Я тоже не люблю их, Арджиенто. Но я напишу эти фигуры так, словно они высечены из камня. Будет такое впечатление, что любая фигура вот-вот двинется и спустится с плафона на землю.

- Все равно это будет живопись.

- Когда ты уезжаешь?

- Сегодня после обеда.

- Я буду скучать по тебе.

Микеланджело выплатил Арджиенто все деньги, какие ему задолжал, - тридцать семь золотых дукатов. В результате кошелек его почти опустел. Уже девять месяцев, начиная с мая, он не получал от папы ни скудо, а за это время была приобретена мебель, покупались краски, известь и все остальное для штукатурки и росписи плафона; помимо того, он выплачивал жалованье своим помощникам, снабдил средствами на дорогу Якопо, Тедеско, Сангалло, Доннино, Буджардини, не говоря уже о том, что четыре месяца кормил их. До тех пор пока не закончена большая часть плафона, он не мог допустить и мысли снова обратиться к папе и попросить у него денег. А как он может написать хотя бы одну-единственную фреску, если он еще не разработал весь план плафона целиком? Прежде чем он по-настоящему приступит к первой своей росписи, пройдет не один месяц. И вот теперь, когда дела требуют от него все больше сил и времени, он лишается человека, который готовил бы ему пищу, прибирал в комнатах или выстирал при нужде рубашку.

Он сидел в тихом, замолкшем доме и хлебал деревенский суп, вспоминая о тех еще недавних днях, когда тут было так шумно и весело, когда рассказывал свои анекдоты Якопо, Аристотель читал лекции о "Купальщиках", а Буджардини неустанно восхвалял Флоренцию. Теперь в этих комнатах с голыми кирпичными стенами станет тише, но как одиноко и сиротливо он будет чувствовать себя там, на лесах, в совсем пустой капелле.

13

Он начал с большой фрески "Потоп", расположенной подле входа в капеллу. К марту у него был уже изготовлен картон в натуральную величину, и оставалось только перевести его на поверхность плафона. Зимняя стужа не смягчалась и по-прежнему свирепствовала в Риме. Капелла ужасающе промерзала. Даже сотня жаровен, расставленных на полу, не могла бы ее обогреть. Микеланджело приходилось натягивать на себя толстые шерстяные чулки, теплые штаны и плотную рубашку.

Росселли, уехавший в Орвието, где ему предложили выгодный заказ, научил Мики готовить штукатурку и накладывать ее на плафон. Микеланджело помогал ему втаскивать на помост по крутой боковой лестнице мешки с известью, песком и поццоланой - вулканическим туфовым порошком. Здесь, наверху, Мики делал из этих материалов свой состав для штукатурки. Микеланджело не нравился красноватый оттенок, вызываемый примесью поццоланы, и обычно он сам добавлял в готовое тесто извести и толченого мрамора. Затем Микеланджело и Мики взбирались к самому потолку по трем платформам, расположенным ступенями, одна под другой, - их соорудил Росселли, чтобы облегчить роспись верхней части, плафона. Мики накладывал слой штукатурки, потом держал перед Микеланджело картон. Действуя костяным шильцем и применяя уголь и красную охру, Микеланджело переносил рисунок на стену.

Мики спускался вниз и брался за другую свою работу - растирал краски. Микеланджело был теперь на самом верху лесов, на девять сажен от пола. Тринадцати лет поднялся он впервые на леса в церкви Санта Мария Новелла и остался на высоте один - один над пространством всего храма, всего мира. Ныне ему было тридцать четыре года, и он вновь, как и в ту давнюю пору, чувствовал головокружение. Когда его макушку отделяло от плафона расстояние лишь в четверть аршина, капелла с этой высоты казалась

неимоверно пустынной. Запах влажной штукатурки бил в нос, тянуло ядовитым духом свежих, только что растертых красок. Стараясь не смотреть вниз, на мраморный пол капеллы, он брал кисть и выжимал ее, пропуская между большим и указательным пальцами левой руки: надо было следить за тем, чтобы с утра краски были жидкими.

В свое время Микеланджело немало наблюдал, как работал Гирландайо; он усвоил правило, что писать фреску надо начиная сверху и уже потом расширять красочное поле вниз и в обе стороны. Однако ему не хватало опыта делать это профессионально – он приступил теперь к работе, расписывая главный узел фрески, тот, что был с левого ее края и больше его интересовал: последний кусок зеленой земли, еще не захваченный потопом; ствол согнутого бурей дерева, распростершийся в ту сторону, где плавал будущий Ноев ковчег, люди, еще живые, взбираются на берег в надежде избежать гибели; женщина сжимает в своих объятиях младенца, другой ребенок, постарше, цепляется за ее ногу; муж несет на спине обезумевшую жену; головы людей, молодых и старых, виднеются на поверхности воды, которая все прибывает и вот-вот их поглотит; и в самом верху – юноша, судорожным усилием влезший на дерево и ухватившийся за него, будто на такой высоте можно было найти спасение.

Он писал, сильно запрокидывая голову, отводя назад плечи, глаза его были устремлены кверху. На лицо ему капала краска, с мокрой штукатурки стекала влага и попадала в глаза. От неловкой, неестественной позы руки и спина быстро уставали. В первую неделю работы он из осторожности разрешал Мики покрывать штукатуркой лишь небольшой участок плафона, постепенно расширяя его; он пока только искал, нащупывал очертания фигур, определял, какой тон придать обнаженному телу или голубым, зеленым и розовым пятнам одежды у тех персонажей, которые еще что-то на себе сохранили. Он чувствовал, что тратит чересчур много времени и усилий на обработку малых деталей и что при таком темпе ему действительно потребуются на работу, как предсказывал Граначчи, все сорок лет, а не четыре года. Но по мере того как он продвигался вперед, его техника становилась совершенней; эта фреска о всемирном потопе, где жизнь и смерть как бы схватились друг с другом и закружились в неистовом вихре, мало напоминала собой мертвенно-уравновешенную живопись Гирландайо. Пусть он работал медленно, это его не беспокоило: придет время, когда он овладеет новым для него мастерством в полной мере.

Неделя была уже на исходе, как подул резкий северный ветер. Он свистал и заливался, целую ночь не давая Микеланджело сомкнуть глаза. Утром он пошел в Систину, замотав рот шарфом, и, взбираясь на леса, даже не знал, сможет ли согреть руки и держать кисть. Но когда он был уже на самой верхней из платформ, выстроенных Росселли, он увидел, что братья за кисть нет нужды: фреска его погибла. Штукатурка плафона и краски за ночь несколько не высохли. Более того, вдоль контуров дерева, сокрушаемого бурей, и с плеч мужчины, карабкающегося из воды на берег с узлом одежды на спине, катились капли влаги. От сырости на фреске выступила и расплзлась плесень, поглощая краску. Мики глухо сказал, стоя позади Микеланджело:

- Я плохо замесил штукатурку?

Прошло несколько минут, пока Микеланджело справился с собой и ответил:

- Вина тут моя. Я не умею смешивать краски для фресок. Я учился этому у Гирландайо слишком давно. А когда я писал первого своего Пророка, краски мне готовил Граначчи или другие помощники. Сам я только расписывал стену.

Он с трудом спустился по лестнице, в глазах у него стояли слезы; спотыкаясь, будто слепой, поплелся он к папскому дворцу и бесконечно долго сидел, ожидая, в холодной приемной. Когда его провели к лапе, того поразило горестное выражение лица Микеланджело.

- Что произошло, сын мой? Ты совсем болен.

- У меня страшная неудача.

- Какая же именно?

- Все, что я написал, все испорчено.

- Так быстро?

- Я говорил вам, ваше святейшество, что это не мое ремесло.

- Не падай духом, Буонарроти, никогда еще я не видал тебя... побежденным... Я предпочитаю, чтобы ты нападал на меня.

- Со всего плафона капает влага. От сырости местами уже проступила

плесень.

- И ты не можешь ее высушить?

- Я совсем не знаю, что делать, ваше святейшество. Все мои краски покрылись плесенью. А по краям фрески появилась соляная кромка, она вконец губит работу.

- Не могу поверить, чтобы ты с чем-то не справился и потерпел неудачу.

- Папа повернулся к груму. - Сейчас же отправляйся к Сангалло, пусть он осмотрит плафон Сistine и скажет мне, в чем дело.

Микеланджело вышел в холодную приемную и снова стал ждать, сидя на жесткой скамье. Да, это было самое тяжелое поражение, какое он когда-либо испытывал. Сколь ни горько было ему жертвовать годами, работая над фреской, он все же породил великий замысел. Он не привык испытывать неудачи - по его представлениям, это было еще хуже, чем, подчиняясь чужой воле, заниматься не своим ремеслом. Нет сомнения, что папа сейчас откажется от него, прекратит с ним все дела, хотя его неудача с фреской не имела отношения к его искусству как ваятеля по мрамору. Конечно же, ему не дадут теперь высекать надгробие. Если художник так жестоко посрамлен, с ним покончено. Весть о его конфузе с фреской облетит всю Италию за несколько дней. Вместо того чтобы вернуться во Флоренцию с триумфом, он, забыв о всякой гордости, потащится туда, как побитая собака. Флоренции это не может понравиться. Флорентинцы будут считать, что он уронил их престиж в искусстве. Гонфалоньер Содерини будет тоже разочарован: он предполагал, что работа Микеланджело на папу принесет ему выгоду, а теперь он окажется перед Ватиканом лишь в долгу. И снова Микеланджело потеряет целый год, оставшись без настоящего творческого труда.

Он был так погружен в свои мрачные мысли, что не заметил, как во дворце появился Сангалло. И, поспешно идя вместе с ним в тронный зал, он не успел подготовиться к предстоящему разговору.

- Ну, что ты обнаружил, Сангалло? - спросил папа.

- Ничего серьезного, ваше святейшество. Микеланджело применяет слишком жидкую известь, и от ветра и холода из нее выступила сырость.

- Я замешивал штукатурку точно в тех же пропорциях, как Гирландайо во Флоренции, - пылко возразил Микеланджело. - Я видел, как он ее готовит...

- Римская известь делается из травертина. Она сохнет не так быстро. Поццолана, которую Росселли научил тебя добавлять в известь, не затвердевает в ней и часто выделяет плесень, когда штукатурка подсыхает. Советую тебе добавлять в известь вместо поццоланы мраморный порошок и лить поменьше воды. Тогда все будет в порядке.

- А как с моими красками? Мне придется счистить все, что я написал?

- Зачем же? Когда воздух немного согреется, он уничтожит плесень. Твои краски не пострадают.

Если бы Сангалло, придя во дворец, сказал, что роспись плафона погибла, Микеланджело был бы к обеду уже в дороге, на пути во Флоренцию. А теперь он мог возвращаться к своему плафону, хотя от всего того, что он пережил в это утро, у него начала мучительно болеть голова.

Ветер стал стихать. Выглянуло солнышко. Штукатурка плафона подсохла. А скорбный путь во Флоренцию вместо Микеланджело пришлось проделать Сангалло. Зайдя в дом на площади Скоссакавалли, Микеланджело увидел, что мебель в комнатах затянута простынями, а все вещи снесены вниз и сложены у двери. У Микеланджело упало сердце.

- Что случилось?

Сангалло покачал головой, губы у него были сурово сжаты.

- Я сижу совсем без работы. Меня не зовут ни во дворец Джулиано, ни на Монетный двор, ни в один из новых дворцов. Знаешь, какой дали мне теперь заказ? Прокладывать сточные трубы на улицах! Почетный труд для папского архитектора, не правда ли? Ученики мои все перешли к Браманте. Он клялся, что захватит мое место, и, как видишь, захватил.

На следующее утро семья Сангалло уехала из Рима. Ватикан этого просто не заметил. Стоя в капелле на своих лесах, Микеланджело чувствовал себя в Риме так одиноко, как никогда раньше; обводя кистью камни и последний клочок зеленой земли, захлестываемый подступающими водами, он словно бы видел, что это он сам, а не давно погибшие люди, всеми покинутый и отчаявшийся, судорожно цепляется за пустынные серые скалы.

"Потоп" потребовал у Микеланджело тридцать два дня непрерывной упорной

работы. Когда он ее заканчивал, деньги у него уже совсем иссякли.

- Даже не разберешь - то ли живот у нас прирос к хребтине, то ли хребтина к животу, - подшучивал Мики.

Все прежние заработки Микеланджело ушли на отцовские дома и земельные участки, из которых Лодовико рассчитывал извлекать доходы для семьи, но Микеланджело это не принесло спокойствия. В каждом письме, которое приходило из Флоренции, Микеланджело наткался на жалобы и слезные мольбы: почему он не посылает денег отцу, когда тот решил прикупить еще хорошей земли, подвернувшейся ему по дешевке? Почему он бездействует, ничего не предпринимая для того, чтобы перенести судебное дело тети Кассандры в Рим, где бы он мог лучше защитить интересы семейства? И снова у Микеланджело появлялось такое ощущение, будто на его фреске был изображен он сам, а не какой-то безвестный голый и беззащитный человек, пытавшийся вскарабкаться на Ноев ковчег, в то время как другие страдальцы, в страхе потерять свое последнее убежище, угрожающе занесли над ним свои дубинки.

Как же это так выходило, что только он, Микеланджело, один не достиг процветания, пользуясь своими связями с папой? Юный Рафаэль Санцио, недавно привезенный в Рим своим земляком-урбинцем Браманте, который был старым другом семейства Санцио, тут же обеспечил себя частными заказами. А от изящества и обаяния его работ папа пришел в такой восторг, что поручил Рафаэлю украсить фресками станцы - комнаты в новых своих апартаментах, куда он хотел переехать из палат Борджиа, внушавших ему отвращение. Те фрески в станцах, которые начали писать Синьорелли и Содома, папа приказал закрасить, оставив лишь работы Рафаэля. Получая от папы щедрое содержание, Рафаэль снимал пышно обставленную виллу, поселив там красивую молодую любовницу и наняв целый штат слуг. Рафаэля уже окружали поклонники и ученики; он вкушал самые спелые плоды римской жизни. В числе немногих близких людей папа приглашал его с собой на охоту, звал на обеды в кругу друзей. Его можно было увидеть в Риме всюду; всеми он был обласкан, всем нравился; со всех сторон на него сыпались новые заказы и предложения; украшать свой летний павильон его просил даже банкир Киджи.

Микеланджело угрюмо оглядел голые кирпичные стены своего дома, тускло-коричневые, унылые, без занавесей и ковров, остановил взор на скудной подержанной мебели, купленной у старьевщика. Когда Рафаэль появился в Риме, Микеланджело ожидал, что он придет к нему и знакомство их продолжится. Но Рафаэль не дал себе труда сделать сотню шагов и зайти к нему в это жилище или Систину.

Однажды вечером, когда Микеланджело, кончив работу, шел по площади Святого Петра, весь, начиная с волос, забрызганный краской и штукатуркой, он увидел Рафаэля; тот шагал навстречу ему, окруженный поклонниками, учениками и просто праздными молодыми людьми. Поравнявшись с Рафаэлем, Микеланджело сказал сухо:

- Куда это ты идешь с такой свитой, будто князь?

Не замедляя шага, Рафаэль язвительно ответил:

- А куда идете вы в одиночестве, будто палач?

Эта фраза заронила в душу Микеланджело немалую каплю яда. Он сознавал, что одиночество его было добровольным, но и эта мысль ничуть его не утешала. Он поплелся дальше и, добравшись до своего рабочего стола, усердной работой заглушил и чувство голода, и чувство сиротливости: он готовил рисунок для второй своей фрески, "Жертвоприношение Ноя". По мере того как пальцы его двигались все проворнее и мозг работал яснее, на бумаге оживали и Ной, и его престарелая жена, и три Ноевых сына с их женами, и предназначенный в жертву богу овен, а комната казалась Микеланджело уже не такой мрачной и пустой: в самом ее воздухе как бы струилась энергия, наполняя все вокруг силой и цветом. Чувство голода и чувство неприкаянности постепенно куда-то отступали. У него возникло ощущение родства и близости к этим только что родившимся старцам и юношам и к этому миру, созданному им самим.

В глубокой тишине ночи он говорил себе:

- Когда я в одиночестве, я не более одинок, чем на людях.

И он вздыхал, хорошо зная, что он жертва своего собственного характера.

Папа Юлий нетерпеливо ждал случая посмотреть первую фреску, но как ни нуждался Микеланджело в деньгах, он не прерывал работы еще десять дней и написал "Дельфийскую Сивиллу" и "Пророка Иоиля" – они были размещены на своих тронах по обеим сторонам малой фрески "Опьянение Ноя". Микеланджело хотелось показать папе достойные образцы фигур, которыми он предполагал окружить центральную часть плафона.

Юлий поднялся по лестнице на леса и вместе с Микеланджело стал разглядывать фреску – пятьдесят пять мужчин, женщин и детей, в большинстве своем показанных во весь рост; лишь немногие были погружены в пучину вод, держа на поверхности свои головы и плечи. Папа поговорил о величественной красоте и осанке темноволосой "Дельфийской Сивиллы", расспросил о старике с космами седых волос, несущем своего мертвого юношу сына, о Ноевом ковчеге, который вырисовывался на заднем плане и напоминал древнегреческий храм, любопытствовал насчет того, что будет написано на других участках плафона. Микеланджело уклонялся от прямых ответов: ему нужно было сохранить за собой право менять свои планы и замыслы по мере того, как работа будет подвигаться вперед. Юлий был чрезвычайно доволен всем увиденным и воздержался от каких-либо замечаний. Он спокойно спросил:

- Остальной плафон будет столь же хорош?
- Он должен быть еще лучше, святой отец, ибо я только учусь, как применять законы перспективы на такой высоте.
- Твои фрески на плафоне совсем не похожи на те, которые находятся внизу.
- Когда я напишу несколько новых фресок, уверяю вас, разница еще увеличится.
- Ты меня порадовал, сын мой. Я прикажу казначею выдать тебе следующие пять сотен дукатов.

Теперь Микеланджело мог послать денег домой и утихомирить на время семейство, мог купить еды про запас, приобрести необходимые материалы для работы: он думал, что впереди его ждут спокойные месяцы, когда он будет работать без помех и примется писать "Райский Сад", "Сотворение Евы", а затем и сердцевину всего плафона – "Бога, творящего Адама".

Но наступившие месяцы принесли ему все, что угодно, кроме спокойствия. Дружески настроенный к Микеланджело камерарий Аккурсио дал ему знать, что его "Оплакивание" хотят вынести из храма Святого Петра: рабочей армии Браманте, состоявшей из двух тысяч пятисот человек, надо было разобрать южную стену базилики и освободить место для возводимых пилонов. Взбежав по длинному лестничному маршу базилики, Микеланджело увидел, что "Оплакивания" уже нет на старом месте, – статуя, ничуть не поврежденная, была теперь установлена в маленькой часовне Марии Целительницы Лихорадки. Успокоившись, Микеланджело отошел в сторону и стал смотреть, как рабочие Браманте закрепляли на древних колоннах южной стены петли канатов; затем, не веря своим глазам, с таким чувством, будто внутри у него все оборвалось, он увидел, как эта древние колонны из мрамора и гранита, рухнув на каменный пол, раскололись вдребезги. Обломки колонн вывозили на свалку, словно дикий булыжник. Когда, дробя античные изразцы пола, упала южная стена, она разрушила и те памятники и надгробья, которые были подле нее. А как мало потребовалось бы средств, чтобы в полной сохранности перенести эти сокровища в другое место!

Через два дня на дверях дворца Браманте белела подметная бумажка, в которой Браманте был назван Руинанте. По всему городу передавали басню о том, как Браманте постучался в двери рая, а Святой Петр не пустил его туда, сказав: "Зачем ты разрушил мой храм в Риме?" В ответ на это Браманте будто бы спросил Святого Петра, неужели тот предпочитает, чтобы он, Браманте, разрушил самый небесный свод и перестроил его по-своему.

Насколько Микеланджело знал, ключи от Систины были только у него и у камерария Аккурсио. Микеланджело настаивал на этом с самого начала, чтобы

никто не мог ни шпионить за ним, ни нарушать его уединения. Но когда он, работая в той части капеллы, которая была предназначена для мирян, начал писать сидящего на огромном троне Пророка Захарию, у него появилось ощущение, будто кто-то заходит в Систи́ну по ночам. Никаких осязаемых доказательств у него не было, ничего в капелле не передвигалось, но он чувствовал, что чья-то рука трогала его вещи и клала их не так, как они были оставлены накануне. Кто-то в его отсутствие поднимался на леса.

Однажды Мики спрятался у двери капеллы и обнаружил: в Систи́ну приходил Браманте, и не один, а, как показалось Мики, вместе с Рафаэлем. Значит, у Браманте тоже были ключи от Систи́ны. Являлись соглядатаи в капеллу очень поздно, за полночь. Микеланджело пришел в бешенство: ведь пока он закончит свой свод и откроет его для обозрения, все его новые живописные приемы будут уже применены Рафаэлем в его фресках в станцах! Разве по римским работам Рафаэля не было видно, как тщательно он изучил Микеланджеловых "Купальщиков"? Выходит, Рафаэль осуществит переворот в живописи, а его, Микеланджело, будут считать только копиистом!

Микеланджело попросил камерария Аккурсио устроить ему встречу с Юлием. Он прямо заявил папе, что какие бы новшества он, Микеланджело, ни придумал, у него нет возможности утаить их от Рафаэля.

Браманте стоял рядом и не произносил ни слова. Микеланджело потребовал, чтобы ключ от капеллы у него был отнят. Папа попросил Браманте передать ключ Аккурсио. Так разрешился второй кризис в работе Микеланджело над сводом. Он снова вернулся в капеллу.

А на завтра пришло письмо от племянницы кардинала Пикколомини, который так недавно был папой Пиет Третьим. Семейство Пикколомини настаивало, чтобы Микеланджело высек оставшиеся одиннадцать статуй для сиенского алтаря или же возвратил сто флоринов денежного аванса, за который в свое время давал поручительство Якопо Галли. Микеланджело не мог выплатить сейчас сотню флоринов. Помимо того, Пикколомини уже должны были ему деньги за одну статую, которую он для них изваял.

В другом письме, от Лодовико, говорилось, что, когда отец был занят ремонтом дома в Сеттиньяно, Джовансимоне повздорил с ним и даже замахнулся на него, угрожая побить, а затем поджег и дом и амбар. Урон от огня был небольшой, поскольку оба строения были каменные, но от таких тяжелых переживаний Лодовико заболел. Микеланджело послал денег на ремонт и дал в ответном письме нагоняй брату.

Все четыре истории вконец расстроили Микеланджело. Работать по-настоящему он был уже не в силах. И в то же время жажда ваять из мрамора охватила его с такой мучительной силой, что он изнемогал, не в состоянии бороться с собой. И ему захотелось снова побывать в Кампанье: он шел по ней большими переходами, покрывая версту за верстой, и жадно глотал чистый воздух, словно бы стараясь доказать себе, что у него есть объем, есть три измерения. В дни гнетущих своих тревог, в дни самых безнадежных дум он получил известие от кардинала Джованни – тот вызывал его к себе во дворец. Неужто стряслось еще что-то дурное? Джованни сидел, одетый в свою красную мантию и кардинальскую шапочку, его бледное одутловатое лицо было чисто выбрито, на Микеланджело пахло знакомым запахом крепких флорентийских духов. За спиной кардинала стоял Джулио, мрачный, с угрюмо сдвинутыми бровями.

- Микеланджело, я жил с тобой под одной крышей в доме моего отца и питаю к тебе самые теплые чувства.

- Ваше преосвященство, я всегда это знал.

- Вот почему я хотел бы, чтобы ты постоянно бывал в моем дворце. Ты должен бывать у меня на обедах, находиться при мне, когда я выезжаю на охоту, скакать на коне в моей свите, когда я еду по городу, направляясь служить мессу в церковь Санта Мария ин Доменика.

- Но, ваше преосвященство, к чему мне все это делать?

- Я хочу показать Риму, что ты принадлежишь к самому близкому моему кругу.

- Разве вы не можете просто объявить об этом хоть всему городу?

- Слова ничего не значат. В этот дворец приходят духовные лица, высшая знать, богатейшие купцы. Когда эти люди увидят, что ты здесь постоянный гость, они поймут, что ты находишься под моим покровительством. Я уверен, что этого хотел бы и мой отец.

Благословив Микеланджело, Джованни вышел из комнаты. Микеланджело посмотрел на Джулио: тот шагнул вперед и тихим, приветливым голосом сказал:

- Ты знаешь, Буонарроти, кардинал Джованни владеет искусством не наживать себе врагов.

- В нынешнем Риме для этого надо быть гением.

- Кардинал Джованни и есть такой гений. Никто из кардиналов не пользуется в коллегии такой любовью, как он. И он чувствует, что ты нуждаешься в его добром отношении.

- Это почему же?

- Браманте поносит и клянет тебя, обвиняя в том, что это ты приклеил к нему прозвище Руинанте. Число твоих недругов под влиянием этого урбинца возрастает с каждым днем.

- И кардинал Джованни хочет заступиться за меня?

- Не нападая на Браманте. Если ты станешь близким другом нашего дома, кардинал, не говоря Браманте ни одного сердитого слова, заставит умолкнуть всех, кто тебя порочит.

Микеланджело вновь взглянул в тонкое, красивое лицо Джулио; впервые в жизни он почувствовал к нему какую-то симпатию, так же как впервые Джулио проявил по отношению к нему дружеское расположение.

По извилистой тропинке Микеланджело взобрался на холм Яникулум и отсюда окинул взором рыжевато-коричневые крыши Рима, уступами сбегавшие по холмам, Тибр, вьющийся как огромная змея или гигантская буква S. Он все спрашивал себя, можно ли в одно и то же время принадлежать к приспешникам кардинала Джованни и расписывать плафон Сistine. В нем говорило чувство благодарности к Джованни за то, что тот хотел помочь ему, и он действительно нуждался в помощи. Но даже не будь он занят работой целые дни и ночи, мог ли он сделаться прислужником кардинала? Ведь он совсем не умеет предаваться светским забавам, да и не питает никакой любви к свету. Как ни стремился он возвысить положение художника и добиться того, чтобы его отличали от простого ремесленника, от мастерового, все же он твердо знал: художник - это человек, который должен постоянно трудиться. Годы летят так быстро, препятствия, стоящие перед художником, столь серьезны и многочисленны, что, если он не будет работать, напрягая свои силы до предела, он никогда не сможет раскрыть себя и создать целое полчище изваяний. Это невысказано, чтобы он, Микеланджело, поработав над плафоном два-три утренних часа, тут же шел мыться, отправлялся во дворец и любезничал там, болтая с тремя десятками гостей, и долго, не считая времени, сидел за столом, поглощая изысканные блюда!..

Когда Микеланджело благодарил кардинала Джованни и объяснял ему причины, по которым он не мог воспользоваться его предложением, тот слушал очень внимательно.

- Почему это невозможно для тебя, а Рафаэлю все дается так легко? Он тоже исполняет большую работу, и с высоким мастерством, и все же он каждый день бывает на обедах то в одном, то в другом дворце, ужинает с близкими друзьями, ходит на спектакли и только что купил чудесный дом в Трастевере для своей новой дамы сердца. Ты не будешь оспаривать, что он живет полной жизнью. Заказы предлагают ему чуть ли не каждый день. И он ни от чего не отказывается. Почему же он все это может, а ты нет?

- Честно говоря, ваше преосвященство, я не знаю, как вам это объяснить. Для Рафаэля работа над произведением искусства - это вроде яркого весеннего дня в Кампанье. Для меня - это трамонтана, холодный ветер, дующий в долины с горных вершин. Я работаю с раннего утра до наступления темноты, потом при свечах или масляной лампе. Искусство для меня - это мучение, тяжелое и истощающее, радостное, когда оно удается хорошо. Искусство держит меня в своей власти постоянно, не оставляя ни на минуту. Когда я вечером кончаю работу, я опустошен до предела. Все, что было у меня за душой, я уже отдал мрамору и фреске. Вот почему я не могу тратить своих сил ни на что другое.

- Даже тогда, когда это в твоих же жизненных интересах?

- Самый жизненный мой интерес - это как можно лучше исполнить свою работу. Все остальное проходит как дым.

Он поднялся на свой помост, твердо решив, что никакие дела и хлопоты ни в Риме, ни во Флоренции не отвлекут его больше от работы. У него уже были готовы рисунки для всего плафона – предстояло написать три сотни мужчин, женщин и детей, вдохнуть в них могущество жизни, сделать их трехмерными, как трехмерны люди, живущие на земле. Та сила, которая должна была сотворить их, таилась внутри него, ей надо было только прорваться. От него требовалась дьявольская энергия: ведь, корпя над работой не один день и не одну неделю, а целые месяцы, он был обязан придать каждому персонажу свой, только ему присущий характер, ум, душу, склад тела и все это сделать с такой озаренностью, чувством монументальности и напором, чтобы редкие из земных людей могли сравниться с ними в своей мощи. И каждая фигура, каждый персонаж должен был быть выношен им где-то внутри и рожден, вытолкнут, как из чрева, бешеным усилием воли. Ему, Микеланджело, надо было напрячь все свои созидательные способности, животворное его семя должно было возродиться в нем каждый день заново и, пуская ростки, рваться в пространство, заполнять плафон, творя вечную жизнь. Создавая своими руками и разумом облик Бога-Отца, он сам был словно Божественная Матерь, корень и источник благородного племени, получеловек, полубог, каждую ночь сам себя насыщающий плодородящей силой и вынашивающий зачатый плод до зари, чтобы потом на одиноком зыбком ложе, поднятном почти к небесам, произвести род бессмертных.

Даже всемогущий господь, сотворивший солнце и луну, сушу и воду, злаки и растения, зверей и пресмыкающихся, мужчину и женщину, даже господь изнемог от такой бурной созидательной работы. "И увидел бог все, что он создал, и вот, хорошо весьма". Но в той же Книге Бытия сказано далее: "И совершил бог к седьмому дню дела свои, которые он сделал, и почил в день седьмой от всех дел своих..." Как же не изнеметь и не истощиться ему, Микеланджело Буонарроти, если он работает из месяца в месяц, не зная ни приличной пищи, ни отдыха, будучи сам человеком небольшого, всего в два аршина и четыре с половиной вершка, роста и веся лишь сотню фунтов, то есть не более чем какая-нибудь флорентийская девушка из благородной семьи? Когда он возносил мольбу к господу, говоря: "Боже, помоги мне!" – он молился самому себе, стремясь сохранить силу духа и не сломиться, поддержать телесную бодрость и укрепить волю, дабы явить в творчестве все свое могущество и постоянно видеть своим внутренним взором иной мир, более героический, чем земной.

Уже тридцать дней он писал от зари до зари, завершая "Жертвоприношение Ноя", четырех юных титанов, сидящих по углам этой фрески, "Эритрейскую Сивиллу" и "Пророка Исайю", помещенных друг против друга, на противоположных падугах, а возвращаясь домой, принимался готовить картон "Изгнание из Рая". Уже тридцать дней он спал, не раздеваясь, не снимая даже башмаков, и когда однажды, закончив очередную часть плафона, еле живой от усталости, велел Мики снять с себя башмаки, то вместе с башмаками у него слезла с ног и кожа.

Он забыл в своем рвении всякую меру. Работая стоя под самым потолком, он должен был закидывать голову, оттягивать назад плечи и сильно выгибать шею, отчего у него начиналось головокружение и ломота во всех суставах; в глаза ему капала краска, хотя он привык щурить их при каждом взмахе кисти, как когда-то шурил, оберегаясь от летящей мраморной крошки. Трех подставок, сооруженных Росселли, ему уже не хватало, и тот построил четвертую, еще выше. Он писал и в сидячем положении, весь скорчившись, прижимая для равновесия колени к животу, и прикивал к плафону так близко, что от глаз до потолка оставалось лишь несколько дюймов: в тощих его ягодицах скоро появлялась такая боль, что невозможно было терпеть. Тогда он откидывался на спину и подтягивал колени почти к подбородку с тем, чтобы поддерживать ими руку, протянутую к потолку. Поскольку он больше не заботился о своей внешности и совсем не брился, его борода стала

превосходной мишенью для падавшей с потолка краски и воды. И как бы он ни вытягивался, как ни стибался, какую позу ни принимал, вставал ли на колени, ложился на спину или вновь поднимался, он все время испытывал огромное напряжение.

Затем он решил, что он слепнет. Получив письмо от брата Буонаррото, он начал было читать его, но перед глазами у него поплыли какие-то неясные пятна. Он отложил письмо, умылся, рассеянно подцепил несколько раз вилкой безвкусные макароны, сваренные для него Мики, и снова взялся за письмо. Он не мог разобрать а нем ни слова.

В отчаянии он лег на кровать. Что он делает с собой? Он отказался исполнить простую работу, о которой просил его папа, и замыслил совсем другой план, и вот теперь он выйдет из этой капеллы сторбленным, кривобоким, слепым карликом, потерявшим человеческий облик и постаревшим по своей собственной великой глупости. Как Торриджани искалечил ему лицо, так этот свод искалечит все его тело. Он будет носить шрамы от сражения с этим плафоном до самой своей кончины. И почему только у него все складывается так дурно и несчастливо? Он мог бы потрафить папе, избегая с ним стычек, и давно жил бы уже во Флоренции, наслаждаясь обедами в Обществе Горшка, любуясь своим уютным и удобным домом и работая над изваянием Геракла.

Совсем лишившись сна, страдая от боли во всем теле, чувствуя тоску по родине и страшное свое одиночество, он встал в черной, как чернила, темноте, зажег свечу и на обороте старого рисунка принялся набрасывать строки, стараясь этим как бы облегчить свое горе.

От напряжения вылез зоб на шею
Моей, как у ломбардских кошек от воды,
А может быть, не только у ломбардских.
Живот подполз вплотную к подбородку,
Задралась к небу борода. Затылок
Прилип к спине, а на лицо от кисти
За каплей капля краски сверху льются
И в пеструю его палитру превращают.
В живот воткнулись бедра, зад свисает
Между ногами, глаз шагов не видит.
Натянута вся спереди, а сзади
Собралась в складки кожа. От стибанья
Я в лук кривой сирийский обратился.
Мутится, судит криво
Рассудок мой. Еще бы! Можно ль верно
Попасть по цели из ружья кривого?
...Так защити же
Поруганную честь и труд мой сирий;
Не место здесь мне. Кисть - не мой удел.

Он получил вест, что брат его Лионардо умер в монастыре в Пизе. Было неясно, почему он оказался в Пизе, там ли его и похоронили, от какой болезни он умер. Но когда Микеланджело пошел в церковь Сан Лоренцо ин Дамазо заказывать мессу за упокой души Лионардо, он понял, что ему не надо узнавать, от чего умер брат: он умер от избытка рвения. Как можно поручиться, что и ему самому не суждено умереть от того же недуга?

Мики наткнулся на колонию каменотесов в Трастевере и теперь проводил с ними все вечера и праздники. Росселли ездил то на юг, в Неаполь, то на север, в Витербо и Перуджию, и, как признанный мастер своего дела, штукатурил стены под роспись. Микеланджело безвыездно жил в Риме. И никто больше не заглядывал к нему, никто не приглашал к себе. Разговоры его с Мики касались главным образом растирания красок и заготовки материалов, нужных для работы на лесах. Он вел такой же затворнический образ жизни, как монахи в Санто Спирито.

Он уже не ходил в папский дворец беседовать с Юлием, хотя папа, после второго посещения капеллы, прислал ему тысячу дукатов на расходы. Ни одна живая душа больше не появлялась в Систине. Когда Микеланджело шел из

своего дома в капеллу и из капеллы домой, он спотыкался, будто слепец, и с трудом переходил площадь: голова его была опущена, он никого не замечал. Прохожие тоже больше не обращали внимания на его запачканные красками и известью платье, лицо, бороду, волосы. Кое-кто считал его сумасшедшим.

"Помешанный, - такое слово было бы вернее, - бормотал Микеланджело. - Когда я провел весь день на Олимпе среди богов и богинь, как мне снова примениться к этой жалкой земле?"

Он и не пытался этого сделать. Ему было довольно того, что он достиг своей главной цели: жизнь людей на его плафоне была реальной, истинной жизнью. На тех же, кто был на земле, он смотрел как на призраков. Его ближайшими, сердечными друзьями были Адам и Ева, написанные на четвертой большой фреске плафона. Он изобразил Адама и Еву в Райском саду не болезненно-слабыми и боязливыми, а могуче сложенными, живыми и прекрасными созданиями; в них чувствовалась такая же изначальная естественность, какая была в камне, у которого они остановились, подойдя к обвитому змием дереву, и они поддались искушению скорее от спокойного сознания своей силы, чем от младенческой глупости. Это была пара, способная дать начало человеческому роду! И когда они, изгнанные, бежали из рая в некие пустынные земли к меч архангела, показанного в правой части фрески, был занесен прямо над их головами, они были испуганы, но не покорены, не сломлены духом и не унижены до степени пресмыкающихся. Это были прародители человека, созданные самим господом богом, и он, Микеланджело Буонарроти, вызвал их к жизни во всем их благородстве и телесной красоте.

16

В июне 1510 года, двенадцать с лишним месяцев спустя после того, как Микеланджело показал Юлию Потоп, первая половина свода была расписана. На малой центральной фреске Бог, окутанный широким розовым хитомом, только что вызвал Еву из ребра спящего Адама; по углам фрески, обрамляя ее, были изображены четыре обнаженных юноши, которым предстоит родиться от Адама и Евы, - у них прекрасные лица и сильные тела, словно бы изваянные из мрамора теплых тонов; по обе стороны от юношей, книзу, под стягивающим весь свод карнизом, помещались на своих тронах похожая на Вулкана Кумекая Сивилла и Пророк Иезекииль. Половина плафона была теперь захвачена разливом великолепных красок - горчично-желтых, бледно-зеленых, цвета морской воды, лилово-розовых, лазурно-голубых, и среди них сияли, будто под лучами солнца, телесные тона могучих обнаженных фигур.

Микеланджело никому не говорил, что плафон наполовину закончен, но папа узнал об этом без промедления. Он прислал грума сказать Микеланджело, что после обеда будет в Систине. Микеланджело помог Юлию взобраться на последние перекладыни лестницы, сделал с ним круг по помосту, показав Давида и Голиафа, Юдифь и Олоферна, сюжеты из истории предков Христа, написанные в распалубках над окнами.

Юлии потребовал тотчас же разобрать леса с тем, чтобы все увидели, какое великолепие создается на плафоне.

- Святой отец, разбирать леса еще не время.

- Почему?

- Потому что еще многое остается дописывать: младенцев, играющих позади тронов Пророков и Сивилл, обнаженные фигуры на вершинах распалубок, по обеим сторонам...

- Но я слышал, что первая половина плафона закончена.

- Главные картины действительно закончены, но надо дописать еще так много деталей...

- Когда же это будет сделано? - упрямо допрашивал папа.

Микеланджело взяла злость. Он решительно отрезал:

- Когда будет готово!

Юлий вспыхнул и, передразнивая Микеланджело, резким хриловатым голосом

повторил его фразу:

- Когда будет готово! Когда будет готово!

Затем он в ярости поднял свой посох, на который опирался, и ударил им Микеланджело по плечу.

Наступила тишина, противники стояли, впившись друг в друга глазами. Микеланджело весь похолодел и, потрясенный, не чувствовал боли в плече. Он поклонился и сдержанно, словно его чувства были уже сокрушены этим ударом, сказал по правилам ритуала:

- Все будет сделано, как того желает ваше святейшество. Леса разберут завтра же, и капелла будет готова к осмотру.

И он отступил назад, давая дорогу Юлию, чтобы тот спустился по лестнице вниз.

- Тебе, Буонарроти, не дано отставить своего первосвященника! - вскричал Юлий. - А вот ты отставлен!

Микеланджело сбегал вниз вслед за папой, еле касаясь перекладин лестницы, и вышел из капеллы. Значит, конец всему! Горчайший, позорный конец - быть побитым палкой подобно холопу. Он, Микеланджело, клявшийся возвысить положение художников в мире и добиться того, чтобы их считали не просто мастеровыми, а самыми уважаемыми людьми, он, которого превозносило Общество Горшка за его дерзкий отказ подчиниться папскому велению, был обесчещен и унижен так, как еще не унижали ни одного из именитых художников!

Волны нервного потрясения все время охватывали его, пока он, слепо спотыкаясь, брел по каким-то неведомым ему улицам и едва угадывал дорогу к дому. Он, Микеланджело, заново создал целый мир. Он хотел быть богом! Что же, папа Юлий Второй указал ему его место. Юлий - наместник бога на земле, ведь об этом толковал даже брат Лионардо, а он, Микеланджело Буонарроти, был лишь тружеником в полях. Не странное ли дело - один удар палки может развеять столь много иллюзий.

"_Не место здесь мне. Кисть - не мой удел!_"

Триумф Браманте был полным.

Что должен делать теперь он, Микеланджело? Юлий никогда не простит ему того, что он разгневал его, папу, и заставил пустить в ход палку, а он, Микеланджело, никогда не простит Юлия за то, что тот нанес ему такое бесчестие. Он никогда уже не возьмет в руки наполненную краской кисть, никогда не коснется ею плафона. Вторую половину свода может расписывать Рафаэль.

Вот он уже доплелся до дома. Там ждал его Мики. Встретив Микеланджело, он не произнес ни слова, только пучил глаза, как филин.

- Собирай свои пожитки, Мики, - сказал ему Микеланджело. - И убирайся отсюда не теряя времени. Нам лучше уехать из Рима порознь. Если папа прикажет арестовать меня, я не хочу, чтобы вместе со мной попался и ты.

- Он не имел права ударить вас. Он вам не отец.

- Он мне святой отец. Он может предать меня смерти, если захочет. Но ему надо сначала еще захватить меня!

Микеланджело стал набивать одну парусиновую сумку своими рисунками, а другую платьем и остальными вещами. Потом он принялся писать записку Росселли, чтобы попроситься с ним и просить его отвезти всю мебель и домашнюю утварь перекупщику в Трастевере. Через несколько минут, когда он кончил писать, в дверь постучали. Мики метнул взгляд на запасную дверь. Но бежать было уже поздно. Значит, подумал Микеланджело, его поймали, он не успел скрыться. Что его ждет теперь - какая новая кара, какое унижение? Он мрачно усмехнулся: когда ты провел четырнадцать месяцев под самым сводом, лежа лицом вверх, у темницы Святого Ангела наверняка окажутся свои удобства!

В дверь постучали вторично, очень резко. Он отворил ее, ожидая увидеть стражу. Вместо нее перед ним стоял камерарий Аккурсио.

- Могу я войти, мессер Буонарроти?

- Вы пришли арестовать меня?

- Мой милый друг, - мягко сказал Аккурсио, - вам не надо принимать слишком близко к сердцу такие пустяки. Неужели вы допускаете мысль, что первосвященник позволит себе ударить человека, которого бы он не любил?

Микеланджело притворил дверь и стоял теперь, упершись ладонями в стол и глядя широко открытыми глазами прямо в лицо камерария.

- Вы хотите сказать, что папский удар - это знай благоволения его святейшества?

- Папа любит вас, любит как одаренного, хотя и непокорного сына. - Аккурсио вынул из-за пояса кошелек и положил его на рабочий стол Микеланджело. - Первосвященник просил меня передать вам эти пятьсот дукатов.

- ...золотое снадобье, чтобы залечить мою рану?

- ...и таким образом извиниться перед вами.

- Святой отец хочет сказать, что он желает извиниться передо мной?

- Да. Он решил это сделать, едва переступил порог дворца. Ведь все произошло против его воли. Папа говорит, что это случилось только потому, что и над вами и над ним властвует эта ужасная террибилита.

- Кому-нибудь известно, что папа послал вас ко мне с извинением?

- Разве это так важно?

- Поскольку весь Рим будет знать, что первосвященник ударил меня, я могу жить здесь только в том случае, если всем станет известно, что он извинился.

Аккурсио мягко пожал плечами:

- Разве мыслимо, чтобы в нашем городе что-то осталось тайной?

Освятить и открыть для публики первую половину плафона Юлий решил накануне Успения. Десятник Моттино со своими рабочими разбирал и вытаскивал из капеллы леса, за ним присматривал Росселли. Все эти суматошные дни Микеланджело просидел дома: он готовил картоны Пророков Даниила и Иеремии, Ливийской и Персидской Сивилл. Он ни разу не показался ни близ Систины, ни близ папского дворца. Юлий не вступал с ним ни в какие переговоры и не передавал ни слова. Перемирие их было весьма натянутым.

Микеланджело уже совсем не следил за временем. Он знал, зима сейчас или лето, порой ему было известно, какой наступил месяц, но часто этим дело и кончалось. Когда он писал письма во Флоренцию, он не мог поставить под ними дату и объяснял это так: "Не знаю, какой сегодня день, но, кажется, вчера была пятница". Или: "Я не знаю, какое сегодня число, но вчера, я знаю, был день Святого Луки". Папа не дал ему приказа прийти на богослужение в Систину. Он узнал о состоявшейся в капелле церемонии почти случайно, когда однажды в полдень Мики услышал стук в дверь и ввел к нему в комнату Рафаэля. Микеланджело сидел, склонившись над своим рабочим столом, и рисовал Амана и Медного Змия для распалубок.

Взглянув на Рафаэля, он заметил, что тот сильно постарел, под глазами у него были темные круги, все лицо несколько одрябло. Рафаэль был в розовато-лиловом атласе, украшенном драгоценными камнями. Заказчики, хлынувшие в его мастерскую толпами, предлагали ему самую разнообразную работу - от отделки кинжала до возведения огромных дворцов. Все, на что у Рафаэля не хватало времени, делали за него его помощники. Рафаэлю было теперь всего двадцать семь лет, но выглядел он на добрый десяток старше. Если Микеланджело изнурял и старил его тяжкий труд, то красота Рафаэля несла ущерб от всякого рода излишеств: от яств и вина, от женщин, от развлечений с друзьями, от неумеренных похвал.

- Мессер Буонарроти, ваша капелла буквально сразила меня, - сказал Рафаэль, и в голосе и глазах его чувствовалось истинное восхищение. - Я пришел извиниться. При встрече с вами я вел себя дурно. Мне не следовало говорить с вами так, как я говорил тогда на площади. Я должен был отнестись к вам с большим уважением.

Микеланджело вспомнил, как он ходил к Леонардо да Винчи извиняться за свои дурные манеры.

- Художники должны прощать друг другу все грехи.

Никто больше не пришел поздравить его, никто ни разу не остановил его на улице и не начал разговора, никто не предлагал ему новых заказов. Он жил теперь в таком одиночестве, словно был уже мертвецом. Роспись плафона Систины ничуть не взволновала римскую публику, все будто свелось к частному поединку между Микеланджело, господом богом и Юлием Вторым.

Но тут папа Юлий вдруг оказался завязнувшим в войне.

Спустя двое суток после открытия капеллы Юлий во главе своей армии покинул Рим – он хотел вытеснить французов из Северной Италии и тем укрепить и обезопасить папское государство. Микеланджело видел его отъезд: папа сидел на горячем боевом скакуне; в сопровождавшей его процессии были отряды испанцев, присланные испанским королем, получившим за это из рук папы власть над Неаполем; затем двигались наемники-итальянцы, которыми командовал племянник Юлия герцог Урбинский; войско римлян возглавлял другой его родственник, Маркантонио Колонна. Первой задачей папы было осадить Феррару, союзника Франции. Юлий позаботился о помощи – должно было подойти пятнадцатитысячное швейцарское войско, поддержанное значительными силами венецианцев. Но, продвигаясь на север, войскам папы надо было принудить к повиновению независимые города-государства Модену и Мирандолу, родовое гнездо великого Пико...

Микеланджело грызла тревога: ведь французы были единственными покровителями республики Флоренции. Если папа сумеет изгнать французские войска из Италии, положение Флоренции станет очень уязвимым. Тогда недалек будет день, когда гонфалоньер Содерини и вся Синьория тоже почувствуют на своей спине удар палки Юлия. Микеланджело оказался теперь на мели, или, вернее, сам посадил себя на мель. Камерарий Аккурсио передал ему папские дукаты и папское извинение, но он не передал просьбы первосвященника снова возвести в Систине леса и возобновить работу над алтарной половиной свода. Юлий ждал, когда Микеланджело явится в Ватикан с поклоном. А он, Микеланджело, ждал, чтобы Юлий сам пригласил его. Папа уехал из Рима, может быть, на много месяцев. Что же остается теперь делать ему, Микеланджело?

Отец писал, что во Флоренции тяжело болеет брат, Буонаррото. Микеланджело очень хотелось съездить домой и побыть подле брата, но как осмелиться покинуть Рим? И вместо поездки в родной город он послал туда денег, поубавив содержимое кошелька, полученного от папы вместе с извинением через камерария. Он раздумывал, где бы раздобыть заказ на скульптуру или на живопись и таким образом занять себя и до возвращения папы заработать какую-то сумму денег. Но он не привык искать заказов. Он даже не знал, как приступить к этим поискам.

Услышав, что папский канцелярист, флорентинец Лоренцо Пуччи уезжает из Рима, направляясь к папе в Болонью, Микеланджело разыскал его и спросил, не может ли он поговорить с Юлием от его, Микеланджело, имени: Микеланджело желал получить у папы пятьсот дукатов, которые тот должен был ему за уже расписанную половину плафона; помимо того, пусть папа скажет, надо ли начинать работу над второй половиной свода и будут ли отпущены средства на возведение лесов. Лоренцо Пуччи ответил Микеланджело, что постарается уладить дело как можно лучше. Более того, он обещал подумать, нельзя ли найти для Микеланджело какой-нибудь дополнительный заказ и тем дать ему возможность пережить такое трудное время.

В эти именно дни Микеланджело принялся писать сонет, обращенный к папе:

...Я ж – твой слуга: мои труды даны
Тебе, как солнцу луч, – хоть и порочит
Твой гнев все то, что пыл мой сделать прочит,
И все мои старанья не нужны.

17

Микеланджело получил возможность продолжить роспись плафона лишь после наступления нового, 1511, года. В течение всех эти недель и месяцев, тяжких своем неопределенностью, он сильно нуждался, много страдал и пережил не одно крушение надежд. Не в силах больше выдержать бездействия, он кинулся в Болонью, к папе, но увидел, что семейство Бентивольо там снова пришло к власти, а Юлий был так занят своими хлопотами, что даже не

мог принять Микеланджело и уделить ему несколько минут. Микеланджело поехал оттуда прямо во Флоренцию – он хотел повидаться с домашними и взять денег из прежних своих сбережений, отданных на хранение эконому больницы Санта Мария Нуова. На эти деньги Микеланджело рассчитывал возвести в капелле леса и приняться за роспись, не дожидаясь ни разрешения папы, ни его субсидий. Брат Буонаррото уже выздоровел, но был слишком еще слаб, чтобы начать работать, а отец получил от Флоренции государственный пост – первый в семействе Буонарроти пост при жизни Микеланджело, – Лодовико сделали подестой в городке Сан Кашано. Когда Лодовико отправлялся туда, он забрал у эконома больницы часть Микеланджеловых денег, не поставив его в известность об этом и не спросив его согласия, хотя законных прав на деньги сына у него уже не было. Оправдываясь перед Микеланджело, отец писал в своем письме так:

"Я взял эти деньги в надежде, что смогу их вернуть раньше твоего приезда во Флоренцию. Теперь я вижу, что ступил, и я ужасно сожалею об этом. Я поступил так потому, что послушался советов посторонних людей".

Микеланджело возвратился в Рим с пустыми руками. И по всему было видно, что папа Юлий скоро возвратится в Рим тоже с пустыми руками. Военные дела Юлия складывались весьма неудачно: несмотря на то, что он захватил Модену, его гарнизон в Болонье оказался очень слабым, продовольствия там не хватало, прямо у ворот города стояли войска Бентивольо, а в нескольких верстах от Болоньи укрепились французы. Феррара дала войскам папы отпор, нанесла им серьезное поражение; французы подкупили швейцарские отряды, и те согласились возвратиться к себе на родину; папа был уже готов направить племянника Пико делла Мирандола к французам для переговоров о своей сдаче, но тут появились венецианские и испанские войска и успели спасти его от такого позора.

Папский канцелярист вернулся в Рим и привез Микеланджело денег, а также разрешение возводить леса под второй половиной плафона, ближе к тропу папы; средства на постройку лесов тоже были отпущены. Теперь Микеланджело мог вступить в схватку с богом – писать Господа, творящего Адама, писать сотворения Солнца и Луны, отделение вод от суши, света от тьмы; он мог теперь бороться за то, чтобы зиждатель предстал на его плафоне с той убеждающей силой, которая заставила бы всех воскликнуть: "Да! Это господь бог. Только он и никто другой!" Эти четыре фрески с образом господя бога стали сердцевиной свода. От них зависело на плафоне все остальное. Если бы он не смог создать бога с такой убедительностью, с какой бог создал человека, этот плафон лишился бы своей души, оправдывавшей весь замысел Микеланджело и всю его работу.

Он всегда любил бога. В самые мрачные свои часы он говорил: "Бог создал нас не для того, чтобы покинуть". Вера в бога всегда укрепляла его; а теперь ему надо явить и показать миру, что же такое бог, как он выглядит и какие внушает чувства, в чем заключена его волшебная сила и благодать. Его бог не должен быть каким-то особенным, созданным только по его представлениям, он должен быть богом-отцом всем людям, таким, каким они могут принять его, почитать его и ему поклоняться.

Это была весьма непростая задача, но он не сомневался, что может создать образ такого бога. Ему надо только запечатлеть на рисунках облик, который он носил в себе с самого детства. Бога как самую прекрасную, могучую, разумную и любящую силу во вселенной. Поскольку бог сотворил человека по образу и подобию своему, у бога и лицо и тело человека. Первое человеческое существо, которое создал бог, Адам, конечно же, был во всем подобен богу. Явив взору Адама, сына божьего, который был возлюбленным творением своего создателя, показав великолепие его тела, благородство мысли, нежность души, красоту его лица, и рук, и ног, видя в нем прообраз всего самого прекрасного, что только есть на небе и на земле, – явив взору такого Адама, разве этим косвенно не скажешь и о самом боге-отце? Богу, летящему в белом одеянии, с величавой бородой, остается только протянуть к Адаму свою десницу и через какое-то мгновение чуть коснуться его, чтобы от этого одухотворяющего прикосновения получили свое начало и человек, и весь мир.

Пока Микеланджело, паря высоко в небесах, писал малую фреску "Бог,

отделяющий Воду от Суши". Юлий все глубже погружался в пучину земных горестей, уготованных сокрушенным воителям, и уже по-иному теперь смотрел на своего живописца в Сistine. Он потерпел неудачу, осаждая Феррару, и ничего не добился, стараясь расстроить союз между Священной Римской империей и Францией; к тому же у него так разыгралась подагра, что его привезли в Равенну на телеге, запряженной волами. Папские войска и войска Венеции были жестоко побиты феррарцами, которые бушевали всюду, финансовые средства папы так истощились, что он вынужден был продать восемь новых кардинальских постов, собрав восемьдесят тысяч дукатов – по десять тысяч с каждого кардинала. Французы и феррарцы вновь захватили Болонью и восстановили власть семейства Бентивольо. Юлий потерял там свою армию, артиллерию, обоз, утратил последние свои ресурсы. Когда он разгромленный, ехал обратно в Рим, он узнал о бунте церковников: на портале кафедрального собора в Римини висело воззвание духовенства, обращенное к Генеральному совету в Пизе, – священнослужители требовали провести следствие и осудить всю политику папы Юлия Второго.

Крушение Юлия было крушением и Микеланджело, ибо его жизнь теперь тесно переплелась с жизнью первосвященника. В тот день, когда Бентивольо пришли к власти, болонцы стеклись на площадь Маджоре и сбросили Микеланджелову бронзовую статую Юлия наземь, прямо на бульжники. Торжествующий герцог Феррары позже расплавил статую, пустив металл на пушку и назвав ее "Юлий". Микеланджело отдал этой статуе пятнадцать месяцев усердного труда, вложил в нее столько творческой энергии, столько настрадался – и вот теперь на площади Маджоре торчала лишь самая заурядная пушка, которая стала объектом бранных насмешек со стороны болонцев и которую, конечно, применят против папы Юлия, если только тот осмелится опять выступить на север с новым войском. Винченцо ликовал.

Микеланджело казалось, что здесь, в Риме, события неизбежно пойдут тем же гибельным ходом. В теплые и светлые дни мая и июня он не спускался с лесов, непрерывно работая по семнадцать часов в сутки; еду и горшок на случай нужды, чтобы не отрываться от дела и не слезать вниз, он держал тоже наверху и писал, писал как одержимый – ему хотелось быстрее закончить четыре великолепные фигуры обнаженных мужчин, расположенные по углам фрески, потом юного Пророка Даниила с огромнейшей книгой на коленях, на противоположной стороне Персидскую Сивиллу, старуху в белых и розовых одеждах, и затем единственный по своей силе на всем плафоне, необыкновенно впечатляющий лик бога-отца, в напряженно-драматическом действии созидающего золотой шар солнца... Молясь о счастливом окончании труда и поминутно отчаиваясь в этом, Микеланджело стремился завершить свою Книгу Бытия, пока его покровитель еще держался у власти. Ведь если разъяренные духовные и военные противники свергнут папу, то они, желая уничтожить всякие следы правления Юлия Второго, пошлют в Сistine команду рабочих, и те замажут белилами весь Микеланджелов плафон.

Это была отчаянная борьба с самой судьбою. Возвратясь после истребительной междоусобной войны в Рим, папа оказался самым ненавистным человеком в Италии; казна его была так опустошена, что ему пришлось снести к банкиру Киджи папскую тиару; спрятав ее под своими одеяниями, он явился в дом банкира как бы на обед, а на самом деле хотел занять у него под залог своей драгоценности сорок тысяч дукатов. Враги Юлия поднялись во всех городах-государствах, которые он пытался завоевать или подчинить: в Венеции, Болонье, в Модеме, в Перуджии, в Мирандоле. Даже римские дворяне, из тех, кто занимал командные посты в его армии, образовали сейчас лигу против Юлия.

Ощущая нерасторжимую свою связь с папой и видя, в каком он положении, Микеланджело понял, что ему надо идти к Юлию – никакое иное соображение не заставило бы его покинуть свой помост хотя бы на день.

– Святой отец, я пришел к вам засвидетельствовать свое почтение.

Лицо Юлия было измождено тяжелыми испытаниями и болезнью. Недавнюю стычку с Микеланджело папа не забыл, но он интуитивно чувствовал, что тот явился к нему не из побуждений мести.

Юлий заговорил в самом дружеском, теплом тоне; оба они хорошо сознавали, что их судьбы соединились теперь очень крепко.

– Как твой плафон, успешно ли идет работа?

– Ваше святейшество, я думаю, что плафон доставит вам удовольствие.

- Что ж, если это так, ты будешь первым за долгое время, кто преподнесет мне такой подарок.

- В искусстве это не проще, чем в военном деле, святой отец, - твердо заметил Микеланджело.

- Я пойду с тобой в Сistine. Сейчас же пойду.

Он едва влез на помост. На последних ступеньках лестницы Микеланджело пришлось его поддерживать. Папа закинул голову, отглядывая роспись, и вдруг увидел над собой бога, уже готового наделить Адама даром жизни. На его потрескавшихся губах появилась улыбка.

- Ты действительно веришь, что господь бог столь милостив?

- Да, святой отец.

- Я горячо надеюсь, что это так, потому что я скоро предстану перед ним. Если господь бог таков, каким ты написал его, тогда грехи мои будут отпущены. - Папа повернулся к Микеланджело, лицо его лучилось в улыбке.

- Я очень доволен тобой, сын мой.

Согревшись от жаркого солнца и папской похвалы, Микеланджело обрел спокойное, ясное состояние духа. Ему хотелось подольше сохранить это ощущение счастья, ничем не омрачая его, - с таким именно настроением он пересекал площадь, где уже поднимались пилоны и стены нового храма Святого Петра. Подойдя к ним ближе, он удивился: Браманте строил не из сплошного камня и бетона, как это было издавна принято при возведении соборов, а заполнял полости между бетонных стен рваным бутом и щебнем, оставшимся от старой базилики. Внешне все выглядело солидно и прочно, но разве это не опасный путь, если громоздишь столь тяжелую конструкцию?

Через минуту Микеланджело столкнулся с еще более разительным фактом. Обходя работы вокруг и наблюдая за рабочими, готовившими бетон, он обнаружил, что они не соблюдают доброго строительного правила - брать одну часть цемента на три или четыре части песка, а смешивают десять - двенадцать частей песка с одной частью цемента. Строители будто не понимали, что подобный раствор нельзя применять при возведении даже обычных зданий, а когда дело касалось такой громады, как собор Святого Петра, то рыхлая забутовка, заполняющая пустоты стен, и плохой цемент грозили прямой катастрофой.

Микеланджело сразу же направился во дворец Браманте; ливрейный лакей провел его в пышную приемную с бесценными персидскими коврами, прекрасными шпалерами и дорогой мебелью. Микеланджело не звали сюда, но то, что он хотел сообщить хозяину, не терпело никаких отлагательств. Браманте сидел в своей библиотеке и работал, одет он был в шелковый халат с золотыми застежками у ворота и на поясе.

- Браманте, мне хочется думать, что ты просто не знаешь, как обстоят дела на строительстве, - начал Микеланджело без обиняков, даже не поздоровавшись. - А ведь когда стены собора Святого Петра рухнут, тогда никто не спросит, произошло ли это по твоей глупости или по небрежности. Но твои стены непременно рухнут.

Неожиданное вторжение Микеланджело вызвало у Браманте явную досаду.

- Твое дело - раскрашивать плафоны, а не учить меня, величайшего зодчего Европы, как класть стены!

- Да, но ведь именно я научил тебя, как ставить леса в капелле. А ныне, я полагаю, тебя кто-то надуваем с этими стенами.

- Неужто? Каким же это образом?

- Там кладут в раствор гораздо меньше цемента, чем полагается.

- Ах, так ты еще и строитель!

Микеланджело пропустил это замечание мимо ушей.

- Проследи, Браманте, как твой десятник готовит раствор. Кто-то там нагревает на этом руки...

Браманте побагровел от гнева, втянул голову в бычьи свои плечи и стиснул челюсти.

- Ты кому-нибудь, кроме меня, говорил об этом?..

- Никому. Я спешил к тебе, хотел предупредить.

Браманте поднялся с кресла, крепко сжал кулаки и стал крутить ими перед своим носом.

- Буонарроти, если ты побежишь к папе и устроишь там скандал, клянусь, я задушу тебя вот этими руками. Ты просто-напросто невежда и смутьян... Флорентинец!

Он произнес это слово так, будто оно было смертельным оскорблением. Микеланджело хранил спокойствие.

- Я посмотрю еще два дня, как будут делать у тебя раствор. Если по-прежнему будешь сыпать туда столько песка, я донесу об этом папе. Я буду рассказывать об этом всем, кто только станет слушать.

- Никто тебя не будет слушать. Ты не пользуешься никаким уважением в Риме. А теперь вон из моего дома!

Дни шли, а бетон замешивался точно так, как и раньше, Браманте никаких мер не предпринимал. Микеланджело смыл с себя пот и краску, хорошенько попарившись в банях на площади Скоссакавалли, надел коричневую рубашку и рейтузы и пошел в папский дворец. Юлий слушал его в течение нескольких минут, потом нетерпеливо прервал, хотя и без особой неприязни в голосе.

- Сын мой, тебе не надо отвлекаться от своих дел и вмешиваться в чужие. Браманте уже говорил мне, как ты на него нападаешь. Причины вашей вражды мне неизвестны, но она недостойна вас.

- Святой отец, я искренне беспокоюсь о том, надежно ли строится храм. Новый собор Святого Петра возник по мысли Сангалло, когда он предложил построить отдельную капеллу для гробницы вашего святейшества. Я тоже отвечаю за это дело.

- Буонарроти, ты что - архитектор?

- Да, архитектор в том смысле, в каком бывает архитектором любой хороший скульптор.

- Но настолько ли велики твои знания и опыт в архитектуре, чтобы равняться с Браманте?

- Нет, святой отец, не настолько.

- Вмешивается он в твою работу по росписи плафона в Сistine?

- Нет, не вмешивается.

- Так почему бы тебе не расписывать спокойно свой плафон, дав Браманте возможность строить храм, как он хочет?

- Если бы ваше святейшество назначили комиссию, чтобы разобраться в этом... Я говорю лишь из чувства преданности вам...

- Я знаю это, сын мой, - ответил Юлий. - Но собор Святого Петра будет строиться еще много лет. И если ты каждый раз будешь шуметь здесь в гневе, когда тебе что-то придется не по нраву...

Микеланджело вдруг опустился на колени, поцеловал у папы перстень и вышел. В конце концов папа прав. Почему бы ему, Микеланджело, не думать об одном лишь своем деле? И все же он не мог оставаться равнодушным к новому собору. Из-за того, что начали строить этот собор, лишился своего поста Сангалло, а Браманте приобрел такое сильное влияние на папу, что уговорил его прекратить работы над мраморами для гробницы, в результате чего Микеланджело не стали пускать в папский дворец и ему пришлось жить, бездействуя, во Флоренции, потом пятнадцать месяцев попусту работать в Болонье, а теперь, уже более года, трудиться, как рабу, над сводом.

Микеланджело был глубоко огорчен и в то же время озадачен. Ведь Браманте, - размышлял он, - был слишком хорошим архитектором, чтобы подвергать опасности самое крупное и значительное свое создание. Должна же тут быть какая-то разгадка! Лео Бальони знал все на свете, и скоро Микеланджело постучался в его дверь.

- Дело объясняется очень просто, - с небрежным видом ответил Лео. - Браманте живет не по средствам, сотни тысяч дукатов летят у него направо и налево. Он всегда нуждается в деньгах... Он готов на что угодно, чтобы их раздобыть. А пока вот выплачивает свои долги, подрывая стены собора Святого Петра.

Микеланджело вскрикнул, задыхаясь:

- Ты сказал об этом папе?

- Нет, разумеется.

- Но как ты можешь молчать, зная о таком мошенничестве?

- Вот ты разъяснил папе все обстоятельства. И чего ты добился, кроме совета заниматься своими делами?

В августе, когда Микеланджело начал писать "Сотворение Евы", Юлий поехал на охоту в Остию и возвратился оттуда больным: у него был тяжелый приступ малярии. Говорили, что он безнадежен. Жилые его покои были сразу же разграблены, вплоть до постельного белья; римские дворяне подняли шум, грозясь "изгнать варвара из Рима"; иерархи со всей Италии спешно съезжались в Рим и были готовы избрать нового папу. Город гудел от слухов. Придет ли наконец черед кардинала Риарио и станет ли Лео Бальони доверенным лицом папы? Тем временем французы и испанцы наседали на границы Италии, рассчитывая воспользоваться смутой и завоевать страну. От волнения Микеланджело не находил себе места. Если папа Юлий умрет, кто будет платить за работу над второй половиной свода Систины? Ведь у Микеланджело было на этот счет лишь устное соглашение с Юлием, а какого-либо письменного договора, который могли бы признать наследники папы, не существовало.

Единственным во всей Италии оплотом покоя казалась теперь Флоренция: гений гонфалоньера Содерини оберегал этот город от распрей и раздоров; сторонясь союзов и войн, Флоренция соблюдала твердый нейтралитет, предоставляя убежище и папским и французским воинам. Она отказалась приютить у себя Генеральный совет Пизы, враждующей с папой, но не хотела и посылать против пизанцев свое войско. Микеланджело понимал, что ему следовало быть сейчас во Флоренции и жить там до конца своих дней, а не мучиться в этой столице хаоса.

Юлий одурачил Рим: он выздоровел. Дворяне-бунтовщики бежали. Папа наложил свою тяжелую руку на весь Ватикан и на всю церковь, и в казну начали поступать деньги. Он вновь выплатил Микеланджело пять сотен дукатов. Микеланджело послал скромную сумму домой, но большую часть полученных денег оставил при себе в Риме.

- Я очень польщен! - возрадовался Бальдуччи, когда Микеланджело поместил свои деньги в его банк. От хорошей жизни Бальдуччи приобрел солидность и важную осанку, у него уже было четверо детей. - Раньше ты считал, что любой жульнический банк во Флоренции вернее и надежнее честного банкирского дома в Риме. Что же случилось?

- Бальдуччи, я уберег бы себя от многих тяжких хлопот, если бы ты вел мои денежные дела с самого начала. Но когда речь идет о деньгах, художники способны на любую глупость.

- Теперь, когда ты независим и богат, - со своим неизменным юмором поддразнивал Бальдуччи друга, - теперь ты, конечно, придешь ко мне отобедать в воскресенье. Обычно мы приглашаем к себе всех наших крупных вкладчиков.

- Спасибо, Бальдуччи, я подожду до той поры, когда я стану у тебя не просто вкладчиком, а пайщиком.

Скоро Микеланджело сделал второй весомый вклад в банк Бальдуччи и снова отказался от приглашения к обеду. И тогда, в воскресенье, под вечер, банкир явился к Микеланджело сам, держа в руках торт, испеченный его собственным поваром. Бальдуччи не заглядывал к Микеланджело уже два года и был потрясен скудостью обстановки в его доме.

- Господи боже, скажи мне, Микеланджело, как ты можешь так жить?

- А что мне делать, Бальдуччи? Я держал подмастерьев. Они клялись, что хотят учиться и будут содержать дом в чистоте, но все оказались лентяями и ротозеями.

- Найди слугу, который умеет готовить пищу и убирать комнаты; это сделает твою жизнь хоть чуточку приятней.

- К чему мне слуга? Я не бываю дома целыми днями, даже обедать не прихожу.

- Ты, видно, не понимаешь, зачем держат слуг. Со слугой у тебя в доме всегда будет чисто, ты будешь прилично питаться. Придешь домой, а тебе уже готов ушат горячей воды, и ты можешь мыться, простыни у тебя свежие, выстиранные и уже аккуратно расстелены, бутылка вина, как это требуется, остужена...

- Довольно, довольно, Бальдуччи, ты рассуждаешь так, будто я какой-то богач.

- Может, ты и не такой богач, но все же ты скряга! Ты зарабатываешь вполне достаточно, чтобы жить как человек, а не... не... Ты губишь свое здоровье. Что толку, если когда-нибудь во Флоренции ты станешь и богатым, а прежде надорвешься в Риме?

- Я не надорвусь. Я из камня.

- Разве тебе так уж легко на твоих подмостках? А ты омрачаешь себе жизнь еще и этой бедностью...

Микеланджело нахмурился.

- Ты прав, Бальдуччи, я знаю. Должно быть, во мне и в самом деле есть что-то от отца. Но для хорошей жизни у меня теперь просто не хватает терпения. Пока я не кончил работу над плафоном, о каких-то удобствах или удовольствиях мне даже противно думать. Жить хорошо можно лишь тогда, когда ты счастлив.

- И когда же ты будешь счастлив?

- Когда я снова возьмусь за мраморы.

Наступила осень, а он все работал, упорно, ежедневно, работал, не отрываясь ни в воскресенья, ни в праздники. Нашелся и подросток-ученик - сирота Андреа, он помогал Микеланджело на лесах, приходя туда после обеда, и присматривал за его домом. Микеланджело поручил ему писать несколько декоративных бараньих голов, двери, плоские стены и полы - когда-то, в церкви Санта Мария Новелла, эту работу выполнял обычно Буджардини. Мики расписывал кое-какие детали тронов и карнизов. Напросился в ученики еще один юноша, Сильвио Фалькони, - у него был дар рисовальщика, и Микеланджело доверил ему исполнять декоративные элементы в угловых распалубках. Все остальное на плафоне написал Микеланджело сам - каждую фигуру и одеяние, каждое движение и жест, в котором сквозило свое чувство, своя мысль, каждого младенца за спинами Пророков и Сивилл - изысканно прекрасных Сивилл и великолепных в своей мощи иудейских Пророков, - каждый удар кисти был сделан им самим, и только самим: этот гигантский труд был исполнен за три ужасающих по напряжению года, хотя его хватило бы на целую жизнь.

А вокруг было вновь беспокойно: окрепнув и набравшись сил, папа Юлий ополчился на гонфалоньера Содерини и отлучил от церкви Флорентинскую республику - ведь она не поддержала папу во время военных действий, не дала своих войск и отказала в деньгах, когда папа был в тяжелом положении, она предоставляла убежище противникам папы и не пошла на то, чтобы сокрушить Генеральный совет Пизы. Юлий назначил легатом в Болонью кардинала Джованни де Медичи, желая держать под прицелом Тоскану и поскорей подчинить ее власти Ватикана.

Микеланджело получил приглашение посетить дворец Медичи на Виа Рипетта. В гостиной его ждали кардинал Джованни, кузен Джулио и Джулиано.

- Ты слышал, Микеланджело, что святой отец назначил меня панским легатом в Болонью и дал полномочия набирать войска?

- Подобно тому, как это делал Пьеро?

На минуту в гостиной воцарилась напряженная тишина.

- Смею надеяться, что пример Пьеро тут не подходит, - ответил наконец кардинал Джованни. - Все дела будут улаживаться мирным путем. Мы же, Медичи, хотим одного - снова быть флорентинцами, снова располагать там своим дворцом, и байками, и землями...

- А Содерини выгнать вон! - нетерпеливо вставил Джулио.

- Это входит в ваш план, ваше преосвященство?

- Да. Папа Юлий в гневе на Флоренцию и полон решимости покорить ее. Если Содерини исчезнет, то несколько крикунов в Синьории... - А кто будет править Флоренцией вместо Содерини? - спросил Микеланджело, стараясь сдержать свое волнение.

- Джулиано.

Микеланджело взглянул на Джулиано, сидевшего в другом конце гостиной: щеки у того заливала краска. Выбор кардинала Джованни был гениален. Этот тридцатидвухлетний человек с редкой бородкой и усами, страдавший, как говорили, болезнью легких, казался Микеланджело крепким и полным энергии. По уму, душевному складу и темпераменту он чем-то напоминал Великолепного. Целые годы занимался он науками, стараясь, в подражание отцу, набраться

знаний. Он был гораздо красивее Лоренцо, хотя нос у него производил впечатление слишком длинного и плоского, а над большими глазами нависали тяжелые веки. Ему были присущи многие из лучших свойств Лоренцо: мягкая душа, в какой-то мере мудрость и миролюбие. Он питал уважение к искусству и науке, горячо любил Флоренцию, ее людей, ее традиции. Если Флоренции суждено получить правителя, который стоял бы над выборным гонфалоньером и был бы независим от него, то младший, наиболее одаренный сын Лоренцо годился для такой роли вполне.

Все, кто сидел в этой комнате, знали, что Микеланджело расположен к Джулиано, даже любит его. Но они не знали, что в эту самую минуту перед взором Микеланджело во всем своем телесном облике стоял еще один человек – в пышном парадном одеянии, с худым и узким некрасивым лицом, с подвижным кончиком носа, мягким взглядом глаз и седой, с желтыми прядями, головой. Это был Пьеро Содерини, пожизненно избранный гонфалоньер республики Флоренции.

Глядя на свои потрескавшиеся и испачканные краской ногти, Микеланджело спросил:

- Почему вы надумали говорить обо всем этом со мной?

- Потому что мы хотим, чтобы ты был на нашей стороне, – ответил кардинал Джованни. – Ты принадлежишь к партии Медичи. И если ты понадобишься нам...

Будто нить сквозь ушко иголки, проскальзывал он по узким проходам переулков, ища путь к площади Навина, затем, после многих поворотов, оказался на площади Венеции, вышел на древний Римский форум – тут, порознь друг от друга, высились белые колонны – и вот уже он ступил в залитый лучами полной луны Колизей, целую тысячу лет служивший городу своеобразной каменоломней, где был готовый, обтесанный камень для постройки домов. Он взобрался на самый высокий ярус, сел на парапет галереи и окинул взглядом огромный театр, от подземных камер, куда загоняли когда-то христиан, гладиаторов, рабов, животных, до каменных лож наверху, где во времена империи сидели тысячи римлян, вопя и визжа в жажде побоищ и крови.

...побоищ и крови, крови и побоищ. Эти слова не выходили у него из головы. Ведь если подумать, ничего иного, кроме побоищ и крови, Италия и не знала. Все, что он видел за свою жизнь, укладывалось в эти слова: кровь и побоища. Вот сейчас Юлий хлопочет, собирая новую армию, чтобы выступить на север. Если Флоренция окажет сопротивление, папа направит войско Джованни на штурм флорентийских стен. Если Флоренция сдастся без борьбы, гонфалоньер Содерини окажется в изгнании, так же как и все члены Синьории, не желающие мириться с потерей флорентийской независимости. А теперь вот и его, Микеланджело, пригласили принять участие в этой зловещей игре.

Он любил их обоих – и гонфалоньера Содерини, и Джулиано де Медичи. Он остро чувствовал свою преданность Великолепному, Контессине и даже кардиналу Джованни. Но у него была вера в республику, которая первой признала его труд, его искусство. К кому же теперь повернуться спиной, проявив и коварство и неблагодарность? Граначчи когда-то наставлял его:

- Если тебя будут спрашивать, на чьей ты стороне, говори: на стороне скульптуры. Будь храбрецом в искусстве и трусом в мирских делах.

Но способен ли он на это?

19

В серые зимние месяцы 1512 года, когда Микеланджело расписывал lunettes над окнами капеллы, он так сильно повредил свое зрение, что уже не мог прочесть ни строчки, не запрокидывая голову назад и не отставляя далеко от глаз письмо или книгу. Хотя Юлий безвыездно жил в Риме, военные действия на севере начались. Армиями папы командовал неаполитанский испанец Кардона. Кардинал Джованни двинулся к Болонье, но болонцы с помощью французов дважды отбили атаки войск Юлия. В Болонью кардинал Джованни так

никогда и не вступил. Папские войска под ударами французов откатились к Равенне, где в пасхальную неделю разыгралась решающая битва. Как передавали, в этой битве погибло от десяти до двенадцати тысяч солдат Юлия. Кардинал Джованни и кузен Джулио были взяты в плен. Романья оказалась в руках французов. Рим дрожал, охваченный паникой. Папа укрылся в крепости Святого Ангела.

Микеланджело продолжал расписывать свой плафон.

Однако счастье скоро изменило французам: их победоносный главнокомандующий был убит. Во французских войсках начались раздоры и вооруженные стычки. Против французов открыли военные действия швейцарцы: они захватили Ломбардию. Только хитростью кардинал Джованни спас Джулио, а сам бежал в Рим. Папа был уже снова в Ватикане. В течение лета он отвоевал Болонью. Французы были изгнаны из всей Тосканы. Испанский военачальник Кардона, союзник Медичи, разграбил Прато, расположенный в немногих верстах от Флоренции. Гонфалоньера Содерини вынудили покинуть пост, и он бежал вместе с семьей из города. Джулиано въехал во Флоренцию на правах частного гражданина. Вслед за ним двигался кардинал Джованни де Медичи с армией Кардони: скоро Джованни уже занимал свой старый дворец в приходе Сант'Антонио, близ Фазнцских ворот. Синьория была распущена. Членов Совета Сорока Пяти назначил сам кардинал Джованни, был принят новый порядок правления. Республике пришел конец.

Все это время папа твердил, чтобы Микеланджело завершал свой плафон быстрее, как можно быстрее. Однажды он, взобравшись по лестнице, появился на лесах без всякого предупреждения.

- Когда ты закончишь работу?
- Когда буду доволен ею.
- Когда же ты будешь доволен? Ты тянешь уже целые четыре года.
- Мне нужно быть довольным как художнику, святой отец.
- Я желаю, чтобы ты кончил плафон в течение ближайших дней.
- Работа будет кончена, святой отец, тогда, когда она кончится.
- Ты хочешь, чтобы тебя сбросили с этого помоста?

Микеланджело поглядел на мраморный пол внизу.

- В день Всех Святых я буду служить здесь торжественную мессу, - сказал папа. - К тому времени исполнится уже два года, как я освятил первую половину плафона.

Микеланджело рассчитывал еще пройтись по сухому золотом и ультрамаринном, тронув некоторые драпировки и небесное поле, как это делали его земляки флорентинцы, создатели фресок на стенах капеллы. Но времени на это уже не оставалось. И Микеланджело велел Мики и Моттино разбирать леса. На следующий день в Систину опять пришел Юлий.

- Ты не думаешь, что кое-какие украшения надо бы высветлить золотом? - спросил он.

Было бесполезно говорить, что Микеланджело и сам собирался сделать это. Но ему уже не хотелось восстанавливать леса и снова лезть под потолок.

- Святой отец, в те времена люди не заботились о золоте.
- Плафон будет выглядеть бедно!

Микеланджело расставил пошире ноги, сжал зубы и упрямо выставил окаменевший подбородок. Юлий судорожно стиснул рукой посох. Два человека стояли перед алтарем, под синими расписанными небесами, и в упор смотрели друг на друга.

- Люди, которых я писал, были бедны, - сказал Микеланджело, нарушая молчание. - Это были святые люди.

В день Всех Святых римская знать оделась в самые лучшие свои одежды: папа освящал Сикстинскую капеллу.

Микеланджело проснулся рано, вымылся горячей водой, сбрил бороду, надел голубые рейтузы и голубую шерстяную рубашку. Но в Систину он не пошел. Он спустился на террасу своего дома, откинул просмоленную парусину и застыл в раздумье перед мраморами, рубить и резать которые он так жаждал целых семь лет. Он вернулся в комнату, к рабочему столу, взял перо и написал:

И высочайший гений не прибавит
Единой мысли к тем, что мрамор сам
Таит в избытке, - и лишь это нам
Рука, послушная рассудку, явит.

В это утро, на пороге своей тяжело завоеванной свободы, не обращая внимания на дорогие рейтузы и чудесную шерстяную рубашку, он взял молоток и резец. Усталость, горечь воспоминаний, боль и обиды словно бы отступили, ушли прочь. Ворвавшийся в окно первый луч яркого солнца поймал и осветил струйки мраморной пыли, взвившейся круто вверх.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. МЕДИЧИ

1

Юлий Второй прожил после завершения росписи свода Сistine всего лишь несколько месяцев. Папой стал Джованни де Медичи, первый флорентинец, которому было суждено занять святейший престол. Сидя на коне, Микеланджело оглядывал плотные ряды всадников, среди которых он находился: это были флорентийские дворяне, решившие устроить самую пышную процессию из всех, какие только помнил Рим. Впереди него, охватывая почти всю площадь Святого Петра, стояли две сотни конных копьеносцев, за ними под развевающимися стягами были видны капитаны всех тринадцати римских округов и пятеро знаменщиков церкви: на знаменах у них красовались папские гербы. Двенадцать молочно-белых лошадей из папских конюшен были окружены тысячным отрядом молодых дворян, одетых в красные шелковые кафтаны с горностаевой выпушкой. Позади Микеланджело стояла сотня римских баронов – каждый со своим вооруженным эскортом – и швейцарские гвардейцы в пестрых бело-желто-зеленых мундирах. Новый папа. Лед Десятый, восседал на белом арабском жеребце – от яркого апрельского солнца его защищал шелковый балдахин. Рядом с папой, одетый как знаменосец острова Родоса, выступал кузен Джулио. Одинокое держался в этой процессии бледный и печальный герцог Урбинский, племянник Юлия.

Глядя на папу Льва Десятого, грузное тело которого исходило потом под тяжестью тройной тиары и униженной драгоценными камнями ризы, Микеланджело раздумывал, сколь неисповедимы пути божий. Когда скончался Юлий, кардинал Джованни де Медичи был во Флоренции, так страдая от своей язвы, что его доставили на выборы папы в Рим на носилках. Запершись в душной Сикстинской капелле, коллегия кардиналов просидела почти целую неделю: за папский трон боролась, во-первых, группа покровителя Лео Бальони кардинала Риарио, во-вторых, сторонники кардинала Фiesco и, в-третьих, кардинала Сера. Единственным кандидатом, у которого не оказалось врагов, был Джованни де Медичи. На седьмой день коллегия единодушно остановила свой выбор на обходительном, скромном и благодушном кардинале, исполнив тем самым план Великолепного, который в Вадии Фьезолане посвятил шестнадцатилетнего Джованни в духовный сан.

Протрубили трубачи, давая знак начинать объезд города – от собора Святого Петра, где в павильоне напротив разрушенной базилики происходило венчание Льва Десятого, до церкви Святого Иоанна в Латеранском дворце, первоначальной резиденции пап. Мост Святого Ангела был устлан коврами самых светлых тонов. Там, где открывалась Виа Папале, Папская дорога, флорентийская колония воздвигла грандиозную триумфальную арку, украшенную эмблемами Медичи. Толпы людей стояли вдоль улиц, усыпанных ветками мирта и самшита.

Микеланджело сдерживал коня – по одну сторону от него гарцевал его

родственник, Паоло Ручеллаи, по другую ехало семейство Строщи, купившее в свое время его "Геракла", - и неотступно следил за папой Львом: тот, сияя от радости, поднимал благословляющую руку в унизированной жемчугами перчатке; придворные чины ехали позади него, горстями швыряя в толпу золотые монеты. В окнах домов виднелись вывешенные по поводу торжества парчовые и атласные полотнища. Виа Папале была уставлена бюстами императоров, статуями апостолов и святых, изображениями богородицы - и рядом с этими скульптурами, плечо к плечу, белели языческие изваяния древних греков.

На склоне дня папа Лез сошел, воспользовавшись лесенкой, со своего арабского жеребца, задержался на минуту у античной бронзовой статуи Марка Аврелия, стоявшей напротив Латеранского дворца. Затем, вместе со всей коллегией кардиналов, кузеном Джулио и многими флорентийскими и римскими дворянами, проследовал во дворец и занял Селлу Стеркорарию - древнее седалище власти, на котором сидели первые папы.

На изысканном и пышном пире в зале дворца Константина, специально для этого случая отремонтированном, Микеланджело почти не ел. Вечером он снова был уже в седле, чтобы следовать в свите папы к Ватикану. Когда процессия достигла Кампо деи Фиори, стало совсем темно. Улицы были освещены только факелами и свечами. Микеланджело остановил свою лошадь у дома Лео Бальони, передав поводья груму. На папские торжества Лео Бальони не был даже приглашен, - он сидел дома в одиночестве, небритый, мрачный. Еще несколько дней назад он не сомневался, что на этот раз папой изберут кардинала Риарио.

- Выходит, ты проник в Ватикан гораздо раньше! - ворчал приунывший Бальони.

- Я был бы счастлив не появляться там больше ни разу. Я уступаю свое место тебе.

- У нас идет игра, в которой выигравший уступить ничего не может. Я оказался вне игры. А ты в ней участвуешь. На тебя посыплются великие заказы.

- Мне предстоит долгие годы трудиться над гробницей Юлия.

Было уже поздно, когда он вернулся в свое новое жилище - дом его, будто погруженный в море столетий, дремал в низине между Капитолийским и Квиринальским холмами, неподалеку от колонны Траяна, где посреди людной площади стояла Мачелло деи Корви - Бойня Воронов. Перед своей кончиной папа Юлий уплатил Микеланджело две тысячи дукатов - это был полный расчет за работу в Систине, дающий возможность начать ваение мраморов для гробницы. После того как гонфалоньер Содерини и все члены Синьории были изгнаны из Флоренции, заказ на статую "Геракла" утратил всякую силу. Когда Микеланджело узнал, что по умеренной цене продается небольшая усадьба с домом из желтого обожженного кирпича, крытой верандой вдоль одной из его стен, несколькими подсобными строениями на задах, конюшней, башней, запущенным садом с тенистыми лавровыми деревьями, он приобрел эту усадьбу и перевез туда свои мраморы. Как раз перед домом раскинулся ныне пустынный рынок Траяна, где когда-то находилось множество торговых лавочек, привлекавших покупателей со всего мира. А теперь на площади стояла мертвая тишина, лавки давно исчезли и осталось лишь несколько деревянных домишек, лепившихся под сенью церкви Санта Мария ди Лорето, лишенной своего купола. Днем по площади шли прохожие: они двигались либо ко дворцу Колонны и к Квиринальской площади, либо в противоположную сторону - ко дворцу Анибальди и к церкви Сан Пьетро ин Винколи. А по ночам вокруг дома царили такой покой и запустение, словно бы Микеланджело поселился не в Риме, а в глухой Кампанье.

Когда-то дом снимали два разных жильца, и в нем были сделаны две парадные двери - обе они выходили на Мачелло деи Корви. Жилье Микеланджело состояло из просторной спальни с окнами на улицу, столовой, служившей одновременно и гостиной, которая примыкала к спальне: за столовой, ближе к саду, была низкая сводчатая кухня, сложенная из того же желтого кирпича. Во второй половине дома, убрав все перегородки, Микеланджело устроил себе обширную мастерскую, похожую на ту, какая была у него во Флоренции. Он приобрел новую железную кровать, шерстяные одеяла, новый, набитый шерстью матрац, а Буонаррото, исполняя поручение брата, на специально переведенные для этого деньги купил и прислал ему чудесных флорентийских простынь, скатертей и полотенец, которые Микеланджело хранил теперь вместе с запасом

своих рубашек, носовых платков и блуз в шкафу, стоявшем подле его кровати. Он завел себе также гнедую лошадь и ездил на ней по булыжным мостовым римских улиц; ел он на опрятно убранном столе, в хорошую погоду прогуливался в плаще из черного флорентийского сукна на атласной подкладке. Его слуга-подмастерье, Сильвио Фалькони, оказался усердным работником.

В глубине сада, в легких деревянных домиках и в каменной башне, жили помощники Микеланджело, работавшие вместе с ним над гробницей. Тут были Микеле и Бассо, два молодых каменотеса из Сеттиньяно; способный рисовальщик, выросший сиротой-подкидышем и испросивший разрешения у Микеланджело называть себя Андреа ди Микеланджело; Федерико Фрицци и Джованни да Реджо, изготовлявшие модели для бронзового фриза; Антонио из Понтассиеве, приехавший в Рим со всей своей артелью, чтобы обтесывать и украшать строительные блоки и колонны.

Микеланджело не тревожился о будущем. Разве папа Лев Десятый не сказал своим придворным: "Мы с Буонарроти оба воспитаны под одной крышей в доме моего отца"?

Впервые после того, как восемь лет назад, в апреле 1505 года, Микеланджело бежал от Юлия, он принялся теперь за ваяние. И он работал ныне не над одним мрамором, а над тремя огромными глыбами сразу. Снова установился естественный ритм дыхания, согласный с ударами зажатого в руке молотка, когда резец вгрызается в камень и упорно точит его. Это осязаемое единство с мрамором вновь наполняло сердце Микеланджело бури ж радостью. Он вспоминал самые первые уроки, воспринятые им еще у Тополино.

- Камень сам работает на тебя. Он уступает тебе, сдается перед твоим мастерством и твоею любовью.

Микеланджело отдавался трем блокам мрамора с безоглядной страстью и одновременно ощущал в себе некое спокойствие и уверенность. Три белые колонны обступала его в мастерской подобно заснеженным горным пикам. Ему остро хотелось вдохнуть в себя тот же воздух, каким дышали эти мраморы. Он работал по четырнадцать часов в сутки, пока не чувствовал, что у него отнимаются ноги. И все же стоило ему оторваться от проступавшего из камня образа, отойти к двери и поглядеть несколько минут на небесный свод, как он снова был свеж и силен.

Он, словно пахарь, прокладывал теперь свою урочную борозду.

Он высекал "Моисея" - и подобно тому, как мраморная пыль клубами проникала в его ноздри, во все его существо, до самых глубин, входило чувство горделивого спокойствия: теперь он ощущал себя настоящим человеком, ибо его плоть и сила сливались с трехмерным камнем. Мальчиком на ступенях Собора он был не в состоянии доказать, что искусство скульптуры выше искусства живописи; здесь, в своей мастерской, проворно и ловко шагая от "Моисея" к "Умиравшему Рабу", а потом к "Рабу Восставшему", он мог бы продемонстрировать эту истину с кристально ясной неопровержимостью.

Моисей, прижимающий к себе запястьем руки каменные скрижали, достигнет в высоту около трех с половиной аршинов и будет внушать впечатление массивности вопреки сидячему положению. Однако истинную, скрытую сущность фигуры Микеланджело выявит не объемом, а внутренней ее весомостью, ее структурой. Резко двинув левую ногу назад, Моисей сидел в позе, хранящей динамическое равновесие; монументальная тяжесть колена и икры правой ноги, как бы поглощавшей пространство и устремленной немного в сторону, смягчалась круговым движением левой ноги. Круто взлетая, резец Микеланджело с непогрешимой точностью входил в полуторааршинную толщину блока, под остро выпяченный локоть согнутой левой руки Моисея и обвитое венами предплечье. Он как бы вычерчивал плавно летящие линии, устремленные к запястью и указательному пальцу, который приковывал взор к каменным скрижальям, прижатым правой рукой.

Наступила полночь, и Микеланджело неохотно снимал свой бумажный картуз с прикрепленной к нему свечой из козьего сала. Из города не доносился ни один звук, был слышен только отдаленный лай собак, рывшихся в отбросах за кухнями дворца Колонны. В заднее окно из сада смотрела луна, заливая блок волшебным светом. Микеланджело придвигал скамейку и усаживался перед грубо обработанным мрамором, размышляя о Моисее - о человеке, о пророке, вожде своего народа, который предстоял богу и которому бог вручил Закон.

Скульптор, не наделенный философским складом ума, создает пустые формы. Как может он, Микеланджело, решить, где ему надо врезаться в мраморный блок, если он не осознал, какого именно Моисея он замыслил? Внутренняя значимость его Моисея, так же как и его скульптурная техника, определит достоинства работы. Микеланджело уже знал, как он поместит Моисея в пространстве, но какую минуту жизни пророка он покажет, какое время? Хочет ли он представить Моисея разгневанного, только что спустившегося с Синайской горы и увидевшего, что его народ поклоняется Золотому Тельцу? Или он покажет печального, удрученного Моисея, сетующего на то, что он пришел с Законом слишком поздно?

Пока он сидел, вглядываясь в зыбкие, струящиеся формы залитого луной мрамора, ему стало понятно, что он не должен замыкать Моисея, как в темницу, в строго определенные рамки времени. Ведь он искал обобщенный образ, искал того Моисея, которому ведомы пути человека и бога, он хотел изваять слугу господна на земле, голос господней совести. Моисея, который был призван на вершину Синая и спрятал свое лицо, ибо страшился взглянуть на открытый лик бога, и получил от него высеченные скрижали Десяти Заповедей. Неистовая ярость души, которая пылала, вырываясь из глубоких, точно пещеры, впадин его глаз, не могла быть объяснена лишь отчаянием или желанием наказать ослушников. Нет, Моисея вела вперед только страстная решимость не допустить гибели его народа - народ был должен получить вырубленные на каменных таблицах Заповеди и покориться им и тем продолжить свое существование.

Но Микеланджело не успел додумать своих дум до конца: бесцеремонно распахнув дверь, к нему вошел Бальдуччи. Очевидно он снова собирался говорить о пересмотре договора на гробницу. Папа Лев, как добрый посредник, уже пытался склонить герцога Урбинского и прочих наследников Ровере к тому, чтобы договор в отношении Микеланджело был более справедливым, давая ему льготные сроки и больший заработок. Микеланджело с удивлением оглядел своего друга, загородившего дверной проем, ибо в те дни, когда они познакомились на улицах Рима в 1496 году, Бальдуччи был таким же худым, как и Микеланджело, а теперь он выглядел вдвое шире и тучнее его - только ноги у Бальдуччи оставались по-прежнему сухими и тощими.

- Уж не на барышах ли ты так разжирел? - спросил его Микеланджело с ехидством. - Или сами барыши к тебе текут оттого, что ты жирный?

- Мне приходится есть не только за себя, но и за тебя, - прогудел Бальдуччи, поглаживая ладонями свой огромный живот. - А ты все такой же недомерок, каким был, когда гонял мяч и играл против Дони на площади Санта Кроче. Ну что, принимают они твои новые условия?

- Повысили плату до шестнадцати тысяч пятисот дукатов. Добавляют мне, если понадобится, еще семь лет на завершение работы.

- Позволь-ка мне взглянуть на новые чертежи гробницы.

Микеланджело с неохотой вынул ворох бумаг из запачканной пергаментной папки.

- А ты говорил, что уменьшаешь размеры! - разочарованно заметил Бальдуччи.

- Так оно и есть. Посмотри, фронтальная сторона в длину стала вдвое меньше. И мне уже не надо строить подступов к гробнице.

Бальдуччи пересчитал листы с рисунками.

- Сколько же будет статуй?.

- Общим числом? Сорок одна.

- Какой они будут величины?

- И натуральной, и вдвое больше.

- А сколько статуй ты собираешься высечь самолично?

- Вероятно, двадцать пять. Все главные фигуры, кроме ангелов и младенцев.

Даже в мерцающем свете единственной свечи Микеланджело увидел, как побагровело лицо Бальдуччи.

- Ты сошел с ума! - воскликнул он. - Ты уменьшил только остов гробницы, который тебе и так был совсем не по силам. Ты проявил истинную глупость, когда не послушал Якопо Галли восемь лет назад, но ты был молод. А какое у тебя оправдание теперь, если ты соглашаешься на явно невыполнимый договор?

- Наследники Юлия не хотят мириться на меньшем. Помимо того, я получаю

почти те же деньги и те же сроки, какие желал для меня Галли.

- Микеланджело, - мягко возразил Бальдуччи. - Я не могу равняться с Якопо Галли, я не знаток искусства, но он так ценил мои таланты, что сделал управляющим банком. Ты идешь на глупейшую сделку. Двадцать пять огромных фигур - хочешь не хочешь - отнимут у тебя двадцать пять лет. Если ты и проживешь эти годы, согласен ли ты быть прикованным к мавзолею Юлия до самой своей смерти? Ты будешь еще более несчастным рабом, чем эти "Пленники", которых ты высекаешь.

- У меня собралась сейчас хорошая боттега. Как только будет подписан новый договор, я вызову еще каменотесов из Сеттиньяно. Я вижу столько статуй, уже изваянных в воображении, что не высечь их из камня было бы для меня горькой утратой. Подожди - и ты увидишь, как осколки мрамора веером полетят у меня вверх и вниз, будто весенняя стая белых голубей.

2

Сикстинский плафон произвел впечатление, равное тому, которое вызвал в свое время "Давид" во Флоренции. Художники разных течений, съехавшиеся в Рим со всей Европы, чтобы помочь Льву отпраздновать восхождение на папский трон, дали Микеланджело титул, услышанный им когда-то после "Купальщиков", - "Первый мастер мира". Только близкие друзья и сторонники Рафаэля по-прежнему бранили Микеланджелов свод, считая его не художественным, а скорее анатомическим, плотским, перегруженным. Но эти люди действовали теперь не так свободно: Браманте уже не был повелителем художников Рима. В пилонах собора Святого Петра, построенных Браманте, появились такие большие трещины, что все работы были приостановлены, и пришлось долго разбираться, выясняя, можно ли еще спасти фундаменты. Папа Лев проявил великодушие и официально не развенчал Браманте как архитектора, но работы в Бельведере были тоже приостановлены. Паралич отнял у Браманте руки, и он был вынужден доверить вычерчивание своих архитектурных проектов Антонио да Сангалло, племяннику Джулиано да Сангалло, друга и учителя Микеланджело, Над дворцом Браманте витал теперь тот едва уловимый дух беды и несчастья, который воцарился в доме Сангалло в дни, когда Браманте одержал победу в конкурсе на лучший проект собора Святого Петра.

Однажды в сумерки Микеланджело услышал стук в дверь и буркнул: "Войдите", хотя его раздражало любое вторжение. Он взглянул в чудесные карие глаза молодого человека в оранжевом шелковом плаще; красивое его лицо и белокурые волосы чем-то напомнили ему Граначчи.

- Маэстро Буонарроти, я - Себастьяно Лучиани из Венеции. Я пришел к вам исповедаться...

- Я не священник.

- ...Я хотел признаться вам, каким я был дураком и простофилей. До той минуты, пока я не постучал в эту дверь и не сказал вам этих слов, я еще не сделал ни одного разумного дела в Риме. Я захватил с собой лютню, я буду сопровождать себе и рассказывать вам свою ужасную историю.

Забавляясь удивительно легкой, веселой манерой венецианца, Микеланджело согласился его послушать. Себастьяно взобрался на самый высокий в комнате стул и провел пальцами по струнам лютни.

- Пой, и пройдет все на свете, - тихо сказал он.

Микеланджело опустил в одно из мягких кресел и, вытянув усталые ноги, заложил руки за голову. Себастьяно запел. Особым речитативом, сильно скандируя, он стал повествовать, как его вызвал в Рим банкир Киджи, поручив расписать свою виллу, как он оказался в числе молодых художников, боготворящих Рафаэля, как говорил вместе с ними, что кисть Рафаэля "действует в полном согласии с техникой живописи", что она "приятна по колориту, гениально изобретательна, прелестна во всех своих проявлениях, прекрасна, как ангел". Буонарроти? "Возможно, он и умеет рисовать, но что у него за колорит? Донельзя однообразный! А его фигуры? Раздутая анатомия.

В них ни очарования, ни грации..."

- Я слышал эти наветы и раньше, - прервал венецианца Микеланджело. - Они мне надоели.

- Еще бы! Но Рим больше не услышит от меня этих панихид. Отныне я пою хвалу мастеру Буонарроти.

- Что же так перевернуло вашу нежную душу?

- Хищность Рафаэля! Рафаэль расклевал меня до самых костей. Поглотил все, что я усвоил у Беллини и у Джорджоне. Так меня обобрал, что сейчас он художник-венецианец в большей мере, чем я! И самым покорным образом еще благодарит меня за учение!

- Рафаэль берет только из добрых источников. На это он большой мастак. Зачем же вы его покидаете?

- Теперь, когда он стал волшебным колористом - венецианец да и только! - он будет получать еще больше заказов, чем прежде. В то время как я... не получаю ничего. Рафаэль проглотил меня целиком, но глаза у меня еще остались, и для них было истинным пиршеством смотреть все эти дни на ваш Сикстинский плафон.

Уперевшись пятками в верхний обруч стула, Себастьяно склонил голову над лютней. Вдруг он разразился зычной песней гондольера, заполнившей всю комнату. Микеланджело вглядывался в венецианца и все думал, зачем же на самом деле он к нему пришел.

Себастьяно стал часто заходить к Микеланджело, пел ему, болтал, рассказывал разные истории. Любитель удовольствий, заядлый охотник до хорошеньких девушек, он постоянно нуждался в деньгах. Зарабатывал он на портретах, мечтая о крупном заказе, который сделает его богатым. Рисунок у него хромал, выдумки и изобретательности в его работах не чувствовалось никакой. Но он был красноречив, щедр на шутки и совершенно легкомыслен - не хотел даже позаботиться о своем незаконном сыне, который совсем недавно родился. Не прерывая работы, Микеланджело одним ухом слушал его забавную трескотню.

- Мой дорогой крестный, - говорил Себастьяно, - как вы только не сбиваетесь, высекая три блока одновременно? Как вы помните, что надо делать с каждым из них, все время переходя от одной фигуры к другой?

Микеланджело усмехнулся.

- Я хотел бы, чтобы подле меня громадным кругом стояло не три, а все двадцать пять блоков. Тогда я ходил бы от одного блока к другому еще быстрее и закончил бы их все в пять коротких лет. Ты представляешь себе, как тщательно можно выдолбить в уме эти блоки, если постоянно думать о них восемь лет. Мысль острее, чем любой резец.

- Я мог бы сделаться великим живописцем, - сказал Себастьяно, вдруг приуныв. - У меня прекрасная техника. Дайте мне любое живописное произведение, и я скопирую его столь точно, что вы никогда не отличите копию от оригинала. Но как вам удастся выдвинуть на первый план идею?

Это был вопль отчаяния и боли, - Микеланджело никогда не видел, чтобы Себастьяно о чем-то спрашивал с такой страстной заинтересованностью. И он раздумывал; как ему ответить, пока точил своим резцом Моисеевы скрижали.

- Может быть, рождение идей - это естественная функция ума, как процесс дыхания у легких? Может быть, идею внушает нам господь? Если бы я знал, как возникает идея, я открыл бы одну из самых глубоких наших тайн.

Он передвинул резец выше, к запястью и кисти Моисея, лежащей на верхней кромке скрижалей, к пальцам, погруженным в волнистую, ниспадающую до пояса бороду.

- Себастьяно, я хочу сделать для тебя кое-какие рисунки. Ты владеешь колоритом и светотенью не хуже Рафаэля, фигуры у тебя лиричны. Раз он заимствовал у тебя венецианскую палитру, почему тебе не заимствовать у меня композицию? Даю слово, мы с тобой сумеем заменить Рафаэля.

Ночами, проработав целый день у мраморов, Микеланджело с наслаждением отдавался рисованию и обдумывал новые возможности старинных религиозных сюжетов. Он представил Себастьяно папе Льву, показал ему великолепно разработанные рисунки Себастьяно из жизни Христа. Лев, страстный любитель музыкальных развлечений, стал постоянно приглашать Себастьяно в Ватикан.

Как-то вечером, уже запоздно, Себастьяно с криком ворвался к Микеланджело.

- Вы слышали, маэстро? У Рафаэля появился новый соперник. Венецианец,

лучший из лучших, равный Беллини и Джорджоне. Пишет с такой же грацией и очарованием, как Рафаэль! Но гораздо сильнее и изобретательней его в рисунке.

- Поздравляю! - отозвался Микеланджело, криво улыбнувшись.

Вскоре Себастьяно получил заказ на фреску в церкви Сан Пьетро ин Монторио; он прилагал все усилия, стараясь воплотить наброски Микеланджело в сияющие краски картона. Все в Риме считали, что как член Микеланджеловой боттеги Себастьяно осваивает рисунок и, естественно, подражает руке своего учителя.

Одна только Контессина, недавно приехавшая в Рим со своей семьей, догадывалась, что дело тут не так уж просто. Недаром целых два года она сидела вечерами рядом с Микеланджело, глядя, как он рисует: она знала его почерк. Однажды Микеланджело попал на ее изысканный обед, устроенный для нового папы, ибо Контессина явно претендовала на то, чтобы играть роль признанной хозяйки у Льва. Она увела Микеланджело в маленький кабинет, трогательно точную копию кабинета Лоренцо Великолепного, с теми же деревянными панелями, камином, шкатулками, в которых хранились камеи и амулеты: увидев их, Микеланджело так загрустил о минувшем, что чуть не заплакал.

Контессина в упор посмотрела на Микеланджело, ее темные глаза горели.

- Зачем ты позволяешь Себастьяно хвастать твоими работами и выдавать их за его собственные?

- Я не вижу в этом никакого вреда.

- Рафаэль уже потерял один важный заказ, - его передали Себастьяно.

- Это только благо для Рафаэля: он так утомлен и перегружен работой.

- Почему ты унижаешься до такого обмана?

Микеланджело тоже пристально посмотрел ей в глаза. Как много еще осталась в ней от прежней Контессины, маленькой графини их отроческих лет. И в то же время как сильно она изменилась, когда ее брата сделали папой. Теперь она стала большой графиней и не хотела терпеть никакого вмешательства в дела со стороны двух своих старших сестер, Лукреции Сальвиати и Маддалены Чибо, которые вместе с мужьями и детьми также приехали в Рим. Контессина бдительно следила за всеми назначениями, которые предрешал папа, добивалась всяческих милостей для членов семьи Ридольфи; она действовала в тесном единении с кузеном Джулио, вершившим делами и политикой Ватикана. В своих обширных садах Контессина выстроила театральную сцену, где устраивали спектакли и концерты для церковной и светской знати. Знакомые римляне, желавшие папского фавора или должностей, все чаще и чаще обращались к Контессине. Эта жадная тяга к власти, вкус к государственным делам и управлению вполне понятны, думал Микеланджело, ведь столько лет она прожила в изгнании и бедности; и все же такая перемена в Контессине была ему чем-то неприятна.

- Когда я закончил работу в Систине, - объяснял ей Микеланджело, - кое-кто стал говорить: "У Рафаэля есть грация, а у Микеланджело одна только грубая сила". И поскольку я не снисходил до споров с кликой Рафаэля и никак не защищал себя, я решил, что этот одаренный молодой венецианец сделает дело вместо меня. Я словно бы стою в стороне от всей этой истории, а Рим уже твердит: "Рафаэль очарователен, но Микеланджело - глубок". Ну, разве не забавно, что такую перемену во мнении вызвал шутник Себастьяно, импровизируя песенки в честь моего плафона и наигрывая на лютне?

Возмущенная ироническим тоном Микеланджело, Контессина сжала кулаки.

- Нет, это ничуть не забавно. Теперь я графиня Римская. Я могу защитить тебя... воспользовавшись властью... с достоинством. Я могу поставить твоих хулителей на колени. Так было бы верней...

Он шагнул к ней, взял ее стиснутые кулаки в свои крепкие и большие руки каменотеса.

- Нет, Контессина, так действовать не надо. Поверь мне. Я счастлив теперь, мне хорошо работается.

И тут но лицу Контессины, стирая следы гнева, скользнула, словно зарница, лучистая ясная улыбка, которую Микеланджело хорошо помнил по прежним временам, когда Контессина, еще ребенком, так же вот улыбалась, кончая ссору или размолвку.

- Ну, чудесно, - сказала она. - Но если ты не будешь ходить на мои званные вечера, я ославлю вас с Себастьяно, как двух лгунов и обманщиков.

- Разве можно ожидать чего-то доброго от Медичи? - рассмеялся Микеланджело.

Он мягко положил свои ладони на плечи Контессины, прикрытые высокими буфами шелкового платья, и потянул ее к себе, желая вдохнуть запах мимозы. Она задрожала. Глаза ее вдруг стали огромными. Время исчезло; кабинет на Виа Рапетта словно бы стал уже кабинетом во дворце Медичи, во Флоренции. И она сейчас уже не была великой графиней, и он не был великим художником, и половина их жизни не осталась позади; какую-то быстролетную минуту они стояли словно бы на пороге своей ушедшей юности.

3

С раннего утра в дом Микеланджело явились швейцарские гвардейцы в зелено-бело-желтых мундирах - это означало приказ Льва обедать в тот день в Ватикане. Отрываться от работы и куда-то идти было истинным наказанием, но Микеланджело уже усвоил, что пренебрегало приглашением папы не следует. Приняв от Сильвио свежее белье и повесив его на руку, Микеланджело направился на Виа де Пастини, в бани, выпарил там из всех своих пор ввевшуюся пыль и в одиннадцать часов был уже в папском дворце.

Теперь он начал понимать, почему римляне жаловались, будто "весь Рим превратился в флорентийскую колонию", - в Ватикане было полно торжествующих тосканцев. Шагая в толпе гостей, - а их было приглашено на обед более ста и они заполнили два тронных зала, - Микеланджело узнал Пьефо Бембо, государственного секретаря Ватикана и поэта-гуманиста; поэта Ариосто, который писал "Неистового Роланда"; неолатиниста Санназаро; историка Гвиччардини; автора "Христиады" Виду; Джованни Ручеллаи, сочинившего "Розмунду", одну из первых трагедий, написанных белыми стихами; писателя и врача Фракасторо; дипломата, библиофила, классициста и импровизатора латинских стихов Томмазо Ингирами; Рафаэля, который ныне расписывал и папском дворце станцу "Элиодора" и занимал в эту минуту почетное место чуть ниже папы Льва; резчика по дереву Джованни Бариле из Сиены, украшавшего двери и ставни дворца родовыми эмблемами Медичи. Микеланджело увидел и Себастьяно: ему было приятно, что его подопечный тоже оказался среди приглашенных во дворец.

Выкупив у республики Флоренции большую часть огромной библиотеки отца, Лев рассылал по всей Европе экспертов, разыскивающих ценные манускрипты. Чтобы издать жемчужины греческой литературы, он пригласил в Рим Ласкариса, добытчика греческих рукописей, поставлявшего их еще Великолепному. Папа вводил новый порядок в Римской академии, ставя задачей изучение классиков, чем пренебрегал Юлий, и подавал надежду на расцвет Римского университета. До Микеланджело уже доходило, что о новом дворе папы Льва говорили как о "самом блестящем и просвещенном со времен Римской империи".

В течение долгого и невероятно обильного обеда папа Лев ел очень мало, так как страдал несварением желудка и сильными ветрами, но время от времени помахивал, словно бы дирижируя, своими белыми и пухлыми, униженными драгоценными кольцами руками и слушал прекрасного певца Габриэля Марина, виолончелиста Мароне из Брешии и слепца сказителя баллад Раффаэлле Липпуса. В промежутках между музыкальными номерами папу Льва забавляли шуты. Его главный шут, бывший цирюльник Великолепного, сыпал непристойными остротами и заглатывал сразу три дюжины яиц и два десятка жирных каплунов. Близорукий Лев смотрел на шута через увеличительное стекло и, потешаясь над его свирепой прожорливостью, давился от смеха.

Обед, занявший четыре часа, казался Микеланджело бесконечным. Сам он поел лишь очень немного соленой форели, жареного каплуна и сладкого риса, сваренного в миндальном молоке. Сидя на своем месте, он терзался, жалея о потерянном времени, и все гадал, когда же наконец можно будет покинуть дворец. Для папы Льва обед был лишь неким прологом к послеобеденным и вечерним развлечениям. Сегодня надо было слушать одного из лучших поэтов

Италии, явившегося читать свои новые стихи, завтра смотреть новый балет или театр масок либо устраивать буффонаду, хохоча над Камилло Кверно, прозванным Архипоэтом, который декламировал свою ужасную эпическую поэму, в то время как Лев короновал его капустными листьями. Подобные развлечения длились обычно до тех пор, пока у Льва не начинали от усталости слипаться веки.

Идя домой по темным и пустынным улицам, Микеланджело припомнил строчку из письма Льва к Джулио, которое папа написал сразу после своей коронации.

"Если уже господь бог счел нужным дать нам папский трон, то позволь нам насладиться этим как следует".

Италия жила теперь в мире и покое, какого она не знала при многих папах. Правда, деньги расходовались в Ватикане неслыханные; в тот день Микеланджело не раз видел, как, придя в восхищение от певца или музыканта, Лев швырял им кошельки, набитые сотнями флоринов, по поводу чего один трезвый гость за столом заметил:

- Скорей камень залетит на небо, чем папа пожалеет тысячу дукатов.

Денег Льву требовалось все больше и больше: на увеселения, на приобретение предметов искусства шли такие огромные средства, каких Юлий не тратил и на войну. Однажды Лев обратился к кардиналу Пуччи, ведавшему финансами Ватикана, потребовав, чтобы тот не допускал ничего, бесчестившего церковь, - ни симонии, ни продажи кардинальских постов или приходов. Пуччи пожал плечами:

- Святой отец, вы поставили передо мной задачу - добывать средства для нашего дела, принявшего всемирный размах. И моя первая обязанность - обеспечить нашу постоянную платежеспособность.

Когда Микеланджело добрался до Мачелло деи Корви, колокола уже пробили полночь. Он снова надел свое рабочее платье, плотное и тяжелое от густо пропитавшей его каменной пыли и пота, которым он обливался в знойные летние дни; и пот и пыль давно стали у него как бы верхним, дополнительным слоем кожи. Облегченно вздохнув, он взял молоток и резец, подкинул их вверх, чтобы ощутить в руках привычную тяжесть. Он был полон решимости противостоять всем соблазнам: больше он не потеряет понапрасну ни одного рабочего дня. С чувством сожаления он подумал о бледном, замученном Рафаэле, которого вызывали в папский дворец в любой час суток по самым ничтожным поводам - высказать мнение об украшенной миниатюрами рукописи или о проекте росписи стен в новой ванной комнате Льва. И при этом Рафаэль всегда сохранял вежливость, живой интерес ко всему, о чем его спрашивали, хотя, конечно, он жертвовал своим рабочим временем или вынужден был недосыпать.

Все это не имеет касательства к нему, Микеланджело. Он не принадлежит к разряду любезных и очаровательных людей. Пусть он будет проклят навеки, если станет одним из них!

Он мог уединиться, запереться от Рима, но Италия была теперь миром Медичи, а он, Микеланджело, был слишком связан с этой семьей, чтобы бежать от общения с нею. Полосу неудач переживал Джулиано, единственный из сыновей Великолепного, которого любил Микеланджело. Родные Микеланджело, а также Граначчи писали из Флоренции, как достойно правил там Джулиано: как он, сдержанный в манерах, мягкий, отзывчивый, появлялся без всякой охраны на улицах, как сделал доступным дворец Медичи для ученых и художников, возродил Платоновскую академию, передал государственное управление и правосудие в руки выборных консулов. Но все эти действия Джулиано не вызывали восхищения ни у кузена Джулио, ни у папы Льва. Лев отозвал своего брата из Флоренции, - и теперь, а сентябре, Микеланджело надевал праздничное платье, чтобы идти на церемонию, где Джулиано должны были провозгласить капитаном папских войск.

Торжество состоялось на древнем Капитолии, неподалеку от дома Микеланджело, стоявшего в лощине. Микеланджело сидел вместе с семейством Медичи: там были Контессина и Ридольфи с тремя сыновьями, - Никколо теперь исполнилось уже двенадцать лет, и в шестнадцать ему предстояло стать кардиналом; присутствовали и старшие сестры Контессины - Маддалена Чибо с мужем и пятью чадами, включая Инноченцо, которому тоже предстояло стать кардиналом; Лукреция Сальвиати со своей многочисленной семьей и ее сын

Джованни - опять-таки будущий кардинал. Лев распорядился построить сцену как раз на месте тех руин, которые Микеланджело рисовал вместе с Сангалло, когда архитектор рассказывал ему о славе древнего Рима. Неровная, вся в рытвинах, площадь была покрыта теперь деревянным настилом, над ним возвышалось несколько сотен сидений. Приветствуя Джулиано, выступали ораторы от Римского сената, затем читались эпические поэмы на латинском языке, устраивались представления масок и сатирические буффонады во флорентийском духе. Микеланджело видел, как к креслу Джулиано поднесли некую женщину, олицетворяющую Рим, всю в золоте, которая благодарила Джулиано за то, что он соблаговолил стать главным военачальником города. Когда закончилась непристойная комедия Плавта, папа Лев даровал Риму милости, в частности снижение налога на соль, что было встречено горячими рукоплесканиями тысяч горожан, толпившихся на голых склонах холма. Потом началось шестичасовое пиршество со множеством кушаний, не виданных в Риме со дней Калигулы и Нерона.

Оргия была еще в разгаре, когда Микеланджело спустился с Капитолия и пошел через толпы народа, которым раздавали остатки папских угощений. Войдя в свой дом, он запер двери на засов. Ни Микеланджело, ни Джулиано, ни весь Рим не были одурачены этим спектаклем, придуманным лишь для того, чтобы замаскировать прискорбный факт: гуманного Джулиано, так любившего Флорентийскую республику, заменили сыном Пьеро и честолюбивой Альфонсины - Лоренцо. Этот юноша - ему исполнился теперь двадцать один год - был послан в Тоскану, снабженный письмом, которое составил Джулио: в письме говорилось, что Лоренцо должен зорко наблюдать во Флоренции за выборами, назначать по собственному усмотрению Совет и стягивать власть в свои руки.

Влияние Джулио как фигуры, стоявшей за спиной папы, все возрастало. Комиссия, назначенная Львом, объявила Джулио законным сыном своего отца, ссылаясь на то, что брат Великолепного был готов жениться на матери Джулио и что только его смерть от руки убийцы помешала состояться этому браку. Теперь, когда происхождение Джулио было узаконено, его назначили кардиналом; у него уже были официальные полномочия, чтобы править церковью и папским государством.

Лев и Джулио старались распространить власть Медичи на всю Италию, и это так или иначе должно было коснуться дел Микеланджело. Лев и Джулио хотели изгнать герцога Урбинского, урожденного Ровере, племянника и наследника папы Юлия, лишить его герцогства. Теперь папа Лев уже передал пост гонфалоньера святой церкви Джулиано, хотя раньше его держал герцог. Герцог Урбинский, человек бешеного права, был одним из наследников Юлия, перед которыми Микеланджело отвечал за гробницу покойного папы. Война между Медичи и Ровере, принявшая открытый характер, могла принести Микеланджело лишь новые волнения и беды.

В течение всей зимы, хотя зима выдалась и не из суровых, Микеланджело ни разу не побывал на приемах у Контессины, но улучил время привести ее к себе в мастерскую - взглянуть на те три статуи, над которыми он работал. Микеланджело уклонялся и от званных вечеров у папы Льва, передав ему столько извинений, что насмешил и тронул ими папу, и тот, как великую милость, даровал ему разрешение не являться во дворец. Успешно работая неделю за неделей, Микеланджело разговаривал лишь со своими помощниками, жившими в саду, да изредка ужинал в обществе молодых флорентинцев: дружил он с ними от тоски по родине.

Только однажды нарушил он свой затвор: в мастерскую к нему явился Джулиано и стал уговаривать его пойти на прием в честь Леонардо да Винчи - художник приехал в Рим по приглашению Джулиано и жил теперь в Бельведере.

- Ты, Микеланджело, Леонардо и Рафаэль являетесь величайшими мастерами Италии нашего времени, - мягким своим тоном говорил Джулиано. - Мне бы хотелось, чтобы вы все трое стали друзьями, может быть, даже вместе работали...

- Я приду на прием, Джулиано, в этом не сомневайтесь, - ответил Микеланджело. - Что же касается того, чтобы вместе работать... Мы все трое созданы каждый по-своему, сходства у нас не больше, чем у птицы, рыбы и черепахи.

- Странно, - вполголоса отозвался Джулиано. - А я-то думал, что все художники должны быть как братья. Пожалуйста, приходи пораньше. Я покажу тебе кое-какие алхимические опыты, которые проводит для меня Леонардо.

Когда на следующий день Микеланджело пришел в Бельведер, Джулиано стал показывать ему множество комнат, перестроенных специально для работы Леонардо: окна там были высокие, чтобы больше лилось света сверху, кухню особо приспособили для разогрева алхимических горшков и сосудов. Выложенная камнем терраса смотрела на долину, папский дворец и Сикстинскую капеллу; среди мебели работы ватиканских столяров выделялись столы-треноги, на которых было удобно готовить и размешивать краски. По настоянию Джулиано папа Лев дал Леонардо заказ на живопись, но, оглядывая все эти комнаты-мастерские, включая комнату слесаря-немца, который должен был помогать Леонардо при работе над его изобретениями, Микеланджело убедился, что бельведерский гость еще и не брал кисти в руки.

- Взгляни на эти вогнутые зеркала, - показывал Джулиано. - Обрати внимание на металлическую винторезную машину: все это совершенные новинки. В Понтийских болотах, откуда я его вызвал, Леонардо искал местонахождение нескольких потухших вулканов и разрабатывал планы осушения заболоченных земель, порождающих лихорадку. Он не допускает, чтобы кто-нибудь заглядывал в его записные книжки, но, как я думаю, он погружен теперь в математические студии для определения площади изогнутых поверхностей и скоро закончит эти труды. Он работает в области оптики, сформулированные им законы ботаники поразительны. Леонардо уверен, что он научится определять возраст деревьев по количеству колец на срезанном стволе. Ты только представь себе!

- Не представляю! Лучше бы он писал свои прекрасные фрески.

Повернув назад, Джулиано повел его в гостиную.

- Леонардо - универсальная личность. Разве был такой ум в науке со времен Аристотеля? Думаю, не было. На искусство он смотрит лишь как на одну из сторон созидательной работы человека.

- Это выше моего понимания, - упрямо стоял на своем Микеланджело. - Когда человек наделен таким редким даром, зачем ему тратить время, пересчитывая кольца на деревьях?

В сопровождении своего постоянного компаньона, до сих пор еще изысканного и молодежавого Салаи, появился Леонардо, одетый в великолепную красную блузу с кружевными рукавами. Микеланджело заметил, что Леонардо утомлен и сильно постарел, его величественная длинная борода и спадающие на плечи волосы побелели. Два художника, столь далекие по духу, чтобы понять друг друга, выразили свое удовольствие по поводу встречи. Леонардо, голос которого по-прежнему был высок и тонок, стал говорить о том, как тщательно он изучал Сикстинский плафон.

- Разобравшись в вашей работе, я внес поправки в свои трактаты о живописи. Вы доказали, что изучение анатомии чрезвычайно важно и полезно для художника. - Тут его тон стал более холодным. - Но я также вижу в анатомии и серьезную опасность.

- В чем же эта опасность? - не без обиды спросил Микеланджело.

- В преувеличении. Изучив ваш плафон, живописец должен проявить чрезвычайную осторожность, иначе он станет в своих работах механическим и деревянным, слишком подчеркивая структуру костей, мускулов и сухожилий. Ему не следует увлекаться и обнаженными фигурами, чувства которых как бы выставлены напоказ.

- У моих фигур, по-вашему, все чувства напоказ? - В голосе Микеланджело уже клокотала ярость.

- Напротив, ваши фигуры почти совершенны. Но что будет с художником, который попытается пойти дальше вас? Если вы, применив свои знания анатомии, расписали Систину так чудесно, значит, другой художник, чтобы вас превзойти, будет делать упор на анатомию еще усердней.

- Я не могу отвечать за позднейшие преувеличения.

- Это бесспорно, но все же вы довели анатомическую живопись до ее крайних пределов. Что-либо усовершенствовать после вас уже никому не удастся. Появятся лишь одни извращения. И зритель скажет: "Это вина Микеланджело; не будь его, мы могли бы развивать анатомическую живопись и изодраться в ней сотни лет". Именно вы ее начали, и вы же ее кончили - все на одном плафоне.

Тут стали сходитьсь и другие гости Джулиано. Скоро комнаты наполнились оживленным гулом голосов. Микеланджело одиноко стоял у бокового окна, выходящего на Сикстинскую капеллу, не зная, был ли он подавлен беседой с

Леонардо или обижен. Удивляя гостей новыми своими затеями, Леонардо показывал надутых воздухом животных, плавающих в воздухе над головами, и живую ящерицу, к которой он приделал крылья, наполненные ртутью; он также вставил этой ящерице искусственные глаза и украсил ее рожками и бородою.

- Механический лев, которого я смастерил в Милане, мог пройти несколько шагов, - объяснял Леонардо гостям; поздравлявшим его с хитроумными изобретениями. - А когда вы нажимали на пуговицу, находившуюся у льва в груди, грудь распахивалась, показывая внутри букет лилий.

- Questo e il colmo! Это уже сверх меры, дальше ехать некуда, - проворчал сквозь зубы Микеланджело и ринулся домой, дрожа от нетерпения ощутить в своих руках весомый и твердый мрамор.

4

Весной Браманте умер. Папа Лев устроил ему торжественные похороны, на которых художники говорили о красоте его Темпиеццо, дворика в Бельведере, дворца Каstellези. Затем папа велел вызвать в Рим Джулиано да Сангалло, некогда столь любимого Великолепным. Когда Сангалло приехал, ему сразу же возвратили старый его дворец на Виа Алессандрина. Узнав, что его старый друг в Риме, Микеланджело тотчас кинулся к нему.

- Вот мы и снова встретились! - радовался Сангалло, глаза у него так и сияли. - Я провел эти годы без дела, в опале, а ты - под сводом Систины. - Он смолк на минуту и нахмурил брови. - Тут я получил странное послание от папы Льва. Он спрашивает, как я посмотрю на то, чтобы моим помощником по храму Святого Петра был Рафаэль. Разве Рафаэль - архитектор?

Микеланджело почувствовал, как что-то его укололо. Рафаэль!

- Он распоряжается ремонтными работами в храме. Постоянно толчется на лесах.

- Но ведь наследовать мне должен только ты! Что ни говори, мне уже почти семьдесят.

- Спасибо, саго. Пусть тебе помогает Рафаэль. Это сохранит мне свободу для работы над мрамором.

Чтобы продолжить строительство храма, папа Лев прибежал к крупным займам у флорентийских банкиров Гадди, Строцци и Риказоли. Под присмотром Сангалло работы возобновились.

Микеланджело допускал в свою мастерскую лишь немногих посетителей: бывшего гонфалоньера Содерини с женой монной Арджентиной, живших по разрешению папы в Риме, да трех старых заказчиков, на которых он работал после того, как исполнил мраморное изваяние Богоматери для Таддео Таддеи. Но однажды к нему обратились с деловым предложением римляне древней крови - Метелло Вари деи Поркари и Бернардо Ченчио, каноник храма Святого Петра.

- Вы доставили бы нам огромную радость, изваяв воскресшего Христа. Для церкви Санта Мария sopra Минерва.

- Рад это слышать, - отвечал Микеланджело. - Но должен сказать, что договор с наследниками папы Юлия не позволяет мне браться за новые работы.

- Пусть это будет одна-единственная вещь, которую вы сделаете ради отдыха, чтобы отвлечься, - уговаривал его сопровождавший знатных римлян Марио Скаппуччи.

- Воскресший Христос? - Микеланджело заинтересовала тема. - Изобразить Христа после распятия? Как вы видите это изваяние?

- В натуральную величину. Иисус с крестом в руках. Позу и все остальное разработаете вы сами.

- Могу я немного подумать?

Микеланджело давно считал, что распятия в большинстве случаев дают глубоко неверное представление об Иисусе, показывая его сокрушенным, раздавленным тяжестью креста. Никогда, ни на одну минуту не верил он в подобного Иисуса: его Христос был могучим мужчиной, который нес крест, идя на Голгофу, так, словно это была ветвь оливы. Микеланджело начал рисовать.

Крест, сжатый руками Христа, получался у него тонкой, хрупкой вещицей. Поскольку заказчики отвергли традицию, прося изобразить Иисуса с крестом после воскресения, почему бы и ему, Микеланджело, не отойти от привычной трактовки сюжета? Вместо Иисуса, сокрушенного крестом, его Иисус будет Иисусом торжествующим. Перечеркнув черновые наброски, он пристально вглядывался в свой новый рисунок. Где он видел такого Христа? Когда? И тут он припомнил: это была фигура каменотеса, которого он рисовал для Гирландайо в первый год своего ученичества.

Хотя у себя в Риме Микеланджело добился мира и покоя, семейные вести из Флоренции с избытком наполняли чашу его тревог. Буонаррото измучил его, клянча денег на покупку собственной шерстяной лавки, и Микеланджело взял из полученной по новому договору с Ровере суммы тысячу дукатов и попросил Бальдуччи перевести ее во Флоренцию. Буонаррото и Джовансимоне открыли свою лавку, но скоро запутались в делах. Им снова требовались средства: не может ли Микеланджело послать братьям еще тысячу дукатов? Ведь скоро он будет извлекать из этих денег прибыль... И помимо того, Буонаррото нашел себе девушку, на которой он не прочь жениться. Ее отец обещал дать солидное приданое. Как думает Микеланджело, надо Буонаррото жениться или не надо?

Микеланджело послал ему двести дукатов, однако Буонаррото впоследствии отрицал, что получил эти деньги. Что случилось с ними и что случилось с другими деньгами, которые Лодовико взял со счета Микеланджело и обещал вскоре вернуть? Что происходит с его вкладом в больнице Санта Мария Нуова? Почему эконом при больнице все медлит и не высылает денег, хотя Микеланджело не раз просил его об этом? И есть ли смысл владеть пятью земельными участками, если твои компаньоны тайком тебя обманывают?

Из письма Буонаррото Микеланджело узнал, что скончалась мамаша Тополино. Это был для него жестокий удар. Он оставил работу и пошел в церковь Сан Лоренцо ин Дамазо помолиться за упокой души умершем. Он послал Буонаррото денег, прося его съездить в Сеттиньяно и заказать мессу в тамошней церкви.

Теперь он наглухо затворил ворота своей души, как прежде затворил ворота сада. Работа над мрамором стала для него не только удовольствием, но и утешением. Как редко бывает, чтобы хороший кусок мрамора обернулся плохим! Истратив последние дукаты, которые он авансом получил у семейства Ровере, Микеланджело нанял новых резчиков, литейщиков по бронзе, столяров: они толпились на его дворе с утра до вечера, мастера архитектурный каркас гробницы и ее фасадную стену. Сам он упорно трудился над рисунками для тех фигур, которые еще предстояло высечь. Сеттиньянских каменотесов Микеланджело превратил в настоящих мраморщиков – они обрабатывали гигантские блоки для статуй так, чтобы он мог сразу высекать из них Победителей.

Шел месяц за месяцем. Подмастерья, бывая в городе, приносили Микеланджело разные слухи и новости. Как рассказывали, Леонардо да Винчи попал в затруднительное положение, потратив так много времени на эксперименты с новыми, рассчитанными на долгий век масляными красками и лаками, что не успел ничего написать по заказу Льва. Папа насмешливо говорил во дворце:

– Леонардо никогда ничего не сделает, ибо, еще не приступив к работе, он уже размышляет, каким образом ее закончить.

Придворные разнесли эту фразу по городу. Узнав, что он стал предметом насмешек, Леонардо отказался от работы на Льва.

Папа слышал от доносчиков, что Леонардо в больнице Санто Спирито вскрывает трупы, и пригрозил изгнать его из Рима. Леонардо покинул Бельведер и, уехав опять на болота, продолжал там свои опыты, пока не заболел малярией. Оправившись от болезни, он обнаружил, что его помощник, слесарь, уничтожил все изобретенные ранее механические приспособления. В эти дни покровитель Леонардо Джулиано, встав во главе папских войск, отправился изгнать французов из Ломбардии, и Леонардо не мог больше оставаться в Риме. Куда же он поедет? Во Францию, быть может. Его приглашали туда несколько лет назад...

Сангалло тоже оказался в беде: у него разыгралась мучительная болезнь желчного пузыря, работать он больше не мог. Он был прикован к постели почти целый месяц, белки глаз у него стали желтые, как горчица, старик

угасал. Его повезли во Флоренцию на носилках. Но родной земли Сангалло уже не увидел.

Рафаэль стал архитектором собора Святого Петра и всего Рима.

Микеланджело получил срочную записку от Контессины. Он бегом кинулся к ее дворцу; сын Контессины Никколо встретил его и провел наверх, в спальню матери. Хотя погода была теплой, Контессина лежала, укрытая двумя одеялами, лицо у нее побледнело и осунулось, глаза запали.

- Контессина, ты больна.

Контессина жестом подозвала его к изголовью, тихонько похлопала ладонью по стулу, предлагая сесть. Он сжал ее руку, бледную и тонкую. Она опустила веки. Когда она открыла их снова, и горячих карих глазах ее блестели слезы.

- Микеланджело, я вспоминаю время, когда мы в первый раз увидели друг друга. В Садах. Я спросила тебя: "Зачем ты колотишь так яростно? Разве ты не устаешь?"

- А я тебе ответил: "Когда рубишь камень, то силы не убывает, а только прибавляется".

- Все тогда думали, что я скоро умру, как моя мать и сестра... Ты прибавил мне сил, саго.

- Ты сказала: "Когда я стою рядом с тобой, я чувствую себя крепкой".

- А ты ответил: "Когда я рядом с тобой, я смущаюсь". - Она улыбнулась.

- Джованни говорил, что ты напугал его. Меня ты никогда не пугал. Я видела, какой ты нежный, тут, внутри.

Они посмотрели друг на друга. Контессина прошептала:

- Мы никогда не говорили о своих чувствах.

Он с лаской провел пальцами по ее щеке.

- Я любил тебя, Контессина.

- Я любила тебя, Микеланджело. Я всегда жила с ощущением, что на свете есть ты.

Глаза ее на секунду словно вспыхнули.

- Мои сыновья будут тебе друзьями...

Тут она вдруг закашляла, - это был настоящий приступ, большая ее кровать сотрясалась. Когда она отвернула от него лицо и прижала платок к губам, он с ужасом заметил на нем красное пятно. И в это мгновение ему вспомнился Якопо Галли. Да, он видит Контессину в последний раз.

Он постоял, глотая соль подавленных слез. Поворачивать к нему свое лицо она больше не хотела.

Он прошептал: "Addio, mia cara" - и, сутулясь, тихо вышел из комнаты.

Смерть Контессины потрясла его несказанно. Он весь ушел в работу над головой Моисея, стараясь довести ее до абсолютной завершенности: резец его двигался теперь вверх от бороды, к напряженно выпяченной, полной нижней губе, ко рту, столь выразительному, что звук мог бы вырваться из него в любую минуту; к резко выдвинутому вперед носу, к энергичному, дышавшему взрывчатой страстностью надбровью, к бугристым мускулам около скул и, наконец, к глазам, посаженным так глубоко, что по контрасту с освещенными выступами на костях лица, которые он еще обточит и отшлифует, они будут казаться особенно темными.

Затем он перешел к работе над изваяниями двух Пленников - один из них боролся со смертью, другой сдавался ей: в трепетную плоть этих Пленников Микеланджело вдохнул собственную боль и горечь утраты. С юных лет он знал, что никогда не быть ему вместе с Контессиной, но в нем жило постоянное ощущение ее присутствия на земле, в его мире, и это крепило его дух, давало радость.

Откладывая в сторону молоток и резец, он готовил модели для бронзового фриза. Он закупил двадцать тысяч фунтов меди, вызвал еще несколько каменотесов из Сеттиньяно, всячески торопил мастеров из Понтассиеве, обрабатывавших и украшавших основные камни гробницы, написал груды писем во Флоренцию, чтобы отыскать там знатока по мрамору, который съездил бы в Каррару и выбрал там для него новую дюжину блоков. Он прикинул и рассчитал почти все, чтобы на следующий год уже установить главную, определяющую весь замысел фронтальную стену, поднять на свои места "Моисея" и "Пленников", поместить в ниши "Победителей", а над первым ярусом надгробья

укрепить бронзовый фриз. Он будет работать как одержимый, но если ты обручился с мрамором, то что же странного в этой одержимости?

Папа Лев в свое время был твердо намерен править, не прибегая к войнам, но это отнюдь не означало, что он мог избавиться от непрерывных попыток соседей завоевать богатую страну; не мог он избежать и междоусобных распрей, составляющих непреложную черту истории городов-государств. Джулиано не сумел одолеть французов в Ломбардии. Едва начав действия, он заболел, его увезли в монастырь Бадию, во Фьезоле, где, по слухам, он был при смерти, сокрушенный тем же недугом, от которого скончалась Контессина... Герцог Урбинский не только не помог папе, но выступил в союзе с французскими войсками. Папа Лев поспешил сам выехать на север и заключил с французами мирный договор, чтобы развязать себе руки и потом напасть на герцога Урбинского.

Вернувшись в Рим, он тотчас же вызвал к себе в Ватикан Микеланджело. Когда папа проездом был во Флоренции, он проявил к семейству Микеланджело немалое благоволение, пожаловав Буонарроти один из низших придворных титулов - *conte palatino*, который открывал дорогу к дворянству, и разрешив им пользоваться эмблемой Медичи - шестью шарами.

Лев вместе с Джулио сидел у стола в своей библиотеке и разглядывал через увеличительное стекло геммы и резные камни, привезенные им из Флоренции. Поездка, казалось, пошла ему на пользу, полнота его чуть спала, на щеках, обычно белых, как мел, проглядывал румянец.

- Святой отец, вы были чрезвычайно великодушны по отношению к моей семье.

- Тут не о чем говорить, - ответил папа. - Вот уже сколько лет ты принадлежишь к нашему дому.

- Я полон благодарности, ваше святейшество.

- Прекрасно, - сказал Лев, откладывая в сторону увеличительное стекло, и Джулио сразу насторожился. - Ибо мы не желаем, чтобы ты, скульптор семейства Медичи, тратил свое время на статуи для Ровере.

- Но ведь есть договор! Я обязан...

Минуту стояла тишина. Лев и Джулио переглянулись.

- Мы решили одарить тебя величайшим заказом нашего века, - заговорил папа. - Мы хотим, чтобы ты украсил фасад нашей родовой церкви Сан Лоренцо... как задумывал это еще мой отец... Грандиознейший фасад!..

Шагнув к окну, Микеланджело смотрел вверх моря неровных коричневых кровель, но ничего не видел, Он слышал, как за его спиной что-то говорил папа, но не понимал ни слова. Усилием воли он заставил себя вновь подойти к столу.

- Святой отец, я сейчас работаю над гробницей папы Юлия. Вы помните, договор подписан всего три года назад. Мне надо закончить работу и выполнить все условия, иначе Ровере будут преследовать меня.

- Хватит говорить о Ровере, времени на них потрачено достаточно, - резко вмешался в разговор Джулио. - Герцог Урбинский вошел в союз с французами, он борется против нас. Отчасти на нем лежит вина за потерю Милана.

- Я очень сожалею. Я не знал...

- А теперь ты знаешь! - Темное, с острыми чертами, лицо кардинала Джулио на минуту смягчилось. - Художник семейства Медичи должен служить Медичи.

- Так оно и будет, - ответил Микеланджело, тоже немного успокоившись. - Через два года гробница будет закончена полностью. Я все предусмотрел...

- Нет! - Круглое лицо Льва покраснело от гнева, что случалось редко и оттого производило еще более устрашающее впечатление. - Ни о каких двух годах, потраченных ради Ровере, не может быть и речи. Ты начнешь свою службу нам сейчас же, незамедлительно.

Но тут папа чуть поостыл.

- Ну, хорошо, Микеланджело, - сказал он. - Мы твои друзья. Мы защитим тебя от нападок Ровере и добьемся нового договора, по которому у тебя будет больше и времени и денег. Закончив фасад Сан Лоренцо, ты можешь вновь вернуться к гробнице Юлия.

- Святой отец, я жил с думами об этой гробнице целых десять лет. Я высек в воображении все двадцать пять ее фигур, до последнего дюйма. Я уже готов со своими мастерами построить фронтальную стену, отлить бронзу,

установить три больших статуи... - Голос Микеланджело звучал все громче, переходя почти в крик. - Вы не должны останавливать меня. В этот год у меня решится буквально все. У меня теперь опытные помощники. Неужто мне отпускать их домой, а мраморы будут бесцельно валяться и обрастать грязью... Ваше святейшество, во имя моей любви к вашему благородному отцу умоляю вас не причинять мне такое ужасное горе.

Он опустил перед папой на колени и склонил голову.

- Дайте мне время закончить работу, как я задумал. Потом я могу ехать во Флоренцию, спокойно и счастливо трудиться над фасадом Сан Лоренцо. Я создам великий фасад, но мне нужно спокойствие ума и духа.

Папа не сказал ни слова в ответ, а лишь выразительно переглянулся с Джулио: что, мол, за неговорчивый человек! За долгие годы совместной жизни они научились легко читать мысли друг друга.

- Микеланджело, - произнес, качая головой, папа Лев, - до сих пор ты все принимаешь к сердцу с такой... горячностью.

- А может быть, твои слова означают, что ты не хочешь строить фасад Сан Лоренцо для семейства Медичи? - вмешался Джулио.

- Хочу, ваше преосвященство. Но ведь это огромное предприятие...

- Верно! - воскликнул папа, прервав Микеланджело. - И посему ты сейчас же должен ехать в Каррару. Будешь там сам выбирать блоки, следить за их вырубкой. Я распорядюсь, чтобы Якопо Сальвиати выслал тебе из Флоренции тысячу дукатов - расплачиваться за мраморы.

Микеланджело поцеловал у папы перстень, вышел из комнаты, стал спускаться по ступеням лестницы: лицо его заливали слезы. Придворные, прелаты, посланники, купцы, зеваки, толпившиеся на ступенях в ожидании веселого дня при дворе, глядели на него с изумлением. Он не обращал на них ни малейшего внимания и не замечал их взглядов.

Очнувшись в эту несчастную, одинокую ночь, он увидел, что бродит по тем же кварталам, где когда-то Бальдуччи рыскал в поисках проституток. К нему подошла молодая девушка - тоненькая, белокурые волосы выщипаны со лба, чтобы лоб казался выше, одета в полупрозрачную кофточку, нитка тяжелых бус, спускавшаяся с шеи, образовывала между грудей глубокую ложбинку. В первую секунду Микеланджело показалось, что перед ним стоит Кларисса. Но это впечатление быстро исчезло: черты лица девушки были грубы, движения угловаты. Как ни мгновенна была эта летучая мысль о Клариссе, ее было достаточно, чтобы пробудить в Микеланджело тоскливое желание любви.

- Добрый вечер. Хочешь, пойдём со мной?

- Не знаю.

- Да ты какой-то печальный.

- Пожалуй. Можешь ты излечить такую болезнь?

- Что ж, это мое ремесло.

- Тогда я пойду.

- Ты не расскаешься.

Но он раскаялся, не прошло и двух суток. Узнав, какие у него признаки недуга, Бальдуччи воскликнул:

- Ты подцепил французскую болезнь! Почему ты не признался мне, что тебе хочется девушку?

- Я и не знал, что мне ее хочется...

- Кретин! Сейчас эта болезнь ходит по всему Риму; Давай-ка я вызову своего доктора.

- Я подцепил болезнь сам. Сам и вылечусь.

- Без ртутных притираний и серных ванн тебе не обойтись, хочешь не хочешь. Судя по всему, случай у тебя не тяжелый. Может быть, скоро будешь здоров.

- Мне надо скорей, Бальдуччи. В Карраре меня ожидает суровая жизнь.

Апуанские Альпы громоздились за окном подобно темной стене. Он накинул на себя рубашку, натянул чулки, обулся в приспособленные для лазания по горам, подбитые гвоздями башмаки, вышел на дворик дома аптекаря Пелличчи, спустился по ступенькам и был уже на Соборной площади – тут за его спиной возникли в предрассветной мгле две шагающие фигуры, хозяина каменоломни и его подручного: на плечи у них были наброшены теплые, подвязанные вокруг пояса, шали. По деревянному мостику около собора прошли служить заутреню два священника. В подковообразном полукружии каменных стен, оберегавших ее с моря, Каррара мирно спала – тыл городка защищали крутые горы. Микеланджело без охоты уехал из Рима, но эти горы, кладовая его излюбленного камня, успокаивающе действовали ему на душу.

Зажав узелок с едой под мышкой, он поднимался по узкой улице к Воротам у Рва. Ему припомнилось горделивое речение местных жителей: "Каррара – это единственный город, который способен вымостить свои площади мрамором".

В пепельно-сером свете он видел дома, построенные из мрамора, видел колонны и изящные наличники окон, выточенные из мрамора, – словом, все, что Флоренция так чудесно мастерила из светлого камня, каррарцы делали из своего мрамора, добываемого там, в высоких горах.

Микеланджело нравились каррарцы. Он чувствовал себя с ними просто, как дома, потому что он и сам был не чужд камню. И, однако, он прекрасно видел, что каррарцы – это самая замкнутая, подозрительная, отъединенная от мира каста, какую он когда-либо только видел. Каррарцы не считали себя ни тосканцами, жившими от них к югу, ни лигурийцами, жившими к северу; лишь редкие жители покидали свои горы, уезжая в дальние края, и никто не брал себе жены из чужих мест и не выходил замуж за чужого; мальчишки начинали работать с отцами в каменоломнях с шести лет и оставляли эти каменоломни только умирая. Ни один земледелец не допускался со своим деревенским товаром на рынки Каррары, кроме тех людей, которые имели давнее, наследственное право входа внутрь городских стен. Если в каменоломнях был нужен новый человек, его выбирали из известных крестьянских семей той же округи. Каррара и Масса, самые крупные здешние города, враждовали друг с другом с незапамятных времен. Даже деревни вокруг этих городов строились в традициях военного лагеря, с боевыми башнями и крепостями, – каждый сам за себя, за свою колокольню, каждый против всех остальных.

Каррара жила, собирая один-единственный урожай: мрамор. Каждое утро каррарец поднимал свой взор, чтобы убедиться, целы ли на склонах гор белые разрезы, эти пятна, похожие на снег даже в ослепительно знойные дни лета, и, увидя их, благодарил господу. Жизнь каррарцев была единой и крепко спаянной: когда богател один, богатели все; когда голодал один, голодали и остальные. Работа в каменоломнях постоянно грозила такими опасностями, что, разлучаясь, каррарцы говорили друг другу не "до свидания", а "fa a modr" – "иди осторожно".

Микеланджело шагал по извилистой тропе вдоль реки Каррионе. Сентябрьский воздух был бодряще свеж. Внизу виднелись крепость-башня Рокка Маласпина и шпиль собора, стоящий на страже кучки тесно сомкнутых домов, окруженных стенами, которые не расширялись уже несколько столетий. Скоро Микеланджело стали встречаться и горные деревни: Кодена, Мизелья, Бедицано – каждое селение выталкивало в этот час своих мужчин, они, словно ручьи, стекались вместе, и человеческий поток поднимался к каменоломням все выше и выше. Это были люди, похожие на него, Микеланджело, в большей мере, чем родные братья: маленькие, жилистые, не знавшие усталости, молчаливые, с какой-то по-первобытному сильной хваткой существ, привыкших обрабатывать упрямый камень. Они торопливо шагали по тропам вверх, мимо Торано, Загона для быков, каждый из них нес на правом плече небрежно наброшенную matalo – куртку.

Сон еще словно бы владел ими, сковывая их языки. Как только заря разлилась и разгорелась за вершинами гор, люди начали перебрасываться короткими, односложными, как удар молотка, словами. Микеланджело пришлось научиться этому сжатому каррарскому говору, обрубающему и обламывающему слова подобно тому, как резец обрубает и обламывает щель и крошку от каменной глыбы: casa – дом – стало у каррарцев са, matra превратилось в ma, brasa – янтарь – выговаривалось bra, buscarol – холстина – звучало как bus. Благодаря множеству таких односложных слов каррарцы переговаривались необычайно быстро, даже стремительно. Они спрашивали Микеланджело насчет

его вчерашних поисков в каменоломнях Гротта Коломбара и Ронко:

- Нашел?
- Пока нет.
- Найдешь сегодня?
- Собираюсь.
- Иди в Раваччионе.
- А что там?
- Выломали новый блок.
- Посмотрю.

На бледно-желтом от солнца скате горы лежали зубчатые тени дальних утесов. Вниз по ущелью, как разлитое молоко, белел мраморный щебень, веками выбрасываемый из заломов. Подле каменоломен такие кучи битого мрамора вырастали, будто сугробы снега. Они достигали в толщину полутора сот сажен и захватывали землю, легко отвоевывая ее у древних зарослей дуба, бука, ели и колючих кустарников, называемых *bason*. Они появлялись в горах все выше, наступали уже на летние пастбища для овец - *paleri*. Тропа, которой шагал Микеланджело, ныряла в перелески, шла через заросшие цветами поляны, пока не уперлась в скалу, где мрамор выступал на поверхность.

Две сотни мужчин, отцов и сыновей, потоком двигались к каменоломням и отсюда ручейками вновь растекались по трем главным направлениям или жилам к облюбованным уже разработкам - Раваччионе, включающей каменоломню Полваччио, Канале ди Фантискрити, известной еще древним римлянам, и Канале ди Колонната. Расходясь, люди негромко бросали друг другу:

- Fa a modr.
- Se Dio 'l voга. Если бог захочет.

Микеланджело работал с группой каменоломов в Полваччио, где одиннадцать лет тому назад он нашел лучшие свои блоки для надгробия Юлия. Каменоломня Полваччио, расположенная с краю от залама Сильвестро, давала хороший, годный для статуй мрамор, хотя в окружающих ее карьерах Баттальяно, Гротта Коломбара и Ронко мрамор был довольно посредственный, с косо идущими прожилками. Солнце стояло уже над горой Сагро, когда Микеланджело со своей артелью, поднявшись по тропе почти на версту, оказался в нужном заломе - каменоломне, сразу же сбросив куртки и схватив молотки, принялись за работу. _Теккиайоли_, верхолазы артели, накинув веревки на выступы скал, карабкались по ним вверх, на несколько десятков сажен, и сбивали там свободно лежавшие камни с тем, чтобы они потом случайно не обрушились на работавших в заломе.

Хозяин каменоломни - за громадный круглый торс его прозвали Бочкой - встретил Микеланджело, как всегда, очень дружелюбно. Подобно всем его рабочим, Бочка был неграмотен, но, сталкиваясь с заказчиками и покупателями из Англии, Франции, Германии, Испании, он научился говорить почти полными фразами.

- А, Буонарроти! Сегодня мы выломаем тебе большой блок.
- Буду надеяться.

Бочка схватил Микеланджело за руку и повел к тому месту, где в надрез камня, сделанный в форме буквы V, были забиты деревянные колья, пропитанные водой. Разбухнув, колья рвали крепкий мраморный утес, в нем появлялись щели - и тогда-то рабочие бросались к нему со своими ломом и кувалдами. Они загоняли колья все глубже, чтобы отделить мраморный блок от его ложа. Работу начинали с верхних слоев, постепенно углубляясь в породу и выламывая глыбы все ниже. Время от времени десятник кричал каменотесам: "Сейчас упадет!" Рабочие, подпиливавшие блоки, немедленно бросались к краю залама. Самый верхний блок отрывался от своего ложа со звуком рухнувшего дерева и, падая на площадку, сотрясал весь карьер. Как правило, он откалывался от ложа точно по намеченным щелям, которые тут называли *relì*.

Когда Микеланджело вышел вперед и осмотрел огромный, но не совсем гладкий блок, он был разочарован. Сильные дожди, просачиваясь в течение миллионов лет сквозь те пол-аршина земли, которая покрывала мрамор, несли с собой достаточно химических веществ, чтобы испещрить жилками чистую белизну камня. Бочка, вертевшийся рядом, рассчитывал, что, добывая этот блок, он угодит Микеланджело.

- Прекрасный кусок мяса, не правда ли?
- Хорош.
- Берешь его?

- Он в жилах.
- Обрез у него почти точный.
- Мне нужен совсем точный.

Бочка взъерепенился:

- Ты нас разоряешь. Мы ломаем для тебя камень уже целый месяц, а от тебя не видали пока ни сольдо.
- Я дам вам большие деньги... за мрамор, который годится на статуи.
- Мрамор делает бог, ему ты и жалуйся.
- Я подожду, нет ли там, глубже, мрамора побелее.
- Ты, видно, хочешь, чтобы я разворотил всю эту гору?
- Я должен украсить фасад церкви Сан Лоренцо. Мне будет отпущена на это не одна тысяча дукатов. Тебе из этих денег своя доля достанется.

С мрачной миной Бочка отошел прочь, ворча что-то себе под нос. Микеланджело не мог разобрать, что он говорит, но ему показалось, будто Бочка назвал его баламутом. Поскольку Микеланджело разговаривал с ним спокойно, ровным тоном, то он решил, что плохо расслышал Бочку и ошибся.

Он подхватил свою куртку и узелок с обедом и пошел вниз от утеса к каменоломне Раваччионе. Шел он по заброшенной козьей тропе, очень узкой, нога на ней едва нащупывала устойчивую почву. Когда он добрался до каменоломни, было уже десять часов утра. На площадке залома рабочие продольными пилами пилили; блоки, а юнцы-подмастерья подсыпали под зубья пил песок и подливали воду. Скоро раздался певучий крик десятника, и артель камнеломов, расширявших разрыв в верхних пластах мрамора, быстро спустилась вниз и села под дощатый навес обедать. Микеланджело тоже сел на доску, положенную поверх двух блоков, и вынул свой хлеб, нарезанный толстыми ломтями и сдобренный оливковым маслом, уксусом, солью и давленными ягодами. Он смачивал эти ломти, макая их в общее ведро воды, и с жадностью ел. Монна Пелличча предлагала ему прокладывать ломти хлеба мясом или рыбой, но он предпочитал есть то, что ели рабочие.

Лучшего пути, чтобы сойтись с каррарцами, Микеланджело не мог и придумать, ибо каррарцы были людьми особенными. Они с гордостью говорили о себе. "Сколько голов, столько и помыслов". Когда Микеланджело жил тут в 1505 году, отбирая блоки для гробницы Юлия, каррарцы встретили его так же сдержанно, как они встречали любого чужеземного скульптора, приехавшего закупать мрамор. Но потом, когда он стал проводить целые дни в каменоломнях, чутьем обнаруживая в блоках полости, воздушные пузырьки, жилы и желваки, стал работать с артелями рабочих, спуская на катках с крутых склонов свои тысячепудовые блоки, - а кроме веревок, закрепленных на кольях, сдерживать этот продолговатый по форме груз было нечем, - тогда каррарцы увидели, что он не только скульптор, но и камнелом. Теперь, приехав в Каррару вторично, он был принят уже как свой человек, как каррарец, его приглашали субботними вечерами в таверны, где мужчины пили вино пятилетней давности и играли в карты; выигравшие и проигравшие сообща выпивали после каждого кона, и таверна гудела от смеха и пьяных шуток.

Микеланджело гордился тем, что его сажали за игорный стол, где определенные места переходили от отца к сыну по наследству. Однажды, заметив на холме возле города пустой дом, глядевший окнами на реку Каррионе, вдоль которой тянулось с полдюжину мраморных мастерских, Микеланджело сказал себе: "Почему я должен возвращаться обратно в Рим или во Флоренцию и ваять там статуи, когда здесь, в Карраре, на человека, отдающего свою жизнь скульптуре, смотрят куда проще и верней?" В Карраре есть мастера *spodellatori*, обрабатывающие мрамор по модели, и, значит, у него никогда не будет недостатка в опытных помощниках. Когда, закончив тяжелый рабочий день, с головы до ног в мраморной пыли, он шел по Флоренции или Риму, все на него смотрели с удивлением, если не с насмешкой. А здесь он выглядел и сам себя ощущал таким же, как остальные люди, возвращающиеся домой из своих каменоломен и мраморных мастерских. Он был одним из них.

В Раваччионе Микеланджело постигло, второе за это утро разочарование: новый камень, выломанный из белой отвесной стены и свалившийся вниз к ногам каменотесов, оказался с мягким изломом. Микеланджело не мог пустить его ни на одну из своих гигантских фигур.

- Прекрасный блок, - сказал хозяин, топтавшийся рядом с Микеланджело. - Покупаешь?

- Возможно. Я подумаю.

И хотя он отвечал вежливо, лицо хозяина омрачилось. Микеланджело уже собирался идти в другую каменоломню, как услышал звук рога. Звук шел от каменоломни Гротта Коломбара, лежавшей за несколькими грядами гор, и разносился на огромном пространстве, проникая вниз, в долины. Все камнеомы словно застыли на месте. Они сложили свой инструмент, накинули на правое плечо куртки, затем, не произнося ни слова, стали спускаться по тропе.

Кто-то из работавших в горах был ранен, быть может, убит. И каждый камнеом в Апуанских Альпах начинал долгий, занимающий не меньше часа спуск вниз, к своей деревне, где он будет ждать известия о судьбе пострадавшего. Всякая работа остановится вплоть до утра, никто не будет работать и утром, если окажется, что надо идти на похороны.

Микеланджело спустился по тропе вдоль реки, наблюдая за женщинами, которые полоскали белье, - от мраморной пыли и щебня, выбрасываемого в реку мастерскими, вода тут была белая, как молоко. Сделав небольшую петлю, Микеланджело оказался под стенами города и через Свиной рынок дошел до своего жилья. Он снимал задние комнаты в доме аптекаря Пелличчии: в нижнем этаже дома помещалась аптека, а верхний этаж был жилым. Аптекарь Франческо ди Пелличчиа, пятидесяти пяти лет, более рослый и дородный, чем большинство каррарцев, был вторым по своей образованности человеком в городе - когда-то он учился в университете города Пизы, ближайшем от Каррары. В отличие от своих земляков он побывал и за пределами родины - ездил покупать лекарства на Ближний Восток, видел Микеланджелова "Давида" во Флоренции, видел, посетив Микеланджело в Риме, Сикстинский плафон и "Моисея". Микеланджело снимал у него квартиру и в новый свой приезд; ныне он сошелся с аптекарем еще ближе. Пелличчиа владел большими каменоломнями, но отнюдь не пользовался дружбой с Микеланджело, чтобы навязать ему свой мрамор.

Пелличчии дома не было. Он ушел к пострадавшему рабочему. Хотя в Карраре был врач, но лишь немногие жители прибегали к его услугам. Каррарцы говорили так: "Природа лечит, а лекари зарабатывают деньги". Когда кто-либо заболел, его родные шли в аптеку, рассказывали о признаках недуга и ждали, пока Пелличчиа приготовит лекарство.

Синьора Пелличчиа, женщина с пышной грудью, лет сорока, накрыла стол в комнате, выходящей окнами на Соборную площадь. От своего семейного обеда она сберегла для Микеланджело немного свежей рыбы. Микеланджело не успел еще доесть чашку супа, как в дверь постучался посыльный из Рокка Маласпина. Он принес письмо от Антонио Альберико Второго, маркиза Каррарского, владельца области Масса-Каррара, - маркиз просил Микеланджело безотлагательно пожаловать в его замок.

6

К замку Рокка надо было пройти, поднимаясь вверх, совсем недалеко - крепость эта служила словно бы горной цитаделью Каррары, противоположным бастионом той подковы укреплений, которая была совершенно неприступна, так как под нею текла река Каррионе. Возникшая в двенадцатом веке, Рокка обросла зубчатыми боевыми башнями, окопалась рвом, наполненным водой, оделась в толстый камень: когда-то она постоянно ждала осады. Отчасти поэтому каррарцы так ненавидели чужаков: в течение пяти столетий этот край опустошал неприятель. Лишь недавно род Маласпина получил возможность дать округе настоящий мир. Суровая и неуклюжая в свое время оборонительная крепость превратилась теперь в элегантный дворец из мрамора, где были и фрески, и изысканная мебель, и дорогая утварь, собранная по всей Европе.

Маркиз встретил Микеланджело, стоя на верхней площадке величественной лестницы. Едва обменявшись с ним первыми словами, Микеланджело с восхищением заметил великолепные мраморные полы и колонны, обступавшие

лестницу. Маркиз был высокий мужчина, держался он предупредительно и в то же время властно; Лицо у него было узкое, худощавое, с Выступавшими скулами, длинная волнистая борода спадала на грудь.

- Очень любезно с вашей стороны пожаловать к нам, маэстро Буонарроти, - говорил маркиз густым внушительным голосом. - Мне пришло на ум, что вам, быть может, захочется посмотреть комнату, в которой жил Данте Алигьери, когда он гостил здесь, в нашем доме.

- Данте гостил здесь?

- Позвольте вас заверить. В "Божественной комедии" он посвятил несколько строк нашему краю. Вот его кровать. А вот и доска с его стихами о прорицателе Арунсе:

Там, где над Луни громоздятся горы
И где каррарец пажити взрыхлил.
Он жил в пещере мраморной и взоры
Свободно и в ночные небеса,
И на морские устремлял просторы.

Позднее, когда Микеланджело провели в отделанную панелями библиотеку, маркиз приступил к делу. Он показал письмо, присланное ионной Арджентиной Содерини, - жена бывшего гонфалоньера происходила из рода Маласпина.

"Маэстро Микеланджело, скульптор, которого мой муж глубоко любит и который является честнейшим, учтивым и любезным человеком, наделенным такими достоинствами, что, как мы думаем, в Европе сейчас нет подобного ему, отправился в Каррару добывать прославленный мрамор. Мы горячо желаем, чтобы вы оказали ему всяческую помощь и содействие".

Маркиз с минуту смотрел на Микеланджело и потом негромко сказал:

- У вас начинаются кое-какие неприятности.

- Неприятности? Какого же свойства?

- Вы припоминаете то прозвище, каким назвал вас хозяин каменоломни Бочка?

- Мне показалось, что он назвал меня баламутом. Что бы это словечко могло означать?

- У каррарцев оно означает человека, который шумит, жалуется и не желает брать то, что ему предлагают. Владельцы каменоломен говорят, что вы и сами не знаете, что вам надо.

- В какой-то мере они правы, - с грустью ответил Микеланджело. - Дело касается фасада церкви Сан Лоренцо. Я подозреваю, что папа Лев и кардинал Джулио нарочно выдумали эту работу, чтобы отвлечь меня от гробницы Ровере. Они обещали прислать мне на закупку мрамора тысячу дукатов, но до сих пор я ничего не получил. В отместку им я тоже проявил нерадивость: обещал определить размеры статуй, а как уехал из Рима, даже не брал в руки пера. Неспokoйный ум, маркиз, не располагает к рисованию.

- Могу я высказать одно предложение? Подпишите два-три скромных контракта на мраморы, поставив определенный срок. У хозяев каменоломен появится уверенность в надежности дела. Я полагаю, что, добывая блоки для вас, они просто опасаются, что камень не найдет применения и труд рабочих пропадет даром. У этих людей ведь нет никаких запасов. Они съедят свои бобы и хлеб в течение нескольких недель и окажутся перед лицом настоящего голода. И тогда они будут смотреть на вас как на заклятого врага.

- Да, положение не из легких. Я поступлю так, как вы советуете.

Не прошло и месяца, как Микеланджело подписал два контракта: по одному из них, дав задаток в сто флоринов, он закупил восемь блоков мрамора высотой в три с половиной аршина и пятнадцать малых блоков; другая сделка была заключена с Манчино, по прозвищу Левша, на три глыбы белого мрамора, добытых в его каменоломне в Полваччио. Контракты подписывались на Соборной площади при двух свидетелях. Отношение к Микеланджело изменилось, когда он пообещал Бочке и Пелличии закупить мрамора гораздо больше, как только придут деньги от папы.

Он рассеял опасения у каррарцев, но не мог рассеять их у себя. Хотя семейство Ровере сдалось, убоясь требований папы, и подписало с Микеланджело третий договор, еще раз уменьшив размеры гробницы и увеличив

сроки исполнения ее от семи до девяти лет, Микеланджело знал, что наследники Юлия взбешены. Папа Лев, не раздумывая, заверил Ровере, что он, Микеланджело, может продолжить работу над гробницей и ваять для нее мраморы, одновременно трудясь над фасадом Сан Лоренцо, но никто, конечно, не придавал значения этому обещанию, и меньше всего сам Микеланджело. Отныне ему придется работать на Медичи до тех пор, пока в Ватикане сидит папа Медичи. Оставленная, неоконченная гробница стала как бы язвой, которая неотступно точила ему нутро. Хотя Себастьяно обещал бдительно следить за его домом на Мачелло деи Корви, тем не менее душа у Микеланджело была неспокойна: он не знал, в целости ли там его мраморы и готовые блоки гробницы.

Вести из Флоренции были тоже неутешительные. Радость горожан по поводу того, что впервые на папский престол попал флорентинец, была отравлена: выборы Льва стоили Флоренции свободы. Джулиано умер. Республика рухнула, выборные члены Совета были изгнаны, конституция отменена. Флорентинцам не нравилось подчиняться Лоренцо, двадцатичетырехлетнему сыну Пьеро, каждый шаг которому подсказывали из Рима или его мать, или кардинал Джулио. Не поднял духа горожан и приезд во Флоренцию Джулио, ставившего себе целью только усилить власть Медичи. Лавка брата Буонаррото приносила убытки. Но вины Буонаррото тут не было, так как для всякого рода прибыльных дел наступили плохие времена. Буонаррото требовались снова деньги, а дать их ему Микеланджело не мог.

Брат ввел свою жену, Бартоломею, в дом отца. Брат по-прежнему надеялся, что Микеланджело она понравится. Она хорошая женщина. Она кормила Лодовико, когда тот недавно болел, и справляется со всей работой по дому, хотя помогает ей только пожилая кухарка, монна Маргерита, которая ухаживала за Лодовико со дня кончины Несравненной. Микеланджело догадывался, что жена Буонаррото не так уж красива лицом или фигурой, но что она достаточно мила и принесла с собой в дом изрядное приданое.

"Я люблю ее, Буонаррото, - писал Микеланджело брату. - Только будем молиться о том, чтобы она даровала тебе сыновей. Ведь Сиджизмондо живет как кочевник, а Джовансимоне не способен прокормить даже сверчка, и твоя добрая Бартоломея - наша единственная надежда на продолжение рода Буонарроти".

Лодовико доставлял все больше забот. Он стал сварлив, упрекал Микеланджело за напрасную трату денег на гробницу Ровере, корил за то, что она не окончена, за то, что Микеланджело принялся работать над фасадом Медичи без договора или каких-либо гарантий; за то, что Микеланджело не шлет больше денег на лавку Буонаррото; за то, что он отказывается приобретать все новые дома во Флоренции и земли в ее окрестностях, которые Лодовико целыми месяцами упорно высматривал. Старик не пропускал, пожалуй, ни одной почты, чтобы чего-то не потребовать от сына, на что-то не пожаловаться, в чем-то его не обвинить.

Зимние дожди превратили горные тропинки в русла разлившихся рек. Потом выпали снега. Все работы в горах остановились. В своих сырых каменных жилищах камнеомы старались сохранить как можно больше тепла и съесть как можно меньше бобов и макарон. Микеланджело купил воз дров, поставил свой рабочий стол у горящего очага и занялся скопившимися письмами - тут были письма Баччио д'Аньоло, который собирался помочь ему изготовить деревянную модель фасада; письмо Себастьяно, который сообщал, что десяток скульпторов - в том числе и Рафаэль! - стараются перехватить у него, Микеланджело, заказ на фасад; письма Доменико Буонинсеньи, жившего в Риме, честного и одаренного человека, чем-то напоминавшего Якопо Галли: жертвуя своим временем, Доменико добивался того, чтобы с Микеланджело подписали договор на фасад, и умолял его приехать в Рим, потому что папа Лев гневается и требует представить ему рисунки с проектом фасада.

Микеланджело расхаживал по холодной комнате, сложив руки на груди и сунув ладони под мышки. "Я должен, - говорил он себе, - вновь обрести то удивительное чувство, что вспыхнуло во мне, когда Великолепный подошел со мной к церкви Сан Лоренцо и сказал: "Придет день - и ты создашь такой фасад, который будет чудом всей Италии".

Он приехал в Рим, когда город готовился к встрече Рождества. Прежде

всего он поспешил к себе домой и с чувством облегчения увидел, что все там оставалось, как было. Его "Моисей" оказался ближе к завершению, чем ему представлялось по памяти. Если бы он только мог выкрасть месяц свободного времени...

В Ватикане его приняли очень приветливо. Кардинал Джулио, по всей видимости, держал власть в церковных делах еще прочнее. Преклонив колена, чтобы поцеловать перстень папы, Микеланджело заметил, что двойной подбородок Льва снова каскадом падает на воротник горностаевой мантии, а мясистые теки почти совсем укрыли маленький болезненный рот.

- Мне доставляет удовольствие видеть тебя в Риме, сын мой, - говорил Лев, уводя Микеланджело в папскую библиотеку.

Ароматные запахи пергаментных манускриптов мгновенно перенесли Микеланджело во Флоренцию, в библиотеку дворца Медичи: мысленно он увидел Великолепного - тот стоял, держа в руках разрисованную миниатюрами книгу в переплете из багряной кожи. Это видение было столь разительно, будто он беседовал с Великолепным не двадцать пять лет назад, а всего неделю, и оно укрепило жившее в нем ощущение: он разрабатывает ныне проект фасада для самого Лоренцо.

Он раскинул свои листы на столе. Тут был рисунок голой кирпичной стены церкви, затем уже разработанный проект фасада, с двумя ярусами и башней - нижний ярус отделялся от верхнего карнизом, под ним помещались три портала, ведущие в храм. По сторонам порталов Микеланджело нарисовал четыре фигуры - Святого Лаврентия, Иоанна Крестителя, Петра и Павла; в нишах второго яруса должны были встать большие, больше натуральной величины, изваяния Матфея, Луки и Марка, а на башне - Дамиан и Козма, изображенные как медики: от этого именно слова и происходила сама фамилия Медичи. Он изваяет эти девять главных фигур сам, собственноручно; остальная работа по фасаду падет на долю архитекторов. Девятилетний срок исполнения заказа дал бы ему возможность завершить мраморы для гробницы Юлия. Когда пройдут эти годы, а вместе с тем кончится и срок договора, будут счастливы оба знатных рода - и Медичи и Ровере.

- Что ж, мы будем великодушны, - сказал папа.

- Только необходимо изменить одно условие, - громко добавил Джулио.

- Какое же, ваше преосвященство?

- Мраморы придется брать в Пьетрасанте. Для статуй это лучший мрамор на свете.

- Да, ваше преосвященство, я слышал. Только там нет в горах дороги.

- Это дело поправимое.

- Говорят, древнеримские инженеры пробовали проложить в Пьетрасанте дорогу, но им не удалось.

- Они плохо старались.

По холодному, темному лицу кардинала Джулио Микеланджело понял, что разговор окончен. Он сразу же заподозрил, что тут кроется что-то другое и речь идет не только о качестве мрамора. Он вопросительно взглянул на Льва.

- Тебе лучше брать мрамор в Пьетрасанте и Серавецце, - отозвался папа.

- Каррарцы - бунтарское племя. Они не идут на соглашение с Ватиканом. А жители Пьетрасанты и Серавеццы считают себя верными тосканцами. Они передали свои каменоломни Флоренции. Так мы обеспечиваем себя чистейшим, годным для статуй мрамором, затрачивая средства лишь на рабочую силу.

- Святой отец, я не могу поверить, что можно добывать мрамор в Пьетрасанте, - протестующе сказал Микеланджело. - Это свыше человеческих сил. Блоки надо доставлять с обрывов высотой в полторы версты!

- Ты поедешь туда, побываешь на вершине горы Альтиссимы и скажешь нам, как обстоит дело.

Микеланджело не сказал в ответ ни слова.

Микеланджело возвратился в Каррару и снова жил в комнатах Пелличчи, над аптекой. Когда Сальвиати выслал ему, наконец, тысячу папских дукатов, он перестал и думать о каменоломнях Пьетрасанты, а начал с лихорадочной энергией скупать мраморы в Карраре – три блока купил на Свином рынке у Якопо и Антонио, семь блоков купил у Манчино. Он вошел также в сделку с Раджионе, Разумником, вложив на паях свои деньги в добычу ста возов мрамора.

Но дальше дело не двигалось. Он отверг деревянную модель фасада, которую сделал по его заказу Баччио д'Аньоло, заявив, что модель "выглядит как детская игрушка". Он смастерил модель сам, но она оказалась не лучше. Тогда он заказал Ла Грасса, сеттиньянскому резчику по светлomu камню, изготовить модель из глины... и скоро уничтожил ее. Когда Сальвиати и Буонинсеньи написали ему – один из Флоренции, а другой из Рима, – что папа и кардинал обескуражены тем, что Микеланджело все еще не приступает к работе над фасадом, он заключил договор с Франческо и Бартоломео из Торано на добычу новых пятидесяти возов мрамора, а проект фасада продвинул очень мало, определив лишь размеры и форму блоков, которые должны были обработать для него мастера-каменотесы.

Каррарский маркиз опять пригласил Микеланджело в Рокку, на воскресный обед, где его угощали традиционным каррарским пирогом, focaccia, испеченным из просеянной белой муки с яйцами, орехами и изюмом. Маркиз стал расспрашивать Микеланджело относительно плана папы об открытии каменоломни в Пьетрасанте – эта новость уже достигла здешних мест.

– Уверяю вас, синьор, – сказал Микеланджело, – никаких работ в тех горах нет и не может быть.

Потом Микеланджело получил встревожившее его письмо от Буонинсеньи:

"Кардинал и папа считают, что вы пренебрегаете мрамором в Пьетрасанте. Они уверены, что вы делаете это с целью...

Папа желает, чтобы мрамор у вас был из Пьетрасанты".

Никому ничего не говоря о своих намерениях, Микеланджело нанял лошадь и на заре пустился в путь, держась берега моря. Пьетрасанта когда-то была важной оборонительной крепостью, но в отличие от каррарцев жители ее не замыкались в стенах своего города, которые они уже не рассчитывали защитить. Их дома стояли на обширной площади, где по праздникам устраивались ярмарки; с западной стороны городка открывался величественный вид на Тирренское море; крестьяне Пьетрасанты обычно умирали на своих постелях, от неизлечимой болезни – старости.

Раннее утро Микеланджело провел на рынке, купил себе апельсинов и оглядел городок. Надо всей округой возвышалась гора Альтиссима – Высочайшая, как называли ее жители Пьетрасанты и Серавеццы. Уходя своими скалистыми уступами в небо на высоту полутора верст, эта твердыня из чистого камня вызывала благоговение; те, кто жил в ее устрашающей близости, чувствовали себя карликами. Впрочем, каррарцы не без вызова заявляли, что гора Альтиссима отнюдь не самая высокая, – горы Сагро, Пиццо д'Учелло и Пизанино, вставшие над Каррарой, были, по их мнению, выше. Жители Пьетрасанты говорили в ответ, что каррарцы могут хвастать своими горами, взбираться на них, копать их недра, но зато Альтиссима неприступна. Ни этруски, гениальные мастера камня, ни военные отряды древних римлян не могли покорить ее грозные кручи и ущелья.

От Пьетрасанты к горному городку Серавецце шла узкая, с глубокими избитыми колеями дорога, служившая крестьянам для перевозки их товара. Микеланджело поехал этой дорогой к крепости, под защитой которой жила сотня семей, обрабатывающих долины и склоны гор. Всюду тут был камень и камень, домики в поселке располагались плотным кольцом вокруг вымощенной булыжником площади. Здесь он нашел себе ночлег и провожатого: это был крепкий, рослый мальчишка, сын сапожника. Звали его Антонио, или попросту Анто, – когда он улыбался или разговаривал, у него обнажались припухшие бледно-розовые десны с короткими и редкими зубами.

– Сколько ты заплатишь? Идет! Тронемся в путь на рассвете.

Но они вышли из Серавеццы гораздо раньше, когда было еще темным-темно. Подниматься на ближайшие холмы сначала было нетрудно, так как Анто знал местность великолепно и вел Микеланджело по тропинке. Когда же тропинка

кончилась, им пришлось пробираться сквозь густые заросли кустарника, орудуя ножами, прихваченными Анто в мастерской отца. Они лезли через темные каменные гряды и нагромождения скал – скалы эти располагались так, будто служили ступенями для неких богов. Микеланджело и Анто либо карабкались вверх, либо скатывались по обрывам вниз, в глубокие ложины; чтобы не сорваться и не полететь в пропасть, они цеплялись руками за сучья и стволы деревьев. Потом они спустились в большое ущелье, тут все время стоял такой же сумрак, как в мастерской у отца Анто, и никогда не заглядывало солнце; холод словно обволакивал, прилипал к телу. Из ущелья они стали выбираться на четвереньках, порою скользя вниз и упираясь ногами в каменные уступы, а гора Альтиссима по-прежнему угрюмо темнела впереди, на расстоянии многих немереных верст.

До полудня было еще далеко, когда они поднялись на взлобье поросшего кустарником утеса, откуда открывался широкий обзор. Микеланджело увидел, что его отделяет от горы Альтиссимы еще один крутой хребет, за ним скрывался глубокий каньон, из которого и выростала сама гора. У подошвы горы предстояло еще переправиться через горную речку. Анто вынул из своей кожаной сумки два каравае хлеба с толстой поджаристой коркой. Внутри их, в душистый мякиш, была вложена рыба в гранатном соусе. Поев и отдохнув, они начали спуск в ложбину, затем не спеша взобрались на последний, уже осмотренный издали, хребет и скоро были на откосе, где плавно опускавшиеся вниз обнаженные пласты породы как бы подчеркивали отвесную, точно стена, крутизну горы Альтиссимы.

Микеланджело присел на валун и поглядел вверх на страшные Альпы.

- С помощью господ бога и всей французской армии кто-то, пожалуй, и доберется до нашего валуна. Но кто в силах проложить дорогу на эту отвесную стену?

- Это невозможно. Зачем об этом и думать?

- Затем, чтобы добывать тут мрамор.

Анто уставился на Микеланджело, недоверчиво двигая верхней губой вверх и вниз и снова показывая, свои розовые десны.

- О мраморе ты и не заикайся. Ты что, свихнулся? Никому не спустить оттуда ни одного камня.

- E vero. Пожалуй.

- Так зачем же ты сюда шел?

- Чтобы удостовериться самому. Давай-ка мы взберемся на эту страшную гору, Анто. Надо посмотреть, хорош ли там мрамор, хоть нам все равно его и не добыть.

Мрамор оказался не просто хорошим, он был совершенным: на поверхность выходили чистые, белейшие пласты, годные для статуй. Микеланджело нашел и следы древнего залома, где некогда работали римляне; поблизости лежали обломки добытого ими мраморного блока. Сколько они тратили сил, чтобы удержаться, пройти по этим каменистым кручам и ущельям, как страдали, шагая по снегу и одолевая оставшийся путь вверх, цеплялись за камень ногтями, упирались в них пальцами ног! – думал Микеланджело. – Теперь ясно, почему императорам пришлось строить Рим из каррарского мрамора. И все же его огнем жгло желание вонзить свой резец в этот чистый, сияющий камень, равного которому он никогда в жизни не видел.

В Каррару он возвратился затемно. Поднимаясь по дороге от Авенцы, он убедился, что крестьяне как бы не замечают его. Когда он миновал ворота Гибеллинов и был уже в городе, люди около своих мастерских и лавок делали вид, что они страшно заняты. На Соборной площади мужчины, сбившись в тесный кружок, когда он проходил мимо, повернулись к нему спиной. Он вошел в аптеку: Пелличча и его сын толкли на мраморной плите какие-то снадобья.

- Что тут происходит? Вчера утром я уезжал отсюда каррарцем. А вернулся уже тосканцем.

Пелличча не ответил ему, пока не высыпал лекарство в носовой платок, который подала ему ожидавшая старуха в черном, и не пожелал ей обычного "fa a modr".

- Все дело в твоей поездке на гору Альтиссиму.

- Выходит, ваши люди придерживаются древнеримского правила: человек виновен, пока он не доказал свою невиновность.

- Люди просто напуганы. Каменоломни в Пьетрасанте их разорят.

- Передай им, пожалуйста, что я ездил туда по приказу папы.

- Они говорят, что все задумал ты сам.
- Я сам? Каким образом?
- Они считают, что ты поехал туда потому, что ищешь безупречного камня; баламута, мол, послушали и в Риме.

- Но ведь я закупил множество блоков в Карраре.
- Каррарцы чувствуют, что в душе ты стремишься к святой святых, к чистейшему мрамору гор, к самой его сердцевине. Они считают, что именно поэтому папа Лев послал тебя разведать Пьетрасанту - найти совершенный камень, который бы тебя полностью удовлетворил.

Минуту Микеланджело молчал, не зная, что ответить. Ему было известно, что папа и кардинал Джулио приняли Альтиссиму в свое владение, что так они наказывают каррарцев, настроенных против Ватикана. Но неужто каррарцы правы в отношении его самого? Все эти семь месяцев, покупая у каррарцев блоки и выплачивая им огромные деньги, он ни на минуту не был уверен, что покупает для своих статуй самый лучший мрамор. И не хотел ли он в душе, уже после того, как сказал папе, что это невозможно, чтобы тот все-таки открыл каменоломню в Пьетрасанте?

- Я доложу его святейшеству, что переправить с горы Альтиссими хотя бы один блок - невозможное дело.

- Значит, каррарцы могут на тебя положиться?

- Я даю им слово чести.

- Для них это будет добрая весть.

Микеланджело был скорее позабавлен, чем озабочен, когда услышал, что Баччио д'Аньоло и Биджио получили пятьсот дукатов на то, чтобы ехать в горы Серавецци и прокладывать там дорогу. Он знал их обоих: лечь костями во имя идеи они не согласятся.

Весна в Карраре была на редкость удачной: закупать мрамор скульпторы съехались отовсюду. Жили они в церковной гостинице, за мостом, недалеко от собора: тут были Бартоломео Ордоньес из Испании, Джованни де Росси и маэстро Симони из Мантуи, Доминик Таре из Франции, дон Бернардино де Чивос, работавший на испанского короля Карла Первого. Микеланджело тоже чувствовал, что ему улыбнулась удача, - Медичи согласились заплатить ему за фасад двадцать пять тысяч дукатов.

Якопо Сансовино, ученик старого Андреа Сансовино, друга Микеланджело еще по работе в Садах, дождливым вечером приехал в Каррару и стоял теперь перед очагом Микеланджело, грея и обсушивая себе спину. Якопо был приятным на вид мужчиной лет тридцати, с каштановыми волосами. Он взял у своего учителя его фамилию и, видимо, обладал талантом. Микеланджело встречал его раньше в мастерской Сансовино, а потом не сталкивался с ним целые годы.

- Якопо, как приятно мне видеть флорентинское лицо! Кто загнал тебя в Каррару по такой скверной погоде?

- Ты.

- Я? Почему я?

- Папа Лев заказывает мне фриз.

- Какой фриз?

- Фриз для твоего фасада, разумеется. Я представил папе проект, и папа был очарован.

Микеланджело отвернулся на минуту, чтобы Якопо не заметил, насколько он ошеломлен.

- Но по моему проекту не предусмотрено никакого фриза.

- Папа допустил к конкурсу всех, кто может предложить что-нибудь интересное. Я в этом конкурсе победил. Я предлагаю протянуть над тремя порталами длинную бронзовую ленту - и на ней изобразить эпизоды из жизни рода Медичи.

- По предположим, что твой фриз совсем не совпадает с моим замыслом?

- Ты сделаешь свою часть работы, я - свою.

Тон у Якопо не был вызывающим, но и не допускал возражений. Микеланджело сказал спокойно:

- Я еще никогда ни с кем не сотрудничал, Якопо.

- Что свитой отец хочет, то и будет.

- Это верно. Но согласно договору я обязан исправлять ошибки в работах моих помощников.

- У меня ошибок не будет, поверь мне. О ком тебе надо беспокоиться, так это о Баччио и Биджио.

- А что делают Баччио и Биджио? - Микеланджело чувствовал, как спину у него пробирает мороз.

- Им предстоит украсить резьбой все блоки и колонны.

В эту ночь Микеланджело не спал. Подбрасывая поленья в огонь, он расхаживал по двум своим комнатам и думал, стараясь понять самого себя. Почему он в течение целых двух месяцев не завершил модели, - ведь папа и кардинал Джулио сейчас уже, наверное, одобрили бы ее? Почему он все обдумывал главные изъяния фасада, а не съездил во Флоренцию и не приступил там прямо к работе? Он суетился, вел переговоры, покупая сотни мраморов, и был в ложной уверенности, что чего-то достиг, повлиял на ход дела. Приезд Сансовино и весть о том, что фасад уже уходит из его рук, доказали, что он обольщался. По сути, он пребывал в покое, - а более мучительной смерти для художника нет.

Теперь нельзя больше терять времени. Если он взялся возводить этот фасад, надо приступать к работе немедленно и исполнить ее всю, во всем объеме - плоские камни и колонны, карнизы и капители, не говоря уже о Статуях святых.

Он написал в Рим:

"Я обещаю вам, святой отец, что фасад церкви Сан Лоренцо станет зеркалом архитектуры и скульптуры всей Италии".

8

Он приехал во Флоренцию, когда весна была в полном цвету, и сразу попал на торжество: у Буонаррото родилась дочь Франческа, которую Микеланджело стал звать Чеккой. Он пригласил в дом на Виа Гибеллина друзей, угостил их вином и праздничным пирогом, а на другой день принялся за хлопоты. Он решил купить участок земли на Виа Моцца, близ церкви Санта Катерина, и построить там обширную мастерскую, где поместились бы его большие блоки для фасада Сан Лоренцо и для гробницы Юлия. Ему пришлось вступить в переговоры с канониками Собора, те запросили с него за участок триста больших золотых флоринов, что, по его мнению, на шестьдесят флоринов превышало справедливую цену. Когда он стал возражать, каноник важно ответил:

- Я сожалею, но мы не можем отступить от папской буллы касательно земельной купли и продажи.

- В таком случае прирежьте мне за эти шестьдесят флоринов еще кусок земли на задах.

- Неужели вы хотите заставить нас пойти против приказа святого отца?

В течение нескольких недель Микеланджело трудился, завершая деревянную модель фасада. Он расширил теперь свой проект, дополнительно ввел в него барельефы на исторические сюжеты - пять в квадратных рамах и два круглых: стоимость работы возросла, за фасад надо было требовать не меньше тридцати пяти тысяч дукатов. Папа отвечал по этому поводу через Буонинсеньи, который писал так:

"Им нравится ваш новый план, но вы увеличили стоимость работы на десять тысяч дукатов. Что это - следствие расширения проекта или же просчетов в вашем прежнем плане?"

Микеланджело ответил: "Это будет чудо архитектуры и скульптуры во всей Италии! Когда же мне отпустят деньги?"

Буонинсеньи снова внушал ему:

"С деньгами затруднения, в казне их очень мало, но, не сомневайтесь, ваш договор будет подписан. Приступайте к делу сейчас же. Его святейшество обеспокоено тем, что вы все еще оттягиваете начало работы".

Якопо Сансовино, узнав в Ватикане, что новая модель Микеланджело не предполагает никакого бронзового фриза, приехал к нему и учинил настоящий скандал.

- Пусть я буду проклят, если ты скажешь доброе слово хоть о ком-то на свете!

- Якопо, я отзывался о твоей работе очень высоко. Ведь я тебе пробовал объяснить в Карраре...

- Ты мне объяснил в Карраре, что есть ты и только ты. Ни для кого другого уже нет места. Вот что я усвоил в Карраре.

- Не надо нам становиться врагами, Якопо. Я обещаю тебе помочь получить заказ. Тогда ты поймешь, что в искусстве нельзя вести работу сообща - в нем требуется органическое единство разума и рук одного человека. Все другое будет ливорнской рыбной солянкой.

В эти дни Лодовико опять принялся укорять Микеланджело за то, что он не позволяет отцу брать деньги у эконома церкви Санта Мария Нуова.

- Отец, если вы не перестанете ворчать и вечно придирааться ко мне, жить под одной крышей нам будет невозможно.

К ночи Лодовико исчез, его комната оказалась пустой. Утром Буонарроти узнал, что Лодовико жаловался каждому встречному, как его выгнали из собственного дома.

- Где же он теперь живет? - спрашивал Микеланджело.

- В крестьянском домике за нашей усадьбой в Сеттиньяно.

- Я сейчас же напишу ему письмо.

Микеланджело уселся за письменный столик Лодовико - столик этот, имеющий форму пирога, выглядел в квадратной комнате довольно странно.

"Дражайший отец - я знаю, что вы жалуетесь на меня и рассказываете всем и каждому, что я выгнал вас из дому. Я удивлен этим, ибо могу с уверенностью сказать, что со дня моего рождения и по сию пору у меня не было и мысли сделать что-либо во вред вам. Из любви к вам я вынес столько трудностей и лишений!.. И вы знаете, что все, чем я располагаю, - ваше.

Вот уже тридцать лет вы испытываете мое терпение, вы и ваши сыновья, и вам прекрасно известно, что все мок помыслы и все дела, на какие я только способен, направлены к вашему благу. Как можете вы говорить, что я вас выставил за дверь? Неужто вы не видите, как вы меня черните?.. Мне не хватает разве лишь этого, после всех тех мучений, которые я из-за вас претерпел. Вы воздаете мне по заслугам.

Но как бы то ни было, я готов признать, что не принес вам ничего, кроме стыда и позора... умоляю вас простить меня, как прощают негодяя и грешника".

Лодовико возвратился на Виа Гибеллина и простил Микеланджело.

В городе у всех было подавленное настроение, флорентийские традиционные празднества и гуляния как бы переселились в Рим, ко двору папы Льва. Безрадостная жизнь Микеланджело стала еще горше, когда он узнал, что его картон "Купальщики" пропал.

- Уничтожен - это будет не совсем верное слово, - скорбно повествовал Граначчи. - Исчерчен, исписан, истрепан, изрезан на куски, расхищен.

- Но каким же образом? Ведь он принадлежал Флоренции. Разве его не охраняли?

Граначчи рассказал ему все подробно. Картон был перенесен в Папский зал близ церкви Санта Мария Новелла, затем в верхний зал дворца Медичи. Сотни художников, проезжавших через Флоренцию, работали у картона, за ними никто не присматривал, многие отрезали от картона по куску и брали с собой. Недруг Микеланджело со времен его ссоры с Перуджино, скульптор Ваччио Бандинелли, говорят, утащил и присвоил себе много кусков картона. Единственные обрывки, которые сейчас находятся во Флоренции, это те, что скупили друзья Микеланджело - семейство Строцци.

- Так мне пришлось разделить участь Леонардо, - угрюмо промолвил Микеланджело. - Мой картон погиб. И погибла бронзовая статуя Юлия.

Один только настоятель Бикьеллини был способен помочь Микеланджело взглянуть на свои несчастья философски: состарившийся и больной, он не вставал теперь с постели и ни на минуту не покидал стен монастыря Санто

Спирито.

- Постарайся подходить к своей жизни не как к чреде разрозненных событий, а как к единому целому, - говорил настоятель. - Тогда ты поймешь, что каждый период жизни возникает из предыдущего, и уверишься в том, что и новый период неизбежен.

Не жалея сил, Микеланджело работал над проектом фасада, смастерил большую модель, обтачивал колонны, ваял капители, разрабатывал устройство ниш, в которых будут стоять его изваяния, лепил восковые фигуры, чтобы найти окончательный вид мраморных скульптур. Папа Лев подписал договор на фасад, отпустив сорок тысяч дукатов - по пяти тысяч на год, с выплатой в течение восьми лет; четыре тысячи выдавались сразу же, на расходы, не говоря о бесплатном жилище около церкви Сан Лоренцо. Однако...

"Его святейшество желает, чтобы для всех работ по фасаду Сан Лоренцо был взят мрамор из Пьетрасанты, и никакой другой".

Микеланджело стоял с непокрытой головой на кладбище Сан Лоренцо, внимая похоронным песнопениям по настоятелю Бикьеллини и чувствуя, что он утратил самого дорогого и близкого человека на земле. Святой настоятель говорил, что новый период возникает из предыдущего: его ждала награда на небесах. Микеланджело, который с болью смотрел на то, как его друга опускают в могилу, тоже предстояло вступить в "новый период", очень похожий, однако, не на небесные выси, а скорее на беспросветный ад.

Через час после его возвращения в Каррару на Соборной площади начала собираться толпа. Она стекалась сюда с равнины за Свиным рынком, с горных склонов вдоль реки Каррионе, с далеких отрогов Торано, Колоннаты, Форестьеры, от каменоломен Полваччио, Фантискритти, Гротта Коломбара, Баттальяно. Набралось уже несколько сот каррарцев, они шагали по площади, надвигаясь все ближе и ближе, заполнили пространство под мостом, перед собором и были теперь под окнами аптеки.

Окна столовой Пелличии были большие, от пола до потолка, в стене, выходявшей на улицу, были прорезаны двустворчатые стеклянные двери. Эти двери открывались наружу, и хотя там не существовало балкона, они были ограждены железными невысокими перилами. Микеланджело стоял за занавеской, прикрывавшей стекла дверей, и прислушивался: гул и ропот камнеломов звучал все громче, толпа густела и росла, заливая всю площадь. Кто-то заметил Микеланджело за занавеской. По толпе прошло движение. Люди начали кричать:

- Баламут! Баламут!

Микеланджело взглянул на безумное, белое, как мел, лицо Пелличии, - тот растерянно метался, не зная, что предпочесть: остаться ли верным своим землякам или взять под покровительство гостя.

- Лучше я выйду на площадь, - сказал Микеланджело.

- Слишком опасно. Когда они напуганы, они ужасны. Они растопчут тебя насмерть.

- Мне надо поговорить с ними.

Он распахнул стеклянные двери, шагнул к невысоким, чуть выше колен, перилам. Снизу донесся вопль:

- Figlio d'un can!! Сукин сын!

Камнеломы тянули к нему грозно стиснутые кулаки. Микеланджело простер в воздухе руки, стараясь успокоить толпу.

- Твое слово чести - овечье дерьмо.

- Это сделал не я. Вы должны мне поверить.

- Выродок! Ты продал нас!

- Разве я не покупаю у вас мрамор! Я готов и на новые подряды. Поверьте же мне. Я каррарец!

- Ты - прихвостень папы.

- Я пострадаю от всего этого больше, чем вы.

Толпа вдруг смолкла. Человек, стоявший в первом ряду, закричал истошным, надорванным голосом, в котором билась глубокая боль:

- А брюхо у тебя не пострадает!

Этот крик послужил как бы сигналом. Сотни рук взмахнули враз, как одна рука. В воздухе полетели, будто град, камни. Куски белого мрамора разбили сначала одну створку стеклянных дверей, затем другую.

Крупный камень попал Микеланджело в лоб. Он был оглушен этим ударом, хотя боли не ощутил. Кровь начала струиться со лба, растекаясь по лицу. Он чувствовал, что она заливает брови, струйкой пробирается в угол глаза.

Он не сделал ни одного движения, чтобы остановить кровь. Толпа увидела, что он ранен.

- Хватит! Мы пустили кровь.

Толпа стала редеть, люди, группа за группой, отгибая собор, исчезали, поворачивая на те улицы, по которым они пришли. В течение нескольких минут площадь опустела, только белые камни да битые стекла, усыпавшие мостовую, говорили о том, что здесь произошло. Микеланджело прижимал ладонь к залитому кровью глазу. Стучалось и раньше, когда мрамор ранил его до крови: при чересчур яростной работе резцом осколки летели ему в лицо, обдирая кожу. Но камнями кидали в него впервые.

9

В Пьетрасанте он снял домик на площади, ближе к морю - отсюда виднелась обширная, версты на полторы, топь, через которую ему надо было протянуть дорогу и выстроить на берегу причал для судов. Вместе с Микеланджело в домике остались жить и хозяева, старик и старуха: они присматривали за ним, делая все необходимое. Кардинал Джулио уведомил его, что он должен добывать мрамор не только для фасада церкви Сан Лоренцо, но и для строительства собора Святого Петра и для ремонта Собора во Флоренции. Цех шерстяников обещал вскорости выслать сюда специалиста по прокладке дороги.

Был март. Микеланджело считал, что в запасе у него около шести месяцев хорошей погоды, пока снег и лед не закроют доступ в горы. Если бы ему удалось добиться, чтобы мраморы стали поступать из каменоломен в начале октября, его цель была бы достигнута. Но только сдвинутся ли эти мраморы когда-нибудь с места! Первые блоки Микеланджело хотелось направить во Флоренцию, - там, во Флоренции, работая над ними, он провел бы всю зиму. С наступлением весны старшина со своей артелью может снова приехать в Пьетрасанту и добывать тут камень.

Он прикинул, в чем он в первую очередь нуждается, и поехал в Каррару. Там он направился в раскиданные по скатам гор, вне городских стен, мастерские. Мастерская веревочника стояла на берегу реки первой.

- Мне нужны прочные веревки.

Хозяин буркнул, не отрывая глаз от своей работы:

- Нету ни мотка.

Микеланджело пошел дальше, к кузнице. Звеня молотом, кузнец что-то ковал на своей наковальне.

- Я хотел бы купить у тебя горн и железных брусьев.

- Все давно продано.

Инструментальная лавка выглядела по сравнению с другими очень богатой.

- Можете ли вы продать мне десяток топоров, кирок, продольных пил?

- Самим не хватает.

Микеланджело поднялся в горы, желая поговорить с теми владельцами каменоломен, которым он давал подряды и платил большие деньги.

- Поедешь со мной в Пьетрасанту, Левша?

- У меня здесь крупный контракт. Не могу.

В другом заломе, у Разумника, Микеланджело говорил:

- Отпусти ко мне своего десятника на полгода. Я тебе заплачу вдвое.

- Мне без него не обойтись.

Микеланджело поднялся еще выше, направляясь к отдаленным каменоломням, - их хозяева не особенно слушались горожан, тяготея к своей собственной колокольне.

- Переходите работать на мои каменоломни. Я буду платить вам те же деньги и еще заключу подряд на блоки из ваших каменоломен на будущее. Что скажете?

Когда хозяин понял, что это обещает ему немалые выгоды, глаза у него заблестели, но он тут же заколебался.

- Я не хочу, чтобы рог гудел по моей душе.

Ничего не добившись в горах, Микеланджело быстро спустился в город; через задний садик он вошел в дом аптекаря.

- Ты нанимаешь людей и обучаешь их работе всю свою жизнь, - сказал он Пелличчи. - Дай кого-нибудь мне. Я нуждаюсь в помощнике. Все, к кому я ни обращался, мне отказывали.

- Я знаю, - грустно отозвался Пелличчи. - Я твой друг. Друзья не должны покидать друг друга в беде.

- Значит, ты даешь мне человека?

- Не могу.

- Наверное, не хочешь?

- Это одно и то же. Наниматься к тебе никто не захочет. Все держатся своей колокольни. Нам, каррарцам, никогда еще после нашествия французских войск не грозила такая серьезная опасность. И разве я не должен думать о своей аптеке? Ведь на моих дверях будет как бы написан страшный крик: "Здесь чума!" Прости меня, пожалуйста.

Микеланджело отвел глаза в сторону.

- Напрасно я пришел к тебе. Это моя ошибка.

Чувствуя себя таким усталым, каким он редко бывал, проработав резцом и молотком даже двадцать часов подряд, Микеланджело шагал по мощным мрамором улицам. Встретив по пути несколько женщин, закутанных в свои scialima - черные шали, он поднялся к Рокка Маласпина. Маркиз был не только владельцем большинства земель Каррары, но и единственной властью во всем своем маркизате. Его слово тут было законом. Он встретил Микеланджело с достоинством, но без признаков недовольствия или вражды.

- Папа в этих краях бессилён, - объяснял маркиз. - Папа не может заставить людей добывать мрамор из вашей проклятой горы. И он ничего не добьется, если даже отлучит от церкви всю округу.

- Если продолжить вашу мысль - вы тоже не в силах приказывать камневодам работать на меня?

Маркиз тонко усмехнулся:

- Мудрый владелец никогда не дает приказов, если он знает, что им не будут подчиняться.

В комнате было неловкое, мучительное молчание, пока не вошел слуга и не поставил на стол вино и rasnata - булочки, испеченные по случаю пасхи.

- Маркиз, я потратил тысячу дукатов на мраморы, которые до сих пор находятся в каменоломнях. Что с ними будет?

- В договорах сказано, что мраморы должны быть доставлены на берег?

- Сказано.

- Значит, вы можете успокоиться, их доставят, мы выполняем свои договоры.

Блоки и колонны скоро были уже у моря - их спустили с гор на телегах, к задним колесам которых в качестве тормоза были привязаны волочившиеся по земле тяжелые камни. Но когда мраморы сгрузили на берег, каррарские корабельщики отказались везти их во Флоренцию.

- Не сказано в договоре.

- Я знаю, что не сказано. Я заплачу вам хорошие деньги. Мне надо доставить эти блоки в Пизу, а затем отправить их вверх по Арно, пока в реке держится высокая вода.

- Нет судов.

- Ваши барки стоят без дела.

- Завтра же уйдут в рейс. Загружены полностью.

Микеланджело выругался и сел на коня: через Специю и Рапалло, невзирая на тяжкий и дальний путь, он поехал в Геную. Здесь было множество корабельщиков, жаждавших подряда. Поговорив с Микеланджело, они рассчитали, сколько для него потребуется барок. Микеланджело уплатил корабельщикам авансом и условился о встрече с ними в Авенце, чтобы самому следить за погрузкой.

Через двое суток, когда генуэзские барки появились у взморья, навстречу им вышла каррарская гребная лодка, Микеланджело стоял на берегу, весь горя от нетерпения. Наконец, лодка вернулась - в ней сидел капитан генуэзских барок. Он взглянул на Микеланджеловы блоки и колонны и сказал, кривя рот:

- Не могу их взять. Чересчур велики.

Микеланджело побелел от гнева.

- Я говорил вам точно, сколько у меня мраморов, какой их вес, какие

размеры!

- Мраморов чересчур много.

Капитан швырнул Микеланджело кошелек с деньгами, сел в лодку и поплыл к баркам. Каррарцы, постояв на берегу словно бы совсем безучастно, повернулись и побрели вверх по откосу.

На следующий день Микеланджело поехал берегом в Пизу. Приближаясь к городу, он увидел в голубом небе падающую башню и припомнил свой первый приезд сюда с Вертольдо: тогда Микеланджело было пятнадцать лет и учитель привез его в этот город, чтобы пройти в Кампосанто и доказать ему, что он, Вертольдо, создал свою собственную "Битву римлян", а не скопировал какую-то древнюю. Теперь Микеланджело сорок три года. Неужто прошло всего лишь двадцать восемь лет с тех пор, как он вглядывался в дивные скульптуры Николо Пизано в баптистерии? Чем больше он жил, тем дальше уклонялся в сторону от сурового предостережения Вертольдо: "Ты должен создать целое полчище статуй".

"Но как?" - устало спрашивал он себя.

Он отыскал надежного капитана, уплатил ему задаток и возвратился в Пьетрасанту. Суда в условленный день не пришли... Не пришли они и назавтра, и на следующий день. Он был оставлен один на один со своими дорого стоившими, взыскательно отобранными мраморами. Как же ему вывезти их с этого каррарского берега?

Он не знал, что предпринять, куда броситься. Долг повелевал ему быть в Пьетрасанте, налаживать каменоломню. Что ж, придется оставить мраморы там, где они лежат. Он постарается вывезти их позднее.

Сеттиньянские каменотесы, работавшие по светлому камню, понимали, что какой бы славы Микеланджело ни достиг, он достиг ее дорогой ценой. Когда они увидели на дороге его худошавую фигуру, устало шагавшую к ним, в душе их не шевельнулось чувство зависти. Он же, взойдя на открытый утес и бросив взгляд на простершиеся внизу пласты голубовато-серого камня, радостно улыбнулся, душа его ликовала. Подле утеса, чуть ниже, артель рабочих била кувалдами угловатые, неровные глыбы, придавая им нужный размер и форму. Наступило обеденное время; уже шли к своим отцам мальчики с перекинутыми через плечо батожками, на обоих концах которых висело по горшку горячей пищи. Рабочие рассаживались у входа в прохладную пещеру.

- Никто не слышал, нет ли тут, на каменоломнях, свободных рук? - спрашивал сеттиньянец Микеланджело. - Я мог бы взять хороших работников в Пьетрасанту.

Каменоломам не хотелось, чтобы про них говорили, будто они отказали старому приятелю, но работы в каменоломнях было столько, что приходилось стараться каждый человеком.

- Там выгодное дело, - продолжал Микеланджело, едва не прибавив: "Выгодное, но не для меня". - Может быть, мне стоит сходить в другие каменоломни - за виллу Питти, в Прато - и поискать людей в тех местах?

Рабочие молча переглянулись.

- Сходи.

Преодолевая усталость, он пошел к каменоломням Фассато и Коверчиано, где добывался гранит, и к каменоломням Ломбреллино, где ломали известняк. Люди всюду оказались заняты, им не было никакого расчета бросать свои дома и семьи; многие к тому же были напуганы: о горах Пьетрасанты шли дурные слухи. В отчаянии Микеланджело поплелся назад, в Сеттиньяно, и скоро был в доме Тополино. Сыновья работали во дворе; семеро внуков разного возраста, начиная с семи лет, помогали им, учась ремеслу. Бруно, старший сын, с коротко стриженными сидящими волосами, вел все дела по подрядам; Энрико, средний брат, был приучен отцом к самой тонкой работе - обработке колонн и резных кружевных наличников - и как бы исполнял в семье роль художника; младший, Джильберто, был самым кряжистым, крепким из братьев, но отличался необыкновенным проворством и энергией. Микеланджело понимал, что здесь у него последняя возможность: если не помогут Тополино, то уже никто ему не поможет. Он обрисовал братьям свое положение, не утаив от них ни одной трудности, ни одной опасности.

- Может кто-либо из вас поехать со мной? Мне нужен человек, которому бы я полностью доверял.

Микеланджело почти слышал физически, как трое братьев обдумывали свой ответ. В конце концов и Энрико и Джильберто обратили свои взоры к Бруно.

- Мы не можем допустить, чтобы ты уехал отсюда один, - медленно произнес Бруно. - Кто-то из нас должен с тобой ехать.

- Кто?

- Бруно не может, - сказал Энрико. - Есть подряды, о которых еще надо договариваться.

- Энрико не может, - сказал Джильберто. - Без него тут не кончить работу.

Два старших брата посмотрели на Джильберто и сказали, как один:

- Значит, едешь ты.

- Значит, еду я. - Глядя на Микеланджело, Джильберто почесал свою заросшую густыми волосами грудь. - Мастер я из троих самый неловкий, но силы у меня больше. Я тебе стожусь.

- Стодишься вполне. А вам всем моя благодарность.

- Благодарность в горшок с похлебкой не сунешь, - ответил Энрико, воспринявший от отца вместе с искусством управлять шлифовальным колесом и весь его запас народных поговорок.

Наутро Микеланджело собрал целую артель: тут был Микеле, работавший у него раньше в Риме, и трое братьев Фанчелли: Доменико, парень маленького роста, но хороший скульптор, Дзара, которого Микеланджело знал уже много лет, и Сандро, младший. Ла Грасса, сеттиньянский мастер, делавший для Микеланджело модель фасада, тоже дал согласие присоединиться к нему, а кроме того, вызвалась ехать целая партия разного рода рабочих, соблазненных обещанным Микеланджело двойным заработком. Когда Микеланджело собрал этих людей вместе, чтобы дать им последние указания - отъезд завтра утром, ехать всем в одной специально нанятой крестьянской телеге, - сердце у него упало. Двенадцать камнерезов! И ни одного камнелома, знакомого с мрамором! Как же он справится с дикой горой, если у него такая неопытная артель?

По пути домой, несмотря на свою задумчивость, Микеланджело заметил каменотесов, укладывающих новые блоки на Виа Сант Эджидио. Среди них, к великому его удивлению, был Донато Бенти, скульптор по мрамору, когда-то работавший во Франции и успешно выполнявший там заказы.

- Боже мой, Бенти! Что ты тут делаешь?

Бенти, которому было не более тридцати, выглядел почти стариком; под глазами сизые мешки, глубокие морщины прорезали щеки и пучком сходились на подбородке. Речь и жесты у Бенти были самые напыщенные. Заломив руки, будто в горячей мольбе, он воскликнул:

- Смотри! Я высекаю изваяния, чтобы кинуть их-под ноги прохожим. Сколь ни скромны мои потребности, моя брэнная плоть временами еще требует пищи.

- Если ты согласишься ехать со мной в Пьетрасанту, я буду платить тебе больше, чем ты зарабатываешь на этих дорогах. Едешь? Ты мне очень нужен.

- Я тебе нужен? - в крайнем удивлении переспросил Бенти, хлопая своими совиными глазами. - "Нужен!" Это самое прекрасное слово, какое только есть в итальянском языке. Конечно, еду!

- Чудесно. На рассвете будь у меня. Я живу на Виа Гибеллина. В телеге нас будет теперь четырнадцать душ.

Вечером к Микеланджело явился Сальвиати и привел с собой сероглазого лысеющего человека, представив его как Виери, отдаленного родича папы Льва.

- Виери едет с вами в Пьетрасанту. Это интендант. Он будет заботиться у вас о хлебе, о доставке материалов, о средствах перевозки, а также вести счета. Жалованье ему будет платить цех шерстяников.

- А я все беспокоился, кто же у меня будет подбивать цифры!

Сальвиати рассмеялся.

- Со всякими счетами Виери расправляется как истинный мастер. Бухгалтерские книги у него будут в гаком же равновесии, как формы у вашего "Давида". Не ускользнет ни один грош.

У Виери был чуть сиплый, сдавленный голос, говорил он невнятно, глотая слова.

- Цифры - хозяйева положения, пока они цифры. А когда я подведу баланс, тогда хозяином над цифрами стану я.

Уезжал Микеланджело при счастливых обстоятельствах, ибо невестка

Бартоломея разродилась здоровым мальчиком, которого назвали Симоне, - имя Буонарроти Симони, таким образом, было сохранено для грядущих времен.

Виери, Джильберто Тополино и Бенти стали жить в Пьетрасанте в одном доме с Микеланджело; в одной из спален Виери устроил для себя контору. Для остальных девяти рабочих Микеланджело подыскал более просторный дом в Серавецце. Он наметил наиболее выгодную, на его взгляд, линию дороги к каменоломням и заставил своих людей кирками и лопатами пробивать тропу, чтобы потом на ослах возить по ней на гору снаряжение. Рабочим Микеланджело помогали подростки из ближайших деревень: под наблюдением Анто они кувалдами разбивали камень на горе, расчищая ложе для спуска мрамора вниз. Когда стало ясно, что одного кузнеца для всей кузнечной работы в Серавецце недостаточно, Бенти вызвал своего крестного отца Лаццерио - приземистого, без шеи, человека, с могучей, как у быка, грудью. Лаццерио выстроил и оборудовал кузницу с тем расчетом, чтобы она обслуживала и каменоломню и дорогу, он же сделал специальные телеги с железным остовом для перевозки мраморных колонн к морю.

Микеланджело, Микеле, Джильберто и Бенти стала разведывать мрамор, на нижних склонах горы Альтиссими они нашли несколько пластов, но не совсем чистых, окрашенных в разные оттенки, затем, почти у самой вершины, на один выступ от нее, под тонким слоем земля обнаружили залежание чистейшего, годного для статуй мрамора - по своему строению он был безупречен, с изумительно белыми кристаллами.

- Что правда, то правда, - торжествующе говорил Микеланджело, обращаясь к Бенти. - Чем выше гора, тем чище мрамор.

Сздав свою артель из подростков, предводимых Анто, Микеланджело велел высечь тут площадку, чтобы начать на ней ломку мрамора. Залежи его уходили вглубь монолитным пластом; но с поверхности надо было срезать чуть ли не целый утес, ибо под воздействием ветра, снега и дождя внешние слои оказались немного попорчены. Однако под этой шершавой шкурой лежал камень редчайшей, несказанной чистоты.

- Огромные блоки спят здесь со дня творения - нам остается лишь вырезать их! - возбужденно сказал Микеланджело.

- И столкнуть их вниз с этой горы, - добавил Бенти, всматриваясь в даль, где в пяти-шести верстах за Серавеццей и Пьетрасантой синело море. - Честно говоря, меня беспокоит больше дорога, чем сам мрамор.

В первые недели, когда начали ломать мрамор, дело почти не двигалось. Микеланджело показывал рабочим, как каррарцы загоняют мокрые кольца в щели и борозды камня, как, разбухнув, кольца рвут мрамор на части, вызывая в нем трещины, как с помощью огромных ваг выламывают наметившиеся в монолите глыбы. Мрамор и его добытчик подобны любовникам: всякий раз им надо знать настроение друг друга, знать капризы и увертки, знать, будет ли партнер оказывать сопротивление или готов сдаться. Мрамор всегда был своенравной принцессой всех горных пород, упорной в своем сопротивлении и в то же время податливой, нежно сдающейся; как некая драгоценность, он требовал в обращении с ним безграничной верности и ласки.

Всех этих особенностей материала сеттиньянские каменотесы совершенно не знали. Не знали их и Бенти с Доменико, хотя в прошлом они высекали статуи. Микеланджело постиг все это ценой тяжкого труда и заблуждений: в свое время он пристально следил за тем, как добывали блоки каррарцы, и стремился в несколько месяцев перенять мастерство, обретенное за много поколений. Артель его каменотесов старалась изо всех сил, но постоянно допускала ошибки. Светлый камень, к которому привыкли сеттиньянцы, был во много раз прочнее мрамора. Опыт в обращении с сияющим камнем им еще предстояло накопить - пока же вместо них Микеланджело мог бы с тем же успехом привезти на эту гору кузнецов или плотников.

Джильберто Тополино как старшина артели являл собой настоящий вулкан энергии; он метался, суетился, бешено атакуя гору, заставлял всех работать с лихорадочной быстротой, но сам умел лишь обрабатывать, зажав между колен, строительные блоки светлого камня. Мрамор бесил его своим упрямым, непокорным нравом, он почему-то не хотел рассыпаться и крошиться, как сахар, под напором сеттиньянского резца, словно это был совсем и не камень.

Великан Ла Грасса жаловался:

- Работать с мрамором - все равно что работать в темноте.

На нижних склонах горы, где, по словам Доменико, был, все-таки хороший мрамор, рабочие, потратив не меньше недели, вырубали блок, по которому спиралью шли круги темных жилок: в дело он не годился.

Виери был превосходным интендантом, он закупал пищу и оборудование по самым дешевым ценам, лишних денег он не тратил. Он записывал каждый израсходованный дукат, но, когда истекал месяц, его безупречно точные счета не утешали Микеланджело. Ведь Микеланджело еще не добыл ни единого камушка, чтобы хоть на грош оправдать эти немалые затраты.

- Смотри, Буонарроти, баланс у меня в полном равновесии, - хвастал Виери.

- Но чтобы сбалансировать эти сто восемьдесят дукатов, которые мы израсходовали, сколько же у меня должно быть мрамора?

- Мрамора? Не знаю. Моя задача - показать, куда потрачены деньги.

- А моя - добыть мрамор, чтобы показать, зачем мы тратили деньги.

Приближался июнь. Дорожного строителя от цеха шерстяников все еще не было. Размышляя о крутизне Альтиссимы, о тех верстах сплошного камня, в котором надо было пробивать дорогу, Микеланджело видел; если не начать строить ее немедленно, то до зимы, когда снега и метели наглухо закроют пути в горы, работ никак не закончить. Но наконец долгожданный строитель приехал; его звали Бокка, что значит Глотка. Неграмотный мастеровой, он с молодых лет работал на дорогах Тосканы: у него хватило энергии и честолюбия, чтобы в свое время научиться вычерчивать карты, управлять артелями дорожных рабочих; потом он стал брать самостоятельные подряды на прокладку дорог между крестьянскими селениями. Цех шерстяников облюбовал этого грубого, сплошь заросшего волосами человека потому, что он славился как подрядчик, выполнявший свои обязательства в кратчайшие сроки. Микеланджело показал ему чертежи дороги, объясняя, где ее лучше вести.

- Я посмотрю эту гору своими глазами, - резко прервал его Бокка. - Если я найду хорошее место, я построю хорошую дорогу.

Свое дело Бокка знал превосходно. В течение десяти дней он наметил самый простой из возможных путей к подошве горы Альтиссимы. Единственная беда заключалась в том, что его будущая дорога шла в сторону от места, где уже начали добывать мрамор. После того как Микеланджело вручную спустит свои тысячепудовые блоки вниз с горы Альтиссимы, ему придется покрывать еще немалое расстояние от дороги, проложенной Боккой.

Микеланджело потребовал, чтобы Бокка поднялся вместе с ним к самым высоким разработкам мрамора, к Полле и Винкарелле, и чтобы он осмотрел те ложбины на склонах горы, которыми Микеланджело будет пользоваться для спуска своих колонн.

- Ты видишь, Бокка, мне никак невозможно доставлять блоки к твоей дороге.

- Я взял подряд провести дорогу к горе. К горе я ее и проведу.

- Чему же будет служить эта дорога, если я не могу вывозить по ней мраморы?

- Мое дело - дорога. А мраморы - это уж твое дело.

- Но если дорога будет бесполезна для доставки мраморов к морю, то зачем ее вообще строить? - кричал Микеланджело в отчаянии. - У нас будет тридцать два вола с повозками... не сено же мы станем возить на этих волах! Дорога должна подходить к каменоломням как можно ближе. Вот сюда, например...

Когда Бокка приходил в возбуждение, он начинал крутить и дергать длинные, не меньше дюйма, волосья, - росшие у него из ноздрей и ушей; забирая большим и указательным пальцем пучок темной растительности, он нервно потягивал его вниз.

- Дорогу строю или я, или ты. Вдвоем мы не строим.

Была теплая ночь, звезды гроздьями висели низко над морем. В мучительных думах Микеланджело шагал к югу, вдоль побережья, проходя через спящие деревни. Ради чего же строить эту дорогу, если по ней нельзя будет перевозить мраморы? Не взвалит ли потом вину на него, Микеланджело, если он не сумеет доставить свои блоки и колонны к морю? Дорога, которую хочет проложить Бокка, лишена всякого смысла, поскольку она никуда не ведет. Что делать с этим Боккой?

Он мог пожаловаться на него папе Льву, кардиналу Джулио, Сальвиати, мог настаивать, чтобы вместо Бокки прислали другого строителя. Но разве есть

гарантия, что новый строитель согласится с Микеланджело и примет ту трассу, которую он считает наилучшей? Папа может даже сказать, что все эти раздоры - Микеланджелова гордыня и горячность, что Микеланджело не способен ни с кем поладить.

Какой же тут выход?

Он должен построить дорогу сам!

Вдохнув в себя теплый ночной воздух, Микеланджело застонал от муки. Он огляделся - перед ним, уходя к морю, темнели топи. Неужели он в силах взять на себя прокладку дороги в таком глухом и диком месте каких немного во всей Италии? Никогда он не строил дорог. Он скульптор. Что он понимает в дорожном строительстве? Да и какие тяжкие обязанности взвалит он на свои плечи. Надо будет собрать новую артель рабочих, надзирать за ними, придется засыпать эту топь, спиливать деревья, прорубать проходы сквозь скалы. И разве не скажут папа Лев и кардинал Джулио то же самое, что сказал папа Юлий, когда он, Микеланджело, так отчаянно боролся, пытаясь уклониться от росписи Сикстинского плафона, а затем разработал план, вчетверо увеличивший масштабы работ по этому плафону!

Он помнил, как он кричал Льву и Джулио: "Я не каменотес!"

А теперь он готов стать инженером.

"Кто поймет этого человека?" - удивленно спросил бы сейчас папа Лев.

На этот вопрос Микеланджело не мог бы ответить и сам. Хотя он достиг в этих местах ничтожно мало и не добыл пока ни одного годного в дело блока, он все же вскрыл ослепительно белую, кристально чистую плоть горы Альтиссимы. Ой знал, что рано или поздно он вырубит, выломает этот чудесный мрамор для своих статуй. А когда это произойдет, ему будет нужна уже готовая дорога.

Разве он не сознавал уже давным-давно, что скульптор обязан быть и архитектором и инженером? Если он сумел изваять "Вакха", "Оплакивание", "Давида", "Моисея", если он мог разработать проект мавзолея папы Юлия и проект фасада церкви Сан Лоренцо, неужто ему будет труднее проложить дорогу в семь с половиной верст?

10

Прочерчивая трассу дороги на карте, он включил в нее избитый, в глубоких колеях, проселок, идущий в Серавеццу, повернул от него к северу, обходя реку Веццу и ущелье, затем провел линию прямо к горе Альтиссима, невзирая на тот факт, что в самом начале дорогу тут преграждали огромные валуны. За ними, чуть дальше, надо было пробивать путь вверх, к долине реки Серы, к Риманьо, представлявшему собой скопление каменных домов, искать удобный брод на Сере и, сообразуясь с рельефом, вести дорогу вдоль берега реки, опять на подъем. В двух местах он решил прорывать тоннель сквозь скалы: ему казалось, что это выгоднее, чем тянуть дорогу по камню на гребень и потом спускаться снова вниз, к долине. Кончалась дорога по его плану у подножия горы, между двух ущелий, в которые он предполагал спускать свои блоки из Бинкареллы и Поллы.

За два дуката он купил ореховое дерево и заказал каретнику в Массе сделать двуколку с окованными железом колесами: на такой повозке было удобно возить дробленый камень и засыпать им топь между Пьетрасантой и берегом моря. Донато Бенти, который ходил в эти дни со скорбной миной, Микеланджело назначил надсмотрщиком при прокладке дороги на всем ее протяжении от Пьетрасанты до подошвы Альтиссимы; Микеле было поручено засыпать топь; Джильберто Тополино остался старшиной в Винкарелле - эта каменоломня, расположенная на высоте шестисот сорока трех сажен, среди самых круч, являлась последним доступным местом в горах, где только можно было открыть залом и добывать чистейший мрамор.

В конце нюня Виери заговорил с Микеланджело, держась самого сурового тона.

- Вам надо прекратить строительство дороги.
- Прекратить?.. Это почему же?
- Больше нет денег.
- Цех шерстяников богат. Ведь расходы оплачивает именно он.
- Я получил пока всего-навсего сто флоринов, ни скудо больше. Эти деньги потрачены. Взгляните, если угодно, как тут сбалансированы колонки цифр.

- Единственные колонны, которые я хочу видеть, - мраморные. А я не могу доставить их к морю, не проложив дороги.

- Очень печально. Может быть, деньги еще придут. Но до тех пор... - в знак своего бессилия Виери красноречиво развел руками, - до тех пор работе конец.

- Я не могу приостановить работу. Пустите на это другие деньги. Возьмите мои.

- Взять ваши личные деньги, предназначенные на мраморы? Вы не можете тратить их на прокладку дороги.

- Не вижу разницы. Не будет у меня дороги, не будет и мрамора. Берите деньги из моих восьмисот дукатов и платите, сколько надо, по счетам.

- Но вам никогда уже не вернуть этих денег. Требовать их с цеха шерстяников у вас не будет юридических прав.

- У меня вообще нет никаких прав. С кого я могу что-то требовать? - угрюмо отозвался Микеланджело. - Пока не добыты мраморы, святой отец не позволит мне быть скульптором. Пустите на дорогу мои деньги. Если цех шерстяников пришлет новую сумму, расплатитесь со мной из этой суммы.

От зари до зари он разъезжал верхом на сбившем копыта муле, надо было поспевать всюду и следить, как идут работы. Бенти прокладывал дорогу достаточно быстро, но до самых трудных участков в горах он еще не добрался, оставляя их под конец; Джильберто в Винкарелле снял слой земли, покрывавшей залежи мрамора, и уже вколачивал намоченные колья в расселины и щели; местные возчики, carradori, сыпали в топь сотни пудов дикого камня и щебня и понемногу укрепляли берег, где Микеланджело хотел устроить пристань. Впереди оставалась еще сотня долгих, до предела заполненных работой летних дней, и Микеланджело надеялся, что к концу сентября несколько колонн, которые пойдут на главные статуи фасада, будут уже спущены с горы к погрузочной площадке.

К июлю, согласно подсчетам Виери, из восьмисот дукатов Микеланджело было потрачено больше трехсот. Однажды в воскресенье, после заутрени, Микеланджело сел рядом с Джильберто на деревянные перила моста в деревне Стаццеме; их голые спины грело горячее солнце шурясь, они смотрели на море, видневшееся за деревушкой.

Джильберто искоса взглянул в лицо Микеланджело.

- Я хотел спросить тебя... Тебя тоже не будет здесь, когда они уедут?

- Кто это собрался уезжать?

- Считаю, половина артели - Анджело, Франческо, Бартоло, Бароне, Томмазо, Андреа, Бастиано. Как только Виери расплатится с ними, они уезжают во Флоренцию.

- Но почему же? - Микеланджело был потрясен. - Разве им мало тут платят?

- Они перепугались. Они считают, что здесь не мы оседлали мрамор, а мрамор нас.

- Что за глупость! У нас наметился отличный блок. Через неделю мы его выломаем.

Джильберто покачал головой.

- На этом блоке прожилка за прожилкой, сплошь. Весь залом пропадает. Надо будет вклиниваться в утес глубже.

- Что ты говоришь? - закричал Микеланджело. - Где у вас были глаза раньше? Вы что - малые дети?

Джильберто потупился.

- Прости меня, Микеланджело. Я подвел тебя. Все, что я знаю насчет светлого камня, - все здесь бесполезно.

Микеланджело обнял Джильберто за плечи.

- Ты сделал здесь все, что в твоих силах. Придется мне искать для тебя новых каменотесов. Видишь ли, Джильберто, у меня ведь нет такой привилегии - взять да отсюда уехать.

В середине сентября все было готово для того, чтобы пробить тоннели через три больших скалы: одна была на повороте к Серавецце, другая за деревушкой Риманьо, последняя там, где к реке подходила старая тропинка. Стоит пробить эти тоннели – и дорога будет закончена! Микеланджело вбухал в топь столько камня, что им можно было бы заполнить все Тирренское море, и зыбкое, постоянно опускавшееся в этих местах полотно дороги стало, наконец, надежным и прочным вплоть до самого берега. На горе, в Винкарелле, чтобы избавиться от прожилок в камне, пришлось врубаться вглубь на толщину целой колонны, затратив на это шесть дополнительных недель, но зато Микеланджело обладал теперь уже готовым к спуску великолепным блоком. У него была также готова большая колонна, лежавшая на краю залама. И хотя кое-кто из рабочих покинул его, жалуясь на то, что он впряг их в слишком тяжелую работу, Микеланджело был все же счастлив, видя, каких результатов он добился за лето.

– Тебе, Джильберто, время кажется, наверно, бесконечным. Но теперь мы применились к работе и до того, как нас накроют дожди, еще выломаем три-четыре новых колонны.

Наутро он стал передвигать ту огромную колонну, что лежала на краю залама, вниз, к лощине: там за эти месяцы было насыпано достаточно мраморного щебня, чтобы создать возможность хорошего скольжения. Колонну всю, вдоль и поперек, обвязали веревками, подняли вагами на деревянные катки и с усилием откатали от залама, направляя носом к спусковой лощине. Вдоль всего пути, по которому колонна устремится вниз, справа и слева гнездами были вбиты кольца. Когда колонна двинется с места, концы оплетавших ее веревок надо будет живо закреплять на этих прочно вколотенных а землю кольях – иного средства сдерживать движение мрамора не было.

Колонна ползла, тридцать человек катили ее и одновременно притормаживали. Подражая каррарцам, Микеланджело подбадривал рабочих то резким, то распевно-протяжным криком, он следил за людьми, расставленными у катков: если колонна в своем движении высвобождала задний каток, его надо было подставить спереди. По сторонам, у колея, другая группа рабочих крепко натягивала веревки, и, как только колонна проходила одно гнездо колея, люди бросались вниз по тропе к другому, чтобы закрепить там веревки и таким образом снова затормозить ход колонны. Часы шли, солнце поднялось высоко, обливавшиеся потом люди совсем изнемогали, бранились и жаловались на то, что издают с ног от голода.

– Нельзя нам останавливаться и обедать, – увещевал их Микеланджело. – Мы загубим мрамор. Он может вырваться из рук и уйти.

На крутом и длинном откосе колонна вдруг стала сильно скользить, – рабочие, напрягая каждый мускул, едва удержали ее. Колонна двигалась теперь хорошо; вот она прошла сотню сажен, еще сотню, потом еще две-три сотни, прочертив сверху вниз все гигантское плечо горы Альтиссимы, – до дороги оставалось расстояние сажен в пятнадцать. Микеланджело ликовал: скоро рабочие столкнут колонну на погрузочную платформу, а уже оттуда тридцать два вола повезут ее на специальной телеге к морю.

Он никогда не мог понять того, как это случилось. Проворный пизанский мальчишка по имени Джино – он шел среди тех, кто следил за катками, – только что опустился на колени, чтобы подсунуть под переднюю часть колонны новый каток, как вдруг раздался тревожный крик, что-то резко треснуло, и колонна начала катиться вниз сама собой.

– Берегись, Джино! Скорей в сторону! – закричали рабочие.

Но было уже поздно. Колонна подмяла мальчика и, изменив направление, пошла прямо на Микеланджело. Он отскочил и, не удержавшись на ногах, упал наземь и перевернулся несколько раз с боку на бок.

Люди стояли, словно замерев, а сияющая белая колонна набирала скорость и, круша все, что попадалось на ее пути, летела вниз. Через какие-то считанные секунды она ударилась о погрузочную платформу и, расколовшись на сотни кусков, рухнула на дорогу.

Джильберто, склонился над Джино. На земле были пятна крови. Микеланджело, рядом с Джильберто, тоже встал на колени.

– У него сломана шея, – сказал Джильберто.

– Он еще жив?

– Нет. Убит мгновенно.

Микеланджело уже словно бы слышал траурный звук рога, катившийся от одной горной вершины к другой. Он подхватил на руки мертвое тело Джино, поднялся и пошел, качаясь, как слепой, вниз по белой дороге. Кто-то подвел прямо к погрузочной платформе его мула. Все еще держа Джино на руках, Микеланджело сел на мула и тронулся в путь, остальные шли впереди – траурное шествие направилось в Серавеццу.

11

Смерть мальчика тяжким грузом легла на его совесть. Он не вставал с постели, у него болело сердце. Проливные дожди затопили площадь городка. Все работы прекратились. Артель разъехалась. Счета показывали, что Микеланджело израсходовал тридцать дукатов сверх тех восьми сотен, которые были ему выданы авансом в начале года на закупку мраморов. Он не погрузил и не отправил из своей морской пристани ни единого блока. Каким-то утешением был для него лишь приезд многих каррарских камнеломов на похороны Джино. Покидая кладбище, аптекарь Пелличчиа взял Микеланджело под руку:

- Мы глубоко опечалены, Микеланджело. Гибель мальчика заставила нас взглянуть на все по-иному. Мы плохо обошлись с тобой. Но ведь и мы пострадали: многие агенты и скульпторы не хотели заключать с нами подряды, ждали возможности покупать мрамор из каменоломен папы.

Теперь каррарские корабельщики были готовы переправить его блоки, все еще валявшиеся на берегу, к пристаням Флоренции.

Несколько недель пролежал он совсем больным. Будущее казалось ему еще более темным, чем нависшее над Пьетрасантой грифельное небо. Он не сумел исполнить порученное ему дело; он без пользы потратил выданные ему авансом деньги, проработал целый год без всякого результата. На что же ему теперь рассчитывать? Ни у папы Льва, ни у кардинала Джулио не хватит терпения вновь возиться с неудачником.

Лишь письмо Сальвиати, пришедшее в конце октября, подняло Микеланджело на ноги.

"Я огорчился, узнав, что вы так расстроены всем происшедшим. В подобных предприятиях вы вполне могли столкнуться с куда более прискорбными случаями. Поверьте мне, что вы не будете ни в чем нуждаться, и бог воздаст вам за это несчастье. Помните, что, когда вы закончите этот труд, наш город будет вечно благодарен вам и всему вашему семейству. Великие и подлинно достойные люди извлекают из бедствия новую отвагу и становятся еще сильнее".

Микеланджело уже не так боялся, что папа и кардинал будут проклинать его за неудачу. На него успокаивающе подействовало письмо из Рима, от Буонинсеньи, который писал:

"Святой отец и его преосвященство очень довольны тем, что вы открыли такое множество мрамора. Они желают, чтобы дело подвигалось вперед как можно быстрее".

Через несколько дней Микеланджело сел на коня и в одиночестве поехал по новой своей дороге, затем поднялся по склону горы к Винкарелле. Облака набегали на солнце, ветер отовсюду нес запахи осени. В оставленной камнеломне он отыскал под деревянным навесом инструмент и ударами зубила наметил четыре вертикальных колонны, которые следовало выломать из пласта, когда он придет сюда уже с рабочими. Он спустился в Пьетрасанту, сложил свои скудные пожитки в седельную сумку и берегом моря поехал к Пизе. Скоро он был уже в долине Арно, и вставший на горизонте Собор Флоренции словно бы приблизил его к родному городу сразу на много верст.

Флорентинцы знали, какое несчастье произошло у Микеланджело, но смотрели на это как на неудачу, временно задержавшую работу. Хотя кое-кто из приехавших домой каменотесов жаловался на то, что Микеланджело понуждал рабочих к чересчур тяжелой работе, многие хвалили его: он так быстро проложил дорогу и первым на памяти людей начал добывать мраморные блоки в Пьетрасанте. Микеланджело не пришел еще в душевное равновесие и не мог пока высечь даже простого изваяния, поэтому он взялся за самое целительное дело: стал строить себе новую мастерскую, для которой он купил участок земли на Виа Моцца. На этот раз он собирался построить не дом с мастерской, а просторную, с высоким потолком, студию и при ней лишь две маленьких жилых комнаты.

Когда оказалось, что отведенного под мастерскую участка было мало, Микеланджело пошел к капеллану Фаттуччи и снова попытался прикупить кусок земли на задах Собора. Капеллан сказал:

- Папа издал буллу, в которой говорится, что все церковные земли должны продаваться по самым высоким ценам.

Микеланджело вернулся домой и написал кардиналу, Джулио письмо:

"Если папа издает буллы, поощряющие воровство и лихоимство, я прошу выпустить такую же буллу и для меня".

Кардинал Джулио был позабавлен, а спор Микеланджело с церковью кончился тем, что он заплатил за добавочный кусок земли столько, сколько требовал капеллан. Микеланджело занялся строительством дома с невероятной энергией - нанимал рабочих, покупал у плотника Пуччионе тес и гвозди, у владельца печей для обжига Уголино известь, у Мазо черепицу, у Каппони еловый лес. Он разыскивал чернорабочих, чтобы таскать песок, гравий, камень, сам наблюдал за всей работой, не отлучаясь со стройки целыми днями. По ночам он изучал и пересматривал свои счета с той же тщательностью, с какой Виери вел бухгалтерские книги в Пьетрасанте; он записывал имена свидетелей, которые могли бы подтвердить, что он уплатил Талози за вставку оконных рам, Бадджане за подвоз песка, поставщику Понти за пять сотен крупного кирпича, вдове, которая жила рядом, за постройку половины стены, разделяющей их усадьбы.

Стараясь хотя бы раз в жизни проявить деловитость, за которую его одобрили бы и Якопо Галли, и Бальдуччи, и Сальвиати, он потребовал у занемогшего тогда Буонарроти роспись тех весьма скромных доходов с земель, которые он приобрел за долгие годы.

"Я указал на этом листе ту долю урожая, которая причитается мне за три года с имения, обрабатываемого Бастиано, по прозвищу Кит, которое я купил у Пьеро Тедадьди. За первый год: двадцать семь бочонков вина, восемь бочек масла и восемь пудов пшеницы. За второй год: двадцать четыре бочонка вина, ни одной бочки масла и двадцать пудов пшеницы. За третий год: десять бочек масла, тридцать пять бочонков вина и десять пудов пшеницы".

Зима выдалась теплая. К февралю крыша мастерской была уже покрыта черепицей, двери навешены, в высоких северных окнах вставлены рамы, литейщики изготовили четыре бронзовых шкива, нужных Микеланджело для работы над статуями. Со складов на набережной Арно он перевез с полдюжину своих каррарских блоков, почти а четыре аршина высотой, и поставил их в мастерской стоймя, чтобы лучше и вдумчивее разглядеть, - они предназначались для гробницы Юлия. Мастерская была построена, ему оставалось теперь лишь возвратиться в Пьетрасанту и вырубать там колонны: без них завершить фасад церкви Сан Лоренцо было невозможно. А затем он уже мог прочно осесть на Виа Моцца и сосредоточенно трудиться несколько лет на семейство Медичи и Ровере.

Он не просил уже Джильберто Тополино снова ехать с ним работать в каменоломню - это было бы нечестно. Однако большинство его бывших рабочих, так же как и новая группа каменотесов, ехали с охотой. Страх перед Пьетрасантой действовал теперь не так сильно, люди понимали, что если дорога уже проведена и каменоломня открыта, то самая трудная работа была позади. Микеланджело закупил во Флоренции необходимое снаряжение: толстые и прочные веревки, тросы, канаты, кувалды, долота, резцы. Все еще терзаясь

мыслью о непонятной случайности, погубившей Джино, он придумал систему охватывающих блок железных колец, которые позволяли рабочим удерживать мраморы, скатываемые с горы, гораздо крепче и уверенней. Лаццери обещал отковать такие кольца в своей кузнице. Микеланджело направил Бенти в Пизу, поручив ему купить самого лучшего железа, какое только можно найти.

Пришел день - и артель Микеланджело начала выламывать мрамор, заполняя готовыми блоками всю рабочую площадку. Сведения папы оказались верны: чудеснейшего мрамора было тут достаточно, чтобы снабжать им мир тысячу лет. Когда два верхолаза очистили взломанную стену мрамора от камней, комьев земли, грязи и щебня, снежно-белые утесы, радуя сердце, засверкали во всем своем гордом величии.

Сначала Микеланджело не хотел спускать колонны вниз, пока ему не откуят железные кольца. Он решился на это лишь под влиянием Пелличчи, приехавшего к нему в Пьетрасанту: тот посоветовал удвоить число гнезд с кольями вдоль линии спуска, применить более толстые и прочные веревки и, чтобы блок двигался медленнее, уменьшить количество катков.

Несчастных случаев больше не было. За несколько недель Микеланджело скатил с горы пять великолепных блоков, погрузил их на телеги и на тридцати двух волах перевез через Серавеццу, Пьетрасанту и прибрежную топку к морю. Здесь вплотную к берегу должны были подойти барки с толстым слоем песка на палубах; колонны поднимут и уложат на барки в этот песок, потом его смоят, спуская воду через шпигаты, и мраморы будут лежать на кораблях в полной безопасности.

К концу апреля Лаццери отковал нужный набор колец. Бесконечно радовавшийся удивительной красоте своих белых колонн, Микеланджело был доволен, что подросла и эта дополнительная защита от возможной беды. Теперь, когда у него были готовы к спуску шесть колонн, он велел надеть на них железные кольца - так будет легче сдерживать огромную тяжесть мрамора, отказавшись в то же время от большого числа веревок.

Это усовершенствование оказалось для него роковым. Когда колонну покатали вниз по ложине, кольцо на полпути лопнуло, колонна вырвалась из рук рабочих и, все убыстряя ход, выскочила за край ложбины. Сметая на своем пути все препятствия, она неслась по крутому склону Альтиссими вниз к реке, пока не разбилась на куски в каменистом ложе ущелья.

Микеланджело стоял будто пораженный громом. Придя в себя, он убедился, что ни один из рабочих не пострадал, потом осмотрел лопнувшее кольцо. Оно было сделано из негодного железа.

Сразу же поднявшись наверх к залому, Микеланджело взял тяжелый молот и стал колотить им по железным лебедкам, которые изготовил Лаццери. Железо рассыпалось под ударами молота, как сухая глина. Значит, только чудо спасло всю его артель от неминуемой гибели.

- Бенти!

- Слушаю.

- Где закупали это железо?

- ...В Пизе... как ты сказал...

- Я дал тебе денег на самое лучшее железо, а тут какая-то дрянь, в которой железа не больше, чем в лезвии ножа.

- ...очень... очень жаль, - заикаясь, ответил Бенти. - Но я... я не ездил в Пизу. Ездил Лаццери. Я ему доверил.

Микеланджело направился к навесу, где кузнец раздувал мехи горна.

- Лаццери! Почему ты не купил самого лучшего железа, как я приказывал?

- ...такое дешевле.

- Дешевле? Но ведь ты не вернул из взятых денег ни скудо!

- Не вернул. - Лаццери пожал плечами. - А чего ты хочешь? Всякому надо разжиться хоть горсткой монет.

- Горсткой! И тем загубить колонну, которая стоит сотню дукатов. Поставить под удар жизнь всех и каждого, кто здесь работает! Какое же у тебя дьявольское корыстолюбие!

Лаццери опять пожал плечами, он и не знал, что значит слово "корыстолюбие".

- Ну, что за беда! Потеряли одну колонну. Тут тысячи таких колонн. Ломай новую.

Как только весть о потере колонны дошла до Ватикана, а Ватикан в свою очередь направил письмо с инструкциями цеху шерстяников, Микеланджело

вызвали во Флоренцию. В Пьетрасанте его заменил некий десятник, присланный от Собора.

Получив приказ, Микеланджело сел на коня и на следующий день к вечеру был уже во Флоренции, Тотчас его провели во дворец Медичи, на доклад к кардиналу Джулио.

Дворец был в трауре. Мадлен де ла Тур д'Овернь, жена Лоренцо, сына Пьеро, скончалась во время родов. Сам Лоренцо, будучи больным и спеша из Кареджи с виллы Медичи в Поджо а Кайано, по дороге схватил лихорадку и умер всего сутки назад. Эта смерть унесла последнего законного наследника и потомка Козимоды Медичи по мужской линии, хотя теперь появилось еще двое незаконных Медичи: Ипполито, сын покойного Джулиано, и Алессандро, если верить молве, сын кардинала Джулио.

Дворец был в печали еще и потому, что ходили слухи, будто безудержная расточительность папы Льва довела до банкротства казну Ватикана. Флорентийские банкиры, снабжавшие Льва деньгами, необычайно встревожились.

Микеланджело надел чистое платье, взял свою бухгалтерскую книгу и пошел по мучительно любимым, милым флорентинским улицам – от Виа Гибеллина к Виа дель Проконсоло, потом мимо Собора к улице Арбузов, где слева стоял Дом о Пяти Фонарях, а с Виа Калдераи, где жили чеканщики по меди и бронники, выбрался уже на Виа Ларга, ко дворцу Медичи. Кардинал Джулио, посланный во Флоренцию папой Львом, чтобы взять бразды правления в свои руки, служил сейчас заупокойную мессу в часовне Беноццо Гоццоли. Когда месса кончилась и часовня опустела, Микеланджело выразил Джулио свои сожаления по поводу кончины юного Лоренцо. Кардинал, казалось, даже не слышал его.

- Ваше преосвященство, зачем вы отозвали меня из Пьетрасанты? Через несколько месяцев я перевез бы на берег все мои девять огромных колонн.

- Мрамора у нас теперь уже достаточно.

Микеланджело был обескуражен враждебностью тона, каким заговорил с ним кардинал.

- Достаточно?.. Не понимаю.

- Работу над фасадом Сан Лоренцо мы решили прекратить.

Микеланджело побледнел, лишаась дара речи.

Джулио продолжал:

- Надо отремонтировать полы в Соборе. Поскольку расходы на строительство твоей дороги оплачивали Собор и цех шерстяников, они распоряжаются и теми мраморами, которые ты добыл.

- У Микеланджело было такое чувство, словно кардинал наступил на его простертое тело выпачканными в навозной жиже сапогами.

- Значит, вы будете устилать мраморами полы Собора? Моими мраморами? Бесценными, самыми прекрасными из всех, какие когда-либо добывались? Зачем вы меня так унижаете?

- Мрамор есть мрамор, - с ледяным безразличием ответил Джулио. - Он будет пущен на то, в чем сейчас нужда. А сейчас блоки требуются на ремонт полов в Соборе.

Чтобы унять дрожь, Микеланджело стиснул кулаки и тупо смотрел на чудесный портрет Великолепного и его брата Джулиано, написанный Гоццоли на стене часовни.

- Вот уже почти три года, как его святейшество и ваше преосвященство оторвали меня от работы над гробницей Ровере. За все это время у меня не было свободного дня, чтобы взять в руки резец. Из двадцати трех сотен дукатов, которые вы мне послали, восемнадцать сотен я потратил на мраморы, устройство каменоломен и прокладку дороги. По указанию папы мраморы, предназначенные для гробницы Юлия, привезены сюда, чтобы я мог, ваять из них статуи, пока работаю над фасадом Сан Лоренцо. Если мраморы отправить обратно в Рим, корабельщики возьмут с меня более пятисот дукатов. Я уж не говорю о расходах на деревянную модель; не говорю о трех годах времени, которые я убил на эту работу; не говорю о нанесенной мне великой обиде, когда меня вызвали сюда работать, а потом отстранили от этой работы; не говорю о брошенном в Риме доме, где мне придется потерять еще не менее пятисот дукатов на мраморах и обстановке. Я не хочу говорить обо всем этом, я плюю на чудовищный ущерб, который вы мне причинили. Я хочу теперь одного - быть свободным!

Кардинал Джулио внимательно слушал этот перечень жалоб и упреков Микеланджело. Его худое, плотно обтянутое кожей лицо потемнело.

- Святой отец все это рассмотрит, когда придет время. Можешь идти.
Микеланджело поплелся сквозь анфиладу залов и коридоров. Ноги сами собой вели его в комнату, когда-то служившую кабинетом Великолепного. Он распахнул дверь, вошел, тупо оглядел окна и стены. И, обращаясь к духу Лоренцо, громко во весь голос, крикнул:
- Я конченный человек!

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. ВОЙНА

1

Теперь, когда он был сокрушен и ограблен, где он мог найти опору и утешение? Ему оставалось лишь одно: укрыться, заперев двери мастерской, и работать под стражей десятка белых блоков, которые стояли вдоль стен, словно охранявшие его уединение солдаты.

Новая мастерская доставляла ему истинную радость: прекрасные, в пять сажен высоты, потолки, высокие, обращенные к северу окна, - в такой просторной мастерской можно было ваять для гробницы несколько статуй одновременно. Именно здесь и должен быть скульптор, в своей мастерской.

В Риме он когда-то подписал договор с Метелло Вари на "Воскресшего Христа" и решил в первую очередь взяться за эту работу. Набрасывая рисунки, он увидел, что рука не повинуется ему, - он не мог изобразить Христа воскресшим, так как в его представлении Христос никогда и не умирал. Никогда не было никаких распятий, никаких погребений; никто не мог лишить жизни Сына Божьего, ни Понтий Пилат, ни римские легионеры, сколько бы ни стояло их в Галилее. Увитые жилами сильные руки Христа держали крест с легкостью, поперечный его брус был слишком коротким, чтобы распять на нем хотя бы ребенка; правда, в рисунках пока были символы страстей господних - изящно выгнутый бамбуковый прут, смоченная в уксусе губка, - однако в мраморе все это исчезнет и не будет никаких следов смертных мук и страданий. Через рынок на Виа Сант'Антонио Микеланджело направился в церковь Санта Мария Новелла и, взойдя там на хоры, стал рассматривать крепкотелого, мужественного "Христа" Гирландайо - когда-то, мальчиком, он помогал Гирландайо рисовать для этого "Христа" картоны. Он никогда не считал, что одухотворенность должна быть анемичной или слишком изысканной.

Небольшая глиняная модель далась ему легко и быстро, словно сама выскользнула из рук, затем его мастерская была освящена брызнувшими осколками белого мрамора - они казались Микеланджело чистыми, как святая вода. Отпраздновать начало работы пришли старые друзья - Буджардини, Рустичи, Баччио д'Аньоло.

Налив в бокал кьянти, Граначчи поднял его и провозгласил:

- Я пью за проводы трех последних лет, которые принесли тебе, Микеланджело, столько печали. Пусть они покоятся в мире. А теперь выпьем за грядущие годы, за то, чтобы эти великолепные блоки обрели жизнь под твоим резцом. Пьем до дна!

- Желаю счастья!

После трехлетнего поста Микеланджело работал как одержимый, его "Воскресший Христос" выростал из колонны со стремительной быстротой. Микеланджело убедил Вари в том, что фигура должна быть обнаженной, и теперь его резец свободно намечал плавные, стройные пропорции мужского тела, вытаскивал голову Христа, мягко смотревшего вниз, на людей, -

благостное спокойствие его лица, при всей его мужественности, говорило зрителям:

- Не теряйте веры в доброту господ бога. Я преодолел свой крест. Я победил его. Так вы можете победить и ваш крест. Насилие проходит. Любовь остается.

Статую нужно было отправлять на корабле в Рим, и Микеланджело решил не трогать каменную перепонку, оставшуюся между левой рукой и торсом Христа, а также между его ногами; не пытался он и окончательно отделять волосы и полировать лицо: волосы могли поломать, а лицо поцарапать при перевозке статуи.

В день, когда статую увезли, в мастерскую явился Соджи. Красный, лоснящийся, будто жирная колбаса, он весь пылал жаром.

- Знаешь, Микеланджело, только что состоялся конкурс на скульптуру.

- О! Где же он был?

- Да у меня в голове. Могу сообщить тебе, что ты в нем победил.

- Ну, поскольку я победил, Соджи, что же я должен изваять?

- Теленка для фасада моей мясной лавки.

- Теленка из мрамора?

- Разумеется.

- Соджи, когда-то я поклялся изваять теленка, но только из чистого золота. Чтобы мой телец был в точности такой, какому поклонялись древние иудеи, когда Моисей спустился к ним с Синая. Тот был из золота.

Соджи выпучил глаза.

- Из золота! Что ж, это будет внушительно. Какой же толщины мы возьмем пластину?

- Пластину? Соджи, я возмущен. Разве ты накладываешь пластины на свои колбасы? Чтобы теленок не опозорил твоей лавки, его всего надо сделать из чистого золота, сплошь, от морды до последнего волоска на хвосте!

Соджи взопрел.

- А ты знаешь, во сколько обойдется теленок из сплошного золота? В миллион флоринов.

- Зато он тебя прославит.

Соджи уныло покачал головой.

- Что же, над протухшим мясом плакать не приходится. Поищем другого скульптора. Ты не подходишь!

Микеланджело знал, что рассчитывать на хорошие заработки в ближайшие годы ему не приходится. За "Воскресшего Христа" обещали совсем скромную сумму - не больше двухсот дукатов, деньги же за надгробие Юлия были выплачены ему авансом. А ведь до сих пор семья опиралась только на него. У брата Буонаррото было уже двое детей, скоро должен был появиться третий. Он все прихварывал, работать много не мог. Джовансимоне целыми днями сидел в шерстяной лавке, но дела у него шли плохо. Брат Сиджизмондо не знал никакого ремесла, кроме военного. Лодовико болел теперь постоянно, и счета от доктора и аптекаря шли один за другим. Доходы с загородных земель все скудели и скудели. Микеланджело надо было теперь блюсти самую строгую экономию.

- Ты не считаешь, Буонаррото, что сейчас, когда я стал жить во Флоренции, самое разумное для тебя - это вести мои дела?

Буонаррото был поражен. Лицо у него посерело.

- Ты хочешь закрыть нашу лавку?

- Она ведь совсем не приносит прибыли.

- Это потому, что я болею. Как только я поправлюсь, я буду работать в ней каждый день. А что будет с Джовансимоне?

Микеланджело понял, что лавка была нужна Буонаррото и Джовансимоне прежде всего для того, чтобы поддержать свое положение в обществе. Пока у них была лавка, они были купцами - без лавки они становились просто иждивенцами, кормящимися за счет брата. Но разве мог Микеланджело хоть чем-либо нанести урон фамильной чести?

- Ты прав, Буонаррото, - сказал он со вздохом.

- Когда-нибудь лавка будет приносить доход.

Чем упорнее он отгораживался в своей мастерской от внешнего мира, тем больше убеждался, что волнения и тревоги - естественное состояние человека. До него дошла весть, что во Франции, отвергнутый своими соотечественниками, скончался Леонардо да Винчи. Себастьяно писал из Рима,

что Рафаэль болен, очень истощен и вынужден все чаще передавать свои работы ученикам. Беды осаждали и семейство Медичи: Альфонсина, сокрушенная потерей сына и власти над Флоренцией, перебралась в Рим, где вскоре умерла. События показали, что папа Лев не проявил достаточной проницательности в политике: он поддерживал французского короля Франциска Первого против Карла Первого, а недавно тот под именем Карла Пятого был избран императором Священной Римской империи, подчинив себе Испанию, Германию и Нидерланды. В Германии Мартин Лютер бросил вызов владычеству папы, заявляя:

- Не знаю, может ли христианская вера терпеть еще одного главу вселенской церкви... если у нас есть Христос.

Просидев в добровольном заточении не одну неделю, Микеланджело отправился на обед в Общество Горшка. Его повел туда Граначчи, зашедший за ним в мастерскую. Граначчи получил теперь родовое наследство и жил, соблюдая всяческие приличия, с женой и двумя детьми в доме своих предков близ Санта Кроче. Когда Микеланджело сказал, что он удивлен рвением, с каким Граначчи отдается своим хозяйственным делам, тот сухо ответил:

- Долг каждого поколения хранить родовое имущество.

- Может быть, тебе стоило бы посерьезней отнестись к своему таланту и написать хоть несколько картин?

- А, мой талант... Вот ты не пренебрегал своим талантом, и посмотри, что тебе пришлось вынести. Я еще хочу насладиться жизнью. Ведь что остается, когда проходят годы? Одни горькие сожаления.

- Если от меня не останется великолепных скульптур, я буду действительно горько сожалеть.

Мастерская Рустичи помещалась все там же, на Виа делла Сапиенца, где художники когда-то пировали, поздравляя Микеланджело с заказом на "Давида". Выйдя на площадь Сан Марко, Микеланджело и Граначчи заметили знакомую фигуру. Микеланджело побледнел и схватил Граначчи за локоть - перед ними был Торриджани. Хохоча и размахивая руками, он разговаривал с девятнадцатилетним ювелиром Бенвенуто Челлини. Едва Граначчи и Микеланджело вошли в мастерскую, как там появился Челлини. Он тотчас завел разговор с Микеланджело:

- Этот Торриджани - сушая скотина! Он рассказывал мне, как вы ходили с ним в церковь Кармине и учились рисовать с фресок Мазаччо и как однажды, когда вы стали подтрунивать над ним, он ударил вас по лицу. Если ему верить, он будто бы даже слышал, как хрустнула кость под его кулаком.

Микеланджело сразу помрачнел.

- Зачем ты пересказываешь мне эту историю, Челлини?

- Чтобы сказать вам, что с этого дня я его почти ненавижу. Я собирался ехать с ним в Англию; он подбирает себе помощников, у него в Англии заказ... но теперь я не хочу даже глядеть на него.

Хорошо было посидеть здесь, у Рустичи, в тесном кругу старых друзей и земляков. По рекомендации Микеланджело Якопо Сансовино уже получил крупный заказ в Пизе, и он не сердился больше на Микеланджело за то, что его отстранили от работы над фасадом Сан Лоренцо, - работа эта, кстати, ныне была совсем прекращена. Забыл свои обиды на Микеланджело и Баччио д'Аньоло, теперь прославившийся как мастер мозаичной инкрустации по дереву. Палла Ручеллаи заказал Буджардини написать для церкви Санта Мария Новелла запрестольный образ - "Мученичество Святой Катерины", - и Буджардини, как ни бился, не мог справиться с рисунком. Помогая старому другу, Микеланджело уже не первый раз рисовал ему углем фигуры раненых и убитых, склонившихся в разных позах людей - надо было определить, как на них падают тени, как ложится свет.

Единственным человеком, кто внес в этот вечер неприятную ноту, был Баччио Бандинелли, который все отворачивался от Микеланджело и не хотел смотреть в его сторону. Микеланджело внимательно разглядывал своего недруга - Бандинелли нападал на него и всячески чернил с той самой поры, как произошла ссора с Перуджино. При тонкой, как проволока, переносице, кончик носа у него был очень широкий, глаза с тяжелыми веками казались обманчиво сонными, а невероятно подвижный рот принадлежал к числу самых болтливых ртов во всей Тоскане. Бандинелли, которому теперь исполнился тридцать один год, был благодетельствован несколькими заказами от Медичи. Кардинал Джулио недавно поручил ему изваять "Орфея и Цербера".

- В чем моя вина перед этим человеком? Чего он не может мне простить? - спрашивал Микеланджело у Граначчи. - Разве лишь того, что он изрезал мой картон с "Купальщиками"!

- Твоя вина перед ним в том, что ты родился, живешь, дышишь, высекаешь статуи. Одно только сознание, что есть такой человек, как Микеланджело Буонарроти, лишает его покоя. Он убежден, что, не будь тебя, он стал бы первым скульптором по мрамору во всей Италии.

- Неужто стал бы?

- Он изваял ужаснейшую дрянь - "Геракла и Кака" для кафедры в Синьории. Он всего лишь искусный ювелир и пользуется благосклонностью Медичи за то, что его отец при разгроме дворца спас для них золотое блюдо. Стань ты таким же плохим скульптором, как он, или сделай его таким хорошим, как ты, - все равно задобрить и смягчить его невозможно.

Аньоло Дони, для которого Микеланджело написал "Святое Семейство", ухитрился неофициально войти в Общество Горшка, финансировав несколько самых дорогостоящих пирушек. По мере того как росла слава Микеланджело, разрасталась и легенда об их дружбе. Дони утверждал, что когда-то они вместе играли в мяч в приходе Санта Кроче, составляя такую пару, которую никто не мог одолеть, что Микеланджело будто бы жил столько же в доме Дони, сколько и в своем, и что Дони всячески поощрял его к занятиям искусством. Теперь Микеланджело убедился, что за те пятнадцать лет, пока Дони выдумывал и распространял эти небылицы, он и сам в них уверовал. Обращаясь к Аристотелю да Сангалло, Дони в эту минуту рассказывал, как однажды в глухую ночь они с Микеланджело пробрались по черному ходу во дворец, где была чудесная фреска, рисовать с которой хозяева никому не разрешали: пока Микеланджело тайком срисовывал эту фреску, он, Дони, держал для него свечу. Граначчи подмигнул Микеланджело и нарочито громко заметил:

- Какой любопытный случай, Микеланджело! Почему ты никогда о нем не рассказывал?

Микеланджело вяло улыбнулся. Не мог же он при всех назвать Дони лжецом. И что в конце концов такое разоблачение даст? Лучше уж рассматривать эти рассказы как свидетельство своей славы.

Пока, месяц за месяцем, шло время, он врубался во все свои четыре огромных блока сразу. Он высекал сначала наиболее выпуклые формы фигур на углах блоков, затем, поворачивая блоки по направлению часовой стрелки, принимался за боковые грани.

Он высекал изваяния Пленников, входившие в замысел гробницы. Стремясь вывить контуры скульптур, он измерял промежутки между частями тела и вбивал в мрамор короткие бронзовые гвозди. С резцом в руках он расхаживал вокруг блоков и то тут, то там отщипывал и надрезывал камень, чтобы примениться к его плотности. Когда он начинал обрабатывать часть блока во всех деталях, ему надо было знать, какая толщина мрамора лежит за нею. Только молотом и резцом постигал он внутренний вес глыбы и ту глубину, в которую можно было вторгаться.

Его глаз ваятеля заранее видел очертания скульптур. Для Микеланджело это были не четыре отдельные фигуры, а части единого замысла: дремлющий Юный Гигант, весь в стремлении высвободиться из каменной темницы времени; Пробуждающийся Гигант, разрывающий покровы своего жесткого кокона; Атлант, в расцвете лет, силы и разума, держащий на своих плечах землю господ бога; Бородатый Гигант, старый и усталый, готовый уйти из этого мира, отдав его Юному Гиганту, как своему наследнику в непрерывной череде рождения и смерти.

Микеланджело сам теперь жил вне времени и пространства, как эти полубоги, что в муках, корчась и извиваясь, пробивали себе путь из тяжелого плена каменных глыб. Он неустанно тесал, резал и обтачивал всю осень и зиму, греясь подле горящего полена, довольствуясь чашкой супа или куском телятины, принесенной ему из дому в теплом горшке монной Маргеритой. Если он чувствовал, что резец или долото перестали подчиняться его руке и глазу, он, не раздеваясь, в рабочей одежде, бросался на постель. Часа через два он просыпался освеженный, прикреплял к козырьку своего картуза свечу и снова работал; обтесывая переднюю сторону фигур, просверливая

отверстия между ног, обтачивая четыре обнаженных тела острейшими резцами, он держал все изваяния на равной стадии отделки.

К весне четыре "Пленника-Гиганта" уже обрели жизнь. Хотя тело Юного Гиганта было еще погружено в мраморную толщу, ступни ног совсем не обточены, а очертания лица под резко вскинутой рукой едва намечены, тело это было живое, оно обладало собственной тяжестью, в нем струилась кровь. Атлант, голова которого уходила в не тронутую резцом глубину камня, а гигантские руки поддерживали нависший сверху обломок скалы, - Атлант тоже жил всеми своими фибрами и остро ощущал вес удерживаемого им мира. Бородатый Гигант, иссеченный перекрестными ударами резца на спине и ягодицах, плотно прислонялся к опоре, будто отшатнувшись от бешеного натиска скульптора. Голова Пробуждающегося Гиганта была с силой повернута в сторону, руки раскинуты в мощном движении, одна нога была согнута в колене, другая глубоко уходила в камень.

Когда он стоял среди своих Гигантов, то казался по сравнению с ними совсем маленьким. Но все они склонялись перед его верховной силой, перед его напористой энергией, все покорствовало летящему молоту и резцу, который творил четырех языческих богов, поддерживающих гробницу первосвященника христиан.

Граначчи говорил Микеланджело:

- Ты уже отрубил три бессмысленных года в Каменоломнях. А теперь вот ваяешь эти таинственные создания. Где ты их взял? Кто они - олимпийцы Древней Греции? Или пророки Ветхого Завета?

- В искусстве любое произведение - автопортрет.

- Эти твои чудища так и хватают меня за душу - будто я должен проникнуть в их едва намеченные формы, что-то додумать за них, вообразить...

Граначчи отнюдь не хотел склонять Микеланджело к тому, чтобы тот прекратил работу и оставил "Пленников" незавершенными, но именно этого потребовали папа Лев и кардинал Джулио. У папы и кардинала возник проект построить при церкви Сан Лоренцо сакристию и перенести в нее прах своих отцов - Великолепного и брата его Джулиано. Стены этой новой сакристии начали возводить уже давно и теперь эту работу возобновили. Когда Микеланджело проходил мимо стройки, он даже не смотрел на толпившихся там каменщиков - ввязываться в новый мертворожденный проект Медичи у него не было ни малейшего желания. Папа Лев и кардинал Джулио, который теперь снова жил в Ватикане, оставив вместо себя во Флоренции кардинала Кортони, ничуть не смущались тем, что они отменили договор с Микеланджело на фасад Сан Лоренцо: они направили теперь к нему Сальвиати с предложением изваять скульптуры для новой капеллы.

- Я больше не скульптор Медичи, - бросил Микеланджело, едва Сальвиати переступил порог его мастерской. - Этот высокий пост занимает теперь Баччио Бандинелли. К концу года четыре "Пленника" уже выйдут из блоков. А еще через два года спокойной работы я закончу Юлиеву гробницу, установлю ее - и считан, что договор мой выполнен. Семейство Ровере должно будет выплатить мне около восьмидесяти пяти сотен дукатов. Вы можете понять, что значат такие деньги для человека, который не заработал за четыре года ни скудо?

- Вам не надо пренебрегать добрым расположением семейства Медичи.

- Мне надо заработать и денег... А Медичи мне не платят. Они до сих пор смотрят на меня как на пятнадцатилетнего подростка, которому каждую неделю оставляли на умывальнике три флорина на карманные расходы.

По мере того, как поднимались стены новой сакристии, Медичи приступали к Микеланджело все упорней. Вторичное их предложение он прочел в письме Себастьяно из Рима.

А Микеланджело по-прежнему высекал своих "Гигантов" - он обтачивал напрягшееся, приподнятое бедро Юного Гиганта, крепкие, как стволы деревьев, стянутые ременной петлей ноги Бородатого, все чувства которого таились где-то внутри. Только этот труд и был теперь реальной жизнью Микеланджело - так он провел последние недели весны, жаркое и сухое лето и весь сентябрь с его прохладными ветрами, подувшими с гор.

Когда брат Буонаррото, у которого родился уже второй сын, названный Лионардо, пришел в мастерскую и спросил Микеланджело, почему он, работая дни и ночи, так давно не бывал дома и не скучает ли он по семье и друзьям,

Микеланджело ответил:

- Мои друзья - эти Гиганты. Они разговаривают не только со мной, но и друг с другом. Ведут споры... будто древние афиняне на агоре.

- И кто же побеждает в этих спорах? Надеюсь, ты?

- Dio mio, отнюдь нет! Иногда они устраивают настоящий заговор и сообща одолевают меня.

- Они такие громадные, Микеланджело. Если кто-нибудь из них треснет тебя рукой по голове...

- ...она расколется, как орех. Но они не склонны к нападению, они жертвы, а не насильники и, скорей, утверждают мир, чем его рушат.

Почему он уступил и сдался? Он и сам с уверенностью не мог бы ответить на этот вопрос. К октябрю давление Ватикана стало еще ощутимей. К октябрю счета Буонаррото показывали, что Микеланджело потратил за год денег больше, чем получил их в виде доходов с дома и имущества на Виа Гибеллина, от продажи вина, масла, ячменя, пшеницы, овса, сорго и соломы со всех земельных участков. К октябрю он так истощил свои силы, работая над четырехаршинными Пленниками, что дух его был уязвим и шаток. Весть о кончине Рафаэля потрясла Микеланджело - он остро ощутил теперь, как быстротечна жизнь человека, как ограничен срок, отпущенный ему на то, чтобы созидать и творить. Микеланджело стал задумчив и печален. Его вновь начали осаждать воспоминания о Лоренцо Великолепном, о его безвременной смерти.

"Кем бы я был без Лоренцо де Медичи?" - спрашивал он себя. - И что я до сих пор сделал, чтобы воздать ему должное? Разве это не явная неблагодарность, если я откажусь изваять ему надгробие?"

И хотя Микеланджело предстояло снова заниматься надгробными фигурами, он мог потребовать себе на этот раз право высечь такую скульптуру, какая была бы подсказана лишь его собственным воображением, - мысль об этом уже горела в нем, как когда-то горела перед его взором багряная осень на горных пастбищах Каррары.

Последний толчок был дан тем же папой Львом - тот открыто отозвался о Микеланджело в самом недружелюбном тоне. Себастьяно, изо всех сил старавшийся заполучить подряд на роспись зала Константина в Ватикане, как-то сказал папе, что он может написать поистине чудесные фрески, если только ему поможет Микеланджело. Лев закричал:

- Чего от вас ждать иного? Все вы - ученики Микеланджело. Возьми хоть Рафаэля. Как только он увидел работы Микеланджело, он сразу же отказался от стиля Перуджино. Но Микеланджело упрям и неистов, он не хочет знать никаких резонансов.

Себастьяно по этому поводу писал:

"Я ответил папе, что вы таковы лишь потому, что вам приходится усиленно работать, завершая важные изваяния. Вы пугаете всех, не исключая первосвященника".

Это был уже второй по счету папа, обвинявший Микеланджело в том, что он внушает ему страх. Но если это и правда, то разве не они сами тому причиной?

Когда Микеланджело в ответном письме к Себастьяно стал сетовать на подобные обвинения, тот успокаивал его:

"Если вы и внушаете трепет, то, по-моему, только в искусстве; здесь вы величайший мастер из всех, какие были на свете".

Скоро статуи для гробницы Юлия будут доведены до такой степени завершенности, что их можно будет передать семейству Ровере. И что тогда ему, Микеланджело, делать дальше? Нельзя допускать, чтобы тебя совсем отлучили от Ватикана. Ватикан держал под надзором все храмы Италии, даже дворянская знать и богатые купцы почтительно прислушивались к его голосу. Флоренцией правили Медичи. Микеланджело оставалось или работать на Медичи, или прекратить работу совсем.

Он утешал себя той мыслью, что, поскольку стены позой сакристии уже почти закончены, небольшое, носившее интимный характер помещение не потребует много статуй. И принять такой скромный заказ посоветовал бы,

наверное, даже Якопо Галли.

2

Когда Микеланджело стал склоняться к переговорам с Медичи, папа Лев и кардинал Джулио пошли на это весьма охотно. Их раздражение по поводу дел с каменоломнями и дорогой в Пьетрасанте улеглось, отчасти, может быть, потому, что посланная туда артель от Собора не сумела добыть ни одного блока. Каменоломни были закрыты. Пять белоснежных колонн Микеланджело лежали без присмотра на берегу. Отправляясь в Рим по папским делам, Сальвиати предложил Микеланджело свои услуги, чтобы наладить его отношения с Ватиканом.

- Не знаю, пойдем ли мы друг друга, - говорил Микеланджело печальным тоном. - Передайте папе и кардиналу, что я согласен работать на них на любых условиях - поденно, помесечно, даже не требуя денег.

На следующий день, рано утром, он пошел осматривать новую сакристию, войдя в нее с черного хода, которым пользовались строительные рабочие. Стены были грубой бетонной кладки, купол едва начат. Как было бы чудесно, - подумал он, - если бы ему дали возможность, самому разработать все убранство капеллы, взяв для этого светлый камень из Майано. Он мог бы выбрать самые хорошие, лучистые плиты и сделать из этой тесной часовни истинное святилище: белый мрамор будет здесь прекрасно сочетаться с голубовато-серым светлым камнем - два материала, которые Микеланджело любил больше всего на свете.

Флоренцию заливали дожди, дул невыносимый ветер. Микеланджело пододвинул свой рабочий стол поближе к очагу и начал чертить планы устройства капеллы. У пары к тому времени уже было решено, что в часовне разместятся гробницы не только старших, но и двух младших Медичи: брата его Джулиано и сына Пьеро - Лоренцо. Первоначальную мысль Микеланджело о четырех надгробьях, стоящих посреди часовни, кардинал Джулио отклонил на том основании, что часовня была слишком мала. Идея же кардинала, предлагавшего устроить в стенах несколько арок и поместить саркофаги над арками, а свое собственное надгробие поставить посредине часовни, была решительно отвергнута самим Микеланджело.

Он набросал новый проект: два строгих саркофага, размещенных у двух противоположных стен, на обоих саркофагах по две полулежащих аллегорических фигуры - "Ночь" и "День" на одном, "Утро" и "Вечер" на другом, две мужских и две женских - четыре величавых, полных духовной и физической красоты изваяния, которые выражали бы собой глубокое раздумье, олицетворяя весь круг человеческой жизни.

Именно этот план и был принят.

Микеланджело думал о своих пяти белых колоннах, лежавших на берегу в Пьетрасанте. Но колонны были собственностью Собора. Гораздо проще оказалось послать две сотни дукатов, авансом выданных ему Ватиканом, в чудесную каррарскую каменоломню Полваччио и заказать мраморы там, дав точные указания, каковы они должны быть по размерам и очертаниям и как их надо отделять. Когда блоки привезли во Флоренцию, Микеланджело убедился, что каррарцы заготовили для него превосходный мрамор и хорошо его обтесали.

Все весенние и летние месяцы он провел за работой: проектировал стены и купол часовни, набрасывал фигуры "Ночи" и "Дня", "Утра" и "Вечера", обдумывал статуи двух молодых Медичи, в натуральную величину, - они должны были разместиться в нишах над саркофагами, - рисовал изваяние Богородицы с Младенцем, готовя ей место подле стены напротив алтаря. Во Флоренции появился кардинал Джулио: он должен был ехать в Ломбардию, к войскам папы, снова отражавшим нападение французов. Джулио вызвал Микеланджело во дворец Медичи и тепло его принял.

- Микеланджело, мне хочется представить себе, увидеть как бы воочию ту

часовню, которую ты украшаешь.

- Ваше преосвященство, я покажу вам точные рисунки. Вы убедитесь, что двери, окна, пилястры, колонны, ниши и карнизы будут сделаны из светлого камня. Я построю деревянные модели саркофагов, в точных масштабах, вылеплю статуи в глине, их размеры и формы будут такими же, как в мраморе. Я поставлю эти модели на саркофаги.

- Все это потребует немало времени. А у святого отца его нет.

- Вы не правы, ваше преосвященство. Это не потребует много времени и обойдется совсем недорого.

- Тогда пусть будет по-твоему. Я передам Буонинсенни, чтобы тебе выдали денег, сколько понадобится.

Но никаких денег так и не было выдано. Забывчивость Джулио не удивила Микеланджело и не помешала ему работать. Он стал изготавливать модели на свои собственные средства. Затем он с головой ушел в архитектуру, набрасывая рисунки и составляя расчеты для завершения купола. Он тщательно обдумывал, сколько же прорезать в капелле окон. Свою работу он прервал на один лишь день, чтобы отпраздновать рождение третьего сына Буонаррото - Буонарротино; с тремя наследниками мужского пола будущее фамилии Буонарроти Симони было теперь обеспечено.

В конце ноября папа Лев возвратился со своей виллы Ла Мальяна, где он охотился, и заболел от простуды. Первого декабря 1521 года первый папа из рода Медичи лежал в Ватикане уже мертвым. Микеланджело слушал заупокойную мессу в Соборе, стоя рядом с Граначчи и вспоминая годы, проведенные вместе с Джованни во дворце; он припомнил и первую большую охоту, которую устроил юный Джованни, его доброжелательность, когда он стал влиятельным кардиналом в Риме и оказывал Микеланджело свою поддержку. Микеланджело молился теперь за упокой его души. Потом он шепнул Граначчи:

- Как ты думаешь, будет отпущена папе Льву на небесах хоть малая доля тех развлечений и удовольствий, какие он позволял себе в Ватикане?

- Сомневаюсь. Господь бог не захочет тратить столько денег.

На улицах дул ледяной ветер трамонтана. Обогреть мастерскую было невозможно, хотя Микеланджело то и дело подкладывал в очаг дров. Теперь, когда папа Лев умер, проект часовни Медичи тоже обдували холодные и зловещие ветры. За верховенство в коллегии кардиналов в Риме боролось не меньше полудесятка группировок, пока в конце концов они не достигли некоего компромисса, избрав папой шестидесятидвухлетнего Адриана из Утрехта, практичного фламандца, который был наставником у Карла Пятого.

Кардинал Джулио переселился из Рима во Флоренцию: папа Адриан был высоконравственным церковником и с осуждением смотрел на правление папы Льва, возлагая ответственность за многие его деяния на Джулио. Адриан старался изгладить кое-какие несправедливости и обласкать тех, кто был ущемлен или обижен покойным папой. Адриан начал с того, что вернул власть герцогу Урбинскому, и кончил тем, что, сочувственно выслушав жалобы наследников Ровере, позволил им возбудить судебное дело против Микеланджело Буонарроти за то, что тот не выполнил своего договора с родственниками папы Юлия.

Шагая по улице к дому нотариуса Рафаэлло Убальдини, Микеланджело чувствовал, что его бьет нервная дрожь. Нотариус Убальдини лишь недавно вернулся в город после свидания с папой Адрианом.

- На каком основании они хотят притянуть меня к суду? - возмущенно спрашивал Микеланджело нотариуса. - Ведь я не оставляю работы над гробницей.

Убальдини был маленьким человечком с голубыми от бритья щеками, по-своему очень ревностный и серьезный.

- Ровере утверждают, что вы не работаете, - ответил он.

- Четыре "Пленника" стоят в моей мастерской...

- Согласно последнему тексту договора вы должны закончить гробницу в мае этого года. Вы дали обязательство не браться ни за какие другие работы и все-таки взялись за сакристию Медичи.

- Я сделал для сакристии лишь рисунок... Дайте мне еще год и...

- Герцог Урбинский больше не верит вашим обещаниям. Ровере доказали папе Адриану, что с момента заключения договора прошло уже семнадцать лет, а вы еще не сделали ничего.

Трясаясь от ярости, Микеланджело крикнул:

- А сказали они папе Адриану, что первый, кто помешал мне работать, был сам папа Юлий? Он отказал мне в деньгах на гробницу. Он вычеркнул из моей жизни пятнадцать месяцев, принудив меня отливать его бронзовую статую в Болонье. Сказали они папе, что Юлий загнал меня на потолок Сисдины и заставил четыре года его расписывать?

- Тише, тише. Присядьте вот тут, у стола.

Микеланджело спросил вдруг осипшим голосом:

- Если папа Адриан поддерживает этот иск, значит я проиграл?

- Возможно.

- Чего они хотят от меня?

- Во-первых, чтобы вы выплатили им все деньги.

- Я выплачу.

- Больше восьми тысяч дукатов.

- Восемь тысяч дукатов!.. - Он подскочил, словно кожаное кресло под ним вдруг загорелось. - Но я брал всего три тысячи.

- У них есть квитанции, расписки...

Убальдини показал Микеланджело бумаги. Тот позеленел.

- Две тысячи дукатов, которые мне выплатил Юлий перед своей кончиной, - это деньги за Систину!

- Как вы это докажете?

- ...никак.

- Выходит, суд обяжет вас заплатить в их пользу восемь тысяч дукатов и, кроме того, проценты за все эти годы.

- Сколько же это будет?

- Не более двадцати процентов. Ровере требуют также выплаты неустойки за невыполнение договора. Это может вылиться в любую сумму, которую суд сочтет нужным назначить. Папа Адриан не питает интереса к искусству, он подходит к этому спору с чисто деловой точки зрения.

Микеланджело едва удерживал слезы, навертывавшиеся на глаза.

- Что мне теперь делать? - прошептал он. - Все мои земельные участки и дома, вместе взятые, едва ли стоят десяти тысяч флоринов. Я буду банкротом. Все сбережения, скопленные за целую жизнь, пойдут прахом...

- По правде говоря, не знаю, как и быть. Надо нам искать друзей при дворе. Людей, которые восхищены вашими работами и заступятся за вас перед папой Адрианом. А тем временем - если только я могу дать вам совет - вы должны заканчивать ваших четырех "Пленников" и везти их в Рим. Хорошо бы вам собрать все, что вы создали для надгробия Юлия, в одно место...

Спотыкаясь, как слепой, Микеланджело вернулся к себе в мастерскую, - его сильно лихорадило и тошнило. Слухи о нависшей над ним катастрофе разошлись по всей Флоренции. К нему стали являться друзья: Граначчи и Рустичи предложили свои кошельки с золотом, кое-кто из семейств Строцци и Питти вызвался съездить в Рим похлопотать за него.

Он был обложен, как зверь, со всех сторон. Наследники Юлия, собственно, и не интересовались деньгами, им надо было наказать Микеланджело за то, что он, не закончив гробницу Ровере, принялся за работу над фасадом и часовой Медичи. Когда в письме к Себастьяне Микеланджело высказал желание приехать в Рим и завершить гробницу, герцог Урбинский отверг это предложение. Он заявил:

- Мы не хотим уже никакой гробницы. Мы хотим, чтобы Буонарроти явился в суд и подчинился его приговору.

И Микеланджело понял тогда, что есть разные степени крушения. Три года назад, когда кардинал Джулио вызвал его из Пьетрасанты и приостановил работы над фасадом, он, Микеланджело, понес тяжелый урон, но все же он был в силах вновь взяться за резец, изваять "Воскресшего Христа" и начать "Четырех Пленников". Теперь он стоял перед истинной катастрофой; на сорок восьмом году жизни он будет лишен всего своего имущества и ославлен как человек не способный или не желающий исполнить заказ. Ровере постараются заклеить его как вора, взявшего у них деньги и ничего не создавшего взамен. Ему придется жить без работы все то время, пока Адриан будет папой. Путь его как художника и человека будет закончен.

Он бродил по окрестностям города, разговаривая сам с собой, кляня всяческие козни и интриги врагов, сетуя на жестокость слепой судьбы. Часто он не сознавал, где находится, - мысли его металась от одной фантастической идеи к другой: то он решал бежать в Турцию, куда его уже

вторично звал его друг Томмазо ди Тольфо, то ему хотелось тайком уехать к французскому двору и начать там новую жизнь под чужим именем; он мечтал отомстить всем, кто его обижал и мучил, рисуя себе, как он жестоко с ними расправится, и произнося страстные речи, - у него были все признаки больного, страдавшего тяжелым душевным недугом. Он не мог спать по ночам и не мог сидеть за столом во время еды. Ноги несли его куда-нибудь в Листойю или в Понтассиеве, а мысленно он находился в Риме или в Урбино, в Карраре или во дворце Медичи, бранясь, обвиняя, изобличая, нанося удары, не в силах забыть несправедливость и унижение или примириться с ними.

Он смотрел, как убирают урожай, как на вымощенных камнем токах обмолачивают цепами пшеницу, как, срезают гроздья винограда и давят его на вино, как мечут в стога сено и укрывают его на зиму, как собирают оливы и обрезают деревья, листья которых постепенно становилась желтой. Он был вконец истощен, его рвало после еды, как в те дни, когда он вскрывал в монастыре Санто Спирито трупы. Снова и снова он спрашивал себя:

"Как это случилось? Когда я стал таким одержимым, когда проникся такой любовью к мрамору и ваянию, любовью к своей работе? Когда я забыл все остальное на свете? Что со мной происходит? Когда я выбился из общего уклада жизни?"

"Что за преступление я совершил, о господи! - кричал он уже не про себя, а вслух. - Почему ты покинул меня? Зачем я иду по кругам Дантова Ада, если я еще не умер?"

И, читая Ад, он находил в нем строки, порождавшие у него такое ощущение, будто Данте создал эту книгу, чтобы описать его, Микеланджело, жизнь и участь:

Нагие души, слабы и легки,
Вняв приговор, не знающий изъятья,
Стуча зубами, бледны от тоски.

Выкрикивали господе проклятья,
Хулили род людской, и день, и час,
И кран, и семя своего зачатья...

И понял я, что здесь вопят от боли
Ничтожные, которых не возьмут.
Ни бог, ни супостаты божьей волн.

Вовек не живший, этот жалкий люд
Бежал нагим, кусаемый слепнями
И осами, роившимися тут.

Цельными днями слонялся он по улицам, далеко обходя многолюдные площади, шумные рынки и ярмарки; все это напоминало те дни, когда, он расписывал плафон Систины и плелся по вечерам домой, пересекая площадь святого Петра; ему казалось теперь, что люди смотрят на него пустым взглядом, не замечая. У него было жуткое чувство, будто он ходит среди живых как привидение.

- Чего мне не хватает? - спрашивал он у Граначчи. - Я близко знал многих пап, получал от них огромные заказы. У меня есть талант, энергия, душевный жар, самодисциплина, целеустремленность. В чем же мой порок? Чего мне не хватает? Благоволения фортуны? Где люди находят это таинственное снадобье - дрожжи удачи?

- Переживи дурные времена, саго, - и ты опять будешь весел, жизнь принесет тебе и добро и радость. Иначе ты стубишь себя, сторишь, как гнилое полено, брошенное в огонь...

- Ах, Граначчи, ты опять за свое: переживи дурное время. А как быть, если твоё время уже кончилось?

- Сколько лет твоему отцу?

- Лодовико? Около восьмидесяти.

- Вот видишь. Жизнь у тебя прожита только наполовину. Так и с твоей работой - она тоже сделана лишь наполовину. Тебе не хватает веры в божий промысел.

Граначчи был прав. Микеланджело спас один лишь господь бог. Не справясь с тяжким недугом, который мучил его почти два года, папа Адриан скончался

и ждал теперь себе воздания на небесах. Коллегия кардиналов спорила и торговалась, идя на всяческие посулы и сделки, в течение семи месяцев... пока кардинал Джулио де Медичи не нашел достаточно сторонников, чтобы добиться своего избрания. Только подумать – кузен Джулио!

Папа Клемент Седьмой подал весть Микеланджело сразу же после своей коронации: Микеланджело должен возобновить работу над часовой.

Он был подобен человеку, который перенес опаснейшую болезнь и уже смотрел в лицо смерти. Теперь он пришел к мысли, что все, что происходило с ним прежде, до нынешних дней, – все было восхождением вверх, а все, что происходит теперь, – это уже нисхождение, закат. Но если он не в силах управлять и распоряжаться своей судьбой, зачем он рожден? Ведь господь Сикстинского плафона, простерший десницу к Адаму, чтобы зажечь в нем искру жизни, обещал своему прекрасному творению свободу как неотъемлемое условие существования. Микеланджело начал высекать свои аллегорические фигуры для капеллы как существа, которые тоже познали тяжесть и трагичность жизни, постигли ее пустоту, ее тщету. Деревенский люд говорил: "Жизнь дана, чтобы жить". Граначчи говорил: "Жизнь дана, чтобы ею наслаждаться". Микеланджело говорил: "Жизнь дана, чтобы работать". "Утро", "День", "Вечер" и "Ночь" говорили: "Жизнь дана, чтобы страдать".

Давид Микеланджело был юным, он знал, что он одолеет самые трудные преграды и добьется всего, чего захочет; Моисей был мужем преклонных лет, но обладал такой внутренней силой, что мог сдвинуть горы и придать четкий облик целому народу. А эти новые создания, над которыми Микеланджело сейчас трудился, были овеяны печалью и состраданием, они как бы спрашивали человека о самом мучительном и неразрешимом: для чего, для какой цели призваны мы на землю? Для того только, чтобы прожить положенный срок? Чтобы пройти тот путь, который проходит каждый в непрерывной череде существований, передавая бремя жизни от одного поколения к другому?

Раньше он заботился прежде всего о мраморе, о том, что он может из него высечь. Теперь его интерес был сосредоточен на чувствах людей, на том, как ему передать и выразить сокровенный смысл жизни, Раньше он обрабатывал мрамор, теперь он как бы сливался с ним. Он всегда стремился к тому, чтобы его статуи выражали нечто значительное, но и "Давид", и "Моисей", и "Оплакивание" – все это были отдельные вещи, замкнутые в себе. В часовой же Медичи он обрел возможность разработать в группе статуй одну объединяющую тему. Мысль, которую он вдохнет в изваяние, будет для него гораздо важнее, чем все его искусство, все мастерство работы.

Шестого марта 1525 года Лодовико в своем доме устроил обед, чтобы в пятидесятый раз отпраздновать день рождения Микеланджело. Микеланджело приснул в грустном настроении, но, сев за стол в окружении Лодовико, Буонаррото, жены Буонаррото и четверых его детей, братьев Джовансимоне и Сиджизмондо, он чувствовал себя почти счастливым. Он вступил в осень своей жизни: как и у природы, у человека есть свой круг времен. Разве осенний сбор урожая менее важен, чем сев зерен весной? Одно без другого теряет свой смысл.

3

Он рисовал, лепил и ваял, будто человек, который вырвался из стен темницы и которому оставалась одна-единственная радость – свобода выразить себя в пространстве. Время было его каменоломней: он извлекал из него, словно белые кристаллические глыбы, год за годом. Что иное мог он высечь в скалистых горах будущего? Деньги? Они не давались ему. Славу? Она обманывала его, расставляла коварные ловушки. Работа была его единственной наградой, другой награды не существовало. Творить из белого камня самые прекрасные изваяния, когда-либо существовавшие на земле и на небе,

выразить в них всеобщую истину - вот плата и слава художника. Все остальное - мираж, обманчивый дым, тающий на горизонте.

Папа Клемент назначил ему пожизненную пенсию в месяц, дал расположенный на площади у церкви Сан Лоренцо дом, пригодный для мастерской. Герцога Урбинского и других наследников Ровере от судебного иска вынудили отказаться. Теперь Микеланджело предстояло возвести Юлиеву гробницу, придвинув ее к стене, для этого у него были готовы все фигуры, за исключением статуи папы и Богоматери. Он отдал гробнице Юлия целых двадцать лет - и все словно для того, чтобы убедиться в пророческой правоте Якопо Галли.

Обдумывая, как отделать капеллу, Микеланджело условился с семейством Тополино, чтобы оно помогло в работе, и в частности взялось за обтеску светлого камня для дверей, окон, коринфских колонн и архитравов, деливших стены на три яруса; гигантские пилястры нижнего пояса сменялись во втором ярусе колоннами с изящно выточенными каннелюрами, люнеты и падуги третьего яруса поддерживали купол. В куполе он старался соединить найденные человеческим разумом очертания флорентийского Собора и естественную луковичеобразную форму зрелого плода. Купол был несколько сжат - этого требовали уже возведенные стены, но Микеланджело был счастлив, обнаружив, что архитектура заключает в себе столько же скульптуры, сколько скульптура содержит архитектуры.

Теперь Микеланджело не знал, куда деваться от заказов и предложений, - его просили придумать форму окон для дворцов, возвести гробницу в Болонье, виллу в Мантуе, высечь статую Андреа Дориа в Генуе, разработать фасад особняка в Риме, изваять Богородицу с архангелом Михаилом в церкви Сан Миниато. Даже папа Клемент предложил ему новый заказ, прося на этот раз построить библиотеку для манускриптов и книг семейства Медичи, - ее надо было поместить над старой сакристией Сан Лоренцо. Микеланджело набросал несколько черновых проектов библиотеки, рассчитывая применить для ее отделки тот же светлый камень.

У Микеланджело появился новый ученик - юный Антонио Мини, племянник его друга Джована Баттисты Мини. Это был длиннолицый, с впальми щеками подросток, глаза и рот на его узкой физиономии казались слишком круглыми, но фигура у парня была ладная и крепкая, а отношение к жизни самое безмятежное и ясное. Он был добросовестен, на него можно было положиться в работе над моделями, в копировании рисунков, в заготовке и оттачивании резцов, - словом, он оказался таким же преданным и рьяным помощником, каким был Арджиенто, только гораздо способнее. Поскольку у Микеланджело жила теперь служанка, монна Аньола, прибиравшая в мастерской на Виа Моцца, пылкий Мини проводил все свое свободное время вместе с другими юношами на ступенях Собора, наблюдая гулявших у Баптистерия девушек в платьях с низким вырезом и буфами на плечах.

Джованни Спина, купец-ученый той благородной породы, к которой принадлежали Якопо Галли, Альдовранди и Сальвиати, был назначен папой Клементом наблюдать за работой Микеланджело и за строительством капеллы и библиотеки. Это был высокий, сутулый мужчина, очень зябкий - он кутался даже в теплую погоду, - лицо у него было умное, с миндалевидными узкими глазами. Придя в мастерскую к Микеланджело, он говорил:

- В Риме при папском дворе я познакомился с Себастьяно. Он разрешил мне побывать в вашем доме на Мачелло деи Корви - посмотреть "Моисея". Я всегда поклонялся скульптурам Донателло. Теперь я скажу, что Донателло и вы - это отец и сын.

- Не отец и сын, а дед и внук. Я наследник Вертольдо, а Вертольдо был наследником Донателло. Это все одна тосканская родственная линия.

Спина разгладил ладонями своей длинные, спадавшие на уши волосы.

- Когда у папы не окажется во Флоренции денег, вы можете рассчитывать на меня. Я постараюсь их раздобыть...

Спина подошел к четырем незаконченным "Пленникам", придиричиво оглядел их со всех сторон и с нескрываемым удивлением широко раскрыл свои миндалевидные глаза.

- Этот Атлант, поднимающий тяжелую глыбу камня... Ведь он говорит нам, что каждый, у кого есть голова на плечах, несет на себе и всю тяжесть мира?

Они присели на скамью, разговорившись об изваяниях делла Кверча в

Болонье, о статуе Лаокоона. Спина спросил:

- Ручеллаи не признают, что вы приходите к им кузеном, не так ли?

- Откуда вы знаете, что я родственник Ручеллаи?

- Я изучал документы. Не хотите ли вы побывать в саду при дворце Ручеллаи, где мы устраиваем наши встречи? Мы - это все, что осталось от Платоновской академии. В четверг Пикколо Макиавелли будет читать первую главу своей истории Флоренции, которую он пишет по заказу Синьории.

В часовне, которая была далеко еще не закончена, Микеланджело работал над блоками Утра, Вечера, Богоматери и молодого Лоренцо. Теплыми осенними вечерами, сидя у открытой двери, выходящей на дворик его мастерской, он лепил глиняные модели Речных Божеств, олицетворявших страдания, - эти божества он предполагал поместить у подножия статуй юных Медичи. Когда наступала темнота, он, усталый от работы, ложился а постель и с открытыми глазами слушал, как колокола ближних церквей отбивают ночные часы. Он видел перед собой нежное лицо Контессины, слушал особенный ее голос и в то же время ощущал рядом с собой горячее тело Клариссы, - прижимаясь к ней, он крепко обхватывал ее руками; два эти образа, будто в странном сне, сливались теперь воедино, превращаясь в неведомую возлюбленную. Он спрашивал себя, будет ли еще когда-нибудь у него любовь, как это произойдет, кто ему встретится. Он поднимался, хватал лист бумаги, где были перечеркнутые крест-накрест фигуры "Утра" и "Вечера", наброски рук, ног, бедер, груди, и до утра писал стихи, изливая в них накипевшие у него чувства.

ГОРНИЛО ЛЮБВИ

У камня в сокровенной глубине
Порой, как верный друг, огонь таится,
С огнем порою камень хочет слиться,
На миг пропав в клокочущей волне.

В ней отвердев, окрепнув, как в броне,
Обрести двойную цену, обновиться,
Как та душа, что в силах возвратиться
Из тартара к небесной вышине.

Гляди, меня окутало клубами
В глубинах сердца вспыхнувшее пламя:
Мгновение - и буду прах и дым!

Но нет! Огонь и боль мой дух не ранит,
А закалит. Его навек чеканит
Любовь своим чеканом золотым.

Как только занимался рассвет, он откладывал перо и бумагу и долго рассматривал в зеркале над умывальником свое лицо, словно это было лицо какого-то нанятого им натурщика. Все оно будто запало, вогнулось внутрь - морщины, идущие вдоль плоского лба, прятаящиеся от мира под костистым надбровьем глаза, нос, который казался теперь более широким, чем прежде, плотно сжатые губы, как бы сдерживающие в себе некое слово или мысль. Цвет янтарных глаз сделался еще темнее. Только волосы, сопротивляясь времени, были, как прежде, густы и шелковисты и по-молодому вились вокруг лба.

Когда Медичи снова оказались на папском троне, Баччио Бандинелли получил от них заказ изваять "Геракла": скульптуру предполагали установить напротив дворца Синьории. Это был тот самый заказ, с которым семнадцать лет назад гонфалоньер Содерини обращался к Микеланджело. Как-то раз, зная, что эти разговоры о Бандинелли огорчают Микеланджело, Мини с криком ворвался в мастерскую, пробежав без передышки не один квартал.

- Только что привезли блок "Геракла"... и он свалился в Арно! Люди на берегу говорят, что мрамор сам затонул, только бы не попасть в руки к Бандинелли!

Микеланджело расхохотался и в ту же минуту начал очередную серию

ударов, ведя жало резца от чашечки колена "Вечера" к паху.

На следующее утро один приехавший из Рима каноник доставил ему известие от папы.

- Буонарроти, вы помните угол лоджии в Садах Медичи, напротив которого стоит дом Луиджи делла Стуфы? Папа спрашивает, не можете ли вы воздвигнуть там "Колосса" в двенадцать сажен вышины?

- Восхитительная мысль, - саркастически ответил Микеланджело. - Только "Колосс", пожалуй, слишком загроздит улице. Почему бы не поставить его на том углу, где находится цирюльня? Статую можно сделать пустотелой и нижний ее этаж сдать цирюльнику. Тогда и он был бы не внакладе.

В четверг вечером Микеланджело пошел во дворец Ручеллаи послушать, как будет читать Макиавелли свою "Мандрагору". Все, кто собирался в этом кружке, были настроены по отношению к папе Клементу резко враждебно: его называли здесь Мулом, Выродком, Отребьем Медичи. Платоновская академия являлась центром заговора, ставившего целью восстановление республики. Ненависть к Клементу разгоралась еще и потому, что во дворце жили два подростка, незаконные Медичи, которых воспитывали как будущих правителей Флоренции.

- Какой же ужасный позор падет на наши головы, - возмущался Строцци, когда заговорили о сыне Клемента. - Чтобы нами управлял даже не сам Мул, а его отродье!

Микеланджело не раз слышал, что Клемент фактически укреплял позиции антимеридианской партии, совершая в своей политике ошибки, которые можно было назвать роковыми и которые были бы непозволительны даже для папы Льва. В непрерывных войнах между соседними народами он неизменно поддерживал не ту сторону, какую следовало поддерживать; армию его союзников французов разбил император Священной Римской империи, дружественные предложения которого Клемент отверг, между тем как, говоря по правде, Клемент менял союзников столь часто, что уже ни Микеланджело, ни вся Европа не могла уследить за его увертками и интригами. В Германии и Голландии тысячи верующих, отпадая от католицизма, поддерживали Реформацию, а папа Клемент решительно ее отвергал, хотя Мартин Лютер еще в 1517 году прибил к дверям замковой церкви в Виттенберге свои знаменитые девятнадцать тезисов.

- Я нахожусь в очень неловком положении, - говорил Микеланджело Спине, когда они сели за стол, чтобы поужинать жареным голубем, приготовленным монной Аньолой. - Я хочу восстановления республики, а работаю на Медичи. Вся судьба часовни зависит от доброй воли папы Клемента. Если я примкну к противникам Медичи и мы добьемся их изгнания, что тогда будет с моими статуями?

- Искусство есть высшее выражение свободы, - отвечал Джованни Спина. - Пусть политикой занимаются другие.

Микеланджело заперся в капелле и с головой ушел в работу над мраморами.

Пассерини, он же кардинал Кортони, правил Флоренцией как самодержец. Будучи чужаком, он не любил Флоренции - не любил ее, кажется, и Клемент, ибо кто как не Клемент отверг все призывы Синьории и старинных флорентийских фамилий убрать кардинала: город считал его человеком грубым и жадным, он помыкал выборными советниками Флоренции и разорял ее жителей непосильными податями. Флорентинцы выжидали лишь удобного момента, чтобы восстать, взять в руки оружие и снова изгнать Медичи из города. Когда тридцатитысячная армия Священной Римской империи, идя на юг и готовясь занять Рим, чтобы наказать папу Клемента, подступила к Болонье, намереваясь затем двинуться на Флоренцию, город восстал. Огромные толпы штурмовали дворец Медичи и требовали оружия для защиты от врага.

- Оружие! Дайте народу оружие!

Кардинал Кортони появился в верхнем окне дворца и обещал выдать оружие. Но когда он узнал, что войска папы под командованием вечного преследователя Микеланджело герцога Урбинского уже приближаются к Флоренции, он пренебрег обещанием и, прихватив с собой двух молодых Медичи, бежал из города к герцогу. Вскоре Микеланджело был уже вместе с Граначчи и его друзьями во дворце Синьории. Толпа, заполнявшая площадь, кричала:

- Popolo! Liberta! Народ! Свобода!

Охранявшая Синьорию флорентийская стража даже не пыталась препятствовать комитету горожан войти а правительственный дворец. В

Большом зале состоялось собрание. Затем Никколо Каппони, отец которого когда-то возглавлял движение против Пьеро де Медичи, вышел на балкон и объявил:

- Флорентийская республика восстановлена! Медичи изгнаны! Всем гражданам необходимо вооружиться и сойтись на площади Синьории!

Кардинал Кортоня вернулся во Флоренцию, приведя с собой тысячу кавалеристов герцога Урбинского. Партия Медичи открыла им ворота города. Комитет, заседавший внутри дворца Синьории, наглухо запер двери. Кавалеристы герцога Урбинского штурмовали их с длинными пиками в руках. Из окон здания, с зубчатого парапета на головы герцогских солдат полетело все, что только можно было кинуть: конторки, столы, кресла, посуда, громоздкие доспехи.

Тяжелая скамья, со свистом рассекая воздух, летела с парапета. Микеланджело видел, что она падает прямо на статую Давида.

- Берегись! - завопил он, как будто статуя могла уклониться от удара.

Но было уже поздно. Скамья ударилась об изваяние. Левая рука Давида, державшая пращу, отвалилась по локоть. Она упала на камень площади и раскололась.

Толпа отхлынула назад. Солдаты стали озираться вокруг, выжидая, что же будет дальше. Всякое движение в окнах и за парапетом Синьории замерло. Люди на площади смолкли. Не сознавая того, что он делает, Микеланджело рванулся к статуе. Толпа расступалась перед ним, люди негромко говорили друг другу.

- Это Микеланджело. Дайте ему пройти.

Он стоял перед "Давидом", глядя в его полное мысли и решимости прекрасное лицо. Голиаф даже не поцарапал Давида, не нанес ему никакого вреда, а гражданская война во Флоренции чуть не разбила его вдребезги, промахнувшись лишь на один дюйм. Рука у Микеланджело ныла, словно она тоже была оторвана.

Из толпы выскочили два юнца - Джорджо Вазари, ученик Микеланджело, и Чеккино Росси. Они подбежали к "Давиду", собрали обломки его руки - три бесформенных куска мрамора - и скрылись в узкой боковой улочке.

В мертвой тишине ночи кто-то пальцами забарабанил в дверь Микеланджело. Он отпер ее, впустив Вазари и Чеккино. Они заговорили, перебивая друг друга:

- Синьор Буонарроти...

- ...мы спрятали три осколка...

- ...в сундуке в доме отца Росси.

- Они спасены.

Микеланджело смотрел на два сияющих юных лица и думал:

- Спасены? Разве можно что-либо спасти в этом мире войны и хаоса?

4

Войско императора Священной Римской империи докатилось до Рима и проломило стены города. Разношерстные орды солдат-наемников заполнили Рим, вынудив папу Клементя перебраться по переходу в крепость Святого Ангела и укрыться там пленником, в то время как немецкие, испанские и итальянские отряды грабили, жгли, опустошали Рим, уничтожая священные произведения искусства, разбивая в куски алтари, мраморные изваяния девы Марии, пророков, святых, отливая из бронзовых статуй пушки, добывая из цветных стекол свинец, разводя на мраморных ватиканских полах костры, выкалывая глаза на портретах. Статую папы Клементя вытащили на улицу и разбили.

- Что там творится с моим "Оплакиванием"? С плафоном Систины? - стонал Микеланджело. - Уцелела ли моя мастерская? "Моисей" и два "Раба"? Или от них остались одни осколки?

Спина пришел уже поздно ночью. Весь день он провел на шумных сборищах и собраниях то во дворце Медичи, то в Синьории. Кроме небольшого кружка

закоренелых сторонников Медичи, весь город был полон решимости свергнуть их власть. Поскольку папа Клемент был в Риме как бы под арестом, Флоренция могла вновь объявить себя республикой. Ипполито, Алессандро и кардинала Кортони было решено выпустить из города с миром.

- Теперь, - раздумчиво заключил Спина, - будет положен конец правлению Медичи на долгие времена.

Микеланджело несколько минут не произносил ни слова.

- А новая сакристия?

Спина опустил голову.

- Ее... ее закроют.

- Медичи надо мной - как кара! - вскричал Микеланджело, не сдержав своей муки. - Сколько уж лет я работаю на Льва и Клемента, а посмотреть - что у меня сделано? Шесть вчерне обработанных блоков, не законченный интерьер часовни... Клемент сейчас в плену, и Ровере напустятся на меня снова...

Он тяжело опустился на скамью.

- Я буду рекомендовать тебя на службу республике, - мягко сказал Спина. - Теперь, после нашей победы, мы можем убедить Синьорию, что часовня посвящена памяти Лоренцо Великолепного, а его чтут все тосканцы. И тогда мы добьемся разрешения отпереть часовню и вновь начать в ней работу.

Микеланджело оставил дом на площади Сан Лоренцо со всеми сделанными там рисунками и глиняными моделями, засел в мастерской на Виа Моцца и отдался работе над едва начатым блоком "Победы", который входил в его первоначальный замысел гробницы Юлия. "Победа" возникла у него в образе прекрасного, стройного, как древний грек, юноши, хотя и не столь мускулистого, как прежние его мраморные изваяния. Руки Микеланджело энергично работали, его резцы вгрызались в податливый камень, но скоро он почувствовал, что в мыслях у него нет того лада и собранности, какие требуются для работы.

Вот он высекает "Победу". Победу над кем? Над чем? Если он не знает, кто Победитель, как он может сказать, кто Победенный? Под ногами у Победителя он изваял лицо и голову Победенного - старого, раздавленного бедой человека... самую себя? Так он, наверное, будет выглядеть лет через десять или двадцать - с длинной седой бородой. Что же сокрушило его? Годы? Неужто Победитель - это Юность, ибо только к юности человек способен вообразить, будто можно стать Победителем? Во всех чертах Победенного чувствовался жизненный опыт, и мудрость, и страдание - и все же он был попираем, оказавшись у ног юноши. Не так ли во все века попираются мудрость и опыт? Не сокрушает ли их время, олицетворенное в юности?

За стенами его мастерской, во Флоренции, восторжествовала республика. Гонфалоньером был избран Никколо Каппони правивший в традициях Содерини. Для защиты республики город принял революционный план Макиавелли: создать ополчение, призвав в него специально обученных и вооруженных горожан, дать им все необходимое, чтобы отразить неприятеля. Наряду с Синьорией Флоренцией правил Совет Восемидесяти, в котором были представлены старинные роды. Торговля процветала, город благоденствовал, народ был счастлив, вновь обретая свободу. Мало кто задумывался над тем, что происходит с папой Клементом, все еще сидевшим в заточении в замке Святого Ангела, который защищали немногие его приспешники, в том числе Бенvenuto Челлини, молодой скульптор, отказавшийся идти в ученики к Торриджани. Но Микеланджело был жизненно заинтересован в судьбе папы Клемента. Целых четыре года любовной работы отдал он часовне Медичи. Теперь она была заперта и опечатана, и в ней стояли четыре частично законченных блока, с которыми Микеланджело связывал все свое будущее. Он пристально следил за участью узника замка Святого Ангела.

Папа Клемент подвергался опасности с двух сторон. Католическая церковь распадалась в это время на церкви национальные, власть Рима постепенно слабела. Дело было не только в том, что в значительной части Европы восторжествовали лютеране. Английский кардинал Уолси предложил созвать во Францию совет независимых кардиналов и положить основы нового управления церковью. Итальянские кардиналы собрались в Парме и хотели установить свою собственную иерархию, а французские кардиналы уже самостоятельно назначали папских викариев. Немецкие и испанские отряды Карла, стоявшие в Риме, все еще бесчинствовали, грабили, крушили, требуя за свой уход большой выкуп.

Сидя в замке Святого Ангела, Клемент пытался собрать требуемые деньги и был вынужден выдать в руки врага нескольких заложников: Якопо Сальвиати с позором протащили по улицам и едва не повесили. Время шло, каждый месяц приносил новые события – всюду желали переустройств, старались поставить нового папу или учредить совет, жаждали решительной реформы.

В конце 1527 года в делах наступил крутой поворот. Моровая язва скосила в войсках императора Священной Римской империи каждого десятого человека. Немецкие солдаты ненавидели Рим и страстно мечтали о возвращении на родину. Для борьбы со Священной Римской империей в Италию вторглась французская армия. Клемент дал обязательство выплатить захватчикам в трехмесячный срок триста тысяч дукатов. Испанские отряды отошли от замка Святого Ангела... и после семи месяцев заточения папа Клемент, переодетый купцом, бежал из Рима в Орвието.

Микеланджело тотчас получил от него весть. Продолжает ли он трудиться на папу? Не оставил ли он своего плана украсить новую сакристию скульптурой? Если Микеланджело будет по-прежнему работать, то папа Клемент перешлет с нарочным имеющиеся у него пять сотен дукатов для того, чтобы Микеланджело мог оплатить свои неотложные расходы.

Микеланджело был глубоко тронут. Ведь, оказавшись в столь тяжелом положении, без денег, без помощников и сторонников, не видя прямой возможности вновь овладеть властью, папа согрел его словом участия, проявил к нему доверие, как будто Микеланджело был членом его семьи.

- Я не могу брать деньги у Джулио, – говорил Микеланджело Спине, когда они обсуждали свои дела на Виа Моцца. – Но разве мне нельзя хоть немного поработать в часовне? Я бы ходил туда тайком, по ночам. Ведь это не принесет вреда Флоренции...

- Потерпи. Выжди хотя бы год или два. Совет Восемидесяти очень обеспокоен, он не знает, что предпримет против нас папа Клемент. Если ты начнешь работать в капелле, Совет будет считать это изменой.

С наступлением теплой погоды чума ворвалась и во Флоренцию. У тех, кто заболел, ужасно ломило голову, ныли поясница, руки и ноги, их мучил жар, скоро начиналась рвота, на третий день больной погибал. Если человек умирал на улице, к трупу его не прикасались родственники тех, кого смерть настигала дома, сразу же покидали жилище. Флорентинцы гибли тысячами. Город напоминал огромную покойницкую. Буонаррото позвал Микеланджело домой на Виа Гибеллина.

- Микеланджело, я боюсь за Бартоломео и детей. Можно нам переехать в наш дом в Сеттиньяно? Там мы были бы в безопасности.

- Ну разумеется, можно. Возьми с собой и отца.

- Я не поеду, – заявил Лодовико. – Когда человеку под восемьдесят, имеет он право умереть в собственной постели?

Рок подкинул Буонаррото в Сеттиньяно, в той самой комнате, где он родился. Когда Микеланджело примчался туда, Буонаррото лежал уже в бреду, язык у него распух и был покрыт сухим желтоватым налетом. За день до того Джовансимоне увез жену и детей Буонаррото в другое место. Слуги и работавшие при доме крестьяне разбежались.

Микеланджело пододвинул к кровати брата кресло и глядел на него, дивясь в душе, как они с Буонаррото до сих пор еще похожи друг на друга. При виде брата в глазах Буонаррото зажглась тревога.

- Микеланджело... сейчас же уходи... тут чума.

Микеланджело вытер запекшиеся губы брата влажной тряпкой, тихо сказал:

- Я тебя не брошу. Ты один из всей нашей семьи по-настоящему любил меня.

- Я всегда тебя любил... Но я был тебе... в тягость. Прости меня.

- Мне нечего тебе прощать, Буонаррото. Если бы ты был со мной рядом все эти годы, мне было бы гораздо легче.

Напрягая последние силы, Буонаррото улыбнулся.

- Микеланджело... ты был всегда... хорошим.

На закате Буонаррото стал отходить. Обхватив его левой рукой, Микеланджело положил голову брата себе на грудь. Буонаррото пришел в сознание только однажды, увидел перед глазами лицо Микеланджело. Врезанные мукой морщины на лбу разгладились, по лицу разлилось умиротворение. Через несколько минут он скончался.

Завернув тело брата в одеяло, Микеланджело отнес его на кладбище за

церковь. Гробов при церкви не было, не было и могильщиков. Он выкопал могилу, положил в нее Буонаррото, позвал священника, постоял молча, пока тот обрызгал покойного святой водой и благословил, затем стал кидать лопатой в могилу землю и засыпал ее доверху.

Он вернулся на Виа Моцца, сжег во дворе свою одежду и тщательно вымылся, налив в деревянный ушат такой горячей воды, какую только мог выдержать. Он не знал, поможет ли это против чумы, и не очень об этом заботился. Скоро ему дали знать, что Симоне, его старший племянник, тоже заразился чумой и умер. Микеланджело думал: "Может быть и хорошо, что Буонаррото скончался первым и не узнает об этом?"

Если он уже заразился сам, то, чтобы привести свои дела в порядок, у него оставались в запасе считанные часы. Микеланджело спешно составил документ, по которому жене Буонаррото возвращалось все ее приданое; она была еще достаточно молода, чтобы вновь выйти замуж, и это имущество могло ей понадобиться. Он позаботился о том, чтобы Чекка, его одиннадцатилетняя племянница, была помещена в женский монастырь Больдроне, и завещал на ее содержание в монастыре доходы от двух своих усадеб. Он выделил средства и на воспитание своих племянников Лионардо и маленького Буонарротино. Когда в запертую дверь мастерской постучался Граначчи, Микеланджело крикнул:

- Уходи отсюда сейчас же. Я хоронил брата. Наверняка я заразный.

- Перестань душить, ты чересчур сварлив, чтобы свалиться так просто. Отворяй двери, я принес бутылку кьянти, мы будем отвращать злых духов.

- Граначчи, иди домой и выпей эту бутылку без меня. Я не хочу быть причиной твоей смерти. Может, если мы останемся в живых, ты еще напишешь хотя бы одну хорошую картину.

- Этим меня не прельстишь, - рассмеялся Граначчи. - Ну, ладно, если ты будешь завтра утром жив, приходи кончать свою половину бутылки.

Чума отступила. Люди стали понемногу съезжаться обратно в город, покидая свои убежища в окрестных холмах. Вновь открывались лавки. Синьория тоже вернулась в город. На одном из первых заседаний она решила поручить Микеланджело Буонарроти изваять "Геракла" - того самого "Геракла", о котором двадцать лет назад говорил с Микеланджело Содерини. Блок, привезенный для Бандинелли и вчерне обтесанный им, передавался теперь Микеланджело.

И снова в дело вмешался папа Клемент. Заключив союз с императором Священной Римской империи и вернувшись в Ватикан, он восстановил свою власть над предавшими его итальянскими, французскими, английскими кардиналами, сформировал армию, составленную из отрядов герцога Урбинского, отрядов Колонны, испанских войск. Он направил эту армию против независимой Флоренции, желая уничтожить республику, наказать врагов Медичи и восстановить власть своего семейства в городе. Как оказалось, Спина недооценивал папу Клемент и Медичи. Микеланджело вызвали в Синьорию; окруженный членами Совета гонфалоньер Каппони сидел за тем самым столом, за которым некогда сидел Содерини.

- Поскольку ты скульптор, Буонарроти, - стремительно, без обиняков начал Каппони, - мы считаем, что ты можешь стать также и инженером по оборонительным сооружениям. Нам нужны стены, которые не одолеет и не пробьет никакой враг. И поскольку стены строятся из камня, а твое дело - камень...

У Микеланджело перехватило дыхание. Теперь его и впрямь вовлекают в свои действия обе воюющие стороны!

- Займись как следует южной линией города. С севера мы неприступны. Докладывай нам обо всем, что тебе покажется важным, не теряя ни минуты.

Микеланджело объехал и осмотрел несколько верст стены, начиная от холма, где стояла церковь Сан Миниато. Виясь, как змея, стена шла с востока на запад, а затем поворачивала прямо к реке Арно. И сама стена, и оборонительные башни оказались в довольно скверном состоянии; помимо того, вдоль стен надо было еще вырыть рвы и траншеи, чтобы затруднить неприятелю подступы к городу. Камень на стенах местами обвалился, кладка из плохого кирпича выщербилась; для того чтобы стрелять из пушек на дальнее расстояние, надо было возводить более высокие, чем обычно, башни. Узлом обороны явно должна была стать колокольня церкви Сан Миниато - с этой высокой позиции можно было обороняться, господствуя над большей частью территории, по которой пойдут на приступ силы врага.

Явившись в Синьорию, Микеланджело объяснил гонфалоньеру Каппони, сколько требуется собрать каменотесов, кирпичников, возчиков, землекопов, чернорабочих и каким образом придется чинить и укреплять стены. Гонфалоньер нетерпеливо заметил:

- Только не трогай Сан Миниато. Укреплять эту церковь нет необходимости.

- Напротив, ваша милость, ее следует укрепить в первую очередь. Если посмотреть на дело с точки зрения неприятеля, то ему нет нужды ломиться прямо сквозь стены. Враг должен будет наступать на нас с фланга именно там, к востоку от холма Сан Миниато.

Микеланджело удалось доказать, что план его был лучшим из возможных. Теперь он заставил работать всех, кого только мог: Граначчи, Общество Горшка, каменотесов Собора. Он обходил знакомые места, где некогда выискивал для рисунка или статуи то характерную физиономию, то мускулистую, сильную руку, то удлиненную, бронзовую от загара шею, и набирал каменщиков, кирпичников, плотников, механиков, камнеломов и каменотесов Майано и Прато - их надо было расставить на места, чтобы преградить дорогу войне. Работы требовалось вести в спешном порядке: как передавали, войска папы надвигались на Флоренцию с нескольких сторон - городу предстояло отражать натиск грозного скопища опытных, хорошо вооруженных воинов. Для перевозки материалов Микеланджело пришлось прокладывать дорогу от Арно, укреплять бастиины, начиная с башни, которая стояла за церковной оградой Сам Миниато, ближе к Сан Джордже, - именно здесь надо было прикрыть жизненно важный для обороны холм, возведя высокие стены. Для стен требовался кирпич: его торопливо делали из битой глины, смешанной с паклей и коровьим навозом; сотня каменщиков, набранных из крестьян, разделившись на артели, тут же пускала этот кирпич в дело. Каменотесы рубили и обтесывали камень, латая в стенах трещины, выкладывая новые ярусы башен, возводя новые пролеты в наиболее уязвимых местах.

Когда первая очередь работ была закончена, Синьория устроила инспекционный смотр. На следующее утро, войдя в угловую палату гонфалоньера, откуда была видна вся площадь Синьории и широкая даль флорентийских кровель, Микеланджело заметил, что на него смотрят особо приветливо.

- Микеланджело, ты избран в руководство нашего ополчения, в Девятку Обороны, как главный начальник фортификаций.

- Это большая честь для меня, гонфалоньер.

- И еще большая ответственность. Мы хотим направить тебя в Пизу и в Ливорно - надо проверить, надежна ли там наша оборона с моря.

Он уже не думал больше о скульптуре. Он не кричал: "Война - это не мое ремесло!" Ему приходилось теперь заниматься особым делом. К нему взывала - в минуту острейшей опасности - Флоренция. Он никогда не представлял себя в роли командира, распорядителя, но сейчас он убедился, что расчеты и выкладки, к которым приходилось прибегать в скульптуре, научили его согласовывать друг с другом отдельные части, объединять их в целое и добиваться нужного результата. Он даже сожалел сейчас, что ему не хватает того дара изобретать машины и механизмы, каким обладал покойный Леонардо да Винчи.

Возвратившись из Пизы и Ливорно, он начал систему глубоких, как рвы у старинных замков, траншей; вырытая при этой работе земля и щебень шли на постройку заграждений. Затем Микеланджело получил себе право снести все дома и строения, которые находились на полосе земли шириной в полторы версты, разделявшей оборонительные стены и холмы с южной стороны: именно отсюда и должна была наступать папская армия. Пустив в ход тараны того устройства, какие применялись еще в древности, ополченцы начали разбивать крестьянские жилища и амбары. Крестьяне сами помогали сносить с лица земли дома, в которых жили их отцы и деды уже сотни лет. Протестовали против разрушения своих вилл богачи, и Микеланджело в душе понимал, что они протестуют не без основания, - виллы эти были очень красивы. Пришлось снести и несколько мелких храмов: лишь редкие ополченцы соглашались принять участие в этой работе. Когда Микеланджело вошел в трапезную церкви Сан Сальви и увидел на полуразрушенной уже стене сияющую бесподобными красками "Тайную Вечерю" Андреа дель Сарто, он закричал:

- Оставьте эту стену как есть! Столь прекрасное произведение искусства

уничтожать нельзя.

Разрушительная работа около оборонительного пояса стен была едва кончена, как Микеланджело стало известно, что кто-то проник в его мастерскую на Виа Моцца и обшарил там все углы. Модели были сброшены на пол, папки с рисунками и чертежами раскиданы в страшном беспорядке, многие из них пропали; были похищены и четыре восковых модели. Оглядывая пол, Микеланджело заметил, что там, в грудке бумаг, валяется какой-то металлический предмет. Это был резец того типа, каким работали ювелиры и резчики по металлу. Микеланджело пошел к своему приятелю Пилото, хорошо знавшему всех ювелиров.

- Ты не признаешь, чей это резец?

- Ну как не признать! Это резец Бандинелли.

Рисунки и модели были возвращены - их подбросили в мастерскую тайком; Микеланджело велел теперь Мини следить, чтобы мастерская постоянно охранялась.

По поручению Синьории Микеланджело поехал в Феррару, осматривать вновь возведенные герцогом Феррарским укрепления. В письме, которое он вез с собой, говорилось:

"Мы направляем нашего прославленного Микеланджело Буонарроти, человека, как вы знаете, редких дарований, по важному делу, которое он объяснит вам устно. Мы горячо желаем, чтобы вы приняли его как персону весьма нами уважаемую и обошлись с ним, как того требуют его заслуги".

Герцог Феррарский, просвещенный человек из рода Эсте, очень любивший живопись, скульптуру, поэзию, театр, уговаривал Микеланджело остановиться и быть гостем в его дворце. Микеланджело учтиво отклонил это предложение и стал жить в гостинице, где он был вскоре обрадован шумной встречей с Арджиенто, который привез сюда девять своих отпрысков, чтобы они поцеловали руку его прежнего хозяина.

- Ну, Арджиенто, ты, как видно, стал заправским хлебопашцем.

Арджиенто скорчил гримасу:

- Нет, не совсем. Земля все равно рождает, как ее ни обработан. А главный мой урожай - дети!

- А мой урожай, Арджиенто, - пока все еще одни волнения.

Когда Микеланджело благодарил герцога за то, что тот раскрыл ему все секреты крепостных сооружений" герцог сказал:

- Напиши мне картину, Микеланджело. Вот тогда ты меня поистине отблагодаришь.

Микеланджело криво усмехнулся:

- О живописи не стоит и думать, пока не кончится война.

Приехав домой, Микеланджело узнал, что из Перуджии был вызван во Флоренцию военачальник Малатеста и что он уже успел получить назначение, став одним из командующих обороной города. Малатеста сразу же разобрал план Микеланджело, предлагавшего строить по примеру феррарцев каменные контрфорсы для стен.

- Нам и так мешают вся эта возня со стенами. Уберите ваших землекопов и крестьян прочь, мои солдаты сами прекрасно знают, как защищать Флоренцию! - Тон у Малатесты был ледяной, весь его вид таил что-то недоброе. В ту ночь Микеланджело бродил у подножия своих бастионов и придирчиво оглядывал их. Вдруг он наткнулся на восемь пушек, переданных Малатесте для обороны стены Сан Миниато. Пушкам надлежало быть внутри укреплений или за парапетами, а они стояли около стен, ничем не укрытые, не охраняемые. Микеланджело бросился будить военачальника.

- Зачем вы оставили пушки снаружи? Ведь мы берегли их как зеницу ока. А тут их может украсть или попортить любой бродяга.

- Вы кто - командующий флорентийской армией? - спросил Малатеста, побагровев от злости.

- Нет, но я отвечаю за оборону стен.

- В таком случае лепите из навоза свои кирпичи и не указывайте солдатам, что делать с пушками.

Вернувшись в Сан Миниато, Микеланджело встретил другого военачальника, Марио Орсини.

- Что случилось, мой друг? - удивился Орсини. - Лицо у вас прямо

пылает.

Микеланджело рассказал, что случилось. Когда он смолк, Орсини грустно заметил:

- Вы, должно быть, знаете, что все мужчины в роду Малатесты - предатели. Придет время, он предаст и Флоренцию.

- Вы говорили об этом в Синьории?

- Я всего лишь наемный воин, как и Малатеста, я не флорентинец.

Утром Микеланджело уже сидел в Большом зале дворца, ожидая, когда его пропустят в палату гонфалоньера. Однако слова Микеланджело не произвели на членов Синьории никакого впечатления.

- Оставь наших командиров в покое. Делай свое дело, укрепляй стены. Они должны быть неприступны.

- Зачем вообще укреплять стены, если их обороняет Малатеста!

- Наверное, ты очень устал. Тебе надо немного отдохнуть.

Он возвратился в Сан Миниато и, продолжая работать под жарким сентябрьским солнцем, все же не мог подавить своих тревожных мыслей о Малатесте. Ото всех, с кем бы он ни заговаривал, Микеланджело слышал о нем самое дурное: Малатеста без боя сдал Перуджию; отряды Малатесты не стали сражаться с войсками папы под Ареццо; когда папская армия подойдет к Флоренции, Малатеста сдаст город...

Мысленно Микеланджело снова и снова шел в Синьорию и умолял гонфалоньера отстранить Малатесту; он уже словно видел воочию, как Малатеста открывает ворота навстречу войскам папы к весу его, Микеланджело, труд по укреплению стен и бастионов летит к черту. Но стоит ли обращаться к гонфалоньеру Каппони? Тот ли это человек, которого надо умолять? Не повторится ли сейчас история с папой Юлием и стенами собора Святого Петра, которые строились из тощего бетона и неизбежно должны были рухнуть?.. Ведь Малатеста сказал: "Вы кто - командующий армией?" А разве папа Юлий не спрашивал его: "Ты что, архитектор?"

Микеланджело волновался все больше и больше. Он уже представлял себе, как войска папы разрушают Флоренцию, подвергая ее той же участи, что и Рим, как пьяные солдаты грабят дома и уничтожают произведения искусства. Он не спал ни минуты в течение нескольких суток подряд, забывал о еде и уже не следил за тем, как работают его артели каменщиков. Всюду он ловил настораживающие его словечки и фразы и убеждался в том, что Малатеста собрал на южной стене своих приспешников и плетет нити заговора, собираясь сдать Флоренцию врагу.

Шесть дней и ночей метался Микеланджело, не находя себе места. Взбудораженный, не помня о пище и отдыхе, он весь был во власти дурных предчувствий. Как-то среди ночи, расхаживая по крепостному парапету, услышал он голос. Он мгновенно повернулся, будто к нему прикоснулись раскаленным железом.

- Кто ты?

- Друг.

- Что ты хочешь?

- Спасти твою жизнь.

- Разве она в опасности?

- В смертельной.

- Из-за войск папы?

- Из-за Малатесты.

- Что он собирается сделать?

- Убить тебя.

- За что?

- За разоблачение его предательства.

- Но мне никто не верит.

- Твой труп будет найден у бастиона.

- Но я в силах защитить себя.

- В таком-то тумане?

- Что же мне делать?

- Бежать.

- Но это измена.

- Это лучше, чем быть мертвым.

- Когда я должен бежать?

- Сейчас.

- Но ведь я здесь на посту.
- У тебя не будет больше ни минуты времени.
- Как я объясню все это?
- Спешу.
- Но мои каменщики... стены...
- Скорее! Скорее!

Он спустился с парапета, пересек Арно, потом пошел в обратном направлении к Виа Моцца. Фигуры прохожих смутно выступали в густом тумане, то будто лишенные головы, то рук и ног, словно грубо обтесанные мраморные блоки. Он велел Мини быстро уложить одежду и деньги в седельные сумки. Скоро он был уже на лошади, Мини сел на другую. Когда они приближались к воротам Прато, их спросили, кто едет. Стража кричала:

- Это Микеланджело, из Девятки Обороны. Дать ему дорогу!

Он скакал, желая скрыться в Болонье, в Ферраре, в Венеции, во Франции... живой, невредимый.

Семь недель спустя он вернулся во Флоренцию - униженный, опальный, утративший всякое доверие. Синьория оштрафовала его и изгнала из Совета на три года. Но поскольку папские войска силой в тридцать тысяч стояли теперь лагерем на холмах под укрепленными Микеланджело южными стенами, командование вновь направило его на прежний служебный пост. Благодарить за такую милость Микеланджело должен был Граначчи. Когда Синьория объявила Микеланджело, как и других флорентинцев, бежавших из города, вне закона, Граначчи выхлопотал ему временное прощение и послал Бастиано, который помогал Микеланджело в укреплении стен, за ним вдогонку.

- Должен сказать, - сурово выговаривал ему Граначчи, - что Синьория проявила чрезвычайную снисходительность. Ведь ты вернулся уже через пять полных недель после того, как был принят закон об изгнании мятежников, и мог потерять все свое имущество в Тоскане, да и голову в придачу. Внук Фичино поплатился жизнью только за то, что утверждал, будто у Медичи больше прав на власть во Флоренции, чем у кого-либо другого, так как они сделали для города много полезного, Ты поступил бы гораздо умней, если бы запасся одеялом и пищей и просидел в церкви Сан Миниато всю осаду, пусть даже целый год...

- Не беспокойся, Граначчи, второй раз я таким глупцом уже не буду.
- И что тебе тогда взбрело на ум?
- Я слышал голос.
- Голос? Чей?
- Да свой собственный.

Граначчи ухмыльнулся.

- Когда я хлопотал за тебя, мне очень помогли слухи, будто ты был принят при венецианском дворе и дож предложил тебе построить мост в Риальто. Говорили еще, что французский посланник старался заманить тебя ко французскому двору. Синьория пришла к убеждению, что ты идиот, - а разве это неправда? - но что ты великий художник, против чего я тоже не спорю. Флорентинцы едва ли были бы довольны, поселись ты в Венеции или в Париже. Выходит, тебе надо благодарить свою звезду за то, что ты умеешь обтесывать мрамор, иначе ты бы никогда уже не видал нашего Собора!

Микеланджело выглянул в окно - комната Граначчи была на третьем этаже - и посмотрел на величественный купол Брунеллески: красная его черепица мерцала в отблесках закатного неба, по которому плыли огромные сизые облака.

- Самая изящная архитектурная форма из всех форм, - задумчиво сказал он, - есть небесная сфера. И знаешь ли ты, Граначчи, что купол Брунеллески равен по красоте куполу неба!

свет полной луны вгляделся в сотни вражеских шатров - с остроконечными вершинами, они стояли на холмах за тем пустым пространством в полторы версты, которое он очистил от всех строений, и полукругом охватывал оборонительную линию его стен.

Его разбудила на заре пушечная пальба. Как он и предвидел, неприятель стянул все силы к колокольне Сан Миниато. Стоит только ее разбить, и папские войска ворвутся в город. Сто пятьдесят пушек, не смолкая, упорно вели огонь. Пушечные ядра вырывали в стенах камни и кирпичи огромными кусками. Обстрел длился два часа. Когда он кончился, Микеланджело вылез по скрытому ходу наружу и встал у подножия колокольни, оглядывая, какие разрушения произвел враг.

Он кликнул охотников, выбирая тех солдат, которые знали, как обращаться с камнем и бетоном. Бастиано остался смотреть за работами внутри, а Микеланджело вывел свой отряд наружу и открыто, на виду у папских войск, восстанавливал рухнувшие или расшатанные каменные блоки в стенах. По какой-то причине, которой Микеланджело не мог понять, - может быть, потому, что неприятель не догадывался, насколько серьезный ущерб он нанес, - войска папы до сих пор недвижно стояли в своем лагере. Микеланджело приказал возчикам возить с Арно песок и доставить мешки с цементом, направил в город посыльных, чтобы собрать артели каменщиков и камнеломов, и вечером, когда стало темно, заставил их ремонтировать и восстанавливать колокольню. Люди работали всю ночь; однако нужно было еще время, чтобы бетон затвердел. Если артиллерия неприятеля откроет огонь без большого промедления, крепость Микеланджело сразу обрушится. Он все оглядывал колокольню, и вдруг ему бросился в глаза ее зубчатый карниз - он выступал над корпусом колокольни аршина на полтора с лишним. Если бы найти способ навесить на этот карниз что-то такое, что принимало бы на себя удары железных и каменных пушечных ядер, гася их силу и ограждая от разрушения саму колокольню...

Микеланджело спустился с церковного холма, пересек Старый мост, велел страже разбудить нового гонфалоньера Франческо Кардуччи и объяснил ему свой замысел. Тот дал ему письменный указ взять отряд ополчения. С первыми же лучами рассвета Микеланджело и его ополченцы стали стучаться в двери шерстяных мастерских и лавок, складов и сараев, где хранилась шерсть, собранная в качестве налога. Потом они обежали весь город, собирая в лавках и частных домах пустые чехлы от тюфяков, затем реквизировали все попавшиеся на глаза повозки, чтобы переправить собранный материал к церкви. Микеланджело действовал быстро. К тому времени как поднялось солнце, он уже подвесил по линии обороны на карнизе колокольни десятки прочных, набитых шерстью тюфяков.

Когда командиры папского войска сообразили, что происходит, они открыли по колокольне стрельбу, но было уже поздно. Пушечные ядра попадали в тяжелые, мягкие тюфяки. Несмотря на то, что тюфяки под ударами ядер подавались назад, полтора аршина расстояния, отделявшие их от стены, спасали колокольню от повреждений. Для залатанной, не успевшей просохнуть каменной кладки эти тюфяки служили надежным щитом. Ядра все летели и летели, но, не причинив вреда, падали в ров у подножия. Попалив до полудня, противник прекратил огонь.

Успех Микеланджело, придумавшего эти буферные шерстяные щиты, восстановил его репутацию среди защитников города. Он ушел в свою мастерскую и, улегшись в постель, спокойно проспал целую ночь, впервые за много месяцев.

Флоренцию заливали нескончаемые дожди. Очищенная от строений полоса земли между стенами Сан Миниато и лагерем неприятеля превратилась в сплошное болото. Развернуть новое наступление войскам папы было теперь невозможно. Микеланджело начал работать над картиной "Леда и Лебедь" для герцога Феррары - писал он ее темперой. Хотя он боготворил чисто физический аспект красоты, но налета ответственности его искусство прежде не знало. Теперь он, напротив, был весь в ее власти. Леду он изобразил как обольстительно красивую женщину, раскинувшуюся на ложе, лебедь был меж ее ног, его длинная шея в форме буквы S прикинула к груди Леды, клюв его впивался в ее губы. Микеланджело испытывал наслаждение, пересказывая

своими красками сладострастную древнюю легенду.

Тревоги и волнения между тем шли своим чередом. Целые дни Микеланджело проводил на своих башнях и парапетах, а ночами ловил каждую возможность проскользнуть в часовню и валять там при свете свечи. В часовне было холодно, хмуро, темно, но одиночества там он не ощущал. Его изваяния были для него уже привычными, старыми друзьями – Утро, Вечер, Богоматерь. Хотя они еще и не освободились полностью из каменного плена, но уже жили, размышляли, рассказывали ему, как они воспринимают и чувствуют мир, и он тоже разговаривал с ними, внушая им свои думы о том, как искусство увековечивает человеческую жизнь, как оно прочно и навсегда связывает воедино прошедшее и будущее и как оно побеждает смерть – ибо пока живо искусство, человек не погибнет.

Весной война возобновилась, но то была по преимуществу уже другая война, война с осаждавшим Флоренцию голодом. Восстановленный в своих правах как член Девятки Оборони, Микеланджело получал каждый вечер донесения и хорошо знал, что происходит вокруг. Захватив мелкие крепости по реке Арно, папская армия перерезала линии снабжения Флоренции с моря. Войска папы Клементя теперь значительно пополнились: с юга подошли отряды испанцев, а с севера немцы.

Продовольствие в городе скоро стало большой редкостью. Сначала исчезло мясо, затем масло, овощи, мука, вино. Голод шел на приступ, вторгаясь в один дом за другим. Чтобы сохранить жизнь Лодовико, Микеланджело делился с ним последними крохами съестного. Люди стали поедать оставшихся в городе ослов, собак, кошек. Летний зной насквозь прожигал камни, воды стало совсем мало. Река Арно пересохла, снова то здесь, то там появлялась чума. Люди задыхались от духоты, падали прямо на улицах и уже не вставали. К середине июля в городе умерло пять тысяч человек.

Флоренция жила одной только надеждой на то, что ее выручит удачливый и храбрый генерал Франческо Ферручи, армия которого находилась близ Пизы. Ферручи было предложено наступать через Лукку и Пистойю и освободить Флоренцию от осады. Шестнадцать тысяч способных сражаться людей, еще остававшихся в городе, дали клятву ударить по врагу, выйдя за городские стены и напав на него с двух сторон, в то время как генерал Ферручи должен был нагрянуть с третьей – с запада.

Малатеста продал республику. Он отказался помочь Ферручи. Тот принял бой с войсками папы и был уже на грани победы, но Малатеста, вступив в переговоры с врагом, пошел с ним на мировую. Ферручи потерпел поражение и был убит.

Флоренция капитулировала. Отряды Малатесты открыли ворота города папской армии. Папа Клемент направил в город своих подручных с тем, чтобы восстановить в нем власть Медичи. Флоренция дала согласна выплатить папским войскам восемь тысяч дукатов в качестве выкупа. Те члены республиканского правительства, кто мог бежать, бежали, остальные были повешены в Барджелло или брошены в тюрьму Стинке. Вся Девятка Оборони была осуждена на смерть.

- Тебе лучше покинуть город сегодня же ночью, – убеждал Микеланджело его старый друг Буджардини. – Ждать пощады от папы не приходится. Ты строил против него стены, крепил оборону.

- Я не могу снова бежать из Флоренции, – устало отозвался Микеланджело.

- Тогда укройся в моем доме, – предложил Граначчи.

- Не хочу навлекать опасность на твою семью.

- Как архитектор города, я владею ключами от Собора. Я могу спрятать тебя там, – заявил Баччио д'Аньоло.

Микеланджело сидел, глубоко задумавшись.

- На том берегу Арно я знаю одну колокольню. Никому и в голову не придет, что я в ней скрываюсь. Я буду отсиживаться там до тех пор, пока Малатеста и его войска не уйдут из города.

Попрошавшись с друзьями, он пробрался глухими переулками к Арно, пересек реку и тихонько вышел к колокольне церкви Сан Никколо. Он постучал в дверь соседнего с колокольней дома, в котором жили знакомые ему сыновья старого Вэппе, каменотесы, и сказал им, где он будет скрываться. Затем он запер за собой дверь колокольни, поднялся по деревянной винтовой лестнице вверх и скоротал остаток ночи, вглядываясь через холмы в опустевший теперь вражеский лагерь. Уже всходило солнце, а он, прислонившись к

холодной каменной стене, все смотрел и смотрел невидящим взглядом на ту полосу земли, которую он очистил от всякого жилья, чтобы защитить город.

Мыслями он ушел глубоко в себя и был где-то в далеком прошлом, оглядывая свою прожитую жизнь: теперь, в пятьдесят пять лет, она казалась ему такой же растоптанной и бессмысленно опустошенной, как эта израненная, истерзанная полоса земли, расстилавшаяся впереди. Он перебирал в уме годы, прошедшие после того, как папа Лев принудил его бросить работу над гробницей Юлия. Что он создал за это время, за эти долгие четырнадцать лет?! "Воскресшего Христа", который, как с гневом и печалью сообщил из Рима Себастьяно, был изувечен неловким подмастерьем, устранявшим прослойку камня между ногами и руками статуи и варварски зализавшим при полировке лицо Иисуса. Статую "Победы", которая казалась теперь Микеланджело более сомнительной и неясной, чем в тот день, когда он ее закончил. Четырех "Гигантов", все еще не высвобожденных из своих блоков, стоявших в мастерской на Виа Моцца, "Моисея" и двух "Юных Рабов", оставшихся в Риме, который был разграблен армией захватчиков.

Выходит, ничего, решительно ничего, что было бы завершено, собрано вместе, составило единое целое. А одорукий, покалеченный "Давид" стоял на площади Синьории будто символ побежденной, разгромленной республики.

Осаждены и разгромлены были не только города. Осажден был и человек.

Лоренцо говорил, что разрушительные силы всегда следуют по пятам созидания, сокрушая на своем пути все и вся. Только это лишь и познал, начиная с дней Савонаролы, Микеланджело: резню и сопротивление. Отец и дядя Франческо, возможно, были правы, стараясь вбить ему в голову хоть немного ума-разума. Кого он обогатил или сделал счастливым? Он потратил целую жизнь, часто вынужденный подчиняться чужой воле, сам страдая от своей неистовой гордыни и строптивости, но всегда стремился творить прекрасные, полные мысли и значения мраморы. Он любил искусство скульптора с пеленок, со дня своего рождения. Он хотел лишь вдохнуть в него новую жизнь, воссоздать заново, поднять его, обогатив свежими идеями, новым величием. Неужто он пожелал слишком многого? И для себя, и для своего времени и?

Давно, очень давно, друг его Якопо Галли уверял кардинала Сен Дени: "Микеланджело способен изваять из мрамора самую прекрасную статую, какую только можно видеть ныне в Риме, - ни один мастер нашего времени не сумеет создать ничего лучше".

И вот он сидит ныне здесь, сам себя заточив в укрытии, - сидит на старинной колокольне и страшится сойти вниз, потому что его наверняка повесят в Барджелло: в дни своей юности он повидал там немало повышенных! Какой бесславный конец, а ведь огонь, издавна горевший в его груди, был и чист и ярок!

Между полным звоном колоколов и предрасветным петушиным пением он выходил размять ноги на болотистый берег Арно и, возвращаясь, брал оставленную для него пищу и воду, а также записку, в которой Мини излагал новости. Гонфалоньеру Кардуччи отрубили голову на дворе Барджелло. Джиролами, принявший после него пост гонфалоньера, был увезен в Пизу и отравлен. Фра Бенедетто, священника, вставшего на сторону республики, отправили в Рим и уморили голодом в крепости Святого Ангела. Все, кто бежал из города, были объявлены вне закона, имущество их было конфисковано.

Флорентинцы знали, где скрывается Микеланджело, но затаенная ненависть к папе Клементу, его полководцам и солдатам была столь остра, что его не только не собирались выдавать, но и считали героем.

Лодовико, которого Микеланджело в самые тяжелые дни осады отправил в Пизу вместе с двумя сыновьями Буонаррото, вернулся во Флоренцию без своего младшего внука, Буонарротино. Мальчик в Пизе умер.

В ноябре, в холодный полдень, Микеланджело услышал, как кто-то зовет его с улицы, зовет громко и отчетливо. Глянув вниз с колокольни, он увидел Джованни Спино. Одетый в огромную меховую шубу, тот приложил раструбом ладони ко рту и кричал, задирая голову:

- Микеланджело, спускайся вниз!

Микеланджело стремительно сбежал по винтовой лестнице, перепрыгивая через три ступеньки сразу, отпер дверь и был поражен, увидев, как сияют узкие миндалевидные глаза Спины.

- Папа простил тебя. Он передал через настоятеля Фнджиованни, что если ты объявишься, то с тобой надо будет обращаться милостиво. Пенсию тебе восстановят, и дом подле церкви Сан Лоренцо будет возвращен.

- ...но почему?

- Святой отец хочет, чтобы ты вернулся к работе в сакристии.

Пока Микеланджело собирал свои вещи, Спина осмотрел колокольню.

- Да тут страшная стужа!.. Что ты делал, чтобы согреться?

- Негодовал, - ответил Микеланджело. - Гнев - лучшее топливо, какое я только знаю. Горит и не сгорает.

Выйдя на холодное осеннее солнце и шагая по улицам вдоль фасадов домов, он проводил кончиками пальцев по высеченным из светлого камня блокам, и те понемногу отдавали ему свое тепло. Когда он вспомнил, что ему предстоит вновь работать в капелле, на душе у него стало гораздо отрадней.

Мастерская на Виа Монца оказалась далеко не в идеальном порядке: пытаясь разыскать Микеланджело, ее тщательно обшарили папские солдаты - они заглядывали даже в печную трубу и в сундуки. Однако все в ней было цело, ни один предмет не пропал. В часовне Сан Лоренцо сняли леса, - может быть, священники пустили их на дрова, но мраморы Микеланджело не пострадали. После трех лет войны он мог продолжить работу. Три года!.. Стоя среди своих аллегорических изваяний, он осознал, что время - это тоже инструмент, орудие работы; большое произведение искусства требует, чтобы прошли месяцы, даже годы, прежде чем заложенная в нем энергия чувств обретет отчетливость и твердость. Время играло роль своеобразной закваски - многое и образах Дня, Утра и Богоматери до сих пор ускользало от Микеланджело и только теперь стало ясным; формы скульптур выглядели более зрелыми и крепкими. Произведение искусства делает частное всеобщим. Время же придает произведению искусства вечность.

После легкого ужина в родительском доме Микеланджело пошел в мастерскую на Виа Моцца. Мини там не оказалось. Микеланджело зажег масляную лампу и прошелся по мастерской, трогая и переставляя знакомые предметы, кресла и стулья. Хорошо было тихо посидеть в старом жилище, оглядывая немногие свои вещи: "Битва кентавров" и "Мадонна у лестницы" висели на задней стене, четыре незавершенных "Пленника" все еще стояли посередине мастерской, друг против друга, будто неразлучные друзья. Он вынул папку с рисунками, перелистал их, то полностью одобряя, то где-то заново нанося отрывком пера пронзительно точную линию. Затем он перевернул густо изрисованный лист изнанкой вверх и стал писать, ощущая особый прилив чувства:

Когда удача озаряет нас,
Нежданно зло и беды переспоря,
Овеянному лютой стужей горя
Тяжел бывает избавленья час.
Кто предан до последнего дыханья
Искусству, дару бога и небес.
Тот ведает могущество дерзанья.
Ужель скажу, что долгий путь мой мрачен?
С младенчества я в жертву предназначен
И красоте, и вымыслу чудес!

Баччио Валори, новый правитель Флоренции, поставленный папой Клементом, прислал к Микеланджело нарочного: его звали во дворец Медичи. Микеланджело шел к правителю, недоумевая, зачем он ему понадобился, ведь в свое время, в 1512 году, Валори содействовал изгнанию Содерини из Флоренции. Однако с лица Валори, сидевшего за тем самым столом, где Великолепный вершил судьбами Флоренции, не сходила любезная улыбка.

- Буонарроти, ты мне нужен.

- Синьор, всегда приятно быть нужным.

- Я хочу, чтобы ты начертил для меня план дома. И не откладывая дела надолго. Мне надо строить дом как можно скорее. А помимо того, ты высечешь мне большую мраморную скульптуру, мы поставим ее во дворике.

- Вы оказываете мне уж слишком много чести, - бормотал Микеланджело себе под нос, медленно спускаясь по широкой лестнице. Однако Граначчи пришел от всей этой истории в восторг.

- Тебе выпал случай заворочить врага. Валори ненавидит Общество Горшка.

Он прекрасно знает, что мы все были против Медичи. Если ты исполнишь его просьбу, он смирится и оставит всех нас в покое.

Микеланджело пошел навестить семейство на Виа Гибеллина. Там, на открытом шерстяной тканью кухонном ларе, стоял тот его давно забытый "Давид", которого он когда-то изваял из мрамора, закупленного для него Бэппе. Нога Давида попирала ужасающе мрачную, окровавленную голову Голиафа. Если приложить небольшой труд, пустив в ход резец, голова Голиафа исчезнет, и на ее месте появится круглая сфера... земной шар. Давид станет новым Аполлоном.

Дом на Виа Гибеллина казался опустевшим, заброшенным. Микеланджело тосковал по Буонаррото. Сиджизмондо, все эти три года прослуживший в флорентийской армии, испросил разрешения жить на наследственной земле Буонарроти в Сеттиньяно. Джовансимоне был одержим идеей выключить у Микеланджело денег и вновь открыть шерстяную лавку. Лодовико стал совсем немощен, смерть внука Буонарротино так его поразила, что он даже не мог объяснить, отчего мальчик умер. Лионардо, которому исполнилось одиннадцать лет, был теперь последней надеждой и гордостью семейства, наследником родового имени. Микеланджело уже три года оплачивал его воспитание.

- Дядя Микеланджело, я хочу поступить к тебе в ученики!

- Ты хочешь стать скульптором? - Изумлению Микеланджело не было предела.

- Да, а разве ты не скульптор?

- Скульптор. Но жизнь у скульптора такая, что я не желал бы ее для своего единственного племянника. Будет гораздо лучше, если ты поступишь в ученики к Строцци и начнешь заниматься торговлей шерстью. А до того времени ты, скажем, будешь ходить ко мне в мастерскую и вести у меня счетные книги, вместо твоего отца. Мне нужен человек, который бы записывал доходы и расходы.

Карие глаза мальчугана, в которых поблескивали такие же янтарные крапинки, как у Буонаррото и у самого Микеланджело, радостно загорелись.

Вернувшись в мастерскую на Виа Моцца, Микеланджело увидел, что Мини старательно развлекает какого-то разнаряженного господина - он оказался посланцем от герцога Феррарского.

- Маэстро Буонарроти, я приехал за картиной, которую вы обещали написать моему герцогу.

- Картина готова.

Когда Микеланджело поставил перед феррарцем "Леду с Лебедем", тот застыл в изумлении и с минуту безмолвствовал. Потом он сказал:

- Так это ж пустяк какой-то. А мой герцог ждал, что вы напишете шедевр.

Микеланджело вглядывался в картину, изучая, как легла просохшая теперь темпера, с удовлетворением окидывая взглядом сладострастную Леду.

- Могу я осведомиться, чем вы занимаетесь, синьор?

- Я коммерсант, - высокомерно ответил феррарец.

- Ну, тогда ваш герцог поймет, что как делец вы ни на что не годитесь. А сейчас, прошу вас, освободите от своего присутствия мою мастерскую.

6

Он весь ушел в работу в часовне и вновь стал нанимать мастеровых, кирпичников и плотников. Он не соорудил для своих Аллегорий, как это делал обычно, поворотного круга, а поставил их на большие деревянные подпоры, выбрав то положение, в котором фигуры окажутся в свое время на саркофагах. Он нашел это более разумным: пусть мраморы уже сейчас впитывают в себя тот свет и те тени, какие потом будут падать на них постоянно.

Замыслив четыре полулежащих фигуры для двух гробниц, Микеланджело должен был позаботиться о том, чтобы глаз зрителя был сосредоточен именно на этих изваяниях, а не скользил книзу, под овалы крышек саркофагов. С этой целью торсы фигур ваялись в резком повороте на зрителя, а одна нога у

каждой фигуры была согнута в колене и резко приподнята, тогда как другая касалась своими пальцами самого края саркофага. Крутое движение ноги вверх будет прочней удерживать обращенные друг к другу спинами изваяния на их словно бы совсем ненадежных, покатых ложах.

Все время шли дожди, и в часовне было холодно; медленно сохнувший раствор, которым скреплялись кирпичи оконных проемов, источал пронизывающую сырость. Порой у Микеланджело, даже при напряженной и быстрой физической работе, от промозглой стужи стучали зубы. Вечером, возвращаясь в свою мастерскую на Виа Моцца, он обнаруживал, что в волосах у него застряла влажная слизь, в горле саднило и першило. Но он не хотел считаться ни с какими трудностями, угрюмо решив, что доведет работу до конца к чему история с гробницей Юлия не должна повториться.

Себастьяно, как и прежде, присылал письма из Рима: капелла, где находилось "Оплакивание", была под большой угрозой, но никто не дерзнул поднять руку на мертвого Иисуса, распростертого на коленях матери. "Вакха" наследники Якопо Галли зарыли в землю, в саду, поблизости от старой мастерской Микеланджело, и теперь откопали и установили на месте снова. Он, Себастьяно, принял монашество и назначен хранителем печати у папы, с солидным жалованьем, зовут его теперь Себастьяно дель Пьомбо. Что касается дома Микеланджело на Мачелло деи Корви, то со стен и с потолка там осыпается штукатурка, большая часть мебели исчезла, некоторые строения, расположенные в саду, разорены и пошли на топливо. Мраморы Микеланджело сохранились в целости, но дом надо немедленно ремонтировать. Не может ли Микеланджело прислать на это денег?

Денег у Микеланджело не было, Флоренция еще не оправилась от войны; продовольствия и других товаров в городе было мало, торговля стала невыгодной, и те средства, которые Микеланджело выделял каждый месяц на лавку братьев, не приносили никакого дохода. Валори правил городом твердой, жестокой рукой. Папа Клемент старался разобщить и рассорить во Флоренции те партии, которые еще существовали; пусть они постоянно держат друг друга за горло. Флорентинцы рассчитывали, что в будущем вместо Валори будет править мягкий, добросердечный Ипполито, сын Джулиано, но у папы Клемента были другие планы. Ипполито, хотя он и очень не хотел этого, был возведен в сан кардинала и направлен в Венгрию как командующий итальянских войск, действующих против турок. Собственный сын Клемента - Алессандро, прозванный за свою смуглую кожу и толстые, вывороченные губы Мавром, с большой пышностью был привезен во Флоренцию и сделан пожизненным властителем города. Крайне распушенный, хищный, с неукротимой тягой к разгулу, безобразный на вид юноша, располагая войсками отца, не останавливался ни перед чем, чтобы удовлетворить малейшее свое желание, - он убивал среди дня своих противников, совращал и насиловал девушек, уничтожил в городе последние признаки свободы и быстро привел его в состояние анархии.

Столь же быстро Микеланджело повздорил с Алессандро. Когда Алессандро попросил его разработать план нового форта у Арно, Микеланджело ответил отказом. Когда Алессандро передал Микеланджело, что он желает показать часовню Сан Лоренцо гостившему у него вице-королю Неаполя, Микеланджело запер часовню на замок.

- Твое поведение опасно, - предостерегал его Джованни Спина.

- Я в безопасности, пока не закончу гробницы. Клемент дал это понять совершенно ясно. Ясно это и его твердолобому сыну... иначе меня давно бы не было в живых.

Он сложил свои резцы, вытер мраморную пыль с лица и бровей, посмотрел вокруг себя и весело воскликнул:

- Моя часовня переживет любого Алессандро! И не так уж важно, если сам я сохну.

- Сдохнешь, и очень скоро, - можешь не сомневаться. Ты истощен донельзя, а как страшно ты кашляешь! Почему ты ни разу не погуляешь в солнечные дни за городом, на холмах, почему не лечишь свою простуду? Ведь на твоих костях уже нет, наверное, и фунта мяса!

Микеланджело уселся на край доски, перекинутой между козлами, и сказал раздумчиво:

- Во Флоренции не существует теперь ничего хорошего, кончился всякий порядок. В ней осталось только искусство. Когда я стою перед этим мрамором

- а он называется "День"! - с молотком и резцом в руках, я чувствую, что исполняю закон Моисея и своим искусством как-то возмещаю ущерб, нанесенный духовным вырождением таких грабителей, как Алессандро и его приспешники. Что в конце концов выживет и останется - такие вот мраморные изваяния или разбой и распутство?

- В таком случае хоть разреши мне перевезти эти мраморы в теплое и сухое помещение!

- Нет, Спина. Я должен работать над ними именно здесь. Ведь освещение тут в точности такое, каким оно будет, когда мраморы возлягут на свои саркофаги.

На Виа Моцца в тот вечер Микеланджело нашел записку от Джована Батисты, дядюшки Мини. Батиста писал, что его юнец по уши влюбился в дочку какой-то бедной вдовы и хочет на ней жениться. По мнению дяди, Мини надо было без промедления отослать за границу. Не может ли Микеланджело ему помочь в этом?

Когда Мини возвратился после своих ночных походов, Микеланджело спросил его:

- Ты любишь эту девушку?

- Страстно!

- Это та самая девушка, которую ты так страстно любил прошлым летом?

- Нет, конечно, не та.

- Тогда возьми вот эту картину - "Леду с Лебедем". И эти рисунки. Денег, которые ты за все это выручишь, тебе вполне хватит, чтобы устроить собственную мастерскую в Париже.

- Но "Леда" стоит целого состояния? - еле выговорил изумленный Мини.

- Вот и не прогадай, получи за нее себе это состояние. Пиши мне из Франции.

Едва Мини успел уехать на север, как в дверях мастерской предстал молодой, лет двадцати, человек, назвавшийся Франческо Амадоре.

- Правда, меня зовут еще и Урбино, - застенчиво добавил он. - Священник в церкви Сан Лоренцо сказал мне, что нам нужен человек.

- Какую работу вы себе ищете?

- Я ищу себе, синьор Буонарроти, кров и семью, которых у меня нет. Когда-нибудь я женюсь, и у меня будет своя семья, но до тех пор мне надо работать, и много лет. Родители мои были бедные - кроме этой рубашки на плечах, у меня больше нет ничего ровным счетом.

- Согласны ли вы стать учеником скульптора?

- Учеником прославленного мастера, мессер.

Микеланджело всмотрелся в юношу, что стоял перед ним: одежда у него была потертая, ветхая, но опрятная; был он так тощ, что всюду у него торчали кости, живот впалый, будто парень никогда не наедался досыта; твердый взгляд серых глаз, темные, нечистые зубы и тонкие белокурые волосы пепельного оттенка. Хотя Урбино и нуждался в крове и работе, в манерах его чувствовалось некое достоинство, и душа у него была, видимо, чистая и ясная. Он явно уважал себя, и это Микеланджело понравилось.

- Ну, что ж, давай испытаем друг друга.

Урбино обладал тем благородством духа, которое озаряло все, что он ни делал. Он был так счастлив найти себе наконец какое-то место, что весь будто светился, наполняя отблесками своей радости всю мастерскую, а с Микеланджело обращался так почтительно, словно бы тот был ему отцом. Микеланджело чувствовал, что он все больше привязывается к юноше.

Папа Клемент вновь заставил наследников Юлия согласиться на пересмотр договора, хотя Ровере давно уже гневались и считали себя обманутыми. На этот раз они, не подписывая никаких особых бумаг, условились с папой, что Микеланджело соорудит гробницу, ограничившись только одной стеной, и украсит ее теми фигурами, которые он уже изваял. Микеланджело следовало передать семейству Ровере статуи "Моисея" и двух "Рабов", закончить четырех "Пленников" и отослать их на корабле, вместе с изваянием "Победы", в Рим. Помимо того, ему надо было изготовить рисунки для замышлявшихся, но пока не высеченных фигур, а также выплатить Ровере две тысячи дукатов, чтобы те передали их другому скульптору, который и завершит гробницу. Таким образом, по истечении двадцати семи лет хлопот и треволнений, изваяв восемь больших статуй, за которые ему не удалось получить ни скудо вознаграждения, Микеланджело мог теперь избавиться от ярма, наложенного на

него им же самим.

Чтобы раздобыть две тысячи дукатов и расплатиться с Ровере, Микеланджело хотел было продать один из своих земельных участков или домов. Но никто их не купил бы, так как в Тоскане ни у кого теперь не было денег. Единственным достоянием, которое могло найти себе спрос и за которое можно было получить приличную сумму, являлась его мастерская на Виа Моцца.

- У меня сердце кровью обливается, как подумаю, что ее надо продать, - горько жаловался Микеланджело Спино. - Я люблю эту боттегу.

- Дай-ка я напишу в Рим, - вздыхал Спино. - Может, мы добьемся отсрочки.

Именно эти дни выбрал Джовансимоне для своего визита к Микеланджело, что само по себе было редкостью.

- Я намерен поселиться в большом доме на Виа ди Сан Прокуло, - заявил он.

- Зачем тебе такой громадный дом?

- Чтобы жить на широкую ногу.

- Этот дом сдается жильцам.

- Так не будем его сдавать! Мы не нуждаемся ни в какой плате.

- Может быть, ты и не нуждаешься, а я нуждаюсь.

- Почему же? Ты достаточно богат.

- Джовансимоне, я бьюсь из последних сил и не знаю, как мне выплатить долг Ровере.

- Это ты только отговариваешься. Ты такой же скряга, как отец.

- Скажи, ты когда-нибудь в чем-нибудь нуждался?

- В достойном положении в обществе. Ведь мы благородные горожане.

- Вот и веди себя благородно.

- У меня нет денег. Ты вечно их утаиваешь от нас.

- Джовансимоне, тебе уже пятьдесят три года, и ты никогда не жил на свои средства. Я кормлю тебя почти тридцать пять лет, с тех пор как казнили Савонаролу.

- Что ж, тебя надо благодарить за то, что ты исполняешь свой долг? Ты рассуждаешь так, будто какой-то мужлан или мастеровой. Наш род такой же старинный, как род Медичи, Строцци и Торнабуони. Мы платим налоги во Флоренции вот уже три столетия!

- Ты поешь ту же песню, что и отец, - с досадой бросил Микеланджело.

- Нам дано право пользоваться гербом Медичи. Я хочу укрепить его на фронтоне дома на Виа ди Сан Прокуло, я найму себе слуг. Ты постоянно твердишь, что все, что ты делаешь, - это для блага семейства. Так вот делай что хочешь, но чтобы деньги у нас были!

- Джовансимоне, ты не видишь в чашке молока черного таракана! Нет у меня таких средств, чтобы сделать из тебя флорентийского вельможу.

Скоро Микеланджело узнал, что Сиджизмондо поселился в деревушке под Сеттиньяно и, как простой крестьянин, работает на земле. Он оседлал коня и поехал в эту деревню: действительно, Сиджизмондо шагнул за плугом, погоняя двух белых волов; лицо и волосы у него под соломенной шляпой были мокрыми от пота, на одном сапоге налип навоз.

- Сиджизмондо, да ты работаешь, как мужик!

- Я всего-навсего вспахиваю поле.

- Но зачем? У нас здесь есть арендаторы, пусть они и пахут.

- Я люблю работу.

- Да, но ведь не крестьянскую же! Сиджизмондо, что о тебе подумают, что будут говорить люди? Ведь никто из Буонарроти не работал руками вот уже триста лет.

- А ты сам?

Микеланджело покраснел.

- Я скульптор. Что скажут во Флоренции, когда Там узнают, что мой брат трудится как крестьянин? В конце концов, род Буонарроти - это знатный род, нам дано право на герб...

- Герб меня не прокормит. Я уже состарился и не могу служить в войсках, вот и работаю. Это наша земля, я выращиваю здесь пшеницу, оливы, виноград.

- И для этого непременно надо ходить вымазанным в навозе?

Сиджизмондо посмотрел на свой сапог.

- Навоз дает полю плодородие.

- Я всю жизнь трудился, чтобы сделать имя Буонарроти уважаемым по всей Италии. Неужто ты хочешь, чтобы люди говорили, что у меня есть в Сеттиньяно брат, который ходит за быками?

Сиджизмондо поглядел на двух своих белых работяг и ответил с любовью:

- Быки отличные!

- Да, не спорю, это красивые животные. А теперь иди-ка ты как следует вымойся, оденься в чистую одежду. А плуг свой передай кому-нибудь из наших арендаторов, пусть шагает по борозде он!

Микеланджело ни в чем не мог убедить ни того, ни другого брата. Джовансимоне распустил по Флоренции слух, что Микеланджело сквалыга и мужлан, что он не позволяет своей семье жить так, как ей подобало бы по ее положению в тосканском обществе. Сиджизмондо же говорил в Сеттиньяно всем и каждому, что его брат Микеланджело - аристократ и ломака, воображает, будто род Буонарроти стал уже столь высоким, что его позорит даже честный труд. Так братья добились того чего хотели; Джовансимоне выманил себе денег, а Сиджизмондо получил добавочной земли.

Теперь он был погружен в работу над двумя женскими фигурами - "Утро" и "Ночь". Никогда еще он не ваял, кроме Божьей матери, женщин. У него не было желаний изображать юных, на заре их жизни, девушек, он хотел высечь зрелое, щедрое тело, источник человеческого рода, - крепких, вполне взрослых женщин, которые много потрудились на своем веку и были еще в поре работы, с натруженными, но неукрошенными, неуставшими мышцами. Должен ли он совмещать в себе оба пола, чтобы изваять фигуры истинных женщин? Все художники двуполы. Он высекал "Утро" - еще не совсем проснувшуюся, захваченную на грани сновидения и реальности женщину; ее голова еще сонно покоилась на плече; туго затянутая под грудями лента лишь подчеркивала их объем, их напоминавшую луковицы форму; мускулы живота чуть обвисли, чрево устало от вынашивания плода; весь тяжкий путь ее жизни читался в полузакрытых глазах, в полуоткрытом рте; приподнявшаяся, словно переломленная в локте, левая рука повисла в воздухе и была готова упасть в то мгновение, как только женщина отведет от плеча свою голову, чтобы взглянуть в лицо дня.

Стоило ему отойти на несколько шагов в сторону, и вот он уже работал над мощной и сладострастной фигурой "Ночи": еще юная, желанная, полная животворящей силы, исток и колыбель мужчин и женщин; изысканная греческая голова, покоящаяся на грациозно склоненной шее, глаза, закрытые, покорствующие сну и мраку; чуть заметное напряжение, пронизывающее все члены ее длинного тела, острая, захватывающая пластика плоти, несущая ощущение чувственности, которое он потом еще усилит тщательной полировкой. Когда свет будет свободно скользить по очертаниям молочно-белого мрамора, он еще яснее обрисует женственность форм: твердые, зрелые груди, источник пищи, величественное в своей силе бедро, рука, резко заломленная за спину, чтобы гордо выставить грудь, - прекрасное, изобильно щедрое женское тело, мечта любого мужчины. Ночь, готовая - ко сну? к любви? к зачатию?

Он протер фигуру соломой и серой, раздумывая о том, как его далекие предки этруски высекали свои полулежащие на саркофагах каменные фигуры.

"Утро" он закончил в июне, "Ночь" - в августе: два великих мраморных изваяния заняли у него после того, как он покинул свою колокольню, всего девять месяцев, - его огромная внутренняя энергия потоком лилась в это жаркое и сухое лето. Затем он обратился к мужским фигурам - "Дня" и "Вечера". Он оставлял на головах этих изваяний сильные каллиграфические штрихи резца, не оттачивая поверхность и не полируя, потому что следы инструмента сами по себе давали ощущение мощи и мужественности. У изваяния "Дня", мудрого и сильного мужчины, познавшего всю боль и все наслаждения жизни, голова была повернута над массивным плечом и предплечьем так, что каждый мускул торса уводил взгляд зрителя к спине, которая могла выдержать на себе всю тяжесть мира.

Лицо "Вечера", с глубоко запавшими глазами, костистым носом и небольшой округлой бородой, было лицом самого Микеланджело; чуть склоненная набок, как позднее, опускающееся к горизонту солнце, голова; суровое, с жесткой кожей, лицо, перекликавшееся с фактурой загорелых трудовых рук; крупные, чеканной формы колени скрещенных ног, простертая левая нога, которую

поддерживал неотделанный слой мрамора, выступавший за край гробницы.

Раньше Микеланджело изучал анатомию для того, чтобы постичь, как действуют ткани и мышцы внутри человеческого тела, теперь он обращался с мрамором так, будто это были его собственные ткани и мышцы. Он хотел оставить в этой часовне какую-то часть самого себя, нечто такое, что не могло бы стереть и изгладить время.

Он завершил статую "Вечера" в сентябре.

Пошли дожди, в часовне стало холодно и сыро. Снова Микеланджело исхудал до последней степени. Его кости, сухожилия и хрящи, почти лишенные телесной плоти, не весили, вероятно, и сотни фунтов, а он все вздымал и вздымал молот и резец, перекачивая свою кровь и свои костный мозг и кальций в вены и кости "Дня", "Богоматери с Младенцем", в статую задумчиво сидящего Лоренцо. По мере того как мраморы оживали, обретая трепетную чуткость, силу и страсть, сам он становился все более опустошенным и измученным. Мраморы получали заряд своей вечной энергии из того запаса воли, отваги, дерзания и ума, который таился в его существе, в его теле. Он излил в эти мраморы последние капли сил, но дал им бессмертие.

- Так больше нельзя, ты же знаешь! - Теперь укорял его уже не Спина, а Граначчи, который сам похудел от хлопот и волнений, выпавших на его долю в эти дурные месяцы жизни Флоренции. - Смерть от потворства своим желаниям есть форма самоубийства, независимо от того, чему ты предаешься - работе или вину.

- Если я не буду работать двадцать часов в сутки, я никогда не завершу того, что задумал.

- Можно взглянуть на дело и с другого бока. Если ты проявишь достаточно разума, чтобы отдыхать, ты можешь жить бесконечно и завершишь все, что надо.

- Боюсь, моя бесконечность уже кончается.

Граначчи затряс головой.

- В пятьдесят семь лет у тебя мощь тридцатилетнего человека. Что касается меня, то я... я изнашивался. От любви к удовольствиям. А ты, при твоей сомнительной удачливости, почему-то считаешь, что умереть будет проще и легче, чем жить...

Микеланджело расхохотался впервые за многие недели.

- Граначчи, дружище, как тускла была бы моя жизнь, не будь нашей дружбы. Ведь это только ты... эта скульптура... Ты ввел меня в Сады Лоренцо, ты всегда подбадривал меня.

На лице Граначчи светилась лукавая улыбка.

- Вот ты когда-то клялся не делать никаких надгробий и могильных памятников, а сам большую часть своей жизни потратил на мраморы для могил. Ты все время уверял, что не будешь ваять портреты, а теперь изготовился смастерить их сразу два, в натуральную величину.

- Какую чушь ты несешь, Граначчи.

- А что, разве в твоих нишах будут не портреты?

- Конечно же, нет. Кто будет знать через сто лет, сильно ли похожи мои мраморы на юного Лоренцо и Джулиано? Я хочу изваять универсальные фигуры, олицетворяющие действие и созерцание. В этих фигурах не будет никого в частности, и однако будут все. Любой объект служит для скульптора только телегой, которая вывозит на рынок его идеи и мысли!

Урбино умел читать и писать, грамоте его научили священники в Капель Дуранте. Мало-помалу теперь он оказался на положении слуги как на Виа Гибеллина, так и в мастерской Микеланджело. Лионардо уже учился у Строцци, и Микеланджело поручил Урбино вести свои счетные книги. Урбино рассчитывался с наемными рабочими, платил по счетам и стал играть подле Микеланджело ту роль, которую играл в свои молодые годы Буонарроти, - он был как бы защитником и стражем, который облегчал Микеланджело жизнь, снимая с его плеч докучные дела и заботы. Дружеские чувства Микеланджело к юноше укреплялись все больше.

Он отдыхал, отдавая лепке моделей из глины; для того чтобы глина была жирнее и легче повиновалась его пальцам, он добавлял в нее обрывки ткани; он мял и размазывал эту смесь, облакая ею каркасы. Влажность глины заставляла с такой остротой вспоминать сырую часовню, что у Микеланджело появлялось чувство, будто он воспроизводит своими руками ее хмурое и промозглое пространство. Перейдя от глины к мраморному блоку, он принялся

высекать статую юного Лоренцо - статуя должна была занять нишу над изваяниями "Утра" и "Вечера". Микеланджело постоянно думал об архитектуре всей часовни и, разрабатывая эту фигуру, олицетворявшую созерцание, стремился выразить в ней замкнутость и статичность, отрешенность от внешнего мира. Лоренцо весь должен был быть во власти своего раздумья. И словно для контраста, статуя Джулиано была пронизана движением: ей было предназначено место на противоположной стороне, у гробницы, поддерживавшей мраморы "Дня" и "Ночи". В свободной позе Джулиано чувствовалось как бы круговое движение, не знающее никакого перерыва. Если голова Лоренцо была как бы вдавлена в плечи, то Джулиано порывисто вытянул шею, устремляясь куда-то в пространство.

Но наибольшую радость доставляла ему "Богоматерь с Младенцем". Всеми корнями своей души, каждым своим фибром жаждал он наделить ее божественной красотой: лицо ее сияло любовью и состраданием - этим живым родником человеческого бытия и упования на будущее, божественным средством, благодаря которому род людской, грудь встречая напасти и бедствия, продолжит свое существование.

Подступая к теме матери и ребенка, он нашел столь свежее и яркое ее решение, будто никогда и не работал над нею прежде: острое желание порождало и остроту замысла - младенец, сидя на коленях матери, с силой изогнул свое тельце и жадно потянулся к ее груди; тщательно разработанные, обильные складки платья матери еще усиливали ее внутреннюю взволнованность, передавая то чувство исполненного долга и боли, которое испытывала Богоматерь, пока ее земное прозорливое дитя упивалось найденной им пищей. У Микеланджело возникло теперь веселое и легкое ощущение беззаботности, будто он снова трудился в старой, первой своей мастерской и высекал "Богоматерь" для купцов из города Брюгге... в те прежние дни, когда судьба была к нему еще милостива.

Но это была лишь хмельная взбудораженность, лихорадка. Когда она проходила, он чувствовал себя таким слабым, что еле держался на ногах.

Папа прислал во Флоренцию карету с кучером, приказав Микеланджело ехать в Рим: пусть он немного окрепнет под лучами южного солнца, и, помимо того, папе надо поделиться с ним новым планом. Клемент устроил в Ватикане торжественный обед, пригласив на него друзей Микеланджело по флорентинской колонии; для развлечения гостя тут же было разыграно несколько комедийных пьес. Клемент-заботился о здоровье Микеланджело вполне искренне, словно о здоровье любимого брата, но скоро он открыл и свой замысел: не согласится ли Микеланджело написать на огромной алтарной стене Систины Страшный Суд?

На обеде Микеланджело познакомился с юношей удивительной красоты - его можно было сравнить разве с теми молодыми эллинами, которых Микеланджело написал на заднем плане "Святого Семейства", исполненного по заказу Дони. У юноши были лучистые серо-голубые глаза, напоминавшие флорентийский светлый камень, античной формы нос и рот, словно изваянные Праксителем из мрамора телесного цвета, высокий. Округлый лоб, большой, крепко вырезанный подбородок, расположенный по той же вертикали, что и лоб, продолговатые, симметрично вылепленные щеки с высокими скулами, каштановые волосы, розовато-бронзовая, как у атлета древнегреческих стадионов, кожа.

Высокообразованный и вдумчивый, Томмазо де Кавальери происходил из патрицианской римской семьи. Ему было двадцать два года. Горя желанием стать первоклассным живописцем, он спросил Микеланджело, может ли он попасть к нему в ученики. Обожание, светившееся в глазах Томмазо, граничило с идолопоклонством. Микеланджело ответил, что он должен возвращаться во Флоренцию и заканчивать часовню Медичи, но что он не видит препятствий к тому, чтобы они какое-то время занялись рисованием в Риме. И они действительно занялись. Микеланджело очень льстило, с какой обостренной пристальностью Томмазо следил за его чудодейственным летучим пером. Микеланджело нашел, что Томмазо одаренный художник, прилежный труженик и человек тонкой души. Томмазо прекрасно умел как бы устранить тридцатипятилетнюю разницу в их возрасте, и в его присутствии Микеланджело чувствовал себя совсем молодым, мог весело смеяться и забыть многие свои горести. Расставаясь, они дали слово писать друг другу. Микеланджело предложил прислать Томмазо из Флоренции свои рисунки, специально для того, чтобы тот по ним учился. Он обещал также дать ему знать, когда вновь приедет в Рим к папе.

Вернувшись во Флоренцию, он принялся за работу в часовне. Чувствовал он себя освеженным и к весне уже забыл все свои мысли о скорой смерти. Обработывая поверхность двух мужских статуй, он прибегнул к тому способу перекрестной штриховки, которому когда-то учил его в рисунке пером Гирландайо: одна сетка каллиграфических линий, нанесенных двузубым резцом, покрывалась другой, прочерченной закругленной скампеллю. Штрихи эти пересекались под прямым углом, так что сравнительно тонкий след двузубого резца не совпадал с более грубыми и выпуклыми рубчиками скампелли. Фактура кожи на этих изваяниях Микеланджело обрела ту эластичную напряженность и упругость, какая присуща живой ткани. А на щеках Богородицы он добивался фактуры нежной и гладкой, как речной гольш.

Красота ее лица была чистой и возвышенной.

7

Время можно было уподобить не скалистой горе, а реке; оно меняло скорость своего течения, так же как и свое русло. Оно могло вздуться, захлестнуть свои берега или высохнуть, еле просачиваясь узеньким ручейком; оно могло вольно литься, чистое и ясное, по своему ложу или могло вбирать в себя всякую муть и мусор и выбрасывать загрязненные обломки на поворотах и излучинах. Когда Микеланджело был молод, любой день воспринимался им по-особому; у каждого из них был свой лик, свое тело, содержание и форма; день был целен и неповторим, его можно было занумеровать, записать и запомнить.

Теперь время как бы растворилось: недели и месяцы текли однообразным потоком, со все возрастающей скоростью. Он взваливал на себя столько работы, что сама ткань времени изменилась для него, а границы времени стали неразличимы. Годы уже не казались ему отдельными блоками, а каким-то нагромождением, Апуанскими Альпами, которые человек для своего удобства разбивает на отдельные вершины и утесы. Может быть, недели и месяцы стали короче или он спутал счет, приняв какую-то другую меру? В прошлом у времени были очертания, оно было твердое, с прочными краями. Теперь оно стало зыбким, текучим. Облик времени ныне, казалось ему, отличался от прежнего так же резко, как ландшафт Римской Кампании от ландшафта Тосканы. Когда то он думал, что время неизменно от века, что оно везде и для всех одно и то же, теперь он убедился, что время так же разнообразно, как человеческие характеры или погода. По мере того как 1531 год становился 1532-м и 1532-й сокращался и переходил в 1533-й, Микеланджело спрашивал себя:

"Куда бежит время?"

Ответ был достаточно прост: оно бежит, чтобы стать из аморфного реальным, превратиться в частицу жизненной силы - в "Богородицу с Младенцем", в "Утро", в "Вечер", в "Ночь", в изваяния юных Медичи. Он не мог понять только того, что время сокращалось в зависимости от угла зрения, как сокращается порой пространство. Когда он стоял на холме, оглядывая Тосканскую долину, ближайшая часть лежавшего перед ним пространства была с ясностью видна во всех ее подробностях; более дальняя часть, будучи столь же емкой и обширной, казалась сдавленной, сплюсненной, сжатой, будто это была не далеко простертая, огромная равнина, а полоса узкого поля. То же происходило и со временем, если касаться отдаленной, давней поры жизни человека: как бы пристально ни вглядывался он в пролетающие, текущие на его глазах часы и дни - все равно они казались короче, чем широко раскинувшаяся начальная часть его жизни.

Он высек крышки двух саркофагов - они были чистых и скупых линий, овальные их плоскости заканчивались изящными волютами; в верхней части несущих колонн он изваял несколько простых листьев. Работа над Речными Божествами или символами Неба и Земли, которых он было замыслил и начал уже готовить, совсем не продвигалась. Под выдававшимся вперед плечом Ночи

он изваял маску, а в углу, образованном поднятым коленом, поместил изображение совы. И больше он не добавлял ни одной детали. Красота человека для него всегда была альфой и омегой искусства.

Слухи о том, что создает Микеланджело в часовне, распространились по всей Италии; а затем и Европе. Ему приходилось принимать у себя порой крупных художников, которые рисовали и что-то записывали, в то время как он продолжал работать. Скоро эти посещения стали действовать ему на нервы. Один изысканно одетый вельможа спрашивал:

- Как вы додумались до того, чтобы высечь эту потрясающую фигуру Ночи?

- Я взял блок мрамора, в котором была заключена эта статуя. Мне оставалось только отсечь небольшие куски, покрывавшие фигуру и мешавшие ее увидеть. Для каждого, кто умеет это делать, нет ничего легче.

- Придется мне послать своего слугу, не найдет ли он такие блоки, в которых скрываются статуи.

Микеланджело съездил в Сан Миниато аль Тедеско на свидание с папой Клементом, который остановился там по дороге на свадьбу Катерины де Медичи, дочери Лоренцо, сына Пьеро, вышедшей замуж за дофина Франции. Он получил огромное наслаждение от бесед с кардиналом Ипполито, состоявшим теперь при папе, и с Себастьяне дель Пьомбо, по-прежнему любимцем Клементя.

И вот Микеланджело снова оказался внутри четырехугольника, образованного капеллой Медичи, где он ваял, домом напротив, где он готовил модели, и мастерской на Виа Моцца, где он жил и где за ним присматривал Урбино. Опять он страшно исхудал, таким он раньше себя и не помнил - кожа да кости. Но он испытывал великое удовлетворение оттого, что его окружали теперь, помогая завершить убранство часовни, хорошие скульпторы: Триболо должен был изваять по моделям Микеланджело фигуры Неба и Земли, Анджело Монторсоли - высечь фигуру Святого Козмы; работал в часовне, закончив к тому времени статуи двух пап Пикколомини, и Рафаэлло да Монтелупо, сын старого друга Микеланджело - Баччио, потешника и паяца Садов Медичи. Порой, по ночам, Микеланджело, чтобы отвлечься, брал в руки карандаш и бумагу и набрасывал рисунки, стараясь выяснить, что он способен сказать по поводу Страшного Суда.

Бандинелли закончил своего "Геракла", заказанного папой Клементом. Герцог Алессандро распорядился установить статую на площади Синьории, напротив Микеланджелова "Давида", а дворец Синьории переименовал в Старый дворец - Палаццо Веккио, так как Флоренция была лишена теперь права избирать свой правительственный Совет. Народ не хотел, чтобы статуя Бандинелли была на площади, и так возмущался этим, что Бандинелли пришлось ехать в Рим и испрашивать у папы формальный приказ об установлении "Геракла". Микеланджело пошел с Урбино на площадь Синьории посмотреть на статую. Ночью кто-то налепил на нее исписанные листка бумаги, она трепетала теперь на ветру. Микеланджело поморщился, глядя на бессмысленно вздутые мускулы изваяния. Прочтя рифмованные строчки на одном из листков, он хмуро заметил:

- Бандинелли будет не очень-то приятно, когда он ознакомится с этими песнопениями.

Он понял теперь, как прав был Леонардо да Винчи, когда он говорил ему в Бельведере:

- Изучив ваш плафон, художник должен проявить чрезвычайную осторожность, чтобы не стать в своих работах деревянным, слишком подчеркивая структуру костей, мускулов и сухожилий... А что будет с живописцами, которые попытаются пойти дальше вас?

Микеланджело понял теперь, о чем говорил ему в тот день Леонардо.

- Не доверяйте же переворота в искусстве. Оставьте что-нибудь и на долю тех, кто пойдет по вашим стопам.

Но если бы он и постиг полностью мысли Леонардо в ту пору, то все-таки что он мог бы сделать?

Подобно какому-нибудь каррарскому камелому, он был приверженцем своей кампанилы и постоянно прохаживался вокруг соборной колокольни Джотто, словно это был центр вселенной. Но Флоренция стала теперь безразлично-покорным городом, ее свободу удушил герцог Алессандро.

Поскольку вместе с политической свободой на том же кровавом ложе было удушено и искусство, то те, кто раньше принадлежал к Обществу Горшка, в большинстве своем разъехались по другим городам. Флоренции поры правления первых Медичи уже не существовало. Величавые мраморы Орканьи и Донателло по-прежнему украшали ниши Орсанмикеле, на флорентинцы ходили по улицам с опущенными головами. Появление Мавра, "отродья Мула", нанесло, после бесконечных войн и поражений, как бы последний удар прямо в душу города. Проходя на площади Синьории мимо "Льва" Мардзокко, Микеланджело отворачивался. Он даже не мог заставить себя восстановить отломленную руку "Давида" - ему не хотелось этого делать, пока не восстановлена республика и величие Флоренции, столицы искусства и интеллектуальной жизни, которую называли Афинами Европы.

В девяностый день рождения Лодовико, в июне 1534 года, стояла чудесная солнечная погода. Теплый воздух был изумительно прозрачен. Флоренция сверкала в оправе своих холмов, как драгоценный камень. Микеланджело собрал на торжество остатки семейства Буонарроти. За обеденным столом сидел Лодовико, столь ослабевший, что его приходилось подпирать подушками, бледный и худой от затянувшейся болезни Джовансимоне, молчаливый Сиджизмондо, все еще одиноко живший на наследственной земле, где родились все собравшиеся; тут же была и Чекка, семнадцатилетняя дочь Буонаррото, и юный Лионардо, заканчивавший срок ученичества у Строцци.

- Дядя Микеланджело, ты обещал снова открыть шерстяную лавку отца, как только я вырасту и смогу управлять ею.

- Я так и сделаю, Лионардо.

- А скоро? Мне уже пятнадцать лет, и я знаю, как вести дело.

- Скоро, Лионардо. Как только у меня появятся деньги.

Лодовико съел лишь несколько ложек супа, поднося их ко рту дрожащими руками. Не дождавшись конца обеда, он попросил отвести его в постель. Микеланджело поднял отца на руки. Тот весил не больше чем вязанки хвороста, которые Микеланджело применял для укрепления стен у колокольни Сан Миниато. Он уложил отца в кровать, осторожно закутал его в одеяло. Старик слегка повернул голову, так, чтобы видеть свой похожий на пирог стол и свои счетные книги, аккуратно сложенные в стопки. Улыбка скользнула по его серым, как пепел, губам.

- Микеланьоло. Это было ласкательное, домашнее имя. Лодовико не называл его так уже много-много лет.

- Слушаю, отец.

- Я хотел... дожить... до девяноста.

- Вот вы и дожили.

- ...но это было тяжело. Я трудился... каждый день... постоянно... чтобы только выжить.

- Что ж, и хорошо потрудились, отец.

- А теперь... я устал.

- Так отдыхайте! Я притворю двери.

- Микеланьоло?..

- Да, отец?

- ...ты позаботишься... о мальчиках... Джовансимоне... Сиджизмондо?

Микеланджело подумал: "Мальчики! Им давно за пятьдесят!" Вслух он сказал:

- Наша семья - это все, что у меня осталось, отец.

- Ты купишь... Лионардо... лавку?

- Как только он подрастет.

- А Чекке... дашь приданое?

- Да, отец.

- Тогда все хорошо. Я старался, чтобы семья была... вместе. У нас дела шли на лад... снова появились деньги... состояние... которое потерял мой отец. Я прожил жизнь... не напрасно. Пожалуйста, позови священника из церкви Санта Кроне.

Лионардо сбегал за священником. Лодовико скончался тихо, окруженный тремя сыновьями, внуком и внучкой. На щеках у него был такой румянец и лицо казалось таким спокойным, что Микеланджело не верилось, что отец умер.

Теперь, лишившись отца, он почувствовал себя странно одиноко. Всю свою жизнь он прожил без матери, да и отцовской любви, привязанности и

понимания он тоже не знал. Но что было теперь об этом думать, - все равно он любил отца, как, на свой суровый тосканский манер, любил его и Лодовико. Без отца на свете будет пусто, очень пусто. Лодовико причинял ему бесконечные муки, но не вина Лодовико, если только один из пятерых его сыновей умел добыть себе хлеб. Потому-то Лодовико и приходилось заставлять Микеланджело работать так усердно и так тяжело: кому-то надо было заменить остальных четырех, которые не могли внести никаких утешительных цифр в те счетные книги, что лежали на столике, похожем на пирог. И Микеланджело гордился тем, что он утолил честолюбие отца, что отец скончался с ощущением достигнутого успеха.

В эту ночь он сидел в своей мастерской, с открытыми окнами в сад, писал при свете лампы. Вдруг, в какую-то минуту, и сад, и его комнату заполнили тысячи налетевших маленьких белых мушек - из тех, что называют манной небесной. Они густою сетью вились вокруг лампы и его головы, шелестели крыльями, как птицы. Покружившись, они тут же падали мертвыми, усыпав мастерскую и деревья в саду так, будто только что выпал небольшой мягкий снежок. Микеланджело смыл толстый слой насекомых с верстака, взял перо и стал писать:

О нет, удел не худший - умереть,
Кому дано у божьего престола
Пространный путь свой ясно обозреть.

Когда, отторгнув от земного дола,
Мне бог позволит встретиться с тобой,
То пусть, страшась господнего глагола,

Утихнет страсть, а чистый разум мой
Достоин будет божьей благодати,
Святой любви, назначенной судьбой.

Он стоял в часовне, один, под куполом, который он спроектировал и построил, среди стен, выложенных светлым камнем и мрамором, которые так прекрасно сочетались. "Лоренцо, Созерцатель", был уже в своей нише; "Джулиано" сидел на полу, еще не совсем обработанный. Под плечи "Дня", последней из семи фигур, были подставлены деревянные блоки; та часть спины этого могучего мужского тела, которой надлежало быть обращенной к глухой стене, оставалась неотделанной. Лицо, повернутое к зрителю через приподнятое плечо, напоминало орла, неподвижно смотревшего на мир своими глубоко посаженными глазами, волосы, нос и борода в грубых штрихах резца казались вырубленными из гранита - тут был заключен необыкновенный, овеянный чем-то первобытным контраст с тщательно отполированной гладью огромного выпяченного плеча.

Закончена ли теперь часовня? После четырнадцати лет труда?

Стоя между расположенными по обе стороны, у стен, изящнейшими саркофагами, на каждом из которых скоро будет водружено по две гигантских фигуры - "Утра" и "Вечера", "Дня" и "Ночи", глядя на дивную "Богоматерь с Младенцем", усаженную напротив широкой боковой стены, Микеланджело чувствовал, что он изваял все, что хотел изваять, и сказал все, что хотел сказать. Для него часовня Медичи была закончена. Он был уверен, что Великолепный поблагодарил бы его и с удовлетворением принял бы эту часовню и эти изваяния вместо того фасада, создать который ему так хотелось.

Микеланджело схватил лист рисовальной бумаги и набросал на нем указания трем своим скульпторам-помощникам: поместить "День" и "Ночь" на одном саркофаге, "Вечер" и "Утро" - на другом. Он положил записку на струганый дощатый стол, прижав ее обломком мрамора, зашагал к дверям и вышел из капеллы, ни разу не оглянувшись.

Урбино увязывал его седельные сумки.

- Ты все сложил, Урбино?

- Все, кроме папок с рисунками, мессер. Через пять минут уложу и их.

- Заверни папки в мои фланелевые рубахи, будет надежней.

Они сели с Урбино на коней, поехали по улицам и, миновав Римские ворота, оказались за городом. Въехав на холм, Микеланджело придержал лошадь и, повернувшись, поглядел на Собор, Баптистерий и Кампанилу, на

коричневую башню Старого дворца, поблескивавшую в лучах сентябрьского солнца. Он окинул взором весь изысканно благородный город, раскинувшийся под своими кровлями из красной черепицы. Тяжело покидать родное гнездо, тяжело думать, что, приближаясь к седьмому десятку, нельзя с уверенностью рассчитывать на то, что еще раз сюда вернешься.

Он тронул коня, решительно повернув на юг, к Риму.

- Давай пошевеливай, Урбино. Ночевать будем в Поджибонси; там у меня есть одна знакомая гостиница.

- А мы доедем до Рима завтра к вечеру? - с волнением спрашивал Урбино.
- Какой-то он есть, этот Рим!

Микеланджело принялся было рассказывать о Риме, но душу его томила слишком глубокая грусть. Он совершенно не представлял себе, что его ждет в будущем, хотя и чувствовал, что его собственная война, длившаяся так долго, по-видимому, кончилась. Пусть звездочеты-астрологи, толпившиеся у Римских ворот, кричали ему, что у него впереди еще треть жизни, и две из четырех, отпущенных на его век, любовных историй, и самая долгая и кровопролитная битва, и несколько самых прекрасных из его скульптурных, живописных и архитектурных работ. Он хорошо помнил, с каким презрением относился к астрологии Великолепный, и, перебирая теперь в уме предсказания звездочетов, горько усмехался.

И все же звездочеты не ошибались.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ. ЛЮБОВЬ

1

Проезжая Народные ворота, он пришпорил коня. Рим, после недавней войны, показался теперь еще более разбитым и опустошенным, чем это было в 1496 году, когда Микеланджело впервые его увидел. Микеланджело осмотрел свое полуразвалившееся жилище на Мачелло деи Корви. Большая часть обстановки была расхищена, исчезли матрацы, кухонная утварь и посуда, кто-то украл и опорные блоки для гробницы Юлия. "Моисей" и "Пленники" оказались в целости. Микеланджело обошел комнаты, заглянул в разросшийся, запущенный сад. Придется штукатурить и красить стены, настилать новые полы, заново обзаводиться мебелью. Из пяти тысяч дукатов, полученных за работу в часовне Медичи, - это был весь его заработок за последние десять лет, - он сумел сберечь и привезти с собой в Рим лишь несколько сотен.

- Урбино, нам надо всерьез заняться домом.

- Мессер, я отремонтирую его сам.

Через два дня после приезда Микеланджело в Рим в Ватикане скончался папа Клемент Седьмой. В несказанной радости горожане высыпали на улицы. Ненависть к Клементу дала себя знать и во время его похорон несмотря на всю их пышность: народ считал папу виновным в разграблении и позоре Рима. Микеланджело вместе с Бенвенуто Челлини нанес ему визит за день до его смерти. Папа был в хорошем расположении духа, рассуждал о новой медали, которую хотел выбить Челлини а с Микеланджело поговорил о замысле "Страшного Суда". Хотя кузен Джулио причинил Микеланджело немало страданий, все же теперь в душе у него было чувство утраты: ведь ушел из жизни его сверстник, последний человек из того круга, в котором он провел свои отроческие годы во дворце Медичи.

Целых две недели, пока коллегия кардиналов выбирала нового папу, Рим

жил словно бы затаившись, задержав дыхание. Исключение составляла одна лишь флорентийская колония. Попав во дворец Медичи, Микеланджело убедился, что он был затянута в траурные драпировки только снаружи. Внутри же дворца царил ликование: там бурно радовались смерти Клемента флорентинцы-изгнанники. Теперь уже никто не будет оказывать покровительство сыну Клемента Алессандро; теперь можно добиваться того, чтобы его заменил Ипполито, сын всеми любимого Джулиано.

Кардинал Ипполито, молодой человек двадцати пяти лет, встретил Микеланджело, стоя наверху лестницы дворца; его бледное, с патрицианскими чертами лицо освещала ласковая улыбка, иссиня-черные волосы были прикрыты красной шапочкой. По темно-красному бархату, поперек груди, шла полоса крупных золотых пуговиц. Микеланджело почувствовал, как кто-то положил руку ему на плечо, и, обернувшись, увидел кардинала Никколо Ридольфи - у него, как и у его матери, была легкая тонкая фигура и карие искрометные глаза.

- Может, вы поживете здесь, в нашем дворце, пока ваш дом не отремонтируют? - сказал Ипполито.

- Так пожелала бы и моя покойная мать, - добавил Никколо.

Микеланджело окружили старые его друзья. Тут были гости из многих флорентинских семей: Кавальканти, Ручеллаи, Аччаюоли, Оливьери, Пацци; был бывший наместник папы Клемента во Флоренции Баччио Валори; были Филиппе Строцци и его сын Роберто; кардинал Сальвиати-старший и кардинал Джованни Сальвиати, сын Якопо; был Биндо Альтовити. В Риме жило теперь великое множество семей, бежавших из родного города, - Алессандро лишил их всякого имущества, влияния в власти.

Со смертью папы Клемента им уже не надо было скрывать свои чувства и сохранять осторожность. Подспудный, тайный заговор, ставящий целью изгнать Алессандро из Флоренции, вылился теперь в открытое движение.

- Вы поможете нам в этом деле, Микеланджело? - допытывался у него Джованни Сальвиати.

- Конечно, помогу, - отвечал Микеланджело. - Алессандро - это дикий зверь!

Услышав это слова, все одобрительно зашумели. Никколо сказал:

- Существует только одно серьезное препятствие: Карл Пятый. Если император будет на нашей стороне, мы можем двинуться на Флоренцию и свергнуть Алессандро. Горожане восстанут и поддержат нас.

- Но чем же именно я могу вам помочь?

За всех ответил Якопо Нарди, флорентийский историк:

- Император Карл не очень-то жалуется искусство. Тем не менее нам стало известно, что он выразил интерес к вашей работе. Могли бы вы изваять или написать что-нибудь специально для него, если бы это содействовало нашим планам?

Микеланджело заверил, что он готов пойти на это. После обеда Ипполито сказал:

- Конюшни над проектом которых работал для моего отца Леонардо да Винчи, отстроены. Не хотите ли их осмотреть?

В первом же стойле, под брусьями высоких стропил, Микеланджело увидел белоснежного арабского скакуна. Он погладил длинную теплую шею лошади.

- Какой красавец! Будто чудесный блок мрамора.

- Пожалуйста, примите коня в подарок.

- Благодарю, это невозможно, - ответил Микеланджело - Только сегодня утром Урбино разобрал последний наш старый сарай. Такого чудесного жеребца у меня и держать-то негде.

Но когда Микеланджело вернулся домой, он застал там такую картину: Урбино стоял в саду и опасно держал коня под уздцы. Микеланджело снова потрепал скакуна по белой прекрасной шее.

- Как ты думаешь, - спросил он Урбино, - принять его или отказаться?

- Мой отец говорил, что принимать подарок, который требует пищи, никогда не надо.

- Но как же не взять такое великолепное животное? Придется купить лесу и построить для него конюшню.

Микеланджело вновь и вновь спрашивал себя, хватит ли у него силы взвалить на свои плечи такое тяжелое бремя, как "Страшный Суд". Чтобы расписать алтарную стену Систины, потребуется не меньше пяти лет: это

будет самая большая стена в Италии, отведенная под одну фреску. Но ремонт и меблировка дома уже пожирала у Микеланджело дукаты, и он понял, что скоро столкнется с нуждой.

Бальдуччи, теперь уже воспитывавший множество внуков, сильно раздался вширь, но нисколько не сторбился – мясо нарастало на нем крепкое, щеки пылали румянцем. Выслушав Микеланджело, он раскричался:

- Ну конечно, у тебя худо с деньгами! Иначе и быть не может: сколько лет ты жил во Флоренции, не прибегая к помощи такого финансового гения, как я! Отдавай мне все деньги, какие заработаешь, и я помешу их так, что ты будешь богат и независим!

- Есть во мне, Бальдуччи, какое-то свойство, что деньги просто уплывают от меня. Дукаты словно бы говорят себе: "Э, такой человек не предоставит нам спокойного жилища и не даст размножаться. Поищем-ка другого хозяина". Как ты думаешь, кто будет новым папой?

- Хотел бы узнать у тебя.

От Бальдуччи Микеланджело направился к Лео Бальони, в тот же знакомый дом на Кампо деи Фиори. Лео, с львиной гривой волос и гладким, не тронутым морщинами лицом, жил прекрасно: не без содействия Микеланджело на первых порах он стал доверенным лицом папы Льва, а потом и папы Клемента.

- Теперь я готов подать в отставку, – говорил Лео, усадив Микеланджело за обед в чудесно обставленной столовой. – У меня было столько денег, столько женщин и приключений, что дай бог каждому. А сейчас мне пора на покой – пусть будущий папа управляет со своими делами сам.

- А кто будет следующим папой?

- Этого никто не знает.

Наутро, чуть свет, к Микеланджело явился герцог Урбинский – за ним шел слуга, держа в руках кожаный портфель с текстами четырех договоров на гробницу Юлия. Герцог был свирепым мужчиной, лицо его напоминало изрытое траншеями поле битвы, на правом бедре у него висел смертоносный кинжал. Микеланджело не встречался со своим врагом двадцать с лишним лет: впервые он видел его на коронации папы Льва. Герцог заявил, что стена для гробницы Юлия в церкви Сан Пьетро ин Винколи, в которой Юлий служил в бытность кардиналом Ровере, готова. Герцог вынул из портфеля последний договор с Микеланджело, подписанный в 1532 году, – договор этот "освобождал, разрешал и избавлял Микеланджело от обязательств по всем договорам, учиненным прежде", – и швырнул бумагу к ногам Микеланджело.

- Теперь не существует уже никаких Медичи, никаких твоих защитников и покровителей! Если ты не исполнишь этот последний договор к маю будущего года, как в нем указано, я заставлю тебя выполнить другой, договор – от тысяча пятьсот шестнадцатого года! Ты должен по нему сделать нам двадцать пять статуй крупных, больше натуральной величины. Те самые двадцать пять статуй, за которые мы с тобой уже расплатились.

Стиснув рукоять кинжала, герцог стремительно вышел из мастерской.

Микеланджело до сих пор не пытался перевезти из Флоренции ни четырех своих незавершенных "Гигантов", ни "Победителя". Решение строить гробницу не круглой, а примыкающей к стене очень радовало его, однако он опасался, что его огромные статуи не подойдут по своим размерам к мраморному фасаду гробницы. Чтобы исполнить условия договора, Микеланджело должен был изваять для семейства Ровере еще три статуи. Из блоков, хранившихся в саду, он стал высекать "Богоматерь", "Пророка" и "Сивиллу". Это будут, считал он, сравнительно небольшие фигуры, и они не доставят много хлопот. Он был уверен, что и наследники Ровере останутся довольны; архитектурное чутье диктовало ему, что новый проект требует именно таких пропорций. К маю следующего года, как гласил договор, он закончит эти три малых изваяния, и его помощники получат возможность собрать всю гробницу в церкви Сан Пьетро ин Винколи.

Но завершить гробницу Юлия все же не удалось: судьбы тут были враждебны как к герцогу Урбинскому, так и к Микеланджело. Одиннадцатого октября 1534 года коллегия кардиналов избрала на папство Алессандро Фарнезе. Фарнезе воспитывался у Лоренцо Великолепного, но Микеланджело не знал его, попав во дворец в то время, когда тот уже уехал из Флоренции в Рим. На всю жизнь Фарнезе воспринял от Великолепного любовь к искусству и наукам. Когда его необычайно красивая сестра Юлия была взята папой Александром Шестым в наложницы, Фарнезе назначили кардиналом. Попав в распущенную среду двора

Борджиа, он прижил от двух любовниц четырех незаконных детей. Так как Фарнезе возвысился лишь благодаря влиянию сестры, Рим насмешливо называл его "кардиналом нижней юбки". Однако в 1519 году он принял постриг и с тех пор отверг плотские удовольствия, ведя примерный образ жизни.

Папа Павел Третий прислал в дом на Мачелло деи Корви гонца: не пожалует ли Микеланджело Буонарроти сегодня к вечеру в Ватиканский дворец? Святой отец должен сообщить Микеланджело нечто важное. Микеланджело отправился в бани на Виа де Пастини, где цирюльник подровнял ему бороду и вымыл волосы, начесав их на лоб. Сидя в спальне и глядя на себя в зеркало, пока Урбино помогал ему надеть горчичного цвета рубашку и плащ, он с удивлением заметил, что янтарные крапинки в его глазах стали тускнеть и что вмятина его носу уже не кажется такой глубокой.

- Вот чудеса-то! - ворчал он, нахмурясь. - Теперь, когда моя физиономия уже ничего для меня не значит, я выгляжу, пожалуй, не столь безобразным, как прежде.

- Если вы не станете следить за собой, - усмехнулся Урбино, - то скоро вас начнут путать с вашими скульптурами.

Войдя в малый тронный зал Ватикана, Микеланджело застал папу Павла Третьего за оживленной беседой с Эрколе Гонзага, кардиналом Мантуанским, - то был сын высокоученой Изабеллы Эсте, человек превосходного вкуса. Микеланджело опустился на колени, поцеловал у папы перстень. Глядя на нового первосвященника, Микеланджело мысленно набрасывал рисунок; узкая голова, умные, пронизательные глаза, длинный тонкий нос, нависший над белоснежными усами, впалые щеки и тонкогубый рот, говорящий о преодоленном сластолюбии и о любви к красоте.

- Сын мой, я считаю добрым предзнаменованием, что ты будешь работать в Риме в годы моего понтификата.

- Ваше святейшество, вы очень добры.

- Я скорее корыстен. Ведь нескольких моих предшественников люди будут помнить только потому, что они были твоими заказчиками.

Услышав такой комплимент, Микеланджело учтиво поклонился.

- Я хотел бы, чтобы ты служил мне, - с чувством произнес папа.

Микеланджело помолчал, выдерживая ту паузу, которую внутренне отсчитывает каменотес между ударами молота: раз-два-три-четыре.

- Как я мог бы служить вам, ваше святейшество?

- Продолжив работу над "Страшным Судом".

- Святой отец, я не могу взяться за столь обширный и тяжелый заказ.

- Почему же?

- По договору с герцогом Урбинским я обязан закончить гробницу папы Юлия. Герцог грозился обрушить на меня всяческие беды, если я не буду работать над одной только гробницей.

- Неужто папский престол убоится вельможного воителя? Забудь думать об этой гробнице. Я хочу, чтобы ты во славу нашего понтификата завершил убранство Сикстинской капеллы.

- Святой отец, вот уже тридцать лет, как я мучаюсь, отвечая за свой грех, - ведь договор подписан моею рукой.

Павел поднялся с трона, голова его в красной бархатной шапочке, отороченной горностаем, дрожала.

- Вот уже тридцать лет, как мне хочется заполучить тебя на свою службу. Теперь я папа - так неужели же мне не позволено удовлетворить это желание?

- Как видите, святой отец, ваши тридцать лет и мои тридцать лет столкнулись лбами.

Гневным жестом Павел сдвинул красную бархатную шапочку на затылок и воскликнул:

- Я говорю, что ты будешь служить мне, - и все остальное меня не касается!

Микеланджело поцеловал папский перстень, и, пятясь вышел из тронного зала. Скоро он уже сидел в своем старом домашнем кожаном кресле и раздумывал, что ему делать. Вдруг резкий, требовательный стук в дверь заставил его вскочить на ноги. Урбино ввел в комнату двух стражников-швейцарцев - эти громадные русоволосые воины были в одинаковых желто-зеленых мундирах. Они кратко объявили, что завтра перед обедом Микеланджело Буонарроти должен будет принять у себя его святейшество Павла Третьего.

- Я найму женщин, которые хорошенько приберут у нас, - говорил невозмутимый Урбино. - А чем обычно закусывает святой отец и его свита? Вот беда: никогда не видел живого папы, разве что во время уличных шествий.

- Вот бы и мне тоже видеть его только во время уличных шествий! - утрюмо проворчал Микеланджело. - Купи, Урбино, изюмного вина и печенья. И расстели на столе нашу лучшую флорентийскую скатерть.

Вызвав немалое волнение на площади перед форумом Траяна, папа Павел приехал вместе с кардиналами и слугами. Он милостиво улыбнулся Микеланджело, потом быстро прошел к статуе "Моисея". Кардиналы окружили изваяние, образовав сплошное поле красных сутан. По первому взгляду, который папа Павел украдкой бросил Эрколе Гонзага, было ясно, что мантуанский кардинал считался в Ватикане признанным знатоком искусства. Гонзага отступил от статуи, вытянув, как петух, голову, глаза его горели.

- Одного такого "Моисея" вполне достаточно, чтобы воздать честь папе Юлию, - произнес кардинал, и в голосе его звучали одновременно и гордость, и благоговение, и благодарность. - Ни один человек не вправе желать себе памятника более великолепного.

Папа Павел заметил задумчиво:

- Как было бы хорошо, Эрколе, если бы это сказал не ты, а я. - Затем, повернувшись к Микеланджело, добавил: - Ты видишь, сын мой, я не ошибался. Напиши же для меня "Страшный Суд". Я сумею договориться с герцогом Урбинским, и он примет "Моисея" и этих двух "Пленников" прямо из твоих рук.

2

Когда он был молод, ум его тревожили замыслы гигантского размаха. Однажды в Карраре он хотел превратить в изваяние целый мраморный утес, с тем чтобы его работа служила маяком на Тирренском море. Но в эту ночь, беспокойно ворочаясь в своей кровати, он спрашивал себя: "Где я возьму силы заполнить росписью столь огромную стену, на которую даже не хватит всех сикстинских фресок Гирландайо, Боттичелли, Росселли и Перуджино, вместе взятых?" Конечно, ему не надо будет лежать на спине и писать на потолке прямо над головой, но времени эта стена потребует не меньше, чем весь плафон, и изнурит она его тоже до последней степени. Как найти в себе в шестьдесят лет те стремительные, как ураган, силы, какие у него были в тридцать три года?

Измученный бессонницей, он встал и пошел к заутрене в церковь Сан Лоренцо ин Дамазо, где встретил Лео Бальони. Покаявшись в грехах и причастившись, они вышли из церкви и остановились на Кампо деи Фиори; на лица их струился бледный свет ноябрьской утренней зари.

- Лео, ты, наверное, только что с попойки, а я всю ночь провел в мучительном споре со своей бессмертной душой. И все же исповедовался ты гораздо быстрее, чем я.

- Милый Микеланджело, с моей точки зрения, все, что доставляет удовольствие, - добро, а все, что приносит боль и страдание, - зло и грех. Выходит, я безгрешен моя совесть чиста. Судя по тому, как ты бледен, я - сказал бы, что за эту ночь ты немало страдал и, значит, у тебя много прегрешений, а чтобы в них покаяться, требуется время. Зайдем-ка ко мне, выпьем по чашке горячего молока, - надо же нам как-то отозваться на те похвалы, которые расточает твоему "Моисею" кардинал Гонзага. Весь Рим почти об этом лишь и толкует.

Час, отданный дружбе, освежил и успокоил Микеланджело. Выйдя от Бальони, он медленно шагал по пустым улицам, направляясь к Пантеону. Обогнув его и полюбовавшись величественным куполом, он по Виа Ректа прошел к Тибру, а оттуда по Виа Алессандрина к собору Святого Петра. Архитектором собора был теперь Антонио да Сангалло, племянник Джулиано да Сангалло и

бывший помощник Браманте. Насколько мог судить Микеланджело, с той поры, как он восемнадцать лет назад покинул Рим, строительство продвинулось очень мало: были лишь отремонтированы гигантские пилоны и возведено основание стен. На бетон и камень было потрачено двести тысяч дукатов, собранных со всего христианского мира, однако большая часть этих денег оседала в кошельках поставщиков и подрядчиков – они-то и прилагали все мыслимые старания, чтобы затянуть строительство как можно дольше. При такой медлительности, раздумывал Микеланджело, собор будут строить до самого Судного дня.

Маленькая часовня Марии Целительницы Лихорадки была еще не тронута, хотя ее предполагалось снести, чтобы освободить место для трансепта. Он вошел, в нее, остановился перед своим "Оплакиванием". Как прекрасна Мария. Какое в ней изящество и нежность. Какое тонкое, чувствительное лицо у ее сына, к которому она склонилась.

Он встал на колени. На минуту он задумался, можно ли молиться перед собственным творением, не грех ли это, но ведь он изваял эту статую так давно, еще совсем молодым, в двадцать четыре года. И хотя на него нахлынула волна тех ощущений, которыми он жил в ту далекую пору, когда он впервые утвердил себя как скульптор, он не мог вспомнить решительно ни одной подробности, ни одной мелочи тогдашнего кропотливого своего труда над статуей. Словно бы ее создал не он, а кто-то другой, человек, которого он знал сто лет тому назад.

Рим сегодня весь высыпал на улицы – был праздник; красочно одетые люди ждали, когда от Капитолийского холма к площади Навона тронется двенадцать триумфальных колесниц. В этом году собирались показать состязания буйволов с лошадьми, потом двенадцать быков, впряженных в колесницы, побегут по крутому склону горы Тестааччо вниз до того места, где их для удовольствия публики зарежут, как резали поросят в тот давний праздник, когда Микеланджело слонялся по римским улицам вместе с Бальдуччи.

Не сознавая отчетливо, куда он идет, Микеланджело оказался перед домом Кавальери, расположенным среди обширного сада, в квартале Святого Евстахия. Это приземистое, похожее на крепость здание, фасадом выходившее на площадь, уже несколько столетий подряд было родовым гнездом Хранителей – так издавна называли семейство Кавальери за его деятельную заботу о древностях Рима, о старинных церквах, фонтанах и статуях.

Микеланджело собирался посетить этот дом уже три недели, и ходьбы до него от Мачелло деи Корви было всего десять минут: сначала прямо по узенькой Виа ди Сан Марко, а потом по Виа делле Боттеге Оскуре. Ударив молотком по металлической доске подле парадного входа, Микеланджело с удивлением подумал, почему он так долго не заходил к Томмазо де Кавальери, хотя весь последний год своей мучительной жизни во Флоренции он чувствовал, что, помимо прочего, его влечет в Рим и мысль об этом юном очаровательном друге.

Слуга открыл дверь и провел Микеланджело налево, в зал, где хранилось одно из лучших в Риме частных собраний античных мраморов. Переходя от статуи к статуе, Микеланджело осматривал то фавна с виноградной кистью, то спящего на скале ребенка, рука которого сжимала пучок маков, то барельеф с морским конем и женщиной, сидящей на этом коне и окруженной дельфинами. И все время он думал о тех полных горячей дружбы письмах, которыми они обменивались с Томмазо, и о своих рисунках с изображением Ганимеда и Тития, посланных юноше, чтобы тот учился мастерству.

Он услышал шаги за спиной, повернул голову... и чуть не вскрикнул от удивления. За те два года, которые они не виделись, Томмазо сильно изменился. Он был теперь уже не привлекательным молодым человеком, а таким красивым мужчиной, каких Микеланджело еще никогда не видел: перед этой красотой словно бы поблекло даже греческое изваяние дискобола, рядом с которым остановился Томмазо, – столь широки и мускулисты были у него плечи, столь тонка талия и стройны, изящны ноги.

– Вы пришли наконец, – сказал Томмазо, и в голосе его прозвучала неожиданная для такого молодого человека нота спокойствия и испытанной светской учтивости.

– Я не хотел тебя обременять своими печальями.

– Друзья могут делиться и печальями.

Они шагнули навстречу друг к другу и порывисто обнялись. Микеланджело

заметил, что глаза у Томмазо стали более темными, обретя почти кобальтовую синеву, и черты лица казались отточенней и выразительней, чем прежде.

- Теперь я понял, где я видел тебя давным-давно - на плафоне Сисдины! - воскликнул Микеланджело.

- Как я мог там оказаться?

- Я поместил тебя на плафоне собственными руками. Помнишь: Адам, готовый принять искру жизни от господина бога. Это же ты, ты, вплоть до такой детали, как твои светло-каштановые волосы, ниспадающие на шею.

- Но вы писали Адама так много лет назад.

- Около двадцати четырех. Как раз в то время, когда ты родился. И написанный мною образ ты воплотил в действительность.

- Смотрите, до какой степени я уважаю своих друзей! - сказал Томмазо с улыбкой. - Я даже склонен поверить в чудо.

- Отрицать чудеса невозможно. Вот я вошел в этот зал тяжелой поступью, с тяжелым сердцем. И прошло только десять минут, как я с тобой, а с моих плеч свалилось десять лет.

- Ваши рисунки сделали меня как рисовальщика на десять лет старше.

- Как хорошо, что старый человек и юноша могут обмениваться своими годами, будто это не года, а подарки на Крещение.

- Не зовите себя старым, - возразил Томмазо. Когда он сердился, глаза его темнели еще больше, напоминая чернила. - Я поражен, слыша от вас столь неподобающие слова. Человек бывает стар или молод в зависимости от того, сколько в нем осталось творческой силы.

Широкая улыбка осветила лицо Микеланджело. Тяжесть, до той поры давившая ему грудь и голову, сразу исчезла.

- Ты, наверное, знаешь, что я должен писать для папы Павла "Страшный Суд".

- Мне говорили об этом на заутрене. Ваша фреска будет блистательным завершением капеллы, под стать великому плафону.

Чтобы скрыть нахлынувшие на него чувства, Микеланджело отвернулся от Томмазо и молча стоял, проводя кончиками пальцев по чудесно изваянным ягодицам Венеры. Волна счастья охватывала его, и, с трудом овладев собой, он заговорил, обращаясь к другу:

- Томмазо, до этой минуты я не думал, что дерзну приняться за "Страшный Суд". Теперь я знаю, что я могу его написать.

Они стали подниматься по широкому маршу лестницы. Вверху, под защитой балюстрады, у Кавальери были расставлены меньшие и более хрупкие изваяния: женская голова, служившая подставкой для корзины, древнеримская статуя императора Августа, морская раковина, внутри которой была заключена обнаженная фигура.

Половину своего рабочего дня Томмазо Кавальери тратил на исполнение своих обязанностей в налоговой комиссии и в конторе по строительству публичных зданий, остальное время он посвящал рисованию. Мастерская его размещалась в задней части дворца, выходя окнами на Торре Арджентина, - это была почти пустая комната с деревянными козлами, на которых лежали голые доски. На стене, подле рабочего стола, висели рисунки Микеланджело - и те, которые он сделал два года назад в Риме, и те, что он прислал из Флоренции. На досках были разложены десятки рисунков самого Томмазо. Микеланджело внимательно оглядел их и воскликнул:

- У тебя замечательный талант! И ты упорно работаешь.

Лицо Томмазо заволочло облако печали.

- В прошлом году я попал в дурную компанию. Рим, как вы знаете, полон искушений. Я слишком много пил, предавался разврату, а работал очень мало.

Микеланджело удивился той сумрачной серьезности, с какой Томмазо корил самого себя.

- Даже Святой Франциск был необуздан в молодости, Томао. - Эта ласкательная форма имени, к которой прибежал Микеланджело, заставила Томмазо наконец улыбнуться.

- Могу я работать с вами хотя бы два часа в день?

- Моя мастерская всегда открыта для тебя. Что может принести мне больше счастья? Погляди, как укрепляет меня твоя вера, твоя любовь. Я уже жажду приняться за рисунки для "Страшного Суда". Я хочу быть тебе не только другом, но и учителем. Ты pomoжешь мне увеличить мои рисунки, будешь рисовать моих натурщиков. Мы вырастим из тебя великого художника.

Томмазо стоял бледный, потускневшие его глаза словно подернула серая пелена. Он глухо сказал:

- Вы - само олицетворение искусства. Пристрастие, которое вы проявляете ко мне, вы могли бы проявить к любому человеку, обожающему искусство и готовому посвятить ему жизнь. Я скажу вам так: никого я не любил больше, чем люблю вас, ничьей дружбы не желал горячее, чем желаю вашей.

- Мне бесконечно жаль, что я не в состоянии отдать тебе все свое прошлое, как я могу отдать тебе будущее.

- А мне жаль, что я не могу ничем одарить вас в ответ.

- Ах, - сказал Микеланджело мягко, - тут ты заблуждаешься. Когда я стою вот у этого рабочего стола и смотрю на тебя, я не чувствую своих лет и не боюсь смерти. Это самое драгоценное из всего, что человек может дать другому человеку.

Они стали неразлучны. Они выходили рука об руку на площадь Навона подышать свежим воздухом, вместе по воскресеньям делали зарисовки на Капитолии или на Форуме, ужинали друг у друга дома после работы, а затем целыми вечерами беседовали или увлеченно рисовали. Радость, которую они испытывали в обществе друг друга, каким-то отблеском озаряла и других людей, кто их видел вместе; теперь это нерасторжимое единство признавали уже все и, желая куда-либо пригласить Томмазо или Микеланджело, неизменно приглашали обоих.

Как он мог бы назвать свое чувство к Томмазо? Несомненно, это было прежде всего поклонение красоте. Физическое обаяние Томмазо действовало на него с огромной силой, вызывая ощущение щемящей пустоты где-то под сердцем. Он понимал, что то, что он чувствовал по отношению к Томмазо, можно было определить только словом "любовь", но не хотел признаться себе в этом. Если припомнить все увлечения, какие он испытывал в своей жизни, то как можно назвать эту привязанность? С какой былой любовью сравнить эту любовь? Она даже отдаленно не напоминала ту любовь, которую он питал к своему семейству и которая скорее походила на подчинение; она была совсем не похожа и на то поклонение, с которым он относился к Великолепному, или на глубокую почтительность к Бертольдо; нельзя было сопоставить ее ни с терпеливой и долгой, хотя и приглушенной, любовью к Контессине, ни с незабываемой страстью к Клариссе, ни с чувством дружеской любви к Граначчи, ни с отеческой его любовью к Урбино. Быть может, эта любовь, пришедшая в его жизнь так поздно, вообще не поддавалась определению словом.

- Вы чтите во мне свою утраченную юность, - сказал Томмазо.

- Даже в своих мечтах я не заносился так высоко, чтобы быть похожим на тебя, - с горечью отозвался Микеланджело.

Они рисовали за столом, поставленным у горящего камина. Микеланджело делал первые наброски будущей фрески в Систине, вычерчивая уравновешивающие друг друга фигуры для боковых частей стены: справа люди словно взлетали вверх, к небесам, слева низвергались в преисподнюю.

- Когда вы возражаете мне, - снова заговорил Томмазо, - вы думаете лишь о своей внешней оболочке. А ведь мой внутренний облик очень беден и прост. Я с удовольствием отдал бы свои физические черты за ваш гений.

- И свалил бы дурака, Томмазо. Физическая красота - это один из редчайших даров господя.

- И один из самых бесполезных, - отозвался Томмазо с мукой, весь побледнев.

- Нет, нет! - воскликнул Микеланджело. - Красота дает радость всем и каждому. Скажи, зачем, по-твоему, я создал целое племя великолепных существ в мраморе и красках, отдав на это свою жизнь? Да потому, что я поклоняюсь красоте - этому внешнему проявлению божественного начала в человеке.

- Ваши творения прекрасны потому, что вы вдохнули в них душу. Ваше "Оплакивание", "Моисей", фигуры Сикстинского плафона - они чувствуют, размышляют, им ведомо сострадание... Только потому они живые, и только потому они для нас что-то значат.

Этот взрыв страсти заставил Микеланджело сразу же сдаться.

- В твоих словах звучит мудрость человека, которому шестьдесят, а я рассуждал с легкомыслием двадцатичетырехлетнего юноши.

Он просыпался с рассветом, горя желанием сесть за рабочий стол. К тому

времени когда солнце освещало колонну Траяна, приходил Томмазо: в руках его был сверток со свежими булочками, на завтрак Микеланджело. Постепенно приурочившись к требованиям Микеланджело, Урбино теперь искал натурщиков - в мастерской каждый день появлялись разные незнакомцы - рабочие, механики, дворяне, ученые, люди всякого вида, всех национальностей. В фреску "Страшного Суда" должно было войти много женщин: пришлось нанимать натурщиц в банях, в борделях, приглашать самых дорогостоящих гетер - те позировали обнаженными ради забавы.

Микеланджело нарисовал портрет Томмазо - это был единственный случай в жизни, когда он соблаговолил сделать портрет. С помощью черного мела он выразительно передал его гладкие щеки, чудесно изваянные скулы; Томмазо был изображен в античном костюме и держал в руках медальон.

- Узнаешь себя, Томмазо?

- Рисунок великолепный. Но это не я.

- Нет, ты - такой, каким я тебя вижу.

- Это лишает меня последней веры... Вы лишь подтвердили то, о чем я догадывался с самого начала: у меня есть вкус, я могу отличить хорошую работу от плохой, но во мне нет творческого огня.

Томмазо, сторбившись, сидел на скамье, Микеланджело, вскинув голову, стоял рядом - любовь к Томмазо словно бы делала его всемогущим гигантом.

- Томао, разве моими стараниями Себастьяно не стал известным живописцем? Разве я не обеспечил его крупными заказами? А ведь ты одареннее его в тысячу раз.

Томмазо стиснул челюсти. Отступать и отказываться от своего убеждения он не хотел.

- Учась у вас, я глубже постигаю природу искусства, но творческие мои способности от этого не возрастут. Вы напрасно теряете время, занимаясь со мной. Мне не надо больше приходить к вам.

После ужина Микеланджело уселся за своим длинным столом и начал писать. К утру он закончил два сонета:

ЛЮБОВЬ, ДАЮЩАЯ СВЕТ

Лишь вашим взором вижу сладкий свет,
Которого своим, слепым, не вижу;
Лишь вашими стопами цель приближу
К которой мне пути, хромому, нет;
Бескрылый сам, на ваших крыльях, вслед
За вашей думой, ввысь, себя я движу;
Послушен вам - люблю и ненавижу,
Я зябну в зной, и в холоде согрет.
Своею волей весь я в вашей воле,
И ваше сердце мысль мою живит,
И речь моя - часть вашего дыханья.
Я - как луна, что на небесном поле
Невидима, пока не отразит
В ней солнце отблеск своего сиянья.

Когда Томмазо явился в мастерскую, Микеланджело подал ему первый сонет. Томмазо прочел стихотворение, лицо его вспыхнуло. Вынув из вёрстака второй листок, Микеланджело сказал:

- Вот и второе стихотворение, которое я написал:

О чуждом злу, о чистом говорят,
О совершенном мире эти очи, -
Небесных сил в них вижу средоточье,
За человека гордостью объят!

Томмазо долго стоял, опустив голову, без единого движения. Потом он поднял взор, открытый и ясный.

- Я недостойн такой любви, но я сделаю все возможное, чтобы заслужить ее.

- Если нам всегда станут воздавать по заслугам, - с кроткой улыбкой ответил Микеланджело, - то как же мы встретим день Страшного Суда!

Он вошел в Сикстинскую капеллу один и, став под многолюдное собрание из Книги Бытия, тщательно осматривал алтарную стену.

С краю потолка, на своем мраморном троне, восседал Иона - этот пророк из Ветхого завета будет теперь сидеть над головой творящего суд Христа из Евангелия.

Стена, распростершаяся почти на восемь сажен в высоту и на пять с лишним в ширину, вся была заполнена и расписана; в нижнем ее поясе были изображены шпалеры, почти в точности такие, как и на боковых стенах; над престолом были две фрески Перуджино - "Спасение младенца Моисея" и "Рождество Христово"; выше располагались два окна, парные окнам на боковых стенах, с портретами двух первых пап - Святого Лина и Святого Климента, а затем, в самом верху, в четвертом ярусе, были два его, Микеланджело, собственных люнета, расписанных изображениями предшественников Христа.

Снизу стена была задымлена; запачкана и повреждена она была и во втором ярусе, а вверху виднелись подтеки от сырости; пыль, сажа и копоть от свеч, зажигаемых на алтаре, покрывала всю ее поверхность. Микеланджело не хотелось уничтожить фрески Перуджино, но поскольку требовалось сбить и два его собственных люнета, его нельзя будет упрекнуть в мстительности. Он устранил два мешающих ему окна, возведет совершенно новую, из свежего кирпича, стену - он поставит ее чуть наклонно, отведя низ джоймов на десять вглубь, так, чтобы пыль, грязь и сажа не прилипали к ней столь легко.

Папа Павел охотно дал свое согласие на все эти планы. Фарнезе нравился Микеланджело все больше и больше, между ними завязались чисто дружеские отношения. Бурно проведя свою молодость, в конце концов Павел стал ученым, знатоком греческого и латинского, прекрасным оратором и писателем. Он был намерен избегать военных столкновений, к которым так рвался Юлий, он не желал устраивать при своем дворе оргий, какие устраивал папа Лев, надеялся не допустить тех ошибок в международных делах, какие были у Клемента, и не хотел вести те интриги, какие вел тот. Как убедился Микеланджело, когда его пригласили в Ватикан, Павел был щедро наделен чувством юмора. Видя блестящие, лукавые глаза первосвященника, Микеланджело сказал:

- Вы сегодня чудесно выглядите, ваше святейшество.

- Не говори об этом слишком громко, - с усмешкой шепнул ему в ответ Павел. - Иначе ты огорчишь всю коллегия кардиналов. Ведь они избрали меня папой только потому, что считали, будто я при смерти. Но папство пришлось мне так по вкусу, что я решил пережить всех кардиналов.

Микеланджело чувствовал себя счастливым - он прилежно рисовал в своей мастерской, которую Урбино привел в порядок и заново выкрасил. Рисование, подобно пище, напиткам и сну, прибавляет человеку сил. Чертя по бумаге, рука подавала Микеланджело первые зародыши мыслей, и он быстро их ухватывал. Судный день, гласит христианская догма, должен совпасть с концом света. Верно ли это? Мог ли господь сотворить мир только для того, чтобы его оставить? Ведь господь бог создал человека по своему собственному побуждению. Так разве у бога не останется могущества, чтобы хранить и поддерживать этот мир всегда и вечно, вопреки всем бесчестиям и злу? Разве господь не стремился к этому, разве не такова его воля? Поскольку каждый человек перед смертью сам себя подвергает суду, каюсь в грехах или умирая нераскаявшимся, разве нельзя предположить, что Страшный Суд - это преддверье золотого века, который господь уготовил людям, только ожидая часа, чтобы послать народам Христа и начать судилище? Микеланджело считал, что Страшный Суд ему надо писать отнюдь не совершившимся, а едва только начатым, на пороге свершения. Тогда он мог бы показать суд человека над самим собой перед лицом смертных мук. Тут уж не могло быть уверток и обмана. Микеланджело верил, что каждый несет ответственность за свои деяния на земле, что существует внутренний суд человека. Мог ли даже

пылающий гневом Христос принести человеку большее возмездие? Мог ли Дантов Харон, плывя в своей ладье по Ахерону, низвергнуть злодеев в преисподнюю более страшную, чем та, что видится взору человека, суровым судом осудившего самого себя?

С той секунды, как перо его прикоснулось к бумаге, он уже искал очертания человеческих форм, той единственной, нервной линии для каждой фигуры, которая передавала бы отчаянную напряженность движения. Сердясь на то, что приходится прерывать линию, он окунал перо в чернила и снова вел ее, стремясь выразить и форму и пространство одновременно. Внутри возникшего контура он наносил как бы пучки перекрестных штрихов и линий – так выявлялась игра мускулов в их различных состояниях, проступала взаимосвязь внутренних тканей и покровов. Он стремился как можно острее отграничить телесные формы от живого, трепетного воздуха – этого он достигал, вторгаясь в голые нервы пространства. Каждый мужчина, женщина и ребенок должны были предстать в совершенной ясности и явить свое человеческое достоинство во всей полноте, ибо каждый из них был личностью и чего-то стоил. Это был главный мотив в борьбе за возрождение знания и свободы, которые после сна и мрака многих веков вновь воспрянули во Флоренции. Никогда и никто не скажет, что он, Микеланджело Буонарроти, тосканец, низводил человека до незаметной, неразличимой частицы примитивной массы, изображал ли он его на пути к раю или к аду.

Хотя он сам и не признался бы в этом, но руки его были утомлены непрерывным десятилетним ваянием фигур в часовне Медичи. Чем пристальней осматривал он свой плафон в Сикстинской капелле, тем больше склонялся к мысли, что в конце концов живопись могла бы стать благородным и вечным видом искусства.

Постепенно вокруг Микеланджело собралась целая группа молодых флорентинцев – каждый вечер они приходили в отремонтированную его мастерскую на Мачелло деи Корви и обсуждали с ним свои планы свержения Алессандро. Во главе этого кружка стояли такие лица, как блестящий, полный энергии кардинал Ипполито и кардинал Эрколе Гонзага, разделявшие верховенство в ученых и художественных сферах Рима; изящный и милый кардинал Никколо; Роберто Строщи, отец которого в свое время помог Микеланджело пристроить Джовансимоне и Сиджизмондо к шерстяной торговле, а дед купил у Микеланджело первую проданную им скульптуру; многие сыновья и внуки давних жителей флорентийской колонии, в чьи дома любезно приглашали Микеланджело и ту пору, когда он впервые приехал в Рим и когда кардинал Риарио вынудил его долго слоняться без дела. Начав теперь в воскресные вечера наносить визиты, Микеланджело сделался центром внимания со стороны другой деятельной группы молодых людей: там были Пьерантонио, скульптор; Пьерино дель Вага, наиболее известный лепщик и декоратор в Риме; его ученик Марчелло Мантовано; Ямонино дель Конте, флорентинец, ученик Андрея дель Сарто, приехавший в Рим вслед за Микеланджело; Лоренцетто Лотти, архитектор при соборе Святого Петра, сын колокольного мастера, того самого, что работал с Микеланджело в Болонье. Эти юноши видели в Микеланджело смелого человека, который бросал вызов папам, достойного воспитанника Лоренцо Великолепного. Флоренция катилась теперь в глубокую пропасть, ее сыны приходили в отчаяние и теряли веру в себя, и этим юношам было отрадно знать и думать, что Микеланджело возвышается над Европой подобно горе Альтиссима. Он укреплял в них гордость от сознания того, что они тосканцы; он один создал столько поистине гениальных произведений, сколько не создали все остальные художники, вместе взятые. Если Флоренция могла породить Микеланджело, она переживет Алессандро.

С болью в душе Микеланджело сознавал, что никогда раньше он не пользовался подобного рода признанием и что вряд ли бы он благосклонно отнесся к подобной популярности, приди она в былые годы.

– У меня меняется характер, – говорил он Томмазо. – Когда я расписывал плафон, ни с кем, кроме Мики, я тогда и не разговаривал.

– Это было для вас несчастное время?

– Художник, когда он в расцвете своих сил, живет в особом мире – обычное человеческое счастье ему чуждо.

Микеланджело понимал, что перемена в его характере отчасти вызвана его чувством к Томмазо. Он восхищался телесной красотой и благородством духа Томмазо так, как мог бы восхищаться впервые влюбленный юноша нежной

девушкой. Он ощущал все симптомы подобной любви: его переполняла радость, когда Томмазо входил в комнату, томила печаль, когда он уходил, он мучился ожиданием, когда предстояла с ним встреча. Вот он смотрит на Томмазо, сосредоточенно рисуящего что-то углем. Он не смеет сказать ему, какие чувства его бушуют, и только глубокой ночью, оставшись один, он расскажет о них в сонете:

Всегда ль за грех должны мы почитать
Той красоты земной обожествленье,
Что нам внушает к высшему стремленье,
Душе дарит господню благодать...

В Риме стало известно, что Карл Пятый собирается выдать свою незаконную дочь Маргариту замуж за Алессандро; такой брак означал бы союз императора с Алессандро, позволявший тирану удержаться у власти. Все надежды флорентийской колонии в Риме рушились. В те же нерадостные дни Микеланджело пришлось пережить и одно личное разочарование. Дело касалось Себастьяно - этот тучный, лоснящийся, как круг сыра, монах только что возвратился в Рим после путешествия.

- Мой милый крестный, как я рад видеть вас! Вам надо сходить в церковь Сен Пьетро ин Монторио и посмотреть, удачно ли я перевел ваши рисунки в масло.

- В масло? Я всегда думал, что ты будешь работать по фреске.

Толстые щеки Себастьяно покраснели.

- Фреска - это ваша специальность, дорогой маэстро. Вы ведь никогда не ошибаетесь. А по моему характеру больше подходит масло - если я наделаю ошибок, я тут же соскребу краску и пишу на стене заново.

Они поднялись к церкви Сан Пьетро ин Монторио, возвышавшейся надо всем Римом. Воздух был прозрачен; под зимним небом, среди черепичных крыш, чистой голубизной сверкал Тибр. Во дворике они полюбовались на Брамантово Темпиетто, эту жемчужину архитектуры, всегда вызывавшую у Микеланджело искреннее восхищение. Едва Микеланджело ступил в церковь, как Себастьяно, не скрывая своей гордости, провел его в первую часовню справа. Микеланджело убедился, что работа у Себастьяно была мастерская - на росписях, сделанных по его рисункам, краски казались совсем свежими. А ведь кто ни пробовал писать на стенах масляными красками, даже такие художники, как Андреа дель Кастаньо или Антонио и Пьеро Поллайоло, - все равно их росписи быстро блекли или темнели.

- Я изобрел новый способ, - самодовольно объяснял Себастьяно. - Я беру для грунта сырую глину, смешивая ее с мастикой и камедью. Разогреваю эту смесь на огне, а на стену наношу мастерком, раскаленным добела. Скажите, вы недовольны мною?

- Что ты расписал еще после этой часовни?

- Да, собственно, ничего...

- Что ж так - при твоей-то гордости своим новым методом?

- Когда папа Клемент назначил меня хранителем печати, у меня больше не стало нужды в работе. Деньги сами плыли мне в руки.

- Значит, ты писал только ради денег?

Себастьяно посмотрел на Микеланджело так, словно бы его благодетель внезапно лишился рассудка.

- А ради чего же еще писать?

Микеланджело вспыхнул, но сразу успокоился, поняв, что гневаться на Себастьяно так же неразумно, как гневаться на ребенка.

- Ты прав, Себастьяно, - сказал он. - Пой, играй на своей лютне, забавляйся. Пусть искусство будет уделом тех бедняг, которым не остается ничего другого.

Полный застой на стройке собора Святого Петра был для Микеланджело куда более горькой пилюлей. Опытный его глаз говорил ему, что за те месяцы, которые он прожил в Риме, стены собора не поднялись ни на аршин, хотя там работали сотни людей и тратилось много бетона. Римские флорентинцы хорошо знали, что на строительстве попусту расточаются деньги и время, но даже три кардинала - друзья Микеланджело - не могли ему, сказать, догадывается ли папа Павел, что там происходит. Занимая пост архитектора храма в течение двадцати лет, Антонио да Сангалло так укрепился в Риме, что

спорить и ссориться с ним ни у кого не хватало отваги. Микеланджело понял, что самым благоразумным с его стороны будет держаться пока спокойно. По внутренне он кипел: никогда он не мог преодолеть в себе чувства, что собор Святого Петра – его детище, что отчасти благодаря ему, Микеланджело, возник проект этого храма и началось его строительство. Когда терпение Микеланджело истощилось, он, улучив минуту, стал рассказывать папе, как обстоят дела на стройке.

Поглаживая свою длинную белую бороду, папа Павел слушал его внимательно.

- Разве ты не предъявлял те же самые обвинения и Браманте? Теперь при дворе будут говорить, что ты ревнуешь к Антонио да Сангалло. Это выставит тебя в дурном свете.

- Меня выставляли в дурном свете почти всю мою жизнь.

- Пиши, Микеланджело, "Страшный Суд", а собор Святого Петра пусть строит Антонио да Сангалло.

Когда он, потерпев такую неудачу, удрученный пришел домой, его ждали там Томмазо, кардинал Ипполито и кардинал Никколо. Они расхаживали по мастерской, придерживаясь каждый своей орбиты.

- Я смотрю, тут целое посольство! – удивился Микеланджело.

- Так оно и есть, – ответил Ипполито. – Скоро Карл Пятый проездом будет в Риме. Он посетит здесь лишь один частный дом – Виттории Колонны, маркизы Пескарской. Карл большой друг семьи ее мужа в Неаполе.

- Я не знаком с маркизой.

- Но я знаком с нею, – отозвался Томмазо. – Я попросил ее пригласить вас вечером в воскресенье, когда у нее соберутся гости. Вы, конечно, пойдете?

Прежде чем Микеланджело успел спросить: "Гожусь ли я для подобного общества?", заговорил Никколо, подняв свои печальные карие глаза, так похожие на глаза Контессины:

- Если вы станете другом маркизы и она представит вас императору, вы сделаете для Флоренции огромное дело.

Когда кардиналы ушли, Томмазо сказал Микеланджело:

- Я давно уже хочу, чтобы вы познакомились с Витторией Колонной. За те годы, что вас не было в Риме, она стала здесь первой дамой. Это замечательная поэтесса, один из самых тонких умов в Риме. Она очень красива. И к тому же – святая.

- Ты влюблен в эту даму? – спросил Микеланджело.

- Совсем нет – весело рассмеялся Томмазо. – Этой женщине сорок шесть лет, у нее был удивительный роман потом замужество. Последние десять лет она вдова.

- Она из того рода Колонны, чей дворец стоит на Квиринале, выше моего дома?

- Да она сестра Асканио Колонны, хотя живет во дворце редко. Большую часть времени она проводит в женском монастыре Иоанна Крестителя. Строгая и суровая жизнь монахинь ей по душе.

Виттория Колонна, родившаяся в одной из самых могущественных семей Италии, была помолвлена с неаполитанцем Ферранте Франчески д'Авалос, маркизом Пескарским, когда жениху и невесте было по четыре года. В девятнадцать их повенчали – свадьба, состоявшаяся в Некий, была очень пышной. Медовый месяц оказался кратким, ибо маркизу, как военачальнику, служившему императору Священной Римской империи Максимилиану, пришлось тотчас же отправиться на войну. За шестнадцать лет своего замужества Виттория редко видела мужа. В 1512 году он был ранен в битве за Равенну. Виттория выходила его, вернув к жизни, но он опять уехал к войскам и через тринадцать лет пал в битве под Павией, в Ломбардии, совершив на поле боя героические подвиги. Виттория провела долгие годы в одиночестве, усердно изучая греческий и латинский языки, и стала одной из самых ученых женщин Италии. После гибели мужа она хотела постричься в монахини, но папа Клемент запретил ей это. Последние десять лет она помогала бедным, вкладывала много средств в строительство женских монастырей, помогая стать монахинями многим и многим девицам, лишенным приданого, а значит, и надежды на замужество. Стихотворения Виттории были значительным литературным событием тех лет.

- Я видел вблизи только одного живого святого, – заметил Микеланджело.

- Это был настоятель Бикьеллини. Интересно взглянуть, как выглядит женский вариант святого угодника.

И больше он уже не думал о Виттории Колонне, маркизе Пескарской. А в воскресенье вечером к нему зашел Томмазо, и они направились вверх по Виа де Кавалли, шагая мимо садов Колонны по одной стороне и терм Константина по другой. Скоро они были на вершине горы Кавалло, получившей свое название по двум мраморным "Укротителям Коней", - Микеланджело знал эти статуи с первого своего дня в Риме, когда его затащил сюда Лео Бальони. В садах женского монастыря Святого Сильвестра на Квиринале лился теплый весенний свет, в тени высоких лавров стояли старинные каменные скамьи, стены за ними были увиты зеленым плющом.

Виттория Колонна беседовала со своими немногочисленными гостями; приветствуя Микеланджело, она встала. Микеланджело был изрядно озадачен. По рассказам Томмазо, который говорил о печалях и лишениях маркизы, о ее святости, он ожидал увидеть пожилую матрону в черном одеянии, со следами пережитой трагедии на лице. А сейчас он смотрел в яркие и глубокие зеленые глаза самой красивой, обольстительной женщины, какую он когда-либо встречал. У нее был нежный румянец на щеках, полные, приятно раскрывающиеся в разговоре губы, вся она словно бы дышала юной увлеченностью и любовью к жизни. Несмотря на царственную сдержанность манер, в ней не чувствовалось высокомерия. Под легкой тканью ее простого платья Микеланджело видел фигуру зрелой прекрасной женщины; ее зеленые глаза хорошо оттенялись длинными медово-золотистыми косами, спадавшими на плечи, нос был прямой, римский, мило вздернутый на кончике, чудесно вылепленные подбородок и скулы делали это лицо не только красивым, но а сильным.

Микеланджело устыдился того, что он раздевает взором беззащитную женщину, будто это была какая-то наемная натурщица; от замешательства в ушах у него гудело, и он не мог уже разобрать, о чем ему говорила маркиза. Он подумал:

- Как это ужасно - беседовать со святою!

Чувство вины отрезвило его, и шум в ушах стихнул, но отвести от маркизы глаза Микеланджело не мог. Ее красота была как полуденное солнце, которое и наполняло сад светом, и в то же время слепило. Напрягая внимание, Микеланджело понял, что его представляют Латтанцио Толомеи, ученому посланнику Сиены; поэту Садолето; кардиналу Мороне; папскому секретарю Блозио, которого Микеланджело встречал при дворе; наконец, какому-то священнику, только что прервавшему свою речь о Посланиях апостола Павла.

Голос у Виттории Колонны был звучный, грудной.

- Я приветствую вас, Микеланджело Буонарроти, как старого своего друга, ибо ваши работы беседуют со мною вот уже много лет, - сказала она.

- Значит, мои работы куда более счастливы, чем я сам, маркиза.

Зеленые глаза Виттории затуманились.

- Я слышала, синьор, что вы человек прямой и не прибегаете к лести.

- Ваши сведения справедливы, - ответил Микеланджело.

Тон, каким он произнес эти слова, не оставлял возможности для возражений. Секунду поколебавшись, Виттория Колонна продолжала:

- Мне говорили, что вы знали фра Савонаролу.

- Нет, не знал. Но я много раз слушал его проповеди. В церкви Сан Марко и в Соборе.

- Как мне хотелось бы быть на вашем месте!

- Его голос гремел по всему огромному пространству Собора и, словно отталкиваясь от стен, отдавался в моих ушах.

- Очень жаль, что его проповедь все-таки не сразила Рим. Иначе в нашей матери-церкви давно были бы введены реформы. И мы не потеряли бы наших духовных чад в Германии и Голландии.

- Вы поклоняетесь фра Савонароле?

- Он пал жертвой за наше дело.

Прислушиваясь к жарким речам гостей маркизы, Микеланджело понял, что он оказался в гуще кружка, резко настроенного против политики папства и искавшего средств, чтобы провести свою церковную реформу. Это было очень серьезно: ведь инквизиция в Испании и Португалии обрекала на смерть тысячи людей за прегрешения куда менее важные. Восхищенный смелостью маркизы, он взглянул на нее: лицо ее сияло подвижнической

самоотверженностью.

- Я не хотел бы быть непочтительным, синьора, но должен сказать, что фра Савонарола принес в жертву множество прекрасных произведений искусства и литературы - он сжег их, как он выражался, на "кострах суетности", прежде чем сам погиб на костре.

- Я всегда сожалела об этом, синьор Буонарроти. Я уверена, что нельзя очистить человеческие сердца, опустошая человеческий разум.

С этой минуты беседа стала общей. Гости говорили о фламандском искусстве, очень почитаемом в Риме, о его резком отличии от итальянского, потом речь зашла о том, как складывались христианские представления о Страшном Суде, Микеланджело прочитал по памяти 31-32 стихи из двадцать пятой главы Евангелия от Матфея:

"Когда же придет Сын человеческий во славе своей и все святые ангелы с Ним: тогда сядет на престоле славы своей. И соберутся перед Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлиц. И поставит овец по правую свою сторону, а козлиц по левую".

На пути домой, любуясь с горы Кавалло раскинувшимся в лучах закатного солнца городом, Микеланджело спросил:

- Томмазо, когда мы можем повидать ее снова?

- Когда она пригласит нас.

- А до той поры нам придется ждать?

- Придется. Сама она никуда не выходит, нигде не появляется.

- Тогда я буду ждать! - сказал Микеланджело твердо. - Буду ждать, как молчаливый проситель, пока госпожа не соизволит пригласить меня вновь.

Улыбка тронула углы губ Томмазо.

- Я так и думал, что она произведет на вас впечатление.

Всю эту ночь перед Микеланджело сияло лицо Виттории Колонны. Уже много лет мысли о женщине не захватывали его с такой неотвратимой силой. Строки стихов, блуждавшие у него в голове, говорили уже не о Томмазо де Кавальери, а о маркизе Пескарской, и утром, едва только запели петухи, он вскочил с постели и написал:

Твое лицо одним усилием зренья
Могу достичь порой издалека,
Но ни плечо, ни шея, ни рука
Не ведают такого утоленья.
Бессонная душа в своем стремленье
Мой взор берет, крылата и легка,
Вздыхается, как ветер, под облака,
Твоей красе несет благоговенье.
А косной плоти тесный дан предел;
Какая бы любовь в ней ни горела,
Вслед ангелам она не полетит!
Лишь дивный глаз ту грань преодолел.
О донна! В глаз бы превратить все тело,
И пусть он только на тебя глядит!

4

Прошло две недели, прежде чем он дождался приглашения. За это время в сознании Микеланджело скульптурная красота Виттории - формы ее тела, ее сильное, но нежное лицо каким-то образом слились с мраморным изваянием Ночи в часовне Медичи. Стоял теплый ясный день, майское воскресенье, когда слуга маркизы Фоао принес от нее известие.

- Моя госпожа просила передать вам, мессер, что она находится в часовне Святого Сильвестра на Квиринале. Часовня эта закрыта для прихожан, там

очень приятно. Госпожа спрашивает, не угодно ли вам будет пожертвовать часом времени, чтобы она могла побеседовать с вами.

Освежаясь в ушате холодной воды, который Урбино поставил на веранде, выходящей в сад, Микеланджело не мог подавить волнения. Он надел специально купленную на случай приглашения к маркизе темно-синюю рубашку и чулки и зашагал вверх по холму.

Он рассчитывал побыть с нею наедине, но когда Виттория Колонна в белоснежном шелковом платье, с белой кружевной мантильей на голове, встала ему навстречу, он увидел, что часовня полна приглашенных. Здесь были известнейшие лица из Ватикана и университета. Художник-испанец жаловался на то, что в Испании нет уже хорошего искусства, так как испанцы не придают значения ни живописи, ни скульптуре и не хотят тратить на них деньги. После этого все принялись говорить об искусстве своих городов-государств: венецианцы о портретах Тициана, падуанцы о фресках Джотто, сиенцы об уникальной своей ратуше, феррарцы об украшениях замка, затем в разговор вступили пизанцы, болонцы, жители Пармы, Пьяченцы, Милана, Орвието...

Микеланджело хорошо знал большинство упоминаемых работ, но слушал гостей рассеянно: он все время смотрел на Витторию, неподвижно сидевшую у окна с цветными стеклами, которые бросали свой радужный отблеск на ее безупречно белое лицо и руки. Он невольно раздумывал: если брак Виттории с маркизом был так счастлив и полон любви, то почему за все его шестнадцать лет они жили вместе лишь несколько месяцев? Почему маркиза пребывала в одиночестве на севере Италии в долгие дождливые зимы, когда никаких военных действий не могло и быть? И почему один старый друг отвел глаза в сторону, когда Микеланджело спросил его, какие подвиги совершил муж маркизы на том поле боя, где его убили?

Вдруг Микеланджело почувствовал, что в часовне наступила тишина. Все взоры были обращены на него. Эрколе Гонзага вежливо повторил свой вопрос: не скажет ли Микеланджело, какие произведения искусства во Флоренции ему нравятся больше других?

Микеланджело чуть покраснел, голос его дрогнул. Он заговорил о красоте изваяний Гиберти, Орканьи, Донателло, Мино да Фьезоле, о живописи Мазаччо, Гирландайо, Боттичелли. Когда он смолк, Виттория Колонна сказала:

- Зная, что Микеланджело скромный человек, мы воздерживались говорить об искусстве в Риме. Но в Систине наш друг создал роспись, которая под силу лишь двадцати великим художникам, работой они вместе. Кто сомневается, что наступит время, когда все человечество будет видеть и понимать сотворение мира по фрескам Микеланджело?

Ее огромные зеленые глаза поглотили его без остатка. Все, что она говорила, было обращено как бы к нему одному; слова ее звучали спокойно, сдержанно, но в голосе все же прорывалась какая-то особая горловая нота; губы ее, казалось ему, были так близко от его губ.

- Не думайте, Микеланджело, что я захваливаю вас. По существу, я хвалю совсем и не вас, вернее, хвалю вас как верного слугу. Ибо я давно считаю, что у вас истинно божественный дар и что вы избраны для исполнения вашей великой цели самим господом.

Микеланджело напряг свой ум в поисках ответа, но слова не приходили. Ему хотелось лишь сказать Виттории, какие чувства он к ней испытывает.

- Святой отец осчастливил меня, дав разрешение построить у подножия горы Кавалло монастырь для девушек, - продолжала Виттория. - Место, которое я выбрала, находится около разбитого портика при башне Мецената, с которой, как говорят, Нерон любовался горящим Римом. Мне нравится сама мысль, что святые женщины сотрут следы ног столь порочного человека. Я только не знаю, Микеланджело, какие придать монастырю архитектурные формы и можно ли там воспользоваться некоторыми старыми строениями.

- Если вы готовы спуститься к этому месту, синьора, мы осмотрим все руины.

- Вы очень любезны.

Он и не помышлял о любезности, он просто рассчитывал, спустившись к древнему храму и расхаживая по грудам камня, провести с нею час наедине, без посторонних глаз. Однако маркиза пригласила на эту прогулку и всех остальных гостей. Микеланджело был вознагражден лишь тем, что ему позволили идти с нею рядом - эта физическая, духовная и интеллектуальная

близость взбудоражила его, совсем затуманив рассудок. Но он все же выбрался из окутывавшего его облака чувств – пришлось вспомнить, что он архитектор, и выбирать место для будущего монастыря.

- Этот разрушенный портик, маркиза, можно, на мой взгляд, превратить в колокольню. Я мог бы сделать и несколько набросков монастырского здания.

- Я не решалась просить вас о такой услуге.

Теплота благодарности, с которой были произнесены эти слова, так тронула его, точно это были и не слова, а обнимавшие его руки. Он уже поздравлял себя, полагая, что его стратегический расчет, как разбить барьер безразличия, воздвигаемый Витторией между собой и окружающими, вполне оправдывается.

- Я сделаю эти наброски за день или за два. Куда вам их принести?

Глаза Виттории сразу стали непроницаемы. Она ответила ему сдержанно, почти сухо:

- У меня очень много забот по монастырским делам. Может быть, Фоао известит вас, когда я буду свободна? Через неделю или две?

Он вернулся в свою мастерскую разъяренный, расшвыривая все вокруг. Какую игру ведет с ним эта женщина? Неужто она расточает эти чрезмерные комплименты лишь для того, чтобы склонить его к своим ногам? Тронул он ее сердце или не тронул? Если она желает его дружбы, то почему так отталкивает его? Отсрочить встречу... на целых две недели! Понимает ли она, как глубоко он очарован ею? Есть ли в ее жилах человеческая горячая кровь? И хоть какие-то чувства в груди?

- Вы должны понять, что она посвятила всю себя памяти мужа, - говорил ему Томмазо, видя, как он взволнован. - Все эти годы, как погиб маркиз, она любила одного только Иисуса.

- Если бы любовь к Христу отвращала женщин от любви к живым мужчинам, итальянский народ давным-давно бы вымер.

- Я принес вам кое-какие стихи маркизы. Быть может, вы извлечете из них что-то новое и об авторе. Вот послушайте такое стихотворение:

Моя душа давно отрешена
От человеческой любви и славы.
Изведав горечь гибельной отравы,
Лишь к господу она обращена.
Зовет меня священная страна -
О, как ее вершины величавы!
Земной стопе не мерить эти главы,
На них заря Всесильным зажжена.

А вот строки из другого стихотворения:

О, если бы, преодолев страданья,
Могла я сердцем горний мир объять!
Мне имя Иисуса повторять
И жить им до последнего дыханья...

Потирая пальцем морщины на переносье, Микеланджело несколько секунд раздумывал над только что прозвучавшими строками.

- Она пишет как женщина глубоко уязвленная.

- Смертью.

- Позвольте усомниться в этом.

- Тогда чем же?

- Мое чутье говорит, что тут замешаны другие печали.

Когда Томмазо ушел, Микеланджело велел Урбино заправить лампу и тихо уселся за стол, шелестя листами стихотворений и вникая в их суть. В одной поэме, обращенной к маркизу, он прочел:

Досель тебя, Любовь, я не бежала,
Твоей темницы сладкой не кляла.
В какие б тучи ни стучалась мгла,
Всем существом тебе принадлежала.

Я только на тебя и уповала,

Но ныне вкруг прекрасного ствола
Трава печали кольца завила,
Рассыпав злые терния и жала.

Теперь меня влечет иное царство,
Где раненой душе найду лекарство,
Не в силах иго прежнее нести.

И пусть слова прошения суровы,
Я говорю: сними с меня оковы,
Позволь опять свободу обрести.

Он был полон недоумений. Почему Виттория описывала свою любовь как темницу и иго? Почему она стремится обрести свободу от любви, которой отдала всю жизнь? Ему надо было дознаться правды, ибо теперь он ясно чувствовал, что любит Витторию, любит с того ослепительного мига, когда впервые взглянул на нее в саду монастыря Святого Сильвестра.

- Есть возможность получить кое-какие сведения, - уверял его изобретательный и неутомимый Лео Бальони. - Надо пощупать живущих в Риме неаполитанцев, особенно тех, кто был в сражениях вместе с маркизом. Дай мне время, я присмотрюсь, на кого из них можно положиться.

Чтобы разузнать, что требовалось, Лео потратил пять дней; в мастерскую к Микеланджело он явился уже совершенно разбитым от усталости.

- Факты посыпались на меня дождем, как будто где-то на небесах вытащили пробку. Но что меня удручает, Микеланджело, хотя я и стал циничен в преклонных летах, - это обилие легенд, выдаваемых за истину.

- Урбино, будь добр, принеси синьору Бальони бутылку нашего лучшего вина.

- Во-первых, у них был совсем не такой идиллический любовный роман, о каком тебе прожужжали уши. Маркиз никогда не любил своей жены, он бежал от нее через несколько дней после свадьбы. Во-вторых, у него всегда были любовницы на всем пути от Неаполя до Милана. В-третьих, под любым предлогом, на выдумку которых так способны изобретательные мужья, он избегал заезжать со своей женой в тот город, где бывал раньше. В-четвертых, этот благородный маркиз пошел на одно из самых подлых в истории, двойных предательств: он изменил как императору, так и своим сообщникам по заговору. Есть слух, что он умер не на поле боя, а далеко от него, - просто был отравлен.

- Я знал это! - вскричал Микеланджело. - Лео, ты сделал меня в эту минуту самым счастливым человеком!

- Позвольте усомниться в этом.

- Черт побери, что ты хочешь сказать?

- Знание истины скорей отягчит твою жизнь, а не облегчит. Я думаю о том времени, когда Виттория Колонна поймет, что ты знаешь правду про ее замужество...

- Неужели ты считаешь меня таким кретином?

- Влюбленный человек может пустить в ход любое оружие. А когда он домогается женщины...

- Домогается! Мне хотя бы побыть с нею час наедине.

Он рисовал, сидя за своим длинным столом, заваленным стопами бумаги, перьями, углями, открытой на описании Харона книгой Дантового Ада, и появление слуги Виттории Фоао было для него полной неожиданностью. Маркиза приглашала Микеланджело на завтрашний вечер в сады дворца Колонны, на том холме, что возвышался над его домом. Поскольку она звала его в свой родовой особняк, а не в монастырский сад или часовню, он думал, что они, может быть, окажутся наедине друг с другом. Он мучился в лихорадке ожидания и крутил огрызок пера:

О, как постигнуть меру красоты,
Когда ты очарован красотой!
Она ль так совершенна? Иль порою
В тебе самом живут ее черты?

Сады Колонны занимали значительную часть склона горы Кавалло, темную

зелень которой было видно из окон мастерской Микеланджело. Слуга провел его по тропе, с обеих сторон обсаженной густыми кустами цветущего жасмина. Еще издали Микеланджело услышал звуки оживленного и многоголосого говора и был жестоко этим разочарован. Перед ним открылся под сенью густых деревьев летний павильон, рядом был пруд, усеянный водяными лилиями, и искусственный водопад, насыщавший воздух свежестью и прохладой.

Виттория встретила его на пороге павильона. Войдя внутрь, он кивнул присутствующим и неуклюже сел в углу, откинувшись спиной на резную белую решетку. Виттория ловила каждый взгляд Микеланджело, пытаясь втянуть его в общий разговор, но он уклонялся. Вдруг у него вспыхнула мысль:

"Так вот почему она не хочет вновь полюбить. Не потому, что первая ее любовь была так прекрасна, а потому, что эта любовь была безобразна! Вот почему она отдает теперь свою душу только Христу".

Он поднял глаза и посмотрел на нее так пристально, словно хотел проникнуть в сокровенные глубины ее души. Она оборвала фразу на полуслове, повернулась к нему и спросила с участием:

- Вы чем-то огорчены, Микеланджело?

Затем на него нахлынули другие мысли:

"Она никогда не знала мужчины. Ее муж не воспользовался браком ни в медовый их месяц, ни тогда, когда он возвращался раненым с войны. Она такая же девственница, как те юные девушки, которых она берет в свой монастырь".

Теперь ему было мучительно жаль ее. Что ж, он примет, признает эту легенду о бессмертной любви, не помышляя ее разрушить, - более того, он будет внушать этой смелой и желанной женщине, что любовь, которую он предлагает ей, может стать такой же прекрасной, как и та, которую она придумала.

5

Любовь Микеланджело к Виттории ничуть не изменила его чувств к Томмазо Кавальери. Как и прежде, прихватив с собой кувшин холодного молока или корзинку фруктов, Томмазо являлся каждое утро в мастерскую к Микеланджело и часа два, пока держалась прохлада, рисовал в непосредственной близости от его критического ока. Микеланджело заставлял Томмазо десятки раз перерисовывать каждый набросок и никогда не показывал вида, что он доволен, хотя в душе считал, что Томмазо работает очень успешно. Томмазо был теперь принят при папском дворе. Павел назначил его на пост смотрителя римских фонтанов.

Оторвав взгляд от работы, Томмазо посмотрел на Микеланджело, в голубых его глазах чувствовалась озабоченность.

- В Риме теперь нет ни одного инженера, Микеланджело, который бы толком знал, как древние строили водопроводы. Никто не дерзнет сейчас хотя бы перестроить акведук. В чем тут дело? Почему люди совершенно лишились умения, растеряли способности? Я теперь думаю, что мне не надо становиться художником. Я хочу стать архитектором. Мои предки жили в Риме не меньше восьми веков. Этот город вошел в мою кровь. Я хочу не только охранять его, но и помочь в его перестройке. Архитекторы - вот кто нужен теперь Риму в первую очередь.

Весь проект росписи алтарной стены в Сикстинской капелле был теперь завершен. У Микеланджело насчитывалось более трехсот фигур, которые он перенес в композицию со своих первоначальных рисунков, эти фигуры, все до одной, были в движении, составляя бурную толпу, обступившую Христа, - они располагались по окружностям, расходящимся от центра фрески, и захватывали все пространство стены: на одном ее крае человеческие тела взлетали, точно поднятые ураганом, на другом - низвергались, падали в бездну. Но ни одно существо не касалось белого поля облаков под ногами Христа. Внизу фрески, слева, было изображено зияющее подземелье ада с его вековыми погребениями,

справа текла река Ахерон. Микеланджело установил для себя распорядок работы: за один день писать на стене одну фигуру в натуральную величину, два дня отводил он на фигуры более крупные.

В Деве Марии Микеланджело слил, сплавил образ собственной матери, Богородиц "Оплакивания" и часовни Медичи, Сикстинской Евы, принимающей яблоко от змия и Виттории Колонны. Подобно Еве, она была юной, крепкой, полной жизни женщиной, новее фигуре проступало и возвышенное очарование Богоматери. Мария отвернулась от Иисуса, не желая видеть его безжалостный суд и сама ему неподвластная. Может быть, она отстранялась от него потому, что страдала, жалела этих людей, подвергнутых судилищу, невзирая на то, какую жизнь они прожили? Разве судил господь овец, коров, птиц? Как мать, не чувствовала ли она боли за обреченные души, съжившиеся под карающей рукой ее сына, объятого справедливым гневом? Могла ли она считать, что не отвечает за него, если он и был сыном господним? Она носила его в своем чреве девять месяцев, кормила его грудью, залечивала его раны. И вот ее сын судил сынов других матерей! Добрые будут спасены, святые возвращены на небо, но их было так мало по сравнению с бесконечными толпами грешников. Все, что ни совершал ее сын, было непререкаемо, и, однако, она не могла не содрогнуться перед ужасающими страданиями, на которые обрекались эти людские толпы.

Карл Пятый не приехал в Рим, он был занят подготовкой флота в Барселоне, собираясь в поход против берберийских пиратов. Флорентийские изгнанники направили к нему делегацию: им хотелось уговорить императора, чтобы он назначил правителем Флоренции кардинала Ипполито. Приняв эту делегацию и успокоив ее Карл отложил решение вопроса о правителе до тех пор, пока не возвратится с войны. Когда Ипполито узнал об этом, он решил поехать к Карлу и сражаться на его стороне. В Итри, куда он прибыл, чтобы сесть на корабль, один из агентов Алессандро дал ему яду, и Ипполито тут же скончался.

Флорентийская колония была погружена в глубочайшее уныние. Для Микеланджело эта утрата была особенно тяжелой: в Ипполито он видел все, что любил в его отце, Джулиано.

К осени исполнился год, как Микеланджело жил в Риме; его стена в Систине была к тому времени уже сложена из нового кирпича и даже просохла; картон, где были вычерчены фигуры более трехсот человек, из "всех народов", как сказано у Матфея, был тоже готов, оставалось только увеличить его, доведя до тех размеров, каких требовала стена. Папа Павел, желая дать Микеланджело уверенность в будущем, выпустил послание, в котором говорилось, что Микеланджело Буонарроти назначается скульптором, живописцем и архитектором всего Ватикана, с пожизненной пенсией в сто дукатов помесечно - пятьдесят дукатов из папской казны, пятьдесят со сборов за перевоз через реку По в Пьяченце. Себастьяно дель Пьомбо, стоя с Микеланджело в Систине и оглядывая уже поставленные у стены подмости, спрашивал:

- Вы не позволите мне, крестный, оштукатурить для вас эту стену? Я это делаю хорошо.

- Это скучная работа, Себастьяно. Подумай сначала, стоит ли тебе за нее браться.

- Мне будет лестно сказать, что и я приложил руку к "Страшному Суду".

- В таком случае действуй. Только не примешивай в раствор римскую поцолану, стена от этого долго не просыхает; добавляй вместо нее мраморной пыли, а воды в известь лей поменьше.

- Стена у вас будет прекрасной.

Действительно, когда Себастьяно кончил работу, по виду к его штукатурке нельзя было придраться, но, подойдя к алтарю, Микеланджело потянул носом и почувал что-то неладное. Оказалось, что Себастьяно добавлял к извести мастики и камеди и наносил эту смесь на стену раскаленным на огне мастерком.

- Себастьяно, ты что - готовил мне стену под масляную живопись?

- А разве вы хотели не так? - невинно отозвался Себастьяно.

- Ты же знаешь, что я пишу фреску!

- Вы не говорили мне этого, крестный. А ведь в церкви Сан Пьетро ин Монторио я писал масляными красками.

Микеланджело смерил взглядом венецианца от лысой макушки до жирного

чрева - тот явно трусил.

- И ты считаешь, твой опыт дает тебе право расписать кусок моей стены?

- Я хотел лишь помочь...

- ...написать "Страшный Суд"? - в голосе Микеланджело все явственнее звучала ярость. - Раз ты умеешь работать только маслом, значит, ты приготовил стену для себя, чтобы писать вместе со мной! Что ты тут наделал еще?

- Еще... еще... я поговорил с папой Павлом. Ему ведь известно, что я из вашей боттеги. Вы упрекали меня, что я ничего не делаю. А здесь у вас такая возможность...

- Выгнать тебя вон! - вскричал Микеланджело. - Пусть бы вся эта штукатурка обрушилась на твою неблагодарную голову!

Себастьяно поспешно скрылся, но Микеланджело понимал, что потребуется не один день и даже не одна неделя, прежде чем удастся ободрать и очистить стену. Затем надо будет дать стене подсохнуть и только потом покрывать ее заново, уже действительно под фреску. Свежая штукатурка тоже должна сохнуть - на это уйдет еще какое-то дополнительное время. Себастьяно похитил у него целый рабочий месяц, а может, даже два или три!

Трудолюбивый и ловкий Урбино все же привел стену в порядок, а вот восстановить мир с Антонио Сангалло, взбешенным указом папы о новом архитекторе, Микеланджело не удалось до конца своих дней.

Антонио да Сангалло было теперь пятьдесят два года, худошавое свое лицо он оснастил точно такими же по-восточному пышными усами, какие носил его покойный дядя Джулиано. Он был учеником Браманте, когда тот строил собор Святого Петра, а после кончины этого зодчего состоял помощником у Рафаэля. Он входил в ту клику Браманте - Рафаэля, которая бранила плафон Систины и нападала на Микеланджело. Но вот умер Рафаэль, и Сангалло занял пост архитектора собора Святого Петра и архитектора Рима, лишь некоторое время делаясь своей властью с сиенцем Балдассаре Перуцци, которого ему в качестве равноправного коллеги навязал папа Лев. За те пятнадцать лет, что Микеланджело работал в Карраре и во Флоренции, никто ни разу не отважился бросить вызов авторитету и могуществу Сангалло. Нынешнее послание папы с назначением Микеланджело привело его в неистовый гнев.

Томмазо первый предупредил своего учителя, что разъяренный Сангалло все больше выходит из себя.

- Он рвет и мечет не столько из-за того, что вас официально назначили скульптурой и живописцем Ватикана. Этот шаг папы он просто высмеивает как проявление дурного вкуса. Но вот то, что вы стали теперь и официальным архитектором, - это его бесит до безумия.

- Я не просил папу вписывать этот пункт в послание.

- Сангалло вам в этом не убедить. Он уверяет, что вы хотите отнять у него собор Святого Петра.

- Что он называет собором? Те фундаменты и пилоны, которые он громоздит вот уже пятнадцать лет?

В тот же вечер, уже запоздно, Сангалло пришел к Микеланджело сам - архитектора сопровождали двое его учеников, освещавших ему фонарями дорогу через форум Траяна. Микеланджело впустил всех их в дом и попытался умиротворить Сангалло, напомнив ему о прежних днях, когда они встречались под кровом его дяди во Флоренции. Но Сангалло был неумолим.

- Мне надо было явиться сюда в тот самый день, как я узнал, что ты поносишь меня перед папой Павлом. Ведь это та же злобная клевета, которую ты пускал в ход и против Браманте.

- Я говорил папе Юлию, что бетон у Браманте скверный и что пилоны треснут. Рафаэль потратил целые годы, чтобы их укрепить и отремонтировать. Разве это неправда?

- Ты рассчитываешь, что тебе удастся восстановить против меня папу Павла. Это ты потребовал, чтобы он объявил тебя архитектором Ватикана. Ты хочешь изгнать меня отовсюду.

- Нет,нисколько. Я забочусь о строительстве. Деньги на него уже все израсходованы, а храма пока и не видно, ни одна часть не готова.

- Только послушать, что говорит великий архитектор! Я видел твой унылый купол, который ты насадил на часовню Медичи. - Сангалло прижал к груди стиснутые кулаки. - Предупреждаю тебя: не суй свой переломанный нос в дела собора! Ты всегда любил встревать в дела которые тебя не касались. Тебя не

отучил от этого даже Торриджани. Если ты дорожишь своей жизнью, запомни: собор Святого Петра – мое дело!

Вспыхнув при упоминании имени Торриджани, Микеланджело все же сдержался, сжал губы и ответил холодно:

– Твое, да не совсем. Собор задумывал я, и, вполне возможно, мне и придется завершать его.

Теперь, когда Сангалло объявил открытую войну, Микеланджело решил, что ему надо внимательно изучить модель собора, построенную противником. Она хранилась в конторе попечителей собора; с помощью Томмазо Микеланджело проник в контору в праздничный день, когда там не было людей.

Увидев модель, Микеланджело ужаснулся. Интерьер храма, задуманный в свое время Браманте в форме простого греческого креста, был целомудрен и чист, полон света хорошо изолирован от всех пристроек. Сангалло же собирался окружить собор кольцом часовен; доступ света внутрь храма, о чем так заботился Браманте, был таким образом сильно затруднен. Ярусы колонн, поставленные друг на друга, бесчисленные башенки и выступы, обилие мелких деталей лишали собор первоначальной ясности и спокойствия. Сангалло строил раньше лишь крепости и оборонительные стены, ему не хватало дара, чтобы создать величественный, исполненный высокого духа храм, достойный стать церковью-матерью христианского мира! Если Сангалло беспрепятственно будет действовать и дальше, собор у него получится тяжелый и громоздкий, без малейших признаков вкуса.

Идя помой, Микеланджело говорил задумчиво:

– Напрасно я беспокоился о бессмысленной трате денег и предупреждал об этом папу. Из всех бед с собором это самая малая.

– Значит, вы больше не собираетесь заговаривать об этом с папой?

– По твоему тону, Томмазо, я чувствую, что ты советуешь мне больше не заговаривать. И на самом деле, что ответит мне папа? "Это выставит тебя в дурном свете". Конечно же, выставит. По ведь собор Святого Петра будет не собором, а мрачной Стигийской пещерой!

6

Все изображения Страшного Суда, которые ему приходилось видеть, казались сентиментальными, чуждыми всякого реализма сказками для детей; в недвижных, словно застывших этих картинах нельзя было ощутить ни духовного озарения, ни пространственной глубины. Христос в них был изображен равнодушно-мертвенным, скованным – обычно он сидел на троне, и суд его уже совершился. А Микеланджело искал в своих работах то поворотное, решающее мгновение, в котором он видел отблеск вечной истины: Давид, замерший на месте за минуту до битвы с Голиафом, господь бог, еще только простерший десницу, чтобы зажечь искру жизни в Адаме, Моисей, лишь решающий поддержать израильтян и укрепить их дух. Так и теперь Микеланджело хотел написать Страшный Суд только готовящимся: Христос, полный порывистой силы, лишь появился, а стекающиеся со всех концов земли и изо всех времен люди идут к нему, объятые леденящим страхом:

– Что со мной будет?

Он создаст ныне самый могучий образ Христа из всех, какие ему доводилось создавать раньше, – в нем будут слиты воедино Зевс и Геракл, Аполлон и Атлант, хотя Микеланджело и чувствовал, что вершить суд над народами будет он, Микеланджело Буонарроти, и никто иной. Правую ногу Христа он чуть подогнет, отодвинет назад, воспользовавшись точно таким же приемом, к какому прибегнул, высекая Моисея: нарушив равновесие фигуры, Микеланджело придаст ей напряженность. Над всею стеной будет властвовать огненная ярость Христа, его внушающий благоговение гнев – террибилита.

Расписывая плафон и воссоздавая Книгу Бытия, он применял яркие, драматические краски; в "Страшном Суде" он будет придерживаться более спокойных, притушенных телесных и коричневатых тонов. Работая над

плафоном, он разделил его на отдельные поля, отграниченные друг от друга сюжеты; в "Страшном Суде" он создаст магический эффект – плоскость стены как бы исчезнет, ее поглотит пространственная глубина фрески.

Теперь, готовый приступить непосредственно к росписи стены, он уже не чувствовал ни груза прошедших лет, ни усталости; неуверенность в будущем тоже больше не грызла его. Любовь к Томмазо давала ему покой и тепло, у него была еще надежда и на то, что он завоеует любовь Виттории: он принялся за роспись с огромной энергией.

- Скажи, Томмазо, как может человек чувствовать себя счастливым, если он пишет "Страшный Суд", где спасется лишь жалкая горстка людей?

- Вы счастливы не потому, что пишете суд и проклятие. С самых ранних пор церковь несла в своем лоне красоту. И даже в этих проклинаемых грешниках есть та же самая возвышенность и благородство, какие вы запечатлели на плафоне.

Он хотел уловить, выразить обнаженную истину через наготу, сказать человеческой фигурой все, что она только способна сказать. Его Христос будет окутан лишь узкой набедренной повязкой, Пресвятая Дева одета в бледно-сиреневое платье, – и все же, когда он писал ее прекрасные ноги, он едва принудил себя прикрыть их легчайшим сиреневым шелком. Всех остальных – мужчин, женщин, младенцев, ангелов – он написал нагими. Он писал их такими, какими сотворил их господь бог... и какими ему хотелось писать их еще тринадцатилетним мальчишкой. Он ничуть не придерживался каких-либо иконографических образцов в расчете на отклик зрителя, от ритуального словаря религиозной живописи в фреске оставалось очень мало. Он не смотрел на себя как на религиозного художника и фреску "Страшного Суда" тоже не считал религиозной. Это была живопись, исполненная высокого духа, говорящая о вечном существовании человеческой души, о господнем могуществе, которое заставляет человека подвергнуть себя собственному суду и осознать свои прегрешения. Микеланджело собрал воедино все человечество, изобразив его лишенным покровов, нагим и борющимся с одной и той же судьбой, к каким бы народам и расам земли ни принадлежали выведенные им люди. Даже апостолы и святые, выставляющие напоказ свои символы мученичества из боязни, как бы их не спутали с другими людьми и не забыли об их святости, – даже апостолы были ошеломлены появлением Христа, этого, как говорил Данте, "самого величественного Юпитера", готового обрушить на виновных и грешных свои яростные громы.

На целые дни затворялся он в Систине и расписывал теперь те люнеты, в которых ему пришлось сбить свои прежние работы: рядом с ним, на высоком помосте, находился один лишь Урбино. Внизу была фигура Христа – он стоял на небесной скале, за спиной его, где обычно изображался трон, горело золотистое солнце. Оглядывая стену с пола капеллы, Микеланджело почувствовал необходимость придать большую зрительную весомость руке Христа, гневно занесенной вверх. Он поднялся на помост и увеличил руку, покрыв краской влажную штукатурку за пределами той линии, которая ограничивала фигуру Христа. Затем он единым порывом написал рядом с Христом Марию – по обе стороны от них уже теснились смятенные людские толпы.

Ночами он читал Библию, Данте и проповеди Савонаролы, присланные ему Витторией Колонной; все, что он читал теперь, сходилось воедино, как части чего-то целого. Вникая в проповеди Савонаролы, он будто слышал его голос: казалось, монах говорил со своей кафедры в храме не сорок лет назад, а сию минуту. Теперь этот святитель-мученик, как называла его Виттория, вставал в воображении Микеланджело полный славы и величия, подобно пророку. Все, что предсказывал фра Савонарола, оправдалось: пришло и разделение церкви, и утверждение новой веры в рамках христианства, и упадок папства и клира, и разложение нравов, и разгул насилия:

"Сила войны и раздора сметет твою роскошь и гордыню, о Рим, всесильная чума заставит тебя забыть твою суетность."

Смотри же, Флоренция: это и твоя судьба, если ты будешь покорствовать тирану. Язык твой поработен, сыны твои в его подчинении, добро и имущество твое в его власти... ты будешь унижена несказанно".

Во внешнем мире, за стенами Систины, все складывалось так, будто Судный

день для папы Павла уже наступил. Кардинал Никколо, теперь один из самых влиятельных кардиналов при папском дворе, сообщил Микеланджело: Карл Пятый Испанский и Франциск Первый Французский опять объявили войну друг другу. Карл продвигался к северу от Неаполя с той самой армией, которая однажды уже разгромила Рим и сокрушила Флоренцию. У папы Павла не было для борьбы с ней ни войска, ни иных средств: он готовился бежать.

- Но куда? - гневно вопрошал Томмазо. - Укроется в замке Святого Ангела, а войска Карла снова будут бесчинствовать в городе? Мы не вынесем нового нашествия. Рим станет грудой камня, вторым Карфагеном.

- А какие у него силы, чтобы сражаться? - возражал Микеланджело. - Под стенами Сан Миниато я видел армию императора. У него пушки, пики, кавалерия. Что бы ты противопоставил этому, коснись дело тебя самого?

- Вот эти голые руки! - Томмазо побагровел; Микеланджело впервые видел его в такой ярости.

Папа Павел решил противопоставить императору... мир и величавое спокойствие. Он встретил Карла на ступенях собора Святого Петра в окружении всей церковной иерархии, сверкавшей великолепными одеяниями, и трех сотен отважных молодых римлян. Карл держался учтиво и как бы признал духовную власть папы. На следующий день он посетил Витторию Колонну, маркизу Пескарскую, друга своей семьи. Та позвала на встречу с императором в сады монастыря Святого Сильвестра на Квиринале своего друга, Микеланджело Буонарроти.

Глава Священной Римской империи, сухой, высокомерный монарх, заговорил с Микеланджело, когда Виттория представила его, довольно оживленно. Микеланджело стал просить императора устранить тирана Флоренции Алессандро. Император не проявил большого интереса к этой теме, но, когда Микеланджело смолк, наклонился к нему и сказал с необычной для него сердечностью:

- Когда я буду во Флоренции, я обещаю тебе сделать одно дело.

- Благодарю вас, ваше величество.

- Я побываю в твоей новой сакристии. Возвращаясь в Испанию, мои придворные уверяли меня, что это одно из чудес света.

Микеланджело посмотрел на Витторию, желая понять, можно ли ему продолжать свои речи. Лицо Виттории было спокойно; она была готова идти на риск вызвать неудовольствие императора, чтобы только дать Микеланджело возможность вступить за свою родину.

- Ваше величество, если скульптуры в новой сакристии хороши, то они хороши потому, что я воспитан в столице европейского искусства. Флоренция будет и дальше создавать великолепные произведения искусства, надо только освободить ее из-под сапога Алессандро.

Сохраняя ту же любезную мину, Карл пробормотал:

- Маркиза Пескарская говорит, что ты величайший художник от начала времен. Я уже видел расписанный тобой свод в Сикстинской капелле; через несколько дней я увижу твои скульптуры в часовне Медичи. Если они действительно таковы, как я слышал, даю тебе свое королевское слово... мы что-нибудь сделаем.

Флорентийская колония в Риме была вне себя от радости. Карл Пятый сдержал свое слово: он посетил часовню Медичи и пришел в такой восторг, что распорядился, чтобы венчание его дочери Маргариты с Алессандро состоялось именно тут, перед Микеланджеловыми изваяниями. Узнав об этом приказе, Микеланджело заболел и перестал работать. Не замечая видневшихся по обочинам гробниц, он брел по Виа Аппиа, уходя в просторы Римской Кампании; потрясение было столь глубоким, что его била дрожь, мучила тошнота, - когда его рвало, он словно бы очищал себя от того яда, которым был пропитан мир.

Высокий брак оказался недолговечным; Алессандро был убит в доме, расположенном рядом с дворцом Медичи; убил его родственник Медичи, Лоренцино Пополано, вообразив однажды, будто Алессандро идет на свидание с его сестрой, юной и чистой девушкой. Флоренция была теперь свободна, ее хищный тиран погиб, но Микеланджело отнюдь от него не избавился. Труп Алессандро, вызывавшего отвращение и ненависть во всей Тоскане, был тайно, под покровом ночи, положен в саркофаг, на котором покоились изваяния "Утра" и "Вечера", высеченные Микеланджело со всем жаром его пылкого сердца.

- Все флорентинцы избавились от Алессандро... кроме меня, - говорил Микеланджело, обратив угрюмый взгляд к Урбино. - Ты теперь видишь, для чего нужен ваятель по мрамору - изготавливать надгробия деспотам.

Потрясение проходит, как проходит и радость. Каждый тяжелый удар судьбы держал Микеланджело вне стен Сисдины неделю или две. Но такая добрая весть, как весть о свадьбе его племянницы Чекки, вышедшей замуж за сына знаменитого флорентийского историка Гвиччардини, или посвящение духовника и наставника Виттории Колонны, Реджинальдо Поле, в кардиналы, что обещало серьезную поддержку церковной партии, стоявшей за реформу, - все такие события вновь подталкивали Микеланджело к работе. И он тут же принимался за нее: он писал сейчас тесную группу святых, ошеломленных гневом Христа: Катерину с обломком колеса, Себастьяна с пучком стрел, и чуть дальше - искаженные мукой тела, взлетающие к небесному своду, прекрасные женские фигуры среди полчищ мужских. Микеланджело нашел силы и время еще и для того, чтобы умилостивить до сих пор бесновавшегося герцога Урбинского: он сделал ему модель бронзового изваяния коня и богато украшенный ларец для соли. Микеланджело очень утешало то обстоятельство, что Флоренцией ныне правил наследник той ветви рода Медичи, которая носила фамилию Пополано, - скромный и сдержанный Козимо де Медичи, семидесятилетний старик, - и что многие изгнанники-флорентинцы, жившие в Риме, возвращались теперь домой. Юные сыновья сверстников и друзей Микеланджело шли теперь к нему в мастерскую, чтобы сердечно с ним попрощаться.

И тем не менее его уже ожидало новое потрясение. Коварная судьба, властвовавшая над Флоренцией с той поры, как безвременно скончался Лоренцо Великолепный, творила свое злое дело, готовя настоящую трагедию: Козимо, при всей его моральной непогрешимости, тоже превратился в тирана и лишил вновь избранные в городе советы всякого влияния. В ответ молодые флорентинцы сколотили армию, закупили оружие. Они обратились к Франциску Первому, прося у него военной помощи, чтобы разбить сторонников Козимо. Но Карл Пятый отнюдь не хотел восстановления республики во Флоренции: он предоставил свои войска Козимо, и тот раздавил восстание. Руководители повстанцев - лучшие, благороднейшие люди Тосканы - были казнены; почти каждая семья понесла тяжелую утрату; был зарублен мечом Филиппе Строцци, убит был и его сын; вместе со своим сыном был приговорен к смерти Баччио Валори; десятки молодых изгнанников, когда-то толпами ходивших в мастерскую Микеланджело, отважных, жаждавших возвратиться на родину и сражаться за свой город, были теперь мертвы, мертвы вопреки своей юной красе и славе.

- В чем они были грешны? Чем провинились? - горестно вопрошал Микеланджело. - За что их осудили на смерть без колебания и пощады? В каких диких лесах мы живем, если эти зверские, бессмысленные преступления совершаются безнаказанно?

Как он, Микеланджело, был прав, поместив на этой стене разгневанного, яростного Иисуса в день Страшного Суда!

Он перерисовал теперь весь нижний край картона - и правый угол и левый, где мертвые вставали из могил: впервые набросал он группу уже осужденных, проклятых людей: Харон вез их в своей ладье к теснинам ада. Теперь человек казался лишь особой формой животного, которое ищет себе пропитание, бродя по лику земли. Неужто человек обладает бессмертной душой? А если и обладает, то как мало это значит! Ведь душа всего лишь некий довесок, который человек должен тащить с собой в преисподнюю. Может быть, она поможет ему снова попасть в чистилище и, в конечном итоге, даже в рай? Однако сейчас Микеланджело был склонен сказать: "Позвольте усомниться в этом"... ибо Виттория Колонна тоже переживала тяжелое время.

Джованни Пьетро Караффа, давно уже подозревавший Витторию в том, что она интересуется новыми учениями и бросает вызов вере, был теперь назначен кардиналом. Этот религиозный фанатик прилагал все усилия к тому, чтобы ввести в Италию инквизицию, истребить еретиков, вольнодумцев, инакомыслящих... и, что уже имело прямое касательство к Виттории Колонне, тех, кто воздействовал на церковь извне, стараясь побудить ее к внутренним реформам. Кардинал Караффа не делал секрета из того, что считает Витторию Колонну и небольшой ее кружок опасным для церкви. Хотя кружок был

малочислен и собиралось у Виттории обычно не больше восьми-девяти человек, среди них все же нашелся доносчик: каждый понедельник утром Караффа располагал подробной записью бесед, которые велись у Виттории в воскресный вечер.

- Чем это грозит вам? - с тревогой спрашивал Микеланджело Витторию.

- Да ничем, - ведь многие кардиналы сами стоят за реформу.

- А если Караффа захватит власть?

- Тогда - изгнание.

У Микеланджело упало сердце. Он смотрел на ее белое, как алебастр, лицо и сам страшно побледнел.

- Может быть, вам надо держаться осторожней?

От волнения голос его звучал хрипло. О ком он беспокоится, за кого молит судьбу - за нее или за себя? Ведь она знала, как важно для него ее присутствие в Риме.

- Осторожность ни к чему не приведет. Я могла бы просить и вас быть более осторожным. - Казалось, ее голос звучит тоже чуть хрипло. О ком она беспокоится, за кого молит - за себя или за него? Разве она не дала ему понять, что она желает, чтобы он был подле нее? - Караффе очень не нравится, как вы пишете в Систине.

- Откуда ему знать, как я пишу? Я всегда запираю капеллу.

- Он узнает об этом тем же способом, каким узнает о наших беседах.

С тех пор как Микеланджело начал увеличивать свои картоны, он никого, кроме Урбино, Томмазо, кардинала Никколо и Джованни Сальвиати, в мастерскую не пускал, и ни одна живая душа, помимо Урбино, не бывала у него в капелле. И все же о том, что именно он писал на стене, знал не только кардинал Караффа. Микеланджело стал получать письма с откликами на свою работу из многих мест Италии. Самое странное письмо пришло от Пьетро Аретино. Микеланджело знал его по слухам как одаренного писателя и в то же время негодяя, лишенного всякой совести: путем наглых вымогательств он нажил целое состояние, добивался всяческих благ, загребал огромные деньги. Он получал эти деньги даже у принцев и кардиналов, запугивая их тем, какой вред он нанесет им, если наводнит Европу своими злобными письмами, в которых будет столько остроумия и комических подробностей, что при дворах сразу же начнут пересказывать эти клеветнические письма как забавные анекдоты. Жадность и неумная похоть иногда толкали его на край нищеты, навлекали немилость Власть имущих, но в данное время он был важной персоной в Венеции, интимным другом Тициана, общался с королями.

Аретино в своем послании вздумал подсказать Микеланджело, как тот должен писать "Страшный Суд":

"Среди бесчисленной толпы я вижу Антихриста с такими чертами, какие вы один можете вообразить; я вижу ужас на лицах живых; я вижу, как угасает лик солнца, луны, и звезд; вижу, как жизнь превращается в огонь, воздух, землю и воду и исчезает, как сама усталая Природа становится дряхлой и бесплодной... Я вижу жизнь и смерть, охваченные ужасом и смятением... Я вижу, как стремительно срываются слова осуждения, которые среди страшных громов произносит Сын Божий..."

Аретино заканчивал свое пространное письмо замечанием, что, хотя он клялся никогда больше не приезжать в Рим, его одолевает желание поклониться гению Микеланджело. Стараясь отвязаться от непрошеного советчика, Микеланджело отвечал ему в насмешливом тоне:

"Если вы говорите, что приедете в Рим только для того, чтобы посмотреть на мои произведения, то прошу вас отказаться от вашего намерения. Это было бы уж слишком много! Получив ваше письмо, я испытал радость и в то же время огорчился, так как, закончив уже большую часть росписи, я никак не могу воспользоваться вашим замыслом".

Аретино засыпал Микеланджело ворохом писем, назойливо домогаясь то рисунка, то куска картона, то модели. "Разве я не заслужил своею преданностью того, чтобы получить от вас, князя скульптуры и живописи, один из тех картонов, которые вы кидаете в огонь?" Он присылал письма даже друзьям Микеланджело - юному Вазари, которого Аретино знал по Венеции, и

другим художникам, часто бывавшим в мастерской на Мачелло деи Корви, - желая заручиться их помощью и все же получить от Микеланджело кое-какие рисунки, чтобы потом продать их. Микеланджело отвечал венецианцу все уклончивей, потом эта история ему надоела и он резко оттолкнул Аретино.

Это было ошибкой. Аретино таил свою злобу до тех пор, пока Микеланджело не закончил фреску "Страшного Суда", затем он испустил две зловонных чернильных струи, одна из которых едва не уничтожила пятилетний труд Микеланджело, а другая изрядно попортила его характер.

7

Время и пространство теперь слились для него воедино. Он не мог бы сказать, сколько дней, недель или месяцев прошло с тех пор, как 1537 год уступил свое место 1538-му, но он мог в точности перечислить все фигуры на алтарной стене, взлетающие сквозь нижние слои облаков вверх, к скалистому утесу, по обе стороны от Божьей Матери и Сына. Христос, с яростной угрозой занесший над головою десницу, возник здесь не для того, чтобы выслушивать мольбы и пени. Грешники тщетно просили бы о пощаде. Нечестивцы были обречены заранее, в воздухе веял ужас.

И все же никогда и нигде еще формы человеческих тел не были написаны так любовно и трепетно, как на этой стене. Неужели столь низкий и бедный дух мог жить в столь благородном воплощении? Почему тела перепуганных смертных созданий были так сильны и прекрасны, что любые подвиги их ума и души не могли сравниться с высоким совершенством их плоти?

Каждое утро Урбино готовил нужное на данный день поле стены под фреску; к вечеру Микеланджело заполнял это поле то фигурой свергаемого в преисподнюю грешника, то изображениями уже состарившихся Адама и Евы. Урбино стал теперь, подобно Росселли, настоящим мастером и так искусно подгонял участок свежей, утренней штукатурки к подсохшему вчерашнему, что швов и линий соединения нельзя было заметить. В полдень служанка Катерина приносила в капеллу горячую пищу, Урбино ставил ее на жаровню, тут же, на лесах, а потом подавал Микеланджело.

- Ешьте как следует. Вам нужны силы. Вот кулебяка. Приготовлена в точности так, как это делала ваша мачеха: цыпленок зажарен на масле и перемолот вместе с луком, петрушкой, яйцами и шафраном.

- Урбино, ты знаешь, я слишком взвинчен, чтобы есть в середине рабочего дня.

- ...и слишком устаете, чтобы есть в конце. Посмотрите-ка, что тут у меня есть - салат! Такой, что сам тает во рту.

Микеланджело усмехнулся. Чтобы доставить удовольствие Урбино, он начинал есть и сам дивился тому, что еда казалась ему вкусной и напоминала блюда покойной мачехи. А Урбино был рад: его тактика возымела успех.

Поработав месяц или два без перерыва, Микеланджело едва держался на ногах, и Урбино заставлял его посидеть дома, отдохнуть, отвлечься, занявшись блоками "Пророка", "Сивиллы" и "Богоматери", предназначенных для наследников Ровере. Когда Микеланджело услышал, что умер герцог Урбинский, он почувствовал огромное облегчение, хотя и признавал, что радость по поводу смерти человека достойна покаяния. Скоро в мастерскую на Мачелло деи Корви явился новый герцог Урбинский. Взглянув на стоявшего в дверях герцога, Микеланджело поразились: так он был похож на своего отца.

"Боже мой, - подумал Микеланджело, - мне достаются в наследство сыновья не только моих друзей, но и заклятых врагов".

Однако в отношении молодого герцога Микеланджело ошибался.

- Я пришел положить конец раздорам, - сказал тот негромко. - Я никогда не соглашался с отцом, я не считаю, что ответственность за неудачу с надгробьем моего двоюродного деда лежит на вас.

- Вы хотите сказать, что отныне я могу назвать герцога Урбинского своим другом?

- И поклонником. Я часто говорил отцу, что, если бы вам дали возможность, вы бы закончили эту гробницу. Завершили же вы работу в Систине и в капелле Медичи. Вас надо на время оставить в покое и не отвлекать от дела.

Микеланджело опустился в кресло.

- Сын мой, понимаете ли вы, какую тяжесть вы только что сняли с моих плеч?..

- В то же самое время, - продолжал молодой человек, - вы должны осознать, как горячо мы желаем, чтобы вы закончили это святое надгробие моего деда, папы Юлия. Из уважения, которое мы питаем к папе Павлу, мы не станем прерывать вашу работу и подождем, пока фреска не будет закончена. Но потом, после завершения фрески, мы просим вас отдать все свои силы гробнице и удвоенным прилежанием наверстать упущенное время.

- Готов всей душой! Вы получите гробницу.

Долгими зимними ночами он набрасывал рисунки для Виттории: "Святое Семейство", чудесно задуманное "Оплакивание"; в ответ на такое внимание она подарила ему только что напечатанную книгу своих стихотворений. Подобный характер общения не удовлетворял Микеланджело, ему хотелось излить свою страсть более открыто и полно, но его любовь и его уверенность, что и Виттория чувствует к нему глубокое влечение, поддерживали его творческие силы, пока он писал своих по-крестьянски кряжистых ангелов: плывя на крепком суденышке ниже облаков, окутывающих скалу Христа, ангелы дули в трубы с такой адской громогласностью, что мертвецы, изображенные на нижнем крае стены, должны были непременно услышать их и восстать из могил.

Братья Микеланджело, его племянник Лионардо и племянница Чекка постоянно писали ему, сообщая о семейных делах. Лионардо стал уже совсем взрослым, скоро ему должно было исполниться двадцать лет, и он добился того, что шерстяная лавка Буонаррото впервые начала приносить доход. Чекка каждый год преподносила Микеланджело нового племянника. Время от времени Микеланджело приходилось писать своим родственникам очень сердито: то его не соизволили известить, получены ли посланные им деньги, то опять ссорились Джовансимоне и Сиджизмондо, не договорившись, кому из них и сколько причитается пшеницы с того или иного участка. Иногда раздражал Микеланджело и Лионардо - так, однажды он попросил племянника прислать ему лучших флорентийских сорочек, и тот прислал ему три штуки, но они оказались "такими жесткими, что их не мог бы носить и крестьянин".

Когда Лионардо присылал из Флоренции хорошие груши и вино треббиано, Микеланджело нес часть посылки в Ватикан в подарок папе Павлу. С папой он крепко сдружился. Бывало, он долго не навещал папу, и тогда папа вызывал его, отрывая от работы, в свой тронный зал и спрашивал обиженным тоном:

- Микеланджело, почему ты не приходишь ко мне повидаться?

- Святой отец, здесь я вам совсем не нужен. Думаю, что своей работой я служу вам гораздо лучше, чем все те, кто толчется у вас с утра до вечера.

- Художник Пассенти бывает у меня каждый день.

- Пассенти - человек ординарных способностей; такой талант вы отыщете без фонаря на любом рынке.

Папу Павла можно было бы считать хорошим папой: кардиналов назначал уважаемых и дельных и был твердо намерен осуществить реформу церкви. Несмотря на то, что он противопоставил военной силе императора Карла лишь авторитет и власть церкви, ему удалось избежать и войны, и вражеского нашествия. Он был глубоко предан искусству и науке. Тем не менее всеми своими корнями он был связан со временем господства Борджиа, и это делало его уязвимым для нападков. Так же нежно привязанный к своим сыновьям и внукам, как папа Борджиа был привязан к Цезарю и Лукреции, он не брезговал любой интригой, если только считал, что это идет на пользу его сыну Пьеру Луиджи, для которого он всеми силами старался раздобыть герцогство. Своего четырнадцатилетнего внука Алессандро Фарнезе он назначил кардиналом, а другого внука женил на дочери Карла Пятого, вдове Алессандро де Медичи, и отнял для него у герцога Урбинского герцогство Камерино. За такие его дела враги называли Павла подлым и безжалостным.

В конце 1540 года, уже расписав две трети стены, весь ее верх, Микеланджело с помощью нанятого плотника Лудовико перестроил помост, сделал его ниже. Папа Павел, прежде ни разу не заходивший в капеллу, чтобы

не помешать Микеланджело, прослышал о его успехах и однажды, без всякого предупреждения, постучал в запертую дверь капеллы. Урбино открыл дверь и, увидя первосвященника, не мог его не впустить.

Микеланджело сошел с низенького своего помоста, приветствуя папу Павла и его церемониймейстера Бьяджо да Чезену самым сердечным образом. Папа постоял минуту, оборотясь лицом к алтарной стене, затем, не сводя с нее глаз и с трудом сгибая больные ноги, двинулся с места. Дойдя до алтаря, он опустился на колени и стал горячо молиться.

Бьяджо да Чезена стоял недвижно и горящими глазами смотрел на "Страшный Суд". Павел поднялся с колен, осенил крестным знаменем Микеланджело, а потом и его фреску. По щекам его катились слезы гордости и смирения.

- Сын мой, ты создал вещь, которая прославит мое царствование.

- Полное бесстыдство, - сказал, словно выплюнул, Бьяджо да Чезена.

Папа Павел смолк, пораженный.

- Совершенно безнравственная фреска! Я не в силах отличить тут святых от грешников. Здесь только сотни голых людей, выставляющих свои срамные места. Чистый позор!

- Вы считаете человеческое тело позорным? - спросил Микеланджело церемониймейстера.

- В бане это годится. Но в папской капелле - нет! Это же настоящий скандал!

- Скандал будет только в том случае, если ты, Бьяджо, вздумаешь его устроить, - твердо сказал Павел. - В день Страшного Суда мы все предстанем перед господом голыми. Сын мой, как я могу выразить тебе мою величайшую благодарность?

Микеланджело умиротворяюще взглянул на церемониймейстера и попытался протянуть ему руку: наживать врагов своей фрески он не хотел. В ответ на это Бьяджо да Чезена сказал ему с угрозой:

- Придет день, и твоя кощунственная роспись будет уничтожена, как ты уничтожил ради нее прекрасную работу Перуджино.

- Пока я жив, этого не будет! - гневно вскричал папа Павел. - Я отлучу от церкви каждого, кто только посмеет тронуть этот шедевр!

Папа и церемониймейстер ушли. Микеланджело стоял, потирая грудь, мучительно занывшую под левым соском. Он велел Урбино замесить свежей штукатурки и покрыть ею пустое место внизу стены, в крайнем углу справа. Как только Урбино сделал свое дело, Микеланджело принялся писать карикатуру на Бьяджо да Чезену. Он представил его судьей в царстве Аида, с ослиными ушами, чудовищная змея обвивала нижнюю часть его тела; в лице было убийственное сходство с церемониймейстером: тот же заостренный нос, те же тонкие, как бы обтягивающие клыки, губы. Микеланджело знал, что это не очень-то достойный способ мести, но как иначе мог отметить художник?

Слух о карикатуре каким-то образом проник в Ватикан. Бьяджо да Чезена потребовал нового осмотра фрески.

- Вы видите, святой отец, - вопил церемониймейстер, - слухи были верны! Буонарроти вставил меня в фреску. И нарисовал какую-то омерзительную змею, где должны быть мои сокровенные места.

- Это взамен одежды, - ответил Микеланджело. - Я же знал, что вы будете против того, чтобы вас показывали голым.

- Поразительное сходство! - заметил папа, в глазах его играли лукавые искорки. - А разве ты не говорил, Микеланджело, что портретное сходство тебе не удается?

- Это было какое-то озарение, святой отец.

Бьяджо да Чезена приплясывал, судорожно переступая с одной ноги на другую, словно бы на адском огне поджаривали его самого, а не бесплотное его изображение.

- Святой отец, прикажите ему, пусть он уберет меня с фрески!

- Убрать из ада? - изумленно посмотрел папа на церемониймейстера - Если бы он поместил тебя в чистилище, я приложил бы все старания, чтобы тебя вызволить оттуда. Но ты прекрасно знаешь, что из ада исхода нет.

На следующий день Микеланджело убедился, что никому не дано смеяться последним. Стоя на помосте, он писал Харона - с выпученными глазами, с рогами вместо ушей, Харон выбрасывал проклятых грешников из своей ладьи в огненные потоки. Вдруг Микеланджело почувствовал головокружение. Он попытался ухватиться за ограждение на помосте, но сорвался и упал на

мраморный пол. От страшной боли он лишился сознания. Придя в себя, он увидел, что Урбино брызжет ему в лицо холодной водой, - вода была с песчинками, из грязного ведра.

- Слава господу, наконец вы очнулись. Ничего не поранили? Не сломали?

- Право не знаю. Такой глупец, как я, мог переломать себе все кости. Пять лет я работал на этих лесах. И вот, когда работа уже почти закончена, все-таки свалился.

- У вас кровь на ноге. Наверно, резануло этой тесиной. Я побегу искать карету.

- Не выдумывай. Не надо мне никакой кареты. Никто не должен знать, до какой дурости я дошел. Помогите мне подняться. Держи за плечо. Я еще в силах ехать домой верхом.

Урбино уложил Микеланджело в постель, поднес к его губам и заставил выпить стакан треббиано, обмыл рану. Когда он собрался идти за доктором, Микеланджело сказал:

- Никаких докторов. Я не хочу быть посмешищем всего Рима. Запри на ключ парадную дверь.

Несмотря на то что Урбино прикладывал к ране горячие полотенца, она стала гноиться. У Микеланджело начался жар. Урбино охватил страх, он послал нарочного за Томмазо.

- Я не позволю вам умереть...

- В смерти есть и свои выгоды, Урбино. Умру, и не надо будет больше вбираться на эти леса.

- Как сказать. А вдруг в аду человека заставляют вечно делать то, что ему осточертело при жизни?

Томмазо явился на Мачелло деи Корви вместе с доктором Баччио Ронтини. Микеланджело отказался их впустить и даже велел не отпирать парадную дверь, но они вошли в дом с черного хода. Доктор Ронтини был в ярости.

- Никто не может тягаться с флорентинцами в упрямстве и тупоумии, - говорил он, обследуя гноящуюся рану. - Еще бы день или два - и...

Прошла неделя, прежде чем Микеланджело поднялся на ноги. Чувствовал он себя очень ослабевшим. Урбино помог ему влезть на помост, наложил слой свежего раствора на небесный фон, чуть ниже фигуры Святого Варфоломея. Микеланджело начал выводить кистью карикатурное изображение самого себя: искаженное горем, изможденное лицо, голова с курчавыми волосами, вместо тела пустая кожа, которую держал в руке Святой Варфоломей.

- Теперь Бьяджо да Чезена немного порадует, - сказал Микеланджело, обращаясь к Урбино и оглядывая вздернутую в воздухе, пустотелую свою фигуру. - Мы оба, и он и я, предстали перед судом, и обоим нам воздали должное.

Микеланджело расписывал теперь третий, нижний ярус стены, - работа тут была проще, поскольку фигур намечалось немного: требовалось лишь символически показать кладбище и преисподнюю, встающих из могил мертвецов. Один из них - скелет, лишенный плоти, - тянулся к небесам, туда, где парили праведники. В правом углу фрески Микеланджело показал живых грешников и адский огонь, в который они угодили.

Как раз в это время дела Виттории приняли самый дурной оборот. Влиятельнейшая и одареннейшая женщина Рима, поэтесса, стихи которой ценил великий Ариосто, святая женщина, почитаемая самим папой, близкий друг императора Карла Пятого, принадлежавшая по крови к богатейшему роду Колонна и к роду д'Авалос по браку, Колонна была теперь под угрозой изгнания: этого добивался кардинал Караффа. Казалось невероятным, чтобы знатная дама, занимавшая столь высокое положение в обществе, подверглась таким суровым гонениям.

Микеланджело пошел во дворец Медичи - просить помощи у кардинала Никколо. Тот старался всячески успокоить его.

- Необходимость реформы признают теперь в Риме буквально все. Мои дядья - Лев и Клемент - были слишком деспотичны, они старались подчинить инакомыслящих путем наказаний. А Павел послал друга маркизы, кардинала Контарини, вести переговоры с лютеранами и кальвинистами. Я думаю, придет время, и успех будет на нашей стороне.

Оказавшись на сейме в Регенсбурге, кардинал Контарини достиг многого и был уже на пороге победы, но кардинал Караффа отозвал его с сейма, обвинил в тайном стоворе с императором Карлом Пятым и отправил в ссылку в Болонью.

Виттория прислала Микеланджело записку: не может ли он прийти к ней незамедлительно? Она желала проститься с ним.

Был упоительно прекрасный апрельский день, в садах Колонны распускалась зеленая листва, вольные запахи весны струились даже внутри высоких каменных стен. Зная, какой им предстоит разговор, Микеланджело рассчитывал застать Витторию в одиночестве, но сад был полон людей. Виттория встала, встретив его с печальной улыбкой. Она была одета во все черное, черная мантилья покрывала ее золотистые волосы; лицо казалось изваянным из чудесного мрамора Пьетрасанты. Он молчал, стоя перед нею.

- Как хорошо, что вы пришли, Микеланджело.

- Не будем терять времени на обмен любезностями. Вас отправляют в ссылку?

- Мне дали понять, что было бы желательно, если бы я покинула Рим.

- Куда вы едете?

- В Витербо. Я жила там в монастыре Святой Католины и считаю его одним из своих домов.

- Когда я увижу вас снова?

- Когда того пожелает господь.

Они замолчали и долго смотрели друг другу в глаза: разговор как бы продолжался.

- Я очень сожалею, Микеланджело, что у меня не будет возможности посмотреть ваш "Страшный Суд".

- Вы увидите его. Когда вы уезжаете?

- Завтра утром. Вы будете писать мне?

- Я буду писать, и я буду присылать вам рисунки.

- Я буду отвечать вам и пришлю вам свои стихотворения.

Он круто повернулся и вышел из сада; потом он, подавленный горьким чувством утраты, укрылся в мастерской и запер на ключ двери. Было уже темно, когда он стряхнул с себя оцепенение и сказал Урбино, чтобы он зажег фонарь и шел с ним в Систину. В окнах кварталов, где жили флорентинцы, всюду горели огни. По другую сторону моста вздымался замок Святого Ангела, напоминая собой цилиндрически высеченную каменную гору. Урбино отпер дверь капеллы и, держа в руке зажженную тонкую свечу, поднялся на помост, накапал на ограждение горячего воска и потом укрепил и зажег там еще две свечи, более крупные.

"Страшный Суд" прятался из мрака подобно циклону и предстал, сияющий, в мерцающем полусвете огромной капеллы. Судный День стал Судной Ночью. Три сотни мужчин, женщин, детей, святых, ангелов, демонов, многие из которых были едва различимы даже при свете дня, выступили вперед, чтобы стать распознанными и разыграть свою зловещую драму, заполнив пространство часовни.

Что-то заставило Микеланджело взглянуть на плафон. Вскинув голову, он увидел господина бога, созидателя вселенной. В уме Микеланджело пронеслись строки из Книги Бытия:

"И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ея, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его. И увидел бог, что это хорошо.

И создал бог два светила великия, светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды; и поставил их бог на тверди небесной, чтобы светить на землю. И управлять днем и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел бог, что это хорошо.

И сотворил бог человека по образу своему, по образу божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их.

И увидел бог, что это хорошо весьма".

Микеланджело снова взглянул в огромную роспись, сделанную им на алтарной стене. И увидел он, что это хорошо весьма.

ЧАСТЬ ОДИННАДЦАТАЯ. КУПОЛ

1

В канун Дня Всех Святых, ровно через двадцать девять лет после того, как папа Юлий освятил плафон, папа Павел отслужил торжественную мессу по поводу завершения фрески "Страшного Суда". В Рождество 1541 года капеллу открыли для посещения публики. Сюда устремился весь Рим: люди и ужасались, и взирали на фреску с благоговением, - каждый был потрясен. Мастерскую на Мачелло деи Корви заполнили флорентинцы, кардиналы, художники, их ученики и подмастерья. Когда все они ушли, Микеланджело понял, что его не хотели замечать и не удостоили посещением две римские группировки: сложившийся еще во времена Браманте - Рафаэля кружок художников и архитекторов во главе с Антонио да Сангалло и приверженцы кардинала Караффы.

Очень скоро война разгорелась уже в открытую. Бывший монах Бернардино Кино допрашивал папу:

- Как вы можете, ваше святейшество, допустить, чтобы в капелле, где происходят самые торжественные богослужения, находилась непристойная фреска Микеланджело?

Но, зайдя на следующий день в Сistine, Микеланджело увидел, что с полдюжину художников, сидя на мягких стульях, рисовали и копировали "Страшный Суд". А папа вновь обратился к его помощи, попросив расписать в часовне, названной по имени Павла Паулиной, две стены размером более трех с половиной квадратных аршин. Часовня Паулина, недавно выстроенная Антонио да Сангалло по его же проекту, находилась между Сикстинской капеллой и собором Святого Петра. Это было тяжеловесное, громоздкое здание с двумя верхними окнами, дававшими мало света, тусклые его стены были со вкусом оттенены красноватыми коринфскими колоннами. Папа Павел просил Микеланджело написать на одной стене "Обращение апостола Павла", на другой - "Распятие апостола Петра".

Исподволь вдумываясь в образы "Обращения", Микеланджело целыми днями не расставался с молотком и резцом. Он высек бюст Брута - создать изваяние этого тираноборца его упрашивала флорентийская колония. Он отделявал волосы Моисея, шлифуя и оттачивая каждую прядь, каждый завиток; тогда же он изваял на лбу Моисея два рога, или, как говорилось о них в Ветхом завете, два световых луча. Когда наступили знойные дни, он вынес на террасу, выходящую в сад, два мрамора, один из них должен был стать "Рахилью", другой - "Лией"; в Рахили Микеланджело хотелось дать олицетворение Созерцательной жизни, в Лии - Деятельной. Статуи предназначались для двух ниш по обе стороны изваяния Моисея: эти ниши теперь, когда гробница Юлия по новому проекту примыкала к стене, казались слишком малыми, чтобы вместить "Восставшего Раба" и "Умиравшего Раба". Он закончил рисунки к "Богородице", "Пророку" и "Сивилле" - последним статуям для гробницы Юлия, а высекать их вызвал того Рафаэло да Монтелупо, который изваял "Святого Дамиана" в часовне Медичи. Ныне, когда "Рабы" как бы отделились от надгробия, а четыре незаконченных "Гиганта" и "Победитель" все еще стояли во Флоренции, Эрколе Гонзага оказался истинным провидцем. "Моисей" один станет красой и величием усыпальницы Юлия, один будет говорить о мастерстве Микеланджело. Разве этого недостаточно, чтобы, как утверждал кардинал мантуанский, воздать честь любому человеку?

И Микеланджело спрашивал себя, как отнесся бы Якопо Галли к тому, что в конце концов на гробнице Юлия будет стоять лишь одно крупное изваяние вместо сорока, которые Микеланджело был обязан высечь по первоначальному договору.

Он решил, что настала пора дать Урбино возможность жить самостоятельно, что верный подмастерье этого заслужил.

- Урбино, тебе уже больше тридцати. В такие годы мужчине нужно добывать свой хлеб без посторонней помощи. Папа согласен платить тебе восемь дукатов в месяц, пока я расписываю его часовню. Может быть, ты хочешь потрудиться и над стеной, когда будут возводить Юлиеву гробницу, заключишь на это формальный договор?

- Да, мессер, я согласен. Мне надо скопить денег на женитьбу. В семействе, которое купило наш родовой дом в Урбино, есть маленькая девочка... лет через десять она будет мне хорошей женой.

Микеланджело жестоко страдал, тоскуя по Виттории Колонне. Ночами, в самые глухие часы, он писал ей длинные письма, часто прилагая к ним сонет или рисунок. Сначала Виттория отвечала ему без задержки, но чем горячее и требовательнее становились его письма, тем реже она отзывалась на них. На его возмущенный и полный горечи вопрос: "Почему?" - она ответила так:

"Благороднейший мессер Микеланджело!

Я долго отмалчивалась, собираясь ответить на ваше письмо, и этот мой ответ будет, если можно так выразиться, окончательным. Я убеждена, что если мы будем писать друг другу непрерывно, то, принимая во внимание данное мной слово и вашу неизменную любезность, я должна буду пренебречь всеми своими делами в монастыре Святой Кaterины и совсем не видаться в установленные часы со своими сестрами, а вам придется оставить вашу работу в часовне Святого Павла, не бывая там целыми днями.

...Таким образом это помешает обоим нам исполнять свой долг и свои обязанности".

Микеланджело был сокрушен. Словно мальчика, получившего суровый нагоняй, его язвили боль и досада. Он по-прежнему сочинял ей страстные стихи... и прятал их дома, не отсылая. Он довольствовался обрывками слухов, которые передавали ему люди, приезжавшие из Витербо. Узнав однажды, что Виттория больна и редко выходит из своей комнаты, он страшно взволновался, отбросив прочь всякое чувство смирения. Смотрят ли там за нею врачи? Заботится ли она сама хоть немного о своем здоровье?

Он изнервничался, устал, выбился из колеи, но надо было снова входить в эту колею и работать. Он готовил под роспись стену в Паулине, он внес в банк Монтауто четырнадцать сотен дукатов для выплаты этих денег Урбино и Раффаэло да Монтелупо после того, как они завершат свою работу по гробнице. Он сделал небольшой композиционный набросок к будущей фреске "Обращение Павла" - в нее входило около пятидесяти полных фигур и немало голов и лиц, видневшихся в толпе, окружавшей Павла, когда тот лежал, поверженный наземь столбом желтого огня, сошедшего с неба, - впервые в жизни Микеланджело взялся изображать чудо из Нового завета. В эти же недели он высекал "Рахиль" и "Лию" - двух молодых, нежных женщин. Это были закутаные в одеяния фигуры-символы, и Микеланджело трудился над ними без особого воодушевления, как когда-то без большого интереса он ваял статуи по заказу Пикколомини. И "Лия" и "Рахиль" казались ему лишенными истинной души, страсти, в них не было того трепета, того ступка энергии, который насыщал бы собой окружающее статую пространство.

В мастерской и в саду Микеланджело кипела теперь работа: полдесятка молодых людей помогали Урбино и Раффаэло да Монтелупо как можно скорей закончить надгробие. Микеланджело был тронут, когда убедился, что в Риме жило немало евреев, которые считали себя сыновьями и внуками натурщиков, позировавших ему при работе над его первым "Оплакиванием", - эти люди просили теперь разрешения зайти в мастерскую и посмотреть на "Моисея". Со смешанным чувством гордости и изумления они стояли перед своим великим учителем и беззвучно нашептывали что-то: как Микеланджело хорошо знал, что это не могло быть молитвой, ибо Десять Заповедей запрещали молитву всуе.

Время теперь - и настоящее и будущее - интересовало его только с точки зрения работы. Сколько ему еще отпущено лет? Сколько новых работ, новых проектов еще ждет его впереди? "Обращение апостола Павла" займет, по-видимому, очень много времени, "Распятие апостола Петра" - и того больше. Не лучше ли считать предстоящие работы, а не дни и недели; годы тогда не будут лететь, мелькая один за другим, подобно монетам, которые ты

сыплешь в ладонь прижимистого ростовщика. Гораздо проще думать о времени как о физической возможности творить: сначала две фрески в Паулине, потом "Снятие со Креста", которое Микеланджело хотел высечь для собственного удовольствия, потратив на это последний из оставшихся прекрасных каррарских блоков... Господь не захочет прервать работу художника в самом ее разгаре.

Он тратил время с такой же легкостью, с какой выпивал чашку воды: несколько дней уходило у него на то, чтобы придумать и нарисовать слугу, удерживающего испуганную лошадь апостола Павла, неделя - на то, чтобы изобразить бескрылого ангела, месяц - чтобы создать образ Павла, пораженного светом, исходящим от десницы Христа; понятие год означало работу над фигурами путников и воинов, теснившихся около Павла: одни из них замерли в ужасе, другие пытались бежать, кто-то, оцепенев, смотрел, как замороженный, ввысь, к небу. Разве это не лучший способ - исчислять время по тому, чем оно заполнено?

В Риме был учрежден инквизиционный трибунал. Кардинал Караффа, отличавшийся высоконравственным образом жизни еще при развращенных нравах двора папы Алессандра Шестого Борджиа, стягивал сейчас в свои руки огромную власть вопреки желанию своих подчиненных. Хотя Караффа похвалялся тем, что он никому не угождает, резко отвергая любые домогательства и просьбы об услугах, хотя он был горяч и несдержан, отталкивающе худ лицом и телом, его рьяная защита церковных догм сделала его самым влиятельным человеком во всей коллегии кардиналов - Караффу там и почитали, и трепетали перед ним, не смея ослушаться. Инквизиционный трибунал, где верховодил Караффа, уже выпустил Индекс, в котором указывалось, какие книги можно было печатать и читать.

Виттория Колонна приехала в Рим и поселилась в монастыре Святого Сильвестра близ Пантеона. Микеланджело считал, что ей не надо было покидать безопасное убежище в Витербо. Он настаивал на том, чтобы они встретились. Виттория отказывалась. Он обвинял ее в жестокости; она отвечала, что это не жестокость, а милосердие. Он упорствовал и в конце концов добился свидания... увь, он увидел, что у этой женщины уже не стало ни былой красоты, ни силы. Недуги и тяжесть предъявленных ей обвинений состарили ее на двадцать лет сразу. Нет, это была не прежняя Виттория, полная энергии, обаяния, чувства; лицо ее покрывали морщины, губы иссохли и побледнели, зеленые глаза глубоко запали, золотистая медь волос поблекла. Сложив руки на коленях, она одиноко сидела в монастырском саду, голова ее была покрыта вуалью. Это была сломленная, смирившаяся душа.

- Я старалась уберечь вас от этого, - тихо сказала она Микеланджело.

- Вы считаете, что моя любовь так мелка?

- Даже в вашей учтивости есть что-то жестокое.

- Жестока сама жизнь, а не любовь.

- Любовь жесточе всего. Я знаю...

- Вы так мало знаете о любви, - прервал он ее. - Зачем вы отталкивали меня? Не позволяли нам сблизиться? И почему вы приехали сюда - ведь жить здесь для вас гораздо опаснее?

- Я должна обрести мир и покой в лоне церкви. Вымолить прощение своих грехов перед ней.

- Своих грехов?

- Да. Я была строптива, позволяла себе высказывать суетные мысли, направленные против божественного учения, помогала инакомыслящим...

У него стиснуло горло. Еще одно эхо из прошлого! Он вспомнил ту мучительную боль, с которой он слушал умиравшего Лоренцо де Медичи, - тот молил о прощении Савонаролу, склонялся перед человеком, уничтожившим его Платоновскую академию. И он как бы снова разговаривал с братом Лионардо, осуждавшим Савонаролу за бунт против папы Борджиа. Неужто же жизнь и кончина идут порознь и между ними нет никакой связи?

- Мое последнее желание - умереть в благодати, - тихо и спокойно произнесла Виттория. - Я должна возвратиться в лоно церкви, приникнуть к ней, как дитя приникает к материнской груди. Только там я обрету искупление своих грехов.

- Это все ваша болезнь! Она говорит вашими устами, - воскликнул Микеланджело. - Инквизиция замучила вас.

- Я сама себя замучила. Истомилась душой. Микеланджело, я поклоняюсь

вам как человеку, посланному к нам самим богом. Но и вы, готовясь к смерти, будете искать себе спасения.

Он слушал, как жужжат пчелы, собирая нектар с чашечек цветов. Его сердце сжималось от боли и жалости к Виттории: она была в таком отчаянии, смотрела на мир столь безнадежно. А ведь и он и она были еще живы, еще не ушли с лица земли. Виттория же рассуждала так, словно они были уже мертвы. Он сказал:

- Мои чувства к вам, которых вы никогда не позволяли мне выразить, не изменились. Неужели вы думаете, что я юнец, влюбившийся в деревенскую девчонку? Разве вы не понимаете, какое громадное место вы занимаете в моей душе и разуме?..

По щекам у нее покатались слезы.

- Спасибо, спасибо вам, саго, - прошептала она, часто дыша. - Вы исцелили мои раны, которые были нанесены мне... очень... очень давно.

И она, встала, направляясь в боковую дверь монастыря. А он сидел на каменной скамье, которая вдруг показалась ему страшно холодной, - страшно холодным и мертвым стал теперь и мгновенно смолкнувший сад.

2

Когда Антонио да Сангалло приступил к закладке фундамента часовен, лепившихся к собору Святого Петра с южной стороны, давняя вражда между ним и Микеланджело вспыхнула с новой силой. Все вычисления Микеланджело свидетельствовали: северное крыло собора, если следовать замыслу Сангалло, вытянется в направлении папского дворца так, что надо будет снести и часовню Паулину, и часть Сикстинской капеллы.

- Не могу поверить своим глазам! - удивлялся папа, когда Микеланджело показал ему на чертежах, к чему приведут намерения Сангалло. - И зачем ему уничтожить часовню, которую он сам же проектировал и строил?

- Для того, чтобы как можно дольше тянуть и раздувать строительство.

- Какую часть Систины надо снести, чтобы поставить его часовни?

- Приблизительно ту часть, в которой написаны "Потоп", "Опьянение Ноя", "Дельфийская Сивилла" и "Захария". Фреска с господом зиждителем останется.

- Какая удача для господина! - пробормотал Павел.

Папа приостановил работы в соборе под тем предлогом, что у него иссякли средства. Но Сангалло знал, что виной всему был Микеланджело. И, не решаясь нападать прямо, он натравил на него своего помощника, Нанни ди Баччио Биджио, - тот питал вражду к Микеланджело издавна, переняв ее от отца, который был когда-то отстранен от архитектурных работ над мертворожденным проектом фасада Сан Лоренцо, и от старого своего друга, флорентинца Баччио Бандинелли, самого горластого противника Микеланджело во всей Тоскане. Этот Баччио Биджио, способствовавший в свое время тому, что Сангалло захватил верховенство на строительстве собора Святого Петра, тоже не мог бы жаловаться на слабость своих голосовых связок: теперь он постоянно упражнял их, браня и понося "Страшный Суд" как произведение, потрафляющее вкусам врагов церкви и способствующее умножению числа лютеран. Сангалло и Биджио добились того, что кардинал Караффа издал приказ, согласно которому все новые произведения искусства, подобно книгам, должны быть одобрены инквизиционным трибуналом.

Однако приезжавшие в Рим люди, зайдя в Систину, при виде "Страшного Суда" опускались, как и папа Павел, на колени и каялись в своих грехах. Говорили, что известный своим распутством моденский поэт Мольца под влиянием фрески Микеланджело обратился на путь благочестия. Микеланджело ворчал, ища сочувствия у Томмазо:

- Когда дело касается меня, то тут середины не бывает. Меня объявляют или великим мастером, или страшным чудовищем. Приспешники Сангалло врут и рисуют меня, пользуясь той скверной, которую источают их черные души.

- Это просто крысы, - успокаивал его Томмазо. - Крысы, пытающиеся

прогрызть Великую китайскую стену.

- Скорей упыри, - отвечал Микеланджело. - Они кусаются достаточно больно и пьют нашу кровь.

- Ничего, крови у нас хватит.

Именно в эти дни Биндо Альтовити, бывший член городского совета во Флоренции и вожак флорентийских изгнанников в Риме, сказал при папском дворе, что оборонительные стены, которые построил Микеланджело у церкви Сан Миниато, были "истинным произведением искусства". Папа Павел тотчас же вызвал Микеланджело во дворец и велел ему принять участие в совещании, где целая комиссия обсуждала вопрос об укреплении оборонительных сооружений Ватикана. Главой комиссии был сын папы Пьеро Луиджи, вместе с ним во дворец были приглашены архитектор Антонио да Сангалло, опытный военачальник Алессандро Вителли и артиллерист-инженер Монтемеллино.

Сангалло бросил на Микеланджело свирепый взгляд. Микеланджело поцеловал перстень у папы, тот представил его членам комиссии. Указывая на стоявшую на столе модель Сангалло, папа сказал:

- Микеланджело, мы хотим знать твое мнение о проекте стен. Это серьезное дело: ведь при нападении Карла наши бастионы оказались слабыми.

Неделю спустя, тщательно осмотрев все стены, Микеланджело снова был в кабинете папы. Комиссия сидела на своих местах, ожидая, что скажет Микеланджело.

- Ваше святейшество, я не один день изучал подступы к Ватикану. Мое мнение таково, что стены, которые задумал Сангалло, защитить будет невозможно.

Сангалло вскочил на ноги.

- Почему невозможно?

- Потому что они охватывают слишком большую территорию. Некоторые участки обороны на холмах очень уязвимы, а стену, которая идет к Трастевере вдоль Тибра, неприятель легко проломит.

- Разрешите тебе напомнить, - с холодным сарказмом сказал Сангалло, - что люди считают тебя лишь художником и скульптором!

- Однако мои бастионы во Флоренции устояли.

- Да враг на них и не нападал.

- Войска императора слишком уважали их, чтобы подступать близко.

- Значит, если ты слепил эту маленькую стену у Сан Миниато, так уже стал знатоком фортификаций и можешь уничтожить всю мою работу! - вскричал Сангалло.

- Довольно! - сказал папа Павел суровым тоном. - Совещание закрывается.

Уходя, Микеланджело передал папе записку со своими замечаниями к плану Сангалло и чертежи, на которых было предусмотрено, как надо изменить этот план, чтобы зона Ватикана, или город папы Льва Четвертого, получила надежную защиту. Пьер Луиджи Фарнезе и Монтемеллино согласились с замечаниями Микеланджело. Папа разрешил достроить в соответствии с планом Сангалло лишь небольшую часть стен-куртин по берегу реки да великолепные ворота дорического стиля. Остальные работы были отложены. Как консультанта-архитектора Микеланджело ввели в состав комиссии, ведавшей строительством оборонных укреплений, но он не заменил собой Сангалло, а должен был работать рядом с ним.

Скоро произошла новая стычка. Поводом к ней послужил представленный Сангалло чертеж окон верхнего этажа и карниза дворца Фарнезе, который архитектор строил уже много лет - кардинал Фарнезе за это время успел стать папой Павлом. Микеланджело не раз присматривался к постройке: дворец Фарнезе был расположен всего за квартал от дома Лео Бальони. Строящееся здание казалось Микеланджело громоздким, оно напоминало стародавние крепостные бастионы, мощный каменный корпус был лишен всякого устремления ввысь; Сангалло не сумел придать ему ни красоты, ни ощущения полета. Теперь папа Павел попросил Микеланджело чистосердечно изложить на бумаге все, что он думает об этом дворце. Взяв книгу Витрувия об архитектуре, Микеланджело отметил в ней нужную главу и велел Урбино отнести ее в Ватикан, затем написал несколько язвительных строчек, доказывая, что у дворца Фарнезе "нет и признаков ордера, ибо ордер есть своеобразное равновесие отдельных элементов, разумное их размещение, добрая согласованность". В возводимом Сангалло здании, писал Микеланджело, нет ни стройности, ни элегантности, ни верности стилю, ни удобства, нет в нем и

гармонии или "выгодного распределения пространства".

Свое письмо Микеланджело заключил так: если бы заново спроектировать - и спроектировать блестяще - окна верхнего этажа, а также карниз, это придало бы дворцу спасительное изящество.

Прочитав письмо, папа объявил свободный конкурс на проект верхнего этажа и на разработку карниза. Такие художники, как Джордже Вазари, Пьерино дель Вага, Себастьяно дель Пьомбо и Якопо Мелегино, дали знать, что они участвуют в состязании, и принялись за работу. К ним присоединился и Микеланджело Буонарроти.

- Это ниже вашего достоинства, - урезонивал его Томмазо. - Что за соперничество с художниками, которых можно найти без фонаря на любом рынке? А предположим, вы проиграете? Такой провал пагубно отразится на вашем престиже.

- Я не проиграю, Томмазо.

Карниз, задуманный им, сильно выступал над стеною, - он был резной, богато декорированный. Сандрики и изящные колонны у окон придавали дворцу элегантность, которой так недоставало мрачному творению Сангалло.

Разложив все поданные проекты на столе, служившем для завтрака, папа Павел внимательно разглядывал их. Сангалло, Вазари, Себастьяне, Пьерино дель Вага ждали, что он скажет.

- Мне хочется похвалить все эти чертежи, в них уйма изобретательности и красоты, - заговорил Павел, посмотрев на художников. - Но, конечно, вы не будете спорить, что в проекте Микеланджело есть что-то божественное.

Микеланджело, по существу, спас дворец Фарнезе, он не дал ему выйти тусклым, посредственным и скучным. Однако по Риму был пущен слух, что Микеланджело вмешался в строительство дворца лишь для того, чтобы опорочить Сангалло в глазах папы и отнять у него пост архитектора собора Святого Петра, и что, если он попросит Павла об этом, папа охотно пойдет ему навстречу.

- А я и не собираюсь просить папу, - уверял Микеланджело кардинала Никколо однажды воскресным вечером, приехав к нему во дворец на своем белоснежном арабском жеребце.

Инквизиционный трибунал кардинала Караффа теперь пересматривал сочинения классиков и всячески препятствовал печатанию новых книг. С изумлением Микеланджело узнал, что люди воспринимают его стихи как серьезную литературу: сонеты о Данте, о Красоте, о Любви, о Скульптуре, об Искусстве и Художнике читали переписывали и передавали из рук в руки. Некоторые его мадригалы были положены на музыку. Ему стало известно, что в Платоновской академии во Флоренции о его поэзии читаются лекции, что о стихах его говорят в университетах Болоньи, Пизы и Падуи.

Урбино поставил надгробие папы Юлия в церкви Сен Пьетро ин Винколи. Изваяния "Лии" и "Рахили" были размещены в нишах нижнего яруса стены, статуи "Богоматери", "Пророка" и "Сивиллы", высеченные Раффаэло да Монтелупо, - вверху. Микеланджело считал, что гробница не удалась, но "Моисей", занявший центральный выступ мраморной стены надгробия, господствовал в церкви с той же непререкаемой силой, какая была лишь у господина бога в Книге Бытия и у Христа в "Страшном Суде".

В доме Микеланджело образовалась настоящая архитектурная мастерская; надзор за работой над чертежами для дворца Фарнезе Микеланджело поручил Томмазо де Кавальери.

Фреска "Обращение апостола Павла" была завершена. Склонившийся сверху Христос как бы разрезал небесную твердь, по обе его стороны теснились множество бескрылых ангелов. Павел, упавший с лошади, обмер от ужаса, пораженный знаменем, одни из сопровождавших его людей старались его поднять, другие убегали в панике. Могучая фигура лошади разделяла толпу путников и солдат надвое, как Христос разделял собою ангелов в небесах.

Через несколько дней Микеланджело приказал Урбино наложить свежий слой штукатурки для "Распятого апостола Петра". Пока штукатурка просыхала, Микеланджело укрылся от всего мира и стал работать над мрамором "Снятие со Креста": Спасителя поддерживала с одной стороны Богоматерь, с другой - Мария Магдалина, им помогал, стоя позади, Никодим - он был разительно похож на самого Микеланджело.

Предугадать, кого и когда в Риме ославят, а кого превознесут, было почти невозможно. Видя, что Микеланджело не воспользовался своей победой над Сангалло и не захватил его должности при соборе Святого Петра, римляне не корили его за нападки на архитектуру дворца Фарнезе и уже считали как бы прощенным.

Но скоро Микеланджело получил письмо от Аретино, из Венеции. Хотя он ни разу не встречался с этим человеком, тот прислал ему за последние годы не меньше десятка писем: перемешивая раболепную лесть с угрозами, Аретино твердил, что если Микеланджело по-прежнему будет отказывать ему в своих рисунках, то он не остановится ни перед чем, даже перед убийством. Сейчас Микеланджело собирался кинуть письмо в огонь, не вскрывая, но размахистая, с брызгами чернил, подпись Аретино, которую тот начертал поперек послания, чем-то задела его любопытство. Он сломал печать.

Письмо начиналось с того, что Аретино разнес на все корки "Страшный Суд". Какое несчастье, что Микеланджело пренебрег советами Аретино и не представил и земную жизнь, и рай, и ад во всем их блеске и ужасе, как то описывал он, Аретино, в своих прежних посланиях. Вместо этого "вы, христианин, поступились верой ради искусства и позволили себе лишиться всякой скромности и мучеников, и святых дев, вы изобразили их так, что перед подобным зрелищем даже в публичном доме пришлось бы закрыть от стыда глаза".

Затем Аретино обвинил Микеланджело в "жадности": разве он не согласился ваять гробницу недостойному папе? И разве он, Микеланджело, не мошенник и не вор, если, получив "горы золота, которые папа Юлий ему завещал", он ничем не расплатился за это с семейством Ровере? "Ведь это же чистейший грабеж!"

Испытывая отвращение и в то же время забавляясь напыщенным тоном Аретино, неистовыми его попреками, рядом с которыми шли униженные просьбы, Микеланджело читал это длинное послание дальше, пока не наткнулся на такие строки: "С вашей стороны было бы очень благоразумно исполнить свое обещание с должной заботой и аккуратностью, - тогда, быть может, смолкли бы те злые языки, которые утверждают, что только некий Герардо и некий Томмазо знают, чем вас завлечь и выманить у вас хоть какую-то подачку".

Микеланджело била холодная дрожь. О каких злых языках идет речь? О каких подачках? Свои рисунки он дарит тем, кто ему нравится. Их никто у него не выманивает.

Он швырнул на пол исписанные рукой Аретино листки и вдруг почувствовал, что он болен. Ему уже семьдесят лет, и в чем только за эти долгие годы его не обвиняли - в том, что он сварлив, высокомерен, замкнут, но желает сотрудничать ни с кем из коллег, кроме тех, у кого есть величайший талант, разум и обаяние. Все это Микеланджело слышал прежде, но такого навета, какой был в письме Аретино, на него еще никто не возводил. Герардо был его старый приятель, более двадцати лет назад, во Флоренции, он подарил ему несколько своих рисунков. А Томмазо де Кавальери - благороднейшая душа, человек такого ума и воспитания, каких не найти во всей Италии. Как это все невероятно, невысказано! Вот уже полсотни с лишним лет, с тех пор как к нему пришел Ардженто, в его доме жили ученики, помощники, слуги - всего их перебывало при нем человек тридцать. Они трудились и росли у него на глазах, его дружба с ними неизменно крепла. Никто не истолковывал его отношений с учениками превратно. Никогда, с первых своих дней в боттеге Гирландайо, не слышал он и слова, бросившего тень на его поведение. Какую из него сделали бы мишень для шантажа, попади он только в зависимость от чьего-то милосердия!

Обвинение в непристойности его "Страшного Суда" или в обмане семейства Ровере можно было легко опровергнуть. Но быть запятнанным клеветой в таком возрасте, быть обвиненным почти в том же, за что когда-то открыто преследовали во Флоренции Леонардо да Винчи, - более тяжкого удара Микеланджело не помнил за всю свою долгую, беспокойную жизнь.

Прошло совсем немного времени, и яд Аретино просочился в дома римлян. Однажды Томмазо пришел к Микеланджело бледный, со стиснутыми губами. Когда Микеланджело стал настойчиво спрашивать, что случилось, Томмазо потер ладонь об ладонь, будто счищая с них какую-то грязь. Потом он произнес скорей печально, чем гневно:

- Вчера вечером один епископ при дворе рассказал мне о письме Аретино.

Сокрушенный Микеланджело опустился в кресло.

- И как только люди идут на сделки с этой скотиной? - тихо сказал он.

- А никто и не идет. Просто поддаются, уступают его наглости. Благодаря этому он и процветает.

- Мне очень жаль, Томмазо. Никогда не хотел быть причиной твоих огорчений.

- Я обеспокоен, Микеланджело, за вас, а не за себя. Моя семья, мои близкие меня знают - на эту клевету они лишь с презрением плюнут... Но, дорогой мой друг, вас чтит вся Европа. И Аретино нападает именно на вас, на ваши труды, на ваш авторитет... Я готов принести любые жертвы, чтобы только не повредить вам.

- Ты не можешь повредить мне, Томмазо. Твоя любовь и привязанность были мне хлебом и воздухом. А теперь, когда маркиза Виттория больна, наша любовь - это единственное, на что я могу рассчитывать. Другой поддержки у меня нет. Я тоже буду плевать на Аретино, как надо плевать на всех шантажистов. Если он разрушит нашу дружбу, он действительно добьется своей цели, хотя бы частично, - он нанесет мне вред.

- Но все римские сплетники постараются раздуть этот скандал. Это им выгоднее, чем какая-то ваша скульптура, - предостерегающе сказал Томмазо.

- Будем жить и работать так, как жили и работали раньше. Это наилучший ответ всем любителям скандалов.

3

Готовя рисунки к "Распятию апостола Петра", Микеланджело пошел на смелую попытку придать особую выразительность фреске. В центре композиции он поместил яму, в которой покоилось основание тяжелого креста. Петр был распят на кресте, вниз головой, а сам крест лежал в наклонном положении, будучи прислонен к огромному камню. Напрягая силы, Петр зорко смотрел с креста; его немолодое бородатое лицо с яростным осуждением было обращено не только к воинам, руководившим казнью, или к землекопам, старавшимся поднять и поставить крест прямо, но и ко всему миру, который простирался позади этих людей, - это был приговор тирании и жестокости, столь же гневный и разящий, какой звучал и в "Страшном Суде".

Микеланджело тихо сидел, нанося последние штрихи у фигур двух римских центурионов и досадуя на то, что ему не удастся изобразить коней так гениально, как изображал их Леонардо да Винчи. И вдруг он услышал колокольный звон: колокола звучали над городом печально, явно оплакивая кого-то. В мастерскую с криком вбежала служанка.

- Мессер, умер Сангалло!

- ...умер? Он же работал в Терни...

- Заболел лихорадкой. Только что привезли его мертвого.

Папа Павел устроил Антонио да Сангалло пышные похороны. Гроб архитектора торжественно несли по улицам, за гробом шли художники и мастера, работавшие с покойным в течение долгих лет. Стоя в церкви рядом с Томмазо и Урбино, Микеланджело слушал, как перевозносили Сангалло, называя его одним из величайших строителей со времен древних зодчих, возводивших Рим. Идя домой, Микеланджело рассуждал:

- Все эти восхваления слово в слово совпадают с теми речами, которые я уже слышал на похоронах Браманте. И все же папа Лев приостановил все работы, начатые Браманте, как папа Павел приостанавливал работу Сангалло над дворцом Фарнезе, над оборонительными укреплениями... и над собором Святого Петра...

Томмазо задержал шаг, повернулся к Микеланджело и испытывающе посмотрел на него.

- Вы полагаете...

- О нет, Томмазо.

Главный смотритель на строительстве собора настаивал на том, чтобы из

Мантуи вызвали Джулио Романо, ученика Рафаэля, и назначили его архитектором собора Святого Петра. Но папа Павел не хотел об этом и слышать.

- Архитектором будет Микеланджело Буонарроти. И никто другой! - кричал он.

Специально присланный грум позвал Микеланджело в Ватикан. Микеланджело сел на своего жеребца и поехал. Папа ждал его в окружении полного состава кардиналов и придворных чинов.

- Сын мой, сегодня я назначаю тебя архитектором собора Святого Петра.

- Ваше святейшество, я не могу принять этого назначения.

В поблекших, но все еще пронизательных и лукавых глазах Павла загорелись огоньки.

- Не хочешь ли ты сказать мне, что архитектура - это не твое ремесло?

Щеки Микеланджело залила краска. Он только сейчас вспомнил, что папа Павел, в ту пору кардинал Фарнезе, был в этом тронном зале, когда Юлий поручал ему, Микеланджело, расписывать плафон Систины и он кричал в отчаянии: "Это не мое ремесло!"

- Святой отец, ведь может случиться, что я снесу до последнего камня все, что построил Сангалло, отменю все договоры, которые он заключил. Рим единодушно восстанет против меня. А я должен еще дописать "Распятие апостола Петра". Мне уже за семьдесят. Где мне найти силы, чтобы возвести, начав с самого основания, величайший храм во всем христианском мире?.. Святой отец, я не Авраам, который жил сто семьдесят пять лет.

Горестная речь Микеланджело ничуть не тронула папу Павла. Глаза его горели по-прежнему.

- Сын мой, ты совсем еще юноша. Тебе можно будет говорить о старости, когда ты доживешь до моих почтенных лет: а мне семьдесят восемь. Но раньше и не помышляй об этом. К тому времени строительство у тебя пойдет полным ходом.

Микеланджело оставалось только печально улыбнуться.

Он выехал из Ватикана через Бельведерские ворота, потом долго взбирался на вершину Монте Марио; отдохнув здесь и полюбовавшись закатом, он поехал вниз, к тыльной стороне собора Святого Петра. Рабочие уже разошлись по домам. Он осмотрел заложенные Сангалло фундаменты, низкие стены часовен, кольцом облегающих собор с юга. Тяжелые пилоны, на которых Сангалло рассчитывал возводить главный неф и два боковых корабля собора, надо будет снести начисто. Огромная бетонная опора для двух башен или колоколен останется. Хорошо будут служить и контрфорсы, построенные для громадного купола.

Было уже темно, когда Микеланджело закончил осмотр собора. Оказавшись у входа в часовню Марии Целительницы Лихорадки, он вошел внутрь и остановился перед своим "Оплакиванием". Сердце его раздирали сомнения. Ведь после того, как он, Микеланджело, открыл глаза папе Юлию на махинации Браманте с цементом, каждый его шаг неизбежно вел к тому чтобы взять строительство собора в свои руки. В душе он давно хотел вывести строительство на верный путь, спасти собор, сделать его действительно величественным памятником христианства. Микеланджело никогда не покидало чувство, что это его собор, что, не будь его, Микеланджело, собор, возможно, не строился бы вообще. Так неужели он не отвечает за него?

Он знал всю тяжесть задачи, знал, с каким сильным сопротивлением он столкнется, какие изнурительные годы работы ему предстоят. Закат его жизни окажется много труднее, чем любой отрезок пути, оставшегося позади.

Старая женщина вошла в часовню, поставила перед Богородицей зажженную тонкую свечу. Микеланджело шагнул к овальной корзинке, где лежали свечи, взял одну, зажег, укрепил ее рядом со свечой старухи.

Конечно же, он должен строить собор Святого Петра! Разве не для того и дана жизнь, чтобы работать и страдать, вплоть до самого конца, до последнего вздоха?

Принять какую-либо плату за свою службу на посту архитектора он отказался; не взял денег и у папского хранителя гардероба, когда тот по приказу Павла явился на Мачелло деи Корви с кошельком, в котором лежала сотня дукатов. С рассвета до обеденного времени Микеланджело расписывал часовню Паулину, затем он шел - а это было совсем рядом - к собору и смотрел, как там уничтожают построенное. Рабочие были угрюмы и поглядывали

на него враждебно... и все же послушно исполняли его распоряжения. К своему ужасу, он обнаружил, что четыре главных пилона собора, построенные Браманте, а потом не раз перестраивавшиеся при Рафаэле, Перуцци и Сангалло, были непригодны: они могли бы выдержать тяжесть барабана и купола лишь в том случае, если бы их возвести заново, потратив сотни пудов цемента. Эти прямые улики мошенничества еще более восстановили против Микеланджело главного смотрителя и тех подрядчиков, которые работали при Сангалло. Они стали чинить ему столько препятствий, что папе Павлу пришлось выпустить декрет, объявляющий Микеланджело как главным смотрителем, так и архитектором; папа повелел всем, работающим на строительстве собора, подчиняться приказам Микеланджело безоговорочно. Подрядчиков и мастеров, которые продолжали ему перечить, Микеланджело скоро уволил.

Теперь строительство пошло гораздо быстрее; римляне поражались, глядя, как растет собор, и ходили подивиться на два спиральных пандуса, которые Микеланджело построил по обе стороны здания: сейчас, подавая строительные материалы кверху, рабочие уже не таскали их на спине, а возили по пандусам, сидя верхом на лошади, что ускоряло подачу буквально в пятьдесят раз.

Комитет по охране римских древностей, воодушевленный успехами Микеланджело, обратился к нему с просьбой привести в порядок Капитолийский холм, или, как его ныне называли - Кампидольо, этот священный очаг римской религии и государственности, где когда-то возвышались храмы Юпитера и Юноны Монеты. От дома Микеланджело до Кампидольо было рукой подать; там он сидел с Контессиной в тот давний день, когда-вала Лев объявил Джулиано де Медичи капитаном папских войск. Древние храмы, слава этих мест, уже давно превратилась в груды камня, дворец сенаторов напоминал теперь старомодную крепость; тут же рядом паслись козы и коровы; зимою на скатах холма была грязь по колено, летом толстым слоем лежала пыль. Не желает ли Микеланджело, приступали члены комиссии, возродить Кампидольо, вернуть ему былое величие?

- Странное дело - они еще спрашивают! - изумлялся Микеланджело, беседуя с Томмазо после того, как члены комиссии ушли, прося подумать об их предложении. - Если бы только Джулиано да Сангалло услышал о таком проекте! Ведь это было его мечтой. Ты должен помочь мне, Томао. Мы попробуем осуществить твои мысли о перестройке Рима.

Томмазо покраснел; глаза его вспыхивали и меркли, словно звезды в ветреную ночь.

- Я могу взяться за это лишь благодаря учению у вас. Вы увидите: я буду хорошим архитектором.

- Мы наметим, Томао, обширный план работы, на целых пятнадцать лет вперед. Когда я умру, ты будешь вести дело по этому плану до полного завершения.

Теперь, когда Микеланджело работал как признанный архитектор, он назначил Томмазо своим помощником; в доме на Мачелло деи Корви пришлось выделить под чертежные мастерские новые комнаты. Томмазо, превосходный рисовальщик, стал одним из виднейших молодых архитекторов Рима.

Брат Виттории Колонны Асканио рассорился с папой из-за соляного налога, и папское войско разбило отряды Асканио. Он был изгнан из Рима, а все имущество семейства Колонна конфисковано. Кардинал Караффа стал преследовать Витторию еще ожесточенней. Кое-кто из ее прежних единомышленников бежал в Германию и примкнул к лютеранам, что еще усугубило ее прегрешения в глазах инквизиционного трибунала. Виттория укрывалась теперь в монастыре Святой Анны у Канатчиков, среди садов и колоннад театра Помпея. Когда Микеланджело пришел к ней в воскресенье, перед закатом солнца, она долго не начинала разговора. Он старался заинтересовать ее рассказами о предстоящих своих работах, показывая принесенные рисунки, по она оживилась лишь при упоминании Сикстинской капеллы, сказав, что ей дано разрешение сходить туда и посмотреть "Страшный Суд". Микеланджело заговорил о куполе собора Святого Петра, который вставал в его воображении еще туманно. Виттория вскользь упомянула о его давней и неизменной любви к Пантеону и флорентийскому Собору.

- Я люблю эти здания потому, что это чистейшая скульптура, - сказал Микеланджело.

- А как вы представляете себе купол собора Святого Петра? Неужели это будет только крыша для защиты от дождя?

- Как хорошо, что вы улыбаетесь, Виттория, и даже подтруниваете надо мной!

- Не надо думать, что я несчастна, Микеланджело. Я полна трепетной радости - ведь скоро я соединюсь с богом.

- Вы сердите меня, сага. Зачем вам думать о смерти, стремиться к ней, когда здесь, на земле, столько людей, которые вас любят? Разве это не эгоизм?

Она обеими руками сжала его руку. Раньше, когда он так мечтал о ее любви, это было бы целым событием, теперь же он с горечью думал лишь о том, как костлявы и сухи стали ее пальцы. Глаза ее загорелись, она прошептала:

- Простите меня за то, что я не пошла вам навстречу. Себя я прощаю только потому, что знаю: в действительности я не нужна вам. Новое "Снятие со Креста" в мраморе, царственная лестница на Кампидольо, купол собора Святого Петра - вот ваши страсти, ваша любовь. Вы создавали великие творения и прежде, пока не встретились со мною, вы будете создавать их и тогда, когда меня не станет.

Еще до того, как наступил новый воскресный день с условленным свиданием, Микеланджело срочно вызвали во дворец Чезарини, жена которого была кухней Виттории. Пройдя Торре Арджентина, Микеланджело скоро был у дворца; его сразу же провели через ворота в сад.

- Что с маркизой? - спросил Микеланджело у доктора, который вышел, чтобы поздороваться.

- Ей уже не увидеть рассвета.

Он мерил шагами сад, над садом своим чередом двигались небесные сферы. Когда истекал семнадцатый час ожидания, Микеланджело впустили во дворец. Голова Виттории лежала на подушке, поблекшие золотые волосы были покрыты шелковым капюшоном. Одели ее в рубаху из тонкой льняной ткани, шею плотно обхватывал белый кружевной воротник. Она казалась такой же юной и прекрасной, как в тот весенний день, когда Микеланджело впервые ее увидел. Величественное спокойствие снизошло на лик Виттории: все ее земные тревоги, и страдания уже миновали.

Донна Филиппа, настоятельница монастыря Святой Анны у Канатчиков, приглушенным голосом велела внести гроб. Гроб был вымазан смолой.

- Что это значит? - вскричал Микеланджело. - К чему смола? Маркиза умерла не от заразной болезни.

- Синьор, мы страшимся преследований, - вполголоса сказала настоятельница. - Нам надо увезти маркизу отсюда в монастырь и похоронить ее там, пока враги не потребовали ее тело.

Микеланджело хотелось наклониться и поцеловать Витторию в лоб. Но он помнил, что она позволяла ему, целовать только руку, и это удержало его.

Когда он вернулся домой, у него болел и ныл каждый сустав, каждая косточка, череп давило и плющило словно обручами. Он присел к столу и начал писать:

Огонь угас, но в этой плоти брэнной
Он с прежней ненасытностью горит,
Меня опустошает и палит
И в пепел превращает постепенно.

Виттория в своем завещании просила, чтобы настоятельница позаботилась о ее могиле. Кардинал Караффа запретил похороны. Почти три недели гроб одиноко стоял в углу монастырской часовни. Наконец Микеланджело дали знать, что Витторию похоронили в стене часовни, однако, придя туда, он не нашел никакого признака могилы. Когда он заговорил об этом с настоятельницей, та стала пугливо озираться.

- Маркизу отвезли в Неаполь. Ее похоронили в Сан-Доменико Маджоре, рядом с мужем.

Микеланджело устало поплелся домой, словно испив горчайшего яду. Маркиз, который бежал и сторонился жены до самой своей смерти, будет

теперь вечно лежать рядом с нею. А он, Микеланджело, нашел в Виттории любовь, которая могла увенчать его жизнь, - и все же ему отказали в этой любви, не дали ее добиться.

4

Заказы шли к нему непрерывно. Он был истинным мастером в глазах всего мира. Папа Павел возложил на него, еще одну задачу - построить крепостные сооружения, создающие большую безопасность города Льва Четвертого; он поручил ему также выпрямить обелиск Калигулы на площади Святого Петра. Герцог Козимо уговаривал его возвратиться во Флоренцию и высекать изваяния для родного города. Король Франции внес на имя Микеланджело деньги в римской банк на тот случай, если он пожелает ваять или писать для него. Турецкий султан звал его в Константинополь, предлагая выслать эскорт для сопровождения. Где бы ни задумывалось крупное произведение искусства - "Матерь Божья Утоли Моя Печали" для короля Португалии, надгробие для одного из отпрысков Медичи в Милане, герцогский дворец во Флоренции - к Микеланджело обращались за советом, обсуждали с ним намеченный проект и имена художников, которые могли бы исполнить работу.

Лучшие часы рабочего дня он проводил в Паулине - писал искаженные ужасом лица женщин, смотревших на распятого Петра, писал пожилого бородатого воина, сокрушенного тем, что он должен принимать участие в казни. Устав от работы кистями, Микеланджело шел домой и, взявшись за молоток и резец, с радостным чувством свободы предавался своей страсти - ваянию. Только работа по мрамору пробуждала в нем ощущение собственной весомости, трехмерности. Он был очень огорчен неудачей с "Лиией" и "Рахилью", стыдился оставить после себя эти непервоклассные работы, и он со страхом думал, что для такого тяжелого и мужественного искусства - ваять по мрамору - он уже стал слишком старым. И все же резец его пел, с каждым нажимом "Пошел!" глубоко вгрызаясь в сияющий камень. Микеланджело высекал тело поникшего, мертвого Христа и склонившегося над ним Никодима - с такой же, как у него, Микеланджело, белой бородой, с такими же запавшими глазами и приплюснутым носом: голову Никодима покрывал шлык, рот у него казался нежным, чувствительным.

Работая в Паулине, он никому не разрешал входить в часовню, но мастерская его обычно была полна художников, стекавшихся со всех концов Европы: он давал им работу, воодушевлял, учил, искал для них заказы.

Так, не считая недель и месяцев, Микеланджело расточал свою энергию без оглядки, пока к нему вдруг не подступала какая-нибудь болезнь, назвать которую он не мог бы и сам: то ныла поясница, то мучительно резало в паху, иногда у него так слабела грудь, что было трудно дышать, иногда донимали почки. В такие дни у него появлялось ощущение, словно бы мозг его сжимался, и он давал волю своей раздражительности и капризам, ворчал и обижался на друзей, на родственников. Например, он обвинил племянника Лионардо в том, что тот, узнав об очередной болезни Микеланджело, приехал в Рим якобы только затем, чтобы захватить в наследство все имущество дяди. Одного из своих помощников Микеланджело укорял за то, что тот будто бы продавал экземпляры его гравюр и наживался на этом. Реальдо Коломбо, величайший анатом Италии, написавший первую книгу по анатомии, проводил на Мачелло деи Корви все свободное время, прополаскивая Микеланджело желудок родниковой водой из Фьуджи. Когда Микеланджело наконец поправлялся и чувствовал, что мозг его принял прежние размеры, он спрашивал Томмазо:

- Почему это я делаюсь таким сварливым? Только потому, что мой восьмой десяток летит столь стремительно?

- Граначчи говорил, что вы были достаточно раздражительны уже в двенадцать лет, когда он познакомился с вами.

- Да, так оно и было, он прав. Да будет светла его память!

Граначчи, старейший друг Микеланджело, уже ушел из жизни; не было на

свете и Бальдуччи, и Лео Бальони и Себастьяно дель Пьомбо. Каждый минувший месяц, казалось, приближал Микеланджело к тому круговороту, где рождение и смерть смыкались воедино. Из письма Лионардо он узнал, что умер его брат Джовансимоне и что похоронили его в Санта Кроче. Он отчитал племянника за то, что тот не сообщил подробно, чем болел Джовансимоне. Он неоднократно писал Лионардо, что поскольку ему уже почти тридцать, то пришло время искать себе жену и обзаводиться сыновьями: ведь кому-то надо наследовать имя Буонарроти.

"Я уверен, что во Флоренции много благородных, но бедных семейств, и ты сделаешь доброе дело, женившись на девушке из такой семьи, даже если у ней нет порядочного приданого; по крайней мере, она не будет проявлять гордыни. Тебе нужна жена, которая бы тебе всецело принадлежала и которой ты мог бы распоряжаться; она не должна тянуться к роскоши и бегать каждый день на званые обеды и свадьбы. Ведь женщине так легко оступиться, если она тщеславна и любит роскошь.

В таком случае никто не упрекнет тебя и не скажет, что ты хотел стать знатнее, женившись на знатной девушке; всем известно, что мы старинные и знатные граждане Флоренции, не хуже любых других семейств".

Томмазо де Кавальери женился. Он воздерживался от брака до тридцати восьми лет, а теперь сделал предложение молодой девушке из родовитой римской семьи. Свадьба была пышная, на ней присутствовали папа и его двор, вся римская знать, флорентийская колония, многие художники. Через год синьора Кавальери подарила мужу первого сына.

За рождением вскорости последовала кончина: умер папа Павел. Умер он от горя: был убит его сын Пьер Луиджи, которому Павел добыл герцогство Пармы и Пьяченцы; очень дурно и не подавая никаких надежд на исправление вел себя внук Оттавио. В отличие от похорон Клементя Рим погребал папу Павла с чувством искренней печали.

Следя за тем, как собирается коллегия кардиналов, римские флорентинцы радовались: они считали, что настал час кардинала Никколо Ридольфи, сына Контессины. Никколо должен стать папой! За исключением небольшой кучки, властвовавшей во главе с герцогом Козимо во Флоренции, врагов у него в Италии не было. Но у Никколо существовал могучий противник за пределами страны: Карл Пятый, император Священной Римской империи. На конклаве, заседавшем в Сикстинской капелле, успех целиком клонился в пользу Николло, но тут он заболел, совершенно внезапно. К утру он умер. Доктор Реальдо Коломбо сделал вскрытие трупа. Когда он после этого пришел на Мачелло деи Корви, Микеланджело вопросительно посмотрел на него.

- Отравлен?
- Вне всякого сомнения.
- У вас есть доказательства?
- Если бы я подал Николло яд собственными руками, то и тогда у меня не было бы доказательств точнее. Наверное, его отравил Лоттини, агент герцога Козимо.

Пораженный горем, Микеланджело опустил голову.

- Это конец нашим надеждам на свободу Флоренции.

Как и всегда, когда он чувствовал, что мир внушает ему отвращение, он обратился к мрамору. Сейчас это было "Снятие со Креста" - он ваял эту статую с надеждой, что после его смерти друзья поставят ее ему на могилу. Уже далеко продвинувшись в работе, он столкнулся со странным затруднением: левая нога Христа явно мешала воплощению замысла. Хорошенько поразмыслив, он отсек всю ногу целиком. Опущенная вниз, к коленям Богоматери, рука Христа прекрасно маскировала отсутствие левой ноги.

Коллегия кардиналов выбрала нового папу - шестидесятидвухлетнего Джована Марию де Чьокки дель Мойте, названного Юлием Третьим. Микеланджело встречался с ним при дворе и знал его уже много лет; в свое время кардинал Чьокки дель Монте помогал ему при неоднократном пересмотре договора на гробницу папы Юлия. Во время осады Рима в 1527 году войсками императора его трижды подводили к виселице, которая стояла напротив дома Лео Бальони в Кампо деи Фиори; все три раза кардинала освобождали в самую последнюю минуту. Теперь, придя к власти, новый папа жаждал только удовольствий.

- Ему следовало бы принять имя Льва Одиннадцатого, - говорил

Микеланджело Томмазо. - Он вполне может повторить девиз Льва, чуть-чуть его изменив: "Поскольку господь бог три раза спасал меня от виселицы, чтобы сделать папой, дайте же мне насладиться папским тронном!"

- Он будет добр к художникам, - отвечал Томмазо. - Он любит их общество. И он хочет превратить свою маленькую виллу близ Народных ворот в роскошный дворец.

Прошло немного времени, и Микеланджело был приглашен на виллу паны Юлия, к обеду. Микеланджело поразился, увидев там множество античных статуй, колонн, произведений живописи. Среди гостей оказались самые разные художники, большинство их уже получили от папы заказы. Был там друг Микеланджело Джорджо Вазари, только что назначенный архитектором папской виллы, были Чеккино Росси, спасший вместе с Вазари отбитую руку "Давида", и Гульельмо делла Порта, преемник покойного Себастьяно, и Аннибале Караччи. Микеланджело с волнением ждал, когда папа заговорит о строительстве собора Святого Петра, но тот явно избегал этого предмета.

Над плотной, будто войлок, седой бородой папы свисал длинный крючковатый нос. Укрывшийся в бороде рот, точно силок, захватывал огромное количество еды - папа был чудовищным обжорой. В какую-то минуту, Юлий Третий призвал всех к молчанию. Гости утикли.

- Микеланджело, - загудел папа своим грубым низким голосом. - Я не обременял тебя никакими просьбами о работе из уважения к твоему почтенному возрасту.

- У нас с вами, ваше святейшество, ничтожная разница в возрасте - двенадцать лет, - с насмешливым смирением ответил Микеланджело. - А поскольку мы все хорошо знаем, что вы не пожалеете сил, чтобы придать блеск своему понтификату, я не смею просить себе льгот и скидок на возраст.

Этот саркастический ответ Юлию, видимо, понравился.

- Дорогой маэстро, мы ценим тебя так высоко, что я охотно отдал бы несколько лет своей жизни, если этим можно было бы продлить твою жизнь.

Микеланджело посмотрел на то, как папа расправлялся с жареным гусем, занимавшим огромное блюдо, и подумал: "Мы, тосканцы, всегда были воздержанны в еде, потому-то мы и долговечны". Вслух он сказал:

- Я тронут вашими словами, но, учитывая интересы всего христианского мира, я не могу допустить, чтобы вы шли на такую жертву.

- Тогда, сын мой, если господь судил мне пережить тебя, как это диктует естественный порядок вещей, я велю набальзамировать твоё тело и положу его во дворец - пусть оно хранится, пока будут жить твои произведения.

Аппетит у Микеланджело сразу пропал. Он только и думал теперь, под каким бы предлогом ему улизнуть из-за стола. Но отделаться от папы было не так-то просто.

- Мне все же хотелось бы, Микеланджело, чтобы ты исполнил кое-какие работы для меня: новую лестницу и фонтан в Бельведере, фасад дворца в Сан Рокко, надгробие моему дяде и бабушке...

И ни слова о соборе Святого Петра.

Папа повел гостей в виноградник - послушать музыку и посмотреть представление. Микеланджело незаметно скрылся. Ведь все, чего он хотел добиться от папы, - это подтверждения своих прав как архитектора собора.

Папа долго мешкал, откладывая свое решение со дня на день. Видя это, Микеланджело стал скрывать свои чертежи и планы, снабжая подрядчиков только теми сведениями, которые были необходимы на ближайшие дни. У него всегда была привычка держать свои замыслы в тайне, пока работа не завершена. Теперь для такой скрытности были веские причины, но эта скрытность навлекла на Микеланджело и беду.

Часть отстраненных Микеланджело подрядчиков во главе с красноречивым Баччио Биджио обратились с жалобой к кардиналу Червини: тому был поручен надзор за счетными книгами строительства. Кардинал подал по этому делу специальное письмо папе. Микеланджело срочно вызвали на виллу Юлия.

- Ты не побоишься встретиться со своими противниками лицом к лицу? - спросил Юлий.

- Нет, ваше святейшество, только я прошу, чтобы встреча была назначена прямо на стройке.

На площадке, где должна была вырасти новая часовня Королей Франции, собралась целая толпа. Атаку открыл Баччио Биджио.

- Буонарроти снес прекрасный храм, а сам построить такого не может!
- Давайте обсуждать то, что у нас перед глазами, - миролюбиво поправил его папа.

- Святой отец! - воскликнул кто-то из присутствующих. - Тут тратятся огромные деньги, и никто не объясняет, на что они идут. Нам совершенно неизвестно, как в конце концов будет выглядеть собор.

- За это отвечает архитектор, - вмешался Микеланджело.

- Ваше святейшество, Буонарроти разговаривает с нами так, будто мы на стройке посторонние люди. Будто мы здесь совсем и не нужны!

Папа еле удержался, чтобы не выпалить уже готовую остроуту. Кардинал Червини, дрожа, вскинул руки и показал на возводившиеся своды.

- Ваше святейшество, посмотрите сами. У каждого из этих сводов Буонарроти строит по три часовни. При таком расположении, на наш взгляд, он лишает храм доступа света, особенно со стороны самой южной абсиды.

Папа скосил глаза, упершись взглядом в край своей плотной, как войлок, бороды.

- Я готов согласиться с этим замечанием, Микеланджело.

Обратившись к Червини, Микеланджело сказал спокойно:

- Монсеньер, поверх этих окон в каменном своде будут сделаны еще три окна.

- Раньше вы не говорили об этом ни слова.

- И не обязан был говорить.

- Мы вправе знать, что именно мы строим, - вскипел кардинал Червини. - Ведь вы тоже можете ошибаться!

- Я не давал обязательства, ваше преосвященство, делиться своими планами и намерениями ни с вами, ни с кем другим. Ваше дело - отпускать деньги и смотреть, чтобы их не раскрадывали. Архитектурные планы - это моя забота. Никого другого они не касаются.

Среди вздымавшихся высоко к небу пилонов, арок и стен недостроенного собора легла напряженная тишина, готовая тотчас взорваться.

- Святой отец, - заговорил Микеланджело, глядя в лицо папе. - Вы видите собственными глазами, какое прекрасное здание я воздвигаю на отпущенные мне средства. Поскольку я уже отказался от какого-либо вознаграждения, мне надо заслужить этой работой спасение души, иначе я буду тратить время и силы напрасно.

Папа положил руку на его плечо.

- Ни земные твои дела, ни небесное благополучие не должны пострадать хотя бы на йоту. Ты верховный архитектор собора Святого Петра. - Повернувшись к кружку обвинителей, он сказал сурово: - И так будет до тех пор, пока я папа.

Это была победа Микеланджело. Но, одержав ее, он нажил себе нового врага - кардинала Марчелло Червини.

5

Стараясь задобрить Баччио Биджио, папа Павел отнял у Микеланджело порученную ему и уже начатую работу - перестройку, моста Святой Марии. Биджио разобрал старинные устои моста, сложенные из травертина, и, чтобы уменьшить вес сооружения, построил его из бетона. Проезжая однажды верхом по этому мосту, Микеланджело сказал Вазари, ехавшему рядом:

- Ты чувствуешь, Джордже, как трясется под нами эта махина? Давай-ка пришпорим лошадей, а то мост вот-вот рухнет.

Вазари стал рассказывать об этой шутке по всему городу. Биджио багровел от злости.

- Что смыслит Буонарроти в мостах?

В начале 1551 года Юлий Третий выпустил, наконец, послание, официально утвердив Микеланджело архитектором собора Святого Петра. Однако через несколько месяцев папе пришлось приостановить все работы на стройке. Он

тратил на украшение своей виллы такие громадные суммы и предавался удовольствиям с таким жаром, что израсходовал все средства, предназначенные на строительство собора.

Теперь пришла очередь багроветь от злости Микеланджело. Сидя вместе с Томмазо за чертежными досками, он брюзжал и жаловался ему:

- Разве я могу пойти и сказать папе: "Святой отец, ваша ненасытная алчность к удовольствиям нас совершенно разоряет. Сдержите себя хоть немного, чтобы мы могли завершить собор Святого Петра"?

- За такую речь он посадит вас в темницу замка Святого Ангела.

- Тогда я буду молчать, хотя мне это и дорого дается.

Когда он вечером, в тот же день, принялся за работу над "Снятием со Креста", нервы у него были все еще взбудоражены. Высекая предплечье Христа, он наткнулся на кремневую жилу. Из-под резца посыпались искры. Рассвирепев, Микеланджело с силой ударил несколько раз по руке Христа... И она упала на пол. Откинув молоток и резец, Микеланджело вышел из дому.

Он шагнул по направлению к храму Марса, мимо ларьков и лавочек Траянова рынка, которые, взбираясь вверх по склону, казались черными скважинами какой-то большой скалы. Расстроенный тем, что он испортил руку Иисусу, Микеланджело решил начать новое изваяние. Теперь это будет "Положение во гроб". Близ форума Цезаря он зашел во двор, где был склад камня, и выбрал античный блок, когда-то служивший частью карниза, - это был палестринский известняк, но цвету очень похожий на мрамор. Несмотря на то что камень был с глубокими впадинами, Микеланджело распорядился отвезти его к себе в мастерскую и стал размышлять о будущей работе. В новом его изваянии уже не будет Никодима; у Христа выступят на первый план массивная голова, руки и торс, ноги его, бессильные принять на себя тяжесть тела, будут вяло подогнуты; у Марии зрителю будет видна лишь голова и руки; в судорожном напряжении старается она удержать отяжелевшее, длинное тело мертвого сына.

Освеженный прогулкой, Микеланджело возвратился на Мачелло деи Корви. Там его ожидал Урбино, лицо у парня было тревожно-огорченное.

- Мессере, мне не хотелось доставлять вам новые неприятности, но я должен покинуть вас.

Микеланджело был так ошеломлен, что не нашелся, что ответить.

- Покинуть меня?

- Вы помните девочку в Урбино, которую я выбрал десять лет назад?

Микеланджело покачал головой, не веря своим ушам. Неужели прошло десять лет?

- Ей сейчас восемнадцать. Нам самый раз пожениться.

- Но зачем тебе уходить? Приведи свою жену сюда, Урбино, мы устроим тебе квартиру, купим мебель. Дадим твоей жене служанку...

Урбино от удивления так широко открыл глаза, что они напоминали теперь окружности, начертанные рукой Джотто.

- Вы говорите это всерьез, мессере? Ведь мне уже исполнилось сорок, и надо обзаводиться детьми как можно скорее.

- Этот дом, Урбино, - твой дом. А ты мне все равно что сын. Твои дети будут мне внуками.

Чтобы обеспечить независимость Урбино, он выдал ему две тысячи дукатов, затем оплатил расходы по мебелировке комнаты для невесты, купил молодоженам новую кровать. Через несколько дней Урбино поехал за женой. Корнелия Колонелли, милая девушка, взяла на себя заботы по дому и оказалась хорошей хозяйкой. Она была очень привязана к Микеланджело, почитая его как свекра. Девять месяцев спустя она родила сына, которого назвали Микеланджело.

Своего племянника Лионардо Микеланджело уговаривал купить во Флоренции "хороший дом, ценой от полутора до двух тысяч дукатов, в своем приходе. Как только ты подыщешь его, я вышлю тебе денег". Когда Лионардо поселится в приличном доме, ему надо будет найти жену и подумать о серьезнейшем деле - продолжении рода Буонарроти.

Лионардо выбрал Кассандру Ридольфи, отдаленную родственницу того семейства, в которое была выдана в свое время Контессина. Микеланджело был от всего этого в восхищении и послал Кассандре два кольца - одно с бриллиантом, другое с рубином. Кассандра отдала его преподнесла восемь превосходных рубашек. Лионардо назвал своего первенца Буонарроти, по имени отца. Второго сына назвали Микеланджело, но ребенок скоро умер, и Микеланджело по этому поводу сильно горевал.

Перестраивая площадь Капитолия, Микеланджело принялся прежде всего за античное здание конторы соляных пошлин, которое уже несколько веков служило для собраний сенаторов и напоминало по виду военную крепость. Микеланджело превратил это здание в величественный дворец: одухотворенный полет лестниц, поднимающихся от обоих крыльев дворца, приковывал взор к парадному входу. Затем Микеланджело спроектировал два совершенно одинаковых дворца, поместив их по боковым сторонам площади, в течение столетий служившей рынком. Он выровнял эту площадь, выложив на ней узор цветным камнем, и теперь раздумывал, какое именно произведение искусства поставить посредине. Ему приходил на ум то "Лаокоон", то "Бельведерский торс", то гигантская каменная голова Августа. Однако все эти изваяния казались ему неподходящими. И тут он вспомнил бронзовую конную статую императора Марка Аврелия, которая вот уже несколько веков в полной сохранности стояла напротив церкви Святого Иоанна в Латеране: верующие считали, что статуя изображает Константина, первого императора-христианина. Цоколь, на котором Микеланджело поместил статую, был так невысок, что великолепный, будто живой всадник, казался, находится на одном уровне с народом, заполнявшим пространство между дворцами, - словно бы Марк Аврелий только что спустился по ступеням лестницы дворца Сенаторов и сел на своего коня, чтобы скакать по Риму.

В марте 1555 года Томмазо, Вазари, Раффаэло да Монтелупо, Амманати и Даниеле да Вольтерра устроили вечеринку в честь восьмидесятилетия Микеланджело. Стены мастерской они увешали рисунками и надписями, желая юбилею прожить еще восемь десятков лет...

Две недели спустя умер папа Юлий Третий, так и не исполнив обещания ссудить несколько лет своего земного века другу Микеланджело. И, к ужасу Микеланджело, кардинал Марчелло Червини, отвечавший за расходование средств на строительство собора Святого Петра, был избран папой. Он принял теперь имя Марцелла Второго.

Хладнокровно взвесив обстоятельства, Микеланджело решил, что для него наступил конец. Ведь именно кардиналу Червини он заявлял, что планы строительства собора его, кардинала, не касаются. Теперь Червини сделался папой, и все дела, связанные с собором, касались его в первую очередь!

Микеланджело не стал тратить времени на оплакивание своей доли. Вместо этого он принялся энергично завершать дела в Риме и условился о переводе своих банковских счетов и перевозке мраморов во Флоренцию. Урбино он хотел оставить в своем римском доме, так как его жена была опять беременна. Микеланджело сжег все черновые рисунки и чертежи собора Святого Петра и купола и уже собрался укладывать свои седельные сумки, как, совершенно неожиданно, после трех недель пребывания на троне, папа Марцелл скончался.

Микеланджело пошел в церковь и поблагодарил бога за то, что тот дал ему сил не радоваться смерти Червини. Спустя еще три недели Микеланджело увидел, что он, пожалуй, напрасно не уехал во Флоренцию: кардинал Джованни Пьетро Караффа стал папой Павлом Четвертым.

Никто не знал в точности, каким образом его избрали папой. Это был крайне неприятный, отталкивающий человек, вспыльчивый до неистовства, нетерпимый ко всем окружающим. Он чувствовал меру всеобщей ненависти к себе и говорил по этому поводу:

- Я сам не понимаю, почему меня выбрали папой; отсюда я могу заключить, что папой делает человека господь, а не кардиналы.

Объявив, что он считает делом своей чести вымести ересь из Италии, новый папа обрушил на римлян все ужасы испанской инквизиции. В похожем на крепость здании, стоявшем близ Ватикана, инквизиционный папский трибунал пытал и без суда предавал смерти попавших в его руки людей, заточал их в подземные темницы, жег на кострах на Кампо деи Фиори... а в те же самые дни папа назначил своего развратного племянника кардиналом и оделял герцогскими титулами других свои к родичей. Микеланджело видел, что его вполне могут пустить на топливо для костров, пылавших напротив дома Лео Бальони, но никаких попыток к бегству не предпринимал. Папа не тревожил его... пока не наступил час расплаты.

Папа Павел Четвертый принял его в маленькой монашеской комнате с выбеленными известкой стенами и скудной, неуклюжей мебелью. Выражение лица

папы было столь же суровым, сколь сурово и строго было его одеяние.

- Буонарроти, я уважаю твою работу. Но воля Совета Тридцати непреклонна. Еретические фрески, вроде тех, что ты написал на алтарной стене, должны быть уничтожены.

- ... "Страшный Суд"?

Он стоял перед деревянным креслом папы, ощущая себя трупом из мертвецкой монастыря Санто Спирито - будто у него только что вскрыли череп, вынули мозг и швырнули его на пел. Он бессильно опустился на угол скамьи и сидел, слепо уставясь в выбеленную известью стену.

- Многие наши иерархи считают тебя богохульником; такая точка зрения подкрепляется и письмом из Венеции, от Аретино...

- Вымогатель!

- ...друга Тициана, Карла Пятого, Бенвенуто Челлини, покойного короля Франции Франциска Первого, Якопо Сансовино... Вот список с его письма, которой в Риме передают из рук в руки. Я уверен, что Совет Тридцати тоже ознакомится с его содержанием.

"Разве это мыслимо, - читал Микеланджело, - чтобы в священном господнем храме, над алтарем сына Божьего, в величайшей капелле мира, где кардиналы, епископы и сам наместник Христа, совершая священные обряды, исповедуют, предаются размышлениям и поклоняются телу и крови Иисуса... были помещены столь земные изображения, в которых ангелы и святые лишены остатков скромности и каких-либо признаков небесной своей природы!

Микеланджело судорожно дернул головой.

- Ваше святейшество, это клевета. Аретино написал эту пакость после того, как я отказался послать ему свои рисунки и картины. Таким образом он хочет отомстить мне...

- Все пристойные люди потрясены: ты изобразил святых и мучеников голыми, сотни мужчин и женщин представлены у тебя в самом неприличном виде.

- Это говорят узколобые, ограниченные люди, святой отец, у них нет ни малейшего понятия о том, что такое истинное искусство.

- Значит, ты, Микеланджело, называешь узколобым и ограниченным человеком своего святого отца? Ты уверен, что у меня нет понятия о том, что такое искусство? Ведь я принадлежу именно к тем людям, о которых мы говорим.

- Моя фреска не несет ничего дурного и пагубного. Я создал ее с такой любовью к богу, с какой никто еще не писал ни одну фреску.

- Ну, хорошо. Я не требую ломать стену до основания. Мы просто покроем ее слоем извести. А по этому слою потом ты можешь написать что-нибудь другое, приятное всем без исключения. Что-нибудь очень простое и благочестивое. Такое, чтобы ты завершил эту работу быстро.

Микеланджело был слишком подавлен, чтобы бороться. Вместо него борьбу начал Рим. Друзья Микеланджело, его приверженцы, его старые покровители при дворе, в том числе несколько кардиналов во главе с Эрколе Гонзага, делали все, что могли, чтобы спасти фреску. Каждый вечер Томмазо рассказывал Микеланджело, какие новые сторонники примкнули к его лагерю: тут был и французский посол, и епископ из Венеции, и знатное римское семейство.

Затем в дело вмешался анонимный посредник, предложивший компромисс, который весь Рим нашел блестящим. Даниеле да Вольтерра, в прошлом ученик живописца Содомы и архитектора Перуцци, а теперь один из самых горячих поклонников Микеланджело, вбежал однажды в мастерскую с пылающими щеками:

- Маэстро, "Страшный Суд" спасен!

- Не могу поверить... И папа согласился?

- ...не уничтожать фреску. Теперь не надо будет накладывать никакого слоя извести.

Тяжело дыша, Микеланджело рухнул в свое кожаное кресло.

- Я пойду и лично поблагодарю всех, всех, кто помог мне...

- Маэстро, - заговорил Даниеле, отводя глаза в сторону, - нам придется расплачиваться.

- Расплачиваться?

- ...понимаете, чтобы успокоить папу... он оставит фреску как она есть,

если на все голые фигуры мы наденем штаны.

- Штаны? Какие штаны?..

- И юбки на женщин. Мы должны закрыть все детородные части. Можно оставить голыми по пояс только несколько женских фигур. От бедер до колен все должно быть закрыто, в особенности у тех фигур, которые обращены лицом к зрителю. А столь чтимых папой святых следует одеть в мантии, так же как и Святую Катерину, юбку у Девы Марии надо сделать гораздо плотней...

- Если бы я с молодых лет посвятил себя изготовлению серных спичек, - с гневом сказал Микеланджело, - я был бы теперь куда счастливее.

Даниеле вздрогнул, будто его ударили.

- Маэстро, постарайтесь взглянуть на дело разумнее. Папа собирался вызвать ко двору какого-нибудь живописца... но я уговорил его поручить эту работу мне. Я приложу все силы, чтобы не нанести большого вреда фреске. Если же мы отдадим работу в руки чужого человека...

- Адам и Ева сплетали фиговые листья и делали из них опояски.

- Не сердитесь на меня. Я не член Совета Тридцати.

- Ты прав, Даниеле. Мы должны принести эти детородные части в жертву инквизиции. всю жизнь изображал я красоту человека. А теперь человек снова стал постыдным, греховным существом, его опять хотят сжигать на кострах суетности. Ты понимаешь, Даниеле, что это значит? Мы идем вспять, к самым темным векам беспросветного невежества.

- Послушайте меня, Микеланджело, - успокаивал его Даниеле. - Я покрою все как бы легкой дымкой, цвета тканей подберу как можно ближе к вашим телесным тонам. Я положу такой тонкий слой красок, что будущий лапа может содрать все эти штаны и набедренные повязки, не повредив нижнего слоя.

Микеланджело тряхнул головой.

- Действуй, Даниеле. Закутай их всех в простыни.

- Пожалуйста, доверьтесь мне. Я обведу папу вокруг пальца. Работа над фреской потребует тонкая, деликатная, и пройдут месяцы, а то и годы, пока и осмелюсь к ней приступить. Кто знает, может, Караффа к тому времени умрет и с инквизицией будет покончено... - Даниеле был прилежным, хотя и лишенным дарования художником, но работал так медленно, что про него говорили, будто он еще не выполнил ни одного заказа при жизни заказчика.

Чтобы как-то оградить себя от черных мыслей, надо было взять в руки молоток и резец и начать работать. Недавно Микеланджело приобрел блок очень неправильной, даже уродливой формы, как бы сжатый в середине, с утолщенными концами. Микеланджело не стал выравнивать камень: воспользовавшись его странными очертаниями, он хотел высечь вдавленный, как полумесяц, профиль. Начав обтесывать: его именно с выемки, на середине, он с любопытством ждал, отзовется ли мрамор, подскажет ли, что из него создать. Мрамор оставался глухим, неподатливым, молчаливым. Микеланджело требовал от грубой глыбы - хотя это и был сияющий мрамор - слишком многого: чтобы сырой материал творил произведение искусства сам по себе, помимо воли ваятеля. Однако вызов, брошенный своенравным камнем, расшевелил Микеланджело, пробудил в нем энергию.

Теперь, в восемьдесят лет, жить и работать было столь же необходимо, как и в тридцать пять, только это оказалось чуть труднее.

6

В Сеттиньяно умер Сиджизмондо, последний из братьев Микеланджело. Микеланджело пережил все свое поколение. И тут же, вслед за кончиной Сиджизмондо, подступила другая печаль: занемог Урбино, проживший у Микеланджело двадцать шесть лет. Благородный дух Урбино не оставлял его и в болезни.

- Меня огорчает не моя смерть, - говорил он. - Мне горько, что вы остаетесь один на один с этим вероломным миром.

Жена Урбино Корнелия родила второго сына в тот самый день, когда

хоронили ее мужа. Она жила в доме Микеланджело до тех пор, пока не были исполнены все предсмертные распоряжения Урбино. Микеланджело оказался опекуном и наставником двух мальчиков Урбино; когда мать увезла их, уехав в свой родительский дом, все вокруг Микеланджело сразу опустело.

Он усердно трудился, строя барабан собора Святого Петра; высекал новое "Оплакивание"; купил еще одно имение для Лионардо; послал Корнелии Урбино - о чем та просила его - два с половиной аршина легкой черной материи; подыскивал какого-нибудь бедного человека, чтобы помочь ему деньгами во имя спасения своей души. Затем Микеланджело пришлось снова прекратить работу на строительстве собора, так как испанская армия грозила вторгнуться в Рим.

Когда человеку пошел девятый десяток, думал Микеланджело, жизнь оборачивается к нему отнюдь не самой приятной стороной. Он покинул Флоренцию в шестьдесят лет и горевал тогда, что дни его уже на исходе, но любовь сделала его снова юным, и седьмой десяток пролетел как на крыльях. В то время когда ему перевалило за семьдесят, он был с головой погружен в работу, расписывая часовню Паулину, высекая "Снятие со Креста", обдумывая свои архитектурные проекты и надзирая за строительством собора: ему не хватало ни дней, ни ночей, чтобы исполнить все, что он намечал.

Но теперь, когда он вступил в восемьдесят второй год своей жизни, каждый уходящий час жалил его, как шершень. Зрение у Микеланджело было уже далеко не такое острое, как прежде, шаг не столь тверд; недуги мало-помалу подтачивали его здоровье и убавляли силы, мешая ему достроить собор Святого Петра и создать для собора величественный купол.

Жестокая боль от камней в почках заставила его однажды слечь. Доктор Коломбо с помощью неустанного Томмазо выходил Микеланджело, но, прикованный к постели в течение нескольких месяцев, он был вынужден передать рабочие чертежи одной из часовен смотрителю, человеку на стройке новому. Когда он выздоровел и с трудом взобрался на леса, то увидел, что новый смотритель не разобрался в его чертежах и допустил при работе ошибки. Микеланджело мучил и жег стыд: это была первая его неудача за десять лет строительных работ. Такой ошибкой он давал Баччио Биджио основательный повод для новых нападок. Промах был допущен столь серьезный и непростительный, что оправдаться казалось невозможным.

Микеланджело поспешил пойти к папе, но, как он ни торопился, Биджио побывал у папы раньше.

- Это правда? - спросил папа, взглянув в огорченное лицо Микеланджело.
- Придется сносить всю часовню?
- Почти всю, ваше святейшество.
- Печально. Как ты мог допустить это?
- Я был болен, святой отец.
- Понимаю. Биджио говорит, что ты уже слишком стар, чтобы отвечать за столь трудное дело.

- Такая заботливость меня трогает. Но ведь Биджио со своими помощниками старался снять с меня это тяжкое бремя еще много лет назад. И разве не смыло половодьем мост Святой Марии, который строил сам Биджио? Святой отец, вы уверены, что даже в расцвете своих сил Баччио Биджио лучше, чем я при всех моих болезнях и старости?

- В твоих способностях никто не сомневается.

Микеланджело помолчал минуту, уйдя мыслями в прошлое.

- Ваше святейшество, тридцать лет я смотрел, как хорошие архитекторы строили фундамент собора. И все же не мог дождаться, когда они возведут собор. За те десять лет, что я состою архитектором, храм поднялся и взмыл к небу, как орел. Если вы уволите меня, от всего строительства в конце концов останутся одни развалины.

У папы передернуло губы.

- Микеланджело, пока у тебя есть силы бороться, ты останешься архитектором собора Святого Петра.

В этот вечер в доме на Мачелло деи Корви собралось много народа. Поскольку Микеланджело однажды уже был чуть ли не при смерти, Томмазо, другие его давние друзья, а также кардинал Карпи, ставший теперь покровителем Микеланджело при папском дворе, начали его уговаривать, чтобы он изготовил законченную модель купола. До сих пор у Микеланджело были сделаны лишь фрагментарные рисунки.

- Если бы мы потеряли вас на прошлой неделе, - решительно говорил Томмазо, - кто бы мог догадаться, каким вы задумали строить этот купол?

- Помню, вы заметили однажды, - вмешался кардинал Карпи, - что вам хочется довести строительство собора до такой стадии, чтобы уже никто не мог изменить вашего замысла, если вы умрете.

- Я уповаю на это.

- Тогда изготовьте нам купол! - воскликнул Лоттино, начинающий художник. - Другого выхода нет.

- Вы правы! - со вздохом ответил Микеланджело. - Но я еще не совсем додумал, как мне строить этот купол. Мне еще надо искать его. А уж потом мы смастерим деревянную модель.

Гости разошлись, остался один Томмазо. Микеланджело подошел к своему письменному столу, пододвинул к нему деревянное кресло. Вормоча что-то себе под нос, он водил пером по чистому листу бумаги. У Пантеона и флорентийского Собора было, по существу, два купола - один вставлялся в другой, структурно переплетаясь так, чтобы друг друга поддерживать. У него, Микеланджело, внутренний купол будет скульптурой, а наружный - архитектурой...

Купол - это не просто покрытие храма; для этой цели может служить любая кровля. Купол - это великое произведение искусства, это совершенное слияние скульптуры и архитектуры, какое явлено в самом небе. А небесный свод, по представлению людей, самый совершенный из сводов, он простирается от горизонта к горизонту, с изумительным изяществом покрывая землю. Купол - это самая естественная из всех архитектурных форм и самая одухотворенная: он весь устремлен к тому, чтобы воспроизвести величественную форму, под гранью которой ведет свою жизнь человечество.

Купол храма - это не соперник куполу неба, а само небо в миниатюре; купол и небо - это как сын и отец. Какие-то люди говорят, что земля круглая; человеку, который, подобно Микеланджело, объехал лишь пространство между Венецией и Римом, поверить в это было трудно. В грамматической школе мастера Урбино его учили, что земля плоская и кончается там, где начинаются изогнутые края небесного свода. Однако он пылливо вглядывался в изменчивую грань горизонта, которая, как говорили, недвижна: когда он шел или ехал верхом на лошади, приближаясь к горизонту, горизонт неизменно отступал на расстояние, равное тому, на которое он к нему приближается.

То же самое и здесь, с его куполом. Купол не знает пределов, он бесконечен. Человек, ставший под купол, всегда должен чувствовать, что края купола недостижимы. Небо - совершенное творение; кто бы и где бы ни стал на земле, он всегда ощущает себя в центре, в середине земли, и купол небес простирается на равное расстояние от него во все четыре стороны. Лоренцо Великолепный, мужи Платоновской академии, гуманисты учили Микеланджело, что человек есть центр вселенной; в этом он убеждался самым непререкаемым образом, глядя вверх, в небо, и чувствуя себя тем срединным столбом, той осью, на которой держалось гигантское полотнище облаков и солнца, луны и звезд; как ни одинок, как ни сиротлив он на земле, небеса, лишившись его поддержки, сразу обрушились бы вниз. Если разрушить этот купол как форму, как идею, если убрать эту симметрично изваянную кровлю, простирающуюся над человеком, - что тогда останется от божьего мира? Лишь плоская доска, вроде той, на которой резала свои хлебы его мачеха, Несравненная, вынув их из горячей печи.

Стоит ли удивляться, если человек поместил рай на небе! Это произошло не потому, что он видел хотя бы одну душу, поднимающуюся к небу, или уловил далекий отблеск блаженных мест; это произошло потому, что самые божественно прекрасные формы сущего, какие только доступны разуму и чувствам человека, находятся, по его представлению, на небесах. Микеланджело хотел достичь того, чтобы его купол был тоже исполнен тайны, чтобы он не стал только кровлей, защищающей от зноя и дождя, грома и молнии, а явил бы собой несравненную красоту, которая укрепит в человеке веру в бога... Чтобы купол предстал ощутимой формой, которую можно будет не только видеть или осязать, но которая позовет войти в нее. Под куполом, который он построит, душа человека должна возноситься вверх, к богу, как это бывает в ту последнюю минуту, когда она сбрасывает иго плоти. Разве можно человеку стать ближе к господу, пока он пребывает на земле? Замышляя

свой громадный купол, Микеланджело хотел показать образ бога с такой же убедительностью, с какой он написал его на плафоне Сistine.

Спасение своей души отнюдь не было единственной заботой Микеланджело, когда он трудился над куполом собора Святого Петра. Эта последняя великая его работа оказалась самой тяжелой из всех, какие исполнил Микеланджело за шестьдесят восемь лет, начиная с того дня, когда Граначчи взял его под руку на улице Живописцев и привел в мастерскую на Виа деи Таволини, объявив: "Синьор Гирландайо, вот Микеланджело, о котором я вам говорил".

Его разум и пальцы действовали проворно и точно. Проработав несколько часов пером и углем, он брался, чтобы немного освежить себя, за мраморную глыбу с выемкой посередине в форме полумесяца. Он оставил свою первоначальную мысль сделать голову и колени Христа обращенными в противоположные стороны. Теперь им владело другое желание: пусть голова и колени Христа идут по одной оси, зато голова Богоматери, склоненная над плечом Христа, должна быть изваяна совсем в иной плоскости – это придаст статуе драматическую контрастность. И не выпуская из рук резца, он высекал по впадине блока простертую фигуру Иисуса, пока не стал уставать и делать промахи. Потом он снова вернулся к своему куполу.

7

Он жаждал достичь абсолютного равновесия, совершенной линии, плавных изгибов, объемности, весомости, воздушности, плотности, изящества, бесконечной пространственной глубины. Он хотел создать произведение искусства, которое переживет его и останется людям навеки.

Отложив уголь и перья, он принялся лепить из глины – ее влажность и податливость, думал он, дадут ему куда больше свободы, чем жесткая линия, прочерченная пером. Шли недели и месяцы, он лепил модель за моделью уничтожая их и делая новые. Он чувствовал, что уже стоит на пороге открытия: сначала он добился ощущения монументальности, потом достиг нужных пропорций затем величия и простоты – и все же модель пока свидетельствовала скорей о мастерстве художника, чем о возвышенном озарении.

Наконец, пришло и оно, пришло после одиннадцати лет стараний и опытов, одиннадцати лет мольбы, надежд и отчаяния, успехов и неудач. Купол был рожден. Это был плод его воображения, слитый, сотканный из всех искусств, какими он владел, сооружение неимоверно громадное и в то же время хрупкое, как птичье яйцо в гнезде; легкое, как облако, высотой почти в сто сорок четыре аршина, его тело обрело те же грушевидные очертания, какие были у грудей "Богоматери" Медичи, оно летело ввысь, словно музыка, взмывало к небу, будто совсем лишённое веса. Это был купол, не похожий ни на один другой купол в мире.

- Совершилось, – с восторгом прошептал Томмазо, взглянув на законченные рисунки. – И откуда такое только берется?

- А откуда берутся идеи, Томмазо? Себастьяно, когда он был молод, задавал мне тот же самый вопрос. Я отвечу тебе теми же словами, какими отвечал тогда ему: ведь теперь, в свои шестьдесят два года, я не мудрее, чем был в тридцать девять. Идеи – это естественная функция ума, как дыхание у легких. Может быть, идеи приходят от бога.

Чтобы построить деревянную модель, он нанял в помощь плотника, Джованни Франческо. Он изготовил модель из липы, в масштабе одной пятнадцатитысячной предполагаемой величины. Гигантский купол будет покоиться на арках и пилонах. Круглый обширный барабан будет выложен из кирпича, облицованного травертином, на внешние ребра купола пойдет тиволийский травертин, каркас барабана будет сварен из железа, колонны и антаблементы будут тоже из травертина. Восемь наклонных плоскостей вдоль нижнего пояса барабана можно использовать для подачи материалов, перевоза их к стенам купола на ослах. Разработка инженерных планов потребовала

много времени, но Микеланджело сумел с ними справиться, - к тому же Томмазо был теперь в этих делах настоящим экспертом.

Все это было проделано в мастерской на Мачелло деи Корви, в строжайшей тайне. Внутренний купол модели Микеланджело смастерил до последней мелочи сам, наружный он велел Франческо выкрасить особой краской. Фасонная резьба и украшения были слеплены из глины, смешанной с опилками и клеем. Микеланджело вызвал из Каррары Баттисту, искусного резчика по дереву, и тот изготовил статуэтки и капители, бородастые лица, апостолов.

Внезапно умер папа Павел Четвертый. В Риме вспыхнул самый буйный мятеж, какой только видел Микеланджело после смерти очередного первосвященника. Толпа свалила наземь недавно установленную статую Павла, долго волочила голову изваяния по улицам; после того как городские власти прокляли эту голову, толпа швырнула ее в Тибр. Попутно толпа взяла штурмом здание инквизиционного трибунала, выпустила оттуда арестованных и уничтожила документы, по которым инквизиторы уличали свои жертвы в ереси.

Устав от раздоров и крови, коллегия кардиналов выбрала папой шестидесятилетнего Джованни Анджело Медичи, представителя захудалой ломбардской ветви знаменитого рода. Папа Пий Четвертый был опытным юристом. Человек рассудительный, профессиональный адвокат, он доказал свое блестящее умение вести переговоры и улаживать дела, и скоро Европа стала смотреть на него как на многоопытного и честного политика. Инквизиция, совершенно чуждая характеру итальянцев, прекратила в Италии свое существование. Проведя ряд юридических конференций и заключив договоры, папа добился мира в Италии, не ссорился он и с пограничными государствами, не наступал на лютеранство. Из дипломатических соображений церковь установила внутренний мир, и это благотворно сказалось на укреплении единства среди всех католиков Европы.

Папа Пий Четвертый подтвердил права Микеланджело как архитектора собора Святого Петра и отпустил новые средства, чтобы подвести своды под барабан. Он также поручил Микеланджело разработать проект ворот для городских стен - ворота должны были называться Пиевыми.

Это было истинное единоборство со временем. Возраст Микеланджело приближался к середине девятого десятка. Если бы ему отпустили средств и рабочей силы вдоволь, он мог бы приступить к строительству барабана через два или три года. Он не в состоянии был даже приблизительно сказать, сколько бы ему потребовалось времени, чтобы завершить купол с его окнами, колоннами и резным фризом. В десять - двенадцать лет, думал Микеланджело, он, наверное, довел бы дело до конца. К тому времени ему, пожалуй, исполнится круглая сотня. Никто не доживал до этого срока, и все-таки, несмотря на приступы боли от камней в почках, несмотря на головные боли, на колики, которые расстраивали его желудок, на ломоту в спине и пояснице, на повторяющиеся приступы головокружения и слабости, когда Микеланджело должен был лежать в течение нескольких дней в постели, он, по существу, не чувствовал, чтобы силы его покидали. Он до сих пор предпринимал прогулки в Римскую Кампанию...

Глядя в зеркало, он видел, что цвет лица у него хороший. На лоб спадали пряди вьющихся черных, хотя и с густой проседью, волос, в бороде, раскинутой надвое, седины появилось еще больше. Но глаза были чистые и пронизательные.

Он должен построить этот купол. Разве его отец, Лодовико, не дожил до девяноста? Неужели он окажется слабее, чем отец, и не перекроет его век хотя бы на лишний десяток?

Ему предстояло пройти еще через одно испытание огнем. Баччио Биджио, пробравшийся на высокий пост в конторе строительных работ, подобрал документы и цифры, которые говорили, в какую сумму обошлась стройке болезнь Микеланджело: ведь вследствие этой болезни надо было заново перестраивать часовню, Биджио выжал из этих документов все, что было можно, и даже склонил на свою сторону друга Микеланджело, кардинала Карпи: тот теперь тоже считал, что строительство собора идет плохо. Биджио уже готовился занять место Микеланджело на стройке, выжидая, когда он вновь заболит и сляжет.

Микеланджело не мог теперь каждый день лазить на леса, и потому один из

способных его учеников, Пьер Луиджи Гаэта, был назначен помощником производителя работ. По вечерам Гаэта докладывал Микеланджело, что делается на стройке. В эту пору убили производителя работ, и Микеланджело предложил, чтобы его место занял Гаэта. Однако производителем стал не Гаэта, а Баччио Биджио. Гаэта же был со стройки уволен. Биджио начал перетаскивать и перемещать заготовленные ранее балки и разбирать леса, собираясь вести строительство по новому плану.

Мучительно взбираясь на леса времени, Микеланджело перешагнул восемьдесят седьмой год своей жизни. Дурные вести со стройки так его угнетали, что он уже не находил сил подняться с кровати, которая давно стояла у него прямо в мастерской.

- Вам надо непременно встать, - убеждал его Томмазо, стараясь вывести учителя из болезненного оцепенения. - Иначе Биджио уничтожит на стройке все, что вы создали.

- Тому, кто сражается с ничтожным противником, не одержать великой победы.

- Простите меня, но сейчас не время вспоминать тосканские пословицы. Сейчас надо действовать. Если вы сегодня не в силах идти на строительство сами, вы должны послать туда кого-нибудь вместо себя.

- А ты пошел бы, Томмазо?

- Но ведь всем известно, что я у вас вроде родного сына.

- Тогда я пошлю Даниеле да Вольтерру. Что касается штанов в "Страшном Суде", то он пока успешно обводит папский двор вокруг пальца. Справится он и с этими заговорщиками в строительной конторе.

Даниеле да Вольтерру на стройку даже не допустили. Баччио Биджио чувствовал себя там полным хозяином. Встретив однажды на Капитолии папу, шествовавшего со своей свитой, Микеланджело сказал ему сварливо:

- Ваше святейшество, я требую, чтобы вы убрали Биджио! Если вы не сделаете этого, я навсегда уеду во Флоренцию. Зачем вы позволяете разрушать собор?

- Спокойней, Микеланджело, спокойней, - в своей, как всегда, мягкой, сдержанной манере ответил ему Пий Четвертый. - Давай-ка зайдем во дворец Сенаторов и побеседуем там, как полагается.

Папа выслушал его очень внимательно.

- Мне придется вызвать к себе тех строителей, которые действуют против тебя. Потом я попрошу своего родственника, Габрио Сербеллони, сходить на строительство и разобраться во всех обвинениях. Завтра утром будь в Ватикане.

Микеланджело явился туда слишком рано и попал к папе не сразу. Ожидая приема, он оглядывал стены станцы делла Сеньятура, которые расписывал Рафаэль - сам он в ту пору был занят плафоном Систины. Он всмотрелся в четыре Рафаэлевые фрески: "Афинскую Школу", "Парнас", "Диспут" и "Правосудие". Раньше он не мог смотреть на работы Рафаэля без предубеждения, не мог себе этого позволить. Ему было ясно, что он никогда не стал бы лелеять и писать эти идеализированные и застывшие сцены; но, видя, с каким подлинным мастерством, с каким изысканным изяществом они исполнены, он понял, что по лиричности и романтической грациозности Рафаэль был лучшим художником из всех художников Италии. Микеланджело вышел из станцы в философско-раздумчивом настроении.

Переступив порог малого тронного зала, он увидел папу - Пий Четвертый сидел в окружении всех тех людей из строительной конторы, которые уволили Гаэту и не пожелали признать Даниеле да Вольтерру. Через несколько минут в зал вошел и Габрио Сербеллони.

- Ваше святейшество, в докладе, который написал Баччио Биджио, я не нахожу и доли истины. Доклад весь подделан, подтасован... Буонарроти хочет возвести великий собор, а в докладе одно злопыхательство - иных мотивов, кроме самолюбия и корысти, в действиях Биджио усмотреть невозможно.

Тоном судьбы, который выносит безоговорочное решение, папа Пий сказал:

- Отныне Баччио Биджио от работы на строительстве собора Святого Петра отстраняется. Планы Микеланджело Буонарроти остаются на будущее в полной силе, изменять их в каких-либо деталях я запрещаю.

Пока собор с его гигантским фасадом, колоннами и сводами постепенно приобретал все более ясные очертания и вздымался все выше, Микеланджело целыми днями сидел в своей мастерской, завершая проект Пиевых ворот и обдумывая, как превратить по просьбе папы часть разрушенной громады терм Диоклетиана в чудесную церковь Санта Мария дельи Анджели.

Работу над своим мрамором, по очертанию напоминавшим полумесяц, он оставил уже несколько лет назад. Как-то в полдень, когда он лежал на боку, отдыхая в своей кровати, его осенила мысль, что для завершенности блока ему надо добиваться не просто новых форм фигур, а новой формы всей скульптуры.

Он поднялся с постели, взял в руки свой самый тяжелый молоток и резец и отсек голову Христа, изваяв новую голову и лицо из того выступа блока, который раньше был плечом Богородицы. Затем от отсек у Христа правую руку, перерубив ее чуть выше локтя - кисть и предплечье, погруженное в толщу камня, как бы составляли теперь часть постамента. Ту боковую грань блока, которая была прежде левым плечом и ключицей Иисуса, Микеланджело превратил в левую руку Богоматери. Великолепные длинные ноги Христа изменили теперь все пропорции фигуры: на них приходилось три пятых длины тела. Усекновение придало статуе новый эмоциональный эффект: в ней появились свет, прозрачность, юная грация. Теперь Микеланджело был почти доволен. Он чувствовал, что, прибегая к искажениям вытянутой, удлинненной фигуры, он говорит некую правду о человеке: сердце может устать, утомиться, но человечность, шагая на своих вечно юных ногах, будет шествовать по лику земли все дальше и дальше.

- Если бы у меня было в запасе еще десять лет" пусть даже пять, - сказал Микеланджело изваянию, - я создал бы совершенно новую по духу скульптуру.

Вдруг его накрыла темнота. Через несколько минут он пришел в сознание, но мысли у него путались. Он снова взял в руки резец, уставился взглядом в прозрачного, будто светящегося Христа. Он уже не мог сосредоточить внимание, не знал, куда направить острие резца. Он не мог, как ни старался вспомнить, что именно он делал с мрамором за минуту до этого. Что-то случилось - он знал это, - но как это было? И что было прежде? Может быть, он задремал на секунду? Может, еще не проснулся? Тогда почему он чувствует такую онемелость и слабость в левой руке и ноге? Почему у него такое ощущение, будто мышцы на одной щеке обвисли?

Он кликнул служанку. Когда он стал говорить ей, чтобы она вызвала Томмазо, он заметил, что слова у него звучат неразборчиво, слитно. Старая женщина, смотрела на него, широко открыв глаза.

- Мессере, вы здоровы?

Она помогла ему лечь в постель, затем накинула на себя шаль и вышла на улицу. Томмазо явился со своим домашним доктором. По выражению их лиц Микеланджело видел, что произошло нечто серьезное, хотя они уверяли его, что он лишь сильно переутомился. Доктор Донати дал Микеланджело какое-то горячее питье, размешав в нем отвратительное на вкус лекарство.

- Отдых исцеляет все, - сказал доктор.

- За исключением старости.

- Я слышу о вашей старости уже так давно, что не хочу об этом и говорить, - отозвался Томмазо, подкладывая под голову Микеланджело еще одну подушку. - Я посижу здесь, пока вы не заснете.

Он проснулся и увидел, что за окном глубокая ночь. Он осторожно приподнялся. Боль в голове затихла, глаза видели очень ясно, - надо было пойти взглянуть, что еще требовалось сделать с этим выгнутым в форме полумесяца блоком, с "Оплакиванием". Он встал с постели, прикрепил к бумажному картузу свечу из козьего сала, подошел к изваянию. Путаница в мыслях прошла, думалось очень отчетливо. Как хорошо прикоснуться кончиками пальцев к мрамору! Он шурился, защищая глаза от летящей крошки, и размахистым "Пошел!" начинал одну очередь ударов за другой, обтачивал правый бок и плечо Иисуса. Каллиграфические штрихи его резца трепетали на

мраморном торсе, тая в пространстве.

На рассвете Томмазо бесшумно отворил парадную дверь и не мог удержаться от смеха.

- Ну, вы, надо сказать, и мошенник! Это же чистый обман! Я ушел от вас в полночь, вы спали так, что я думал, проспите неделю. Прошло несколько часов, я прихожу и вижу - тут снегопад, белая вьюга!

- Чудесно пахнет мрамор, не правда ли, Томао? Когда в моих ноздрях запекаются эти лепешки белой пыли, я легче дышу.

- Доктор Донати говорит, что вам надо отдыхать.

- Отдохну на том свете, саго. Рай уже переполнен скульптурой. Там мне ничего не останется, как только отдыхать.

Он работал весь день, поужинал вместе с Томмазо, потом сам улегся в постель, спал несколько часов, затем снова поднялся, укрепил еще одну свечу на своем картузе и начал полировать статую. Сначала он пустил в ход пемзу и серу, потом солому, придавая длинным ногам Иисуса гладкость атласа.

Он уже и забыл, что лишь сутки назад он терял сознание.

Спустя два дня, когда он стоял перед мрамором, замышляя отрубить еще одну руку с кистью, чтобы явственнее высвободилось удлинненное тело Христа, его поразил новый удар. Он уронил молоток и резец, побрел, спотыкаясь, к кровати и упал на колени - повернутая набок голова его бессильно уткнулась в одеяло.

Когда он очнулся, комната была полна людей: тут собрались Томмазо, доктор Донати и доктор Фиделиссими, Гаэта, Даниеле да Вольтерра, друзья-флорентинцы. Перед глазами у него плыла отъятая по плечо рука изваяния - она трепетала, пульсировала каждой своей жилкой. С внутренней стороны руки, у локтя, виднелась вена, совершенно живая, набухшая кровью. Рука висела в воздухе, но была неистребимой, явственной. Он не мог уничтожить ее, как никто не мог уничтожить "Лаокоона", на столетия погребенного в земле, попираемого ногами. Вглядываясь в свою собственную вену на руке, с внутренней стороны, у локтя, он видел, какая она плоская, увядшая, ссохшаяся. Он подумал:

"Человек проходит. Лишь произведения искусства бессмертны".

Он настоял на том, чтобы ему разрешили посидеть в кресле у горящего камина. Однажды, когда его оставили одного, он накинул на себя верхнюю одежду, вышел на улицу и под дождем пошел в направлении собора Святого Петра. Одни из его новых учеников, Калканьи, встретившись с ним, спросил:

- Маэстро, разве можно вам выходить в такую погоду?

Он дал Калканьи отвести себя домой, но на следующий день, в четыре часа, опять оделся и хотел ехать верхом на лошади. Однако ноги у него к тому времени так ослабели, что взобраться в седло он уже не сумел.

Римляне шли к нему проститься. Те, кто не мог попасть в дом, клали цветы и подарки у порога. Доктор Донати старался удержать Микеланджело в постели:

- Не спешите спровадить меня на тот свет, - говорил Микеланджело доктору. - Мой отец прожил ровно девяносто и успел отпраздновать день рождения. Значит, у меня есть еще две недели впереди - ведь образ жизни, который я веду, очень полезен для здоровья.

- Раз вы такой бесстрашный, - вмешался Томмазо, - то как вы посмотрите на утреннюю прогулку в карете? Барабан уже выстроен. В честь торжества по поводу вашего девяностолетия решено выложить первое кольцо купола.

- Слава всевышнему! Теперь уже никому не удастся исказить мой замысел. А все же, как ни прикинь, печально, что приходится умирать. Теперь я начал бы все снова - я создал бы формы и фигуры, о которых раньше и не мечтал. - Глаза его, испещренные янтарными крапинками, смотрели твердо. - Больше всего я люблю работать по белому мрамору.

- Кажется, вы удовлетворили свою страсть.

В эту ночь, лежа без сна в своей кровати, он думал:

"Жизнь была хороша. Господь бог создал меня не для того, чтобы покинуть. Я любил мрамор, очень любил, и живопись тоже. Я любил архитектуру и любил поэзию. Я любил свое семейство и своих друзей. Я любил бога, любил формы всего сущего на земле и на небе, любил и людей. Я любил жизнь во всей ее полноте, а теперь я люблю смерть как естественный исход и завершение жизни. Великолепный был бы доволен: если посмотреть на мою

жизнь, то силы разрушения тут не победили сил созидания".

На него огромной волной нахлынула темень. Прежде чем он потерял сознание, он сказал себе: "Я должен повидать Томмазо. Есть дела, о которых надо позаботиться".

Когда он открыл глаза, Томмазо сидел у него на краю кровати. Томмазо подсунул руку и приподнял Микеланджело, прижав его голову к своей груди.

- Томао...

- Я здесь, саго.

- Я хочу, чтобы меня похоронили в Санта Кроче, вместе с нашим семейством.

- Папа намерен похоронить вас в вашем собственном храме, храме Святого Петра.

- Это... это не моя родина. Поклянись, что ты отвезешь меня во Флоренцию...

- Папа не позволит этого, но флорентийские купцы могут тайком вывезти вас через Народные ворота с караваном товаров...

- Пусть так и будет, Томао. - Силы его быстро падали. - Я предаю свою душу в руки господина... тело земле, а достояние - своему семейству... Буонарроти...

- Все будет сделано по вашей воле. Я завершу работу на Кампидольо в точности так, как вы задумали. Будут стоять в Риме и собор Святого Петра и Капитолий. Во все века Рим будут считать не только городом Цезаря или Константина, но и городом Микеланджело.

- Спасибо тебе, Томмазо... Я очень устал...

Томмазо поцеловал Микеланджело в лоб и, рыдая, вышел.

Спустились сумерки. Оставшись один, Микеланджело стал перебирать в уме образы всех прекрасных работ, какие он создал. Он видел их, одну за другой, так ясно, как будто бы только что завершил их, - изваяния, росписи и архитектурные сооружения сменяли друг друга с той же поспешностью, с какой шли годы его жизни:

"Богоматерь у Лестницы" и "Битва кентавров", которых он высекал для Бертольдо и Великолепного, - платоновский кружок тогда смеялся над ним, потому что работа его казалась ученым "чисто греческой"; "Святой Прокл" и "Святой Петроний", изваянные в Болонье для Альдовранди; деревянное распятие для настоятеля Бикьеллини; "Спящий Купидон", которым он хотел одурачить торговца в Риме; "Вах", которого он изваял в саду Якопо Галли; "Оплакивание", исполненное по заказу кардинала Сен Дени - для храма Святого Петра; гигант "Давид", созданный для гонфалоньера Содерини во Флоренции; "Святое Семейство", которое выпросил у него Аньоло Дони; картон для картины Битва при Кашине, прозванный "Купальщиками", - он был написан из чувства соперничества с Леонардо да Винчи; "Богоматерь с Младенцем", изваянная по заказу купцов из Брюгге в первой его собственной мастерской; злосчастная бронзовая статуя - портрет папы Юлия Второго; "Книга Бытия", написанная для Юлия Второго на плафоне Систины; фреска "Страшного Суда", исполненная по желанию папы Павла Третьего для того, чтобы закончить украшение капеллы; "Моисей" для гробницы Юлия; четыре незавершенных "Гиганта", оставшихся во Флоренции, "Утро" и "Вечер", "Ночь" и "День" в часовне Медичи; "Обращение Павла" и "Распятие Петра" в часовне Паулине; Капитолий, Пиевы ворота, три статуи "Оплакивания", высеченные ради собственного удовольствия... и вереница образов вдруг остановилась и замерла: мысленным взором Микеланджело видел теперь только собор Святого Петра.

Собор Святого Петра... Он вошел в этот храм через главный его портал, шагнул на яркий, по-римскому густой солнечный свет, сиявший в широком нефе собора, остановился под самой серединой купола, у гробницы Святого Петра. Он чувствовал, как душа покидает его тело, взмывая все выше и выше, к самому куполу, сливаясь с ним - сливаясь с пространством, с временем, с небом, с богом.